М 48/109
Т. 2 1872

М 48/109
Т. 2 1872

ПАМЯТНИКИ

НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПАМЯТНИКИ

НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

М 48/109

801-95
4625-3

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

издаваемый

В. Кашпиревымъ.

ТОМЪ II.

Составленъ при содѣйствіи и участіи А. П. Барсукова, В. П. Б. (Петербургскаго старожила), В. И. Веселовскаго, Е. Е. Замысловскаго, Д. А. Кропотова, В. И. Ламанскаго, М. Л., П. Н. Петрова, Г. Ригана, графа И. И. Чернышева-Кругликова и С. В. Шолковича.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

С.-Петербургъ.

№ 105. Типографія Майкова, въ домѣ Министер. Финанс., на Дворц. площ.

1872.

М 48/109

801-95
4625-3

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

издаваемый

В. Кашпиревымъ.

ТОМЪ II.

Составленъ при содѣйствіи и участіи А. П. Барсукова, В. П. Б. (Петербургскаго старожила), В. И. Веселовскаго, Е. Е. Замысловскаго, Д. А. Кропотова, В. И. Ламанскаго, М. Л., П. Н. Петрова, Г. Ригана, графа И. И. Чернышева-Кругликова и С. В. Шолковича.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

С.-Петербургъ.

№ 105. Типографія Майкова, въ домѣ Министер. Финанс., на Дворц. площ.

1872.

2007053574

2007053574

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

Стр.

Шкловскіе авантюристы (1778—1783 гг.), А. П. Барсукова 1

Изъ воспоминаній Петербургскаго старожила: I. Аракчеевъ и Крестовская карусель.—II. Четверги у П. И. Греча, В. Б. 33

О тайныхъ обществахъ въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края при князѣ А. А. Чарторыйскомъ, С. В. Шолковича . . . 103

Смерть графа Каподистріи, Г. Ригана 178

Отдѣлъ второй.

Письмо святителя Димитрія Ростовскаго, сообщ. В. И. Веселовскимъ 1

Нѣсколько неизвѣстныхъ указовъ и писемъ императора Петра III . 3

Рескрипты и письма императрицы Екатерины II къ графу З. Г. Чернышеву, сообщ. графомъ И. И. Чернышевымъ-Кругликовымъ и Е. Е. Замысловскимъ 24

Для исторіи русскихъ тайныхъ сектъ въ концѣ XVIII вѣка 29

О пребываніи великой княгини Александры Павловны въ Вѣнгріи (1799—1801 гг.) записка протоіерея А. А. Самборскаго, съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго 47

Записки И. И. Мартынова: I. Автобіографія.—II. Наводненіе 7-го ноября 1824 года или письма въ Иркутскъ.—III. Поѣздка въ Царское Село и въ Павловскъ 27-го іюня 1829 года 68

Нѣсколько писемъ графа О. В. Растопчина къ графу П. А. Толстому 183

Былъ ли взятъ Севастополь? (Изъ письма Севастопольца), сообщ. Д. А. К. 188

Изъ переписки А. П. Волынскаго, съ замѣткою М. Л. 195

Волненія на Яикѣ передъ Пугачевскимъ бунтомъ 250

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

	Стр.
Шкловскіе авантюристы (1778—1783 гг.), А. П. Барсукова	1
Изъ воспоминаній Петербургскаго старожила: I. Аракчеевъ и Крестовская карусель.—II. Четверги у П. И. Греча, В. Б.	33
О тайныхъ обществахъ въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края при князѣ А. А. Чарторыйскомъ, С. В. Шолковича . . .	103
Смерть графа Каподистріи, Г. Ригана	178

Отдѣлъ второй.

Письмо святителя Димитрія Ростовскаго, сообщ. В. И. Веселовскимъ	1
Нѣсколько неизвѣстныхъ указовъ и писемъ императора Петра III .	3
Рескрипты и письма императрицы Екатерины II къ графу З. Г. Чернышеву, сообщ. графомъ И. И. Чернышевымъ-Кругликовымъ и Е. Е. Замысловскимъ	24
Для исторіи русскихъ тайныхъ сектъ въ концѣ XVIII вѣка	29
О пребываніи великой княгини Александры Павловны въ Вѣнгріи (1799—1801 гг.) записка протоіерея А. А. Самборскаго, съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго	47
Записки И. И. Мартынова: I. Автобіографія.—II. Наводненіе 7-го ноября 1824 года или письма въ Иркутскъ.—III. Поѣздка въ Царское Село и въ Павловскъ 27-го іюня 1829 года	68
Нѣсколько писемъ графа О. В. Растопчина къ графу П. А. Толстому	183
Былъ ли взятъ Севастополь? (Изъ письма Севастопольца), сообщ. Д. А. К.	188
Изъ переписки А. П. Волынскаго, съ замѣткою М. Л.	195
Волненія на Яикѣ передъ Пугачевскимъ бунтомъ	250

Стр.
Матеріалы для исторіи паденія Запорожской Сѣчи: I. Примѣчанія о Запорожцахъ. — II. Запорожскій старшина Высоцкій 295
Указъ изъ временъ регентства Бирона 311
Дополненія къ статьѣ: «Аракчеевъ и Крестовская карусель», В. Б. . 313
Дополненія къ первому тому: I. По дѣлу о Шубинѣ.—II. По дѣлу о князьяхъ Долгорукихъ. Сообщ. П. Н. Петровымъ 318
Указатель личныхъ именъ 321

ПОПРАВКА.

Во второмъ отдѣлѣ II-го тома, стр. 80, строка 15-я снизу, напечатано: «архимандритъ Анастасій, бывшій потомъ *архимандритомъ*»; должно быть: «бывшій потомъ архіепископомъ».

Стр.
Матеріалы для исторіи паденія Запорожской Сѣчи: I. Примѣчанія о Запорожцахъ. — II. Запорожскій старшина Высоцкій 295
Указъ изъ временъ регентства Бирона 311
Дополненія къ статьѣ: «Аракчеевъ и Крестовская карусель», В. Б. . 313
Дополненія къ первому тому: I. По дѣлу о Шубинѣ.—II. По дѣлу о князьяхъ Долгорукихъ. Сообщ. П. Н. Петровымъ 318
Указатель личныхъ именъ 321

ПОПРАВКА.

Во второмъ отдѣлѣ II-го тома, стр. 80, строка 15-я снизу, напечатано: «архимандритъ Анастасій, бывшій потомъ *архимандритомъ*»; должно быть: «бывшій потомъ архіепископомъ».

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ШКЛОВСКІЕ АВАНТЮРИСТЫ.

(1778—1783 гг.)

...Проѣхали славное мѣстечко Шкловъ, но онаго осмотрѣть не могли, а только слышали, что зрѣніемъ таковыхъ жителей оскорбились бы и взоръ, и духъ нашъ...

(*Платонъ*, митрополитъ Московскій. Путешествіе въ Кіевъ въ 1804 году).

Въ 1778 году генералъ-адъютантъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ былъ удаленъ отъ двора и поселился въ своемъ имѣніи Шкловѣ, мѣстечкѣ Могилевской губерніи. Съ тѣхъ поръ цѣлый маленькій дворъ образовался около Шкловскаго помѣщика, и вскорѣ молва о веселой жизни въ Шкловѣ разнеслась чуть ли не по всей Россіи. Но пять лѣтъ спустя, тамъ случилось происшествіе, которое остановило потокъ этихъ увеселеній и отчасти наложило недобрую славу на имя самаго владѣльца Шклова. Это-то происшествіе, въ которомъ много характеристическихъ чертъ для картины нравовъ Екатерининскаго вѣка, мы и намѣрены разсказать здѣсь [1]). Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Зоричѣ.

Сербскій уроженецъ, Семенъ Гавриловичъ Зоричъ еще простымъ крестьянскимъ мальчикомъ былъ взятъ въ плѣнъ Турками въ одно изъ многочисленныхъ возстаній его родичей противъ безуправныхъ

[1]) Въ нашихъ рукахъ находится извлеченіе изъ дѣла тайной экспедиціи «о заключеніи въ Нейшлотскую крѣпость на пять лѣтъ, иностранцевъ Анибала и Марка Заповичей, перваго за ввозъ въ противность законовъ потаенно изъ-за границы фальшивыхъ ассигнацій, а послѣдняго за недонесеніе о томъ». Прочіе наши источники указаны въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ.

ШКЛОВСКІЕ АВАНТЮРИСТЫ.

(1778—1783 гг.)

...Проѣхали славное мѣстечко Шкловъ, но онаго осмотрѣть не могли, а только слышали, что зрѣніемъ таковыхъ жителей оскорбились бы и взоръ, и духъ нашъ...

(*Платонъ*, митрополитъ Московскій. Путешествіе въ Кіевъ въ 1804 году).

Въ 1778 году генералъ-адъютантъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ былъ удаленъ отъ двора и поселился въ своемъ имѣніи Шкловѣ, мѣстечкѣ Могилевской губерніи. Съ тѣхъ поръ цѣлый маленькій дворъ образовался около Шкловскаго помѣщика, и вскорѣ молва о веселой жизни въ Шкловѣ разнеслась чуть ли не по всей Россіи. Но пять лѣтъ спустя, тамъ случилось происшествіе, которое остановило потокъ этихъ увеселеній и отчасти наложило недобрую славу на имя самаго владѣльца Шклова. Это-то происшествіе, въ которомъ много характеристическихъ чертъ для картины нравовъ Екатерининскаго вѣка, мы и намѣрены разсказать здѣсь [1]). Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Зоричѣ.

Сербскій уроженецъ, Семенъ Гавриловичъ Зоричъ еще простымъ крестьянскимъ мальчикомъ былъ взятъ въ плѣнъ Турками въ одно изъ многочисленныхъ возстаній его родичей противъ безуправныхъ

[1]) Въ нашихъ рукахъ находится извлеченіе изъ дѣла тайной экспедиціи «о заключеніи въ Нейшлотскую крѣпость на пять лѣтъ, иностранцевъ Анибала и Марка Заповичей, перваго за ввозъ въ противность законовъ потаенно изъ-за границы фальшивыхъ ассигнацій, а послѣдняго за недонесеніе о томъ». Прочіе наши источники указаны въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ.

пашей. Брошенный съ другими плѣнниками въ тюрьму, онъ распилилъ свои окны и на греческомъ суднѣ бѣжалъ въ Россію. Статный юноша явился въ Азовъ къ генералу князю Голицыну и сейчасъ же былъ опредѣленъ на службу, въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ [1]). Въ апрѣлѣ 1770 года, во время первой Турецкой войны, Зорничъ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2000 человѣкъ кавалеріи и 700 человѣкъ пѣхоты, при семи пушкахъ, заставилъ двѣнадцатитысячный турецкій отрядъ переправиться назадъ за Прутъ и за этотъ подвигъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Дослужившись до чина маіора, Зорничъ отправился въ Петербургъ поискать себѣ какого-нибудь выгоднаго назначенія. Это случилось, вѣроятно, около того времени, когда дворъ вернулся изъ Москвы, послѣ торжественнаго празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и привезъ съ собою оттуда новаго кандидата на придворные успѣхи — Петра Васильевича Завадовскаго [2]). Враги Потемкина, Орловы и Панины, торжествовали. Они предлагали императрицѣ удалить Потемкина и замѣнить его Завадовскимъ. Екатерина держала себя съ большою осторожностію: Завадовскій явился въ открытой милости только тогда, когда самъ Потемкинъ нашелъ нужнымъ уединиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ [3]). Это было въ апрѣлѣ 1776 года. Отдалившись отъ двора, Потемкинъ вовсе не имѣлъ въ виду отказаться отъ пріобрѣтеннаго имъ могущества и устранить себя отъ вліянія на дѣла. Завадовскій могъ бы еще дольше наслаждаться своими успѣхами, еслибъ умѣлъ скрыть свою приверженность къ Орловымъ. Потемкину приходилось ужь опасаться его, какъ орудія своихъ враговъ, а потому онъ сталъ искать человѣка, которымъ могъ бы замѣнить его при дворѣ. Именно въ это время Зорничъ представился Потемкину и просилъ его о покровительствѣ. На взглядъ Потемкина Зорничъ имѣлъ тѣ самыя качества, которыя были нужны для задуманнаго имъ предпріятія. Онъ оставилъ его при себѣ адъютантомъ, произвелъ въ подполковники и вслѣдъ затѣмъ представилъ ко двору. Въ автобіографіи С. П. Румянцова, подъ 1777 годомъ, мы уже читаемъ: „Возвратясь въ Петербургъ, мы нашли Завадовскаго, те-

---

[1]) Такъ разсказываетъ Ламартинъ (Histoire de la Russie, Paris, 1855, p. 202). Въ книгѣ «La cour de Russie», стр. 304 и 305, Зорничъ названъ венгерскимъ офицеромъ, состоящимъ въ русской службѣ.

[2]) П. В. Завадовскій (1739—1812 гг.) былъ въ послѣдствіи первымъ министромъ народнаго просвѣщенія (1802—1810 г.).

[3]) Записки Державина, стр. 112.

пашей. Брошенный съ другими плѣнниками въ тюрьму, онъ распилилъ свои окны и на греческомъ суднѣ бѣжалъ въ Россію. Статный юноша явился въ Азовъ къ генералу князю Голицыну и сейчасъ же былъ опредѣленъ на службу, въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ [1]). Въ апрѣлѣ 1770 года, во время первой Турецкой войны, Зорничъ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2000 человѣкъ кавалеріи и 700 человѣкъ пѣхоты, при семи пушкахъ, заставилъ двѣнадцатитысячный турецкій отрядъ переправиться назадъ за Прутъ и за этотъ подвигъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Дослужившись до чина маіора, Зорничъ отправился въ Петербургъ поискать себѣ какого-нибудь выгоднаго назначенія. Это случилось, вѣроятно, около того времени, когда дворъ вернулся изъ Москвы, послѣ торжественнаго празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и привезъ съ собою оттуда новаго кандидата на придворные успѣхи — Петра Васильевича Завадовскаго [2]). Враги Потемкина, Орловы и Панины, торжествовали. Они предлагали императрицѣ удалить Потемкина и замѣнить его Завадовскимъ. Екатерина держала себя съ большою осторожностію: Завадовскій явился въ открытой милости только тогда, когда самъ Потемкинъ нашелъ нужнымъ уединиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ [3]). Это было въ апрѣлѣ 1776 года. Отдалившись отъ двора, Потемкинъ вовсе не имѣлъ въ виду отказаться отъ пріобрѣтеннаго имъ могущества и устранить себя отъ вліянія на дѣла. Завадовскій могъ бы еще дольше наслаждаться своими успѣхами, еслибъ умѣлъ скрыть свою приверженность къ Орловымъ. Потемкину приходилось ужь опасаться его, какъ орудія своихъ враговъ, а потому онъ сталъ искать человѣка, которымъ могъ бы замѣнить его при дворѣ. Именно въ это время Зорничъ представился Потемкину и просилъ его о покровительствѣ. На взглядъ Потемкина Зорничъ имѣлъ тѣ самыя качества, которыя были нужны для задуманнаго имъ предпріятія. Онъ оставилъ его при себѣ адъютантомъ, произвелъ въ подполковники и вслѣдъ затѣмъ представилъ ко двору. Въ автобіографіи С. П. Румянцова, подъ 1777 годомъ, мы уже читаемъ: „Возвратясь въ Петербургъ, мы нашли Завадовскаго, те-

---

[1]) Такъ разсказываетъ Ламартинъ (Histoire de la Russie, Paris, 1855, p. 202). Въ книгѣ «La cour de Russie», стр. 304 и 305, Зорничъ названъ венгерскимъ офицеромъ, состоящимъ въ русской службѣ.

[2]) П. В. Завадовскій (1739—1812 гг.) былъ въ послѣдствіи первымъ министромъ народнаго просвѣщенія (1802—1810 г.).

[3]) Записки Державина, стр. 112.

ряющаго фаверъ, и безъ того недолговременный. Зоричъ заступалъ его мѣсто".

8-го іюня 1777 года Завадовскій уѣхалъ въ Малороссію, а Зоричъ былъ произведенъ въ полковники и пожалованъ въ флигель-адъютанты. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-казачьяго эскадрона и корнетомъ кавалергардскаго корпуса.

Успѣхъ Зорича продолжался всего 11 мѣсяцевъ. Ни одинъ изъ любимцевъ того времени не получилъ въ такой короткій срокъ такъ много монаршихъ милостей, какъ Зоричъ. Изъ депеши англійскаго посланника Оакса (Oakes), отъ 26-го сентября 1777 г., мы узнаемъ, что Зоричу была пожалована земля въ Лифляндіи [1]), которая стоила 200,000 руб., и весь доходъ съ нея за десять послѣднихъ лѣтъ, что̀ составило сумму въ 80,000 руб. Въ слѣдъ за тѣмъ Зоричу былъ подаренъ великолѣпный домъ около дворца [2]). По свидѣтельству Гельбига, онъ получилъ болѣе пяти разъ по 5,000 руб., сверхъ 20,000 руб., выданныхъ ему на первое обзаведеніе, и 240,000 р. на уплату долговъ, а между тѣмъ жалованье шло своимъ порядкомъ. Въ послѣдствіи ему было пожаловано мѣстечко Шкловъ, купленное императрицей у князя Адама Чарторыйскаго за 450,000 руб. Но этимъ не ограничивались богатства Зорича: подаренные ему въ разное время брилліанты оцѣнивались болѣе чѣмъ въ 200,000 рублей. 22-го сентября, въ день коронаціи, Зоричъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (помимо чина бригадира) и въ генералъ-адъютанты. Въ этотъ же день онъ получилъ еще брилліантовыя вещи: звѣзду, аксельбанты, саблю, плюмажъ, башмачныя пряжки, перстень и запонку [3]).

При крайне ограниченномъ образованіи, Зоричъ былъ остроуменъ, неистощимо веселъ и добродушенъ. За то, съ другой стороны, трудно было опредѣлить границы его тщеславію, легкомыслію и расточительности. Но эти недостатки искупались по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ никогда не отказывался помочь ближнему и свое вліяніе при дворѣ употреблялъ на добрыя дѣла и на

---

[1]) Это тѣ самыя Сесвегенскія мызы, которыя Екатерина купила въ 1777 г. у наслѣдниковъ генерала-фельдмаршала Бутурлина. См. «Осмнадц. Вѣкъ», IV, стр. 37.

[2]) «La cour de Russie», стр. 307.

[3]) Графъ П. А. Румянцовъ поздравлялъ Зорича съ этими наградами въ очень почтительномъ письмѣ, которое напечатано въ Архивѣ военно-походн. канцеляріи гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго, въ Чт. Общ. Ист. и Древ. Р., 1865, кн. I, ч. III, стр. 261.

ряющаго фаверъ, и безъ того недолговременный. Зоричъ заступалъ его мѣсто".

8-го іюня 1777 года Завадовскій уѣхалъ въ Малороссію, а Зоричъ былъ произведенъ въ полковники и пожалованъ въ флигель-адъютанты. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-казачьяго эскадрона и корнетомъ кавалергардскаго корпуса.

Успѣхъ Зорича продолжался всего 11 мѣсяцевъ. Ни одинъ изъ любимцевъ того времени не получилъ въ такой короткій срокъ такъ много монаршихъ милостей, какъ Зоричъ. Изъ депеши англійскаго посланника Оакса (Oakes), отъ 26-го сентября 1777 г., мы узнаемъ, что Зоричу была пожалована земля въ Лифляндіи [1]), которая стоила 200,000 руб., и весь доходъ съ нея за десять послѣднихъ лѣтъ, что̀ составило сумму въ 80,000 руб. Въ слѣдъ за тѣмъ Зоричу былъ подаренъ великолѣпный домъ около дворца [2]). По свидѣтельству Гельбига, онъ получилъ болѣе пяти разъ по 5,000 руб., сверхъ 20,000 руб., выданныхъ ему на первое обзаведеніе, и 240,000 р. на уплату долговъ, а между тѣмъ жалованье шло своимъ порядкомъ. Въ послѣдствіи ему было пожаловано мѣстечко Шкловъ, купленное императрицей у князя Адама Чарторыйскаго за 450,000 руб. Но этимъ не ограничивались богатства Зорича: подаренные ему въ разное время брилліанты оцѣнивались болѣе чѣмъ въ 200,000 рублей. 22-го сентября, въ день коронаціи, Зоричъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (помимо чина бригадира) и въ генералъ-адъютанты. Въ этотъ же день онъ получилъ еще брилліантовыя вещи: звѣзду, аксельбанты, саблю, плюмажъ, башмачныя пряжки, перстень и запонку [3]).

При крайне ограниченномъ образованіи, Зоричъ былъ остроуменъ, неистощимо веселъ и добродушенъ. За то, съ другой стороны, трудно было опредѣлить границы его тщеславію, легкомыслію и расточительности. Но эти недостатки искупались по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ никогда не отказывался помочь ближнему и свое вліяніе при дворѣ употреблялъ на добрыя дѣла и на

---

[1]) Это тѣ самыя Сесвегенскія мызы, которыя Екатерина купила въ 1777 г. у наслѣдниковъ генерала-фельдмаршала Бутурлина. См. «Осмнадц. Вѣкъ», IV, стр. 37.

[2]) «La cour de Russie», стр. 307.

[3]) Графъ П. А. Румянцовъ поздравлялъ Зорича съ этими наградами въ очень почтительномъ письмѣ, которое напечатано въ Архивѣ военно-походн. канцеляріи гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго, въ Чт. Общ. Ист. и Древ. Р., 1865, кн. I, ч. III, стр. 261.

услуги такимъ людямъ, которыхъ считалъ обиженными [1]). „Благодѣянія ваши стали уже извѣстны и въ семъ мѣстѣ...“ Такъ начинается одно письмо къ Зоричу изъ Малороссіи отъ гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго (10-го сентября 1777 г.). Въ другомъ письмѣ отъ него же опять сказано: „Вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ...“

Но безпечный и добродушный Зоричъ не могъ устоять „на скользкихъ паркетахъ придворныхъ“. Онъ, конечно, не понималъ, что понадобился Потемкину только для того, чтобы вытѣснить собою Завадовскаго. Потемкинъ считалъ Зорича слишкомъ ничтожнымъ и безвреднымъ для себя и по уму, и по связямъ. Онъ совершенно безразлично смотрѣлъ на придворные успѣхи Зорича, но только до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ въ немъ желанія играть самостоятельную роль. Тутъ онъ поспѣшилъ остановить его. По свидѣтельству Гельбига, Потемкинъ выставлялъ на видъ императрицѣ необразованность Зорича и предлагалъ ей выбрать другого, болѣе достойнаго адъютанта. Вслѣдствіе ли этого объясненія, или по другимъ какимъ причинамъ, однажды императрица обошлась съ Зоричемъ довольно холодно. Это было въ Царскомъ Селѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1778 года. Зоричъ отнесъ это охлажденіе къ интригамъ Потемкина и тотчасъ же по удаленіи императрицы началъ бранить князя самыми грубыми словами, и наконецъ, вызвалъ его на дуель. Потемкинъ отказался отъ вызова. Зоричъ отправился къ императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и съ отчаяніемъ объявилъ, что онъ равнодушенъ ко всему, кромѣ ея милостей и расположенія. Это произвело впечатлѣніе на Екатерину. Зоричъ въ продолженіе двухъ дней казался опять въ милости, а Потемкинъ, обиженный дурнымъ пріемомъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Императрица, не любившая подобныхъ размолвокъ, отправила Зорича звать Потемкина къ ужину. Они ужинали вмѣстѣ и казались друзьями, но на самомъ дѣлѣ участь Зорича была уже рѣшена. Гордый князь не прощалъ дерзостей. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ описаннаго случая, въ одинъ іюньскій вечеръ, какъ разсказываетъ Гельбигъ, Зоричъ получилъ приказъ немедленно оставить дворъ. Зоричъ опрометью бросился къ покоямъ императрицы, но его не пу-

---

[1]) Изъ депеши англійскаго посланника Гарриса, отъ 13-го февраля 1778 года. La cour de Russie, стр. 308.

услуги такимъ людямъ, которыхъ считалъ обиженными [1]). „Благодѣянія ваши стали уже извѣстны и въ семъ мѣстѣ...“ Такъ начинается одно письмо къ Зоричу изъ Малороссіи отъ гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго (10-го сентября 1777 г.). Въ другомъ письмѣ отъ него же опять сказано: „Вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ...“

Но безпечный и добродушный Зоричъ не могъ устоять „на скользкихъ паркетахъ придворныхъ“. Онъ, конечно, не понималъ, что понадобился Потемкину только для того, чтобы вытѣснить собою Завадовскаго. Потемкинъ считалъ Зорича слишкомъ ничтожнымъ и безвреднымъ для себя и по уму, и по связямъ. Онъ совершенно безразлично смотрѣлъ на придворные успѣхи Зорича, но только до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ въ немъ желанія играть самостоятельную роль. Тутъ онъ поспѣшилъ остановить его. По свидѣтельству Гельбига, Потемкинъ выставлялъ на видъ императрицѣ необразованность Зорича и предлагалъ ей выбрать другого, болѣе достойнаго адъютанта. Вслѣдствіе ли этого объясненія, или по другимъ какимъ причинамъ, однажды императрица обошлась съ Зоричемъ довольно холодно. Это было въ Царскомъ Селѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1778 года. Зоричъ отнесъ это охлажденіе къ интригамъ Потемкина и тотчасъ же по удаленіи императрицы началъ бранить князя самыми грубыми словами, и наконецъ, вызвалъ его на дуель. Потемкинъ отказался отъ вызова. Зоричъ отправился къ императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и съ отчаяніемъ объявилъ, что онъ равнодушенъ ко всему, кромѣ ея милостей и расположенія. Это произвело впечатлѣніе на Екатерину. Зоричъ въ продолженіе двухъ дней казался опять въ милости, а Потемкинъ, обиженный дурнымъ пріемомъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Императрица, не любившая подобныхъ размолвокъ, отправила Зорича звать Потемкина къ ужину. Они ужинали вмѣстѣ и казались друзьями, но на самомъ дѣлѣ участь Зорича была уже рѣшена. Гордый князь не прощалъ дерзостей. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ описаннаго случая, въ одинъ іюньскій вечеръ, какъ разсказываетъ Гельбигъ, Зоричъ получилъ приказъ немедленно оставить дворъ. Зоричъ опрометью бросился къ покоямъ императрицы, но его не пу-

---

[1]) Изъ депеши англійскаго посланника Гарриса, отъ 13-го февраля 1778 года. La cour de Russie, стр. 308.

стили туда; онъ умолялъ дозволить ему по крайней мѣрѣ проститься съ своею благодѣтельницей, но ему отказали и въ этомъ [1]).

Гаррисъ, въ депешѣ къ своему двору, отъ 2-го іюня, разсказываетъ эту важную придворную новость нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что императрица въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ объяснила Зорничу причину его удаленія, но что это было принято Зоричемъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Онъ будто бы забылся до такой степени, что позволилъ себѣ дѣлать ей упреки и предсказывалъ несчастныя послѣдствія отъ своего удаленія.

Зорничъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ за границу. Онъ проѣхалъ прямо въ Парижъ, гдѣ прогостилъ нѣсколько времени у нашего министра Сиволина [2]), а въ концѣ года былъ уже въ своемъ Шкловѣ.

Мѣстечко Шкловъ лежитъ весьма живописно на правомъ нагорномъ берегу Днѣпра, въ 32-хъ верстахъ отъ Могилева. Оно можетъ быть смѣло названо еврейскимъ мѣстечкомъ. Отсюда, какъ изъ разсадника, Евреи разъѣзжаются по цѣлой Бѣлоруссіи и всюду разносятъ славу о своей богатой синагогѣ и своихъ торговыхъ оборотахъ. Дѣйствительно, не во всякомъ губернскомъ городѣ можно найдти такое разнообразіе товаровъ, особенно дамскихъ, какъ въ этомъ простомъ мѣстечкѣ. Однимъ словомъ, Шкловъ, съ своею пристанью и богатыми магазинами, играетъ въ Бѣлоруссіи такую-же роль, какъ Бердичевъ на Украйнѣ. Въ старину Шкловъ былъ раскинутъ на обоихъ берегахъ Днѣпра и, подъ именемъ городка, принадлежалъ фамиліи Хоткевичей, потомъ поступилъ во владѣніе къ князьямъ Чарторыйскимъ и, наконецъ, былъ купленъ Екатериной II и пожалованъ Зоричу [3]). Въ описываемое время Шкловъ только что отстроился на новомъ мѣстѣ, послѣ пожара 1769 года, обратившаго въ пепелъ 300 домовъ. Украшеніемъ новаго мѣстечка была огромная квадратная площадь, посреди которой красовалось каменное зданіе гостиннаго двора съ двумя башнями: въ одной изъ нихъ помѣщалась ратуша, а въ другой кладовая. Въ концѣ площади расходились двѣ липовыя аллеи, одна вела въ

---

[1]) Rus, Günstl. s. 417.

[2]) *Castéra*, Histoire de Catherine II, Paris, an VIII. T. III, L. IX, p. 64.

[3]) Безъ-Корниловичъ говоритъ, что по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Шкловъ поступилъ, будто бы, отъ князей Чарторыйскихъ въ казенное вѣдомство, въ 1773 году былъ подаренъ Потемкину, который завелъ здѣсь фабрику часовъ, а въ 1778 г. передалъ Зоричу. Истор. свѣд. о примѣч. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи Спб. 1855, стр. 208, 209.

стили туда; онъ умолялъ дозволить ему по крайней мѣрѣ проститься съ своею благодѣтельницей, но ему отказали и въ этомъ [1]).

Гаррисъ, въ депешѣ къ своему двору, отъ 2-го іюня, разсказываетъ эту важную придворную новость нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что императрица въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ объяснила Зорничу причину его удаленія, но что это было принято Зоричемъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Онъ будто бы забылся до такой степени, что позволилъ себѣ дѣлать ей упреки и предсказывалъ несчастныя послѣдствія отъ своего удаленія.

Зорничъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ за границу. Онъ проѣхалъ прямо въ Парижъ, гдѣ прогостилъ нѣсколько времени у нашего министра Сѣмолина [2]), а въ концѣ года былъ уже въ своемъ Шкловѣ.

Мѣстечко Шкловъ лежитъ весьма живописно на правомъ нагорномъ берегу Днѣпра, въ 32-хъ верстахъ отъ Могилева. Оно можетъ быть смѣло названо еврейскимъ мѣстечкомъ. Отсюда, какъ изъ разсадника, Евреи разъѣзжаются по цѣлой Бѣлоруссіи и всюду разносятъ славу о своей богатой синагогѣ и своихъ торговыхъ оборотахъ. Дѣйствительно, не во всякомъ губернскомъ городѣ можно найдти такое разнообразіе товаровъ, особенно дамскихъ, какъ въ этомъ простомъ мѣстечкѣ. Однимъ словомъ, Шкловъ, съ своею пристанью и богатыми магазинами, играетъ въ Бѣлоруссіи такую-же роль, какъ Бердичевъ на Украйнѣ. Въ старину Шкловъ былъ раскинутъ на обоихъ берегахъ Днѣпра и, подъ именемъ городка, принадлежалъ фамиліи Хоткевичей, потомъ поступилъ во владѣніе къ князьямъ Чарторыйскимъ и, наконецъ, былъ купленъ Екатериной II и пожалованъ Зоричу [3]). Въ описываемое время Шкловъ только что отстроился на новомъ мѣстѣ, послѣ пожара 1769 года, обратившаго въ пепелъ 300 домовъ. Украшеніемъ новаго мѣстечка была огромная квадратная площадь, посреди которой красовалось каменное зданіе гостиннаго двора съ двумя башнями: въ одной изъ нихъ помѣщалась ратуша, а въ другой кладовая. Въ концѣ площади расходились двѣ липовыя аллеи, одна вела въ

---

[1]) Rus, Günstl. s. 417.

[2]) *Castéra*, Histoire de Catherine II, Paris, an VIII. T. III, L. IX, p. 64.

[3]) Безъ-Корниловичъ говоритъ, что по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Шкловъ поступилъ, будто бы, отъ князей Чарторыйскихъ въ казенное вѣдомство, въ 1773 году былъ подаренъ Потемкину, который завелъ здѣсь фабрику часовъ, а въ 1778 г. передалъ Зоричу. Истор. свѣд. о примѣч. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи Спб. 1855, стр. 208, 209.

Могилевъ, а другая—къ старинному замку, въ которомъ уединился отъ большаго свѣта Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

24 ноября Зоричъ праздновалъ въ Шкловѣ день тезоименитства своей благодѣтельницы. Послѣ обѣдни въ Греческой церкви, онъ поспѣшалъ домой принимать гостей, которые безпрестанно въѣзжали цугами въ его широкій дворъ. Пріѣзжавшіе почтительно проходили анфилады раззолоченыхъ комнатъ и рекомендовали себя вниманію богатаго и сильнаго сосѣда. Тутъ были и чванные польскіе паны съ своими семействами, и русскіе помѣщики, и губернская знать изъ Могилева. Разукрашенный обѣденный столъ бывалъ накрытъ на сто кувертовъ. Въ продолженіе всего обѣда не умолкала пушечная пальба, а на хорахъ усердствовали домашніе музыканты. Въ 7 часовъ по-полудни уже открывался балъ. Гостепріимный хозяинъ упрашивалъ все общество остаться у него и на слѣдующій день. Всѣ гости удобно размѣщались въ просторныхъ флигеляхъ, а на другой день опять собирались къ пышному обѣденному столу. Вечеромъ устроивался маскарадъ. На третій день все мѣстечко освѣщалось потѣшными огнями. Такъ праздновался день св. Екатерины во все время пребыванія Зорича въ Шкловѣ [1]).

Зоричъ чувствовалъ, что онъ награжденъ не по заслугамъ, и не задумался удѣлить значительную часть своихъ доходовъ на такое дѣло, которое, по его убѣжденію, должно было быть пріятно обожаемой имъ государынѣ. Бѣлоруссія, недавно возсоединенная съ своимъ древнимъ отечествомъ, слишкомъ нуждалась въ образовательныхъ заведеніяхъ. Зоричъ замѣтилъ, а можетъ быть, узналъ отъ другихъ, что большинство мѣстныхъ дворянъ затрудняется воспитывать своихъ дѣтей, и вотъ онъ спѣшитъ помочь имъ отъ своихъ избытковъ. Въ 1778 году онъ учреждаетъ въ Шкловѣ на свой счетъ училище для 60-ти дворянскихъ дѣтей изъ русскихъ и польскихъ семействъ. Для училища онъ выстроилъ прекрасное каменное зданіе и выписалъ „хорошихъ учителей“ [2]). Намъ извѣстны имена только двухъ учителей Зоричевскаго училища: Дажа, преподававшаго математику, и Лазича, названнаго „экзерциціи офицеромъ“. Изъ воспитанниковъ въ нашихъ источникахъ упоминаются тоже только двое: Волынскій и Каховскій. При училищѣ была больница и библіотека, послѣдняя была куп-

---

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь дост. л. Р. з., II, 403.

[2]) Записки Энгельгардта, стр. 9.

Могилевъ, а другая—къ старинному замку, въ которомъ уединился отъ большаго свѣта Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

24 ноября Зоричъ праздновалъ въ Шкловѣ день тезоименитства своей благодѣтельницы. Послѣ обѣдни въ Греческой церкви, онъ поспѣшалъ домой принимать гостей, которые безпрестанно въѣзжали цугами въ его широкій дворъ. Пріѣзжавшіе почтительно проходили анфилады раззолоченыхъ комнатъ и рекомендовали себя вниманію богатаго и сильнаго сосѣда. Тутъ были и чванные польскіе паны съ своими семействами, и русскіе помѣщики, и губернская знать изъ Могилева. Разукрашенный обѣденный столъ бывалъ накрытъ на сто кувертовъ. Въ продолженіе всего обѣда не умолкала пушечная пальба, а на хорахъ усердствовали домашніе музыканты. Въ 7 часовъ по-полудни уже открывался балъ. Гостепріимный хозяинъ упрашивалъ все общество остаться у него и на слѣдующій день. Всѣ гости удобно размѣщались въ просторныхъ флигеляхъ, а на другой день опять собирались къ пышному обѣденному столу. Вечеромъ устроивался маскарадъ. На третій день все мѣстечко освѣщалось потѣшными огнями. Такъ праздновался день св. Екатерины во все время пребыванія Зорича въ Шкловѣ [1]).

Зоричъ чувствовалъ, что онъ награжденъ не по заслугамъ, и не задумался удѣлить значительную часть своихъ доходовъ на такое дѣло, которое, по его убѣжденію, должно было быть пріятно обожаемой имъ государынѣ. Бѣлоруссія, недавно возсоединенная съ своимъ древнимъ отечествомъ, слишкомъ нуждалась въ образовательныхъ заведеніяхъ. Зоричъ замѣтилъ, а можетъ быть, узналъ отъ другихъ, что большинство мѣстныхъ дворянъ затрудняется воспитывать своихъ дѣтей, и вотъ онъ спѣшитъ помочь имъ отъ своихъ избытковъ. Въ 1778 году онъ учреждаетъ въ Шкловѣ на свой счетъ училище для 60-ти дворянскихъ дѣтей изъ русскихъ и польскихъ семействъ. Для училища онъ выстроилъ прекрасное каменное зданіе и выписалъ „хорошихъ учителей“ [2]). Намъ извѣстны имена только двухъ учителей Зоричевскаго училища: Дажа, преподававшаго математику, и Лазича, названнаго „экзерциціи офицеромъ“. Изъ воспитанниковъ въ нашихъ источникахъ упоминаются тоже только двое: Волынскій и Каховскій. При училищѣ была больница и библіотека, послѣдняя была куп-

---

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь дост. л. Р. з., II, 403.

[2]) Записки Энгельгардта, стр. 9.

лена Зоричемъ въ 1781 г. въ Петербургѣ у Соймонова за 8,000 руб. и помѣщалась въ ратушѣ, вмѣстѣ съ физическимъ кабинетомъ. Должно полагать, что педагогика очень скоро прискучила Зоричу. Онъ ввѣрилъ училище особому директору, а самъ всецѣло отдался разгулу своей широкой натуры.

Современники разсказываютъ, что не было ни одного барина въ Россіи, который жилъ бы такъ пышно, какъ Зоричъ. Его домъ былъ всегда открытъ для всѣхъ. Съ пріѣзда Зорича, въ Шковѣ водворились люди всякаго рода, всякаго званія и разныхъ націй. Вмѣстѣ съ многочисленными родственниками и сослуживцами Зорича, здѣсь нашли себѣ спокойный и веселый пріютъ и разные авантюристы и игроки; тутъ были Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване и даже Турки. Большая часть этихъ выходцевъ располагалась, какъ дома, въ обширныхъ флигеляхъ Зорича и содержалась на его счетъ. Зоричъ держалъ постоянно театральную труппу (польскую) и хоръ музыкантовъ. Обѣдалъ онъ всегда въ большей компаніи: тутъ были и званые, и незваные. Каждый годъ въ Шковскій замокъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ, даже изъ Петербурга и Москвы, къ Екатерининну дню, къ именинамъ Зорича (1-го Сентября) и на время Шковскихъ ярмарокъ [1]). Гости оставались на двѣ недѣли и болѣе. Въ это время бывали балы, маскарады, спектакли любителей, каруселя, фейерверки, катанья въ шлюпкахъ, и кромѣ того, велась большая карточная игра. Словомъ, не было забавъ, которыхъ нельзя было бы найдти въ гостепріимныхъ Шковскихъ хоромахъ. Туда съѣзжались единственно для веселья и находили его въ избыткѣ.

Въ началѣ 1780 года прошелъ слухъ, что императрица задумала предпринять путешествіе по Бѣлоруссіи. Радостная вѣсть эта быстро облетѣла Полоцкую и Могилевскую губерніи. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе увидѣть свою государыню, слава которой давно уже гремѣла по всей Европѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ узнали, что поѣздка императрицы имѣетъ еще и политическую цѣль: въ Могилевѣ она назначила свиданіе императору Іосифу II. Намѣстникъ края графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ [2]) не щадилъ

---

[1]) Въ Шковѣ были двѣ ярмарки въ году: 1) на девятой недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенія и 2) на второй недѣлѣ великаго поста. Обѣ ярмарки продолжались по двѣ недѣли. На нихъ съѣзжались купцы изъ разныхъ концевъ Россіи. Записки путешествія академика *В. Северина*, стр. 104.

[2]) Графъ Зах. Григ. Чернышевъ, фельдмаршалъ (1722—1784 гг.). Съ 5-го февраля 1782 г. по самую смерть былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

лена Зоричемъ въ 1781 г. въ Петербургѣ у Соймонова за 8,000 руб. и помѣщалась въ ратушѣ, вмѣстѣ съ физическимъ кабинетомъ. Должно полагать, что педагогика очень скоро прискучила Зоричу. Онъ ввѣрилъ училище особому директору, а самъ всецѣло отдался разгулу своей широкой натуры.

Современники разсказываютъ, что не было ни одного барина въ Россіи, который жилъ бы такъ пышно, какъ Зоричъ. Его домъ былъ всегда открытъ для всѣхъ. Съ пріѣзда Зорича, въ Шковѣ водворились люди всякаго рода, всякаго званія и разныхъ націй. Вмѣстѣ съ многочисленными родственниками и сослуживцами Зорича, здѣсь нашли себѣ спокойный и веселый пріютъ и разные авантюристы и игроки; тутъ были Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване и даже Турки. Большая часть этихъ выходцевъ располагалась, какъ дома, въ обширныхъ флигеляхъ Зорича и содержалась на его счетъ. Зоричъ держалъ постоянно театральную труппу (польскую) и хоръ музыкантовъ. Обѣдалъ онъ всегда въ большей компаніи: тутъ были и званые, и незваные. Каждый годъ въ Шковскій замокъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ, даже изъ Петербурга и Москвы, къ Екатерининну дню, къ именинамъ Зорича (1-го Сентября) и на время Шковскихъ ярмарокъ [1]). Гости оставались на двѣ недѣли и болѣе. Въ это время бывали балы, маскарады, спектакли любителей, каруселя, фейерверки, катанья въ шлюпкахъ, и кромѣ того, велась большая карточная игра. Словомъ, не было забавъ, которыхъ нельзя было бы найдти въ гостепріимныхъ Шковскихъ хоромахъ. Туда съѣзжались единственно для веселья и находили его въ избыткѣ.

Въ началѣ 1780 года прошелъ слухъ, что императрица задумала предпринять путешествіе по Бѣлоруссіи. Радостная вѣсть эта быстро облетѣла Полоцкую и Могилевскую губерніи. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе увидѣть свою государыню, слава которой давно уже гремѣла по всей Европѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ узнали, что поѣздка императрицы имѣетъ еще и политическую цѣль: въ Могилевѣ она назначила свиданіе императору Іосифу II. Намѣстникъ края графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ [2]) не щадилъ

---

[1]) Въ Шковѣ были двѣ ярмарки въ году: 1) на девятой недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенія и 2) на второй недѣлѣ великаго поста. Обѣ ярмарки продолжались по двѣ недѣли. На нихъ съѣзжались купцы изъ разныхъ концевъ Россіи. Записки путешествія академика *В. Северина*, стр. 104.

[2]) Графъ Зах. Григ. Чернышевъ, фельдмаршалъ (1722—1784 гг.). Съ 5-го февраля 1782 г. по самую смерть былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

ни трудовъ, ни средствъ, чтобъ достойнымъ образомъ встрѣтить и угостить высокихъ путешественниковъ. Онъ выписалъ изъ Петербурга придворную итальянскую оперу и построилъ на свой счетъ театръ и огромную бальную залу. Къ городу были стянуты для маневровъ лучшія войска. Отвсюду съѣзжались иностранцы и богатые польскіе магнаты. За мѣсяцъ до пріѣзда императрицы, когда уже прибыли въ городъ иностранные министры и часть двора, Могилевъ, по замѣчанію Энгельгардта, сталъ болѣе похожъ на столицу, чѣмъ на губернскій городъ. Могъ ли оставаться спокойнымъ Зорничъ? Шкловъ лежалъ на пути императорскаго шествія. И дѣйствительно, 4,000 червонцевъ стоила Зорничу одна передѣлка замка. На 60,000 руб. онъ выписалъ фарфору изъ Саксоніи, а генералъ-маіоръ Мелиссино уже нѣсколько мѣсяцевъ работалъ въ его саду надъ устройствомъ павильона для 50,000 ракетъ.

19-го мая Екатерина пріѣхала въ Полоцкъ и, соображая дальнѣйшій маршрутъ, назначила на 23-е число ночлегъ въ Шкловѣ. Въ тихій майскій вечеръ въ Шкловъ примчалась позолоченная карета съ опущенными стеклами. Впереди скакали верхами, по два въ рядъ, на богато-убранныхъ лошадяхъ знатные дворяне; ихъ нагонялъ почтмейстеръ съ 12-ю почтальонами въ красныхъ кафтанахъ, а за ними доброю рысью неслись пикинеры. Съ правой стороны кареты ѣхали на отличныхъ коняхъ графъ Чернышевъ и Зорничъ. При въѣздѣ на площадь, императрица подняла стекла и съ привѣтливою улыбкой стала кланяться удивленнымъ Шкловцамъ. Шествіе замыкалось лейбъ-кираспрами и придворными каретами, запряженными шестернями. Когда поѣздъ приблизился къ липовымъ аллеямъ, Зорничъ быстро обогналъ его и встрѣтилъ высокую гостью на крыльцѣ своего дома. За ужиномъ пришло извѣстіе, что императоръ Іосифъ уже въ Могилевѣ. Императрица назначила завтра жъ утромъ выѣхать изъ Шклова и обѣщала Зорничу на обратномъ пути остаться у него на цѣлыя сутки. 24-го мая, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, императорскій поѣздъ прибылъ въ Могилевъ. Императрица отправилась прямо въ соборъ, гдѣ была встрѣчена съ крестомъ и святою водою архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ, а оттуда отправилась на Шкловское предмѣстье во дворецъ, гдѣ ее встрѣтилъ Іосифъ. Императоръ подошелъ къ ея рукѣ, а она по русскому обычаю поцѣловала его въ лицо [1]). Послѣ взаимныхъ привѣтствій, императ-

[1]) *Безъ-Корниловичъ*, Историч. свѣд. о прим. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, стр. 174.

ни трудовъ, ни средствъ, чтобъ достойнымъ образомъ встрѣтить и угостить высокихъ путешественниковъ. Онъ выписалъ изъ Петербурга придворную итальянскую оперу и построилъ на свой счетъ театръ и огромную бальную залу. Къ городу были стянуты для маневровъ лучшія войска. Отвсюду съѣзжались иностранцы и богатые польскіе магнаты. За мѣсяцъ до пріѣзда императрицы, когда уже прибыли въ городъ иностранные министры и часть двора, Могилевъ, по замѣчанію Энгельгардта, сталъ болѣе похожъ на столицу, чѣмъ на губернскій городъ. Могъ ли оставаться спокойнымъ Зорничъ? Шкловъ лежалъ на пути императорскаго шествія. И дѣйствительно, 4,000 червонцевъ стоила Зорничу одна передѣлка замка. На 60,000 руб. онъ выписалъ фарфору изъ Саксоніи, а генералъ-маіоръ Мелиссино уже нѣсколько мѣсяцевъ работалъ въ его саду надъ устройствомъ павильона для 50,000 ракетъ.

19-го мая Екатерина пріѣхала въ Полоцкъ и, соображая дальнѣйшій маршрутъ, назначила на 23-е число ночлегъ въ Шкловѣ. Въ тихій майскій вечеръ въ Шкловъ примчалась позолоченная карета съ опущенными стеклами. Впереди скакали верхами, по два въ рядъ, на богато-убранныхъ лошадяхъ знатные дворяне; ихъ нагонялъ почтмейстеръ съ 12-ю почтальонами въ красныхъ кафтанахъ, а за ними доброю рысью неслись пикинеры. Съ правой стороны кареты ѣхали на отличныхъ коняхъ графъ Чернышевъ и Зорничъ. При въѣздѣ на площадь, императрица подняла стекла и съ привѣтливою улыбкой стала кланяться удивленнымъ Шкловцамъ. Шествіе замыкалось лейбъ-кираспрами и придворными каретами, запряженными шестернями. Когда поѣздъ приблизился къ липовымъ аллеямъ, Зорничъ быстро обогналъ его и встрѣтилъ высокую гостью на крыльцѣ своего дома. За ужиномъ пришло извѣстіе, что императоръ Іосифъ уже въ Могилевѣ. Императрица назначила завтра жъ утромъ выѣхать изъ Шклова и обѣщала Зорничу на обратномъ пути остаться у него на цѣлыя сутки. 24-го мая, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, императорскій поѣздъ прибылъ въ Могилевъ. Императрица отправилась прямо въ соборъ, гдѣ была встрѣчена съ крестомъ и святою водою архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ, а оттуда отправилась на Шкловское предмѣстье во дворецъ, гдѣ ее встрѣтилъ Іосифъ. Императоръ подошелъ къ ея рукѣ, а она по русскому обычаю поцѣловала его въ лицо [1]). Послѣ взаимныхъ привѣтствій, императ-

[1]) *Безъ-Корниловичъ*, Историч. свѣд. о прим. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, стр. 174.

рица пригласила высокаго гостя на обѣдъ, а въ 7 часовъ вечера отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ оперу. Въ слѣдующіе дни по утрамъ производились маневры, а вечеромъ давались пышные балы, концерты, спектакли. Роскошь пировъ и празднествъ изумляла Іосифа. Но больше всего онъ удивлялся самой Екатеринѣ.

30-го мая по утру императрица выѣхала съ Іосифомъ въ Шкловъ. Послѣ Могилевскихъ празднествъ, владѣльцу Шклова, казалось, трудно было бы составить программу увеселеній для двухъ вѣнценосцевъ, осчастливившихъ его своимъ пріѣздомъ. Но Зорничъ былъ слишкомъ опытенъ въ этихъ дѣлахъ. Послѣ обѣда, на которомъ присутствовали обѣ императорскія свиты, всѣ перешли въ театръ, гдѣ дворянами-любителями была представлена пантомима, при чемъ до семидесяти разъ мѣнялись великолѣпныя декораціи. Въ сумерки все мѣстечко ярко освѣтилось иллюминаціей. На площади трещали смоляныя бочки. Послѣ ужина, въ саду былъ зажженъ фейерверкъ и пущено 50,000 ракетъ, стоившихъ баснословно дорого. На другой день императрица отправилась въ Петербургъ черезъ Смоленскъ и Новгородъ, а императоръ — черезъ Москву.

Въ концѣ года и самъ Зорничъ уѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ 1781 г. прибылъ въ Москву. Онъ искалъ способнаго и опытнаго человѣка, который могъ бы съ успѣхомъ занять должность директора его училища [1]). Въ Москвѣ выборъ Зорича палъ на Француза Салморана, о которомъ и считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, потому что въ послѣдующемъ разсказѣ намъ придется часто встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ.

Тимолеонъ-Альфонсъ-Галіенъ де Салморанъ, по собственному его показанію, „находясь три года подъ присмотромъ Вольтера“, пріѣхалъ изъ Франціи въ Россію въ ноябрѣ 1772 года, вмѣстѣ съ Александрой Евтихіевной Демидовой, которая узнала его въ чужихъ краяхъ и до самой смерти оказывала ему свое покровительство. Кромѣ того, онъ пользовался еще благодѣяніями княгини Голицыной, „дочери стараго Грузинскаго царевича“ [2]), и княгини Варвары Александровны Долгоруковой [3]), дочери фельдмар-

---

[1]) Намъ неизвѣстно, за что и когда былъ удаленъ прежній директоръ Шкловскаго училища.

[2]) Княгиня Анна Егоровна Голицына, урож. княж. Грузинская, супруга ген.-маіора кн. Алексѣя Борисовича Голицына. (Рос. родосл. книга, кн. Долгорукова, I, стр. 295, № 119).

[3]) Была за-мужемъ за генералъ-поручикомъ кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ (1738—1782 гг.). Тамъ же, стр. 96, № 147.

рица пригласила высокаго гостя на обѣдъ, а въ 7 часовъ вечера отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ оперу. Въ слѣдующіе дни по утрамъ производились маневры, а вечеромъ давались пышные балы, концерты, спектакли. Роскошь пировъ и празднествъ изумляла Іосифа. Но больше всего онъ удивлялся самой Екатеринѣ.

30-го мая по утру императрица выѣхала съ Іосифомъ въ Шклонъ. Послѣ Могилевскихъ празднествъ, владѣльцу Шклова, казалось, трудно было бы составить программу увеселеній для двухъ вѣнценосцевъ, осчастливившихъ его своимъ пріѣздомъ. Но Зорничъ былъ слишкомъ опытенъ въ этихъ дѣлахъ. Послѣ обѣда, на которомъ присутствовали обѣ императорскія свиты, всѣ перешли въ театръ, гдѣ дворянами-любителями была представлена пантомима, при чемъ до семидесяти разъ мѣнялись великолѣпныя декораціи. Въ сумерки все мѣстечко ярко освѣтилось иллюминаціей. На площади трещали смоляныя бочки. Послѣ ужина, въ саду былъ зажженъ фейерверкъ и пущено 50,000 ракетъ, стоившихъ баснословно дорого. На другой день императрица отправилась въ Петербургъ черезъ Смоленскъ и Новгородъ, а императоръ — черезъ Москву.

Въ концѣ года и самъ Зорничъ уѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ 1781 г. прибылъ въ Москву. Онъ искалъ способнаго и опытнаго человѣка, который могъ бы съ успѣхомъ занять должность директора его училища [1]). Въ Москвѣ выборъ Зорича палъ на Француза Салморана, о которомъ и считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, потому что въ послѣдующемъ разсказѣ намъ придется часто встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ.

Тимолеонъ-Альфонсъ-Галіенъ де Салморанъ, по собственному его показанію, „находясь три года подъ присмотромъ Вольтера“, пріѣхалъ изъ Франціи въ Россію въ ноябрѣ 1772 года, вмѣстѣ съ Александрой Евтихіевной Демидовой, которая узнала его въ чужихъ краяхъ и до самой смерти оказывала ему свое покровительство. Кромѣ того, онъ пользовался еще благодѣяніями княгини Голицыной, „дочери стараго Грузинскаго царевича“ [2]), и княгини Варвары Александровны Долгоруковой [3]), дочери фельдмар-

---

[1]) Намъ неизвѣстно, за что и когда былъ удаленъ прежній директоръ Шкловскаго училища.

[2]) Княгиня Анна Егоровна Голицына, урож. княж. Грузинская, супруга ген.-маіора кн. Алексѣя Борисовича Голицына. (Рос. родосл. книга, кн. Долгорукова, I, стр. 295, № 119).

[3]) Была за-мужемъ за генералъ-поручикомъ кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ (1738—1782 гг.). Тамъ же, стр. 96, № 147.

шала Бутурлина. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, Салморанъ поступилъ гувернеромъ въ домъ генералъ-поручика Ржевскаго и въ началѣ слѣдующаго 1773 года переѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Въ 1775 году, когда дворъ возвратился изъ Москвы въ Петербургъ послѣ торжественнаго празднованія Турецкаго мира, пріѣхалъ туда и Салморанъ, въ качествѣ учителя въ домѣ камергера Александра Ѳедоровича Талызина [1]), который, вѣроятно, слѣдовалъ въ свитѣ императрицы. Въ Петербургѣ Салморанъ уже не засталъ въ живыхъ трехъ своихъ благодѣтельницъ: всѣ онѣ скончались „въ цвѣтущихъ лѣтахъ“. Черезъ полгода Салморанъ опять уѣхалъ въ Москву и поступилъ на прежнее мѣсто къ Ржевскому. Въ половинѣ 1776 года онъ опредѣлился гувернеромъ же къ полковнику князю Василію Никитичу Трубецкому, у котораго „упражнялся въ чтеніи библіотеки“. Годъ спустя мы его уже видимъ въ домѣ генералъ-маіора Алексѣя Никитича Волконскаго. Но и тутъ онъ прожилъ только полгода. Чѣмъ занимался Салморанъ, послѣ того, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ продолжалъ жить въ Москвѣ, между Тверской и Никитской, „въ наемномъ домѣ Менделѣева“. Самъ Салморанъ говоритъ о себѣ такъ: „Я велъ себя не зазорно, во все время какъ живу въ Россіи; я не говорю, чтобъ я жилъ какъ святой, до этого весьма далеко, могу сказать еще, что я жилъ довольно развратнымъ образомъ; наконецъ, скучая родомъ такой жизни, которая ни къ чему не ведетъ, принялъ намѣреніе сдѣлать ей конецъ“.

Въ 1779 году Салморанъ гдѣ-то встрѣтился съ сестрою придворной актрисы Сажъ, дѣвицею Сажъ, которая сперва жила „для компаніи“ у княгини Орловой [2]), потомъ переѣхала въ Москву и давала тамъ уроки пѣнія и игры на клавикордахъ. Салморанъ „узнавъ ее совершенно“, предложилъ ей свое сердце и руку. „Весь свѣтъ удивился послѣдовавшей со мною внезапной перемѣнѣ“, говоритъ Салморанъ, „ибо я изъ расточителя и гуляки, сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ, охотникомъ до наукъ и бережливымъ. Симъ счастливымъ превращеніемъ я обязанъ добродѣтелямъ и хорошимъ качествомъ дарованной мнѣ небомъ супруги“. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы, молодые поселились въ домѣ Петра Ѳедоровича Нащокина. Они зажили, кажется, припѣваючи.

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ въ 3-ей кн. «Осмнадц. Вѣка», М. 1869, стр. 348.

[2]) Статсъ-дама княгиня Екатерина Николаевна Орлова, рожденная Зиновьева (1758—1781 гг.), супруга князя Григорія Григорьевича.

шала Бутурлина. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, Салморанъ поступилъ гувернеромъ въ домъ генералъ-поручика Ржевскаго и въ началѣ слѣдующаго 1773 года переѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Въ 1775 году, когда дворъ возвратился изъ Москвы въ Петербургъ послѣ торжественнаго празднованія Турецкаго мира, пріѣхалъ туда и Салморанъ, въ качествѣ учителя въ домѣ камергера Александра Ѳедоровича Талызина [1]), который, вѣроятно, слѣдовалъ въ свитѣ императрицы. Въ Петербургѣ Салморанъ уже не засталъ въ живыхъ трехъ своихъ благодѣтельницъ: всѣ онѣ скончались „въ цвѣтущихъ лѣтахъ“. Черезъ полгода Салморанъ опять уѣхалъ въ Москву и поступилъ на прежнее мѣсто къ Ржевскому. Въ половинѣ 1776 года онъ опредѣлился гувернеромъ же къ полковнику князю Василію Никитичу Трубецкому, у котораго „упражнялся въ чтеніи библіотеки“. Годъ спустя мы его уже видимъ въ домѣ генералъ-маіора Алексѣя Никитича Волконскаго. Но и тутъ онъ прожилъ только полгода. Чѣмъ занимался Салморанъ, послѣ того, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ продолжалъ жить въ Москвѣ, между Тверской и Никитской, „въ наемномъ домѣ Менделѣева“. Самъ Салморанъ говоритъ о себѣ такъ: „Я велъ себя не зазорно, во все время какъ живу въ Россіи; я не говорю, чтобъ я жилъ какъ святой, до этого весьма далеко, могу сказать еще, что я жилъ довольно развратнымъ образомъ; наконецъ, скучая родомъ такой жизни, которая ни къ чему не ведетъ, принялъ намѣреніе сдѣлать ей конецъ“.

Въ 1779 году Салморанъ гдѣ-то встрѣтился съ сестрою придворной актрисы Сажъ, дѣвицею Сажъ, которая сперва жила „для компаніи“ у княгини Орловой [2]), потомъ переѣхала въ Москву и давала тамъ уроки пѣнія и игры на клавикордахъ. Салморанъ „узнавъ ее совершенно“, предложилъ ей свое сердце и руку. „Весь свѣтъ удивился послѣдовавшей со мною внезапной перемѣнѣ“, говоритъ Салморанъ, „ибо я изъ расточителя и гуляки, сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ, охотникомъ до наукъ и бережливымъ. Симъ счастливымъ превращеніемъ я обязанъ добродѣтелямъ и хорошимъ качествомъ дарованной мнѣ небомъ супруги“. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы, молодые поселились въ домѣ Петра Ѳедоровича Нащокина. Они зажили, кажется, припѣваючи.

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ въ 3-ей кн. «Осмнадц. Вѣка», М. 1869, стр. 348.

[2]) Статсъ-дама княгиня Екатерина Николаевна Орлова, рожденная Зиновьева (1758—1781 гг.), супруга князя Григорія Григорьевича.

Въ добрую минуту Салморанъ говорилъ: „Мы не имѣли много богатства, кромѣ нашихъ дарованій, то и вознамѣрились употребить ихъ въ нашу пользу“. И дѣйствительно, г-жа Салморанъ давала уроки и пѣнія, и музыки 14-ти молодымъ дворянскимъ дочерямъ, въ томъ числѣ дочери самого Нащокина, и получала за каждую по 12 руб. въ мѣсяцъ, что въ годъ составляло 2016 рублей. А самому Салморану Московскій университетъ предложилъ „сочиненіе первыхъ въ Россіи французскихъ вѣдомостей“. Ему была обѣщана за это третья часть денегъ, собираемыхъ отъ подписки и, кромѣ того, было назначено постоянное жалованье, по 200 р. въ годъ. „Сочиненіе вѣдомостей“ началось, кажется, успѣшно, потому что черезъ два мѣсяца Салморанъ разсчитывалъ, что можетъ получить въ годъ 1,000 руб. Въ такомъ положеніи были дѣла Салморана, когда въ началѣ 1781 года пріѣхалъ въ Москву Зоричъ и сталъ искать директора для Шкловскаго корпуса.

Отъ своихъ Московскихъ знакомыхъ Зоричъ, вѣроятно, слышалъ много хорошаго о французѣ Салморанѣ и потому рѣшился послать за нимъ. Салморанъ выслушалъ предложеніе Зорича принять на себя управленіе Шкловскимъ военнымъ училищемъ и, взвѣшивая важность этой должности, для которой, по его мнѣнію, нужно было имѣть „великія качества“, долго не могъ сказать окончательнаго рѣшенія, но наконецъ объявилъ, что если его превосходительству нуженъ „для этой академіи ученый человѣкъ“, то онъ согласенъ принять предлагаемое мѣсто, но только не иначе, какъ за хорошее вознагражденіе. Зоричъ обѣщалъ ему готовый столъ, квартиру, четырехъ служителей, карету и 1000 руб. жалованья. Салморанъ нашелъ эти условія выгодными и тутъ же составилъ и подписалъ контрактъ. Обрадованный Салморанъ поспѣшилъ къ женѣ и самодовольно вручилъ ей контрактъ. Но г-жа Салморанъ не раздѣляла радости мужа. Она уже давно знала Зорича, котораго часто видѣла у княгини Орловой, и предсказывала мужу, что имъ прійдется раскаиваться въ этой далекой поѣздкѣ. На другой день Салморанъ отправился къ Зоричу и попросилъ у него на дорогу жалованья за полгода впередъ, но Зоричъ сказалъ, что отъѣзжаетъ въ Петербургъ и имѣетъ деньги только на дорогу; что надѣется быть въ Петербургѣ черезъ четыре дня и поспѣшитъ выслать ему деньги. „Пожалуйста не теряйте времени и кончайте ваши дѣла какъ можно скорѣе; васъ ждутъ въ Шкловѣ. Черезъ недѣлю вы получите деньги и будьте готовы къ отъѣзду. Прощай, любезный другъ!“ Салморанъ вышелъ и удивленный, и

Въ добрую минуту Салморанъ говорилъ: „Мы не имѣли много богатства, кромѣ нашихъ дарованій, то и вознамѣрились употребить ихъ въ нашу пользу“. И дѣйствительно, г-жа Салморанъ давала уроки и пѣнія, и музыки 14-ти молодымъ дворянскимъ дочерямъ, въ томъ числѣ дочери самого Нащокина, и получала за каждую по 12 руб. въ мѣсяцъ, что въ годъ составляло 2016 рублей. А самому Салморану Московскій университетъ предложилъ „сочиненіе первыхъ въ Россіи французскихъ вѣдомостей“. Ему была обѣщана за это третья часть денегъ, собираемыхъ отъ подписки и, кромѣ того, было назначено постоянное жалованье, по 200 р. въ годъ. „Сочиненіе вѣдомостей“ началось, кажется, успѣшно, потому что черезъ два мѣсяца Салморанъ разсчитывалъ, что можетъ получить въ годъ 1,000 руб. Въ такомъ положеніи были дѣла Салморана, когда въ началѣ 1781 года пріѣхалъ въ Москву Зоричъ и сталъ искать директора для Шкловскаго корпуса.

Отъ своихъ Московскихъ знакомыхъ Зоричъ, вѣроятно, слышалъ много хорошаго о французѣ Салморанѣ и потому рѣшился послать за нимъ. Салморанъ выслушалъ предложеніе Зорича принять на себя управленіе Шкловскимъ военнымъ училищемъ и, взвѣшивая важность этой должности, для которой, по его мнѣнію, нужно было имѣть „великія качества“, долго не могъ сказать окончательнаго рѣшенія, но наконецъ объявилъ, что если его превосходительству нуженъ „для этой академіи ученый человѣкъ“, то онъ согласенъ принять предлагаемое мѣсто, но только не иначе, какъ за хорошее вознагражденіе. Зоричъ обѣщалъ ему готовый столъ, квартиру, четырехъ служителей, карету и 1000 руб. жалованья. Салморанъ нашелъ эти условія выгодными и тутъ же составилъ и подписалъ контрактъ. Обрадованный Салморанъ поспѣшилъ къ женѣ и самодовольно вручилъ ей контрактъ. Но г-жа Салморанъ не раздѣляла радости мужа. Она уже давно знала Зорича, котораго часто видѣла у княгини Орловой, и предсказывала мужу, что имъ прійдется раскаиваться въ этой далекой поѣздкѣ. На другой день Салморанъ отправился къ Зоричу и попросилъ у него на дорогу жалованья за полгода впередъ, но Зоричъ сказалъ, что отъѣзжаетъ въ Петербургъ и имѣетъ деньги только на дорогу; что надѣется быть въ Петербургѣ черезъ четыре дня и поспѣшитъ выслать ему деньги. „Пожалуйста не теряйте времени и кончайте ваши дѣла какъ можно скорѣе; васъ ждутъ въ Шкловѣ. Черезъ недѣлю вы получите деньги и будьте готовы къ отъѣзду. Прощай, любезный другъ!“ Салморанъ вышелъ и удивленный, и

оскорбленный. Ему было извѣстно, что Зоричъ, въ бытность свою въ Москвѣ, проигралъ въ карты 44,000 руб. и нашелъ же чѣмъ заплатить ихъ, а тутъ отказываетъ „въ малой вещи человѣку, находящемуся у него въ услуженіи“. Но дѣлать было нечего. Въ ожиданіи обѣщанныхъ денегъ, Салморанъ занялся сборами въ дорогу. Прежде всего онъ отказался отъ „сочиненія вѣдомостей“. Университетъ отказался вознаградить его за труды, вѣроятно, на основаніи контракта, нарушеннаго самимъ же Салморапомъ. Г-жа Салморанъ также отказалась отъ уроковъ. Салморану трудно было жить, но онъ утѣшался тѣмъ, что это не надолго. Однако проходитъ мѣсяцъ, другой, четвертый, а денегъ все нѣтъ. Шкловскій генералъ какъ въ воду канулъ. Бѣдный Салморанъ приходилъ въ отчаяніе, какъ вдругъ получается письмо отъ Зорича, въ которомъ тотъ приказываетъ Салморану отправиться къ гвардейскому офицеру Арсеньеву и получить отъ него деньги. Въ письмѣ Зоричъ называлъ Арсеньева своимъ „искреннимъ другомъ“. Салморанъ тотчасъ же явился къ Арсеньеву и представилъ ему письмо Зорича. Арсеньевъ подтвердилъ, что онъ дѣйствительно другъ Зорича, но денегъ не далъ.

Въ это же самое время г-жа Салморанъ разрѣшилась отъ бремени первымъ сыномъ. Радостное происшествіе это было по меньшей мѣрѣ несвоевременно. Среди домашнихъ хлопотъ, какъ изъ земли выросъ унтеръ-офицеръ съ деньгами отъ Зорича и съ требованіемъ немедленно ѣхать въ Шкловъ. Салморанъ „честнымъ образомъ далъ чувствовать посланному, что г-жа Салморанъ, для благопристойности, не можетъ отправиться прежде прошествія мѣсяца“. Унтеръ-офицеръ уѣхалъ одинъ.

По выздоровленіи жены, Салморанъ рѣшился наконецъ выѣхать изъ Москвы. Онъ продалъ за безцѣнокъ клавикорды, три кареты и всю мебель. Но денегъ было все таки мало, такъ что нельзя было даже выкупить изъ заклада женскихъ брилліантовъ. Новорожденнаго сына онъ оставилъ въ Москвѣ на попеченіе одной Нѣмки, которой обязался заплатить 100 руб. за годъ. Салморану, конечно, лучше было бы ѣхать прямо въ Шкловъ, но онъ отправился на Петербургъ, чтобъ увидѣться тамъ съ Зоричемъ и попросить у него денегъ.

Зорича удивился пріѣзду Салморана и „взглянулъ на него съ весьма холоднымъ духомъ“; но потомъ обошелся и приказалъ прійдти за деньгами на другой день въ три часа. Однако и на этотъ разъ Салморанъ получилъ полугодовое жалованіе (500 руб.) толь-

оскорбленный. Ему было извѣстно, что Зоричъ, въ бытность свою въ Москвѣ, проигралъ въ карты 44,000 руб. и нашелъ же чѣмъ заплатить ихъ, а тутъ отказываетъ „въ малой вещи человѣку, находящемуся у него въ услуженіи“. Но дѣлать было нечего. Въ ожиданіи обѣщанныхъ денегъ, Салморанъ занялся сборами въ дорогу. Прежде всего онъ отказался отъ „сочиненія вѣдомостей“. Университетъ отказался вознаградить его за труды, вѣроятно, на основаніи контракта, нарушеннаго самимъ же Салморапомъ. Г-жа Салморанъ также отказалась отъ уроковъ. Салморану трудно было жить, но онъ утѣшался тѣмъ, что это не надолго. Однако проходитъ мѣсяцъ, другой, четвертый, а денегъ все нѣтъ. Шкловскій генералъ какъ въ воду канулъ. Бѣдный Салморанъ приходилъ въ отчаяніе, какъ вдругъ получается письмо отъ Зорича, въ которомъ тотъ приказываетъ Салморану отправиться къ гвардейскому офицеру Арсеньеву и получить отъ него деньги. Въ письмѣ Зоричъ называлъ Арсеньева своимъ „искреннимъ другомъ“. Салморанъ тотчасъ же явился къ Арсеньеву и представилъ ему письмо Зорича. Арсеньевъ подтвердилъ, что онъ дѣйствительно другъ Зорича, но денегъ не далъ.

Въ это же самое время г-жа Салморанъ разрѣшилась отъ бремени первымъ сыномъ. Радостное происшествіе это было по меньшей мѣрѣ несвоевременно. Среди домашнихъ хлопотъ, какъ изъ земли выросъ унтеръ-офицеръ съ деньгами отъ Зорича и съ требованіемъ немедленно ѣхать въ Шкловъ. Салморанъ „честнымъ образомъ далъ чувствовать посланному, что г-жа Салморанъ, для благопристойности, не можетъ отправиться прежде прошествія мѣсяца“. Унтеръ-офицеръ уѣхалъ одинъ.

По выздоровленіи жены, Салморанъ рѣшился наконецъ выѣхать изъ Москвы. Онъ продалъ за безцѣнокъ клавикорды, три кареты и всю мебель. Но денегъ было все таки мало, такъ что нельзя было даже выкупить изъ заклада женскихъ брилліантовъ. Новорожденнаго сына онъ оставилъ въ Москвѣ на попеченіе одной Нѣмки, которой обязался заплатить 100 руб. за годъ. Салморану, конечно, лучше было бы ѣхать прямо въ Шкловъ, но онъ отправился на Петербургъ, чтобъ увидѣться тамъ съ Зоричемъ и попросить у него денегъ.

Зорича удивился пріѣзду Салморана и „взглянулъ на него съ весьма холоднымъ духомъ“; но потомъ обошелся и приказалъ прійдти за деньгами на другой день въ три часа. Однако и на этотъ разъ Салморанъ получилъ полугодовое жалованіе (500 руб.) толь-

ко черезъ мѣсяцъ и отправился наконецъ въ Шкловъ съ женою и съ библіотекою, только что купленною Зоричемъ у Соймонова.

Въ отсутствіе Зорича, въ Шкловъ пріѣхали изъ за-границы три новыхъ лица: сводный братъ его Давидъ Гавриловичъ Паранчичъ и два брата графы Зановичи. Всѣ трое размѣстились въ замкѣ Зорича. Они съ перваго же дня начали безумно сорить деньгами, устроили большую банковую игру и вообще вели себя какъ очень богатые люди.

Фамилія графовъ Зановичей происходитъ отъ старинной и знатной фамиліи Пастровичей, извѣстной во всей Далмаціи по своимъ богатствамъ и связямъ. Графы Маркъ и Аннибалъ Зановичи [1]), сыновья графа Антона Зановича, родились въ Далматскомъ мѣстечкѣ Пастровичахъ.

Умные отъ природы, Зановичи обучались въ разныхъ коллегіумахъ. По успѣшномъ окончаніи курса, они возвратились къ отцу, который вскорѣ умеръ, оставивъ сыновьямъ большое состояніе и, кромѣ того, добрую репутацію, которою онъ постоянно пользовался за свою доброту и честность. Графъ Аннибалъ Зановичъ поступилъ въ іезуиты, а по уничтоженіи іезуитскаго ордена, возвратился къ старшему брату, графу Марку, который уже успѣлъ прожить все состояніе и занимался какими-то темными оборотами. Братья отправились въ Венецію. Сказываютъ, что они запутались тамъ въ какомъ-то криминальномъ дѣлѣ и, кажется, были приговорены къ казни, но успѣли бѣжать и начали странствовать по Европѣ, промышляя карточною игрой и т. п. [2]) Въ 1776 году графъ Маркъ Зановичъ явился въ Потсдамѣ и умѣлъ втереться въ общество принца Прусскаго. Но когда узнали изъ газетъ его прежнія продѣлки, то выслали его изъ Берлина. 28-го Января 1778 года Фридрихъ II уже писалъ въ Бреславль, что туда прибылъ графъ Зановичъ, „посѣщавшій разные европейскіе дворы, промышляя обманомъ“, а потому приказывалъ задержать его, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ. Но Зановичъ успѣлъ бѣжать въ Голландію, гдѣ ухитрился обмануть банкировъ, занявъ у нихъ отъ имени Венеціанскаго посланника Кавалли 300,000 гульденовъ. Случай этотъ едва не послужилъ поводомъ къ войнѣ между Гол-

---

[1]) Въ запискахъ Казановы, первый названъ Стефаномъ, а второй Предиславомъ. См. примѣчанія Лонгинова къ запискамъ Энгельгардта, стр. 32.

[2]) Записки Энгельгардта, стр. 32.

ко черезъ мѣсяцъ и отправился наконецъ въ Шкловъ съ женою и съ библіотекою, только что купленною Зоричемъ у Соймонова.

Въ отсутствіе Зорича, въ Шкловъ пріѣхали изъ за-границы три новыхъ лица: сводный братъ его Давидъ Гавриловичъ Паранчичъ и два брата графы Зановичи. Всѣ трое размѣстились въ замкѣ Зорича. Они съ перваго же дня начали безумно сорить деньгами, устроили большую банковую игру и вообще вели себя какъ очень богатые люди.

Фамилія графовъ Зановичей происходитъ отъ старинной и знатной фамиліи Пастровичей, извѣстной во всей Далмаціи по своимъ богатствамъ и связямъ. Графы Маркъ и Аннибалъ Зановичи [1]), сыновья графа Антона Зановича, родились въ Далматскомъ мѣстечкѣ Пастровичахъ.

Умные отъ природы, Зановичи обучались въ разныхъ коллегіумахъ. По успѣшномъ окончаніи курса, они возвратились къ отцу, который вскорѣ умеръ, оставивъ сыновьямъ большое состояніе и, кромѣ того, добрую репутацію, которою онъ постоянно пользовался за свою доброту и честность. Графъ Аннибалъ Зановичъ поступилъ въ іезуиты, а по уничтоженіи іезуитскаго ордена, возвратился къ старшему брату, графу Марку, который уже успѣлъ прожить все состояніе и занимался какими-то темными оборотами. Братья отправились въ Венецію. Сказываютъ, что они запутались тамъ въ какомъ-то криминальномъ дѣлѣ и, кажется, были приговорены къ казни, но успѣли бѣжать и начали странствовать по Европѣ, промышляя карточною игрой и т. п. [2]) Въ 1776 году графъ Маркъ Зановичъ явился въ Потсдамѣ и умѣлъ втереться въ общество принца Прусскаго. Но когда узнали изъ газетъ его прежнія продѣлки, то выслали его изъ Берлина. 28-го Января 1778 года Фридрихъ II уже писалъ въ Бреславль, что туда прибылъ графъ Зановичъ, „посѣщавшій разные европейскіе дворы, промышляя обманомъ“, а потому приказывалъ задержать его, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ. Но Зановичъ успѣлъ бѣжать въ Голландію, гдѣ ухитрился обмануть банкировъ, занявъ у нихъ отъ имени Венеціанскаго посланника Кавалли 300,000 гульденовъ. Случай этотъ едва не послужилъ поводомъ къ войнѣ между Гол-

---

[1]) Въ запискахъ Казановы, первый названъ Стефаномъ, а второй Предиславомъ. См. примѣчанія Лонгинова къ запискамъ Энгельгардта, стр. 32.

[2]) Записки Энгельгардта, стр. 32.

ландіей и Венеціей, потому что Кавалли рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ этомъ займѣ. Графъ Маркъ Зановичъ укрылся отъ преслѣдованій въ Парижъ, гдѣ нашелъ и своего брата, графа Аннибала, который за разныя плутни былъ изгнанъ изъ Флоренціи [1]).

Въ это время въ Парижѣ проживалъ полковникъ русской службы Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ. Фонъ-Визинъ, въ письмѣ изъ Ахена, отъ $^{18}/_{30}$-го сентября 1778 г., къ графу П. И. Панину, пишетъ о немъ слѣдующее: „Пріѣхалъ въ Парижъ братъ г. Зорича, полковникъ Неранчичъ, человѣкъ, впрочемъ, честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ“ [2]).

Зановичи встрѣтились съ Неранчичемъ какъ старые знакомые [3]). Они познакомились съ нимъ еще въ Тріестѣ и уже тамъ получили отъ него приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ Шкловъ. Безконечныя преслѣдованія полиціи и кредиторовъ заставили Зановичей попробовать счастія гдѣ нибудь подальше. Въ іюнѣ 1781 года они, вмѣстѣ съ Неранчичемъ, были уже въ Шкловскомъ замкѣ. Черезъ три мѣсяца послѣ нихъ пріѣхалъ въ Шкловъ и Салморанъ.

Шкловское училище, по свидѣтельству Салморана, терпѣло въ то время „недостатокъ въ самонужнѣйшихъ вещахъ къ жизни“. Нужда доходила, будто бы, до такой степени, что часто затруднялись чѣмъ накормить 60 кадетъ и 10 учителей. Салморанъ разсказываетъ, будто бы экономъ вынужденъ былъ однажды прибѣгнуть къ слѣдующему отчаянному средству: „Отнявъ у одной женщины, среди улицы, корову, онъ привелъ ее на кухню, велѣлъ убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ“. Пріѣздъ Зорича скорѣе запуталъ дѣла училища, чѣмъ поправилъ ихъ. Кадеты, напримѣръ, должны были танцовать балеты на пирахъ Зорича и забавлять веселое общество примѣрными „военными эволюціями“ [4]), а директоръ ихъ Салморанъ игралъ, съ женою, комедіи и оперы, для которыхъ онъ же сочинялъ и стихи, и музыку. Кромѣ того,

---

[1]) Примѣчанія къ запискамъ Энгельгардта, стр. 32 и 33.

[2]) Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 343.

[3]) Они были кромѣ того *въ свойствѣ* съ Неранчичемъ, такъ по крайней мѣрѣ показывалъ младшій Зановичъ.

[4]) Записки Энгельгардта, стр. 30.

ландіей и Венеціей, потому что Кавалли рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ этомъ займѣ. Графъ Маркъ Зановичъ укрылся отъ преслѣдованій въ Парижъ, гдѣ нашелъ и своего брата, графа Аннибала, который за разныя плутни былъ изгнанъ изъ Флоренціи [1]).

Въ это время въ Парижѣ проживалъ полковникъ русской службы Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ. Фонъ-Визинъ, въ письмѣ изъ Ахена, отъ $^{18}/_{30}$-го сентября 1778 г., къ графу П. И. Панину, пишетъ о немъ слѣдующее: „Пріѣхалъ въ Парижъ братъ г. Зорича, полковникъ Неранчичъ, человѣкъ, впрочемъ, честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ“ [2]).

Зановичи встрѣтились съ Неранчичемъ какъ старые знакомые [3]). Они познакомились съ нимъ еще въ Тріестѣ и уже тамъ получили отъ него приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ Шкловъ. Безконечныя преслѣдованія полиціи и кредиторовъ заставили Зановичей попробовать счастія гдѣ нибудь подальше. Въ іюнѣ 1781 года они, вмѣстѣ съ Неранчичемъ, были уже въ Шкловскомъ замкѣ. Черезъ три мѣсяца послѣ нихъ пріѣхалъ въ Шкловъ и Салморанъ.

Шкловское училище, по свидѣтельству Салморана, терпѣло въ то время „недостатокъ въ самонужнѣйшихъ вещахъ къ жизни“. Нужда доходила, будто бы, до такой степени, что часто затруднялись чѣмъ накормить 60 кадетъ и 10 учителей. Салморанъ разсказываетъ, будто бы экономъ вынужденъ былъ однажды прибѣгнуть къ слѣдующему отчаянному средству: „Отнявъ у одной женщины, среди улицы, корову, онъ привелъ ее на кухню, велѣлъ убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ“. Пріѣздъ Зорича скорѣе запуталъ дѣла училища, чѣмъ поправилъ ихъ. Кадеты, напримѣръ, должны были танцовать балеты на пирахъ Зорича и забавлять веселое общество примѣрными „военными эволюціями“ [4]), а директоръ ихъ Салморанъ игралъ, съ женою, комедіи и оперы, для которыхъ онъ же сочинялъ и стихи, и музыку. Кромѣ того,

---

[1]) Примѣчанія къ запискамъ Энгельгардта, стр. 32 и 33.

[2]) Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 343.

[3]) Они были кромѣ того *въ свойствѣ* съ Неранчичемъ, такъ по крайней мѣрѣ показывалъ младшій Зановичъ.

[4]) Записки Энгельгардта, стр. 30.

онъ безпрестанно ходилъ въ ратушу, гдѣ помѣщался физическій кабинетъ, и „для увеселенія компаніи“ показывалъ опыты. Салморану, конечно, некогда было заниматься училищемъ, особенно послѣ того какъ Зоричъ поручилъ ему наконецъ и всю свою переписку. Это случилось тотчасъ же по удаленіи секретаря Эльвика, который, по замѣчанію Салморана, „былъ человѣкъ ученый и „честный, однакоже г. генералъ называлъ его плутомъ“.

Зановичи поражали всѣхъ своею роскошью и огромными тратами. Они далеко оставили за собою самого Зорича въ умѣніи придумывать разныя забавы и причуды. Но отъ времени до времени карточная игра становилась самымъ главнымъ занятіемъ Шкловскаго за́мка. Зоричъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за картами и проигрывалъ большія деньги. Одинъ разъ онъ проигралъ заѣзжему артиллерійскому офицеру 10.000 руб. противъ 15-ти. Въ другой разъ, понтируя и меча банкъ вмѣстѣ съ младшимъ Зановичемъ, онъ проигралъ полковнику князю Волконскому 50.000 руб. Зановичъ сейчасъ же заплатилъ свою долю деньгами и брилліантами, а Зоричъ, по свидѣтельству Салморана, не имѣлъ этого обычая. Онъ сперва бранилъ князя и только черезъ нѣсколько дней, за обѣдомъ, согласился написать ему вексель. За непмѣніемъ песку, князь Волконскій засыпалъ вексель солью. По замѣчанію Салморана, князь поступилъ весьма благоразумно, посоливъ на всякій случай вексель, которому придется долго пролежать въ его карманѣ.

Между тѣмъ, дѣла Зорича запутывались все болѣе и болѣе. При 100.000 годоваго дохода, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и держался только безконечными займами у Зановичей. Какъ нарочно, въ это же время, именно 6-го ноября, случился большой пожаръ въ Шкловскомъ за́мкѣ. У Зановичей сгорѣло множество брилліантовъ, бумагъ и богатѣйшій гардеробъ. Къ счастію графовъ, Салморану удалось спасти ихъ шкатулку съ алмазными вещами и бумажникомъ въ которомъ, по увѣренію Зановичей, было однихъ векселей болѣе чѣмъ на 200.000 червонцевъ. Въ день пожара Зоричъ гостилъ въ Могилевѣ. Посланный туда курьеръ нашелъ Зорича на балу, танцующимъ минуетъ съ дѣвицей Энгельгардтъ, дочерью губернатора. Печальное извѣстіе, по видимому, не смутило Зорича: онъ продолжалъ танцовать, какъ ни въ чемъ не бывало. Трудно объяснить это только беззаботнымъ и веселымъ характеромъ Зорича. Ему не хотѣлось обнаруживать свои настоящія чувства, и онъ успѣлъ въ этомъ, какъ нельзя больше. Послѣ пожара Зоричъ продолжалъ давать великолѣпные праздники и

онъ безпрестанно ходилъ въ ратушу, гдѣ помѣщался физическій кабинетъ, и „для увеселенія компаніи“ показывалъ опыты. Салморану, конечно, некогда было заниматься училищемъ, особенно послѣ того какъ Зоричъ поручилъ ему наконецъ и всю свою переписку. Это случилось тотчасъ же по удаленіи секретаря Эльвика, который, по замѣчанію Салморана, „былъ человѣкъ ученый и „честный, однакоже г. генералъ называлъ его плутомъ“.

Зановичи поражали всѣхъ своею роскошью и огромными тратами. Они далеко оставили за собою самого Зорича въ умѣніи придумывать разныя забавы и причуды. Но отъ времени до времени карточная игра становилась самымъ главнымъ занятіемъ Шкловскаго за́мка. Зоричъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за картами и проигрывалъ большія деньги. Одинъ разъ онъ проигралъ заѣзжему артиллерійскому офицеру 10.000 руб. противъ 15-ти. Въ другой разъ, понтируя и меча банкъ вмѣстѣ съ младшимъ Зановичемъ, онъ проигралъ полковнику князю Волконскому 50.000 руб. Зановичъ сейчасъ же заплатилъ свою долю деньгами и брилліантами, а Зоричъ, по свидѣтельству Салморана, не имѣлъ этого обычая. Онъ сперва бранилъ князя и только черезъ нѣсколько дней, за обѣдомъ, согласился написать ему вексель. За непмѣніемъ песку, князь Волконскій засыпалъ вексель солью. По замѣчанію Салморана, князь поступилъ весьма благоразумно, посоливъ на всякій случай вексель, которому придется долго пролежать въ его карманѣ.

Между тѣмъ, дѣла Зорича запутывались все болѣе и болѣе. При 100.000 годоваго дохода, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и держался только безконечными займами у Зановичей. Какъ нарочно, въ это же время, именно 6-го ноября, случился большой пожаръ въ Шкловскомъ за́мкѣ. У Зановичей сгорѣло множество брилліантовъ, бумагъ и богатѣйшій гардеробъ. Къ счастію графовъ, Салморану удалось спасти ихъ шкатулку съ алмазными вещами и бумажникомъ въ которомъ, по увѣренію Зановичей, было однихъ векселей болѣе чѣмъ на 200.000 червонцевъ. Въ день пожара Зоричъ гостилъ въ Могилевѣ. Посланный туда курьеръ нашелъ Зорича на балу, танцующимъ минуетъ съ дѣвицей Энгельгардтъ, дочерью губернатора. Печальное извѣстіе, по видимому, не смутило Зорича: онъ продолжалъ танцовать, какъ ни въ чемъ не бывало. Трудно объяснить это только беззаботнымъ и веселымъ характеромъ Зорича. Ему не хотѣлось обнаруживать свои настоящія чувства, и онъ успѣлъ въ этомъ, какъ нельзя больше. Послѣ пожара Зоричъ продолжалъ давать великолѣпные праздники и

по прежнему велъ большую игру. Но въ вихрѣ веселія и шума трудно было замѣтить, что хозяинъ обгорѣвшаго зимка только пируетъ, но уже не веселится. Задумывались и Зановичи.

Въ концѣ года Зорничъ собрался было ѣхать въ Петербургъ и взялъ съ собою Зановичей, которыхъ давно хотѣлъ представить ко двору, но изъ Смоленска вернулся назадъ, потому что не достало денегъ на дорогу.

Наступилъ 1782 годъ. Изобрѣтательные Зановичи уже придумали способъ выдти изъ наскучившаго всѣмъ затруднительнаго положенія. Нѣсколько ночей сряду они запирались съ Зорничемъ въ отдаленную комнату и вели таинственныя совѣщанія. Съ нѣкотораго времени замѣчали уже, что Зорничъ повеселѣлъ и, не стѣсняясь, разсказывалъ, что надѣется уплатить весь свой долгъ (450.000 р.) въ четыре года и доведетъ свой годовой доходъ до 180.000 р. Между тѣмъ, въ это время Зановичи, при посредствѣ Салморана, уговорили Зорнича передать имъ на время управленіе Шкловомъ, съ принадлежащимъ къ нему имѣніемъ, а они, съ своей стороны, обязывались внести всѣ долги Зорнича и, кромѣ того, платить ему по 100.000 руб. въ годъ [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ графъ Аннибалъ Зановичъ выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда располагалъ отправиться за границу, подъ предлогомъ продать тамъ свое имѣніе для уплаты долговъ Зорнича. На всякій случай, Зорничъ вручилъ ему рекомендательныя письма къ русскимъ посланникамъ въ Голландіи и Англіи и къ Петербургскому придворному банкиру Сутерланду. Во всѣхъ этихъ письмахъ Зорничъ называлъ графа своимъ родственникомъ. Въ Петербургѣ Зановичъ останавливался у Нерапчича, въ Зорничевомъ домѣ, около дворца, и отправился за границу только тогда, когда банкиръ Сутерландъ, послѣ долгихъ колебаній, выдалъ ему наконецъ вексель въ 48.000 ливровъ съ переводомъ въ Парижъ на банкирскую контору Жирарда Галлеро и К°.

Въ отсутствіе младшаго Зановича, въ Шковскомъ замкѣ не случилось ничего примѣчательнаго. Всѣ были въ томительномъ ожиданіи или, скорѣе, въ предчувствіи чего-то особеннаго. Но едва ли можно было насчитать и трехъ человѣкъ, которые могли бы точно объяснить, въ чемъ можетъ заключаться это особенное. Въ это невеселое время общее вниманіе остановилось на семейной радости Салморана. Къ нему привезли изъ Москвы его сына-первенца,

---

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 31.

по прежнему велъ большую игру. Но въ вихрѣ веселія и шума трудно было замѣтить, что хозяинъ обгорѣвшаго зимка только пируетъ, но уже не веселится. Задумывались и Зановичи.

Въ концѣ года Зорничъ собрался было ѣхать въ Петербургъ и взялъ съ собою Зановичей, которыхъ давно хотѣлъ представить ко двору, но изъ Смоленска вернулся назадъ, потому что не достало денегъ на дорогу.

Наступилъ 1782 годъ. Изобрѣтательные Зановичи уже придумали способъ выдти изъ наскучившаго всѣмъ затруднительнаго положенія. Нѣсколько ночей сряду они запирались съ Зорничемъ въ отдаленную комнату и вели таинственныя совѣщанія. Съ нѣкотораго времени замѣчали уже, что Зорничъ повеселѣлъ и, не стѣсняясь, разсказывалъ, что надѣется уплатить весь свой долгъ (450.000 р.) въ четыре года и доведетъ свой годовой доходъ до 180.000 р. Между тѣмъ, въ это время Зановичи, при посредствѣ Салморана, уговорили Зорнича передать имъ на время управленіе Шкловомъ, съ принадлежащимъ къ нему имѣніемъ, а они, съ своей стороны, обязывались внести всѣ долги Зорнича и, кромѣ того, платить ему по 100.000 руб. въ годъ [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ графъ Аннибалъ Зановичъ выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда располагалъ отправиться за границу, подъ предлогомъ продать тамъ свое имѣніе для уплаты долговъ Зорнича. На всякій случай, Зорничъ вручилъ ему рекомендательныя письма къ русскимъ посланникамъ въ Голландіи и Англіи и къ Петербургскому придворному банкиру Сутерланду. Во всѣхъ этихъ письмахъ Зорничъ называлъ графа своимъ родственникомъ. Въ Петербургѣ Зановичъ останавливался у Нерапчича, въ Зорничевомъ домѣ, около дворца, и отправился за границу только тогда, когда банкиръ Сутерландъ, послѣ долгихъ колебаній, выдалъ ему наконецъ вексель въ 48.000 ливровъ съ переводомъ въ Парижъ на банкирскую контору Жирарда Галлеро и К°.

Въ отсутствіе младшаго Зановича, въ Шкловскомъ замкѣ не случилось ничего примѣчательнаго. Всѣ были въ томительномъ ожиданіи или, скорѣе, въ предчувствіи чего-то особеннаго. Но едва ли можно было насчитать и трехъ человѣкъ, которые могли бы точно объяснить, въ чемъ можетъ заключаться это особенное. Въ это невеселое время общее вниманіе остановилось на семейной радости Салморана. Къ нему привезли изъ Москвы его сына-первенца,

---

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 31.

остававшагося тамъ на попеченіи Нѣмки. За маленькимъ Салмораномъ посылали однако карету, двухъ лакеевъ и женщину.

Въ февралѣ слѣдующаго 1783 года возвратился наконецъ графъ Аннибалъ Зановичъ и, къ общему недоумѣнію, остановился не у Зорича, а въ домѣ Еврея Нотки. Еще болѣе показалось страннымъ, что въ первые дни своего пріѣзда онъ на-крѣпко запирался въ своей комнатѣ, не впускалъ туда даже прислуги, а когда нужно было выходить куда нибудь, то оставлялъ въ компатѣ своего брата. Но вскорѣ все это обошлось, и жизнь Шкловскаго замка пошла своимъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ веселаго обѣда, Зоричъ съ гостями своими любилъ иногда посидѣть у Салморана, и это было тѣмъ удобнѣе, что его комнаты находились почти рядомъ съ столовою Зорича. Г-жа Салморанъ садилась обыкновенно за клавикорды и своею мастерскою игрою, приводила въ восторгъ всѣхъ слушателей. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, какъ разсказываетъ Салморанъ, „Зоричъ и старшій графъ, не любя музыки, упражнялись, по ихъ обыкновенію, въ волокитствахъ за дамами, а меньшой графъ, косого лицо довольно доказываетъ, что онъ не щетъ правиться женщинамъ“, разсказывалъ самому Салморану свои дорожныя похожденія. Не смотря на всю занимательность его разсказовъ, Салморанъ принужденъ былъ слушать его только однимъ ухомъ; „другимъ—онъ прислушивался къ разговорамъ компаніи, а глаза устремлялъ на жену“. Графъ Аннибалъ разсказывалъ, будто бы ему удалось въ Брюсселѣ получить отъ банкира Ванскора, подъ вексель на герцога Ланкастерскаго, 20.000 червонцевъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Остъ-Индію, откуда намѣревался было ѣхать въ Англію, чтобъ сдѣлать тамъ расчетъ по остальнымъ векселямъ, но въ ожиданіи попутнаго вѣтра, сѣлъ играть въ карты съ нѣсколькими Англичанами и проигралъ имъ всѣ свои деньги. Англичане собрались къ нему и на другой день, но на этотъ разъ графъ игралъ счастливѣе: онъ не только возвратилъ весь вчерашній проигрышъ, но еще выигралъ отъ нихъ 50.000 руб., которые сейчасъ же получилъ деньгами, вещами и векселями. Графъ поспѣшилъ назадъ въ Брюссель, накупилъ тамъ разныхъ вещей, нанялъ для Зорича двухъ камердинеровъ Французовъ и уѣхалъ въ Берлинъ. Здѣсь ему показалось будто бы неудобнымъ ѣхать въ Шковъ съ большими деньгами и дорогими вещами, потому что до первыхъ былъ большой охотникъ Зоричъ, а до вторыхъ его братъ. „Вотъ почему я такъ обрадовался, когда мнѣ удалось наконецъ обмѣнять у одного Жида всѣ свои деньги и вещи

остававшагося тамъ на попеченіи Нѣмки. За маленькимъ Салмораномъ посылали однако карету, двухъ лакеевъ и женщину.

Въ февралѣ слѣдующаго 1783 года возвратился наконецъ графъ Аннибалъ Зановичъ и, къ общему недоумѣнію, остановился не у Зорича, а въ домѣ Еврея Нотки. Еще болѣе показалось страннымъ, что въ первые дни своего пріѣзда онъ на-крѣпко запирался въ своей комнатѣ, не впускалъ туда даже прислуги, а когда нужно было выходить куда нибудь, то оставлялъ въ компатѣ своего брата. Но вскорѣ все это обошлось, и жизнь Шкловскаго замка пошла своимъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ веселаго обѣда, Зоричъ съ гостями своими любилъ иногда посидѣть у Салморана, и это было тѣмъ удобнѣе, что его комнаты находились почти рядомъ съ столовою Зорича. Г-жа Салморанъ садилась обыкновенно за клавикорды и своею мастерскою игрою, приводила въ восторгъ всѣхъ слушателей. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, какъ разсказываетъ Салморанъ, „Зоричъ и старшій графъ, не любя музыки, упражнялись, по ихъ обыкновенію, въ волокитствахъ за дамами, а меньшой графъ, косого лицо довольно доказываетъ, что онъ не щетъ правиться женщинамъ“, разсказывалъ самому Салморану свои дорожныя похожденія. Не смотря на всю занимательность его разсказовъ, Салморанъ принужденъ былъ слушать его только однимъ ухомъ; „другимъ—онъ прислушивался къ разговорамъ компаніи, а глаза устремлялъ на жену“. Графъ Аннибалъ разсказывалъ, будто бы ему удалось въ Брюсселѣ получить отъ банкира Ванскора, подъ вексель на герцога Ланкастерскаго, 20.000 червонцевъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Остъ-Индію, откуда намѣревался было ѣхать въ Англію, чтобъ сдѣлать тамъ расчетъ по остальнымъ векселямъ, но въ ожиданіи попутнаго вѣтра, сѣлъ играть въ карты съ нѣсколькими Англичанами и проигралъ имъ всѣ свои деньги. Англичане собрались къ нему и на другой день, но на этотъ разъ графъ игралъ счастливѣе: онъ не только возвратилъ весь вчерашній проигрышъ, но еще выигралъ отъ нихъ 50.000 руб., которые сейчасъ же получилъ деньгами, вещами и векселями. Графъ поспѣшилъ назадъ въ Брюссель, накупилъ тамъ разныхъ вещей, нанялъ для Зорича двухъ камердинеровъ Французовъ и уѣхалъ въ Берлинъ. Здѣсь ему показалось будто бы неудобнымъ ѣхать въ Шковъ съ большими деньгами и дорогими вещами, потому что до первыхъ былъ большой охотникъ Зоричъ, а до вторыхъ его братъ. „Вотъ почему я такъ обрадовался, когда мнѣ удалось наконецъ обмѣнять у одного Жида всѣ свои деньги и вещи

на векселя...“ Послѣднія слова онъ проговорилъ у самаго уха Салморана и съ досадой прервалъ рѣчь, замѣтивъ крайнюю разсѣянность послѣдняго, который, казалось, слушалъ его только изъ приличія, а самъ продолжалъ тревожно посматривать то на жену, то на Зорича, то на старшаго графа. Черезъ нѣсколько минутъ все общество шумно разошлось по другимъ комнатамъ и предалось обычнымъ развлеченіямъ.

Между тѣмъ, „среди веселостей вседневныхъ“, въ Шкловѣ пронеслись глухіе толки о какихъ-то подозрительныхъ ассигнаціяхъ. Съ нѣкотораго времени торговцы стали особенно внимательно разсматривать получаемыя ими сторублевыя бумажки и, наконецъ, вовсе отказываться принимать ихъ. Однажды, младшій графъ, обмѣнивая у одного Еврея деньги, далъ ему ассигнацію. Тотъ, пристально посмотрѣвъ на нее къ свѣту, попросилъ позволенія сбѣгать съ нею домой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратилъ ассигнацію назадъ, увѣряя, что не нашелъ денегъ дома. Въ другой разъ къ Зановичу приходилъ еще одинъ Еврей и также просилъ обмѣнять 500 рублей на ассигнаціи. Зановичъ отсчиталъ ему требуемую сумму бумажками разныхъ достоинствъ: 25-ти, 50-ти и 100-рублевыми. Принимая деньги, Еврей молча откладывалъ въ сторону сторублевыя ассигнаціи и объявилъ наконецъ, что не приметъ сторублевокъ, „потому что не любитъ ихъ“.

Въ это самое время, именно въ апрѣлѣ 1783 года, князь Потемкинъ, по пути въ Могилевъ, заѣхалъ въ Шкловъ, и чтобъ показать Зоричу, что онъ не имѣетъ къ нему никакой ненависти и забылъ старую ссору, прогостилъ въ его замкѣ цѣлыя сутки [1]). Зоричъ, не зная, чѣмъ развлечь причудливаго князя, показалъ ему свое училище, но по удостовѣренію Салморана, могъ вывести въ парадъ только 12 кадетъ, по той будто бы причинѣ, что 16 кадетъ лежали въ больницѣ, а у 32-хъ — не было „штановъ“. Подъ вечеръ, одинъ шкловскій Еврей Давидъ Мовшовичъ, явился въ помѣщеніе, занятое Потемкинымъ, и сталъ настоятельно просить позволенія переговорить съ княземъ на-единѣ. Князь уединился съ нимъ въ особую комнату. Еврей показывалъ ему сторублевую ассигнацію. Князь долго разсматривалъ ее и, не находя въ ней ничего особеннаго, досадливо проговорилъ: „Ну, что же тутъ, покажи!“ Тогда Еврей показалъ, что вмѣсто ассигнація, напечатано ассигнація. „Гдѣ ты ее взялъ?“ „Если вашей свѣтлости угодно, я вамъ черезъ

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 27.

на векселя...“ Послѣднія слова онъ проговорилъ у самаго уха Салморана и съ досадой прервалъ рѣчь, замѣтивъ крайнюю разсѣянность послѣдняго, который, казалось, слушалъ его только изъ приличія, а самъ продолжалъ тревожно посматривать то на жену, то на Зорича, то на старшаго графа. Черезъ нѣсколько минутъ все общество шумно разошлось по другимъ комнатамъ и предалось обычнымъ развлеченіямъ.

Между тѣмъ, „среди веселостей вседневныхъ“, въ Шкловѣ пронеслись глухіе толки о какихъ-то подозрительныхъ ассигнаціяхъ. Съ нѣкотораго времени торговцы стали особенно внимательно разсматривать получаемыя ими сторублевыя бумажки и, наконецъ, вовсе отказываться принимать ихъ. Однажды, младшій графъ, обмѣнивая у одного Еврея деньги, далъ ему ассигнацію. Тотъ, пристально посмотрѣвъ на нее къ свѣту, попросилъ позволенія сбѣгать съ нею домой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратилъ ассигнацію назадъ, увѣряя, что не нашелъ денегъ дома. Въ другой разъ къ Зановичу приходилъ еще одинъ Еврей и также просилъ обмѣнять 500 рублей на ассигнаціи. Зановичъ отсчиталъ ему требуемую сумму бумажками разныхъ достоинствъ: 25-ти, 50-ти и 100-рублевыми. Принимая деньги, Еврей молча откладывалъ въ сторону сторублевыя ассигнаціи и объявилъ наконецъ, что не приметъ сторублевокъ, „потому что не любитъ ихъ“.

Въ это самое время, именно въ апрѣлѣ 1783 года, князь Потемкинъ, по пути въ Могилевъ, заѣхалъ въ Шкловъ, и чтобъ показать Зоричу, что онъ не имѣетъ къ нему никакой ненависти и забылъ старую ссору, прогостилъ въ его замкѣ цѣлыя сутки [1]). Зоричъ, не зная, чѣмъ развлечь причудливаго князя, показалъ ему свое училище, но по удостовѣренію Салморана, могъ вывести въ парадъ только 12 кадетъ, по той будто бы причинѣ, что 16 кадетъ лежали въ больницѣ, а у 32-хъ — не было „штановъ“. Подъ вечеръ, одинъ шкловскій Еврей Давидъ Мовшовичъ, явился въ помѣщеніе, занятое Потемкинымъ, и сталъ настоятельно просить позволенія переговорить съ княземъ на-единѣ. Князь уединился съ нимъ въ особую комнату. Еврей показывалъ ему сторублевую ассигнацію. Князь долго разсматривалъ ее и, не находя въ ней ничего особеннаго, досадливо проговорилъ: „Ну, что же тутъ, покажи!“ Тогда Еврей показалъ, что вмѣсто ассигнація, напечатано ассигнація. „Гдѣ ты ее взялъ?“ „Если вашей свѣтлости угодно, я вамъ черезъ

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 27.

полчаса принесу нѣсколько тысячъ“ [1]). Послѣ продолжительной бесѣды съ Евреемъ, князь сказался нездоровымъ и на другой день уѣхалъ назадъ въ свое помѣстье Дубровну [2]). Въ ту же ночь (на 25-е апрѣля), изъ Шклова поспѣшно выѣхали въ Оршу графъ Аннибалъ Зановичъ и Салморанъ. 26-го апрѣля Зоричъ донесъ Могилевскому намѣстническому правленію, что графъ Аннибалъ Зановичъ, *на днях*ъ пріѣхавшій изъ-за границы, отправился *въ Петербургъ* для освидѣтельствованія ассигнацій, на сумму 90.000 руб., вымѣненныхъ имъ въ Берлинѣ на голландскіе червонные и на бриліанты. А на другой день въ Могилевъ прискакалъ курьеръ отъ Потемкина съ секретнымъ письмомъ въ намѣстническое правленіе и съ приказаніемъ губернатору Энгельгардту и предсѣдателю уголовной палаты Малѣеву немедленно явиться въ Дубровну. Въ письмѣ намѣстническому правленію, отъ 27-го апрѣля, Потемкинъ давалъ знать, что „у Зорича года три какъ живутъ два Рагузинца графы Зановичи, бродяги и промышленники, которые ищутъ фортуны искусствомъ. Одинъ изъ братьевъ ѣздилъ въ чужіе края, съ обѣщаніемъ Зоричу на его бриліанты сыскать взаймы денегъ, но возвратился съ пустыми руками; послѣ его пріѣзда отправленъ имъ Жидъ извощикъ, который, какъ сказываютъ, изъ Кенигсберга привезъ шкатулку, провезя ее тайно черезъ границу. По привозѣ шкатулки зачали они обмѣнивать вездѣ ассигнаціи на червонцы, давая большой лажъ и весьма искусно по-малу и въ разныхъ мѣстахъ. Сіи ассигнаціи оказались ложными, изъ нихъ одну сюда и доставляю. По таковому монетному промыслу все согласуетъ. Зоричъ сталъ увѣрять, что онъ 450.000 долгу своего въ 4 года заплатитъ, обращая сіе будто умноженіемъ дохода до 180 тысячъ, котораго ему болѣе 60 тысячъ имѣть никакъ нельзя“.

Когда губернаторъ Энгельгардтъ явился къ Потемкину, тотъ сейчасъ же показалъ ему пукъ ассигнацій и сказалъ: „Видишь, Николай Богдановичъ, у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты не знаешь?.. Я не хочу, чтобъ ты самъ разслѣдывалъ это дѣло. Я желаю, чтобы въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ не былъ употребленъ Энгельгардтъ, мой

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 27.

[2]) Въ 56 верстахъ отъ Шклова, на большой дорогѣ въ Смоленскъ. Оно было куплено Потемкинымъ у Сапѣговъ, а въ послѣдствіи обмѣнено имъ у князя Любомирскаго на мѣстечко Смѣлу, Кіевской губерніи. См. *Без-Корниловича*, Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, стр. 219.

полчаса принесу нѣсколько тысячъ“ [1]). Послѣ продолжительной бесѣды съ Евреемъ, князь сказался нездоровымъ и на другой день уѣхалъ назадъ въ свое помѣстье Дубровну [2]). Въ ту же ночь (на 25-е апрѣля), изъ Шклова поспѣшно выѣхали въ Оршу графъ Аннибалъ Зановичъ и Салморанъ. 26-го апрѣля Зоричъ донесъ Могилевскому намѣстническому правленію, что графъ Аннибалъ Зановичъ, *на днях*ъ пріѣхавшій изъ-за границы, отправился *въ Петербургъ* для освидѣтельствованія ассигнацій, на сумму 90.000 руб., вымѣненныхъ имъ въ Берлинѣ на голландскіе червонные и на брилліанты. А на другой день въ Могилевъ прискакалъ курьеръ отъ Потемкина съ секретнымъ письмомъ въ намѣстническое правленіе и съ приказаніемъ губернатору Энгельгардту и предсѣдателю уголовной палаты Малѣеву немедленно явиться въ Дубровну. Въ письмѣ намѣстническому правленію, отъ 27-го апрѣля, Потемкинъ давалъ знать, что „у Зорича года три какъ живутъ два Рагузинца графы Зановичи, бродяги и промышленники, которые ищутъ фортуны искусствомъ. Одинъ изъ братьевъ ѣздилъ въ чужіе края, съ обѣщаніемъ Зоричу на его брилліанты сыскать взаймы денегъ, но возвратился съ пустыми руками; послѣ его пріѣзда отправленъ имъ Жидъ извощикъ, который, какъ сказываютъ, изъ Кенигсберга привезъ шкатулку, провезя ее тайно черезъ границу. По привозѣ шкатулки зачали они обмѣнивать вездѣ ассигнаціи на червонцы, давая большой лажъ и весьма искусно по-малу и въ разныхъ мѣстахъ. Сіи ассигнаціи оказались ложными, изъ нихъ одну сюда и доставляю. По таковому монетному промыслу все согласуетъ. Зоричъ сталъ увѣрять, что онъ 450.000 долгу своего въ 4 года заплатитъ, обращая сіе будто умноженіемъ дохода до 180 тысячъ, котораго ему болѣе 60 тысячъ имѣть никакъ нельзя“.

Когда губернаторъ Энгельгардтъ явился къ Потемкину, тотъ сейчасъ же показалъ ему пукъ ассигнацій и сказалъ: „Видишь, Николай Богдановичъ, у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты не знаешь?.. Я не хочу, чтобъ ты самъ разслѣдывалъ это дѣло. Я желаю, чтобы въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ не былъ употребленъ Энгельгардтъ, мой

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 27.

[2]) Въ 56 верстахъ отъ Шклова, на большой дорогѣ въ Смоленскъ. Оно было куплено Потемкинымъ у Сапѣговъ, а въ послѣдствіи обмѣнено имъ у князя Любомирскаго на мѣстечко Смѣлу, Кіевской губерніи. См. *Без-Корниловича*, Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, стр. 219.

родственникъ“ [1]). Потомъ князь позвалъ Малѣева и поручилъ ему произвести строжайшее слѣдствіе, „не щадя самого Зорича, ежели будетъ въ подозрѣніи“.

Малѣевъ немедленно приступилъ къ порученному дѣлу. По указанію Потемкина, онъ отправился въ Оршу къ полковому командиру князю Долгорукову и узналъ отъ него, что раннимъ утромъ 25-го апрѣля въ Оршу пріѣхали графъ Аннибалъ Зановичъ и учитель Салморанъ. Пока коляска ихъ переправлялась черезъ Днѣпръ, оба они заходили къ князю Долгорукову, который самъ слышалъ, какъ графъ Зановичъ говорилъ о своемъ дальнѣйшемъ путн: онъ намѣренъ былъ ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, тамъ пробыть дня четыре или пять и затѣмъ отправиться въ Петербургъ; оттуда ему хотѣлось ѣхать къ какому нибудь русскому корпусу, наряжаемому къ турецкой границѣ. Въ Шкловѣ Малѣеву донесли, что въ коляскѣ Зановича вдѣланы два потаенныхъ ящика съ фальшивыми ассигнаціями и разными инструментами. Въ Могилевѣ Малѣевъ сообщилъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія намѣстническому правленію и указалъ при этомъ, что „допесеніе Зорича не есть сходно съ предпріятымъ намѣреніемъ графа Зановича“. Малѣеву казалось особенно страннымъ показаніе Зорича, что графъ Зановичъ пріѣхалъ изъ-за границы только *на дняхъ*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ пріѣхалъ въ Шкловъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, по мнѣнію Малѣева, Зоричу, какъ владѣтелю мѣстечка, можно было бы безпрепятственно арестовать Зановича, не дожидаясь, пока тотъ самъ выѣдетъ изъ Шклова. Въ заключеніе, Малѣевъ доносилъ, что по полученному имъ свѣдѣнію, въ Шкловѣ проживаетъ другой Зановичъ, старшій братъ уѣхавшаго, который точно также занимается обмѣномъ фальшивыхъ ассигнацій на золото, давая за каждый голландскій червонецъ по три рубля ассигнаціями.

Въ слѣдствіе этого донесенія, Могилевское намѣстническое правленіе тотчасъ же разослало эстафеты въ Москву, Петербургъ и т. д., съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а Малѣеву, вмѣстѣ съ земскимъ исправникомъ, уѣзднымъ стряпчимъ и губернскими драгунами, поручено немедленно отправиться въ Шкловъ для скорѣйшаго задержанія графа Марка Зановича и ревизіи его имущества.

Малѣевъ пріѣхалъ въ Шкловъ ночью. Графъ Зановичъ, котораго они застали уже въ постели, тотчасъ же былъ отправленъ,

---

[1]) Записки Энгельгардта стр. 29.

родственникъ“ [1]). Потомъ князь позвалъ Малѣева и поручилъ ему произвести строжайшее слѣдствіе, „не щадя самого Зорича, ежели будетъ въ подозрѣніи“.

Малѣевъ немедленно приступилъ къ порученному дѣлу. По указанію Потемкина, онъ отправился въ Оршу къ полковому командиру князю Долгорукову и узналъ отъ него, что раннимъ утромъ 25-го апрѣля въ Оршу пріѣхали графъ Аннибалъ Зановичъ и учитель Салморанъ. Пока коляска ихъ переправлялась черезъ Днѣпръ, оба они заходили къ князю Долгорукову, который самъ слышалъ, какъ графъ Зановичъ говорилъ о своемъ дальнѣйшемъ путн: онъ намѣренъ былъ ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, тамъ пробыть дня четыре или пять и затѣмъ отправиться въ Петербургъ; оттуда ему хотѣлось ѣхать къ какому нибудь русскому корпусу, наряжаемому къ турецкой границѣ. Въ Шкловѣ Малѣеву донесли, что въ коляскѣ Зановича вдѣланы два потаенныхъ ящика съ фальшивыми ассигнаціями и разными инструментами. Въ Могилевѣ Малѣевъ сообщилъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія намѣстническому правленію и указалъ при этомъ, что „допесеніе Зорича не есть сходно съ предпріятымъ намѣреніемъ графа Зановича“. Малѣеву казалось особенно страннымъ показаніе Зорича, что графъ Зановичъ пріѣхалъ изъ-за границы только *на дняхъ*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ пріѣхалъ въ Шкловъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, по мнѣнію Малѣева, Зоричу, какъ владѣтелю мѣстечка, можно было бы безпрепятственно арестовать Зановича, не дожидаясь, пока тотъ самъ выѣдетъ изъ Шклова. Въ заключеніе, Малѣевъ доносилъ, что по полученному имъ свѣдѣнію, въ Шкловѣ проживаетъ другой Зановичъ, старшій братъ уѣхавшаго, который точно также занимается обмѣномъ фальшивыхъ ассигнацій на золото, давая за каждый голландскій червонецъ по три рубля ассигнаціями.

Въ слѣдствіе этого донесенія, Могилевское намѣстническое правленіе тотчасъ же разослало эстафеты въ Москву, Петербургъ и т. д., съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а Малѣеву, вмѣстѣ съ земскимъ исправникомъ, уѣзднымъ стряпчимъ и губернскими драгунами, поручено немедленно отправиться въ Шкловъ для скорѣйшаго задержанія графа Марка Зановича и ревизіи его имущества.

Малѣевъ пріѣхалъ въ Шкловъ ночью. Графъ Зановичъ, котораго они застали уже въ постели, тотчасъ же былъ отправленъ,

---

[1]) Записки Энгельгардта стр. 29.

подъ карауломъ, въ Могилевъ и тамъ доставленъ въ намѣстническое правленіе. Съ Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не дастъ отвѣта на допросные пункты [1]). Поиски Малѣева на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ. Въ квартирѣ Зановича ничего подозрительнаго не оказалось. Найдено было только около 2000 рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и шесть писемъ изъ Брюсселя, подписанныхъ буквой B. Всѣ письма были написаны по италіански и относились къ тому времени, когда младшій графъ вернулся въ Шкловъ. Особа, писавшая ихъ, говоритъ вездѣ въ мужскомъ родѣ, однако по всему видно, что это была женщина. Она часто напоминаетъ о неизмѣнной любви и „чувствительности“ къ графу Аннибалу, обѣщавшему будто бы помогать ей деньгами, удивляется его молчанію и подозрѣваетъ, что онъ бросилъ ее; потомъ утѣшается, что получила наконецъ сердечное письмо отъ *своего гр. Ан.* и все-таки жалуется, что имѣетъ недостатокъ въ весеннемъ и лѣтнемъ платьѣ и обѣщаетъ не входить въ долги до новаго пріѣзда графа. Далѣе упоминается о какихъ-то амстердамскихъ векселяхъ на Зорича; о контрактахъ, заключенныхъ имъ съ вдовою Бергинеръ о поставкѣ ему кружевъ, полотенъ, столоваго бѣлья, батисту, и съ неизвѣстнымъ купцомъ, обязавшемся поставлять въ Шкловскій замокъ вина, сахаръ и кофе. Въ послѣднемъ письмѣ категорически извѣщается, что графъ Огинскій ищетъ занять въ Голландіи 100.000 цѣнниковъ.

На допросѣ въ намѣстническомъ правленіи, графъ Маркъ Зановичъ отговаривался полнѣйшимъ невѣдѣніемъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ; на вопросы отвѣчалъ не́хотя, небрежно. По замѣчанію

[1]) Къ сожалѣнію, въ имѣющемся у насъ извлеченіи изъ дѣла о Зановичахъ, не имѣется ни запросныхъ пунктовъ, ни отвѣтовъ Зорича. Только изъ помѣщеннаго тамъ рапорта Могилевскаго намѣстническаго правленія сенату (отъ 4-го мая), мы узнаемъ, что Зорича спрашивали: когда именно пріѣхалъ Зановичъ изъ-за границы, отъ кого узналъ Зоричъ о привозѣ имъ ассигнацій и объ отъѣздѣ съ оными въ Петербургъ. Зоричъ отвѣтилъ весьма глухо и только на первый вопросъ, что Зановичъ пріѣхалъ въ Шкловъ *въ февралѣ*. Намѣстническое правленіе находило это донесеніе противорѣчащимъ первому рапорту Зорича, и что „таковымъ разнорѣчивымъ показаніемъ Зоричъ не только на Зановичевъ подаетъ большое подозрѣніе, но и себя означаетъ крайне неосторожнымъ, потому что вѣдая о сихъ ассигнаціяхъ и самаго Зановича имѣя въ Шкловѣ, не арестовалъ и далъ свободно съ ассигнаціями выѣхать“. Однако новаго объясненія съ Зорича почему-то не было требовано.

подъ карауломъ, въ Могилевъ и тамъ доставленъ въ намѣстническое правленіе. Съ Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не дастъ отвѣта на допросные пункты [1]). Поиски Малѣева на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ. Въ квартирѣ Зановича ничего подозрительнаго не оказалось. Найдено было только около 2000 рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и шесть писемъ изъ Брюсселя, подписанныхъ буквой B. Всѣ письма были написаны по италіански и относились къ тому времени, когда младшій графъ вернулся въ Шкловъ. Особа, писавшая ихъ, говоритъ вездѣ въ мужскомъ родѣ, однако по всему видно, что это была женщина. Она часто напоминаетъ о непзмѣнной любви и „чувствительности“ къ графу Аннибалу, обѣщавшему будто бы помогать ей деньгами, удивляется его молчанію и подозрѣваетъ, что онъ бросилъ ее; потомъ утѣшается, что получила наконецъ сердечное письмо отъ *своего гр. Ан.* и все-таки жалуется, что имѣетъ недостатокъ въ весеннемъ и лѣтнемъ платьѣ и обѣщаетъ не входить въ долги до новаго пріѣзда графа. Далѣе упоминается о какихъ-то амстердамскихъ векселяхъ на Зорича; о контрактахъ, заключенныхъ имъ съ вдовою Бергинеръ о поставкѣ ему кружевъ, полотенъ, столоваго бѣлья, батисту, и съ непзвѣстнымъ купцомъ, обязавшемся поставлять въ Шковскій замокъ вина, сахаръ и кофе. Въ послѣднемъ письмѣ категорически извѣщается, что графъ Огинскій нпетъ занять въ Голландіи 100.000 цѣнпховъ.

На допросѣ въ намѣстническомъ правленіи, графъ Маркъ Зановичъ отговаривался полнѣйшимъ невѣдѣніемъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ; на вопросы отвѣчалъ не́хотя, небрежно. По замѣчанію

[1]) Къ сожалѣнію, въ имѣющемся у насъ извлеченіи изъ дѣла о Зановичахъ, не имѣется ни запросныхъ пунктовъ, ни отвѣтовъ Зорича. Только изъ помѣщеннаго тамъ рапорта Могилевскаго намѣстническаго правленія сенату (отъ 4-го мая), мы узнаемъ, что Зорича спрашивали: когда именно пріѣхалъ Зановичъ изъ-за границы, отъ кого узналъ Зоричъ о привозѣ имъ ассигнацій и объ отъѣздѣ съ оными въ Петербургъ. Зоричъ отвѣтилъ весьма глухо и только на первый вопросъ, что Зановичъ пріѣхалъ въ Шковъ *въ февралѣ*. Намѣстническое правленіе находило это донесеніе противорѣчащимъ первому рапорту Зорича, и что „таковымъ разнорѣчивымъ показаніемъ Зоричъ не только на Зановичевъ подаетъ большое подозрѣніе, но и себя означаетъ крайне неосторожнымъ, потому что вѣдая о сихъ ассигнаціяхъ и самаго Зановича имѣя въ Шковѣ, не арестовалъ и далъ свободно съ ассигнаціями выѣхать“. Однако новаго объясненія съ Зорича почему-то не было требовано.

секретаря Ремаре [1]), онъ старался болѣе блистать умомъ, чѣмъ говорить истину. „Я знаю одно“, говорилъ Зановичъ, „что братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ свидѣтельствовать привезенныя имъ изъ-за границы ассигнаціи, но фальшивыя онѣ, или нѣтъ, рѣшать не берусь, потому что не признаю себя экспертомъ въ этомъ дѣлѣ. Что же касается до *дѣланія* ассигнацій, то я считаю это занятіе самымъ негоднымъ и опаснымъ средствомъ къ обогащенію. Я знаю довольно много способовъ, которые гораздо проще, искуснѣе и ни мало не опасны; почему для пріобрѣтенія денегъ никогда и не подумаю дѣлать ассигнаціи“.

Въ то время, какъ въ Могилевѣ допрашивали графа Марка Зановича, въ Москвѣ полицейская команда задержала 2-го мая у самой заставы коляску и двѣ повозки. Въ первой сидѣли графъ Аннибалъ Зановичъ и учитель Салморанъ, а въ повозкахъ тѣснилась графская свита, состоявшая изъ слѣдующихъ лицъ: корнетъ Оспинъ Березовскій, два камердинера Французы Лефранкъ и Ланеръ, крѣпостные люди Зорича — Семенъ Березинскій, Кирила Ильинъ и Захаръ Барыковъ и, наконецъ, писарь Зоричевъ Иванъ Просоновичъ.

Зановичъ сейчасъ же былъ отведенъ къ главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву, который принялъ его съ полнымъ презрѣніемъ и безпрестанно называлъ плутомъ. При графѣ Зановичѣ найдено слишкомъ 700.000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ, поддѣльныя карты и собственноручное письмо его на имя императрицы [2]).

---

[1]) Ремаре занималъ должность секретаря при иностранныхъ дѣлахъ у генералъ-губернатора Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ.

[2]) Вотъ текстъ этого письма: „Въ жестокой необходимости потерять все мое имѣніе или сдѣлаться преступникомъ, не колеблюсь я избрать первое. Послѣ претерпѣнныхъ убытковъ, послѣ несчастливыхъ приключеній, удалось мнѣ въ послѣдній поѣздъ въ чужіе края выиграть деньгами и вещами около 30.000 червонныхъ. Одинъ Бѣлорусскій Жидъ, именемъ Исакъ Каймаковичъ, знавшій меня въ Спа, увѣдомясь, что я ѣду обратно въ Россію, предложилъ мнѣ въ Берлинѣ, гдѣ я опять его нашелъ, чтобъ я промѣнялъ деньги и вещи на ассигнаціи, о которыхъ сказывалъ онъ мнѣ, что получилъ ихъ въ Кенигсбергѣ, въ платежъ за товаръ; а какъ по дѣламъ его надлежало ему съѣздить во Францію и въ Германію, и по сему должно было обмѣнить ассигнаціи на монету, то я, вѣдая о великой прибыли отъ такого промѣна, послѣ многихъ разговоровъ отдалъ ему свои деньги, считая по 3 руб. за каждый червонецъ и продалъ по выгодной цѣнѣ всѣ вещи, которыя я хотѣлъ сбыть. Пріѣхавъ въ имперію Вашего Величества и будучи въ Шкловѣ у его превосходительства генералъ-маіора Зорича, съ ко-

секретаря Ремаре [1]), онъ старался болѣе блистать умомъ, чѣмъ говорить истину. „Я знаю одно", говорилъ Зановичъ, „что братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ свидѣтельствовать привезенныя имъ изъ-за границы ассигнаціи, но фальшивыя онѣ, или нѣтъ, рѣшать не берусь, потому что не признаю себя экспертомъ въ этомъ дѣлѣ. Что же касается до *дѣланія* ассигнацій, то я считаю это занятіе самымъ негоднымъ и опаснымъ средствомъ къ обогащенію. Я знаю довольно много способовъ, которые гораздо проще, искуснѣе и ни мало не опасны; почему для пріобрѣтенія денегъ никогда и не подумаю дѣлать ассигнаціи".

Въ то время, какъ въ Могилевѣ допрашивали графа Марка Зановича, въ Москвѣ полицейская команда задержала 2-го мая у самой заставы коляску и двѣ повозки. Въ первой сидѣли графъ Аннибалъ Зановичъ и учитель Салморанъ, а въ повозкахъ тѣснилась графская свита, состоявшая изъ слѣдующихъ лицъ: корнетъ Оспинъ Березовскій, два камердинера Французы Лефранкъ и Ланеръ, крѣпостные люди Зорича — Семенъ Березинскій, Кирила Ильинъ и Захаръ Барыковъ и, наконецъ, писарь Зоричевъ Иванъ Просоновичъ.

Зановичъ сейчасъ же былъ отведенъ къ главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву, который принялъ его съ полнымъ презрѣніемъ и безпрестанно называлъ плутомъ. При графѣ Зановичѣ найдено слишкомъ 700.000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ, поддѣльныя карты и собственноручное письмо его на имя императрицы [2]).

---

[1]) Ремаре занималъ должность секретаря при иностранныхъ дѣлахъ у генералъ-губернатора Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ.

[2]) Вотъ текстъ этого письма: „Въ жестокой необходимости потерять все мое имѣніе или сдѣлаться преступникомъ, не колеблюсь я избрать первое. Послѣ претерпѣнныхъ убытковъ, послѣ несчастливыхъ приключеній, удалось мнѣ въ послѣдній поѣздъ въ чужіе края выиграть деньгами и вещами около 30.000 червонныхъ. Одинъ Бѣлорусскій Жидъ, именемъ Исакъ Каймаковичъ, знавшій меня въ Спа, увѣдомясь, что я ѣду обратно въ Россію, предложилъ мнѣ въ Берлинѣ, гдѣ я опять его нашелъ, чтобъ я промѣнялъ деньги и вещи на ассигнаціи, о которыхъ сказывалъ онъ мнѣ, что получилъ ихъ въ Кенигсбергѣ, въ платежъ за товаръ; а какъ по дѣламъ его надлежало ему съѣздить во Францію и въ Германію, и по сему должно было обмѣнить ассигнаціи на монету, то я, вѣдая о великой прибыли отъ такого промѣна, послѣ многихъ разговоровъ отдалъ ему свои деньги, считая по 3 руб. за каждый червонецъ и продалъ по выгодной цѣнѣ всѣ вещи, которыя я хотѣлъ сбыть. Пріѣхавъ въ имперію Вашего Величества и будучи въ Шкловѣ у его превосходительства генералъ-маіора Зорича, съ ко-

На допросѣ въ тайной экспедиціи графъ Аннибалъ Зановичъ давалъ крайне сбивчивыя показанія, безпрестанно удивляясь, почему онъ задержанъ въ Москвѣ въ то время, какъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ представить императрицѣ привезенныя имъ изъ-за границы ассигнаціи, и въ доказательство указывалъ на письмо, изготовленное на имя государыни. Какъ бы стакнувшись съ братомъ, онъ запирался во всемъ и ловко уклонялся отъ прямаго и опредѣленнаго отвѣта на предлагаемые вопросы, но за то безконечно долго разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ по Европѣ. Въ заключеніе онъ отказался даже приложить свою руку къ записанному съ его словъ показанію. „Меня примѣчаютъ какъ раз„бойника, а не какъ человѣка благороднаго!“ запальчиво вскрикнулъ Зановичъ. „Здѣсь я больше ничего не скажу. Я все разскажу

имъ я имѣю связь, по причинѣ одинаковаго происхожденія нашихъ фамилій, началъ я употреблять свои ассигнаціи и промѣнивать ихъ въ случаяхъ надобности; но братъ мой, находящійся тоже при помянутомъ генералъ-маіорѣ и знающій больше Россію, нежели я, показалъ мнѣ мою нерасторопность въ томъ, что я въ чужихъ краяхъ и съ неизвѣстнымъ Жидомъ вошелъ въ такое важное дѣло, и стращалъ меня безпрестанно подозрѣніями своими, что тѣ ассигнаціи могутъ быть фальшивыя. Понуждаемъ представленіями его, отвращеніемъ, которое онъ имѣлъ къ сему дѣлу и собственнымъ моимъ сомнѣніемъ въ столь нѣжной матеріи, вознамѣрился я сложить у престола Вашего Императорскаго Величества сумму *77,000* рублей, составляющуюся изъ ассигнацій, дабы Ваше Величество благоволили повелѣть разсмотрѣть оныя и возвратить мнѣ ихъ, если онѣ настоящія, или уничтожить, когда фальшивыя. Въ такомъ случаѣ былъ бы я причиною величайшаго несчастія невиннаго моего брата, который бы пострадалъ за мою безразсудливость. Почему, позабывая о самомъ себѣ, осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что великодушіе безсмертной монархини не допуститъ, чтобъ онъ былъ въ тягость своимъ друзьямъ или преданъ настоящему отчаянію; я же готовъ дать подробный отчетъ во всемъ томъ, что отъ меня потребуютъ. Я ищу только, чтобъ спасти мою честь отъ упреканій и поговорокъ народныхъ, прибѣгая прямо къ престолу Вашего Величества для сего важнаго объясненія. Я бы могъ предать забвенію сіе столь злоключительное для меня происшествіе, терзаемъ тысящею размышленій, могъ бы снести мою потерю, чтобъ не повредить моей честности и моего спокойствія, но наконецъ почелъ за лучшее предать все правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества, будучи увѣренъ, что судьба моя не заставитъ меня никогда сожалѣть о такомъ поступкѣ, о которомъ прозорливость Вашего Императорскаго Величества лучше заключить можетъ, нежели я могу изъяснить. Сердце мое, облегченное теперь правотою души моей, ожидать будетъ только того, что премудрость и справедливость, умѣряемыя милосердіемъ Вашего Величества, повелятъ. Помилуйте!“

На допросѣ въ тайной экспедиціи графъ Аннибалъ Зановичъ давалъ крайне сбивчивыя показанія, безпрестанно удивляясь, почему онъ задержанъ въ Москвѣ въ то время, какъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ представить императрицѣ привезенныя имъ изъ-за границы ассигнаціи, и въ доказательство указывалъ на письмо, изготовленное на имя государыни. Какъ бы стакнувшись съ братомъ, онъ запирался во всемъ и ловко уклонялся отъ прямаго и опредѣленнаго отвѣта на предлагаемые вопросы, но за то безконечно долго разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ по Европѣ. Въ заключеніе онъ отказался даже приложить свою руку къ записанному съ его словъ показанію. „Меня примѣчаютъ какъ раз„бойника, а не какъ человѣка благороднаго!“ запальчиво вскрикнулъ Зановичъ. „Здѣсь я больше ничего не скажу. Я все разскажу

имъ я имѣю связь, по причинѣ одинаковаго происхожденія нашихъ фамилій, началъ я употреблять свои ассигнаціи и промѣнивать ихъ въ случаяхъ надобности; но братъ мой, находящійся тоже при помянутомъ генералъ-маіорѣ и знающій больше Россію, нежели я, показалъ мнѣ мою нерасторопность въ томъ, что я въ чужихъ краяхъ и съ неизвѣстнымъ Жидомъ вошелъ въ такое важное дѣло, и стращалъ меня безпрестанно подозрѣніями своими, что тѣ ассигнаціи могутъ быть фальшивыя. Понуждаемъ представленіями его, отвращеніемъ, которое онъ имѣлъ къ сему дѣлу и собственнымъ моимъ сомнѣніемъ въ столь нѣжной матеріи, вознамѣрился я сложить у престола Вашего Императорскаго Величества сумму *77,000* рублей, составляющуюся изъ ассигнацій, дабы Ваше Величество благоволили повелѣть разсмотрѣть оныя и возвратить мнѣ ихъ, если онѣ настоящія, или уничтожить, когда фальшивыя. Въ такомъ случаѣ былъ бы я причиною величайшаго несчастія невиннаго моего брата, который бы пострадалъ за мою безразсудливость. Почему, позабывая о самомъ себѣ, осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что великодушіе безсмертной монархини не допуститъ, чтобъ онъ былъ въ тягость своимъ друзьямъ или преданъ настоящему отчаянію; я же готовъ дать подробный отчетъ во всемъ томъ, что отъ меня потребуютъ. Я ищу только, чтобъ спасти мою честь отъ упреканій и поговорокъ народныхъ, прибѣгая прямо къ престолу Вашего Величества для сего важнаго объясненія. Я бы могъ предать забвенію сіе столь злоключительное для меня происшествіе, терзаемъ тысящею размышленій, могъ бы снести мою потерю, чтобъ не повредить моей честности и моего спокойствія, но наконецъ почелъ за лучшее предать все правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества, будучи увѣренъ, что судьба моя не заставитъ меня никогда сожалѣть о такомъ поступкѣ, о которомъ прозорливость Вашего Императорскаго Величества лучше заключить можетъ, нежели я могу изъяснить. Сердце мое, облегченное теперь правотою души моей, ожидать будетъ только того, что премудрость и справедливость, умѣряемыя милосердіемъ Вашего Величества, повелятъ. Помилуйте!“

„самой императрицѣ... Ржевскій и многіе другіе господа знаютъ, „что я добрый человѣкъ!“

Салморанъ, на предложенные ему вопросы, отвѣтилъ, что выѣхалъ изъ Шклова для покупки лексиконовъ и другихъ вещей для училища. Дорогой графъ ничего не говорилъ ему объ ассигнаціяхъ и только разъ, какъ бы проговорившись, сказалъ, что имѣетъ доложить императрицѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ и надѣется быть представленнымъ Ея Величеству имѣя, будто бы, „случай въ Бецкомъ“. Въ Смоленскѣ къ графу явился шкловскій житель Спиридоніи и, отведя его въ другую комнату, вручилъ запечатанное письмо. „По уходѣ графа, говорилъ Салморанъ, я нечаянно вошелъ „въ ту комнату и, увидя на столѣ какую-то простую бумагу, „взглянулъ на нее и, примѣтивъ, что это письмо изъ Шклова отъ „старшаго Заповича и написано по италіянски, наскоро пробѣ- „жалъ его“. Въ письмѣ этомъ не было ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе Салморанъ замѣтилъ, что графъ сталъ задумчивѣе и даже забывался будто бы до такой степени, что восклицалъ по италіянски: „Теперь братъ будетъ читать всѣ мои письма изъ-за „границы! Ахъ, отчего я не въ Петербургѣ!“

Камердинеръ Заповича, Французъ Лефранкъ показалъ, что графъ привезъ изъ-за границы двѣ шкатулки: одну изъ нихъ онъ оставилъ у брата, а другую взялъ съ собою въ Москву, и что на Толочинской таможенной заставѣ вовсе не былъ осматриваемъ тотъ камердинеръ, который везъ графскій гардеробъ.

Но самое важное показаніе снято съ другого камердинера Француза Лапера. Лаперъ говорилъ, что онъ былъ нанятъ графомъ Заповичемъ въ Брюсселѣ, въ сентябрѣ 1782 г., и находился при немъ до самаго пріѣзда въ Шкловъ. Пять или шесть недѣль онъ не зналъ, какъ зовутъ его барина, потому что всѣ посѣщавшіе господа называли его просто графомъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, продолжаетъ Лаперъ, графъ Заповичъ и банкиръ Спиридоніи сѣли въ почтовую карету и уѣхали на охоту, „но дичь завела ихъ до самаго Парижа“, гдѣ они пробыли восемь дней. По возвращеніи домой, графъ нѣсколько дней сряду торговался съ типографщикомъ Гударомъ и купилъ наконецъ у него за три лудора ручной типографскій станокъ. Послѣ этой купли графъ измѣнилъ образъ жизни и каждый день строго соблюдалъ слѣдующій порядокъ: вставалъ въ 8 часовъ утра, одѣвался и ожидалъ Гудара; по приходѣ послѣдняго подавался шоколадъ, а черезъ полчаса оба они отправлялись въ кабинетъ, запирались на замокъ и работали тамъ до

„самой императрицѣ... Ржевскій и многіе другіе господа знаютъ, „что я добрый человѣкъ!“

Салморанъ, на предложенные ему вопросы, отвѣтилъ, что выѣхалъ изъ Шклова для покупки лексиконовъ и другихъ вещей для училища. Дорогой графъ ничего не говорилъ ему объ ассигнаціяхъ и только разъ, какъ бы проговорившись, сказалъ, что имѣетъ доложить императрицѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ и надѣется быть представленнымъ Ея Величеству имѣя, будто бы, „случай въ Бецкомъ“. Въ Смоленскѣ къ графу явился шкловскій житель Спиридоніи и, отведя его въ другую комнату, вручилъ запечатанное письмо. „По уходѣ графа, говорилъ Салморанъ, я нечаянно вошелъ „въ ту комнату и, увидя на столѣ какую-то простую бумагу, „взглянулъ на нее и, примѣтивъ, что это письмо изъ Шклова отъ „старшаго Заповича и написано по италіянски, наскоро пробѣ- „жалъ его“. Въ письмѣ этомъ не было ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе Салморанъ замѣтилъ, что графъ сталъ задумчивѣе и даже забывался будто бы до такой степени, что восклицалъ по италіянски: „Теперь братъ будетъ читать всѣ мои письма изъ-за „границы! Ахъ, отчего я не въ Петербургѣ!“

Камердинеръ Заповича, Французъ Лефранкъ показалъ, что графъ привезъ изъ-за границы двѣ шкатулки: одну изъ нихъ онъ оставилъ у брата, а другую взялъ съ собою въ Москву, и что на Толочинской таможенной заставѣ вовсе не былъ осматриваемъ тотъ камердинеръ, который везъ графскій гардеробъ.

Но самое важное показаніе снято съ другого камердинера Француза Лапера. Лаперъ говорилъ, что онъ былъ нанятъ графомъ Заповичемъ въ Брюсселѣ, въ сентябрѣ 1782 г., и находился при немъ до самаго пріѣзда въ Шкловъ. Пять или шесть недѣль онъ не зналъ, какъ зовутъ его барина, потому что всѣ посѣщавшіе господа называли его просто графомъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, продолжаетъ Лаперъ, графъ Заповичъ и банкиръ Спиридоніи сѣли въ почтовую карету и уѣхали на охоту, „но дичь завела ихъ до самаго Парижа“, гдѣ они пробыли восемь дней. По возвращеніи домой, графъ нѣсколько дней сряду торговался съ типографщикомъ Гударомъ и купилъ наконецъ у него за три лудора ручной типографскій станокъ. Послѣ этой купли графъ измѣнилъ образъ жизни и каждый день строго соблюдалъ слѣдующій порядокъ: вставалъ въ 8 часовъ утра, одѣвался и ожидалъ Гудара; по приходѣ послѣдняго подавался шоколадъ, а черезъ полчаса оба они отправлялись въ кабинетъ, запирались на замокъ и работали тамъ до

перваго часа по полудни. За тѣмъ обѣдали. Во все это время графъ не приказывалъ никого принимать къ себѣ. Къ ужину собирались обычные посѣтители графа: банкиръ Спиридоваль, адвокатъ Тутикъ и еще какой-то купецъ. Въ 11 или 12 часовъ гости расходились по домамъ, а графъ приказывалъ принести въ кабинетъ дровъ и работалъ одинъ до самаго утра. Квартира графа находилась въ одинокомъ флигелѣ надъ сараемъ, а потому почныя работы графа безпокоили одну только хозяйку сосѣдняго питейнаго дома, которая каждый день съ досадой говорила Лаперу, что опять не могла уснуть отъ шума въ графской комнатѣ: „Что это „опъ право... Стукнетъ два раза и вздыхаетъ... потомъ опять... и „такъ всю ночь на пролетъ!“ Даже служителя питейнаго дома не рѣдко спрашивали у Лапера: „Что за чортъ, что твой господинъ „такъ стучитъ по ночамъ?“ За три дня до отъѣзда изъ Брюсселя, Лаперъ видѣлъ въ кабинетѣ графа, передъ каминомъ, восемь большихъ пакетовъ, съ крупною надписью на каждомъ: A. S. M. I. D. T. L. R. (A Sa Majeste Imperiale De Toute La Russie). Кромѣ того, онъ видѣлъ два валька, вѣсомъ отъ 45 до 50 фунтовъ. Въ Ахенѣ, объяснялъ далѣе Лаперъ, Зановичъ со своею челядью, пробылъ три дня, и во все это время карета графа оставалась запертою; изъ нея была вынута только шкатулка. Въ Берлинѣ графъ жилъ семь дней и выходилъ изъ квартиры только по вечерамъ; къ нему часто приходилъ въ то время какой-то итальянскій купецъ. По пріѣздѣ въ Шкловъ, Лаперъ поступилъ камердинеромъ къ Зорничу, но скоро соскучился по родинѣ и просилъ разсчета; однакъ графъ настоятельно уговаривалъ его остаться, увѣряя, что скоро поѣдетъ съ нимъ въ Англію. Лаперъ слышалъ отъ Лефранка, что привезенные изъ-за границы валькы стали гораздо легче. Въ заключеніе Лаперъ положительно объявилъ, что ни въ Брюсселѣ, ни въ Берлинѣ онъ не видѣлъ у графа никакихъ бриллiантовыхъ вещей; что въ шкатулкѣ графа лежали три или четыре золотыя табакерки, да столько же часовъ, купленныхъ въ Дюссельдорфѣ; однако всѣ они вмѣстѣ стоили никакъ не больше 2000 рублей.

Послѣ допроса въ тайной экспедиціи, Салморанъ написалъ къ графу Чернышеву длинное письмо, въ которомъ между прочимъ высказываетъ надежду, что „вложивый чашу въ вретище Веніамин„ово убоится Бога и будетъ столько совѣстенъ, что не захочетъ „быть причиною несчастія неповинныхъ, которые чрезъ безразсуд„ныя распоряженія принуждены были ѣхать въ такой злоключи-

перваго часа по полудни. За тѣмъ обѣдали. Во все это время графъ не приказывалъ никого принимать къ себѣ. Къ ужину собирались обычные посѣтители графа: банкиръ Спиридоваль, адвокатъ Тутикъ и еще какой-то купецъ. Въ 11 или 12 часовъ гости расходились по домамъ, а графъ приказывалъ принести въ кабинетъ дровъ и работалъ одинъ до самаго утра. Квартира графа находилась въ одинокомъ флигелѣ надъ сараемъ, а потому почныя работы графа безпокоили одну только хозяйку сосѣдняго питейнаго дома, которая каждый день съ досадой говорила Лаперу, что опять не могла уснуть отъ шума въ графской комнатѣ: „Что это „опъ право... Стукнетъ два раза и вздыхаетъ... потомъ опять... и „такъ всю ночь на пролетъ!“ Даже служителя питейнаго дома не рѣдко спрашивали у Лапера: „Что за чортъ, что твой господинъ „такъ стучитъ по ночамъ?“ За три дня до отъѣзда изъ Брюсселя, Лаперъ видѣлъ въ кабинетѣ графа, передъ каминомъ, восемь большихъ пакетовъ, съ крупною надписью на каждомъ: A. S. M. I. D. T. L. R. (A Sa Majeste Imperiale De Toute La Russie). Кромѣ того, онъ видѣлъ два валька, вѣсомъ отъ 45 до 50 фунтовъ. Въ Ахенѣ, объяснялъ далѣе Лаперъ, Зановичъ со своею челядью, пробылъ три дня, и во все это время карета графа оставалась запертою; изъ нея была вынута только шкатулка. Въ Берлинѣ графъ жилъ семь дней и выходилъ изъ квартиры только по вечерамъ; къ нему часто приходилъ въ то время какой-то итальянскій купецъ. По пріѣздѣ въ Шкловъ, Лаперъ поступилъ камердинеромъ къ Зорничу, но скоро соскучился по родинѣ и просилъ разсчета; однакъ графъ настоятельно уговаривалъ его остаться, увѣряя, что скоро поѣдетъ съ нимъ въ Англію. Лаперъ слышалъ отъ Лефранка, что привезенные изъ-за границы валькы стали гораздо легче. Въ заключеніе Лаперъ положительно объявилъ, что ни въ Брюсселѣ, ни въ Берлинѣ онъ не видѣлъ у графа никакихъ бриллiантовыхъ вещей; что въ шкатулкѣ графа лежали три или четыре золотыя табакерки, да столько же часовъ, купленныхъ въ Дюссельдорфѣ; однако всѣ они вмѣстѣ стоили никакъ не больше 2000 рублей.

Послѣ допроса въ тайной экспедиціи, Салморанъ написалъ къ графу Чернышеву длинное письмо, въ которомъ между прочимъ высказываетъ надежду, что „вложивый чашу въ вретище Веніаминово убоится Бога и будетъ столько совѣстенъ, что не захочетъ „быть причиною несчастія неповинныхъ, которые чрезъ безразсудные распоряженія принуждены были ѣхать въ такой злоключи-

„тельной компаніи“. Послѣ такого вступленія, Салморанъ говоритъ: „Я почту за верхъ моего благополучія, чтобъ жить у ва„шего сіятельства и посвятить малыя свои дарованія службѣ та„кого господина, коего высокія знанія, разумъ и великодушіе из„вѣстны всей имперіи. Отличныя дарованія жены моей въ пѣніи, въ музыкѣ, въ играніи на клавикордахъ и въ театральныхъ представленіяхъ могли бы пригодиться для компаніи ея сіятельства... „Я же съ своей стороны употреблю всѣ свои силы, чтобъ свѣдѣнія „мои въ наукахъ были не безполезны.“ Дѣло въ томъ, что Салморанъ желалъ тогда поступить на службу къ графу Чернышеву, въ качествѣ его секретаря или адъютанта [1]). Послѣднее мѣсто графъ Чернышевъ предлагалъ ему еще пять лѣтъ тому назадъ, но съ такимъ малымъ жалованьемъ, что Салморанъ не могъ въ то время принять это предложеніе, потому что, кромѣ другихъ расходовъ, онъ долженъ былъ еще содержать своего племянника, только что пріѣхавшаго изъ Франціи и служившаго въ Михельсоновомъ полку. Салмораново письмо къ Чернышеву оканчивалось такъ: „Судьба моя состоитъ въ вашихъ сильныхъ и правосудныхъ ру„кахъ... Но я знаю, что вы, имѣя суровость Катонову, справедливы какъ Аристидъ!“

Императрица со вниманіемъ слѣдила за ходомъ дѣла, возникшаго въ помѣстьи Зорича, и для полнаго уясненія его пожелала имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ живущихъ въ Шкловѣ. Князь Потемкинъ въ письмѣ къ генералъ-губернатору Пассеку, [2]) отъ 18-го мая, уже предписывалъ: „немедленно переписать всѣхъ „живущихъ въ Шкловѣ людей, съ показаніемъ породы ихъ, времени „пребыванія, причинъ такого пребыванія, упражненія и состоянія „ихъ“. 2-го іюня Пассекъ отвѣтилъ князю Потемкину письмомъ же съ надписью *секретно:* „....Представляю при семъ къ вашему „сіятельству свѣдѣнія о всѣхъ въ Шкловѣ живущихъ, собранныя „Малѣевымъ, а равномѣрно и экстрактъ со всего дѣла, въ намѣст„ническомъ правленіи имѣющагося, также и особенно чинимые „графу Заповичу допросы на французскомъ языкѣ и взятое отъ

---

[1]) Нужно замѣтить, что Салморанъ былъ также капитаномъ польскихъ войскъ, какъ это значится на заголовкахъ его показаній.

[2]) Петръ Богдановичъ Пассекъ (1736—1804 г.), одинъ изъ пособниковъ къ восшествію Екатерины на престолъ, былъ генералъ-губернаторомъ Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ съ 1782 года до самаго воцаренія Павла, который уволилъ его отъ службы, съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицы.

„тельной компаніи“. Послѣ такого вступленія, Салморанъ говоритъ: „Я почту за верхъ моего благополучія, чтобъ жить у ва„шего сіятельства и посвятить малыя свои дарованія службѣ та„кого господина, коего высокія знанія, разумъ и великодушіе из„вѣстны всей имперіи. Отличныя дарованія жены моей въ пѣніи, въ музыкѣ, въ играніи на клавикордахъ и въ театральныхъ представленіяхъ могли бы пригодиться для компаніи ея сіятельства... „Я же съ своей стороны употреблю всѣ свои силы, чтобъ свѣдѣнія „мои въ наукахъ были не безполезны.“ Дѣло въ томъ, что Салморанъ желалъ тогда поступить на службу къ графу Чернышеву, въ качествѣ его секретаря или адъютанта [1]). Послѣднее мѣсто графъ Чернышевъ предлагалъ ему еще пять лѣтъ тому назадъ, но съ такимъ малымъ жалованьемъ, что Салморанъ не могъ въ то время принять это предложеніе, потому что, кромѣ другихъ расходовъ, онъ долженъ былъ еще содержать своего племянника, только что пріѣхавшаго изъ Франціи и служившаго въ Михельсоновомъ полку. Салмораново письмо къ Чернышеву оканчивалось такъ: „Судьба моя состоитъ въ вашихъ сильныхъ и правосудныхъ ру„кахъ... Но я знаю, что вы, имѣя суровость Катонову, справедливы какъ Аристидъ!“

Императрица со вниманіемъ слѣдила за ходомъ дѣла, возникшаго въ помѣстьи Зорича, и для полнаго успокоенія его пожелала имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ живущихъ въ Шкловѣ. Князь Потемкинъ въ письмѣ къ генералъ-губернатору Пассеку, [2]) отъ 18-го мая, уже предписывалъ: „немедленно переписать всѣхъ „живущихъ въ Шкловѣ людей, съ показаніемъ породы ихъ, времени „пребыванія, причинъ такого пребыванія, упражненія и состоянія „ихъ“. 2-го іюня Пассекъ отвѣтилъ князю Потемкину письмомъ же съ надписью *секретно:* „....Представляю при семъ къ вашему „сіятельству свѣдѣнія о всѣхъ въ Шкловѣ живущихъ, собранныя „Малѣевымъ, а равномѣрно и экстрактъ со всего дѣла, въ намѣст„ническомъ правленіи имѣющагося, также и особенно чинимые „графу Заповичу допросы на французскомъ языкѣ и взятое отъ

---

[1]) Нужно замѣтить, что Салморанъ былъ также капитаномъ польскихъ войскъ, какъ это значится на заголовкахъ его показаній.

[2]) Петръ Богдановичъ Пассекъ (1736—1804 г.), одинъ изъ пособниковъ къ восшествію Екатерины на престолъ, былъ генералъ-губернаторомъ Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ съ 1782 года до самаго воцаренія Павла, который уволилъ его отъ службы, съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицы.

„него объясненіе въ оригиналѣ и въ копіи, какой онъ націи и „какого состоянія человѣкъ [1]). Ваше сіятельство изъ экстракта „усмотрѣть изволите странныя показанія, яко то Жидъ Берковичь „утвердился, что онъ былъ посланъ Семеномъ Гавриловичемъ „Зоричемъ для привезенія двухъ ящиковъ съ картами; сіе под- „тверждается и рапортомъ главнаго таможеннаго надзирателя, „что г. Зоричь писалъ къ нему письмо о пропускѣ сихъ ящиковъ „съ картами, прося, что какъ оныя для его камердинеровъ, и „пошлина за нихъ не велика, то онъ г. Зоричь за того Жида и „отвѣчаетъ; но я, сомнѣвался, какимъ образомъ и черезъ кого „могутъ его камердинеры выписывать прямо, старался отыскать „фрактъ-брифъ, который, съ немалымъ трудомъ доставъ, при семъ „прилагаю, изъ коего усмотрѣть изволите, что сіи карты получены, „адресованныя въ Кенигсбергъ Есъ-Паніаку и Шумаху изъ Бер- „линской конторы отъ Зала Фарони и К" на имя графа Зановича, „а не камердинеровъ г. Зорича. По показанію же Жида Шмуйлы „Гиршовича въ намѣстническомъ правленіи явствуетъ, яко бы сей „Жидъ видѣлъ въ покояхъ г. Зорича ящикъ, у коего крышку под- „нималъ находящійся при немъ карла, а тогда онъ, Гиршовичь, „примѣтилъ, что въ томъ ящикѣ карты положены только сверху, „подъ ними жъ накладены были ассигнаціи. Не меньше удивляетъ „меня и то, что отыскана подорожная за рукою его г. Зорича у „находящагося въ Шкловѣ Грека Симуніани, который былъ отъ „старшаго Зановича посланъ въ слѣдъ съ письмомъ къ отъ- „ѣхавшему изъ Шклова съ ассигнаціями къ Москвѣ меньшому „Зановичу, и сей Грекъ показалъ, что онъ привезъ въ отвѣтъ „письмо отъ меньшаго Зановича къ большему брату Зановичу, но „не возвратясь въ Шкловъ, свѣдалъ, что уже старшій Зановичь „взятъ подъ караулъ, то и привезенное имъ письмо отдалъ г. Зо- „ричу. Что же принадлежитъ до находящагося здѣсь старшаго „брата Зановича, то видно сему молодцу уже не первина быть „въ допросахъ, что̀ усмотрѣть изволите изъ его объясненія.. „Въ отысканіи жъ инструментовъ стараніе прилагалъ я всевоз- „можное, нанималъ людей, которые ночью въ колодезяхъ и въ прудѣ „въ Шкловѣ искали, но не нашли; равномѣрно посылалъ искать „по берегу рѣки Днѣпра, въ разсужденіи, что когда рѣка въ свои „берега входить начала, то могло бъ на берегахъ или въ пескѣ „остаться что̀ брошенное, но нигдѣ ничего не нашли".

---

[1]) Поименованные здѣсь документы намъ не извѣстны.

„него объясненіе въ оригиналѣ и въ копіи, какой онъ націи и „какого состоянія человѣкъ [1]). Ваше сіятельство изъ экстракта „усмотрѣть изволите странныя показанія, яко то Жидъ Берковичь „утвердился, что онъ былъ посланъ Семеномъ Гавриловичемъ „Зоричемъ для привезенія двухъ ящиковъ съ картами; сіе под- „тверждается и рапортомъ главнаго таможеннаго надзирателя, „что г. Зоричь писалъ къ нему письмо о пропускѣ сихъ ящиковъ „съ картами, прося, что какъ оныя для его камердинеровъ, и „пошлина за нихъ не велика, то онъ г. Зоричь за того Жида и „отвѣчаетъ; но я, сомнѣвался, какимъ образомъ и черезъ кого „могутъ его камердинеры выписывать прямо, старался отыскать „фрактъ-брифъ, который, съ немалымъ трудомъ доставъ, при семъ „прилагаю, изъ коего усмотрѣть изволите, что сіи карты получены, „адресованныя въ Кенигсбергъ Есъ-Паніаку и Шумаху изъ Бер- „линской конторы отъ Зала Фарони и К" на имя графа Зановича, „а не камердинеровъ г. Зорича. По показанію же Жида Шмуйлы „Гиршовича въ намѣстническомъ правленіи явствуетъ, яко бы сей „Жидъ видѣлъ въ покояхъ г. Зорича ящикъ, у коего крышку под- „нималъ находящійся при немъ карла, а тогда онъ, Гиршовичь, „примѣтилъ, что въ томъ ящикѣ карты положены только сверху, „подъ ними жъ накладены были ассигнаціи. Не меньше удивляетъ „меня и то, что отыскана подорожная за рукою его г. Зорича у „находящагося въ Шкловѣ Грека Симуніани, который былъ отъ „старшаго Зановича посланъ въ слѣдъ съ письмомъ къ отъ- „ѣхавшему изъ Шклова съ ассигнаціями къ Москвѣ меньшому „Зановичу, и сей Грекъ показалъ, что онъ привезъ въ отвѣтъ „письмо отъ меньшаго Зановича къ большему брату Зановичу, но „не возвратясь въ Шкловъ, свѣдалъ, что уже старшій Зановичь „взятъ подъ караулъ, то и привезенное имъ письмо отдалъ г. Зо- „ричу. Что же принадлежитъ до находящагося здѣсь старшаго „брата Зановича, то видно сему молодцу уже не первина быть „въ допросахъ, что̀ усмотрѣть изволите изъ его объясненія.. „Въ отысканіи жъ инструментовъ стараніе прилагалъ я всевоз- „можное, нанималъ людей, которые ночью въ колодезяхъ и въ прудѣ „въ Шкловѣ искали, но не нашли; равномѣрно посылалъ искать „по берегу рѣки Днѣпра, въ разсужденіи, что когда рѣка въ свои „берега входить начала, то могло бъ на берегахъ или въ пескѣ „остаться что̀ брошенное, но нигдѣ ничего не нашли".

---

[1]) Поименованные здѣсь документы намъ не извѣстны.

Въ слѣдъ за тѣмъ князь Потемкинъ, въ письмѣ къ Пассеку, отъ 2-го іюня, передалъ ему приказаніе императрицы удерживать Зорича отъ поѣздки въ Петербургъ и почаще присылать курьеровъ съ увѣдомленіемъ о ходѣ дѣла Зановичей. Но письмо это пришло въ Могилевъ, когда Зорича уже не было въ Шкловѣ. 28-го мая онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Отъ 6-го іюня Пассекъ отвѣчалъ князю Потемкину, что когда Зоричъ требовалъ подорожной для проѣзда въ Петербургъ, то „онъ не осмѣлился воспретить дать ему оную, дабы не понесть какого неудовольствія... Я помышлялъ самъ посовѣтовать Зоричу не ѣздить въ Петербургъ, но увѣренъ будучи, что онъ не послушаетъ, то сей совѣтъ оставилъ, а въ доказательство его немедленности здѣсь сказать могу, когда онъ г. Зоричъ по тремъ указамъ изъ правительствующаго сената не отдалъ диплома, то могъ ли бы онъ отъ меня принять совѣтъ съ уваженіемъ, а напротивъ бы сталъ всѣмъ разсказывать, что онъ совѣтъ отъ меня слышалъ, но не уважая ѣдетъ въ Петербургъ“. Въ особой припискѣ Пассекъ говоритъ, что не можетъ не указать на Француза Салморана: „Если хорошенько поразспросить его, то можно много отъ него свѣдать, въ чемъ Заповичи таятъ, яко то объ инструментахъ, и гдѣ они ассигнаціи печатали. Онъ, Салморанъ, безразлучно съ меньшимъ Заповичемъ былъ, да и здѣсь находящаго подкрѣпляетъ“. Вскорѣ по отправкѣ этого письма, въ квартирѣ Заповичей отысканы подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій, по открытіи чего графъ Маркъ Зановичъ былъ немедленно отправленъ въ Петербургъ [1]).

На бѣду Салморана, въ это же время былъ задержанъ одинъ шкловскій Еврей съ фальшивыми ассигнаціями. На допросѣ Еврей показалъ, что получилъ ассигнаціи отъ учителя Салморана. Начались новые допросы. Салморанъ поспѣшилъ представить свой письменный отвѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Подробное объясненіе на одинъ только пунктъ, въ которомъ меня почитаютъ виновнымъ“. „Я очень хорошо помню“, говоритъ Салморанъ, „что графъ, окрестя ребенка одного изъ музыкантовъ его превосходительства, избралъ этотъ день, чтобъ подарить метрдотелевой дочери, а своей кумѣ, которая, стороною сказать, весьма пригожа, 500 рублей“. Графъ желалъ сдѣлать этотъ подарокъ золотомъ и спросилъ будто бы Салморана, не можетъ ли онъ, обмѣнять ему ассигнаціи на червонцы. Салморанъ, вмѣсто отвѣта, послалъ за

---

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 34.

Въ слѣдъ за тѣмъ князь Потемкинъ, въ письмѣ къ Пассеку, отъ 2-го іюня, передалъ ему приказаніе императрицы удерживать Зорича отъ поѣздки въ Петербургъ и почаще присылать курьеровъ съ увѣдомленіемъ о ходѣ дѣла Заповичей. Но письмо это пришло въ Могилевъ, когда Зорича уже не было въ Шкловѣ. 28-го мая онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Отъ 6-го іюня Пассекъ отвѣчалъ князю Потемкину, что когда Зоричъ требовалъ подорожной для проѣзда въ Петербургъ, то „онъ не осмѣлился воспретить дать ему оную, дабы не понесть какого неудовольствія... Я помышлялъ самъ посовѣтовать Зоричу не ѣздить въ Петербургъ, но увѣренъ будучи, что онъ не послушаетъ, то сей совѣтъ оставилъ, а въ доказательство его немедленности здѣсь сказать могу, когда онъ г. Зоричъ по тремъ указамъ изъ правительствующаго сената не отдалъ диплома, то могъ ли бы онъ отъ меня принять совѣтъ съ уваженіемъ, а напротивъ бы сталъ всѣмъ разсказывать, что онъ совѣтъ отъ меня слышалъ, но не уважая ѣдетъ въ Петербургъ“. Въ особой припискѣ Пассекъ говоритъ, что не можетъ не указать на Француза Салморана: „Если хорошенько поразспросить его, то можно много отъ него свѣдать, въ чемъ Заповичи таятъ, яко то объ инструментахъ, и гдѣ они ассигнаціи печатали. Онъ, Салморанъ, безразлучно съ меньшимъ Заповичемъ былъ, да и здѣсь находящаго подкрѣпляетъ“. Вскорѣ по отправкѣ этого письма, въ квартирѣ Заповичей отысканы подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій, по открытіи чего графъ Маркъ Заповичъ былъ немедленно отправленъ въ Петербургъ [1]).

На бѣду Салморана, въ это же время былъ задержанъ одинъ шкловскій Еврей съ фальшивыми ассигнаціями. На допросѣ Еврей показалъ, что получилъ ассигнаціи отъ учителя Салморана. Начались новые допросы. Салморанъ поспѣшилъ представить свой письменный отвѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Подробное объясненіе на одинъ только пунктъ, въ которомъ меня почитаютъ виновнымъ“. „Я очень хорошо помню“, говоритъ Салморанъ, „что графъ, окрестя ребенка одного изъ музыкантовъ его превосходительства, избралъ этотъ день, чтобъ подарить метрдотелевой дочери, а своей кумѣ, которая, стороною сказать, весьма пригожа, 500 рублей“. Графъ желалъ сдѣлать этотъ подарокъ золотомъ и спросилъ будто бы Салморана, не можетъ ли онъ, обмѣнять ему ассигнаціи на червонцы. Салморанъ, вмѣсто отвѣта, послалъ за

---

[1]) Записки Энгельгардта, стр. 34.

шковскимъ Евреемъ-мѣнялой, а графъ сейчасъ же отсчиталъ три сторублевыхъ ассигнаціи и положилъ ихъ на клавикорды. „Израильтянинъ“ сейчасъ же явился и отсчиталъ на клавикордахъ же 130 червонцевъ, а Салморанъ, „по добродушію своему, бросилъ обрѣзанцу тѣ три ассигнаціи, которыя графъ оставилъ на клавикордахъ“.

Это послѣднее объясненіе, кажется, было уважено, потому что вскорѣ послѣ того Салморанъ представилъ сенату рядъ записокъ, въ которыхъ говоритъ совсѣмъ о другихъ предметахъ, и къ тому же въ такомъ тонѣ, который свойственъ человѣку, окончательно оправдавшемуся отъ ложныхъ обвиненій. Въ первой запискѣ Салморанъ жалуется на „слабость душевныхъ силъ отъ пятидесятидневнаго содержанія подъ стражей въ тайности, молчаніи, безъ книгъ“. „Невинность моя“, говоритъ онъ, „довольно уже доказана, а потому, противъ обыкновенія всѣхъ ученыхъ людей, буду говорить о себѣ мало“. Однако Салморанъ не сдержалъ своего слова, потому что разговорился о себѣ на пяти листахъ, восхваляя безпрестанно свои прекрасныя качества и таланты. Доведя разсказъ до несчастнаго приключенія у Московской заставы, Салморанъ останавливается и горько сѣтуетъ на свою несчастную долю: „Шестеро несчастныхъ, раздѣляющихъ со мною горестное состояніе, не столько жалки, какъ я. Они почти всѣ холосты или рабы; я же имѣю званіе принадлежу весьма честной фамиліи, имѣю отца стараго воина и наполненнаго чести, мать самую добродѣтельнѣйшую женщину, 14 сестеръ и 5 братьевъ, всѣ живые; они не богаты, но всѣ наполнены достойными рожденія своего качествами. Я привязанъ къ любезной женѣ, къ одному дитяти, отнятому отъ груди, къ другому, который еще сосетъ, и къ третьему, дышащему въ утробѣ почтенной моей супруги; словомъ, я принадлежу 60 отцамъ или матерямъ, ввѣрившимъ мнѣ дѣтей. Я долженъ оправдать мою честь предъ ними, предъ имперіей, предъ моимъ отечествомъ, предъ всею вселенною!“

Въ слѣдующей запискѣ Салморанъ пробуетъ охарактеризировать графовъ Зановичей, но къ сожалѣнію, самъ сознается, что „для легкомысленной французской головы трудно проникнуть пропасть и темную глубину италіанскаго сердца“. Старшій Зановичъ, по описанію Салморана, имѣетъ „гибкій, уловительный разумъ“ и привлекательную наружность. Всякое предпріятіе, какое бы онъ ни задумалъ, всегда удавалось ему. Онъ упорно шелъ къ той цѣли, которую разъ назначалъ себя, и при этомъ походилъ то на хамеле-

шковскимъ Евреемъ-мѣнялой, а графъ сейчасъ же отсчиталъ три сторублевыхъ ассигнаціи и положилъ ихъ на клавикорды. „Израильтянинъ“ сейчасъ же явился и отсчиталъ на клавикордахъ же 130 червонцевъ, а Салморанъ, „по добродушію своему, бросилъ обрѣзанцу тѣ три ассигнаціи, которыя графъ оставилъ на клавикордахъ“.

Это послѣднее объясненіе, кажется, было уважено, потому что вскорѣ послѣ того Салморанъ представилъ сенату рядъ записокъ, въ которыхъ говоритъ совсѣмъ о другихъ предметахъ, и къ тому же въ такомъ тонѣ, который свойственъ человѣку, окончательно оправдавшемуся отъ ложныхъ обвиненій. Въ первой запискѣ Салморанъ жалуется на „слабость душевныхъ силъ отъ пятидесятидневнаго содержанія подъ стражей въ тайности, молчаніи, безъ книгъ“. „Невинность моя“, говоритъ онъ, „довольно уже доказана, а потому, противъ обыкновенія всѣхъ ученыхъ людей, буду говорить о себѣ мало“. Однако Салморанъ не сдержалъ своего слова, потому что разговорился о себѣ на пяти листахъ, восхваляя безпрестанно свои прекрасныя качества и таланты. Доведя разсказъ до несчастнаго приключенія у Московской заставы, Салморанъ останавливается и горько сѣтуетъ на свою несчастную долю: „Шестеро несчастныхъ, раздѣляющихъ со мною горестное состояніе, не столько жалки, какъ я. Они почти всѣ холосты или рабы; я же имѣю званіе принадлежу весьма честной фамиліи, имѣю отца стараго воина и наполненнаго чести, мать самую добродѣтельнѣйшую женщину, 14 сестеръ и 5 братьевъ, всѣ живые; они не богаты, но всѣ наполнены достойными рожденія своего качествами. Я привязанъ къ любезной женѣ, къ одному дитяти, отнятому отъ груди, къ другому, который еще сосетъ, и къ третьему, дышащему въ утробѣ почтенной моей супруги; словомъ, я принадлежу 60 отцамъ или матерямъ, ввѣрившимъ мнѣ дѣтей. Я долженъ оправдать мою честь предъ ними, предъ имперіей, предъ моимъ отечествомъ, предъ всею вселенною!“

Въ слѣдующей запискѣ Салморанъ пробуетъ охарактеризировать графовъ Зановичей, но къ сожалѣнію, самъ сознается, что „для легкомысленной французской головы трудно проникнуть пропасть и темную глубину италіанскаго сердца“. Старшій Зановичъ, по описанію Салморана, имѣетъ „гибкій, уловительный разумъ“ и привлекательную наружность. Всякое предпріятіе, какое бы онъ ни задумалъ, всегда удавалось ему. Онъ упорно шелъ къ той цѣли, которую разъ назначалъ себя, и при этомъ походилъ то на хамеле-

она, мѣняющаго цвѣта, то на гребца, обращающагося спиною къ тому мѣсту, къ которому намѣренъ пристать. Но что особенно поражаетъ въ немъ, чего Салморанъ никакъ не ожидалъ отъ человѣка, родившагося при „подошвѣ горы Монтенегро“,— это многостороннее образованіе графа. Салморанъ сознается, что графъ Маркъ даже плѣнялъ его своими обширными свѣдѣніями. Младшій Заповичъ много уступалъ брату и по уму, и по образованію, и по наружности. Съ своею необузданною запальчивостію и скрытностію онъ смотрѣлъ „настоящимъ Монтенегриномъ“. Сравнивая обоихъ братьевъ, Салморанъ называетъ старшаго лисицей и змѣей, а втораго медвѣдемъ и львомъ. Первый былъ способенъ задумывать предпріятія, а второй — исполнять ихъ. Но при всемъ томъ, Салморанъ увѣряетъ, что никогда не подозрѣвалъ, чтобъ люди „такой знатной фамиліи“, какъ Заповичи, могли рѣшиться на ужасное преступленіе, о которомъ онъ узналъ, будто бы, только на дняхъ. Далѣе идутъ на нѣсколькихъ страницахъ общія разсужденія о степени виновности Заповичей, а въ концѣ записки Салморанъ уже указываетъ правительству, какъ нужно поступить для полнѣйшаго раскрытія преступленія Заповичей: онъ совѣтуетъ разослать въ разныя мѣста Европы искуснѣйшихъ агентовъ, чтобъ они побывали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливался Заповичъ, „прозѣдывали бы объ его поступкахъ и упражненіяхъ, подслушивали бы высматривали... Поиски должны быть ведены съ хитростью, прозорливостью и даже съ обманомъ, ибо въ таковыхъ обстоятельствахъ и онъ позволителенъ.... Доказательствомъ можетъ служить успѣхъ въ открытіи зловредныхъ умысловъ Пушкина и Ботарда въ 1772 и Шампаніолотовыхъ — въ 1776 году“ [1]).

Послѣдняя записка Салморана наполнена жалобами на Зорича за неплатежъ жалованья и долговъ. Изъ приложеннаго реестра мы узнаемъ, что Зоричъ остался долженъ Салморану 14.158 рублей съ копѣйками. Нѣкоторыя статьи этого реестра заслуживаютъ быть выписанными:

„... Дано учителю французскаго языка на сапоги, чулки и башмаки . . . . . 3 руб.

За покраденныя крѣпостною его превосходительства дѣвкою у жены моей вещи, которыя эта дѣвка отдала

[1]) Зловредные замыслы Пушкина заключались также въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Объ этомъ см. „Осмн. Вѣкъ“, I, 95 и сл.

она, мѣняющаго цвѣта, то на гребца, обращающагося спиною къ тому мѣсту, къ которому намѣренъ пристать. Но что особенно поражаетъ въ немъ, чего Салморанъ никакъ не ожидалъ отъ человѣка, родившагося при „подошвѣ горы Монтенегро“,— это многостороннее образованіе графа. Салморанъ сознается, что графъ Маркъ даже плѣнялъ его своими обширными свѣдѣніями. Младшій Зановичъ много уступалъ брату и по уму, и по образованію, и по наружности. Съ своею необузданною запальчивостію и скрытностію онъ смотрѣлъ „настоящимъ Монтенегриномъ“. Сравнивая обоихъ братьевъ, Салморанъ называетъ старшаго лисицей и змѣей, а втораго медвѣдемъ и львомъ. Первый былъ способенъ задумывать предпріятія, а второй — исполнять ихъ. Но при всемъ томъ, Салморанъ увѣряетъ, что никогда не подозрѣвалъ, чтобъ люди „такой знатной фамиліи“, какъ Зановичи, могли рѣшиться на ужасное преступленіе, о которомъ онъ узналъ, будто бы, только на дняхъ. Далѣе идутъ на нѣсколькихъ страницахъ общія разсужденія о степени виновности Зановичей, а въ концѣ записки Салморанъ уже указываетъ правительству, какъ нужно поступить для полнѣйшаго раскрытія преступленія Зановичей: онъ совѣтуетъ разослать въ разныя мѣста Европы искуснѣйшихъ агентовъ, чтобъ они побывали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливался Зановичъ, „прозѣдывали бы объ его поступкахъ и упражненіяхъ, подслушивали бы высматривали... Поиски должны быть ведены съ хитростью, прозорливостью и даже съ обманомъ, ибо въ таковыхъ обстоятельствахъ и онъ позволителенъ.... Доказательствомъ можетъ служить успѣхъ въ открытіи зловредныхъ умысловъ Пушкина и Ботарда въ 1772 и Шампаніолотовыхъ — въ 1776 году“ [1]).

Послѣдняя записка Салморана наполнена жалобами на Зорича за неплатежъ жалованья и долговъ. Изъ приложеннаго реестра мы узнаемъ, что Зоричъ остался долженъ Салморану 14.158 рублей съ копѣйками. Нѣкоторыя статьи этого реестра заслуживаютъ быть выписанными:

„... Дано учителю французскаго языка на сапоги, чулки и башмаки . . . . . 3 руб.

За покраденныя крѣпостною его превосходительства дѣвкою у жены моей вещи, которыя эта дѣвка отдала

---

[1]) Зловредные замыслы Пушкина заключались также въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Объ этомъ см. „Осмн. Вѣкъ“, I, 95 и сл.

любовнику своему парикмахеру его превосходительства, за что его превосходительство обѣщалъ моей женѣ заплатить 200 руб.

За два года, въ которые жена моя пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей, употребляя для сего свое платье, требуетъ она не 10.000 руб, которые его превосходительство обѣщалъ ей однажды, когда она безпримѣрно хорошо играла, но только по 100 руб. на мѣсяцъ, что составляетъ за два года, въ которые она не получила ни копѣйки . . . . . 2.400 »

За представленія мною комедій и оперъ въ два года, на что я употреблялъ свое платье и сочинялъ самъ тѣ комедіи, въ разсужденіи, что я не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій, требую я . . . . . 800 »

Долженъ мнѣ по игрѣ въ вистъ . . . . . 38 »

и т. д.

Но что особенно любопытно, Салморанъ предлагаетъ правительству послать его за границу для разслѣдованія дѣла Зановичей: „Я употреблю такіе прописки“, говоритъ Салморанъ, „что развѣ представится физическая невозможность, чтобъ я не раскрылъ сего неистоваго умысла“. Онъ обѣщаетъ посѣтить Берлинъ, Брюссель и Амстердамъ, увѣряя, что эти города хорошо извѣстны ему, потому что онъ по долгу живалъ въ нихъ и даже печаталъ тамъ свои сочиненія, которыя теперь продаются, будто бы, въ Петербургѣ, у книгопродавца Вейтбрехта и въ Москвѣ у Ридигера. Въ случаѣ успѣшнаго окончанія порученія, продолжаетъ Салморанъ, „мнѣ должны дать мѣсто, приличное моимъ знаніямъ, напримѣръ, при библіотекѣ Ея Величества, ибо я знаю совершенно библіографію, или въ академіи, или наконецъ въ дипломатикѣ, которой я обучался почти всю жизнь и имѣю совершенное понятіе о всемъ, касающемся до мирныхъ трактатовъ, союзовъ и государственныхъ пользъ“.

Салморанъ опоздалъ съ своими услугами. Дѣло графовъ Зановичей было уже рѣшено въ сенатѣ и представлено на утвержденіе государыни. На сенатскомъ докладѣ, отъ 7-го августа 1783 года, Екатерина написала: „Быть по сему“.

Графъ Аннибалъ Зиновичъ обвинялся въ привозѣ изъ-за границы завѣдомо фальшивыхъ ассигнацій, а графъ Маркъ Зановичъ—въ сокрытіи преступленія брата. Кромѣ того, оба графа были заподозрѣны въ самомъ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Всѣ остальные подсу-

любовнику своему парикмахеру его превосходительства, за что его превосходительство обѣщалъ моей женѣ заплатить 200 руб.

За два года, въ которые жена моя пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей, употребляя для сего свое платье, требуетъ она не 10.000 руб, которые его превосходительство обѣщалъ ей однажды, когда она безпримѣрно хорошо играла, но только по 100 руб. на мѣсяцъ, что составляетъ за два года, въ которые она не получила ни копѣйки . . . . . 2.400 »

За представленія мною комедій и оперъ въ два года, на что я употреблялъ свое платье и сочинялъ самъ тѣ комедіи, въ разсужденіи, что я не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій, требую я . . . . . 800 »

Долженъ мнѣ по игрѣ въ вистъ . . . . . 38 »

и т. д.

Но что особенно любопытно, Салморанъ предлагаетъ правительству послать его за границу для разслѣдованія дѣла Зановичей: „Я употреблю такіе прописки“, говоритъ Салморанъ, „что развѣ представится физическая невозможность, чтобъ я не раскрылъ сего неистоваго умысла“. Онъ обѣщаетъ посѣтить Берлинъ, Брюссель и Амстердамъ, увѣряя, что эти города хорошо извѣстны ему, потому что онъ по долгу живалъ въ нихъ и даже печаталъ тамъ свои сочиненія, которыя теперь продаются, будто бы, въ Петербургѣ, у книгопродавца Вейтбрехта и въ Москвѣ у Ридигера. Въ случаѣ успѣшнаго окончанія порученія, продолжаетъ Салморанъ, „мнѣ должны дать мѣсто, приличное моимъ знаніямъ, напримѣръ, при библіотекѣ Ея Величества, ибо я знаю совершенно библіографію, или въ академіи, или наконецъ въ дипломатикѣ, которой я обучался почти всю жизнь и имѣю совершенное понятіе о всемъ, касающемся до мирныхъ трактатовъ, союзовъ и государственныхъ пользъ“.

Салморанъ опоздалъ съ своими услугами. Дѣло графовъ Зановичей было уже рѣшено въ сенатѣ и представлено на утвержденіе государыни. На сенатскомъ докладѣ, отъ 7-го августа 1783 года, Екатерина написала: „Быть по сему“.

Графъ Аннибалъ Зиновичъ обвинялся въ привозѣ изъ-за границы завѣдомо фальшивыхъ ассигнацій, а графъ Маркъ Зановичъ—въ сокрытіи преступленія брата. Кромѣ того, оба графа были заподозрѣны въ самомъ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Всѣ остальные подсу-

димые, въ томъ числѣ и Салморанъ, были оправданы и освобождены изъ-подъ караула, съ обязательствомъ „не дѣлать ни малѣйшаго разглашенія объ извѣстномъ дѣлѣ“. 25-го октября состоялся высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ предписывалось: „Зановичей заключить въ Нейшлотскую крѣпость на безъисходное пребываніе на пять лѣтъ, по истеченіи же сего времени намъ доложить“.

Повелѣніе было исполнено. Прошло пять лѣтъ и ровно за три недѣли до окончанія этого срока, императрица сама вспомнила о преступникахъ. 15-го сентября 1788 года генералъ прокуроръ князь А. А. Вяземскій получилъ слѣдующій высочайшій указъ:

„Князь Александръ Алексѣевичъ!

Извѣстныхъ Зановичей, по истеченіи срока заключенію ихъ опредѣленнаго, повелѣваемъ препроводить къ городу Архангельскому, давъ знать правящему должность тамошняго генералъ-губернатора генералъ-поручику Тутолмину, чтобъ онъ выслалъ ихъ на случающемся кораблѣ внѣ имперіи нашей, подтвердивъ имъ подъ жесточайшимъ наказаніемъ впредь не возвращаться въ границы наши; но буде уже по настоящему позднему времени корабли купеческіе въ морѣ не отправляются, то удержать ихъ Зановичей подъ присмотромъ, предписавъ оберъ-коменданту и городничему наблюдать за ихъ поведеніемъ“ [1]).

Черезъ десять лѣтъ послѣ описаннаго нами происшествія извѣстный статсъ-секретарь Екатерины, Храповицкій, въ дневникѣ своемъ, подъ 1793 годомъ, записалъ слѣдующія слова Екатерины о Зоричѣ: „Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ дурное; былъ храбръ въ сраженіяхъ, но лично трусъ. И виноватъ по дѣлу графовъ Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ“.

А. БАРСУКОВЪ.

С.-Петербургъ.
20-го Октября 1870 года.

---

[1]) Энгельгардтъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ, что Зановичи освобождены изъ крѣпости *въ 1789 г.*, участвовали въ защитѣ крѣпости отъ нападенія Шведовъ и проч. Приведенный высочайшій указъ достаточно опровергаетъ это показаніе.

димые, въ томъ числѣ и Салморанъ, были оправданы и освобождены изъ-подъ караула, съ обязательствомъ „не дѣлать ни малѣйшаго разглашенія объ извѣстномъ дѣлѣ“. 25-го октября состоялся высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ предписывалось: „Зановичей заключить въ Нейшлотскую крѣпость на безъисходное пребываніе на пять лѣтъ, по истеченіи же сего времени намъ доложить“.

Повелѣніе было исполнено. Прошло пять лѣтъ и ровно за три недѣли до окончанія этого срока, императрица сама вспомнила о преступникахъ. 15-го сентября 1788 года генералъ прокуроръ князь А. А. Вяземскій получилъ слѣдующій высочайшій указъ:

„Князь Александръ Алексѣевичъ!

Извѣстныхъ Зановичей, по истеченіи срока заключенію ихъ опредѣленнаго, повелѣваемъ препроводить къ городу Архангельскому, давъ знать правящему должность тамошняго генералъ-губернатора генералъ-поручику Тутолмину, чтобъ онъ выслалъ ихъ на случающемся кораблѣ внѣ имперіи нашей, подтвердивъ имъ подъ жесточайшимъ наказаніемъ впредь не возвращаться въ границы наши; но буде уже по настоящему позднему времени корабли купеческіе въ морѣ не отправляются, то удержать ихъ Зановичей подъ присмотромъ, предписавъ оберъ-коменданту и городничему наблюдать за ихъ поведеніемъ“ [1]).

Черезъ десять лѣтъ послѣ описаннаго нами происшествія извѣстный статсъ-секретарь Екатерины, Храповицкій, въ дневникѣ своемъ, подъ 1793 годомъ, записалъ слѣдующія слова Екатерины о Зоричѣ: „Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ дурное; былъ храбръ въ сраженіяхъ, но лично трусъ. И виноватъ по дѣлу графовъ Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ“.

А. БАРСУКОВЪ.

С.-Петербургъ.
20-го Октября 1870 года.

---

[1]) Энгельгардтъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ, что Зановичи освобождены изъ крѣпости *въ 1789 г.*, участвовали въ защитѣ крѣпости отъ нападенія Шведовъ и проч. Приведенный высочайшій указъ достаточно опровергаетъ это показаніе.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТЕРБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

I. АРАКЧЕЕВЪ И КРЕСТОВСКАЯ КАРУСЕЛЬ.

Совершенно правдивый разсказъ, который я намѣренъ предложить читателямъ, переданъ былъ мнѣ покойнымъ отцомъ моимъ, умершимъ въ 1862 году въ г. Тамбовѣ. Отецъ мой, родившійся въ Фатежскомъ имѣніи своего родителя, владѣвшаго порядочными вотчинами въ губерніяхъ Курской, Орловской и Калужской, воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній конца прошлаго столѣтія, именно въ С.-Петербургскомъ горномъ корпусѣ, откуда въ первый годъ текущаго столѣтія поступилъ въ военную службу, по той части, которая нынѣче называется генеральнымъ штабомъ, а тогда именовалась квартирмейстерскою частью свиты государя императора. Отецъ мой поступилъ, какъ говорилось тогда, „въ свиту“, не офицеромъ сначала, а полуофицеромъ, то есть, колонновожатымъ [1]). Вскорѣ онъ былъ произведенъ въ офицеры, и въ качествѣ офицера по квартирмейстерской части, а также адъютанта знаменитаго генерала Беннигсена, при-

[1]) Эти колонновожатые были въ родѣ портупей-прапорщиковъ, но киверa не носили, а такую же шляпу, какъ и офицеры; на мундирѣ только не было жгутовъ и аксельбанта. Въ послѣдствіи, въ 1819 году, было учреждено училище колонновожатыхъ, директоромъ котораго былъ генералъ-маіоръ А. И. Хатовъ (переводчикъ „Исторіи нашествія Наполеона“, соч. Бутурлина, умершій въ 1840 г. въ чинѣ генерала отъ инфантеріи). Это училище было закрыто вскорѣ послѣ 14 декабря 1825 года. Колонновожатые 20-хъ годовъ имѣли форму гвардейской артиллеріи, только съ бѣлымъ прикладомъ, то есть, темнозеленый колетъ, чекчиры съ краснымъ лампасомъ, саблю и узко-высокій киверъ, безъ султана, но съ помпономъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТЕРБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

I. АРАКЧЕЕВЪ И КРЕСТОВСКАЯ КАРУСЕЛЬ.

Совершенно правдивый разсказъ, который я намѣренъ предложить читателямъ, переданъ былъ мнѣ покойнымъ отцомъ моимъ, умершимъ въ 1862 году въ г. Тамбовѣ. Отецъ мой, родившійся въ Фатежскомъ имѣніи своего родителя, владѣвшаго порядочными вотчинами въ губерніяхъ Курской, Орловской и Калужской, воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній конца прошлаго столѣтія, именно въ С.-Петербургскомъ горномъ корпусѣ, откуда въ первый годъ текущаго столѣтія поступилъ въ военную службу, по той части, которая нынѣче называется генеральнымъ штабомъ, а тогда именовалась квартирмейстерскою частью свиты государя императора. Отецъ мой поступилъ, какъ говорилось тогда, „въ свиту“, не офицеромъ сначала, а полуофицеромъ, то есть, колонновожатымъ [1]). Вскорѣ онъ былъ произведенъ въ офицеры, и въ качествѣ офицера по квартирмейстерской части, а также адъютанта знаменитаго генерала Беннигсена, при-

[1]) Эти колонновожатые были въ родѣ портупей-прапорщиковъ, но киверa не носили, а такую же шляпу, какъ и офицеры; на мундирѣ только не было жгутовъ и аксельбанта. Въ послѣдствіи, въ 1819 году, было учреждено училище колонновожатыхъ, директоромъ котораго былъ генералъ-маіоръ А. И. Хатовъ (переводчикъ „Исторіи нашествія Наполеона“, соч. Бутурлина, умершій въ 1840 г. въ чинѣ генерала отъ инфантеріи). Это училище было закрыто вскорѣ послѣ 14 декабря 1825 года. Колонновожатые 20-хъ годовъ имѣли форму гвардейской артиллеріи, только съ бѣлымъ прикладомъ, то есть, темнозеленый колетъ, чекчиры съ краснымъ лампасомъ, саблю и узко-высокій киверъ, безъ султана, но съ помпономъ.

принялъ участіе во всѣхъ войнахъ Россіи противъ Наполеона до конца 1809 г., когда оставилъ военную службу, по волѣ своего отца, не позволявшаго ему жениться иначе, какъ съ условіемъ поступить въ гражданскую службу. Замѣчательно, что отецъ мой прослужилъ всего 64 года и изъ этого числа 33 года былъ предсѣдателемъ казенныхъ палатъ, сначала Орловской, а потомъ Тамбовской, въ какомъ званіи и умеръ въ іюнѣ 1862 года, на восьмидесятомъ году отъ рожденія.

Случай изъ жизни моего отца, заставившій его поспѣшить снятіемъ военнаго мундира, произошелъ въ 1809 году, когда онъ жилъ въ Петербургѣ и надѣялся, по любви своей къ военной службѣ, которая, правду сказать, ему такъ ласково улыбалась, уговорить своего строгаго и настойчиваго старика-отца предоставить ему возможность соединить условіе ношенія военнаго мундира съ мирными занятіями преподавателя военныхъ наукъ—тактики и стратегіи въ высшихъ классахъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича. Комбинація эта ладилась уже при усердномъ содѣйствіи большого пріятеля моего отца, ротнаго командира въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, капитана Филиппа Логиновича Юнкера, молодаго человѣка, очень для того времени образованнаго, одного изъ лучшихъ кадетъ Ангальтовскихъ временъ.

Капитанъ Юнкеръ пользовался большимъ уваженіемъ всего высшаго корпуснаго начальства, хотя однажды и случилась съ нимъ нѣкоторая довольно крупная непріятность собственно по службѣ. Непріятность эта состояла въ томъ, что въ одну ночь, когда Юнкеръ былъ дежурнымъ по всему корпусу и, разумѣется, проводилъ всю эту ночь въ полной формѣ, — вдругъ въ корпусъ неожиданно пріѣхалъ корпусный генералъ-инспекторъ великій князь Константинъ Павловичъ. У дежурнаго по корпусу все было найдено въ отличнѣйшемъ порядкѣ, о чемъ на другой день и было, отъ имени генералъ-инспектора, сказано въ дневномъ по корпусамъ приказѣ; но въ томъ же приказѣ говорилось приблизительно слѣдующее: упоминалось, что „въ дежурной комнатѣ Его Высочествомъ „найдена книга, подъ названіемъ *Кандидъ, сочиненія господина де-„Вольтера*, которую, какъ оказалось, читалъ дежурный по корпусу „капитанъ Юнкеръ, въ томъ и сознавшійся. А какъ романы господина де-Вольтера не должны быть читаемы русскими офицерами, „и особенно обязанными по службѣ воспитывать военное юношество; „то на первый разъ, ему, капитану Юнкеру, приказомъ отдается стро-

принялъ участіе во всѣхъ войнахъ Россіи противъ Наполеона до конца 1809 г., когда оставилъ военную службу, по волѣ своего отца, не позволявшаго ему жениться иначе, какъ съ условіемъ поступить въ гражданскую службу. Замѣчательно, что отецъ мой прослужилъ всего 64 года и изъ этого числа 33 года былъ предсѣдателемъ казенныхъ палатъ, сначала Орловской, а потомъ Тамбовской, въ какомъ званіи и умеръ въ іюнѣ 1862 года, на восьмидесятомъ году отъ рожденія.

Случай изъ жизни моего отца, заставившій его поспѣшить снятіемъ военнаго мундира, произошелъ въ 1809 году, когда онъ жилъ въ Петербургѣ и надѣялся, по любви своей къ военной службѣ, которая, правду сказать, ему такъ ласково улыбалась, уговорить своего строгаго и настойчиваго старика-отца предоставить ему возможность соединить условіе ношенія военнаго мундира съ мирными занятіями преподавателя военныхъ наукъ—тактики и стратегіи въ высшихъ классахъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича. Комбинація эта ладилась уже при усердномъ содѣйствіи большого пріятеля моего отца, ротнаго командира въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, капитана Филиппа Логиновича Юнкера, молодаго человѣка, очень для того времени образованнаго, одного изъ лучшихъ кадетъ Ангальтовскихъ временъ.

Капитанъ Юнкеръ пользовался большимъ уваженіемъ всего высшаго корпуснаго начальства, хотя однажды и случилась съ нимъ нѣкоторая довольно крупная непріятность собственно по службѣ. Непріятность эта состояла въ томъ, что въ одну ночь, когда Юнкеръ былъ дежурнымъ по всему корпусу и, разумѣется, проводилъ всю эту ночь въ полной формѣ, — вдругъ въ корпусъ неожиданно пріѣхалъ корпусный генералъ-инспекторъ великій князь Константинъ Павловичъ. У дежурнаго по корпусу все было найдено въ отличнѣйшемъ порядкѣ, о чемъ на другой день и было, отъ имени генералъ-инспектора, сказано въ дневномъ по корпусамъ приказѣ; но въ томъ же приказѣ говорилось приблизительно слѣдующее: упоминалось, что „въ дежурной комнатѣ Его Высочествомъ „найдена книга, подъ названіемъ *Кандидъ, сочиненія господина де-„Вольтера*, которую, какъ оказалось, читалъ дежурный по корпусу „капитанъ Юнкеръ, въ томъ и сознавшійся. А какъ романы господина де-Вольтера не должны быть читаемы русскими офицерами, „и особенно обязанными по службѣ воспитывать военное юношество; „то на первый разъ, ему, капитану Юнкеру, приказомъ отдается стро-

„жайшій выговоръ, безъ внесенія, однако, въ формуляръ; самую же „книгу „Кандидъ“ приказано полиціймейстеру корпуса немедленно „въ корпусной пекарнѣ сжечь, а на будущее же время зорко наблю„дать, чтобы никто въ корпусѣ, изъ офицеровъ или иныхъ чиновъ, „чтеніемъ сочиненій господина де-Вольтера отнюдь не упражнялся“. Это маленькое обстоятельство нисколько, однако, не помѣшало капитану Юнкеру быть въ мнѣніи высшаго корпуснаго начальства на счету отличнѣйшихъ офицеровъ и получать различныя награды, постоянно очень охотно утверждаемыя цесаревичемъ, который только спрашивалъ при этомъ: „А что, сочиненій де-Вольтера больше не читаетъ?“

Этотъ г. Юнкеръ былъ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей моего отца въ то время, то есть, за шестьдесятъ лѣтъ предъ симъ. Въ послѣдствіи онъ оставилъ корпусную службу, промѣнявъ ее на сенатскую. Въ двадцатыхъ годахъ, будучи мальчикомъ, я помню Филиппа Логиновича Юнкера уже весьма богатымъ господиномъ и оберъ-секретаремъ сената, имѣвшимъ по своей службѣ громадное вліяніе. Тогда онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей однихъ лѣтъ почти со мною, почему меня, отъ времени до времени, возили въ гости къ Юнкеровымъ, преимущественно лѣтомъ на Черноръченскую дачу ихъ. Статскій совѣтникъ Юнкеръ умеръ, помнится, во время перваго холернаго погрома 1831 года. Съ 14-го декабря 1825 года, когда въ числѣ декабристовъ, сосланныхъ въ Сибирь на каторгу, былъ братъ жены Юнкера, гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ Рѣпинъ, Филиппъ Логиновичъ все—говорили тогда—какъ-то грустилъ и все словно чего-то опасался. Очень можетъ быть, что по дружбѣ съ своимъ шуриномъ, онъ что-нибудь и вѣдалъ о декабристскомъ заговорѣ, хотя Рѣпинъ при допросахъ не выдалъ его ни полсловомъ.

Въ 1809 году отецъ мой, въ то время свитскій майоръ по квартирмейстерской части, знавшій основательно, кромѣ французскаго, и нѣмецкій языкъ, въ которомъ особенно напрактиковался въ 1805 году въ Брюннѣ, гдѣ привелось ему прожить десять мѣсяцевъ, въ качествѣ военнопленнаго,—перевелъ какую-то тактическую нѣмецкую книжку, считавшуюся въ то время довольно замѣчательною и, само собою разумѣется, вмѣнилъ себѣ въ обязанность поднести одинъ экземпляръ этого перевода, чрезъ свое начальство, а именно, тогдашняго генералъ-квартирмейстера, ежели не ошибаюсь, графа Штейнгеля, и тогдашняго начальника главнаго штаба, князя Петра Михайловича Волконскаго императору

„жайшій выговоръ, безъ внесенія, однако, въ формуляръ; самую же „книгу „Кандидъ“ приказано полиціймейстеру корпуса немедленно „въ корпусной пекарнѣ сжечь, а на будущее же время зорко наблю„дать, чтобы никто въ корпусѣ, изъ офицеровъ или иныхъ чиновъ, „чтеніемъ сочиненій господина де-Вольтера отнюдь не упражнялся“. Это маленькое обстоятельство нисколько, однако, не помѣшало капитану Юнкеру быть въ милѣпіи высшаго корпуснаго начальства на счету отличнѣйшихъ офицеровъ и получать различныя награды, постоянно очень охотно утверждаемыя цесаревичемъ, который только спрашивалъ при этомъ: „А что, сочиненій де-Вольтера больше не читаетъ?“

Этотъ г. Юнкеръ былъ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей моего отца въ то время, то есть, за шестьдесятъ лѣтъ предъ симъ. Въ послѣдствіи онъ оставилъ корпусную службу, промѣнявъ ее на сенатскую. Въ двадцатыхъ годахъ, будучи мальчикомъ, я помню Филиппа Логиновича Юнкера уже весьма богатымъ господиномъ и оберъ-секретаремъ сената, имѣвшимъ по своей службѣ громадное вліяніе. Тогда онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей однихъ лѣтъ почти со мною, почему меня, отъ времени до времени, возили въ гости къ Юнкеровымъ, преимущественно лѣтомъ на Черноръченскую дачу ихъ. Статскій совѣтникъ Юнкеръ умеръ, помнится, во время перваго холернаго погрома 1831 года. Съ 14-го декабря 1825 года, когда въ числѣ декабристовъ, сосланныхъ въ Сибирь на каторгу, былъ братъ жены Юнкера, гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ Рѣпинъ, Филиппъ Логиновичъ все—говорили тогда—какъ-то грустилъ и все словно чего-то опасался. Очень можетъ быть, что по дружбѣ съ своимъ шуриномъ, онъ что-нибудь и вѣдалъ о декабристскомъ заговорѣ, хотя Рѣпинъ при допросахъ не выдалъ его ни полсловомъ.

Въ 1809 году отецъ мой, въ то время свитскій майоръ по квартирмейстерской части, знавшій основательно, кромѣ французскаго, и нѣмецкій языкъ, въ которомъ особенно напрактиковался въ 1805 году въ Брюннѣ, гдѣ привелось ему прожить десять мѣсяцевъ, въ качествѣ военнопленнаго,—перевелъ какую-то тактическую нѣмецкую книжку, считавшуюся въ то время довольно замѣчательною и, само собою разумѣется, вмѣнилъ себѣ въ обязанность поднести одинъ экземпляръ этого перевода, чрезъ свое начальство, а именно, тогдашняго генералъ-квартирмейстера, ежели не ошибаюсь, графа Штейнгеля, и тогдашняго начальника главнаго штаба, князя Петра Михайловича Волконскаго императору

Александру Павловичу, отъ щедротъ котораго не разъ авторы и переводчики разныхъ книгъ, маломальски вниманія достойныхъ, получали знаки благосклонности, состоявшіе изъ болѣе или менѣе драгоцѣнныхъ подарковъ. Отцу моему, при стараніяхъ генералъ-квартирмейстера, особенно его любившаго и ему покровительствовавшаго, за переводный трудъ его въ отзывѣ генералъ-квартирмейстера названный „весьма добропорядочнымъ и на пользу воинскихъ наукъ въ отечествѣ устремленный“, пожалована была золотая, осыпанная алмазами и другими камешками, табакерка, на крышкѣ которой красками на эмалѣ изображенъ былъ видъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ отецъ мой преимущественно отличился, за что и получилъ орденъ Владиміра съ бантомъ, да отъ Прусскаго короля знаменитый орденъ „за заслуги“ (pour le mérite). Такую деликатную внимательность къ заслугамъ офицера, только что недавно еще произведеннаго въ маіоры, проявилъ къ отцу моему, какъ я слыхалъ отъ него самого, его тогдашній добрый и необыкновенно любезный начальникъ, графъ Штейнгель, который сказалъ ему, передавая табакерку: „Теперь, любезный майоръ, вамъ надо непремѣнно выучиться нюхать табакъ, и для того я въ вашу табакерку насыпалъ моего настоящаго гаре.“ И, дѣйствительно, съ этого самаго времени отецъ мой, до тѣхъ поръ не курившій, какъ онъ, впрочемъ, не курилъ во всю жизнь, и не нюхавшій, сталъ нюхать табакъ.

Пусть не думаетъ читатель, что все то, что онъ теперь прочелъ, я передалъ такъ себѣ, безъ всякой цѣли, чтобы только поговорить печатно о близкомъ мнѣ человѣкѣ. Нѣтъ, изложенное имѣетъ тѣсную связь съ тѣмъ разсказомъ, заглавіе котораго стоитъ въ началѣ этой статьи, и къ которому я наконецъ приступаю теперь, послѣ всѣхъ предисловій.

Въ 1809 году Крестовскій островъ, нынѣ третьестепенное мѣсто публичныхъ гуляній, далеко не отличающееся никакимъ особеннымъ изяществомъ, было, напротивъ того, сборнымъ пунктомъ для самой блестящей Петербургской публики, которая, подъ звуки двухъ или трехъ военныхъ оркестровъ, гуляла по широкой, очень широкой, усыпанной красноватымъ пескомъ и обставленной зелеными деревянными диванчиками, дорогѣ, шедшей по берегу зеркальной Невы, въ виду расположенныхъ на противоположномъ берегу изящныхъ дачъ каммергера Зиновьева, графа Лаваля и Дмитрія Львовича Нарышкина, тогдашняго оберъ-егермейстера.

Послѣдняя изъ названныхъ дачъ, въ особенности, обращала на

Александру Павловичу, отъ щедротъ котораго не разъ авторы и переводчики разныхъ книгъ, маломальски вниманія достойныхъ, получали знаки благосклонности, состоявшіе изъ болѣе или менѣе драгоцѣнныхъ подарковъ. Отцу моему, при стараніяхъ генералъ-квартирмейстера, особенно его любившаго и ему покровительствовавшаго, за переводный трудъ его въ отзывѣ генералъ-квартирмейстера названный „весьма добропорядочнымъ и на пользу воинскихъ наукъ въ отечествѣ устремленный“, пожалована была золотая, осыпанная алмазами и другими камешками, табакерка, на крышкѣ которой красками на эмалѣ изображенъ былъ видъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ отецъ мой преимущественно отличился, за что и получилъ орденъ Владиміра съ бантомъ, да отъ Прусскаго короля знаменитый орденъ „за заслуги“ (pour le mérite). Такую деликатную внимательность къ заслугамъ офицера, только что недавно еще произведеннаго въ маіоры, проявилъ къ отцу моему, какъ я слыхалъ отъ него самого, его тогдашній добрый и необыкновенно любезный начальникъ, графъ Штейнгель, который сказалъ ему, передавая табакерку: „Теперь, любезный майоръ, вамъ надо непремѣнно выучиться нюхать табакъ, и для того я въ вашу табакерку насыпалъ моего настоящаго гаре.“ И, дѣйствительно, съ этого самаго времени отецъ мой, до тѣхъ поръ не курившій, какъ онъ, впрочемъ, не курилъ во всю жизнь, и не нюхавшій, сталъ нюхать табакъ.

Пусть не думаетъ читатель, что все то, что онъ теперь прочелъ, я передалъ такъ себѣ, безъ всякой цѣли, чтобы только поговорить печатно о близкомъ мнѣ человѣкѣ. Нѣтъ, изложенное имѣетъ тѣсную связь съ тѣмъ разсказомъ, заглавіе котораго стоитъ въ началѣ этой статьи, и къ которому я наконецъ приступаю теперь, послѣ всѣхъ предисловій.

Въ 1809 году Крестовскій островъ, нынѣ третьестепенное мѣсто публичныхъ гуляній, далеко не отличающееся никакимъ особеннымъ изяществомъ, было, напротивъ того, сборнымъ пунктомъ для самой блестящей Петербургской публики, которая, подъ звуки двухъ или трехъ военныхъ оркестровъ, гуляла по широкой, очень широкой, усыпанной красноватымъ пескомъ и обставленной зелеными деревянными диванчиками, дорогѣ, шедшей по берегу зеркальной Невы, въ виду расположенныхъ на противоположномъ берегу изящныхъ дачъ каммергера Зиновьева, графа Лаваля и Дмитрія Львовича Нарышкина, тогдашняго оберъ-егермейстера.

Послѣдняя изъ названныхъ дачъ, въ особенности, обращала на

себя тогда общее вниманіе, благодаря личности своего богача-владѣльца. Д. Л. Нарышкинъ славился, во-первыхъ, тѣмъ, что у него былъ удивительный хоръ роговой музыки, состоявшій изъ полсотни придворныхъ егерей, игравшихъ на *позолоченныхъ* охотничьихъ рожкахъ, словно одинъ человѣкъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ и превосходною гармоніею, заставлявшими удивляться всѣхъ иностранцевъ, изъ числа которыхъ нашелся даже одинъ британскій эксцентрикъ, пріѣхавшій нарочно въ Петербургъ изъ своего туманнаго Лондона, чтобы взглянуть на прелестную рѣшетку Лѣтняго Сада и послушать Нарышкинскій хоръ. Во-вторыхъ, Дмитрій Львовичъ имѣлъ и другія права на знаменитость, а именно, супруга его, прелестнѣйшая изъ прелестнѣйшихъ женщинъ, столь извѣстная Марья Антоновна, пользовалась особеннымъ вниманіемъ императора Александра Павловича. Марья Антоновна Нарышкина имѣла какую-то странную антипатію къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву и постоянно и рѣзко проявляла передъ государемъ свое нерасположеніе къ выслужившемуся Гатчинскому фельдфебелю. Антипатія эта доходила до такой степени, что въ гостиной Марьи Антоновны имя Аракчеева считалось контрабандой, никто никогда не осмѣливался произносить его тамъ, и примѣромъ такой сдержанности служилъ самъ государь, ежедневно бывавшій у очаровательной „Армиды“, какъ называли Марью Антоновну тогдашніе придворные льстецы. Въ свою очередь, и Аракчеевъ всею силою своей далеко не свѣтлой души ненавидѣлъ Марью Антоновну, благодаря вліянію которой многое въ государственной машинѣ, имъ управляемой, дѣлалось иногда помимо его воли. Въ слѣдствіе этого всякая сплетня, сообщенная Аракчееву объ Марьѣ Антоновнѣ, принималась имъ съ удовольствіемъ, выражавшимся не рѣдко какою-то волчьею улыбкою на его всегда мрачной и сосредоточенной, грубой и, какъ тогда выражались, „солдафонской“, физіономіи. Аракчеевъ не имѣлъ возможности выслѣживать Александра Павловича въ его Капуѣ, то есть, на дачѣ Нарышкиныхъ, въ то время, когда государь проводилъ время въ обществѣ Марьи Антоновны, то бесѣдуя съ нею въ ея будуарѣ, то превращаясь въ послушнаго ученика, которому веселая хозяйка преподастъ игру на фортепіано, то прогуливаясь съ нею въ ея раззолоченномъ катерѣ по Невѣ, въ сопровожденіи другого катера, везшаго весь хоръ знаменитой роговой музыки. Царскій любимецъ нашелъ однако способъ не терять Александра изъ виду даже и тамъ, куда самъ не могъ проникнуть. Малочувствительный къ какой бы то

себя тогда общее вниманіе, благодаря личности своего богача-владѣльца. Д. Л. Нарышкинъ славился, во-первыхъ, тѣмъ, что у него былъ удивительный хоръ роговой музыки, состоявшій изъ полсотни придворныхъ егерей, игравшихъ на *позолоченныхъ* охотничьихъ рожкахъ, словно одинъ человѣкъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ и превосходною гармоніею, заставлявшими удивляться всѣхъ иностранцевъ, изъ числа которыхъ нашелся даже одинъ британскій эксцентрикъ, пріѣхавшій нарочно въ Петербургъ изъ своего туманнаго Лондона, чтобы взглянуть на прелестную рѣшетку Лѣтняго Сада и послушать Нарышкинскій хоръ. Во-вторыхъ, Дмитрій Львовичъ имѣлъ и другія права на знаменитость, а именно, супруга его, прелестнѣйшая изъ прелестнѣйшихъ женщинъ, столь извѣстная Марья Антоновна, пользовалась особеннымъ вниманіемъ императора Александра Павловича. Марья Антоновна Нарышкина имѣла какую-то странную антипатію къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву и постоянно и рѣзко проявляла передъ государемъ свое нерасположеніе къ выслужившемуся Гатчинскому фельдфебелю. Антипатія эта доходила до такой степени, что въ гостиной Марьи Антоновны имя Аракчеева считалось контрабандой, никто никогда не осмѣливался произносить его тамъ, и примѣромъ такой сдержанности служилъ самъ государь, ежедневно бывавшій у очаровательной „Армиды“, какъ называли Марью Антоновну тогдашніе придворные льстецы. Въ свою очередь, и Аракчеевъ всею силою своей далеко не свѣтлой души ненавидѣлъ Марью Антоновну, благодаря вліянію которой многое въ государственной машинѣ, имъ управляемой, дѣлалось иногда помимо его воли. Въ слѣдствіе этого всякая сплетня, сообщенная Аракчееву объ Марьѣ Антоновнѣ, принималась имъ съ удовольствіемъ, выражавшимся не рѣдко какою-то волчьею улыбкою на его всегда мрачной и сосредоточенной, грубой и, какъ тогда выражались, „солдафонской“, физіономіи. Аракчеевъ не имѣлъ возможности выслѣживать Александра Павловича въ его Капуѣ, то есть, на дачѣ Нарышкиныхъ, въ то время, когда государь проводилъ время въ обществѣ Марьи Антоновны, то бесѣдуя съ нею въ ея будуарѣ, то превращаясь въ послушнаго ученика, которому веселая хозяйка преподастъ игру на фортепіано, то прогуливаясь съ нею въ ея раззолоченномъ катерѣ по Невѣ, въ сопровожденіи другого катера, везшаго весь хоръ знаменитой роговой музыки. Царскій любимецъ нашелъ однако способъ не терять Александра изъ виду даже и тамъ, куда самъ не могъ проникнуть. Малочувствительный къ какой бы то

ни было музыкѣ, Аракчеевъ—искренно или нѣтъ—очень жаловалъ Нарышкинскую роговую музыку, и отъ времени до времени жители Петербургской Стороны, особенно Зеленной улицы, видали, лѣтомъ подъ вечеръ, ѣдущую мимо ихъ оконъ довольно неуклюжую зеленую коляску на изрядно высокомъ ходу; коляска ѣхала небыстро, запряженная не четверкою цугомъ, какъ всѣ ѣздили тогда, а четверкою въ рядъ, по видимому, тяжелыхъ, дюжихъ артиллерійскихъ копей. Въ колескѣ на заднемъ мѣстѣ помѣщался скучный, неуклюжій генералъ въ высокой шляпѣ по формѣ съ черным султанчикомъ, а на передкѣ передъ нимъ молодой сухопарый адъютантъ въ шляпѣ, также съ черным султанчикомъ, что означало пѣхотинца, и въ полномъ адъютантскомъ мундирѣ съ серебрянымъ аксельбантомъ и съ предлиннымъ серебрянымъ же шарфомъ. Генералъ, по видимому, отъ времени до времени что-то говорилъ, глядя въ упоръ на сухопараго, жиденькаго своего адъютантика съ острымъ ястребинымъ носомъ и вообще съ какою-то птичьею физіономіею. И адъютантъ, какъ замѣтно было, что-то отвѣчалъ, почтительно приподнимая за уголъ свою шляпу, обращенную углами взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ углы генеральской шляпы были надъ плечами. Этот генералъ и его адъютантъ были: графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ и его тогдашній безсмѣнный адъютантъ, гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, сынъ также одного изъ Гатчинскихъ генераловъ и одного изъ друзей Аракчеева. Алексѣй Андреевичъ отправлялся такимъ образомъ на Зиновьевскую дачу, чтобъ оттуда слушать Нарышкинскую роговую музыку, звуки которой неслись или съ Нарышкинской дачи или съ катеровъ, въ которыхъ каталась Марья Антоновна. Аракчеевъ снижалъ обыкновенно на балконѣ Зиновьевской дачи или на береговой террасѣ, уставленной мраморными вазами съ ростимп въ нихъ кустами алыхъ, бѣлыхъ и желтыхъ розъ, и оттуда, невидимый съ катера, прикрытый густотою растеній, злобно наблюдалъ за всѣми движеніями своего—какъ онъ называлъ Александра—„благодѣтеля“. На другое утро Аракчеевъ, при докладѣ, находилъ время довольно ловко и всегда желчно сказать что нибудь колкое на счетъ отношеній Александра Павловича къ Марьѣ Антоновнѣ. Достойно вниманія однако, что Императоръ, тогда еще во всемъ цвѣтѣ молодаго возраста, принималъ всѣ эти бутады своего вѣрнаго, но совершенно невоспитаннаго подданнаго - друга, всегда съ улыбкою [1]).

[1]) Императору Александру I въ то время было 32 года, а Аракчееву въ 1809 году приходилось 40 лѣтъ.

ни было музыкѣ, Аракчеевъ—искренно или нѣтъ—очень жаловалъ Нарышкинскую роговую музыку, и отъ времени до времени жители Петербургской Стороны, особенно Зеленной улицы, видали, лѣтомъ подъ вечеръ, ѣдущую мимо ихъ оконъ довольно неуклюжую зеленую коляску на изрядно высокомъ ходу; коляска ѣхала небыстро, запряженная не четверкою цугомъ, какъ всѣ ѣздили тогда, а четверкою въ рядъ, по видимому, тяжелыхъ, дюжихъ артиллерійскихъ копей. Въ колескѣ на заднемъ мѣстѣ помѣщался скучный, неуклюжій генералъ въ высокой шляпѣ по формѣ съ черным султанчикомъ, а на передкѣ передъ нимъ молодой сухопарый адъютантъ въ шляпѣ, также съ черным султанчикомъ, что означало пѣхотинца, и въ полномъ адъютантскомъ мундирѣ съ серебрянымъ аксельбантомъ и съ предлинным серебрянымъ же шарфомъ. Генералъ, по видимому, отъ времени до времени что-то говорилъ, глядя въ упоръ на сухопараго, жиденькаго своего адъютантика съ острымъ ястребинымъ носомъ и вообще съ какою-то птичьею физіономіею. И адъютантъ, какъ замѣтно было, что-то отвѣчалъ, почтительно приподнимая за уголъ свою шляпу, обращенную углами взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ углы генеральской шляпы были надъ плечами. Этн генералъ и его адъютантъ были: графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ и его тогдашній безсмѣнный адъютантъ, гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, сынъ также одного изъ Гатчинскихъ генераловъ и одного изъ друзей Аракчеева. Алексѣй Андреевичъ отправлялся такимъ образомъ на Зиновьевскую дачу, чтобъ оттуда слушать Нарышкинскую роговую музыку, звуки которой неслись или съ Нарышкинской дачи или съ катеровъ, въ которыхъ каталась Марья Антоновна. Аракчеевъ снижалъ обыкновенно на балконѣ Зиновьевской дачи или на береговой террасѣ, уставленной мраморными вазами съ ростимн въ нихъ кустами алыхъ, бѣлыхъ и желтыхъ розъ, и оттуда, невидимый съ катера, прикрытый густотою растеній, злобно наблюдалъ за всѣми движеніями своего—какъ онъ называлъ Александра—„благодѣтеля“. На другое утро Аракчеевъ, при докладѣ, находилъ время довольно ловко и всегда желчно сказать что нибудь колкое на счетъ отношеній Александра Павловича къ Марьѣ Антоновнѣ. Достойно вниманія однако, что Императоръ, тогда еще во всемъ цвѣтѣ молодаго возраста, принималъ всѣ эти бутады своего вѣрнаго, но совершенно невоспитаннаго подданнаго - друга, всегда съ улыбкою [1]).

[1]) Императору Александру I въ то время было 32 года, а Аракчееву въ 1809 году приходилось 40 лѣтъ.

Отвлекся однако я очень далеко отъ описанія, хотя и краткаго Крестовскаго острова, какимъ онъ былъ за шестьдесятъ лѣтъ предъ симъ, когда по берегу его, при звукахъ военныхъ оркестровъ съ одной, то есть съ сухопутной стороны, и роговой придворной музыки, несшейся или съ рѣки, или съ противуположной Нарышкинской дачи, — прогуливался, смѣло можно сказать, весь Петербургъ и, преимущественно, Петербургъ de haute volée, самаго высшаго, блестящаго общества. За тѣмъ по воскресеньямъ, Крестовскій дѣлался центромъ сборища всего нѣмецкаго петербургскаго пародонаселенія, часть котораго угощалась въ обширномъ деревянномъ трактирѣ, находившемся на берегу, совершенно насупротивъ Зиновьевской дачи, гдѣ былъ перевозъ отъ конца Зеленной улицы, такъ какъ въ тѣ времена о Крестовскомъ мостѣ и помину не было. Другая же часть публики обыкновенно привозила съ собою корзины съ различною домашнею провизіею, которыя переносимы были съ яликовъ и ялботовъ на берегъ различными домочадцами ремесленно-патріархальнаго быта, состоявшими, преимущественно, изъ мальчишекъ, большею частью, босоногихъ въ полосатыхъ тиковыхъ халатикахъ. Эти таборы покрывали почти весь склонъ берега, гдѣ дымились самовары, кипѣли кофейники, распространявшіе на изрядное пространство запахъ жженаго цикорія, и гдѣ было разливанное море пѣнящагося пива, въ тѣ благословенныя времена общей дешевизны продававшагося чуть ли не за три копѣйки мѣдью бутылка. По воскресеньямъ противъ трактира гремѣли оркестры то военный, то такъ называемый бальный, и подъ звуки послѣдняго, когда онъ игралъ, напримѣръ, какой нибудь любимый нѣмецкій вальсъ на голосъ „Ah, du lieber Augustin!“, нѣкоторые особенно ярые любители танцевъ пускались даже въ самый отчаянный плясъ на эспланадѣ, усыпанной довольно крупноватымъ пескомъ. Кромѣ того, здѣсь въ разныхъ мѣстахъ были различныя качели. На берегу или около той части берега, которая выходила напротивъ дачи графини Лаваль, стояли лѣтнія деревянныя горы, съ которыхъ безпрестанно слетали колясочки или кресельцы на колесцахъ, и на сѣдалищахъ этихъ большею частью пары, при чемъ дама помѣщалась у кавалера на колѣняхъ и при томъ всегда жантильничала, выражая жантильность свою криками и визгами, между тѣмъ какъ кавалеры, обнаруживая чрезвычайную храбрость, при слетаніи колесныхъ саночекъ съ вершины горы, заливались гомерическимъ хохотомъ и сыпали безчисленное множество нѣмецкихъ вицовъ,

Отвлекся однако я очень далеко отъ описанія, хотя и краткаго Крестовскаго острова, какимъ онъ былъ за шестьдесятъ лѣтъ предъ симъ, когда по берегу его, при звукахъ военныхъ оркестровъ съ одной, то есть съ сухопутной стороны, и роговой придворной музыки, несшейся или съ рѣки, или съ противуположной Нарышкинской дачи, — прогуливался, смѣло можно сказать, весь Петербургъ и, преимущественно, Петербургъ de haute volée, самаго высшаго, блестящаго общества. За тѣмъ по воскресеньямъ, Крестовскій дѣлался центромъ сборища всего нѣмецкаго петербургскаго пародонаселенія, часть котораго угощалась въ обширномъ деревянномъ трактирѣ, находившемся на берегу, совершенно насупротивъ Зиновьевской дачи, гдѣ былъ перевозъ отъ конца Зеленной улицы, такъ какъ въ тѣ времена о Крестовскомъ мостѣ и помину не было. Другая же часть публики обыкновенно привозила съ собою корзины съ различною домашнею провизіею, которыя переносимы были съ яликовъ и ялботовъ на берегъ различными домочадцами ремесленно-патріархальнаго быта, состоявшими, преимущественно, изъ мальчишекъ, большею частью, босоногихъ въ полосатыхъ тиковыхъ халатикахъ. Эти таборы покрывали почти весь склонъ берега, гдѣ дымились самовары, кипѣли кофейники, распространявшіе на изрядное пространство запахъ жженаго цикорія, и гдѣ было разливанное море пѣнящагося пива, въ тѣ благословенныя времена общей дешевизны продававшагося чуть ли не за три копѣйки мѣдью бутылка. По воскресеньямъ противъ трактира гремѣли оркестры то военный, то такъ называемый бальный, и подъ звуки послѣдняго, когда онъ игралъ, напримѣръ, какой нибудь любимый нѣмецкій вальсъ на голосъ „Ah, du lieber Augustin!“, нѣкоторые особенно ярые любители танцевъ пускались даже въ самый отчаянный плясъ на эспланадѣ, усыпанной довольно крупноватымъ пескомъ. Кромѣ того, здѣсь въ разныхъ мѣстахъ были различныя качели. На берегу или около той части берега, которая выходила напротивъ дачи графини Лаваль, стояли лѣтнія деревянныя горы, съ которыхъ безпрестанно слетали колясочки или кресельцы на колесцахъ, и на сѣдалищахъ этихъ большею частью пары, при чемъ дама помѣщалась у кавалера на колѣняхъ и при томъ всегда жантильничала, выражая жантильность свою криками и визгами, между тѣмъ какъ кавалеры, обнаруживая чрезвычайную храбрость, при слетаніи колесныхъ саночекъ съ вершины горы, заливались гомерическимъ хохотомъ и сыпали безчисленное множество нѣмецкихъ вицовъ,

въ остроумности которыхъ вполнѣ убѣждены были ихъ творцы, молодые подмастерья булочники, сапожники, портные, слесаря и проч.

Но самое большое и истинно изящное удовольствіе именно этой молодежи была ихъ Ritter Spiel, то есть, рыцарская игра, которою Нѣмцы крайне дорожили и считали ее чѣмъ-то напсовершеннѣйшимъ. Она состояла въ слѣдующемъ: подлѣ трактира по одной съ нимъ лицевой линіи построенъ былъ какой-то павильонъ съ шестью или восемью длинными горизонтальными окнами, поставленными впрочемъ очень высоко. Крыша была въ видѣ купола, также вся въ окошечкахъ, дающихъ свѣтъ въ обширную круглую ротонду, вдоль стѣнъ которой находилось восемь столбовъ, и на этихъ столбахъ какіе-то крюки, поддерживающіе сдѣланныя изъ папки турецкія и арабскія головы въ чалмахъ. Посреди ротонды круглый возвышенный полъ, окруженный балюстрадою, около которой снаружи лѣпятся скамеечки со спинками, назначенныя, по видимому, для зрителей. Но главная штука въ томъ, что круглый полъ вертится посредствомъ оси, соединенной внизу съ рычагомъ, съ помощію котораго полъ приводится въ движеніе бѣгающими тутъ, постромками впряженными лошадьми, точь въ точь, какъ вы видали, конечно, движеніе молотильни съ конпымъ приводомъ. Все это дѣло простое и обыкновенное — приведеніе въ вращательное движеніе круглаго пола, при содѣйствіи оси и рычага, живыми лошадьми болѣе или менѣе сытыми. А вотъ, всего интереснѣе то, что на вертящемся полу или барабанѣ, кругомъ одинъ за другимъ, поставлены шесть деревянныхъ коней, каждый въ разнообразной позитурѣ, но всѣ въ такой однако, чтобы всѣ четыре ноги непремѣнно упирались въ полъ. Всѣ эти шесть лошадей, въ натуральный ростъ порядочныхъ кирасирскихъ парадеровъ, тщательно выкрашены и снабжены гривами, челками и англизированными густыми хвостами изъ настоящихъ конскихъ волосъ. Сверхъ того, онѣ замундштучены заправскими мундштуками и осѣданы англійскими сѣдлами съ разнообразными чапраками, красными, голубыми, зелеными, желтыми, медвѣжьими, тигровыми и пр. Независимо отъ различія по чапракамъ, деревянные кони различествуютъ и мастями. Такъ, одинъ конь какъ смоль вороной съ огромною бѣлою лысиною и въ бѣлыхъ же чулкахъ; другой — словно снѣгъ бѣлый, такой бѣлый, какіе въ природѣ едва ли встрѣчаются; третій — сѣрый въ стальныхъ голубоватыхъ яблокахъ съ черпымъ волосомъ въ хвостѣ и гривѣ; четвертый — гнѣдой; пятый — красно-рыжій; шестой—соловой, то есть, желто-бланжевый съ бѣлымъ волосомъ.

въ остроумности которыхъ вполнѣ убѣждены были ихъ творцы, молодые подмастерья булочники, сапожники, портные, слесаря и проч.

Но самое большое и истинно изящное удовольствіе именно этой молодежи была ихъ Ritter Spiel, то есть, рыцарская игра, которою Нѣмцы крайне дорожили и считали ее чѣмъ-то напсовершеннѣйшимъ. Она состояла въ слѣдующемъ: подлѣ трактира по одной съ нимъ лицевой линіи построенъ былъ какой-то павильонъ съ шестью или восемью длинными горизонтальными окнами, поставленными впрочемъ очень высоко. Крыша была въ видѣ купола, также вся въ окошечкахъ, дающихъ свѣтъ въ обширную круглую ротонду, вдоль стѣнъ которой находилось восемь столбовъ, и на этихъ столбахъ какіе-то крюки, поддерживающіе сдѣланныя изъ папки турецкія и арабскія головы въ чалмахъ. Посреди ротонды круглый возвышенный полъ, окруженный балюстрадою, около которой снаружи лѣпятся скамеечки со спинками, назначенныя, по видимому, для зрителей. Но главная штука въ томъ, что круглый полъ вертится посредствомъ оси, соединенной внизу съ рычагомъ, съ помощію котораго полъ приводится въ движеніе бѣгающими тутъ, постромками впряженными лошадьми, точь въ точь, какъ вы видали, конечно, движеніе молотильни съ конпымъ приводомъ. Все это дѣло простое и обыкновенное — приведеніе въ вращательное движеніе круглаго пола, при содѣйствіи оси и рычага, живыми лошадьми болѣе или менѣе сытыми. А вотъ, всего интереснѣе то, что на вертящемся полу или барабанѣ, кругомъ одинъ за другимъ, поставлены шесть деревянныхъ коней, каждый въ разнообразной позитурѣ, но всѣ въ такой однако, чтобы всѣ четыре ноги непремѣнно упирались въ полъ. Всѣ эти шесть лошадей, въ натуральный ростъ порядочныхъ кирасирскихъ парадеровъ, тщательно выкрашены и снабжены гривами, челками и англизированными густыми хвостами изъ настоящихъ конскихъ волосъ. Сверхъ того, онѣ замундштучены заправскими мундштуками и осѣданы англійскими сѣдлами съ разнообразными чапраками, красными, голубыми, зелеными, желтыми, медвѣжьими, тигровыми и пр. Независимо отъ различія по чапракамъ, деревянные кони различествуютъ и мастями. Такъ, одинъ конь какъ смоль вороной съ огромною бѣлою лысиною и въ бѣлыхъ же чулкахъ; другой — словно снѣгъ бѣлый, такой бѣлый, какіе въ природѣ едва ли встрѣчаются; третій — сѣрый въ стальныхъ голубоватыхъ яблокахъ съ чернымъ волосомъ въ хвостѣ и гривѣ; четвертый — гнѣдой; пятый — красно-рыжій; шестой—соловой, то есть, желто-бланжевый съ бѣлымъ волосомъ.

Молодые нѣмцы подмастерья садятся на этихъ величественныхъ коней, вооружаются дротиками или палашами, подвязанными у сѣдла каждаго коня, восклицаютъ: гопъ! и полъ начинаетъ свое вращательное движеніе, увлекая и коней, и всадниковъ, которые съ большею или меньшею ловкостью, сидя на деревянныхъ коняхъ, сшибаютъ кольца, привѣшанныя на крючкахъ, и нанизываютъ ихъ на свои шпаги и дротики, а потомъ упражняются въ сшибаніи турецкихъ и черныхъ негритянскихъ или арабскихъ головъ.

Вхожу я относительно этого каруселя въ нѣкоторыя подробности, какъ потому, что эта рыцарская игра занимаетъ главное мѣсто въ настоящемъ разсказѣ, а также потому что, будучи ребенкомъ въ двадцатыхъ годахъ, я не только видѣлъ существовавшую тогда эту нѣмецкую затѣю, съ шестью своими деревянными конями, правда, ужь очень потертыми и отчасти съ оборванными сѣдлами, хвостами и гривами, но помню, что меня, ребенка, дядя мой, братъ моей матери, бравшій часто меня съ собою на прогулки, особенно по Невѣ въ лодкѣ, которою самъ управлялъ, важивалъ и на Крестовскій островъ, гдѣ, бывало, мы качались на качеляхъ, скатывались съ горъ и, главное, входили въ карусель, и тутъ дядя бралъ меня на руки и подсаживалъ на одного изъ этихъ деревянныхъ коней. И вотъ, за нѣсколько копѣекъ, данныхъ сторожу, полъ приводился въ движеніе его руками за непмѣніемъ уже внизу конскаго привода, такъ какъ въ эту пору эта потѣха перестала привлекать даже и нѣмецкую публику, и хозяинъ не находилъ уже разсчета въ томъ, чтобы нанимать лошадей. Въ послѣдствіи какъ-то разъ, будучи уже годами десятью постарше и гуляя съ отцомъ моимъ по островамъ, я замѣтилъ на Крестовскомъ островѣ отсутствіе каруселп и передалъ отцу мои дѣтскія воспоминанія о шести большихъ деревянныхъ коняхъ, на которыхъ меня, бывало, сажалъ мой дядя. Отецъ разговорился о дядѣ, тогда уже скончавшемся, и затѣмъ, чтобы развлечь меня, сталъ разсказывать мнѣ то, что съ нимъ самимъ случилось въ 1809 году, въ бывшемъ въ то время зданіи этой каруселп.

Въ одинъ свѣтлый безнощный Петербургскій вечеръ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1809 года, множество ялпковъ и ялботовъ рѣяли по Невѣ отъ пристани въ концѣ Зеленной улицы къ той пристани, которая была на Крестовскомъ острову, насупротивъ Зиновьевой дачи, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь тянется длинный деревянный Крестовскій мостъ. День былъ не праздничный, но многимъ

Молодые нѣмцы подмастерья садятся на этихъ величественныхъ коней, вооружаются дротиками или палашами, подвязанными у сѣдла каждаго коня, восклицаютъ: гопъ! и полъ начинаетъ свое вращательное движеніе, увлекая и коней, и всадниковъ, которые съ большею или меньшею ловкостью, сидя на деревянныхъ коняхъ, сшибаютъ кольца, привѣшанныя на крючкахъ, и нанизываютъ ихъ на свои шпаги и дротики, а потомъ упражняются въ сшибаніи турецкихъ и черныхъ негритянскихъ или арабскихъ головъ.

Вхожу я относительно этого каруселя въ нѣкоторыя подробности, какъ потому, что эта рыцарская игра занимаетъ главное мѣсто въ настоящемъ разсказѣ, а также потому что, будучи ребенкомъ въ двадцатыхъ годахъ, я не только видѣлъ существовавшую тогда эту нѣмецкую затѣю, съ шестью своими деревянными конями, правда, ужь очень потертыми и отчасти съ оборванными сѣдлами, хвостами и гривами, но помню, что меня, ребенка, дядя мой, братъ моей матери, бравшій часто меня съ собою на прогулки, особенно по Невѣ въ лодкѣ, которою самъ управлялъ, важивалъ и на Крестовскій островъ, гдѣ, бывало, мы качались на качеляхъ, скатывались съ горъ и, главное, входили въ карусель, и тутъ дядя бралъ меня на руки и подсаживалъ на одного изъ этихъ деревянныхъ коней. И вотъ, за нѣсколько копѣекъ, данныхъ сторожу, полъ приводился въ движеніе его руками за непмѣніемъ уже внизу конскаго привода, такъ какъ въ эту пору эта потѣха перестала привлекать даже и нѣмецкую публику, и хозяинъ не находилъ уже разсчета въ томъ, чтобы нанимать лошадей. Въ послѣдствіи какъ-то разъ, будучи уже годами десятью постарше и гуляя съ отцомъ моимъ по островамъ, я замѣтилъ на Крестовскомъ островѣ отсутствіе каруселп и передалъ отцу мои дѣтскія воспоминанія о шести большихъ деревянныхъ коняхъ, на которыхъ меня, бывало, сажалъ мой дядя. Отецъ разговорился о дядѣ, тогда уже скончавшемся, и затѣмъ, чтобы развлечь меня, сталъ разсказывать мнѣ то, что съ нимъ самимъ случилось въ 1809 году, въ бывшемъ въ то время зданіи этой каруселп.

Въ одинъ свѣтлый безнощный Петербургскій вечеръ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1809 года, множество ялпковъ и ялботовъ рѣяли по Невѣ отъ пристани въ концѣ Зеленной улицы къ той пристани, которая была на Крестовскомъ острову, насупротивъ Зиновьевой дачи, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь тянется длинный деревянный Крестовскій мостъ. День былъ не праздничный, но многимъ

Петербургскимъ жителямъ и дачникамъ окрестностей „деревянной мостовой“, то есть, Зеленной улицы, хотѣлось подышать чистымъ воздухомъ, людей посмотрѣть и себя показать, услаждая слухъ роговою музыкою Нарышкинскаго хора. Безпрестанно болѣе или менѣе нарядная и щеголеватая публика сходила съ причаливавшихъ яликовъ. Одинъ изъ яликовъ, который причалилъ къ берегу, что̀ противъ трактира, привезъ четырехъ молодыхъ людей, изъ которыхъ двое были въ военныхъ мундирахъ, одинъ въ какомъ-то не то военномъ, не то въ статскомъ мундирѣ, а четвертый, который, по видимому, былъ моложе всѣхъ, въ щегольскомъ партикулярномъ костюмѣ. Они весело и непринужденно разговариваютъ между собою и затѣмъ направляются въ центръ общаго гулянья и дѣлаютъ туръ, встрѣчая знакомыхъ, раскланиваясь и останавливаясь съ ними на нѣсколько минутъ. Потомъ они всѣ четверо подошли къ трактиру, широкая терраса котораго была покрыта столиками и стульями и была занята множествомъ посѣтителей. Передъ трактиромъ на лужку было устроено также немало зеленыхъ скамеекъ въ видѣ диванчиковъ и такихъ же зеленыхъ столиковъ. Въ то время въ тонѣ было не входить въ трактиръ, а угощаться именно на лужку противъ трактира, откуда оффиціанты съ салфеткою на лѣвой рукѣ безпрестанно шмыгали, неся подносы съ мороженымъ, съ чаемъ, кофеемъ, шоколадомъ и въ особенности съ вафлями со сливками, чѣмъ преимущественно трактиръ этотъ славился на равнѣ съ тѣмъ трактиромъ, который, подъ названіемъ „Краснаго кабачка“, былъ на Петергофской дорогѣ, недалеко отъ нынѣшнихъ тріумфальныхъ воротъ. Тутъ-то на лужку расположились, около одного изъ зеленыхъ столиковъ, четверо молодыхъ людей, только что прибывшихъ на яликѣ. Оффиціантъ принесъ, по ихъ требованію, большой подносъ, на которомъ было два серебряныхъ чайника, одинъ тщательно покрытый салфеткою, кромѣ того —фарфоровая полоскательная лоханка, сахарница хрустальная и четыре фарфоровыя чашки, такъ какъ въ тѣ времена считалось признакомъ очень худаго тона употреблять при питьѣ чая стаканы. Достойно еще замѣчанія, что не только тѣ четверо молодыхъ людей, которыми мы наиболѣе теперь занимаемся, но и вообще почти всѣ посѣтители Крестовскаго острова и другихъ публичныхъ мѣстъ, не курили. Трубка и сигара были явленіями не частыми, и то больше по воскресеньямъ, когда множество Нѣмцевъ предавалось удовольствію прогулки на чистомъ воздухѣ, ins Grüne. Впрочемъ, въ эту пору частыхъ войнъ и сближенія нашихъ войскъ съ Австрійцами и Прус-

Петербургскимъ жителямъ и дачникамъ окрестностей „деревянной мостовой“, то есть, Зеленной улицы, хотѣлось подышать чистымъ воздухомъ, людей посмотрѣть и себя показать, услаждая слухъ роговою музыкою Нарышкинскаго хора. Безпрестанно болѣе или менѣе нарядная и щеголеватая публика сходила съ причаливавшихъ ялботовъ. Одинъ изъ ялботовъ, который причалилъ къ берегу, что̀ противъ трактира, привезъ четырехъ молодыхъ людей, изъ которыхъ двое были въ военныхъ мундирахъ, одинъ въ какомъ-то не то военномъ, не то въ статскомъ мундирѣ, а четвертый, который, по видимому, былъ моложе всѣхъ, въ щегольскомъ партикулярномъ костюмѣ. Они весело и непринужденно разговариваютъ между собою и затѣмъ направляются въ центръ общаго гулянья и дѣлаютъ туръ, встрѣчая знакомыхъ, раскланиваясь и останавливаясь съ ними на нѣсколько минутъ. Потомъ они всѣ четверо подошли къ трактиру, широкая терраса котораго была покрыта столиками и стульями и была занята множествомъ посѣтителей. Передъ трактиромъ на лужку было устроено также немало зеленыхъ скамеекъ въ видѣ диванчиковъ и такихъ же зеленыхъ столиковъ. Въ то время въ тонѣ было не входить въ трактиръ, а угощаться именно на лужку противъ трактира, откуда оффиціанты съ салфеткою на лѣвой рукѣ безпрестанно шмыгали, неся подносы съ мороженымъ, съ чаемъ, кофеемъ, шоколадомъ и въ особенности съ вафлями со сливками, чѣмъ преимущественно трактиръ этотъ славился на равнѣ съ тѣмъ трактиромъ, который, подъ названіемъ „Краснаго кабачка“, былъ на Петергофской дорогѣ, недалеко отъ нынѣшнихъ тріумфальныхъ воротъ. Тутъ-то на лужку расположились, около одного изъ зеленыхъ столиковъ, четверо молодыхъ людей, только что прибывшихъ на ялботѣ. Оффиціантъ принесъ, по ихъ требованію, большой подносъ, на которомъ было два серебряныхъ чайника, одинъ тщательно покрытый салфеткою, кромѣ того —фарфоровая полоскательная лоханка, сахарница хрустальная и четыре фарфоровыя чашки, такъ какъ въ тѣ времена считалось признакомъ очень худаго тона употреблять при питьѣ чая стаканы. Достойно еще замѣчанія, что не только тѣ четверо молодыхъ людей, которыми мы наиболѣе теперь занимаемся, но и вообще почти всѣ посѣтители Крестовскаго острова и другихъ публичныхъ мѣстъ, не курили. Трубка и сигара были явленіями не частыми, и то больше по воскресеньямъ, когда множество Нѣмцевъ предавалось удовольствію прогулки на чистомъ воздухѣ, ins Grüne. Впрочемъ, въ эту пору частыхъ войнъ и сближенія нашихъ войскъ съ Австрійцами и Прус-

саками, трубка начала проникать въ общественный бытъ, но скромно, рѣдко, какъ-бы прячась, и то не иначе, какъ только въ комнатахъ; на улицахъ же табакокуреніе было строжайше запрещено и преслѣдовалось полиціею, взыскивавшею чувствительные штрафы съ курильщиковъ. Оно не допускалось и на гуляньяхъ въ садахъ придворныхъ; но Крестовскій островъ, какъ частное владѣніе князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ и мѣсто сборища разнообразной публики, къ тому же имѣвшее трактирное заведеніе, — былъ изъятъ отъ этихъ запретовъ и пользовался, напротивъ, широкимъ правомъ табакокуренія, кромѣ однако очень густыхъ въ тѣ времена рощь, гдѣ въ избѣжаніе пожара воспрещалось употребленіе какъ трубокъ и сигаръ, такъ даже огнивъ, замѣнявшихъ тогда спички.

Пока наши новые знакомцы пьютъ чай, мы поговоримъ о нихъ. Старше всѣхъ изъ нихъ съ виду, по крайней мѣрѣ, былъ блѣдноватый, съ прищуренными свѣтлосѣрыми глазами, рыжеватый и курносый господинъ съ начинающимъ кругленькимъ брюшкомъ и съ насмѣшливою улыбкою на сократической физіономіи. Онъ роста средняго, довольно строенъ и подвиженъ. На немъ форма офицера кадетскаго корпуса, а именно, при высокихъ ботфортахъ и бѣлыхъ казимировыхъ штанахъ подъ сапоги, мундиръ тогдашняго покроя съ высокой тальей, зеленый съ отливомъ, съ двумя рядами желтыхъ пуговицъ, съ краснымъ подбоемъ длинныхъ и сначала широкихъ, а потомъ съуживающихся фалдъ, идущихъ почти до икръ и отороченныхъ краснымъ сукномъ; воротникъ высокій, также красный, но густо вышитый золотыми кольцами, перевивающимися одно въ другое; на головѣ большая треугольная шляпа съ чернымъ пѣтушьимъ султаномъ изъ крохотныхъ перышковъ; шляпа надѣта „по формѣ“ горизонтально углами въ обѣ стороны отъ плечъ; на лѣвомъ боку шпага на бѣлой замшевой портупеѣ, высовывающейся изъ-подъ мундира; руки одѣты въ бѣлыя замшевыя перчатки съ раструбами, покрывающими въ половину красные обшлага съ вышитыми на нихъ мелкими кольцами. Эполетъ нѣтъ, а на плечахъ золотые жгуты такіе, какъ на генеральскихъ шляпахъ. Это жгуты оберъ-офицерскіе, а штабъ-офицерскіе оканчивались золотою или серебряною, смотря по пуговицамъ мундира, бахромкою. Этотъ господинъ въ мундирѣ кадетскаго корпуса, судя по шитью на обшлагахъ и по величинѣ жгутовъ,—капитанъ. И точно, это ротный командиръ кадетскаго корпуса, капитанъ Филиппъ Логиновичъ Юнкеръ, о которомъ мы уже разсказали кое-что въ началѣ нашей статьи.

саками, трубка начала проникать въ общественный бытъ, но скромно, рѣдко, какъ-бы прячась, и то не иначе, какъ только въ комнатахъ; на улицахъ же табакокуреніе было строжайше запрещено и преслѣдовалось полиціею, взыскивавшею чувствительные штрафы съ курильщиковъ. Оно не допускалось и на гуляньяхъ въ садахъ придворныхъ; но Крестовскій островъ, какъ частное владѣніе князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ и мѣсто сборища разнообразной публики, къ тому же имѣвшее трактирное заведеніе, — былъ изъятъ отъ этихъ запретовъ и пользовался, напротивъ, широкимъ правомъ табакокуренія, кромѣ однако очень густыхъ въ тѣ времена рощь, гдѣ въ избѣжаніе пожара воспрещалось употребленіе какъ трубокъ и сигаръ, такъ даже огнивъ, замѣнявшихъ тогда спички.

Пока наши новые знакомцы пьютъ чай, мы поговоримъ о нихъ. Старше всѣхъ изъ нихъ съ виду, по крайней мѣрѣ, былъ блѣдноватый, съ прищуренными свѣтлосѣрыми глазами, рыжеватый и курносый господинъ съ начинающимъ кругленькимъ брюшкомъ и съ насмѣшливою улыбкою на сократической физіономіи. Онъ роста средняго, довольно строенъ и подвиженъ. На немъ форма офицера кадетскаго корпуса, а именно, при высокихъ ботфортахъ и бѣлыхъ казимировыхъ штанахъ подъ сапоги, мундиръ тогдашняго покроя съ высокой тальей, зеленый съ отливомъ, съ двумя рядами желтыхъ пуговицъ, съ краснымъ подбоемъ длинныхъ и сначала широкихъ, а потомъ съуживающихся фалдъ, идущихъ почти до икръ и отороченныхъ краснымъ сукномъ; воротникъ высокій, также красный, но густо вышитый золотыми кольцами, перевивающимися одно въ другое; на головѣ большая треугольная шляпа съ чернымъ пѣтушьимъ султаномъ изъ крохотныхъ перышковъ; шляпа надѣта „по формѣ“ горизонтально углами въ обѣ стороны отъ плечъ; на лѣвомъ боку шпага на бѣлой замшевой портупеѣ, высовывающейся изъ-подъ мундира; руки одѣты въ бѣлыя замшевыя перчатки съ раструбами, покрывающими въ половину красные обшлага съ вышитыми на нихъ мелкими кольцами. Эполетъ нѣтъ, а на плечахъ золотые жгуты такіе, какъ на генеральскихъ шляпахъ. Это жгуты оберъ-офицерскіе, а штабъ-офицерскіе оканчивались золотою или серебряною, смотря по пуговицамъ мундира, бахромкою. Этотъ господинъ въ мундирѣ кадетскаго корпуса, судя по шитью на обшлагахъ и по величинѣ жгутовъ,—капитанъ. И точно, это ротный командиръ кадетскаго корпуса, капитанъ Филиппъ Логиновичъ Юнкеръ, о которомъ мы уже разсказали кое-что въ началѣ нашей статьи.

Другое лицо въ этомъ „пріятельскомъ квартетѣ“, какъ они себя именовали, потому что всѣ были страстные любители инструментальной музыки и всѣ приносили ей жертвы на скрипкѣ, альтѣ и віолончелѣ, — былъ именно мой отецъ, довольно большаго роста, красивый брюнетъ съ открытымъ и веселымъ выраженіемъ лица, на устахъ котораго почти всегда играла улыбка, не лишенная нѣкотораго задора и шутливости. На немъ форма по покрою такая же, какъ и на капиталѣ Юнкерѣ, но съ тою разницею, что онъ въ мундирѣ свитскомъ, то есть, съ серебряными пуговицами, серебянымъ шитьемъ мелкимъ и блестящимъ и серебянымъ аксельбантомъ на лѣвомъ плечѣ, какіе и теперь у офицеровъ генеральнаго штаба; только и у него нѣтъ эполетъ, а серебряные жгуты съ майорскою бахромкою; на бедрѣ также шпага на бѣлой портупеѣ, при бѣлыхъ же штанахъ въ ботфорты со шпорами, прикрѣпленными ремнями, а не привинченными; на головѣ шляпа съ черными же султанчикомъ, тонкимъ, разсыпчатымъ и глянцовитымъ, но шляпа надѣта не „по формѣ“, а напротивъ „съ поля“, какъ носили ее всѣ свитскіе офицеры, всѣ адъютанты, не исключая флигель-адъютантовъ и даже генералъ-адъютантовъ. Ко всему этому надобно прибавить, что мундиръ отца моего украшенъ былъ орденами Владиміра съ бантомъ, Анны съ бантомъ и осьмиконечнаго голубаго съ золотыми орликами pour le mérite, носившагося на шеѣ.

Третій собесѣдникъ этой компаніи—прехорошенькій миніатюрный господинъ съ выразительною, оживленною веселою физіономіею, живой, подвижной, но имѣющій видъ темнокудраго румянаго ребенка; одѣтъ онъ въ какую-то странную форму, состоящую изъ синяго мундира военнаго покроя, при черныхъ штанахъ въ ботфорты, при шпагѣ на черной портупеѣ и шляпѣ „съ поля“ безъ султана, какъ-то залихватски надѣтой на правую сторону, вопреки форменности, требовавшей, чтобы шляпа носима была правильно, то есть, чтобы края передняго угла ея были параллельны съ глазами. Воротникъ синяго мундира этого маленькаго вертляваго человѣчка густо вышитъ золотомъ по черному бархату и сильно блещетъ отъ лучей заходящаго солнца. Это однокашникъ моего отца и капитана Юнкера по горному корпусу, горный чиновникъ, носящій какое-то трудно произносимое тогдашнее горное званіе, какъ кажется, оберъ-шихтмейстеръ, милый, любезный, веселый Николай Яковлевичъ Ноденъ, съ памятью о которомъ, полною признательности и дружественности, соединены всѣ воспоминанія не только моей

Другое лицо въ этомъ „пріятельскомъ квартетѣ“, какъ они себя именовали, потому что всѣ были страстные любители инструментальной музыки и всѣ приносили ей жертвы на скрипкѣ, альтѣ и віолончелѣ, — былъ именно мой отецъ, довольно большаго роста, красивый брюнетъ съ открытымъ и веселымъ выраженіемъ лица, на устахъ котораго почти всегда играла улыбка, не лишенная нѣкотораго задора и шутливости. На немъ форма по покрою такая же, какъ и на капиталѣ Юнкерѣ, но съ тою разницею, что онъ въ мундирѣ свитскомъ, то есть, съ серебряными пуговицами, серебянымъ шитьемъ мелкимъ и блестящимъ и серебянымъ аксельбантомъ на лѣвомъ плечѣ, какіе и теперь у офицеровъ генеральнаго штаба; только и у него нѣтъ эполетъ, а серебряные жгуты съ майорскою бахромкою; на бедрѣ также шпага на бѣлой портупеѣ, при бѣлыхъ же штанахъ въ ботфорты со шпорами, прикрѣпленными ремнями, а не привинченными; на головѣ шляпа съ черными же султанчикомъ, тонкимъ, разсыпчатымъ и глянцовитымъ, но шляпа надѣта не „по формѣ“, а напротивъ „съ поля“, какъ носили ее всѣ свитскіе офицеры, всѣ адъютанты, не исключая флигель-адъютантовъ и даже генералъ-адъютантовъ. Ко всему этому надобно прибавить, что мундиръ отца моего украшенъ былъ орденами Владиміра съ бантомъ, Анны съ бантомъ и осьмиконечнаго голубаго съ золотыми орликами pour le mérite, носившагося на шеѣ.

Третій собесѣдникъ этой компаніи—прехорошенькій миніатюрный господинъ съ выразительною, оживленною веселою физіономіею, живой, подвижной, но имѣющій видъ темнокудраго румянаго ребенка; одѣтъ онъ въ какую-то странную форму, состоящую изъ синяго мундира военнаго покроя, при черныхъ штанахъ въ ботфорты, при шпагѣ на черной портупеѣ и шляпѣ „съ поля“ безъ султана, какъ-то залихватски надѣтой на правую сторону, вопреки форменности, требовавшей, чтобы шляпа носима была правильно, то есть, чтобы края передняго угла ея были параллельны съ глазами. Воротникъ синяго мундира этого маленькаго вертляваго человѣчка густо вышитъ золотомъ по черному бархату и сильно блещетъ отъ лучей заходящаго солнца. Это однокашникъ моего отца и капитана Юнкера по горному корпусу, горный чиновникъ, носящій какое-то трудно произносимое тогдашнее горное званіе, какъ кажется, оберъ-шихтмейстеръ, милый, любезный, веселый Николай Яковлевичъ Ноденъ, съ памятью о которомъ, полною признательности и дружественности, соединены всѣ воспоминанія не только моей

молодости, но почти всей моей жизни до 1862 года, когда онъ умеръ въ преклонныхъ годахъ, сохранивъ до послѣдняго почти дня жизни свойственную ему веселость, добродушіе, привѣтливость, дѣлавшія его, какъ говорится, душою тѣхъ обществъ, въ которыхъ онъ постоянно бывалъ, и гдѣ умѣли цѣнить его привлекательныя качества. Я зналъ его въ теченіе многихъ, очень многихъ лѣтъ съ моего дѣтства, когда онъ, будучи другомъ моего отца, принималъ дѣятельное участіе въ квартетахъ и квинтетахъ, постоянно разыгрывавшихся въ нашемъ домѣ, такъ какъ отецъ мой скрипачъ и піанистъ, былъ поклонникомъ твореній Моцарта, Гуммеля и Бетховена [1]).

Затѣмъ остается четвертый изъ числа описываемыхъ мною собѣсѣдниковъ. То былъ юноша, лѣтъ восемнадцати или уже не болѣе какъ девятнадцати, тотъ самый мой дядя по матери, о которомъ я выше упоминалъ, Александръ Осиповичъ Петровъ, который въ то время только что вышелъ изъ тогдашняго горнаго корпуса и поступилъ съ чиномъ провинціальнаго регистратора (тогда чинъ такой еще существовалъ въ числѣ чиновъ) въ канцелярію министра финансовъ графа Васильева, разумѣется, съ обязанностью переписывать бумаги; но дядя мой Александръ Осиповичъ въ превосходствѣ зналъ французскій языкъ, которому въ тѣ времена можно было выучиться въ горномъ и даже въ кадетскомъ корпусахъ, хотя, правду сказать, онъ впрочемъ за это знаніе обязанъ дому своей матери, моей бабушки, гдѣ иначе какъ по французски никто, даже самая прислуга, не говорилъ,—и вотъ это-то знаніе французскаго языка повело къ тому, что провинціальный регистраторъ Петровъ былъ не столько писецъ, сколько переводчикъ въ канцеляріи министра финансовъ, который по этой причинѣ открылъ талантливому и любознательному мальчику доступъ въ собственную свою библіотеку. Въ описываемый нами вечеръ юноша этотъ, сопровождавшій моего отца, какъ будущаго своего зятя, былъ особенно щеголевато по тогдашнему одѣтъ. Густыя каштановыя кудри, осѣнявшія его открытое, розовое, дѣтски прелестное лицо съ несовсѣмъ правильными, но пріятными чертами, оживленными великолѣпными карими глазами, покрыты были цилиндрическою свѣтлосѣрою англійскою шляпою съ круто загнутыми, довольно широкими полями. Бѣлый

[1]) П. Я. Поденъ однимъ только годомъ пережилъ моего отца. Онъ умеръ здѣсь, въ Петербургѣ, состоя въ отставкѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и прослуживъ послѣдніе 45 лѣтъ своей жизни совѣтникомъ придворной конюшенной конторы.

молодости, но почти всей моей жизни до 1862 года, когда онъ умеръ въ преклонныхъ годахъ, сохранивъ до послѣдняго почти дня жизни свойственную ему веселость, добродушіе, привѣтливость, дѣлавшія его, какъ говорится, душою тѣхъ обществъ, въ которыхъ онъ постоянно бывалъ, и гдѣ умѣли цѣнить его привлекательныя качества. Я зналъ его въ теченіе многихъ, очень многихъ лѣтъ съ моего дѣтства, когда онъ, будучи другомъ моего отца, принималъ дѣятельное участіе въ квартетахъ и квинтетахъ, постоянно разыгрывавшихся въ нашемъ домѣ, такъ какъ отецъ мой скрипачъ и піанистъ, былъ поклонникомъ твореній Моцарта, Гуммеля и Бетховена [1]).

Затѣмъ остается четвертый изъ числа описываемыхъ мною собѣсѣдниковъ. То былъ юноша, лѣтъ восемнадцати или уже не болѣе какъ девятнадцати, тотъ самый мой дядя по матери, о которомъ я выше упоминалъ, Александръ Осиповичъ Петровъ, который въ то время только что вышелъ изъ тогдашняго горнаго корпуса и поступилъ съ чиномъ провинціальнаго регистратора (тогда чинъ такой еще существовалъ въ числѣ чиновъ) въ канцелярію министра финансовъ графа Васильева, разумѣется, съ обязанностью переписывать бумаги; но дядя мой Александръ Осиповичъ въ превосходствѣ зналъ французскій языкъ, которому въ тѣ времена можно было выучиться въ горномъ и даже въ кадетскомъ корпусахъ, хотя, правду сказать, онъ впрочемъ за это знаніе обязанъ дому своей матери, моей бабушки, гдѣ иначе какъ по французски никто, даже самая прислуга, не говорилъ,—и вотъ это-то знаніе французскаго языка повело къ тому, что провинціальный регистраторъ Петровъ былъ не столько писецъ, сколько переводчикъ въ канцеляріи министра финансовъ, который по этой причинѣ открылъ талантливому и любознательному мальчику доступъ въ собственную свою библіотеку. Въ описываемый нами вечеръ юноша этотъ, сопровождавшій моего отца, какъ будущаго своего зятя, былъ особенно щеголевато по тогдашнему одѣтъ. Густыя каштановыя кудри, осѣнявшія его открытое, розовое, дѣтски прелестное лицо съ несовсѣмъ правильными, но пріятными чертами, оживленными великолѣпными карими глазами, покрыты были цилиндрическою свѣтлосѣрою англійскою шляпою съ круто загнутыми, довольно широкими полями. Бѣлый

[1]) П. Я. Поденъ однимъ только годомъ пережилъ моего отца. Онъ умеръ здѣсь, въ Петербургѣ, состоя въ отставкѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и прослуживъ послѣдніе 45 лѣтъ своей жизни совѣтникомъ придворной конюшенной конторы.

галстухъ, кружевныя сплоенныя манжеты на груди, при открытомъ жилетѣ бѣлаго пике, кружевные же манжеты, выглядывавшія изъ-подъ довольно узкихъ рукавовъ свѣтлошоколаднаго каррика, то есть, сюртука съ круглымъ откидным воротничкомъ на кралхъ плечь сверхъ другаго стоячаго воротника; узкіе въ обтяжку штаны изъ свѣтлосѣраго трико, опущенные въ низкіе лакированные сапоги съ красновато-палевыми кожаными отворотами въ ладонь шириною, также по англійски, такъ какъ въ ту пору все англійское было въ особенной модѣ, такъ что при дворѣ начинали даже говорить на этомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что государь очень жаловалъ его и объяснялся на немъ свободно и съ особеннымъ изяществомъ, которое ему такъ во всемъ удавалось.

Теперь, когда мы вполнѣ знакомы съ внѣшностью этихъ четырехъ молодыхъ людей и отчасти съ ихъ общественнымъ положеніемъ, обратимъ вниманіе на то, что они дѣлаютъ на Крестовскомъ острову вечеромъ 23-го іюня 1809 года.

Сперва эти четыре собесѣдника ограничивались питьемъ чая. Но затѣмъ, одинъ изъ нихъ напомнилъ, что мой отецъ обѣщалъ своимъ спутникамъ, по случаю полученія золотой табакерки съ видомъ Прейспиъ-Эйлау, откупорить бутылку клико. Поднятъ былъ вопросъ: прилично ли порядочнымъ молодымъ людямъ, въ военномъ мундирѣ, распивать шампанское на глазахъ публики? „Порѣшимъ-те дѣло такъ“, сказалъ живчикъ Ноденъ,—„подлѣ трактира есть Ritter Spiel. Пойдемъ-те туда и туда велимъ принести намъ шампанское“.

Предложеніе это было принято. Друзья отправились въ Ritter Spiel, отецъ распорядился, и шампанское было подано; въ павильонъ, между тѣмъ, не велѣно было никого впускать. Шесть копій съ красивыми сбруями и въ величественныхъ и разнообразныхъ позахъ стояли спокойно и безъ употребленія; у сѣделъ ихъ висѣли длинные эспадроны и остроконечныя пики; а картонныя головы Турокъ и Негровъ уныло поглядывали съ вершины столбовъ, съ которыхъ никто ихъ не сбивалъ. Шампанское оказалось очень недурнымъ, и вотъ въ отвѣтъ на бутылку, выпитую „за здоровье табакерки“, Юнкеръ и Ноденъ предложили роспить бутылочку, уже ими заказанную, за „упокой холостой жизни маіора-кавалера“, то есть, моего отца, такъ какъ черезъ нѣсколько недѣль должна была послѣдовать свадьба его съ сестрою того юнаго Александра Осиповича, который тутъ же находился. Шаля и шутя, добрѣйшій Николай Яковлевичъ Ноденъ выпилъ нѣсколько больше другихъ,

галстухъ, кружевныя сплоенныя манжеты на груди, при открытомъ жилетѣ бѣлаго пике, кружевные же манжеты, выглядывавшія изъ-подъ довольно узкихъ рукавовъ свѣтлошоколаднаго каррика, то есть, сюртука съ круглымъ откидным воротничкомъ на кралхъ плечь сверхъ другаго стоячаго воротника; узкіе въ обтяжку штаны изъ свѣтлосѣраго трико, опущенные въ низкіе лакированные сапоги съ красновато-палевыми кожаными отворотами въ ладонь шириною, также по англійски, такъ какъ въ ту пору все англійское было въ особенной модѣ, такъ что при дворѣ начинали даже говорить на этомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что государь очень жаловалъ его и объяснялся на немъ свободно и съ особеннымъ изяществомъ, которое ему такъ во всемъ удавалось.

Теперь, когда мы вполнѣ знакомы съ внѣшностью этихъ четырехъ молодыхъ людей и отчасти съ ихъ общественнымъ положеніемъ, обратимъ вниманіе на то, что они дѣлаютъ на Крестовскомъ острову вечеромъ 23-го іюня 1809 года.

Сперва эти четыре собесѣдника ограничивались питьемъ чая. Но затѣмъ, одинъ изъ нихъ напомнилъ, что мой отецъ обѣщалъ своимъ спутникамъ, по случаю полученія золотой табакерки съ видомъ Прейспиъ-Эйлау, откупорить бутылку клико. Поднятъ былъ вопросъ: прилично ли порядочнымъ молодымъ людямъ, въ военномъ мундирѣ, распивать шампанское на глазахъ публики? „Порѣшимъ-те дѣло такъ“, сказалъ живчикъ Ноденъ,—„подлѣ трактира есть Ritter Spiel. Пойдемъ-те туда и туда велимъ принести намъ шампанское“.

Предложеніе это было принято. Друзья отправились въ Ritter Spiel, отецъ распорядился, и шампанское было подано; въ павильонъ, между тѣмъ, не велѣно было никого впускать. Шесть копій съ красивыми сбруями и въ величественныхъ и разнообразныхъ позахъ стояли спокойно и безъ употребленія; у сѣделъ ихъ висѣли длинные эспадроны и остроконечныя пики; а картонныя головы Турокъ и Негровъ уныло поглядывали съ вершины столбовъ, съ которыхъ никто ихъ не сбивалъ. Шампанское оказалось очень недурнымъ, и вотъ въ отвѣтъ на бутылку, выпитую „за здоровье табакерки“, Юнкеръ и Ноденъ предложили роспить бутылочку, уже ими заказанную, за „упокой холостой жизни маіора-кавалера“, то есть, моего отца, такъ какъ черезъ нѣсколько недѣль должна была послѣдовать свадьба его съ сестрою того юнаго Александра Осиповича, который тутъ же находился. Шаля и шутя, добрѣйшій Николай Яковлевичъ Ноденъ выпилъ нѣсколько больше другихъ,

именно опорожнилъ восемь или девять бокаловъ. Всегда веселый и любезный шутникъ, онъ сдѣлался теперь непстощимъ на разнаго рода забавныя выходки. Чего, чего онъ ни дѣлалъ, заставляя помирать со смѣха своихъ пріятелей. Онъ насвистывалъ разныя аріи, кричалъ пѣтухомъ, лаялъ какъ собака, мяукалъ какъ кошка, чревовѣщательствовалъ, разыгрывалъ комедію марьонетокъ, представлялъ ссорящихся въ трактирѣ матросовъ Француза и Англичанина, пѣлъ: „Ach! du liber Augustin“, какъ поютъ подгулявшіе Нѣмцы, изображалъ бесѣду русскихъ гостинодворцевъ объ игрѣ трагика Яковлева и Семеновой и пр. Видя, что то количество шампанскаго, какое въ шутку было поглощено „крошкою“ Ноденомъ, какъ называли его друзья, могло болѣе или менѣе вредно повліять на него и слишкомъ развить его шаловливыя наклонности, друзья нашли нужнымъ поподчивать его двумя или тремя чашками сколь возможно крѣпкаго кофе. Кофе, дѣйствительно, освѣжилъ его; но тогда Поденъ присталъ къ товарищамъ съ просьбою сыграть партію въ Ritter Spiel, при запертыхъ, разумѣется, дверяхъ. Сказано, сдѣлано: на четырехъ коняхъ явились всадники, при чемъ маленькій Поденъ прекомично хлопоталъ о томъ, чтобы для него стремена были какъ можно больше подняты, такъ какъ, при ударахъ для большей вѣрности, необходимо бываетъ становиться на стремена. Круглый полъ пришелъ въ горизонтальное движеніе, и началась игра: кольца нашизывались на дротики и шпаги, а картонныя головы летѣли внизъ и снова ставились прислужникомъ, который выкрикивалъ: „Ein Kopf!“ „Zweite Kopf!“ и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ того, какъ друзья наши вошли въ павильонъ, и за ними принесено было шампанское, отъ дачи камергера Зиновьева отдѣлилась шестивесельная красивая раззолоченная „собственная“ лодка, украшенная щеголеватымъ балдахиномъ съ шелковыми занавѣсками и съ большимъ гербовымъ флагомъ на верху. Въ лодкѣ этой было три гребца и рулевой у руля, всѣ въ широкихъ бѣлыхъ рубахахъ и бѣлыхъ шароварахъ съ черными лакированными шляпами на манеръ тогдашнихъ круглыхъ лакейскихъ съ широкимъ галуномъ и съ пестрыми лентами, развѣвавшимися по воздуху. Шлюбка эта, когда причалила къ пристани противъ трактира, то изъ нея вышло нѣсколько человѣкъ, по видимому, важныхъ господъ, судя по звѣздамъ на ихъ свѣтлоцвѣтныхъ лѣтнихъ драдедамовыхъ фракахъ. Одинъ изъ нихъ, выше и сановитѣе другихъ, былъ въ свѣтлосѣромъ фракѣ съ двумя звѣз-

именно опорожнилъ восемь или девять бокаловъ. Всегда веселый и любезный шутникъ, онъ сдѣлался теперь непстощимъ на разнаго рода забавныя выходки. Чего, чего онъ ни дѣлалъ, заставляя помирать со смѣха своихъ пріятелей. Онъ насвистывалъ разныя аріи, кричалъ пѣтухомъ, лаялъ какъ собака, мяукалъ какъ кошка, чревовѣщательствовалъ, разыгрывалъ комедію марьонетокъ, представлялъ ссорящихся въ трактирѣ матросовъ Француза и Англичанина, пѣлъ: „Ach! du liber Augustin“, какъ поютъ подгулявшіе Нѣмцы, изображалъ бесѣду русскихъ гостинодворцевъ объ игрѣ трагика Яковлева и Семеновой и пр. Видя, что то количество шампанскаго, какое въ шутку было поглощено „крошкою“ Ноденомъ, какъ называли его друзья, могло болѣе или менѣе вредно повліять на него и слишкомъ развить его шаловливыя наклонности, друзья нашли нужнымъ поподчивать его двумя или тремя чашками сколь возможно крѣпкаго кофе. Кофе, дѣйствительно, освѣжилъ его; но тогда Поденъ присталъ къ товарищамъ съ просьбою сыграть партію въ Ritter Spiel, при запертыхъ, разумѣется, дверяхъ. Сказано, сдѣлано: на четырехъ коняхъ явились всадники, при чемъ маленькій Поденъ прекомично хлопоталъ о томъ, чтобы для него стремена были какъ можно больше подняты, такъ какъ, при ударахъ для большей вѣрности, необходимо бываетъ становиться на стремена. Круглый полъ пришелъ въ горизонтальное движеніе, и началась игра: кольца нашизывались на дротики и шпаги, а картонныя головы летѣли внизъ и снова ставились прислужникомъ, который выкрикивалъ: „Ein Kopf!“ „Zweite Kopf!“ и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ того, какъ друзья наши вошли въ павильонъ, и за ними принесено было шампанское, отъ дачи камергера Зиновьева отдѣлилась шестивесельная красивая раззолоченная „собственная“ лодка, украшенная щеголеватымъ балдахиномъ съ шелковыми занавѣсками и съ большимъ гербовымъ флагомъ на верху. Въ лодкѣ этой было три гребца и рулевой у руля, всѣ въ широкихъ бѣлыхъ рубахахъ и бѣлыхъ шароварахъ съ черными лакированными шляпами на манеръ тогдашнихъ круглыхъ лакейскихъ съ широкимъ галуномъ и съ пестрыми лентами, развѣвавшимися по воздуху. Шлюбка эта, когда причалила къ пристани противъ трактира, то изъ нея вышло нѣсколько человѣкъ, по видимому, важныхъ господъ, судя по звѣздамъ на ихъ свѣтлоцвѣтныхъ лѣтнихъ драдедамовыхъ фракахъ. Одинъ изъ нихъ, выше и сановитѣе другихъ, былъ въ свѣтлосѣромъ фракѣ съ двумя звѣз-

дами, въ широкополой легкой шляпѣ изъ китоваго уса, сильно напудренный и съ косою въ шелковомъ кошелькѣ, болтавшемся по ниже воротника на спинѣ, обсыпанной пудрою, какъ самымъ мельчайшимъ пнеемъ. То былъ старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ, самъ каммергеръ Зиновьевъ, одною рукою онъ опирался на бамбуковую трость съ золотымъ набалдашникомъ, а другую просунулъ подъ сложенную руку того высокорослаго генерала въ артиллерійскомъ мундирѣ, въ лицѣ котораго, какъ по топорному его складу, такъ, въ особенности, огромному бѣлому осьмиконечному мальтійскому кресту на груди вмѣсто всѣхъ другихъ орденовъ, можно было всегда узнать гр. Алексѣя Андреевича Аракчеева. Аракчеевъ находился въ настоящую минуту въ гостяхъ у господина Зиновьева и былъ скученъ и мраченъ какъ-то болѣе обыкновеннаго, почему, для развлеченія столь важнаго и знаменитаго гостя, найдено было удобнымъ и приличнымъ совершить поѣздку на Крестовскій островъ. Аракчеевъ тамъ никогда не бывалъ и вовсе не былъ знакомъ съ этимъ публичнымъ гульбищемъ, какъ и вообще онъ не жаловалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ собиралась публика.

Какъ только Аракчеевъ показался, всѣ изъ знавшихъ его важныхъ и блестящихъ людей тотчасъ бросились къ нему съ выраженіемъ притворной радости, которую онъ очень легко раскусывалъ, и непритворнаго удивленія, которое ему было скучно и досадливо. Въ слѣдствіе того, дурное расположеніе духа Аракчеева не проходило, и онъ оставилъ старика Зиновьева на одномъ изъ деревянныхъ диванов, окаймлявшихъ большую дорогу по берегу, во французской бесѣдѣ съ какими-то дамами высшаго круга, а самъ, предаваясь своему нелюдимству въ столь людномъ мѣстѣ, какъ Крестовское гульбище, побрелъ съ своимъ вѣрнымъ спутникомъ безсмѣннымъ адъютантомъ Клейнмихелемъ подальше отъ гуляющихъ въ мѣста, наименѣе посѣщаемыя публикою. Аракчеевъ шелъ, какъ будто маршируя, съ нѣкоторымъ вывертываніемъ ногъ по Павловски, держа носки вправо и влѣво; но станъ его не отличался прямизною, и онъ имѣлъ сгорбленный видъ, такъ что черный султанъ его шляпы не стоялъ перпендикулярно надъ головою, а торчалъ какъ-то впередъ, словно клыкъ единорога. Мало по малу Аракчеевъ и Клейнмихель, за которыми зорко наблюдала издали вся дежурная тутъ полиція, начиная съ будочниковъ и кончая чуть ли не полиціймейстеромъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ карусельный павильонъ, украшенный надписью: Ritter Spiel. „Прочти-тка, братецъ, Петръ Андреевичъ, что тутъ по нѣмчурски-то

дами, въ широкополой легкой шляпѣ изъ китоваго уса, сильно напудренный и съ косою въ шелковомъ кошелькѣ, болтавшемся по ниже воротника на спинѣ, обсыпанной пудрою, какъ самымъ мельчайшимъ пнеемъ. То былъ старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ, самъ каммергеръ Зиновьевъ, одною рукою онъ опирался на бамбуковую трость съ золотымъ набалдашникомъ, а другую просунулъ подъ сложенную руку того высокорослаго генерала въ артиллерійскомъ мундирѣ, въ лицѣ котораго, какъ по топорному его складу, такъ, въ особенности, огромному бѣлому осьмиконечному мальтійскому кресту на груди вмѣсто всѣхъ другихъ орденовъ, можно было всегда узнать гр. Алексѣя Андреевича Аракчеева. Аракчеевъ находился въ настоящую минуту въ гостяхъ у господина Зиновьева и былъ скученъ и мраченъ какъ-то болѣе обыкновеннаго, почему, для развлеченія столь важнаго и знаменитаго гостя, найдено было удобнымъ и приличнымъ совершить поѣздку на Крестовскій островъ. Аракчеевъ тамъ никогда не бывалъ и вовсе не былъ знакомъ съ этимъ публичнымъ гульбищемъ, какъ и вообще онъ не жаловалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ собиралась публика.

Какъ только Аракчеевъ показался, всѣ изъ знавшихъ его важныхъ и блестящихъ людей тотчасъ бросились къ нему съ выраженіемъ притворной радости, которую онъ очень легко раскусывалъ, и непритворнаго удивленія, которое ему было скучно и досадливо. Въ слѣдствіе того, дурное расположеніе духа Аракчеева не проходило, и онъ оставилъ старика Зиновьева на одномъ изъ деревянныхъ диванонъ, окаймлявшихъ большую дорогу по берегу, во французской бесѣдѣ съ какими-то дамами высшаго круга, а самъ, предаваясь своему нелюдимству въ столь людномъ мѣстѣ, какъ Крестовское гульбище, побрелъ съ своимъ вѣрнымъ спутникомъ безсмѣннымъ адъютантомъ Клейнмихелемъ подальше отъ гуляющихъ въ мѣста, наименѣе посѣщаемыя публикою. Аракчеевъ шелъ, какъ будто маршируя, съ нѣкоторымъ вывертываніемъ ногъ по Павловски, держа носки вправо и влѣво; но станъ его не отличался прямизною, и онъ имѣлъ сгорбленный видъ, такъ что черный султанъ его шляпы не стоялъ перпендикулярно надъ головою, а торчалъ какъ-то впередъ, словно клыкъ единорога. Мало по малу Аракчеевъ и Клейнмихель, за которыми зорко наблюдала издали вся дежурная тутъ полиція, начиная съ будочниковъ и кончая чуть ли не полиціймейстеромъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ карусельный павильонъ, украшенный надписью: Ritter Spiel. „Прочти-тка, братецъ, Петръ Андреевичъ, что тутъ по нѣмчурски-то

написано", сказалъ гнуся и сопя Аракчеевъ, обращаясь къ Клейнмихелю.

Когда тотъ передалъ ему, въ чемъ дѣло и объяснилъ, что тутъ на деревянныхъ коняхъ ѣздятъ по воскресеньямъ и по праздникамъ Нѣмцы-ремесленники, упражняющіеся въ сниманіи колецъ и въ сбиваніи картонныхъ головъ, какъ-то дѣлалось въ средневѣковыхъ турнирахъ, почему и названа эта потѣха „рыцарскою игрою", Аракчеевъ замѣтилъ:

„Да вотъ, сегодня не воскресенье и не праздникъ, а просто четвергъ, а тамъ идетъ таки потѣха, какъ слыхать. Надо бы посмотрѣть на этихъ рыцарей".

Хозяинъ трактира и владѣлецъ павильона доложилъ важному генералу, что каруселъ напятъ офицерами и запертъ на время для публики.

„Я не публика, я Аракчеевъ", прогнусилъ онъ и велѣлъ отворить павильонъ. Хозяинъ Нѣмецъ немножко поколебался исполнить такое приказаніе и нарушить абонементъ; но вдругъ—откуда ни возьмись, квартальный офицеръ Петербургской части энергическими жестами подкрѣпилъ требованіе генерала. Двери павильонной залы отворились мгновенно, и удивленнымъ глазамъ Аракчеева представилось зрѣлище, по мнѣнію его, въ высшей степени неприличное, оскорбительное для военнаго мундира и чуть-чуть не преступное: два офицера, одинъ свитскій, другой кадетскаго корпуса съ горнымъ чиновникомъ и съ какимъ-то статскимъ мальчикомъ сидѣли на деревянныхъ вертѣвшихся коняхъ и какими-то театральными мечами старались сбивать головы картонныхъ болвановъ. Всадники хотѣли было слѣзть съ своихъ коней; но Аракчеевъ не дозволилъ имъ сдѣлать это, а напротивъ, закричалъ: „Оставайтесь въ сѣдлѣ, оставайтесь въ сѣдлѣ!", и отдалъ приказаніе пустить вертящійся полъ во весь карьеръ.

Картина, дѣйствительно, была и странная, и забавная, и изъ четырехъ всадниковъ, конечно, болѣе всѣхъ выдавались, какъ военные офицеры во всей формѣ, мой отецъ и капитанъ Юнкеръ. Сколько до прихода Аракчеева оба они были веселы и беззаботны, столько теперь физіономіи ихъ стали мрачны и озабочены, особенно когда, по приказанію Аракчеева, скачка ихъ сдѣлалась быстра до ошеломленія.

„Ха! ха! ха! злобно и гнусливо хохоталъ съ какимъ-то рокотаніемъ Аракчеевъ,—ха! ха! ха! Вотъ оно рыцарство-то на деревянныхъ коняхъ! Русскіе офицеры, да еще ученые, ха! ха! ха! въ де-

написано", сказалъ гнуся и сопя Аракчеевъ, обращаясь къ Клейнмихелю.

Когда тотъ передалъ ему, въ чемъ дѣло и объяснилъ, что тутъ на деревянныхъ коняхъ ѣздятъ по воскресеньямъ и по праздникамъ Нѣмцы-ремесленники, упражняющіеся въ сниманіи колецъ и въ сбиваніи картонныхъ головъ, какъ-то дѣлалось въ средневѣковыхъ турнирахъ, почему и названа эта потѣха „рыцарскою игрою", Аракчеевъ замѣтилъ:

„Да вотъ, сегодня не воскресенье и не праздникъ, а просто четвергъ, а тамъ идетъ таки потѣха, какъ слыхать. Надо бы посмотрѣть на этихъ рыцарей".

Хозяинъ трактира и владѣлецъ павильона доложилъ важному генералу, что каруселъ напятъ офицерами и запертъ на время для публики.

„Я не публика, я Аракчеевъ", прогнусилъ онъ и велѣлъ отворить павильонъ. Хозяинъ Нѣмецъ немножко поколебался исполнить такое приказаніе и нарушить абонементъ; но вдругъ—откуда ни возьмись, квартальный офицеръ Петербургской части энергическими жестами подкрѣпилъ требованіе генерала. Двери павильонной залы отворились мгновенно, и удивленнымъ глазамъ Аракчеева представилось зрѣлище, по мнѣнію его, въ высшей степени неприличное, оскорбительное для военнаго мундира и чуть-чуть не преступное: два офицера, одинъ свитскій, другой кадетскаго корпуса съ горнымъ чиновникомъ и съ какимъ-то статскимъ мальчикомъ сидѣли на деревянныхъ вертѣвшихся коняхъ и какими-то театральными мечами старались сбивать головы картонныхъ болвановъ. Всадники хотѣли было слѣзть съ своихъ коней; но Аракчеевъ не дозволилъ имъ сдѣлать это, а напротивъ, закричалъ: „Оставайтесь въ сѣдлѣ, оставайтесь въ сѣдлѣ!", и отдалъ приказаніе пустить вертящійся полъ во весь карьеръ.

Картина, дѣйствительно, была и странная, и забавная, и изъ четырехъ всадниковъ, конечно, болѣе всѣхъ выдавались, какъ военные офицеры во всей формѣ, мой отецъ и капитанъ Юнкеръ. Сколько до прихода Аракчеева оба они были веселы и беззаботны, столько теперь физіономіи ихъ стали мрачны и озабочены, особенно когда, по приказанію Аракчеева, скачка ихъ сдѣлалась быстра до ошеломленія.

„Ха! ха! ха! злобно и гнусливо хохоталъ съ какимъ-то рокотаніемъ Аракчеевъ,—ха! ха! ха! Вотъ оно рыцарство-то на деревянныхъ коняхъ! Русскіе офицеры, да еще ученые, ха! ха! ха! въ де-

ревянныхъ лошадокъ играютъ! Порадую завтра государя императора, порадую! Нарочно поѣду въ Царское Село, хоть и безъ нужды, поѣду, не пожалѣю времени, не пожалѣю! Клейнмихель", продолжалъ Аракчеевъ, обращаясь къ своему адъютанту,—„пройдитка, братецъ, ты къ гуляющимъ и къ Василью Петровичу Зиновьеву; да и скажи-тка имъ, что графъ Алексѣй де Андреевичъ проситъ пожаловать васъ въ каруселный павильонъ, чтобъ полюбоваться, какъ наши господа офицеры на деревянныхъ конькахъ гарцовать изволятъ. Иди, братецъ, иди".

Клейнмихелю нечего было далеко ходить: едва только гуляющіе узнали, что Алексѣй Андреевичъ зашелъ въ каруселный павильонъ, какъ уже всѣ обступили это никѣмъ никогда не посѣщаемое зданіе и начали интересоваться тѣмъ, что тамъ происходитъ. Приглашеніе, сдѣланное Клейнмихелемъ отъ имени Аракчеева, всѣхъ электрически подвинуло на лѣсенку, и тогда всѣ увидѣли, какъ на деревянныхъ коняхъ, вертѣвшихся на горизонтальномъ подвижномъ полу, носились четверо молодыхъ людей, изъ которыхъ трое были въ формѣ, а одинъ въ гражданскомъ платьѣ. Внутренно всѣ чувствовали и понимали, что тутъ нѣтъ ничего преступнаго или даже особенно неприличнаго. Но высказать это Аракчееву никто и помыслить не дерзалъ; напротивъ того, всѣ безмолвствовали и подобострастно улыбались, когда Аракчеевъ, достаточно насытивъ свою злобу и досаду, велѣлъ остановить движеніе платформы, а всадникамъ сойдти съ деревянныхъ лошадей и приблизиться къ нему. Молодые люди чувствовали, что, конечно, добра изъ этого быть не можетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная кротость и благодушіе императора, понимали, что онъ не погубитъ ихъ за такой ребяческій поступокъ, въ сущности не имѣвшій въ себѣ ничего беззаконнаго, такъ какъ разрѣшалось же офицерамъ въ мундирѣ кататься съ горъ въ публикѣ. Къ тому же, отцу моему, хотя еще не подавшему въ отставку и желавшему быть преподавателемъ въ корпусахъ, при теперешней катастрофѣ, не имѣя надежды оставаться въ военной службѣ, легко было, какъ ему казалось, выйдти въ отставку и избавиться отъ всякаго вліянія военнаго министра; да онъ и зналъ, что квартирмейстерское начальство любитъ его и всѣми мѣрами защититъ, въ случаѣ слишкомъ большой напасти. Капитанъ Юнкеръ тоже зналъ, что главный его начальникъ, великій князь цесаревичъ, никогда никого изъ своихъ не дастъ въ обиду Аракчееву, который по этому именно поводу терпѣть не могъ гвардейской кавалеріи, и особенно лейбъ-улановъ, фаворитовъ цесаре-

ревянныхъ лошадокъ играютъ! Порадую завтра государя императора, порадую! Нарочно поѣду въ Царское Село, хоть и безъ нужды, поѣду, не пожалѣю времени, не пожалѣю! Клейнмихель", продолжалъ Аракчеевъ, обращаясь къ своему адъютанту,—„пройдитка, братецъ, ты къ гуляющимъ и къ Василью Петровичу Зиновьеву; да и скажи-тка имъ, что графъ Алексѣй де Андреевичъ проситъ пожаловать васъ въ каруселный павильонъ, чтобъ полюбоваться, какъ наши господа офицеры на деревянныхъ конькахъ гарцовать изволятъ. Иди, братецъ, иди".

Клейнмихелю нечего было далеко ходить: едва только гуляющіе узнали, что Алексѣй Андреевичъ зашелъ въ каруселный павильонъ, какъ уже всѣ обступили это никѣмъ никогда не посѣщаемое зданіе и начали интересоваться тѣмъ, что тамъ происходитъ. Приглашеніе, сдѣланное Клейнмихелемъ отъ имени Аракчеева, всѣхъ электрически подвинуло на лѣсенку, и тогда всѣ увидѣли, какъ на деревянныхъ коняхъ, вертѣвшихся на горизонтальномъ подвижномъ полу, носились четверо молодыхъ людей, изъ которыхъ трое были въ формѣ, а одинъ въ гражданскомъ платьѣ. Внутренно всѣ чувствовали и понимали, что тутъ нѣтъ ничего преступнаго или даже особенно неприличнаго. Но высказать это Аракчееву никто и помыслить не дерзалъ; напротивъ того, всѣ безмолвствовали и подобострастно улыбались, когда Аракчеевъ, достаточно насытивъ свою злобу и досаду, велѣлъ остановить движеніе платформы, а всадникамъ сойдти съ деревянныхъ лошадей и приблизиться къ нему. Молодые люди чувствовали, что, конечно, добра изъ этого быть не можетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная кротость и благодушіе императора, понимали, что онъ не погубитъ ихъ за такой ребяческій поступокъ, въ сущности не имѣвшій въ себѣ ничего беззаконнаго, такъ какъ разрѣшалось же офицерамъ въ мундирѣ кататься съ горъ въ публикѣ. Къ тому же, отцу моему, хотя еще не подавшему въ отставку и желавшему быть преподавателемъ въ корпусахъ, при теперешней катастрофѣ, не имѣя надежды оставаться въ военной службѣ, легко было, какъ ему казалось, выйдти въ отставку и избавиться отъ всякаго вліянія военнаго министра; да онъ и зналъ, что квартирмейстерское начальство любитъ его и всѣми мѣрами защититъ, въ случаѣ слишкомъ большой напасти. Капитанъ Юнкеръ тоже зналъ, что главный его начальникъ, великій князь цесаревичъ, никогда никого изъ своихъ не дастъ въ обиду Аракчееву, который по этому именно поводу терпѣть не могъ гвардейской кавалеріи, и особенно лейбъ-улановъ, фаворитовъ цесаре-

вича. Мой дядя Петровъ былъ такой еще ребенокъ, и въ немъ было такъ много артистическаго чувства и такъ мало бюрократической заботливости, что онъ ничего не могъ сообразить изъ обстоятельствъ изъ каруселыной партіи, прерванной какимъ-то криклпвымъ генераломъ, qui avait d'atroces manières. Трусливѣе всѣхъ оказался миніатюрный Поденъ, которому тотчасъ представилось, что его свирѣпый начальникъ Евграфъ Петровичъ Мечниковъ тотчасъ же сотретъ его съ лица земли.

Всѣмъ этимъ злосчастнымъ всадникамъ Аракчеевъ сказалъ по какой-нибудь грубости. Такъ, обращаясь къ отцу моему, онъ сказалъ: „Свитскій маіоръ съ Анною съ бантомъ, съ Владиміромъ съ бантомъ, съ прусскимъ—за заслуги, ѣздитъ на деревянномъ конѣ, соперничая съ нѣмецкими сапожниками да колбасниками! Честь вамъ и слава, нечего сказать!... Прелестно! государю императору пріятно будетъ, что его свитскій мундиръ на деревянной лошади ѣздитъ. Но вы, сударь, недолго поносите этотъ мундиръ, увѣрю васъ, недолго".

„Весьма недолго, ваше сіятельство", отвѣчалъ мой отецъ,—я подалъ уже въ отставку и съ нетерпѣніемъ ожидаю снять мундиръ, такъ какъ снятіе его обусловливаетъ мое счастіе".

„Вы сударь, г. маіоръ, что-то колобродите. Или уже такъ струхнули, что и совсѣмъ зарапортовались".

„Я не струхнулъ и не зарапортовался, ваше сіятельство, а говорю чистую правду: мой родитель не позволяетъ мнѣ жениться иначе, какъ когда я сниму военный мундиръ; я очень люблю военную службу, что доказываютъ мои знаки отличія, полученные не даромъ, право; но еще болѣе люблю мою невѣсту, а потому ожидаю отставки съ нетерпѣніемъ".

„А вотъ, г. маіоръ, вмѣсто отставки не хочешь ли въ чижовую команду тѣмъ же чиномъ, да куда-нибудь на Аландъ или въ Усть-Сысольскъ?"

„Ежели на то будетъ воля государя императора", сказалъ отецъ, блѣднѣя и понимая, что какъ бы ни были готовы его начальники стоять за него, но имъ трудно бороться съ такою мощью, какъ Аракчеевъ, который, по званію военнаго министра, можетъ дѣйствительно оставить его на службѣ, отчислпвъ во внутреннюю стражу, презрительно называвшуюся тогда „чижовою командою", потому что она носила сѣрый мундиръ съ желтымъ канареечнаго цвѣта воротникомъ и такими же отворотами.

„Петръ Андреевичъ! крикнулъ Аракчеевъ Клейнмихелю, пошли

вича. Мой дядя Петровъ былъ такой еще ребенокъ, и въ немъ было такъ много артистическаго чувства и такъ мало бюрократической заботливости, что онъ ничего не могъ сообразить изъ обстоятельствъ изъ каруселыной партіи, прерванной какимъ-то крикливымъ генераломъ, qui avait d'atroces manières. Трусливѣе всѣхъ оказался миніатюрный Поденъ, которому тотчасъ представилось, что его свирѣпый начальникъ Евграфъ Петровичъ Мечниковъ тотчасъ же сотретъ его съ лица земли.

Всѣмъ этимъ злосчастнымъ всадникамъ Аракчеевъ сказалъ по какой-нибудь грубости. Такъ, обращаясь къ отцу моему, онъ сказалъ: „Свитскій маіоръ съ Анною съ бантомъ, съ Владиміромъ съ бантомъ, съ прусскимъ—за заслуги, ѣздитъ на деревянномъ конѣ, соперничая съ нѣмецкими сапожниками да колбасниками! Честь вамъ и слава, нечего сказать!... Прелестно! государю императору пріятно будетъ, что его свитскій мундиръ на деревянной лошади ѣздитъ. Но вы, сударь, недолго поносите этотъ мундиръ, увѣряю васъ, недолго“.

„Весьма недолго, ваше сіятельство“, отвѣчалъ мой отецъ,—я подалъ уже въ отставку и съ нетерпѣніемъ ожидаю снять мундиръ, такъ какъ снятіе его обусловливаетъ мое счастіе“.

„Вы сударь, г. маіоръ, что-то колобродите. Или уже такъ струхнули, что и совсѣмъ зарапортовались“.

„Я не струхнулъ и не зарапортовался, ваше сіятельство, а говорю чистую правду: мой родитель не позволяетъ мнѣ жениться иначе, какъ когда я сниму военный мундиръ; я очень люблю военную службу, что доказываютъ мои знаки отличія, полученные не даромъ, право; но еще болѣе люблю мою невѣсту, а потому ожидаю отставки съ нетерпѣніемъ“.

„А вотъ, г. маіоръ, вмѣсто отставки не хочешь ли въ чижовую команду тѣмъ же чиномъ, да куда-нибудь на Аландъ или въ Усть-Сысольскъ?“

„Ежели на то будетъ воля государя императора“, сказалъ отецъ, блѣднѣя и понимая, что какъ бы ни были готовы его начальники стоять за него, но имъ трудно бороться съ такою мощью, какъ Аракчеевъ, который, по званію военнаго министра, можетъ дѣйствительно оставить его на службѣ, отчисливъ во внутреннюю стражу, презрительно называвшуюся тогда „чижовою командою“, потому что она носила сѣрый мундиръ съ желтымъ канареечнаго цвѣта воротникомъ и такими же отворотами.

„Петръ Андреевичъ! крикнулъ Аракчеевъ Клейнмихелю, пошли

тка за плацъ-адъютантомъ и похлопочи, братецъ, чтобъ этотъ длинноязычный свитскій маіоръ былъ отправленъ на гауптвахту; а завтра при утреннемъ докладѣ напомни мнѣ". Потомъ, оборотясь къ моему отцу, Аракчеевъ сказалъ: „Свитскій маіоръ, имѣющій прусскій орденъ за Богъ знаетъ какія заслуги, развѣ только по его названію, отдайте вашу шпагу моему адъютанту: вы арестованы военнымъ министромъ".

Отецъ надѣлъ свою шляпу, которую до тѣхъ поръ держалъ въ лѣвой рукѣ, и вынулъ вмѣстѣ съ ножнами шпагу изъ замшевой портупеи, при чемъ Аракчеевъ, разглядывая эфесъ шпаги и видя на немъ изображеніе изъ финифти Аннинскаго ордена, сказалъ: „И шпага еще Аннинская! Ха! ха! ха! Рыцарь деревяннаго копя!... Ха! ха! ха!"

„Ну-съ, а вы г. капитанъ, указка-нянька кадетская! Вамъ и стать въ игрушки играть. Вы, я думаю, въ кадетскомъ саду на теляткахъ-то сплошь да рядомъ ѣздите. Тамъ же, у васъ въ саду и каруселька есть маленькія, и кролики, и голубочки!... А какъ ваша фамилія?"

„Юнкеръ, ваше сіятельство".

„Что вы не по капитански себя ведете, ѣздя на деревянныхъ лошадкахъ, въ томъ спору нѣтъ, и что это свойственно не болѣе какъ какому-нибудь штыкъ-юнкеру, это несомнѣнно. Но я спрашиваю у васъ вашу фамилію, а не чинъ".

„Я и докладываю вашему сіятельству мою фамилію: я ношу иностранную фамилію Юнкръ, передѣланную здѣсь въ Россіи на Юнкеръ. Мой отецъ французскій эмигрантъ".

Въ это время Клейнмихель въ подобострастной позѣ что-то шепталъ своему генералу на ухо, и тотъ, прислушавшись, сказалъ:

„А, да вы тотъ самый капитанъ Юнкеръ, о которомъ цесаревичъ недавно въ приказѣ отдалъ на счетъ чтенія Вольтера. Прекрасно, г. капитанъ, вы почитываете безбожника Вольтера, а для препровожденія времени на деревянныхъ лошадкахъ ѣздить изволите? Спасибо Его Высочеству за приказъ по корпусу. Я теперь велю приказъ этотъ отпечатать въ приказахъ по всѣмъ арміямъ въ назиданіе тѣмъ изъ гг. офицеровъ, которые вздумали бы, чего Боже упаси, чтеніемъ Вольтера потѣшаться... Ну, а этотъ купидонъ въ спнемъ мундирѣ съ золотымъ ошейникомъ что за штука?" спросилъ Аракчеевъ, уставясь глазами на Нодена.

„Оберъ-шихтмейстеръ Ноденъ", сказалъ съ робостью малютка-Ноденъ, дѣйствительно въ то время похожій на купидончика, какъ ихъ привыкли живописать.

тка за плацъ-адъютантомъ и похлопочи, братецъ, чтобъ этотъ длинноязычный свитскій маіоръ былъ отправленъ на гауптвахту; а завтра при утреннемъ докладѣ напомни мнѣ". Потомъ, оборотясь къ моему отцу, Аракчеевъ сказалъ: „Свитскій маіоръ, имѣющій прусскій орденъ за Богъ знаетъ какія заслуги, развѣ только по его названію, отдайте вашу шпагу моему адъютанту: вы арестованы военнымъ министромъ".

Отецъ надѣлъ свою шляпу, которую до тѣхъ поръ держалъ въ лѣвой рукѣ, и вынулъ вмѣстѣ съ ножнами шпагу изъ замшевой портупеи, при чемъ Аракчеевъ, разглядывая эфесъ шпаги и видя на немъ изображеніе изъ финифти Аннинскаго ордена, сказалъ: „И шпага еще Аннинская! Ха! ха! ха! Рыцарь деревяннаго копя!... Ха! ха! ха!"

„Ну-съ, а вы г. капитанъ, указка-нянька кадетская! Вамъ и стать въ игрушки играть. Вы, я думаю, въ кадетскомъ саду на теляткахъ-то сплошь да рядомъ ѣздите. Тамъ же, у васъ въ саду и каруселька есть маленькія, и кролики, и голубочки!... А какъ ваша фамилія?"

„Юнкеръ, ваше сіятельство".

„Что вы не по капитански себя ведете, ѣздя на деревянныхъ лошадкахъ, въ томъ спору нѣтъ, и что это свойственно не болѣе какъ какому-нибудь штыкъ-юнкеру, это несомнѣнно. Но я спрашиваю у васъ вашу фамилію, а не чинъ".

„Я и докладываю вашему сіятельству мою фамилію: я ношу иностранную фамилію Юнкръ, передѣланную здѣсь въ Россіи на Юнкеръ. Мой отецъ французскій эмигрантъ".

Въ это время Клейнмихель въ подобострастной позѣ что-то шепталъ своему генералу на ухо, и тотъ, прислушавшись, сказалъ:

„А, да вы тотъ самый капитанъ Юнкеръ, о которомъ цесаревичъ недавно въ приказѣ отдалъ на счетъ чтенія Вольтера. Прекрасно, г. капитанъ, вы почитываете безбожника Вольтера, а для препровожденія времени на деревянныхъ лошадкахъ ѣздить изволите? Спасибо Его Высочеству за приказъ по корпусу. Я теперь велю приказъ этотъ отпечатать въ приказахъ по всѣмъ арміямъ въ назиданіе тѣмъ изъ гг. офицеровъ, которые вздумали бы, чего Боже упаси, чтеніемъ Вольтера потѣшаться... Ну, а этотъ купидонъ въ спнемъ мундирѣ съ золотымъ ошейникомъ что за штука?" спросилъ Аракчеевъ, уставясь глазами на Нодена.

„Оберъ-шихтмейстеръ Ноденъ", сказалъ съ робостью малютка-Ноденъ, дѣйствительно въ то время похожій на купидончика, какъ ихъ привыкли живописать.

— „Что за странный чинъ! усмѣхнулся Аракчеевъ, — но скажи, любезный, гдѣ ты служишь?“

— „Въ горномъ департаментѣ“, проленеталъ Поденъ.

— „Это у Евграфа Петровича Мечникова?“

— „Такъ точно, ваше сіятельство“.

— „Хорошо же, дружокъ, завтра пойди къ Евграфу Петровичу и скажи ему, что де графъ Аракчеевъ прислалъ поклонъ вашему превосходительству; онъ любовался, какъ я ѣзжу на деревянномъ конѣ въ Крестовскомъ каруселѣ. Да, такъ и скажи. Поденъ, Поденъ, какая-то, словно, знакомая фамилія. Ты вѣдь не изъ воспитательныхъ? У тебя отецъ есть или былъ?“

„Былъ-съ“.

„Какая же онъ былъ штука, твой отецъ-то?“

„Мой отецъ былъ танцмейстеромъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, и въ особенности въ кадетскихъ корпусахъ и въ Смольномъ монастырѣ“.

„Такъ, такъ“, гнусилъ Аракчеевъ,— припомнилъ необлыжно: у насъ въ артиллерійскомъ корпусѣ танцмейстеръ этотъ училъ танцамъ и минаветамъ всякимъ, да я въ ту пору былъ больно на порѣ, чтобъ этимъ вздорамъ учиться, такъ твой отецъ то больше куралесилъ все съ мелкотой. Ну, яблоко отъ яблони не далече укатилось: тотъ всю жизнь реверансы чинилъ, а сынокъ на деревянныхъ лошадкахъ ѣздитъ. Хорошъ, хорошъ горный чиновникъ у Евграфа Петровича Мечникова. А вотъ этотъ четвертый, мальчуганъ, пятиметромъ одѣтый, какъ его фамилія?“

„Петровъ, чиновникъ канцеляріи министра финансовъ“, сказалъ мой отецъ, который все еще тутъ оставался за ненайденіемъ плацъ-адъютанта. „Это братъ моей невѣсты“, примолвилъ отецъ.

„Ну, съ этимъ молокососомъ, продолжалъ Аракчеевъ, — нечего и разговаривать: ему и по лѣтамъ, и по одежкѣ всего приличнѣе въ лошадки играть, пусть же себѣ и играетъ на здоровье. Удивительно только, что такихъ ребятишекъ опредѣляютъ на царскую службу. Онъ тамъ, я чай, только въ бирюльки играетъ, да на лошадкахъ ѣздитъ“.

Это мнѣніе, по видимому, обидѣло моего юнаго дядю, и онъ хотѣлъ было что-то сказать по французски, потому что слово „mon général“ уже слетѣло съ его устъ, къ счастью, не разслышанное Аракчеевымъ и не имѣвшее продолженія, благодаря строгому взгляду, брошенному на мальчика моимъ отцомъ.

Послѣ этого, Аракчеевъ и всѣ прочіе вышли изъ карусельнаго

— „Что за странный чинъ! усмѣхнулся Аракчеевъ, — но скажи, любезный, гдѣ ты служишь?“

— „Въ горномъ департаментѣ“, проленеталъ Поденъ.

— „Это у Евграфа Петровича Мечникова?“

— „Такъ точно, ваше сіятельство“.

— „Хорошо же, дружокъ, завтра пойди къ Евграфу Петровичу и скажи ему, что де графъ Аракчеевъ прислалъ поклонъ вашему превосходительству; онъ любовался, какъ я ѣзжу на деревянномъ конѣ въ Крестовскомъ каруселѣ. Да, такъ и скажи. Поденъ, Поденъ, какая-то, словно, знакомая фамилія. Ты вѣдь не изъ воспитательныхъ? У тебя отецъ есть или былъ?“

„Былъ-съ“.

„Какая же онъ былъ штука, твой отецъ-то?“

„Мой отецъ былъ танцмейстеромъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, и въ особенности въ кадетскихъ корпусахъ и въ Смольномъ монастырѣ“.

„Такъ, такъ“, гнусилъ Аракчеевъ,— припомнилъ необлыжно: у насъ въ артиллерійскомъ корпусѣ танцмейстеръ этотъ училъ танцамъ и минаветамъ всякимъ, да я въ ту пору былъ больно на порѣ, чтобъ этимъ вздорамъ учиться, такъ твой отецъ то больше куралесилъ все съ мелкотой. Ну, яблоко отъ яблони не далече укатилось: тотъ всю жизнь реверансы чинилъ, а сынокъ на деревянныхъ лошадкахъ ѣздитъ. Хорошъ, хорошъ горный чиновникъ у Евграфа Петровича Мечникова. А вотъ этотъ четвертый, мальчуганъ, пятиметромъ одѣтый, какъ его фамилія?“

„Петровъ, чиновникъ канцеляріи министра финансовъ“, сказалъ мой отецъ, который все еще тутъ оставался за ненайденіемъ плацъ-адъютанта. „Это братъ моей невѣсты“, примолвилъ отецъ.

„Ну, съ этимъ молокососомъ, продолжалъ Аракчеевъ, — нечего и разговаривать: ему и по лѣтамъ, и по одежкѣ всего приличнѣе въ лошадки играть, пусть же себѣ и играетъ на здоровье. Удивительно только, что такихъ ребятишекъ опредѣляютъ на царскую службу. Онъ тамъ, я чай, только въ бирюльки играетъ, да на лошадкахъ ѣздитъ“.

Это мнѣніе, по видимому, обидѣло моего юнаго дядю, и онъ хотѣлъ было что-то сказать по французски, потому что слово „mon général“ уже слетѣло съ его устъ, къ счастью, не разслышанное Аракчеевымъ и не имѣвшее продолженія, благодаря строгому взгляду, брошенному на мальчика моимъ отцомъ.

Послѣ этого, Аракчеевъ и всѣ прочіе вышли изъ карусельнаго

павильона, а Клейнмихель, держа шпагу моего отца, молвилъ ему: „Вы, маіоръ, пожалуйста, не дайте тяги“.

„Г. адъютантъ“, сказалъ съ запальчивостью мой отецъ, „помните, что вы говорите съ боевымъ офицеромъ, а не съ какимъ нибудь коммисаромъ и за это неумѣстное выраженіе и нелѣпое опасеніе много рискуете“.

„Бога ради успокойтесь, маіоръ, я только такъ пошутилъ по товарищески“.

„Я вамъ не товарищъ и шутокъ отъ людей, мнѣ незнакомыхъ, не принимаю“.

Клейнмихель надулся, отошелъ въ сторону и, стоя въ нѣкоторомъ разстояніи, не спускалъ глазъ съ моего отца, не глядя однако прямо, а изъ подлобья.

Аракчеевъ собирался уже уѣзжать, какъ вдругъ показался на гуляньи адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ, знаменитый главнокомандующій морскими и сухопутными силами въ Корфу, гдѣ онъ не допустилъ Французовъ занять Каттарскую область и потомъ разбилъ въ прахъ турецкій флотъ при Дарданеллахъ. На немъ былъ съ двумя нашитыми звѣздами синій адмиральскій мундиръ того времени, въ видѣ фрака съ отворотами и съ отложнымъ не застегивающимся воротникомъ, на плечахъ кованыя премаленькія золотыя эполетики съ черными орлами, бѣлый жилетъ пике, съ лѣваго боку на тоненькой цѣпочкѣ кортикъ съ перламутровымъ эфесомъ въ золотыхъ ножнахъ, узенькій, тонсенькій какъ игрушка, величиною не больше обыкновеннаго столоваго ножа; на головѣ надѣта была высокая генеральская шляпа безъ султана, какъ слѣдовало по формѣ, присвоенной морякамъ. Правою рукою онъ опирался на бамбуковую трость и ступалъ тою невполнѣ твердою поступью, которая свойственна раненымъ и подагрикамъ. При появленіи этого Дарданелльскаго героя, котораго недавнее пребываніе въ Корфу такъ было солоно Наполеону, публика разступилась, и онъ очутился передъ Аракчеевымъ, который, хоть и не хотя, а отдалъ ему военную честь съ весьма учтивымъ поклономъ. Въ это время Сенявину было 46 лѣтъ отъ роду, то есть, онъ былъ только шестью годами старше Аракчеева; но онъ былъ наружно старъ, потому что его изломала боевая жизнь и ужасныя лишенія, съ нею сопряженныя. Впрочемъ, голосъ Сенявина былъ звученъ и твердъ и необыкновенно чистъ въ противность Аракчеевскому гнусенью. Онъ поздоровался съ Аракчеевымъ и сталъ ласково доказывать ему, что то, что̀ сдѣлали эти офицеры, — такой

павильона, а Клейнмихель, держа шпагу моего отца, молвилъ ему: „Вы, маіоръ, пожалуйста, не дайте тяги“.

„Г. адъютантъ“, сказалъ съ запальчивостью мой отецъ, „помните, что вы говорите съ боевымъ офицеромъ, а не съ какимъ нибудь коммисаромъ и за это неумѣстное выраженіе и нелѣпое опасеніе много рискуете“.

„Бога ради успокойтесь, маіоръ, я только такъ пошутилъ по товарищески“.

„Я вамъ не товарищъ и шутокъ отъ людей, мнѣ незнакомыхъ, не принимаю“.

Клейнмихель надулся, отошелъ въ сторону и, стоя въ нѣкоторомъ разстояніи, не спускалъ глазъ съ моего отца, не глядя однако прямо, а изъ подлобья.

Аракчеевъ собирался уже уѣзжать, какъ вдругъ показался на гуляньи адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ, знаменитый главнокомандующій морскими и сухопутными силами въ Корфу, гдѣ онъ не допустилъ Французовъ занять Каттарскую область и потомъ разбилъ въ прахъ турецкій флотъ при Дарданеллахъ. На немъ былъ съ двумя нашитыми звѣздами синій адмиральскій мундиръ того времени, въ видѣ фрака съ отворотами и съ отложнымъ не застегивающимся воротникомъ, на плечахъ кованыя премаленькія золотыя эполетики съ черными орлами, бѣлый жилетъ пике, съ лѣваго боку на тоненькой цѣпочкѣ кортикъ съ перламутровымъ эфесомъ въ золотыхъ ножнахъ, узенькій, тонсенькій какъ игрушка, величиною не больше обыкновеннаго столоваго ножа; на головѣ надѣта была высокая генеральская шляпа безъ султана, какъ слѣдовало по формѣ, присвоенной морякамъ. Правою рукою онъ опирался на бамбуковую трость и ступалъ тою невполнѣ твердою поступью, которая свойственна раненымъ и подагрикамъ. При появленіи этого Дарданелльскаго героя, котораго недавнее пребываніе въ Корфу такъ было солоно Наполеону, публика разступилась, и онъ очутился передъ Аракчеевымъ, который, хоть и не хотя, а отдалъ ему военную честь съ весьма учтивымъ поклономъ. Въ это время Сенявину было 46 лѣтъ отъ роду, то есть, онъ былъ только шестью годами старше Аракчеева; но онъ былъ наружно старъ, потому что его изломала боевая жизнь и ужасныя лишенія, съ нею сопряженныя. Впрочемъ, голосъ Сенявина былъ звученъ и твердъ и необыкновенно чистъ въ противность Аракчеевскому гнусенью. Онъ поздоровался съ Аракчеевымъ и сталъ ласково доказывать ему, что то, что̀ сдѣлали эти офицеры, — такой

пустякъ, о которомъ не стоитъ и говорить, и присовокупилъ: „Я увѣренъ, что вы, ваше сіятельство, сами убѣждены въ этомъ; вы слишкомъ умны, чтобъ дѣлать изъ этого исторію, тѣмъ болѣе, что и государь, конечно, не приметъ этого серьезно. А вѣдь вы, графъ, нашего батюшку царя, я знаю, любите больше себя самого и огорчать его напрасно не захотите".

Въ этомъ тонѣ безстрашный, смѣлый и откровенный до ребячества Сенявинъ говорилъ довольно долго, пока наконецъ Аракчеевъ, засмѣявшись своимъ кабаньимъ смѣхомъ, сказалъ:

— Вы, ваше превосходительство, Дмитрій Николаевичъ, все угадали какъ нельзя лучше. Мнѣ, правду сказать, сегодня что-то хандрилось, я нуждался въ разсѣяніи и нашелъ его въ шуткѣ съ этой молодежью. Богъ съ ними! И спасибо имъ за то, что они, шуты этакіе, меня въ хандрѣ моей разсмѣшили. Петръ Андреевичъ, отдай шпагу-то этому свитскому маіору".

Отецъ мой быстро всадилъ шпагу съ ножнами въ портупею и удалился, едва отдавъ военный поклонъ Аракчееву. Такъ все это и кончилось; но испуганный крошка Ноденъ, зная, что адмиралъ Сенявинъ знакомъ съ его грознымъ начальникомъ Мечниковымъ, просилъ адмирала защитить его при случаѣ и объяснить Евграфу Петровичу все какъ было. На другой же день отецъ мой вмѣнилъ себѣ въ обязанность поѣхать къ Сенявину, чтобъ благодарить его, хотя до той поры онъ вовсе не зналъ его. Отецъ очень понравился Дарданелльскому герою, тотъ занялся его будущею карьерою и отрекомендовалъ его своему родственнику и пріятелю, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Осипу Петровичу Козодавлеву.

Послѣ этого каруселынаго происшествія прошло три года. Императоръ былъ при арміи. Въ Петербургѣ почти не было военныхъ людей. А между тѣмъ, авангардъ несмѣтныхъ Наполеоновыхъ полчищъ двигался на нашу сѣверную столицу, оставшуюся безъ прикрытія. Слухъ пронесся, что армія Витгенштейна идетъ пересѣчь дорогу французамъ, чтобъ откинуть ихъ отъ Петербурга. Не смотря на этотъ слухъ, сильное безпокойство овладѣло всѣмъ Петербургскимъ людомъ, начиная съ императрицы Маріи Ѳеодоровны до самой бѣдной горожанки, владѣвшей хоть какою-нибудь малѣйшею собственностью. Паника была общая: всѣ укладывались и собирались выѣзжать изъ Петербурга, кто въ Ригу или Ревель, кто въ Новгородъ, кто въ Вологду, кто въ Архангельскъ. Присутствен-

пустякъ, о которомъ не стоитъ и говорить, и присовокупилъ: „Я увѣренъ, что вы, ваше сіятельство, сами убѣждены въ этомъ; вы слишкомъ умны, чтобъ дѣлать изъ этого исторію, тѣмъ болѣе, что и государь, конечно, не приметъ этого серьезно. А вѣдь вы, графъ, нашего батюшку царя, я знаю, любите больше себя самого и огорчать его напрасно не захотите".

Въ этомъ тонѣ безстрашный, смѣлый и откровенный до ребячества Сенявинъ говорилъ довольно долго, пока наконецъ Аракчеевъ, засмѣявшись своимъ кабаньимъ смѣхомъ, сказалъ:

— Вы, ваше превосходительство, Дмитрій Николаевичъ, все угадали какъ нельзя лучше. Мнѣ, правду сказать, сегодня что-то хандрилось, я нуждался въ разсѣяніи и нашелъ его въ шуткѣ съ этой молодежью. Богъ съ ними! И спасибо имъ за то, что они, шуты этакіе, меня въ хандрѣ моей разсмѣшили. Петръ Андреевичъ, отдай шпагу-то этому свитскому маіору".

Отецъ мой быстро всадилъ шпагу съ ножнами въ портупею и удалился, едва отдавъ военный поклонъ Аракчееву. Такъ все это и кончилось; но испуганный крошка Ноденъ, зная, что адмиралъ Сенявинъ знакомъ съ его грознымъ начальникомъ Мечниковымъ, просилъ адмирала защитить его при случаѣ и объяснить Евграфу Петровичу все какъ было. На другой же день отецъ мой вмѣнилъ себѣ въ обязанность поѣхать къ Сенявину, чтобъ благодарить его, хотя до той поры онъ вовсе не зналъ его. Отецъ очень понравился Дарданелльскому герою, тотъ занялся его будущею карьерою и отрекомендовалъ его своему родственнику и пріятелю, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Осипу Петровичу Козодавлеву.

Послѣ этого каруселынаго происшествія прошло три года. Императоръ былъ при арміи. Въ Петербургѣ почти не было военныхъ людей. А между тѣмъ, авангардъ несмѣтныхъ Наполеоновыхъ полчищъ двигался на нашу сѣверную столицу, оставшуюся безъ прикрытія. Слухъ пронесся, что армія Витгенштейна идетъ пересѣчь дорогу французамъ, чтобъ откинуть ихъ отъ Петербурга. Не смотря на этотъ слухъ, сильное безпокойство овладѣло всѣмъ Петербургскимъ людомъ, начиная съ императрицы Маріи Ѳеодоровны до самой бѣдной горожанки, владѣвшей хоть какою-нибудь малѣйшею собственностью. Паника была общая: всѣ укладывались и собирались выѣзжать изъ Петербурга, кто въ Ригу или Ревель, кто въ Новгородъ, кто въ Вологду, кто въ Архангельскъ. Присутствен-

ныя мѣста укладывались, учебныя заведенія прекратили свое ученье, театры и зрѣлища закрылись. Императрица заботилась объ отправленіи куда-нибудь ея милыхъ и столь дорогихъ ей питомицъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института. На Москву уже нельзя было разсчитывать, Москвѣ самой грозило нашествіе врага, и надо было ее отстаивать. Всѣ курьеры императора Александра перехватывались Французами, и Петербургъ оставался безъ всякихъ вѣстей о государѣ и арміяхъ. Моремъ только получаемы были кое-какія извѣстія, печатаемыя въ иностранныхъ газетахъ; но французской и германской прессамъ, находившимся подъ Наполеоновскимъ вліяніемъ, вѣрить было нельзя; да и въ англійскихъ газетахъ сообщалось мало правды, такъ какъ въ тѣ времена редакціи не могли имѣть, какъ имѣютъ нынѣ, постоянныхъ и положительныхъ корреспондентовъ. Наполеонъ, нисколько не церемонясь, поступалъ съ газетными корреспондентами, какъ поступаютъ въ военное время съ лазутчиками. Однимъ словомъ, Петербургъ былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, и Аракчеевъ сколько ни посылалъ своихъ различныхъ адъютантовъ и состоящихъ при немъ по особымъ порученіямъ, чтобъ развѣдать положеніе дѣлъ и узнать, гдѣ Витгенштейнъ, а также, какъ идутъ на Петербургъ Французы,—но такъ какъ между всѣми этими „Аракчеевцами“ не было ни одного человѣка съ надлежащимъ военнымъ образованіемъ, то натурально, и Аракчеевскіе посланцы, которые были посмѣлѣе, попадались въ руки непріятеля, а которые были потрусливѣе, возвращались или съ вымышленными ими разсказами, сочиненными на той безопасной станціи, гдѣ они проспѣли все время, назначенное для развѣдки, или безъ всякихъ извѣстій, увѣряя, что проскакали сто, двѣсти верстъ на почтовыхъ и нигдѣ ничего не слыхали даже о непріятелѣ.

Между тѣмъ императрица получала откуда-то весьма тревожныя вѣсти и постоянно терзалась. Среди этихъ заботъ Ея Величества, вдругъ однажды поутру къ ней явился не въ назначенное время министръ внутреннихъ дѣлъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ съ предложеніемъ, что онъ надѣется доставить государынѣ точныя, успокоительныя или неуспокоительныя, но во всякомъ случаѣ, вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій передъ Петербургомъ, чтобы можно было принять мѣры самыя энергичныя и положительныя, смотря по обстоятельствамъ. Императрица была въ восхищеніи и осыпала Козодавлева, человѣка очень придворнаго, хотя никогда при дворѣ не служившаго, любезностями и выраженіями признательности. При этомъ, Марія Ѳеодоровна, при всей своей пріі-

ныя мѣста укладывались, учебныя заведенія прекратили свое ученье, театры и зрѣлища закрылись. Императрица заботилась объ отправленіи куда-нибудь ея милыхъ и столь дорогихъ ей питомицъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института. На Москву уже нельзя было разсчитывать, Москвѣ самой грозило нашествіе врага, и надо было ее отстаивать. Всѣ курьеры императора Александра перехватывались Французами, и Петербургъ оставался безъ всякихъ вѣстей о государѣ и арміяхъ. Моремъ только получаемы были кое-какія извѣстія, печатаемыя въ иностранныхъ газетахъ; но французской и германской прессамъ, находившимся подъ Наполеоновскимъ вліяніемъ, вѣрить было нельзя; да и въ англійскихъ газетахъ сообщалось мало правды, такъ какъ въ тѣ времена редакціи не могли имѣть, какъ имѣютъ нынѣ, постоянныхъ и положительныхъ корреспондентовъ. Наполеонъ, нисколько не церемонясь, поступалъ съ газетными корреспондентами, какъ поступаютъ въ военное время съ лазутчиками. Однимъ словомъ, Петербургъ былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, и Аракчеевъ сколько ни посылалъ своихъ различныхъ адъютантовъ и состоящихъ при немъ по особымъ порученіямъ, чтобъ развѣдать положеніе дѣлъ и узнать, гдѣ Витгенштейнъ, а также, какъ идутъ на Петербургъ Французы,—но такъ какъ между всѣми этими „Аракчеевцами“ не было ни одного человѣка съ надлежащимъ военнымъ образованіемъ, то натурально, и Аракчеевскіе посланцы, которые были посмѣлѣе, попадались въ руки непріятеля, а которые были потрусливѣе, возвращались или съ вымышленными имъ разсказами, сочиненными на той безопасной станціи, гдѣ они проспѣли все время, назначенное для развѣдки, или безъ всякихъ извѣстій, увѣряя, что проскакали сто, двѣсти верстъ на почтовыхъ и нигдѣ ничего не слыхали даже о непріятелѣ.

Между тѣмъ императрица получала откуда-то весьма тревожныя вѣсти и постоянно терзалась. Среди этихъ заботъ Ея Величества, вдругъ однажды поутру къ ней явился не въ назначенное время министръ внутреннихъ дѣлъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ съ предложеніемъ, что онъ надѣется доставить государынѣ точныя, успокоительныя или неуспокоительныя, но во всякомъ случаѣ, вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій передъ Петербургомъ, чтобы можно было принять мѣры самыя энергичныя и положительныя, смотря по обстоятельствамъ. Императрица была въ восхищеніи и осыпала Козодавлева, человѣка очень придворнаго, хотя никогда при дворѣ не служившаго, любезностями и выраженіями признательности. При этомъ, Марія Ѳеодоровна, при всей своей пріі-

лзии къ Аракчееву, какъ къ одному изъ главныхъ любимцевъ покойнаго ея супруга, сказала что-то не очень лестное для Алексѣя Андреевича и на этомъ „нѣчто“ придворная дипломатія сейчасъ же построила было свои проэкты для сокрушенія Аракчеевской мощи.

„Сегодня вечеркомъ надѣюсь имѣть счастіе явиться къ Вашему Величеству съ вѣстями, какъ уповаю, при помощи Божіей, не непріятными“, говорилъ царедворецъ, откланиваясь.

„Вы, Осипъ Петровичъ, такой имѣете веселый видъ, отвѣчала государыня,—будто вы увѣрены, что извѣстія будутъ благопріятныя“.

„Ваше Величество, сказалъ Козодавлевъ,—я всю ночь усердно молилъ Господа Бога Спасителя нашего и Пресвятую Богородицу и на утро имѣлъ видѣніе, которое ясно показало мнѣ, что мой посланецъ, кто бы онъ ни былъ, привезетъ вести хорошія, а не дурныя, которыя успокоятъ нашу матушку царицу.“

Естественно, что когда Козодавлевъ былъ утромъ у императрицы, ему уже были привезены тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ говорилъ, какъ о видѣніи.

Вечеромъ часу въ седьмомъ, передъ подачею вечерняго чая, въ гостиной императрицы, Козодавлевъ снова явился во дворецъ, въ мундирѣ, лентахъ, звѣздахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, напудренный, но главное, съ веселымъ выраженіемъ лица и съ какою-то бумагою въ лѣвой рукѣ, державшей также и шляпу съ плюмажемъ и галуномъ. Извѣстіе состояло въ томъ, что Витгенштейнъ, командуя первымъ корпусомъ, отрѣзалъ Французовъ и не допустилъ ихъ ни до Пскова, ни тѣмъ болѣе до Петербурга; чиновникъ, посланный министромъ, проникъ до самой главной квартиры главнокомандующаго, гдѣ нашелъ прежнихъ своихъ военныхъ сослуживцевъ. Изъ этого источника отецъ мой узналъ всѣ подробности, потомъ велѣлъ доложить о себѣ начальнику штаба и получилъ отъ него формальное на имя министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіе, изъ коего видно было, что положительно, всякая опасность для Петербурга миновала и что государыня можетъ вполнѣ успокоиться; при чемъ въ письмѣ говорилось, что графъ Петръ Христофоровичъ (Витгенштейнъ) сего же числа посылаетъ одного адъютанта къ императору, другаго къ императрицѣ въ Петербургъ съ сообщеніями. Радость была общая, и не знали, какъ достойно благодарить Козодавлева, который разсказалъ, между прочимъ, что онъ для этого дѣла командировалъ личнаго своего секретаря (онъ назвалъ моего от-

лзии къ Аракчееву, какъ къ одному изъ главныхъ любимцевъ покойнаго ея супруга, сказала что-то не очень лестное для Алексѣя Андреевича и на этомъ „нѣчто“ придворная дипломатія сейчасъ же построила было свои проэкты для сокрушенія Аракчеевской мощи.

„Сегодня вечеркомъ надѣюсь имѣть счастіе явиться къ Вашему Величеству съ вѣстями, какъ уповаю, при помощи Божіей, не непріятными“, говорилъ царедворецъ, откланиваясь.

„Вы, Осипъ Петровичъ, такой имѣете веселый видъ, отвѣчала государыня,—будто вы увѣрены, что извѣстія будутъ благопріятныя“.

„Ваше Величество, сказалъ Козодавлевъ,—я всю ночь усердно молилъ Господа Бога Спасителя нашего и Пресвятую Богородицу и на утро имѣлъ видѣніе, которое ясно показало мнѣ, что мой посланецъ, кто бы онъ ни былъ, привезетъ вести хорошія, а не дурныя, которыя успокоятъ нашу матушку царицу.“

Естественно, что когда Козодавлевъ былъ утромъ у императрицы, ему уже были привезены тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ говорилъ, какъ о видѣніи.

Вечеромъ часу въ седьмомъ, передъ подачею вечерняго чая, въ гостиной императрицы, Козодавлевъ снова явился во дворецъ, въ мундирѣ, лентахъ, звѣздахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, напудренный, но главное, съ веселымъ выраженіемъ лица и съ какою-то бумагою въ лѣвой рукѣ, державшей также и шляпу съ плюмажемъ и галуномъ. Извѣстіе состояло въ томъ, что Витгенштейнъ, командуя первымъ корпусомъ, отбросилъ Французовъ и не допустилъ ихъ ни до Пскова, ни тѣмъ болѣе до Петербурга; чиновникъ, посланный министромъ, проникъ до самой главной квартиры главнокомандующаго, гдѣ нашелъ прежнихъ своихъ военныхъ сослуживцевъ. Изъ этого источника отецъ мой узналъ всѣ подробности, потомъ велѣлъ доложить о себѣ начальнику штаба и получилъ отъ него формальное на имя министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіе, изъ коего видно было, что положительно, всякая опасность для Петербурга миновала и что государыня можетъ вполнѣ успокоиться; при чемъ въ письмѣ говорилось, что графъ Петръ Христофоровичъ (Витгенштейнъ) сего же числа посылаетъ одного адъютанта къ императору, другаго къ императрицѣ въ Петербургъ съ сообщеніями. Радость была общая, и не знали, какъ достойно благодарить Козодавлева, который разсказалъ, между прочимъ, что онъ для этого дѣла командировалъ личнаго своего секретаря (онъ назвалъ моего от-

ца), собственно потому, что этотъ молодой человѣкъ, какъ выразился министръ, только во второй половинѣ 1809 года оставилъ свитскую службу, какую продолжалъ съ превосходнымъ успѣхомъ и имѣлъ въ арміи, само собою разумѣется, много пріятелей, да къ тому же владѣлъ всѣми стратегическими знаніями, необходимыми для собранія тѣхъ свѣдѣній, какія интересовали государыню и весь Петербургъ. Государыня захотѣла узнать подробности объ этомъ удачномъ вѣстникѣ, намѣреваясь доставить ему отъ себя собственно какія-нибудь вещественныя доказательства своего благоволенія и признательности. Такимъ образомъ, на другой день, дежурный камеръ-юнкеръ, отъ имени государыни императрицы, при ея милостивомъ рескриптѣ, привезъ къ отцу моему, для него перстень съ вензелемъ императрицы, осыпанный брилліантами, для матери склаважъ изъ драгоцѣнныхъ камней, а для младенца сына (то есть, пишущаго эти воспоминанія) маленькій чистаго золота образокъ съ ликомъ св. Владиміра равноапостольнаго, во имя котораго я былъ крещенъ.

Въ этотъ же самый день Осипъ Петровичъ Козодавлевъ получилъ отъ Аракчеева записочку слѣдующаго содержанія: „Освѣдомился я, что вы, Осипъ Петровичъ, посылали вашего какого-то чиновника въ главную квартиру первой арміи; а потому премного обязали бы меня, ежели бы прислали этого вашего чиновника ко мнѣ хоть сейчасъ даже съ этимъ моимъ фельдъегеремъ, дабы я отъ него устно могъ узнать различныя подробности, какія считаю для себя любопытными и весьма немаловажными.“

Сдѣлано было по писанному: отецъ мой поѣхалъ одновременно съ фельдъегеремъ и, само собою разумѣется, былъ мгновенно же принятъ военнымъ министромъ въ его скромномъ деревянномъ домѣ на Литейной и подпесь существующимъ и занимаемымъ начальникомъ управленія иррегулярныхъ войскъ. Аракчеевъ не зналъ, да и какая надобность ему была знать фамилію чиновника, ѣздившаго въ главную квартиру. Мой отецъ вошелъ и поклонился. Онъ былъ въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ сапогахъ съ кисточками сверхъ черныхъ штановъ въ обтяжку, въ бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ, по которому лежала красная анненская лента, прикрывавшая ленту черную съ серебрянымъ кантомъ пурлемерита. Аракчеевъ тотчасъ узналъ бывшаго свитскаго маіора 1809 г., котораго онъ встрѣтилъ за три года предъ тѣмъ на Крестовскомъ острову. Но объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ Аракчеевъ рѣшительно ничего не упомянулъ при началѣ бесѣды; напротивъ

ца), собственно потому, что этотъ молодой человѣкъ, какъ выразился министръ, только во второй половинѣ 1809 года оставилъ свитскую службу, какую продолжалъ съ превосходнымъ успѣхомъ и имѣлъ въ арміи, само собою разумѣется, много пріятелей, да къ тому же владѣлъ всѣми стратегическими знаніями, необходимыми для собранія тѣхъ свѣдѣній, какія интересовали государыню и весь Петербургъ. Государыня захотѣла узнать подробности объ этомъ удачномъ вѣстникѣ, намѣреваясь доставить ему отъ себя собственно какія-нибудь вещественныя доказательства своего благоволенія и признательности. Такимъ образомъ, на другой день, дежурный камеръ-юнкеръ, отъ имени государыни императрицы, при ея милостивомъ рескриптѣ, привезъ къ отцу моему, для него перстень съ вензелемъ императрицы, осыпанный брилліантами, для матери склаважъ изъ драгоцѣнныхъ камней, а для младенца сына (то есть, пишущаго эти воспоминанія) маленькій чистаго золота образокъ съ ликомъ св. Владиміра равноапостольнаго, во имя котораго я былъ крещенъ.

Въ этотъ же самый день Осипъ Петровичъ Козодавлевъ получилъ отъ Аракчеева записочку слѣдующаго содержанія: „Освѣдомился я, что вы, Осипъ Петровичъ, посылали вашего какого-то чиновника въ главную квартиру первой арміи; а потому премного обязали бы меня, ежели бы прислали этого вашего чиновника ко мнѣ хоть сейчасъ даже съ этимъ моимъ фельдъегеремъ, дабы я отъ него устно могъ узнать различныя подробности, какія считаю для себя любопытными и весьма немаловажными.“

Сдѣлано было по писанному: отецъ мой поѣхалъ одновременно съ фельдъегеремъ и, само собою разумѣется, былъ мгновенно же принятъ военнымъ министромъ въ его скромномъ деревянномъ домѣ на Литейной и подпесь существующимъ и занимаемымъ начальникомъ управленія иррегулярныхъ войскъ. Аракчеевъ не зналъ, да и какая надобность ему была знать фамилію чиновника, ѣздившаго въ главную квартиру. Мой отецъ вошелъ и поклонился. Онъ былъ въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ сапогахъ съ кисточками сверхъ черныхъ штановъ въ обтяжку, въ бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ, по которому лежала красная анненская лента, прикрывавшая ленту черную съ серебрянымъ кантомъ пурлемерита. Аракчеевъ тотчасъ узналъ бывшаго свитскаго маіора 1809 г., котораго онъ встрѣтилъ за три года предъ тѣмъ на Крестовскомъ острову. Но объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ Аракчеевъ рѣшительно ничего не упомянулъ при началѣ бесѣды; напротивъ

того, онъ старался быть какъ можно болѣе любезенъ, то есть, на столько, на сколько это было въ его медвѣжьихъ средствахъ.

„Ба! старый знакомый, бывшій свитскій маіоръ Б.....въ! Очень радъ, очень радъ встрѣчѣ. Вотъ гдѣ вы теперь пріютились, у почтеннѣйшаго Осипа Петровича. И прекрасно! Вѣроятно, вы тамъ не только чиновникъ, но и домашній человѣкъ, секретарь у министра и чиновникъ особыхъ порученій у министерши. Анна Петровна преблагодушная и преблагочестивая старушка. Она, конечно, жалуетъ и вашу благовѣрную. И все идетъ какъ по маслу. Дай Богъ вамъ всего наилучшаго. А вотъ, возьмите-тка вонъ этотъ стулъ, да присядьте и разскажите мнѣ: какъ вы ѣздили, куда путь держали, какими соображеніями руководствовались для отысканія главной квартиры 1-го корпуса, кто у васъ тамъ пріятели и знакомые?“

Отецъ мой, подъ свѣжими впечатлѣніями всего имъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго, разсказалъ все, что̀ видѣлъ, подробно, ясно, обстоятельно, такъ, что Аракчеевъ остался вполнѣ доволенъ и поручилъ благодарить Осипа Петровича, приглашая отца не забывать его дверей, которыя ему всегда отворены, и наконецъ сожалѣлъ, что такой толковый человѣкъ снялъ съ себя военный мундиръ; на прощаньи однако графъ Алексѣй Андреевичъ не утерпѣлъ, чтобъ не кольнуть отца воспоминаніемъ о каруселяхъ, сказавъ съ своею грубою и недоброю улыбкою: „Ежели бы вы все продолжали ѣзду на деревянныхъ лошадкахъ, то потеряли бы искусство отыскивать главный штабъ корпуса, даже и въ такомъ случаѣ, какъ теперь было, когда на такое отысканіе пригодился бы всякій, далеко не бывшій свитскій офицеръ“.

Послѣднее мнѣніе было ложно уже и потому, что, не говоря о тѣхъ трудахъ, какіе понесъ мой отецъ во время своей поѣздки, Аракчеевъ за два дня предъ тѣмъ посылалъ для той же цѣли трехъ своихъ штабъ-офицеровъ, возвратившихся безъ всякаго толку.

За симъ отецъ мой никогда и нигдѣ съ Аракчеевымъ не встрѣчался.

того, онъ старался быть какъ можно болѣе любезенъ, то есть, на столько, на сколько это было въ его медвѣжьихъ средствахъ.

„Ба! старый знакомый, бывшій свитскій маіоръ Б.....въ! Очень радъ, очень радъ встрѣчѣ. Вотъ гдѣ вы теперь пріютились, у почтеннѣйшаго Осипа Петровича. И прекрасно! Вѣроятно, вы тамъ не только чиновникъ, но и домашній человѣкъ, секретарь у министра и чиновникъ особыхъ порученій у министерши. Анна Петровна преблагодушная и преблагочестивая старушка. Она, конечно, жалуетъ и вашу благовѣрную. И все идетъ какъ по маслу. Дай Богъ вамъ всего наилучшаго. А вотъ, возьмите-тка вонъ этотъ стулъ, да присядьте и разскажите мнѣ: какъ вы ѣздили, куда путь держали, какими соображеніями руководствовались для отысканія главной квартиры 1-го корпуса, кто у васъ тамъ пріятели и знакомые?“

Отецъ мой, подъ свѣжими впечатлѣніями всего имъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго, разсказалъ все, что́ видѣлъ, подробно, ясно, обстоятельно, такъ, что Аракчеевъ остался вполнѣ доволенъ и поручилъ благодарить Осипа Петровича, приглашая отца не забывать его дверей, которыя ему всегда отворены, и наконецъ сожалѣлъ, что такой толковый человѣкъ снялъ съ себя военный мундиръ; на прощаньи однако графъ Алексѣй Андреевичъ не утерпѣлъ, чтобъ не кольнуть отца воспоминаніемъ о каруселяхъ, сказавъ съ своею грубою и недоброю улыбкою: „Ежели бы вы все продолжали ѣзду на деревянныхъ лошадкахъ, то потеряли бы искусство отыскивать главный штабъ корпуса, даже и въ такомъ случаѣ, какъ теперь было, когда на такое отысканіе пригодился бы всякій, далеко не бывшій свитскій офицеръ“.

Послѣднее мнѣніе было ложно уже и потому, что, не говоря о тѣхъ трудахъ, какіе понесъ мой отецъ во время своей поѣздки, Аракчеевъ за два дня предъ тѣмъ посылалъ для той же цѣли трехъ своихъ штабъ-офицеровъ, возвратившихся безъ всякаго толку.

За симъ отецъ мой никогда и нигдѣ съ Аракчеевымъ не встрѣчался.

II.

ЧЕТВЕРГИ У Н. И. ГРЕЧА.

Не буду, да и не считаю умѣстнымъ распространяться о Николаѣ Ивановичѣ Гречѣ, какъ о грамматикѣ, филологѣ, педагогѣ, литераторѣ и журналистѣ. Мнѣ хочется поговорить о немъ какъ о человѣкѣ, и при этомъ разсказать разныя подробности изъ Петербургскаго общественнаго быта за 35—40 лѣтъ предъ симъ. Могу сказать о Гречѣ то, что́ я успѣлъ вынести изъ многолѣтняго моего съ нимъ знакомства, основаннаго, преимущественно, на отношеніяхъ и сношеніяхъ чисто журнальныхъ, впрочемъ, довольно интимныхъ, потому что въ тѣ времена всѣ журнальные сотрудники были всегда близки къ своему принципалу, а сотрудники Греча въ особенности группировались болѣе или менѣе тѣсно вокругъ него и его семьи. Патріархальность эта была тогда въ обыкновеніи даже въ сношеніяхъ административныхъ начальниковъ съ подчиненными. Такъ, бывало, ближайшіе къ какому-нибудь директору департамента чиновники зачастую обѣдали въ кругу его семейства. Находясь въ теченіи десяти почти лѣтъ въ подобныхъ патріархальныхъ отношеніяхъ къ Н. И. Гречу, я не могъ не убѣдиться въ томъ, что какъ хозяинъ дома онъ былъ очень радушенъ, хотя впрочемъ съ примѣсью малой доли сарказма; какъ редакторъ—снисходителенъ къ неопытной юности, однако работами ея умѣлъ мастерски и крайне дешево пользоваться; какъ свѣтскій человѣкъ—былъ почти всегда веселъ, любезенъ, привѣтливъ съ примѣсью свойственной ему насмѣшливости, легковѣренъ и вѣтренъ, почему часто рядомъ съ добромъ, кому-нибудь оказаннымъ, онъ дѣлалъ безнамѣренно тому же лицу зло, что́ мнѣ привелось испытать въ послѣдствіи на самомъ себѣ. Со всѣмъ тѣмъ не могу не сказать, что лично я былъ Гречу многимъ обязанъ и находилъ

II.

ЧЕТВЕРГИ У Н. И. ГРЕЧА.

Не буду, да и не считаю умѣстнымъ распространяться о Николаѣ Ивановичѣ Гречѣ, какъ о грамматикѣ, филологѣ, педагогѣ, литераторѣ и журналистѣ. Мнѣ хочется поговорить о немъ какъ о человѣкѣ, и при этомъ разсказать разныя подробности изъ Петербургскаго общественнаго быта за 35—40 лѣтъ предъ симъ. Могу сказать о Гречѣ то, что́ я успѣлъ вынести изъ многолѣтняго моего съ нимъ знакомства, основаннаго, преимущественно, на отношеніяхъ и сношеніяхъ чисто журнальныхъ, впрочемъ, довольно интимныхъ, потому что въ тѣ времена всѣ журнальные сотрудники были всегда близки къ своему принципалу, а сотрудники Греча въ особенности группировались болѣе или менѣе тѣсно вокругъ него и его семьи. Патріархальность эта была тогда въ обыкновеніи даже въ сношеніяхъ административныхъ начальниковъ съ подчиненными. Такъ, бывало, ближайшіе къ какому-нибудь директору департамента чиновники зачастую обѣдали въ кругу его семейства. Находясь въ теченіи десяти почти лѣтъ въ подобныхъ патріархальныхъ отношеніяхъ къ Н. И. Гречу, я не могъ не убѣдиться въ томъ, что какъ хозяинъ дома онъ былъ очень радушенъ, хотя впрочемъ съ примѣсью малой доли сарказма; какъ редакторъ—снисходителенъ къ неопытной юности, однако работами ея умѣлъ мастерски и крайне дешево пользоваться; какъ свѣтскій человѣкъ—былъ почти всегда веселъ, любезенъ, привѣтливъ съ примѣсью свойственной ему насмѣшливости, легковѣренъ и вѣтренъ, почему часто рядомъ съ добромъ, кому-нибудь оказаннымъ, онъ дѣлалъ безнамѣренно тому же лицу зло, что́ мнѣ привелось испытать въ послѣдствіи на самомъ себѣ. Со всѣмъ тѣмъ не могу не сказать, что лично я былъ Гречу многимъ обязанъ и находилъ

всегда удовольствіе въ его оживленной и остроумной бесѣдѣ, встрѣчалъ же его и въ послѣдствіи, когда мы съ нимъ почти раззнакомились, съ чувствомъ всегда болѣе пріятнымъ, чѣмъ сколько-нибудь непріятнымъ, хотя, правду сказать, покойнику кое за что и даже за очень многое я не могъ быть благодаренъ, а потому и не сохранилъ къ нему въ позднѣйшее время того чувства признательности, которое я питалъ сначала за нѣкоторыя, оказанныя имъ мнѣ въ свое время услуги, какъ юношѣ безъ средствъ и протекціи. Булгаринъ, это непзбѣжное зло въ Гречевой жизни, это какъ бы ядро, таскаемое галернымъ каторжникомъ (по выраженію самаго Н. И. Греча), былъ всегда и во всемъ причиною тѣхъ непріятныхъ, неловкихъ и даже дурныхъ отношеній, въ какія, по обстоятельствамъ, становился со многими нерѣдко Гречь. Такъ было и въ моихъ съ нимъ сношеніяхъ, которыя почти прекратились въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда я, по роду принятыхъ мною на себя тогда служебныхъ занятій, долженъ былъ жить постоянно за городомъ, хотя и въ близкихъ отъ него окрестностяхъ. Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Н. И. Гречемъ довольно рѣдко. Вслѣдствіе этого я могу говорить о покойномъ Николаѣ Ивановичѣ и о средѣ, его окружавшей, лишь за тотъ періодъ времени, съ конца двадцатыхъ до конца тридцатыхъ годовъ, когда я бывалъ въ домѣ его очень часто, по утрамъ въ рабочемъ его кабинетѣ, а по четвергамъ на тѣхъ вечернихъ сборищахъ, извѣстныхъ въ ту пору въ городѣ подъ названіемъ *Гречевыхъ четвериовъ*, которыя были когда-то очень оживлены, и на которыхъ собиралась изрядная часть образованнѣйшаго общества столицы. Эти четверговыя сборища начали блекнуть съ 1837 года, то есть, со смерти младшаго сына Греча, даровитаго и прекраснаго, во всѣхъ отношеніяхъ, семнадцатилѣтняго юноши Николая Николаевича, студента Петербургскаго университета, котораго я, какъ почти одногодку, очень, очень любилъ. Замѣчательно, что преждевременная смерть этого юноши, превосходно учившагося и обладавшаго массою блестящихъ дарованій,— послѣдовала одновременно, за нѣсколько почти часовъ передъ роковою дуэлью Пушкина. Умирающій Пушкинъ слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, просилъ В. П. Даля передать П. П. Гречу, что онъ вполнѣ сочувствуетъ его родительской горести и проситъ принять его скорбный привѣтъ по случаю этой ужасной, ни съ чѣмъ несравнимой потери.

Зналъ я Греча и его семейство съ 1828 года, потому что еще тогда меня, почти ребенка, отрекомендовали ему, какъ мальчика

всегда удовольствіе въ его оживленной и остроумной бесѣдѣ, встрѣчалъ же его и въ послѣдствіи, когда мы съ нимъ почти раззнакомились, съ чувствомъ всегда болѣе пріятнымъ, чѣмъ сколько-нибудь непріятнымъ, хотя, правду сказать, покойнику кое за что и даже за очень многое я не могъ быть благодаренъ, а потому и не сохранилъ къ нему въ позднѣйшее время того чувства признательности, которое я питалъ сначала за нѣкоторыя, оказанныя имъ мнѣ въ свое время услуги, какъ юношѣ безъ средствъ и протекціи. Булгаринъ, это неизбѣжное зло въ Гречевой жизни, это какъ бы ядро, таскаемое галернымъ каторжникомъ (по выраженію самаго Н. И. Греча), былъ всегда и во всемъ причиною тѣхъ непріятныхъ, неловкихъ и даже дурныхъ отношеній, въ какія, по обстоятельствамъ, становился со многими нерѣдко Гречь. Такъ было и въ моихъ съ нимъ сношеніяхъ, которыя почти прекратились въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда я, по роду принятыхъ мною на себя тогда служебныхъ занятій, долженъ былъ жить постоянно за городомъ, хотя и въ близкихъ отъ него окрестностяхъ. Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Н. И. Гречемъ довольно рѣдко. Вслѣдствіе этого я могу говорить о покойномъ Николаѣ Ивановичѣ и о средѣ, его окружавшей, лишь за тотъ періодъ времени, съ конца двадцатыхъ до конца тридцатыхъ годовъ, когда я бывалъ въ домѣ его очень часто, по утрамъ въ рабочемъ его кабинетѣ, а по четвергамъ на тѣхъ вечернихъ сборищахъ, извѣстныхъ въ ту пору въ городѣ подъ названіемъ *Гречевыхъ четвериовъ*, которыя были когда-то очень оживлены, и на которыхъ собиралась изрядная часть образованнѣйшаго общества столицы. Эти четверговыя сборища начали блекнуть съ 1837 года, то есть, со смерти младшаго сына Греча, даровитаго и прекраснаго, во всѣхъ отношеніяхъ, семнадцатилѣтняго юноши Николая Николаевича, студента Петербургскаго университета, котораго я, какъ почти одногодку, очень, очень любилъ. Замѣчательно, что преждевременная смерть этого юноши, превосходно учившагося и обладавшаго массою блестящихъ дарованій,— послѣдовала одновременно, за нѣсколько почти часовъ передъ роковою дуэлью Пушкина. Умирающій Пушкинъ слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, просилъ В. И. Даля передать П. П. Гречу, что онъ вполнѣ сочувствуетъ его родительской горести и проситъ принять его скорбный привѣтъ по случаю этой ужасной, ни съ чѣмъ несравнимой потери.

Зналъ я Греча и его семейство съ 1828 года, потому что еще тогда меня, почти ребенка, отрекомендовали ему, какъ мальчика

съ какими-то будто бы литературными стремленіями, выражавшимся, правду сказать, исключительно самою изысканною фразеологіей, впрочемъ, на чистѣйшемъ и безукоризненно правильномъ французскомъ діалектѣ. Рекомендательницею моею была Марія Алексѣевна Крыжановская, урожденная Перовская, въ домѣ которой *) я,—какъ говорилось тогда о молодыхъ людяхъ, вступавшихъ въ свѣтъ, — j'ai fait mes premières armes. Считаю здѣсь лишнимъ входить въ подробности моихъ первыхъ отношеній къ Гречу и распространяться о томъ, какъ я спачала занимался, подъ его руководствомъ, безчисленнымъ множествомъ переводовъ съ французскаго и составленіемъ изъ какихъ-нибудь провинціальныхъ писемъ маленькихъ статей для Сѣверной Пчелы. Это ни для кого не интересно; скажу только, что Гречь въ домѣ Крыжановскихъ былъ довольно близокъ по той причинѣ, что его кузина, Марья Павловна Крыжановская (мать нынѣшняго Оренбургскаго и Уфимскаго генералъ-губернатора), урожденная Безакъ, была за мужемъ за братомъ Максима Константиновича, Константиномъ Константиновичемъ, и находилась въ дружбѣ съ своею belle-soeur Марьею Алексѣевною, отличавшеюся въ то время замѣчательною красотою и необычайною свѣтскою любезностью, которыя дѣлали изъ нея обворожительную хозяйку, а домъ ея однимъ изъ пріятнѣйшихъ Петербургскихъ салоновъ. Сама хозяйка, тогда еще не старая женщина и не озабоченная дѣтьми, которыхъ никогда не имѣла, вполнѣ предавалась свѣту и танцамъ, и примѣромъ своимъ оживляла все общество, которое, въ особенности въ котильонѣ, нерѣдко нескончаемомъ, и гроссфатерѣ, всегда забавномъ, веселилось отъ души, именно какъ умѣли Петербургцы веселиться въ былые дни, которые заключились и пресѣклись 1848 годомъ....

Въ 1828 году П. И. Гречь жилъ еще не въ томъ домѣ, въ которомъ онъ собиралъ свои четверги, а на Конногвардейской улицѣ, противъ постоянно и нескончаемо тогда строившагося Исакіевскаго собора, въ домѣ Бремера, откуда въ 1829 году и переселился въ купленный имъ тогда домъ барона Аша на Мойкѣ, противъ Почтамтскаго пѣшеходнаго мостика, между мостами Си-

*) Въ Гагаринской улицѣ въ зданіи капитула орденовъ, казначеемъ котораго былъ генералъ-лейтенантъ (въ послѣдствіи умершій генераломъ отъ инфантеріи и комендантомъ Петропавловской крѣпости), добрѣйшій Максимъ Константиновичъ Крыжановскій.

съ какими-то будто бы литературными стремленіями, выражавшимся, правду сказать, исключительно самою изысканною фразеологіей, впрочемъ, на чистѣйшемъ и безукоризненно правильномъ французскомъ діалектѣ. Рекомендательницею моею была Марія Алексѣевна Крыжановская, урожденная Перовская, въ домѣ которой *) я,—какъ говорилось тогда о молодыхъ людяхъ, вступавшихъ въ свѣтъ, — j'ai fait mes premières armes. Считаю здѣсь лишнимъ входить въ подробности моихъ первыхъ отношеній къ Гречу и распространяться о томъ, какъ я спачала занимался, подъ его руководствомъ, безчисленнымъ множествомъ переводовъ съ французскаго и составленіемъ изъ какихъ-нибудь провинціальныхъ писемъ маленькихъ статей для Сѣверной Пчелы. Это ни для кого не интересно; скажу только, что Гречь въ домѣ Крыжановскихъ былъ довольно близокъ по той причинѣ, что его кузина, Марья Павловна Крыжановская (мать нынѣшняго Оренбургскаго и Уфимскаго генералъ-губернатора), урожденная Безакъ, была за мужемъ за братомъ Максима Константиновича, Константиномъ Константиновичемъ, и находилась въ дружбѣ съ своею belle-soeur Марьею Алексѣевною, отличавшеюся въ то время замѣчательною красотою и необычайною свѣтскою любезностью, которыя дѣлали изъ нея обворожительную хозяйку, а домъ ея однимъ изъ пріятнѣйшихъ Петербургскихъ салоновъ. Сама хозяйка, тогда еще не старая женщина и не озабоченная дѣтьми, которыхъ никогда не имѣла, вполнѣ предавалась свѣту и танцамъ, и примѣромъ своимъ оживляла все общество, которое, въ особенности въ котильонѣ, нерѣдко нескончаемомъ, и гроссфатерѣ, всегда забавномъ, веселилось отъ души, именно какъ умѣли Петербургцы веселиться въ былые дни, которые заключились и пресѣклись 1848 годомъ....

Въ 1828 году П. И. Гречь жилъ еще не въ томъ домѣ, въ которомъ онъ собиралъ свои четверги, а на Конногвардейской улицѣ, противъ постоянно и нескончаемо тогда строившагося Исакіевскаго собора, въ домѣ Бремера, откуда въ 1829 году и переселился въ купленный имъ тогда домъ барона Аша на Мойкѣ, противъ Почтамтскаго пѣшеходнаго мостика, между мостами Си-

*) Въ Гагаринской улицѣ въ зданіи капитула орденовъ, казначеемъ котораго былъ генералъ-лейтенантъ (въ послѣдствіи умершій генераломъ отъ инфантеріи и комендантомъ Петропавловской крѣпости), добрѣйшій Максимъ Константиновичъ Крыжановскій.

лимъ и Поцѣлуевымъ *). Домъ этотъ съ виду былъ небольшой, но отличался помѣстительностью и удобствомъ; въ послѣдствіи же, кажется, не за долго до смерти Греча (въ 1866 году), домъ этотъ былъ проданъ для уплаты долговыхъ обязательствъ его вѣтреннаго владѣльца.

Первый четвергъ у Греча былъ открытъ, помнится, баломъ, на который собралось не мало молодежи, потому что въ то время молодежь еще не считала, какъ нынѣ, танцы унизительными для себя и нисколько не обижалась, когда ее приглашали на танцовальные вечера и на балы. Царицею перваго Гречева четверга была его дочь Софья Николаевна, тогда молоденькая, довольно хорошенькая дѣвушка, впрочемъ, съ непріятно-холоднымъ выраженіемъ лица. Царицею она была не по красотѣ и другимъ достоинствамъ: лучше ея тутъ, помнится, дѣвушекъ было не мало; но, во первыхъ, она была хозяйская дочь, а во вторыхъ,—помолвленная невѣста: женихомъ ея былъ двоюродный братъ ея отца и ея троюродный дядя Константинъ Павловичъ Безакъ. Онъ въ то время служилъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но вовсе не оправдывалъ собою словъ одного знаменитаго въ то время Скрибовскаго водевиля: „Il etait aux affaires étrangères pour être étranger aux affaires“ **). Каламбуръ этотъ часто слеталъ съ языка Николая Ивановича, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалась оговорка, что будущій зять Греча—великій дѣлецъ и въ Азіятскомъ департаментѣ правая рука тогдашняго директора, умнаго Грека Родофиникина. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Помню еще въ числѣ гостей этого вечера, вовсе не танцовавшаго и довольно угрюмаго полковника гвардейской артиллеріи, съ насупленными черными бровями, къ которому братья Константинъ и Николай Безаки, самъ Гречь, вдова Елизавета Павловна Боринъ, урожденная

*) Въ домѣ этомъ въ началѣ царствованія императора Александра Павловича скончался В. С. Поповъ, бывшій правитель канцеляріи князя Потемкина Таврическаго. Въ качествѣ члена государственнаго совѣта, Поповъ, одинъ изъ всѣхъ своихъ сотоварищей, составлялъ оппозицію тогдашнему временщику графу Аракчееву. Правдивый человѣкъ, онъ долгое время былъ въ удаленіи отъ всякой государственной дѣятельности и жилъ въ деревнѣ, откуда былъ вызванъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, какъ умный совѣтникъ; онъ исполнилъ волю монарха, прибылъ въ Петербургъ больной и умеръ, не выдержавъ борьбы съ болѣзнью.

**) То есть, онъ служилъ по дѣламъ чужестранцемъ, чтобъ быть чуждымъ къ дѣламъ.

лимъ и Поцѣлуевымъ *). Домъ этотъ съ виду былъ небольшой, но отличался помѣстительностью и удобствомъ; въ послѣдствіи же, кажется, не за долго до смерти Греча (въ 1866 году), домъ этотъ былъ проданъ для уплаты долговыхъ обязательствъ его вѣтреннаго владѣльца.

Первый четвергъ у Греча былъ открытъ, помнится, баломъ, на который собралось не мало молодежи, потому что въ то время молодежь еще не считала, какъ нынѣ, танцы унизительными для себя и нисколько не обижалась, когда ее приглашали на танцовальные вечера и на балы. Царицею перваго Гречева четверга была его дочь Софья Николаевна, тогда молоденькая, довольно хорошенькая дѣвушка, впрочемъ, съ непріятно-холоднымъ выраженіемъ лица. Царицею она была не по красотѣ и другимъ достоинствамъ: лучше ея тутъ, помнится, дѣвушекъ было не мало; но, во первыхъ, она была хозяйская дочь, а во вторыхъ,—помолвленная невѣста: женихомъ ея былъ двоюродный братъ ея отца и ея троюродный дядя Константинъ Павловичъ Безакъ. Онъ въ то время служилъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но вовсе не оправдывалъ собою словъ одного знаменитаго въ то время Скрибовскаго водевиля: „Il etait aux affaires étrangères pour être étranger aux affaires“ **). Каламбуръ этотъ часто слеталъ съ языка Николая Ивановича, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалась оговорка, что будущій зять Греча—великій дѣлецъ и въ Азіятскомъ департаментѣ правая рука тогдашняго директора, умнаго Грека Родофиникина. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Помню еще въ числѣ гостей этого вечера, вовсе не танцовавшаго и довольно угрюмаго полковника гвардейской артиллеріи, съ насупленными черными бровями, къ которому братья Константинъ и Николай Безаки, самъ Гречъ, вдова Елизавета Павловна Боринъ, урожденная

*) Въ домѣ этомъ въ началѣ царствованія императора Александра Павловича скончался В. С. Поповъ, бывшій правитель канцеляріи князя Потемкина Таврическаго. Въ качествѣ члена государственнаго совѣта, Поповъ, одинъ изъ всѣхъ своихъ сотоварищей, составлялъ оппозицію тогдашнему временщику графу Аракчееву. Правдивый человѣкъ, онъ долгое время былъ въ удаленіи отъ всякой государственной дѣятельности и жилъ въ деревнѣ, откуда былъ вызванъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, какъ умный совѣтникъ; онъ исполнилъ волю монарха, прибылъ въ Петербургъ больной и умеръ, не выдержавъ борьбы съ болѣзнью.

**) То есть, онъ служилъ по дѣламъ чужестранным, чтобъ быть чуждымъ къ дѣламъ.

Безакъ, и сестра ея Марья Павловна Крыжановская неоднократно привѣтливо подходили. Угрюмый черный полковникъ не принималъ почти никакого участія въ общемъ одушевленіи и только разговаривалъ въ полголоса съ нѣкоторыми военными, изъ которыхъ одинъ былъ гвардейскій же артиллеристъ, баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, его и Гречевъ родня, а другой, гвардейскій адъютантъ Кривцовъ, изъ саперовъ. Еще помню, что къ этому полковнику часто подходилъ въ антрактахъ между танцами артиллерійскій юнкеръ, молоденькій пятнадцатилѣтній юноша, съ которымъ молчаливый гость отъ времени до времени шопотомъ и посмѣиваясь переговаривалъ. Этотъ юнкеръ былъ племянникъ полковника, нынѣшній Оренбурскій генералъ-губернаторъ; угрюмый же и нелюдимый полковникъ былъ никто иной, какъ Александръ Павловичъ Безакъ, который умеръ въ началѣ 1869 года, будучи генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края, генералъ адъютантомъ, генераломъ отъ артиллеріи и кавалеромъ Андрея Первозваннаго. Замѣчательно, что всѣ Гречи и Безаки—лютеране, одинъ только покойный Александръ Павловичъ въ 1847 году принялъ православіе и тогда имѣлъ воспріемникомъ императора Николая Павловича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1865 года, черезъ 36 лѣтъ послѣ „перваго Гречевскаго четверга“, судьбѣ угодно было, чтобы пишущій эти строки, представлялъ этому самому А. П. Безаку, ревизовавшему ввѣренный его управленію край, составъ одного уѣзднаго мироваго съѣзда, въ которомъ тогда служилъ. Возвращаясь къ первому Гречевскому четвергу, скажу, что я въ то время былъ розовый и бѣлокурый мальчикъ, въ свѣтло-синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, работы Буту, тогдашняго Сара, и въ бѣломъ батистовомъ галстухѣ съ кружевными манжетами на груди, застегнутыми блестящими запонками. Я въ юности любилъ танцы; но не одаренный нисколько музыкальною способностью, никогда не умѣлъ ловить такта и, вальспруя, замѣнялъ плавность и кадансъ бѣшеною быстротою, почему въ знакомыхъ домахъ дамы и дѣвицы иначе меня не называли, какъ monsieur qui valse si vite, а для сокращнія просто Valse-vite, такъ что, не знавшіе меня поближе, полагали, что я не совсѣмъ Русскій, и что моя фамилія „Вальсвитъ“. Достойно вниманія, что 35 лѣтъ послѣ этого Гречевскаго балика, Меццофантіевская память покойнаго Александра Павловича Безака проявила примѣръ своей необыкновенной силы. По обстоятельствамъ занятій, оконченныхъ съ составомъ съѣзда, начальникъ края остался на единѣ со мною, чтобъ передать мнѣ нѣкоторыя свои порученія, и тогда, внимательно въ

Безакъ, и сестра ея Марья Павловна Крыжановская неоднократно привѣтливо подходили. Угрюмый черный полковникъ не принималъ почти никакого участія въ общемъ одушевленіи и только разговаривалъ въ полголоса съ нѣкоторыми военными, изъ которыхъ одинъ былъ гвардейскій же артиллеристъ, баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, его и Гречевъ родня, а другой, гвардейскій адъютантъ Кривцовъ, изъ саперовъ. Еще помню, что къ этому полковнику часто подходилъ въ антрактахъ между танцами артиллерійскій юнкеръ, молоденькій пятнадцатилѣтній юноша, съ которымъ молчаливый гость отъ времени до времени шопотомъ и посмѣиваясь переговаривалъ. Этотъ юнкеръ былъ племянникъ полковника, нынѣшній Оренбурскій генералъ-губернаторъ; угрюмый же и нелюдимый полковникъ былъ никто иной, какъ Александръ Павловичъ Безакъ, который умеръ въ началѣ 1869 года, будучи генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края, генералъ адъютантомъ, генераломъ отъ артиллеріи и кавалеромъ Андрея Первозваннаго. Замѣчательно, что всѣ Гречи и Безаки—лютеране, одинъ только покойный Александръ Павловичъ въ 1847 году принялъ православіе и тогда имѣлъ воспріемникомъ императора Николая Павловича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1865 года, черезъ 35 лѣтъ послѣ „перваго Гречевскаго четверга“, судьбѣ угодно было, чтобы пишущій эти строки, представлялъ этому самому А. П. Безаку, ревизовавшему ввѣренный его управленію край, составъ одного уѣзднаго мироваго съѣзда, въ которомъ тогда служилъ. Возвращаясь къ первому Гречевскому четвергу, скажу, что я въ то время былъ розовый и бѣлокурый мальчикъ, въ свѣтло-синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, работы Буту, тогдашняго Сара, и въ бѣломъ батистовомъ галстухѣ съ кружевными манжетами на груди, застегнутыми блестящими запонками. Я въ юности любилъ танцы; но не одаренный нисколько музыкальною способностью, никогда не умѣлъ ловить такта и, вальспруя, замѣнялъ плавность и кадансъ бѣшеною быстротою, почему въ знакомыхъ домахъ дамы и дѣвицы иначе меня не называли, какъ monsieur qui valse si vite, а для сокращнія просто Valse-vite, такъ что, не знавшіе меня поближе, полагали, что я не совсѣмъ Русскій, и что моя фамилія „Вальсвитъ“. Достойно вниманія, что 35 лѣтъ послѣ этого Гречевскаго балика, Меццофантіевская память покойнаго Александра Павловича Безака проявила примѣръ своей необыкновенной силы. По обстоятельствамъ занятій, оконченныхъ съ составомъ съѣзда, начальникъ края остался на единѣ со мною, чтобъ передать мнѣ нѣкоторыя свои порученія, и тогда, внимательно въ

меня всматриваясь, сказалъ: „Странное сходство! Болѣе тридцати-пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я однажды на новосельи у родственника моего Н. И. Греча, замѣтилъ розоваго и бѣлокураго мальчика, который вальсировалъ безъ всякаго такта, съ необыкновенною быстротой и носилъ къ тому же фамилію Вальсвита. Воля ваша, но вы съ этимъ Вальсвитомъ должны имѣть непремѣнно родственныя отношенія, потому что вы точь-въ-точь Вальсвитъ, только значительно постарѣвшій“. Я объяснилъ генералу, что этотъ Вальсвитъ съ рожденія своего не переставалъ носить ту фамилію, какую я ношу теперь. Александръ Павловичъ остался, казалось, очень доволенъ подвигомъ своей колоссальной памяти и вошелъ тогда со мною въ нѣкоторыя подробности о домахъ Греча и Крыжановскихъ, своихъ родственниковъ.

Младшія дочери Греча, Сусанна и Александра Николаевны, были въ описываемое время еще совершенными дѣтьми; но постоянно участвовали въ живыхъ картинахъ по четвергамъ. О меньшомъ сынѣ, Николаѣ, я уже говорилъ; а старшій Алексѣй въ то время, кончивъ курсъ въ университетѣ, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подъ вѣдѣніемъ тогдашняго редактора Journal de St.-Pétersbourg, графа де-Сансе. Въ послѣдствіи Ал. Ник. Гречь женился на сестрѣ извѣстнаго художника, рисовальщика и политипажиста Тимма, бывшей до того за мужемъ за знаменитымъ Карломъ Брюлловымъ. Это случилось, разумѣется, въ позднѣйшее время. Алексѣй Николаевичъ Гречь занимался также литературой и журналистикой, помогая въ изданіи Сѣверной Пчелы отцу своему и Ѳаддею Булгарину. Были даже какія-то книжечки, имъ состряпанныя и изданныя, какъ напримѣръ, „Петербургъ въ карманѣ“ и пр. Потомъ Алексѣй Гречь, по настоянію врачей, въ 1850 году, былъ отправленъ, для радикальнаго излеченія его болѣзни, кажется, злѣйшей чахотки, на островъ Мадеру, откуда однако уже не возвращался. Такимъ образомъ, всѣ дочери пережили Н. И. Греча, а сыновей онъ лишился именно въ то время, когда они могли бы быть ему истинными друзьями и помощниками въ жизни. Первая жена Николая Ивановича — мать всего этого семейства, урожденная Мюссаръ, имѣла, какъ говорятъ близко знавшіе ее, многія превосходныя качества; но для насъ всѣхъ, видѣвшихъ ее мелькомъ за столомъ въ какой-то принужденной позѣ, съ миною далеко не любезною, она не была никому особенно симпатична. Чета эта жила плохо, Гречь давалъ частый

меня всматриваясь, сказалъ: „Странное сходство! Болѣе тридцати-пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я однажды на новосельи у родственника моего Н. И. Греча, замѣтилъ розоваго и бѣлокураго мальчика, который вальсировалъ безъ всякаго такта, съ необыкновенною быстротой и носилъ къ тому же фамилію Вальсвита. Воля ваша, но вы съ этимъ Вальсвитомъ должны имѣть непремѣнно родственныя отношенія, потому что вы точь-въ-точь Вальсвитъ, только значительно постарѣвшій“. Я объяснилъ генералу, что этотъ Вальсвитъ съ рожденія своего не переставалъ носить ту фамилію, какую я ношу теперь. Александръ Павловичъ остался, казалось, очень доволенъ подвигомъ своей колоссальной памяти и вошелъ тогда со мною въ нѣкоторыя подробности о домахъ Греча и Крыжановскихъ, своихъ родственниковъ.

Младшія дочери Греча, Сусанна и Александра Николаевны, были въ описываемое время еще совершенными дѣтьми; но постоянно участвовали въ живыхъ картинахъ по четвергамъ. О меньшомъ сынѣ, Николаѣ, я уже говорилъ; а старшій Алексѣй въ то время, кончивъ курсъ въ университетѣ, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подъ вѣдѣніемъ тогдашняго редактора Journal de St.-Pétersbourg, графа де-Сансе. Въ послѣдствіи Ал. Ник. Гречь женился на сестрѣ извѣстнаго художника, рисовальщика и политипажиста Тимма, бывшей до того за мужемъ за знаменитымъ Карломъ Брюлловымъ. Это случилось, разумѣется, въ позднѣйшее время. Алексѣй Николаевичъ Гречь занимался также литературой и журналистикой, помогая въ изданіи Сѣверной Пчелы отцу своему и Ѳаддею Булгарину. Были даже какія-то книжечки, имъ состряпанныя и изданныя, какъ напримѣръ, „Петербургъ въ карманѣ“ и пр. Потомъ Алексѣй Гречь, по настоянію врачей, въ 1850 году, былъ отправленъ, для радикальнаго излеченія его болѣзни, кажется, злѣйшей чахотки, на островъ Мадеру, откуда однако уже не возвращался. Такимъ образомъ, всѣ дочери пережили Н. И. Греча, а сыновей онъ лишился именно въ то время, когда они могли бы быть ему истинными друзьями и помощниками въ жизни. Первая жена Николая Ивановича — мать всего этого семейства, урожденная Мюссаръ, имѣла, какъ говорятъ близко знавшіе ее, многія превосходныя качества; но для насъ всѣхъ, видѣвшихъ ее мелькомъ за столомъ въ какой-то принужденной позѣ, съ миною далеко не любезною, она не была никому особенно симпатична. Чета эта жила плохо, Гречь давалъ частый

поводъ къ неудовольствіямъ своей Варварѣ Данпловнѣ, упрекая ее въ гарпагонствѣ, въ незнаніи свѣтскихъ приличій и пр.

Еще въ семействѣ Греча была одна замѣчательная особа, сестра Греча Катерина Ивановна, старая дѣва, во всей силѣ значенія этого слова. Она имѣла на всѣхъ и на все въ домѣ брата вліяніе. Не расположенная къ Варварѣ Данпловнѣ, которую она съумѣла устранить даже отъ воспитанія дѣтей и всякаго съ ними сближенія, на брата своего Николая Ивановича она имѣла безграничное вліяніе и дѣлала съ нимъ все, что́ хотѣла. Особа эта отличалась замѣчательнымъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, и когда хотѣла, обворожительною любезностью, при всемъ томъ, что наружность ея была далеко не привлекательная: лицо красно-малиновое, какъ бы въ огнѣ, что́ Французы называютъ couperosée, брови бѣлыя, какъ льняныя полоски, надъ свѣтлосѣрыми глазами, губы всегда изъѣденныя до ранъ, зубы черные и далеко не въ комплектѣ, и за тѣмъ всегда съ высочайшею прическою á la grecque бѣлесоватыхъ волосъ, поддержанною огромною гребенкою, какія тогда уже начинали выходить изъ моды. Всѣ приближенные къ Гречу и почему-либо мало-мальски завпсѣвшіе отъ него, — движимые природнымъ инстинктомъ искательства,—старались наперерывъ всѣми тяжкими пріобрѣсти себѣ доброе расположеніе Катерины Ивановны. Интимнѣйшими людьми въ домѣ Греча были Французъ де-Моннеронъ, Датчанинъ Гасфельдъ и Невшателецъ Рейфъ. Первый, monsieur de Monneron, объявлялъ себя бразильскимъ консуломъ. Я помню, видѣлъ даже какъ-то разъ Моннерона въ какомъ-то фантастическомъ статскомъ мундирѣ съ множествомъ золотаго шитья и со шпагою у бедра. Это было въ 1830 году, въ тотъ день, или скорѣе, въ тотъ вечеръ, когда мадамъ Бельвиль-Урп, піанистка изъ порядочныхъ, но далеко не изъ самыхъ первоклассныхъ, играла въ залѣ Греча, прежде чѣмъ приступить къ публичнымъ концертамъ. Помню, будто въ сію минуту, какъ Моннеронъ со свойственною ему торжественною миною, провелъ подъ руку госпожу Бельвиль-Урп къ роялю, и какъ она, разряженная въ пухъ и прахъ, молодая дамочка, худенькая и однако миловидная, шла плавно и весело, пошевеливая головкою, покрытою облакомъ блондъ, перевитыхъ нѣсколькими радугами колыхающихся и развѣвающихся лентъ.

Кстати здѣсь сказать, что не одна Бельвиль-Урп, въ послѣдствіи сблизившаяся съ домомъ Греча, гдѣ почти жила, но всѣ пріѣзжавшіе въ Петербургъ артисты: пѣвцы, музыканты, декламаторы,

поводъ къ неудовольствіямъ своей Варварѣ Данпловнѣ, упрекая ее въ гарпагонствѣ, въ незнаніи свѣтскихъ приличій и пр.

Еще въ семействѣ Греча была одна замѣчательная особа, сестра Греча Катерина Ивановна, старая дѣва, во всей силѣ значенія этого слова. Она имѣла на всѣхъ и на все въ домѣ брата вліяніе. Не расположенная къ Варварѣ Данпловнѣ, которую она съумѣла устранить даже отъ воспитанія дѣтей и всякаго съ ними сближенія, на брата своего Николая Ивановича она имѣла безграничное вліяніе и дѣлала съ нимъ все, что хотѣла. Особа эта отличалась замѣчательнымъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, и когда хотѣла, обворожительною любезностью, при всемъ томъ, что наружность ея была далеко не привлекательная: лицо красно-малиновое, какъ бы въ огнѣ, что Французы называютъ couperosée, брови бѣлыя, какъ льняныя полоски, надъ свѣтлосѣрыми глазами, губы всегда изъѣденныя до ранъ, зубы черные и далеко не въ комплектѣ, и за тѣмъ всегда съ высочайшею прическою á la grecque бѣлесоватыхъ волосъ, поддержанною огромною гребенкою, какія тогда уже начинали выходить изъ моды. Всѣ приближенные къ Гречу и почему-либо мало-мальски завпсѣвшіе отъ него, — движимые природнымъ инстинктомъ искательства,—старались наперерывъ всѣми тяжкими пріобрѣсти себѣ доброе расположеніе Катерины Ивановны. Интимнѣйшими людьми въ домѣ Греча были Французъ де-Моннеронъ, Датчанинъ Гасфельдъ и Невшателецъ Рейфъ. Первый, monsieur de Monneron, объявлялъ себя бразильскимъ консуломъ. Я помню, видѣлъ даже какъ-то разъ Моннерона въ какомъ-то фантастическомъ статскомъ мундирѣ съ множествомъ золотаго шитья и со шпагою у бедра. Это было въ 1830 году, въ тотъ день, или скорѣе, въ тотъ вечеръ, когда мадамъ Бельвиль-Урп, піанистка изъ порядочныхъ, но далеко не изъ самыхъ первоклассныхъ, играла въ залѣ Греча, прежде чѣмъ приступить къ публичнымъ концертамъ. Помню, будто въ сію минуту, какъ Моннеронъ со свойственною ему торжественною миною, провелъ подъ руку госпожу Бельвиль-Урп къ роялю, и какъ она, разряженная въ пухъ и прахъ, молодая дамочка, худенькая и однако миловидная, шла плавно и весело, пошевеливая головкою, покрытою облакомъ блондъ, перевитыхъ нѣсколькими радугами колыхающихся и развѣвающихся лентъ.

Кстати здѣсь сказать, что не одна Бельвиль-Урп, въ послѣдствіи сблизившаяся съ домомъ Греча, гдѣ почти жила, но всѣ пріѣзжавшіе въ Петербургъ артисты: пѣвцы, музыканты, декламаторы,

вантрилоки, фокусники и пр., даже такіе артисты, какъ заговариватели змѣй и хозяинъ ученой собачки Мунито, непремѣнно являлись въ гостиную Греча и показывали здѣсь свое искусство—частно по воскресеньямъ, когда Гречь былъ en famille, и публично по четвергамъ, когда залы Гречева дома наполнялись множествомъ гостей. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось слышать у Н. И. Греча лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ и видѣть фокусы, исполняемые безъ всякаго почти приготовленія знаменитыми Боско и Мольдуано, съ которыми у Греча состязался иногда тогдашній издатель не докончепной „Панорамы Петербурга“ и очень хорошаго Журнала Общеполезныхъ Свѣдѣній, пріобрѣвшій себѣ такую многообразную извѣстность, Александръ Павловичъ Башуцкій, человѣкъ въ высшей степени пріятный и интересный. Они, я помню, неоднократно спорили между собою и старались подмѣтить одинъ у другаго каждую мало мальски не вполнѣ ловкую работу фокуса. Этотъ необыкновенный поединокъ между какимъ-нибудь дѣйствительнымъ штукмейстеромъ и камергеромъ двора Его Величества былъ полонъ занимательностей. Конечно, это дѣлалось шутки ради и въ совершеннѣйшей интимности.

Моннеронъ почти жилъ у Греча, да кажется, и было время, что въ самомъ дѣлѣ жилъ, такъ какъ ему сильно покровительствовала вышеупомянутая всемогущая Катерина Ивановна Гречь. Моннеронъ былъ молодецъ на всѣ руки: худощавый, горбоносый, съ волосами какъ бы слегка опепеленными, мастеръ читать прозу и стихи. Онъ почти каждый четвергъ въ залѣ Греча дѣлалъ то, что называлъ une heure de bonne littérature, то есть онъ мастерски читалъ нѣсколько новыхъ и нѣсколько очень старыхъ произведеній французской литературы. Такъ, здѣсь я въ первый разъ изъ устъ Моннерона услышалъ отрывки изъ новаго тогда романа Виктора Гюго „Notre Dame de Paris“. Онъ сверхъ того читалъ разныя отдѣльныя стихотворенія, а иногда и цѣлыя театральныя піесы. Кромѣ всѣхъ этихъ чтеній, Моннеронъ, пріятный и общительный Французъ, былъ гораздъ и на многое другое. Такъ, напримѣръ, онъ очень удачно распѣвалъ разные водевильные куплеты и нѣкоторыя народныя пѣсни нормандскія, бретонскія, гасконскія, швейцарскія, голландскія, англійскія даже негритянскія и пр., и все это въ подлинникѣ. Вообще онъ былъ очень пріятный и даже увлекательный собесѣдникъ, какъ человѣкъ бывалый и на своемъ вѣку видавшій многіе виды, а также посѣщавшій различныя страны, начиная отъ тропиковъ до ледянаго пояса. Моннеронъ былъ зна-

вантрилоки, фокусники и пр., даже такіе артисты, какъ заговариватели змѣй и хозяинъ ученой собачки Мунито, непремѣнно являлись въ гостиную Греча и показывали здѣсь свое искусство—частно по воскресеньямъ, когда Гречь былъ en famille, и публично по четвергамъ, когда залы Гречева дома наполнялись множествомъ гостей. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось слышать у Н. И. Греча лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ и видѣть фокусы, исполняемые безъ всякаго почти приготовленія знаменитыми Боско и Мольдуано, съ которыми у Греча состязался иногда тогдашній издатель не докончепной „Панорамы Петербурга“ и очень хорошаго Журнала Общеполезныхъ Свѣдѣній, пріобрѣвшій себѣ такую многообразную извѣстность, Александръ Павловичъ Башуцкій, человѣкъ въ высшей степени пріятный и интересный. Они, я помню, неоднократно спорили между собою и старались подмѣтить одинъ у другаго каждую мало мальски не вполнѣ ловкую работу фокуса. Этотъ необыкновенный поединокъ между какимъ-нибудь дѣйствительнымъ штукмейстеромъ и камергеромъ двора Его Величества былъ полонъ занимательностей. Конечно, это дѣлалось шутки ради и въ совершеннѣйшей интимности.

Моннеронъ почти жилъ у Греча, да кажется, и было время, что въ самомъ дѣлѣ жилъ, такъ какъ ему сильно покровительствовала вышеупомянутая всемогущая Катерина Ивановна Гречь. Моннеронъ былъ молодецъ на всѣ руки: худощавый, горбоносый, съ волосами какъ бы слегка опепеленными, мастеръ читать прозу и стихи. Онъ почти каждый четвергъ въ залѣ Греча дѣлалъ то, что называлъ une heure de bonne littérature, то есть онъ мастерски читалъ нѣсколько новыхъ и нѣсколько очень старыхъ произведеній французской литературы. Такъ, здѣсь я въ первый разъ изъ устъ Моннерона услышалъ отрывки изъ новаго тогда романа Виктора Гюго „Notre Dame de Paris“. Онъ сверхъ того читалъ разныя отдѣльныя стихотворенія, а иногда и цѣлыя театральныя піесы. Кромѣ всѣхъ этихъ чтеній, Моннеронъ, пріятный и общительный Французъ, былъ гораздъ и на многое другое. Такъ, напримѣръ, онъ очень удачно распѣвалъ разные водевильные куплеты и нѣкоторыя народныя пѣсни нормандскія, бретонскія, гасконскія, швейцарскія, голландскія, англійскія даже негритянскія и пр., и все это въ подлинникѣ. Вообще онъ былъ очень пріятный и даже увлекательный собесѣдникъ, какъ человѣкъ бывалый и на своемъ вѣку видавшій многіе виды, а также посѣщавшій различныя страны, начиная отъ тропиковъ до ледянаго пояса. Моннеронъ былъ зна-

комъ въ городѣ съ тысячами лицъ и былъ принятъ въ многоразличныхъ обществахъ; но со всѣмъ тѣмъ однако никто не зналъ его коротко; никому, даже изъ Французовъ Петербургской колоніи, не было положительно извѣстно, откуда именно онъ, гдѣ его родственники, гдѣ былъ его домашній очагъ. Говорили о немъ и то, и се; но всего тверже была легенда, чуть ли не имъ самимъ сочиненная, что онъ родился на какомъ-то кораблѣ, во время какого-то морскаго боя, и что отецъ его, морской капитанъ, принужденный его оставить, вытатуировалъ у него, еще младенца, на груди фамилію Monneron. Послѣднее обстоятельство, объ этой татуировкѣ, подтверждали тѣ лица, которымъ случалось видѣть Моннерона въ костюмѣ Адама, напримѣръ, въ ваннѣ, до которой онъ былъ страстный охотникъ. „Читальные вечера“ Моннерона въ залѣ Греча не всегда были безвозмездные; иногда надо было за нихъ платить, да и недешево, что-то въ родѣ, помнится, пяти рублевой ассигнаціонной бумажки; но эта довольно высокая плата, вмѣсто того, чтобъ оттолкнуть посѣтителей, напротивъ, привлекала ихъ, впрочемъ, конечно преимущественно изъ аристократическаго круга и изъ богатаго купечества. Такъ, на этихъ „читальныхъ вечерахъ“ можно было видѣть тогдашнихъ содержателей англійскаго магазина гг. Никольса и Плинке, молодаго Жадимировскаго, барона Штиглица сына, то есть, того, который теперь тайный совѣтникъ и недавно стоялъ въ главѣ государственнаго банка. Много было и другихъ: всѣхъ не перечесть. Помню также, что являлись въ эти вечера въ залу Греча модистки французскихъ дамскихъ магазиновъ съ своими хорошенькими demoiselles de magazin, de comptoir и d'atélier. Эта женская группа веселыхъ трещотокъ доставляла особенное удовольствіе нѣкоторымъ молодымъ людямъ изъ аристократическаго и коммерческаго круга. Тутъ же встрѣчались и тогдашнія первоклассныя актрисы со сцены Михайловскаго театра—Виргинія Бурбье, Алланъ, Бра, Майеръ и пр. По окончаніи чтенія, заключеннаго разнаго рода шутками и фарсами въ родѣ спора Гасконца-матроса съ матросомъ Англичаниномъ, самъ лекторъ сходилъ съ своей эстрады и, вмѣшавшись въ толпу посѣтителей и посѣтительницъ, сыпалъ блестки остроумія и каламбурилъ на пропалую. Сборы денежные за эти чтенія имѣли оффиціально, судя по афишамъ, назначеніе благотворительное въ пользу Société de bienfaisance de la colonie française dé St.-Pétersbourg; но въ это Société ловкій Моннеронъ отсылалъ, какъ было тогда слышно, лишь оболъ, а остальныя сохранялъ въ свою пользу, такъ

комъ въ городѣ съ тысячами лицъ и былъ принятъ въ многоразличныхъ обществахъ; но со всѣмъ тѣмъ однако никто не зналъ его коротко; никому, даже изъ Французовъ Петербургской колоніи, не было положительно извѣстно, откуда именно онъ, гдѣ его родственники, гдѣ былъ его домашній очагъ. Говорили о немъ и то, и се; но всего тверже была легенда, чуть ли не имъ самимъ сочиненная, что онъ родился на какомъ-то кораблѣ, во время какого-то морскаго боя, и что отецъ его, морской капитанъ, принужденный его оставить, вытатуировалъ у него, еще младенца, на груди фамилію Monneron. Послѣднее обстоятельство, объ этой татуировкѣ, подтверждали тѣ лица, которымъ случалось видѣть Моннерона въ костюмѣ Адама, напримѣръ, въ ваннѣ, до которой онъ былъ страстный охотникъ. „Читальные вечера“ Моннерона въ залѣ Греча не всегда были безвозмездные; иногда надо было за нихъ платить, да и недешево, что-то въ родѣ, помнится, пяти рублевой ассигнаціонной бумажки; но эта довольно высокая плата, вмѣсто того, чтобъ оттолкнуть посѣтителей, напротивъ, привлекала ихъ, впрочемъ, конечно преимущественно изъ аристократическаго круга и изъ богатаго купечества. Такъ, на этихъ „читальныхъ вечерахъ“ можно было видѣть тогдашнихъ содержателей англійскаго магазина гг. Никольса и Плинке, молодаго Жадимировскаго, барона Штиглица сына, то есть, того, который теперь тайный совѣтникъ и недавно стоялъ въ главѣ государственнаго банка. Много было и другихъ: всѣхъ не перечесть. Помню также, что являлись въ эти вечера въ залу Греча модистки французскихъ дамскихъ магазиновъ съ своими хорошенькими demoiselles de magazin, de comptoir и d'atélier. Эта женская группа веселыхъ трещотокъ доставляла особенное удовольствіе нѣкоторымъ молодымъ людямъ изъ аристократическаго и коммерческаго круга. Тутъ же встрѣчались и тогдашнія первоклассныя актрисы со сцены Михайловскаго театра—Виргинія Бурбье, Алланъ, Бра, Майеръ и пр. По окончаніи чтенія, заключеннаго разнаго рода шутками и фарсами въ родѣ спора Гасконца-матроса съ матросомъ Англичаниномъ, самъ лекторъ сходилъ съ своей эстрады и, вмѣшавшись въ толпу посѣтителей и посѣтительницъ, сыпалъ блестки остроумія и каламбурилъ на пропалую. Сборы денежные за эти чтенія имѣли оффиціально, судя по афишамъ, назначеніе благотворительное въ пользу Société de bienfaisance de la colonie française dé St.-Pétersbourg; но въ это Société ловкій Моннеронъ отсылалъ, какъ было тогда слышно, лишь оболъ, а остальныя сохранялъ въ свою пользу, такъ

что каждое такое чтеніе—а ихъ было нѣсколько въ теченіе зимы—приносило мнимому бразильскому консулу малую толику, рублей 300 или 400 ассигнаціями.

Другая личность, безвыходно находившаяся у Греча, личность въ совершенно иномъ родѣ,—это мистеръ Гасфельдъ, Датчанинъ, преподававшій въ городѣ англійскій языкъ, издавшій нѣсколько учебниковъ по методѣ Робертсона и читавшій въ послѣдствіи у себя на квартирѣ публичныя лекціи, на которыхъ, по его словамъ, слушатели необычайно скоро выучивались англійскому языку чрезъ разборъ нѣсколькихъ сценъ изъ Шекспира. Великорослый, коренастый и топорной работы Датчанинъ Гасфельдъ зналъ въ совершенствѣ русскую грамматику и говорилъ по русски правильнѣе многихъ Русскихъ, хотя и не бѣгло. Гасфельдъ работалъ для перваго изданія Рейфовыхъ словарей, внося туда всѣ англійскія слова. Гречь очень его любилъ и предоставлялъ ему близкія сношенія съ своими сыновьями, которымъ Гасфельдъ преподавалъ англійскій языкъ. Впрочемъ, расположеніе Греча къ Гасфельду нисколько не мѣшало первому трунить надъ вторымъ и безпрестанно подмать на смѣхъ странности чудака Датчанина. Главнымъ поводомъ для того была страсть Гасфельда воображать себя великимъ остроумцемъ, чуть ли не вторымъ Біевромъ, и мастеромъ разсказывать, не смѣясь, самыя смѣшныя и забавныя вещи. При этомъ между имъ, П. И. Гречемъ и Монпероном выходили прекомическія сцены, основанныя, большею частью, на французской игрѣ словъ, въ которыхъ бѣдный Гасфельдъ рѣшительно терялся и погибалъ, дѣлая преуморительную мину недоумѣнія и непонятливости.

Третьимъ постояннымъ посѣтителемъ дома Греча и также очень интимнымъ былъ Филиппъ Ивановичъ Рейфъ, составитель извѣстныхъ паралельныхъ словарей. Онъ былъ Швейцарецъ изъ французской Швейцаріи. Фигурка крохотная, накрахмаленная, съ головкою, едва повертывавшеюся на тугомъ, стальномъ галстукѣ съ брыжжами, словно картонными; онъ едва процѣживалъ слова, преимущественно по французски, хотя говорилъ охотно и по нѣмецки, съ тѣмъ однако акцентомъ, по которому Германецъ тотчасъ узнаетъ не чистаго Нѣмца, то есть, Альзасца или Швейцарца. Вообще Рейфъ способенъ былъ навести собою уныніе на все общество. Гречь однако очень любилъ его за его лингвистическія познанія и за то, что Рейфъ въ общежитіи былъ кротчайшій и добрѣйшій человѣкъ.

что каждое такое чтеніе—а ихъ было нѣсколько въ теченіе зимы—приносило мнимому бразильскому консулу малую толику, рублей 300 или 400 ассигнаціями.

Другая личность, безвыходно находившаяся у Греча, личность въ совершенно иномъ родѣ,—это мистеръ Гасфельдъ, Датчанинъ, преподававшій въ городѣ англійскій языкъ, издавшій нѣсколько учебниковъ по методѣ Робертсона и читавшій въ послѣдствіи у себя на квартирѣ публичныя лекціи, на которыхъ, по его словамъ, слушатели необычайно скоро выучивались англійскому языку чрезъ разборъ нѣсколькихъ сценъ изъ Шекспира. Великорослый, коренастый и топорной работы Датчанинъ Гасфельдъ зналъ въ совершенствѣ русскую грамматику и говорилъ по русски правильнѣе многихъ Русскихъ, хотя и не бѣгло. Гасфельдъ работалъ для перваго изданія Рейфовыхъ словарей, внося туда всѣ англійскія слова. Гречь очень его любилъ и предоставлялъ ему близкія сношенія съ своими сыновьями, которымъ Гасфельдъ преподавалъ англійскій языкъ. Впрочемъ, расположеніе Греча къ Гасфельду нисколько не мѣшало первому трунить надъ вторымъ и безпрестанно подмать на смѣхъ странности чудака Датчанина. Главнымъ поводомъ для того была страсть Гасфельда воображать себя великимъ остроумцемъ, чуть ли не вторымъ Біевромъ, и мастеромъ разсказывать, не смѣясь, самыя смѣшныя и забавныя вещи. При этомъ между имъ, П. И. Гречемъ и Монпероном выходили прекомическія сцены, основанныя, большею частью, на французской игрѣ словъ, въ которыхъ бѣдный Гасфельдъ рѣшительно терялся и погибалъ, дѣлая преуморительную мину недоумѣнія и непонятливости.

Третьимъ постояннымъ посѣтителемъ дома Греча и также очень интимнымъ былъ Филиппъ Ивановичъ Рейфъ, составитель извѣстныхъ паралельныхъ словарей. Онъ былъ Швейцарецъ изъ французской Швейцаріи. Фигурка крохотная, накрахмаленная, съ головкою, едва повертывавшеюся на тугомъ, стальномъ галстукѣ съ брыжжами, словно картонными; онъ едва процѣживалъ слова, преимущественно по французски, хотя говорилъ охотно и по нѣмецки, съ тѣмъ однако акцентомъ, по которому Германецъ тотчасъ узнаетъ не чистаго Нѣмца, то есть, Альзасца или Швейцарца. Вообще Рейфъ способенъ былъ навести собою уныніе на все общество. Гречь однако очень любилъ его за его лингвистическія познанія и за то, что Рейфъ въ общежитіи былъ кротчайшій и добрѣйшій человѣкъ.

Домъ, бывшій барона Аша, въ которомъ Гречъ съ семействомъ прожилъ болѣе тридцати лѣтъ, до продажи его за долги неразсчетливаго и мотоватаго хозяина *),—внутри былъ расположенъ, какъ говорится, семейственно и удобно, былъ снабженъ двумя огромнѣйшими залами, изъ которыхъ одна такъ залою и именовалась, а другая была не менѣе, ежели не болѣе велика, чѣмъ первая, по носила названіе кабинета-библіотеки, потому что всѣ ея стѣны были покрыты шкафами съ книгами. Одно изъ оконъ было въ видѣ двери въ садъ. Садъ этотъ, какъ городской, былъ не малъ и довольно густъ, хотя растенія въ немъ преуспѣвали скудно, вслѣдствіе недостатка солнца, происходившаго отъ громаднѣйшей стѣны брантмауера сосѣдняго дома князя Юсупова. Въ этой-то залѣ съ библіотечными шкафами, гдѣ сто или полтораста человѣкъ помѣщались легко и безъ малѣйшей тѣсноты, происходили всѣ литературныя четверговыя сходки, продолжавшіяся часовъ съ семи до двѣнадцати, а иногда и дольше. Изъ этой комнаты одна дверь была въ сѣнцы съ витою лѣстницею, которая вела въ настоящій рабочій кабинетъ Греча, предлинную комнату съ потолкомъ не очень высокимъ, съ птичьимъ канареечнымъ садкомъ, устроеннымъ въ одномъ изъ оконъ, съ нѣсколькими рабочими столами, покрытыми книгами, журналами, газетами и рукописями, и со столомъ-бюро противъ птичьяго садка. Двѣ, три высокихъ конторки въ разныхъ мѣстахъ и полдюжины креселъ, изъ которыхъ одно очевидно хозяйское, такъ называемое, вольтерово кресло или просто „волтеръ“, дополняли убранство комнаты. Здѣсь можно было видѣть Николая Ивановича совершенно по домашнему, а именно въ сѣрой китайчатой курточкѣ съ жилетными карманами на бокахъ и съ однимъ побольше карманомъ на груди, для платка. Обыкновенно же Гречь бывалъ, при пріемѣ гостей, въ черномъ или темнобронзоваго цвѣта фракѣ, а иногда въ синемъ вицъ-мундирѣ съ золотыми гербовыми пуговицами, присвоеннымъ министерству народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, когда Гречь числился по министерству финансовъ и дѣлалъ свои ежегодныя „дѣйствительныя“ поѣздки въ Герма-

*) Неразсчетливость и мотовство Н. И. Греча довели его, въ маститой старости, до положенія крайне затруднительнаго и бѣдственнаго, такъ, что, женясь вторично, на дѣвицѣ среднихъ лѣтъ, бывшей классною дамою въ институтѣ глухонѣмыхъ и сдѣлавшейся тогда директрисой этого заведенія, онъ, по продажѣ своего дома, поселился, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ казенной квартирѣ своей жены, гдѣ и умеръ въ 1866 году.

Домъ, бывшій барона Аша, въ которомъ Гречъ съ семействомъ прожилъ болѣе тридцати лѣтъ, до продажи его за долги неразсчетливаго и мотоватаго хозяина *),—внутри былъ расположенъ, какъ говорится, семейственно и удобно, былъ снабженъ двумя огромнѣйшими залами, изъ которыхъ одна такъ залою и именовалась, а другая была не менѣе, ежели не болѣе велика, чѣмъ первая, по носила названіе кабинета-библіотеки, потому что всѣ ея стѣны были покрыты шкафами съ книгами. Одно изъ оконъ было въ видѣ двери въ садъ. Садъ этотъ, какъ городской, былъ не малъ и довольно густъ, хотя растенія въ немъ преуспѣвали скудно, вслѣдствіе недостатка солнца, происходившаго отъ громаднѣйшей стѣны брантмауера сосѣдняго дома князя Юсупова. Въ этой-то залѣ съ библіотечными шкафами, гдѣ сто или полтораста человѣкъ помѣщались легко и безъ малѣйшей тѣсноты, происходили всѣ литературныя четверговыя сходки, продолжавшіяся часовъ съ семи до двѣнадцати, а иногда и дольше. Изъ этой комнаты одна дверь была въ сѣнцы съ витою лѣстницею, которая вела въ настоящій рабочій кабинетъ Греча, предлинную комнату съ потолкомъ не очень высокимъ, съ птичьимъ канареечнымъ садкомъ, устроеннымъ въ одномъ изъ оконъ, съ нѣсколькими рабочими столами, покрытыми книгами, журналами, газетами и рукописями, и со столомъ-бюро противъ птичьяго садка. Двѣ, три высокихъ конторки въ разныхъ мѣстахъ и полдюжины креселъ, изъ которыхъ одно очевидно хозяйское, такъ называемое, вольтерово кресло или просто „волтеръ“, дополняли убранство комнаты. Здѣсь можно было видѣть Николая Ивановича совершенно по домашнему, а именно въ сѣрой китайчатой курточкѣ съ жилетными карманами на бокахъ и съ однимъ побольше карманомъ на груди, для платка. Обыкновенно же Гречъ бывалъ, при пріемѣ гостей, въ черномъ или темнобронзоваго цвѣта фракѣ, а иногда въ синемъ вицъ-мундирѣ съ золотыми гербовыми пуговицами, присвоеннымъ министерству народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, когда Гречъ числился по министерству финансовъ и дѣлалъ свои ежегодныя „дѣйствительныя“ поѣздки въ Герма-

*) Неразсчетливость и мотовство Н. И. Греча довели его, въ маститой старости, до положенія крайне затруднительнаго и бѣдственнаго, такъ, что, женясь вторично, на дѣвицѣ среднихъ лѣтъ, бывшей классною дамою въ институтѣ глухонѣмыхъ и сдѣлавшейся тогда директрисой этого заведенія, онъ, по продажѣ своего дома, поселился, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ казенной квартирѣ своей жены, гдѣ и умеръ въ 1866 году.

нію, Швейцарію, Парижъ и Лондонъ *), можно было видѣть его часто совершенно очиновничившагося, въ форменномъ фракѣ съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ. Здѣсь, въ этомъ рабочемъ кабинетѣ, бывали у Греча всѣ его сотрудники, и вообще всѣ тѣ, которые имѣли до него дѣло и были принимаемы имъ запросто, безъ особенныхъ церемоній и парадовъ, до которыхъ вообще онъ не былъ охотникъ. Въ пріемныхъ комнатахъ иногда видѣли Греча и съ Владимірскимъ орденомъ на шеѣ съ тѣхъ поръ, какъ четвертая степень этого ордена, полученная имъ за его литературные и грамматическіе труды еще въ молодости, была замѣнена этою третьею. Владимірскій же орденъ 4-ой степени Гречь носилъ только въ жилетномъ карманѣ, говоря, что надѣваетъ его лишь на улицѣ для внушенія извощикамъ бо́льшаго уваженія. Я слышалъ это заявленіе изъ устъ Греча безчисленное число разъ. Въ рабочемъ кабинетѣ, кромѣ двери изъ сѣней, была еще одна дверь, откуда по лѣстницѣ, вслѣдствіе Гречева звонка, разъ по десяти въ день поднимался изъ типографіи, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ, гиппопотамъ въ человѣческомъ образѣ и въ засаленномъ сюртукѣ, факторъ типографіи Антонъ Ивановичъ Іогансонъ, добрѣйшее и вмѣстѣ глупѣйшее существо, но порядочно знавшее свою типографскую спеціальность. Это былъ Гречевъ souffre-douleur, со стоическимъ терпѣніемъ переносившій всѣ его выходки и нетерпѣливыя вспышки, болѣе или менѣе рѣзкія и оскорбительныя. Здѣсь же, въ этомъ рабочемъ кабинетѣ, каждый вечеръ, принимая даже гостей по четвергамъ, Гречь скрывался отъ собесѣдниковъ на полчаса, чтобы внимательно просмотрѣть послѣднюю корректуру завтрашней „Пчелки“, какъ онъ всегда называлъ свою любезную „Сѣверную Пчелу“. Однако частенько, особенно́ съ 1834 г. и позже, Николай Ивановичъ лѣнился исполнять эту обязанность и поручалъ ее кому-нибудь изъ молодыхъ своихъ сотрудниковъ, бывшихъ тутъ на лицо. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда Гречь увлекался какимъ-нибудь разсказомъ, докончить который ему непремѣнно хотѣлось. Частенько онъ давалъ этого рода порученіе Владиміру Михайловичу Строеву, Амплію Николаевичу Очкину или Петру Ильичу Ю—чу (писавшему подъ псевдонимомъ Медвѣдовскаго). Но

*) Въ отличіе отъ своего скучнаго и вялаго романа „Поѣздка въ Германію“, Гречь подъ названіемъ „*дѣйствительныхъ*“ поѣздокъ за границу,— издавалъ свою болтовню о личныхъ своихъ поѣздкахъ въ чужіе край, при чемъ старался выставлять на каждомъ шагу свое *я*.

нію, Швейцарію, Парижъ и Лондонъ *), можно было видѣть его часто совершенно очиновничившагося, въ форменномъ фракѣ съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ. Здѣсь, въ этомъ рабочемъ кабинетѣ, бывали у Греча всѣ его сотрудники, и вообще всѣ тѣ, которые имѣли до него дѣло и были принимаемы имъ запросто, безъ особенныхъ церемоній и парадовъ, до которыхъ вообще онъ не былъ охотникъ. Въ пріемныхъ комнатахъ иногда видѣли Греча и съ Владимірскимъ орденомъ на шеѣ съ тѣхъ поръ, какъ четвертая степень этого ордена, полученная имъ за его литературные и грамматическіе труды еще въ молодости, была замѣнена этою третьею. Владимірскій же орденъ 4-ой степени Гречь носилъ только въ жилетномъ карманѣ, говоря, что надѣваетъ его лишь на улицѣ для внушенія извощикамъ бо́льшаго уваженія. Я слышалъ это заявленіе изъ устъ Греча безчисленное число разъ. Въ рабочемъ кабинетѣ, кромѣ двери изъ сѣней, была еще одна дверь, откуда по лѣстницѣ, вслѣдствіе Гречева звонка, разъ по десяти въ день поднимался изъ типографіи, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ, гиппопотамъ въ человѣческомъ образѣ и въ засаленномъ сюртукѣ, факторъ типографіи Антонъ Ивановичъ Іогансонъ, добрѣйшее и вмѣстѣ глупѣйшее существо, но порядочно знавшее свою типографскую спеціальность. Это былъ Гречевъ souffre-douleur, со стоическимъ терпѣніемъ переносившій всѣ его выходки и нетерпѣливыя вспышки, болѣе или менѣе рѣзкія и оскорбительныя. Здѣсь же, въ этомъ рабочемъ кабинетѣ, каждый вечеръ, принимая даже гостей по четвергамъ, Гречь скрывался отъ собесѣдниковъ на полчаса, чтобы внимательно просмотрѣть послѣднюю корректуру завтрашней „Пчелки“, какъ онъ всегда называлъ свою любезную „Сѣверную Пчелу“. Однако частенько, особенно съ 1834 г. и позже, Николай Ивановичъ лѣнился исполнять эту обязанность и поручалъ ее кому-нибудь изъ молодыхъ своихъ сотрудниковъ, бывшихъ тутъ на лицо. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда Гречь увлекался какимъ-нибудь разсказомъ, докончить который ему непремѣнно хотѣлось. Частенько онъ давалъ этого рода порученіе Владиміру Михайловичу Строеву, Амплію Николаевичу Очкину или Петру Ильичу Ю—чу (писавшему подъ псевдонимомъ Медвѣдовскаго). Но

*) Въ отличіе отъ своего скучнаго и вялаго романа „Поѣздка въ Германію“, Гречь подъ названіемъ „*дѣйствительныхъ*“ поѣздокъ за границу,— издавалъ свою болтовню о личныхъ своихъ поѣздкахъ въ чужіе край, при чемъ старался выставлять на каждомъ шагу свое *я*.

всего чаще возлагалъ Гречь эту скучную обязанность на меня, и я, по молодости лѣтъ, принималъ ее, какъ знакъ особеннаго вниманія, тогда какъ это было просто издательскою эксплуатаціей. Въ эти вечера, въ антрактахъ чтенія корректуры или сводки, я находилъ время внимательно разсмотрѣть литографированные, пастельные, акварельные, карандашные и другіе портреты, покрывавшіе стѣны этого рабочаго пріюта. Изъ числа этихъ портретовъ, отчасти фамильныхъ, отчасти различныхъ знаменитостей русскихъ и иностранныхъ, болѣе другихъ замѣченъ былъ мною портретъ горбатаго, сѣдаго, словно лунь, старичка-карлика, подъ которымъ были двѣ подписи: одна—„Oh, le nain!“ (Olénine), и другая: „Сей огромный сфинксъ“. Глумленіе Греча надъ такимъ прекраснымъ и истинно почтеннымъ человѣкомъ, каковъ былъ Алексѣй Николаевичъ Олениинъ, директоръ публичной библіотеки, другъ и покровитель Крылова, тѣмъ болѣе было неприлично и неумѣстно, что Гречь, какъ не безъизвѣстно, имѣлъ много причинъ совершенно иначе выражать свои чувства къ Оленину, оказавшему ему немало одолженій и добра. Впрочемъ, нужно сказать, что подобные постушки у Греча брали свое начало не изъ злого сердца его, а изъ вѣтреннаго и непостояннаго характера, имѣвшаго свойство, ради остраго словца, не пожалѣть и отца.

Залъ-библіотека былъ, какъ я уже сказалъ, такъ великъ, что въ немъ иногда устраивалась сцена съ декораціями самодѣльной работы Гречевыхъ сыновей, при содѣйствіи такихъ талантливыхъ рисовальщиковъ, каковы были всѣ братья Клодты фонъ-Юргенсбурги. На этой сценѣ разыгрывались французскіе водевили и ставились въ огромныхъ позолоченыхъ рамахъ живыя картины, преимущественно изъ частной жизни или изъ французской и англійской исторіи. Обо всемъ этомъ хлопоталъ дѣятельный Монперонъ, который и самъ вмѣстѣ съ молодежью участвовалъ, какъ въ водевиляхъ, такъ и въ живыхъ картинахъ.

Помню, что въ эту же актерскую компанію вмѣшался однажды и Адольфъ Александровичъ Плюшаръ, въ то время довольно крупный дѣятель въ отечественной литературѣ и издатель „Энциклопедическаго Лексикона“, красивый мужчина, впрочемъ черезъ чуръ театральнаго и эффектнаго вида, занимавшійся до приторности своею внѣшностью и не пропускавшій ни одного зеркала, чтобъ не взглянуть въ него на свою напыщенно-величавую фигуру, смахивавшую, правду сказать, на восковую парикмахерскую вывѣску. Роль, которую онъ въ этотъ вечеръ занялъ въ живыхъ

всего чаще возлагалъ Гречь эту скучную обязанность на меня, и я, по молодости лѣтъ, принималъ ее, какъ знакъ особеннаго вниманія, тогда какъ это было просто издательскою эксплуатаціей. Въ эти вечера, въ антрактахъ чтенія корректуры или сводки, я находилъ время внимательно разсмотрѣть литографированные, пастельные, акварельные, карандашные и другіе портреты, покрывавшіе стѣны этого рабочаго пріюта. Изъ числа этихъ портретовъ, отчасти фамильныхъ, отчасти различныхъ знаменитостей русскихъ и иностранныхъ, болѣе другихъ замѣченъ былъ мною портретъ горбатаго, сѣдаго, словно лунь, старичка-карлика, подъ которымъ были двѣ подписи: одна—„Oh, le nain!“ (Olénine), и другая: „Сей огромный сфинксъ“. Глумленіе Греча надъ такимъ прекраснымъ и истинно почтеннымъ человѣкомъ, каковъ былъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, директоръ публичной библіотеки, другъ и покровитель Крылова, тѣмъ болѣе было неприлично и неумѣстно, что Гречь, какъ не безъизвѣстно, имѣлъ много причинъ совершенно иначе выражать свои чувства къ Оленину, оказавшему ему немало одолженій и добра. Впрочемъ, нужно сказать, что подобные постушки у Греча брали свое начало не изъ злого сердца его, а изъ вѣтреннаго и непостояннаго характера, имѣвшаго свойство, ради остраго словца, не пожалѣть и отца.

Залъ-библіотека былъ, какъ я уже сказалъ, такъ великъ, что въ немъ иногда устраивалась сцена съ декораціями самодѣльной работы Гречевыхъ сыновей, при содѣйствіи такихъ талантливыхъ рисовальщиковъ, каковы были всѣ братья Клодты фонъ-Юргенсбурги. На этой сценѣ разыгрывались французскіе водевили и ставились въ огромныхъ позолоченыхъ рамахъ живыя картины, преимущественно изъ частной жизни или изъ французской и англійской исторіи. Обо всемъ этомъ хлопоталъ дѣятельный Монперонъ, который и самъ вмѣстѣ съ молодежью участвовалъ, какъ въ водевиляхъ, такъ и въ живыхъ картинахъ.

Помню, что въ эту же актерскую компанію вмѣшался однажды и Адольфъ Александровичъ Плюшаръ, въ то время довольно крупный дѣятель въ отечественной литературѣ и издатель „Энциклопедическаго Лексикона“, красивый мужчина, впрочемъ черезъ чуръ театральнаго и эффектнаго вида, занимавшійся до приторности своею внѣшностью и не пропускавшій ни одного зеркала, чтобъ не взглянуть въ него на свою напыщенно-величавую фигуру, смахивавшую, правду сказать, на восковую парикмахерскую вывѣску. Роль, которую онъ въ этотъ вечеръ занялъ въ живыхъ

картинахъ, была ни болѣе, ни менѣе какъ роль Вильгельма Телля въ тотъ моментъ, когда этотъ легендный герой прицѣливается въ яблоко, лежащее на головѣ его сына. Плюшаръ былъ также въ числѣ близкихъ или, какъ говорится, „своихъ“ людей въ домѣ П. И. Греча. Но, будучи порядочно богатъ въ то время, пока не разорилъ его Сенковскій, разорившій передъ тѣмъ и благодушнаго Александра Филипповича Смирдина, Плюшаръ не прихлебальничалъ у Греча, подобно другимъ приближеннымъ послѣдняго, а напротивъ того, самъ частенько амфитріонничалъ Николаю Ивановичу, который страстно любилъ обильныя, но не церемонныя угощенія, оканчивавшіяся общимъ опьяненіемъ и спичами, при чемъ пальма первенства принадлежала, конечно, всегда ему, какъ самому ловкому говоруну, своей эпохи, когда застольное ораторство было у насъ еще въ младенчествѣ.

Изъ числа частыхъ посѣтителей Греча по четвергамъ можно было еще замѣтить величественно олимпійскую фигуру свѣжаго и геркулесовски сложеннаго джентльмена съ сѣдыми, совершенно снѣжными локонами. То былъ нѣкто Добель, родомъ Англичанинъ, долго жившій въ Архангельской губерніи и изъѣздившій даже самыя сѣверныя части ея, между прочимъ на собакахъ; въ тридцатыхъ годахъ онъ издалъ на русскомъ языкѣ довольно любопытное, но страшно разгонисто напечатанное описаніе этого путешествія, снабженное множествомъ прекрасныхъ иллюминованныхъ рисунковъ. Величественный, сѣдовласый путешественникъ, порядочно владѣя русскимъ языкомъ, бывало, разсказывалъ прелюбопытные случаи и передавалъ преоригинальныя подробности изъ своихъ воспоминаній о различныхъ своихъ путешествіяхъ. Когда, бывало, онъ заговоритъ скромно, тихо, мягко, плавно, около него всегда сформируется кружокъ, и надобно сказать правду, всѣ слушали его съ истиннымъ удовольствіемъ и любовью. Иногда изъ гостиной приходила въ залу-библіотеку молодая г-жа Добель, красавица собою, рослая, ширококостная, бѣлая, розовая, по видимому, пламенная, но скромная, хотя впрочемъ изъ темнокарихъ глазъ ея сверкали яркія зарницы. Г-жа Добель была дочь какого-то архангельскаго деревенскаго дьячка, оспротѣвшая и взятая на воспитаніе Добелемъ, который ѣздилъ съ нею, имѣя ее при себѣ въ видѣ юнги, по морямъ Бѣлому, Сѣверному, Нѣмецкому, отвозилъ ее на время къ себѣ въ Англію, образовалъ, по своему, на свой манеръ, и женился на ней, записавъ на ея имя капиталъ въ 10.000 фунтовъ стерлинговъ. Эта краса-

картинахъ, была ни болѣе, ни менѣе какъ роль Вильгельма Телля въ тотъ моментъ, когда этотъ легендный герой прицѣливается въ яблоко, лежащее на головѣ его сына. Плюшаръ былъ также въ числѣ близкихъ или, какъ говорится, „своихъ“ людей въ домѣ П. И. Греча. Но, будучи порядочно богатъ въ то время, пока не разорилъ его Сенковскій, разорившій передъ тѣмъ и благодушнаго Александра Филипповича Смирдина, Плюшаръ не прихлебальничалъ у Греча, подобно другимъ приближеннымъ послѣдняго, а напротивъ того, самъ частенько амфитріонничалъ Николаю Ивановичу, который страстно любилъ обильныя, но не церемонныя угощенія, оканчивавшіяся общимъ опьяненіемъ и спичами, при чемъ пальма первенства принадлежала, конечно, всегда ему, какъ самому ловкому говоруну, своей эпохи, когда застольное ораторство было у насъ еще въ младенчествѣ.

Изъ числа частыхъ посѣтителей Греча по четвергамъ можно было еще замѣтить величественно олимпійскую фигуру свѣжаго и геркулесовски сложеннаго джентльмена съ сѣдыми, совершенно снѣжными локонами. То былъ нѣкто Добель, родомъ Англичанинъ, долго жившій въ Архангельской губерніи и изъѣздившій даже самыя сѣверныя части ея, между прочимъ на собакахъ; въ тридцатыхъ годахъ онъ издалъ на русскомъ языкѣ довольно любопытное, но страшно разгонисто напечатанное описаніе этого путешествія, снабженное множествомъ прекрасныхъ иллюминованныхъ рисунковъ. Величественный, сѣдовласый путешественникъ, порядочно владѣя русскимъ языкомъ, бывало, разсказывалъ прелюбопытные случаи и передавалъ преоригинальныя подробности изъ своихъ воспоминаній о различныхъ своихъ путешествіяхъ. Когда, бывало, онъ заговоритъ скромно, тихо, мягко, плавно, около него всегда сформируется кружокъ, и надобно сказать правду, всѣ слушали его съ истиннымъ удовольствіемъ и любовью. Иногда изъ гостиной приходила въ залу-библіотеку молодая г-жа Добель, красавица собою, рослая, ширококостная, бѣлая, розовая, по видимому, пламенная, но скромная, хотя впрочемъ изъ темнокарихъ глазъ ея сверкали яркія зарницы. Г-жа Добель была дочь какого-то архангельскаго деревенскаго дьячка, оспротѣвшая и взятая на воспитаніе Добелемъ, который ѣздилъ съ нею, имѣя ее при себѣ въ видѣ юнги, по морямъ Бѣлому, Сѣверному, Нѣмецкому, отвозилъ ее на время къ себѣ въ Англію, образовалъ, по своему, на свой манеръ, и женился на ней, записавъ на ея имя капиталъ въ 10.000 фунтовъ стерлинговъ. Эта краса-

вица сама иногда разсказывала довольно наивно нѣкоторыя похожденія своего мужа, и изъ этихъ разсказовъ бывало замѣтно, что почтенный мореходъ иногда не прочь былъ вести непозволительные законами способы торговли, то есть, просто на просто мистеръ Добель былъ немножко контробандистъ. Изъ разсказовъ жены его можно было замѣтить и то, что она умѣетъ мастерски грести веслами въ лодкѣ, ставить и крѣпить парусъ, рубить канатъ топоромъ, стрѣлять изъ ружья, набивать и закуривать трубку, отмачивать въ щелокѣ и молокѣ сушеную штокфишъ и готовить изъ нея вкусное блюдо, которое, какъ выражалась красавица, она предпочитаетъ всѣмъ на свѣтѣ майонезамъ, супамъ à la tortue и даже пломпуддингамъ. Независимо отъ этихъ знаній, она умѣла запрягать въ сани оленей и управлять ими не хуже самаго опытнаго вожака. Всѣ эти спеціальности не мѣшали однако ей знать правильно русскій, англійскій и французскій языки, играть немножко на фортепіано, танцовать французскую кадриль и вообще быть особою, которая не посрамила бы себя ни въ какомъ обществѣ.

Теперь читатель знаетъ и топографію дома, въ которомъ происходили Гречевы четверги, и составъ постояннаго неизмѣннаго общества, окружавшаго Николая Ивановича. Лица эти бываютъ у Греча одни почти ежедневно, другія непремѣнно ежедневно; а уже по четвергамъ бываютъ положительно всѣ и составляютъ своею числительностью изрядную сумму всей четверговой публики. Итакъ, читатель, перенесемтесь въ одинъ изъ этихъ четвертовъ и войдемъ въ прихожую Гречева дома, за которою слѣдуетъ передъ кабинетомъ-библіотекою пріемная комната въ два окна, дающія на дворъ, смежная со столовою. По четвергамъ пріемная комната обращалась обыкновенно въ прихожую или во вторую переднюю и наполнялась переносными вѣшалками, которыя покрывались шубами, бекешами, каррикамп, шинелями, плащами и пр. Семь часовъ вечера, въ залѣ-библіотекѣ уже публики довольно много, и то и дѣло, что входятъ тутъ новые гости, которые слегка здороваются съ сыновьями Греча и съ ближайшими друзьями дома. Зала-библіотека сильно освѣщена кенкетами и жирандолями съ восковыми свѣчами. На огромномъ столѣ и на пяти или шести столахъ поменьше, покрытыхъ книгами, журналами и газетами, стоятъ зажженныя канделябры. Гости отчасти пьютъ чай, отчасти курятъ (далеко однако не всѣ и не съ тѣмъ увлеченіемъ, какъ дѣлается это нынче), всѣ между собою бесѣдуютъ или составляютъ кучки и одного кого-нибудь слушаютъ; иные кочуютъ отъ од-

вица сама иногда разсказывала довольно наивно нѣкоторыя похожденія своего мужа, и изъ этихъ разсказовъ бывало замѣтно, что почтенный мореходъ иногда не прочь былъ вести непозволительные законами способы торговли, то есть, просто на просто мистеръ Добель былъ немножко контробандистъ. Изъ разсказовъ жены его можно было замѣтить и то, что она умѣетъ мастерски грести веслами въ лодкѣ, ставить и крѣпить парусъ, рубить канатъ топоромъ, стрѣлять изъ ружья, набивать и закуривать трубку, отмачивать въ щелокѣ и молокѣ сушеную штокфишъ и готовить изъ нея вкусное блюдо, которое, какъ выражалась красавица, она предпочитаетъ всѣмъ на свѣтѣ майонезамъ, супамъ à la tortue и даже пломпуддингамъ. Независимо отъ этихъ знаній, она умѣла запрягать въ сани оленей и управлять ими не хуже самаго опытнаго вожака. Всѣ эти спеціальности не мѣшали однако ей знать правильно русскій, англійскій и французскій языки, играть немножко на фортепіано, танцовать французскую кадриль и вообще быть особою, которая не посрамила бы себя ни въ какомъ обществѣ.

Теперь читатель знаетъ и топографію дома, въ которомъ происходили Гречевы четверги, и составъ постояннаго неизмѣннаго общества, окружавшаго Николая Ивановича. Лица эти бываютъ у Греча одни почти ежедневно, другія непремѣнно ежедневно; а уже по четвергамъ бываютъ положительно всѣ и составляютъ своею числительностью изрядную сумму всей четверговой публики. Итакъ, читатель, перенесемтесь въ одинъ изъ этихъ четвертовъ и войдемъ въ прихожую Гречева дома, за которою слѣдуетъ передъ кабинетомъ-библіотекою пріемная комната въ два окна, дающія на дворъ, смежная со столовою. По четвергамъ пріемная комната обращалась обыкновенно въ прихожую или во вторую переднюю и наполнялась переносными вѣшалками, которыя покрывались шубами, бекешами, карриками, шинелями, плащами и пр. Семь часовъ вечера, въ залѣ-библіотекѣ уже публики довольно много, и то и дѣло, что входятъ тутъ новые гости, которые слегка здороваются съ сыновьями Греча и съ ближайшими друзьями дома. Зала-библіотека сильно освѣщена кенкетами и жирандолями съ восковыми свѣчами. На огромномъ столѣ и на пяти или шести столахъ поменьше, покрытыхъ книгами, журналами и газетами, стоятъ зажженныя канделябры. Гости отчасти пьютъ чай, отчасти курятъ (далеко однако не всѣ и не съ тѣмъ увлеченіемъ, какъ дѣлается это нынче), всѣ между собою бесѣдуютъ или составляютъ кучки и одного кого-нибудь слушаютъ; иные кочуютъ отъ од-

ной группы къ другой, безъ всякой принужденности. Однако замѣтно, что нѣтъ души общества, нѣтъ самаго хозяина, говорливаго Николая Ивановича, около котораго обыкновенно собирается родъ „вѣча“, слушающаго своего любимаго „златоуста“, какъ величалъ его, бывало, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. Гречь сегодня въ англійскомъ клубѣ, на выборѣ новыхъ членовъ, въ число которыхъ желаетъ попасть между прочимъ Булгаринъ. Но вотъ и самъ Ѳаддей Венедиктовичъ—въ черной венгеркѣ съ брандебурами, возсѣдаетъ здѣсь за однимъ столикомъ съ рябымъ и желчнымъ Сенковскимъ, курящимъ что-то въ родѣ наргилэ изъ довольно тонкаго и длиннаго чубука розоваго дерева. Оригиналенъ костюмъ Сенковскаго: зелено-коричневый фракъ съ золотыми пуговицами, пестрый шалевый жилетъ и свѣтло-гороховые брюки. Толпа окружаетъ эти двѣ тогдашнія знаменитости, и почти всѣ окружающіе ловятъ слова ихъ, словно манну небесную. Около этой группы, за другимъ столикомъ, сидитъ неуклюжій, топорной работы, угловатый, сильно нюхающій табакъ, Несторъ Васильевичъ Кукольникъ и играетъ въ шахматы съ непремѣннымъ спутникомъ Брюллова, художникомъ Яненко, который хотя былъ и не безъ таланта, но къ сожалѣнію, очень мало интересовался репутаціей хорошаго живописца и предпочиталъ коротать свое время въ удалой жизни съ друзьями, охотниками до попоекъ. Яненко красенъ какъ піонъ и лысъ; онъ былъ добрый и честный малый, но не умѣлъ себя держать и слишкомъ много позволялъ вольностей относительно себя какому-нибудь Булгарину, милостивцу своему Гречу. Булгаринъ иначе не называлъ его какъ „Пьяненко“, и теперь даже, именуя его этимъ справедливымъ, но оскорбительнымъ псевдонимомъ, даннымъ ему Гречемъ, разсказываетъ про него Сенковскому, который ехидно улыбается своими бѣлесоватыми, непріятными глазами.

„Да вотъ хоть бы вчера“, бурчитъ Булгаринъ, „насмѣшилъ насъ Гречь за ужиномъ у него, у Нестора. Нашъ Пьяненко разчувствовался и вздумалъ говорить какой-то спичь своей фабрикаціи, да выпивъ бокалъ шампанскаго, кажется, чуть ли не тридцать первый, опрокинулъ этотъ тридцать первый пустой бокалъ себѣ на лысину и кричитъ, обращаясь къ Гречу: „Такъ вѣдь, такъ, Николай Ивановичъ? Надо пить до капли и опоражнивать бокалы на головѣ своей“. „Согласенъ“, сказалъ ему Гречь, „да только лучше вливать въ желудокъ, а не переливать, какъ ты теперь, изъ пустаго въ порожнее“. Ха! ха! ха! Изъ *пустаго въ порожнее!* „Вѣдь понятно: изъ пустаго бокала въ порожнюю голову Пьяненки!.. Ха! ха! ха!“

ной группы къ другой, безъ всякой принужденности. Однако замѣтно, что нѣтъ души общества, нѣтъ самаго хозяина, говорливаго Николая Ивановича, около котораго обыкновенно собирается родъ „вѣча“, слушающаго своего любимаго „златоуста“, какъ величалъ его, бывало, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. Гречь сегодня въ англійскомъ клубѣ, на выборѣ новыхъ членовъ, въ число которыхъ желаетъ попасть между прочимъ Булгаринъ. Но вотъ и самъ Ѳаддей Венедиктовичъ—въ черной венгеркѣ съ брандебурами, возсѣдаетъ здѣсь за однимъ столикомъ съ рябымъ и желчнымъ Сенковскимъ, курящимъ что-то въ родѣ наргилэ изъ довольно тонкаго и длиннаго чубука розоваго дерева. Оригиналенъ костюмъ Сенковскаго: зелено-коричневый фракъ съ золотыми пуговицами, пестрый шалевый жилетъ и свѣтло-гороховые брюки. Толпа окружаетъ эти двѣ тогдашнія знаменитости, и почти всѣ окружающіе ловятъ слова ихъ, словно манну небесную. Около этой группы, за другимъ столикомъ, сидитъ неуклюжій, топорной работы, угловатый, сильно нюхающій табакъ, Несторъ Васильевичъ Кукольникъ и играетъ въ шахматы съ непремѣннымъ спутникомъ Брюллова, художникомъ Яненко, который хотя былъ и не безъ таланта, но къ сожалѣнію, очень мало интересовался репутаціей хорошаго живописца и предпочиталъ коротать свое время въ удалой жизни съ друзьями, охотниками до попоекъ. Яненко красенъ какъ піонъ и лысъ; онъ былъ добрый и честный малый, но не умѣлъ себя держать и слишкомъ много позволялъ вольностей относительно себя какому-нибудь Булгарину, милостивцу своему Гречу. Булгаринъ иначе не называлъ его какъ „Пьяненко“, и теперь даже, именуя его этимъ справедливымъ, но оскорбительнымъ псевдонимомъ, даннымъ ему Гречемъ, разсказываетъ про него Сенковскому, который ехидно улыбается своими бѣлесоватыми, непріятными глазами.

„Да вотъ хоть бы вчера“, бурчитъ Булгаринъ, „насмѣшилъ насъ Гречь за ужиномъ у него, у Нестора. Нашъ Пьяненко разчувствовался и вздумалъ говорить какой-то спичь своей фабрикаціи, да выпивъ бокалъ шампанскаго, кажется, чуть ли не тридцать первый, опрокинулъ этотъ тридцать первый пустой бокалъ себѣ на лысину и кричитъ, обращаясь къ Гречу: „Такъ вѣдь, такъ, Николай Ивановичъ? Надо пить до капли и опоражнивать бокалы на головѣ своей“. „Согласенъ“, сказалъ ему Гречь, „да только лучше вливать въ желудокъ, а не переливать, какъ ты теперь, изъ пустаго въ порожнее“. Ха! ха! ха! Изъ *пустаго въ порожнее!* „Вѣдь понятно: изъ пустаго бокала въ порожнюю голову Пьяненки!.. Ха! ха! ха!“

„Оно, конечно, Гречемъ сказано было довольно остренько и ловко, потому что Николай Ивановичъ мастеръ на всякую остроту", сказалъ Яценко, продолжая игру съ Кукольникомъ, „но тебѣ, Ѳаддей Фиглярнпъ [1]), до Гречева ума далеко, какъ до неба высоко, и остается только потѣшаться его острословіемъ, которое мы съ тобой не всегда и разжуемъ, братъ. А вотъ, милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ г. Булгаринъ, соблаговолите намъ объяснить, что́ это за исторія вышла у вашей милости съ книжникомъ и фарисеемъ Лисенковымъ? Онъ, говорятъ, объявилъ въ газетахъ, что у него можно имѣть литографированный портретъ знаменитаго французскаго сыщика Видока; а какъ кто спроситъ, онъ суетъ не Видока портретъ, а вашъ. Любопытная исторійка!..."

„Анаѳема этотъ Лисенковъ", сердито захрипѣлъ съ обычнымъ запканьемъ и повтореніемъ словъ Булгаринъ, обращаясь къ Сенковскому,—„дѣйствительно удралъ этакую глупѣйшую штуку; но я принялъ уже мѣры, и завтра ни одного экземпляра моихъ портретовъ у него не будетъ, и отъ него отберутъ подписку, чтобъ онъ не покупалъ и не продавалъ другихъ экземпляровъ".

Нѣкоторые изъ находившихся въ залѣ, услышавъ про эту продѣлку, разсмѣялись, другіе же сдѣлали видъ, изъ угожденія Булгарину, будто находятъ дѣйствіе книгопродавца чуть-чуть не богоотступнымъ, собственно потому, что онъ дерзнулъ возстать противъ Булгарина, этого знаменитаго журналиста, который въ ту пору обычнымъ своимъ хриплымъ голосомъ разсказывалъ каждому встрѣчному и поперечному: „Можете себѣ представить: изъ всѣхъ газетъ Государь одну только мою Пчелку читать изволитъ (я это положительно знаю) и отзывается обо мнѣ, что я король гостинаго двора, le roi du Gostinoy Dvor."

Вся эта знаменитость Булгарина, ожидавшаго въ этотъ вечеръ съ нетерпѣніемъ результатовъ своего избранія въ англійскомъ клубѣ, не помѣшала однако одному малорослому бѣлокурому офицеру, по видимому кавалеристу, судя по бѣлесоватымъ длиннымъ, внизъ спавшимъ усамъ его [2]), который постукивалъ о полъ ножнами сабли и молодецки побрякивалъ шпорами, обратиться къ Булгарину съ вопросомъ: „Скажите, пожалуйста, Ѳаддей Венедиктовичъ, что́ это была недавно за исторія, когда вы въ одно время съ Николаемъ Ива-

[1]) Фиглярнымъ прозвалъ Булгарина Пушкинъ, ратовавшій съ нимъ подъ псевдонимомъ Коснчкина.

[2]) Въ то время усы носили только кавалеристы, да и то не тяжелой, а легкой кавалеріи.

„Оно, конечно, Гречемъ сказано было довольно острепько и ловко, потому что Николай Ивановичъ мастеръ на всякую остроту“, сказалъ Яспнко, продолжая игру съ Кукольникомъ, „но тебѣ, Ѳаддей Фиглярпнъ [1]), до Гречева ума далеко, какъ до неба высоко, и остается только потѣшаться его острословіемъ, которое мы съ тобой не всегда и разжуемъ, братъ. А вотъ, милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ г. Булгаринъ, соблаговолите намъ объяснить, что́ это за исторія вышла у вашей милости съ книжникомъ и фарисеемъ Лисенковымъ? Онъ, говорятъ, объявилъ въ газетахъ, что у него можно имѣть литографированный портретъ знаменитаго французскаго сыщика Видока; а какъ кто спроситъ, онъ суетъ не Видока портретъ, а вашъ. Любопытная исторійка!...“

„Анаѳема этотъ Лисенковъ“, сердито захрипѣлъ съ обычнымъ запканьемъ и повтореніемъ словъ Булгаринъ, обращаясь къ Сенковскому,—„дѣйствительно удралъ этакую глупѣйшую штуку; но я принялъ уже мѣры, и завтра ни одного экземпляра моихъ портретовъ у него не будетъ, и отъ него отберутъ подписку, чтобъ онъ не покупалъ и не продавалъ другихъ экземпляровъ“.

Нѣкоторые изъ находившихся въ залѣ, услышавъ про эту продѣлку, разсмѣялись, другіе же сдѣлали видъ, изъ угожденія Булгарину, будто находятъ дѣйствіе книгопродавца чуть-чуть не богоотступнымъ, собственно потому, что онъ дерзнулъ возстать противъ Булгарина, этого знаменитаго журналиста, который въ ту пору обычнымъ своимъ хриплымъ голосомъ разсказывалъ каждому встрѣчному и поперечному: „Можете себѣ представить: изъ всѣхъ газетъ Государь одну только мою Пчелку читать изволитъ (я это положительно знаю) и отзывается обо мнѣ, что я король гостинаго двора, le roi du Gostinoy Dvor.“

Вся эта знаменитость Булгарина, ожидавшаго въ этотъ вечеръ съ нетерпѣніемъ результатовъ своего избранія въ англійскомъ клубѣ, не помѣшала однако одному малорослому бѣлокурому офицеру, по видимому кавалеристу, судя по бѣлесоватымъ длиннымъ, внизъ спавшимъ усамъ его [2]), который постукивалъ о полъ ножнами сабли и молодецки побрякивалъ шпорами, обратиться къ Булгарину съ вопросомъ: „Скажите, пожалуйста, Ѳаддей Венедиктовичъ, что́ это была недавно за исторія, когда вы въ одно время съ Николаемъ Ива-

[1]) Фиглярнымъ прозвалъ Булгарина Пушкинъ, ратовавшій съ нимъ подъ псевдонимомъ Коснчкина.

[2]) Въ то время усы носили только кавалеристы, да и то не тяжелой, а легкой кавалеріи.

новичемъ Гречемъ и съ Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ сидѣли на трехъ разныхъ гауптвахтахъ, и говорятъ ваша теща пріѣхала на ту гауптвахту, гдѣ былъ Воейковъ, и у нихъ произошла презабавная сцена, кончившаяся какъ то траги-комически для вашей почтенной тещи".

Офицеръ, произносившій эту рѣчь, былъ никто иной, какъ баронъ Розенъ, издатель нѣсколькихъ альманаховъ, авторъ невозможныхъ стиховъ и водянисто-мистическихъ повѣстей, считавшій однако себя чуть не Клопштокомъ, Виландомъ, Шиллеромъ и Байрономъ. Въ послѣднее время онъ занятъ былъ фабрикаціей либретто въ стихахъ для создававшейся Глинкою *первой* русской оперы „Жизнь за Царя". В. А. Жуковскій, отрекомендовавшій Розена М. И. Глинкѣ въ качествѣ либретиста, часто въ насмѣшку говаривалъ, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и Глинкѣ стоило сказать — какого сорта, то-есть, размѣра, ему нужно и сколько нужно стиховъ, и Розенъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана. Впрочемъ, лифляндскій баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Розенъ, ротмистръ какого-то армейскаго гусарскаго полка и старшій адъютантъ инспекторскаго департамента, былъ добрый и честный человѣкъ, благородный, услужливый, но фантастикъ, нервозный и капризный, иногда какъ свѣтская дамочка. Онъ скептически относился къ литературной и гражданской дѣятельности Булгарина и всегда, когда послѣдній объявлялъ, что онъ въ своей субботней „Всякой всячинѣ" ругнетъ какое-нибудь изъ произведеній барона, баронъ обращался къ Н. И. Гречу, котораго также не очень жаловалъ, и просилъ обыкновенно его о защитѣ своимъ нѣмецко-русскимъ акцентомъ, но рѣчью чисто русскою безъ малѣйшаго германизма. Вотъ, что мнѣ не разъ случалось слышать изъ отзывовъ Розена о Булгаринѣ: „Пожалуйста, скажите этому вашему Булгарину, что я при первой встрѣчѣ сломаю стулъ объ его голову". „Только пожалуйста не однимъ изъ моихъ стульевъ, любезнѣйшій баронъ", подхватывалъ забавникъ Гречъ; „я только что обзавелся новою мебелью". Но какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что еще ни разу Булгаринъ не позволилъ себѣ манкировать чѣмъ бы то ни было вспыльчивому остзейскому барону, и баронъ на основаніи этой своей неприкосновенности, постоянно держалъ себя очень безъ чиновъ съ Булгаринымъ. Это видно и изъ того нескромнаго вопроса, какой онъ теперь предложилъ Булгарину о его тещѣ, тогда какъ

новичемъ Гречемъ и съ Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ сидѣли на трехъ разныхъ гауптвахтахъ, и говорятъ ваша теща пріѣхала на ту гауптвахту, гдѣ былъ Воейковъ, и у нихъ произошла презабавная сцена, кончившаяся какъ то траги-комически для вашей почтенной тещи".

Офицеръ, произносившій эту рѣчь, былъ никто иной, какъ баронъ Розенъ, издатель нѣсколькихъ альманаховъ, авторъ невозможныхъ стиховъ и водянисто-мистическихъ повѣстей, считавшій однако себя чуть не Клопштокомъ, Виландомъ, Шиллеромъ и Байрономъ. Въ послѣднее время онъ занятъ былъ фабрикаціей либретто въ стихахъ для создававшейся Глинкою *первой* русской оперы „Жизнь за Царя". В. А. Жуковскій, отрекомендовавшій Розена М. И. Глинкѣ въ качествѣ либретиста, часто въ насмѣшку говаривалъ, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и Глинкѣ стоило сказать — какого сорта, то-есть, размѣра, ему нужно и сколько нужно стиховъ, и Розенъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана. Впрочемъ, лифляндскій баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Розенъ, ротмистръ какого-то армейскаго гусарскаго полка и старшій адъютантъ инспекторскаго департамента, былъ добрый и честный человѣкъ, благородный, услужливый, но фантастикъ, нервозный и капризный, иногда какъ свѣтская дамочка. Онъ скептически относился къ литературной и гражданской дѣятельности Булгарина и всегда, когда послѣдній объявлялъ, что онъ въ своей субботней „Всякой всячинѣ" ругнетъ какое-нибудь изъ произведеній барона, баронъ обращался къ Н. И. Гречу, котораго также не очень жаловалъ, и просилъ обыкновенно его о защитѣ своимъ нѣмецко-русскимъ акцентомъ, но рѣчью чисто русскою безъ малѣйшаго германизма. Вотъ, что мнѣ не разъ случалось слышать изъ отзывовъ Розена о Булгаринѣ: „Пожалуйста, скажите этому вашему Булгарину, что я при первой встрѣчѣ сломаю стулъ объ его голову". „Только пожалуйста не однимъ изъ моихъ стульевъ, любезнѣйшій баронъ", подхватывалъ забавникъ Гречъ; „я только что обзавелся новою мебелью". Но какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что еще ни разу Булгаринъ не позволилъ себѣ манкировать чѣмъ бы то ни было вспыльчивому остзейскому барону, и баронъ на основаніи этой своей неприкосновенности, постоянно держалъ себя очень безъ чиновъ съ Булгаринымъ. Это видно и изъ того нескромнаго вопроса, какой онъ теперь предложилъ Булгарину о его тещѣ, тогда какъ

извѣстно было хорошо, что эта яга-баба прискакала ошибкою на ту гауптвахту, гдѣ былъ Воейковъ, и что при этой встрѣчѣ бѣшеный Воейковъ пустилъ въ ходъ противъ этой Мегеры свой костыль. Само собою разумѣется, воспоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ не могло быть сладко Булгарину. Къ тому же онъ въ этотъ моментъ находился подъ вліяніемъ ожиданія, чѣмъ рѣшится судьба его избранія въ члены столь самостоятельнаго клуба, который передъ тѣмъ осмѣлился забалотировать даже военнаго министра графа (въ послѣдствіи князя) Чернышева, о чемъ въ городѣ было съ три короба толковъ. Все это, вмѣстѣ съ недавнимъ намекомъ Яненко, изрядно поразозлило Булгарина, и онъ сказалъ Розену съ нескрытою раздраженностью:

„Ежели вамъ разсказывалъ про это другъ вашъ Воейковъ, то оставайтесь въ полномъ вѣрованіи къ словамъ его, а меня оставьте въ покоѣ".

„Мнѣ нечего оставлять васъ, г. Булгаринъ, въ покоѣ", запищалъ на расплѣвъ Розенъ; „я люблю, чтобъ мнѣ давали отвѣтъ, когда я спрашиваю о чемъ-нибудь, или я вѣдь офицеръ моего Государя!.." И при этомъ онъ постучалъ бренчащими ножнами сабли.

„Ну, извольте, г. баронъ, извольте, я отвѣчаю вамъ: пусть все, что̀ про гауптвахтное происшествіе вралъ вамъ Воейковъ, да будетъ въ понятіяхъ вашихъ истинною правдой. Но позвольте и мнѣ васъ, г. баронъ, спросить: правду ли говорятъ въ городѣ, будто вы для будущей оперы Михаила Ивановича Глинки пишете либретто и въ это либретто вводите стихи, въ такомъ родѣ:

„Такъ ты для земнаго житья
Грядущая женка моя!"

Ха! ха! ха! Грядущая женка! Ха! ха! ха!" задыхаясь хохоталъ Булгаринъ.

Сенковскій ехидно улыбался, поправляя пепелъ въ своей стамбулкѣ; а нѣкоторые изъ предстоявшихъ и составлявшихъ придворный штатъ Булгарина, расхохотались въ угоду ему и на зло воспріимчивому и нервозному барону.

Баронъ глубоко почувствовалъ уязвленіе, потому что ничто такъ его не терзало, какъ мысль, что кто-нибудь можетъ признать стихи его тѣмъ, что̀ они есть, то-есть, весьма плохими. А тутъ дерзко хохочетъ ненавистный Булгаринъ, злобно ухмыляется мефистофель Сенковскій и заливается въ восторгѣ плюгавенькій маленькій фельетонистъ *В. В. В.*, то есть, Владиміръ Михайловичъ Строевъ, предерзкая, но даровитая личность, которую Воейковъ

извѣстно было хорошо, что эта яга-баба прискакала ошибкою на ту гауптвахту, гдѣ былъ Воейковъ, и что при этой встрѣчѣ бѣшеный Воейковъ пустилъ въ ходъ противъ этой Мегеры свой костыль. Само собою разумѣется, воспоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ не могло быть сладко Булгарину. Къ тому же онъ въ этотъ моментъ находился подъ вліяніемъ ожиданія, чѣмъ рѣшится судьба его избранія въ члены столь самостоятельнаго клуба, который передъ тѣмъ осмѣлился забалотировать даже военнаго министра графа (въ послѣдствіи князя) Чернышева, о чемъ въ городѣ было съ три короба толковъ. Все это, вмѣстѣ съ недавнимъ намекомъ Яненко, изрядно поразозлило Булгарина, и онъ сказалъ Розену съ нескрытою раздраженностью:

„Ежели вамъ разсказывалъ про это другъ вашъ Воейковъ, то оставайтесь въ полномъ вѣрованіи къ словамъ его, а меня оставьте въ покоѣ".

„Мнѣ нечего оставлять васъ, г. Булгаринъ, въ покоѣ", запищалъ на расплѣвъ Розенъ; „я люблю, чтобъ мнѣ давали отвѣтъ, когда я спрашиваю о чемъ-нибудь, или я вѣдь офицеръ моего Государя!.." И при этомъ онъ постучалъ бренчащими ножнами сабли.

„Ну, извольте, г. баронъ, извольте, я отвѣчаю вамъ: пусть все, что̀ про гауптвахтное происшествіе вралъ вамъ Воейковъ, да будетъ въ понятіяхъ вашихъ истинною правдой. Но позвольте и мнѣ васъ, г. баронъ, спросить: правду ли говорятъ въ городѣ, будто вы для будущей оперы Михаила Ивановича Глинки пишете либретто и въ это либретто вводите стихи, въ такомъ родѣ:

„Такъ ты для земнаго житья
Грядущая женка моя!"

Ха! ха! ха! Грядущая женка! Ха! ха! ха!" задыхаясь хохоталъ Булгаринъ.

Сенковскій ехидно улыбался, поправляя пепелъ въ своей стамбулкѣ; а нѣкоторые изъ предстоявшихъ и составлявшихъ придворный штатъ Булгарина, расхохотались въ угоду ему и на зло воспріимчивому и нервозному барону.

Баронъ глубоко почувствовалъ уязвленіе, потому что ничто такъ его не терзало, какъ мысль, что кто-нибудь можетъ признать стихи его тѣмъ, что̀ они есть, то-есть, весьма плохими. А тутъ дерзко хохочетъ ненавистный Булгаринъ, злобно ухмыляется мефистофель Сенковскій и заливается въ восторгѣ плюгавенькій маленькій фельетонистъ *В. В. В.*, то есть, Владиміръ Михайловичъ Строевъ, предерзкая, но даровитая личность, которую Воейковъ

въ своемъ знаменитомъ „Домѣ сумасшедшихъ“ назвалъ: „Греча лѣвый глазъ съ бѣльмомъ“. Все это вмѣстѣ вывело бѣднаго барона-пѣпту изъ рубежей приличія, и онъ, подбоченясь фертомъ, позволилъ себѣ сказать, глядя въ упоръ на Булгарина:

„Двойной присягою играя,
„Подлецъ въ двойную цѣль попалъ:
„Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
„И Русскихъ братствомъ запятналъ!..“

Булгарина передернуло, Сенковскій какъ-то съежился, Строевъ мигомъ улетучился въ верхній кабинетъ. Но Булгаринъ не долго думалъ, тотчасъ зналъ чѣмъ побѣдить барона и началъ плакать, и доплакался до того, что добрый, благодушный баронъ былъ растроганъ и уже готовъ былъ извиниться передъ Ѳаддеемъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ сынъ Греча, Алексѣй Николаевичъ, держа въ рукахъ записочку, въ которой написано: „Скорѣе, Алеша, скажи Ѳаддею, что въ клубѣ онъ выбранъ *единогласно!*“ Булгаринъ пришелъ въ восхищеніе и заговорилъ съ Сенковскимъ по польски, вѣроятно, о своемъ торжествѣ. Вслѣдъ за этимъ явился самъ Гречъ, которому сыновья и другіе близкіе люди успѣли уже сообщить о томъ, что̀ было между Булгаринымъ и гостями. На это Гречъ съ досадою сказалъ: „Проклятый Ляхъ! Никогда безъ моихъ помочей ходить не умѣетъ; оставь только одного, непремѣнно напакоститъ.“ Съ этими еще словами на устахъ, Гречъ подошелъ къ группѣ, въ которой сидѣли въ разныхъ позахъ Сенковскій, Булгаринъ, Кукольникъ и Яненко и стояли баронъ Розенъ, Карлгофъ, Ю—чь, Очкинъ, краснолицый толстякъ Яковлевъ, Маркизъ Ивановичъ Атрѣшковъ и еще человѣкъ десять разныхъ другихъ лицъ.

„Ну, что̀, Гречъ, благодѣтель и учитель, я выбранъ единогласно?“ спрашивалъ съ безпокойнымъ восторгомъ Булгаринъ.

„Единогласно!..“ отвѣчалъ Гречъ, какъ-то лукаво смѣясь, потому что онъ всегда въ каждомъ разговорѣ съ Булгаринымъ словно камень держалъ за пазухой и старался какъ-нибудь да позадѣть, хватаясь за всякій случай, чтобы посбить ему его польской спѣси.

„Какъ же единогласно?“ продолжалъ спрашивать Булгаринъ, уже не совсѣмъ довольный тѣмъ усмѣшливымъ видомъ, какой имѣлъ Гречъ.

„Да такъ, какъ бываетъ единогласіе или одногласіе“, шутилъ Гречъ; „дѣло въ томъ, что ты имѣлъ одинъ избирательный голосъ, — мой. Какъ же послѣ этого не *единогласный* выборъ?“

въ своемъ знаменитомъ „Домѣ сумасшедшихъ“ назвалъ: „Греча лѣвый глазъ съ бѣльмомъ“. Все это вмѣстѣ вывело бѣднаго барона-пѣту изъ рубежей приличія, и онъ, подбоченясь фертомъ, позволилъ себѣ сказать, глядя въ упоръ на Булгарина:

„Двойной присягою играя,
„Подлецъ въ двойную цѣль попалъ:
„Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
„И Русскихъ братствомъ запятналъ!..“

Булгарина передернуло, Сенковскій какъ-то съежился, Строевъ мигомъ улетучился въ верхній кабинетъ. Но Булгаринъ не долго думалъ, тотчасъ зналъ чѣмъ побѣдить барона и началъ плакать, и доплакался до того, что добрый, благодушный баронъ былъ растроганъ и уже готовъ былъ извиниться передъ Ѳаддеемъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ сынъ Греча, Алексѣй Николаевичъ, держа въ рукахъ записочку, въ которой написано: „Скорѣе, Алеша, скажи Ѳаддею, что въ клубѣ онъ выбранъ *единогласно!*“ Булгаринъ пришелъ въ восхищеніе и заговорилъ съ Сенковскимъ по польски, вѣроятно, о своемъ торжествѣ. Вслѣдъ за этимъ явился самъ Гречъ, которому сыновья и другіе близкіе люди успѣли уже сообщить о томъ, что̀ было между Булгаринымъ и гостями. На это Гречъ съ досадою сказалъ: „Проклятый Ляхъ! Никогда безъ моихъ помочей ходить не умѣетъ; оставь только одного, непремѣнно напакоститъ.“ Съ этими еще словами на устахъ, Гречъ подошелъ къ группѣ, въ которой сидѣли въ разныхъ позахъ Сенковскій, Булгаринъ, Кукольникъ и Япенко и стояли баронъ Розенъ, Карлгофъ, Ю—чь, Очкинъ, краснолицый толстякъ Яковлевъ, Маркизъ Ивановичъ Атрѣшковъ и еще человѣкъ десять разныхъ другихъ лицъ.

„Ну, что̀, Гречъ, благодѣтель и учитель, я выбранъ единогласно?“ спрашивалъ съ безпокойнымъ восторгомъ Булгаринъ.

„Единогласно!..“ отвѣчалъ Гречъ, какъ-то лукаво смѣясь, потому что онъ всегда въ каждомъ разговорѣ съ Булгаринымъ словно камень держалъ за пазухой и старался какъ-нибудь да позадѣть, хватаясь за всякій случай, чтобы посбить ему его польской спѣси.

„Какъ же единогласно?“ продолжалъ спрашивать Булгаринъ, уже не совсѣмъ довольный тѣмъ усмѣшливымъ видомъ, какой имѣлъ Гречъ.

„Да такъ, какъ бываетъ единогласіе или одногласіе“, шутилъ Гречъ; „дѣло въ томъ, что ты имѣлъ одинъ избирательный голосъ, — мой. Какъ же послѣ этого не *единогласный* выборъ?“

Яненко и баронъ Розенъ, а съ ними и нѣкоторые другіе захохотали, Булгаринъ же надулся и сталъ собираться домой.

„Куда ты, Ѳаддей," продолжалъ восклицать Гречь,—„куда, зачѣмъ? Я никого теперь отсюда не выпущу; всѣ должны быть на мѣстахъ: я ожидаю знаменитаго и драгоцѣннаго гостя, Александра Сергѣевича Пушкина. Онъ въ клубѣ доканчиваетъ партію и сейчасъ будетъ сюда. Мы всѣ его встрѣтимъ, какъ слѣдуетъ встрѣтить перваго русскаго поэта. Эй, вы, мои рынды (обращаясь къ сыновьямъ, Алеша, Коля! Бѣгите къ теткѣ и скажите, чтобъ заморозили шампанскаго, и чтобъ она не поскупилась прислать намъ сюда пока полдюжины, а потомъ и добавила бы!"

Не взирая на всѣ эти приготовленія или, можетъ быть, именно по причинѣ ихъ, Булгаринъ старался удалиться и искалъ свою шапку, между тѣмъ какъ Гречь его удерживалъ. Булгаринъ приглашалъ Сенковскаго ѣхать вмѣстѣ, говоря, что онъ его подвезетъ въ Почтамскую, гдѣ тогда жилъ Сенковскій. По прославившійся уже своимъ печатнымъ гаерствомъ въ эту пору, баронъ Брамбеусъ съ злою усмѣшкою, но рѣшительно сказалъ, что ему нечего *бѣгать* отъ Пушкина, и что, напротивъ, онъ радъ его видѣть, потому что ему надо съ нимъ перекинуть нѣсколько словъ на счетъ одного его стихотворенія, которое Смирдину, во что бы то ни стало, хочется „съ дуру" пріобрѣсти для журнала.

Среди этихъ толковъ, равно какъ сборовъ Булгарина на утечку и неумолкаемой болтовни Греча о выборахъ въ англійскомъ клубѣ, вдругъ неожиданно и непримѣтно вошелъ въ комнату небольшаго роста господинъ, съ длинными, курчавыми, растрепанными, темно-русыми волосами, съ блѣдно-темноватымъ лицомъ, окаймленнымъ огромными бакенбардами, падавшими внизъ. Господинъ этотъ былъ въ коричневомъ сюртукѣ и держалъ мягкую, измятую шляпу, въ лѣвой рукѣ. Въ лицѣ его было что-то необыкновенное, будто напоминавшее наружность мулата: носъ нѣсколько приплющенный, губы очень красныя и широкія, а обнаруженные веселою улыбкою зубы—бѣлизны необыкновенной. То былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго ожидалъ Гречь, намѣревавшійся сдѣлать ему овацію и не успѣвшій въ этомъ. Однако, чтобъ поправить эту неудачу, Гречь какъ только увидѣлъ Пушкина, тотчасъ велѣлъ подавать шампанское, которое и явилось на нѣсколькихъ подносахъ, въ множествѣ бокаловъ. Гречь и всѣ, которые только могли добраться, чокались съ Пушкинымъ. Къ нему тотчасъ подошелъ знакомый ему по Жуковскому баронъ Розенъ, и Пушкинъ переки-

Яненко и баронъ Розенъ, а съ ними и нѣкоторые другіе захохотали, Булгаринъ же надулся и сталъ собираться домой.

„Куда ты, Ѳаддей," продолжалъ восклицать Гречь,—„куда, зачѣмъ? Я никого теперь отсюда не выпущу; всѣ должны быть на мѣстахъ: я ожидаю знаменитаго и драгоцѣннаго гостя, Александра Сергѣевича Пушкина. Онъ въ клубѣ доканчиваетъ партію и сейчасъ будетъ сюда. Мы всѣ его встрѣтимъ, какъ слѣдуетъ встрѣтить перваго русскаго поэта. Эй, вы, мои рынды (обращаясь къ сыновьямъ, Алеша, Коля! Бѣгите къ теткѣ и скажите, чтобъ заморозили шампанскаго, и чтобъ она не поскупилась прислать намъ сюда пока полдюжины, а потомъ и добавила бы!"

Не взирая на всѣ эти приготовленія или, можетъ быть, именно по причинѣ ихъ, Булгаринъ старался удалиться и искалъ свою шапку, между тѣмъ какъ Гречь его удерживалъ. Булгаринъ приглашалъ Сенковскаго ѣхать вмѣстѣ, говоря, что онъ его подвезетъ въ Почтамскую, гдѣ тогда жилъ Сенковскій. По прославившійся уже своимъ печатнымъ гаерствомъ въ эту пору, баронъ Брамбеусъ съ злою усмѣшкою, но рѣшительно сказалъ, что ему нечего *бѣгать* отъ Пушкина, и что, напротивъ, онъ радъ его видѣть, потому что ему надо съ нимъ перекинуть нѣсколько словъ на счетъ одного его стихотворенія, которое Смирдину, во что бы то ни стало, хочется „съ дуру" пріобрѣсти для журнала.

Среди этихъ толковъ, равно какъ сборовъ Булгарина на утечку и неумолкаемой болтовни Греча о выборахъ въ англійскомъ клубѣ, вдругъ неожиданно и непримѣтно вошелъ въ комнату небольшаго роста господинъ, съ длинными, курчавыми, растрепанными, темно-русыми волосами, съ блѣдно-темноватымъ лицомъ, окаймленнымъ огромными бакенбардами, падавшими внизъ. Господинъ этотъ былъ въ коричневомъ сюртукѣ и держалъ мягкую, измятую шляпу, въ лѣвой рукѣ. Въ лицѣ его было что-то необыкновенное, будто напоминавшее наружность мулата: носъ нѣсколько приплющенный, губы очень красныя и широкія, а обнаруженные веселою улыбкою зубы—бѣлизны необыкновенной. То былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго ожидалъ Гречь, намѣревавшійся сдѣлать ему овацію и не успѣвшій въ этомъ. Однако, чтобъ поправить эту неудачу, Гречь какъ только увидѣлъ Пушкина, тотчасъ велѣлъ подавать шампанское, которое и явилось на нѣсколькихъ подносахъ, въ множествѣ бокаловъ. Гречь и всѣ, которые только могли добраться, чокались съ Пушкинымъ. Къ нему тотчасъ подошелъ знакомый ему по Жуковскому баронъ Розенъ, и Пушкинъ переки-

нулъ съ нимъ нѣсколько интимныхъ словъ. Булгарина Гречь арестовалъ, отнявъ у него его шапку, и сказалъ Пушкину: „А вотъ, Александръ Сергѣевичъ, мой Булгаринъ вздумалъ было отъ васъ уходить на утечку. Но не тутъ то было: я его арестовалъ и никакъ не выпущу, пока не достигну до того, чтобы Косичкинъ (псевдонимъ Пушкина въ полемикѣ съ Булгаринымъ) и Фигляринъ (псевдонимъ Булгарина, данный ему Пушкинымъ) не прекратили недостойную ихъ распрю, совершаемую ими, право, на потѣху райка русской читающей публики".

„Я Пушкинъ", сказалъ Пушкинъ, немножко нахмурясь, „а г. Булгаринъ—г. Булгаринъ, и въ частномъ быту мы ничего не имѣемъ общаго съ Косичкинымъ и Фиглярнымъ, почему ни Пушкинъ, ни г. Булгаринъ не могутъ давать, даже подъ вліяніемъ этого превосходнаго шампанскаго, завѣренія въ томъ, что̀ до нихъ не касается. Mais tranchons la dessus et qu'il n'en soit plus question, или я убѣгу. А вотъ что̀ за причина, что Ѳаддей Венедиктовичъ, (кажется такъ?) хотѣлъ отъ меня бѣжать? Я, кажется, не такъ страшенъ, особенно господину Булгарину; онъ, я думаю, не трусливаго десятка, и про то, вѣроятно, хорошо вѣдаютъ тѣ различныя знамена, подъ которыми онъ воевалъ. Напротивъ, я ничего не имѣю къ Ѳаддею Венедиктовичу непріязненнаго; доказательствомъ тому между прочимъ служитъ то, что я еще сегодня купилъ его портретъ, очень, очень схожій, продаваемый—представьте себѣ, господа,—книгопродавцемъ Лисенковымъ за портретъ Видока. Охъ, ужь эти мнѣ спекуляторы книгопродавцы: страсть изъ всего извлекать какую бы то ни было выгодишку. Да еще я очень радъ, что повстрѣчалъ теперь Ѳаддея Венедиктовича: мнѣ нужно нѣкоторое поясненіе; я для одного новаго Московскаго журнала принялся писать мемуары, въ которыхъ кое-какую роль будетъ играть Орестъ Михайловичъ Сомовъ, такъ хотѣлось бы знать подробности мнимаго его арестованія послѣ 14-го декабря и освобожденія. Все это, кажется, хорошо извѣстно Ѳаддею Венедиктовичу?" *)

---

*) Въ то время ходило о Булгаринѣ много анекдотовъ; но особенно замѣчателенъ былъ тотъ, что извѣстный въ двадцатыхъ годахъ литераторъ О. М. Сомовъ, печатавшій въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» свои статьи подъ псевдонимомъ «Порфирія Байскаго», желая подшутить надъ Булгаринымъ, явился къ нему, будто бѣжавшій изъ Петропавловской крѣпости арестантъ, прося Булгарина спасти его. Разсказывали, что Булгаринъ заперъ Сомова въ своемъ кабинетѣ и самъ удалился для принятія мѣръ къ спасенію пріятеля и сотрудника въ газетѣ. Черезъ часъ явилась полиція, ко-

нулъ съ нимъ нѣсколько интимныхъ словъ. Булгарина Гречь арестовалъ, отнявъ у него его шапку, и сказалъ Пушкину: „А вотъ, Александръ Сергѣевичъ, мой Булгаринъ вздумалъ было отъ васъ уходить на утечку. Но не тутъ то было: я его арестовалъ и никакъ не выпущу, пока не достигну до того, чтобы Косичкинъ (псевдонимъ Пушкина въ полемикѣ съ Булгаринымъ) и Фигляринъ (псевдонимъ Булгарина, данный ему Пушкинымъ) не прекратили недостойную ихъ распрю, совершаемую ими, право, на потѣху райка русской читающей публики".

„Я Пушкинъ", сказалъ Пушкинъ, немножко нахмурясь, „а г. Булгаринъ—г. Булгаринъ, и въ частномъ быту мы ничего не имѣемъ общаго съ Косичкинымъ и Фиглярнымъ, почему ни Пушкинъ, ни г. Булгаринъ не могутъ давать, даже подъ вліяніемъ этого превосходнаго шампанскаго, завѣренія въ томъ, что̀ до нихъ не касается. Mais tranchons la dessus et qu'il n'en soit plus question, или я убѣгу. А вотъ что̀ за причина, что Ѳаддей Венедиктовичъ, (кажется такъ?) хотѣлъ отъ меня бѣжать? Я, кажется, не такъ страшенъ, особенно господину Булгарину; онъ, я думаю, не трусливаго десятка, и про то, вѣроятно, хорошо вѣдаютъ тѣ различныя знамена, подъ которыми онъ воевалъ. Напротивъ, я ничего не имѣю къ Ѳаддею Венедиктовичу непріязненнаго; доказательствомъ тому между прочимъ служитъ то, что я еще сегодня купилъ его портретъ, очень, очень схожій, продаваемый—представьте себѣ, господа,—книгопродавцемъ Лисенковымъ за портретъ Видока. Охъ, ужь эти мнѣ спекуляторы книгопродавцы: страсть изъ всего извлекать какую бы то ни было выгодишку. Да еще я очень радъ, что повстрѣчалъ теперь Ѳаддея Венедиктовича: мнѣ нужно нѣкоторое поясненіе; я для одного новаго Московскаго журнала принялся писать мемуары, въ которыхъ кое-какую роль будетъ играть Орестъ Михайловичъ Сомовъ, такъ хотѣлось бы знать подробности мнимаго его арестованія послѣ 14-го декабря и освобожденія. Все это, кажется, хорошо извѣстно Ѳаддею Венедиктовичу?" *)

---

*) Въ то время ходило о Булгаринѣ много анекдотовъ; но особенно замѣчателенъ былъ тотъ, что извѣстный въ двадцатыхъ годахъ литераторъ О. М. Сомовъ, печатавшій въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» свои статьи подъ псевдонимомъ «Порфирія Байскаго», желая подшутить надъ Булгаринымъ, явился къ нему, будто бѣжавшій изъ Петропавловской крѣпости арестантъ, прося Булгарина спасти его. Разсказывали, что Булгаринъ заперъ Сомова въ своемъ кабинетѣ и самъ удалился для принятія мѣръ къ спасенію пріятеля и сотрудника въ газетѣ. Черезъ часъ явилась полиція, ко-

Замѣтивъ угрожавшія Булгарину опасности изъ начавшихся шутливо злобныхъ заявленій Пушкина, Гречь поспѣшилъ возвратить литературному Созію своему его шапку и сталъ даже стараться о скорѣйшемъ его удаленіи, при чемъ, чтобъ половчѣе замять весь этотъ возникшій скандалъ, принялся представлять Пушкину то того, то другаго изъ числа бывшихъ тутъ, преимущественно, молодыхъ писателей. Въ томъ числѣ онъ представилъ и меня. Чрезвычайная моя юность, дѣвственная свѣжесть и вообще типъ мальчика-пансіонера и только по покрою платья взрослаго человѣка изумили Пушкина, и онъ спросилъ Греча: „Неужели этотъ мальчикъ самъ написалъ ту бойкую анекдотическую біографію знаменитаго табачнаго фабриканта Жукова, которая недавно была напечатана въ вашей газетѣ“. Потомъ Гречь повелъ Александра Сергѣевича по всѣмъ комнатамъ, чтобъ показать ему свой домъ и свое семейство. Среди всего этого Булгаринъ уѣхалъ; а Сенковскій остался и въ отсутствіе Пушкина бесѣдовалъ съ Кукольникомъ, который говорилъ ему, что Пушкинъ не любитъ его, Кукольника, будто за успѣхъ его новой драмы „Рука Всевышняго“, и что молва Пушкину приписываетъ извѣстное четверостишіе, ходившее въ ту пору по рукамъ.

„Какое четверостишіе?“ спросилъ съ лукавою улыбкою Сенковскій, словно ничего не знавшій объ этихъ стишкахъ.

„Да то, которое теперь у всего города на языкѣ“, сказалъ съ неохотою Кукольникъ.

„Я, видно, не принадлежу къ городу, потому что не знаю этихъ стиховъ“, настаивалъ Сенковскій; „скажите-ка ихъ, Несторъ Васильевичъ!“

Волею-неволею угловатый Кукольникъ долженъ былъ прочесть эти стихи, дѣйствительно, летавшіе тогда по всему городу. И онъ въ полголоса пробормоталъ:

„Рука Всевышняго три чуда совершила:
„Отечество спасла,
„Поэту ходъ дала,
„И Полеваго задушила!“

Когда Пушкинъ съ Гречемъ возвратились въ залъ-кабинетъ, явилось снова шампанское, и опять Гречь съ Пушкинымъ чокался, и Пушкинъ, чокнувшись съ Сенковскимъ, сказалъ ему въ полголоса по французски (Пушкинъ, по роду своего воспитанія, часто и охот-

---

которая убѣдилась въ мистификаціи. Однако, разсказывали также, что мистификація эта Сомову не обошлась даромъ, потому что онъ за эту неумѣстную шутку былъ посаженъ на трое сутокъ въ крѣпость.

Замѣтивъ угрожавшія Булгарину опасности изъ начавшихся шутливо злобныхъ заявленій Пушкина, Гречь поспѣшилъ возвратить литературному Созію своему его шапку и сталъ даже стараться о скорѣйшемъ его удаленіи, при чемъ, чтобъ половчѣе замять весь этотъ возникшій скандалъ, принялся представлять Пушкину то того, то другаго изъ числа бывшихъ тутъ, преимущественно, молодыхъ писателей. Въ томъ числѣ онъ представилъ и меня. Чрезвычайная моя юность, дѣвственная свѣжесть и вообще типъ мальчика-пансіонера и только по покрою платья взрослаго человѣка изумили Пушкина, и онъ спросилъ Греча: „Неужели этотъ мальчикъ самъ написалъ ту бойкую анекдотическую біографію знаменитаго табачнаго фабриканта Жукова, которая недавно была напечатана въ вашей газетѣ“. Потомъ Гречь повелъ Александра Сергѣевича по всѣмъ комнатамъ, чтобъ показать ему свой домъ и свое семейство. Среди всего этого Булгаринъ уѣхалъ; а Сенковскій остался и въ отсутствіе Пушкина бесѣдовалъ съ Кукольникомъ, который говорилъ ему, что Пушкинъ не любитъ его, Кукольника, будто за успѣхъ его новой драмы „Рука Всевышняго“, и что молва Пушкину приписываетъ извѣстное четверостишіе, ходившее въ ту пору по рукамъ.

„Какое четверостишіе?“ спросилъ съ лукавою улыбкою Сенковскій, словно ничего не знавшій объ этихъ стишкахъ.

„Да то, которое теперь у всего города на языкѣ“, сказалъ съ неохотою Кукольникъ.

„Я, видно, не принадлежу къ городу, потому что не знаю этихъ стиховъ“, настаивалъ Сенковскій; „скажите-ка ихъ, Несторъ Васильевичъ!“

Волею-неволею угловатый Кукольникъ долженъ былъ прочесть эти стихи, дѣйствительно, летавшіе тогда по всему городу. И онъ въ полголоса пробормоталъ:

„Рука Всевышняго три чуда совершила:
„Отечество спасла,
„Поэту ходъ дала,
„И Полеваго задушила!“

Когда Пушкинъ съ Гречемъ возвратились въ залъ-кабинетъ, явилось снова шампанское, и опять Гречь съ Пушкинымъ чокался, и Пушкинъ, чокнувшись съ Сенковскимъ, сказалъ ему въ полголоса по французски (Пушкинъ, по роду своего воспитанія, часто и охот-

---

которая убѣдилась въ мистификаціи. Однако, разсказывали также, что мистификація эта Сомову не обошлась даромъ, потому что онъ за эту неумѣстную шутку былъ посаженъ на трое сутокъ въ крѣпость.

но употреблялъ французскій языкъ въ разговорѣ даже съ соотечественниками) нѣсколько словъ, и они удалились въ одинъ уголокъ за плющевымъ трельяжемъ для интимнаго разговора.

Пока Пушкинъ и Сенковскій бесѣдовали въ уголкѣ, Гречъ, котораго не только страсть, а какая-то словно болѣзнь, безпрестанно дергала острить на счетъ всѣхъ и всякаго, подмигивая тѣмъ, которые около него сидѣли и стояли, сказалъ: „Плохо, плохо приходится карману почтеннѣйшаго Александра Филипповича (то есть, Смирдина), этого нашего россійскаго Ладвока!“ Потомъ, предаваясь расположенію говорить о себѣ, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „А нельзя отнять и отъ Пушкина большаго эпиграмматическаго дарованія. Да, вотъ хоть бы на дняхъ. Это было на новосельи Смирдина. Обѣдъ былъ на славу: Смирдинъ, знаете, ничего въ этомъ не смыслитъ; я, разумѣется, велѣлъ ему отсчитать въ обѣденный бюджетъ необходимую сумму и вошелъ въ сношеніе съ любезнѣйшимъ Дюмэ *). Само собою разумѣется, обѣдъ вышелъ на славу, прелесть! Намъ съ Булгаринымъ привелось сидѣть такъ, что между нами сидѣлъ цензоръ Василій Николаевичъ Семеновъ, старый лицеистъ, почти однокашникъ Александра Сергѣевича. Пушкинъ на этотъ разъ былъ какъ-то особенно въ ударѣ, болталъ безъ умолку, острилъ преловко и хохоталъ до упаду. Вдругъ замѣтивъ, что Семеновъ сидитъ между нами двумя—журналистами, которые, правду сказать, за то, что не даютъ никому спуска, слывутъ въ публикѣ за разбойниковъ, крикнулъ съ противоположной стороны стола, обращаясь къ Семенову: „Ты, братъ Семеновъ, сегодня словно Христосъ на горѣ Голгоѳѣ“. Слова эти тотчасъ были всѣми поняты, и хохоталъ, разумѣется, громче всѣхъ, апплодировалъ и посылалъ летучіе поцѣлуи Пушкину, который кричалъ мнѣ: „Вы, Николай Ивановичъ, не сердитесь?...“ Я отвѣчалъ ему громко: „Я былъ бы непростительно глупъ, ежели бы сердился за эту милую шутку, которая нашему брату журналисту вовсе и не обидна, потому что намъ[то и дѣло, что приходится разбойничать по общимъ понятіямъ публики, то есть, лаяться, острить, отбиваться, нападать, даже хищничать. Я понимаю значеніе журналиста и никогда эпитетомъ разбойника не обижусь“. Я старался обо всемъ этомъ говорить какъ можно больше, чтобъ успокоить Булгарина, который пришелъ въ совершенное нравственное разстройство и задыхался отъ бѣшенства. Шутка шуткѣ рознь“, продолжалъ Гречъ, и на

*) Знаменитый ресторанъ того времени въ Большой Морской.

но употреблялъ французскій языкъ въ разговорѣ даже съ соотечественниками) нѣсколько словъ, и они удалились въ одинъ уголокъ за плющевымъ трельяжемъ для интимнаго разговора.

Пока Пушкинъ и Сенковскій бесѣдовали въ уголкѣ, Гречъ, котораго не только страсть, а какая-то словно болѣзнь, безпрестанно дергала острить на счетъ всѣхъ и всякаго, подмигивая тѣмъ, которые около него сидѣли и стояли, сказалъ: „Плохо, плохо приходится карману почтеннѣйшаго Александра Филипповича (то есть, Смирдина), этого нашего россійскаго Ладвока!“ Потомъ, предаваясь расположенію говорить о себѣ, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „А нельзя отнять и отъ Пушкина большаго эпиграмматическаго дарованія. Да, вотъ хоть бы на дняхъ. Это было на новосельи Смирдина. Обѣдъ былъ на славу: Смирдинъ, знаете, ничего въ этомъ не смыслитъ; я, разумѣется, велѣлъ ему отсчитать въ обѣденный бюджетъ необходимую сумму и вошелъ въ сношеніе съ любезнѣйшимъ Дюмэ *). Само собою разумѣется, обѣдъ вышелъ на славу, прелесть! Намъ съ Булгаринымъ привелось сидѣть такъ, что между нами сидѣлъ цензоръ Василій Николаевичъ Семеновъ, старый лицеистъ, почти однокашникъ Александра Сергѣевича. Пушкинъ на этотъ разъ былъ какъ-то особенно въ ударѣ, болталъ безъ умолку, острилъ преловко и хохоталъ до упаду. Вдругъ замѣтивъ, что Семеновъ сидитъ между нами двумя—журналистами, которые, правду сказать, за то, что не даютъ никому спуска, слывутъ въ публикѣ за разбойниковъ, крикнулъ съ противоположной стороны стола, обращаясь къ Семенову: „Ты, братъ Семеновъ, сегодня словно Христосъ на горѣ Голгоѳѣ“. Слова эти тотчасъ были всѣми поняты, и хохоталъ, разумѣется, громче всѣхъ, апплодировалъ и посылалъ летучіе поцѣлуи Пушкину, который кричалъ мнѣ: „Вы, Николай Ивановичъ, не сердитесь?...“ Я отвѣчалъ ему громко: „Я былъ бы непростительно глупъ, ежели бы сердился за эту милую шутку, которая нашему брату журналисту вовсе и не обидна, потому что намъ[то и дѣло, что приходится разбойничать по общимъ понятіямъ публики, то есть, лаяться, острить, отбиваться, нападать, даже хищничать. Я понимаю значеніе журналиста и никогда эпитетомъ разбойника не обижусь“. Я старался обо всемъ этомъ говорить какъ можно больше, чтобъ успокоить Булгарина, который пришелъ въ совершенное нравственное разстройство и задыхался отъ бѣшенства. Шутка шуткѣ рознь“, продолжалъ Гречъ, и на

*) Знаменитый ресторанъ того времени въ Большой Морской.

иную глупую выходку иначе, какъ грубостью, отвѣчать нельзя. Да вотъ хоть вчера. Обѣдаю я у генерала Ваценко, бывшаго директора канцеляріи военнаго министра. Всѣ, по случаю именинъ хозяина, были въ парадныхъ костюмахъ и въ орденахъ, а я одинъ въ моемъ синемъ фракѣ, даже безъ Владиміра въ петлицѣ. Тостовъ пилось не мало, у всѣхъ маленько шумѣло въ головѣ, и вотъ вдругъ ни съ того, ни съ сего знаменитый нѣкогда генералъ-вагенмейстеръ Афонасій Даниловичъ Соломко, хитрый хохолъ, по далеко не человѣкъ ума, обратясь ко мнѣ, при всемъ обществѣ, сказалъ съ своимъ хохлацкимъ акцентомъ: „Какъ же это вамъ не стыдно, Николай Ивановичъ? Всѣ мы здѣсь въ приличномъ одѣяніи и въ знакахъ отличія, а вы одни словно какъ сапожникъ!“ „Да, да, я вашъ сапожникъ, ваше превосходительство“, возразилъ я, смѣясь,—„и какъ сапожникъ всѣмъ вамъ головы чиню“. Большая часть общества поняла въ чемъ дѣло, убѣдясь, что со мной шути, да оглядывайся, потому что я по пословицѣ: ѣду, ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу. А вотъ сегодня въ англійскомъ клубѣ какой-то Псковскій помѣщикъ, котораго его соотечественники прозвали лордомъ за его барскую жизнь на иностранный ладъ, срѣзалъ меня престранною выходкою. Зашелъ это я въ газетную, гдѣ въ то время сидѣлъ за газетою этотъ господинъ. Мы съ нимъ не знакомы, разговора между нами быть не могло. Но едва успѣлъ я прикоснуться къ Times, какъ изъ разныхъ мѣстъ понахлынули въ газетную комнату члены и гости и кричатъ: „А, вотъ и Николай Ивановичъ, наша живая газета!“ Вся штука была однако въ томъ, что всѣмъ этимъ господамъ хотѣлось потолковать со мною о новомъ биллѣ, только что прошедшемъ въ Лондонскомъ парламентѣ и, какъ знаете, надѣлавшемъ по всюду не мало шума. Слово за слово, мы разговорились о Лондонскомъ биллѣ и сами того не замѣтили, какъ перешли на родную почву и стали говорить о нашихъ кровныхъ дѣлахъ, при чемъ невольно привелось кое-что посравнить и кое-что побранить. Я, вы знаете, въ этихъ случаяхъ увлекаюсь, какъ юноша, закусываю удила и заскакиваю Богъ вѣсть куда. То же было и въ этотъ разъ: я говорилъ съ одушевленіемъ передъ внимательною аудиторіей. Вдругъ этотъ господинъ, сидѣвшій все время въ сторонѣ и читавшій съ усердіемъ иностранныя газеты, оставляетъ свой обсерваціонный пунктъ и, поздоровавшись съ нѣкоторыми изъ моихъ слушателей, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Извините, г. Гречь, что я, не будучи съ вами знакомъ и не будучи вамъ представленъ, рѣшаюсь обратиться къ вамъ, какъ къ свѣду-

иную глупую выходку иначе, какъ грубостью, отвѣчать нельзя. Да вотъ хоть вчера. Обѣдаю я у генерала Ваценко, бывшаго директора канцеляріи военнаго министра. Всѣ, по случаю именинъ хозяина, были въ парадныхъ костюмахъ и въ орденахъ, а я одинъ въ моемъ синемъ фракѣ, даже безъ Владиміра въ петлицѣ. Тостовъ пилось не мало, у всѣхъ маленько шумѣло въ головѣ, и вотъ вдругъ ни съ того, ни съ сего знаменитый нѣкогда генералъ-вагенмейстеръ Афонасій Даниловичъ Соломко, хитрый хохолъ, по далеко не человѣкъ ума, обратясь ко мнѣ, при всемъ обществѣ, сказалъ съ своимъ хохлацкимъ акцентомъ: „Какъ же это вамъ не стыдно, Николай Ивановичъ? Всѣ мы здѣсь въ приличномъ одѣяніи и въ знакахъ отличія, а вы одни словно какъ сапожникъ!“ „Да, да, я вашъ сапожникъ, ваше превосходительство“, возразилъ я, смѣясь,—„и какъ сапожникъ всѣмъ вамъ головы чиню“. Большая часть общества поняла въ чемъ дѣло, убѣдясь, что со мной шути, да оглядывайся, потому что я по пословицѣ: ѣду, ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу. А вотъ сегодня въ англійскомъ клубѣ какой-то Псковскій помѣщикъ, котораго его соотечественники прозвали лордомъ за его барскую жизнь на иностранный ладъ, срѣзалъ меня престранною выходкою. Зашелъ это я въ газетную, гдѣ въ то время сидѣлъ за газетою этотъ господинъ. Мы съ нимъ не знакомы, разговора между нами быть не могло. Но едва успѣлъ я прикоснуться къ Times, какъ изъ разныхъ мѣстъ понахлынули въ газетную комнату члены и гости и кричатъ: „А, вотъ и Николай Ивановичъ, наша живая газета!“ Вся штука была однако въ томъ, что всѣмъ этимъ господамъ хотѣлось потолковать со мною о новомъ биллѣ, только что прошедшемъ въ Лондонскомъ парламентѣ и, какъ знаете, надѣлавшемъ по всюду не мало шума. Слово за слово, мы разговорились о Лондонскомъ биллѣ и сами того не замѣтили, какъ перешли на родную почву и стали говорить о нашихъ кровныхъ дѣлахъ, при чемъ невольно привелось кое-что посравнить и кое-что побранить. Я, вы знаете, въ этихъ случаяхъ увлекаюсь, какъ юноша, закусываю удила и заскакиваю Богъ вѣсть куда. То же было и въ этотъ разъ: я говорилъ съ одушевленіемъ передъ внимательною аудиторіей. Вдругъ этотъ господинъ, сидѣвшій все время въ сторонѣ и читавшій съ усердіемъ иностранныя газеты, оставляетъ свой обсерваціонный пунктъ и, поздоровавшись съ нѣкоторыми изъ моихъ слушателей, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Извините, г. Гречь, что я, не будучи съ вами знакомъ и не будучи вамъ представленъ, рѣшаюсь обратиться къ вамъ, какъ къ свѣду-

щему человѣку во всемъ, и особенно какъ къ извѣстному лингвисту съ вопросомъ: что значитъ, встрѣчаемое мною частенько въ иностранныхъ газетахъ, слово: agent provocateur?“ Я, разумѣется, тотчасъ сказалъ ему, что въ словарѣ Буаста и въ словарѣ академіи Парижской онъ можетъ найти объясненіе этого слова, но что я могу сказать ему кратко значеніе его, а именно, что это значитъ шпіонъ-завлекатель или шпіонъ-вызыватель, который говоритъ о правительствѣ чрезвычайно смѣло собственно для того, чтобы на эту удочку шли неопытныя рыбки и попадались на крючокъ. Господинъ поблагодарилъ меня, сказавъ: „Теперь я понимаю въ чемъ дѣло“ и, поспѣшно схвативъ свою шляпу, вышелъ изъ комнаты, которая, къ великому моему изумленію, послѣ его выхода вскорѣ опустѣла, и я остался одинъ, заподозрѣнный повидимому въ гнусномъ шпіонскомъ провокаторствѣ. О, языкъ мой, врагъ мой! Но это послужитъ мнѣ урокомъ: буду впередъ говорить на распашку только въ кругу короткихъ друзей, какъ напримѣръ, у себя дома“.

Въ какой степени можно было давать вѣру различнымъ городскимъ толкамъ о томъ, что болтливость и рѣзкіе отзывы Николая Ивановича застрахованы гдѣ-то на извѣстную сумму,—я не вѣдаю и рѣшительнаго по поводу этого обстоятельства никакого мнѣнія произнести себѣ не дозволяю. Знаю только, что Николай Ивановичъ довольно часто, при представлявшихся къ тому случаяхъ, весьма откровенно разсказывалъ о такихъ продѣлкахъ, какъ та, что сейчасъ передана здѣсь съ устъ его.

Но возвратимся къ четверговымъ собраніямъ у Н. П. Греча. Круглымъ счетомъ можно сказать, что въ 9½ лѣтъ я былъ на трехъ стахъ четвергахъ, за исключеніемъ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда у Греча большихъ сборищъ не бывало, а только нѣсколько человѣкъ изъ наиболѣе интимныхъ знакомыхъ сидѣли въ саду съ его семьею, за большимъ чайнымъ столомъ.

Съ теченіемъ времени многимъ изъ посѣтителей четвергов порядочно надоѣла ихъ обстановка, и въ особенности чтенія Моннерона. Поэтому-то однажды всѣ обыкновенные посѣтители четверговыхъ вечеровъ несказанно обрадовались извѣстію о томъ, что въ этотъ разъ имѣетъ быть совершенно не французское, а оригинальное русское чтеніе. Когда я вошелъ въ кабинетъ-залу, то увидѣлъ, что Николай Ивановичъ, окруженный густою толпою, разсказывалъ, съ обычными своими гримасами, же-

щему человѣку во всемъ, и особенно какъ къ извѣстному лингвисту съ вопросомъ: что значитъ, встрѣчаемое мною частенько въ иностранныхъ газетахъ, слово: agent provocateur?“ Я, разумѣется, тотчасъ сказалъ ему, что въ словарѣ Буаста и въ словарѣ академіи Парижской онъ можетъ найти объясненіе этого слова, но что я могу сказать ему кратко значеніе его, а именно, что это значитъ шпіонъ-завлекатель или шпіонъ-вызыватель, который говоритъ о правительствѣ чрезвычайно смѣло собственно для того, чтобы на эту удочку шли неопытныя рыбки и попадались на крючокъ. Господинъ поблагодарилъ меня, сказавъ: „Теперь я понимаю въ чемъ дѣло“ и, поспѣшно схвативъ свою шляпу, вышелъ изъ комнаты, которая, къ великому моему изумленію, послѣ его выхода вскорѣ опустѣла, и я остался одинъ, заподозрѣнный повидимому въ гнусномъ шпіонскомъ провокаторствѣ. О, языкъ мой, врагъ мой! Но это послужитъ мнѣ урокомъ: буду впередъ говорить на распашку только въ кругу короткихъ друзей, какъ напримѣръ, у себя дома“.

Въ какой степени можно было давать вѣру различнымъ городскимъ толкамъ о томъ, что болтливость и рѣзкіе отзывы Николая Ивановича застрахованы гдѣ-то на извѣстную сумму,—я не вѣдаю и рѣшительнаго по поводу этого обстоятельства никакого мнѣнія произнести себѣ не дозволяю. Знаю только, что Николай Ивановичъ довольно часто, при представлявшихся къ тому случаяхъ, весьма откровенно разсказывалъ о такихъ продѣлкахъ, какъ та, что сейчасъ передана здѣсь съ устъ его.

Но возвратимся къ четверговымъ собраніямъ у Н. П. Греча. Круглымъ счетомъ можно сказать, что въ 9½ лѣтъ я былъ на трехъ стахъ четвергахъ, за исключеніемъ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда у Греча большихъ сборищъ не бывало, а только нѣсколько человѣкъ изъ наиболѣе интимныхъ знакомыхъ сидѣли въ саду съ его семьею, за большимъ чайнымъ столомъ.

Съ теченіемъ времени многимъ изъ посѣтителей четвергов порядочно надоѣла ихъ обстановка, и въ особенности чтенія Моннерона. Поэтому-то однажды всѣ обыкновенные посѣтители четверговыхъ вечеровъ несказанно обрадовались извѣстію о томъ, что въ этотъ разъ имѣетъ быть совершенно не французское, а оригинальное русское чтеніе. Когда я вошелъ въ кабинетъ-залу, то увидѣлъ, что Николай Ивановичъ, окруженный густою толпою, разсказывалъ, съ обычными своими гримасами, же-

стами и ауськами, именно объ этомъ, предполагавшемся у него сегодня, чтеніи. Онъ восклицалъ: „Израненный какъ рѣшето, безъ лѣвой руки, оставшейся на поляхъ Бородинскихъ, храбрый русскій, архи-русскій генералъ-лейтенантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, оставшеюся ему правою рукою, или диктуя писцамъ, написалъ презамѣчательную книжицу, подъ названіемъ „Солдатская переписка", въ которой русскій солдатъ изображенъ съ вѣрностью необыкновенною и безъ малѣйшей флаттировки, безъ румянъ и бѣлилъ, безъ навязыванія ему понятій, чуждыхъ ему, чувствъ, ему не свойственныхъ, подвиговъ измышленныхъ на досугѣ какимъ нибудь горе-романистомъ. Нѣтъ, тутъ сама природа, сама жизнь! Иванъ Никитичъ самъ служилъ и рядовымъ, и унтеромъ, и фельдфебелемъ. Ему все извѣстно не изъ разсказовъ, а изъ личнаго опыта. Въ его „Перепискѣ" нашъ русскій солдатъ является тѣмъ, что онъ есть: герой, гражданинъ, семьянинъ, христіанинъ, да и христіанинъ-то непремѣнно православный. Какой языкъ самобытный, какая масса присказокъ, поговорокъ, шуточекъ, прибаутокъ, о которыхъ намъ и не снилось никогда!... Это новый міръ русскаго языка, открытый генераломъ Скобелевымъ. Въ этомъ случаѣ генералъ Скобелевъ—Колумбъ, Пизарръ, Америкъ-Веспуцій въ нашей народной литературѣ! Предсказываю вамъ, господа, одно изъ величайшихъ наслажденій отъ этого чтенія, которымъ надѣюсь угостить васъ сегодня".

Едва успѣлъ Гречъ кончить свою предварительную похвальную рѣчь твореніямъ Скобелева, какъ окружавшая его толпа поразступилась и въ комнату вошелъ безрукій генералъ, грудь котораго покрыта была звѣздами и орденами. То былъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Типическая, чисто русская и воинственная физіономія его всѣмъ слишкомъ извѣстна, однимъ по памяти, другимъ по множеству его портретовъ, оставшимся послѣ него. Поэтому я и не буду его описывать. Однако нельзя не сказать, что у этого воина-инвалида была одна, рѣзко выдававшаяся внѣшняя особенность, состоявшая въ постоянномъ какомъ-то вздрагиваніи и подергиваніи конвульсивными движеніями, какъ всего тѣла, такъ и мускуловъ лица. Общее мнѣніе было, что эта судорожность происходила отъ тяжкихъ ранъ, которыми генералъ былъ весь прорѣшетенъ. Иванъ Никитичъ вошелъ скромно, спокойно, ничѣмъ не стуча, и не побрякивая, но ловко придерживая треугольную шляпу съ бѣлымъ султаномъ подъ мышкою лѣвой ампутированной руки своей, отъ которой остался обрубокъ, закрытый рукавомъ мундира, подвязан-

стами и ауськами, именно объ этомъ, предполагавшемся у него сегодня, чтеніи. Онъ восклицалъ: „Израненный какъ рѣшето, безъ лѣвой руки, оставшейся на поляхъ Бородинскихъ, храбрый русскій, архи-русскій генералъ-лейтенантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, оставшеюся ему правою рукою, или диктуя писцамъ, написалъ презамѣчательную книжицу, подъ названіемъ „Солдатская переписка", въ которой русскій солдатъ изображенъ съ вѣрностью необыкновенною и безъ малѣйшей флаттировки, безъ румянъ и бѣлилъ, безъ навязыванія ему понятій, чуждыхъ ему, чувствъ, ему не свойственныхъ, подвиговъ измышленныхъ на досугѣ какимъ нибудь горе-романистомъ. Нѣтъ, тутъ сама природа, сама жизнь! Иванъ Никитичъ самъ служилъ и рядовымъ, и унтеромъ, и фельдфебелемъ. Ему все извѣстно не изъ разсказовъ, а изъ личнаго опыта. Въ его „Перепискѣ" нашъ русскій солдатъ является тѣмъ, что онъ есть: герой, гражданинъ, семьянинъ, христіанинъ, да и христіанинъ-то непремѣнно православный. Какой языкъ самобытный, какая масса присказокъ, поговорокъ, шуточекъ, прибаутокъ, о которыхъ намъ и не снилось никогда!... Это новый міръ русскаго языка, открытый генераломъ Скобелевымъ. Въ этомъ случаѣ генералъ Скобелевъ—Колумбъ, Гизарръ, Америкъ-Веспуцій въ нашей народной литературѣ! Предсказываю вамъ, господа, одно изъ величайшихъ наслажденій отъ этого чтенія, которымъ надѣюсь угостить васъ сегодня".

Едва успѣлъ Гречь кончить свою предварительную похвальную рѣчь твореніямъ Скобелева, какъ окружавшая его толпа поразступилась и въ комнату вошелъ безрукій генералъ, грудь котораго покрыта была звѣздами и орденами. То былъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Типическая, чисто русская и воинственная физіономія его всѣмъ слишкомъ извѣстна, однимъ по памяти, другимъ по множеству его портретовъ, оставшимся послѣ него. Поэтому я и не буду его описывать. Однако нельзя не сказать, что у этого воина-инвалида была одна, рѣзко выдававшаяся внѣшняя особенность, состоявшая въ постоянномъ какомъ-то вздрагиваніи и подергиваніи конвульсивными движеніями, какъ всего тѣла, такъ и мускуловъ лица. Общее мнѣніе было, что эта судорожность происходила отъ тяжкихъ ранъ, которыми генералъ былъ весь прорѣшетенъ. Иванъ Никитичъ вошелъ скромно, спокойно, ничѣмъ не стуча, и не побрякивая, но ловко придерживая треугольную шляпу съ бѣлымъ султаномъ подъ мышкою лѣвой ампутированной руки своей, отъ которой остался обрубокъ, закрытый рукавомъ мундира, подвязан-

нымъ ленточкою къ пуговицамъ почти на самой груди. Не буду повторять здѣсь всѣхъ словъ и фразъ, сказанныхъ тогда Иваномъ Никитичемъ, успѣвшимъ разсказать тотчасъ же передъ незнакомымъ ему обществомъ, что онъ безграмотный солдатина, что онъ изъ сдаточныхъ Курскихъ однодворцевъ, что ежели онъ то, что́ есть теперь, то благодаря чудесамъ, творимымъ Господомъ Богомъ и Николаемъ Чудотворцемъ, благодѣтелемъ русскаго народа и русской побѣдоносной арміи. Вообще, въ рѣчахъ его замѣтна была нѣкоторая аффектація, подъ корою русской простоты, равно какъ стремленіе порисоваться тѣмъ, что изъ ничего онъ взлетѣлъ такъ высоко, какъ не всѣ летаютъ и тѣ, которые родятся съ орлиными крыльями. Рѣчь почтеннаго генерала была пересыпаема различными, далеко не цензурными словцами и выраженіями, имѣющими право гражданства лишь въ казармахъ. Иванъ Никитичъ, какъ теперь помню, дѣлалъ видъ, что серьезно негодуетъ на П. П. Греча за то, что послѣдній уговорилъ его печатать эту его, какъ онъ называлъ самъ, „солдатскую брехню“, да еще сверхъ того, до печати непремѣнно прочесть всю эту „чушь“ въ литературномъ обществѣ. „Помилуй Богъ и заступись за мя грѣшнаго Мать Пресвятая Богородица“, восклицалъ съ безчисленными гримасами Иванъ Никитичъ,—„предалъ меня этотъ антихристъ Гречь въ руки книжниковъ и фарисеевъ, этихъ злодѣевъ литераторовъ, которые заѣдятъ меня, непремѣнно заѣдятъ, да, главное, что на смѣхъ, изверги эти, супостаты эти, франмасоны проклятые поднимутъ и въ концѣ погубятъ мою головушку!...“

Гречь не медля познакомилъ Скобелева съ нѣсколькими изъ предстоявшихъ тутъ лицъ, изъ числа которыхъ рельефнѣе другихъ выдавался, конечно, Ѳ. В. Булгаринъ, сѣменившій около генерала и постоянно, по польской привычкѣ, цѣловавшій остатокъ его ампутированной руки, что́ заставляло однако Ивана Никитича морщиться и, наконецъ, пригласить Булгарина прекратить эти нѣжности, сказавъ: „Я вѣдь, камрадъ, не баба, полно же нѣжничать и разбережничать этотъ больной кусокъ моей бѣдной руки, давнымъ давно истлѣвшей, съ тысячами другихъ русскихъ и вражьихъ рукъ, на поляхъ Бородинскихъ“. Несторъ Кукольникъ самъ отрекомендовалъ себя писателю-воину, который обнялъ его правой рукой и съ неестественнымъ восторгомъ хвалилъ его „Руку Всевышняго“. Кромѣ Булгарина и Кукольника, съ Скобелевымъ любезничали профессора университета П. А. Плетневъ и П. И. Шульгинъ.

Когда всѣ отпили чай, то генерала чтеца усадили какъ-то осо-

нымъ ленточкою къ пуговицамъ почти на самой груди. Не буду повторять здѣсь всѣхъ словъ и фразъ, сказанныхъ тогда Иваномъ Никитичемъ, успѣвшимъ разсказать тотчасъ же передъ незнакомымъ ему обществомъ, что онъ безграмотный солдатина, что онъ изъ сдаточныхъ Курскихъ однодворцевъ, что ежели онъ то, что́ есть теперь, то благодаря чудесамъ, творимымъ Господомъ Богомъ и Николаемъ Чудотворцемъ, благодѣтелемъ русскаго народа и русской побѣдоносной арміи. Вообще, въ рѣчахъ его замѣтна была нѣкоторая аффектація, подъ корою русской простоты, равно какъ стремленіе порисоваться тѣмъ, что изъ ничего онъ взлетѣлъ такъ высоко, какъ не всѣ летаютъ и тѣ, которые родятся съ орлиными крыльями. Рѣчь почтеннаго генерала была пересыпаема различными, далеко не цензурными словцами и выраженіями, имѣющими право гражданства лишь въ казармахъ. Иванъ Никитичъ, какъ теперь помню, дѣлалъ видъ, что серьезно негодуетъ на П. П. Греча за то, что послѣдній уговорилъ его печатать эту его, какъ онъ называлъ самъ, „солдатскую брехню“, да еще сверхъ того, до печати непремѣнно прочесть всю эту „чушь“ въ литературномъ обществѣ. „Помилуй Богъ и заступись за мя грѣшнаго Мать Пресвятая Богородица“, восклицалъ съ безчисленными гримасами Иванъ Никитичъ,—„предалъ меня этотъ антихристъ Гречь въ руки книжниковъ и фарисеевъ, этихъ злодѣевъ литераторовъ, которые заѣдятъ меня, непремѣнно заѣдятъ, да, главное, что на смѣхъ, изверги эти, супостаты эти, франмасоны проклятые поднимутъ и въ концѣ погубятъ мою головушку!...“

Гречь не медля познакомилъ Скобелева съ нѣсколькими изъ предстоявшихъ тутъ лицъ, изъ числа которыхъ рельефнѣе другихъ выдавался, конечно, Ѳ. В. Булгаринъ, сѣменившій около генерала и постоянно, по польской привычкѣ, цѣловавшій остатокъ его ампутированной руки, что́ заставляло однако Ивана Никитича морщиться и, наконецъ, пригласить Булгарина прекратить эти нѣжности, сказавъ: „Я вѣдь, камрадъ, не баба, полно же нѣжничать и разбережничать этотъ больной кусокъ моей бѣдной руки, давнымъ давно истлѣвшей, съ тысячами другихъ русскихъ и вражьихъ рукъ, на поляхъ Бородинскихъ“. Несторъ Кукольникъ самъ отрекомендовалъ себя писателю-воину, который обнялъ его правой рукой и съ неестественнымъ восторгомъ хвалилъ его „Руку Всевышняго“. Кромѣ Булгарина и Кукольника, съ Скобелевымъ любезничали профессора университета П. А. Плетневъ и П. И. Шульгинъ.

Когда всѣ отпили чай, то генерала чтеца усадили какъ-то осо-

бенно удачно къ углу стола въ вольтеровское кресло и поставили передъ нимъ, кромѣ двухъ лампъ, еще канделябръ съ четырьмя восковыми свѣчами. Это яркое освѣщеніе заставило Скобелева воскликнуть: „Такъ ярко свѣтило солнышко только въ тотъ часъ, когда побѣдоносныя союзныя арміи вступали въ Парижъ въ 1814 году, подъ предводительствомъ Александра Благословеннаго".

Читалъ Иванъ Никитичъ свою „Солдатскую переписку" по тщательно переписанной рукописи и читалъ, правду сказать, мастерски, съ интонаціею вѣрною и разнообразною и, главное, съ превосходнымъ подражаніемъ говору тѣхъ личностей, которыя выведены имъ на сцену. Въ послѣдствіи, когда книга эта вышла въ свѣтъ и имѣла непорядочный успѣхъ, хотя впрочемъ нынѣче никто о ней, кажется, и не помнитъ,—я, читая ее, не могъ не убѣдиться, что отъ мастерскаго чтенія самаго ея автора книга эта огромно выигрывала. Въ продолженіе всего этого чтенія Иванъ Никитичъ неоднократно былъ немного прерываемъ чьимъ-нибудь восклицаніемъ, преимущественно Булгарина, Шульгина или Кукольника, на жаргонѣ напускной восторженности, и въ эти моменты гремѣли аплодисменты многочисленнаго партера; а между тѣмъ чтецъ-авторъ пользовался этими перерывами, чтобы пальцами правой руки изъ открытой, стоявшей передъ нимъ золотой табакерки захватить добрую щепоть табаку и понюхать ее съ особеннымъ смакомъ, по видимому, для освѣженія головы и глазъ. Когда Скобелевъ окончилъ свое чтеніе, большинство посѣтителей принялось выражать почтенному автору свои чувства, увѣряя его въ признательности за удовольствіе, доставленное имъ этимъ чтеніемъ. Генералъ всѣхъ съ горячностью благодарилъ, восклицая при томъ однако: „Ужь вирямъ, что великъ россійскій Богъ, угодникъ Николай Чудотворецъ! Его волею святою простой солдафонъ ухватился за перо русскаго писателя, перомъ этимъ настрочилъ десятковъ восемь листовъ бумаги, и вотъ сонмъ мужей, наукою просвѣщенныхъ и литературою просвѣтленныхъ, одобряютъ это оказавшееся недурнымъ писаніе безграмотнаго солдафона; а фельдмаршалъ всѣхъ русскихъ грамотѣевъ, Николай Ивановичъ Гречь, зоветъ уже своего главнаго по книгопечатнѣ своей каптенармуса и велитъ ему ту рукопись солдафона печатать немедленно. Чудо отъ воли твоей, Господи, совершился, и вѣрую въ силу чудотворенія Твоего!..." Вмѣстѣ съ симъ Иванъ Никитичъ всталъ, продолжая свою импровизированную молитву и ища глазами въ правомъ углу образа, каковаго въ лютеранскомъ жилищѣ фельдмаршала всѣхъ русскихъ

бенно удачно къ углу стола въ вольтеровское кресло и поставили передъ нимъ, кромѣ двухъ лампъ, еще канделябръ съ четырьмя восковыми свѣчами. Это яркое освѣщеніе заставило Скобелева воскликнуть: „Такъ ярко свѣтило солнышко только въ тотъ часъ, когда побѣдоносныя союзныя арміи вступали въ Парижъ въ 1814 году, подъ предводительствомъ Александра Благословеннаго".

Читалъ Иванъ Никитичъ свою „Солдатскую переписку" по тщательно переписанной рукописи и читалъ, правду сказать, мастерски, съ интонаціею вѣрною и разнообразною и, главное, съ превосходнымъ подражаніемъ говору тѣхъ личностей, которыя выведены имъ на сцену. Въ послѣдствіи, когда книга эта вышла въ свѣтъ и имѣла непорядочный успѣхъ, хотя впрочемъ нынѣче никто о ней, кажется, и не помнитъ,—я, читая ее, не могъ не убѣдиться, что отъ мастерскаго чтенія самаго ея автора книга эта огромно выигрывала. Въ продолженіе всего этого чтенія Иванъ Никитичъ неоднократно былъ немного прерываемъ чьимъ-нибудь восклицаніемъ, преимущественно Булгарина, Шульгина или Кукольника, на жаргонѣ напускной восторженности, и въ эти моменты гремѣли аплодисменты многочисленнаго партера; а между тѣмъ чтецъ-авторъ пользовался этими перерывами, чтобы пальцами правой руки изъ открытой, стоявшей передъ нимъ золотой табакерки захватить добрую щепоть табаку и понюхать ее съ особеннымъ смакомъ, по видимому, для освѣженія головы и глазъ. Когда Скобелевъ окончилъ свое чтеніе, большинство посѣтителей принялось выражать почтенному автору свои чувства, увѣряя его въ признательности за удовольствіе, доставленное имъ этимъ чтеніемъ. Генералъ всѣхъ съ горячностью благодарилъ, восклицая при томъ однако: „Ужь вирямъ, что великъ россійскій Богъ, угодникъ Николай Чудотворецъ! Его волею святою простой солдафонъ ухватился за перо русскаго писателя, перомъ этимъ настрочилъ десятковъ восемь листовъ бумаги, и вотъ сонмъ мужей, наукою просвѣщенныхъ и литературою просвѣтленныхъ, одобряютъ это оказавшееся недурнымъ писаніе безграмотнаго солдафона; а фельдмаршалъ всѣхъ русскихъ грамотѣевъ, Николай Ивановичъ Гречь, зоветъ уже своего главнаго по книгопечатнѣ своей каптенармуса и велитъ ему ту рукопись солдафона печатать немедленно. Чудо отъ воли твоей, Господи, совершился, и вѣрую въ силу чудотворенія Твоего!..." Вмѣстѣ съ симъ Иванъ Никитичъ всталъ, продолжая свою импровизированную молитву и ища глазами въ правомъ углу образа, каковаго въ лютеранскомъ жилищѣ фельдмаршала всѣхъ русскихъ

грамотѣевъ не оказалось, и наконецъ осѣнилъ себя очень медленно огромнымъ православнымъ крестомъ, что повторено было Шульгинымъ, Кукольникомъ и другими. Многіе замѣтили, что и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ учинилъ при этомъ православное крестное знаменіе.

По окончаніи Иваномъ Никитичемъ чтенія, Николай Ивановичъ, какъ, по видимому, то было заблаговременно условлено, схватилъ объемистую рукопись воина-инвалида и отдалъ ее явившемуся тутъ колоссально огромному своему типографскому фактору, Антону Ивановичу Іогансону, принявшему тетрадь въ свои неуклюжія лапы.

Генералъ-писатель, по видимому, сдерживавшій всякое рѣзкое проявленіе наружнаго удовольствія отъ успѣшнаго дѣйствія своего явленія, — маскируясь веселою, безпечною улыбкою,—началъ уже собираться домой и снова ловко подкинулъ подъ мышку ампутированной руки свою генеральскую шляпу. Но однако вечеру этому не суждено было окончиться просто безъ какой-нибудь комической штучки, и вотъ штучка эта разыгралась совершенно неожиданно. Дѣло въ томъ, что въ этотъ вечеръ, когда даже все семейство Греча изъ гостинной перешло въ большую залу и помѣстилось на нарочно придвинутыхъ къ порогу залы стульяхъ, почтенному Монперону не было никакой возможности не только читать, да даже поболтать въ сласть. Однако, едва генералъ успѣлъ окончательно собраться идти, какъ передъ нимъ предсталъ Моннеронъ въ своемъ бразильскомъ, расшитомъ золотомъ мундирѣ; живя въ домѣ Греча, онъ безъ труда могъ переодѣться. Держа въ рукѣ исписанный листокъ и обращаясь къ Ивану Никитичу, не понимавшему ни полслова по французски, онъ воскликнулъ: „Mon général!..“, и за этимъ словомъ послѣдовала цѣлая цвѣтистая рѣчь на французскомъ языкѣ, рѣчь, въ которой было сказано, что онъ, де-Моннеронъ, лишенный, по незнанію русскаго языка, сладостной возможности сколько-нибудь понимать то, что̀ генералъ читалъ передъ такимъ просвѣщеннымъ ареопагомъ, не могъ однако не убѣдиться въ томъ, что это, имъ читанное, должно быть нѣчто прелестное, потому что всѣ, рѣшительно всѣ, даже тѣ, которые, какъ онъ замѣчалъ, не обращаютъ вниманія на его чтенія и по тому самому проявляютъ самое варварское безвкусіе,— были въ восхищеніи отъ чтенія генерала, содержаніе котораго ему, Моннерону, не было извѣстно, пока его excellent ami monsieur le professeur de la langue anglaise г. Гасфельдъ, не объяснилъ ему,

грамотѣевъ не оказалось, и наконецъ осѣнилъ себя очень медленно огромнымъ православнымъ крестомъ, что повторено было Шульгинымъ, Кукольникомъ и другими. Многіе замѣтили, что и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ учинилъ при этомъ православное крестное знаменіе.

По окончаніи Иваномъ Никитичемъ чтенія, Николай Ивановичъ, какъ, по видимому, то было заблаговременно условлено, схватилъ объемистую рукопись воина-инвалида и отдалъ ее явившемуся тутъ колоссально огромному своему типографскому фактору, Антону Ивановичу Іогансону, принявшему тетрадь въ свои неуклюжія лапы.

Генералъ-писатель, по видимому, сдерживавшій всякое рѣзкое проявленіе наружнаго удовольствія отъ успѣшнаго дѣйствія своего явленія, — маскируясь веселою, безпечною улыбкою,—началъ уже собираться домой и снова ловко подкинулъ подъ мышку ампутированной руки свою генеральскую шляпу. Но однако вечеру этому не суждено было окончиться просто безъ какой-нибудь комической штучки, и вотъ штучка эта разыгралась совершенно неожиданно. Дѣло въ томъ, что въ этотъ вечеръ, когда даже все семейство Греча изъ гостинной перешло въ большую залу и помѣстилось на нарочно придвинутыхъ къ порогу залы стульяхъ, почтенному Монперону не было никакой возможности не только читать, да даже поболтать въ сласть. Однако, едва генералъ успѣлъ окончательно собраться идти, какъ передъ нимъ предсталъ Моннеронъ въ своемъ бразильскомъ, расшитомъ золотомъ мундирѣ; живя въ домѣ Греча, онъ безъ труда могъ переодѣться. Держа въ рукѣ исписанный листокъ и обращаясь къ Ивану Никитичу, не понимавшему ни полслова по французски, онъ воскликнулъ: „Mon général!..“, и за этимъ словомъ послѣдовала цѣлая цвѣтистая рѣчь на французскомъ языкѣ, рѣчь, въ которой было сказано, что онъ, де-Моннеронъ, лишенный, по незнанію русскаго языка, сладостной возможности сколько-нибудь понимать то, что̀ генералъ читалъ передъ такимъ просвѣщеннымъ ареопагомъ, не могъ однако не убѣдиться въ томъ, что это, имъ читанное, должно быть нѣчто прелестное, потому что всѣ, рѣшительно всѣ, даже тѣ, которые, какъ онъ замѣчалъ, не обращаютъ вниманія на его чтенія и по тому самому проявляютъ самое варварское безвкусіе,— были въ восхищеніи отъ чтенія генерала, содержаніе котораго ему, Моннерону, не было извѣстно, пока его excellent ami monsieur le professeur de la langue anglaise г. Гасфельдъ, не объяснилъ ему,

что генералъ, совершившій столько походовъ и участвовавшій въ столькихъ сраженіяхъ, преимущественно, противъ французскихъ войскъ имперіи, à l'époque de la grande armée et de la plus grande gloire française, посвятилъ настоящее сочиненіе свое литературной апоѳеозѣ какъ великой арміи, такъ и величайшаго изъ величайшихъ полководцевъ, императора Наполеона. За это онъ природный Французъ, де-Монперонъ, вмѣняетъ себѣ въ обязанность, отъ имени всего французскаго народа, котораго онъ теперь здѣсь въ домѣ monsieur Греча является представителемъ, благодарить его превосходительство le général lieutenant de Sorboleff!.. „Про ну же васъ, генералъ, принять это братское лобзаніе“, воскликалъ раскудахтавшійся до высшей степени восторженности Монперонъ и лѣзъ цѣловаться съ генераломъ, который, съ свойственною ему русскою сметкою, не понимая ни слова, ни полслова даже изъ всего этого спича, уразумѣвъ только, что тутъ, по видимому, кроется какое-то quiproquo, и не желая конфузить Француза, — сказалъ: предупреждая крѣпкимъ поцѣлуемъ его намѣреніе donner l'accolade: „Хоть и не бельмеса, мусье, изъ всего вами сказаннаго теперь я не уразумѣлъ, со всѣмъ тѣмъ мнѣ понятно, что вы по видимому любите русскаго солдатика и во время проживательства вашего въ Россіи успѣли убѣдиться, что ежели солдатикъ этотъ соотечественникамъ вашимъ, различнымъ этимъ мусье франсе, штычкомъ своимъ руду не разъ на смерть пускалъ,—то все-таки солдатикъ-то нашъ предобрый малый и презолотой шельма въ мирное время. За симъ имѣю честь, господа, всѣмъ низко кланяться“.

Генералъ, сдѣлавъ множество рукопожатій, удалился изъ среды предстоявшихъ гостей, едва сдерживавшихъ свой смѣхъ въ его присутствіи; но какъ только карета Ивана Никитича отъѣхала отъ подъѣзда, всѣ, начиная съ Греча, залились неудержимымъ, истинно гомерическимъ хохотомъ. Одинъ только Гасфельдъ не смѣялся. Однако онъ объяснилъ имъ интимнѣйшимъ, что намѣренно обморочилъ Монперона въ отместку за постоянныя шутки Француза надъ нимъ, степеннымъ Датчаниномъ.

Въ одинъ изъ четверговыхъ вечеровъ, помню, Булгаринъ въ особенности важничалъ, чванился и надувался, и обычный штатъ его, съ Владиміромъ Строевымъ во главѣ, сильнѣе обыкновеннаго льнулъ около своего принципала и прославлялъ его знаменитость. Даже люди степенные и серьезные, не расположенные подличать передъ кѣмъ бы то ни было, а передъ Булгаринымъ въ особенности, не могли однако не выражать своего ува-

что генералъ, совершившій столько походовъ и участвовавшій въ столькихъ сраженіяхъ, преимущественно, противъ французскихъ войскъ имперіи, à l'époque de la grande armée et de la plus grande gloire française, посвятилъ настоящее сочиненіе свое литературной апоѳеозѣ какъ великой арміи, такъ и величайшаго изъ величайшихъ полководцевъ, императора Наполеона. За это онъ природный Французъ, де-Монперонъ, вмѣняетъ себѣ въ обязанность, отъ имени всего французскаго народа, котораго онъ теперь здѣсь въ домѣ monsieur Греча является представителемъ, благодарить его превосходительство le général lieutenant de Sorboleff!.. „Про ну же васъ, генералъ, принять это братское лобзаніе“, воскликалъ раскудахтавшійся до высшей степени восторженности Монперонъ и лѣзъ цѣловаться съ генераломъ, который, съ свойственною ему русскою сметкою, не понимая ни слова, ни полслова даже изъ всего этого спича, уразумѣвъ только, что тутъ, по видимому, кроется какое-то quiproquo, и не желая конфузить Француза, — сказалъ: предупреждая крѣпкимъ поцѣлуемъ его намѣреніе donner l'accolade: „Хоть и не бельмеса, мусье, изъ всего вами сказаннаго теперь я не уразумѣлъ, со всѣмъ тѣмъ мнѣ понятно, что вы по видимому любите русскаго солдатика и во время проживательства вашего въ Россіи успѣли убѣдиться, что ежели солдатикъ этотъ соотечественникамъ вашимъ, различнымъ этимъ мусье франсе, штычкомъ своимъ руду не разъ на смерть пускалъ,—то все-таки солдатикъ-то нашъ предобрый малый и презолотой шельма въ мирное время. За симъ имѣю честь, господа, всѣмъ низко кланяться».

Генералъ, сдѣлавъ множество рукопожатій, удалился изъ среды предстоявшихъ гостей, едва сдерживавшихъ свой смѣхъ въ его присутствіи; но какъ только карета Ивана Никитича отъѣхала отъ подъѣзда, всѣ, начиная съ Греча, залились неудержимымъ, истинно гомерическимъ хохотомъ. Одинъ только Гасфельдъ не смѣялся. Однако онъ объяснилъ имъ интимнѣйшимъ, что намѣренно обморочилъ Монперона въ отместку за постоянныя шутки Француза надъ нимъ, степеннымъ Датчаниномъ.

Въ одинъ изъ четверговыхъ вечеровъ, помню, Булгаринъ въ особенности важничалъ, чванился и надувался, и обычный штатъ его, съ Владиміромъ Строевымъ во главѣ, сильнѣе обыкновеннаго льнулъ около своего принципала и прославлялъ его знаменитость. Даже люди степенные и серьезные, не расположенные подличать передъ кѣмъ бы то ни было, а передъ Булгаринымъ въ особенности, не могли однако не выражать своего ува-

женія къ новому труду, который издавался тогда отъ имени Булгарина, объявлявшаго во всѣхъ газетахъ, что трудъ этотъ явится въ свѣтъ черезъ годъ или черезъ полтора; между тѣмъ, для ознакомленія публики съ этимъ знаменательнымъ произведеніемъ, были напечатаны въ „Сѣверномъ Архивѣ“ отрывки изъ него; то было обширное сочиненіе, которое должно было явиться въ свѣтъ подъ названіемъ: „Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ“, въ 6-ти частяхъ. Причина, почему именно въ этотъ четвергъ Булгаринъ былъ, какъ говорится, выше лѣса стоячаго, заключалась въ томъ, что въ тотъ самый день въ редакціи полученъ былъ послѣдній нумеръ того какого-то иностраннаго журнала, въ которомъ глубокій знатокъ славянскаго міра, безсмертный Шафарикъ, съ полнымъ уваженіемъ отзывался объ отрывкахъ, напечатанныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“, съ простодушіемъ ученаго мужа, принимая ихъ за трудъ Булгарина и выражал только наивное удивленіе о томъ, что въ Булгаринѣ трудно было подозрѣвать такую обширную ученость. Это, можете себѣ представить, до какой степени раздувало спѣсь Булгарина. Къ тому же, восторги и восхваленія сонма льстецовъ усиливали его самообольщеніе. Булгаринъ носилъ отзывъ Шафарика въ карманѣ и то и дѣло всѣмъ показывалъ и читалъ его— въ подлинникѣ или въ переводѣ, сдѣланномъ однимъ изъ сыновей Греча; затѣмъ, дня черезъ два, въ субботней „Всякой всячинѣ“ Сѣверной Пчелы этотъ переводъ явился съ самовосхвалительными комментаріями Булгарина.

Изъ многочисленнаго общества, бывшаго въ этотъ четвергъ у Греча, одинъ только баронъ Розенъ скептически и недовѣрчиво относился къ труду Булгарина и къ славѣ, трудомъ этимъ уже порожденной. Онъ рѣшительно утверждалъ, что надо имѣть эрудицію далеко не Булгарина, чтобъ написать то, что̀ заключали въ себѣ напечатанные отрывки, которымъ давалась усиленнѣйшая гласность чисто съ издательскими цѣлями, чтобъ благовременно завлечь публику. Баронъ шелъ далѣе и энергически, при всѣхъ спорилъ съ Гречемъ и другими, увѣряя, что отрывки эти непремѣнно куплены Булгаринымъ у какого-нибудь бѣднаго ученаго въ Дерптѣ. Впрочемъ, Гречь, при этихъ спорахъ отстаивалъ Булгарина далеко не съ особенною горячностью, а по видимому, единственно лишь потому, что не ловко же было ему отдавать своего, такъ называемаго и считавшагося по наружности, друга на съѣденіе его врагамъ. Но въ защитѣ его звучала для всякаго сколько-

женія къ новому труду, который издавался тогда отъ имени Булгарина, объявлявшаго во всѣхъ газетахъ, что трудъ этотъ явится въ свѣтъ черезъ годъ или черезъ полтора; между тѣмъ, для ознакомленія публики съ этимъ знаменательнымъ произведеніемъ, были напечатаны въ „Сѣверномъ Архивѣ“ отрывки изъ него; то было обширное сочиненіе, которое должно было явиться въ свѣтъ подъ названіемъ: „Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ“, въ 6-ти частяхъ. Причина, почему именно въ этотъ четвергъ Булгаринъ былъ, какъ говорится, выше лѣса стоячаго, заключалась въ томъ, что въ тотъ самый день въ редакціи полученъ былъ послѣдній нумеръ того какого-то иностраннаго журнала, въ которомъ глубокій знатокъ славянскаго міра, безсмертный Шафарикъ, съ полнымъ уваженіемъ отзывался объ отрывкахъ, напечатанныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“, съ простодушіемъ ученаго мужа, принимая ихъ за трудъ Булгарина и выражал только наивное удивленіе о томъ, что въ Булгаринѣ трудно было подозрѣвать такую обширную ученость. Это, можете себѣ представить, до какой степени раздувало спѣсь Булгарина. Къ тому же, восторги и восхваленія сонма льстецовъ усиливали его самообольщеніе. Булгаринъ носилъ отзывъ Шафарика въ карманѣ и то и дѣло всѣмъ показывалъ и читалъ его— въ подлинникѣ или въ переводѣ, сдѣланномъ однимъ изъ сыновей Греча; затѣмъ, дня черезъ два, въ субботней „Всякой всячинѣ“ Сѣверной Пчелы этотъ переводъ явился съ самовосхвалительными комментаріями Булгарина.

Изъ многочисленнаго общества, бывшаго въ этотъ четвергъ у Греча, одинъ только баронъ Розенъ скептически и недовѣрчиво относился къ труду Булгарина и къ славѣ, трудомъ этимъ уже порожденной. Онъ рѣшительно утверждалъ, что надо имѣть эрудицію далеко не Булгарина, чтобъ написать то, что̀ заключали въ себѣ напечатанные отрывки, которымъ давалась усиленнѣйшая гласность чисто съ издательскими цѣлями, чтобъ благовременно завлечь публику. Баронъ шелъ далѣе и энергически, при всѣхъ спорилъ съ Гречемъ и другими, увѣряя, что отрывки эти непремѣнно куплены Булгаринымъ у какого-нибудь бѣднаго ученаго въ Дерптѣ. Впрочемъ, Гречь, при этихъ спорахъ отстаивалъ Булгарина далеко не съ особенною горячностью, а по видимому, единственно лишь потому, что не ловко же было ему отдавать своего, такъ называемаго и считавшагося по наружности, друга на съѣденіе его врагамъ. Но въ защитѣ его звучала для всякаго сколько-

нибудь наблюдательнаго человѣка, какая-то сатирическая и насмѣшливая нота. Замѣтно было, что Гречу кое-что извѣстно, но что онъ связанъ даннымъ словомъ хранить секретъ того, далеко не искренно любимаго имъ человѣка, съ которымъ связала его судьба по какимъ-то неразгаданнымъ причинамъ, оставшимся, кажется, тайною и по смерти какъ того, такъ и другаго изъ этихъ, какъ ихъ въ то время называли, „Сіямскихъ близнецовъ“.

Въ 1837 году, то есть, полтора года послѣ того четверговаго вечера, о которомъ здѣсь разсказано, вышла наконецъ эта затѣянная Булгаринымъ книга; заглавіе ея давало нашимъ поводъ острить, называя книгу эту „Россія Булгарина“; другіе же съ напускною наивностью замѣчали, читая цѣну этого изданія: «Не дешево же Булгаринъ продаетъ Россію»! Послѣдняя острота, кажется, создалась не безъ участія Греча или, по крайней мѣрѣ, вышла изъ его дома. Но какъ бы то ни было, слава Булгарина, какъ историка и статистика, благодаря этой истинно замѣчательной книгѣ, крѣпчала и росла, поднимая все выше и выше его имя, такъ, что даже самые неблагопріятные ему критики довольствовались лишь упорнымъ молчаніемъ, не смѣя сказать ничего основательнаго противъ этого сочиненія. Но вдругъ на горе Булгарину является въ Петербургѣ одинъ нумеръ литературной германской газеты, Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung, съ статьею дерптскаго профессора Крузе, который немилосердно сорвалъ съ Булгарина тотъ чужой нарядъ, въ какомъ онъ позволилъ себѣ щегольнуть, чтобъ пріобрѣсти незаслуженную репутаціею ученаго европейскаго. Дѣло въ томъ, что въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ Дерптскаго профессорскаго института былъ Николай Алексѣевичъ Ивановъ, богатый талантами и эрудиціей, но какъ водится, бѣдный средствами, который, будучи 24-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, возъимѣлъ мысль написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Но мысль, конечно, и осталась бы мыслью— за недостаткомъ средствъ къ приведенію ея въ исполненіе, еслибъ Булгарину не вздумалось обратить идею Иванова въ свое личное прославленіе: онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго имъ труда, съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго его автора, а подъ псевдонимомъ издателя. Молодой ученый былъ на столько чуждъ литературнаго самолюбія и такъ скуденъ матеріальными средствами, что принялъ это условіе, и вотъ въ 1837 году явилась *его* книга, истинно знаменательная и прекрасная, но подъ

нибудь наблюдательнаго человѣка, какая-то сатирическая и насмѣшливая нота. Замѣтно было, что Гречу кое-что извѣстно, но что онъ связанъ даннымъ словомъ хранить секретъ того, далеко не искренно любимаго имъ человѣка, съ которымъ связала его судьба по какимъ-то неразгаданнымъ причинамъ, оставшимся, кажется, тайною и по смерти какъ того, такъ и другаго изъ этихъ, какъ ихъ въ то время называли, „Сіямскихъ близнецовъ“.

Въ 1837 году, то есть, полтора года послѣ того четверговаго вечера, о которомъ здѣсь разсказано, вышла наконецъ эта затѣянная Булгаринымъ книга; заглавіе ея давало нашимъ поводъ острить, называя книгу эту „Россія Булгарина“; другіе же съ напускною наивностью замѣчали, читая цѣну этого изданія: ‹Не дешево же Булгаринъ продаетъ Россію›! Послѣдняя острота, кажется, создалась не безъ участія Греча или, по крайней мѣрѣ, вышла изъ его дома. Но какъ бы то ни было, слава Булгарина, какъ историка и статистика, благодаря этой истинно замѣчательной книгѣ, крѣпчала и росла, поднимая все выше и выше его имя, такъ, что даже самые неблагопріятные ему критики довольствовались лишь упорнымъ молчаніемъ, не смѣя сказать ничего основательнаго противъ этого сочиненія. Но вдругъ на горе Булгарину является въ Петербургѣ одинъ нумеръ литературной германской газеты, Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung, съ статьею дерптскаго профессора Крузе, который немилосердно сорвалъ съ Булгарина тотъ чужой нарядъ, въ какомъ онъ позволилъ себѣ щегольнуть, чтобъ пріобрѣсти незаслуженную репутаціею ученаго европейскаго. Дѣло въ томъ, что въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ Дерптскаго профессорскаго института былъ Николай Алексѣевичъ Пановъ, богатый талантами и эрудиціей, но какъ водится, бѣдный средствами, который, будучи 24-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, возъимѣлъ мысль написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Но мысль, конечно, и осталась бы мыслью—за недостаткомъ средствъ къ приведенію ея въ исполненіе, еслибъ Булгарину не вздумалось обратить идею Иванова въ свое личное прославленіе: онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго имъ труда, съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго его автора, а подъ псевдонимомъ издателя. Молодой ученый былъ на столько чуждъ литературнаго самолюбія и такъ скуденъ матеріальными средствами, что принялъ это условіе, и вотъ въ 1837 году явилась *его* книга, истинно знаменательная и прекрасная, но подъ

именемъ на его, а издателя ея О. Булгарина. Трудъ этотъ теперь несправедливо забытъ въ нашей литературѣ и читающей публикѣ; онъ и теперь съ пользою можетъ быть прочитанъ. Безъ сомнѣнія, причиною этого забвенія служитъ стоящее на немъ имя Булгарина, имѣвшаго такъ мало симпатій къ себѣ во всей читающей и мыслящей Россіи, хотя, будучи строго безпристрастнымъ, нельзя не сказать, что вѣдь въ свое время, лѣтъ около 50 предъ симъ, Булгаринъ своимъ Выжигинымъ принесъ таки намъ изрядную пользу, разшевеливъ въ публикѣ желаніе читать русскіе романы, впервые тогда появившіеся. Какъ бы то ни было, статья профессора Крузе нанесла въ 1837 же году жестокій ударъ Булгарину, который принужденъ былъ послѣ этого скандала уѣхать изъ Петербурга, не докончивъ изданіе своей „Россіи“, и долго, долго не возвращаться въ столицу.

Въ одинъ изъ четвергов къ Николаю Ивановичу Гречу, какъ теперь помню,—явился еще новый гость, и гость оригинальный, и въ своемъ родѣ очень рельефный. Вдругъ неожиданно среди всего этого разнокалибернаго сборища, въ которомъ преобладали однако статскіе сюртуки, фраки, вицъ-мундиры, явился молодой человѣкъ статный, тонкій, граціозно-гибкій, средняго роста, съ маленькою головкою, имѣвшею симпатичное лицо, нѣсколько смугловатое, при томныхъ карихъ глазахъ, при шелковистыхъ русыхъ усикахъ, при каштановыхъ, остриженныхъ подъ гребенку волосахъ. Что-то необыкновенно живое, доброе, привлекательное развито было въ этомъ новомъ гостѣ кабинета-залы Греча. Въ выраженіи лица, во всемъ его обликѣ и въ самыхъ манерахъ гостя было что-то грустное, застѣнчивое, но далеко не боязливое, и глаза его, постоянно томные, метали по временамъ искорки, выражавшія однако не гнѣвъ, а энергію. Этотъ гость былъ одѣтъ въ вицеформу лейбъ-гвардіи горскаго полуэскадрона, то есть, на немъ былъ красивый синій чекмень, перетянутый ремнемъ и покрытый серебряными галунами на груди, полахъ, патронницахъ и кругломъ воротникѣ, изъ-подъ котораго виднѣнъ былъ голубой бешметъ изъ шелковой тармаламы, обшитый также галуномъ. На плечахъ были пышныя полковничьи эполеты съ царскимъ вензелемъ; съ праваго плеча спускался серебряный аксельбантъ, что̀ означало званіе флигель-адъютанта. На шеѣ по голубому бешмету были орденскія ленты, станиславская и анненская, поддерживавшія ордена, дававшіеся мусульманамъ, то есть, безъ изображенія ликовъ святыхъ, а съ государевымъ вензелемъ съ короною. Кто же былъ этотъ молодой

именемъ на его, а издателя ея О. Булгарина. Трудъ этотъ теперь несправедливо забытъ въ нашей литературѣ и читающей публикѣ; онъ и теперь съ пользою можетъ быть прочитанъ. Безъ сомнѣнія, причиною этого забвенія служитъ стоящее на немъ имя Булгарина, имѣвшаго такъ мало симпатій къ себѣ во всей читающей и мыслящей Россіи, хотя, будучи строго безпристрастнымъ, нельзя не сказать, что вѣдь въ свое время, лѣтъ около 50 предъ симъ, Булгаринъ своимъ Выжигинымъ принесъ таки намъ изрядную пользу, разшевеливъ въ публикѣ желаніе читать русскіе романы, впервые тогда появившіеся. Какъ бы то ни было, статья профессора Крузе нанесла въ 1837 же году жестокій ударъ Булгарину, который принужденъ былъ послѣ этого скандала уѣхать изъ Петербурга, не докончивъ изданіе своей „Россіи“, и долго, долго не возвращаться въ столицу.

Въ одинъ изъ четвергов къ Николаю Ивановичу Гречу, какъ теперь помню,—явился еще новый гость, и гость оригинальный, и въ своемъ родѣ очень рельефный. Вдругъ неожиданно среди всего этого разнокалибернаго сборища, въ которомъ преобладали однако статскіе сюртуки, фраки, вицъ-мундиры, явился молодой человѣкъ статный, тонкій, граціозно-гибкій, средняго роста, съ маленькою головкою, имѣвшею симпатичное лицо, нѣсколько смугловатое, при томныхъ карихъ глазахъ, при шелковистыхъ русыхъ усикахъ, при каштановыхъ, остриженныхъ подъ гребенку волосахъ. Что-то необыкновенно живое, доброе, привлекательное развито было въ этомъ новомъ гостѣ кабинета-залы Греча. Въ выраженіи лица, во всемъ его обликѣ и въ самыхъ манерахъ гостя было что-то грустное, застѣнчивое, но далеко не боязливое, и глаза его, постоянно томные, метали по временамъ искорки, выражавшія однако не гнѣвъ, а энергію. Этотъ гость былъ одѣтъ въ вицеформу лейбъ-гвардіи горскаго полуэскадрона, то есть, на немъ былъ красивый синій чекмень, перетянутый ремнемъ и покрытый серебряными галунами на груди, полахъ, патронницахъ и кругломъ воротникѣ, изъ-подъ котораго виднѣнъ былъ голубой бешметъ изъ шелковой тармаламы, обшитый также галуномъ. На плечахъ были пышныя полковничьи эполеты съ царскимъ вензелемъ; съ праваго плеча спускался серебряный аксельбантъ, что̀ означало званіе флигель-адъютанта. На шеѣ по голубому бешмету были орденскія ленты, станиславская и анненская, поддерживавшія ордена, дававшіеся мусульманамъ, то есть, безъ изображенія ликовъ святыхъ, а съ государевымъ вензелемъ съ короною. Кто же былъ этотъ молодой

Черкесъ, гвардіи полковникъ и флигель-адъютантъ? То былъ Ханъ-Гирей, остатокъ блестящихъ крымскихъ хановъ; предки его съ давняго времени переселились на Кавказъ, гдѣ жили далеко не богато и вели войну съ сосѣдями изъ племени Абадзеховъ, которые, наконецъ, не смотря на участіе знаменитаго тогдашняго правителя Кавказа, Алексѣя Петровича Ермолова, разграбили все имѣніе отца этого молодаго человѣка, тогда еще дитяти. Отецъ успѣлъ только передать малютку вѣрному пукеру съ наставленіемъ доставить его „Ермолаю", какъ горцы называли вѣчно памятнаго имъ Алексѣя Петровича. Главнокомандующій замѣтилъ въ мальчикѣ способности и великолѣпный характеръ: онъ занялся юнымъ Гиреемъ, поручилъ его директору мѣстной гимназіи и самъ наблюдалъ за его ученіемъ. Мальчикъ проявлялъ способности поразительныя, необыкновенныя. Но, къ горю его, недолго онъ могъ пользоваться благодѣяніями генерала Ермолова, который, какъ извѣстно, въ 1826 году оставилъ Кавказъ, провожаемый сожалѣніемъ и слезами не только всего подчиненнаго ему служиваго люда, но и замиренныхъ, и не замиренныхъ горцевъ. Онъ успѣлъ однако питомца своего, Гирея, довести до офицерства. Въ послѣдствіи новый главнокомандующій, генералъ Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ, узналъ этого молодаго человѣка, полюбилъ его въ свою очередь, приблизилъ къ себѣ и награждалъ быстро чинами, такъ что когда государю Николаю Павловичу угодно было имѣть собственный конвой, въ составъ котораго, кромѣ линейныхъ казаковъ, входилъ полуэскадронъ Черкесовъ, то ротмистръ Ханъ-Гирей назначенъ былъ командиромъ этого молодецкаго полуэскадрона, состоявшаго изъ самыхъ ловкихъ и удалыхъ горцевъ. Императоръ Николай Павловичъ полюбилъ Гирея за его исполнительность по службѣ, при кротости нрава, любезности и даже нѣкоторой свѣтской образованности, столь развитой въ немъ, что его можно было ставить въ примѣръ многимъ гвардейскимъ офицерамъ, лепетавшимъ бойко по французски и имѣвшимъ передъ горцемъ положительно только одно это преимущество. Скоро Ханъ-Гирей получилъ доступъ въ многіе блистательнѣйшіе Петербургскіе дома. Подобныя приглашенія значительно умножились, когда Ханъ-Гирей былъ назначенъ флигель-адъютантомъ съ производствомъ въ полковники гвардіи, хотя, правду сказать, нѣкоторые кавалергарды, конно-гвардейцы и лейбъ-гусары смотрѣли не очень-то радушно на этого новаго своего товарища по службѣ въ императорской гвардіи. Впрочемъ милый характеръ и приличный въ

Черкесъ, гвардіи полковникъ и флигель-адъютантъ? То былъ Ханъ-Гирей, остатокъ блестящихъ крымскихъ хановъ; предки его съ давняго времени переселились на Кавказъ, гдѣ жили далеко не богато и вели войну съ сосѣдями изъ племени Абадзеховъ, которые, наконецъ, не смотря на участіе знаменитаго тогдашняго правителя Кавказа, Алексѣя Петровича Ермолова, разграбили все имѣніе отца этого молодаго человѣка, тогда еще дитяти. Отецъ успѣлъ только передать малютку вѣрному пукеру съ наставленіемъ доставить его „Ермолаю", какъ горцы называли вѣчно памятнаго имъ Алексѣя Петровича. Главнокомандующій замѣтилъ въ мальчикѣ способности и великолѣпный характеръ: онъ занялся юнымъ Гиреемъ, поручилъ его директору мѣстной гимназіи и самъ наблюдалъ за его ученіемъ. Мальчикъ проявлялъ способности поразительныя, необыкновенныя. Но, къ горю его, недолго онъ могъ пользоваться благодѣяніями генерала Ермолова, который, какъ извѣстно, въ 1826 году оставилъ Кавказъ, провожаемый сожалѣніемъ и слезами не только всего подчиненнаго ему служиваго люда, но и замиренныхъ, и не замиренныхъ горцевъ. Онъ успѣлъ однако питомца своего, Гирея, довести до офицерства. Въ послѣдствіи новый главнокомандующій, генералъ Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ, узналъ этого молодаго человѣка, полюбилъ его въ свою очередь, приблизилъ къ себѣ и награждалъ быстро чинами, такъ что когда государю Николаю Павловичу угодно было имѣть собственный конвой, въ составъ котораго, кромѣ линейныхъ казаковъ, входилъ полуэскадронъ Черкесовъ, то ротмистръ Ханъ-Гирей назначенъ былъ командиромъ этого молодецкаго полуэскадрона, состоявшаго изъ самыхъ ловкихъ и удалыхъ горцевъ. Императоръ Николай Павловичъ полюбилъ Гирея за его исполнительность по службѣ, при кротости нрава, любезности и даже нѣкоторой свѣтской образованности, столь развитой въ немъ, что его можно было ставить въ примѣръ многимъ гвардейскимъ офицерамъ, лепетавшимъ бойко по французски и имѣвшимъ передъ горцемъ положительно только одно это преимущество. Скоро Ханъ-Гирей получилъ доступъ въ многіе блистательнѣйшіе Петербургскіе дома. Подобныя приглашенія значительно умножились, когда Ханъ-Гирей былъ назначенъ флигель-адъютантомъ съ производствомъ въ полковники гвардіи, хотя, правду сказать, нѣкоторые кавалергарды, конно-гвардейцы и лейбъ-гусары смотрѣли не очень-то радушно на этого новаго своего товарища по службѣ въ императорской гвардіи. Впрочемъ милый характеръ и приличный въ

высшей степени тонъ Гирея примиряли относительно его всѣхъ, привлекая къ нему всѣ сердца. Къ тому же, императрица Александра Ѳедоровна на небольшихъ придворныхъ балахъ постоянно удостоивала Гирея выборомъ въ мазуркѣ и, танцуя съ нимъ французскую кадриль, разговаривала съ нимъ „по русски“ о Кавказѣ и о тамошнемъ бытѣ, и онъ скромно, ясно, отчетливо отвѣчалъ на всѣ вопросы. Однимъ словомъ, le charmant Circassien, вовсе не искавшій себѣ не только славы, но и извѣстности, громко прославлялся въ столицѣ. Среди всѣхъ этихъ свѣтскихъ и служебныхъ успѣховъ Гирея, разъ какъ-то тогдашній шефъ корпуса жандармовъ и командиръ главной императорской квартиры, а потому и главный начальникъ Гирея, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, сказалъ новому флигель-адъютанту: „Изъ разговоровъ твоихъ, Гирей, замѣтно, что ты такъ порядочно знакомъ съ исторіей горскихъ кавказскихъ племенъ. Государю Императору угодно ѣхать на Кавказъ будущимъ лѣтомъ. Можетъ быть, онъ возьметъ тебя въ свитѣ своей; но это еще не вѣрно, а вѣрно то, что Государю угодно, чтобы ты написалъ собственно для него записку о горскихъ племенахъ, о которыхъ, какъ слышно, ты кое-что уже имѣешь у себя написанное. Надо, чтобъ такая записка была у Государя не позже, какъ черезъ два мѣсяца или даже черезъ шесть недѣль“. Ханъ-Гирей покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и отзывался тѣмъ, что плохо пишетъ, ибо еще не умѣетъ думать по русски. „Не безпокойся объ этомъ, Гирей“, отвѣтилъ графъ Бенкендорфъ, „я познакомлю тебя съ человѣкомъ, который считается генералъ-полиціймейстеромъ русской грамматики и русскаго словосочиненія: онъ тебѣ во всемъ поможетъ, и ты, благодаря ему и себѣ, изготовишь то, что тебѣ заказано“.

Графъ познакомилъ Гирея съ Гречемъ, давъ первому къ нему записочку, написанную карандашемъ на своей визитной карточкѣ. Записочка эта состояла въ слѣдующемъ: „Не въ службу, а въ дружбу, Николай Ивановичъ, исполни все то, что отъ моего имени передастъ тебѣ съ этою моею карточкою флигель-адъютантъ Государя Императора Ханъ-Гирей“. Само собою разумѣется, Гречь принялъ Хана-Гирея съ восхищеніемъ и тотчасъ же пригласилъ его на первый четвергъ, на который Черкесъ и не преминулъ явиться. Въ домѣ Греча Гирей произвелъ на всѣхъ самое выгодное впечатлѣніе, почему легко сдѣлался царемъ вечера, вовсе того не замѣчая. Вслѣдъ за тѣмъ Николай Ивановичъ, разумѣется, былъ у графа Бенкендорфа и доложилъ его сіятельству, что записка о гор-

высшей степени тонъ Гирея примиряли относительно его всѣхъ, привлекая къ нему всѣ сердца. Къ тому же, императрица Александра Ѳедоровна на небольшихъ придворныхъ балахъ постоянно удостоивала Гирея выборомъ въ мазуркѣ и, танцуя съ нимъ французскую кадриль, разговаривала съ нимъ „по русски“ о Кавказѣ и о тамошнемъ бытѣ, и онъ скромно, ясно, отчетливо отвѣчалъ на всѣ вопросы. Однимъ словомъ, le charmant Circassien, вовсе не искавшій себѣ не только славы, но и извѣстности, громко прославлялся въ столицѣ. Среди всѣхъ этихъ свѣтскихъ и служебныхъ успѣховъ Гирея, разъ какъ-то тогдашній шефъ корпуса жандармовъ и командиръ главной императорской квартиры, а потому и главный начальникъ Гирея, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, сказалъ новому флигель-адъютанту: „Изъ разговоровъ твоихъ, Гирей, замѣтно, что ты такъ порядочно знакомъ съ исторіей горскихъ кавказскихъ племенъ. Государю Императору угодно ѣхать на Кавказъ будущимъ лѣтомъ. Можетъ быть, онъ возьметъ тебя въ свитѣ своей; но это еще не вѣрно, а вѣрно то, что Государю угодно, чтобы ты написалъ собственно для него записку о горскихъ племенахъ, о которыхъ, какъ слышно, ты кое-что уже имѣешь у себя написанное. Надо, чтобъ такая записка была у Государя не позже, какъ черезъ два мѣсяца или даже черезъ шесть недѣль“. Ханъ-Гирей покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и отзывался тѣмъ, что плохо пишетъ, ибо еще не умѣетъ думать по русски. „Не безпокойся объ этомъ, Гирей“, отвѣтилъ графъ Бенкендорфъ, „я познакомлю тебя съ человѣкомъ, который считается генералъ-полиціймейстеромъ русской грамматики и русскаго словосочиненія: онъ тебѣ во всемъ поможетъ, и ты, благодаря ему и себѣ, изготовишь то, что тебѣ заказано“.

Графъ познакомилъ Гирея съ Гречемъ, давъ первому къ нему записочку, написанную карандашемъ на своей визитной карточкѣ. Записочка эта состояла въ слѣдующемъ: „Не въ службу, а въ дружбу, Николай Ивановичъ, исполни все то, что отъ моего имени передастъ тебѣ съ этою моею карточкою флигель-адъютантъ Государя Императора Ханъ-Гирей“. Само собою разумѣется, Гречь принялъ Хана-Гирея съ восхищеніемъ и тотчасъ же пригласилъ его на первый четвергъ, на который Черкесъ и не преминулъ явиться. Въ домѣ Греча Гирей произвелъ на всѣхъ самое выгодное впечатлѣніе, почему легко сдѣлался царемъ вечера, вовсе того не замѣчая. Вслѣдъ за тѣмъ Николай Ивановичъ, разумѣется, былъ у графа Бенкендорфа и доложилъ его сіятельству, что записка о гор-

скихъ племенахъ черезъ шесть недѣль будетъ готова; но въ первый же разъ, какъ онъ навѣстилъ Гирея и сталъ читать его черновыя записки объ Адыгахъ, то есть, о черкесахъ, то убѣдился, что не съ его нетерпѣливымъ и быстро переносящимся съ предмета на предметъ характеромъ можно заниматься разработкою записокъ Черкеса, написанныхъ, кажется, и русскими буквами, но рѣшительно, по татарски, по кумыкски, по аварски, по турецки, какъ угодно, только не по русски. И дѣйствительно, странное дѣло: Гирей говорилъ по русски очень ясно и удовлетворительно; а чуть коснется писанія, непремѣнно выходила у него чепуха. „Видите ли, ханъ", говорилъ Гречь Гирею, „я не могу, будучи бѣденъ досугомъ, заниматься съ вами составленіемъ вашей записки; а дамъ вамъ молодаго человѣка, очень усерднаго, который будетъ съ вами этимъ дѣломъ заниматься, и я увѣренъ, все пойдетъ превосходно. Все, что у васъ будетъ написано, этотъ юноша будетъ доставлять мнѣ, и я буду чистить и обработывать, чтобъ записка была такова, что изложеніе ея будетъ соотвѣтствовать внутреннему ея достоинству, которое, я увѣренъ, будетъ весьма не маловажно. Я васъ сейчасъ познакомлю". Юноша, избранный Гречемъ, былъ именно—я. Отведя меня въ сторону, онъ разсказалъ мнѣ суть дѣла; она состояла въ томъ, что я могъ, получая отъ него мои сто рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (громадная въ тѣ времена сумма денегъ), въ теченіи мѣсяца ничего для его „Сѣверной Пчелы" не дѣлать, а только черезъ вечеръ ѣздить въ присылаемыхъ за мною Ханъ-Гиреемъ саняхъ къ нему въ Малую Коломну, въ окрестности его казармъ, находившихся за Большимъ театромъ въ домѣ Глинки. Вмѣстѣ съ этимъ объяснены были мнѣ и мои новыя занятія, состоявшія въ томъ, что я долженъ былъ выслушивать разсказы Хана-Гирея и за тѣмъ каждый разсказъ записывать, стараясь сохранить всѣ подробности, потомъ исправлять слогъ, и когда все будетъ повыглажено и перебѣлено, приносить къ нему, Гречу, для нѣкоторыхъ исправленій и пр. Согласія моего на все это Гречь, конечно, и не думалъ спрашивать.

Когда Гречь сталъ знакомить меня съ Ханъ-Гиреемъ, то послѣдній тотчасъ, пожимая мнѣ руку, привѣтливо улыбаясь сказалъ Гречу: „Мы по дому генеральши Крыжановской знакомы съ господиномъ Вальсвитомъ, и еще на дняхъ онъ былъ моимъ визави въ кадрилѣ. Но я думалъ, что В. П. (онъ назвалъ меня настоящимъ моимъ именемъ)—великій мастеръ лишь на паркетѣ; а теперь мнѣ пріятно узнать, что онъ и на бумагѣ мастеръ". „Та-

скихъ племенахъ черезъ шесть недѣль будетъ готова; но въ первый же разъ, какъ онъ навѣстилъ Гирея и сталъ читать его черновыя записки объ Адыгахъ, то есть, о черкесахъ, то убѣдился, что не съ его нетерпѣливымъ и быстро переносящимся съ предмета на предметъ характеромъ можно заниматься разработкою записокъ Черкеса, написанныхъ, кажется, и русскими буквами, но рѣшительно, по татарски, по кумыкски, по аварски, по турецки, какъ угодно, только не по русски. И дѣйствительно, странное дѣло: Гирей говорилъ по русски очень ясно и удовлетворительно; а чуть коснется писанія, непремѣнно выходила у него чепуха. „Видите ли, ханъ", говорилъ Гречь Гирею, „я не могу, будучи бѣденъ досугомъ, заниматься съ вами составленіемъ вашей записки; а дамъ вамъ молодаго человѣка, очень усерднаго, который будетъ съ вами этимъ дѣломъ заниматься, и я увѣренъ, все пойдетъ превосходно. Все, что у васъ будетъ написано, этотъ юноша будетъ доставлять мнѣ, и я буду чистить и обработывать, чтобъ записка была такова, что изложеніе ея будетъ соотвѣтствовать внутреннему ея достоинству, которое, я увѣренъ, будетъ весьма не маловажно. Я васъ сейчасъ познакомлю". Юноша, избранный Гречемъ, былъ именно—я. Отведя меня въ сторону, онъ разсказалъ мнѣ суть дѣла; она состояла въ томъ, что я могъ, получая отъ него мои сто рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (громадная въ тѣ времена сумма денегъ), въ теченіи мѣсяца ничего для его „Сѣверной Пчелы" не дѣлать, а только черезъ вечеръ ѣздить въ присылаемыхъ за мною Ханъ-Гиреемъ саняхъ къ нему въ Малую Коломну, въ окрестности его казармъ, находившихся за Большимъ театромъ въ домѣ Глинки. Вмѣстѣ съ этимъ объяснены были мнѣ и мои новыя занятія, состоявшія въ томъ, что я долженъ былъ выслушивать разсказы Хана-Гирея и за тѣмъ каждый разсказъ записывать, стараясь сохранить всѣ подробности, потомъ исправлять слогъ, и когда все будетъ повыглажено и перебѣлено, приносить къ нему, Гречу, для нѣкоторыхъ исправленій и пр. Согласія моего на все это Гречь, конечно, и не думалъ спрашивать.

Когда Гречь сталъ знакомить меня съ Ханъ-Гиреемъ, то послѣдній тотчасъ, пожимая мнѣ руку, привѣтливо улыбаясь сказалъ Гречу: „Мы по дому генеральши Крыжановской знакомы съ господиномъ Вальсвитомъ, и еще на дняхъ онъ былъ моимъ визави въ кадрилѣ. Но я думалъ, что В. П. (онъ назвалъ меня настоящимъ моимъ именемъ)—великій мастеръ лишь на паркетѣ; а теперь мнѣ пріятно узнать, что онъ и на бумагѣ мастеръ". „Та-

кой же", вскрикнулъ Гречь, „мастеръ писать, какъ и танцовать: ежели за вальспрованье безъ такта его прозвали „вальсвитомъ", то я, какъ редакторъ, могу сказать, что усердія въ юношѣ этомъ бездна; но бѣда только, что онъ также быстро пишетъ руками по бумагѣ, какъ летаетъ ногами по паркету, почему, извѣстный вашему сіятельству (Хана-Гирея всѣ величали сіятельствомъ даже въ оффиціальной перепискѣ) Вальсвитъ въ нашей редакціи можетъ носить названіе Быстропишова! Ха! ха! ха! Быстропишовъ! А, господа, Быстропишовъ, ха! ха! ха!„ Въ тѣ былыя времена на подобную патріархальную шутку никто не сердился, а тѣмъ болѣе не могъ претендовать такой молодой человѣкъ, какимъ былъ тогда я. Конецъ концовъ былъ тотъ, что я подробно обо всемъ перетолковалъ съ Ханъ-Гиреемъ, разумѣется, въ сторонѣ, усѣвшись, помнится, на диванчикѣ, около садовой двери. Въ это время къ диванчику, на которомъ мы сидѣли, подсѣлъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій, и чтобъ пощеголять и покичиться, повелъ съ Ханъ-Гиреемъ бесѣду по арабски, то есть, на ученомъ языкѣ восточныхъ народовъ, такъ какъ Гирей былъ предназначаемъ отцемъ еще своимъ въ имамы, почему съ малолѣтства изучалъ духовно-ученый языкъ мусульманъ. За тѣмъ Сенковскій перешелъ вдругъ на парѣчіе кумыкское или черкесо-татарское. Ханъ-Гирей былъ очень удивленъ этою лингвистикою подошедшаго къ нему рябаго и крайне некраснваго господина и спросилъ у меня: „Кто это?" „Это авторъ „Большаго выхода сатаны" и прочихъ сочиненій въ ономъ родѣ, баронъ Брамбеусъ", сказалъ я. Ханъ не зналъ, что Брамбеусъ есть псевдонимъ Сенковскаго, и весьма наивно, обратясь ко мнѣ, замѣтилъ въ полголоса: „Однако, этотъ Брамбеусъ отлично владѣетъ восточными языками. Я до сихъ поръ думалъ, что въ Петербургѣ такъ говоритъ одинъ только профессоръ Сенковскій, про котораго я слыхалъ чудеса и очень желалъ бы его видѣть". „Вы его ужь видѣли, съ нимъ-то вы и разговаривали сейчасъ по арабски и по кумыкски", объяснилъ я. Гирей очень удивился и потомъ долго пристально всматривался въ физіономію Сенковскаго, въ которой подъ рябою маскою находилъ много ума, проницательности и остроумія.

Однако, чтобы не оставить читателя въ невѣдѣніи о томъ, что сталось съ дальнѣйшими моими сношеніями съ Ханомъ-Гиреемъ, и что изъ этого вышло, скажу, что менѣе чѣмъ черезъ шесть недѣль готова была рукопись Гирея: „Адыги (Черкесы) и всѣ близкія съ ними племена", которую, въ отлично калиграфированномъ видѣ, и украсивъ богатымъ атласнымъ съ золотыми тисненіями

кой же", вскрикнулъ Гречь, „мастеръ писать, какъ и танцовать: ежели за вальспрованье безъ такта его прозвали „вальсвитомъ", то я, какъ редакторъ, могу сказать, что усердія въ юношѣ этомъ бездна; но бѣда только, что онъ также быстро пишетъ руками по бумагѣ, какъ летаетъ ногами по паркету, почему, извѣстный вашему сіятельству (Хана-Гирея всѣ величали сіятельствомъ даже въ оффиціальной перепискѣ) Вальсвитъ въ нашей редакціи можетъ носить названіе Быстропишова! Ха! ха! ха! Быстропишовъ! А, господа, Быстропишовъ, ха! ха! ха!„ Въ тѣ былыя времена на подобную патріархальную шутку никто не сердился, а тѣмъ болѣе не могъ претендовать такой молодой человѣкъ, какимъ былъ тогда я. Конецъ концовъ былъ тотъ, что я подробно обо всемъ перетолковалъ съ Ханъ-Гиреемъ, разумѣется, въ сторонѣ, усѣвшись, помнится, на диванчикѣ, около садовой двери. Въ это время къ диванчику, на которомъ мы сидѣли, подсѣлъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій, и чтобъ пощеголять и покичиться, повелъ съ Ханъ-Гиреемъ бесѣду по арабски, то есть, на ученомъ языкѣ восточныхъ народовъ, такъ какъ Гирей былъ предназначаемъ отцемъ еще своимъ въ имамы, почему съ малолѣтства изучалъ духовно-ученый языкъ мусульманъ. За тѣмъ Сенковскій перешелъ вдругъ на парѣчіе кумыкское или черкесо-татарское. Ханъ-Гирей былъ очень удивленъ этою лингвистикою подошедшаго къ нему рябаго и крайне некраснваго господина и спросилъ у меня: „Кто это?" „Это авторъ „Большаго выхода сатаны" и прочихъ сочиненій въ ономъ родѣ, баронъ Брамбеусъ", сказалъ я. Ханъ не зналъ, что Брамбеусъ есть псевдонимъ Сенковскаго, и весьма наивно, обратясь ко мнѣ, замѣтилъ въ полголоса: „Однако, этотъ Брамбеусъ отлично владѣетъ восточными языками. Я до сихъ поръ думалъ, что въ Петербургѣ такъ говоритъ одинъ только профессоръ Сенковскій, про котораго я слыхалъ чудеса и очень желалъ бы его видѣть". „Вы его ужь видѣли, съ нимъ-то вы и разговаривали сейчасъ по арабски и по кумыкски", объяснилъ я. Гирей очень удивился и потомъ долго пристально всматривался въ физіономію Сенковскаго, въ которой подъ рябою маскою находилъ много ума, проницательности и остроумія.

Однако, чтобы не оставить читателя въ невѣдѣніи о томъ, что сталось съ дальнѣйшими моими сношеніями съ Ханомъ-Гиреемъ, и что изъ этого вышло, скажу, что менѣе чѣмъ черезъ шесть недѣль готова была рукопись Гирея: „Адыги (Черкесы) и всѣ близкія съ ними племена", которую, въ отлично калиграфированномъ видѣ, и украсивъ богатымъ атласнымъ съ золотыми тисненіями

переплетомъ, авторъ поднесъ, чрезъ графа Бенкендорфа, какъ своего главнаго и единственнаго начальника, императору Николаю. Государь остался очень доволенъ трудомъ своего флигель-адъютанта горца, нѣсколько разъ ставилъ его въ примѣръ многимъ другимъ изъ своихъ приближенныхъ офицеровъ и полушутя, полусерьезно отзывался о немъ, называя его: le Karamzine de la Circassie. За этотъ трудъ Николай Павловичъ пожаловалъ Хану-Гирею огромный перстень со своимъ вензеловымъ изображеніемъ, осыпанный драгоцѣнными камнями въ перемѣшку съ брильянтиками, перстень тысячи въ три ассигнаціями. Въ послѣдствіи, нѣсколько лѣтъ спустя, въ сороковыхъ годахъ, когда „Библіотека для чтенія“ близилась къ своему паденію, я, помнится, встрѣтилъ на страницахъ этого журнала записку „объ Адыгахъ и пр.“, подъ какимъ-то другимъ болѣе вычурнымъ названіемъ.

Работая надъ извѣстною запискою, я не менѣе двадцати разъ посѣтилъ Гирея, а потому хорошо могъ узнать его житье-бытье: въ немъ была смѣсь татарщины и кочеваго оттѣнка съ кое-какою цивилизованною обстановкою, преимущественно проявлявшеюся образомъ жизни армейскаго офицера, у котораго сбруя, сѣдла, кучерское платье въ прихожей, а въ другихъ комнатахъ мало столовъ, стульевъ и дивановъ, да и что̀ есть, то поломано и въ грязи, и за то много винтовокъ, шашекъ, кинжаловъ, ятагановъ, пистолетовъ (тогда еще револьверовъ и въ заводѣ не было) на стѣнахъ между литографированными портретами различныхъ персонажей, каковы: Ермоловъ въ буркѣ, Россини, султанъ Махмудъ, графъ Бенкендорфъ, графъ Чернышевъ, П. И. Гречь, актеръ Василій Андреевичъ Каратыгинъ и пр. Всякій разъ, что я бывалъ у Гирея, онъ угощалъ меня чаемъ. Въ ту пору я начиналъ курить пахитосы, но Гирей ничего не курилъ и имѣлъ нѣкоторое отвращеніе ко всякому табакокуренію, почему дозволеніе мнѣ. имъ данное, курить у него мои соломенки можно было счесть знакомъ особеннаго ко мнѣ вниманія и расположенія сіятельнаго хана. Однажды ханъ пригласилъ меня къ себѣ утромъ на завтракъ, и угостилъ, между прочимъ, жеребячьими котлетами, жареными на вертелѣ и показавшимся мнѣ весьма вкусными.

Вскорѣ по производствѣ въ генералъ-маіоры (уже въ сороковыхъ годахъ), Гирей сдалъ командованіе эскадрономъ и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ онъ, по комбинаціямъ мѣстной администраціи (въ то время главнокомандующимъ, передъ Воронцовымъ, былъ баронъ Розенъ, имѣвшій начальникомъ штаба, кажется, генерала

переплетомъ, авторъ поднесъ, чрезъ графа Бенкендорфа, какъ своего главнаго и единственнаго начальника, императору Николаю. Государь остался очень доволенъ трудомъ своего флигель-адъютанта горца, нѣсколько разъ ставилъ его въ примѣръ многимъ другимъ изъ своихъ приближенныхъ офицеровъ и полушутя, полусерьезно отзывался о немъ, называя его: le Karamzine de la Circassie. За этотъ трудъ Николай Павловичъ пожаловалъ Хану-Гирею огромный перстень со своимъ вензеловымъ изображеніемъ, осыпанный драгоцѣнными камнями въ перемѣшку съ брильянтиками, перстень тысячи въ три ассигнаціями. Въ послѣдствіи, нѣсколько лѣтъ спустя, въ сороковыхъ годахъ, когда „Библіотека для чтенія“ близилась къ своему паденію, я, помнится, встрѣтилъ на страницахъ этого журнала записку „объ Адыгахъ и пр.“, подъ какимъ-то другимъ болѣе вычурнымъ названіемъ.

Работая надъ извѣстною запискою, я не менѣе двадцати разъ посѣтилъ Гирея, а потому хорошо могъ узнать его житье-бытье: въ немъ была смѣсь татарщины и кочеваго оттѣнка съ кое-какою цивилизованною обстановкою, преимущественно проявлявшеюся образомъ жизни армейскаго офицера, у котораго сбруя, сѣдла, кучерское платье въ прихожей, а въ другихъ комнатахъ мало столовъ, стульевъ и дивановъ, да и что̀ есть, то поломано и въ грязи, и за то много винтовокъ, шашекъ, кинжаловъ, ятагановъ, пистолетовъ (тогда еще револьверовъ и въ заводѣ не было) на стѣнахъ между литографированными портретами различныхъ персонажей, каковы: Ермоловъ въ буркѣ, Россини, султанъ Махмудъ, графъ Бенкендорфъ, графъ Чернышевъ, П. И. Гречь, актеръ Василій Андреевичъ Каратыгинъ и пр. Всякій разъ, что я бывалъ у Гирея, онъ угощалъ меня чаемъ. Въ ту пору я начиналъ курить пахитосы, но Гирей ничего не курилъ и имѣлъ нѣкоторое отвращеніе ко всякому табакокуренію, почему дозволеніе мнѣ. имъ данное, курить у него мои соломенки можно было счесть знакомъ особеннаго ко мнѣ вниманія и расположенія сіятельнаго хана. Однажды ханъ пригласилъ меня къ себѣ утромъ на завтракъ, и угостилъ, между прочимъ, жеребячьими котлетами, жареными на вертелѣ и показавшимся мнѣ весьма вкусными.

Вскорѣ по производствѣ въ генералъ-маіоры (уже въ сороковыхъ годахъ), Гирей сдалъ командованіе эскадрономъ и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ онъ, по комбинаціямъ мѣстной администраціи (въ то время главнокомандующимъ, передъ Воронцовымъ, былъ баронъ Розенъ, имѣвшій начальникомъ штаба, кажется, генерала

Коцебу, нынѣшняго Новороссійскаго и Одесскаго генералъ-губернатора, долженъ былъ играть какую-то знаменательную роль. Безстрашный ханъ, исполняя планы высшей администраціи, посѣщалъ въ горахъ всѣ племена и повсюду, гдѣ только бывалъ, какъ мнѣ въ послѣдствіи привелось слышать отъ одного Дагестанца, именно князя Уцміева, Ханъ-Гирей оставлялъ за собою слѣды любви, пріязни, человѣчности и стремленія къ правильно-гражданскому усовершенствованному устройству дикихъ племенъ, которыя изъ враговъ должны были дѣлаться друзьями Россіи. Среди этихъ стараній, Гирей былъ взысканъ царскою милостью: онъ получилъ звѣзду и ленту Станиславскаго ордена. Но не долго онъ могъ пользоваться счастіемъ, доставляемымъ успѣшнымъ исполненіемъ своего долга и своихъ обязанностей, въ отношеніи къ правительству новаго своего отечества—Россіи, столь имъ любимой и тщательно изучаемой. Фанатичный мюридизмъ давно отмѣтилъ Гирея, какъ жертву свою. Однажды, утоливъ жажду прохладительнымъ и здоровымъ кумысомъ, Гирей почувствовалъ потребность предаться сну; онъ дѣйствительно сладко заснулъ съ улыбкой на устахъ, но съ тѣмъ, чтобы уже не просыпаться: мюридисты умертвили его отравленнымъ кумысомъ.

Памятенъ мнѣ еще тотъ Гречевъ четвергъ, когда среди многочисленнаго и, какъ всегда, разнокалибернаго общества, Адольфъ Александровичъ Плюшаръ, болѣе обыкновеннаго напыщенный и имѣвшій важный и внушительный видъ, какъ говаривалъ о немъ соотечественникъ его Моннеронъ — plus paon que jamais, всегда молчаливый, но на этотъ разъ разговорившійся не на шутку, объяснялъ всѣмъ, кому вѣдать то подобало, что одинъ новый гость Греча, длинный и сухой, какъ сухарь, бѣлокурый господинъ, какъ-то странно говорившій по-русски, пища словъ и выраженій, дѣлая неправильныя ударенія и прибѣгая часто къ французскому языку, изъявилъ готовность принимать участіе въ изданіи „Энциклопедическаго Лексикона“ своими статьями о Восточной Сибири, и что это нѣкто Юлій Ивановичъ Джульяни, проживши много лѣтъ въ Иркутскѣ и ѣздившій въ Кяхту и Маймачинъ. Господинъ этотъ прославлялся какъ великолѣпное пріобрѣтеніе для энциклопедическаго изданія, въ которомъ дебютируетъ статьями разнаго рода на буквы *А* и *Б*, и въ томъ числѣ, особенно замѣчательною статьею „Буряты“, которую, съ нѣкоторыми развитіями и пополненіями Сенковскій хочетъ напечатать въ Библіотекѣ для чтенія. Когда я потомъ увидѣлъ Джульяни

Коцебу, нынѣшняго Новороссійскаго и Одесскаго генералъ-губернатора, долженъ былъ играть какую-то знаменательную роль. Безстрашный ханъ, исполняя планы высшей администраціи, посѣщалъ въ горахъ всѣ племена и повсюду, гдѣ только бывалъ, какъ мнѣ въ послѣдствіи привелось слышать отъ одного Дагестанца, именно князя Уцміева, Ханъ-Гирей оставлялъ за собою слѣды любви, пріязни, человѣчности и стремленія къ правильно-гражданскому усовершенствованному устройству дикихъ племенъ, которыя изъ враговъ должны были дѣлаться друзьями Россіи. Среди этихъ стараній, Гирей былъ взысканъ царскою милостью: онъ получилъ звѣзду и ленту Станиславскаго ордена. Но не долго онъ могъ пользоваться счастіемъ, доставляемымъ успѣшнымъ исполненіемъ своего долга и своихъ обязанностей, въ отношеніи къ правительству новаго своего отечества—Россіи, столь имъ любимой и тщательно изучаемой. Фанатичный мюридизмъ давно отмѣтилъ Гирея, какъ жертву свою. Однажды, утоливъ жажду прохладительнымъ и здоровымъ кумысомъ, Гирей почувствовалъ потребность предаться сну; онъ дѣйствительно сладко заснулъ съ улыбкой на устахъ, но съ тѣмъ, чтобы уже не просыпаться: мюридисты умертвили его отравленнымъ кумысомъ.

Памятенъ мнѣ еще тотъ Гречевъ четвергъ, когда среди многочисленнаго и, какъ всегда, разнокалибернаго общества, Адольфъ Александровичъ Плюшаръ, болѣе обыкновеннаго напыщенный и имѣвшій важный и внушительный видъ, какъ говаривалъ о немъ соотечественникъ его Моннеронъ — plus paon que jamais, всегда молчаливый, но на этотъ разъ разговорившійся не на шутку, объяснялъ всѣмъ, кому вѣдать то подобало, что одинъ новый гость Греча, длинный и сухой, какъ сухарь, бѣлокурый господинъ, какъ-то странно говорившій по-русски, пища словъ и выраженій, дѣлая неправильныя ударенія и прибѣгая часто къ французскому языку, изъявилъ готовность принимать участіе въ изданіи „Энциклопедическаго Лексикона“ своими статьями о Восточной Сибири, и что это нѣкто Юлій Ивановичъ Джульяни, проживши много лѣтъ въ Иркутскѣ и ѣздившій въ Кяхту и Маймачинъ. Господинъ этотъ прославлялся какъ великолѣпное пріобрѣтеніе для энциклопедическаго изданія, въ которомъ дебютируетъ статьями разнаго рода на буквы *А* и *Б*, и въ томъ числѣ, особенно замѣчательною статьею „Буряты“, которую, съ нѣкоторыми развитіями и пополненіями Сенковскій хочетъ напечатать въ Библіотекѣ для чтенія. Когда я потомъ увидѣлъ Джульяни

разговаривающимъ съ Сенковскимъ, то не могъ не убѣдиться, какъ этотъ новоприобрѣтенный сотрудникъ-путешественникъ раскланивался и извивался мелкимъ бѣсомъ передъ баропомъ Брамбеусомъ, имѣвшимъ и на этотъ разъ постоянный свой надутый, мрачный и какъ бы чѣмъ-то недовольный видъ, вовсе не соотвѣтствовавшій бойкости его юмора и постоянной его веселости въ печати, веселости, доходившей, какъ извѣстно, до послѣдней степени гаерства и цинизма. Разговоръ ихъ происходилъ на французскомъ діалектѣ, которымъ какъ Сенковскій, такъ и Джульяни обладали въ совершенствѣ.

Въ то же время въ другой части залы кабинета самъ хозяинъ, окруженный, какъ всегда, толпою слушателей, разсказывалъ предстоявшимъ біографію этого самаго г. Джульяни. Какъ оказывалось изъ этого разсказа, онъ былъ сынъ какого-то Итальянца-виноторговца, удалившагося съ этимъ сыномъ, тогда ребенкомъ, изъ Петербурга въ 1812 году, оставивъ однако въ столицѣ Россіи жену, Француженку, красавицу изъ красавицъ, у ногъ которой еще при мужѣ млѣли и таяли въ восторгахъ страсти многіе вельможи и богачи русскіе того времени. Она пользовалась преимущественно вниманіемъ и сердечнымъ расположеніемъ знаменитаго князя Смоленскаго. Въ 1818 году, когда старика Джульяни давно уже не было на свѣтѣ, Джульяни сынъ, именно этотъ теперешній сотрудникъ „Энциклопедическаго Лексикона“ и знаменитый, по мнѣнію Плюшара, туристъ, явился въ Петербургѣ въ качествѣ одного изъ многочисленныхъ чиновниковъ канцеляріи генерала Бетанкура, управлявшаго тогда путями сообщенія съ цѣлою компаніею своихъ соотечественниковъ. Въ канцеляріи этой почти вся переписка производилась на французскомъ языкѣ, и такимъ образомъ, молодому Джульяни не было, конечно, случаевъ къ изученію русскаго языка. Въ 1823 году мы видимъ его учителемъ французскаго языка въ Иркутской гимназіи. Жительствуя въ столицѣ Восточной Сибири и преподавая юнымъ Сибирякамъ языкъ Вольтера и Ламартина, самъ Джульяни, при помощи ихъ отцовъ и матерей, изучилъ съ грѣхомъ пополамъ русскій языкъ, который ему въ послѣдствіи пригодился такъ, потому что высшее мѣстное начальство опредѣлило его чиновникомъ особыхъ порученій и поручало ему постоянные разъѣзды по сибирскимъ тундрамъ и степямъ. Отсюда проистекаетъ нѣкоторое знаніе господиномъ Джульяни этого края на столько, что онъ курьозу ради привезъ въ Петербургъ изрядный портфель записокъ, написанныхъ по-французски. При содѣй-

разговаривающимъ съ Сенковскимъ, то не могъ не убѣдиться, какъ этотъ новоприобрѣтенный сотрудникъ-путешественникъ раскланивался и извивался мелкимъ бѣсомъ передъ баропомъ Брамбеусомъ, имѣвшимъ и на этотъ разъ постоянный свой надутый, мрачный и какъ бы чѣмъ-то недовольный видъ, вовсе не соотвѣтствовавшій бойкости его юмора и постоянной его веселости въ печати, веселости, доходившей, какъ извѣстно, до послѣдней степени гаерства и цинизма. Разговоръ ихъ происходилъ на французскомъ діалектѣ, которымъ какъ Сенковскій, такъ и Джульяни обладали въ совершенствѣ.

Въ то же время въ другой части залы кабинета самъ хозяинъ, окруженный, какъ всегда, толпою слушателей, разсказывалъ предстоявшимъ біографію этого самаго г. Джульяни. Какъ оказывалось изъ этого разсказа, онъ былъ сынъ какого-то Итальянца-виноторговца, удалившагося съ этимъ сыномъ, тогда ребенкомъ, изъ Петербурга въ 1812 году, оставивъ однако въ столицѣ Россіи жену, Француженку, красавицу изъ красавицъ, у ногъ которой еще при мужѣ млѣли и таяли въ восторгахъ страсти многіе вельможи и богачи русскіе того времени. Она пользовалась преимущественно вниманіемъ и сердечнымъ расположеніемъ знаменитаго князя Смоленскаго. Въ 1818 году, когда старика Джульяни давно уже не было на свѣтѣ, Джульяни сынъ, именно этотъ теперешній сотрудникъ „Энциклопедическаго Лексикона“ и знаменитый, по мнѣнію Плюшара, туристъ, явился въ Петербургѣ въ качествѣ одного изъ многочисленныхъ чиновниковъ канцеляріи генерала Бетанкура, управлявшаго тогда путями сообщенія съ цѣлою компаніею своихъ соотечественниковъ. Въ канцеляріи этой почти вся переписка производилась на французскомъ языкѣ, и такимъ образомъ, молодому Джульяни не было, конечно, случаевъ къ изученію русскаго языка. Въ 1823 году мы видимъ его учителемъ французскаго языка въ Иркутской гимназіи. Жительствуя въ столицѣ Восточной Сибири и преподавая юнымъ Сибирякамъ языкъ Вольтера и Ламартина, самъ Джульяни, при помощи ихъ отцовъ и матерей, изучилъ съ грѣхомъ пополамъ русскій языкъ, который ему въ послѣдствіи пригодился такъ, потому что высшее мѣстное начальство опредѣлило его чиновникомъ особыхъ порученій и поручало ему постоянные разъѣзды по сибирскимъ тундрамъ и степямъ. Отсюда проистекаетъ нѣкоторое знаніе господиномъ Джульяни этого края на столько, что онъ курьозу ради привезъ въ Петербургъ изрядный портфель записокъ, написанныхъ по-французски. При содѣй-

ствіи добрыхъ людей, Джульяни обогатился правильными русскими переводами своихъ сибирскихъ мемуаровъ, и встрѣченный гдѣ-то Плюшаромъ, ни съ того, ни съ сего вдругъ сдѣлался сотрудникомъ „Энциклопедическаго Лексикона". Замѣчательно однако, что этотъ самый г. Джульяни, сдѣлавшись *русскимъ литераторомъ*, и попавъ въ списокъ сотрудниковъ „Лексикона" и „Библіотеки для Чтенія", все-таки говорилъ по русски, какъ говорятъ иностранцы, а писалъ не иначе, какъ переводя слова свои съ французскаго и справляясь со всевозможными словарями и словотолкователями. Напримѣръ, изъ устъ этого *русскаго литератора* можно было слышать: „Не слѣдуетъ такъ много проговаривать безъ рѣомы и резонъ, чтобъ только можно убивать времіа". Или когда онъ услышалъ выраженіе: „Да идетъ чаша сія мимо меня", оно ему понравилось, и онъ его перековеркалъ такъ: „Пусть чашка идетъ прочь отъ меня". Однако, такое недостаточное и даже слишкомъ малое знаніе русскаго языка не помѣшало этому Итальяно-Французу въ послѣдствіи сдѣлаться довольно крупнымъ министерскимъ чиновникомъ, дослужась до высокороднаго ранга. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ г. Джульяни былъ во главѣ одного водолазнаго общества подъ фирмою „Сирена", которое впрочемъ обанкрутилось.

Въ этотъ четверговый вечеръ у Греча, естественно, героемъ былъ г. Джульяни, съ которымъ многіе изъ бывшихъ тутъ говорили о Сибири и, между прочими, *дѣйствительный* и дѣльный изучатель сѣвера Россіи, предпріимчивый путешественникъ Добель. Предложено было по почину, помнится, Сенковскаго прочитать статью Джульяни о Бурятахъ. Самъ авторъ, внутренно сознавая все свое неумѣнье громко, ясно и при такомъ многочисленномъ собраніи посторонникъ читать по русски, уклонился отъ чтенія, ссылаясь на то, что онъ нѣсколько охрипъ и никакъ не можетъ ясно произносить слова. Вслѣдствіе этого, обязанность чтеца принялъ на себя Владиміръ Михайловичъ Строевъ, фельетонистъ „Пчелы" подъ буквами *В. В. В.*, бойкій, умный малый, но, какъ я уже сказалъ, къ сожалѣнію, съ крайне эластическими правилами. Статья оказалась довольно сухою, но не смотря на то и на помѣщеніе ея въ „Лексиконѣ", Сенковскій тиснулъ ее еще въ „Библіотекѣ для Чтенія". Этотъ разъ чтеніе не произвело эффекта на слушателей. Въ статьѣ выдалось рельефно лишь одно мѣсто, именно то, гдѣ авторъ, описывая бытъ и нравы Бурятъ, сообщаетъ одну этнографическую особенность, въ самомъ дѣлѣ, довольно курьез-

ствіи добрыхъ людей, Джульяни обогатился правильными русскими переводами своихъ сибирскихъ мемуаровъ, и встрѣченный гдѣ-то Плюшаромъ, ни съ того, ни съ сего вдругъ сдѣлался сотрудникомъ „Энциклопедическаго Лексикона". Замѣчательно однако, что этотъ самый г. Джульяни, сдѣлавшись *русскимъ литераторомъ*, и попавъ въ списокъ сотрудниковъ „Лексикона" и „Библіотеки для Чтенія", все-таки говорилъ по русски, какъ говорятъ иностранцы, а писалъ не иначе, какъ переводя слова свои съ французскаго и справляясь со всевозможными словарями и словотолкователями. Напримѣръ, изъ устъ этого *русскаго литератора* можно было слышать: „Не слѣдуетъ такъ много проговаривать безъ рѣомы и резонъ, чтобъ только можно убивать времіа". Или когда онъ услышалъ выраженіе: „Да идетъ чаша сія мимо меня", оно ему понравилось, и онъ его перековеркалъ такъ: „Пусть чашка идетъ прочь отъ меня". Однако, такое недостаточное и даже слишкомъ малое знаніе русскаго языка не помѣшало этому Итальяно-Французу въ послѣдствіи сдѣлаться довольно крупнымъ министерскимъ чиновникомъ, дослужась до высокороднаго ранга. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ г. Джульяни былъ во главѣ одного водолазнаго общества подъ фирмою „Сирена", которое впрочемъ обанкрутилось.

Въ этотъ четверговый вечеръ у Греча, естественно, героемъ былъ г. Джульяни, съ которымъ многіе изъ бывшихъ тутъ говорили о Сибири и, между прочими, *дѣйствительный* и дѣльный изучатель сѣвера Россіи, предпріимчивый путешественникъ Добель. Предложено было по почину, помнится, Сенковскаго прочитать статью Джульяни о Бурятахъ. Самъ авторъ, внутренно сознавая все свое неумѣнье громко, ясно и при такомъ многочисленномъ собраніи посторонникъ читать по русски, уклонился отъ чтенія, ссылаясь на то, что онъ нѣсколько охрипъ и никакъ не можетъ ясно произносить слова. Вслѣдствіе этого, обязанность чтеца принялъ на себя Владиміръ Михайловичъ Строевъ, фельетонистъ „Пчелы" подъ буквами *В. В. В.*, бойкій, умный малый, но, какъ я уже сказалъ, къ сожалѣнію, съ крайне эластическими правилами. Статья оказалась довольно сухою, но не смотря на то и на помѣщеніе ея въ „Лексиконѣ", Сенковскій тиснулъ ее еще въ „Библіотекѣ для Чтенія". Этотъ разъ чтеніе не произвело эффекта на слушателей. Въ статьѣ выдалось рельефно лишь одно мѣсто, именно то, гдѣ авторъ, описывая бытъ и нравы Бурятъ, сообщаетъ одну этнографическую особенность, въ самомъ дѣлѣ, довольно курьез-

ную и оригинальную, именно, что Буряты никогда не цѣлуются, а вмѣсто этого обнюхиваютъ одинъ другаго. Это произвело общій смѣхъ, принятый г. Джульяни какъ бы за недовѣріе къ его наблюденію, почему онъ нашелъ нужнымъ защитить свою наблюдательность туриста, воскликнувъ: „Je vous jure, messieurs, que les Bouriates ignorent l'existence du baiser; mais qu'ils se flairent". Это подало Сенковскому поводъ сказать словцо, перенесенное имъ потомъ въ печать, когда статья была помѣщена въ его журналѣ: „Счастливые Буряты: имъ неизвѣстенъ измѣнническій поцѣлуй, причина и вина стольких бѣдъ на свѣтѣ!"

Такъ-то въ тѣ аркадскія времена нашей журналистики составлялись репутаціи и создавались литературныя имена!

Прежде чѣмъ кончить мой разсказъ о Гречевыхъ четвергахъ, считаю не лишнимъ сказать еще, что въ 1836 году 6-е декабря, Николинъ день, было въ четвергъ, и что хотя Гречъ и семейство его были лютеране, однако же день этотъ праздновали по русски, и Гречъ и младшій сынъ его, Николай, считали себя именинниками. Этотъ четвергъ былъ особенно многолюденъ, такъ какъ во всѣхъ залахъ были разставлены обѣденные столы, за которыми помѣстилось до 200 человѣкъ. И вообще какъ-то особенно велико было общее оживленіе гостей, которые, конечно, никакъ не предчувствовали, что черезъ мѣсяцъ одинъ изъ виновниковъ этихъ веселостей, семнадцати-лѣтній юноша будетъ въ гробу. Эта потеря младшаго сына жестоко потрясла Греча, который былъ превосходнымъ отцомъ, и съ тѣхъ поръ истинное, прежнее веселье уже не возвращалось въ его домъ.

В. Б.

ную и оригинальную, именно, что Буряты никогда не цѣлуются, а вмѣсто этого обнюхиваютъ одинъ другаго. Это произвело общій смѣхъ, принятый г. Джульяни какъ бы за недовѣріе къ его наблюденію, почему онъ нашелъ нужнымъ защитить свою наблюдательность туриста, воскликнувъ: „Je vous jure, messieurs, que les Bouriates ignorent l'existence du baiser; mais qu'ils se flairent". Это подало Сенковскому поводъ сказать словцо, перенесенное имъ потомъ въ печать, когда статья была помѣщена въ его журналѣ: „Счастливые Буряты: имъ неизвѣстенъ измѣнническій поцѣлуй, причина и вина стольких бѣдъ на свѣтѣ!"

Такъ-то въ тѣ аркадскія времена нашей журналистики составлялись репутаціи и создавались литературныя имена!

Прежде чѣмъ кончить мой разсказъ о Гречевыхъ четвергахъ, считаю не лишнимъ сказать еще, что въ 1836 году 6-е декабря, Николинъ день, было въ четвергъ, и что хотя Гречъ и семейство его были лютеране, однако же день этотъ праздновали по русски, и Гречь и младшій сынъ его, Николай, считали себя именинниками. Этотъ четвергъ былъ особенно многолюденъ, такъ какъ во всѣхъ залахъ были разставлены обѣденные столы, за которыми помѣстилось до 200 человѣкъ. И вообще какъ-то особенно велико было общее оживленіе гостей, которые, конечно, никакъ не предчувствовали, что черезъ мѣсяцъ одинъ изъ виновниковъ этихъ веселостей, семнадцати-лѣтній юноша будетъ въ гробу. Эта потеря младшаго сына жестоко потрясла Греча, который былъ превосходнымъ отцомъ, и съ тѣхъ поръ истинное, прежнее веселье уже не возвращалось въ его домъ.

В. Б.

О ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ПРИ КНЯЗѢ А. ЧАРТОРЫЙСКОМЪ.

Тайныя общества, съ которыми мы намѣрены познакомить читателя, стали появляться въ учебныхъ заведеніяхъ съ 1817 года Они возникали вслѣдствіе развитія и осуществленія фамильной программы князей Чарторыйскихъ, стремившихся, какъ извѣстно, путемъ политической интриги, путемъ конспиративной дѣятельности и ополяченія сѣверо-западной Россіи—возобновить Рѣчь посполитую въ предѣлахъ 1772 года, и представляютъ собою не что иное, какъ болѣе или менѣе удачные результаты того и другаго. По сему приведеніе въ извѣстность и уставовъ и дѣятельности этихъ обществъ, можетъ въ одинаковой мѣрѣ содѣйствовать къ разъясненію какъ *будованья ойчизны* на Руси, такъ и состоянія учебныхъ заведеній въ описываемое время [1]). Мы почтемъ себя вполнѣ удовлетворенными, если свѣдѣнія, добытыя нами изъ груды слѣдственныхъ дѣлъ, прольютъ хоть малую долю свѣта на то время съ котораго окрѣпла на Руси польская справа.

I.

Дѣятельность князей Чарторыйскихъ для ополяченія сѣверо-западной Россіи началась нѣсколько раньше послѣдняго раздѣла Польши, а усилилась во время пребыванія ихъ въ Пулавахъ. Съ

[1]) Обязательное разрѣшеніе бывшаго г. попечителя Виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшкова — пользоваться слѣдственными дѣлами этого времени, хранящимися въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской публичной библіотеки, дало намъ средства и возможность собрать матеріалы для настоящей статьи. Приносимъ ему нашу искреннюю благодарность.

О ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ПРИ КНЯЗѢ А. ЧАРТОРЫЙСКОМЪ.

Тайныя общества, съ которыми мы намѣрены познакомить читателя, стали появляться въ учебныхъ заведеніяхъ съ 1817 года Они возникали вслѣдствіе развитія и осуществленія фамильной программы князей Чарторыйскихъ, стремившихся, какъ извѣстно, путемъ политической интриги, путемъ конспиративной дѣятельности и ополяченія сѣверо-западной Россіи—возобновить Рѣчь посполитую въ предѣлахъ 1772 года, и представляютъ собою не что иное, какъ болѣе или менѣе удачные результаты того и другаго. По сему приведеніе въ извѣстность и уставовъ и дѣятельности этихъ обществъ, можетъ въ одинаковой мѣрѣ содѣйствовать къ разъясненію какъ *будованья ойчизны* на Руси, такъ и состоянія учебныхъ заведеній въ описываемое время [1]). Мы почтемъ себя вполнѣ удовлетворенными, если свѣдѣнія, добытыя нами изъ груды слѣдственныхъ дѣлъ, прольютъ хоть малую долю свѣта на то время съ котораго окрѣпла на Руси польская справа.

I.

Дѣятельность князей Чарторыйскихъ для ополяченія сѣверо-западной Россіи началась нѣсколько раньше послѣдняго раздѣла Польши, а усилилась во время пребыванія ихъ въ Пулавахъ. Съ

[1]) Обязательное разрѣшеніе бывшаго г. попечителя Виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшкова — пользоваться слѣдственными дѣлами этого времени, хранящимися въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской публичной библіотеки, дало намъ средства и возможность собрать матеріалы для настоящей статьи. Приносимъ ему нашу искреннюю благодарность.

1798 года, Пулавы, по замѣчанію польскаго писателя Кожмяна, „стали польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разореніи большой Трои, основалъ Трою малую [1])“. Отсюда потекла интрига и въ разные концы бывшей Рѣчи посполитой, какъ посредствомъ разныхъ надежныхъ лицъ, такъ и посредствомъ разныхъ тайныхъ и явныхъ, дозволенныхъ и не дозволенныхъ обществъ. Таковы были: тайныя общества масоновъ, общество „друзей наукъ“ и „экономическое“, открытыя въ Варшавѣ, съ разрѣшенія прусскаго правительства. Изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ этого движенія, были: Станиславъ Потоцкій, Красицкій, Солтыкъ, Хребтовичъ, Дзялынскій и др., въ особенности же Ѳадей Чацкій и Янъ Снядецкій, помогавшіе князю Адаму-Георгу Чарторыйскому и въ позднѣйшую пору. Подъ вліяніемъ дѣятельности этого кружка Варшава оживилась; стали возвращаться изъза границы и польскіе эмигранты. Такое возбужденное патріотическое движеніе не могло не отразиться и на русскихъ провинціяхъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра Благословеннаго, Чарторыйскій переѣхалъ въ Петербургъ, сталъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, и попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, которымъ и завѣдывалъ въ теченіи 20 лѣтъ. Съ этихъ-то поръ и началось самое сильное ополяченіе сѣверо-западной Россіи.

Средствами для достиженія этой цѣли были избраны: вѣра римско-католическая, польское землевладѣніе, польскій языкъ и литература и воспитаніе юношества въ духѣ польскомъ. Посредствомъ религіи, въ умахъ исконнаго русскаго населенія, были вкореняемы мысли, что католикъ, что полякъ — все равно. Посредствомъ землевладѣнія распространялось и поддерживалось это же вліяніе, да еще, сверхъ того, добывались средства для вооруженія мятежническихъ шаекъ и содержанія польскихъ коноводовъ; посредствомъ языка и литературы въ умахъ образованныхъ классовъ были искусственно возбуждаемы и поддерживаемы нравственная связь и единство съ умершей Польшей, а посредствомъ воспитанія въ сердцахъ юношества поселяема была ненависть ко всему русскому и православному. Эти главнѣйшіе пункты программы великаго будованья точно и неуклонно выполнялись поляками до позднѣйшей поры.

Въ дѣлахъ учебнаго округа Чарторыйскому оказывали содѣйствіе,

---

[1]) *Ратчъ*. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ, Т. 2-й. 253.

1798 года, Пулавы, по замѣчанію польскаго писателя Кожмяна, „стали польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разореніи большой Трои, основалъ Трою малую [1])“. Отсюда потекла интрига и въ разные концы бывшей Рѣчи посполитой, какъ посредствомъ разныхъ надежныхъ лицъ, такъ и посредствомъ разныхъ тайныхъ и явныхъ, дозволенныхъ и не дозволенныхъ обществъ. Таковы были: тайныя общества масоновъ, общество „друзей наукъ“ и „экономическое“, открытыя въ Варшавѣ, съ разрѣшенія прусскаго правительства. Изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ этого движенія, были: Станиславъ Потоцкій, Красицкій, Солтыкъ, Хребтовичъ, Дзялынскій и др., въ особенности же Ѳадей Чацкій и Янъ Снядецкій, помогавшіе князю Адаму-Георгу Чарторыйскому и въ позднѣйшую пору. Подъ вліяніемъ дѣятельности этого кружка Варшава оживилась; стали возвращаться изъза границы и польскіе эмигранты. Такое возбужденное патріотическое движеніе не могло не отразиться и на русскихъ провинціяхъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра Благословеннаго, Чарторыйскій переѣхалъ въ Петербургъ, сталъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, и попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, которымъ и завѣдывалъ въ теченіи 20 лѣтъ. Съ этихъ-то поръ и началось самое сильное ополяченіе сѣверо-западной Россіи.

Средствами для достиженія этой цѣли были избраны: вѣра римско-католическая, польское землевладѣніе, польскій языкъ и литература и воспитаніе юношества въ духѣ польскомъ. Посредствомъ религіи, въ умахъ исконнаго русскаго населенія, были вкореняемы мысли, что католикъ, что полякъ — все равно. Посредствомъ землевладѣнія распространялось и поддерживалось это же вліяніе, да еще, сверхъ того, добывались средства для вооруженія мятежническихъ шаекъ и содержанія польскихъ коноводовъ; посредствомъ языка и литературы въ умахъ образованныхъ классовъ были искусственно возбуждаемы и поддерживаемы нравственная связь и единство съ умершей Польшей, а посредствомъ воспитанія въ сердцахъ юношества поселяема была ненависть ко всему русскому и православному. Эти главнѣйшіе пункты программы великаго будованья точно и неуклонно выполнялись поляками до позднѣйшей поры.

Въ дѣлахъ учебнаго округа Чарторыйскому оказывали содѣйствіе,

---

[1]) *Ратчъ*. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ, Т. 2-й. 253.

какъ старые его пулавскіе друзья, такъ и вновь пріобрѣтенные агенты польщизны на мѣстѣ, въ сѣверо-западномъ краѣ. Изъ прежнихъ были: Чацкій, изгнанный изъ Россіи императрицей Екатериной II, какъ человѣкъ вредный для государства, и помилованный императоромъ Павломъ I, съ производствомъ въ тайные совѣтники, Урсинъ-Нѣмцевичъ, заключенный Суворовымъ въ крѣпость, послѣ повстанья Косцюшки и помилованный тѣмъ же императоромъ; Колонтай, устроившій извѣстную рѣзню русскихъ въ Варшавѣ и освобожденный изъ австрійскихъ казематовъ русскимъ же правительствомъ; Янъ Снядецкій и др. Изъ новыхъ: проф. Лелевель, перешедшій въ послѣдствіи въ лагерь красныхъ; профессоръ Даниловичъ, извѣстный составитель „Скарбца“ и русской лѣтописи на польскомъ языкѣ; профессоръ Голуховскій, издававшій антиправительственныя сочиненія за границей; профессоръ Контримъ, заправлявшій, по словамъ Новосильцева, не только университетомъ, но и общественнымъ мнѣніемъ города Вильны и переписывавшійся съ Чарторыйскимъ; Андрей Снядецкій, учредитель общества Шубравцевъ, и многіе другіе.

Рѣдко живя въ Вильнѣ, Чарторыйскій издали, подъ вліяніемъ текущихъ событій, слѣдилъ за успѣхами того антипрусскаго направленія, которое онъ насаждалъ и которое поддерживалъ въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго ему округа; ближайшимъ же исполнителемъ всѣхъ его предначертаній былъ виленскій университетъ, кругъ дѣятельности котораго былъ очень обширенъ. Университетъ, въ это время, несъ на себѣ двоякую обязанность: учено-образовательную и административную. Университетъ воспитывалъ, назначалъ и увольнялъ учителей и другихъ лицъ учебнаго вѣдомства; онъ же издавалъ и одобрялъ для заведеній программы и учебники; онъ же и контролировалъ состояніе учебныхъ заведеній, какъ посредствомъ донесенія начальниковъ училищъ, такъ и посредствомъ визитаторовъ изъ собственныхъ своихъ членовъ профессоровъ. Такимъ образомъ административная дѣятельность университета была равносильна таковой же дѣятельности учебнаго округа, въ чемъ совершенно былъ согласенъ и самъ Чарторыйскій, разумѣя подъ университетомъ весь учебный округъ; — такой взглядъ оказалъ великую услугу польскому дѣлу. Состоя изъ лицъ, по преимуществу посвященныхъ въ тайны фамильной программы Чарторыйскихъ, университетъ сдѣлался операціоннымъ базисомъ возстановленія Польши и тѣмъ снисходительнѣе смотрѣлъ на патріотическія продѣлки учащихъ и учащихся, чѣмъ больше носили

какъ старые его пулавскіе друзья, такъ и вновь пріобрѣтенные агенты польщизны на мѣстѣ, въ сѣверо-западномъ краѣ. Изъ прежнихъ были: Чацкій, изгнанный изъ Россіи императрицей Екатериной II, какъ человѣкъ вредный для государства, и помилованный императоромъ Павломъ I, съ производствомъ въ тайные совѣтники, Урсинъ-Нѣмцевичъ, заключенный Суворовымъ въ крѣпость, послѣ повстанья Косцюшки и помилованный тѣмъ же императоромъ; Колонтай, устроившій извѣстную рѣзню русскихъ въ Варшавѣ и освобожденный изъ австрійскихъ казематовъ русскимъ же правительствомъ; Янъ Снядецкій и др. Изъ новыхъ: проф. Лелевель, перешедшій въ послѣдствіи въ лагерь красныхъ; профессоръ Даниловичъ, извѣстный составитель „Скарбца“ и русской лѣтописи на польскомъ языкѣ; профессоръ Голуховскій, издававшій антиправительственныя сочиненія за границей; профессоръ Контримъ, заправлявшій, по словамъ Новосильцева, не только университетомъ, но и общественнымъ мнѣніемъ города Вильны и переписывавшійся съ Чарторыйскимъ; Андрей Снядецкій, учредитель общества Шубравцевъ, и многіе другіе.

Рѣдко живя въ Вильнѣ, Чарторыйскій издали, подъ вліяніемъ текущихъ событій, слѣдилъ за успѣхами того антирусскаго направленія, которое онъ насаждалъ и которое поддерживалъ въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго ему округа; ближайшимъ же исполнителемъ всѣхъ его предначертаній былъ виленскій университетъ, кругъ дѣятельности котораго былъ очень обширенъ. Университетъ, въ это время, несъ на себѣ двоякую обязанность: учено-образовательную и административную. Университетъ воспитывалъ, назначалъ и увольнялъ учителей и другихъ лицъ учебнаго вѣдомства; онъ же издавалъ и одобрялъ для заведеній программы и учебники; онъ же и контролировалъ состояніе учебныхъ заведеній, какъ посредствомъ донесенія начальниковъ училищъ, такъ и посредствомъ визитаторовъ изъ собственныхъ своихъ членовъ профессоровъ. Такимъ образомъ административная дѣятельность университета была равносильна таковой же дѣятельности учебнаго округа, въ чемъ совершенно былъ согласенъ и самъ Чарторыйскій, разумѣя подъ университетомъ весь учебный округъ; — такой взглядъ оказалъ великую услугу польскому дѣлу. Состоя изъ лицъ, по преимуществу посвященныхъ въ тайны фамильной программы Чарторыйскихъ, университетъ сдѣлался операціоннымъ базисомъ возстановленія Польши и тѣмъ снисходительнѣе смотрѣлъ на патріотическія продѣлки учащихъ и учащихся, чѣмъ больше носили

онѣ на себѣ признаковъ патріотическаго запала и чѣмъ больше удовлетворяли его желаніямъ, поддерживаемымъ въ свою очередь княземъ Чарторыйскимъ. Раззадориваемые патріотическими бреднями профессоровъ, развращаемые польскими тенденціозными ученіями, молодые люди, по выходѣ изъ университета, вносили съ собой въ жизнь тѣ революціонные задатки польской дѣятельности, которые, разростаясь съ каждымъ годомъ все шире и глубже, проникли наконецъ во всѣ мѣста сѣверо-западнаго края.

Польская революціонная литература, вторгавшаяся изъ Польши и изъ-за границы и плодившаяся на мѣстѣ, а равно и разныя общества, существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бывшей рѣчи посполитой, были побочными ручьями польской справы, изъ которыхъ она черпала для себя еще болѣе силы и крѣпости. Вотъ для примѣра перечень книгъ, бывшихъ почти настольными, какъ у студентовъ университета и учениковъ гимназій, такъ и у постороннихъ лицъ, соприкосновенныхъ съ дѣлами слѣдственной коммиссіи, который мы составили на основаніи ея рапортовъ и донесеній: 1) Гишпанская конституція проф. *Морциновскаго*. 2) Выборъ мовы вольней — *Хржоновскаго*. 3) Похвала полякамъ — *Потоцкаго*. 4) Право ухвалене для 3-го мая. 5) Мондрый ляхъ по шкодзѣ. 6) Codex Наполеона, съ комментаріями. 7) Проповѣдь Метельскаго на погребеніе бискупа Карповича. 8) Уваги надъ писмемъ подъ титуломъ: Ржевускаго о сукцессіи трону въ Польшѣ— *Гуго Колонтая*. 9) Полякъ конфедератъ на Сиберіенъ пржезъ москали запроводзоный. 10) Таемница по дзяду Польски. 11) Пшестроги до полька въ теразнѣйшихъ Европы звензкахъ. 12) Мова Кривковскаго на оброненъ конституціи. 13) Обовензки капитанадовудцы. 14) До ксенця Іозефа Понятовскего. 15) Актъ конфедерацій генеральней и т. д. и т. д.

Какое вліяніе производила эта литература на умы читающей молодежи, мы отвѣтимъ подлинными словами одного изъ подсудимыхъ по тайному свислочскому обществу:

«Сказанныя сочиненія, свидѣтельствовалъ онъ, заключаютъ въ себѣ выраженія подобныя моимъ т. е. ругательства — поношенія. Чтеніе оныхъ было началомъ той пропасти, въ которую повергло меня мое молодое, безумное воображеніе и стремленіе къ изложенію мыслей моихъ на бумагѣ. Кромѣ того, съ дѣтства моего, вращаясь въ средѣ молодыхъ людей, я не встрѣчалъ ни одного такого, который бы вывелъ меня изъ заблужденія и поставилъ на путь истины. Не могу объяснить — что значитъ слово: «кандалы»—ибо оныхъ никогда не испытывалъ. Слово это сдѣлалось мнѣ из-

онѣ на себѣ признаковъ патріотическаго запала и чѣмъ больше удовлетворяли его желаніямъ, поддерживаемымъ въ свою очередь княземъ Чарторыйскимъ. Раззадориваемые патріотическими бреднями профессоровъ, развращаемые польскими тенденціозными ученіями, молодые люди, по выходѣ изъ университета, вносили съ собой въ жизнь тѣ революціонные задатки польской дѣятельности, которые, разростаясь съ каждымъ годомъ все шире и глубже, проникли наконецъ во всѣ мѣста сѣверо-западнаго края.

Польская революціонная литература, вторгавшаяся изъ Польши и изъ-за границы и плодившаяся на мѣстѣ, а равно и разныя общества, существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бывшей рѣчи посполитой, были побочными ручьями польской справы, изъ которыхъ она черпала для себя еще болѣе силы и крѣпости. Вотъ для примѣра перечень книгъ, бывшихъ почти настольными, какъ у студентовъ университета и учениковъ гимназій, такъ и у постороннихъ лицъ, соприкосновенныхъ съ дѣлами слѣдственной коммиссіи, который мы составили на основаніи ея рапортовъ и донесеній: 1) Гишпанская конституція проф. *Морциновскаго*. 2) Выборъ мовы вольней — *Хржоновскаго*. 3) Похвала полякамъ — *Потоцкаго*. 4) Право ухвалене для 3-го мая. 5) Мондрый ляхъ по шкодзѣ. 6) Codex Наполеона, съ комментаріями. 7) Проповѣдь Метельскаго на погребеніе бискупа Карповича. 8) Уваги надъ писмемъ подъ титуломъ: Ржевускаго о сукцессіи трону въ Польшѣ— *Гуго Колонтая*. 9) Полякъ конфедератъ на Сиберіенъ пржезъ москали запроводзоный. 10) Таемница по дзяду Польски. 11) Пшестроги до полька въ теразнѣйшихъ Европы звензкахъ. 12) Мова Кривковскаго на оброненъ конституціи. 13) Обовензки капитанадовудцы. 14) До ксенця Іозефа Понятовскего. 15) Актъ конфедерацій генеральней и т. д. и т. д.

Какое вліяніе производила эта литература на умы читающей молодежи, мы отвѣтимъ подлинными словами одного изъ подсудимыхъ по тайному свислочскому обществу:

«Сказанныя сочиненія, свидѣтельствовалъ онъ, заключаютъ въ себѣ выраженія подобныя моимъ т. е. ругательства — поношенія. Чтеніе оныхъ было началомъ той пропасти, въ которую повергло меня мое молодое, безумное воображеніе и стремленіе къ изложенію мыслей моихъ на бумагѣ. Кромѣ того, съ дѣтства моего, вращаясь въ средѣ молодыхъ людей, я не встрѣчалъ ни одного такого, который бы вывелъ меня изъ заблужденія и поставилъ на путь истины. Не могу объяснить — что значитъ слово: «кандалы»—ибо оныхъ никогда не испытывалъ. Слово это сдѣлалось мнѣ из-

вѣстнымъ изъ вышеупомянутыхъ сочиненій; равнымъ образомъ употреблялъ слова: «деспоты», «тираны» единственно по слѣпому имъ подражанію» [1]).

Отсюда ясно видно, почему въ 1805 году нужно было вербовать въ Мозырѣ учениковъ въ польскіе легіоны [2]), а въ 1818 году они уже сами себя обрекали на жертву отчизнѣ и торопили другъ друга скорѣе поспѣшить ему службой. Такъ въ 1818 году, ученикъ 6-го класса Свислочской гимназіи Янковскій писалъ своему товарищу Гельтману: „что тебя такъ долго удерживаетъ отъ дороги? Пока нѣтъ разбойническаго пожара, пока лежитъ кровавый стилетъ въ ножнахъ, нужно поспѣшить исполненіемъ предположенной цѣли. Нужно только сообразиться съ силами: можешь ли ты повергнуть свои услуги на олтарь отечеству? Еще открыто пространное поле для славы и истый полякъ не долженъ бояться называть себя полякомъ! Пора смѣло пуститься въ море и приблизиться къ пристани, пока еще не взошло солнце, пока служатъ силы [3])..." Спустя же еще пять лѣтъ, то-есть, въ 1823 году, юноши достигли уже такого полнаго пониманія нуждъ отчизны, что совершенно обдуманно совершали, во имя ея, политическія и уголовныя преступленія. Такъ, общество „Черныхъ братьевъ" въ Крожской гимназіи, при извѣстіи объ арестѣ „Филаретовъ" вознамѣрилось взволновать всю гимназію, чтобы увеличеніемъ числа виновныхъ ослабить мѣру наказаній, и съ этой цѣлью составило на имя смотрителя и разныхъ учениковъ возмутительныя письма. Вотъ для образчика одно изъ нихъ, адресованное на имя ученика Виткевича:

«Родаки! Не удивляйтесь этому письму, что въ дѣлѣ такой важности мы явно приступаемъ къ дѣлу: этого требуетъ и время и мѣсто. Рожденный отъ крови польской и не будучи въ состояніи сносить рабства, я призываю васъ къ сверженію онаго. Но, о горе! Слезы прерываютъ мою рѣчь и я едва только могу произносить ее. Іосифъ, князь Понятовскій! возмогъ ли бы ты допустить, чтобы съ твоимъ отечествомъ поступали такъ, какъ не рѣшился бы поступать съ *дикими подданными Россіи* ни одинъ великодушный монархъ! О убѣжище свободы отъ неволи!.. Во что обратилось отечество твое!.. Увы, такъ допустили боги!.. Какая перемѣна вещей, какое плачевное положеніе Польши! Къ свободѣ братья, къ свободѣ! Не покоряйтесь варварамъ! пусть лучше они покоряются вамъ!..

---

[1]) Дѣло о тайномъ Свислочскомъ обществѣ. Началось 29-го августа 1823 года.

[2]) Дѣло о завербованіи учениковъ Мозырскаго училища 1805 года.

[3]) Дѣло о тайномъ Свислочскомъ обществѣ 1823 года.

вѣстнымъ изъ вышеупомянутыхъ сочиненій; равнымъ образомъ употреблялъ слова: «деспоты», «тираны» единственно по слѣпому имъ подражанію» [1]).

Отсюда ясно видно, почему въ 1805 году нужно было вербовать въ Мозырѣ учениковъ въ польскіе легіоны [2]), а въ 1818 году они уже сами себя обрекали на жертву ойчизнѣ и торопили другъ друга скорѣе поспѣшить ему службой. Такъ въ 1818 году, ученикъ 6-го класса Свислочской гимназіи Янковскій писалъ своему товарищу Гельтману: „что тебя такъ долго удерживаетъ отъ дороги? Пока нѣтъ разбойническаго пожара, пока лежитъ кровавый стилетъ въ ножнахъ, нужно поспѣшить исполненіемъ предположенной цѣли. Нужно только сообразиться съ силами: можешь ли ты повергнуть свои услуги на олтарь отечеству? Еще открыто пространное поле для славы и истый полякъ не долженъ бояться называть себя полякомъ! Пора смѣло пуститься въ море и приблизиться къ пристани, пока еще не взошло солнце, пока служатъ силы [3])..." Спустя же еще пять лѣтъ, то-есть, въ 1823 году, юноши достигли уже такого полнаго пониманія нуждъ ойчизны, что совершенно обдуманно совершали, во имя ея, политическія и уголовныя преступленія. Такъ, общество „Черныхъ братьевъ" въ Крожской гимназіи, при извѣстіи объ арестѣ „Филаретовъ" вознамѣрилось взволновать всю гимназію, чтобы увеличеніемъ числа виновныхъ ослабить мѣру наказаній, и съ этой цѣлью составило на имя смотрителя и разныхъ учениковъ возмутительныя письма. Вотъ для образчика одно изъ нихъ, адресованное на имя ученика Виткевича:

«Родаки! Не удивляйтесь этому письму, что въ дѣлѣ такой важности мы явно приступаемъ къ дѣлу: этого требуетъ и время и мѣсто. Рожденный отъ крови польской и не будучи въ состояніи сносить рабства, я призываю васъ къ сверженію онаго. Но, о горе! Слезы прерываютъ мою рѣчь и я едва только могу произносить ее. Іосифъ, князь Понятовскій! возмогъ ли бы ты допустить, чтобы съ твоимъ отечествомъ поступали такъ, какъ не рѣшился бы поступать съ *дикими подданными Россіи* ни одинъ великодушный монархъ! О убѣжище свободы отъ неволи!.. Во что обратилось отечество твое!.. Увы, такъ допустили боги!.. Какая перемѣна вещей, какое плачевное положеніе Польши! Къ свободѣ братья, къ свободѣ! Не покоряйтесь варварамъ! пусть лучше они покоряются вамъ!..

---

[1]) Дѣло о тайномъ Свислочскомъ обществѣ. Началось 29-го августа 1823 года.

[2]) Дѣло о завербованіи учениковъ Мозырскаго училища 1805 года.

[3]) Дѣло о тайномъ Свислочскомъ обществѣ 1823 года.

«Насъ истребляли уже неоднократно; неоднократно были готовы для насъ кибитки къ сибирскимъ и казанскимъ волжамъ; однакожь это не устрашало и теперь не устрашаетъ соотчичей-поляковъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что кто *не за отечество*, тотъ противъ него. *Москаль такъ точно идетъ на Поляка, какъ нѣкогда гордый Персъ шелъ съ милліонами на Грека.*

«О Наполеонъ! я обращаю къ тѣни твоей мой ослабѣвшій голосъ! воодушеви поляковъ, чтобы они не несли ига москалей! Мы видимъ теперь: и *правду въ горести, и лукавство въ веселіи, и коварство въ почетѣ, и лесть у престола; но не видимъ свободы.* О свобода! о конституція!.. Какое плачевное положеніе Польши! Да здравствуетъ конституція и ея могущественная сила — свобода, единодушіе и вольность!

«Юношество! во имя великаго строителя міровъ, я обращаюсь къ вамъ и молю васъ: при извѣстіи о *поискахъ свободы*, бросьте ваши имущества и роскошь! Іосифъ князь Понятовскій! въ юношествѣ еще отзывается тотъ духъ свободы, который не позволитъ погасить себя во вѣкъ: въ немъ играетъ косціюшкинская кровь.

«Крожское юношество! да возбуждается и въ васъ духъ свободы: пожертвуйте и вы собой для отысканія опой. Во имя отчизны я умоляю васъ: и вы обратите на сіе вниманіе ваше! По отъѣздѣ моемъ отсюда, въ какихъ бы ни былъ я странахъ, я съ пріятностію услышу, что есть люди, хотя и *въ тайнѣ, но страждущіе по отчизнѣ.* Будьте готовы оказывать намъ помощь, когда ея востребуемъ, а письма эти раздѣляйте между лучшими по секрету [1])...»

Университетъ не только зналъ объ этомъ направленіи, но и поддерживалъ его, какъ дорогое свое дѣтище. Университету вторило и прямое училищное начальство. Такъ, въ объяснительной запискѣ Новосильцева Великому Князю Константину Павловичу, по дѣлу адъюнкта Контрима, говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Подъ скромнымъ званіемъ адъюнкта, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части здѣшней публики, о чемъ упоминали не только иностранные, но даже и наши русскіе столичные журналы. Орудіемъ къ достиженію сего служили ему разныя общества, основываемыя имъ самимъ, но всегда подъ чужимъ именемъ, какъ напр., общества — «шубравцевъ», «масонскихъ реформатовъ», «для пособія бѣднымъ ученикамъ» и проч., изъ коихъ послѣднее, какъ послѣ открылось, имѣло въ виду пре-

[1]) Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожахъ. 1823 года.

«Насъ истребляли уже неоднократно; неоднократно были готовы для насъ кибитки къ сибирскимъ и казанскимъ волжамъ; однакожь это не устрашало и теперь не устрашаетъ соотчичей-поляковъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что кто *не за отечество*, тотъ противъ него. *Москаль такъ точно идетъ на Поляка, какъ нѣкогда гордый Персъ шелъ съ милліонами на Грека.*

«О Наполеонъ! я обращаю къ тѣни твоей мой ослабѣвшій голосъ! воодушеви поляковъ, чтобы они не несли ига москалей! Мы видимъ теперь: и *правду въ горести, и лукавство въ веселіи, и коварство въ почетѣ, и лесть у престола; но не видимъ свободы.* О свобода! о конституція!.. Какое плачевное положеніе Польши! Да здравствуетъ конституція и ея могущественная сила — свобода, единодушіе и вольность!

«Юношество! во имя великаго строителя міровъ, я обращаюсь къ вамъ и молю васъ: при извѣстіи о *поискахъ свободы*, бросьте ваши имущества и роскошь! Іосифъ князь Понятовскій! въ юношествѣ еще отзывается тотъ духъ свободы, который не позволитъ погасить себя во вѣкъ: въ немъ играетъ косціюшкинская кровь.

«Крожское юношество! да возбуждается и въ васъ духъ свободы: пожертвуйте и вы собой для отысканія опой. Во имя отчизны я умоляю васъ: и вы обратите на сіе вниманіе ваше! По отъѣздѣ моемъ отсюда, въ какихъ бы ни былъ я странахъ, я съ пріятностію услышу, что есть люди, хотя и *въ тайнѣ, но страждущіе по отчизнѣ.* Будьте готовы оказывать намъ помощь, когда ея востребуемъ, а письма эти раздѣляйте между лучшими по секрету [1])...»

Университетъ не только зналъ объ этомъ направленіи, но и поддерживалъ его, какъ дорогое свое дѣтище. Университету вторило и прямое училищное начальство. Такъ, въ объяснительной запискѣ Новосильцева Великому Князю Константину Павловичу, по дѣлу адъюнкта Контрима, говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Подъ скромнымъ званіемъ адъюнкта, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части здѣшней публики, о чемъ упоминали не только иностранные, но даже и наши русскіе столичные журналы. Орудіемъ къ достиженію сего служили ему разныя общества, основываемыя имъ самимъ, но всегда подъ чужимъ именемъ, какъ напр., общества — «шубравцевъ», «масонскихъ реформатовъ», «для пособія бѣднымъ ученикамъ» и проч., изъ коихъ послѣднее, какъ послѣ открылось, имѣло въ виду пре-

[1]) Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожахъ. 1823 года.

вратить «тайное общество филаретовъ» въ публичное, подъ благовиднымъ предлогомъ, означеннымъ въ его заглавіи. Сверхъ того не укрылось также отъ меня, что и наружныя связи его, весьма обширныя (Контримъ находился въ перепискѣ съ Чарторыйскимъ), не мало способствовали ему въ господствованіи надъ университетомъ и обучающимся юношествомъ. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ, свѣдѣнія были поводомъ, что я всегда внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ пружинъ возмутительной системы [1])». И далѣе: «сей Ходзько (ревностнѣйшій покровитель общества филаретовъ), коего три сына были въ обществѣ „Филаретовъ“ былъ посылаемъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ *Зономъ*, главнымъ основателемъ общества филаретовъ, состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но даже и между учителями» [2]).

Въ рапортѣ Новосильцеву визитатора Бѣлорусскихъ училищъ С.-Петербургскаго университета профессора О. И. Сеньковскаго, ревизовавшаго ихъ въ 1826 году, по поводу возмутительныхъ пасквилей, найденныхъ въ высшемъ тарскомъ полоцкомъ училищѣ, говорится слѣдующее:

«Всю вину должно приписать ихъ начальству и наставникамъ, питающимъ въ нихъ (воспитанникахъ) духъ патріотизма, непріязненнаго правительству, оставившимъ ихъ безъ надзора, допустившимъ имъ собираться тайно, читать и пѣть непозволительныя и развратныя стихотворенія, наконецъ доведшимъ ихъ до невѣроятной степени буйства, неповиновенія и вольнодумства. Нынѣ я собралъ достовѣрныя свѣдѣнія, что полоцкіе піары, жертвуя временемъ воспитанниковъ, развлекали ихъ вниманіе къ наукамъ и ослабляли прилежаніе разными неумѣстными забавами и упражненіями, какъ напр., концертами, даваемыми въ зданіяхъ монастыря, въ которыхъ участвовали и молодыя дѣвицы изъ города, духовными сотовариществами (confrerie religieuses), подавшими ученикамъ поводъ собираться и толковать о разныхъ, непринадлежащихъ къ нимъ предметахъ и терять время, предназначенное къ пріобрѣтенію познаній, и тому подобными занятіями, несообразными, ни съ ихъ возрастомъ, ни съ обязанностями питомцевъ учебныхъ заведеній.

Сверхъ того, я долженъ довести до свѣдѣнія, что въ первую бытность мою въ Полоцкѣ, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ монахинь

---

[1]) Дѣло объ адъюнктѣ Виленскаго Университета Контримѣ. 1824 года.
[2]) Дѣло о Комитетѣ Высоч. утвержд. по безпорядкамъ В. Унив.

вратить «тайное общество филаретовъ» въ публичное, подъ благовиднымъ предлогомъ, означеннымъ въ его заглавіи. Сверхъ того не укрылось также отъ меня, что и наружныя связи его, весьма обширныя (Контримъ находился въ перепискѣ съ Чарторыйскимъ), не мало способствовали ему въ господствованіи надъ университетомъ и обучающимся юношествомъ. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ, свѣдѣнія были поводомъ, что я всегда внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ пружинъ возмутительной системы [1])». И далѣе: «сей Ходзько (ревностнѣйшій покровитель общества филаретовъ), коего три сына были въ обществѣ „Филаретовъ“ былъ посылаемъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ *Зономъ*, главнымъ основателемъ общества филаретовъ, состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но даже и между учителями» [2]).

Въ рапортѣ Новосильцеву визитатора Бѣлорусскихъ училищъ С.-Петербургскаго университета профессора О. И. Сеньковскаго, ревизовавшаго ихъ въ 1826 году, по поводу возмутительныхъ пасквилей, найденныхъ въ высшемъ тарскомъ полоцкомъ училищѣ, говорится слѣдующее:

«Всю вину должно приписать ихъ начальству и наставникамъ, питающимъ въ нихъ (воспитанникахъ) духъ патріотизма, непріязненнаго правительству, оставившимъ ихъ безъ надзора, допустившимъ имъ собираться тайно, читать и пѣть непозволительныя и развратныя стихотворенія, наконецъ доведшимъ ихъ до невѣроятной степени буйства, неповиновенія и вольнодумства. Нынѣ я собралъ достовѣрныя свѣдѣнія, что полоцкіе піары, жертвуя временемъ воспитанниковъ, развлекали ихъ вниманіе къ наукамъ и ослабляли прилежаніе разными неумѣстными забавами и упражненіями, какъ напр., концертами, даваемыми въ зданіяхъ монастыря, въ которыхъ участвовали и молодыя дѣвицы изъ города, духовными сотовариществами (confrerie religieuses), подавшими ученикамъ поводъ собираться и толковать о разныхъ, непринадлежащихъ къ нимъ предметахъ и терять время, предназначенное къ пріобрѣтенію познаній, и тому подобными занятіями, несообразными, ни съ ихъ возрастомъ, ни съ обязанностями питомцевъ учебныхъ заведеній.

Сверхъ того, я долженъ довести до свѣдѣнія, что въ первую бытность мою въ Полоцкѣ, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ монахинь

---

[1]) Дѣло объ адъюнктѣ Виленскаго Университета Контримѣ. 1824 года.
[2]) Дѣло о Комитетѣ Высоч. утвержд. по безпорядкамъ В. Унив.

Моріавитокъ, содержащихъ женское училище, которое посѣщаютъ дѣвицы нерѣдко 14, 15 л., живущихъ въ одномъ зданіи съ піарами, безъ всякаго предѣла и безъ клявзуры на томъ же коррндорѣ, при которомъ отведены квартиры для старшихъ учениковъ. Находя совершенно неумѣстнымъ, чтобы молодыя монахини съ женскимъ училищемъ помѣщались вмѣстѣ съ ксендзами и старшими воспитанниками ихъ училища, не имѣя особаго хода, и не будучи раздѣлены даже дверьми, я совѣтовалъ ректору училища, управляющему по порученію Митрополита, перевести ихъ въ собственный монастырь, дабы тѣмъ прекратить нѣкоторыя сатирическія замѣчанія, дошедшія и до моего свѣдѣнія—на счетъ такого забвенія піарами общественныхъ и духовныхъ приличій. Ректоръ уважилъ мой совѣтъ и перевелъ» [1]).

Мы не приводимъ здѣсь другихъ, еще болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, потому что о нихъ будетъ рѣчь впереди.

Прямымъ послѣдствіемъ такого хода дѣлъ, было появленіе въ стѣнахъ учебныхъ заведеній высшихъ и среднихъ, разныхъ тайныхъ и явныхъ обществъ, въ которыхъ отуманенное воображеніе молодежи, развращаемой польскими революціонными идеями, старалось найти свою невидимую и несуществующую Польшу. Варшава и Вильна сдѣлались путеводителями преступныхъ бродней; къ нимъ молодежь обращалась за совѣтами, помощію и руководствомъ и получала ихъ. „Доходили до насъ извѣстія“, говоритъ одинъ изъ подсудимыхъ по свислочскому обществу, „о существованіи обществъ въ Вильнѣ и Варшавѣ: это заставило и насъ учредить у себя нѣчто подобное“ [2]). За совѣтомъ они послали въ Варшаву и получили его вмѣстѣ съ готовымъ уставомъ для общества. Такимъ образомъ учебныя заведенія, сбитыя съ прямаго пути, превратились въ чудовищныя гнѣзда безвѣрія, нравственнаго и политическаго распутства. Юноши, воспитываемые въ духѣ великаго будованья, съ замираніемъ сердца, то и дѣло твердили: „вольность“, „равность“, „неподлеглость“, „смерть тиранамъ“, считали себя полноправными гражданами несуществующаго отечества и вмѣняли себѣ въ непремѣнную обязанность всѣми силами ненавидѣть отечество существующее—Россію, которая рисовалась, или вѣрнѣе — была рисуема въ ихъ воображеніи какимъ-то адскимъ

---

[1]) Дѣло о возмутительныхъ пасквиляхъ, открытыхъ въ высшемъ полоцкомъ піарскомъ училищѣ. 1826 года. Бѣлорусскія губерніи, съ 1824 года, были подчинены С.-Петербургскому университету.

[2]) Дѣло о тайномъ свислочскомъ обществѣ 1823 года.

Моріавитокъ, содержащихъ женское училище, которое посѣщаютъ дѣвицы нерѣдко 14, 15 л., живущихъ въ одномъ зданіи съ піарами, безъ всякаго предѣла и безъ клявзуры на томъ же коррндорѣ, при которомъ отведены квартиры для старшихъ учениковъ. Находя совершенно неумѣстнымъ, чтобы молодыя монахини съ женскимъ училищемъ помѣщались вмѣстѣ съ ксендзами и старшими воспитанниками ихъ училища, не имѣя особаго хода, и не будучи раздѣлены даже дверьми, я совѣтовалъ ректору училища, управляющему по порученію Митрополита, перевести ихъ въ собственный монастырь, дабы тѣмъ прекратить нѣкоторыя сатирическія замѣчанія, дошедшія и до моего свѣдѣнія—на счетъ такого забвенія піарами общественныхъ и духовныхъ приличій. Ректоръ уважилъ мой совѣтъ и перевелъ» [1]).

Мы не приводимъ здѣсь другихъ, еще болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, потому что о нихъ будетъ рѣчь впереди.

Прямымъ послѣдствіемъ такого хода дѣлъ, было появленіе въ стѣнахъ учебныхъ заведеній высшихъ и среднихъ, разныхъ тайныхъ и явныхъ обществъ, въ которыхъ отуманенное воображеніе молодежи, развращаемой польскими революціонными идеями, старалось найти свою невидимую и несуществующую Польшу. Варшава и Вильна сдѣлались путеводителями преступныхъ бродней; къ нимъ молодежь обращалась за совѣтами, помощію и руководствомъ и получала ихъ. „Доходили до насъ извѣстія“, говоритъ одинъ изъ подсудимыхъ по свислочскому обществу, „о существованіи обществъ въ Вильнѣ и Варшавѣ: это заставило и насъ учредить у себя нѣчто подобное“ [2]). За совѣтомъ они послали въ Варшаву и получили его вмѣстѣ съ готовымъ уставомъ для общества. Такимъ образомъ учебныя заведенія, сбитыя съ прямаго пути, превратились въ чудовищныя гнѣзда безвѣрія, нравственнаго и политическаго распутства. Юноши, воспитываемые въ духѣ великаго будованья, съ замираніемъ сердца, то и дѣло твердили: „вольность“, „равность“, „неподлеглость“, „смерть тиранамъ“, считали себя полноправными гражданами несуществующаго отечества и вмѣняли себѣ въ непремѣнную обязанность всѣми силами ненавидѣть отечество существующее—Россію, которая рисовалась, или вѣрнѣе — была рисуема въ ихъ воображеніи какимъ-то адскимъ

---

[1]) Дѣло о возмутительныхъ пасквиляхъ, открытыхъ въ высшемъ полоцкомъ піарскомъ училищѣ. 1826 года. Бѣлорусскія губерніи, съ 1824 года, были подчинены С.-Петербургскому университету.

[2]) Дѣло о тайномъ свислочскомъ обществѣ 1823 года.

чудовищемъ, какою-то преднамѣренною виновницею всѣхъ ихъ воображаемыхъ бѣдъ. Истина, благородство и наука стали терять въ ихъ сердцахъ всякій смыслъ, всякое значеніе; на ихъ мѣсто водружались—политика, ложь и крайнее якобинство. Съ трудомъ вѣришь глазамъ своимъ, прочитывая разные случаи изъ тогдашней школьной жизни, какъ напримѣръ, одинъ ученикъ проповѣдуетъ въ классѣ публично: „присяга у насъ не значитъ ничего, а религія, если вникнуть въ нее поглубже, состоитъ не изъ чего инаго, какъ изъ побасенокъ„ [1]), а другой, во время уроковъ, на перемѣнахъ, читаетъ всѣмъ вслухъ: „дѣлко о конституціи 3-го мая“ [2]); какъ одинъ ночью разноситъ по городу угрожающіе памфлеты, вооружившись при этомъ стилетомъ [3]), а другой прямо говоритъ: „если меня сдадутъ въ солдаты, то во время смотра я выстрѣлю въ Государя“ [4]); какъ напримѣръ, одинъ, съ цѣлью публичнаго осмѣянія ученической формы, рядится въ какую-то чуйку, надѣваетъ жилетъ съ форменнымъ воротникомъ и еврейскую шляпу и въ такомъ шутовскомъ видѣ безнаказанно расхаживаетъ по гимназическому двору, во время уроковъ [5]), а другой отвѣчаетъ своему учителю въ классѣ (третьемъ): „стать на колѣни не могу, ибо у меня въ ногахъ меркуріумъ“ [6]); какъ напримѣръ въ одно время цѣлая толпа нападаетъ на православный монастырскій садъ и не только производитъ въ немъ опустошенія, но еще безнаказанно избиваетъ монаховъ, а въ другое время, тоже безнаказанно, устраиваетъ за городомъ пикникъ съ транспарантами, кутежами и полуобнаженными нимфами. Въ „дѣлѣ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ съ учениками гимназій“, помѣщены между прочимъ слѣдующія: подъ 1818 годомъ: въ Дашковской школѣ ксендзовъ Бернардиновъ, Россіенскаго уѣзда—ученикъ III класса Каэтанъ Скачковскій, имѣющій двадцать восемь лѣтъ, нечаянно застрѣлилъ ученика того же класса — Гобольскаго, имѣющаго двадцать пять лѣтъ; подъ 1820 г.: ученикъ Ольщкаго училища—Трофимовичъ застрѣлилъ ученика Карповича; подъ 1821 г.: ученикъ IV класса, Бердическаго училища ксендзовъ кормелитовъ

---

[1]) Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожахъ.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Дѣло по доносу Яковлева—ученика 2-го класса, на студента Чапроцкаго.
[5]) Дѣло о безпорядкахъ по Мозырскому училищу.
[6]) Тамъ же.

чудовищемъ, какою-то преднамѣренною виновницею всѣхъ ихъ воображаемыхъ бѣдъ. Истина, благородство и наука стали терять въ ихъ сердцахъ всякій смыслъ, всякое значеніе; на ихъ мѣсто водружались—политика, ложь и крайнее якобинство. Съ трудомъ вѣришь глазамъ своимъ, прочитывая разные случаи изъ тогдашней школьной жизни, какъ напримѣръ, одинъ ученикъ проповѣдуетъ въ классѣ публично: „присяга у насъ не значитъ ничего, а религія, если вникнуть въ нее поглубже, состоитъ не изъ чего инаго, какъ изъ побасенокъ„ [1]), а другой, во время уроковъ, на перемѣнахъ, читаетъ всѣмъ вслухъ: „дѣлко о конституціи 3-го мая“ [2]); какъ одинъ ночью разноситъ по городу угрожающіе памфлеты, вооружившись при этомъ стилетомъ [3]), а другой прямо говоритъ: „если меня сдадутъ въ солдаты, то во время смотра я выстрѣлю въ Государя“ [4]); какъ напримѣръ, одинъ, съ цѣлью публичнаго осмѣянія ученической формы, рядится въ какую-то чуйку, надѣваетъ жилетъ съ форменнымъ воротникомъ и еврейскую шляпу и въ такомъ шутовскомъ видѣ безнаказанно расхаживаетъ по гимназическому двору, во время уроковъ [5]), а другой отвѣчаетъ своему учителю въ классѣ (третьемъ): „стать на колѣни не могу, ибо у меня въ ногахъ меркуріумъ“ [6]); какъ напримѣръ въ одно время цѣлая толпа нападаетъ на православный монастырскій садъ и не только производитъ въ немъ опустошенія, но еще безнаказанно избиваетъ монаховъ, а въ другое время, тоже безнаказанно, устраиваетъ за городомъ пикникъ съ транспарантами, кутежами и полуобнаженными нимфами. Въ „дѣлѣ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ съ учениками гимназій“, помѣщены между прочимъ слѣдующія: подъ 1818 годомъ: въ Дашковской школѣ ксендзовъ Бернардиновъ, Россіенскаго уѣзда—ученикъ III класса Каэтанъ Скачковскій, имѣющій двадцать восемь лѣтъ, нечаянно застрѣлилъ ученика того же класса — Гобольскаго, имѣющаго двадцать пять лѣтъ; подъ 1820 г.: ученикъ Ольщкаго училища—Трофимовичъ застрѣлилъ ученика Карповича; подъ 1821 г.: ученикъ IV класса, Бердическаго училища ксендзовъ кормелитовъ

---

[1]) Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожахъ.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Дѣло по доносу Яковлева—ученика 2-го класса, на студента Чапроцкаго.

[5]) Дѣло о безпорядкахъ по Мозырскому училищу.

[6]) Тамъ же.

и домашній надзиратель Мрочковскій — застрѣлились; подъ тѣмъ же годомъ: ученикъ Мерецкаго училища Иванъ Садовскій, во время уроковъ, бѣжалъ изъ заведенія, вопреки волѣ начальства; розыскалъ лодку, сѣлъ въ нее, но потомъ испугавшись выпрыгнулъ въ воду и утонулъ. А въ дѣлѣ о безпорядкахъ по Мозырскому училищу значится: ученики ночью напали на домашняго надзирателя и хотѣли избить его батогами; тоже ночью ходятъ подъ окнами учителей и не даютъ имъ спать; ученикъ IV класса Пржибора соблазнилъ дѣвушку и когда родители хотѣли взять ее домой, то его товарищи устроили ей побѣгъ. Вообще охота и ухаживанье за женщинами были очень обыкновенными школьными занятіями.

Въ какой мѣрѣ учебныя заведенія того времени вообще удовлетворяли требованіямъ русскаго правительства, съ этимъ можетъ познакомить еще, кромѣ вышеизложенныхъ намъ фактовъ, и слѣдующее представленіе Бѣлорусскаго генералъ-губернатора князя Хованскаго, требовавшаго отдѣленія Бѣлорусскихъ губерній отъ Виленскаго учебнаго Округа—что и было сдѣлано въ 182⁴/₅ году:

«Въ Бѣлоруссіи, писалъ князь, со времени присоединенія ея къ россійской имперіи, воспитаніе юношества находится въ рукахъ католическаго и уніятскаго духовенства. Образованіе онаго заключалось въ школахъ, учрежденныхъ при кляшторахъ іезуитскихъ, піарскихъ и др. монашескихъ орденовъ. Школы сіи существуютъ и понынѣ, кромѣ іезуитскихъ. Въ нихъ юношество обучается по методамъ старинныхъ авторовъ; науки преподаются на польскомъ или на латинскомъ языкахъ; словесность заключается въ обученіи польскому языку, латинскому и нѣкоторымъ иностраннымъ, а россійскій остается въ совершенномъ небреженіи; сему послѣднему обучаютъ только читать, писать и весьма мало даютъ понятія о правилахъ его грамматики, ибо и сами учителя имѣютъ весьма ограниченное понятіе о россійскомъ языкѣ. Существенная же система наставниковъ состоитъ въ томъ, чтобы въ учащихся поселить духъ чистаго полонизма, въ чемъ они и достигли своей цѣли.

«Съ образованіемъ учебныхъ округовъ, Бѣлорусскія губерніи—Витебская и Могилевская, по части ученій, подчинены вѣдомству виленскаго университета и, на основаніи уставовъ, изданныхъ для университетовъ, учреждены въ каждомъ изъ оныхъ губернскія гимназіи, управляемыя особыми директорами, которые не имѣютъ однакоже никакого вліянія на училища духовныя, ибо сіи послѣднія состоятъ подъ вѣдѣніемъ самаго университета и осматриваются особо посылаемыми для сего визитаторами. Гимназіи по цѣли, съ которой учреждены правительствомъ, должны при-

и домашній надзиратель Мрочковскій — застрѣлились; подъ тѣмъ же годомъ: ученикъ Мерецкаго училища Иванъ Садовскій, во время уроковъ, бѣжалъ изъ заведенія, вопреки волѣ начальства; розыскалъ лодку, сѣлъ въ нее, но потомъ испугавшись выпрыгнулъ въ воду и утонулъ. А въ дѣлѣ о безпорядкахъ по Мозырскому училищу значится: ученики ночью напали на домашняго надзирателя и хотѣли избить его батогами; тоже ночью ходятъ подъ окнами учителей и не даютъ имъ спать; ученикъ IV класса Пржибора соблазнилъ дѣвушку и когда родители хотѣли взять ее домой, то его товарищи устроили ей побѣгъ. Вообще охота и ухаживанье за женщинами были очень обыкновенными школьными занятіями.

Въ какой мѣрѣ учебныя заведенія того времени вообще удовлетворяли требованіямъ русскаго правительства, съ этимъ можетъ познакомить еще, кромѣ вышеизложенныхъ намп фактовъ, и слѣдующее представленіе Бѣлорусскаго генералъ-губернатора князя Хованскаго, требовавшаго отдѣленія Бѣлорусскихъ губерній отъ Виленскаго учебнаго Округа—что и было сдѣлано въ 182⁴/₅ году:

«Въ Бѣлоруссіи, писалъ князь, со времени присоединенія ея къ россійской имперіи, воспитаніе юношества находится въ рукахъ католическаго и уніятскаго духовенства. Образованіе онаго заключалось въ школахъ, учрежденныхъ при кляшторахъ іезуитскихъ, піарскихъ и др. монашескихъ орденовъ. Школы сіи существуютъ и понынѣ, кромѣ іезуитскихъ. Въ нихъ юношество обучается по методамъ старинныхъ авторовъ; науки преподаются на польскомъ или на латинскомъ языкахъ; словесность заключается въ обученіи польскому языку, латинскому и нѣкоторымъ иностраннымъ, а россійскій остается въ совершенномъ небреженіи; сему послѣднему обучаютъ только читать, писать и весьма мало даютъ понятія о правилахъ его грамматики, ибо и сами учителя имѣютъ весьма ограниченное понятіе о россійскомъ языкѣ. Существенная же система наставниковъ состоитъ въ томъ, чтобы въ учащихся поселить духъ чистаго полонизма, въ чемъ они и достигли своей цѣли.

«Съ образованіемъ учебныхъ округовъ, Бѣлорусскія губерніи—Витебская и Могилевская, по части ученій, подчинены вѣдомству виленскаго университета и, на основаніи уставовъ, изданныхъ для университетовъ, учреждены въ каждомъ изъ оныхъ губернскія гимназіи, управляемыя особыми директорами, которые не имѣютъ однакоже никакого вліянія на училища духовныя, ибо сіи послѣднія состоятъ подъ вѣдѣніемъ самаго университета и осматриваются особо посылаемыми для сего визитаторами. Гимназіи по цѣли, съ которой учреждены правительствомъ, должны при-

готовлять учащихся въ нихъ молодыхъ людей такимъ образомъ, чтобы они, окончивъ курсъ ученія, могли съ пользою вступать въ военную, или гражданскую службу; но гимназіи бѣлорусскаго учебнаго округа нисколько не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ правительства. Науки и словесность равномѣрно преподаются въ нихъ на польскомъ, русскому же учатъ весьма мало – для него назначенъ одинъ только день въ недѣлю, и учащіеся, также какъ и въ духовныхъ школахъ, наклоняются къ полонизму, отчего юноши, окончившіе гимназическій курсъ, по малому знанію русскаго языка, выходятъ неспособными къ гражданской службѣ. По сей причинѣ бѣлорусскія присутственныя мѣста наполнены такими канцелярскими чиновниками, изъ коихъ немногіе могутъ порядочно не только сочинить, но даже переписать бумагу. Отъ сей системы воспитанія проистекаетъ еще и то главнѣйшее зло, что природные бѣлоруссы, не только пожилыхъ лѣтъ, но даже и молодые, не смотря на давность присоединенія края, питаютъ какое то равнодушіе и даже непріязнь къ кореннымъ русскимъ и ко всему русскому.

«Чиновники служащіе въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, а равно и другихъ сословій по промысламъ проживающіе люди, видя недостаточное преподаваніе русской словесности и опасаясь, чтобы дѣти ихъ не напитались такимъ же духомъ полонизма, затрудняются въ ихъ образованіи» [1]).

Но не такого мнѣнія объ учебномъ округѣ былъ самъ Чарторыйскій, 20 лѣтъ нравственно и политически разлагавшій западнорусское юношество. Онъ какъ будто и не замѣчалъ той пропасти, въ которую ввергалъ край; напротивъ того, путемъ лести, путемъ своевременныхъ и ревниво-чуткихъ предостереженій онъ старался еще болѣе укрѣпить учебныя заведенія въ томъ направленіи, по которому они шли. Въ концѣ 1822 года, когда стали уже явственно всплывать на поверхность результаты его дѣятельности, онъ издалъ на имя новаго ректора университета, Твардовскаго, слѣдующее предписаніе:

„Вамъ извѣстны непріятныя происшествія, совершившіяся въ заграничныхъ университетахъ. То что и тамъ могло быть вначалѣ ребячествомъ, вслѣдствіе неразсудительности и вѣтренности молодежи, жаждущей заключать тайные союзы, по легкомысленному стремленію за чрезвычайностями, можетъ распространяться далѣе и далѣе и, кто знаетъ, не печальнѣйшіе ли еще возродитъ случаи?

„Утѣшаюсь надеждою, что благоразумное юношество всего Виленскаго

[1]) Дѣло о пасквильныхъ стихахъ, открытыхъ въ высшемъ полоцкомъ піарскомъ училищѣ. 1826 г.

готовлять учащихся въ нихъ молодыхъ людей такимъ образомъ, чтобы они, окончивъ курсъ ученія, могли съ пользою вступать въ военную, или гражданскую службу; но гимназіи бѣлорусскаго учебнаго округа нисколько не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ правительства. Науки и словесность равномѣрно преподаются въ нихъ на польскомъ, русскому же учатъ весьма мало – для него назначенъ одинъ только день въ недѣлю, и учащіеся, также какъ и въ духовныхъ школахъ, наклоняются къ полонизму, отчего юноши, окончившіе гимназическій курсъ, по малому знанію русскаго языка, выходятъ неспособными къ гражданской службѣ. По сей причинѣ бѣлорусскія присутственныя мѣста наполнены такими канцелярскими чиновниками, изъ коихъ немногіе могутъ порядочно не только сочинить, но даже переписать бумагу. Отъ сей системы воспитанія проистекаетъ еще и то главнѣйшее зло, что природные бѣлоруссы, не только пожилыхъ лѣтъ, но даже и молодые, не смотря на давность присоединенія края, питаютъ какое то равнодушіе и даже непріязнь къ кореннымъ русскимъ и ко всему русскому.

«Чиновники служащіе въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, а равно и другихъ сословій по промысламъ проживающіе люди, видя недостаточное преподаваніе русской словесности и опасаясь, чтобы дѣти ихъ не напитались такимъ же духомъ полонизма, затрудняются въ ихъ образованіи» [1]).

Но не такого мнѣнія объ учебномъ округѣ былъ самъ Чарторыйскій, 20 лѣтъ нравственно и политически разлагавшій западнорусское юношество. Онъ какъ будто и не замѣчалъ той пропасти, въ которую ввергалъ край; напротивъ того, путемъ лести, путемъ своевременныхъ и ревниво-чуткихъ предостереженій онъ старался еще болѣе укрѣпить учебныя заведенія въ томъ направленіи, по которому они шли. Въ концѣ 1822 года, когда стали уже явственно всплывать на поверхность результаты его дѣятельности, онъ издалъ на имя новаго ректора университета, Твардовскаго, слѣдующее предписаніе:

„Вамъ извѣстны непріятныя происшествія, совершившіяся въ заграничныхъ университетахъ. То что и тамъ могло быть вначалѣ ребячествомъ, вслѣдствіе неразсудительности и вѣтренности молодежи, жаждущей заключать тайные союзы, по легкомысленному стремленію за чрезвычайностями, можетъ распространяться далѣе и далѣе и, кто знаетъ, не печальнѣйшіе ли еще возродитъ случаи?

„Утѣшаюсь надеждою, что благоразумное юношество всего Виленскаго

[1]) Дѣло о пасквильныхъ стихахъ, открытыхъ въ высшемъ полоцкомъ піарскомъ училищѣ. 1826 г.

учебнаго округа, а тѣмъ болѣе въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвятивши себя занятіямъ, которыя ему до сихъ поръ дѣлали честь и которыя единственно открываютъ ему путь ко всякаго рода службѣ, удаляется отъ всякихъ посторонннихъ занятій, отъ неблагоразумныхъ и вредныхъ паущеній и мечтаній. Извѣстно мнѣ также, что училища Виленскаго учебнаго округа, всегда славились повиновеніемъ и почтеніемъ начальству и, хотя я льщу себя надеждой, что они и навсегда останутся въ такомъ похвальномъ положеніи, тѣмъ не менѣе, по главнѣйшей обязанности всякаго начальника, при подобныхъ обстоятельствахъ—предусматривать и предупреждать зло, почелъ я своимъ долгомъ предостеречь васъ, м. г., чтобы вы имѣли за учениками скорѣйшій и тщательнѣйшій надзоръ,—за живущими въ Вильнѣ—лично, а въ другихъ мѣстахъ,—посредствомъ предписаній, способныхъ визитаторовъ, удвоеннаго усердія домашнихъ смотрителей, посредствомъ ближайшаго обращенія съ учениками учителей, и частаго посѣщенія смотрителями и другими начальниками ученическихъ квартиръ, чтобы воспитанники отличались приличнымъ и законнымъ повиновеніемъ, безпрерывно занимались науками, которымъ себя посвящаютъ и не имѣли никакихъ сношеній съ посторонними лицами. Вотъ правила, которыя считаю своимъ долгомъ предписать вамъ, м. г., будучи совершенно увѣренъ въ вашей расторопности. Такое исполненіе опыхъ обезпечитъ учениковъ училищъ и университетъ отъ весьма непріятныхъ, могущихъ угрожать имъ случайностей.

„При семъ присовокупить я долженъ, что дѣло это требуетъ большой осторожности, чтобы посредствомъ несправедливыхъ подозрѣній не подать повода къ существованію тысячамъ, которыя можетъ быть безъ сего бы и не произошли; малымъ же случайнымъ посторонннимъ дѣйствіямъ не придавать важности, чтобы посредствомъ строгихъ, скорыхъ, либо громкихъ мѣръ не возжечь ихъ въ дѣйствія серьезныя“ [1]).

Послѣ сообщенныхъ нами фактовъ, не есть ли этотъ циркуляръ злая насмѣшка надъ описываемыми нами событіями, все равно какъ и дѣятельность Чарторыйскаго—надъ западно-русской исторіей?

II.

Извѣстія о существованіи въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа разныхъ антиправительственныхъ обществъ доходятъ до свѣ-

[1]) Дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ. 1823 г. Предписаніе Чарторыйскаго отъ 3 ноября № 197-й.

учебнаго округа, а тѣмъ болѣе въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвятивши себя занятіямъ, которыя ему до сихъ поръ дѣлали честь и которыя единственно открываютъ ему путь ко всякаго рода службѣ, удаляется отъ всякихъ посторонннихъ занятій, отъ неблагоразумныхъ и вредныхъ паущеній и мечтаній. Извѣстно мнѣ также, что училища Виленскаго учебнаго округа, всегда славились повиновеніемъ и почтеніемъ начальству и, хотя я льщу себя надеждой, что они и навсегда останутся въ такомъ похвальномъ положеніи, тѣмъ не менѣе, по главнѣйшей обязанности всякаго начальника, при подобныхъ обстоятельствахъ—предусматривать и предупреждать зло, почелъ я своимъ долгомъ предостеречь васъ, м. г., чтобы вы имѣли за учениками скорѣйшій и тщательнѣйшій надзоръ,—за живущими въ Вильнѣ—лично, а въ другихъ мѣстахъ,—посредствомъ предписаній, способныхъ визитаторовъ, удвоеннаго усердія домашнихъ смотрителей, посредствомъ ближайшаго обращенія съ учениками учителей, и частаго посѣщенія смотрителями и другими начальниками ученическихъ квартиръ, чтобы воспитанники отличались приличнымъ и законнымъ повиновеніемъ, безпрерывно занимались науками, которымъ себя посвящаютъ и не имѣли никакихъ сношеній съ посторонними лицами. Вотъ правила, которыя считаю своимъ долгомъ предписать вамъ, м. г., будучи совершенно увѣренъ въ вашей расторопности. Такое исполненіе опыхъ обезпечитъ учениковъ училищъ и университетъ отъ весьма непріятныхъ, могущихъ угрожать имъ случайностей.

„При семъ присовокупить я долженъ, что дѣло это требуетъ большой осторожности, чтобы посредствомъ несправедливыхъ подозрѣній не подать повода къ существованію тысячамъ, которыя можетъ быть безъ сего бы и не произошли; малымъ же случайнымъ посторонннимъ дѣйствіямъ не придавать важности, чтобы посредствомъ строгихъ, скорыхъ, либо громкихъ мѣръ не возжечь ихъ въ дѣйствія серьезныя“ [1]).

Послѣ сообщенныхъ нами фактовъ, не есть ли этотъ циркуляръ злая насмѣшка надъ описываемыми нами событіями, все равно какъ и дѣятельность Чарторыйскаго—надъ западно-русской исторіей?

II.

Извѣстія о существованіи въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа разныхъ антиправительственныхъ обществъ доходятъ до свѣ-

[1]) Дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ. 1823 г. Предписаніе Чарторыйскаго отъ 3 ноября № 197-й.

дѣпія мѣстныхъ гражданскихъ властей только около 1821 года; училищное же начальство знало объ нихъ чуть ли не со дня ихъ возникновенія. Чтобы не навлечь на себя справедливыхъ подозрѣній мѣстнаго правительства, съ одной стороны и предостеречь своихъ молодыхъ и заносчивыхъ патріотовъ—съ другой, князь Чарторыйскій нарядилъ въ 1822 году секретный комитетъ изъ профессоровъ, которому и поручилъ произвести изслѣдованіе „относительно какого-то общества“ „променистовъ“. „Сегодняшняго числа“ (28-го апрѣля 1822 года) писалъ Чарторыйскій ректору университета Малевскому, „сдѣлалъ я особое порученіе профессору Боянусу относительно изслѣдованія какого-то общества „променистовъ“ (лучезарныхъ), существующаго между студентами университета и предоставилъ ему полную законную власть къ производству такого порученія. А если понадобятся ему помощь и приказанія, присвоенныя вашей должности, то поручилъ я ему непосредственно относиться къ вамъ. По сему и предлагаю вамъ, м. г., удовлетворять всѣмъ требованіямъ профессора Боянуса“ [1]). Къ Боянусу были прикомандированы еще профессоры: ксендзъ Клонгевичъ и профессоръ Лобойко.

Этотъ секретный комитетъ, не смотря на то, что по заарестованіи бумагъ, принадлежавшихъ тайному обществу „Филаретовъ“, („променисты“ въ это время были уже Филаретами), имѣлъ всѣ данныя и улики для изобличенія преступныхъ дѣйствій этого общества, явно скрылъ его, возвративши назадъ забранныя имъ бумаги ихъ владѣльцамъ и отрапортовавши по начальству, что между студентами никогда и никакого тайнаго общества не существовало, а было только дозволенное ректоромъ университета, невинное собраніе студентовъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“, которое въ свою очередь давнымъ давно уже уничтожено бывшимъ запрещеніемъ по сему предмету того же ректора университета [2]).

Получивши отъ комитета такое донесеніе, князь Чарторыйскій, чтобы показать свою бдительность и строгость, а также чтобы очистить и оффиціальную свою совѣсть, издалъ на имя того же ректора, 11 мая, слѣдующее предписаніе:

„Разсмотрѣвши рапортъ секретнаго комитета, назначеннаго мной для изслѣдованія, нѣтъ ли между студентами университета тайнаго общества,

[1]) Дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ 1823 года

[2]) Тамъ же.

дѣпія мѣстныхъ гражданскихъ властей только около 1821 года; училищное же начальство знало объ нихъ чуть ли не со дня ихъ возникновенія. Чтобы не навлечь на себя справедливыхъ подозрѣній мѣстнаго правительства, съ одной стороны и предостеречь своихъ молодыхъ и заносчивыхъ патріотовъ—съ другой, князь Чарторыйскій нарядилъ въ 1822 году секретный комитетъ изъ профессоровъ, которому и поручилъ произвести изслѣдованіе „относительно какого-то общества“ „променистовъ“. „Сегодняшняго числа“ (28-го апрѣля 1822 года) писалъ Чарторыйскій ректору университета Малевскому, „сдѣлалъ я особое порученіе профессору Боянусу относительно изслѣдованія какого-то общества „променистовъ“ (лучезарныхъ), существующаго между студентами университета и предоставилъ ему полную законную власть къ производству такого порученія. А если понадобятся ему помощь и приказанія, присвоенныя вашей должности, то поручилъ я ему непосредственно относиться къ вамъ. По сему и предлагаю вамъ, м. г., удовлетворять всѣмъ требованіямъ профессора Боянуса“ [1]). Къ Боянусу были прикомандированы еще профессоры: ксендзъ Клонгевичъ и профессоръ Лобойко.

Этотъ секретный комитетъ, не смотря на то, что по заарестованіи бумагъ, принадлежавшихъ тайному обществу „Филаретовъ“, („променисты“ въ это время были уже Филаретами), имѣлъ всѣ данныя и улики для изобличенія преступныхъ дѣйствій этого общества, явно скрылъ его, возвративши назадъ забранныя имъ бумаги ихъ владѣльцамъ и отрапортовавши по начальству, что между студентами никогда и никакого тайнаго общества не существовало, а было только дозволенное ректоромъ университета, невинное собраніе студентовъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“, которое въ свою очередь давнымъ давно уже уничтожено бывшимъ запрещеніемъ по сему предмету того же ректора университета [2]).

Получивши отъ комитета такое донесеніе, князь Чарторыйскій, чтобы показать свою бдительность и строгость, а также чтобы очистить и оффиціальную свою совѣсть, издалъ на имя того же ректора, 11 мая, слѣдующее предписаніе:

„Разсмотрѣвши рапортъ секретнаго комитета, назначеннаго мной для изслѣдованія, нѣтъ ли между студентами университета тайнаго общества,

[1]) Дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ 1823 года

[2]) Тамъ же.

подъ названіемъ променистовъ, и нашедши, что хотя тайнаго общества и не существовало, но было все-таки какое-то сборище подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“, имѣвшее на то разрѣшеніе вашего высокородія, по уничтоженіи котораго уничтожилось и само общество, и что представителями этого общества были Томашъ Зонъ и Оедоръ Лозонскій, я, послѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, посмотрю—слѣдуетъ-ли еще предпринимать что нибудь по этому дѣлу, или нѣтъ.

1) Такъ какъ оказывается, что первое собраніе учениковъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“ (bracia pozyteczney zabawy) совершилось съ вашего разрѣшенія, то на будущее время, я внѣняю вамъ, м. г.:

1) Сего и подобнаго сему не дѣлать; да и о первомъ вашемъ разрѣшеніи вы бы должны были, по долгу службы, довести до свѣдѣнія высшаго начальства.

2) Указывая на мое прежнее предписаніе, данное на имя вашего высокородія, я подтверждаю, чтобы какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ школахъ, вы и начальники слѣдили за всякими собраніями учениковъ и предупреждали бы ихъ раньше ихъ осуществленія.

3) Вмѣнляю вамъ имѣть бдительный надзоръ за Томашемъ Зономъ, Ѳедоромъ Лозинскимъ, а также за учителемъ ковенской гимназіи Адамомъ Мицкевичемъ, который хотя и не сознается въ своемъ соучастіи въ какихъ бы ни было обществахъ, какъ это видно изъ дѣланныхъ ему запросовъ; но на основаніи рапорта комитета и его слѣдуетъ имѣть въ подозрѣніи [1]).

Достигнувши такимъ легальнымъ маневромъ двухъ цѣлей, Чарторыйскій, а за нимъ и университетъ, оставили это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, предоставивъ его, такъ сказать, на произволъ собственной судьбы. Судьба на этотъ разъ жестоко имъ измѣнила.

Въ первыхъ числахъ мая 1823 года, Литовскій генералъ-губернаторъ, Римскій-Корсаковъ, сообщилъ ректору университета Твардовскому, что въ V классѣ Виленской гимназіи, неизвѣстнымъ лицомъ были написаны на доскѣ, неприличныя, остававшіяся незамѣченными въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, слѣдующія надписи: „Вивать конституція 3 мая! О, какъ сладки воспоминанія объ этомъ для насъ поляковъ (родаковъ); но нѣтъ человѣка, который бы допскивался ея“ [2])!... Такія же подписи сдѣланы бы-

---

[1]) Дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ. 1823 года.

[2]) Дѣло о неприличныхъ надписяхъ, найденныхъ въ V кл. Виленской гимназіи 1823 года.

подъ названіемъ променистовъ, и нашедши, что хотя тайнаго общества и не существовало, но было все-таки какое-то сборище подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“, имѣвшее на то разрѣшеніе вашего высокородія, по уничтоженіи котораго уничтожилось и само общество, и что представителями этого общества были Томашъ Зонъ и Оедоръ Лозонскій, я, послѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, посмотрю—слѣдуетъ-ли еще предпринимать что нибудь по этому дѣлу, или нѣтъ.

1) Такъ какъ оказывается, что первое собраніе учениковъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“ (bracia pozyteczney zabawy) совершилось съ вашего разрѣшенія, то на будущее время, я внѣняю вамъ, м. г.:

1) Сего и подобнаго сему не дѣлать; да и о первомъ вашемъ разрѣшеніи вы бы должны были, по долгу службы, довести до свѣдѣнія высшаго начальства.

2) Указывая на мое прежнее предписаніе, данное на имя вашего высокородія, я подтверждаю, чтобы какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ школахъ, вы и начальники слѣдили за всякими собраніями учениковъ и предупреждали бы ихъ раньше ихъ осуществленія.

3) Вмѣнляю вамъ имѣть бдительный надзоръ за Томашемъ Зономъ, Оедоромъ Лозинскимъ, а также за учителемъ ковенской гимназіи Адамомъ Мицкевичемъ, который хотя и не сознается въ своемъ соучастіи въ какихъ бы ни было обществахъ, какъ это видно изъ дѣланныхъ ему запросовъ; но на основаніи рапорта комитета и его слѣдуетъ имѣть въ подозрѣніи [1]).

Достигнувши такимъ легальнымъ маневромъ двухъ цѣлей, Чарторыйскій, а за нимъ и университетъ, оставили это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, предоставивъ его, такъ сказать, на произволъ собственной судьбы. Судьба на этотъ разъ жестоко имъ измѣнила.

Въ первыхъ числахъ мая 1823 года, Литовскій генералъ-губернаторъ, Римскій-Корсаковъ, сообщилъ ректору университета Твардовскому, что въ V классѣ Виленской гимназіи, неизвѣстнымъ лицомъ были написаны на доскѣ, неприличныя, остававшіяся незамѣченными въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, слѣдующія надписи: „Вивать конституція 3 мая! О, какъ сладки воспоминанія объ этомъ для насъ поляковъ (родаковъ); но нѣтъ человѣка, который бы допскивался ея“ [2])!... Такія же подписи сдѣланы бы-

---

[1]) Дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ. 1823 года.

[2]) Дѣло о неприличныхъ надписяхъ, найденныхъ въ V кл. Виленской гимназіи 1823 года.

ли еще и на стѣнахъ доминиканскаго монастыря: почему генералъ-губернаторъ и прослъ ректора университета разслѣдовать это дѣло и донести ему, для дальнѣйшаго донесенія Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу.

Ректоръ университета, получивъ эту нежданную бумагу, сдѣлалъ строгій выговоръ директору гимназіи, впрочемъ не за безпорядки въ заведеніи, а за то, что онъ не довелъ объ нихъ до свѣдѣнія университета, извѣщеннаго лицомъ посторонним, и приказалъ ему составить комитетъ изъ учителей, для надлежащаго разслѣдованія. Комитетъ поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма осторожно. Не имѣя возможности скрыть самого факта преступленія, набрасывающаго сильное подозрѣніе на гимназію, онъ открылъ виновныхъ и подвергъ ихъ заключенію въ карцеръ, но въ тоже время обставилъ его такими объясненіями, что все дѣло обращалось ни во что. Такъ директоръ объяснилъ свое упущеніе отсутствіемъ по болѣзни, и всю вину свалилъ на помощника; директорскій помощникъ—какимъ-то случайнымъ непосѣщеніемъ этого класса; учитель нѣмецкаго языка тѣмъ—что доска стояла криво и онъ не могъ разглядѣть хорошенько—что именно было написано; учитель исторіи—неимѣніемъ въ доскѣ надобности для своихъ уроковъ и, хотя видѣлъ слова „3 мая“, но думалъ, что это школьническій намекъ на майскія гулянья. Больше всѣхъ оказался виновнымъ учитель россійскаго языка, который увидѣвши эту надпись, застращалъ для чего-то учениковъ Сибирью и этимъ подалъ поводъ къ запирательству со стороны виновныхъ, продлившему, долѣе обыкновеннаго, самое разслѣдованіе.

Университетъ, смягчивши это дѣло насколько позволяли приличія и обстоятельства, еще въ болѣе очищенномъ видѣ, представилъ его на благоусмотрѣніе генералъ-губернатору и министру народнаго просвѣщенія, свидѣтельствуя въ тоже время и о своемъ и о гимназическихъ учителей усердіи. Генералъ-губернаторъ впрочемъ не повѣрилъ этимъ завѣреніямъ и потребовалъ всѣ протоколы слѣдственнаго комитета къ себѣ. Изъ нихъ онъ усмотрѣлъ, что въ разслѣдованіи этого дѣла не малую роль играло „потворство гимназическаго и университетскаго начальства“.

Донося въ такомъ смыслѣ великому князю Константину Павловичу, Римскій-Корсаковъ выразилъ еще свои опасенія на счетъ ожидаемыхъ имъ антиправительственныхъ волненій въ краѣ, которыя неминуемо возникнутъ въ немъ, вслѣдствіе ложнаго на-

ли еще и на стѣнахъ доминиканскаго монастыря: почему генералъ-губернаторъ и прослъ ректора университета разслѣдовать это дѣло и донести ему, для дальнѣйшаго донесенія Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу.

Ректоръ университета, получивъ эту нежданную бумагу, сдѣлалъ строгій выговоръ директору гимназіи, впрочемъ не за безпорядки въ заведеніи, а за то, что онъ не довелъ объ нихъ до свѣдѣнія университета, извѣщеннаго лицомъ посторонним, и приказалъ ему составить комитетъ изъ учителей, для надлежащаго разслѣдованія. Комитетъ поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма осторожно. Не имѣя возможности скрыть самого факта преступленія, набрасывающаго сильное подозрѣніе на гимназію, онъ открылъ виновныхъ и подвергъ ихъ заключенію въ карцеръ, но въ тоже время обставилъ его такими объясненіями, что все дѣло обращалось ни во что. Такъ директоръ объяснилъ свое упущеніе отсутствіемъ по болѣзни, и всю вину свалилъ на помощника; директорскій помощникъ—какимъ-то случайнымъ непосѣщеніемъ этого класса; учитель нѣмецкаго языка тѣмъ—что доска стояла криво и онъ не могъ разглядѣть хорошенько—что именно было написано; учитель исторіи—неимѣніемъ въ доскѣ надобности для своихъ уроковъ и, хотя видѣлъ слова „3 мая“, но думалъ, что это школьническій намекъ на майскія гулянья. Больше всѣхъ оказался виновнымъ учитель россійскаго языка, который увидѣвши эту надпись, застращалъ для чего-то учениковъ Сибирью и этимъ подалъ поводъ къ запирательству со стороны виновныхъ, продлившему, долѣе обыкновеннаго, самое разслѣдованіе.

Университетъ, смягчивши это дѣло насколько позволяли приличія и обстоятельства, еще въ болѣе очищенномъ видѣ, представилъ его на благоусмотрѣніе генералъ-губернатору и министру народнаго просвѣщенія, свидѣтельствуя въ тоже время и о своемъ и о гимназическихъ учителей усердіи. Генералъ-губернаторъ впрочемъ не повѣрилъ этимъ завѣреніямъ и потребовалъ всѣ протоколы слѣдственнаго комитета къ себѣ. Изъ нихъ онъ усмотрѣлъ, что въ разслѣдованіи этого дѣла не малую роль играло „потворство гимназическаго и университетскаго начальства“.

Донося въ такомъ смыслѣ великому князю Константину Павловичу, Римскій-Корсаковъ выразилъ еще свои опасенія на счетъ ожидаемыхъ имъ антиправительственныхъ волненій въ краѣ, которыя неминуемо возникнутъ въ немъ, вслѣдствіе ложнаго на-

правленія, усвоеннаго виленскимъ учебнымъ округомъ. Великій князь, Константинъ Павловичъ, сдѣлавши въ свою очередь донесеніе Государю Императору, приказалъ тайному совѣтнику Новосильцеву произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе. Новосильцевъ затребовалъ къ себѣ и дѣлопроизводство и виновныхъ учениковъ. Во время этого переслѣдованія, неопытные юноши и проговорились на счетъ существующаго въ Вильнѣ тайнаго общества „Филаретовъ". Новосильцевъ отправился въ Вильну. Наступающія каникулы не позволили ему сей часъ же приступить къ дѣлу общества; онъ отложилъ его до августа мѣсяца, а тѣмъ временемъ, занялся изслѣдованіемъ причинъ, порождавшихъ эти печальныя явленія и нашелъ ихъ какъ въ системѣ образованія, такъ и въ направленіи усвоенномъ учебнымъ округомъ. Для скорѣйшаго пріостановленія зла, онъ начерталъ временныя мѣры, касающіяся административно-полицейскаго надзора, за учениками внѣ школы и просилъ его высочество привести ихъ въ исполненіе. Князь Чарторыйскій, свѣдавъ объ опасности, скорѣе торопился въ Вильну, какъ значится въ его отзывѣ Новосильцеву, „для вящшаго содѣйствія къ возможно лучшему осуществленію этихъ нововведеній"; но содѣйствовать ему ужь больше не позволили. Съ іюня мѣсяца 1823 года, въ Вильнѣ, подъ руководствомъ Новосильцева, учреждена была слѣдственная коммисія по безпорядкамъ Виленскаго университета, состоявшая изъ виленскаго полиціймейстера, статскаго совѣтника Шлыкова, губернскаго прокурора Ботвинки и совѣтника губернскаго правленія Лавриновича; въ дѣлахъ ея принималъ еще участіе и дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Коммисія эта приступила къ своимъ занятіямъ съ іюня же мѣсяца. Въ продолженіи 3-хъ лѣтняго существованія, она открыла слѣдующія восемь тайныхъ обществъ и въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1) Первымъ, по времени открытія, было „Науковое Свислочское общество", основанное въ 1820 году. Во время слѣдствія надъ его соучастниками обнаружилось, что въ Свислочи существовало еще и другое

2) Общество „Моральное", основанное въ 1820 г. Далѣе, подсудимый Яновскій сознался, что между студентами университета съ 1820 г. существовало

3) Общество „Филаретовъ", основанное Томашемъ Зономъ въ 1820 году.

За тѣмъ были открыты:

правленія, усвоеннаго виленскимъ учебнымъ округомъ. Великій князь, Константинъ Павловичъ, сдѣлавши въ свою очередь донесеніе Государю Императору, приказалъ тайному совѣтнику Новосильцеву произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе. Новосильцевъ затребовалъ къ себѣ и дѣлопроизводство и виновныхъ учениковъ. Во время этого переслѣдованія, неопытные юноши проговорились на счетъ существующаго въ Вильнѣ тайнаго общества „Филаретовъ". Новосильцевъ отправился въ Вильну. Наступающія каникулы не позволили ему сей часъ же приступить къ дѣлу общества; онъ отложилъ его до августа мѣсяца, а тѣмъ временемъ, занялся изслѣдованіемъ причинъ, порождавшихъ эти печальныя явленія и нашелъ ихъ какъ въ системѣ образованія, такъ и въ направленіи усвоенномъ учебнымъ округомъ. Для скорѣйшаго пріостановленія зла, онъ начерталъ временныя мѣры, касающіяся административно-полицейскаго надзора, за учениками внѣ школы и просилъ его высочество привести ихъ въ исполненіе. Князь Чарторыйскій, свѣдавъ объ опасности, скорѣе торопился въ Вильну, какъ значится въ его отзывѣ Новосильцеву, „для вящшаго содѣйствія къ возможно лучшему осуществленію этихъ нововведеній"; но содѣйствовать ему ужь больше не позволили. Съ іюня мѣсяца 1823 года, въ Вильнѣ, подъ руководствомъ Новосильцева, учреждена была слѣдственная коммисія по безпорядкамъ Виленскаго университета, состоявшая изъ виленскаго полиціймейстера, статскаго совѣтника Шлыкова, губернскаго прокурора Ботвинки и совѣтника губернскаго правленія Лавриновича; въ дѣлахъ ея принималъ еще участіе и дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Коммисія эта приступила къ своимъ занятіямъ съ іюня же мѣсяца. Въ продолженіи 3-хъ лѣтняго существованія, она открыла слѣдующія восемь тайныхъ обществъ и въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1) Первымъ, по времени открытія, было „Науковое Свислочское общество", основанное въ 1820 году. Во время слѣдствія надъ его соучастниками обнаружилось, что въ Свислочи существовало еще и другое

2) Общество „Моральное", основанное въ 1820 г. Далѣе, подсудимый Яновскій сознался, что между студентами университета съ 1820 г. существовало

3) Общество „Филаретовъ", основанное Томашемъ Зономъ въ 1820 году.

За тѣмъ были открыты:

4) Общество „Филоматовъ“, 5) общество „Променистовъ“ и 6) „Зорянъ“.

Первые два и послѣднее существовали въ Свислочской гимназіи; третье, четвертое и пятое—между студентами университета.

Когда разошлись по учебнымъ заведеніямъ извѣстія, что надъ учениками V класса Виленской гимназіи, а также и надъ Филаретами производится слѣдствіе, то между воспитанниками гимназій начались сильныя волненія, выражавшіяся по преимуществу въ формѣ возмутительныхъ пасквилей на правительство, своеволія и буйства. Для усмиренія патріотическихъ страстей, Новосильцевъ посылалъ въ разныя мѣста разныхъ лицъ, во главѣ которыхъ большею частію находился дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ м. Крожи, онъ и открылъ:

7) Общество „Черныхъ Братьевъ“, основанное, по примѣру Ковенскаго, въ 1823 году.

Послѣднее же 8) общество „Военныхъ друзей“, было основано по наущенію Филарета Рукевича, въ 1825 году, поручикомъ Несвижскаго карабинернаго полка Гофманомъ между офицерами отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Третья степень этого общества находилась въ Свислочской и Бѣлостокской гимназіяхъ.

Въ изложеніи подробностей, относящихся къ каждому обществу порознь, мы будемъ придерживаться не хронологическаго порядка ихъ открытій коммисіей, а хронологическаго порядка ихъ возникновенія, чтобы читателю не трудно было слѣдить какъ они зарождались, совершенствовались и исчезали, оставляя послѣ себя слѣды, дававшіе жизнь и начало обществамъ новымъ. Потомъ представимъ правительственныя мѣропріятія, какъ по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ, предпринятыя съ цѣлью искорененія зла на будущее время и результаты ихъ осуществленія, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ.

Считаемъ не лишнимъ здѣсь же замѣтить, что дѣйствія слѣдственной коммисіи были сопряжены съ необычайными затрудненіями. Съ одной стороны, ставили ее въ тупикъ или явныя запирательства подсудимыхъ, или ухищреннѣйшія ихъ объясненія, а съ другой—противодѣйствіе университетскаго начальства, которое или заблаговременно увѣдомляло кого слѣдовало о предстоящей опасности, какъ это сдѣлалъ инспекторъ Сидоровичъ, сужденный военнымъ судомъ за сообщеніе эстафетнаго извѣстія о командп-

4) Общество „Филоматовъ“, 5) общество „Променистовъ“ и 6) „Зорянъ“.

Первые два и послѣднее существовали въ Свислочской гимназіи; третье, четвертое и пятое—между студентами университета.

Когда разошлись по учебнымъ заведеніямъ извѣстія, что надъ учениками V класса Виленской гимназіи, а также и надъ Филаретами производится слѣдствіе, то между воспитанниками гимназій начались сильныя волненія, выражавшіяся по преимуществу въ формѣ возмутительныхъ пасквилей на правительство, своеволія и буйства. Для усмиренія патріотическихъ страстей, Новосильцевъ посылалъ въ разныя мѣста разныхъ лицъ, во главѣ которыхъ большею частію находился дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ м. Крожи, онъ и открылъ:

7) Общество „Черныхъ Братьевъ“, основанное, по примѣру Ковенскаго, въ 1823 году.

Послѣднее же 8) общество „Военныхъ друзей“, было основано по наущенію Филарета Рукевича, въ 1825 году, поручикомъ Несвижскаго карабинернаго полка Гофманомъ между офицерами отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Третья степень этого общества находилась въ Свислочской и Бѣлостокской гимназіяхъ.

Въ изложеніи подробностей, относящихся къ каждому обществу порознь, мы будемъ придерживаться не хронологическаго порядка ихъ открытій коммисіей, а хронологическаго порядка ихъ возникновенія, чтобы читателю не трудно было слѣдить какъ они зарождались, совершенствовались и исчезали, оставляя послѣ себя слѣды, дававшіе жизнь и начало обществамъ новымъ. Потомъ представимъ правительственныя мѣропріятія, какъ по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ, предпринятыя съ цѣлью искорененія зла на будущее время и результаты ихъ осуществленія, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ.

Считаемъ не лишнимъ здѣсь же замѣтить, что дѣйствія слѣдственной коммисіи были сопряжены съ необычайными затрудненіями. Съ одной стороны, ставили ее въ тупикъ или явныя запирательства подсудимыхъ, или ухищреннѣйшія ихъ объясненія, а съ другой—противодѣйствіе университетскаго начальства, которое или заблаговременно увѣдомляло кого слѣдовало о предстоящей опасности, какъ это сдѣлалъ инспекторъ Сидоровичъ, сужденный военнымъ судомъ за сообщеніе эстафетнаго извѣстія о командп-

рованіи Байкова въ Россіены и Крожи [1]), или же старалось набросить на дѣйствія ея темное пятно, какъ это сдѣлалъ ректоръ университета въ своемъ рапортѣ министру народнаго просвѣщенія [2]). Во всякомъ случаѣ, Новосильцеву пришлось потрудиться очень много; есть показанія подсудимыхъ, густо испещренныя его собственноручными замѣтками. Для характеристики мы приведемъ одно изъ такихъ показаній въ подлинникѣ. Спрашиваетъ коммисія подсудимаго по Науковому Свислочскому обществу—что значатъ стихи:

„Что тебя такъ долго удерживаетъ отъ дороги? пока нѣтъ разбойническаго пожара, пока лежитъ кровавый стилетъ въ ножнахъ, нужно поспѣшить исполненіемъ предположенной цѣли?...“

Отвѣтъ на это послѣдовалъ вотъ какой:

„Сказанныя строфы заключаютъ въ себѣ вопросъ: почему онъ откладываетъ поѣздку, пока существуетъ въ Европѣ міръ? А выраженія: разбойническій пожаръ, кровавый стилетъ, означаютъ военныя орудія, употребленныя въ образѣ поэтическаго сочиненія; совѣтовалъ я ему—пока все благопріятствуетъ, воспользоваться пріобрѣтеніемъ просвѣщенія,—что время *уже рѣшиться на что-нибудь благое*, помня о томъ, что *правый* полякъ, *право* поступая, ничего не боится...“

Рукою Новосильцева отмѣчено: „явная нелѣпость, доказывающая всю ложь въ объясненіяхъ. Гдѣ слыхано и въ какой странѣ можно было тому научиться, чтобы войну изображать разбойническими зажигательствами и кровавыми стилетами? Такая риторическая фигура, кромѣ злодѣйства и измѣны, ничего другаго изображать не можетъ [3]).“

Фигура эта была написана ученикомъ 6-го класса Янковскимъ товарищу его Ильтману—въ 1818 году.

При такихъ условіяхъ, очень естественно, коммисія не могла изслѣдовать своего дѣла во всей его полнотѣ и отчетливости. Выяснивши себѣ только отчасти истинный смыслъ учрежденія обществъ, она въ меньшей мѣрѣ изслѣдовала обстоятельства, ихъ порождавшія, и въ сторонѣ оставила главнѣйшихъ ихъ виновниковъ. Царство зла и мрака по прежнему осталось во всей его силѣ.

---

[1]) Дѣло о письмѣ, посланномъ по эстафетѣ въ Россіены 9 декабря 1863 года. Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожахъ.

[2]) Дѣло о тайномъ обществѣ «Филаретовъ».

[3]) Дѣло о тайномъ Свислочскомъ обществѣ; показанія Янковскаго.

рованіи Байкова въ Россіены и Крожи [1]), или же старалось набросить на дѣйствія ея темное пятно, какъ это сдѣлалъ ректоръ университета въ своемъ рапортѣ министру народнаго просвѣщенія [2]). Во всякомъ случаѣ, Новосильцеву пришлось потрудиться очень много; есть показанія подсудимыхъ, густо испещренныя его собственноручными замѣтками. Для характеристики мы приведемъ одно изъ такихъ показаній въ подлинникѣ. Спрашиваетъ коммисія подсудимаго по Науковому Свислочскому обществу—что значатъ стихи:

„Что тебя такъ долго удерживаетъ отъ дороги? пока нѣтъ разбойническаго пожара, пока лежитъ кровавый стилетъ въ ножнахъ, нужно поспѣшить исполненіемъ предположенной цѣли?...“

Отвѣтъ на это послѣдовалъ вотъ какой:

„Сказанныя строфы заключаютъ въ себѣ вопросъ: почему онъ откладываетъ поѣздку, пока существуетъ въ Европѣ міръ? А выраженія: разбойническій пожаръ, кровавый стилетъ, означаютъ военныя орудія, употребленныя въ образѣ поэтическаго сочиненія; совѣтовалъ я ему—пока все благопріятствуетъ, воспользоваться пріобрѣтеніемъ просвѣщенія,—что время *уже рѣшиться на что-нибудь благое*, помня о томъ, что *правый* полякъ, *право* поступая, ничего не боится...“

Рукою Новосильцева отмѣчено: „явная пелѣпость, доказывающая всю ложь въ объясненіяхъ. Гдѣ слыхано и въ какой странѣ можно было тому научиться, чтобы войну изображать разбойническими зажигательствами и кровавыми стилетами? Такая риторическая фигура, кромѣ злодѣйства и измѣны, ничего другаго изображать не можетъ [3]).“

Фигура эта была написана ученикомъ 6-го класса Янковскимъ товарищу его Ильтману—въ 1818 году.

При такихъ условіяхъ, очень естественно, коммисія не могла изслѣдовать своего дѣла во всей его полнотѣ и отчетливости. Выяснивши себѣ только отчасти истинный смыслъ учрежденія обществъ, она въ меньшей мѣрѣ изслѣдовала обстоятельства, ихъ порождавшія, и въ сторонѣ оставила главнѣйшихъ ихъ виновниковъ. Царство зла и мрака по прежнему осталось во всей его силѣ.

---

[1]) Дѣло о письмѣ, посланномъ по эстафетѣ въ Россіены 9 декабря 1863 года. Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожахъ.

[2]) Дѣло о тайномъ обществѣ «Филаретовъ».

[3]) Дѣло о тайномъ Свислочскомъ обществѣ; показанія Янковскаго.

III.

А) *Общество Филоматовъ.* Оно возникло въ $18^{17}/_{18}$ году. Первая мысль объ его основаніи принадлежитъ Томашу Зону; первыми его учредителями были: 1) Оспнъ Ежовскій, 2) Францъ Малевскій, 3) Ѳедоръ Лозинскій, 4) Томашъ Зонъ, 5) Адамъ Мицкевичъ, 6) Казиміръ Пясецкій, 7) Янъ Чечотъ, 8) Оспнъ Ковалевскій, 9) Викентій Будревичъ, 10) Игнатій Домейко, 11) Онуфрій Петрашкевичъ и 12) Иванъ Соболевскій—все студенты Виленскаго университета. Устава опредѣленнаго это общество не имѣло; члены его собирались по квартирамъ и читали свои сочиненія, частію политическаго, частію научнаго и скандалезнаго содержанія. Когда набралось ихъ достаточное количество, то общество распалось на два отдѣла: литературный и физико-математическій. Въ первомъ предводительствовалъ Адамъ Мицкевичъ, а по выбытіи его изъ университета въ Ковно, на мѣсто учителя,—Чечотъ; во второмъ—Томашъ Зонъ. Члены каждаго отдѣльно собирались по два раза въ недѣлю. Было и общее собраніе членовъ, два раза въ годъ, подъ предсѣдательствомъ Ежовскаго. Независимо отъ этого, въ обществѣ была еще особая дирекція, состоявшая изъ Ежовскаго, какъ предсѣдателя, и Мицкевича, Зона, Петрашкевича и Малевскаго, какъ очередныхъ секретарей. Обязанности этой дирекціи состояли въ томъ, чтобы выдумывать предметы для занятій членовъ и наставлять ихъ въ исполненіи принятаго на себя долга.

Цѣль этого общества главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ перестройки системы школьнаго образованія „возвысить благосостояніе отечества, подъ какимъ названіемъ разумѣлись губерніи, входящія въ составъ Виленскаго университета [1]), другими словами, чтобы расшевелить и распространить въ молодежи польскій патріотизмъ и отвлечь ее отъ пристрастія къ чужеземцамъ, въ особенности къ Россіи, вліяніе которой было слишкомъ преобладающе и крѣпко.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть ея, члены этого общества и не же-

---

[1]) Дѣло Канцеляріи попечителя Бѣлорусскаго учеб. округа, 1842 года, въ которомъ находится, *розысканный у евреевъ* всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцова цесаревичу по дѣламъ тайныхъ обществъ, и препровождепный въ округъ г. губернаторомъ Мирковичемъ 19 генв. 1842 г. за № 111.

III.

А) *Общество Филоматовъ.* Оно возникло въ $18^{17}/_{18}$ году. Первая мысль объ его основаніи принадлежитъ Томашу Зону; первыми его учредителями были: 1) Іоспнъ Ежовскій, 2) Францъ Малевскій, 3) Ѳедоръ Лозинскій, 4) Томашъ Зонъ, 5) Адамъ Мицкевичъ, 6) Казиміръ Пясецкій, 7) Янъ Чечотъ, 8) Іоспнъ Ковалевскій, 9) Викентій Будревичъ, 10) Игнатій Домейко, 11) Онуфрій Петрашкевичъ и 12) Иванъ Соболевскій—все студенты Виленскаго университета. Устава опредѣленнаго это общество не имѣло; члены его собирались по квартирамъ и читали свои сочиненія, частію политическаго, частію научнаго и скандалезнаго содержанія. Когда набралось ихъ достаточное количество, то общество распалось на два отдѣла: литературный и физико-математическій. Въ первомъ предводительствовалъ Адамъ Мицкевичъ, а по выбытіи его изъ университета въ Ковно, на мѣсто учителя,—Чечотъ; во второмъ—Томашъ Зонъ. Члены каждаго отдѣльно собирались по два раза въ недѣлю. Было и общее собраніе членовъ, два раза въ годъ, подъ предсѣдательствомъ Ежовскаго. Независимо отъ этого, въ обществѣ была еще особая дирекція, состоявшая изъ Ежовскаго, какъ предсѣдателя, и Мицкевича, Зона, Петрашкевича и Малевскаго, какъ очередныхъ секретарей. Обязанности этой дирекціи состояли въ томъ, чтобы выдумывать предметы для занятій членовъ и наставлять ихъ въ исполненіи принятаго на себя долга.

Цѣль этого общества главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ перестройки системы школьнаго образованія „возвысить благосостояніе отечества, подъ какимъ названіемъ разумѣлись губерніи, входящія въ составъ Виленскаго университета [1]), другими словами, чтобы расшевелить и распространить въ молодежи польскій патріотизмъ и отвлечь ее отъ пристрастія къ чужеземцамъ, въ особенности къ Россіи, вліяніе которой было слишкомъ преобладающе и крѣпко.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть ея, члены этого общества и не же-

---

[1]) Дѣло Канцеляріи попечителя Бѣлорусскаго учеб. округа, 1842 года, въ которомъ находится, *розысканный у евреевъ* всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцова цесаревичу по дѣламъ тайныхъ обществъ, и препровождепный въ округъ г. губернаторомъ Мирковичемъ 19 генв. 1842 г. за № 111.

лали искать для себя другихъ мѣстъ, какъ только учительскихъ, или профессорскихъ; „но такъ какъ не всѣ они получили учительскія званія и принуждены были разбрестись, по окончаніи университета, въ разныя стороны, то, по показанію Малевскаго Франца, и общество ихъ начало колебаться въ самомъ его основаніи...“ [1]) Напротивъ того, стало еще болѣе усиливаться и совершенствоваться, послуживши началомъ для образованія втораго общества—„променистовъ“ или лучезарныхъ.

Б) *Общество „Променистовъ“*. Чтобы придать дѣятельности общества филоматовъ болѣе правильности и авторитета, а также, чтобы увеличить и количество членовъ онаго, Томашъ Зонъ, въ сообществѣ съ другими сотоварищами, составилъ для него уставъ, состоящій изъ 15 §§ и подносъ его для утвержденія ректору университета Малевскому, въ 1820 году, подъ названіемъ: устава „друзей полезныхъ увеселеній“. Сущность этого устава, по словамъ Новосильцева, заключается въ слѣдующемъ:

„Какъ во многихъ бумагахъ Зона, такъ и въ вышеупомянутыхъ правилахъ возобновляется память бывшаго польскаго отечества, ибо между прочими нравственными наставленіями, сказано въ пунктѣ VII-мъ: „когда возчувствуешь приверженность къ отечественной землѣ, то можешь быть увѣренъ, что сдѣлалъ большой шагъ на пути усовершенствованія своего сердца“, а въ VIII-мъ пунктѣ сказано: „приверженность къ отечественной землѣ состоитъ въ томъ, чтобы желать добра своимъ единоземцамъ, каждаго состоянія и цѣлому народу вообще, сохранять полезныя отцевъ своихъ обычаи, любить природный языкъ и оному обучаться, имѣть въ памяти доблести и подвиги предковъ, и подражать онымъ по мѣрѣ силъ своихъ и состоянію“ [2]).

Ректоръ университета, въ маѣ 1820 года, утвердилъ этотъ уставъ, прибавивъ къ своей подписи слѣдующее примѣчаніе: онъ соглашается на утвержденіе его въ надеждѣ, что отъ него будутъ хорошія послѣдствія и поощренія для студентовъ университета къ полному исполненію всѣхъ своихъ обязанностей; а также, чтобы на студенческія прогулки никто изъ посторонныхъ лицъ не приглашался“ [3]).

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева Цесаревичу, великому князю Константину Павловичу.

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева Цесаревичу, Великому Кн. Константину Павловичу.

лали искать для себя другихъ мѣстъ, какъ только учительскихъ, или профессорскихъ; „но такъ какъ не всѣ они получили учительскія званія и принуждены были разбрестись, по окончаніи университета, въ разныя стороны, то, по показанію Малевскаго Франца, и общество ихъ начало колебаться въ самомъ его основаніи...“ [1]) Напротивъ того, стало еще болѣе усиливаться и совершенствоваться, послуживши началомъ для образованія втораго общества—„променистовъ“ или лучезарныхъ.

Б) *Общество „Променистовъ“*. Чтобы придать дѣятельности общества филоматовъ болѣе правильности и авторитета, а также, чтобы увеличить и количество членовъ онаго, Томашъ Зонъ, въ сообществѣ съ другими сотоварищами, составилъ для него уставъ, состоящій изъ 15 §§ и подносъ его для утвержденія ректору университета Малевскому, въ 1820 году, подъ названіемъ: устава „друзей полезныхъ увеселеній“. Сущность этого устава, по словамъ Новосильцева, заключается въ слѣдующемъ:

„Какъ во многихъ бумагахъ Зона, такъ и въ вышеупомянутыхъ правилахъ возобновляется память бывшаго польскаго отечества, ибо между прочими нравственными наставленіями, сказано въ пунктѣ VII-мъ: „когда возчувствуешь приверженность къ отечественной землѣ, то можешь быть увѣренъ, что сдѣлалъ большой шагъ на пути усовершенствованія своего сердца“, а въ VIII-мъ пунктѣ сказано: „приверженность къ отечественной землѣ состоитъ въ томъ, чтобы желать добра своимъ единоземцамъ, каждаго состоянія и цѣлому народу вообще, сохранять полезныя отцевъ своихъ обычаи, любить природный языкъ и оному обучаться, имѣть въ памяти доблести и подвиги предковъ, и подражать онымъ по мѣрѣ силъ своихъ и состоянію“ [2]).

Ректоръ университета, въ маѣ 1820 года, утвердилъ этотъ уставъ, прибавивъ къ своей подписи слѣдующее примѣчаніе: онъ соглашается на утвержденіе его въ надеждѣ, что отъ него будутъ хорошія послѣдствія и поощренія для студентовъ университета къ полному исполненію всѣхъ своихъ обязанностей; а также, чтобы на студенческія прогулки никто изъ посторонныхъ лицъ не приглашался“ [3]).

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева Цесаревичу, великому князю Константину Павловичу.

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева Цесаревичу, Великому Кн. Константину Павловичу.

Вслѣдствіе такого дозволенія ректора, въ маѣ 1820 года, по предварительному извѣщенію Зона, было совершено въ большомъ количествѣ студентовъ, три загородныхъ прогулки—до восхожденія солнца. На прогулкахъ этихъ читаны были вышеупомянутые §§ устава; потомъ приступали къ полезнымъ увеселеніямъ. Всѣ присутствовавшіе студенты раздѣлялись на кружки, соотвѣтственно университетскимъ факультетамъ. Каждый кружокъ имѣлъ свой особый цвѣтъ: зеленый, голубой, синій и т. д. и назывался воеводствомъ. Въ кружкахъ этихъ читали и декламировали разныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ, играли въ мячъ, пѣли пѣсни. За тѣмъ завтракали. Лица, распоряжавшіяся играми и завтракомъ, назывались воеводами, стольниками, ловчими, маршалками и др. чинами бывшей Рѣчи-посполитой. Въ этихъ играхъ принимали участіе и лица постороннія, не принадлежащія къ университетской корпораціи. Общество это стало называться „променистами“, т. е. лучезарными отъ польскаго слова „променье“ т. е. лучи, объясненіемъ теоріи которыхъ занимался Зонъ, конечно въ переносномъ смыслѣ. Для большаго заохочиванія къ поступленію въ это общество, члены его, по показанію Филарета Сузина, употребляли слѣдующую ловушку: тѣхъ, которые знали о его существованіи и не поступали въ члены, называли соблазнителями (wszetecznemi), а тѣхъ, которые не знали—заблудшими (oblokanemi) [1]). Когда слухи о променистахъ стали быстро распространяться въ городѣ и возбуждать въ публикѣ разные толки, то ректоръ Малевскій взялъ назадъ свое разрѣшеніе, приказавши при этомъ Зону, чтобы на будущее время сходокъ между студентами никакихъ не было. Это и было причиной третьей метаморфозы одного и того же общества, изъ явнаго, сдѣлавшагося тайнымъ, подъ названіемъ „Филаретовъ“.

В) *Общество Филаретовъ.* Прежде чѣмъ разъѣхались студенты на каникулы, Зонъ взялъ съ 30 или 40 человѣкъ подписки въ томъ, что сущность майскихъ прогулокъ „променистовъ“ или „друзей полезныхъ увеселеній“, они сохранятъ въ тайнѣ; въ сентябрѣ же 1820 года, онъ, въ сообществѣ съ магистромъ правъ, Францемъ Малевскимъ и другими сотоварищами по университету, составилъ новый „уставъ для тайнаго общества Филаретовъ“, состоявшій изъ 72 параграфовъ, въ число которыхъ вошли и прежніе 15 параграфовъ устава „друзей полезныхъ увеселеній“.

---

[1]) 35 тетрадей запросныхъ пунктовъ подсудимымъ; показанія Сузина.

Вслѣдствіе такого дозволенія ректора, въ маѣ 1820 года, по предварительному извѣщенію Зона, было совершено въ большомъ количествѣ студентовъ, три загородныхъ прогулки—до восхожденія солнца. На прогулкахъ этихъ читаны были вышеупомянутые §§ устава; потомъ приступали къ полезнымъ увеселеніямъ. Всѣ присутствовавшіе студенты раздѣлялись на кружки, соотвѣтственно университетскимъ факультетамъ. Каждый кружокъ имѣлъ свой особый цвѣтъ: зеленый, голубой, синій и т. д. и назывался воеводствомъ. Въ кружкахъ этихъ читали и декламировали разныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ, играли въ мячъ, пѣли пѣсни. За тѣмъ завтракали. Лица, распоряжавшіяся играми и завтракомъ, назывались воеводами, стольниками, ловчими, маршалками и др. чинами бывшей Рѣчи-посполитой. Въ этихъ играхъ принимали участіе и лица постороннія, не принадлежащія къ университетской корпораціи. Общество это стало называться „променистами“, т. е. лучезарными отъ польскаго слова „променье“ т. е. лучи, объясненіемъ теоріи которыхъ занимался Зонъ, конечно въ переносномъ смыслѣ. Для большаго заохочиванія къ поступленію въ это общество, члены его, по показанію Филарета Сузина, употребляли слѣдующую ловушку: тѣхъ, которые знали о его существованіи и не поступали въ члены, называли соблазнителями (wszetecznemi), а тѣхъ, которые не знали—заблудшими (oblokanemi) [1]). Когда слухи о променистахъ стали быстро распространяться въ городѣ и возбуждать въ публикѣ разные толки, то ректоръ Малевскій взялъ назадъ свое разрѣшеніе, приказавши при этомъ Зону, чтобы на будущее время сходокъ между студентами никакихъ не было. Это и было причиной третьей метаморфозы одного и того же общества, изъ явнаго, сдѣлавшагося тайнымъ, подъ названіемъ „Филаретовъ“.

В) *Общество Филаретовъ.* Прежде чѣмъ разъѣхались студенты на каникулы, Зонъ взялъ съ 30 или 40 человѣкъ подписки въ томъ, что сущность майскихъ прогулокъ „променистовъ“ или „друзей полезныхъ увеселеній“, они сохранятъ въ тайнѣ; въ сентябрѣ же 1820 года, онъ, въ сообществѣ съ магистромъ правъ, Францемъ Малевскимъ и другими сотоварищами по университету, составилъ новый „уставъ для тайнаго общества Филаретовъ“, состоявшій изъ 72 параграфовъ, въ число которыхъ вошли и прежніе 15 параграфовъ устава „друзей полезныхъ увеселеній“.

---

[1]) 35 тетрадей запросныхъ пунктовъ подсудимымъ; показанія Сузина.

Такъ какъ подлиннаго устава въ дѣлахъ слѣдственной коммиссіи нѣтъ, а находящійся во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Новосильцева великому князю Константину Павловичу составленъ или по памяти, самими же членами общества, или же коммисіей, на основаніи показаній подсудимыхъ, то мы и ограничимся передачею сущности его въ общихъ чертахъ, то есть укажемъ на цѣль общества, права и обязанности его членовъ и внутреннія его распорядки, стараясь по преимуществу придерживаться показаній самихъ подсудимыхъ.

Цѣль этого общества, по показанію самихъ „Филаретовъ", состояла въ томъ, чтобы соединеніемъ общихъ силъ возстановить Польшу въ прежнемъ ея блескѣ" [1]). Такъ въ рѣчи, сочиненной Станиславомъ Маковецкимъ, прямо говорится: „политическія происшествія и правительство, подъ которымъ находимся мы нынѣ, ясно удостовѣряютъ насъ, что тѣсная дружба и соединеніе юношей въ одно общество (gvono) необходимы, дабы при случаѣ подать братскую руку и, соединяя десницу съ десницею, возвратить отечеству прежнее его бытіе" [2]). Это же подтверждается и другими филаретскими бумагами, въ томъ числѣ и черновымъ протоколомъ засѣданія голубаго союза, бывшаго 2 января 1821 года [3]).

Средствами для достиженія этой цѣли были избраны: 1) наборъ возможно большаго количества членовъ и 2) учрежденіе возможно большаго количества подобныхъ же обществъ [4]).

Во главѣ общества стояли: предсѣдатель Томашъ Зонъ и два вице-предсѣдателя—Францъ Малевскій (сынъ ректора университета) и Янъ Чечотъ. За тѣмъ администрація распадалась на двѣ части: высшую и низшую. Высшая состояла изъ палаты совѣщательной и ссудной; низшая—изъ администраціи каждаго союза въ частности. Въ первой заправляли: предсѣдатель, его помощники и геперальные совѣтники; во второй тѣ же геперальные совѣтники, проводники и секретари.

Палата совѣщательная занималась разсмотрѣніемъ разныхъ проектовъ и дѣлъ, представляемыхъ каждымъ союзомъ въ частности, и контролемъ за общимъ теченіемъ дѣлъ всего общества,

---

1) Показанія Янковскаго въ дѣлѣ о тайн. общ. филар.

2) Рапортъ Новосильцева Великому Князю Константину Павловичу.

3) См. тамъ же.

4) См. дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ, — показаніе Янковскаго, Франца Малевскаго, Залѣскаго и др.

Такъ какъ подлиннаго устава въ дѣлахъ слѣдственной коммиссіи нѣтъ, а находящійся во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Новосильцева великому князю Константину Павловичу составленъ или по памяти, самими же членами общества, или же коммисіей, на основаніи показаній подсудимыхъ, то мы и ограничимся передачею сущности его въ общихъ чертахъ, то есть укажемъ на цѣль общества, права и обязанности его членовъ и внутреннія его распорядки, стараясь по преимуществу придерживаться показаній самихъ подсудимыхъ.

Цѣль этого общества, по показанію самихъ „Филаретовъ", состояла въ томъ, чтобы соединеніемъ общихъ силъ возстановить Польшу въ прежнемъ ея блескѣ" [1]). Такъ въ рѣчи, сочиненной Станиславомъ Маковецкимъ, прямо говорится: „политическія происшествія и правительство, подъ которымъ находимся мы нынѣ, ясно удостовѣряютъ насъ, что тѣсная дружба и соединеніе юношей въ одно общество (gvono) необходимы, дабы при случаѣ подать братскую руку и, соединяя десницу съ десницею, возвратить отечеству прежнее его бытіе" [2]). Это же подтверждается и другими филаретскими бумагами, въ томъ числѣ и черновымъ протоколомъ засѣданія голубаго союза, бывшаго 2 января 1821 года [3]).

Средствами для достиженія этой цѣли были избраны: 1) наборъ возможно большаго количества членовъ и 2) учрежденіе возможно большаго количества подобныхъ же обществъ [4]).

Во главѣ общества стояли: предсѣдатель Томашъ Зонъ и два вице-предсѣдателя—Францъ Малевскій (сынъ ректора университета) и Янъ Чечотъ. За тѣмъ администрація распадалась на двѣ части: высшую и низшую. Высшая состояла изъ палаты совѣщательной и ссудной; низшая—изъ администраціи каждаго союза въ частности. Въ первой заправляли: предсѣдатель, его помощники и геперальные совѣтники; во второй тѣ же геперальные совѣтники, проводники и секретари.

Палата совѣщательная занималась разсмотрѣніемъ разныхъ проектовъ и дѣлъ, представляемыхъ каждымъ союзомъ въ частности, и контролемъ за общимъ теченіемъ дѣлъ всего общества,

---

1) Показанія Янковскаго въ дѣлѣ о тайн. общ. филар.

2) Рапортъ Новосильцевъ Великому Князю Константину Павловичу.

3) См. тамъ же.

4) См. дѣло о тайномъ обществѣ Филаретовъ, — показаніе Янковскаго, Франца Малевскаго, Залѣскаго и др.

посредствомъ особыхъ дозорщиковъ; ссудная — выдачею денегъ нуждающимся за небольшіе %. Засѣданія той и другой отбывались въ квартирѣ предсѣдателя.

Каждый союзъ въ частности занимался: чтеніемъ сочиненныхъ членами его рѣчей, разсужденій и стихотвореній; слушаніемъ проектовъ къ уставу; принятіемъ новыхъ членовъ; слушаніемъ отчетовъ разныхъ делегатовъ, посылаемыхъ на засѣданія другихъ союзовъ и назначеніемъ новыхъ на засѣданія будущія; выборомъ своихъ начальниковъ и т. д. Засѣданія союзовъ не имѣли опредѣленнаго мѣста и отбывались 2 раза въ мѣсяцъ; посѣщать ихъ вмѣнялось каждому члену въ непремѣнную обязанность, такъ что не бывшій на нихъ три раза исключался изъ членовъ общества.

Права и обязанности начальниковъ были слѣдующія:

1) Предсѣдатель (по § 11 устава) есть первенствующее лицо въ обществѣ. Онъ даетъ направленіе и силу дѣйствіямъ его и ихъ сосредоточиваетъ. Онъ предлагаетъ проекты, утверждаетъ уже принятые, упраздняетъ союзы и на ихъ мѣсто учреждаетъ новые и назначаетъ въ оные членовъ; онъ изыскиваетъ средства ко всякаго рода пособіямъ, хранитъ казну и даетъ отчетъ о ея состояніи, — словомъ: прилагаетъ всевозможныя старанія о благѣ общества, входитъ въ нужды членовъ, подаетъ имъ совѣты и, въ случаѣ погрѣшностей, увѣщеваетъ и миритъ ссорящихся. При входѣ предсѣдателя въ засѣданіе союза (по § 12) всѣ члены встаютъ съ мѣстъ своихъ и проводникъ предлагаетъ, не угодно ли ему предсѣдательствовать и уступаетъ свое мѣсто. Предсѣдатель избирался на 6 мѣсяцевъ, а остальные начальники на 3.

2) Какъ предсѣдатель первенствуетъ въ цѣломъ обществѣ, такъ проводники первенствуютъ въ своихъ союзахъ. Къ должности проводниковъ (по § 13) относится: созывать на засѣданія членовъ; предсѣдательствовать въ оныхъ; наблюдать за порядкомъ; назначать очереди для чтенія сочиненій; давать и отнимать у членовъ права голоса; привѣтствовать новопринятыхъ членовъ; собирать денежные взносы; опредѣлять вмѣстѣ съ секретаремъ предметы занятій для засѣданій будущихъ; наблюдать за поступками членовъ и сноситься по сему предмету съ предсѣдателемъ. Проводники, три раза выбранные въ эту должность, считались кандидатами на должность предсѣдателя.

3) Совѣтники (по § 15) обязаны: доносить предсѣдателю, на засѣданіяхъ совѣщательной палаты, о желаніяхъ членовъ, о дѣйствіяхъ и постановленіяхъ союзовъ, и наоборотъ—увѣдомлять со-

посредствомъ особыхъ дозорщиковъ; ссудная — выдачею денегъ нуждающимся за небольшіе %. Засѣданія той и другой отбывались въ квартирѣ предсѣдателя.

Каждый союзъ въ частности занимался: чтеніемъ сочиненныхъ членами его рѣчей, разсужденій и стихотвореній; слушаніемъ проектовъ къ уставу; принятіемъ новыхъ членовъ; слушаніемъ отчетовъ разныхъ делегатовъ, посылаемыхъ на засѣданія другихъ союзовъ и назначеніемъ новыхъ на засѣданія будущія; выборомъ своихъ начальниковъ и т. д. Засѣданія союзовъ не имѣли опредѣленнаго мѣста и отбывались 2 раза въ мѣсяцъ; посѣщать ихъ вмѣнялось каждому члену въ непремѣнную обязанность, такъ что не бывшій на нихъ три раза исключался изъ членовъ общества.

Права и обязанности начальниковъ были слѣдующія:

1) Предсѣдатель (по § 11 устава) есть первенствующее лицо въ обществѣ. Онъ даетъ направленіе и силу дѣйствіямъ его и ихъ сосредоточиваетъ. Онъ предлагаетъ проекты, утверждаетъ уже принятые, упраздняетъ союзы и на ихъ мѣсто учреждаетъ новые и назначаетъ въ оные членовъ; онъ изыскиваетъ средства ко всякаго рода пособіямъ, хранитъ казну и даетъ отчетъ о ея состояніи, — словомъ: прилагаетъ всевозможныя старанія о благѣ общества, входитъ въ нужды членовъ, подаетъ имъ совѣты и, въ случаѣ погрѣшностей, увѣщеваетъ и миритъ ссорящихся. При входѣ предсѣдателя въ засѣданіе союза (по § 12) всѣ члены встаютъ съ мѣстъ своихъ и проводникъ предлагаетъ, не угодно ли ему предсѣдательствовать и уступаетъ свое мѣсто. Предсѣдатель избирался на 6 мѣсяцевъ, а остальные начальники на 3.

2) Какъ предсѣдатель первенствуетъ въ цѣломъ обществѣ, такъ проводники первенствуютъ въ своихъ союзахъ. Къ должности проводниковъ (по § 13) относится: созывать на засѣданія членовъ; предсѣдательствовать въ оныхъ; наблюдать за порядкомъ; назначать очереди для чтенія сочиненій; давать и отнимать у членовъ права голоса; привѣтствовать новопринятыхъ членовъ; собирать денежные взносы; опредѣлять вмѣстѣ съ секретаремъ предметы занятій для засѣданій будущихъ; наблюдать за поступками членовъ и сноситься по сему предмету съ предсѣдателемъ. Проводники, три раза выбранные въ эту должность, считались кандидатами на должность предсѣдателя.

3) Совѣтники (по § 15) обязаны: доносить предсѣдателю, на засѣданіяхъ совѣщательной палаты, о желаніяхъ членовъ, о дѣйствіяхъ и постановленіяхъ союзовъ, и наоборотъ—увѣдомлять со-

юзы о предложеніяхъ и подтвержденіяхъ предсѣдателя, т. е. исполнять посредническую роль между администраціей высшей и низшей; кромѣ этого—наблюдать за точнымъ исполненіемъ устава.

4) Секретари (по § 14) обязаны: вмѣстѣ съ проводникомъ записывать въ журналъ протоколы засѣданій; составлять именные списки членовъ; принимать сочиненія—и предназначенныя къ чтенію и прочитанныя; наряжать делегатовъ въ другіе союзы; отмѣчать не бывшихъ на засѣданіяхъ членовъ; приготовлять мѣста для будущихъ засѣданій и по всѣмъ симъ предметамъ сноситься съ проводниками.

5) Обязанности простыхъ членовъ общества, частію тождественны съ дѣятельностію союзовъ, частію же (по § 17) заключаются въ слѣдующемъ: написать въ годъ хоть одно сочиненіе, освѣдомляться о нуждахъ своихъ собратій и предостерегать ихъ отъ погрѣшностей; вносить исправно денежные взносы и быть примѣрно добродѣтельными.

Обрядъ поступленія въ члены общества былъ слѣдующій: проводникъ союза, или членъ писалъ на листѣ бумаги имя новаго кандидата; листъ этотъ путешествовалъ по всѣмъ союзамъ и каждый членъ писалъ на немъ: *утверждаю*, или—*отвергаю*. Если большинство голосовъ было на сторонѣ выбора, то въ очередное засѣданіе союза новоизбраннаго вводилъ проводникъ и привѣтствовалъ его рѣчью. За тѣмъ взималась съ него слѣдующая клятва: клянусь именемъ поляка и именемъ гонороваго человѣка, что существованіе общества сохраню въ тайнѣ и буду помогать ему всѣми зависящими отъ меня средствами. Послѣ этого новоизбранный долженъ былъ единовременно взнести 1 рубль, а затѣмъ ежемѣсячно—по 1 польскому злоту.

Кандидаты не выбранные въ первый разъ, могли черезъ два мѣсяца подвергаться второму выбору и еще черезъ два — третьему; послѣ этого никто уже не смѣлъ предлагать ихъ въ члены.

Членами общества (по 37 §) могли быть только студенты университета, или же лица принадлежащія къ учебному вѣдомству; окончившіе же курсъ ученія и не поступившіе въ учебное вѣдомство (по § 38), удаляющіеся изъ города, а равно не бывшіе на трехъ засѣданіяхъ сряду подвергались исключенію изъ общества. Впрочемъ правила эти въ точности не исполнялись.

Такъ какъ основатель общества Филаретовъ — Томашъ Зонъ былъ въ тоже время членомъ масонской ложи, то онъ внесъ и въ свое общество нѣкоторыя внѣшнія ея аттрибуты; встрѣчныя при-

юзы о предложеніяхъ и подтвержденіяхъ предсѣдателя, т. е. исполнять посредническую роль между администраціей высшей и низшей; кромѣ этого—наблюдать за точнымъ исполненіемъ устава.

4) Секретари (по § 14) обязаны: вмѣстѣ съ проводникомъ записывать въ журналъ протоколы засѣданій; составлять именные списки членовъ; принимать сочиненія—и предназначенныя къ чтенію и прочитанныя; наряжать делегатовъ въ другіе союзы; отмѣчать не бывшихъ на засѣданіяхъ членовъ; приготовлять мѣста для будущихъ засѣданій и по всѣмъ симъ предметамъ сноситься съ проводниками.

5) Обязанности простыхъ членовъ общества, частію тождественны съ дѣятельностію союзовъ, частію же (по § 17) заключаются въ слѣдующемъ: написать въ годъ хоть одно сочиненіе, освѣдомляться о нуждахъ своихъ собратій и предостерегать ихъ отъ погрѣшностей; вносить исправно денежные взносы и быть примѣрно добродѣтельными.

Обрядъ поступленія въ члены общества былъ слѣдующій: проводникъ союза, или членъ писалъ на листѣ бумаги имя новаго кандидата; листъ этотъ путешествовалъ по всѣмъ союзамъ и каждый членъ писалъ на немъ: *утверждаю*, или—*отвергаю*. Если большинство голосовъ было на сторонѣ выбора, то въ очередное засѣданіе союза новоизбраннаго вводилъ проводникъ и привѣтствовалъ его рѣчью. За тѣмъ взималась съ него слѣдующая клятва: клянусь именемъ поляка и именемъ гонороваго человѣка, что существованіе общества сохраню въ тайнѣ и буду помогать ему всѣми зависящими отъ меня средствами. Послѣ этого новоизбранный долженъ былъ единовременно взнести 1 рубль, а затѣмъ ежемѣсячно—по 1 польскому злоту.

Кандидаты не выбранные въ первый разъ, могли черезъ два мѣсяца подвергаться второму выбору и еще черезъ два — третьему; послѣ этого никто уже не смѣлъ предлагать ихъ въ члены.

Членами общества (по 37 §) могли быть только студенты университета, или же лица принадлежащія къ учебному вѣдомству; окончившіе же курсъ ученія и не поступившіе въ учебное вѣдомство (по § 38), удаляющіеся изъ города, а равно не бывшіе на трехъ засѣданіяхъ сряду подвергались исключенію изъ общества. Впрочемъ правила эти въ точности не исполнялись.

Такъ какъ основатель общества Филаретовъ — Томашъ Зонъ былъ въ тоже время членомъ масонской ложи, то онъ внесъ и въ свое общество нѣкоторыя внѣшнія ея аттрибуты; встрѣчныя при-

вѣтствія и пѣсни. Посему каждый членъ, при встрѣчѣ съ непзвѣстнымъ ему человѣкомъ, желая узнать—свой ли, долженъ былъ правую руку приложить къ сердцу. Изъ пѣсень же самою любимою была слѣдующая, сохранившаяся только въ отрывкѣ, который и переводимъ:

«Къ чему чужестранныя рѣчи? Мы пьемъ ковенскій медъ. Пріятнѣе пѣсня національная, и лучше братскій народъ. Ты залѣзъ въ груды римскихъ и греческихъ книгъ, не для того, чтобы спить въ нихъ, а для того, чтобы веселиться какъ грекъ, и бить, какъ былъ римлянинъ... Сегодня нужны десницы, а завтра—законы; циркулы, вѣсы и мѣры употребляй для мертвыхъ тѣлъ; силу измѣряй намѣреніемъ, а не намѣреніе силой: ибо гдѣ горятъ сердца, тамъ циркулемъ духа есть пламенѣнье, а масштабомъ—общественное благо. Единодушіе значитъ болѣе, нежели многочисленность... Бѣдняга Архимедъ не зналъ гдѣ опереться... Пусть нынѣ, если пожелаетъ двинуть свѣтъ, его математическое высокородіе пересчитаетъ число братьевъ... И пусть скажетъ, что ихъ достаточно...» [1])

Впрочемъ Филареты не хотѣли ограничиться этою одною пѣснею и Лозинскимъ была предложена премія — два тома сочиненій Нѣмцевича тому, кто составитъ новую. Конкурсантовъ было нѣсколько, но попытки ихъ остались безъ успѣха.

Общество Филаретовъ вело большую переписку, какъ съ другими обществами, такъ и съ частными лицами; имѣло собственную библіотеку и печатную инструкцію для статистически-географическаго описанія приходовъ (parafis) [2]). Эта послѣдняя имѣла первенствующее значеніе для общества, какъ потому что посредствомъ ея завязывалась и производилась корреспонденція, такъ и потому, что статистико-географическій вопросъ былъ и есть однимъ изъ главнѣйшихъ §§ программы великаго будованья. Стоитъ только припомнить, что посредствомъ составленія географическихъ картъ Ѳадей Чацкій думалъ возобновить Рѣчь посполитую.

Вся инструкція состоитъ изъ вопросовъ, довольно подробно обнимающихъ сущность дѣла, и выясняющихъ ея цѣль и характеръ. Такъ въ отдѣлѣ: Народонаселеніе, между прочимъ говорится: „сколько лицъ изъ дворянъ состоитъ въ войскѣ, въ какихъ полкахъ и въ какихъ чинахъ? Сколько убыло крестьянъ въ 1812 г.? Сколько расположено на мѣстѣ войскъ? число и званіе чиновни-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

[2]) 35 тетрадей запросныхъ пунктовъ. № 75: показанія Маковецкаго, при которыхъ и находится подлинный ея экземпляръ.

вѣтствія и пѣсни. Посему каждый членъ, при встрѣчѣ съ непзвѣстнымъ ему человѣкомъ, желая узнать—свой ли, долженъ былъ правую руку приложить къ сердцу. Изъ пѣсень же самою любимою была слѣдующая, сохранившаяся только въ отрывкѣ, который и переводимъ:

«Къ чему чужестранныя рѣчи? Мы пьемъ ковенскій медъ. Пріятнѣе пѣсня національная, и лучше братскій народъ. Ты залѣзъ въ груды римскихъ и греческихъ книгъ, не для того, чтобы спить въ нихъ, а для того, чтобы веселиться какъ грекъ, и бить, какъ былъ римлянинъ... Сегодня нужны десницы, а завтра—законы; циркулы, вѣсы и мѣры употребляй для мертвыхъ тѣлъ; силу измѣряй намѣреніемъ, а не намѣреніе силой: ибо гдѣ горятъ сердца, тамъ циркулемъ духа есть пламенѣнье, а масштабомъ—общественное благо. Единодушіе значитъ болѣе, нежели многочисленность... Бѣдняга Архимедъ не зналъ гдѣ опереться... Пусть нынѣ, если пожелаетъ двинуть свѣтъ, его математическое высокородіе пересчитаетъ число братьевъ... И пусть скажетъ, что ихъ достаточно...» [1])

Впрочемъ Филареты не хотѣли ограничиться этою одною пѣснею и Лозинскимъ была предложена премія — два тома сочиненій Нѣмцевича тому, кто составитъ новую. Конкурсантовъ было нѣсколько, но попытки ихъ остались безъ успѣха.

Общество Филаретовъ вело большую переписку, какъ съ другими обществами, такъ и съ частными лицами; имѣло собственную библіотеку и печатную инструкцію для статистически-географическаго описанія приходовъ (parafis) [2]). Эта послѣдняя имѣла первенствующее значеніе для общества, какъ потому что посредствомъ ея завязывалась и производилась корреспонденція, такъ и потому, что статистико-географическій вопросъ былъ и есть однимъ изъ главнѣйшихъ §§ программы великаго будованья. Стоитъ только припомнить, что посредствомъ составленія географическихъ картъ Ѳадей Чацкій думалъ возобновить Рѣчь посполитую.

Вся инструкція состоитъ изъ вопросовъ, довольно подробно обнимающихъ сущность дѣла, и выясняющихъ ея цѣль и характеръ. Такъ въ отдѣлѣ: Народонаселеніе, между прочимъ говорится: „сколько лицъ изъ дворянъ состоитъ въ войскѣ, въ какихъ полкахъ и въ какихъ чинахъ? Сколько убыло крестьянъ въ 1812 г.? Сколько расположено на мѣстѣ войскъ? число и званіе чиновни-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

[2]) 35 тетрадей запросныхъ пунктовъ. № 75: показанія Маковецкаго, при которыхъ и находится подлинный ея экземпляръ.

ковъ отъ коропы...“ Въ отдѣлѣ: нравы и обычаи, говорится: „гдѣ производятся выборы чиновниковъ? существуютъ ли между ними партіи и интриги? Усердны ли къ исполненію своихъ обязанностей служащіе? безпристрастно ли творятъ правосудіе? Что имѣетъ болѣе вліянія на занятіе мѣстъ — заслуга, или интрига? Сохраняется ли народность и въ какомъ отношеніи наиболѣе? Какова благотворительность? Каково мнѣніе о собственности? Какіе нравы у военныхъ и какъ они обращаются съ гражданскими людьми? благосклонны ли къ нимъ гражданскіе? Сколько у дворянъ серебра и разныхъ драгоцѣнностей? какой духъ въ дворянствѣ? Есть ли любовь къ отечеству? Народный духъ другихъ слоевъ общества?.. Относительно иностранцевъ наблюдатель долженъ описать ихъ нравъ, характеръ, привычки, предразсудки, одежду — отечественная ли она, или примѣнена къ нашей? Какъ они живутъ и что заставило ихъ оставить свое отечество? имѣютъ ли они свои собранія (клубы) и каковъ ихъ духъ вообще?“

Въ силу этой инструкціи, Филареты должны были заниматься собраніемъ свѣдѣній о краѣ во время каникулярнаго времени, которыя, какъ намъ извѣстно, составляли потомъ любопытные матерьялы для Шубравской газеты: „Бруковыя Вѣдомости“ (уличныя). Свѣдѣнія эти собирались изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, въ дѣлѣ о безпорядкахъ по Мозырскому училищу находится письмо Филарета Ежовскаго, отъ 21-го ноября 1821 года, адресованное на имя учителя Архимовича, въ которомъ говорится: „Несказанно забочусь о пользѣ Мозырскихъ школъ, какъ и всякій человѣкъ, думающій о благѣ и любящій свой родной край. Если бы вы, М. Г., взяли на себя трудъ увѣдомлять меня о состояніи вашей школы, о „запалѣ“ и достаткахъ вашихъ учениковъ, о методахъ преподаванія, о духѣ околичныхъ обывателей, объ образѣ ихъ мыслей — соотвѣтственно правиламъ публичной инструкціи, то извѣстія ваши были бы для меня крайне пріятны, какъ могущія открыть путь къ дальнѣйшей корреспонденціи“ [1]).

Томашъ Зонъ, по составленію устава, изготовилъ именной списокъ тѣмъ „Променистамъ“, съ которыхъ взялъ подписки на храненіе тайны, а равно и другимъ студентамъ нуждающимся въ помощи и желающимъ помогать послѣднимъ. Всѣхъ ихъ раздѣлилъ на 6 союзовъ. Потомъ въ концѣ сентября того же 1820 года, онъ пригласилъ всѣхъ записанныхъ въ списокъ къ себѣ и прочи-

---

[1]) См. Дѣло о безпорядкахъ въ Мозырскомъ училищѣ, 1826 г.

ковъ отъ коропы...“ Въ отдѣлѣ: нравы и обычаи, говорится: „гдѣ производятся выборы чиновниковъ? существуютъ ли между ними партіи и интриги? Усердны ли къ исполненію своихъ обязанностей служащіе? безпристрастно ли творятъ правосудіе? Что имѣетъ болѣе вліянія на занятіе мѣстъ — заслуга, или интрига? Сохраняется ли народность и въ какомъ отношеніи наиболѣе? Какова благотворительность? Каково мнѣніе о собственности? Какіе нравы у военныхъ и какъ они обращаются съ гражданскими людьми? благосклонны ли къ нимъ гражданскіе? Сколько у дворянъ серебра и разныхъ драгоцѣнностей? какой духъ въ дворянствѣ? Есть ли любовь къ отечеству? Народный духъ другихъ слоевъ общества?.. Относительно иностранцевъ наблюдатель долженъ описать ихъ нравъ, характеръ, привычки, предразсудки, одежду — отечественная ли она, или примѣнена къ нашей? Какъ они живутъ и что заставило ихъ оставить свое отечество? имѣютъ ли они свои собранія (клубы) и каковъ ихъ духъ вообще?“

Въ силу этой инструкціи, Филареты должны были заниматься собраніемъ свѣдѣній о краѣ во время каникулярнаго времени, которыя, какъ намъ извѣстно, составляли потомъ любопытные матерьялы для Шубравской газеты: „Бруковыя Вѣдомости“ (уличныя). Свѣдѣнія эти собирались изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, въ дѣлѣ о безпорядкахъ по Мозырскому училищу находится письмо Филарета Ежовскаго, отъ 21-го ноября 1821 года, адресованное на имя учителя Архимовича, въ которомъ говорится: „Несказанно забочусь о пользѣ Мозырскихъ школъ, какъ и всякій человѣкъ, думающій о благѣ и любящій свой родной край. Если бы вы, М. Г., взяли на себя трудъ увѣдомлять меня о состояніи вашей школы, о „запалѣ“ и достаткахъ вашихъ учениковъ, о методахъ преподаванія, о духѣ околичныхъ обывателей, объ образѣ ихъ мыслей — соотвѣтственно правиламъ публичной инструкціи, то извѣстія ваши были бы для меня крайне пріятны, какъ могущія открыть путь къ дальнѣйшей корреспонденціи“ [1]).

Томашъ Зонъ, по составленію устава, изготовилъ именной списокъ тѣмъ „Променистамъ“, съ которыхъ взялъ подписки на храненіе тайны, а равно и другимъ студентамъ нуждающимся въ помощи и желающимъ помогать послѣднимъ. Всѣхъ ихъ раздѣлилъ на 6 союзовъ. Потомъ въ концѣ сентября того же 1820 года, онъ пригласилъ всѣхъ записанныхъ въ списокъ къ себѣ и прочи-

---

[1]) См. Дѣло о безпорядкахъ въ Мозырскомъ училищѣ, 1826 г.

талъ имъ вышеупомянутый уставъ; они согласились на принятіе онаго и сейчасъ же выбрали проводниковъ, совѣтниковъ и секретарей, а Зона единогласно наименовали предсѣдателемъ. Союзы эти были слѣдующіе:

На физико-математическомъ факультетѣ: 1) зеленый, 2) розовый и 3) алый; на медицинскомъ: 4) синій; на словесномъ: 5) голубой; на юридическомъ: 6) бѣлый. Такъ какъ на этомъ факультетѣ оказалось членовъ болѣе опредѣленнаго уставомъ, то въ апрѣлѣ 1821 года онъ раздѣленъ былъ на два союза; новый названъ былъ: 7) лиловымъ. Каждый союзъ долженъ былъ заключать въ себѣ отъ 20 до 24-хъ членовъ. Такое дробленіе общества сдѣлано было въ видахъ предосторожности отъ надзора полиціи.

Всѣхъ оговоренныхъ членовъ было 166; по показаніямъ полиціи до 300; изъ нихъ допрошено 135. Въ числѣ ихъ были представители лучшихъ дворянскихъ фамилій въ сѣверо-западномъ краѣ, конечно, польскаго происхожденія, два ксендза — профессора полоцкой академіи, нѣсколько учителей гимназій и нѣсколько лицъ посторонннихъ.

Благодаря стараніямъ Зона, отдѣлъ этого общества былъ открытъ еще въ Кременецкомъ лицеѣ при содѣйствіи профессора Энтца — члена корреспондента общества „Филаретовъ“.

Какія въ засѣданіяхъ этого общества произносились стихотворенія и рѣчи, мы можемъ судить о нихъ по нѣкоторымъ, уцѣлѣвшимъ отъ всеобщаго уничтоженія бумагъ, остаткамъ. Часть этихъ бумагъ, какъ напр. рѣчь Моковецкаго, протоколъ засѣданія голубого союза, бывшаго 2-го января 1821-го года, въ которомъ находится рѣчь проводника Чечота, письма Томаша Зона съ 1815 года и дневникъ его съ 1820 по 1823-й годъ, была приложена въ подлинникѣ къ рапорту Новосильцева и должна находиться въ Петербургѣ, въ бывшемъ архивѣ намѣстника Царства Польскаго; другая же — принята къ дѣламъ слѣдственной коммиссіи. Такъ, при допросныхъ пунктахъ Осипу Ежовскому находится 5 стихотвореній: 1) „дума на смерть кн. Понятовскаго“, 2). „стихотвореніе въ честь Саввы—барскаго конфедерата“; 3) „историческая пѣснь о странствованіяхъ войска польскаго въ Испаніи“. 4) „Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа [1]); 5) стихи, написанные секретаремъ кассаціоннаго суда, Людвигомъ Осинскимъ по случаю возвращенія войска польскаго въ Варшаву.

---

[1]) См. 35 тетрадей запросныхъ пунктовъ Осипу Ежовскому, № 24.

талъ имъ вышеупомянутый уставъ; они согласились на принятіе онаго и сейчасъ же выбрали проводниковъ, совѣтниковъ и секретарей, а Зона единогласно наименовали предсѣдателемъ. Союзы эти были слѣдующіе:

На физико-математическомъ факультетѣ: 1) зеленый, 2) розовый и 3) алый; на медицинскомъ: 4) синій; на словесномъ: 5) голубой; на юридическомъ: 6) бѣлый. Такъ какъ на этомъ факультетѣ оказалось членовъ болѣе опредѣленнаго уставомъ, то въ апрѣлѣ 1821 года онъ раздѣленъ былъ на два союза; новый названъ былъ: 7) лиловымъ. Каждый союзъ долженъ былъ заключать въ себѣ отъ 20 до 24-хъ членовъ. Такое дробленіе общества сдѣлано было въ видахъ предосторожности отъ надзора полиціи.

Всѣхъ оговоренныхъ членовъ было 166; по показаніямъ полиціи до 300; изъ нихъ допрошено 135. Въ числѣ ихъ были представители лучшихъ дворянскихъ фамилій въ сѣверо-западномъ краѣ, конечно, польскаго происхожденія, два ксендза — профессора полоцкой академіи, нѣсколько учителей гимназій и нѣсколько лицъ постороннихъ.

Благодаря стараніямъ Зона, отдѣлъ этого общества былъ открытъ еще въ Кременецкомъ лицеѣ при содѣйствіи профессора Эптца — члена корреспондента общества „Филаретовъ“.

Какія въ засѣданіяхъ этого общества произносились стихотворенія и рѣчи, мы можемъ судить о нихъ по нѣкоторымъ, уцѣлѣвшимъ отъ всеобщаго уничтоженія бумагъ, остаткамъ. Часть этихъ бумагъ, какъ напр. рѣчь Моковецкаго, протоколъ засѣданія голубого союза, бывшаго 2-го января 1821-го года, въ которомъ находится рѣчь проводника Чечота, письма Томаша Зона съ 1815 года и дневникъ его съ 1820 по 1823-й годъ, была приложена въ подлинникѣ къ рапорту Новосильцева и должна находиться въ Петербургѣ, въ бывшемъ архивѣ намѣстника Царства Польскаго; другая же — принята къ дѣламъ слѣдственной коммиссіи. Такъ, при допросныхъ пунктахъ Осипу Ежовскому находится 5 стихотвореній: 1) „дума на смерть кн. Понятовскаго“, 2). „стихотвореніе въ честь Саввы—барскаго конфедерата“; 3) „историческая пѣснь о странствованіяхъ войска польскаго въ Испаніи“. 4) „Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа [1]); 5) стихи, написанные секретаремъ кассаціоннаго суда, Людвигомъ Осинскимъ по случаю возвращенія войска польскаго въ Варшаву.

---

[1]) См. 35 тетрадей запросныхъ пунктовъ Осипу Ежовскому, № 24.

При показаніяхъ Лозинскаго находится два письма Чечота къ Францу Малевскому; въ одномъ изъ нихъ, находится два стихотворенія: 1) „Упырь“, — аллегорическое изображеніе несчастій Польши и 2) „Напегирикъ Хржоновской“ [1]). Есть еще стихотвореніе Яковскаго: „въ честь Іосифа Массальскаго“ [2]).

Мы приведемъ, для примѣра, три изъ нихъ: 1) „печаль Сармата“, 2) „въ честь Іосифа Массальскаго“ и 3) „Напегирикъ Хржоновской“.

1. *Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа.*

Ты спишь, о Сигизмундъ! а твои сосѣди пріѣхали гостить въ твой домъ!.. Ты спишь, а твоя челядь озабочена пріемомъ тѣхъ самыхъ, которые прежде тебя чтили и уважали. Печальное воспоминаніе! Ужь если измѣнило счастье, то отчего бы не исчезнуть объ немъ и самой памяти!..

По какому-то божьему гнѣву, ты не оставилъ на тронѣ сына, котораго бы внукъ внушалъ теперь на границахъ страхъ и уваженіе. Послѣ тебя корона пошла съ торговъ, тронъ былъ унижепъ, а правительство потопуло.

Наконецъ, отчизна моя, нѣкогда богатая и сильная, упала, — та самая, которая прежде владѣла отъ моря до моря, а теперь не имѣетъ клока земли для гроба. Какое сожалѣніе возбуждаетъ къ себѣ этотъ великій трупъ, въ которомъ жила нѣкогда душа милліоновъ!..

Матери! поглядите — какое предъ вами лежитъ дитя? У него глубокая рана на мѣстѣ вырваннаго сердца, въ которомъ билась когда-то шляхетская кровь. Оно не убѣгало, потому что рана спереди... По лицу его видно, какъ оно желаетъ мести! но изъ-за чего злится несчастное!?

Въ зажженный домъ ввалился наконецъ властелинъ и начались разбои...

Послѣ этихъ разбоевъ одни, противъ воли, разбѣжались подъ невѣдомыя небеса; другіе же остались дома и выпрашиваютъ хлѣба, или же розданы Москвѣ и нѣмцамъ...

И вотъ прекрасною кровью упитанная земля кормитъ теперь копя и дикаго паѣздника, а приневоленная мать учитъ теперь своихъ голодныхъ дѣтей господствующему языку.

О Висла! не полякъ пьетъ твои воды, даже слѣды затираютъ его; теперь онъ долженъ скрывать даже свое имя, которое такъ мужественно прославляли его дѣды.

---

[1]) См. тамъ же, № 29.

[2]) См. рапортъ Новосильцева, 13 октября 1823 года; Дѣло объ Общ. Восп. Друзей.

При показаніяхъ Лозинскаго находится два письма Чечота къ Францу Малевскому; въ одномъ изъ нихъ, находится два стихотворенія: 1) „Упырь“, — аллегорическое изображеніе несчастій Польши и 2) „Напегирикъ Хржоновской“ [1]). Есть еще стихотвореніе Яковскаго: „въ честь Іосифа Массальскаго“ [2]).

Мы приведемъ, для примѣра, три изъ нихъ: 1) „печаль Сармата“, 2) „въ честь Іосифа Массальскаго“ и 3) „Напегирикъ Хржоновской“.

1. *Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа.*

Ты спишь, о Сигизмундъ! а твои сосѣди пріѣхали гостить въ твой домъ!.. Ты спишь, а твоя челядь озабочена пріемомъ тѣхъ самыхъ, которые прежде тебя чтили и уважали. Печальное воспоминаніе! Ужь если измѣнило счастье, то отчего бы не исчезнуть объ немъ и самой памяти!..

По какому-то божьему гнѣву, ты не оставилъ на тронѣ сына, котораго бы внукъ внушалъ теперь на границахъ страхъ и уваженіе. Послѣ тебя корона пошла съ торговъ, тронъ былъ унижепъ, а правительство потопуло.

Наконецъ, отчизна моя, нѣкогда богатая и сильная, упала, — та самая, которая прежде владѣла отъ моря до моря, а теперь не имѣетъ клока земли для гроба. Какое сожалѣніе возбуждаетъ къ себѣ этотъ великій трупъ, въ которомъ жила нѣкогда душа милліоновъ!..

Матери! поглядите — какое предъ вами лежитъ дитя? У него глубокая рапа на мѣстѣ вырваннаго сердца, въ которомъ билась когда-то шляхетская кровь. Оно не убѣгало, потому что рапа спереди... По лицу его видно, какъ оно желаетъ мести! но изъ-за чего злится несчастное!?

Въ зажженный домъ ввалился наконецъ властелинъ и начались разбои...

Послѣ этихъ разбоевъ одни, противъ воли, разбѣжались подъ невѣдомыя небеса; другіе же остались дома и выпрашиваютъ хлѣба, или же розданы Москвѣ и нѣмцамъ...

И вотъ прекрасною кровью упитанная земля кормитъ теперь копя и дикаго паѣздника, а приневоленная мать учитъ теперь своихъ голодныхъ дѣтей господствующему языку.

О Висла! не полякъ пьетъ твои воды, даже слѣды затираютъ его; теперь онъ долженъ скрывать даже свое имя, которое такъ мужественно прославляли его дѣды.

---

[1]) См. тамъ же, № 29.

[2]) См. рапортъ Новосильцева, 13 октября 1823 года; Дѣло объ Общ. Восп. Друзей.

2. *Въ честь Іосифа Массальскаго.*

Разверзлась книга непостижимыхъ предопредѣленій. Предвѣчный Богъ, котораго могущество безконечно, низвергъ своею десницею храброе племя Леха; оно разорвано на части, земля у него отнята, цѣпь святыхъ законовъ уничтожена и на рамена вольнаго народа возложены оковы.

Рушился могущественный колоссъ и нечистыя струи Ельстры поглотили князя (Понятовскаго). Унылый звонъ колоколовъ, сѣтуя о кончинѣ героя, возноситъ свои стенанія къ небесамъ. О, братья! чье не разрывается въ сей день сердце? Какая ужасная пропасть раскрывается предо мною! И чѣмъ глубже я стараюсь проникнуть въ область мечтаній объ отечествѣ, тѣмъ болѣе исчезаетъ на него надежда: сыны Польши погибли.

Уже сѣверный варваръ, захвативъ въ свои когти милліоны дѣтей нашей матери, пожираетъ невинныхъ и даже—это дикое чудовище—не подаетъ и луча надежды на счастіе. Сіе исчадіе природы, рожденное во мракѣ Эреба отъ наложницы гибельныхъ люциферовъ. Нѣкогда безстыдный рабъ Наполеона, неблагодарный за благодѣянія, приготовилъ ему смертоносный кинжалъ и измѣною завоевалъ обширный свѣтъ... Но за чѣмъ долѣе? Нынѣшніе его поступки явно открываютъ намѣренія крокодила...

Покинемъ мы нашихъ братьевъ подъ Вислой; Рона, Тибръ, наконецъ потомки Греціи чувствуютъ, кто ихъ гнететъ. Можно ли сносить такое бѣдствіе! Братья, неизмѣнившіе своему племени,—вы, которые любите свободу и хотите быть свободными въ тайнѣ,—вы, которые, благоговѣя предъ божеской волей, ожидаете не разсѣетъ ли какая нибудь благодатная звѣзда огромныхъ тучь на нашемъ горизонтѣ,—вы, въ которыхъ не изсякла еще отеческая добродѣтель, польское юношество, достойное сего названія! Когда тиранъ запрещаетъ намъ открыто любить свое отечество, то, облегчая свой жребій, будемъ любить его тайно. Быть можетъ когда нибудь и умилостивится Богъ надъ нами! Быть можетъ наши несчастія и достигли уже своей цѣли? Быть можетъ для тирана и готовы уже гибельные кинжалы!..

Іосифъ, нашъ вождь! ты, который высокимъ полетомъ своимъ паришь по обширному небу, и, какъ разливающійся ручей, не чувствуешь подъ собой преграды! ты, котораго какъ сына сарматскаго, достойное общество польское избрало своимъ начальникомъ,—управляй нами, дай дѣятельное движеніе свободѣ и умамъ, да увеличивается безпрестанно тѣсный братскій союзъ. А когда станетъ вкрадываться къ намъ, какъ къ людямъ, духъ несогласія и раздора, то ты своими спасительными совѣтами, своими дружескими наставленіями погашай въ самомъ началѣ всепожирающій огонь, да судитъ о насъ, по нашимъ дѣламъ, самое отдаленное потомство, что Польша имѣла своихъ гражданъ и сыновъ.

2. *Въ честь Іосифа Массальскаго.*

Разверзлась книга непостижимыхъ предопредѣленій. Предвѣчный Богъ, котораго могущество безконечно, низвергъ своею десницею храброе племя Леха; оно разорвано на части, земля у него отнята, цѣпь святыхъ законовъ уничтожена и на рамена вольнаго народа возложены оковы.

Рушился могущественный колоссъ и нечистыя струи Ельстры поглотили князя (Понятовскаго). Унылый звонъ колоколовъ, сѣтуя о кончинѣ героя, возноситъ свои стенанія къ небесамъ. О, братья! чье не разрывается въ сей день сердце? Какая ужасная пропасть раскрывается предо мною! И чѣмъ глубже я стараюсь проникнуть въ область мечтаній объ отечествѣ, тѣмъ болѣе исчезаетъ на него надежда: сыны Польши погибли.

Уже сѣверный варваръ, захвативъ въ свои когти милліоны дѣтей нашей матери, пожираетъ невинныхъ и даже—это дикое чудовище—не подаетъ и луча надежды на счастіе. Сіе исчадіе природы, рожденное во мракѣ Эреба отъ наложницы гибельныхъ люциферовъ. Нѣкогда безстыдный рабъ Наполеона, неблагодарный за благодѣянія, приготовилъ ему смертоносный кинжалъ и измѣною завоевалъ обширный свѣтъ... Но за чѣмъ долѣе? Нынѣшніе его поступки явно открываютъ намѣренія крокодила...

Покинемъ мы нашихъ братьевъ подъ Вислой; Рона, Тибръ, наконецъ потомки Греціи чувствуютъ, кто ихъ гнететъ. Можно ли сносить такое бѣдствіе! Братья, неизмѣнившіе своему племени,—вы, которые любите свободу и хотите быть свободными въ тайнѣ,—вы, которые, благоговѣя предъ божеской волей, ожидаете не разсѣетъ ли какая нибудь благодатная звѣзда огромныхъ тучь на нашемъ горизонтѣ,—вы, въ которыхъ не изсякла еще отеческая добродѣтель, польское юношество, достойное сего названія! Когда тиранъ запрещаетъ намъ открыто любить свое отечество, то, облегчая свой жребій, будемъ любить его тайно. Быть можетъ когда нибудь и умилостивится Богъ надъ нами! Быть можетъ наши несчастія и достигли уже своей цѣли? Быть можетъ для тирана и готовы уже гибельные кинжалы!..

Іосифъ, нашъ вождь! ты, который высокимъ полетомъ своимъ паришь по обширному небу, и, какъ разливающійся ручей, не чувствуешь подъ собой преграды! ты, котораго какъ сына сарматскаго, достойное общество польское избрало своимъ начальникомъ,—управляй нами, дай дѣятельное движеніе свободѣ и умамъ, да увеличивается безпрестанно тѣсный братскій союзъ. А когда станетъ вкрадываться къ намъ, какъ къ людямъ, духъ несогласія и раздора, то ты своими спасительными совѣтами, своими дружескими наставленіями погашай въ самомъ началѣ всепожирающій огонь, да судитъ о насъ, по нашимъ дѣламъ, самое отдаленное потомство, что Польша имѣла своихъ гражданъ и сыновъ.

3. *Панегирикъ Хржановской.*

Послушайте, молодыя дѣвицы, звуковъ пріятной для васъ лютни и пусть воспоминанія о прекрасныхъ событіяхъ возбудятъ въ васъ соревнованіе къ славѣ.

Послушайте, какъ давнишнія польки-богатырки сердцемъ, достоинствомъ и славною скромностію умѣли укрѣплять мужество въ сердцахъ своихъ супруговъ.

Уже осажденная бусурманами Трембовля должна была имъ сдаваться и матери, обливая слезами своихъ дѣтей, прятали ихъ у себя на груди.

Уже любовники и любовницы поздравляли другъ друга плѣнниками и плѣнницами, поздравляли себя такъ точно и военные мужи, неспособные оборонятся оружіемъ...

Но Хржоновская съ мечомъ въ рукѣ обращается къ мужу: о мужъ! о вѣчный стыдъ! Ужели эта постылая жизнь такъ дорога, что поляки должны неволю предпочитать смерти?

Упадетъ преддверіе отчизны, упадетъ твердыня и мы, стеня въ несчастныхъ узахъ, живьемъ поѣдемъ въ скаредные таборы.

Будетъ поспть твоя милая воду изъ ключа для тирана; станутъ ею помыкать и оскорблять, а ты все будешь видѣть и служить тому же нелюдскому пану. О, поляки! такая судьба приготовлена для всякаго изъ васъ.

Гдѣ же любовь къ отчизнѣ? Или развѣ смерть непріятнѣе цѣпей? А когда ты не желаешь быть этимъ желѣзомъ турокъ, то спшь отъ моей руки, вмѣстѣ со мной!...

Съ этими словами Хржоновская набросилась на мужа... А онъ ей: клянусь тебѣ, что съ этимъ мечемъ мы или поляжемъ или побѣдимъ.

Начался штурмъ; нападенія были отбиты: горсть оживленная мужествомъ спасла Трембовлю. Честь тебѣ богатырка матрона. Пусть лаврами цвѣтутъ твои остатки!

А вы, прелестныя дѣвицы, воскресите въ себѣ прежнее достоинство, мужья уподобятся вамъ и прежнее золотое время возвратится.

Если бы Польша имѣла побольше такихъ женъ, то крѣпилась бы и до сихъ поръ; если же будетъ имѣть, то воскреснетъ въ прежнемъ своемъ блескѣ...

Стихотвореніе это, какъ значится въ письмѣ, было переложено на музыку и распѣвалось въ гостинныхъ.

Кромѣ очередныхъ засѣданій, общество имѣло еще и частныя сходки, по случаю наприм. именинъ разныхъ членовъ. Такъ, въ именины Томаша Зона было большое стеченіе ихъ за городомъ; здѣсь онъ былъ коронованъ дубовымъ вѣнкомъ и въ знакъ благо-

3. *Панегирикъ Хржановской.*

Послушайте, молодыя дѣвицы, звуковъ пріятной для васъ лютни и пусть воспоминанія о прекрасныхъ событіяхъ возбудятъ въ васъ соревнованіе къ славѣ.

Послушайте, какъ давнишнія польки-богатырки сердцемъ, достоинствомъ и славною скромностію умѣли укрѣплять мужество въ сердцахъ своихъ супруговъ.

Уже осажденная бусурманами Трембовля должна была имъ сдаваться и матери, обливая слезами своихъ дѣтей, прятали ихъ у себя на груди.

Уже любовники и любовницы поздравляли другъ друга плѣнниками и плѣнницами, поздравляли себя такъ точно и военные мужи, неспособные оборонятся оружіемъ...

Но Хржоновская съ мечомъ въ рукѣ обращается къ мужу: о мужъ! о вѣчный стыдъ! Ужели эта постылая жизнь такъ дорога, что поляки должны неволю предпочитать смерти?

Упадетъ преддверіе отчизны, упадетъ твердыня и мы, стеня въ несчастныхъ узахъ, живьемъ поѣдемъ въ скаредные таборы.

Будетъ поспть твоя милая воду изъ ключа для тирана; станутъ ею помыкать и оскорблять, а ты все будешь видѣть и служить тому же нелюдскому пану. О, поляки! такая судьба приготовлена для всякаго изъ васъ.

Гдѣ же любовь къ отчизнѣ? Или развѣ смерть непріятнѣе цѣпей? А когда ты не желаешь быть этимъ желѣзомъ турокъ, то спшь отъ моей руки, вмѣстѣ со мной!...

Съ этими словами Хржоновская набросилась на мужа... А онъ ей: клянусь тебѣ, что съ этимъ мечемъ мы или поляжемъ или побѣдимъ.

Начался штурмъ; нападенія были отбиты: горсть оживленная мужествомъ спасла Трембовлю. Честь тебѣ богатырка матрона. Пусть лаврами цвѣтутъ твои остатки!

А вы, прелестныя дѣвицы, воскресите въ себѣ прежнее достоинство, мужья уподобятся вамъ и прежнее золотое время возвратится.

Если бы Польша имѣла побольше такихъ женъ, то крѣпилась бы и до сихъ поръ; если же будетъ имѣть, то воскреснетъ въ прежнемъ своемъ блескѣ...

Стихотвореніе это, какъ значится въ письмѣ, было переложено на музыку и распѣвалось въ гостинныхъ.

Кромѣ очередныхъ засѣданій, общество имѣло еще и частныя сходки, по случаю наприм. имянинъ разныхъ членовъ. Такъ, въ имяниы Томаша Зона было большое стеченіе ихъ за городомъ; здѣсь онъ былъ коронованъ дубовымъ вѣнкомъ и въ знакъ благо-

дарности получилъ отъ общества желѣзный перстень съ надписью: „пріязнь заслугѣ“, при этомъ Адамъ Мицкевичъ произнесъ составленное имъ на сей предметъ стихотвореніе.

Закрытіе общества послѣдовало въ 1822 г. по разнымъ причинамъ. Томашъ Зонъ говоритъ потому, что за окончаніемъ курса въ университетѣ, выбыли изъ него лучшіе и вліятельнѣйшіе Филареты, а самъ онъ приглашенъ былъ визитаторомъ—Ходзьскомъ на мѣсто письмоводителя; другіе говорятъ потому, что по случаю пріѣзда въ Вильну Государя Императора на смотръ гвардіи, былъ усиленъ надзоръ полиціи и отбывать засѣданія было не безопасно; третьи говорятъ потому, что сдѣлалось извѣстнымъ враждебное отношеніе правительства ко всякаго рода тайнымъ обществамъ, вслѣдствіе чего и было закрыто общество „Масоновъ“, а „Филареты“ изъ тайнаго намѣревались сдѣлаться обществомъ явнымъ подъ названіемъ: „товарищества для пособія бѣднымъ ученикамъ“ (wspievania niedostatnych uczniow), которое уже было открыто и дѣйствительно привлекло къ себѣ многихъ „Филаретовъ“.

Самый актъ закрытія совершился слѣдующимъ образомъ: созвано было чрезвычайное собраніе членовъ — по союзамъ; когда явились къ Зону проводники, то прочитавши имъ предварительно составленную на сей предметъ рекламу, онъ склонилъ ихъ согласиться на закрытіе обществъ. Проводники согласились. Возвратившись каждый въ свой союзъ, они прочитали вышеупомянутую рекламу и взяли съ членовъ подписки, что существованіе обществъ они сохранятъ въ тайнѣ. Подписки эти были представлены Зону, а равно и другія филаретскія бумаги, находившіяся по союзамъ; онъ сжегъ ихъ въ то время, когда студенты были на лекціяхъ, безъ вѣдома и согласія общества. Такъ прекратило свою дѣятельность общество „Филаретовъ“; но прекратило ли оно свое существованіе? Читатели увидятъ, что — нѣтъ.

При слѣдствіи, Филареты, благодаря сожженію ихъ бумагъ, обнаруживали явное запирательство, въ особенности же Томашъ Зонъ. Онъ утверждалъ, что основанное имъ общество имѣло цѣль исключительно научно-нравственную; что польскій патріотизмъ и политика не могли входить въ предметы его занятій по § 8 устава; что если нѣкоторые члены и позволяли себѣ патріотическія выходки, то это были исключенія изъ общаго правила, всегда наводившія на него самыя непріятныя впечатлѣнія; что наконецъ, если бы, по опрометчивости своей, онъ не сжегъ филаретскихъ

дарности получилъ отъ общества желѣзный перстень съ надписью: „пріязнь заслугѣ“, при этомъ Адамъ Мицкевичъ произнесъ составленное имъ на сей предметъ стихотвореніе.

Закрытіе общества послѣдовало въ 1822 г. по разнымъ причинамъ. Томашъ Зонъ говоритъ потому, что за окончаніемъ курса въ университетѣ, выбыли изъ него лучшіе и вліятельнѣйшіе Филареты, а самъ онъ приглашенъ былъ визитаторомъ—Ходзьскомъ на мѣсто письмоводителя; другіе говорятъ потому, что по случаю пріѣзда въ Вильну Государя Императора на смотръ гвардіи, былъ усиленъ надзоръ полиціи и отбывать засѣданія было не безопасно; третьи говорятъ потому, что сдѣлалось извѣстнымъ враждебное отношеніе правительства ко всякаго рода тайнымъ обществамъ, вслѣдствіе чего и было закрыто общество „Масоновъ“, а „Филареты“ изъ тайнаго намѣревались сдѣлаться обществомъ явнымъ подъ названіемъ: „товарищества для пособія бѣднымъ ученикамъ“ (wspievania niedostatnych uczniow), которое уже было открыто и дѣйствительно привлекло къ себѣ многихъ „Филаретовъ“.

Самый актъ закрытія совершился слѣдующимъ образомъ: созвано было чрезвычайное собраніе членовъ — по союзамъ; когда явились къ Зону проводники, то прочитавши имъ предварительно составленную на сей предметъ рекламу, онъ склонилъ ихъ согласиться на закрытіе обществъ. Проводники согласились. Возвратившись каждый въ свой союзъ, они прочитали вышеупомянутую рекламу и взяли съ членовъ подписки, что существованіе обществъ они сохранятъ въ тайнѣ. Подписки эти были представлены Зону, а равно и другія филаретскія бумаги, находившіяся по союзамъ; онъ сжегъ ихъ въ то время, когда студенты были на лекціяхъ, безъ вѣдома и согласія общества. Такъ прекратило свою дѣятельность общество „Филаретовъ“; но прекратило ли оно свое существованіе? Читатели увидятъ, что — нѣтъ.

При слѣдствіи, Филареты, благодаря сожженію ихъ бумагъ, обнаруживали явное запирательство, въ особенности же Томашъ Зонъ. Онъ утверждалъ, что основанное имъ общество имѣло цѣль исключительно научно-нравственную; что польскій патріотизмъ и политика не могли входить въ предметы его занятій по § 8 устава; что если нѣкоторые члены и позволяли себѣ патріотическія выходки, то это были исключенія изъ общаго правила, всегда наводившія на него самыя непріятныя впечатлѣнія; что наконецъ, если бы, по опрометчивости своей, онъ не сжегъ филаретскихъ

бумагъ, то могъ бы доказать безукоризненную невинность и своихъ намѣреній и дѣятельности самого общества. До какой степени былъ не искренекъ и наглъ этотъ человѣкъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ:

Между арестованными бумагами Зона нашлись письма, стихотворенія и дневникъ съ 1820 по 1823-й годъ, изъ которыхъ ясно видно, что онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ сдѣлался однимъ изъ способнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ будовничковъ отчизны. Изъ писемъ его открылось, что, будучи еще въ Молодечненскомъ училищѣ, онъ устроивалъ маленькое общество подъ названіемъ: войска Марса и Аполлона, которое въ свободное время играло въ потѣшныя игры. Провинившихся въ чемъ нибудь наказывалъ, а исправныхъ награждалъ крестикомъ изъ золотой бумаги съ надписью: „крестъ святой любви къ отечеству“. Въ 1815 году онъ составилъ для этого войска маршъ въ стихахъ, въ которыхъ внушалъ мальчишкамъ спѣшить на службу къ Наполеону. Въ этомъ же году онъ написалъ комедію, подъ названіемъ: „Постоянство въ дружбѣ“. Въ 1-мъ и 2-мъ явленіяхъ этой піесы онъ называлъ счастливыми тѣхъ, которые положатъ животъ свой за отечество и выражалъ свои надежды на возстановленіе Польши на Вѣнскомъ конгрессѣ. Въ 1816 году онъ сочинилъ три стихотворенія. Въ первомъ убѣждалъ соотчичей—спасать Наполеона съ острова св. Елены; во второмъ проводилъ мысль, что онъ равняется съ богами, когда лира его настраивается пѣть о Наполеонѣ; а въ третьемъ внушаетъ, чтобы всѣ родаки, знающіе алгебру, химію, физику, астрономію, юриспруденцію, языки и хирургію, свои познанія прилагали къ истребленію россіянъ.

Въ дневникѣ Зона, носящемъ названіе „Свѣтъ и любовь“ разсказывается, между прочимъ, что, по прошествіи двадцати лѣтъ (то есть, въ 1821-мъ году), край будетъ освобожденъ, ибо есть еще Наполеоны; въ другомъ же мѣстѣ — что преподавая уроки исторіи, въ женскомъ пансіонѣ Дейбаля, онъ внушаетъ дѣвицамъ патріотическія идеи, за что Дейбаль на него злится. На вопросы, предложенные Зону слѣдственной коммиссіей, относительно этихъ произведеній, Зонъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

Будучи еще ученикомъ, онъ выучился любви къ отечеству въ классахъ: ибо въ грамматикѣ Хончинскаго, для учениковъ 1-го класса, въ примѣрахъ сказано: „мы рождены не для себя: одна часть насъ принадлежитъ отечеству, а другая друзьямъ“; въ грамматикѣ же для III-го класса въ примѣрахъ напечатано: „святая

бумагъ, то могъ бы доказать безукоризненную невинность и своихъ намѣреній и дѣятельности самого общества. До какой степени былъ не искренекъ и наглъ этотъ человѣкъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ:

Между арестованными бумагами Зона нашлись письма, стихотворенія и дневникъ съ 1820 по 1823-й годъ, изъ которыхъ ясно видно, что онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ сдѣлался однимъ изъ способнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ будовничковъ отчизны. Изъ писемъ его открылось, что, будучи еще въ Молодечненскомъ училищѣ, онъ устроивалъ маленькое общество подъ названіемъ: войска Марса и Аполлона, которое въ свободное время играло въ потѣшныя игры. Провинившихся въ чемъ нибудь наказывалъ, а исправныхъ награждалъ крестикомъ изъ золотой бумаги съ надписью: „крестъ святой любви къ отечеству“. Въ 1815 году онъ составилъ для этого войска маршъ въ стихахъ, въ которыхъ внушалъ мальчишкамъ спѣшить на службу къ Наполеону. Въ этомъ же году онъ написалъ комедію, подъ названіемъ: „Постоянство въ дружбѣ“. Въ 1-мъ и 2-мъ явленіяхъ этой піесы онъ называлъ счастливыми тѣхъ, которые положатъ животъ свой за отечество и выражалъ свои надежды на возстановленіе Польши на Вѣнскомъ конгрессѣ. Въ 1816 году онъ сочинилъ три стихотворенія. Въ первомъ убѣждалъ соотчичей—спасать Наполеона съ острова св. Елены; во второмъ проводилъ мысль, что онъ равняется съ богами, когда лира его настраивается пѣть о Наполеонѣ; а въ третьемъ внушаетъ, чтобы всѣ родаки, знающіе алгебру, химію, физику, астрономію, юриспруденцію, языки и хирургію, свои познанія прилагали къ истребленію россіянъ.

Въ дневникѣ Зона, носящемъ названіе „Свѣтъ и любовь“ разсказывается, между прочимъ, что, по прошествіи двадцати лѣтъ (то есть, въ 1821-мъ году), край будетъ освобожденъ, ибо есть еще Наполеоны; въ другомъ же мѣстѣ — что преподавая уроки исторіи, въ женскомъ пансіонѣ Дейбаля, онъ внушаетъ дѣвицамъ патріотическія идеи, за что Дейбаль на него злится. На вопросы, предложенные Зону слѣдственной коммиссіей, относительно этихъ произведеній, Зонъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

Будучи еще ученикомъ, онъ выучился любви къ отечеству въ классахъ: ибо въ грамматикѣ Хончинскаго, для учениковъ 1-го класса, въ примѣрахъ сказано: „мы рождены не для себя: одна часть насъ принадлежитъ отечеству, а другая друзьямъ“; въ грамматикѣ же для III-го класса въ примѣрахъ напечатано: „святая

любовь къ отечеству! тебя чувствуютъ только сердца честныя". Впослѣдствіи же, когда пришелъ онъ, Зонъ, въ болѣе зрѣлый возрастъ и понялъ всѣ заблужденія своей молодости, то сохранилъ вышеозначенныя сочиненія себѣ на память, какъ свидѣтельства своей глупости, невѣжества, ребячества, заблужденій и проступковъ, порожденныхъ въ немъ вліяніемъ войны 1812 г., когда непріятельскія войска ополчились противъ Россіянъ и шли вслѣдъ за Наполеономъ [1]).

Во все время слѣдствія надъ Филаретами, университетъ велъ себя весьма сдержанно и осторожно; не обнаруживалъ ни волненій, ни неудовольствій. Да иначе и быть не могло. Слѣдственная Коммиссія заподозрила университетъ въ явныхъ потачкахъ этому обществу и попросила отъ него объясненія какъ по дѣлу слѣдственнаго комитета изъ профессоровъ о „променистахъ", такъ и по дѣлу „географической инструкціи", которая была въ рукахъ цензора—профессора Голянскаго еще до ея напечатанія. Коммиссія спрашивала:

1) Чѣмъ руководствовался комитетъ по дѣлу променистовъ, когда по заарестованіи бумагъ принадлежавшихъ этому обществу, (то есть, обществу Филаретовъ) устава, диссертацій Лозинскаго и протоколовъ засѣданій съ разными помѣтками, онъ не только не далъ имъ надлежащаго движенія, а просто возвратилъ назадъ безъ всякихъ послѣдствій?

2) Какимъ образомъ могла быть напечатана инструкція, заключающая въ себѣ разныя статьи, не находящіяся въ инструкціи главнаго управленія училищъ, въ то время когда она, до напечатанія, была предъявлена префектомъ базиліанской типографіи на разсмотрѣніе цензору—проф. Голянскому, а безъ его вѣдома печатать не смѣла ни одна типографія?

3) Какимъ образомъ и откуда попала она въ комитетъ, уже въ печатномъ видѣ и настоитъ ли какая нибудь надобность для статистики, знать количество серебряныхъ и золотыхъ вещей, находящихся у разныхъ частныхъ лицъ?

и 4) Гдѣ можно найти уставъ и другія бумаги, принадлежащія обществу, по крайней мѣрѣ уставъ променистовъ, долженствовавшій находиться у прежде бывшаго ректора Малевскаго?

На первый вопросъ всѣ члены бывшаго комитета въ одинъ голосъ засвидѣтельствовали, что указываемые Коммиссіей промахи,

---

[1]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

любовь къ отечеству! тебя чувствуютъ только сердца честныя". Впослѣдствіи же, когда пришелъ онъ, Зонъ, въ болѣе зрѣлый возрастъ и понялъ всѣ заблужденія своей молодости, то сохранилъ вышеозначенныя сочиненія себѣ на память, какъ свидѣтельства своей глупости, невѣжества, ребячества, заблужденій и проступковъ, порожденныхъ въ немъ вліяніемъ войны 1812 г., когда непріятельскія войска ополчились противъ Россіянъ и шли вслѣдъ за Наполеономъ [1]).

Во все время слѣдствія надъ Филаретами, университетъ велъ себя весьма сдержанно и осторожно; не обнаруживалъ ни волненій, ни неудовольствій. Да иначе и быть не могло. Слѣдственная Коммиссія заподозрила университетъ въ явныхъ потачкахъ этому обществу и попросила отъ него объясненія какъ по дѣлу слѣдственнаго комитета изъ профессоровъ о „променистахъ", такъ и по дѣлу „географической инструкціи", которая была въ рукахъ цензора—профессора Голянскаго еще до ея напечатанія. Коммиссія спрашивала:

1) Чѣмъ руководствовался комитетъ по дѣлу променистовъ, когда по заарестованіи бумагъ принадлежавшихъ этому обществу, (то есть, обществу Филаретовъ) устава, диссертацій Лозинскаго и протоколовъ засѣданій съ разными помѣтками, онъ не только не далъ имъ надлежащаго движенія, а просто возвратилъ назадъ безъ всякихъ послѣдствій?

2) Какимъ образомъ могла быть напечатана инструкція, заключающая въ себѣ разныя статьи, не находящіяся въ инструкціи главнаго управленія училищъ, въ то время когда она, до напечатанія, была предъявлена префектомъ базиліанской типографіи на разсмотрѣніе цензору—проф. Голянскому, а безъ его вѣдома печатать не смѣла ни одна типографія?

3) Какимъ образомъ и откуда попала она въ комитетъ, уже въ печатномъ видѣ и настоитъ ли какая нибудь надобность для статистики, знать количество серебряныхъ и золотыхъ вещей, находящихся у разныхъ частныхъ лицъ?

и 4) Гдѣ можно найти уставъ и другія бумаги, принадлежащія обществу, по крайней мѣрѣ уставъ променистовъ, долженствовавшій находиться у прежде бывшаго ректора Малевскаго?

На первый вопросъ всѣ члены бывшаго комитета въ одинъ голосъ засвидѣтельствовали, что указываемые Коммиссіей промахи,

---

[1]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

допущены были имп единственно вслѣдствіе неопытности въ судебныхъ дѣлахъ.

На второй профессоръ Голянскій отвѣтилъ: „имѣю чистосердечно заявить, что вовсе не припомню, чтобы мнѣ когда нибудь было приносимо такое сочиненіе изъ базиліанской типографіи. Такое показаніе мое, теперь уже надъ гробомъ стоящій, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти моему, собственноручно подписую“ [1]). Дѣйствительно, инструкція эта, по изслѣдованію Коммиссіею, была напечатана секретно, безъ разрѣшенія и одобренія цензора—Чечотомъ и Юндзиломъ, которые подкупивши наборщиковъ базиліанской типографіи, устроили это дѣло въ ночное время [2]).

Что же касается до ея содержанія, то, по словамъ бывшаго ректора Малевскаго, оно совершенно походитъ на содержаніе таковой же инструкціи министерства народнаго просвѣщенія, изданной въ 1812 г., съ чѣмъ однако же Слѣдственная Коммиссія, по сличеніи обѣихъ, не согласилась [3]).

На третій вопросъ профессоръ Лобейко отвѣтилъ, что инструкцію нашелъ онъ у себя дома, между собственными бумагами, по тому что на квартирѣ у него жилъ предсѣдатель общества „Филаретовъ“, Томашъ Зонъ, дававшій ему уроки польскаго языка [4]).

Что же касается до серебряныхъ и драгоцѣнныхъ вещей,—могутъ ли онѣ входить въ статистическія описанія, то ректоръ Твордовскій „поспѣшилъ съ слѣдующимъ увѣдомленіемъ: дабы отвѣчать на сіе основательно и съ точностію, слѣдовало бы, по роду предмета и по заведенному порядку, сіе дѣло предложить на заключеніе отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ, коему принадлежитъ статистика“; но онъ, ректоръ, не рѣшается на подобный поступокъ безъ увѣдомленія Коммиссіи, такъ какъ дѣло сіе производится секретно и тотчасъ же совершитъ его какъ только получитъ ея согласіе [5]).

На четвертый вопросъ профессоръ Малевскій, въ рапортѣ Новосильцеву отъ 16 іюля 1823 года донесъ, „что бумаги, заарестованныя имъ у учениковъ, были препровождены въ слѣдственный комитетъ и, по окончаніи его дѣйствій, какъ ничего въ себѣ важ-

---

[1]) См. дѣло о Тайн. Общ. Филаретовъ.
[2]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.
[3]) См. дѣло о Тайн. Общ. Филаретовъ.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же.

допущены были имп единственно вслѣдствіе неопытности въ судебныхъ дѣлахъ.

На второй профессоръ Голянскій отвѣтилъ: „имѣю чистосердечно заявить, что вовсе не припомню, чтобы мнѣ когда нибудь было приносимо такое сочиненіе изъ базиліанской типографіи. Такое показаніе мое, теперь уже надъ гробомъ стоящій, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти моему, собственноручно подписую“ [1]). Дѣйствительно, инструкція эта, по изслѣдованію Коммиссіею, была напечатана секретно, безъ разрѣшенія и одобренія цензора—Чечотомъ и Юндзиломъ, которые подкупивши наборщиковъ базиліанской типографіи, устроили это дѣло въ ночное время [2]).

Что же касается до ея содержанія, то, по словамъ бывшаго ректора Малевскаго, оно совершенно походитъ на содержаніе таковой же инструкціи министерства народнаго просвѣщенія, изданной въ 1812 г., съ чѣмъ однако же Слѣдственная Коммиссія, по сличеніи обѣихъ, не согласилась [3]).

На третій вопросъ профессоръ Лобейко отвѣтилъ, что инструкцію нашелъ онъ у себя дома, между собственными бумагами, по тому что на квартирѣ у него жилъ предсѣдатель общества „Филаретовъ“, Томашъ Зонъ, дававшій ему уроки польскаго языка [4]).

Что же касается до серебряныхъ и драгоцѣнныхъ вещей,—могутъ ли онѣ входить въ статистическія описанія, то ректоръ Твордовскій „поспѣшилъ съ слѣдующимъ увѣдомленіемъ: дабы отвѣчать на сіе основательно и съ точностію, слѣдовало бы, по роду предмета и по заведенному порядку, сіе дѣло предложить на заключеніе отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ, коему принадлежитъ статистика“; но онъ, ректоръ, не рѣшается на подобный поступокъ безъ увѣдомленія Коммиссіи, такъ какъ дѣло сіе производится секретно и тотчасъ же совершитъ его какъ только получитъ ея согласіе [5]).

На четвертый вопросъ профессоръ Малевскій, въ рапортѣ Новосильцеву отъ 16 іюля 1823 года донесъ, „что бумаги, заарестованныя имъ у учениковъ, были препровождены въ слѣдственный комитетъ и, по окончаніи его дѣйствій, какъ ничего въ себѣ важ-

---

[1]) См. дѣло о Тайн. Общ. Филаретовъ.
[2]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.
[3]) См. дѣло о Тайн. Общ. Филаретовъ.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же.

наго не заключающія, были возвращены назадъ тѣмъ же ученикамъ. Что же касается до устава, то онъ у меня такъ запропастился, что я даже не могъ показать его куратору и теперь не имѣю [1]).

Есть еще извѣстіе, что филаретъ Осипъ Красковскій спряталъ свои бумаги у доктора философіи, ксендза Сосновскаго, профессора главной семинаріи; при востребованіи Слѣдственной Коммиссіей, оказалось, что и онѣ тоже запропастились [2]).

Университетъ выжидалъ, чѣмъ наконецъ кончится это дѣло, какое ему дадутъ направленіе. И когда Новосильцевъ послѣ 135 допросовъ, докопался наконецъ до крайне опаснаго направленія дѣятельности этого общества и объявилъ ректору, 24 ноября, что въ эту же ночь онъ пошлетъ курьера къ Великому Князю Константину Павловичу съ извѣщеніемъ о сущности этого направленія, то ректоръ университета, чтобы не оставить въ заблужденіи министра народнаго просвѣщенія, воспользовавшись тремя жалобами студентовъ на Коммиссію, счелъ своимъ долгомъ учинить ему слѣдующее безпосредственное донесеніе:

«Продолжающіяся безпрестанно слѣдствія подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Новосильцева, кажутся столь угрожающимъ сему корпусу (университету), что развѣ только покровительство вашего сіятельства охранить его можетъ. Сіе побуждаетъ меня учинить вашему сіятельству безпосредственное донесеніе.

«Въ заключеніи моемъ по поводу происшествій 3 мая въ Виленской гимназіи, было упомянуто, что ученики гимназіи показали о существованіи между студентами университета общества «Променистовъ». Дѣло о таковомъ обществѣ составляетъ главнѣйшій предметъ изслѣдованій Коммиссіи; почему и поясняю извѣстныя мнѣ о немъ подробности.

«Предмѣстникъ мой Малевскій въ 1820 г. дозволилъ студентамъ университета собираться для повторенія лекцій и учебныхъ упражненій подъ предводительствомъ Томаша Зона. Сіе общество имѣло дозволенное названіе: «друзей полезныхъ увеселеній». Но какъ не всѣ студенты принадлежали къ этому собранію, то и стали они прозываться разными названіями, въ томъ числѣ «Променистами». Первоначально дозволенное названіе въ скоромъ времени перестало упоминаться, Променистовъ же сдѣлалось очень гласнымъ. Это и заставило ректора Малевскаго взять назадъ свое разрѣшеніе. Однако слухи объ нихъ не уничтожились и въ послѣдую-

---

[1]) См. дѣло о Тайн. Общ. Филаретовъ.

[2]) Тамъ же.

наго не заключающія, были возвращены назадъ тѣмъ же ученикамъ. Что же касается до устава, то онъ у меня такъ запропастился, что я даже не могъ показать его куратору и теперь не имѣю [1]).

Есть еще извѣстіе, что филаретъ Осипъ Красковскій спряталъ свои бумаги у доктора философіи, ксендза Сосновскаго, профессора главной семинаріи; при востребованіи Слѣдственной Коммиссіей, оказалось, что и онѣ тоже запропастились [2]).

Университетъ выжидалъ, чѣмъ наконецъ кончится это дѣло, какое ему дадутъ направленіе. И когда Новосильцевъ послѣ 135 допросовъ, докопался наконецъ до крайне опаснаго направленія дѣятельности этого общества и объявилъ ректору, 24 ноября, что въ эту же ночь онъ пошлетъ курьера къ Великому Князю Константину Павловичу съ извѣщеніемъ о сущности этого направленія, то ректоръ университета, чтобы не оставить въ заблужденіи министра народнаго просвѣщенія, воспользовавшись тремя жалобами студентовъ на Коммиссію, счелъ своимъ долгомъ учинить ему слѣдующее безпосредственное донесеніе:

«Продолжающіяся безпрестанно слѣдствія подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Новосильцева, кажутся столь угрожающимъ сему корпусу (университету), что развѣ только покровительство вашего сіятельства охранить его можетъ. Сіе побуждаетъ меня учинить вашему сіятельству безпосредственное донесеніе.

«Въ заключеніи моемъ по поводу происшествій 3 мая въ Виленской гимназіи, было упомянуто, что ученики гимназіи показали о существованіи между студентами университета общества «Променистовъ». Дѣло о таковомъ обществѣ составляетъ главнѣйшій предметъ изслѣдованій Коммиссіи; почему и поясняю извѣстныя мнѣ о немъ подробности.

«Предмѣстникъ мой Малевскій въ 1820 г. дозволилъ студентамъ университета собираться для повторенія лекцій и учебныхъ упражненій подъ предводительствомъ Томаша Зона. Сіе общество имѣло дозволенное названіе: «друзей полезныхъ увеселеній». Но какъ не всѣ студенты принадлежали къ этому собранію, то и стали они прозываться разными названіями, въ томъ числѣ «Променистами». Первоначально дозволенное названіе въ скоромъ времени перестало упоминаться, Променистовъ же сдѣлалось очень гласнымъ. Это и заставило ректора Малевскаго взять назадъ свое разрѣшеніе. Однако слухи объ нихъ не уничтожились и въ послѣдую-

---

[1]) См. дѣло о Тайн. Общ. Филаретовъ.

[2]) Тамъ же.

щихъ годахъ 1821-мъ и 22-мъ. Посему попечитель въ бытность свою въ маѣ 1822 года дѣлалъ изслѣдованія, нѣтъ ли между студентами университета какого нибудь общества? По изслѣдованіямъ открылось только то, что слухи эти остались отъ прежде позволеннаго общества друзей полезныхъ увеселеній; другого же общества не существовало. Однакожъ г. попечитель велѣлъ ректору Малевскому имѣть строгій надзоръ за Том. Зономъ, Өед. Лозинскимъ и Ад Мицкевичемъ, который по болѣзни долгое время проживалъ въ Вильнѣ.

«Когда я имѣлъ честь вступить въ должность ректора 15 ноября, то первое предписаніе, полученное мною отъ г. попечителя, было относительно надзора за учениками и изслѣдованія нѣтъ ли между ними какихъ нибудь связей или обществъ. Вслѣдствіе сего немедленно принялся я за дѣло, и употребленные мною мѣры совершенно удостовѣрили меня, что между ними никакихъ связей не было. Обращая на сей предметъ дальнѣйшее тщательнѣйшее вниманіе, утвердился я еще вящше въ томъ убѣжденіи, что какъ при вступленіи своемъ въ университетъ, такъ и послѣ, таковыя связи не составлялись. Кромѣ того, бывшій ректоръ университета увѣрилъ меня, что наблюдая по данному ему попечителемъ предписанію, ничего противнаго не замѣтилъ: ни за всѣми учениками вообще, ни за Зономъ, Лозинскимъ и Мицкевичемъ – въ частности. Основываясь на сихъ увѣреніяхъ, въ истинности которыхъ и теперь не сомнѣваюсь, на предписаніе г. попечителя отвѣтилъ я, что какъ при вступленіи моемъ въ университетъ, такъ и послѣ, никакихъ связей не было и не можетъ быть, вслѣдствіе строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по этому дѣлу.

„Эти же завѣренія высказалъ я и сенатору Новосильцеву и писалъ и ни мало не колебался взять на себя личную отвѣтственность за все то, что будетъ открыто по части обществъ и союзовъ. Совѣсть моя велитъ мнѣ повторить это ручательство и нынѣ предъ вашимъ сіятельствомъ: ибо я имѣлъ чистѣйшія намѣренія и не упустилъ изъ виду никакихъ средствъ къ осуществленію оныхъ.

„. . . . . Зная о всякихъ собраніяхъ учениковъ, я посылалъ присутствовать при нихъ надежныхъ людей и такимъ образомъ всегда имѣлъ извѣстіе о томъ, что они читали; не находилъ въ этомъ ничего порицательнаго, потому и не препятствовалъ.

«Вчерашняго числа отъ самого г. сенатора Новосильцева я узналъ, что Коммиссія, составленная подъ его руководствомъ, открыла, что студенты, имѣвшіе дозволеніе въ 1820 г. составить собраніе подъ названіемъ «друзей полезныхъ увеселеній» и послѣ запрещенія г. ректора не только своихъ собраній не прекратили, но перемѣнились въ тайное общество «Филаретовъ»; что они имѣли учрежденія и цѣли возмутительныя и противныя

щихъ годахъ 1821-мъ и 22-мъ. Посему попечитель въ бытность свою въ маѣ 1822 года дѣлалъ изслѣдованія, нѣтъ ли между студентами университета какого нибудь общества? По изслѣдованіямъ открылось только то, что слухи эти остались отъ прежде позволеннаго общества друзей полезныхъ увеселеній; другого же общества не существовало. Однакожъ г. попечитель велѣлъ ректору Малевскому имѣть строгій надзоръ за Том. Зономъ, Өед. Лозинскимъ и Ад Мицкевичемъ, который по болѣзни долгое время проживалъ въ Вильнѣ.

«Когда я имѣлъ честь вступить въ должность ректора 15 ноября, то первое предписаніе, полученное мною отъ г. попечителя, было относительно надзора за учениками и изслѣдованія нѣтъ ли между ними какихъ нибудь связей или обществъ. Вслѣдствіе сего немедленно принялся я за дѣло, и употребленные мною мѣры совершенно удостовѣрили меня, что между ними никакихъ связей не было. Обращая на сей предметъ дальнѣйшее тщательнѣйшее вниманіе, утвердился я еще вящше въ томъ убѣжденіи, что какъ при вступленіи своемъ въ университетъ, такъ и послѣ, таковыя связи не составлялись. Кромѣ того, бывшій ректоръ университета увѣрилъ меня, что наблюдая по данному ему попечителемъ предписанію, ничего противнаго не замѣтилъ: ни за всѣми учениками вообще, ни за Зономъ, Лозинскимъ и Мицкевичемъ – въ частности. Основываясь на сихъ увѣреніяхъ, въ истинности которыхъ и теперь не сомнѣваюсь, на предписаніе г. попечителя отвѣтилъ я, что какъ при вступленіи моемъ въ университетъ, такъ и послѣ, никакихъ связей не было и не можетъ быть, вслѣдствіе строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по этому дѣлу.

„Эти же завѣренія высказалъ я и сенатору Новосильцеву и писалъ и ни мало не колебался взять на себя личную отвѣтственность за все то, что будетъ открыто по части обществъ и союзовъ. Совѣсть моя велитъ мнѣ повторить это ручательство и нынѣ предъ вашимъ сіятельствомъ: ибо я имѣлъ чистѣйшія намѣренія и не упустилъ изъ виду никакихъ средствъ къ осуществленію оныхъ.

„. . . . . Зная о всякихъ собраніяхъ учениковъ, я посылалъ присутствовать при нихъ надежныхъ людей и такимъ образомъ всегда имѣлъ извѣстіе о томъ, что они читали; не находилъ въ этомъ ничего порицательнаго, потому и не препятствовалъ.

«Вчерашняго числа отъ самого г. сенатора Новосильцева я узналъ, что Коммиссія, составленная подъ его руководствомъ, открыла, что студенты, имѣвшіе дозволеніе въ 1820 г. составить собраніе подъ названіемъ «друзей полезныхъ увеселеній» и послѣ запрещенія г. ректора не только своихъ собраній не прекратили, но перемѣнились въ тайное общество «Филаретовъ»; что они имѣли учрежденія и цѣли возмутительныя и противныя

правительству; входили въ сношенія со студентами варшавскаго университета и въ столь преступной связи оставались до половины 1822 г. т. е. до пріѣзда въ Вильну Государя Императора, когда усиленный надзоръ полиціи заставилъ ихъ прекратить свои сборища...

«Однакожъ многіе изъ нихъ, а можетъ быть и большая часть, давно уже выбыли изъ университета и перестали быть студентами онаго. Узнавъ отъ г. сенатора Новосильцева о важности розыскиваемаго дѣла, представилъ я ему сего числа при рапортѣ три прошенія, поданныя мнѣ тремя допрашиваемыми студентами, копіи съ которыхъ при семъ прилагаются подъ литерою В».

Далѣе ректоръ старается убѣдить, что врядъ ли хоть одинъ изъ членовъ найдется такой, который бы вступилъ въ общество послѣ 1822 года: „Потому осмѣливаюсь обратить на сіе обстоятельство особенно́йшее вниманіе вашего сіятельства, ибо оно утверждаетъ все то, что выше было мной сказано, т. е. что со времени моего вступленія въ Университетъ связей и обществъ никакихъ не было. А если изъ открытія Коммиссіи и оказывается, что былъ зловредный духъ и преступное направленіе умовъ въ университетскомъ юношествѣ, то тѣмъ не менѣе явствуетъ (?), что такія зазорныя непристойности уже прекращены и возвратъ къ нимъ окончательно прегражденъ".

«Инспекторъ Сидоровичъ доставилъ меня къ здѣшнему полиціймейстеру г. Шпыкову для дачи письменныхъ отвѣтовъ на запросы относительно тайныхъ обществъ... 18 октября, когда я вторично пришелъ въ квартиру къ полиціймейстеру для переписки своихъ отвѣтовъ на-бѣло, то секретари его Шкультецкій и Крупковскій начали меня стращать и требовать, чтобы я не показывалъ въ своихъ отвѣтахъ того, что долженъ былъ показать по сущей истинѣ; въ противоположномъ случаѣ угрожали мнѣ заключеніемъ въ Варшавѣ, гдѣ я не буду видѣться ни съ матерью, ни съ теткой, ни съ родными... За несогласіе я былъ посаженъ подъ арестъ и освобожденъ не прежде, какъ только послѣ удовлетворенія требованій гг. секретарей. Однакоже страшась, чтобы эти вынужденныя показанія не повредили мнѣ на будущее время и не послужили источникомъ какого нибудь несчастія, я прибѣгаю къ покровительству и защитѣ г. ректора и молю не отказать мнѣ въ нихъ».

Мы не обременяемъ читателя излишними разъясненіями этого безпосредственнаго донесенія, изъ котораго министръ, конечно, могъ извлечь только то, что дѣйствительно между студентами были сходки и сборища, но вполнѣ разумныя и невинныя, какъ доз-

правительству; входили въ сношенія со студентами варшавскаго университета и въ столь преступной связи оставались до половины 1822 г. т. е. до пріѣзда въ Вильну Государя Императора, когда усиленный надзоръ полиціи заставилъ ихъ прекратить свои сборища...

«Однакожъ многіе изъ нихъ, а можетъ быть и большая часть, давно уже выбыли изъ университета и перестали быть студентами онаго. Узнавъ отъ г. сенатора Новосильцева о важности розыскиваемаго дѣла, представилъ я ему сего числа при рапортѣ три прошенія, поданныя мнѣ тремя допрашиваемыми студентами, копіи съ которыхъ при семъ прилагаются подъ литерою В».

Далѣе ректоръ старается убѣдить, что врядъ ли хоть одинъ изъ членовъ найдется такой, который бы вступилъ въ общество послѣ 1822 года: „Потому осмѣливаюсь обратить на сіе обстоятельство особенно́йшее вниманіе вашего сіятельства, ибо оно утверждаетъ все то, что выше было мной сказано, т. е. что со времени моего вступленія въ Университетъ связей и обществъ никакихъ не было. А если изъ открытія Коммиссіи и оказывается, что былъ зловредный духъ и преступное направленіе умовъ въ университетскомъ юношествѣ, то тѣмъ не менѣе явствуетъ (?), что такія зазорныя непристойности уже прекращены и возвратъ къ нимъ окончательно преграждень".

«Инспекторъ Сидоровичъ доставилъ меня къ здѣшнему полиціймейстеру г. Шпыкову для дачи письменныхъ отвѣтовъ на запросы относительно тайныхъ обществъ... 18 октября, когда я вторично пришелъ въ квартиру къ полиціймейстеру для переписки своихъ отвѣтовъ на-бѣло, то секретари его Шкультецкій и Крупковскій начали меня стращать и требовать, чтобы я не показывалъ въ своихъ отвѣтахъ того, что долженъ былъ показать по сущей истинѣ; въ противоположномъ случаѣ угрожали мнѣ заключеніемъ въ Варшавѣ, гдѣ я не буду видѣться ни съ матерью, ни съ теткой, ни съ родными... За несогласіе я былъ посаженъ подъ арестъ и освобожденъ не прежде, какъ только послѣ удовлетворенія требованій гг. секретарей. Однакоже страшась, чтобы эти вынужденныя показанія не повредили мнѣ на будущее время и не послужили источникомъ какого нибудь несчастія, я прибѣгаю къ покровительству и защитѣ г. ректора и молю не отказать мнѣ въ нихъ».

Мы не обременяемъ читателя излишними разъясненіями этого безпосредственнаго донесенія, изъ котораго министръ, конечно, могъ извлечь только то, что дѣйствительно между студентами были сходки и сборища, но вполнѣ разумныя и невинныя, какъ доз-

воленныя и контролируемыя самимъ университетомъ; что если сенаторъ Новосильцевъ и нашелъ въ нихъ разныя зазорныя неприличности, то не потому чтобы онѣ въ дѣйствительности были, а просто потому что ихъ желала найти и нашла Слѣдственная Коммиссія въ вынужденныхъ, подъ пристрастнымъ разслѣдованіемъ показаніяхъ.

Сенаторъ Новосильцевъ, свѣдавъ объ этихъ прошеніяхъ, приказалъ взять съ подсудимыхъ истцевъ новыя показанія: что именно они сдѣлали противъ своей совѣсти въ своихъ показаніяхъ, по требованію секретарей? Истцы отвѣчали: „Всѣ пункты были приняты безъ всякой перемѣны, кромѣ 4-го; въ этомъ послѣднемъ *нами было написано*: „Слышали о массонахъ, которые уже уничтожены; ходили также слухи о вольныхъ садовникахъ; но мы не знаемъ никакихъ подробностей ни о первыхъ, ни о вторыхъ". *Намъ приказали написать:* „Слышали о массонахъ, которые уже уничтожены, а болѣе ни о чемъ не знаемъ".

Такимъ безпосредственнымъ донесеніемъ, представитель ученой интеллигенціи Виленскаго университета хотѣлъ оправдать и себя и университетъ и наложить темное пятно на дѣйствія Слѣдственной Коммиссіи Новосильцева, забывши вѣроятно, что и при немъ точно также, какъ при ректорѣ Малевскомъ, отбывались сборища учениковъ, какъ объ этомъ увѣдомлялъ его предводитель Слуцкаго дворянства Неспокойчицкій, человѣкъ вовсе не принадлежащій къ учебному вѣдомству.

Г) Тайное Свислочское „Науковое" Общество. Оно возникло въ 1819 году между учениками 6-го класса Свислочской гимназіи и существовало, какъ показываютъ числа, только нѣсколько мѣсяцевъ. Поводомъ къ учрежденію его послужили извѣстія о существованіи тайныхъ обществъ въ Варшавѣ и Вильнѣ. „Доходили до насъ извѣстія, говоритъ одинъ изъ его членовъ, о существованіи тайныхъ обществъ въ Варшавѣ и Вильнѣ: это и заставило насъ учредить и у себя нѣчто подобное [1]). Такъ какъ въ Варшавѣ находился въ это время одинъ изъ бывшихъ Свислочскихъ учениковъ—Викторъ Гельтманъ, братъ котораго—Осипъ воспитывался еще въ Свислочи, то учредители и обратились къ нему за совѣтами и руководствомъ. Онъ и прислалъ намъ готовый уставъ, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Дѣло о Тайн. Свислоч. Общ. показанія Яковскаго.

воленныя и контролируемыя самимъ университетомъ; что если сенаторъ Новосильцевъ и нашелъ въ нихъ разныя зазорныя неприличности, то не потому чтобы онѣ въ дѣйствительности были, а просто потому что ихъ желала найти и нашла Слѣдственная Коммиссія въ вынужденныхъ, подъ пристрастнымъ разслѣдованіемъ показаніяхъ.

Сенаторъ Новосильцевъ, свѣдавъ объ этихъ прошеніяхъ, приказалъ взять съ подсудимыхъ истцевъ новыя показанія: что именно они сдѣлали противъ своей совѣсти въ своихъ показаніяхъ, по требованію секретарей? Истцы отвѣчали: „Всѣ пункты были приняты безъ всякой перемѣны, кромѣ 4-го; въ этомъ послѣднемъ *нами было написано*: „Слышали о массонахъ, которые уже уничтожены; ходили также слухи о вольныхъ садовникахъ; но мы не знаемъ никакихъ подробностей ни о первыхъ, ни о вторыхъ". *Намъ приказали написать:* „Слышали о массонахъ, которые уже уничтожены, а болѣе ни о чемъ не знаемъ".

Такимъ безпосредственнымъ донесеніемъ, представитель ученой интеллигенціи Виленскаго университета хотѣлъ оправдать и себя и университетъ и наложить темное пятно на дѣйствія Слѣдственной Коммиссіи Новосильцева, забывши вѣроятно, что и при немъ точно также, какъ при ректорѣ Малевскомъ, отбывались сборища учениковъ, какъ объ этомъ увѣдомлялъ его предводитель Слуцкаго дворянства Неспокойчицкій, человѣкъ вовсе не принадлежащій къ учебному вѣдомству.

Г) Тайное Свислочское „Науковое" Общество. Оно возникло въ 1819 году между учениками 6-го класса Свислочской гимназіи и существовало, какъ показываютъ числа, только нѣсколько мѣсяцевъ. Поводомъ къ учрежденію его послужили извѣстія о существованіи тайныхъ обществъ въ Варшавѣ и Вильнѣ. „Доходили до насъ извѣстія, говоритъ одинъ изъ его членовъ, о существованіи тайныхъ обществъ въ Варшавѣ и Вильнѣ: это и заставило насъ учредить и у себя нѣчто подобное [1]). Такъ какъ въ Варшавѣ находился въ это время одинъ изъ бывшихъ Свислочскихъ учениковъ—Викторъ Гельтманъ, братъ котораго—Осипъ воспитывался еще въ Свислочи, то учредители и обратились къ нему за совѣтами и руководствомъ. Онъ и прислалъ намъ готовый уставъ, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Дѣло о Тайн. Свислоч. Общ. показанія Яновскаго.

«Сколь пріятно смотрѣть на тѣ основы или начала народнаго образованія, на то рвеніе и запалъ къ наукамъ, которыя одни только могутъ возвратить намъ счастіе, свободу и вольность. Если когда нибудь, то именно теперь и должны стремиться къ объединенію двѣ народности, посредствомъ дружества, наукъ и преслѣдованія общаго блага. Пусть одинъ духъ животворитъ граждапъ одного отечества, хотя и не одного края; а при возникающей надобности они съумѣютъ соединить свои силы такъ точно, какъ соединили свои помыслы и сердца. На такихъ повидимому слабыхъ основаніяхъ можетъ воздвигнуться великолѣпное зданіе народоваго счастія, котораго не одолѣетъ никакое насиліе въ мірѣ. Еще не было такого тирана, который бы могъ истребить народный духъ и всеобщее убѣжденіе; а потому мы должны напрягать всѣ свои силы къ водворенію между нами единодушія, согласія и любви къ отечеству и просвѣщенію, которыя и принесутъ намъ много пользы въ будущемъ. Будемъ утѣшать себя надеждой, что придетъ наконецъ время, когда просвѣщенная нація узнаетъ свой долгъ и свои права и вступится за нихъ.

И есть ли для человѣка болѣе высокое благо, какъ содѣйствіе къ благополучію людей и отечества, — отечества, столь драгоцѣннаго для поляковъ, отечества, къ которому они такъ привязаны? И почему имъ и не трудиться съ запаломъ для его пользы, для его счастія?... Они будутъ трудиться!

«Я павѣрно могу утверждать, что молодое поколѣніе, находящееся теперь въ школьныхъ стѣнахъ и жаждущее просвѣщенія, по выходѣ изъ нихъ, вездѣ разнесетъ съ собой основы единодушія, согласія и дружбы, которыми успѣетъ проникнуться въ молодости,—не разорветъ ихъ никакая сила,—сдѣлавшись гражданами, они сдѣлаются сынами одного отечества.

«Все, что только ни соединяетъ людей, все это весьма много приноситъ пользы обществу; но соединенія, для однихъ лишь научныхъ цѣлей, какъ ни полезны онѣ, слишкомъ недостаточно. Вы должны понести съ собой тѣсный союзъ дружбы въ разныя страны и трудиться на пользу общества и отчизны, не только оставаясь съ ними вмѣстѣ, но и находясь съ ними въ разлукѣ. Поэтому, я бы совѣтовалъ вамъ брать росписки съ выбывающихъ изъ общества членовъ, чтобы они въ урочное время присылали обществу извѣстія, какъ о себѣ, такъ и о своихъ трудахъ... Примите къ себѣ изгнанное изо всего свѣта равенство!...

«Я бы совѣтовалъ также принимать въ общество воспитанниковъ и другихъ классовъ—V, IV и даже III-го; тогда бы устранилась необходимость возобновлять его послѣ вашего выбытія изъ заведенія и оно существовало бы постоянно...

«Сколь пріятно смотрѣть на тѣ основы или начала народнаго образованія, на то рвеніе и запалъ къ наукамъ, которыя одни только могутъ возвратить намъ счастіе, свободу и вольность. Если когда нибудь, то именно теперь и должны стремиться къ объединенію двѣ народности, посредствомъ дружества, наукъ и преслѣдованія общаго блага. Пусть одинъ духъ животворитъ граждапъ одного отечества, хотя и не одного края; а при возникающей надобности они съумѣютъ соединить свои силы такъ точно, какъ соединили свои помыслы и сердца. На такихъ повидимому слабыхъ основаніяхъ можетъ воздвигнуться великолѣпное зданіе народоваго счастія, котораго не одолѣетъ никакое насиліе въ мірѣ. Еще не было такого тирана, который бы могъ истребить народный духъ и всеобщее убѣжденіе; а потому мы должны напрягать всѣ свои силы къ водворенію между нами единодушія, согласія и любви къ отечеству и просвѣщенію, которыя и принесутъ намъ много пользы въ будущемъ. Будемъ утѣшать себя надеждой, что придетъ наконецъ время, когда просвѣщенная нація узнаетъ свой долгъ и свои права и вступится за нихъ.

И есть ли для человѣка болѣе высокое благо, какъ содѣйствіе къ благополучію людей и отечества, — отечества, столь драгоцѣннаго для поляковъ, отечества, къ которому они такъ привязаны? И почему имъ и не трудиться съ запаломъ для его пользы, для его счастія?... Они будутъ трудиться!

«Я павѣрно могу утверждать, что молодое поколѣніе, находящееся теперь въ школьныхъ стѣнахъ и жаждущее просвѣщенія, по выходѣ изъ нихъ, вездѣ разнесетъ съ собой основы единодушія, согласія и дружбы, которыми успѣетъ проникнуться въ молодости,—не разорветъ ихъ никакая сила,—сдѣлавшись гражданами, они сдѣлаются сынами одного отечества.

«Все, что только ни соединяетъ людей, все это весьма много приноситъ пользы обществу; но соединенія, для однихъ лишь научныхъ цѣлей, какъ ни полезны онѣ, слишкомъ недостаточно. Вы должны понести съ собой тѣсный союзъ дружбы въ разныя страны и трудиться на пользу общества и отчизны, не только оставаясь съ ними вмѣстѣ, но и находясь съ ними въ разлукѣ. Поэтому, я бы совѣтовалъ вамъ брать росписки съ выбывающихъ изъ общества членовъ, чтобы они въ урочное время присылали обществу извѣстія, какъ о себѣ, такъ и о своихъ трудахъ... Примите къ себѣ изгнанное изо всего свѣта равенство!...

«Я бы совѣтовалъ также принимать въ общество воспитанниковъ и другихъ классовъ—V, IV и даже III-го; тогда бы устранилась необходимость возобновлять его послѣ вашего выбытія изъ заведенія и оно существовало бы постоянно...

Не имѣя отечества, мы должны любить его еще сильнѣе. Увы! не забывайте этой великой добродѣтели, знаменующей качества великихъ Поляковъ. Оно лишь одно можетъ принести вамъ славу и благодарность сограждан, если только вы ихъ ищете». . [1]).

Уставъ, присланный Гельтманомъ, былъ прочитанъ въ одномъ изъ засѣданій общества и принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями. Онъ состоялъ изъ 7 отдѣленій и 30 §§, подробно обнимающихъ обязанности членовъ и начальниковъ общества; порядокъ и предметы засѣданій; выборъ членовъ и начальниковъ, а равно цѣль открытія самого общества. Такъ какъ подлиннаго устава при дѣлахъ нѣтъ, а есть только одни извлеченія изъ него— во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Новосильцева, то мы и ограничимся передачею послѣднихъ, пополняя недостающія подробности показаніями самихъ членовъ.

„Цѣль общества „Науковаго“ состоитъ единственно во взаимномъ просвѣщеніи, путемъ усовершенствованія отечественнаго (т. е. польскаго) языка и пріумноженія произведеній польскаго краснорѣчія“ [2]).

„Оно составляется изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, изъ почетныхъ членовъ и членовъ-кандидатовъ“ [3]).

Обязанности дѣйствительныхъ членовъ состояли въ слѣдующемъ: написать въ недѣлю одно сочиненіе и отдать его на критическое разсмотрѣніе обществу; собирать и сообщать на засѣданіяхъ его свѣдѣнія какъ литературныя, такъ и относящіяся къ народному благосостоянію; подавать отчеты о читанныхъ книгахъ со своими замѣчаніями и непремѣнно присутствовать на каждомъ засѣданіи; въ случаѣ же необходимой отлучки увѣдомлять о томъ предсѣдателя.

Обязанности членовъ-кореспондентовъ состояли въ слѣдующемъ: каждую четверть года присылать свои сочиненія или же просто списываться съ обществомъ; отвѣчать на его отзывы и, находясь въ Свислочи, бывать на его засѣданіяхъ. Членами-кореспондентами считались всѣ дѣйствительные члены, выбывшіе изъ заведенія.

Почетные члены, подъ которыми разумѣлись совѣтодавцы, должны были содѣйствовать успѣшнымъ дѣйствіямъ общества, посред-

---

[1]) См. дѣло о Тайномъ Свислочскомъ обществѣ; показанія Гельтмана.

[2]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

[3]) Тамъ же.

Не имѣя отечества, мы должны любить его еще сильнѣе. Увы! не забывайте этой великой добродѣтели, знаменующей качества великихъ Поляковъ. Оно лишь одно можетъ принести вамъ славу и благодарность сограждан, если только вы ихъ ищете». . [1]).

Уставъ, присланный Гельтманомъ, былъ прочитанъ въ одномъ изъ засѣданій общества и принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями. Онъ состоялъ изъ 7 отдѣленій и 30 §§, подробно обнимающихъ обязанности членовъ и начальниковъ общества; порядокъ и предметы засѣданій; выборъ членовъ и начальниковъ, а равно цѣль открытія самого общества. Такъ какъ подлиннаго устава при дѣлахъ нѣтъ, а есть только одни извлеченія изъ него— во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Новосильцева, то мы и ограничимся передачею послѣднихъ, пополняя недостающія подробности показаніями самихъ членовъ.

„Цѣль общества „Науковаго“ состоитъ единственно во взаимномъ просвѣщеніи, путемъ усовершенствованія отечественнаго (т. е. польскаго) языка и пріумноженія произведеній польскаго краснорѣчія“ [2]).

„Оно составляется изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, изъ почетныхъ членовъ и членовъ-кандидатовъ“ [3]).

Обязанности дѣйствительныхъ членовъ состояли въ слѣдующемъ: написать въ недѣлю одно сочиненіе и отдать его на критическое разсмотрѣніе обществу; собирать и сообщать на засѣданіяхъ его свѣдѣнія какъ литературныя, такъ и относящіяся къ народному благосостоянію; подавать отчеты о читанныхъ книгахъ со своими замѣчаніями и непремѣнно присутствовать на каждомъ засѣданіи; въ случаѣ же необходимой отлучки увѣдомлять о томъ предсѣдателя.

Обязанности членовъ-кореспондентовъ состояли въ слѣдующемъ: каждую четверть года присылать свои сочиненія или же просто списываться съ обществомъ; отвѣчать на его отзывы и, находясь въ Свислочи, бывать на его засѣданіяхъ. Членами-кореспондентами считались всѣ дѣйствительные члены, выбывшіе изъ заведенія.

Почетные члены, подъ которыми разумѣлись совѣтодавцы, должны были содѣйствовать успѣшнымъ дѣйствіямъ общества, посред-

---

[1]) См. дѣло о Тайномъ Свислочскомъ обществѣ; показанія Гельтмана.

[2]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

[3]) Тамъ же.

ствомъ совѣтовъ, наставленій и другихъ способовъ, зависящихъ отъ ихъ доброй воли и сочувствія.

Члены-кандидаты, подъ которыми разумѣлись готовящіеся къ поступленію въ общество, должны были какъ можно чаще присутствовать на его засѣданіяхъ, чтобы пріучиться къ исполненію будущихъ членскихъ обязанностей.

Общество имѣло предсѣдателя и секретаря; первый наблюдалъ за правильнымъ теченіемъ всѣхъ вообще дѣлъ; второй велъ протоколы. Оба они избирались на два мѣсяца.

Къ обязанности предсѣдателя относилась также и оффиціальная рѣчь, при вступленіи въ эту должность, долженствовавшая заключать въ себѣ: благодареніе за честь и возбужденіе въ слушателяхъ любви къ отечеству и къ сохраненію національнаго духа.

Засѣданія общества отбывались въ классахъ во время перемѣнъ; предметомъ ихъ было большею частію чтеніе патріотическихъ рѣчей и стихотвореній въ одинаковой мѣрѣ оскорбительныхъ и враждебныхъ для русскаго правительства.

Всѣхъ членовъ было 15; предсѣдателемъ—Діонисій Шлаевскій, секретаремъ—Григорій Вощиловичъ; первымъ членомъ — Иванъ Янковскій. Въ числѣ членовъ былъ еще и Оспинъ Пржибыльскій, однофамилецъ современнаго намъ агитатора.

„По открытіи этого общества, говоритъ Янковскій въ своемъ показаніи, ученики VI класса стали получать отъ начальниковъ и учителей похвалы и пользоваться ихъ благосклонностію, не смотря на то, что существованіе общества составляло тайну, знакомые же обыватели возымѣли объ нихъ лучшее мнѣніе".

Между бумагами общества, найдены были: протокольная книга, нѣсколько рѣчей и стихотвореній, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ—предсѣдателемъ Шлаевскимъ и членами: Янковскимъ и Эйхлеромъ; письмо Виктора Гельтмана къ брату и отца Янковскаго—къ сыну, въ которомъ, между прочимъ, отецъ проситъ сына не увлекаться антиправительственными дѣйствіями и не тратить по пусту даровъ разума и пера на бунтовщическія предпріятія.

Относительно разныхъ патріотическо-польскихъ выходокъ и выраженій въ своихъ сочиненіяхъ, члены общества давали разныя показанія. Такъ предсѣдатель Шлаевскій объяснялъ ихъ желаніемъ—внушать своимъ сотоварищамъ подражаніе предкамъ съ тою цѣлію, чтобы показать имъ, что если отъ поврежденія нравовъ падаютъ народы и царства, то тѣмъ болѣе можетъ пасть и погибнуть частный человѣкъ. Мысли эти и желанія возродились въ немъ

ствомъ совѣтовъ, наставленій и другихъ способовъ, зависящихъ отъ ихъ доброй воли и сочувствія.

Члены-кандидаты, подъ которыми разумѣлись готовящіеся къ поступленію въ общество, должны были какъ можно чаще присутствовать на его засѣданіяхъ, чтобы пріучиться къ исполненію будущихъ членскихъ обязанностей.

Общество имѣло предсѣдателя и секретаря; первый наблюдалъ за правильнымъ теченіемъ всѣхъ вообще дѣлъ; второй велъ протоколы. Оба они избирались на два мѣсяца.

Къ обязанности предсѣдателя относилась также и оффиціальная рѣчь, при вступленіи въ эту должность, долженствовавшая заключать въ себѣ: благодареніе за честь и возбужденіе въ слушателяхъ любви къ отечеству и къ сохраненію національнаго духа.

Засѣданія общества отбывались въ классахъ во время перемѣнъ; предметомъ ихъ было большею частію чтеніе патріотическихъ рѣчей и стихотвореній въ одинаковой мѣрѣ оскорбительныхъ и враждебныхъ для русскаго правительства.

Всѣхъ членовъ было 15; предсѣдателемъ—Діонисій Шлаевскій, секретаремъ—Григорій Вощиловичъ; первымъ членомъ — Иванъ Янковскій. Въ числѣ членовъ былъ еще и Оспинъ Пржибыльскій, однофамилецъ современнаго намъ агитатора.

„По открытіи этого общества, говоритъ Янковскій въ своемъ показаніи, ученики VI класса стали получать отъ начальниковъ и учителей похвалы и пользоваться ихъ благосклонностію, не смотря на то, что существованіе общества составляло тайну, знакомые же обыватели возымѣли объ нихъ лучшее мнѣніе“.

Между бумагами общества, найдены были: протокольная книга, нѣсколько рѣчей и стихотвореній, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ—предсѣдателемъ Шлаевскимъ и членами: Янковскимъ и Эйхлеромъ; письмо Виктора Гельтмана къ брату и отца Янковскаго—къ сыну, въ которомъ, между прочимъ, отецъ проситъ сына не увлекаться антиправительственными дѣйствіями и не тратить по пусту даровъ разума и пера на бунтовщическія предпріятія.

Относительно разныхъ патріотическо-польскихъ выходокъ и выраженій въ своихъ сочиненіяхъ, члены общества давали разныя показанія. Такъ предсѣдатель Шлаевскій объяснялъ ихъ желаніемъ—внушать своимъ сотоварищамъ подражаніе предкамъ съ тою цѣлію, чтобы показать имъ, что если отъ поврежденія нравовъ падаютъ народы и царства, то тѣмъ болѣе можетъ пасть и погибнуть частный человѣкъ. Мысли эти и желанія возродились въ немъ

вслѣдствіе преподаванія польской исторіи; поддержкой же имъ служили разныя книги и періодическія сочиненія, и также и уроки словесности и краснорѣчія. Эйхлеръ—невиннымъ намѣреніемъ угодить своимъ товарищамъ, чтобы изгладить въ нихъ предубѣжденіе къ себѣ и вражду, какъ къ иноземцу, и пріобрѣсти ихъ благорасположенность, а также чтобы не лишиться покровительства и своего начальства; Янковскій — слѣпымъ подражаніемъ разнымъ возмутительнымъ книгамъ и отсутствіемъ здравыхъ и правильныхъ руководящихъ началъ въ средѣ молодаго поколѣнія... Когда же Коммиссія спрашивала его: „съ какою цѣлію предостерегалъ васъ отецъ, чтобы вы не тратили попусту даровъ вашего ума и пера на какія-то бунтовщическія предпріятія", то онъ отвѣчалъ: „познаю теперь мое заблужденіе и величайшее преступленіе, что не внялъ его благимъ совѣтамъ. Никогда не могъ я помириться съ моимъ безразсуднымъ воображеніемъ, которое рождало во мнѣ такія же безразсудныя мысли и я, разъяренный до бѣшенства, изливалъ на бумагу нареканія безъ всякой малѣйшей причины". Проще и откровеннѣе всѣхъ объяснялся Викторъ Гельтманъ. Когда за безпорядки въ Варшавскомъ лицеѣ, сданъ онъ былъ въ рядовые, то поняв-ши, сколь опасно то направленіе, которому до сихъ поръ слѣдовалъ, рѣшился онъ попытаться, нельзя ли осуществить его гдѣ нибудь въ провинціи и мѣстомъ для этого избралъ Свислочь—уголокъ своего первоначальнаго воспитанія. Онъ написалъ письмо къ брату—ученику Свислочской гимназіи, въ которомъ старался изложить ему всю пользу, какую только можно получить отъ просвѣщенія, добываемаго путемъ самодѣятельности въ сообществѣ съ своими сотоварищами. Въ отвѣтъ на свое письмо онъ получилъ увѣдомленіе, что ученики 6-го класса Свислочской гимназіи уже устроили между собой общество и спрашиваютъ у него совѣта — какъ бы имъ дѣятельности своей придать болѣе правильности и порядка. Гельтманъ написалъ второе письмо (подлинникъ котораго приведенъ нами выше) и при немъ уставъ для общества, совѣтуя въ тоже время учредителямъ онаго сдѣлать его обществомъ тайнымъ. Что произошло послѣ сего—онъ Гельтманъ не знаетъ [1]).

---

[1]) См. Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева. Показаніе Виктора Гельтмана.

Такъ какъ при дѣлѣ нѣтъ подлинныхъ сочиненій членовъ этого общества, а есть только одни извлеченія; то мы и не приводимъ ни одного образца.

вслѣдствіе преподаванія польской исторіи; поддержкой же имъ служили разныя книги и періодическія сочиненія, и также и уроки словесности и краснорѣчія. Эйхлеръ—невиннымъ намѣреніемъ угодить своимъ товарищамъ, чтобы изгладить въ нихъ предубѣжденіе къ себѣ и вражду, какъ къ иноземцу, и пріобрѣсти ихъ благорасположенность, а также чтобы не лишиться покровительства и своего начальства; Янковскій — слѣпымъ подражаніемъ разнымъ возмутительнымъ книгамъ и отсутствіемъ здравыхъ и правильныхъ руководящихъ началъ въ средѣ молодаго поколѣнія... Когда же Коммиссія спрашивала его: „съ какою цѣлію предостерегалъ васъ отецъ, чтобы вы не тратили попусту даровъ вашего ума и пера на какія-то бунтовщическія предпріятія“, то онъ отвѣчалъ: „познаю теперь мое заблужденіе и величайшее преступленіе, что не внялъ его благимъ совѣтамъ. Никогда не могъ я помириться съ моимъ безразсуднымъ воображеніемъ, которое рождало во мнѣ такія же безразсудныя мысли и я, разъяренный до бѣшенства, изливалъ на бумагу нареканія безъ всякой малѣйшей причины“. Проще и откровеннѣе всѣхъ объяснялся Викторъ Гельтманъ. Когда за безпорядки въ Варшавскомъ лицеѣ, сданъ онъ былъ въ рядовые, то поняв-ши, сколь опасно то направленіе, которому до сихъ поръ слѣдовалъ, рѣшился онъ попытаться, нельзя ли осуществить его гдѣ нибудь въ провинціи и мѣстомъ для этого избралъ Свислочь—уголокъ своего первоначальнаго воспитанія. Онъ написалъ письмо къ брату—ученику Свислочской гимназіи, въ которомъ старался изложить ему всю пользу, какую только можно получить отъ просвѣщенія, добываемаго путемъ самодѣятельности въ сообществѣ съ своими сотоварищами. Въ отвѣтъ на свое письмо онъ получилъ увѣдомленіе, что ученики 6-го класса Свислочской гимназіи уже устроили между собой общество и спрашиваютъ у него совѣта — какъ бы имъ дѣятельности своей придать болѣе правильности и порядка. Гельтманъ написалъ второе письмо (подлинникъ котораго приведенъ нами выше) и при немъ уставъ для общества, совѣтуя въ тоже время учредителямъ онаго сдѣлать его обществомъ тайнымъ. Что произошло послѣ сего—онъ Гельтманъ не знаетъ [1]).

---

[1]) См. Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева. Показаніе Виктора Гельтмана.

Такъ какъ при дѣлѣ нѣтъ подлинныхъ сочиненій членовъ этого общества, а есть только одни извлеченія; то мы и не приводимъ ни одного образца.

Д. Свислочское „Моральное“ общество.

Во время слѣдствія надъ соучастниками въ обществѣ „наукомъ“, нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: Шлавскій, Эйхлеръ и Янковскій, объявили комиссіи, что въ Свислочи существовало еще, въ 1819 году, и другое тайное общество, основанное окончившими гимназическій курсъ учениками и остававшимися при гимназіи въ качествѣ домашнихъ учителей. Такихъ человѣкъ оказалось пять; они-то и составили между собой вышеупомянутое общество съ исключительною цѣлью научнонравственнаго самоусовершенствованія. Предсѣдателемъ этого общества былъ Яковъ Абрамовичъ; секретаремъ Игнатій Кочальскій.

Уставъ этого общества былъ слѣдующій:

1) Всѣ члены безъ исключенія должны присутствовать на засѣданіяхъ, какъ этого требуетъ цѣль самого общества.

2) Каждый членъ, соотвѣтственно установленному порядку въ обществѣ, долженъ къ извѣстному времени писать и въ очередное засѣданіе прочитать на какую нибудь тему сочиненіе, состоящее по крайней мѣрѣ изъ одного листа.

3) Время для засѣданій назначается самое удобное, именно: среда каждой недѣли—отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ.

4) Мѣстомъ для засѣданій назначается квартира очереднаго чтеца.

5) Если кто изъ членовъ осмѣлится не подчиняться этому уставу,—отказываться отъ очереднаго чтенія и не посѣщать засѣданій общества, того постигнетъ наказаніе, къ какому присудитъ все общество.

6) Сочиненія, прочитанныя на засѣданіяхъ, подписываются всѣми членами и должны вноситься въ особо назначенную для сей цѣли книгу, которая хранится у секретаря въ тайнѣ. Показать ее кому бы то ни было онъ имѣетъ право только съ общаго согласія членовъ.

7) Каждый членъ „моральнаго“ общества, въ каждомъ мѣстѣ, долженъ вести себя прилично и трезво; провинившіеся подвергаются 5 § устава [1]).

Общество это существовало въ продолженіи цѣлаго года. При закрытіи его были выданы членамъ патенты, подъ девизомъ: „Virtus amicitiam et dignit et continet“,—съ тѣмъ, чтобы навсегда сохранить о немъ память.

---

[1]) См. Дѣло объ обществѣ „Моральномъ“.

Д. Свислочское „Моральное“ общество.

Во время слѣдствія надъ соучастниками въ обществѣ „наукомъ“, нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: Шлавскій, Эйхлеръ и Янковскій, объявили комиссіи, что въ Свислочи существовало еще, въ 1819 году, и другое тайное общество, основанное окончившими гимназическій курсъ учениками и остававшимися при гимназіи въ качествѣ домашнихъ учителей. Такихъ человѣкъ оказалось пять; они-то и составили между собой вышеупомянутое общество съ исключительною цѣлью научнонравственнаго самоусовершенствованія. Предсѣдателемъ этого общества былъ Яковъ Абрамовичъ; секретаремъ Игнатій Кочальскій.

Уставъ этого общества былъ слѣдующій:

1) Всѣ члены безъ исключенія должны присутствовать на засѣданіяхъ, какъ этого требуетъ цѣль самого общества.

2) Каждый членъ, соотвѣтственно установленному порядку въ обществѣ, долженъ къ извѣстному времени писать и въ очередное засѣданіе прочитать на какую нибудь тему сочиненіе, состоящее по крайней мѣрѣ изъ одного листа.

3) Время для засѣданій назначается самое удобное, именно: среда каждой недѣли—отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ.

4) Мѣстомъ для засѣданій назначается квартира очереднаго чтеца.

5) Если кто изъ членовъ осмѣлится не подчиняться этому уставу,—отказываться отъ очереднаго чтенія и не посѣщать засѣданій общества, того постигнетъ наказаніе, къ какому присудитъ все общество.

6) Сочиненія, прочитанныя на засѣданіяхъ, подписываются всѣми членами и должны вноситься въ особо назначенную для сей цѣли книгу, которая хранится у секретаря въ тайнѣ. Показать ее кому бы то ни было онъ имѣетъ право только съ общаго согласія членовъ.

7) Каждый членъ „моральнаго“ общества, въ каждомъ мѣстѣ, долженъ вести себя прилично и трезво; провинившіеся подвергаются 5 § устава [1]).

Общество это существовало въ продолженіи цѣлаго года. При закрытіи его были выданы членамъ патенты, подъ девизомъ: „Virtus amicitiam et dignit et continet“,—съ тѣмъ, чтобы навсегда сохранить о немъ память.

---

[1]) См. Дѣло объ обществѣ „Моральномъ“.

При дѣлѣ находятся нѣкоторыя сочиненія членовъ, проливающія свѣтъ на характеръ дѣятельности самого общества [1]). Объ нихъ Новосильцевъ, въ рапортѣ великому князю Константину Павловичу отъ 23 сентября 1823 года говоритъ слѣдующее:

„Въ числѣ прочихъ бумагъ, принадлежащихъ тремъ молодымъ людямъ, находятся рѣчи, говоренныя ими въ собраніяхъ сего общества, писанныя въ духѣ вольнодумства, свойственнаго прочимъ тайнымъ обществамъ“ [2]). Мы приведемъ одно изъ такихъ стихотвореній, принадлежащее секретарю общества, Игнатію Кочальскому, замѣчательное еще и въ томъ отношеніи, что до внесенія его въ протокольную книгу, оно было на разсмотрѣніи учителя Пушкаржевича, какъ классное упражненіе:

„Думая о судьбѣ своего отечества, я зашелъ однажды въ Карпаты и увидѣлъ тамъ печальнаго рыцаря. На лицѣ у него была задумчивость, на челѣ важность, а быстрый взглядъ доказывалъ, что онъ уже испыталъ многое въ жизни. Въ глубокой печали онъ провѣщалъ мнѣ слѣдующія слова: О славный вождь! Не смотря на свои молодые годы, ты успѣлъ уже увѣнчать свою голову лаврами, поражая турецкія силы и перепося въ то же время всѣ невзгоды войны. Когда шляхетская любовь къ отечеству подняла свой голосъ на его защиту и нашла откликъ въ сердцахъ рода-

---

[1]) Сочиненія эти слѣдующія: а) предсѣдателя Абрамовича: 1) рѣчь о цѣли и пользѣ общества, 2) о почитаніи дружбы, 3) о распространеніи хлѣбопашества, 4) по случаю неявки на засѣданіе члена Коргановича, 5) о необходимости пріобрѣтенія общественныхъ добродѣтелей, 6) объ истинномъ счастіи человѣка и прощаніе съ товарищами; б) секретаря Кочальскаго: 1) рѣчь при открытіи засѣданій общества, 2) о морали, 3) о мужествѣ поляковъ, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, 4) о значеніи учителей, 5) на случай неявки Коргановича, 6) рѣчь на прощаніе съ товарищами, 7) о любви къ отечеству, 8) de amicitia и 9) стихотвореніе въ честь князя Іосифа Понятовскаго; в) члена Зелинскаго: дума рыцаря на смерть Косціюшки—бывшаго начальника польскихъ войскъ.

Въ бумагахъ Кочальскаго есть еще чье-то замѣчаніе по поводу кодекса Наполеона, въ которомъ говорится: „если законы Казиміра могли загладить вѣчныя нестроенія въ краѣ и поставить государство на ту степень величія, которой удивлялась Европа во времена Сигизмундовъ; если слабая конституція однимъ только дыханіемъ чуть не поровняла насъ съ спокойнѣйшими вѣка существовавшими государствами, то мудрѣйшіе законы могучаго Наполеона очень скоро залѣчатъ раны нѣсколькихъ годовъ и поставятъ Польшу на степень невообразимаго счастія, почести и славы. А мы увлеченные благодарностію воскликнемъ: нехъ жіе слава поляковъ, нехъ жіе Наполеонъ В.!“.

[2]) См. Дѣло объ обществѣ „Моральномъ“.

При дѣлѣ находятся нѣкоторыя сочиненія членовъ, проливающія свѣтъ на характеръ дѣятельности самого общества [1]). Объ нихъ Новосильцевъ, въ рапортѣ великому князю Константину Павловичу отъ 23 сентября 1823 года говоритъ слѣдующее:

„Въ числѣ прочихъ бумагъ, принадлежащихъ тремъ молодымъ людямъ, находятся рѣчи, говоренныя ими въ собраніяхъ сего общества, писанныя въ духѣ вольнодумства, свойственнаго прочимъ тайнымъ обществамъ“ [2]). Мы приведемъ одно изъ такихъ стихотвореній, принадлежащее секретарю общества, Игнатію Кочальскому, замѣчательное еще и въ томъ отношеніи, что до внесенія его въ протокольную книгу, оно было на разсмотрѣніи учителя Пушкаржевича, какъ классное упражненіе:

„Думая о судьбѣ своего отечества, я зашелъ однажды въ Карпаты и увидѣлъ тамъ печальнаго рыцаря. На лицѣ у него была задумчивость, на челѣ важность, а быстрый взглядъ доказывалъ, что онъ уже испыталъ многое въ жизни. Въ глубокой печали онъ провѣщалъ мнѣ слѣдующія слова: О славный вождь! Не смотря на свои молодые годы, ты успѣлъ уже увѣнчать свою голову лаврами, поражая турецкія силы и перепося въ то же время всѣ невзгоды войны. Когда шляхетская любовь къ отечеству подняла свой голосъ на его защиту и нашла откликъ въ сердцахъ рода-

---

[1]) Сочиненія эти слѣдующія: а) предсѣдателя Абрамовича: 1) рѣчь о цѣли и пользѣ общества, 2) о почитаніи дружбы, 3) о распространеніи хлѣбопашества, 4) по случаю неявки на засѣданіе члена Коргановича, 5) о необходимости пріобрѣтенія общественныхъ добродѣтелей, 6) объ истинномъ счастіи человѣка и прощаніе съ товарищами; б) секретаря Кочальскаго: 1) рѣчь при открытіи засѣданій общества, 2) о морали, 3) о мужествѣ поляковъ, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, 4) о значеніи учителей, 5) на случай неявки Коргановича, 6) рѣчь на прощаніе съ товарищами, 7) о любви къ отечеству, 8) de amicitia и 9) стихотвореніе въ честь князя Іосифа Понятовскаго; в) члена Зелинскаго: дума рыцаря на смерть Косціюшки—бывшаго начальника польскихъ войскъ.

Въ бумагахъ Кочальскаго есть еще чье-то замѣчаніе по поводу кодекса Наполеона, въ которомъ говорится: „если законы Казиміра могли загладить вѣчныя нестроенія въ краѣ и поставить государство на ту степень величія, которой удивлялась Европа во времена Сигизмундовъ; если слабая конституція однимъ только дыханіемъ чуть не поровняла насъ съ спокойнѣйшими вѣка существовавшими государствами, то мудрѣйшіе законы могучаго Наполеона очень скоро залѣчатъ раны нѣсколькихъ годовъ и поставятъ Польшу на степень невообразимаго счастія, почести и славы. А мы увлеченные благодарностію воскликнемъ: нехъ жіе слава поляковъ, нехъ жіе Наполеонъ В.!“.

[2]) См. Дѣло объ обществѣ „Моральномъ“.

ковъ, тогда достаточно прославилось и знаменитое имя поляковъ. Подъ предводительствомъ мужественнаго Наполеона ты не разъ громилъ измѣнниковъ—прусаковъ; въ пепелищахъ своей земли они достаточно узнали—что можетъ сдѣлать польскій мечъ. Хитрый сосѣдъ долженъ былъ къ стыду своему возвратить намъ назадъ забранную имъ столицу Пястовъ... Твою мужественную десницу не разъ испытывалъ и москаль, когда онъ видѣлъ тебя надъ Волгой, когда была сожжена его гордая столица, или подъ Можайскомъ, — когда онъ просилъ у тебя мира. Кто бы могъ подумать, чтобы такія свѣтлыя эпохи могли превратиться въ несчастіе, а ты—потонуть въ волнахъ Эльстры [1])"...

Рукою учителя проставлена на этомъ стихотвореніи цезура и на сторонѣ написано: „nadto," то есть, слишкомъ.

Когда коммиссія спросила учителя Пушкаржевича, какъ онъ могъ допустить сочиненіе такого злокачественнаго стихотворенія, то онъ объяснялся слѣдующимъ образомъ: Однажды сдѣлалъ онъ педагогическую погрѣшность и предложилъ своимъ питомцамъ написать по собственному ихъ выбору какое нибудь стихотвореніе въ честь какого нибудь героя; ученикъ Кочальскій и представилъ ему вышеприведенный панегирикъ кн. Іосифу Понятовскому. Найдя въ немъ несоотвѣтственныя мысли, онъ, Пушкаржевичъ, охулилъ ихъ, сочиненіе запретилъ вписывать въ книгу упражненій и возвратилъ назадъ автору, запретивши при этомъ вообще, въ видахъ предосторожности на будущее время, сочинять стихи какъ произведенія, могущія силой своей поэзіи увлекать молодые умы къ неприличнымъ и предосудительнымъ разсужденіямъ [2]). Кочальскій же прямо отвѣтилъ: въ панегирикѣ кн. Понятовскому онъ не видѣлъ ничего предосудительнаго, потому что сей герой поднялъ славу Польши до такой высоты, что Русскій императоръ принялъ на себя титулъ польскаго царя [3]).

Всѣ вообще члены были того мнѣнія, что какъ въ существованіи общества, такъ и въ дѣятельности его, не было ничего порочнаго, тѣмъ болѣе преступнаго,—уже по тому самому, что то и другое было извѣстно гимназическому начальству, бравшему къ себѣ на разсмотрѣніе ихъ протокольную книгу и возвратившему ее назадъ безъ всякаго замѣчанія. Дѣйствительно директоръ гимназіи Круспнскій бралъ къ себѣ на разсмотрѣніе вышеупомянутую кни-

---

[1]) См. Тамъ же.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

[3]) Дѣло объ обществѣ моральномъ. Показанія Кочальскаго.

ковъ, тогда достаточно прославилось и знаменитое имя поляковъ. Подъ предводительствомъ мужественнаго Наполеона ты не разъ громилъ измѣнниковъ—прусаковъ; въ пепелищахъ своей земли они достаточно узнали—что можетъ сдѣлать польскій мечъ. Хитрый сосѣдъ долженъ былъ къ стыду своему возвратить намъ назадъ забранную имъ столицу Пястовъ... Твою мужественную десницу не разъ испытывалъ и москаль, когда онъ видѣлъ тебя надъ Волгой, когда была сожжена его гордая столица, или подъ Можайскомъ, — когда онъ просилъ у тебя мира. Кто бы могъ подумать, чтобы такія свѣтлыя эпохи могли превратиться въ несчастіе, а ты—потонуть въ волнахъ Эльстры [1])"...

Рукою учителя проставлена на этомъ стихотвореніи цезура и на сторонѣ написано: „nadto," то есть, слишкомъ.

Когда коммиссія спросила учителя Пушкаржевича, какъ онъ могъ допустить сочиненіе такого злокачественнаго стихотворенія, то онъ объяснялся слѣдующимъ образомъ: Однажды сдѣлалъ онъ педагогическую погрѣшность и предложилъ своимъ питомцамъ написать по собственному ихъ выбору какое нибудь стихотвореніе въ честь какого нибудь героя; ученикъ Кочальскій и представилъ ему вышеприведенный панегирикъ кн. Іосифу Понятовскому. Найдя въ немъ несоотвѣтственныя мысли, онъ, Пушкаржевичъ, охулилъ ихъ, сочиненіе запретилъ вписывать въ книгу упражненій и возвратилъ назадъ автору, запретивши при этомъ вообще, въ видахъ предосторожности на будущее время, сочинять стихи какъ произведенія, могущія силой своей поэзіи увлекать молодые умы къ неприличнымъ и предосудительнымъ разсужденіямъ [2]). Кочальскій же прямо отвѣтилъ: въ панегирикѣ кн. Понятовскому онъ не видѣлъ ничего предосудительнаго, потому что сей герой поднялъ славу Польши до такой высоты, что Русскій императоръ принялъ на себя титулъ польскаго царя [3]).

Всѣ вообще члены были того мнѣнія, что какъ въ существованіи общества, такъ и въ дѣятельности его, не было ничего порочнаго, тѣмъ болѣе преступнаго,—уже по тому самому, что то и другое было извѣстно гимназическому начальству, бравшему къ себѣ на разсмотрѣніе ихъ протокольную книгу и возвратившему ее назадъ безъ всякаго замѣчанія. Дѣйствительно директоръ гимназіи Круспнскій бралъ къ себѣ на разсмотрѣніе вышеупомянутую кни-

---

[1]) См. Тамъ же.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

[3]) Дѣло объ обществѣ моральномъ. Показанія Кочальскаго.

гу, но, какъ онъ засвидѣтельствовалъ въ своемъ отзывѣ, не успѣвши разсмотрѣть ее, возвратилъ назадъ не прочитанною [1]).

Е) *Общество „черныхъ братьевъ."*

Когда по учебнымъ заведеніямъ распространились извѣстія, что надъ учениками V класса Виленской гимназіи, а также и надъ филаретами производится слѣдствіе, то воспитанники подняли разныя волненія съ цѣлію—увеличеніемъ числа виновныхъ—поставить въ затрудненіе слѣдственную коммисію Новосильцева и ослабить мѣру наказаній подсудимымъ. Волненія эти выражались въ формѣ возмутительныхъ насквилей на правительство, своеволія и буйства. Они были въ Россіенахъ, Поневѣжѣ, Кейданахъ, Кражахъ и др. мѣстахъ. Поводъ къ этимъ волненіямъ подавали не рѣдко и сами учителя; такъ въ Поневѣжѣ учитель ксендзъ Мошинскій, при извѣстіи о подпискѣ въ V классѣ Виленской гимназіи, сказалъ своимъ питомцамъ во время урока: „видно, что и тамъ есть еще польская кровь," присовокупивъ при этомъ: „что польское правленіе не было бы лучше россійскаго, но во всякомъ случаѣ гораздо пріятнѣе служить своему королю [2])." Удивительно ли послѣ этого, что ученики Мошинскаго составили слѣдующую подпись: „Пехъ жіе вольна конституція!" Въ скоромъ времени *вспыхнетъ въ Россіи революція* и мы освободимся отъ негоднаго деспотизма; мѣсто его заступитъ вольная конституція. Бѣда тому, кто станетъ помогать этому чудовищному деспотизму и лицамъ владѣющимъ имъ [3])."

Для разслѣдованія такихъ и подобныхъ волненій Новосильцевъ посылалъ разныхъ лицъ; но въ главѣ ихъ всегда находился дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Во время своей поѣздки въ м. Кражи онъ и открылъ существованіе вышеупомянутаго общества.

Обстоятельства предшествовавшія этому открытію были слѣдующія: Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1823 года смотритель училища Довята и нѣкоторые ученики получили отъ евреевъ письма. Содержаніе ихъ оказалось крайне возмутительнымъ. Кромѣ вышеприведеннаго уже нами письма ученику Виткевичу, самъ смотритель получилъ слѣдующее:

---

[1]) Тамъ-же. Отзывъ директора Круспнскаго.
[2]) Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ Поневѣжѣ.
[3]) Тамъ-же. Копія съ подлинника.

гу, но, какъ онъ засвидѣтельствовалъ въ своемъ отзывѣ, не успѣвши разсмотрѣть ее, возвратилъ назадъ не прочитанною [1]).

Е) *Общество „черныхъ братьевъ."*

Когда по учебнымъ заведеніямъ распространились извѣстія, что надъ учениками V класса Виленской гимназіи, а также и надъ филаретами производится слѣдствіе, то воспитанники подняли разныя волненія съ цѣлію—увеличеніемъ числа виновныхъ—поставить въ затрудненіе слѣдственную коммисію Новосильцева и ослабить мѣру наказаній подсудимымъ. Волненія эти выражались въ формѣ возмутительныхъ пасквилей на правительство, своеволія и буйства. Они были въ Россіенахъ, Поневѣжѣ, Кейданахъ, Кражахъ и др. мѣстахъ. Поводъ къ этимъ волненіямъ подавали не рѣдко и сами учителя; такъ въ Поневѣжѣ учитель ксендзъ Мошинскій, при извѣстіи о подпискѣ въ V классѣ Виленской гимназіи, сказалъ своимъ питомцамъ во время урока: „видно, что и тамъ есть еще польская кровь," присовокупивъ при этомъ: „что польское правленіе не было бы лучше россійскаго, но во всякомъ случаѣ гораздо пріятнѣе служить своему королю [2])." Удивительно ли послѣ этого, что ученики Мошинскаго составили слѣдующую подпись: „Пехъ жіе вольна конституція!" Въ скоромъ времени *вспыхнетъ въ Россіи революція* и мы освободимся отъ негоднаго деспотизма; мѣсто его заступитъ вольная конституція. Бѣда тому, кто станетъ помогать этому чудовищному деспотизму и лицамъ владѣющимъ имъ [3])."

Для разслѣдованія такихъ и подобныхъ волненій Новосильцевъ посылалъ разныхъ лицъ; но въ главѣ ихъ всегда находился дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Во время своей поѣздки въ м. Кражи онъ и открылъ существованіе вышеупомянутаго общества.

Обстоятельства предшествовавшія этому открытію были слѣдующія: Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1823 года смотритель училища Довята и нѣкоторые ученики получили отъ евреевъ письма. Содержаніе ихъ оказалось крайне возмутительнымъ. Кромѣ вышеприведеннаго уже нами письма ученику Виткевичу, самъ смотритель получилъ слѣдующее:

---

[1]) Тамъ-же. Отзывъ директора Круспнскаго.
[2]) Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ Поневѣжѣ.
[3]) Тамъ-же. Копія съ подлинника.

„Высокомыслящій директоръ!

«Прими это письмо съ большимъ ужасомъ, потому что по требованію обстоятельствъ, ты не найдешь въ концѣ фамиліи автора. Прими его тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ, что другъ твой, находясь на мѣстѣ твоего пребыванія, можетъ только отдать его тебѣ, но самъ долженъ уѣхать.

«Дѣло, въ которомъ народъ ищетъ отъ тебя помощи есть слѣдующее: ты знаешь состояніе политическихъ замѣшательствъ; можешь знать по сему, чего требуетъ отечество отъ своихъ сыновъ. Мы вознамѣрились ввести въ эту страну новаго врага россіянамъ; нужна только повсюдная помощь. Отъ особы твоей мы больше ничего не требуемъ, какъ только не препятствовать намъ, когда мы употребимъ въ дѣло нѣсколько десятковъ ввѣренныхъ тебѣ юношей. Гляди на все это сквозь пальцы, ибо ты знаешь, кто насъ ограбилъ и презрѣлъ. Долго ли намъ оставаться въ такомъ положеніи? Непріятель набросалъ намъ своихъ приказовъ, подъ названіемъ вонхъ правъ; «Qui zelum habet legis, exeat post me.»

«Весь почти народъ вопіетъ изъ глубины пропасти. Развратъ, нѣга и попраніе правъ—есть гибель его; а деспотизмъ и неволя—наказаніе тѣмъ, которые не радѣютъ о его свободѣ. Не разрывай узъ единства! Дѣло свое мы предпринимаемъ руководствуясь правотою совѣсти.

«Мы не боимся, хотя и знаемъ, что обнаженное оружіе разсѣваетъ страхъ и смерть. Долго ли еще намъ оставаться подъ прикрытіемъ презрѣнія и стыда?..

«Нужда заставляетъ насъ противъ воли обратиться къ тебѣ: не откажи въ своей помощи, почтенный мужъ, но съ осторожностію и въ тайнѣ.

«Призывая на васъ благословеніе отчизны, я удаляюсь въ южныя страны.» [1]).

Подлинники этихъ подметныхъ писемъ смотритель отправилъ въ нижній судъ, а копіи съ нихъ, при рапортѣ, ректору университета Твардовскому. Новосильцевъ, свѣдавъ объ этомъ происшествіи, послалъ Байкова и Ботвинко. Дорогой они встрѣтили курьера съ письмомъ обывателя Голубовича къ учителю Кржской гимназіи Гурчину, въ которомъ этотъ послѣдній долженъ былъ получить предостереженіе о ѣдущихъ въ м. Кржи важныхъ чиновникахъ. Письмо это, какъ оказалось по слѣдствію, было написано при содѣйствіи инспектора университета Сидоровича и даже въ его квартирѣ, за что и высидѣлъ онъ два года въ Бобруйскихъ казематахъ, по конфирмаціи отъ 10 января 1824 г.

Началось слѣдствіе. Во время его, прежде всего открылись про-

[1]) См. Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Кржѣ.

„Высокомыслящій директоръ!

«Прими это письмо съ большимъ ужасомъ, потому что по требованію обстоятельствъ, ты не найдешь въ концѣ фамиліи автора. Прими его тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ, что другъ твой, находясь на мѣстѣ твоего пребыванія, можетъ только отдать его тебѣ, но самъ долженъ уѣхать.

«Дѣло, въ которомъ народъ ищетъ отъ тебя помощи есть слѣдующее: ты знаешь состояніе политическихъ замѣшательствъ; можешь знать по сему, чего требуетъ отечество отъ своихъ сыновъ. Мы вознамѣрились ввести въ эту страну новаго врага россіянамъ; нужна только повсюдная помощь. Отъ особы твоей мы больше ничего не требуемъ, какъ только не препятствовать намъ, когда мы употребимъ въ дѣло нѣсколько десятковъ ввѣренныхъ тебѣ юношей. Гляди на все это сквозь пальцы, ибо ты знаешь, кто насъ ограбилъ и презрѣлъ. Долго ли намъ оставаться въ такомъ положеніи? Непріятель набросалъ намъ своихъ приказовъ, подъ названіемъ вонхъ правъ; «Qui zelum habet legis, exeat post me.»

«Весь почти народъ вопіетъ изъ глубины пропасти. Развратъ, нѣга и попраніе правъ—есть гибель его; а деспотизмъ и неволя—наказаніе тѣмъ, которые не радѣютъ о его свободѣ. Не разрывай узъ единства! Дѣло свое мы предпринимаемъ руководствуясь правотою совѣсти.

«Мы не боимся, хотя и знаемъ, что обнаженное оружіе разсѣваетъ страхъ и смерть. Долго ли еще намъ оставаться подъ прикрытіемъ презрѣнія и стыда?..

«Нужда заставляетъ насъ противъ воли обратиться къ тебѣ: не откажи въ своей помощи, почтенный мужъ, но съ осторожностію и въ тайнѣ.

«Призывая на васъ благословеніе отчизны, я удаляюсь въ южныя страны.» [1]).

Подлинники этихъ подметныхъ писемъ смотритель отправилъ въ нижній судъ, а копіи съ нихъ, при рапортѣ, ректору университета Твардовскому. Новосильцевъ, свѣдавъ объ этомъ происшествіи, послалъ Байкова и Ботвинко. Дорогой они встрѣтили курьера съ письмомъ обывателя Голубовича къ учителю Кржской гимназіи Гурчину, въ которомъ этотъ послѣдній долженъ былъ получить предостереженіе о ѣдущихъ въ м. Кржи важныхъ чиновникахъ. Письмо это, какъ оказалось по слѣдствію, было написано при содѣйствіи инспектора университета Сидоровича и даже въ его квартирѣ, за что и высидѣлъ онъ два года въ Бобруйскихъ казематахъ, по конфирмаціи отъ 10 января 1824 г.

Началось слѣдствіе. Во время его, прежде всего открылись про-

[1]) См. Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Кржѣ.

рухи нижняго суда: не смотря на то, что подметныя письма (доносили Новосильцеву Байковъ и Ботвинко) „сдѣлались извѣстными въ городѣ, тотчасъ послѣ ихъ распространенія и были переданы нижнему суду, этотъ не только не разслѣдовалъ, но даже видимо старался покрыть нѣкоторыя обстоятельства, могшія прямо указывать на дѣло»; потомъ открылось, что эти письма были составлены учениками 6-го класса Крожской гимназіи и наконецъ,— что между послѣдними существуетъ тайное общество подъ названіемъ „черныхъ братьевъ."

Основателемъ его былъ ученикъ 6-го класса Янчевскій, предложившій своимъ сотоварищамъ устроить общество, по образцу существовавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ общества въ Ковнѣ, члены котораго собирались въ домѣ Храповицкаго, состоявшемъ изъ однихъ развалинъ. Сначала это общество не имѣло ни опредѣленныхъ правилъ, ни цѣли; члены его собирались въ квартирѣ ученика Песляка, въ домѣ учителя Гурчина и убивали попусту время на всякій вздоръ, согласившись при этомъ ничего не дѣлать безъ общаго согласія; собрались еще нѣсколько разъ въ классахъ, когда не было уроковъ; но когда учитель Соболевскій, какъ филаретъ, былъ потребованъ въ Вильну на слѣдствіе, то они возымѣли болѣе опредѣленную цѣль и стали заниматься болѣе серьезными дѣлами.

Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы произвести возмущеніе въ заведеніи и увеличеніемъ числа подсудимыхъ, облегчить участь „променистовъ" т. е. „филаретовъ," а также еще, — чтобы облегчить участь и своей націи—заявленіемъ, что возмущенія дѣлаются даже и въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Крожи. Янчевскій кромѣ этого имѣлъ еще намѣреніе, съ увеличеніемъ числа членовъ, общество свое присоединить къ „променистамъ."

Присяги, при поступленіи въ общество, не было потому что, по мнѣнію Янчевскаго, она основана на религіи, состоящей изъ однихъ только побасенокъ. Общество предполагало завести и собственную печать съ изображеніемъ мертвой головы, сабель и другихъ знаковъ.

Болѣе серьезныя занятія состояли въ слѣдующемъ: члены снабжали другъ друга запрещенными книгами и разными возмутительными сочиненіями; разсуждали о прежней свободѣ, о могуществѣ Польши, о конституціи 3-го мая; вербовали новыхъ членовъ въ общество, изображая имъ несчастное положеніе „променистовъ," и необходимость облегчить ихъ участь; обдумывали мѣры къ свер-

рухи нижняго суда: не смотря на то, что подметныя письма (доносили Новосильцеву Байковъ и Ботвинко) „сдѣлались извѣстными въ городѣ, тотчасъ послѣ ихъ распространенія и были переданы нижнему суду, этотъ не только не разслѣдовалъ, но даже видимо старался покрыть нѣкоторыя обстоятельства, могшія прямо указывать на дѣло»; потомъ открылось, что эти письма были составлены учениками 6-го класса Крожской гимназіи и наконецъ,— что между послѣдними существуетъ тайное общество подъ названіемъ „черныхъ братьевъ."

Основателемъ его былъ ученикъ 6-го класса Янчевскій, предложившій своимъ сотоварищамъ устроить общество, по образцу существовавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ общества въ Ковнѣ, члены котораго собирались въ домѣ Храповицкаго, состоявшемъ изъ однихъ развалинъ. Сначала это общество не имѣло ни опредѣленныхъ правилъ, ни цѣли; члены его собирались въ квартирѣ ученика Песляка, въ домѣ учителя Гурчина и убивали попусту время на всякій вздоръ, согласившись при этомъ ничего не дѣлать безъ общаго согласія; собрались еще нѣсколько разъ въ классахъ, когда не было уроковъ; но когда учитель Соболевскій, какъ филаретъ, былъ потребованъ въ Вильну на слѣдствіе, то они возымѣли болѣе опредѣленную цѣль и стали заниматься болѣе серьезными дѣлами.

Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы произвести возмущеніе въ заведеніи и увеличеніемъ числа подсудимыхъ, облегчить участь „променистовъ" т. е. „филаретовъ," а также еще, — чтобы облегчить участь и своей націи—заявленіемъ, что возмущенія дѣлаются даже и въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Крожи. Янчевскій кромѣ этого имѣлъ еще намѣреніе, съ увеличеніемъ числа членовъ, общество свое присоединить къ „променистамъ."

Присяги, при поступленіи въ общество, не было потому что, по мнѣнію Янчевскаго, она основана на религіи, состоящей изъ однихъ только побасенокъ. Общество предполагало завести и собственную печать съ изображеніемъ мертвой головы, сабель и другихъ знаковъ.

Болѣе серьезныя занятія состояли въ слѣдующемъ: члены снабжали другъ друга запрещенными книгами и разными возмутительными сочиненіями; разсуждали о прежней свободѣ, о могуществѣ Польши, о конституціи 3-го мая; вербовали новыхъ членовъ въ общество, изображая имъ несчастное положеніе „променистовъ," и необходимость облегчить ихъ участь; обдумывали мѣры къ свер-

женію россійскаго ига и т. д. Предсѣдатель Янчевскій находилъ также полезнымъ, чтобы всякій членъ изобрѣлъ противъ кого либо злые умыслы или обманы, но съ твердою рѣшимостію быть готовымъ на все, даже на пожертвованіе собственной жизнію; другіе же члены были не прочь сочинить разные возмутительные памфлеты и написать ихъ на стѣнахъ монастыря, училищныхъ зданій и др. домовъ. Надписи эти долженствовали быть двоякія: одни— для взрослыхъ; другія — для учениковъ низшихъ классовъ, чтобы приготовить и этихъ послѣднихъ къ сверженію ига неволи, имъ еще неизвѣстной по малолѣтству. Члены, взявшіе на себя трудъ осуществить это, должны были вооружиться пистолетами, у Янчевскаго по сему случаю была въ запасѣ палка съ желѣзнымъ клинкомъ внутри, которую онъ впрочемъ подарилъ учителю Пашкевичу. Кромѣ надписей, одинъ изъ членовъ вызвался было также нарисовать карандашомъ гдѣ нибудь на стѣнѣ изображеніе двухъ орловъ: двуглаваго и надъ нимъ одноглаваго, поражающаго перваго.

На одномъ изъ такихъ серьезныхъ засѣданій члены и порѣшили возмутить все заведеніе, посредствомъ подметныхъ писемъ. А чтобы нельзя было узнать ихъ почерка, то для этого употреблены были предварительныя приготовленія. Письма эти адресованы были на имя смотрителя и нѣкоторыхъ выбывшихъ изъ гимназіи учениковъ, съ тою цѣлью чтобы скрыть слѣды, какъ авторовъ ихъ, такъ и мѣста заготовленія. Сначала пытался было разнести ихъ ученикъ Сухоцкій; но ему не удалось. 27 ноября 1823 года этотъ же трудъ приняли на себя Янчевскій и Виткевичъ и, при помощи евреевъ, устроили его съ полнымъ успѣхомъ.

Во время слѣдствія Янчевскій и другіе его сочлены объясняли свои увлеченія и заблужденія тѣмъ, что читали возмутительныя книги, а равно и тѣмъ, что нерѣдко слышали отъ учителя Пашкевича разговоры и сужденія, противныя правительству [1]).

Всѣхъ членовъ изъ учениковъ гимназіи было 6, но участіе въ дѣлахъ общества принимали еще и лица постороннія.

Дальнѣйшее слѣдствіе надъ первыми производилось въ военно-судной коммиссіи и кончилось къ половинѣ февраля, то есть, чрезъ два мѣсяца отъ начала самаго слѣдствія; надъ лицами же посторонними—въ Виленскомъ губернскомъ правленіи и кончилось чрезъ

---

[1]) См. Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожи и всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

женію россійскаго ига и т. д. Предсѣдатель Янчевскій находилъ также полезнымъ, чтобы всякій членъ изобрѣлъ противъ кого либо злые умыслы или обманы, но съ твердою рѣшимостію быть готовымъ на все, даже на пожертвованіе собственной жизнію; другіе же члены были не прочь сочинить разные возмутительные памфлеты и написать ихъ на стѣнахъ монастыря, училищныхъ зданій и др. домовъ. Надписи эти долженствовали быть двоякія: одни— для взрослыхъ; другія — для учениковъ низшихъ классовъ, чтобы приготовить и этихъ послѣднихъ къ сверженію ига неволи, имъ еще неизвѣстной по малолѣтству. Члены, взявшіе на себя трудъ осуществить это, должны были вооружиться пистолетами, у Янчевскаго по сему случаю была въ запасѣ палка съ желѣзнымъ клинкомъ внутри, которую онъ впрочемъ подарилъ учителю Пашкевичу. Кромѣ надписей, одинъ изъ членовъ вызвался было также нарисовать карандашомъ гдѣ нибудь на стѣнѣ изображеніе двухъ орловъ: двуглаваго и надъ нимъ одноглаваго, поражающаго перваго.

На одномъ изъ такихъ серьезныхъ засѣданій члены и порѣшили возмутить все заведеніе, посредствомъ подметныхъ писемъ. А чтобы нельзя было узнать ихъ почерка, то для этого употреблены были предварительныя приготовленія. Письма эти адресованы были на имя смотрителя и нѣкоторыхъ выбывшихъ изъ гимназіи учениковъ, съ тою цѣлью чтобы скрыть слѣды, какъ авторовъ ихъ, такъ и мѣста заготовленія. Сначала пытался было разнести ихъ ученикъ Сухоцкій; но ему не удалось. 27 ноября 1823 года этотъ же трудъ приняли на себя Янчевскій и Виткевичъ и, при помощи евреевъ, устроили его съ полнымъ успѣхомъ.

Во время слѣдствія Янчевскій и другіе его сочлены объясняли свои увлеченія и заблужденія тѣмъ, что читали возмутительныя книги, а равно и тѣмъ, что нерѣдко слышали отъ учителя Пашкевича разговоры и сужденія, противныя правительству [1]).

Всѣхъ членовъ изъ учениковъ гимназіи было 6, но участіе въ дѣлахъ общества принимали еще и лица постороннія.

Дальнѣйшее слѣдствіе надъ первыми производилось въ военно-судной коммиссіи и кончилось къ половинѣ февраля, то есть, чрезъ два мѣсяца отъ начала самаго слѣдствія; надъ лицами же посторонними—въ Виленскомъ губернскомъ правленіи и кончилось чрезъ

---

[1]) См. Дѣло о возмутительныхъ стихахъ въ м. Крожи и всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева.

два года съ лишеніемъ амнистіей, по случаю восшествія на престолъ Императора Николая Павловича.

Ж) *Общество „военныхъ друзей“* [1]).

24 декабря 1825 года, когда получено было извѣстіе въ отдѣльномъ Литовскомъ корпусѣ о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, то къ Бѣлостоку созваны были роты и команды пантоновъ Піонернаго батальона для учиненія присяги на вѣрноподданство новому Государю. На сборномъ мѣстѣ построили каре и когда сдѣлали на караулъ, то адъютантъ прочиталъ во всеуслышаніе манифестъ и находящіяся при немъ приложенія. Батальонъ взялъ на плечо. Вдругъ солдаты закричали: „Ура! Государь Императоръ Константинъ Павловичъ!“ Батальонный командиръ, думая, что солдаты не разслышали въ чемъ дѣло, сталъ подходить къ ротамъ и объяснять имъ смыслъ манифеста и приложеній; но, когда скомандовалъ: къ ногѣ, на молитву! то опять раздались прежнія восклицанія. Это заставило его вызвать впередъ ротныхъ командировъ и офицеровъ и приказать имъ повторить солдатамъ смыслъ прочитаннаго. Не ограничиваясь этимъ, батальонный командиръ самъ подошелъ къ 1-й и 3-й ротѣ и сталъ опять повторять имъ смыслъ манифеста; но въ это время капитанъ Игельстромъ объявилъ ему, что люди понимаютъ, что имъ прочитано, но желаютъ и ожидаютъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ. Не имѣя подъ рукой болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, какъ собственнымъ примѣромъ засвидѣтельствовать истинность совершившагося факта, батальонный командиръ, кликнувши вѣрныхъ послѣдовать за нимъ, отправился къ аналою для совершенія присяги; но ротные командиры скомандовали: на плечо и повели роты назадъ. Чтеніе присяги прекратилось. Догнавши роты, батальонный командиръ скомандовалъ: по квартирамъ и немедленно донесъ по начальству. Чрезъ два дня солдаты опять собраны были для учиненія присяги и присягнули въ совершенномъ порядкѣ, объяснивши при этомъ, что идти противъ своего Государя они никогда не желали, а не присягали первый разъ единственно по приказанію офицеровъ: капитана Игельстрома, поручика Вегелина и подпоручика Петровскаго.

---

1) См. Дѣло объ обществѣ „военныхъ друзей,“ подъ названіемъ: „Зорянъ.“

два года съ лишнимъ амнистіей, по случаю восшествія на престолъ Императора Николая Павловича.

Ж) *Общество „военныхъ друзей“* [1]).

24 декабря 1825 года, когда получено было извѣстіе въ отдѣльномъ Литовскомъ корпусѣ о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, то къ Бѣлостоку созваны были роты и команды пантоновъ Піонернаго батальона для учиненія присяги на вѣрноподданство новому Государю. На сборномъ мѣстѣ построили каре и когда сдѣлали на караулъ, то адъютантъ прочиталъ во всеуслышаніе манифестъ и находящіяся при немъ приложенія. Батальонъ взялъ: на плечо. Вдругъ солдаты закричали: „Ура! Государь Императоръ Константинъ Павловичъ!“ Батальонный командиръ, думая, что солдаты не разслышали въ чемъ дѣло, сталъ подходить къ ротамъ и объяснять имъ смыслъ манифеста и приложеній; но, когда скомандовалъ: къ ногѣ, на молитву! то опять раздались прежнія восклицанія. Это заставило его вызвать впередъ ротныхъ командировъ и офицеровъ и приказать имъ повторить солдатамъ смыслъ прочитаннаго. Не ограничиваясь этимъ, батальонный командиръ самъ подошелъ къ 1-й и 3-й ротѣ и сталъ опять повторять имъ смыслъ манифеста; но въ это время капитанъ Игельстромъ объявилъ ему, что люди понимаютъ, что имъ прочитано, но желаютъ и ожидаютъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ. Не имѣя подъ рукой болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, какъ собственнымъ примѣромъ засвидѣтельствовать истинность совершившагося факта, батальонный командиръ, кликнувши вѣрныхъ послѣдовать за нимъ, отправился къ аналою для совершенія присяги; но ротные командиры скомандовали: на плечо и повели роты назадъ. Чтеніе присяги прекратилось. Догнавши роты, батальонный командиръ скомандовалъ: по квартирамъ и немедленно донесъ по начальству. Чрезъ два дня солдаты опять собраны были для учиненія присяги и присягнули въ совершенномъ порядкѣ, объяснивши при этомъ, что идти противъ своего Государя они никогда не желали, а не присягали первый разъ единственно по приказанію офицеровъ: капитана Игельстрома, поручика Вегелина и подпоручика Петровскаго.

---

1) См. Дѣло объ обществѣ „военныхъ друзей,“ подъ названіемъ: „Зорянъ.“

Командиръ отдѣльнаго литовскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Дорве, донесъ объ этомъ его высочеству великому князю Константину Павловичу, который и приказалъ ему, составить военно-судную коммиссію и судить преступниковъ военнымъ судомъ. Коммиссія эта была учреждена подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Розена — въ Бѣлостокѣ. Она открыла, что въ отдѣльномъ литовскомъ корпусѣ, въ 1825 году составилось общество „военныхъ друзей", состоящее изъ трехъ степеней:

Первая степень, носившая названіе—собственно „военныхъ друзей", находилась въ средѣ военно-служащихъ. Къ ней принадлежали:

1) Несвижскаго карабинернаго полка поручикъ Гофманъ — начальникъ этой степени; 2) литовскаго піонернаго батальона капитанъ Игельстромъ; 3) поручикъ — Вегелинъ; 4) подпоручикъ Петровскій и 5) разжалованные въ рядовые—Угринчъ-Трембинскій, всѣ четверо—члены.

Вторая степень, носившая названіе „общества согласія", состояла изъ лицъ гражданскаго вѣдомства: 1) коллежскаго регистратора Ал. Гриневецкаго; 2) учителя гимназіи Феликса Ордынскаго; 3) шляхтича Людвига Вронскаго и 4) шляхтича Ивана Высоцкаго. Начальникомъ этой степени былъ—Угринчъ-Трембинскій.

Третья степень, носившая названіе „Зорянъ", находилась между учениками Свислочской гимназіи. Къ ней принадлежали: 1) Францъ Борковскій; 2) Карлъ Ордынскій и 3) Андрей Яневичъ. Начальникомъ этой степени былъ шляхтичъ Высоцкій, недавній ученикъ Свислочской гимназіи.

Надъ первыми двумя степенями слѣдствіе производилось въ военно-судной коммиссіи; надъ послѣднею—въ коммиссіи Новосильцева, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ректора университета Венцеслава Пеликана. Эта послѣдняя открыла, что независимо отъ „Зорянъ" принадлежавшихъ къ обществу военныхъ друзей, въ Свислочи и Бѣлостокѣ съ 1820 по 1826 годъ непрерывно существовало между учениками гимназій еще и другое тайное общество, тоже носившее названіе „Зорянъ" и оставшееся неизвѣстнымъ слѣдственной коммиссіи Новосильцева. Мы познакомимъ читателя, сначала съ обществомъ „Военныхъ друзей", а потомъ—Свислочскихъ и Бѣлостокскихъ „Зорянъ".

Учрежденіе общества „военныхъ друзей" совершилось подъ прямымъ вліяніемъ Филаретщины. Вблизи отъ Бѣлостока жилъ нѣкто поссесоръ Рукевичъ. Въ 1824 году, во время слѣдствія надъ обще-

Командиръ отдѣльнаго литовскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Дорве, донесъ объ этомъ его высочеству великому князю Константину Павловичу, который и приказалъ ему, составить военно-судную коммиссію и судить преступниковъ военнымъ судомъ. Коммиссія эта была учреждена подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Розена — въ Бѣлостокѣ. Она открыла, что въ отдѣльномъ литовскомъ корпусѣ, въ 1825 году составилось общество „военныхъ друзей", состоящее изъ трехъ степеней:

Первая степень, носившая названіе—собственно „военныхъ друзей", находилась въ средѣ военно-служащихъ. Къ ней принадлежали:

1) Несвижскаго карабинернаго полка поручикъ Гофманъ — начальникъ этой степени; 2) литовскаго піонернаго батальона капитанъ Игельстромъ; 3) поручикъ — Вегелинъ; 4) подпоручикъ Петровскій и 5) разжалованные въ рядовые—Угринчъ-Трембинскій, всѣ четверо—члены.

Вторая степень, носившая названіе „общества согласія", состояла изъ лицъ гражданскаго вѣдомства: 1) коллежскаго регистратора Ал. Гриневецкаго; 2) учителя гимназіи Феликса Ордынскаго; 3) шляхтича Людвига Вронскаго и 4) шляхтича Ивана Высоцкаго. Начальникомъ этой степени былъ—Угринчъ-Трембинскій.

Третья степень, носившая названіе „Зорянъ", находилась между учениками Свислочской гимназіи. Къ ней принадлежали: 1) Францъ Борковскій; 2) Карлъ Ордынскій и 3) Андрей Яневичъ. Начальникомъ этой степени былъ шляхтичъ Высоцкій, недавній ученикъ Свислочской гимназіи.

Надъ первыми двумя степенями слѣдствіе производилось въ военно-судной коммиссіи; надъ послѣднею—въ коммиссіи Новосильцева, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ректора университета Венцеслава Пеликана. Эта послѣдняя открыла, что независимо отъ „Зорянъ" принадлежавшихъ къ обществу военныхъ друзей, въ Свислочи и Бѣлостокѣ съ 1820 по 1826 годъ непрерывно существовало между учениками гимназій еще и другое тайное общество, тоже носившее названіе „Зорянъ" и оставшееся неизвѣстнымъ слѣдственной коммиссіи Новосильцева. Мы познакомимъ читателя, сначала съ обществомъ „Военныхъ друзей", а потомъ—Свислочскихъ и Бѣлостокскихъ „Зорянъ".

Учрежденіе общества „военныхъ друзей" совершилось подъ прямымъ вліяніемъ Филаретщины. Вблизи отъ Бѣлостока жилъ нѣкто поссесоръ Рукевичъ. Въ 1824 году, во время слѣдствія надъ обще-

ствомъ „Филаретовъ", онъ былъ показанъ въ числѣ его членовъ и призываемъ коммисіей для дачи отвѣтовъ; но по недостатку уликъ, былъ выпущенъ на свободу съ обязательствомъ—впредь ни къ какимъ обществамъ не принадлежать. Со всею строгостію исполняя свое обязательство, Рукевичъ, какъ видно изъ дѣла, дѣйствительно и не принадлежалъ въ это время ни къ какому обществу; но за то онъ употребилъ всѣ свои таланты и познанія къ образованію общества между другими и дѣйствительно достигъ своей цѣли. Къ нему часто пріѣзжали погостить Гофманъ, Петровскій, Трембицкій и др. офицеры піонернаго батальона, — тѣмъ болѣе, что Рукевичъ жилъ вмѣстѣ съ сестрой. Пріятельскія бесѣды ихъ большею частію сводились на то, какъ бы имъ стать на болѣе твердыя ноги по отношенію къ своему начальству, которое нерѣдко бываетъ ужь слишкомъ взыскательно? Рукевичъ всегда указывалъ имъ на строгую исполнительность службы, какъ на единственно вѣрное основаніе служебной свободы: ибо чѣмъ исполнительнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе даетъ онъ поводовъ къ начальническому снисхожденію, всегда неизбѣжному при упущеніяхъ и въ свою очередь рождающему произволъ; средствомъ же для достиженія этой цѣли предложилъ онъ, конечно — учрежденіе тайнаго общества. Офицеры согласились и приступили къ составленію устава; разумѣется оно не обошлось безъ содѣйствія Рукевича.

Общество „военныхъ друзей" предназначалось по преимуществу для военно-служащихъ въ отдѣльномъ литовскомъ корпусѣ. Оно имѣло уставъ, библіотеку, кассу и правила, спеціально приготовленныя для завербованія въ члены. По кратковременности своего существованія, оно не успѣло развиться между военными; настояла надобность за пополненіемъ количества членовъ обратиться къ шляхтичамъ и гимназистамъ. По этой вѣроятно причинѣ и въ уставѣ его допущены были разныя отклоненія и приспособленія, чуждыя первоначальной цѣли его учрежденія.

Общество состояло изъ трехъ степеней. Первая степень составляла вмѣстѣ съ тѣмъ и комитетъ, въ которомъ могло быть не болѣе 5 человѣкъ, то есть, одного начальника и четырехъ членовъ. Комитетъ стоялъ во главѣ всего общества и распоряжался всѣми его дѣлами. Онъ зналъ имена всѣхъ вообще членовъ, и дѣятельность каждой степени—въ частности; онъ давалъ названіе каждой степени и заправлялъ ихъ дѣятельностію; вводилъ новыя правила и постановленія и предпринималъ мѣры къ распространенію самого общества. Комитетъ избиралъ изъ среды себя начальника,—перваго

ствомъ „Филаретовъ", онъ былъ показанъ въ числѣ его членовъ и призываемъ коммиссіей для дачи отвѣтовъ; но по недостатку уликъ, былъ выпущенъ на свободу съ обязательствомъ—впредь ни къ какимъ обществамъ не принадлежать. Со всею строгостію исполняя свое обязательство, Рукевичъ, какъ видно изъ дѣла, дѣйствительно и не принадлежалъ въ это время ни къ какому обществу; но за то онъ употребилъ всѣ свои таланты и познанія къ образованію общества между другими и дѣйствительно достигъ своей цѣли. Къ нему часто пріѣзжали погостить Гофманъ, Петровскій, Трембицкій и др. офицеры піонернаго батальона,—тѣмъ болѣе, что Рукевичъ жилъ вмѣстѣ съ сестрой. Пріятельскія бесѣды ихъ большею частію сводились на то, какъ бы имъ стать на болѣе твердыя ноги по отношенію къ своему начальству, которое нерѣдко бываетъ ужь слишкомъ взыскательно? Рукевичъ всегда указывалъ имъ на строгую исполнительность службы, какъ на единственно вѣрное основаніе служебной свободы: ибо чѣмъ исполнительнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе даетъ онъ поводовъ къ начальническому снисхожденію, всегда неизбѣжному при упущеніяхъ и въ свою очередь рождающему произволъ; средствомъ же для достиженія этой цѣли предложилъ онъ, конечно — учрежденіе тайнаго общества. Офицеры согласились и приступили къ составленію устава; разумѣется оно не обошлось безъ содѣйствія Рукевича.

Общество „военныхъ друзей" предназначалось по преимуществу для военно-служащихъ въ отдѣльномъ литовскомъ корпусѣ. Оно имѣло уставъ, библіотеку, кассу и правила, спеціально приготовленныя для завербованія въ члены. По кратковременности своего существованія, оно не успѣло развиться между военными; настояла надобность за пополненіемъ количества членовъ обратиться къ шляхтичамъ и гимназистамъ. По этой вѣроятно причинѣ и въ уставѣ его допущены были разныя отклоненія и приспособленія, чуждыя первоначальной цѣли его учрежденія.

Общество состояло изъ трехъ степеней. Первая степень составляла вмѣстѣ съ тѣмъ и комитетъ, въ которомъ могло быть не болѣе 5 человѣкъ, то есть, одного начальника и четырехъ членовъ. Комитетъ стоялъ во главѣ всего общества и распоряжался всѣми его дѣлами. Онъ зналъ имена всѣхъ вообще членовъ, и дѣятельность каждой степени—въ частности; онъ давалъ названіе каждой степени и заправлялъ ихъ дѣятельностію; вводилъ новыя правила и постановленія и предпринималъ мѣры къ распространенію самого общества. Комитетъ избиралъ изъ среды себя начальника,—перваго

на два года, остальныхъ на одинъ годъ. Дѣла въ комитетѣ рѣшались большинствомъ голосовъ. Для законнаго засѣданія полагалось присутствіе не менѣе 4-хъ членовъ. Засѣданія отбывались одинъ разъ въ мѣсяцъ. Главнѣйшею обязанностію комитета было распространеніе общества и именно: въ артиллеріи, піонерномъ батальонѣ, гренадерской бригадѣ и карабинерномъ полку.

Начальникъ и члены комитета должны были подписать слѣдующую клятву, хранившуюся потомъ вмѣстѣ съ архивомъ у начальника:

„Клянусь предъ лицемъ существа высочайшаго на семъ алтарѣ священнаго дружества, что о существованіи общества и дѣйствіяхъ комитета, о числѣ и именахъ членовъ, никому изъ непринадлежащихъ къ оному и никогда не объявлю. Всѣ возложенныя на меня обязанности стану исполнять свято и буду споспѣшествовать къ распространенію общества всѣми силами, для достиженія чего жертвую своими способностями, имѣніемъ и жизнію. Если только потребуетъ того польза общества, то равнодушно принесу на жертву любовь, дружбу и родство. Въ случаѣ открытія общества или подозрѣнія, клянусь принять на себя всю отвѣтственность, не выдавая другихъ. При малѣйшемъ неисполненіи сей клятвы не только позволяю, но даже прошу всѣхъ братьевъ прекратить мою жизнь какими бы то ни было средствами и тѣмъ спасти общество“.

Цѣль этой 1-й степени заключалась: „въ просвѣщеніи себя и другихъ, во взаимной помощи и общемъ благѣ“.

Обязанности начальника состояли въ слѣдующемъ: онъ управляетъ обществомъ и заботится о его распространеніи; онъ завѣдуетъ архивомъ и общественной казной, которой половину можетъ расходовать безконтрольно, по собственному усмотрѣнію; онъ созываетъ обыкновенныя и чрезвычайныя засѣданія, вноситъ предложенія и, въ случаѣ споровъ, имѣетъ за собой два голоса; онъ даетъ занятія членамъ и особыя порученія по разнымъ дѣламъ, извѣщая комитетъ уже послѣ ихъ окончанія; онъ наконецъ назначаетъ денежные взносы, которые бываютъ трехъ разрядовъ: обыкновенные, экстренные и добровольные. Первые записываются подъ названіемъ полученныхъ долговъ; вторые — взятыхъ долговъ; третьи — безъ означенія времени. Всякій вноситъ сколько можетъ. Начальникъ, въ случаѣ надобности, можетъ израсходовать и всѣ деньги безъ вѣдома комитета, но въ половинѣ ихъ долженъ отдать ему отчетъ по истеченіи года. Въ случаѣ опасности, грозящей обществу, начальникъ останавливаетъ всѣ его дѣла, или же уничтожаетъ всѣ

на два года, остальныхъ на одинъ годъ. Дѣла въ комитетѣ рѣшались большинствомъ голосовъ. Для законнаго засѣданія полагалось присутствіе не менѣе 4-хъ членовъ. Засѣданія отбывались одинъ разъ въ мѣсяцъ. Главнѣйшею обязанностію комитета было распространеніе общества и именно: въ артиллеріи, піонерномъ батальонѣ, гренадерской бригадѣ и карабинерномъ полку.

Начальникъ и члены комитета должны были подписать слѣдующую клятву, хранившуюся потомъ вмѣстѣ съ архивомъ у начальника:

„Клянусь предъ лицемъ существа высочайшаго на семъ алтарѣ священнаго дружества, что о существованіи общества и дѣйствіяхъ комитета, о числѣ и именахъ членовъ, никому изъ непринадлежащихъ къ оному и никогда не объявлю. Всѣ возложенныя на меня обязанности стану исполнять свято и буду споспѣшествовать къ распространенію общества всѣми силами, для достиженія чего жертвую своими способностями, имѣніемъ и жизнію. Если только потребуетъ того польза общества, то равнодушно принесу на жертву любовь, дружбу и родство. Въ случаѣ открытія общества или подозрѣнія, клянусь принять на себя всю отвѣтственность, не выдавая другихъ. При малѣйшемъ неисполненіи сей клятвы не только позволяю, но даже прошу всѣхъ братьевъ прекратить мою жизнь какими бы то ни было средствами и тѣмъ спасти общество“.

Цѣль этой 1-й степени заключалась: „въ просвѣщеніи себя и другихъ, во взаимной помощи и общемъ благѣ“.

Обязанности начальника состояли въ слѣдующемъ: онъ управляетъ обществомъ и заботится о его распространеніи; онъ завѣдуетъ архивомъ и общественной казной, которой половину можетъ расходовать безконтрольно, по собственному усмотрѣнію; онъ созываетъ обыкновенныя и чрезвычайныя засѣданія, вноситъ предложенія и, въ случаѣ споровъ, имѣетъ за собой два голоса; онъ даетъ занятія членамъ и особыя порученія по разнымъ дѣламъ, извѣщая комитетъ уже послѣ ихъ окончанія; онъ наконецъ назначаетъ денежные взносы, которые бываютъ трехъ разрядовъ: обыкновенные, экстренные и добровольные. Первые записываются подъ названіемъ полученныхъ долговъ; вторые — взятыхъ долговъ; третьи — безъ означенія времени. Всякій вноситъ сколько можетъ. Начальникъ, въ случаѣ надобности, можетъ израсходовать и всѣ деньги безъ вѣдома комитета, но въ половинѣ ихъ долженъ отдать ему отчетъ по истеченіи года. Въ случаѣ опасности, грозящей обществу, начальникъ останавливаетъ всѣ его дѣла, или же уничтожаетъ всѣ

слѣды его существованія; но приказанія его во всякое время должны исполняться членами свято и безпрекословно.

Обязанности членовъ состояли въ слѣдующемъ: они помогаютъ начальнику въ распространеніи общества и охраняютъ его существованіе, извѣщеніемъ о грозящей ему опасности; при вступленіи въ общество всякій изъ нихъ долженъ объявить — не принадлежалъ ли онъ и не принадлежитъ ли теперь къ какому нибудь другому обществу? и никто изъ нихъ, безъ позволенія начальника, не смѣетъ ничего писать объ обществѣ, а равно и держать у себя относящіяся къ нему бумаги,—подъ опасеніемъ наказанія какъ бы за несоблюденіе присяги; кромѣ просвѣщенія, примѣрнаго поведенія, человѣколюбія и другихъ добродѣтелей, они обязаны также распространять еще и нарочно составленныя для этой цѣли нравственныя мнѣнія; обязаны—знакомиться съ людьми просвѣщенными и хорошей нравственности, — съ такими, съ которыми можно бы было говорить откровенно. Нашедши нѣсколько такихъ лицъ, члены должны постепенно приготовлять ихъ къ поступленію въ общество 2-й степени и, въ случаѣ ихъ согласія, присоединять— разомъ или поодиночкѣ, никогда не объявляя новопоступившимъ. ни о названіи общества, ни о комитетѣ, ни о числѣ его членовъ, а взымая съ нихъ слѣдующую клятву:

„Клянусь Богомъ, что всѣ возложенныя на меня обязанности, буду исполнять свято и никому и никогда не объявлю того, что ввѣришь ты мнѣ, почтенный братъ. Половиною суммы, находящейся у тебя, какъ у начальника, позволяю распоряжаться по твоему произволу, не отдавая мнѣ отчета. Клянусь безпрекословно поступать по тѣмъ правиламъ, какія ты мнѣ предпишешь и скорѣе пожертвовать собою, претерпѣть всякія бѣдствія и мученія, нежели объявить кому нибудь ввѣренную мнѣ тобою тайну. Въ случаѣ же малѣйшаго неисполненія сей клятвы, позволяю и прошу начальника, какъ брата, поступить со мною такъ, какъ будетъ требовать того общественная польза“ [1]).

Члены, образовавшіе вторыя степени, дѣлаются ихъ начальниками. По снятіи клятвы, имъ позволялось объявлять новопоступившимъ, что сами они принадлежатъ къ высшему обществу, откуда получаютъ приказанія и куда будутъ отправлены ихъ клятвы; на дѣлѣ же—клятвы эти уничтожались, а комитетъ увѣдомлялся посредствомъ краткихъ рапортичекъ, которыя также уничтожались,

[1]) См. дѣло объ обществѣ военныхъ друзей.

слѣды его существованія; но приказанія его во всякое время должны исполняться членами свято и безпрекословно.

Обязанности членовъ состояли въ слѣдующемъ: они помогаютъ начальнику въ распространеніи общества и охраняютъ его существованіе, извѣщеніемъ о грозящей ему опасности; при вступленіи въ общество всякій изъ нихъ долженъ объявить — не принадлежалъ ли онъ и не принадлежитъ ли теперь къ какому нибудь другому обществу? и никто изъ нихъ, безъ позволенія начальника, не смѣетъ ничего писать объ обществѣ, а равно и держать у себя относящіяся къ нему бумаги,—подъ опасеніемъ наказанія какъ бы за несоблюденіе присяги; кромѣ просвѣщенія, примѣрнаго поведенія, человѣколюбія и другихъ добродѣтелей, они обязаны также распространять еще и нарочно составленныя для этой цѣли нравственныя мнѣнія; обязаны—знакомиться съ людьми просвѣщенными и хорошей нравственности, — съ такими, съ которыми можно бы было говорить откровенно. Нашедши нѣсколько такихъ лицъ, члены должны постепенно приготовлять ихъ къ поступленію въ общество 2-й степени и, въ случаѣ ихъ согласія, присоединять— разомъ или поодиночкѣ, никогда не объявляя новопоступившимъ. ни о названіи общества, ни о комитетѣ, ни о числѣ его членовъ, а взымая съ нихъ слѣдующую клятву:

„Клянусь Богомъ, что всѣ возложенныя на меня обязанности, буду исполнять свято и никому и никогда не объявлю того, что ввѣришь ты мнѣ, почтенный братъ. Половиною суммы, находящейся у тебя, какъ у начальника, позволяю распоряжаться по твоему произволу, не отдавая мнѣ отчета. Клянусь безпрекословно поступать по тѣмъ правиламъ, какія ты мнѣ предпишешь и скорѣе пожертвовать собою, претерпѣть всякія бѣдствія и мученія, нежели объявить кому нибудь ввѣренную мнѣ тобою тайну. Въ случаѣ же малѣйшаго неисполненія сей клятвы, позволяю и прошу начальника, какъ брата, поступить со мною такъ, какъ будетъ требовать того общественная польза“ [1]).

Члены, образовавшіе вторыя степени, дѣлаются ихъ начальниками. По снятіи клятвы, имъ позволялось объявлять новопоступившимъ, что сами они принадлежатъ къ высшему обществу, откуда получаютъ приказанія и куда будутъ отправлены ихъ клятвы; на дѣлѣ же—клятвы эти уничтожались, а комитетъ увѣдомлялся посредствомъ краткихъ рапортичекъ, которыя также уничтожались,

[1]) См. дѣло объ обществѣ военныхъ друзей.

по внесеніи въ книгу именъ новыхъ членовъ. Кромѣ этого начальники должны были давать отъ себя подписку членамъ, что они будутъ вести ихъ къ общему благу и суммой распоряжаться согласно съ общественной пользой. Подписки же эти потомъ точно также уничтожались начальниками безъ вѣдома членовъ.

Вторыя степени могли имѣть собственную кассу и библіотеку; но бумагъ, кромѣ постановленій,—никакихъ. Касса и постановленія хранились у начальника; онъ распоряжался ими по собственному усмотрѣнію.

Цѣль вторыхъ степеней заключалась: „въ просвѣщеніи, улучшеніи ума и сердца, въ примѣрномъ поведеніи и исполненіи своихъ обязанностей, а также и въ заучиваніи наизусть нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ, составленныхъ обществомъ для руководства въ жизни“.

Взносы во вторыхъ степеняхъ должны были быть такіе же, какъ и въ первой. Половина ихъ отдавалась въ распоряженіе комитета. Засѣданія отбывались по усмотрѣнію начальника; въ случаѣ своего отсутствія, онъ назначалъ на свое мѣсто лучшаго члена этой же степени.

Члены вторыхъ степеней, по порученію начальника и по обстоятельствамъ, составляютъ общества третьихъ степеней и остаются въ нихъ начальниками на общихъ основаніяхъ, взимая съ новопоступающихъ слѣдующую клятву:

„Клянусь честію, что все приказанное тобою исполню свято и никому никогда не объявлю того, что ввѣришь ты мнѣ, почтенный братъ. Буду вести себя по тѣмъ правиламъ, которыя ты мнѣ дашь, ни мало не отступая отъ оныхъ. Половину суммы отдаю въ полное твое распоряженіе и признаю тебя, какъ основателя этого общества, всегдашнимъ его начальникомъ. Въ случаѣ неисполненія въ чемъ нибудь сей клятвы, я подвергаю себя такому наказанію, какого будетъ требовать общественная польза“ [1]).

Цѣль третьихъ степеней заключалась: „въ просвѣщеніи ума, улучшеніи сердца и укрѣпленіи тѣла...“ Посему въ члены ихъ должны были поступать люди молодые и, кромѣ умственныхъ занятій, заниматься еще и гимнастикой, какъ-то: стрѣлять въ цѣль, ѣздить верхомъ, заниматься фехтованьемъ и т. д.

Третьи степени имѣютъ также свою кассу и библіотеку; устрой-

---

[1]) См. тамъ же.

по внесеніи въ книгу именъ новыхъ членовъ. Кромѣ этого начальники должны были давать отъ себя подписку членамъ, что они будутъ вести ихъ къ общему благу и суммой распоряжаться согласно съ общественной пользой. Подписки же эти потомъ точно также уничтожались начальниками безъ вѣдома членовъ.

Вторыя степени могли имѣть собственную кассу и библіотеку; но бумагъ, кромѣ постановленій,—никакихъ. Касса и постановленія хранились у начальника; онъ распоряжался ими по собственному усмотрѣнію.

Цѣль вторыхъ степеней заключалась: „въ просвѣщеніи, улучшеніи ума и сердца, въ примѣрномъ поведеніи и исполненіи своихъ обязанностей, а также и въ заучиваніи наизусть нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ, составленныхъ обществомъ для руководства въ жизни“.

Взносы во вторыхъ степеняхъ должны были быть такіе же, какъ и въ первой. Половина ихъ отдавалась въ распоряженіе комитета. Засѣданія отбывались по усмотрѣнію начальника; въ случаѣ своего отсутствія, онъ назначалъ на свое мѣсто лучшаго члена этой же степени.

Члены вторыхъ степеней, по порученію начальника и по обстоятельствамъ, составляютъ общества третьихъ степеней и остаются въ нихъ начальниками на общихъ основаніяхъ, взимая съ новопоступающихъ слѣдующую клятву:

„Клянусь честію, что все приказанное тобою исполню свято и никому никогда не объявлю того, что ввѣришь ты мнѣ, почтенный братъ. Буду вести себя по тѣмъ правиламъ, которыя ты мнѣ дашь, ни мало не отступая отъ оныхъ. Половину суммы отдаю въ полное твое распоряженіе и признаю тебя, какъ основателя этого общества, всегдашнимъ его начальникомъ. Въ случаѣ неисполненія въ чемъ нибудь сей клятвы, я подвергаю себя такому наказанію, какого будетъ требовать общественная польза“ [1]).

Цѣль третьихъ степеней заключалась: „въ просвѣщеніи ума, улучшеніи сердца и укрѣпленіи тѣла...“ Посему въ члены ихъ должны были поступать люди молодые и, кромѣ умственныхъ занятій, заниматься еще и гимнастикой, какъ-то: стрѣлять въ цѣль, ѣздить верхомъ, заниматься фехтованьемъ и т. д.

Третьи степени имѣютъ также свою кассу и библіотеку; устрой-

---

[1]) См. тамъ же.

ствомъ внутреннимъ — вообще совершенно походятъ на степени вторыя.

Всякая низшая степень, сколько бы ихъ ни было, не можетъ вмѣщать въ себя болѣе 5 человѣкъ, то есть, одного начальника и четырехъ членовъ. Начальникъ низшей степени есть непремѣнно членъ степени высшей. Такимъ образомъ вся административная дѣятельность общества сосредоточивалась въ рукахъ комитета, который въ тоже время, составлялъ для остальныхъ степеней тайну. Ни одна низшая степень не знала также о существованіи другой— одинаковой.

Библіотеки всѣхъ низшихъ степеней должны были составляться изъ купленныхъ и пожертвованныхъ членами книгъ и храниться на дому у кого нибудь изъ членовъ—въ видѣ частной собственности; но библіотека комитета, или первой степени, должна была оставаться при немъ, на мѣстѣ возникновенія общества.

Въ случаѣ смерти, или удаленія кого нибудь изъ членовъ извѣстной степени, вакантныя мѣста пополнялись достойнѣйшими членами изъ низшихъ степеней послѣ трехмѣсячнаго испытанія.

Мнѣнія установленныя для завербованія въ члены общества были слѣдующія:

„1) Такъ какъ чрезъ просвѣщеніе себя, мы получаемъ способы быть полезными для другихъ, то всякій изъ молодыхъ людей, имѣющій способности и средства къ достиженію онаго и тратящій драгоцѣнное время на безполезныя занятія, шалости или пороки, тѣмъ самымъ становится уже вреднымъ для общества, почему и заслуживаетъ справедливаго его презрѣнія.

2) Со всякимъ разсуждай сообразно степени его развитія; въ противномъ случаѣ—или огорчишь его, или же не будешь имъ понятъ.

3) Аккуратное исполненіе своихъ обязанностей есть первѣйшее и необходимѣйшее условіе къ пріобрѣтенію, какъ личнаго спокойствія, такъ и уваженія другихъ; почему старайся вести себя такъ, чтобы начальникъ ни въ чемъ даже не могъ простить тебя; въ противномъ же случаѣ, принимая прощеніе въ заслуженномъ наказаніи тѣмъ самымъ прокладываешь ему дорогу къ дальнѣйшимъ несправедливостямъ, а себя худо выставляешь въ глазахъ своихъ товарищей.

4) Обходись съ своими подчиненными человѣколюбиво, требуя въ тоже время отъ нихъ аккуратнаго исполненія ихъ обязанностей; въ противномъ же случаѣ сдѣлаешься или извергомъ, или слабымъ

ствомъ внутреннимъ — вообще совершенно походятъ на степени вторыя.

Всякая низшая степень, сколько бы ихъ ни было, не можетъ вмѣщать въ себя болѣе 5 человѣкъ, то есть, одного начальника и четырехъ членовъ. Начальникъ низшей степени есть непремѣнно членъ степени высшей. Такимъ образомъ вся административная дѣятельность общества сосредоточивалась въ рукахъ комитета, который въ тоже время, составлялъ для остальныхъ степеней тайну. Ни одна низшая степень не знала также о существованіи другой— одинаковой.

Библіотеки всѣхъ низшихъ степеней должны были составляться изъ купленныхъ и пожертвованныхъ членами книгъ и храниться на дому у кого нибудь изъ членовъ—въ видѣ частной собственности; но библіотека комитета, или первой степени, должна была оставаться при немъ, на мѣстѣ возникновенія общества.

Въ случаѣ смерти, или удаленія кого нибудь изъ членовъ извѣстной степени, вакантныя мѣста пополнялись достойнѣйшими членами изъ низшихъ степеней послѣ трехмѣсячнаго испытанія.

Мнѣнія установленныя для завербованія въ члены общества были слѣдующія:

„1) Такъ какъ чрезъ просвѣщеніе себя, мы получаемъ способы быть полезными для другихъ, то всякій изъ молодыхъ людей, имѣющій способности и средства къ достиженію онаго и тратящій драгоцѣнное время на безполезныя занятія, шалости или пороки, тѣмъ самымъ становится уже вреднымъ для общества, почему и заслуживаетъ справедливаго его презрѣнія.

2) Со всякимъ разсуждай сообразно степени его развитія; въ противномъ случаѣ—или огорчишь его, или же не будешь имъ понятъ.

3) Аккуратное исполненіе своихъ обязанностей есть первѣйшее и необходимѣйшее условіе къ пріобрѣтенію, какъ личнаго спокойствія, такъ и уваженія другихъ; почему старайся вести себя такъ, чтобы начальникъ ни въ чемъ даже не могъ простить тебя; въ противномъ же случаѣ, принимая прощеніе въ заслуженномъ наказаніи тѣмъ самымъ прокладываешь ему дорогу къ дальнѣйшимъ несправедливостямъ, а себя худо выставляешь въ глазахъ своихъ товарищей.

4) Обходись съ своими подчиненными человѣколюбиво, требуя въ тоже время отъ нихъ аккуратнаго исполненія ихъ обязанностей; въ противномъ же случаѣ сдѣлаешься или извергомъ, или слабымъ

начальникомъ, чѣмъ непремѣнно заслужишь или ненависть, или презрѣніе.

5) Истинная свобода не только не можетъ существовать безъ мудрыхъ законовъ, но необходимо требуетъ самаго строгаго ихъ исполненія; въ противномъ же случаѣ превращается въ своеволіе, весьма гибельное для благосостоянія общества.

6) Сближайся со всякимъ изъ своихъ товарищей и старайся понять степень его ума и характеръ. Если замѣтишь въ немъ при природныхъ способностяхъ вредные пороки, то отвлекай отъ нихъ, — проси, совѣтуй, убѣждай, смѣйся и наконецъ уже презирай и удаляйся.

7) Избѣгай тѣхъ обществъ, въ которыхъ царствуетъ развратъ и порокъ.

8) Отучай себя отъ скверныхъ привычекъ постепенно, отказывая себѣ каждый день по немногу, чѣмъ легко можешь въ скоромъ времени исправиться совершенно".

Бумагъ отъ общества „военныхъ друзей" не осталось; по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ при дѣлѣ; есть только показанія, что часть ихъ была спрятана у Рукевича и пропала.

Когда преступники были арестованы и сидѣли въ тюрьмѣ, то караульные солдаты замѣтили одного весьма подозрительнаго штатскаго, который часто прогуливался около нея и видимо переговаривался съ заключенными посредствомъ знаковъ. Его взловили. Это былъ учитель Бѣлостокской гимназіи—Ордынскій, членъ второй степени общество „военныхъ друзей". По сему случаю генералъ-лейтенантъ Дорве спрашивалъ директора Бѣлостокской гимназіи Суходольскаго: „по обстоятельствамъ дѣла производимаго военносудной коммисіей, учитель Ордынскій навлекъ на себя явное подозрѣніе въ сношеніи съ однимъ изъ подсудимыхъ... А потому прошу ваше в—діе увѣдомить меня: въ какомъ учебномъ заведеніи воспитывался уч. Ордынскій, откуда и какъ поступилъ въ званіе учителя и какого былъ поведенія?.." Суходольскій отвѣчалъ: воспитывался въ Бѣлостокской гимназіи и Виленскомъ университетѣ; поведенія былъ хорошаго и, бывши учителемъ, оказывалъ благочестіе примѣрное, хорошую нравственность и въ поступкахъ его ничего позорнаго не было..."

Какая участь постигла членовъ первыхъ двухъ степеней, — изъ дѣла не видно. Конфирмація объ нихъ, по всей вѣроятности, должна находиться при дѣлахъ „верховной слѣдственной коммисіи". Что

начальникомъ, чѣмъ непремѣнно заслужишь или ненависть, или презрѣніе.

5) Истинная свобода не только не можетъ существовать безъ мудрыхъ законовъ, но необходимо требуетъ самаго строгаго ихъ исполненія; въ противномъ же случаѣ превращается въ своеволіе, весьма гибельное для благосостоянія общества.

6) Сближайся со всякимъ изъ своихъ товарищей и старайся понять степень его ума и характеръ. Если замѣтишь въ немъ при природныхъ способностяхъ вредные пороки, то отвлекай отъ нихъ, — проси, совѣтуй, убѣждай, смѣйся и наконецъ уже презирай и удаляйся.

7) Избѣгай тѣхъ обществъ, въ которыхъ царствуетъ развратъ и порокъ.

8) Отучай себя отъ скверныхъ привычекъ постепенно, отказывая себѣ каждый день по немногу, чѣмъ легко можешь въ скоромъ времени исправиться совершенно".

Бумагъ отъ общества „военныхъ друзей" не осталось; по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ при дѣлѣ; есть только показанія, что часть ихъ была спрятана у Рукевича и пропала.

Когда преступники были арестованы и сидѣли въ тюрьмѣ, то караульные солдаты замѣтили одного весьма подозрительнаго штатскаго, который часто прогуливался около нея и видимо переговаривался съ заключенными посредствомъ знаковъ. Его взловили. Это былъ учитель Бѣлостокской гимназіи—Ордынскій, членъ второй степени общество „военныхъ друзей". По сему случаю генералъ-лейтенантъ Дорве спрашивалъ директора Бѣлостокской гимназіи Суходольскаго: „по обстоятельствамъ дѣла производимаго военносудной коммисіей, учитель Ордынскій навлекъ на себя явное подозрѣніе въ сношеніи съ однимъ изъ подсудимыхъ... А потому прошу ваше в—діе увѣдомить меня: въ какомъ учебномъ заведеніи воспитывался уч. Ордынскій, откуда и какъ поступилъ въ званіе учителя и какого былъ поведенія?.." Суходольскій отвѣчалъ: воспитывался въ Бѣлостокской гимназіи и Виленскомъ университетѣ; поведенія былъ хорошаго и, бывши учителемъ, оказывалъ благочестіе примѣрное, хорошую нравственность и въ поступкахъ его ничего позорнаго не было..."

Какая участь постигла членовъ первыхъ двухъ степеней, — изъ дѣла не видно. Конфирмація объ нихъ, по всей вѣроятности, должна находиться при дѣлахъ „верховной слѣдственной коммисіи". Что

же касается до членовъ третьей степени, то объ нихъ мы будемъ говорить вмѣстѣ съ обществомъ „Зорянъ“.

3) *Тайное общество „Зорянъ“* [1]).

Оно возникло въ 1820 году, въ Бѣлостокѣ и до 1823 года носило другое названіе, именно: „братьевъ согласія“. Основателями его были: нѣкто Ляховичъ, бывшій ученикъ Бѣлостокской гимназіи и дѣйствительный ученикъ — Францъ Борковскій.

Устава опредѣленнаго оно не имѣло; члены руководствовались приказаніями Ляховича и правилами нравственности, извлеченными изъ книги виленскаго профессора Ходанія: „Wyklad nauki obyszaiowcy“. Подавались и проекты устава, но по своей неудовлетворительности не были приняты. Всѣхъ членовъ въ этомъ обществѣ было 15 человѣкъ.

Въ 1823 году Ляховичъ, вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстій о Филаретахъ или Променистахъ, преобразовалъ свое общество, далъ ему уставъ и новое названіе „Зорянъ“. Къ нему присоединилось еще 3 члена.

Намѣреваясь распространить это общество и въ Свислочи, онъ поступилъ въ этомъ же году въ число учениковъ гимназіи и принялся за дѣло. Сначала между учениками происходили сильные раздоры по случаю выбора начальника; но Ляховичъ при содѣйствіи Кузминскаго—втораго уніата въ числѣ членовъ всѣхъ вообще тайныхъ обществъ, описываемыхъ нами, наконецъ восторжествовалъ [2]). Свислочское общество приняло уставъ и названіе общества Бѣлостокскаго. Въ 1824 году къ нему присоединилось еще 19 человѣкъ, въ томъ числѣ и отставной штабсъ-капитанъ Сперскій и аптекарскій гезель Чайковскій и земледѣлецъ — Окенчицъ.

Во время каникулъ ученики той и другой гимназіи разъѣхались по домамъ. Одинъ изъ Свислочскихъ учениковъ Иванъ Высоцкій остался потомъ въ Бѣлостокѣ и, поступивши въ общество бѣлостокскихъ „Зорянъ“, привлекъ съ собой и нѣкоего шляхтича Вронскаго. Оба они познакомились съ Угричемъ-Трембинскимъ и конечно сообщили ему извѣстіе о существованіи своего общества. Когда возникло въ Бѣлостокѣ общество „военныхъ друзей“, то

---

[1]) См. дѣло о Зорянахъ. Ч. I. II.

[2]) Въ общ. Филаретовъ былъ сынъ уніятскаго священника Михалевичъ секретаремъ Бѣлаго союза.

же касается до членовъ третьей степени, то объ нихъ мы будемъ говорить вмѣстѣ съ обществомъ „Зорянъ“.

3) *Тайное общество „Зорянъ“* [1]).

Оно возникло въ 1820 году, въ Бѣлостокѣ и до 1823 года носило другое названіе, именно: „братьевъ согласія“. Основателями его были: нѣкто Ляховичъ, бывшій ученикъ Бѣлостокской гимназіи и дѣйствительный ученикъ — Францъ Борковскій.

Устава опредѣленнаго оно не имѣло; члены руководствовались приказаніями Ляховича и правилами нравственности, извлеченными изъ книги виленскаго профессора Ходанія: „Wyklad nauki obyszaiowcy“. Подавались и проекты устава, но по своей неудовлетворительности не были приняты. Всѣхъ членовъ въ этомъ обществѣ было 15 человѣкъ.

Въ 1823 году Ляховичъ, вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстій о Филаретахъ или Променистахъ, преобразовалъ свое общество, далъ ему уставъ и новое названіе „Зорянъ“. Къ нему присоединилось еще 3 члена.

Намѣреваясь распространить это общество и въ Свислочи, онъ поступилъ въ этомъ же году въ число учениковъ гимназіи и принялся за дѣло. Сначала между учениками происходили сильные раздоры по случаю выбора начальника; но Ляховичъ при содѣйствіи Кузминскаго—втораго уніата въ числѣ членовъ всѣхъ вообще тайныхъ обществъ, описываемыхъ нами, наконецъ восторжествовалъ [2]). Свислочское общество приняло уставъ и названіе общества Бѣлостокскаго. Въ 1824 году къ нему присоединилось еще 19 человѣкъ, въ томъ числѣ и отставной штабсъ-капитанъ Сперскій и аптекарскій гезель Чайковскій и земледѣлецъ — Окенчицъ.

Во время каникулъ ученики той и другой гимназіи разъѣхались по домамъ. Одинъ изъ Свислочскихъ учениковъ Иванъ Высоцкій остался потомъ въ Бѣлостокѣ и, поступивши въ общество бѣлостокскихъ „Зорянъ“, привлекъ съ собой и нѣкоего шляхтича Вронскаго. Оба они познакомились съ Угричемъ-Трембинскимъ и конечно сообщили ему извѣстіе о существованіи своего общества. Когда возникло въ Бѣлостокѣ общество „военныхъ друзей“, то

---

[1]) См. дѣло о Зорянахъ. Ч. I. II.

[2]) Въ общ. Филаретовъ былъ сынъ уніятскаго священника Михалевичъ секретаремъ Бѣлаго союза.

Высоцкій и Вронскій пожалованы были во вторую его степень. Здѣсь-то они и составили планъ соединить Бѣлостокскихъ и Свислочскихъ Зорянъ въ одно общество и включить его въ третью степень „военныхъ друзей". Вронскій назначенъ былъ начальникомъ этой степени, а Высоцкій парламентеромъ, какъ старый знакомый и недавній сотоварищъ. Снабженный деньгами онъ отправился въ Свислочь. По старой памяти, онъ обратился за содѣйствіемъ къ ученику Лобунскому, но безуспѣшно; Лобунскій не захотѣлъ вступать въ новое общество. Между тѣмъ узналъ о присутствіи соглядатая Ляховича; узналъ также и о томъ, что этотъ соглядатай и шляхтичъ, рекомендованный имъ, измѣнили его обществу и записались въ общество новое. Въ порывѣ неудовольствія, онъ приказалъ своему Бѣлостокскому намѣстнику — Борковскому исключить ихъ изъ числа членовъ, объявивши, что общество закрыто. Но Борковскій не только не послушался своего начальника, но даже сталъ въ явно враждебныя къ нему отношенія и перешелъ на сторону Высоцкаго и Вронскаго. Опять произошли смуты. Одни повѣрили завѣренію Ляховича, что общество закрыто и перестали быть его членами; другіе, впрочемъ въ ограниченномъ количествѣ—всего три человѣка, пристали къ обществу „военныхъ друзей"; но третьи, самые многочисленные, остались вѣрными Ляховичу. Общество уцѣлѣло, потерявши только нѣсколько членовъ, потомъ къ нему присоединилось вновь еще 3 человѣка.

По окончаніи гимназическаго курса 7 человѣкъ изъ этого общества поступили въ Виленскій университетъ и продолжали считаться „Зорянами"; къ нимъ присоединилось еще 3 человѣка.

Такимъ образомъ всѣхъ членовъ въ этомъ обществѣ, въ разныя времена, перебывало болѣе 44 человѣкъ.

Бумагъ послѣ общества не осталось никакихъ, кромѣ тетради съ извлеченіями изъ книги Хобанія.

Во главѣ общества стоялъ предсѣдатель Ляховичъ и два вице-предсѣдателя: въ Бѣлостокѣ—Борковскій, въ Свислочи — Кузминскій—сынъ уніятскаго священника. Потомъ совѣтники, слѣдившіе за успѣхами и поведеніемъ членовъ и доносившіе объ этомъ на засѣданіяхъ. Одинъ изъ совѣтниковъ былъ въ тоже время и казначеемъ.

Засѣданія отбывались ежемѣсячно въ 3 или 4 часа утра, въ самомъ удобномъ мѣстѣ,—по преимуществу въ Кальваріи, вблизи Косцела. На нихъ читались сочиненія членовъ, выслушивались отчеты совѣтниковъ и принимались новые члены. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; право голоса принадлежало каждому непро-

Высоцкій и Вронскій пожалованы были во вторую его степень. Здѣсь-то они и составили планъ соединить Бѣлостокскихъ и Свислочскихъ Зорянъ въ одно общество и включить его въ третью степень „военныхъ друзей". Вронскій назначенъ былъ начальникомъ этой степени, а Высоцкій парламентеромъ, какъ старый знакомый и недавній сотоварищъ. Снабженный деньгами онъ отправился въ Свислочь. По старой памяти, онъ обратился за содѣйствіемъ къ ученику Лобунскому, но безуспѣшно; Лобунскій не захотѣлъ вступать въ новое общество. Между тѣмъ узналъ о присутствіи соглядатая Ляховича; узналъ также и о томъ, что этотъ соглядатай и шляхтичъ, рекомендованный имъ, измѣнили его обществу и записались въ общество новое. Въ порывѣ неудовольствія, онъ приказалъ своему Бѣлостокскому намѣстнику — Борковскому исключить ихъ изъ числа членовъ, объявивши, что общество закрыто. Но Борковскій не только не послушался своего начальника, но даже сталъ въ явно враждебныя къ нему отношенія и перешелъ на сторону Высоцкаго и Вронскаго. Опять произошли смуты. Одни повѣрили завѣренію Ляховича, что общество закрыто и перестали быть его членами; другіе, впрочемъ въ ограниченномъ количествѣ—всего три человѣка, пристали къ обществу „военныхъ друзей"; но третьи, самые многочисленные, остались вѣрными Ляховичу. Общество уцѣлѣло, потерявши только нѣсколько членовъ, потомъ къ нему присоединилось вновь еще 3 человѣка.

По окончаніи гимназическаго курса 7 человѣкъ изъ этого общества поступили въ Виленскій университетъ и продолжали считаться „Зорянами"; къ нимъ присоединилось еще 3 человѣка.

Такимъ образомъ всѣхъ членовъ въ этомъ обществѣ, въ разныя времена, перебывало болѣе 44 человѣкъ.

Бумагъ послѣ общества не осталось никакихъ, кромѣ тетради съ извлеченіями изъ книги Хобанія.

Во главѣ общества стоялъ предсѣдатель Ляховичъ и два вицепредсѣдателя: въ Бѣлостокѣ—Борковскій, въ Свислочи — Кузминскій—сынъ уніятскаго священника. Потомъ совѣтники, слѣдившіе за успѣхами и поведеніемъ членовъ и доносившіе объ этомъ на засѣданіяхъ. Одинъ изъ совѣтниковъ былъ въ тоже время и казначеемъ.

Засѣданія отбывались ежемѣсячно въ 3 или 4 часа утра, въ самомъ удобномъ мѣстѣ,—по преимуществу въ Кальваріи, вблизи Косцела. На нихъ читались сочиненія членовъ, выслушивались отчеты совѣтниковъ и принимались новые члены. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; право голоса принадлежало каждому непро-

винившемуся члену. Провинившіеся же должны были или платить штрафъ въ 15 к. или же стоять внѣ общества во время засѣданій. За хорошіе поступки назначалась награда; такъ Голенькевичъ получилъ отъ Ляховича крестъ, а Вержбицкій — денежное пособіе. При желаніи исключить кого либо изъ членовъ, предсѣдатель объявлялъ, что общество закрывается.

Порядокъ поступленія въ общество былъ слѣдующій: всякій членъ, желавшій присоединить кого либо къ обществу, долженъ былъ предварительно съ нимъ познакомиться; потомъ заявить о своемъ желаніи обществу и, по полученіи его согласія, привести новопоступающаго на одно изъ засѣданій. Предсѣдатель приводилъ его къ слѣдующей присягѣ:

«Клянусь честію, что все приказанное тобою исполню свято и никому никогда не объявлю того, что ввѣришь ты мнѣ, почтенный братъ. Буду вести себя по даннымъ мнѣ тобою правиламъ, нимало не отступая отъ оныхъ. Половину суммы отдаю въ полное твое распоряженіе и признаю тебя, какъ основателя общества, навсегда начальникомъ онаго. Въ случаѣ же неисполненія въ чемъ нибудь сей клятвы, подвергаю себя такому наказанію, какого будетъ требовать общество [1]).

Послѣ этого читался ему уставъ и произносилась новая клятва въ исполненіи его правилъ. Затѣмъ новопринятый долженъ былъ по жребію получить себѣ какое нибудь имя, всегда извлеченное изъ книги Станислава Потоцкаго: „pochwala Polakow“. Имя это онъ долженъ былъ употреблять во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общества. Цѣль этого перекрещиванья была двоякая: патріотическая и въ видахъ безопасности.

Обязанности членовъ состояли въ слѣдующемъ: 1) исповѣдывать только одного Бога и любить всѣхъ людей; 2) повиноваться всякой законной власти, а въ обществѣ—одному Ляховичу, 3) не играть въ карты и не употреблять горячихъ напитковъ; 4) не принадлежать къ другимъ обществамъ и стараться объ ихъ уничтоженіи; 5) пріобрѣтать полезныя знанія; 6) надзирать за поведеніемъ товарищей и бѣднымъ изъ нихъ оказывать денежную помощь; 7) вносить ежемѣсячно въ Бѣлостокѣ одинъ злотый (15 к.), въ Свислочи 20 к., и 8) существованіе общества хранить въ тайнѣ и не имѣть у себя никакихъ, относящихся къ нему бумагъ.

Чтобы члены при встрѣчѣ могли узнать другъ друга, для этого установлено было привѣтствіе и эмблематическое кольцо. Привѣтствіе было такое:

---

[1]) См. тамъ же.

впавшемуся члену. Провинившіеся же должны были или платить штрафъ въ 15 к. или же стоять внѣ общества во время засѣданій. За хорошіе поступки назначалась награда; такъ Голенькевичъ получилъ отъ Ляховича крестъ, а Вержбицкій — денежное пособіе. При желаніи исключить кого либо изъ членовъ, предсѣдатель объявлялъ, что общество закрывается.

Порядокъ поступленія въ общество былъ слѣдующій: всякій членъ, желавшій присоединить кого либо къ обществу, долженъ былъ предварительно съ нимъ познакомиться; потомъ заявить о своемъ желаніи обществу и, по полученіи его согласія, привести новопоступающаго на одно изъ засѣданій. Предсѣдатель приводилъ его къ слѣдующей присягѣ:

«Клянусь честію, что все приказанное тобою исполню свято и никому никогда не объявлю того, что ввѣришь ты мнѣ, почтенный братъ. Буду вести себя по даннымъ мнѣ тобою правиламъ, нимало не отступая отъ оныхъ. Половину суммы отдаю въ полное твое распоряженіе и признаю тебя, какъ основателя общества, навсегда начальникомъ онаго. Въ случаѣ же неисполненія въ чемъ нибудь сей клятвы, подвергаю себя такому наказанію, какого будетъ требовать общество [1]).

Послѣ этого читался ему уставъ и произносилась новая клятва въ исполненіи его правилъ. Затѣмъ новопринятый долженъ былъ по жребію получить себѣ какое нибудь имя, всегда извлеченное изъ книги Станислава Потоцкаго: „pochwala Polakow“. Имя это онъ долженъ былъ употреблять во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общества. Цѣль этого перекрещиванья была двоякая: патріотическая и въ видахъ безопасности.

Обязанности членовъ состояли въ слѣдующемъ: 1) исповѣдывать только одного Бога и любить всѣхъ людей; 2) повиноваться всякой законной власти, а въ обществѣ—одному Ляховичу, 3) не играть въ карты и не употреблять горячихъ напитковъ; 4) не принадлежать къ другимъ обществамъ и стараться объ ихъ уничтоженіи; 5) пріобрѣтать полезныя знанія; 6) надзирать за поведеніемъ товарищей и бѣднымъ изъ нихъ оказывать денежную помощь; 7) взносить ежемѣсячно въ Бѣлостокѣ одинъ злотый (15 к.), въ Свислочи 20 к., и 8) существованіе общества хранить въ тайнѣ и не имѣть у себя никакихъ, относящихся къ нему бумагъ.

Чтобы члены при встрѣчѣ могли узнать другъ друга, для этого установлено было привѣтствіе и эмблематическое кольцо. Привѣтствіе было такое:

---

[1]) См. тамъ же.

„Кого бы ты желалъ видѣть въ эту минуту?

„Видѣть подобнаго себѣ".

Кольцо же сначала предположено было завести стальное, о восьми углахъ, съ изображеніемъ двухъ сложенныхъ рукъ и подписью:

„Ничто не въ состояніи удержать меня, когда ближній воззоветъ о помощи"; но потомъ оно было замѣнено *роговымъ* и съ другою надписью:

„Не узнаю судорогъ" (не дознамъ курчу).

Во время слѣдствія о „Зорянахъ" явился какой-то монахъ Францискапскаго ордена Форсевичъ и выдавая себя за члена этого общества, объявилъ коммиссіи, что онъ желаетъ открыть ей разныя тайны не только этого, но и другихъ обществъ ей неизвѣстныхъ; что онъ былъ въ Пруссіи, гдѣ также существуетъ множество обществъ, неизвѣстныхъ русскому правительству; что бумаги его, заключающія въ себѣ и конституцію 3 мая, разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Коммиссія препроводила его впредь до своего усмотрѣнія во Францискапскій монастырь. (!) Позванный, спустя нѣсколько дней, къ допросамъ, онъ не только не открылъ ей ни одной тайны, а прикинулся еще сумасшедшимъ. Трижды увѣщевала его коммиссія прійти въ разумъ и открыть ей обѣщанныя тайны; но не добилась успѣха. Форсевичъ отданъ былъ подъ надзоръ консисторіи, чтобы она взыскала съ него за такой предосудительный поступокъ... [1]).

Вотъ подробности о тайныхъ обществахъ, съ которыми мы считаемъ не безъинтереснымъ познакомить нашихъ читателей. Мы представили ихъ въ видѣ сыраго матеріала, безъ критической оцѣнки съ нашей стороны, частію потому, чтобы избѣжать попрековъ въ искаженіи истины, а частію потому, чтобы сохранить полнѣйшее безпристрастіе въ изложеніи тѣхъ фактовъ, истинность которыхъ засвидѣтельствована высшею правительственною властію. Теперь мы изложимъ правительственныя мѣропріятія.

IV.

Въ 1824 году, по Высочайшему повелѣнію, составленъ былъ комитетъ изъ графа Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцева, которому повелѣно было, разсмотрѣть дѣла по безпорядкамъ Виленскаго университета и изыскать мѣры къ устра-

[1]) См. тамъ же.

„Кого бы ты желалъ видѣть въ эту минуту?

„Видѣть подобнаго себѣ".

Кольцо же сначала предположено было завести стальное, о восьми углахъ, съ изображеніемъ двухъ сложенныхъ рукъ и подписью:

„Ничто не въ состояніи удержать меня, когда ближній воззоветъ о помощи"; но потомъ оно было замѣнено *роговымъ* и съ другою надписью:

„Не узнаю судорогъ" (не дознамъ курчу).

Во время слѣдствія о „Зорянахъ" явился какой-то монахъ Францискапскаго ордена Форсевичъ и выдавая себя за члена этого общества, объявилъ коммисіи, что онъ желаетъ открыть ей разныя тайны не только этого, но и другихъ обществъ ей неизвѣстныхъ; что онъ былъ въ Пруссіи, гдѣ также существуетъ множество обществъ, неизвѣстныхъ русскому правительству; что бумаги его, заключающія въ себѣ и конституцію 3 мая, разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Коммисія препроводила его впредь до своего усмотрѣнія во Францискапскій монастырь. (!) Позванный, спустя нѣсколько дней, къ допросамъ, онъ не только не открылъ ей ни одной тайны, а прикинулся еще сумасшедшимъ. Трижды увѣщевала его коммисія прійти въ разумъ и открыть ей обѣщанныя тайны; но не добилась успѣха. Форсевичъ отданъ былъ подъ надзоръ консисторіи, чтобы она взыскала съ него за такой предосудительный поступокъ... [1]).

Вотъ подробности о тайныхъ обществахъ, съ которыми мы считаемъ не безъинтереснымъ познакомить нашихъ читателей. Мы представили ихъ въ видѣ сыраго матеріала, безъ критической оцѣнки съ нашей стороны, частію потому, чтобы избѣжать попрековъ въ искаженіи истины, а частію потому, чтобы сохранить полнѣйшее безпристрастіе въ изложеніи тѣхъ фактовъ, истинность которыхъ засвидѣтельствована высшею правительственною властію. Теперь мы изложимъ правительственныя мѣропріятія.

IV.

Въ 1824 году, по Высочайшему повелѣнію, составленъ былъ комитетъ изъ графа Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцева, которому повелѣно было, разсмотрѣть дѣла по безпорядкамъ Виленскаго университета и изыскать мѣры къ устра-

[1]) См. тамъ же.

нію ихъ на будущее время. Самымъ дѣятельнымъ въ немъ членомъ былъ конечно Новосильцевъ, какъ человѣкъ непосредственно знакомый съ сущностію дѣла: посему и въ постановленіяхъ комитета выразились по преимуществу его личные взгляды и отношенія къ совершившимся явленіямъ, — тѣ самыя, которые сполна почти можно найти и въ его всеподданнѣйшемъ рапортѣ великому князю Константину Павловичу. По разсмотрѣніи безпорядковъ, возникшихъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, комитетъ издалъ двоякія постановленія: одни изъ нихъ заключали въ себѣ мѣры административно-учебныя для всѣхъ заведеній вообще; другія же— мѣры карательныя для лицъ, принимавшихъ участіе въ тайныхъ обществахъ, но не всѣхъ, потому что члены обществъ „черныхъ братьевъ“ и „Зорянъ“ подверглись наказанію по особымъ конфирмаціямъ великаго князя Константина Павловича. Постановленія эти были Высочайше утверждены 14 августа 1824 года.

Въ силу первыхъ введены были по округу слѣдующія мѣропріятія:

а) *По части административной.*

1) Для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возымѣла противодѣйствующая университетскому начальству партія, удалить отъ должности ординарныхъ профессоровъ: Лелевеля (въ Царство Польское), Даниловича (во внутреннія губерніи), Бобровскаго (подъ надзоръ полиціи) и Голуховскаго за изданную имъ за границею книгу антиправительственнаго содержанія (въ свое отечество); 2) попечителю Виленскаго учебнаго округа жить въ Вильнѣ и ежегодно посѣщать университетъ; 3) установить круговую отвѣтственность учителей за каждый ихъ проступокъ и 4) усилить полицейскій надзоръ за анти-правительственными книгами, привозимыми изъ-за границы.

б) *По части учебной:*

1) Исключить изъ числа предметовъ гимназическаго курса—право естественное и политическія науки и усилить уроки языковъ—латинскаго, греческаго и русскаго; 2) уменьшить число уроковъ по риторикѣ и поэзіи; 3) университету составить перечень темъ для классныхъ ученическихъ упражненій; и 4) не употреблять, въ видѣ учебниковъ, книгъ, изгнанныхъ изъ употребленія проф. Пеликаномъ и разсмотрѣть всѣ вообще учебники.

нію ихъ на будущее время. Самымъ дѣятельнымъ въ немъ членомъ, былъ конечно Новосильцевъ, какъ человѣкъ непосредственно знакомый съ сущностію дѣла: посему и въ постановленіяхъ комитета выразились по преимуществу его личные взгляды и отношенія къ совершившимся явленіямъ, — тѣ самыя, которые сполна почти можно найти и въ его всеподданнѣйшемъ рапортѣ великому князю Константину Павловичу. По разсмотрѣніи безпорядковъ, возникшихъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, комитетъ издалъ двоякія постановленія: одни изъ нихъ заключали въ себѣ мѣры административно-учебныя для всѣхъ заведеній вообще; другія же— мѣры карательныя для лицъ, принимавшихъ участіе въ тайныхъ обществахъ, но не всѣхъ, потому что члены обществъ „черныхъ братьевъ“ и „Зорянъ“ подверглись наказанію по особымъ конфирмаціямъ великаго князя Константина Павловича. Постановленія эти были Высочайше утверждены 14 августа 1824 года.

Въ силу первыхъ введены были по округу слѣдующія мѣропріятія:

а) *По части административной.*

1) Для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возымѣла противодѣйствующая университетскому начальству партія, удалить отъ должности ординарныхъ профессоровъ: Лелевеля (въ Царство Польское), Даниловича (во внутреннія губерніи), Бобровскаго (подъ надзоръ полиціи) и Голуховскаго за изданную имъ за границею книгу антиправительственнаго содержанія (въ свое отечество); 2) попечителю Виленскаго учебнаго округа жить въ Вильнѣ и ежегодно посѣщать университетъ; 3) установить круговую отвѣтственность учителей за каждый ихъ проступокъ и 4) усилить полицейскій надзоръ за анти-правительственными книгами, привозимыми изъ-за границы.

б) *По части учебной:*

1) Исключить изъ числа предметовъ гимназическаго курса—право естественное и политическія науки и усилить уроки языковъ—латинскаго, греческаго и русскаго; 2) уменьшить число уроковъ по риторикѣ и поэзіи; 3) университету составить перечень темъ для классныхъ ученическихъ упражненій; и 4) не употреблять, въ видѣ учебниковъ, книгъ, изгнанныхъ изъ употребленія проф. Пеликаномъ и разсмотрѣть всѣ вообще учебники.

в) *По части воспитательнаго надзора:*

1) Вмѣсто двухъ надзирателей назначить четырехъ младшихъ и одного старшаго или инспектора; 2) списокъ всѣхъ учащихся отсылать въ полицію; 3) постановить новыя правила, которыя бы вмѣняли инспектирующимъ — утверждать и сохранять въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій, чтобы учащіеся вели жизнь богобоязненную и не занимались самоуправствомъ; чтобы они почитали университетское и всякое другое начальство; чтобы студенты посѣщали лекціи, всегда ходили въ мундирахъ и не вступали ни въ какія тайныя общества; чтобы безъ дозволенія ректора не отлучались ни за городъ, ни на общественныя гулянья; чтобы не читали и у себя не имѣли никакихъ книгъ, противныхъ вѣрѣ и системѣ русскаго правительства; 4) подавать ежедневные рапорты объ отсутствующихъ ученикахъ и о происшествіяхъ и 5) гувернеровъ, менторовъ и другихъ домашнихъ наставниковъ—пока избирать университету подъ его прямою отвѣтственностію [1]).

Въ силу вторыхъ постановленій, не всѣ, а только слѣдующія лица участвовавшія въ тайныхъ обществахъ, подверглись слѣдующему наказанію:

1. Филареты (въ томъ числѣ и променисты и филоматы). Во внутреннія губерніи: 1) Томашъ Зонъ — въ крѣпость на одинъ годъ; 2) Янъ Чечотъ—въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ; 3) Адамъ Сузинъ—тоже; 4) Иванъ Яниовскій — тоже. 5) Францъ Молевскій и 6) Адамъ Мицкевичъ—поступили въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. 7) Николай Козловскій уч.; 8) Осипъ Ежовскій уч. Подъ строгій надзоръ полиціи: 9) Кипріянъ Дошкевичъ; 10) Иванъ Михалевичъ; 11) Пв. Лукашевичъ; 12) Пв. Криницкій; 13) Федоръ Лозинскій; 14) Иванъ Гейдатель; 15) Пв. Соболевскій; 16) Онуфрій Петрошкевичъ; 17) Викентій Будревичъ. 18) Осипъ Ковалевскій, 19) Феликсъ Колоковскій, 20) Иванъ Верниковскій—поступили въ Казанскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ, по собственному желанію. 21) Матвѣй Бродовичъ и 22) Колосантій Львовичъ—оба профессора Полоцкой академіи на всегда отрѣшены отъ должности и отданы подъ надзоръ монастырскій.

Со всѣхъ же остальныхъ повелѣно взыскать издержки, затраченныя по судопроизводству [2]).

---

[1]) См. Дѣло о комитетѣ Высочайше утвержденномъ по безпорядкамъ Виленскаго университета.

[2]) См. Дѣло о комитетѣ Высочайше утвержденномъ по безпорядкамъ Виленскаго университета.

в) *По части воспитательнаго надзора:*

1) Вмѣсто двухъ надзирателей назначить четырехъ младшихъ и одного старшаго или инспектора; 2) списокъ всѣхъ учащихся отсылать въ полицію; 3) постановить новыя правила, которыя бы вмѣняли инспектирующимъ — утверждать и сохранять въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій, чтобы учащіеся вели жизнь богобоязненную и не занимались самоуправствомъ; чтобы они почитали университетское и всякое другое начальство; чтобы студенты посѣщали лекціи, всегда ходили въ мундирахъ и не вступали ни въ какія тайныя общества; чтобы безъ дозволенія ректора не отлучались ни за городъ, ни на общественныя гулянья; чтобы не читали и у себя не имѣли никакихъ книгъ, противныхъ вѣрѣ и системѣ русскаго правительства; 4) подавать ежедневные рапорты объ отсутствующихъ ученикахъ и о происшествіяхъ и 5) гувернеровъ, менторовъ и другихъ домашнихъ наставниковъ—пока избирать университету подъ его прямою отвѣтственностію [1]).

Въ силу вторыхъ постановленій, не всѣ, а только слѣдующія лица участвовавшія въ тайныхъ обществахъ, подверглись слѣдующему наказанію:

1. Филареты (въ томъ числѣ и променисты и филоматы). Во внутреннія губерніи: 1) Томашъ Зонъ — въ крѣпость на одинъ годъ; 2) Янъ Чечотъ—въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ; 3) Адамъ Сузинъ—тоже; 4) Иванъ Яниковскій — тоже. 5) Францъ Молевскій и 6) Адамъ Мицкевичъ—поступили въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. 7) Николай Козловскій уч.; 8) Осипъ Ежовскій уч. Подъ строгій надзоръ полиціи: 9) Кипріянъ Дошкевичъ; 10) Иванъ Михалевичъ; 11) Пв. Лукашевичъ; 12) Пв. Криницкій; 13) Федоръ Лозинскій; 14) Иванъ Гейдатель; 15) Пв. Соболевскій; 16) Онуфрій Петрошкевичъ; 17) Викентій Будревичъ. 18) Осипъ Ковалевскій, 19) Феликсъ Колоковскій, 20) Иванъ Верниковскій—поступили въ Казанскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ, по собственному желанію. 21) Матвѣй Бродовичъ и 22) Колосантій Львовичъ—оба профессора Полоцкой академіи на всегда отрѣшены отъ должности и отданы подъ надзоръ монастырскій.

Со всѣхъ же остальныхъ повелѣно взыскать издержки, затраченныя по судопроизводству [2]).

---

[1]) См. Дѣло о комитетѣ Высочайше утвержденномъ по безпорядкамъ Виленскаго университета.

[2]) См. Дѣло о комитетѣ Высочайше утвержденномъ по безпорядкамъ Виленскаго университета.

2. Общества „Науковаго“ и „Моральнаго“. Основателямъ обществъ: Діонисію Шлоевскому и Якову Абрамовичу вмѣнить въ наказаніе арестъ и лишить службы по министерству народнаго просвѣщенія; съ остальныхъ же взыскать издержки, затраченныя по судопроизводству [2]).

3. Общества „черныхъ братьевъ“ по конфирмаціи его высочества отъ 28 февраля 1824 г.

а) Основателя общества: 1) Яичевскаго и члена 2) Зеленевича,— на 10 лѣтъ въ казематы, а потомъ въ рядовые безъ выслуги на Оренбургскую линію; если же окажутся неспособными, то въ Сибирь на поселеніе; б) 3) Виткевича, 4) Песлака, 5) Ивашкевича и 6) Сухоцкаго — на Оренбургскую линію въ солдаты безъ выслуги. Всѣхъ лишить дворянскаго достоинства и со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

7) Учителя Пашкевича — на два года въ Бобруйскъ, а потомъ освободить [2]).

4. Общество „Зорянъ“, тоже по конфирмаціи его высочества.

а) 1) Ляховича, 2) Барковскаго и 3) Яневича — въ крѣпость, перваго—на 6 мѣс., вторыхъ—на 4 мѣс., а потомъ въ рядовые на Кавказъ съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

б) 4) Кузминскаго, 5) Чеховскаго, 6) Левоневскаго, 7) Броницевскаго и 8) Лещинскаго — во 2-ю армію въ рядовые съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

в) 9) Штабсъ-капитана Сперскаго, 10) землемѣра Окенчица, 11) аптекарскаго гезеля Чайковскаго и 12) уч., Гувальдта — въ крѣпость, первыхъ трехъ—на 4 мѣс., послѣдняго—на 6 мѣс.

г) 13) Виріона, 14) Коренщкаго, 15) Шумовича, 16) Голенькевича, 17) Гриневича, 18) Фризе, 19) Шлегеля, 20) Александровича, 21) Велевейскаго, 22) Моровскаго, 23) Ольшевскаго и 24) Лобунскаго—подъ строжайшій надзоръ начальства или полиціи.

д) 25) Унтеръ-офицера Зеленскаго, 26) портупей-прапорщика Скульскаго и дворянскаго полка дворянъ: 27) Соколовскаго и 28) Веверовскаго—въ отдѣльный литовскій корпусъ унтеръ-офицеромъ, подъ строгій надзоръ начальства, съ производствомъ въ офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

е) 29) Актера Косовскаго, 30) Цѣхоновскаго, 31) Гельтмана,

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) См. Дѣло о пасквильныхъ стихахъ въ м. Крожахъ.

2. Общества „Науковаго“ и „Моральнаго“. Основателямъ обществъ: Діонисію Шлоевскому и Якову Абрамовичу вмѣнить въ наказаніе арестъ и лишить службы по министерству народнаго просвѣщенія; съ остальныхъ же взыскать издержки, затраченныя по судопроизводству [2]).

3. Общества „черныхъ братьевъ“ по конфирмаціи его высочества отъ 28 февраля 1824 г.

а) Основателя общества: 1) Яичевскаго и члена 2) Зеленевича,— на 10 лѣтъ въ казематы, а потомъ въ рядовые безъ выслуги на Оренбургскую линію; если же окажутся неспособными, то въ Сибирь на поселеніе; б) 3) Виткевича, 4) Песлака, 5) Ивашкевича и 6) Сухоцкаго — на Оренбургскую линію въ солдаты безъ выслуги. Всѣхъ лишить дворянскаго достоинства и со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

7) Учителя Пашкевича — на два года въ Бобруйскъ, а потомъ освободить [2]).

4. Общество „Зорянъ“, тоже по конфирмаціи его высочества.

а) 1) Ляховича, 2) Барковскаго и 3) Яневича — въ крѣпость, перваго—на 6 мѣс., вторыхъ—на 4 мѣс., а потомъ въ рядовые на Кавказъ съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

б) 4) Кузминскаго, 5) Чеховскаго, 6) Левоневскаго, 7) Бронишевскаго и 8) Лещинскаго — во 2-ю армію въ рядовые съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

в) 9) Штабсъ-капитана Сперскаго, 10) землемѣра Окенчица, 11) аптекарскаго гезеля Чайковскаго и 12) уч., Гувальдта — въ крѣпость, первыхъ трехъ—на 4 мѣс., послѣдняго—на 6 мѣс.

г) 13) Виріона, 14) Коренщкаго, 15) Шумовича, 16) Голенькевича, 17) Гриневича, 18) Фризе, 19) Шлегеля, 20) Александровича, 21) Велевейскаго, 22) Моровскаго, 23) Ольшевскаго и 24) Лобунскаго—подъ строжайшій надзоръ начальства или полиціи.

д) 25) Унтеръ-офицера Зеленскаго, 26) портупей-прапорщика Скульскаго и дворянскаго полка дворянъ: 27) Соколовскаго и 28) Веверовскаго—въ отдѣльный литовскій корпусъ унтеръ-офицеромъ, подъ строгій надзоръ начальства, съ производствомъ въ офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

е) 29) Актера Косовскаго, 30) Цѣхоновскаго, 31) Гельтмана,

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) См. Дѣло о пасквильныхъ стихахъ въ м. Крожахъ.

32) Загурскаго, 33) Ордынскаго, 34) Булгоровскаго, 35) Кузминскаго, 36) Гловацкаго, 37) Богурскаго, 38) 39) двухъ Суходольскихъ, 40) Яцко, 41) Купаховича, 42) Стровинскаго, 43) Залѣскаго, 44) Райпальда, 45) Эйсымонта и 46) Орду — подъ надзоръ начальства или полиціи [1]).

Со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

Такая же точно участь постигла и Попевѣжскихъ и Кейданскихъ составителей памфлетовъ [2]).

Эта видимая неравномѣрность наказаній за одни и тѣже преступленія произошла главнымъ образомъ вслѣдствіе особаго ходатайства Новосильцева, по дѣламъ пяти тайныхъ обществъ, о степени виновности которыхъ, а равно и о мѣрѣ взысканій съ членовъ оныхъ, онъ подавалъ свое личное мнѣніе. Такъ въ заключеніи своего всеподданнѣйшаго рапорта, онъ между прочимъ высказалъ слѣдующее:

„Законы, какъ россійскіе, такъ и литовскіе, опредѣляющіе наказанія за вышеозначенныя преступленія столь ясны, что предавъ суду оказавшихся на слѣдствіи виновными въ тѣхъ преступленіяхъ, нельзя не предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя должны ихъ постигнуть. Значительная часть молодыхъ людей, оказавшихъ весьма хорошіе успѣхи въ наукахъ должны бы пасть жертвою предъ строгостію законовъ. Непреклонность права или законовъ, опредѣляющихъ наказаніе за преступленія безъ различія источника оныхъ, могло бы многимъ изъ сихъ молодыхъ людей поставить вѣчную преграду загладить когда либо свою вину и быть еще полезными государству, когда помраченіе ума и ложныя мечтанія, возникшія отъ стеченія содѣйствовавшихъ тому обстоятельствъ, начнутъ уступать опытности и основательнымъ разсужденіямъ. Сверхъ сего не можно также не положить на вѣсы правосудія той горести, которая бы поразила и того воина, которымъ наполнились-бы дома многочисленныхъ семействъ, ежели бы они увидѣли надежду, возложенную ими на дѣтей своихъ въ самомъ цвѣтѣ своемъ уже погибшею: тогда какъ та надежда, основывалась на полной довѣренности къ университетскому начальству въ образованіи ума и сердца тѣхъ юношей, казалась быть достаточно оправданною.

„Съ другой стороны, входя въ духъ кроткаго и человѣколюбиваго правленія всеавгустѣйшаго монарха нашего, котораго всѣ блаженствующіе подъ его скипетромъ народы благословляютъ, и зная, сколь тѣсно сопря-

---

[1]) См. Дѣло о „Зорянахъ".

[2]) См. Дѣло подъ такимъ же названіемъ. 1824 г.

32) Загурскаго, 33) Ордынскаго, 34) Булгоровскаго, 35) Кузминскаго, 36) Гловацкаго, 37) Богурскаго, 38) 39) двухъ Суходольскихъ, 40) Яцко, 41) Купаховича, 42) Стровинскаго, 43) Залѣскаго, 44) Райпальда, 45) Эйсымонта и 46) Орду — подъ надзоръ начальства или полиціи [1]).

Со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

Такая же точно участь постигла и Попевѣжскихъ и Кейданскихъ составителей памфлетовъ [2]).

Эта видимая неравномѣрность наказаній за одни и тѣже преступленія произошла главнымъ образомъ вслѣдствіе особаго ходатайства Новосильцева, по дѣламъ пяти тайныхъ обществъ, о степени виновности которыхъ, а равно и о мѣрѣ взысканій съ членовъ оныхъ, онъ подавалъ свое личное мнѣніе. Такъ въ заключеніи своего всеподданнѣйшаго рапорта, онъ между прочимъ высказалъ слѣдующее:

„Законы, какъ россійскіе, такъ и литовскіе, опредѣляющіе наказанія за вышеозначенныя преступленія столь ясны, что предавъ суду оказавшихся на слѣдствіи виновными въ тѣхъ преступленіяхъ, нельзя не предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя должны ихъ постигнуть. Значительная часть молодыхъ людей, оказавшихъ весьма хорошіе успѣхи въ наукахъ должны бы пасть жертвою предъ строгостію законовъ. Непреклонность права или законовъ, опредѣляющихъ наказаніе за преступленія безъ различія источника оныхъ, могло бы многимъ изъ сихъ молодыхъ людей поставить вѣчную преграду загладить когда либо свою вину и быть еще полезными государству, когда помраченіе ума и ложныя мечтанія, возникшія отъ стеченія содѣйствовавшихъ тому обстоятельствъ, начнутъ уступать опытности и основательнымъ разсужденіямъ. Сверхъ сего не можно также не положить на вѣсы правосудія той горести, которая бы поразила и того воина, которымъ наполнились-бы дома многочисленныхъ семействъ, ежели бы они увидѣли надежду, возложенную ими на дѣтей своихъ въ самомъ цвѣтѣ своемъ уже погибшею: тогда какъ та надежда, основывалась на полной довѣренности къ университетскому начальству въ образованіи ума и сердца тѣхъ юношей, казалась быть достаточно оправданною.

„Съ другой стороны, входя въ духъ кроткаго и человѣколюбиваго правленія всеавгустѣйшаго монарха нашего, котораго всѣ блаженствующіе подъ его скипетромъ народы благословляютъ, и зная, сколь тѣсно сопря-

---

[1]) См. Дѣло о „Зорянахъ".

[2]) См. Дѣло подъ такимъ же названіемъ. 1824 г.

жены съ сердцемъ Вашего Императорскаго Высочества, чувствованія строгой справедливости съ чувствованіями милосердія, которое не жертвы требуетъ, но исправленія, я не обинуюсь пасть къ стопамъ вашимъ и слезно просить, чтобы высокимъ предстательствомъ вашимъ у престола, вмѣсто строгаго суда надъ виновными употреблены были мѣры къ исправленію ихъ и къ отвращенію настоящаго и будущаго зла, отеческія мѣры, которыя ибо правительственныя по учебному вѣдомству, большею частію состоятъ въ распоряженіи самаго министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

„Не осмѣлился бы я обратиться къ одной чувствительности Вашего Императорскаго Высочества, для преклоненія оной къ испрашиваемому мною милосердію, если бы я не былъ убѣжденъ въ совѣсти моей, чрезъ долговременное изслѣдованіе, что вина преступниковъ возросла до той степени, въ которой она оказывается изъ слѣдствія, и такъ называемый духъ времени распространился столь далеко въ училищахъ виленскаго округа единственно отъ нерадѣнія и послабленія вышняго университетскаго начальства и отъ устраненія себя мѣстными полицейскими властями отъ наблюденія за непозволенными дѣйствіями и предпріятіями со стороны учениковъ, равно какъ и отъ неупотребленія съ своей стороны нужныхъ мѣръ къ пресѣченію первыхъ къ тому поползновеній, о чемъ если благоугодно будетъ Вашему Императорскому Высочеству, я буду имѣть счастіе представить особое донесеніе“ [1]).

Предоставляя самимъ читателямъ судить о степени основательности весьма гуманныхъ отношеній Новосильцева къ подсудимымъ, мы обратимъ ихъ вниманіе на мѣры, предложенныя имъ комитету и высочайше утвержденныя 14 августа 1824 года, которыя, по его мнѣнію, долженствовали пресѣчь зло въ учебныхъ заведеніяхъ на будущее время.

При самомъ бѣгломъ сличеніи ихъ съ совершившимися фактами, ясно видно, что они были внушены Новосильцеву не столько сознательнымъ преслѣдованіемъ, въ смыслѣ національномъ, русскихъ государственныхъ цѣлей, враждебно сталкивавшихся съ цѣлями польскими, сколько серьезнымъ желаніемъ серьезно противодѣйствовать злу разныхъ школьныхъ безпорядковъ, безъ строгаго соотношенія послѣднихъ къ ихъ вредоносному источнику. Причина такого ошибочнаго отношенія къ дѣлу заключалась въ его ошибочномъ взглядѣ на сѣверо-западный край, который онъ почему-то считалъ польскими губерніями и не переставалъ считать таковыми и въ

1) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева—заключеніе.

жены съ сердцемъ Вашего Императорскаго Высочества, чувствованія строгой справедливости съ чувствованіями милосердія, которое не жертвы требуетъ, но исправленія, я не обинуюсь пасть къ стопамъ вашимъ и слезно просить, чтобы высокимъ предстательствомъ вашимъ у престола, вмѣсто строгаго суда надъ виновными употреблены были мѣры къ исправленію ихъ и къ отвращенію настоящаго и будущаго зла, отеческія мѣры, которыя ибо правительственныя по учебному вѣдомству, большею частію состоятъ въ распоряженіи самаго министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

„Не осмѣлился бы я обратиться къ одной чувствительности Вашего Императорскаго Высочества, для преклоненія оной къ испрашиваемому мною милосердію, если бы я не былъ убѣжденъ въ совѣсти моей, чрезъ долговременное изслѣдованіе, что вина преступниковъ возросла до той степени, въ которой она оказывается изъ слѣдствія, и такъ называемый духъ времени распространился столь далеко въ училищахъ виленскаго округа единственно отъ нерадѣнія и послабленія вышняго университетскаго начальства и отъ устраненія себя мѣстными полицейскими властями отъ наблюденія за непозволенными дѣйствіями и предпріятіями со стороны учениковъ, равно какъ и отъ неупотребленія съ своей стороны нужныхъ мѣръ къ пресѣченію первыхъ къ тому поползновеній, о чемъ если благоугодно будетъ Вашему Императорскому Высочеству, я буду имѣть счастіе представить особое донесеніе“ [1]).

Предоставляя самимъ читателямъ судить о степени основательности весьма гуманныхъ отношеній Новосильцева къ подсудимымъ, мы обратимъ ихъ вниманіе на мѣры, предложенныя имъ комитету и высочайше утвержденныя 14 августа 1824 года, которыя, по его мнѣнію, долженствовали пресѣчь зло въ учебныхъ заведеніяхъ на будущее время.

При самомъ бѣгломъ сличеніи ихъ съ совершившимися фактами, ясно видно, что они были внушены Новосильцеву не столько сознательнымъ преслѣдованіемъ, въ смыслѣ національномъ, русскихъ государственныхъ цѣлей, враждебно сталкивавшихся съ цѣлями польскими, сколько серьезнымъ желаніемъ серьезно противодѣйствовать злу разныхъ школьныхъ безпорядковъ, безъ строгаго соотношенія послѣднихъ къ ихъ вредоносному источнику. Причина такого ошибочнаго отношенія къ дѣлу заключалась въ его ошибочномъ взглядѣ на сѣверо-западный край, который онъ почему-то считалъ польскими губерніями и не переставалъ считать таковыми и въ

1) См. всеподданнѣйшій рапортъ Новосильцева—заключеніе.

позднѣйшую пору, когда на мѣсто Чарторыйскаго назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Посему, ясно сознавая враждебное Россіи настроеніе умовъ въ школахъ — въ духѣ чисто польскомъ и удаляя по этой причинѣ изъ университета профессоровъ; зная, что такое же враждебное настроеніе господствуетъ не только въ царствѣ польскомъ, но и въ Германіи въ видѣ тайныхъ обществъ, носившихъ названіе „Поленій“ [1]); сознавая также, что „если нельзя допустить существованія status in statu, то тѣмъ болѣе — patriae in patria“, Повосильцевъ, подъ вліяніемъ своего ошибочнаго взгляда, смотрѣлъ на польскіе безпорядки въ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края, какъ на преступленія противъ правительства въ отвлеченномъ смыслѣ и объяснялъ ихъ не порожденіемъ стремившейся къ господству въ русскомъ краѣ польской идеи, а порожденіемъ, такъ называемаго, господствующаго духа времени и нерадѣніемъ училищнаго начальства. Другими словами: Повосильцевъ страдалъ отсутствіемъ правильнаго взгляда на дѣло русскаго государственнаго человѣка, вслѣдствіе чего и мѣры его оказались неудовлетворительными и не достигли желанныхъ результатовъ: сдерживая внѣшнія проявленія зла, онѣ мало искореняли его причины и еще менѣе давали преобладанія началамъ русскимъ, единственно прочнымъ и надежнымъ его противодѣйствіямъ. Но такова была уже въ то время сила тьмы и мглы польскихъ дѣлъ, пущенныхъ въ ходъ и поддерживаемыхъ политикой кн. Чарторыйскаго.

Обольщенный внѣшнимъ видомъ спокойствія, водворившагося въ школахъ на самое короткое время, не столько впрочемъ вслѣдствіе новыхъ мѣръ, сколько вслѣдствіе страха впереди грядущаго закона, Повосильцевъ окончательно убѣдился въ ихъ цѣлесообразности и непреложности, и, когда притихшія польскія волненія и страсти смѣкнули, что дѣло далеко еще не проиграно, и стали опять всплывать на поверхность, то онъ жаловался на нихъ, какъ на вліяніе общественной среды, совершенно забывая, что эта же среда учитъ и учится въ школахъ по такимъ же учебникамъ, какъ и прежде и въ такомъ же духѣ. Этого мало. Онъ даже не хотѣлъ признать неоспоримаго значенія за тѣми реформами, которыя предлагалъ бѣлорусскій генералъ-губернаторъ кн. Хованскій, и которымъ суждено было осуществиться только въ недавнемъ прошломъ, спустя 40 съ лишнимъ лѣтъ послѣ ихъ появленія въ свѣтъ. Таковы были

[1]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Повосильцева; извѣщеніе русскаго посланника при берлинскомъ дворѣ.

позднѣйшую пору, когда на мѣсто Чарторыйскаго назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Посему, ясно сознавая враждебное Россіи настроеніе умовъ въ школахъ — въ духѣ чисто польскомъ и удаляя по этой причинѣ изъ университета профессоровъ; зная, что такое же враждебное настроеніе господствуетъ не только въ царствѣ польскомъ, но и въ Германіи въ видѣ тайныхъ обществъ, носившихъ названіе „Поленій“ [1]); сознавая также, что „если нельзя допустить существованія status in statu, то тѣмъ болѣе — patriae in patria“, Повосильцевъ, подъ вліяніемъ своего ошибочнаго взгляда, смотрѣлъ на польскіе безпорядки въ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края, какъ на преступленія противъ правительства въ отвлеченномъ смыслѣ и объяснялъ ихъ не порожденіемъ стремившейся къ господству въ русскомъ краѣ польской идеи, а порожденіемъ, такъ называемаго, господствующаго духа времени и нерадѣніемъ училищнаго начальства. Другими словами: Повосильцевъ страдалъ отсутствіемъ правильнаго взгляда на дѣло русскаго государственнаго человѣка, вслѣдствіе чего и мѣры его оказались неудовлетворительными и не достигли желанныхъ результатовъ: сдерживая внѣшнія проявленія зла, онѣ мало искореняли его причины и еще менѣе давали преобладанія началамъ русскимъ, единственно прочнымъ и надежнымъ его противодѣйствіямъ. Но такова была уже въ то время сила тьмы и мглы польскихъ дѣлъ, пущенныхъ въ ходъ и поддерживаемыхъ политикой кн. Чарторыйскаго.

Обольщенный внѣшнимъ видомъ спокойствія, водворившагося въ школахъ на самое короткое время, не столько впрочемъ вслѣдствіе новыхъ мѣръ, сколько вслѣдствіе страха впереди грядущаго закона, Повосильцевъ окончательно убѣдился въ ихъ цѣлесообразности и непреложности, и, когда притихшія польскія волненія и страсти смѣкнули, что дѣло далеко еще не проиграно, и стали опять всплывать на поверхность, то онъ жаловался на нихъ, какъ на вліяніе общественной среды, совершенно забывая, что эта же среда учитъ и учится въ школахъ по такимъ же учебникамъ, какъ и прежде и въ такомъ же духѣ. Этого мало. Онъ даже не хотѣлъ признать неоспоримаго значенія за тѣми реформами, которыя предлагалъ бѣлорусскій генералъ-губернаторъ кн. Хованскій, и которымъ суждено было осуществиться только въ недавнемъ прошломъ, спустя 40 съ лишнимъ лѣтъ послѣ ихъ появленія въ свѣтъ. Таковы были

[1]) См. всеподданнѣйшій рапортъ Повосильцева; извѣщеніе русскаго посланника при берлинскомъ дворѣ.

существенные недостатки мѣръ, предложенныхъ Новосильцевымъ,— тѣ самые, которыхъ не въ силахъ былъ восполнить—ни его личное усердіе, ни неусыпная и даже суровая дѣятельность единомышленныхъ съ нимъ его помощниковъ.

Мѣры предлагавшіяся кн. Хованскимъ были слѣдующія: 1) Существующую въ школахъ систему преподаванія наукъ, обратить въ чисто русскую систему, по примѣру Кіевской губерніи; для чего, отдѣливъ бѣлорусскія гимназіи отъ виленскаго учебнаго округа подчинить московскому или с.-петербургскому университету; 2) постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы всѣ предметы преподавать на русскомъ языкѣ; 3) на основаніи уставовъ, изданныхъ для сихъ университетовъ, губернскимъ гимназіямъ подчинить всѣ прочія училища сихъ губерній, въ коихъ юношество обучается для свѣтской жизни; 4) по примѣру с.-петербургской гимназіи учредить содержаніе нѣсколькихъ молодыхъ людей на казенномъ иждивеніи, заведя при сихъ институтахъ пансіоны и полупансіоны; 5) снабдить каждую гимназію хорошими библіотеками, коихъ нынѣ не имѣется и доставить всѣ необходимо нужныя пособія, какъ для наукъ, такъ и для словесности, особенно русской; 6) для закона Божія назначить трехъ законоучителей, господствующихъ въ Бѣлоруссіи трехъ религій: русской, римско-католической и уніятской; 7) постановить правиломъ, чтобы учащіеся не вступали въ гражданскую службу, не окончивши гимназическаго курса и безъ свидѣтельства въ хорошихъ успѣхахъ по русской словесности; 8) наставниковъ, особенно же директоровъ гимназій присылать изъ коренныхъ русскихъ, совершенно знающихъ тѣ предметы, которые они обязываются преподавать юношеству и отличнаго поведенія, дабы достоинствами своими могли пріобрѣсть довѣренность разнороднаго общества сего края и 9) придать при гимназіяхъ ученыя общества, кои принесли бы здѣсь большую пользу, ибо разныхъ системъ ученые люди, собираясь на оныя вмѣстѣ для совѣщанія о предметахъ просвѣщенія, могутъ получить единство мнѣній на пользу общественную.

Изо всѣхъ этихъ мѣръ принята была только одна, — отдѣленіе бѣлорусскихъ губерній отъ виленскаго учебнаго округа, и то благодаря личной волѣ Государя Императора, который, соглашаясь со строгостію и осмотрительностію мѣръ Новосильцева, не могъ однако же согласиться съ ошибочнымъ его взглядомъ, что бѣлорусскія губерніи—губерніи польскія, и что образованіе въ нихъ должно совершаться въ духѣ польскомъ. Главнѣйшей помѣхой ихъ осуществленію былъ Новосильцевъ, не дружелюбно смотрѣвшій на нихъ

существенные недостатки мѣръ, предложенныхъ Новосильцевымъ,— тѣ самые, которыхъ не въ силахъ были восполнить—ни его личное усердіе, ни неусыпная и даже суровая дѣятельность единомышленныхъ съ нимъ его помощниковъ.

Мѣры предлагавшіяся кн. Хованскимъ были слѣдующія: 1) Существующую въ школахъ систему преподаванія наукъ, обратить въ чисто русскую систему, по примѣру Кіевской губерніи; для чего, отдѣливъ бѣлорусскія гимназіи отъ виленскаго учебнаго округа подчинить московскому или с.-петербургскому университету; 2) постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы всѣ предметы преподавать на русскомъ языкѣ; 3) на основаніи уставовъ, изданныхъ для сихъ университетовъ, губернскимъ гимназіямъ подчинить всѣ прочія училища сихъ губерній, въ коихъ юношество обучается для свѣтской жизни; 4) по примѣру с.-петербургской гимназіи учредить содержаніе нѣсколькихъ молодыхъ людей на казенномъ иждивеніи, заведя при сихъ институтахъ пансіоны и полупансіоны; 5) снабдить каждую гимназію хорошими библіотеками, коихъ нынѣ не имѣется и доставить всѣ необходимо нужныя пособія, какъ для наукъ, такъ и для словесности, особенно русской; 6) для закона Божія назначить трехъ законоучителей, господствующихъ въ Бѣлоруссіи трехъ религій: русской, римско-католической и уніятской; 7) постановить правиломъ, чтобы учащіеся не вступали въ гражданскую службу, не окончивши гимназическаго курса и безъ свидѣтельства въ хорошихъ успѣхахъ по русской словесности; 8) наставниковъ, особенно же директоровъ гимназій присылать изъ коренныхъ русскихъ, совершенно знающихъ тѣ предметы, которые они обязываются преподавать юношеству и отличнаго поведенія, дабы достоинствами своими могли пріобрѣсть довѣренность разнороднаго общества сего края и 9) придать при гимназіяхъ ученыя общества, кои принесли бы здѣсь большую пользу, ибо разныхъ системъ ученые люди, собираясь на оныя вмѣстѣ для совѣщанія о предметахъ просвѣщенія, могутъ получить единство мнѣній на пользу общественную.

Изо всѣхъ этихъ мѣръ принята была только одна, — отдѣленіе бѣлорусскихъ губерній отъ виленскаго учебнаго округа, и то благодаря личной волѣ Государя Императора, который, соглашаясь со строгостію и осмотрительностію мѣръ Новосильцева, не могъ однако же согласиться съ ошибочнымъ его взглядомъ, что бѣлорусскія губерніи—губерніи польскія, и что образованіе въ нихъ должно совершаться въ духѣ польскомъ. Главнѣйшей помѣхой ихъ осуществленію былъ Новосильцевъ, не дружелюбно смотрѣвшій на нихъ

даже и тогда, когда бѣлорусскія губерніи были уже присоединены къ с.-петербургскому учебному округу. Въ такомъ духѣ высказался онъ въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія, по случаю разныхъ безпорядковъ въ высшемъ полоцкомъ піарскомъ училищѣ.

„Юношество бѣлорусскихъ губерній, по происхожденію своему, правамъ обычаямъ и языку гораздо ближе къ здѣшнему, чѣмъ къ коренному россійскому, и воспитаніе онаго должно быть устроено тѣмъ же порядкомъ, какъ и здѣшняго. Не должно также полагать, что бѣлорусскіе жители гораздо менѣе сохранили духа польскаго національизма; многія обстоятельства могли бы доказать тому противное.

„Для достиженія правительству той цѣли, дабы всѣхъ жителей, пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерній, содѣлать совершенно себѣ преданными и вѣрными, не должно ни въ чемъ полагать между ними разницы, начиная съ самаго воспитанія юношества, какъ основанія всего благоустройства. Только постепенными мѣрами и не сильно дѣйствующими средствами можно произвести желанную перемѣну, такъ, чтобы она была прочна».

«По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, осмѣливаюсь я полагать, что возвращеніе Бѣлорусскихъ губерній, а также и Кіевской — по прежнему Виленскому учебному округу было бы величайшимъ для нихъ благодѣяніемъ, а равномѣрно принесло бы пользу правительству, которое въ непродолжительномъ времени увидѣло бы въ оныхъ тотъ самый порядокъ и устройство, какіе уже видны въ училищахъ, составляющихъ нынѣ Виленскій учебный округъ...» [1]).

Въ такомъ пріятномъ самообольщеніи и заблужденіи находился новый ректоръ университета, прозванный поляками: „людей и наукъ тираномъ,“ а вмѣстѣ съ нимъ и Новосильцевъ.

V.

Извѣстія о постановленіяхъ комитета стали ходить въ Вильнѣ гораздо раньше полученія ихъ самихъ на мѣстѣ. Они были приняты какъ университетомъ, такъ и обществомъ различно: одни считали ихъ очень снисходительными, другіе же напротивъ крайне суровыми; были и такіе, которые не стѣснялись, протесто-

[1]) См. Дѣло о пасквильныхъ стихахъ, найденныхъ въ высшемъ полоцкомъ училищѣ 1826 г. Рапортъ ректора Пеликана Новосильцеву и Новосильцева министру.

даже и тогда, когда бѣлорусскія губерніи были уже присоединены къ с.-петербургскому учебному округу. Въ такомъ духѣ высказался онъ въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія, по случаю разныхъ безпорядковъ въ высшемъ полоцкомъ піарскомъ училищѣ.

„Юношество бѣлорусскихъ губерній, по происхожденію своему, правамъ обычаямъ и языку гораздо ближе къ здѣшнему, чѣмъ къ коренному россійскому, и воспитаніе онаго должно быть устроено тѣмъ же порядкомъ, какъ и здѣшняго. Не должно также полагать, что бѣлорусскіе жители гораздо менѣе сохранили духа польскаго національизма; многія обстоятельства могли бы доказать тому противное.

„Для достиженія правительству той цѣли, дабы всѣхъ жителей, пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерній, содѣлать совершенно себѣ преданными и вѣрными, не должно ни въ чемъ полагать между ними разницы, начиная съ самаго воспитанія юношества, какъ основанія всего благоустройства. Только постепенными мѣрами и не сильно дѣйствующими средствами можно произвести желанную перемѣну, такъ, чтобы она была прочна».

«По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, осмѣливаюсь я полагать, что возвращеніе Бѣлорусскихъ губерній, а также и Кіевской — по прежнему Виленскому учебному округу было бы величайшимъ для нихъ благодѣяніемъ, а равномѣрно принесло бы пользу правительству, которое въ непродолжительномъ времени увидѣло бы въ оныхъ тотъ самый порядокъ и устройство, какіе уже видны въ училищахъ, составляющихъ нынѣ Виленскій учебный округъ...» [1]).

Въ такомъ пріятномъ самообольщеніи и заблужденіи находился новый ректоръ университета, прозванный поляками: „людей и наукъ тираномъ,“ а вмѣстѣ съ нимъ и Новосильцевъ.

V.

Извѣстія о постановленіяхъ комитета стали ходить въ Вильнѣ гораздо раньше полученія ихъ самихъ на мѣстѣ. Они были приняты какъ университетомъ, такъ и обществомъ различно: одни считали ихъ очень снисходительными, другіе же напротивъ крайне суровыми; были и такіе, которые не стѣснялись, протесто-

---

[1]) См. Дѣло о пасквильныхъ стихахъ, найденныхъ въ высшемъ полоцкомъ училищѣ 1826 г. Рапортъ ректора Пеликана Новосильцеву и Новосильцева министру.

вать противъ нихъ явнымъ сочувствіемъ и соболѣзнованіями невиннымъ страдальцамъ.

«Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дамъ,» доносилъ Новосильцеву отъ 24 сентября полиціймейстеръ Шлыковъ, а преимущественно г-жи Горецкая Косцялковская и вдова генерала польскихъ войскъ — Понговская занимаются собираніемъ денегъ въ пользу удаляющихся студентовъ. Складки сіи дѣлаются на вечерахъ, бывающихъ у Горецкой.

«Молодые люди въ публичныхъ мѣстахъ сдѣлались весьма тихими, скромными и болѣе вѣжливыми.

«Ходятъ слухи, будто въ самомъ университетѣ происходятъ раздоры— какіе?.. достовѣрно не знаю.

«Профессоръ Лелевель на сихъ дняхъ возвратился изъ Варшавы и съ большимъ огорченіемъ принялъ встрѣтившую его новость. Профессоръ Глуховскій еще не возвращался изъ Кракова; профессоры—Даниловичъ и Бобровскій весьма чувствуютъ потерю своихъ мѣстъ. Послѣдній намѣревается ѣхать въ Петербургъ [1]).

Для болѣе успѣшнаго осуществленія новыхъ постановленій, попечителемъ учеб. округа назначенъ былъ Новосильцевъ, а ректоромъ — самый дѣятельный изъ его профессоровъ—Венцеславъ Пеликанъ. Дѣятельность закипѣла. Распущенное юношество, почувствовавши надъ собой давленіе сверху нѣсколько угомонилось; но увы! спокойствію этому суждено было продолжаться лишь самое короткое время. При ближайшемъ знакомствѣ съ этими реформами, предводителямъ полонизма сдѣлалось ясно, что онѣ не только не опасны для польской справы, но даже недостаточно сильны, чтобы, при польскихъ начальникахъ и наставникахъ юношества, сдерживать внѣшнія ея проявленія. По мѣрѣ того какъ онѣ приводились въ исполненіе, по прежнему стали появляться и прежніе безпорядки, сначала въ видѣ неудовольствій, глухо выходившихъ изъ стѣнъ университета, а потомъ въ видѣ памфлетовъ, появлявшихся въ разныхъ школахъ. На тѣ и на другія Новосильцевъ смотрѣлъ, какъ на естественныя проявленія затаенной злобы, направленной исключительно противъ его личности за разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ, — думалъ, что современемъ все это исчезнетъ и продолжалъ свое дѣло, время отъ времени очищая учебныя заведенія отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ, насколько они заявляли себя

---

[1]) См. Дѣло о комитетѣ Высоч. утвержд. по безпорядкамъ Вил. университета.

вать противъ нихъ явнымъ сочувствіемъ и соболѣзнованіями невиннымъ страдальцамъ.

«Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дамъ,» доносилъ Новосильцеву отъ 24 сентября полиціймейстеръ Шлыковъ, а преимущественно г-жи Горецкая Косцялковская и вдова генерала польскихъ войскъ — Понговская занимаются собираніемъ денегъ въ пользу удаляющихся студентовъ. Складки сіи дѣлаются на вечерахъ, бывающихъ у Горецкой.

«Молодые люди въ публичныхъ мѣстахъ сдѣлались весьма тихими, скромными и болѣе вѣжливыми.

«Ходятъ слухи, будто въ самомъ университетѣ происходятъ раздоры— какіе?.. достовѣрно не знаю.

«Профессоръ Лелевель на сихъ дняхъ возвратился изъ Варшавы и съ большимъ огорченіемъ принялъ встрѣтившую его новость. Профессоръ Глуховскій еще не возвращался изъ Кракова; профессоры—Даниловичъ и Бобровскій весьма чувствуютъ потерю своихъ мѣстъ. Послѣдній намѣревается ѣхать въ Петербургъ [1]).

Для болѣе успѣшнаго осуществленія новыхъ постановленій, попечителемъ учеб. округа назначенъ былъ Новосильцевъ, а ректоромъ — самый дѣятельный изъ его профессоровъ—Венцеславъ Пеликанъ. Дѣятельность закипѣла. Распущенное юношество, почувствовавши надъ собой давленіе сверху нѣсколько угомонилось; но увы! спокойствію этому суждено было продолжаться лишь самое короткое время. При ближайшемъ знакомствѣ съ этими реформами, предводителямъ полонизма сдѣлалось ясно, что онѣ не только не опасны для польской справы, но даже недостаточно сильны, чтобы, при польскихъ начальникахъ и наставникахъ юношества, сдерживать внѣшнія ея проявленія. По мѣрѣ того какъ онѣ приводились въ исполненіе, по прежнему стали появляться и прежніе безпорядки, сначала въ видѣ неудовольствій, глухо выходившихъ изъ стѣнъ университета, а потомъ въ видѣ памфлетовъ, появлявшихся въ разныхъ школахъ. На тѣ и на другія Новосильцевъ смотрѣлъ, какъ на естественныя проявленія затаенной злобы, направленной исключительно противъ его личности за разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ, — думалъ, что современемъ все это исчезнетъ и продолжалъ свое дѣло, время отъ времени очищая учебныя заведенія отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ, насколько они заявляли себя

---

[1]) См. Дѣло о комитетѣ Высоч. утвержд. по безпорядкамъ Вил. университета.

таковыми своими преступными дѣйствіями. Тѣмъ съ большей энергіей слѣдилъ онъ за успѣхами осуществленія своихъ мѣръ въ школахъ, что на него были обращены глаза и вниманіе высшаго правительства.

Въ ноябрѣ того же 1824 года [1]) Новосильцевъ, при письмѣ барона Дибича, получилъ изъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества для свѣдѣнія и объясненія, слѣдующее увѣдомленіе:

1. Извѣстный бунтъ, происходившій въ г. Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя остановленъ, однако до основанія не истребленъ, ибо при всемъ стараніи сенатора Новосильцева, употребленный имъ для изслѣдованія сего происшествія Шукевичъ есть явный покровитель всякаго безпокойства и нарушитель присяги своему Государю. Доказательствомъ сему служитъ то, что г. Шукевичъ, бывъ до нашествія непріятеля въ предѣлы Россіи президентомъ департамента главнаго гродненскаго суда, награжденный знаками отличія св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й степени, какъ только показался Наполеонъ съ войсками своими въ Вильнѣ, забылъ благодѣянія своего Государя, вступилъ въ службу Наполеона и находился въ его гвардіи до самаго окончанія французской войны. При томъ же онъ совершенно преданъ картежной игрѣ и конечно не могъ быть безпристрастнымъ къ интересу въ такомъ дѣлѣ, гдѣ по данному ему полномочію, имѣлъ всю возможность выставлять предъ начальствомъ виновными только тѣхъ, отъ кого ничѣмъ не могъ воспользоваться. А потому злѣйшіе умыслители сего буйственнаго происшествія могли быть имъ сокрыты.

2. Вопреки Высочайшему указу, запрещающему самомалѣйшее покушеніе къ какимъ бы то ни было тайнымъ обществамъ, находятся оныя въ Вильнѣ и другихъ уѣздныхъ городахъ и производятъ свои собранія безпрекословно и не только не приходятъ въ упадокъ, напротивъ время отъ времени еще усиливаются [2]).

---

[1]) Въ статьѣ нашей нѣкот. свѣд. о бывшемъ университетѣ въ Вильнѣ, по ошибкѣ напечатано 24-го августа 1824 года; оно написано отъ 21-го ноября.

[2]) Въ 3-мъ пунктѣ этого доноса говорится, что помѣщики укрываютъ крестьянъ, при составленіи ревизскихъ сказокъ разными средствами, а въ 4-мъ, что крестьяне, вслѣдствіе злоупотребленій мѣстныхъ властей за деньги добываютъ себѣ свидѣтельства на дворянское достоинство и остаются свободными отъ всякихъ повинностей. См. Дѣло объ адъюнктѣ Виленскаго университета Контримѣ, письмо Дибича отъ 21-го ноября 1824 года съ приложеніемъ.

таковыми своими преступными дѣйствіями. Тѣмъ съ большей энергіей слѣдилъ онъ за успѣхами осуществленія своихъ мѣръ въ школахъ, что на него были обращены глаза и вниманіе высшаго правительства.

Въ ноябрѣ того же 1824 года [1]) Новосильцевъ, при письмѣ барона Дибича, получилъ изъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества для свѣдѣнія и объясненія, слѣдующее увѣдомленіе:

1. Извѣстный бунтъ, происходившій въ г. Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя остановленъ, однако до основанія не истребленъ, ибо при всемъ стараніи сенатора Новосильцева, употребленный имъ для изслѣдованія сего происшествія Шукевичъ есть явный покровитель всякаго безпокойства и нарушитель присяги своему Государю. Доказательствомъ сему служитъ то, что г. Шукевичъ, бывъ до нашествія непріятеля въ предѣлы Россіи президентомъ департамента главнаго гродненскаго суда, награжденный знаками отличія св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й степени, какъ только показался Наполеонъ съ войсками своими въ Вильнѣ, забылъ благодѣянія своего Государя, вступилъ въ службу Наполеона и находился въ его гвардіи до самаго окончанія французской войны. При томъ же онъ совершенно преданъ картежной игрѣ и конечно не могъ быть безпристрастнымъ къ интересу въ такомъ дѣлѣ, гдѣ по данному ему полномочію, имѣлъ всю возможность выставлять предъ начальствомъ виновными только тѣхъ, отъ кого ничѣмъ не могъ воспользоваться. А потому злѣйшіе умыслители сего буйственнаго происшествія могли быть имъ сокрыты.

2. Вопреки Высочайшему указу, запрещающему самомалѣйшее покушеніе къ какимъ бы то ни было тайнымъ обществамъ, находятся оныя въ Вильнѣ и другихъ уѣздныхъ городахъ и производятъ свои собранія безпрекословно и не только не приходятъ въ упадокъ, напротивъ время отъ времени еще усиливаются [2]).

---

[1]) Въ статьѣ нашей нѣкот. свѣд. о бывшемъ университетѣ въ Вильнѣ, по ошибкѣ напечатано 24-го августа 1824 года; оно написано отъ 21-го ноября.

[2]) Въ 3-мъ пунктѣ этого доноса говорится, что помѣщики укрываютъ крестьянъ, при составленіи ревизскихъ сказокъ разными средствами, а въ 4-мъ, что крестьяне, вслѣдствіе злоупотребленій мѣстныхъ властей за деньги добываютъ себѣ свидѣтельства на дворянское достоинство и остаются свободными отъ всякихъ повинностей. См. Дѣло объ адъюнктѣ Виленскаго университета Контримѣ, письмо Дибича отъ 21-го ноября 1824 года съ приложеніемъ.

Негодуя на несправедливость доноса въ одномъ его показаніи, что слѣдствіе по дѣламъ тайныхъ обществъ производилъ не Шукевичъ, а особая коммиссія, Новосильцевъ такъ или иначе, но соглашается съ нимъ во всемъ остальномъ, т. е. что дурной духъ до основанія не истребленъ, что слѣдствіе произведено поспѣшно и не вполнѣ удовлетворительно и что поэтому онъ продолжаетъ его и по настоящее время.

Въ объяснительной запискѣ по сему дѣлу — Цесаревичу, отъ 29 декабря того же года, Новосильцевъ говорилъ между прочимъ слѣдующее:

«Что производимое мной слѣдствіе о случившихся въ Вильнѣ между студентами безпорядкахъ не достигло своей цѣли, явно, что извѣстный бунтъ происходившій въ г. Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя остановленъ мною, но до основанія не истребленъ, то никто оспаривать не будетъ, если только подъ словомъ бунтъ разумѣется дурной духъ, вселившійся въ обучающемся въ училищахъ Вил. учебнаго округа юношествѣ и безпорядки отъ того происходящіе... Достигнуть разомъ своей цѣли въ дѣлѣ столько трудномъ, многосложномъ и основанномъ на ложныхъ превратныхъ ученіяхъ, продолжавшемся въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, или истребить также всѣ вредныя впечатлѣнія и дѣйствія, которыя таковое ученіе, или умышленное направленіе умовъ къ возмутительному духу, могло произвести надъ обучающимися, есть, по мнѣнію моему предпріятіемъ сколько превосходящимъ силы и средства человѣческія, столько и противнымъ самимъ законамъ природы, по которымъ никакія сложныя перемѣны не производятся скачками, но постепенно.

«Быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, что не всѣ члены филаретскаго общества были открыты слѣдственною коммиссіей и что между тѣми, на которыхъ не было показано, могли остаться столь же вредные, какъ и дѣйствительно оказавшіеся таковыми по слѣдствію и высланные по той причинѣ изъ польскихъ губерній; но нѣтъ на то другаго средства, какъ при наблюденіи строгаго порядка, обращать вниманіе на поступки учащихъ и учащихся и очищать училища по мѣрѣ того, какъ кто нибудь изъ нихъ повлечетъ за собой основательное подозрѣніе. На тѣхъ правилахъ и высланы изъ университета четыре профессора, хотя на нихъ и не было показано, чтобы они принадлежали къ сему обществу. Послѣдствія обнаружили, что мѣра сія была не только справедливою, но и необходимо нужною, ибо она произвела уже ощутительную пользу. Въ такомъ точно положеніи находится Контримъ адъюнктъ университета и библіотекарскій помощникъ. Подъ скромнымъ званіемъ адъюнкта, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ

Негодуя на несправедливость доноса въ одномъ его показаніи, что слѣдствіе по дѣламъ тайныхъ обществъ производилъ не Шукевичъ, а особая коммиссія, Новосильцевъ такъ или иначе, но соглашается съ нимъ во всемъ остальномъ, т. е. что дурной духъ до основанія не истребленъ, что слѣдствіе произведено поспѣшно и не вполнѣ удовлетворительно и что поэтому онъ продолжаетъ его и по настоящее время.

Въ объяснительной запискѣ по сему дѣлу — Цесаревичу, отъ 29 декабря того же года, Новосильцевъ говорилъ между прочимъ слѣдующее:

«Что производимое мной слѣдствіе о случившихся въ Вильнѣ между студентами безпорядкахъ не достигло своей цѣли, явно, что извѣстный бунтъ происходившій въ г. Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя остановленъ мною, но до основанія не истребленъ, то никто оспаривать не будетъ, если только подъ словомъ бунтъ разумѣется дурной духъ, вселившійся въ обучающемся въ училищахъ Вил. учебнаго округа юношествѣ и безпорядки отъ того происходящіе... Достигнуть разомъ своей цѣли въ дѣлѣ столько трудномъ, многосложномъ и основанномъ на ложныхъ превратныхъ ученіяхъ, продолжавшемся въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, или истребить также всѣ вредныя впечатлѣнія и дѣйствія, которыя таковое ученіе, или умышленное направленіе умовъ къ возмутительному духу, могло произвести надъ обучающимися, есть, по мнѣнію моему предпріятіемъ сколько превосходящимъ силы и средства человѣческія, столько и противнымъ самимъ законамъ природы, по которымъ никакія сложныя перемѣны не производятся скачками, но постепенно.

«Быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, что не всѣ члены филаретскаго общества были открыты слѣдственною коммиссіей и что между тѣми, на которыхъ не было показано, могли остаться столь же вредные, какъ и дѣйствительно оказавшіеся таковыми по слѣдствію и высланные по той причинѣ изъ польскихъ губерній; но нѣтъ на то другаго средства, какъ при наблюденіи строгаго порядка, обращать вниманіе на поступки учащихъ и учащихся и очищать училища по мѣрѣ того, какъ кто нибудь изъ нихъ повлечетъ за собой основательное подозрѣніе. На тѣхъ правилахъ и высланы изъ университета четыре профессора, хотя на нихъ и не было показано, чтобы они принадлежали къ сему обществу. Послѣдствія обнаружили, что мѣра сія была не только справедливою, но и необходимо нужною, ибо она произвела уже ощутительную пользу. Въ такомъ точно положеніи находится Контримъ адъюнктъ университета и библіотекарскій помощникъ. Подъ скромнымъ званіемъ адъюнкта, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ

долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ, какъ университетомъ, такъ можно сказать и мнѣніемъ большей части здѣшней публики. Всѣ сіи собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ только по возвращеніи моемъ нынѣ въ Вильну. Возобновленное въ мой теперешній пріѣздъ надъ нимъ слѣдствіе, утвердило его еще болѣе въ томъ мнѣніи, что съ назначеніемъ меня въ кураторы, вся надежда продолжать коварные замыслы исчезла и онъ рѣшился подать просьбу объ увольненіи отъ службы, которая и препровождена мной министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. За симъ остается мнѣ только желать, чтобы утвержденіе сей отставки не замедлилось, а Ваше Императорское Высочество просить, дабы по полученіи оной ему воспрещенъ былъ въѣздъ въ Вильну [1]).

Кромѣ сихъ лицъ не мало есть еще и учителей и учениковъ, которые, со вступленіемъ моимъ въ должность, были удалены отъ мѣстъ и выключены изъ вѣдомства университета по той причинѣ, что исправленія отъ нихъ никакого ожидать было нельзя.

«Списокъ филаретовъ имѣется въ виду съ тѣмъ, чтобы никого изъ нихъ не назначать на учительскія мѣста [2])»...

Такимъ образомъ, кромѣ мѣръ Высочайше утвержденныхъ, Новосильцеву понадобились еще и другія, заключавшіяся въ постоянной очисткѣ учебныхъ заведеній отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ и въ болѣе строгомъ пріемѣ кандидатовъ на учительскія мѣста. Мѣры эти были ему разрѣшены. Но такъ какъ Новосильцевъ не перемѣнялъ своего взгляда на дѣло и польскіе безпорядки продолжалъ считать безпорядками господствующаго духа времени,

---

[1]) По полученіи отставки Контриму приказано было оставить Вильну. Въ подпискѣ, взятой съ него по сему случаю, онъ просилъ остаться въ Вильнѣ до тѣхъ поръ, пока больной братъ его—каѳедральный прелатъ или не умретъ, или не выздоровѣетъ окончательно. Отвѣтъ онъ получилъ подтверждающій прежнее приказаніе Цесаревича. Контримъ уѣхалъ сначала въ имѣніе Пусловскаго, отстоящее на 3 версты отъ города и продолжалъ съ нимъ свои сношенія; Новосильцевъ выжилъ его отсюда. Онъ уѣхалъ въ другое имѣніе за 7 вер. отъ города и продолжалъ съ нимъ прежнія сношенія; Новосильцевъ выжилъ его и отсюда. Наконецъ Контримъ уѣхалъ въ имѣніе Шестакишки Завилейскаго уѣзда и отсюда былъ вызванъ въ 1830 г. въ Варшаву министромъ польск. финансовъ кн. Любовецкимъ для изданія и редактированія «Коммерческаго Вѣстника» съ жалованьемъ въ 6000 пол. злот.,—вызванъ былъ къ самому мятежу.

[2]) См. Дѣло объ Адъюнктѣ Контримѣ.

долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ, какъ университетомъ, такъ можно сказать и мнѣніемъ большей части здѣшней публики. Всѣ сіи собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ только по возвращеніи моемъ нынѣ въ Вильну. Возобновленное въ мой теперешній пріѣздъ надъ нимъ слѣдствіе, утвердило его еще болѣе въ томъ мнѣніи, что съ назначеніемъ меня въ кураторы, вся надежда продолжать коварные замыслы исчезла и онъ рѣшился подать просьбу объ увольненіи отъ службы, которая и препровождена мной министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. За симъ остается мнѣ только желать, чтобы утвержденіе сей отставки не замедлилось, а Ваше Императорское Высочество просить, дабы по полученіи оной ему воспрещенъ былъ въѣздъ въ Вильну [1]).

Кромѣ сихъ лицъ не мало есть еще и учителей и учениковъ, которые, со вступленіемъ моимъ въ должность, были удалены отъ мѣстъ и выключены изъ вѣдомства университета по той причинѣ, что исправленія отъ нихъ никакого ожидать было нельзя.

«Списокъ филаретовъ имѣется въ виду съ тѣмъ, чтобы никого изъ нихъ не назначать на учительскія мѣста [2])»...

Такимъ образомъ, кромѣ мѣръ Высочайше утвержденныхъ, Новосильцеву понадобились еще и другія, заключавшіяся въ постоянной очисткѣ учебныхъ заведеній отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ и въ болѣе строгомъ пріемѣ кандидатовъ на учительскія мѣста. Мѣры эти были ему разрѣшены. Но такъ какъ Новосильцевъ не перемѣнялъ своего взгляда на дѣло и польскіе безпорядки продолжалъ считать безпорядками господствующаго духа времени,

---

[1]) По полученіи отставки Контриму приказано было оставить Вильну. Въ подпискѣ, взятой съ него по сему случаю, онъ просилъ остаться въ Вильнѣ до тѣхъ поръ, пока больной братъ его—каѳедральный прелатъ или не умретъ, или не выздоровѣетъ окончательно. Отвѣтъ онъ получилъ подтверждающій прежнее приказаніе Цесаревича. Контримъ уѣхалъ сначала въ имѣніе Пусловскаго, отстоящее на 3 версты отъ города и продолжалъ съ нимъ свои сношенія; Новосильцевъ выжилъ его отсюда. Онъ уѣхалъ въ другое имѣніе за 7 вер. отъ города и продолжалъ съ нимъ прежнія сношенія; Новосильцевъ выжилъ его и отсюда. Наконецъ Контримъ уѣхалъ въ имѣніе Шестакишки Завилейскаго уѣзда и отсюда былъ вызванъ въ 1830 г. въ Варшаву министромъ польск. финансовъ кн. Любовецкимъ для изданія и редактированія «Коммерческаго Вѣстника» съ жалованьемъ въ 6000 пол. злот.,—вызванъ былъ къ самому мятежу.

[2]) См. Дѣло объ Адъюнктѣ Контримѣ.

то вмѣсто однихъ подозрительныхъ назначалъ другихъ, оказывавшихся такими же подозрительными какъ и первые: устроилъ безконечное qui pro quo.

Въ слѣдующемъ 1825 году между „филаретами“ началась оживленная переписка, а вмѣстѣ съ ней начались и прежнія волненія въ университетѣ. 4-го октября ректоръ университета вошелъ къ Новосильцеву съ рапортомъ, что между студентами опять начинаетъ проявляться прежній духъ вольнодумства и представилъ ему въ подлинникѣ слѣдующіе стихи:

„Настанетъ конецъ тиранамъ!
„Творецъ держитъ судьбу ихъ на вѣсахъ.
„Блеснетъ нежданно громовая стрѣла.
„И величіе твое превратитъ въ развалины.

По изслѣдованіямъ оказалось, что стихи эти составлены были двумя доказанными и однимъ недоказаннымъ филаретомъ. Донося объ этомъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Новосильцевъ писалъ между прочимъ:

«Ректоръ находитъ необходимымъ, дабы какъ сіи студенты, такъ и другіе, къ университетскому обществу не принадлежащіе «филареты» и проживающіе въ Вильнѣ безъ всякаго дѣла, были удалены изъ сего города, а въ особенности Петръ Держковъ, человѣкъ превратныхъ правилъ и врагъ заведеннаго устройства и повиновенія между студентами, который проживая въ Вильнѣ безъ дѣла и безъ должности, совращаетъ вновь прибывающихъ для наукъ молодыхъ людей, а по слухамъ собираетъ даже деньги и посылаетъ ихъ другимъ филаретамъ.

«Ободренный духъ между «филаретами» происходитъ отъ того, что высланные изъ университета «филареты,» пишутъ къ нимъ изъ Петербурга, яко бы они въ министерствѣ народнаго просвѣщенія хорошо приняты и даже снискали себѣ покровительство, чему я вовсе не вѣрю.

«Сверхъ того ревностнѣйшій покровитель сего общества, извѣстный мнѣ по дѣламъ слѣдственной коммиссіи, дворянинъ Ходзько, получивъ нынѣ при министерствѣ финансовъ какое-то важное порученіе, вошелъ въ довѣренность у своего начальства и обнаруживаетъ покровительство своимъ товарищамъ...

«Сей Ходзько, коего три сына были въ обществѣ «филаретовъ» былъ посланъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Зономъ, главнымъ основателемъ общества «филаретовъ», состоявшимъ при

то вмѣсто однихъ подозрительныхъ назначалъ другихъ, оказывавшихся такими же подозрительными какъ и первые: устроилъ безконечное qui pro quo.

Въ слѣдующемъ 1825 году между „филаретами“ началась оживленная переписка, а вмѣстѣ съ ней начались и прежнія волненія въ университетѣ. 4-го октября ректоръ университета вошелъ къ Новосильцеву съ рапортомъ, что между студентами опять начинаетъ проявляться прежній духъ вольнодумства и представилъ ему въ подлинникѣ слѣдующіе стихи:

„Настанетъ конецъ тиранамъ!
„Творецъ держитъ судьбу ихъ на вѣсахъ.
„Блеснетъ нежданно громовая стрѣла.
„И величіе твое превратитъ въ развалины.

По изслѣдованіямъ оказалось, что стихи эти составлены были двумя доказанными и однимъ недоказаннымъ филаретомъ. Донося объ этомъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Новосильцевъ писалъ между прочимъ:

«Ректоръ находитъ необходимымъ, дабы какъ сіи студенты, такъ и другіе, къ университетскому обществу не принадлежащіе «филареты» и проживающіе въ Вильнѣ безъ всякаго дѣла, были удалены изъ сего города, а въ особенности Петръ Держковъ, человѣкъ превратныхъ правилъ и врагъ заведеннаго устройства и повиновенія между студентами, который проживая въ Вильнѣ безъ дѣла и безъ должности, совращаетъ вновь прибывающихъ для наукъ молодыхъ людей, а по слухамъ собираетъ даже деньги и посылаетъ ихъ другимъ филаретамъ.

«Ободренный духъ между «филаретами» происходитъ отъ того, что высланные изъ университета «филареты,» пишутъ къ нимъ изъ Петербурга, яко бы они въ министерствѣ народнаго просвѣщенія хорошо приняты и даже снискали себѣ покровительство, чему я вовсе не вѣрю.

«Сверхъ того ревностнѣйшій покровитель сего общества, извѣстный мнѣ по дѣламъ слѣдственной коммиссіи, дворянинъ Ходзько, получивъ нынѣ при министерствѣ финансовъ какое-то важное порученіе, вошелъ въ довѣренность у своего начальства и обнаруживаетъ покровительство своимъ товарищамъ...

«Сей Ходзько, коего три сына были въ обществѣ «филаретовъ» былъ посланъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Зономъ, главнымъ основателемъ общества «филаретовъ», состоявшимъ при

немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества, не только между учениками, но даже и между учителями.»

Возвращаясь къ прежнему факту Повосильцевъ заключаетъ: „хотя по обстоятельствамъ видно, что корень онаго еще существуетъ, но его *искать уже должно не въ училищныхъ заведеніяхъ*“...

Но спустя нѣсколько дней онъ долженъ былъ убѣдиться, что корень онаго существуетъ и въ училищныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ декабря того же года онъ получилъ извѣстіе о существованіи свислочскихъ и Бѣлостокскихъ „зорянъ,“ входившихъ отчасти въ третью степень общества „военныхъ друзей“. Въ слѣдующемъ же году т. е. 1826-мъ, долженъ былъ выслушать длинный докладъ о безпорядкахъ существовавшихъ и существующихъ въ мозырскомъ повѣтовомъ училищѣ и другой — о безпорядкахъ, совершающихся въ стѣнахъ университета и т. д. пока наконецъ все дѣло не разрѣшилось мятежомъ 1831 года, въ которомъ непослѣднюю роль играли и училищныя заведенія. Съ такимъ успѣхомъ осуществлялись мѣры Повосильцева подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ!—Отсюда ясно видно, что зло, посѣянное Чарторыйскимъ въ краѣ и въ школахъ было слишкомъ велико и коренилось въ нихъ слишкомъ глубоко, чтобы его могли прекратить какія нибудь внѣшнія, чисто репрессивныя средства, осуществлявшіяся при томъ лицами, нерѣдко враждебно на нихъ смотрѣвшими. Тутъ нужны были другія мѣры и для осуществленія ихъ другія лица, — мѣры, вытекающія изъ сознательныхъ отношеній русской государственной жизни и къ своему родному краю и къ гнѣздящемуся въ немъ врагу, и лица—русскія. Ни наше правительство, ни наше общество не дѣло ни тѣхъ, ни другихъ: порядокъ вещей сохранился прежній. Отсюда произошло то, что и послѣ мятежа 1831 года, не смотря на закрытіе университета, разрозненные элементы полонизма оказались на столько сильными, что сейчасъ же придали учебнымъ заведеніямъ ихъ прежній характеръ.

С. ШОЛКОВИЧЪ.

Вильна, 18 сентября 1870 года.

немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества, не только между учениками, но даже и между учителями.»

Возвращаясь къ прежнему факту Повосильцевъ заключаетъ: „хотя по обстоятельствамъ видно, что корень онаго еще существуетъ, но его *искать уже должно не въ училищныхъ заведеніяхъ*“...

Но спустя нѣсколько дней онъ долженъ былъ убѣдиться, что корень онаго существуетъ и въ училищныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ декабря того же года онъ получилъ извѣстіе о существованіи свислочскихъ и Бѣлостокскихъ „зорянъ,“ входившихъ отчасти въ третью степень общества „военныхъ друзей“. Въ слѣдующемъ же году т. е. 1826-мъ, долженъ былъ выслушать длинный докладъ о безпорядкахъ существовавшихъ и существующихъ въ мозырскомъ повѣтовомъ училищѣ и другой — о безпорядкахъ, совершающихся въ стѣнахъ университета и т. д. пока наконецъ все дѣло не разрѣшилось мятежомъ 1831 года, въ которомъ непослѣднюю роль играли и училищныя заведенія. Съ такимъ успѣхомъ осуществлялись мѣры Повосильцева подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ!—Отсюда ясно видно, что зло, посѣянное Чарторыйскимъ въ краѣ и въ школахъ было слишкомъ велико и коренилось въ нихъ слишкомъ глубоко, чтобы его могли прекратить какія нибудь внѣшнія, чисто репрессивныя средства, осуществлявшіяся при томъ лицами, нерѣдко враждебно на нихъ смотрѣвшими. Тутъ нужны были другія мѣры и для осуществленія ихъ другія лица, — мѣры, вытекающія изъ сознательныхъ отношеній русской государственной жизни и къ своему родному краю и къ гнѣздящемуся въ немъ врагу, и лица—русскія. Ни наше правительство, ни наше общество не дѣло ни тѣхъ, ни другихъ: порядокъ вещей сохранился прежній. Отсюда произошло то, что и послѣ мятежа 1831 года, не смотря на закрытіе университета, разрозненные элементы полонизма оказались на столько сильными, что сейчасъ же придали учебнымъ заведеніямъ ихъ прежній характеръ.

С. ШОЛКОВИЧЪ.

Вильна, 18 сентября 1870 года.

СМЕРТЬ ГРАФА КАПОДИСТРІИ [1]).

Въ Русскомъ Архивѣ 1869 года помѣщена статья объ убіеніи президента Греціи, графа Ивана Антоновича Каподистріа, составленная бывшимъ полковникомъ русской службы А. Н. Райкохъ, служившимъ въ Греціи, во время президенства графа Ивана Антоновича. Статья эта заключаетъ въ себѣ достаточное количество рѣзкихъ неточностей, такъ какъ во время описываемаго событія, 27-го сентября 1831 г., А. Н. Райко не находился на мѣстѣ происшествія, а изъ Патраса, гдѣ онъ состоялъ комендантомъ, ему трудно было узнать всѣ подробности; кромѣ того, статья г. Райка не поясняетъ причинъ печальнаго событія. Потому я и рѣшился обнародовать свой разсказъ о томъ же событіи. Я состоялъ при президентѣ во все время пребыванія его въ Греціи, до самой смерти его, велъ дневныя записки, и нынѣ, руководимый чувствомъ душевнаго благоговѣнія къ памяти моего благодѣтеля [2]), извлекаю изъ нихъ извѣстія о злодѣйскомъ поступкѣ его враговъ; но прежде всего нахожу необходимымъ, хоть въ краткомъ изложеніи, выяснить причины преждевременной его смерти.

Извѣстно, что еще съ прошлаго вѣка Греки неоднократно пытались сбросить съ себя невыносимое иго Турокъ и стать въ ряду самостоятельныхъ націй; потоки христіанской крови лились, іерар-

---

[1]) Статья эта составляетъ извлеченіе изъ дневныхъ записокъ г. Ригапа, который состоялъ при президентѣ Греціи, графѣ И. А. Каподистріи, докладчикомъ по принятію прошеній и старшимъ дежурнымъ офицеромъ и командовалъ домашнею стражею; г. Ригана жилъ въ одномъ домѣ съ президентомъ.

[2]) За заслуги, оказанныя моими предками семейству Коподистріа во время французскаго владычества надъ Іоническими островами, я былъ взятъ графомъ Иваномъ Антоновичемъ и его иждивеніемъ и попеченіемъ получилъ образованіе.

СМЕРТЬ ГРАФА КАПОДИСТРІИ [1]).

Въ Русскомъ Архивѣ 1869 года помѣщена статья объ убіеніи президента Греціи, графа Ивана Антоновича Каподистріа, составленная бывшимъ полковникомъ русской службы А. Н. Райкохъ, служившимъ въ Греціи, во время президенства графа Ивана Антоновича. Статья эта заключаетъ въ себѣ достаточное количество рѣзкихъ неточностей, такъ какъ во время описываемаго событія, 27-го сентября 1831 г., А. Н. Райко не находился на мѣстѣ происшествія, а изъ Патраса, гдѣ онъ состоялъ комендантомъ, ему трудно было узнать всѣ подробности; кромѣ того, статья г. Райка не поясняетъ причинъ печальнаго событія. Потому я и рѣшился обнародовать свой разсказъ о томъ же событіи. Я состоялъ при президентѣ во все время пребыванія его въ Греціи, до самой смерти его, велъ дневныя записки, и нынѣ, руководимый чувствомъ душевнаго благоговѣнія къ памяти моего благодѣтеля [2]), извлекаю изъ нихъ извѣстія о злодѣйскомъ поступкѣ его враговъ; но прежде всего нахожу необходимымъ, хоть въ краткомъ изложеніи, выяснить причины преждевременной его смерти.

Извѣстно, что еще съ прошлаго вѣка Греки неоднократно пытались сбросить съ себя невыносимое иго Турокъ и стать въ ряду самостоятельныхъ націй; потоки христіанской крови лились, іерар-

---

[1]) Статья эта составляетъ извлеченіе изъ дневныхъ записокъ г. Ригана, который состоялъ при президентѣ Греціи, графѣ И. А. Каподистріи, докладчикомъ по принятію прошеній и старшимъ дежурнымъ офицеромъ и командовалъ домашнею стражею; г. Ригана жилъ въ одномъ домѣ съ президентомъ.

[2]) За заслуги, оказанныя моими предками семейству Коподистріа во время французскаго владычества надъ Іоническими островами, я былъ взятъ графомъ Иваномъ Антоновичемъ и его иждивеніемъ и попеченіемъ получилъ образованіе.

хи и много тысячь храбрыхъ пало подъ сѣкирой турецкаго фанатизма; западъ принималъ все это равнодушно, и одинъ сѣверъ, по единовѣрію, протягивалъ руку помощи, но не могъ осуществить затѣянное. Всѣ страшились Турціи, и она въ продолженіе многихъ лѣтъ питалась, какъ и въ настоящее время питается, христіанскою кровью. Греки между тѣмъ разсѣялись по разнымъ государствамъ Европы и тамъ пріобрѣли себѣ образованіе. Армаголы и клефты [1]) держали Турокъ въ страхѣ по 1821 годъ; съ этого же времени эти борцы греческой независимости подняли знамя возстанія, и вся нація поклялась или освободиться, или пасть славною смертію.

Съ тѣхъ поръ Греки на сушѣ и на морѣ обнаружили чудеса храбрости, самоотверженія и геройства; они боролись противъ многочисленныхъ турецкихъ армій, а маленькія греческія купеческія суда служили страшилищемъ для громадныхъ военныхъ турецкихъ кораблей. Все это вызвало сочувствіе Европы къ возставшимъ; многіе филелины поспѣшили къ нимъ на помощь и великодушно проливали благородную свою кровь въ рядахъ Грековъ. Во многихъ странахъ учредились комитеты для воспомоществованія имъ; изъ Америки, Англіи, Франціи, Германіи, Португаліи и другихъ странъ поспѣшили прибыть въ Грецію такія личности, какъ Байронъ, Кохренъ, Гастингсъ, Альмейда, Пиза, Фовье, Чорчь и проч. Но къ несчастію Греціи, въ то время управленіе находилось попеременно въ рукахъ фанаріотовъ, питомцевъ Али-Паши Янинскаго и нѣкоторыхъ малограмотныхъ островитянъ изъ мореходцевъ; фанаріотизмъ раздѣлялъ націю на партіи, порождалъ междоусобную войну, стѣснялъ военачальниковъ и приводилъ страну въ безначаліе. Наконецъ, послѣ многихъ достославныхъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ и послѣ неописанныхъ испытаній, нація въ 1826 году нашла нужнымъ соединиться и созвать народное собраніе, съ тѣмъ, чтобы спасти отечество отъ неминуемой гибели; тогда-то, какъ бы по вдохновенію свыше, Трезинское собраніе единогласно провозгласило графа Ивана Антоновича Каподистріа президентомъ Греціи на 7-мь лѣтъ.

Въ то время графъ проживалъ въ Швейцаріи, собственно въ Женевѣ, какъ тамошній гражданинъ. Изъ Греціи была послана къ нему депутація, которая и просила его поспѣшить на спасеніе

---

[1]) Люди, которые искони не подчинялись Турціи; всегда съ оружіемъ въ рукахъ, они проживали по горамъ и лѣсамъ и нападали на Турокъ.

хи и много тысячь храбрыхъ пало подъ сѣкирой турецкаго фанатизма; западъ принималъ все это равнодушно, и одинъ сѣверъ, по единовѣрію, протягивалъ руку помощи, но не могъ осуществить затѣянное. Всѣ страшились Турціи, и она въ продолженіе многихъ лѣтъ питалась, какъ и въ настоящее время питается, христіанскою кровью. Греки между тѣмъ разсѣялись по разнымъ государствамъ Европы и тамъ пріобрѣли себѣ образованіе. Армatолы и клефты [1]) держали Турокъ въ страхѣ по 1821 годъ; съ этого же времени эти борцы греческой независимости подняли знамя возстанія, и вся нація поклялась или освободиться, или пасть славною смертію.

Съ тѣхъ поръ Греки на сушѣ и на морѣ обнаружили чудеса храбрости, самоотверженія и геройства; они боролись противъ многочисленныхъ турецкихъ армій, а маленькія греческія купеческія суда служили страшилищемъ для громадныхъ военныхъ турецкихъ кораблей. Все это вызвало сочувствіе Европы къ возставшимъ; многіе филелины поспѣшили къ нимъ на помощь и великодушно проливали благородную свою кровь въ рядахъ Грековъ. Во многихъ странахъ учредились комитеты для воспомоществованія имъ; изъ Америки, Англіи, Франціи, Германіи, Португаліи и другихъ странъ поспѣшили прибыть въ Грецію такія личности, какъ Байронъ, Кохренъ, Гастингсъ, Альмейда, Пиза, Фовье, Чорчь и проч. Но къ несчастію Греціи, въ то время управленіе находилось попеременно въ рукахъ фанаріотовъ, питомцевъ Али-Паши Янинскаго и нѣкоторыхъ малограмотныхъ островитянъ изъ мореходцевъ; фанаріотизмъ раздѣлялъ націю на партіи, порождалъ междоусобную войну, стѣснялъ военачальниковъ и приводилъ страну въ безначаліе. Наконецъ, послѣ многихъ достославныхъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ и послѣ неописанныхъ испытаній, нація въ 1826 году нашла нужнымъ соединиться и созвать народное собраніе, съ тѣмъ, чтобы спасти отечество отъ неминуемой гибели; тогда-то, какъ бы по вдохновенію свыше, Трезинское собраніе единогласно провозгласило графа Ивана Антоновича Каподистріа президентомъ Греціи на 7-мь лѣтъ.

Въ то время графъ проживалъ въ Швейцаріи, собственно въ Женевѣ, какъ тамошній гражданинъ. Изъ Греціи была послана къ нему депутація, которая и просила его поспѣшить на спасеніе

---

[1]) Люди, которые искони не подчинялись Турціи; всегда съ оружіемъ въ рукахъ, они проживали по горамъ и лѣсамъ и нападали на Турокъ.

отечества; но онъ колебался принять подобное приглашеніе, отвѣтивъ депутатамъ, что это отъ него не зависитъ, и что онъ не можетъ принять предлагаемый ему постъ безъ соизволенія великихъ европейскихъ державъ; съ этимъ отвѣтомъ депутаты отправились обратно въ Грецію. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1827 года, графъ оставляетъ Женеву, пріѣзжаетъ въ Парижъ, является къ Карлу X, переговариваетъ съ баропомъ Дамасомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, проѣздомъ сондируетъ Германію и, наконецъ, 12-го мая, пріѣзжаетъ въ С.-Петербургъ, гдѣ на другой же день отправляется въ Петропавловскій соборъ для отслуженія панихиды надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго императора Александра I-го, миротворителя Европы и своего благодѣтеля, и молясь о немъ, проливаетъ нелицемѣрныя слезы; затѣмъ, въ Царскомъ Селѣ, графъ неоднократно представляется императору Николаю I и по его соизволенію принимаетъ президенство Греціи. Въ августѣ мѣсяцѣ графъ съ прискорбіемъ оставилъ русскую столицу, чрезъ Гамбургъ отправился въ Лондонъ и здѣсь представился королю. Но въ великобританскомъ министерствѣ онъ не нашелъ желаемаго пріема и встрѣтилъ даже не малыя затрудненія, которыя впрочемъ ему удалось отчасти преодолѣть. Оставивъ Англію, графъ возвращается въ Парижъ, и только здѣсь уже убѣждается окончательно, что Греція будетъ состоять подъ покровительствомъ трехъ великихъ державъ, Англіи, Франціи и Россіи.

Такимъ образомъ, дипломатическимъ своимъ тактомъ графъ успѣлъ развязать трудный гордіевъ узелъ; послѣ того онъ оставилъ столицу Франціи и поспѣшилъ къ Адріатическимъ берегамъ, чтобы отправиться чрезъ Анкону въ Грецію. Въ Анконѣ онъ прожилъ долгое время въ ожиданіи судна. Въ это время было получено радостное извѣстіе, что 8-го октября, союзныя эскадры въ Навариніѣ сожгли турко-египетскій флотъ. Тогда временная греческая правительственная коммисія всѣми силами поспѣшила вооружить одинъ корветъ, который изъ острова Эгины и отправился въ Анкону для принятія президента; однакожъ предусмотрительное англійское правительство отправило и свое небольшое военное судно, и предложило президенту сѣсть на оное и слѣдовать въ Грецію; Англичане опасались, чтобы графъ не посѣтилъ по пути островъ Корфу [1]). Для успокоенія ихъ, графъ дѣйствительно сѣлъ на ска-

[1]) Родина графа; Англичане опасались, чтобы при появленіи его на островѣ, не возстали Іоники противъ англійской власти.

отечества; но онъ колебался принять подобное приглашеніе, отвѣтивъ депутатамъ, что это отъ него не зависитъ, и что онъ не можетъ принять предлагаемый ему постъ безъ соизволенія великихъ европейскихъ державъ; съ этимъ отвѣтомъ депутаты отправились обратно въ Грецію. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1827 года, графъ оставляетъ Женеву, пріѣзжаетъ въ Парижъ, является къ Карлу X, переговариваетъ съ баропомъ Дамасомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, проѣздомъ сондируетъ Германію и, наконецъ, 12-го мая, пріѣзжаетъ въ С.-Петербургъ, гдѣ на другой же день отправляется въ Петропавловскій соборъ для отслуженія панихиды надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго императора Александра I-го, миротворителя Европы и своего благодѣтеля, и молясь о немъ, проливаетъ нелицемѣрныя слезы; затѣмъ, въ Царскомъ Селѣ, графъ неоднократно представляется императору Николаю I и по его соизволенію принимаетъ президенство Греціи. Въ августѣ мѣсяцѣ графъ съ прискорбіемъ оставилъ русскую столицу, чрезъ Гамбургъ отправился въ Лондонъ и здѣсь представился королю. Но въ великобританскомъ министерствѣ онъ не нашелъ желаемаго пріема и встрѣтилъ даже не малыя затрудненія, которыя впрочемъ ему удалось отчасти преодолѣть. Оставивъ Англію, графъ возвращается въ Парижъ, и только здѣсь уже убѣждается окончательно, что Греція будетъ состоять подъ покровительствомъ трехъ великихъ державъ, Англіи, Франціи и Россіи.

Такимъ образомъ, дипломатическимъ своимъ тактомъ графъ успѣлъ развязать трудный гордіевъ узелъ; послѣ того онъ оставилъ столицу Франціи и поспѣшилъ къ Адріатическимъ берегамъ, чтобы отправиться чрезъ Анкону въ Грецію. Въ Анконѣ онъ прожилъ долгое время въ ожиданіи судна. Въ это время было получено радостное извѣстіе, что 8-го октября, союзныя эскадры въ Наваринѣ сожгли турко-египетскій флотъ. Тогда временная греческая правительственная коммисія всѣми силами поспѣшила вооружить одинъ корветъ, который изъ острова Эгины и отправился въ Анкону для принятія президента; однакожь предусмотрительное англійское правительство отправило и свое небольшое военное судно, и предложило президенту сѣсть на оное и слѣдовать въ Грецію; Англичане опасались, чтобы графъ не посѣтилъ по пути островъ Корфу [1]). Для успокоенія ихъ, графъ дѣйствительно сѣлъ на ска-

[1]) Родина графа; Англичане опасались, чтобы при появленіи его на островѣ, не возстали Іоники противъ англійской власти.

занное судно. Между тѣмъ не далеко отъ Корфу на встрѣчу ему вышелъ англійскій, 74-хъ-пушечный военный корабль *Уарепейтъ*, подъ командою капитана Паркера, который поставилъ судно на дрейфъ. Вслѣдствіе сильной зыби президентъ принужденъ былъ пересѣсть на этотъ корабль. Около острова Цирито президентъ былъ встрѣченъ небольшимъ судномъ, посланнымъ къ нему съ острова Эгины съ письмомъ, извѣщающимъ его, что генералъ Оеодоръ Гривасъ завладѣлъ Навплійскими крѣпостями, но ведетъ переговоры съ Ибраимомъ-Пашею о возвращеніи Туркамъ крѣпостей за условленную сумму денегъ. Президентъ, видя, что за противнымъ вѣтромъ слѣдовать въ Эгину нельзя, сказалъ капитану Паркеру, что не лучше ли, по случаю сильной качки, перемѣнить ходъ корабля къ Наполи-ди-Романіи, ибо для него нѣтъ особенной надобности плыть прямо въ Эгину; капитанъ дѣйствительно направилъ корабль къ Наполи-ди-Романіи, и судно прибыло туда 6-го января 1828 года. Въ продолженіе почти цѣлаго дня корабль стоялъ на якорѣ, противъ батареи Пяти братьевъ, и никто со стороны порта не являлся для опроса, такъ что президентъ сталъ думать уже, что городъ оставленъ жителями; наконецъ онъ отправилъ къ порту Н. Мавромматн, чтобы удостовѣриться въ томъ, или же, въ противномъ случаѣ, объявить, что президентъ ожидаетъ на кораблѣ прибытія кого-либо изъ властей; жители не вѣрили словамъ посланнаго, полагая, что это обманъ со стороны Гривасса, который 7-го января намѣревался предать городъ грабежу и мечу, а затѣмъ сдать Ибраиму-Пашѣ. Жители, находясь въ предсмертномъ страхѣ, укрѣпляли свои дома и вооружались для защиты своей жизни и имущества; только звонъ колоколовъ всѣхъ церквей и появленіе архіерея Діонисія Навплійскаго, со всѣмъ духовенствомъ и хоругвями, шествовавшаго въ полномъ облаченіи къ батареи Пяти братьевъ на встрѣчу президенту, успокоило народъ и побудило примкнуть къ процессіи. Отъ корабля отчалилъ баркасъ, держа греческій флагъ, и 19-ю пушечными выстрѣлами салютовалъ президента; онъ выходитъ на берегъ; раздается церковное пѣніе „Осапа“, и за тѣмъ радостныя восклицанія жителей: „да здравствуетъ нашъ избавитель“. Шествіе слѣдуетъ къ собору св. Георгія, между тѣмъ какъ изъ крѣпости Паламидъ Гривасъ салютуетъ гостя 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. По окончаніи благодарственнаго молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, архіерей Діонисій, городской голова Михалака Іотросъ, съ членами думы, и народъ, продолжая радостныя восклицанія, сопровождаютъ президента изъ собора въ домъ

занное судно. Между тѣмъ не далеко отъ Корфу на встрѣчу ему вышелъ англійскій, 74-хъ-пушечный военный корабль *Уарепейтъ*, подъ командою капитана Паркера, который поставилъ судно на дрейфъ. Вслѣдствіе сильной зыби президентъ принужденъ былъ пересѣсть на этотъ корабль. Около острова Цирито президентъ былъ встрѣченъ небольшимъ судномъ, посланнымъ къ нему съ острова Эгины съ письмомъ, извѣщающимъ его, что генералъ Осодоръ Гривасъ завладѣлъ Навплійскими крѣпостями, но ведетъ переговоры съ Ибраимомъ-Пашею о возвращеніи Туркамъ крѣпостей за условленную сумму денегъ. Президентъ, видя, что за противнымъ вѣтромъ слѣдовать въ Эгину нельзя, сказалъ капитану Паркеру, что не лучше ли, по случаю сильной качки, перемѣнить ходъ корабля къ Наполи-ди-Романіи, ибо для него нѣтъ особенной надобности плыть прямо въ Эгину; капитанъ дѣйствительно направилъ корабль къ Наполи-ди-Романіи, и судно прибыло туда 6-го января 1828 года. Въ продолженіе почти цѣлаго дня корабль стоялъ на якорѣ, противъ батареи Пяти братьевъ, и никто со стороны порта не являлся для опроса, такъ что президентъ сталъ думать уже, что городъ оставленъ жителями; наконецъ онъ отправилъ къ порту Н. Мавроммати, чтобы удостовѣриться въ томъ, или же, въ противномъ случаѣ, объявить, что президентъ ожидаетъ на кораблѣ прибытія кого-либо изъ властей; жители не вѣрили словамъ посланнаго, полагая, что это обманъ со стороны Гривоса, который 7-го января намѣревался предать городъ грабежу и мечу, а затѣмъ сдать Ибраиму-Пашѣ. Жители, находясь въ предсмертномъ страхѣ, укрѣпляли свои дома и вооружались для защиты своей жизни и имущества; только звонъ колоколовъ всѣхъ церквей и появленіе архіерея Діонисія Навплійскаго, со всѣмъ духовенствомъ и хоругвями, шествовавшаго въ полномъ облаченіи къ батареи Пяти братьевъ на встрѣчу президенту, успокоило народъ и побудило примкнуть къ процессіи. Отъ корабля отчалилъ баркасъ, держа греческій флагъ, и 19-ю пушечными выстрѣлами салютовалъ президента; онъ выходитъ на берегъ; раздается церковное пѣніе „Осапа“, и за тѣмъ радостныя восклицанія жителей: „да здравствуетъ нашъ избавитель“. Шествіе слѣдуетъ къ собору св. Георгія, между тѣмъ какъ изъ крѣпости Паламидъ Гривасъ салютуетъ гостя 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. По окончаніи благодарственнаго молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, архіерей Діонисій, городской голова Михалака Іотросъ, съ членами думы, и народъ, продолжая радостныя восклицанія, сопровождаютъ президента изъ собора въ домъ

Ксениса, гдѣ онъ принимаетъ всѣхъ, желающихъ его видѣть; въ это время является знаменитый властелинъ крѣпостей Гривасъ въ роскошнѣйшемъ костюмѣ (онъ росту выше средняго, сухощавъ, немного рябоватъ, черты лица правильныя, глаза быстрые, походка смѣло-гордая), отпираетъ двери комнаты, гдѣ находится президентъ, входитъ, кладетъ правую руку на грудь, не снимая своей высокой фески, и поздравляетъ президента съ пріѣздомъ. Графъ, подавая ему руку, спрашиваетъ: не мѣстнаго ли издѣлія этотъ костюмъ? Гривасъ отвѣчаетъ: „да“, за тѣмъ внезапно отпрастъ двери и приказываетъ своей свитѣ войти. Тогда являются предъ президентомъ четыре человѣка, держа въ двухъ подносахъ ключи крѣпостей; поднося ихъ президенту, Гривасъ говоритъ: „Ваше сіятельство, я сохранилъ крѣпости до вашего пріѣзда, теперь подношу вамъ ключи!“ „Они въ хорошихъ рукахъ“, отвѣчаетъ президентъ,—„сохраните ихъ до моего возвращенія; надѣюсь скоро увидѣться; теперь скажите, не нуждаются ли ваши люди въ деньгахъ; въ такомъ случаѣ пришлите на корабль, я дамъ вамъ немного; теперь ѣду въ Эгину; до свиданія“. И съ этими словами, графъ пожалъ у Гриваса руку и отправился на корабль. По прибытіи на *Уарепейтъ*, графъ приказалъ выдать присланнымъ Гриваса 6000 талеровъ, въ счетъ слѣдуемаго гарнизону жалованья.

12-го января утромъ корабль, на которомъ ѣхалъ Каподистріа, сталъ на якорѣ на рейдѣ острова Эгины. Не возможно описать общую радость жителей, собравшихся со всѣхъ сторонъ. Пять архіереевъ съ духовенствомъ и хоругвями, въ облаченіяхъ, сопровождаемые временною правительственною коммисіею, состоявшею изъ предсѣдателя Георгія Мавромихали изъ Лимени (что въ Спартѣ), членовъ Іоанни Нако изъ Ливадіи, Іоанни Миліайти Писаріота, однимъ словомъ, вся администрація и всѣ граждане отправились къ пристани, гдѣ ожидали президента. Какъ только онъ сѣлъ на баркасъ и отчалилъ отъ корабля, ему сдѣланъ былъ салютъ изъ 19-ти выстрѣловъ, и таковой же салютъ послѣдовалъ съ фрегата *Константина*, на которомъ находился русскій посланникъ Рибопьеръ. Какъ только президентъ вступилъ на берегъ, началось церковное пѣніе, а послѣ того Феофилъ Кайрисъ произнесъ привѣтственное слово на текстъ Ветхаго Завѣта: „Какъ Моисей спасъ народъ свой“, говорилось въ этой рѣчи,—„такъ и ты—Богомъ храними; съ сего дня видимъ въ тебѣ нашего освободителя, съ прибытіемъ твоимъ тьма сокрушится, и животворящій свѣтъ осѣнитъ многострадательную Элладу; отнынѣ ты поставилъ насъ на ряду

Ксениса, гдѣ онъ принимаетъ всѣхъ, желающихъ его видѣть; въ это время является знаменитый властелинъ крѣпостей Гривасъ въ роскошнѣйшемъ костюмѣ (онъ росту выше средняго, сухощавъ, немного рябоватъ, черты лица правильныя, глаза быстрые, походка смѣло-гордая), отпираетъ двери комнаты, гдѣ находится президентъ, входитъ, кладетъ правую руку на грудь, не снимая своей высокой фески, и поздравляетъ президента съ пріѣздомъ. Графъ, подавая ему руку, спрашиваетъ: не мѣстнаго ли издѣлія этотъ костюмъ? Гривасъ отвѣчаетъ: „да“, за тѣмъ внезапно отпрастъ двери и приказываетъ своей свитѣ войти. Тогда являются предъ президентомъ четыре человѣка, держа въ двухъ подносахъ ключи крѣпостей; поднося ихъ президенту, Гривасъ говоритъ: „Ваше сіятельство, я сохранилъ крѣпости до вашего пріѣзда, теперь подношу вамъ ключи!“ „Они въ хорошихъ рукахъ“, отвѣчаетъ президентъ,—„сохраните ихъ до моего возвращенія; надѣюсь скоро увидѣться; теперь скажите, не нуждаются ли ваши люди въ деньгахъ; въ такомъ случаѣ пришлите на корабль, я дамъ вамъ немного; теперь ѣду въ Эгину; до свиданія“. И съ этими словами, графъ пожалъ у Гриваса руку и отправился на корабль. По прибытіи на *Уарепейтъ*, графъ приказалъ выдать присланнымъ Гриваса 6000 талеровъ, въ счетъ слѣдуемаго гарнизону жалованья.

12-го января утромъ корабль, на которомъ ѣхалъ Каподистріа, сталъ на якорѣ на рейдѣ острова Эгины. Не возможно описать общую радость жителей, собравшихся со всѣхъ сторонъ. Пять архіереевъ съ духовенствомъ и хоругвями, въ облаченіяхъ, сопровождаемые временною правительственною коммисіею, состоявшею изъ предсѣдателя Георгія Мавромихали изъ Лимени (что въ Спартѣ), членовъ Іоанни Нако изъ Ливадіи, Іоанни Миліайти Писаріота, однимъ словомъ, вся администрація и всѣ граждане отправились къ пристани, гдѣ ожидали президента. Какъ только онъ сѣлъ на баркасъ и отчалилъ отъ корабля, ему сдѣланъ былъ салютъ изъ 19-ти выстрѣловъ, и таковой же салютъ послѣдовалъ съ фрегата *Константина*, на которомъ находился русскій посланникъ Рибопьеръ. Какъ только президентъ вступилъ на берегъ, началось церковное пѣніе, а послѣ того Феофилъ Кайрисъ произнесъ привѣтственное слово на текстъ Ветхаго Завѣта: „Какъ Моисей спасъ народъ свой“, говорилось въ этой рѣчи,—„такъ и ты—Богомъ хранимъ; съ сего дня видимъ въ тебѣ нашего освободителя, съ прибытіемъ твоимъ тьма сокрушится, и животворящій свѣтъ осѣнитъ многострадательную Элладу; отнынѣ ты поставилъ насъ на ряду

благоденствующихъ племенъ; ты доставилъ намъ покровительство великихъ державъ Англіи, Франціи и Россіи; въ тебѣ отечество всегда будетъ имѣть предъ ними теплаго ходатая; къ тебѣ христіане востока обращаютъ взоры и просятъ, чтобъ ты былъ предъ монархами Европы ихъ заступникомъ въ освобожденіи ихъ отъ тяжкаго ига", и проч. По окончаніи слова процессія при громкихъ восклицаніяхъ: „да здравствуетъ нашъ освободитель, да здравствуютъ покровительствующія державы!", двинулась къ собору, гдѣ было отправлено благодарственное молебствіе о здравіи президента и покровителей Греціи. Послѣ того, отправились къ приуготовленному для президента небольшому дому, и здѣсь толпа народа стояла до вечера, желая видѣть своего избавителя.

Вѣсть о пріѣздѣ графа Каподистріа разнеслась по всей Греціи съ быстротою электричества, и вліятельнѣйшіе изъ Грековъ поспѣшили прибыть въ Эгину. 14-го января президентъ пригласилъ къ себѣ Колетиса, Метаксу, Деліани, Лондо, Перуку, Спиніо, Займи, Кондуріоти, Петра Мавромихали, Георгія Мавромихали, Нотара, Александра Маврокордато, и прочихъ значительныхъ лицъ. Лица эти, разновременно управлявшіе дѣлами своего отечества, принадлежали къ различнымъ партіямъ и были не въ ладахъ другъ съ другомъ. Когда приглашенные собрались, Каподистріа просилъ ихъ сѣсть, и когда всѣ усѣлись, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Господа! Благодарю Бога и считаю себя счастливымъ, если могъ принести отечеству хотя малую пользу; не менѣе того радуюсь, что нахожусь между вами". За тѣмъ, показывая имъ закрытую табакерку, онъ продолжалъ: „Греція есть кладъ, покрытый терніемъ и заваленный наноснымъ нечистымъ вѣковымъ удушливымъ пломъ; по этому она требуетъ долголѣтней обработки и очистки; одинъ рабочій не можетъ этого достигнуть, здѣсь требуется чистое, усердное единеніе, — должно забыть личности и вражду, и единодушно всѣ должны приняться за работу и очистить страну отъ внѣшнихъ и внутреннихъ міазмовъ; тогда только мы найдемъ въ нѣдрахъ ея отыскиваемый драгоцѣнный камень. Въ отношеніи внѣшнихъ сношеній, господа, вы можете положиться на меня и увидите, что я буду добросовѣстно слѣдить за интересами отечества; но этого еще не достаточно; поэтому скажите чистосердечно, имѣете ли вы желаніе пособить мнѣ во внутреннемъ управленіи страны. Я желаю и прошу васъ забыть прошедшее; вы знакомы съ страною и нравами ея жителей, по этому мнѣ нужно ваше содѣйствіе; въ этомъ заключает-

благоденствующихъ племенъ; ты доставилъ намъ покровительство великихъ державъ Англіи, Франціи и Россіи; въ тебѣ отечество всегда будетъ имѣть предъ ними теплаго ходатая; къ тебѣ христіане востока обращаютъ взоры и просятъ, чтобъ ты былъ предъ монархами Европы ихъ заступникомъ въ освобожденіи ихъ отъ тяжкаго ига", и проч. По окончаніи слова процессія при громкихъ восклицаніяхъ: „да здравствуетъ нашъ освободитель, да здравствуютъ покровительствующія державы!", двинулась къ собору, гдѣ было отправлено благодарственное молебствіе о здравіи президента и покровителей Греціи. Послѣ того, отправились къ приготовленному для президента небольшому дому, и здѣсь толпа народа стояла до вечера, желая видѣть своего избавителя.

Вѣсть о пріѣздѣ графа Каподистріа разнеслась по всей Греціи съ быстротою электричества, и вліятельнѣйшіе изъ Грековъ поспѣшили прибыть въ Эгину. 14-го января президентъ пригласилъ къ себѣ Колетиса, Метаксу, Деліани, Лондо, Перуку, Спиніо, Займи, Кондуріоти, Петра Мавромихали, Георгія Мавромихали, Нотара, Александра Маврокордато, и прочихъ значительныхъ лицъ. Лица эти, разновременно управлявшіе дѣлами своего отечества, принадлежали къ различнымъ партіямъ и были не въ ладахъ другъ съ другомъ. Когда приглашенные собрались, Каподистріа просилъ ихъ сѣсть, и когда всѣ усѣлись, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Господа! Благодарю Бога и считаю себя счастливымъ, если могъ принести отечеству хотя малую пользу; не менѣе того радуюсь, что нахожусь между вами". За тѣмъ, показывая имъ закрытую табакерку, онъ продолжалъ: „Греція есть кладъ, покрытый терніемъ и заваленный наноснымъ нечистымъ вѣковымъ удушливымъ пломъ; по этому она требуетъ долголѣтней обработки и очистки; одинъ рабочій не можетъ этого достигнуть, здѣсь требуется чистое, усердное единеніе, — должно забыть личности и вражду, и единодушно всѣ должны приняться за работу и очистить страну отъ внѣшнихъ и внутреннихъ міазмовъ; тогда только мы найдемъ въ нѣдрахъ ея отыскиваемый драгоцѣнный камень. Въ отношеніи внѣшнихъ сношеній, господа, вы можете положиться на меня и увидите, что я буду добросовѣстно слѣдить за интересами отечества; но этого еще не достаточно; поэтому скажите чистосердечно, имѣете ли вы желаніе пособить мнѣ во внутреннемъ управленіи страны. Я желаю и прошу васъ забыть прошедшее; вы знакомы съ страною и нравами ея жителей, по этому мнѣ нужно ваше содѣйствіе; въ этомъ заключает-

ся моя къ вамъ просьба. Скажите, не стѣсняясь, намѣрены ли вы забыть все и начать новую, чистую жизнь, въ противномъ случаѣ завтра же на этомъ кораблѣ (и онъ указалъ на англійскій корабль, стоявшій въ портѣ) я отправляюсь на родину и тамъ, въ уединеніи, буду оплакивать судьбу общаго отечества Эллиновъ".

Въ отвѣтъ на эти слова присутствующіе встали и въ одинъ голосъ сказали: „Мы вполнѣ чувствуемъ и цѣнимъ ваши отеческіе совѣты; мы готовы принести посильные наши труды для блага отечества подъ вашимъ руководствомъ и готовы забыть наши личныя отношенія". Вслѣдъ за тѣмъ всѣ обмѣнялись поцѣлуями.

18-го января президентъ долженъ былъ дать присягу. Къ утру этого дня, всѣ купеческія суда иллюминованныя флагами, вышли изъ гавани на рейдъ и стали въ двѣ линіи; съ корабля Уарепейтъ высадили музыку; со всего острова собрался народъ въ праздничныхъ нарядахъ; командиры европейскихъ судовъ, стоявшихъ въ то время въ портѣ, съ ихъ офицерами, и всѣ служащіе собрались къ 9-ти часамъ въ домъ президента и оттуда отправились въ соборъ, гдѣ на паперти президентъ былъ встрѣченъ пятью архіереями и духовенствомъ, при пѣніи „Тебѣ Бога хвалимъ". За тѣмъ началось молебствіе, а послѣ того президентъ произнесъ торжественную присягу сохранять постановленія, изданныя народными собраніями, и вѣрно служить отечеству. При выходѣ изъ церкви народъ неумолкаемо кричалъ: „Да здравствуетъ президентъ, да здравствуетъ нашъ избавитель!" Музыка заиграла церемоніальный маршъ, и по данному сигналу съ судовъ началась пушечная пальба, которая продолжалась до заката солнца. Президентъ, сопровождаемый всѣми значительными лицами, шелъ впереди до самаго своего дома, гдѣ, уже послѣ обычныхъ поздравленій, приглашеннымъ была подана великолѣпная закуска. Затѣмъ гости разошлись по домамъ, но толпа до ночи окружала домъ президента при радостныхъ восклицаніяхъ. Среди этой толпы находился и старый Петро Мавромихали, который, бросая свою феску на воздухъ, не переставалъ превозглашать многолѣтіе президенту. Въ городѣ стрѣльба, музыка, пѣніе и народные танцы продолжались до поздней ночи.

На другой день читался съ жадностью первый приказъ президента съ знаменательнымъ текстомъ: „Егда съ нами Богъ, кто противу ны?". Замѣчательно, что вслѣдствіе этого приказа на сушѣ почти совершенно прекратился разбой, а на морѣ пиратство, такъ что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Эгину прибыло болѣе двухъ

ся моя къ вамъ просьба. Скажите, не стѣсняясь, намѣрены ли вы забыть все и начать новую, чистую жизнь, въ противномъ случаѣ завтра же на этомъ кораблѣ (и онъ указалъ на англійскій корабль, стоявшій въ портѣ) я отправляюсь на родину и тамъ, въ уединеніи, буду оплакивать судьбу общаго отечества Эллиновъ".

Въ отвѣтъ на эти слова присутствующіе встали и въ одинъ голосъ сказали: „Мы вполнѣ чувствуемъ и цѣнимъ ваши отеческіе совѣты; мы готовы принести посильные наши труды для блага отечества подъ вашимъ руководствомъ и готовы забыть наши личныя отношенія". Вслѣдъ за тѣмъ всѣ обмѣнялись поцѣлуями.

18-го января президентъ долженъ былъ дать присягу. Къ утру этого дня, всѣ купеческія суда иллюминованныя флагами, вышли изъ гавани на рейдъ и стали въ двѣ линіи; съ корабля Уарепейтъ высадили музыку; со всего острова собрался народъ въ праздничныхъ нарядахъ; командиры европейскихъ судовъ, стоявшихъ въ то время въ портѣ, съ ихъ офицерами, и всѣ служащіе собрались къ 9-ти часамъ въ домъ президента и оттуда отправились въ соборъ, гдѣ на паперти президентъ былъ встрѣченъ пятью архіереями и духовенствомъ, при пѣніи „Тебѣ Бога хвалимъ". За тѣмъ началось молебствіе, а послѣ того президентъ произнесъ торжественную присягу сохранять постановленія, изданныя народными собраніями, и вѣрно служить отечеству. При выходѣ изъ церкви народъ неумолкаемо кричалъ: „Да здравствуетъ президентъ, да здравствуетъ нашъ избавитель!" Музыка заиграла церемоніальный маршъ, и по данному сигналу съ судовъ началась пушечная пальба, которая продолжалась до заката солнца. Президентъ, сопровождаемый всѣми значительными лицами, шелъ впереди до самаго своего дома, гдѣ, уже послѣ обычныхъ поздравленій, приглашеннымъ была подана великолѣпная закуска. Затѣмъ гости разошлись по домамъ, но толпа до ночи окружала домъ президента при радостныхъ восклицаніяхъ. Среди этой толпы находился и старый Петро Мавромихали, который, бросая свою феску на воздухъ, не переставалъ превозглашать многолѣтіе президенту. Въ городѣ стрѣльба, музыка, пѣніе и народные танцы продолжались до поздней ночи.

На другой день читался съ жадностью первый приказъ президента съ знаменательнымъ текстомъ: „Егда съ нами Богъ, кто противу ны?". Замѣчательно, что вслѣдствіе этого приказа на сушѣ почти совершенно прекратился разбой, а на морѣ пиратство, такъ что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Эгину прибыло болѣе двухъ

сотъ судовъ разной величины и мистиковъ, которые съ покорностію просили помилованія у правительства.

Вслѣдъ за тѣмъ президентъ призналъ за нужное потребовать отчета отъ временной правительственной коммиссіи. Но еще до прибытія его казна была расхищена бывшими правителями. Послѣ того онъ предпринялъ рядъ мѣръ для благоустройства страны: учредилъ панеллиніонъ (соборъ всѣхъ Эллиновъ), подъ предсѣдательствомъ Петра Мавромихали, раздѣлилъ его на департаменты—внутреннихъ, иностранныхъ, военныхъ, морскихъ и духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи, и финансовъ; учредилъ также военный и морской коммиссаріаты, распустилъ корпусъ депутатовъ, который, ничего не дѣлая, истощалъ только ничтожные доходы страны. Всѣмъ этимъ графъ примѣтно сократилъ расходы правительства; въ то же время онъ учредилъ сиротскій домъ, приходскія, ланкастерскія, классическія, духовныя, военныя и земледѣльческія училища; организовалъ кадры регулярныхъ войскъ всякаго оружія и легкіе баталіоны, то есть, иррегулярныя войска; составилъ флотъ изъ одного 64-хъ-пушечнаго фрегата, 3 корветовъ, 30 бриговъ, 50 канонирскихъ лодокъ и 3 пароходовъ, заложилъ кораблестроительную верфь или адмиралтейство, основалъ таможни и карантины, госпитали и больницы, оружейный заводъ, музеумъ; завелъ типографіи и, наконецъ, ремесленную школу; приказалъ чеканить серебряную и мѣдную монету и учредилъ національный банкъ. Такимъ образомъ, Греціи съ изумительною быстротою была дана новая жизнь, и она была поставлена на ступень самостоятельнаго государства. При первоначальномъ введеніи этой администраціи, президентъ нашелъ нужнымъ дать высшія мѣста П. Мавромихали, Деліяни, Занни, Александру Маврокордато, Георгію Кандуріоти, Міаули, Томбази, Андрею Метакса, Лондо и другимъ, какъ лицамъ, наиболѣе участвовавшимъ въ управленіи въ продолженіи семилѣтней войны за освобожденіе.

Между тѣмъ какъ Каподистріа устроивалъ внутреннія дѣла Греціи, Ибрагимъ-Паша занималъ еще своими войсками Модонъ, Коронъ, Наварринъ и Патрасъ; вслѣдствіе того, по ходатайству президента и съ согласія Англіи и Россіи, Франція отправила къ Мессинійскимъ крѣпостямъ дивизію подъ начальствомъ маршала Мезона, чтобы заставить Ибрагима-Пашу удалиться въ Египетъ. Цѣль эта была достигнута. Въ то же время императоръ Николай I и Карлъ X аккредитовали при греческомъ правительствѣ своихъ резидентовъ, чтобъ тѣмъ укрѣпить въ виду Турціи права Греціи.

сотъ судовъ разной величины и мистиковъ, которые съ покорностію просили помилованія у правительства.

Вслѣдъ за тѣмъ президентъ призналъ за нужное потребовать отчета отъ временной правительственной коммиссіи. Но еще до прибытія его казна была расхищена бывшими правителями. Послѣ того онъ предпринялъ рядъ мѣръ для благоустройства страны: учредилъ панеллиніонъ (соборъ всѣхъ Эллиновъ), подъ предсѣдательствомъ Петра Мавромихали, раздѣлилъ его на департаменты—внутреннихъ, иностранныхъ, военныхъ, морскихъ и духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи, и финансовъ; учредилъ также военный и морской коммиссаріаты, распустилъ корпусъ депутатовъ, который, ничего не дѣлая, истощалъ только ничтожные доходы страны. Всѣмъ этимъ графъ примѣтно сократилъ расходы правительства; въ то же время онъ учредилъ сиротскій домъ, приходскія, ланкастерскія, классическія, духовныя, военныя и земледѣльческія училища; организовалъ кадры регулярныхъ войскъ всякаго оружія и легкіе баталіоны, то есть, иррегулярныя войска; составилъ флотъ изъ одного 64-хъ-пушечнаго фрегата, 3 корветовъ, 30 бриговъ, 50 канонирскихъ лодокъ и 3 пароходовъ, заложилъ кораблестроительную верфь или адмиралтейство, основалъ таможни и карантины, госпитали и больницы, оружейный заводъ, музеумъ; завелъ типографіи и, наконецъ, ремесленную школу; приказалъ чеканить серебряную и мѣдную монету и учредилъ національный банкъ. Такимъ образомъ, Греціи съ изумительною быстротою была дана новая жизнь, и она была поставлена на ступень самостоятельнаго государства. При первоначальномъ введеніи этой администраціи, президентъ нашелъ нужнымъ дать высшія мѣста П. Мавромихали, Деліяни, Занни, Александру Маврокордато, Георгію Кандуріоти, Міаули, Томбази, Андрею Метакса, Лондо и другимъ, какъ лицамъ, наиболѣе участвовавшимъ въ управленіи въ продолженіи семилѣтней войны за освобожденіе.

Между тѣмъ какъ Каподистріа устроивалъ внутреннія дѣла Греціи, Ибрагимъ-Паша занималъ еще своими войсками Модонъ, Коронъ, Наварринъ и Патрасъ; вслѣдствіе того, по ходатайству президента и съ согласія Англіи и Россіи, Франція отправила къ Мессинійскимъ крѣпостямъ дивизію подъ начальствомъ маршала Мезона, чтобы заставить Ибрагима-Пашу удалиться въ Египетъ. Цѣль эта была достигнута. Въ то же время императоръ Николай I и Карлъ X аккредитовали при греческомъ правительствѣ своихъ резидентовъ, чтобъ тѣмъ укрѣпить въ виду Турціи права Греціи.

Не прошло однако много времени, какъ между вышепоименованными вліятельнѣйшими лицами изъ Грековъ начали обнаруживаться несогласія. Пятеро вліятельнѣйшихъ лицъ, а именно: Мавромихали, Колети, Кондуріоти, Лондо и Трикупи, видя любовь и преданность народа къ президенту, задумали учредить тайное общество, съ цѣлью низвергнуть Каподистрію. Но президентъ созвалъ въ Аргосѣ четвертое народное собраніе; оно собралось въ іюлѣ 1829 г., выслушало отчетъ графа объ его управленіи страною и вотировало ему изъявленіе общенародной благодарности. Уполномоченные дѣйствовали въ собраніи истинно патріотически и этимъ успѣли побѣдить противниковъ президента; въ ознаменованіе этого событія онъ учредилъ орденъ Спасителя. По окончаніи засѣданій собранія, президентъ нашелъ необходимымъ переобразовать управленіе и измѣнить личный составъ его, вмѣсто панеллиніона учредить герусію (сенатъ) и назначить государственныхъ секретарей. Это чрезвычайно раздражило его противниковъ; властолюбивый Петро Мавромихали, бывшій сенаторомъ, примкнулъ къ англо-французской партіи, обѣщавшей ему самостоятельное Спартанское княжество, и тайно отправился въ Занте для переговоровъ съ генераломъ Адамсомъ, бывшимъ тогда высшимъ лордомъ-коммисаромъ Іоническихъ острововъ; затѣмъ онъ предполагалъ отправиться въ Лименн (что въ Спартѣ) и тамъ возбудить возстаніе. Но планъ этотъ не удался. Во время его переѣзда изъ Занте, сильная буря выбросила его судно у Катаколо; здѣсь онъ былъ арестованъ и доставленъ въ Наполи-ди-Романіа, гдѣ и содержался въ крѣпости Ичъ-Кале. Сенатъ просилъ суда надъ клятвопреступникомъ, но президентъ, во вниманіе прежнихъ заслугъ Мавромихали, желалъ отклонить всякій судъ надъ старикомъ, полагая, что виновный самъ покается и будетъ просить помилованія. Въ то же время тамъ содержались братъ Петро—Константинъ и сынъ—Георгій: первый за то, что убилъ своего двоюроднаго брата, а второй за грабежъ. Впрочемъ, и Константинъ, и Георгій Мавромихали — имѣли свободный выходъ изъ заключенія.

Происшествія, послѣдовавшія во Франціи въ іюлѣ 1830 г., дали новое значеніе французскому вліянію. Филологъ Адамантій Кораисъ, съ давнихъ лѣтъ жившій въ Парижѣ и желавшій быть президентомъ, издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „Какая польза Греціи отъ управленія отурчившагося Грека“. На островѣ Идрѣ Маврокордато основалъ враждебную президенту газету подъ заглавіемъ „Аполлонъ“; онъ же подговорилъ заслуженнаго, но легковѣрнаго адми-

Не прошло однако много времени, какъ между вышепоименованными вліятельнѣйшими лицами изъ Грековъ начали обнаруживаться несогласія. Пятеро вліятельнѣйшихъ лицъ, а именно: Мавромихали, Колети, Кондуріоти, Лондо и Трикупи, видя любовь и преданность народа къ президенту, задумали учредить тайное общество, съ цѣлью низвергнуть Каподистрію. Но президентъ созвалъ въ Аргосѣ четвертое народное собраніе; оно собралось въ іюлѣ 1829 г., выслушало отчетъ графа объ его управленіи страною и вотировало ему изъявленіе общенародной благодарности. Уполномоченные дѣйствовали въ собраніи истинно патріотически и этимъ успѣли побѣдить противниковъ президента; въ ознаменованіе этого событія онъ учредилъ орденъ Спасителя. По окончаніи засѣданій собранія, президентъ нашелъ необходимымъ переобразовать управленіе и измѣнить личный составъ его, вмѣсто панеллиніона учредить герусію (сенатъ) и назначить государственныхъ секретарей. Это чрезвычайно раздражило его противниковъ; властолюбивый Петро Мавромихали, бывшій сенаторомъ, примкнулъ къ англо-французской партіи, обѣщавшей ему самостоятельное Спартанское княжество, и тайно отправился въ Занте для переговоровъ съ генераломъ Адамсомъ, бывшимъ тогда высшимъ лордомъ-коммисаромъ Іоническихъ острововъ; затѣмъ онъ предполагалъ отправиться въ Лименн (что въ Спартѣ) и тамъ возбудить возстаніе. Но планъ этотъ не удался. Во время его переѣзда изъ Занте, сильная буря выбросила его судно у Катаколо; здѣсь онъ былъ арестованъ и доставленъ въ Наполи-ди-Романіа, гдѣ и содержался въ крѣпости Ичъ-Кале. Сенатъ просилъ суда надъ клятвопреступникомъ, но президентъ, во вниманіе прежнихъ заслугъ Мавромихали, желалъ отклонить всякій судъ надъ старикомъ, полагая, что виновный самъ покается и будетъ просить помилованія. Въ то же время тамъ содержались братъ Петро—Константинъ и сынъ—Георгій: первый за то, что убилъ своего двоюроднаго брата, а второй за грабежъ. Впрочемъ, и Константинъ, и Георгій Мавромихали — имѣли свободный выходъ изъ заключенія.

Происшествія, послѣдовавшія во Франціи въ іюлѣ 1830 г., дали новое значеніе французскому вліянію. Филологъ Адамантій Кораисъ, съ давнихъ лѣтъ жившій въ Парижѣ и желавшій быть президентомъ, издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „Какая польза Греціи отъ управленія отурчившагося Грека“. На островѣ Идрѣ Маврокордато основалъ враждебную президенту газету подъ заглавіемъ „Аполлонъ“; онъ же подговорилъ заслуженнаго, но легковѣрнаго адми-

рала Міаўли сжечь въ Поросѣ греческій флотъ. Изъ Мессинійскихъ крѣпостей, отъ французскаго штаба, пошла по всей Греціи возмутительная переписка; въ Наполи-ди-Романіа Французы, служившіе въ Греціи, въ домѣ почтеннаго іеромонаха Св. горы Порфирія, учредили тайный комитетъ, чтобы произвести возстаніе; къ нимъ примкнуло нѣсколько ничтожныхъ Грековъ; но при всѣхъ своихъ усиліяхъ они не могли возмутить народъ. Такъ какъ принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій отказался принять греческую корону, то профессоръ Тиршъ, изъ Баваріи, предпринялъ путешествіе по всѣмъ островамъ, съ портретомъ Баварскаго принца Оттона, приглашая Грековъ избрать его въ короли. На всѣ интриги президентъ не обращалъ вниманія и, исполняя свой долгъ какъ честный патріотъ, пренебрегалъ всѣми дѣйствіями своихъ враговъ. Въ ожиданіи избранія короля, онъ созвалъ пятое народное собраніе къ первымъ числамъ сентября 1831 г., но изъ всѣхъ епархій вмѣсто присылки депутатовъ, присланы были президенту одни полномочія; это окончательно привело въ отчаяніе его противниковъ, и они не знали, что̀ предпринять; президентъ же вторично потребовалъ назначенія депутатовъ и назначилъ открытіе собранія на 5-е октября.

Но враги президента тоже не дремали. Разсказываютъ, что профессоръ Тирлъ, еще до прибытія въ Грецію, въ Корфу, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ порѣшили устранить Каподистрію отъ дѣлъ во что бы то ни стало, то есть, хотя бы смертію. Говорятъ также, что расположенные къ тому резиденты Англіи и Франціи убѣдили двухъ озлобленныхъ Мавромихали, Константина и Георгія, чтобъ они выполнили коварный этотъ планъ. Разскажу что̀ знаю, въ подтвержденіе этихъ слуховъ. Дней за 15 до того, домашній секретарь Димитрія Перука, Георгій Каспмати, изъ Церпго, испуганный, явился въ домъ президента и, обращаясь ко мнѣ, объявилъ, что желаетъ передать президенту два слова. На отвѣтъ мой, что президентъ очень занятъ и не можетъ его принять, онъ неотступно умолялъ меня доложить о немъ, такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательства ни на минуту; въ виду этого я хоть и имѣлъ приказаніе президента никого не принимать, однако рѣшился проникнуть къ графу: осторожно отперъ дверь изъ залы въ кабинетъ, вошелъ туда и доложилъ графу слова Каспмати. Въ отвѣтъ на это онъ приказалъ мнѣ сказать Каспмати, чтобъ тотъ передалъ мнѣ, въ чемъ заключалось дѣло. Я возвратился въ залу, и такъ какъ здѣсь находился, кромѣ Каспмати, Димитрій

рала Міаўли сжечь въ Поросѣ греческій флотъ. Изъ Мессинійскихъ крѣпостей, отъ французскаго штаба, пошла по всей Греціи возмутительная переписка; въ Наполи-ди-Романіа Французы, служившіе въ Греціи, въ домѣ почтеннаго іеромонаха Св. горы Порфирія, учредили тайный комитетъ, чтобы произвести возстаніе; къ нимъ примкнуло нѣсколько ничтожныхъ Грековъ; но при всѣхъ своихъ усиліяхъ они не могли возмутить народъ. Такъ какъ принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій отказался принять греческую корону, то профессоръ Тиршъ, изъ Баваріи, предпринялъ путешествіе по всѣмъ островамъ, съ портретомъ Баварскаго принца Оттона, приглашая Грековъ избрать его въ короли. На всѣ интриги президентъ не обращалъ вниманія и, исполняя свой долгъ какъ честный патріотъ, пренебрегалъ всѣми дѣйствіями своихъ враговъ. Въ ожиданіи избранія короля, онъ созвалъ пятое народное собраніе къ первымъ числамъ сентября 1831 г., но изъ всѣхъ епархій вмѣсто присылки депутатовъ, присланы были президенту одни полномочія; это окончательно привело въ отчаяніе его противниковъ, и они не знали, что̀ предпринять; президентъ же вторично потребовалъ назначенія депутатовъ и назначилъ открытіе собранія на 5-е октября.

Но враги президента тоже не дремали. Разсказываютъ, что профессоръ Тиршъ, еще до прибытія въ Грецію, въ Корфу, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ порѣшили устранить Каподистрію отъ дѣлъ во что бы то ни стало, то есть, хотя бы смертію. Говорятъ также, что расположенные къ тому резиденты Англіи и Франціи убѣдили двухъ озлобленныхъ Мавромихали, Константина и Георгія, чтобъ они выполнили коварный этотъ планъ. Разскажу что̀ знаю, въ подтвержденіе этихъ слуховъ. Дней за 15 до того, домашній секретарь Димитрія Перука, Георгій Каспмати, изъ Церпго, испуганный, явился въ домъ президента и, обращаясь ко мнѣ, объявилъ, что желаетъ передать президенту два слова. На отвѣтъ мой, что президентъ очень занятъ и не можетъ его принять, онъ неотступно умолялъ меня доложить о немъ, такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательства ни на минуту; въ виду этого я хоть и имѣлъ приказаніе президента никого не принимать, однако рѣшился проникнуть къ графу: осторожно отперъ дверь изъ залы въ кабинетъ, вошелъ туда и доложилъ графу слова Каспмати. Въ отвѣтъ на это онъ приказалъ мнѣ сказать Каспмати, чтобъ тотъ передалъ мнѣ, въ чемъ заключалось дѣло. Я возвратился въ залу, и такъ какъ здѣсь находился, кромѣ Каспмати, Димитрій

Калерги, то я передалъ Каспмати, что президентъ не принимаетъ его; потомъ вышелъ съ Каспмати и спустился во второй этажъ, въ мою квартиру; здѣсь уже онъ объявилъ мнѣ, что слышалъ объ умыслѣ на жизнь президента, но не знаетъ, кто именно злоумышленники. Еще до обѣда въ тотъ же день президентъ потребовалъ меня къ себѣ, и я, найдя удобный случай, доложилъ объ извѣстіи, принесенномъ Каспмати. Выслушавъ меня, графъ сказалъ: „Вамъ нечего опасаться, а если что случится со мною, то да будетъ воля Божія, я никого не убилъ, никого не ограбилъ; зачѣмъ стѣсняться моимъ противникамъ, пусть убиваютъ! честный человѣкъ не долженъ страшиться смерти!“ Говоря эти слова, онъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ.

Съ недѣлю спустя послѣ разсказаннаго, пришли въ домъ президента Константинъ и Георгій Мавромихали и объявили, что имѣютъ дѣло къ президенту; зная меня хорошо, они начали меня обнимать; я, помня разсказъ Каспмати, въ свою очередь отвѣчалъ на ихъ объятія, съ тѣмъ, чтобы узнать, не имѣютъ ли они при себѣ оружія. Затѣмъ, оставя ихъ вмѣстѣ съ Калерги, я вышелъ и приказалъ ординарцамъ-сотникамъ Димитрію Димопуло (онъ же Леонидъ изъ Триполица) и Антонію Сафопуло изъ Смирны, чтобы они не дремали и поставили бы четыре человѣка къ другимъ выходнымъ дверямъ; послѣ того я вошелъ въ залу и, спустя не болѣе пяти минутъ, доложилъ президенту о приходѣ Мавромихали; графъ всталъ изъ-за письменнаго стола, снялъ очки и вышелъ къ нимъ въ залу, подалъ обоимъ руку, спросилъ ихъ о здоровьи и о здоровьи старика Петро Мавромихали, и наконецъ предложилъ вопросъ: что имъ угодно? Тогда Константинъ обратился къ нему съ просьбой, чтобы дать ему 800 талеровъ для выкупа изъ французскаго магазина его сабли [1]), такъ какъ истекаетъ срокъ залога. На это президентъ отвѣтилъ: „Жалѣю, что не могу дать этой суммы, но предпишу финансовой коммиссіи выдать вамъ ее подъ залогъ сабли, и потомъ вы во всякое время можете выкупить ее, не платя процентовъ; при лучшихъ же обстоятельствахъ я самъ выкуплю ее и возвращу вамъ. Поклонитесь старику и скажите ему, что скоро окончится дѣло, и онъ будетъ свободенъ; я съ трудомъ могъ уговорить сенатъ; прощайте“. Съ этими словами графъ пожалъ имъ руку. Послѣ донесенія Каспмати, когда прези-

[1]) То была цѣнная сабля изъ султанской сокровищницы, жалованная Кямиль-бею и взятая при покореніи Коринѳа войсками въ числѣ добычи.

Калерги, то я передалъ Каспмати, что президентъ не принимаетъ его; потомъ вышелъ съ Каспмати и спустился во второй этажъ, въ мою квартиру; здѣсь уже онъ объявилъ мнѣ, что слышалъ объ умыслѣ на жизнь президента, но не знаетъ, кто именно злоумышленники. Еще до обѣда въ тотъ же день президентъ потребовалъ меня къ себѣ, и я, найдя удобный случай, доложилъ объ извѣстіи, принесенномъ Каспмати. Выслушавъ меня, графъ сказалъ: „Вамъ нечего опасаться, а если что случится со мною, то да будетъ воля Божія, я никого не убилъ, никого не ограбилъ; зачѣмъ стѣсняться моимъ противникамъ, пусть убиваютъ! честный человѣкъ не долженъ страшиться смерти!“ Говоря эти слова, онъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ.

Съ недѣлю спустя послѣ разсказаннаго, пришли въ домъ президента Константинъ и Георгій Мавромихали и объявили, что имѣютъ дѣло къ президенту; зная меня хорошо, они начали меня обнимать; я, помня разсказъ Каспмати, въ свою очередь отвѣчалъ на ихъ объятія, съ тѣмъ, чтобы узнать, не имѣютъ ли они при себѣ оружія. Затѣмъ, оставя ихъ вмѣстѣ съ Калерги, я вышелъ и приказалъ ординарцамъ-сотникамъ Димитрію Димопуло (онъ же Леонидъ изъ Триполица) и Антонію Сафопуло изъ Смирны, чтобы они не дремали и поставили бы четыре человѣка къ другимъ выходнымъ дверямъ; послѣ того я вошелъ въ залу и, спустя не болѣе пяти минутъ, доложилъ президенту о приходѣ Мавромихали; графъ всталъ изъ-за письменнаго стола, снялъ очки и вышелъ къ нимъ въ залу, подалъ обоимъ руку, спросилъ ихъ о здоровьи и о здоровьи старика Петро Мавромихали, и наконецъ предложилъ вопросъ: что имъ угодно? Тогда Константинъ обратился къ нему съ просьбой, чтобы дать ему 800 талеровъ для выкупа изъ французскаго магазина его сабли [1]), такъ какъ истекаетъ срокъ залога. На это президентъ отвѣтилъ: „Жалѣю, что не могу дать этой суммы, но предпишу финансовой коммиссіи выдать вамъ ее подъ залогъ сабли, и потомъ вы во всякое время можете выкупить ее, не платя процентовъ; при лучшихъ же обстоятельствахъ я самъ выкуплю ее и возвращу вамъ. Поклонитесь старику и скажите ему, что скоро окончится дѣло, и онъ будетъ свободенъ; я съ трудомъ могъ уговорить сенатъ; прощайте“. Съ этими словами графъ пожалъ имъ руку. Послѣ донесенія Каспмати, когда прези-

[1]) То была цѣнная сабля изъ султанской сокровищницы, жалованная Кямиль-бею и взятая при покореніи Коринѳа войсками въ числѣ добычи.

дентъ выходилъ въ прогулку за городъ, обыкновенно принимались мѣры предосторожности, и всегда предварительно посылалось мною до 20 человѣкъ вооруженныхъ въ разсыпную по оврагамъ и канавамъ баштановъ; президента всегда сопровождали двое ординарцевъ-сотниковъ; въ эти дни ежедневно приводили въ полицію по три и по пяти сомнительныхъ личностей, которыя, какъ оказалось, промышляли тѣмъ, что передавали секретную корреспонденцію англійскому резиденту Докинсу и французскому—барону Руану.

Въ субботу, 26-го сентября 1831 года, по случаю прибытія почты, президентъ не могъ пойти въ церковь; 27-го сентября, въ воскресенье, раньше обыкновеннаго, то есть, въ 6 часовъ безъ 10-ти минутъ, я услышалъ, что изъ подъ-арки дома караульный крикнулъ къ оружію, чтобы отдать честь выходящему президенту [1]). Отъ дома до церкви св. Спиридонія, куда графъ ходилъ слушать обѣдню, не болѣе 4-хъ кварталовъ; въ этой церкви обѣдня оканчивалась всегда къ девяти часамъ, и въ это же время начинали благовѣстить въ соборѣ св. Георгія. Войска гарнизона, оставя на площади Платано ружья въ козлахъ при часовыхъ, при звукѣ музыки отправлялись въ соборъ, сопровождаемыя штабомъ, въ которомъ и я состоялъ; поэтому, услыша выходъ президента, я всталъ и началъ одѣваться. Но едва прошло десять минутъ, я услышалъ на улицѣ все болѣе и болѣе увеличивающій крикъ, гулъ и плачъ, такъ что не зналъ, чему это приписать. Мнѣ пришло въ голову, что, вѣроятно, въ канцелярію губернатора или въ полицію, отстоявшія на полъ-квартала отъ дома, привели какихъ нибудь новыхъ лицъ съ секретною корреспонденціею и возмутительными объявленіями. Я отперъ окно моей комнаты, выходившее на улицу Трехъ Адмираловъ, но едва высунулъ голову, какъ увидѣлъ ординарца, Георгія Козони изъ Кандіи, который въ своей единственной лѣвой рукѣ держалъ круглую пуховую бѣлую шляпу и палку президента [2]), и ударя рукой себѣ по лбу, кричалъ: „Убилъ его!“ Мнѣ показалось, что онъ объявлялъ, что убилъ президента. Въ ту жь минуту я беру изъ-подъ изголовья моей постели пистолеты и безсознательно взвожу курки; между тѣмъ слышу по коридору шаги Георгія Козони, идущаго ко мнѣ, отпираю двери и

---

[1]) Караулъ содержали ученики военной школы «Эвельпидесъ».

[2]) Эту шляпу и палку графъ Августинъ Каподистріа въ 1832 году, проѣздомъ чрезъ Одессу, въ знакъ памяти передалъ тайному совѣтнику А. С. Стурдзѣ, въ домѣ котораго и понынѣ, быть можетъ, онѣ сохраняются.

дентъ выходилъ въ прогулку за городъ, обыкновенно принимались мѣры предосторожности, и всегда предварительно посылалось мною до 20 человѣкъ вооруженныхъ въ разсыпную по оврагамъ и канавамъ баштановъ; президента всегда сопровождали двое ординарцевъ-сотниковъ; въ эти дни ежедневно приводили въ полицію по три и по пяти сомнительныхъ личностей, которыя, какъ оказалось, промышляли тѣмъ, что передавали секретную корреспонденцію англійскому резиденту Докинсу и французскому—барону Руану.

Въ субботу, 26-го сентября 1831 года, по случаю прибытія почты, президентъ не могъ пойти въ церковь; 27-го сентября, въ воскресенье, раньше обыкновеннаго, то есть, въ 6 часовъ безъ 10-ти минутъ, я услышалъ, что изъ подъ-арки дома караульный крикнулъ къ оружію, чтобы отдать честь выходящему президенту [1]). Отъ дома до церкви св. Спиридонія, куда графъ ходилъ слушать обѣдню, не болѣе 4-хъ кварталовъ; въ этой церкви обѣдня оканчивалась всегда къ девяти часамъ, и въ это же время начинали благовѣстить въ соборѣ св. Георгія. Войска гарнизона, оставя на площади Платано ружья въ козлахъ при часовыхъ, при звукѣ музыки отправлялись въ соборъ, сопровождаемыя штабомъ, въ которомъ и я состоялъ; поэтому, услыша выходъ президента, я всталъ и началъ одѣваться. Но едва прошло десять минутъ, я услышалъ на улицѣ все болѣе и болѣе увеличивающій крикъ, гулъ и плачъ, такъ что не зналъ, чему это приписать. Мнѣ пришло въ голову, что, вѣроятно, въ канцелярію губернатора или въ полицію, отстоявшія на полъ-квартала отъ дома, привели какихъ нибудь новыхъ лицъ съ секретною корреспонденціею и возмутительными объявленіями. Я отперъ окно моей комнаты, выходившее на улицу Трехъ Адмираловъ, но едва высунулъ голову, какъ увидѣлъ ординарца, Георгія Козони изъ Кандіи, который въ своей единственной лѣвой рукѣ держалъ круглую пуховую бѣлую шляпу и палку президента [2]), и ударя рукой себѣ по лбу, кричалъ: „Убилъ его!“ Мнѣ показалось, что онъ объявлялъ, что убилъ президента. Въ ту жь минуту я беру изъ-подъ изголовья моей постели пистолеты и безсознательно взвожу курки; между тѣмъ слышу по коридору шаги Георгія Козони, идущаго ко мнѣ, отпираю двери и

---

[1]) Караулъ содержали ученики военной школы «Эвельпидесъ».

[2]) Эту шляпу и палку графъ Августинъ Каподистріа въ 1832 году, проѣздомъ чрезъ Одессу, въ знакъ памяти передалъ тайному совѣтнику А. С. Стурдзѣ, въ домѣ котораго и понынѣ, быть можетъ, онѣ сохраняются.

прицѣливаюсь въ него, спрашивая: „Кого ты убилъ?“ „Убійцу президента, Константина Мавромихали“, отвѣчалъ онъ. „Гдѣ же президентъ?“ „Убитъ на повалъ, при входѣ въ церковь пистолетнымъ выстрѣломъ и не произнесъ ни слова“. При этихъ словахъ, я бросаю пистолеты, а шляпу съ прострѣленнымъ крыломъ и палку беру отъ Козони и, кладя на столъ, выхожу; кличу моего вѣстоваго храбраго Кокори; увидя, что двери комнаты частнаго казначея, Скарлато Папаригопуло Фанаріота [1]), отперты, вхожу къ нему, но не застаю его; два сундука съ деньгами отперты, но кассовыхъ книгъ тамъ нѣтъ; замыкаю сундуки и комнату, взявъ ключи съ собою, и спускаюсь къ офицеру въ караульню; приказываю раздѣлить караулъ у проходной арки и безъ меня никого не пропускать; кличу домашнюю прислугу, но никто не является, потому что всѣ перепугались и спрятались; взявъ Кокори, поднимаюсь въ третій этажъ, иду къ дверямъ передней, хочу отпереть ихъ, но онѣ замкнуты на ключъ; тогда приказываю Кокори отбить наружный замокъ своимъ ятаганомъ, что онъ и исполнилъ; такъ какъ всѣ прочія внутреннія двери отперты, вхожу въ кабинетъ графа, велю взять изъ спальни постланный передъ койкой шахматный изъ простаго сукна коверъ, въ который велю сложить портфели, всѣ бывшія на трехъ столахъ бумаги и письменную шкатулку; со стоящаго тамъ комода снимаютъ ятаганомъ мраморную верхнюю доску и начинаютъ изъ верхняго ящика вынимать бумаги; подобнымъ же усиліемъ отпираютъ и остальные два ящика и изъ нихъ также вынимаютъ всѣ бумаги. Затѣмъ я приказываю Кокори взять все это на плечи и слѣдовать за мною. Спустившись, мы перешли небольшую площадь Трехъ Державъ, идемъ въ домъ русскаго резидента барона Рикмана, и я велю разбудить его; онъ встаетъ, отпираетъ шкапъ, и здѣсь мы складываемъ графскія бумаги [2]), а я при этомъ случаѣ прошу барона принять къ себѣ брата президента, графа Августина; баронъ отвѣчаетъ мнѣ, что еще некого послать за Августиномъ. Но я самъ вызываюсь привести его. „Приведите“, отвѣчаетъ баронъ. Я отправляюсь къ графу Августину. Окружавшіе его суліоты Маламо, Карабино и Хормовити, донесли ему, что стража, то есть, мои подчиненные, ранили президента; поэтому при

[1]) Онъ спрятался въ домѣ Левенда и явился на третій день; ключи отъ сундуковъ и его комнаты я вручилъ графу Августину, сумма же по повѣркѣ оказалось цѣла.

[2]) Въ ту же ночь бумаги были сложены въ казенный чемоданъ и на другой день отправлены на одномъ изъ русскихъ военныхъ судовъ.

прицѣливаюсь въ него, спрашивая: „Кого ты убилъ?“ „Убійцу президента, Константина Мавромихали“, отвѣчалъ онъ. „Гдѣ жь президентъ?“ „Убитъ на повалъ, при входѣ въ церковь пистолетнымъ выстрѣломъ и не произнесъ ни слова“. При этихъ словахъ, я бросаю пистолеты, а шляпу съ прострѣленнымъ крыломъ и палку беру отъ Козони и, кладя на столъ, выхожу; кличу моего вѣстоваго храбраго Кокори; увидя, что двери комнаты частнаго казначея, Скарлато Папаригопуло Фанаріота [1]), отперты, вхожу къ нему, но не застаю его; два сундука съ деньгами отперты, но кассовыхъ книгъ тамъ нѣтъ; замыкаю сундуки и комнату, взявъ ключи съ собою, и спускаюсь къ офицеру въ караульню; приказываю раздѣлить караулъ у проходной арки и безъ меня никого не пропускать; кличу домашнюю прислугу, но никто не является, потому что всѣ перепугались и спрятались; взявъ Кокори, поднимаюсь въ третій этажъ, иду къ дверямъ передней, хочу отпереть ихъ, но онѣ замкнуты на ключъ; тогда приказываю Кокори отбить наружный замокъ своимъ ятаганомъ, что онъ и исполнилъ; такъ какъ всѣ прочія внутреннія двери отперты, вхожу въ кабинетъ графа, велю взять изъ спальни постланный передъ койкой шахматный изъ простаго сукна коверъ, въ который велю сложить портфели, всѣ бывшія на трехъ столахъ бумаги и письменную шкатулку; со стоящаго тамъ комода снимаютъ ятаганомъ мраморную верхнюю доску и начинаютъ изъ верхняго ящика вынимать бумаги; подобнымъ же усиліемъ отпираютъ и остальные два ящика и изъ нихъ также вынимаютъ всѣ бумаги. Затѣмъ я приказываю Кокори взять все это на плечи и слѣдовать за мною. Спустившись, мы перешли небольшую площадь Трехъ Державъ, идемъ въ домъ русскаго резидента барона Рикмана, и я велю разбудить его; онъ встаетъ, отпираетъ шкапъ, и здѣсь мы складываемъ графскія бумаги [2]), а я при этомъ случаѣ прошу барона принять къ себѣ брата президента, графа Августина; баронъ отвѣчаетъ мнѣ, что еще некого послать за Августиномъ. Но я самъ вызываюсь привести его. „Приведите“, отвѣчаетъ баронъ. Я отправляюсь къ графу Августину. Окружавшіе его суліоты Маламо, Карабино и Хормовити, донесли ему, что стража, то есть, мои подчиненные, ранили президента; поэтому при

[1]) Онъ спрятался въ домѣ Левенда и явился на третій день; ключи отъ сундуковъ и его комнаты я вручилъ графу Августину, сумма же по повѣркѣ оказалось цѣла.

[2]) Въ ту же ночь бумаги были сложены въ казенный чемоданъ и на другой день отправлены на одномъ изъ русскихъ военныхъ судовъ.

входѣ моемъ къ нему, онъ взялся было за ухватъ сабли своей и дрожащимъ голосомъ спросилъ: „Что вы хотите? Гдѣ мой братъ?“ Я отвѣтилъ, что онъ въ церкви, и что баронъ Рикманъ проситъ графа Августина къ себѣ; тогда онъ, обратясь къ своимъ суліотамъ, сказалъ: „Пойдемте“. И мы спустились на улицу по направленію Базарной улицы, чтобы пойти въ церковь; но едва только приблизились мы къ переулку, ведущему къ дому барона Рикмана, какъ я, взявъ графа Августина за руку, сказалъ ему: „Прежде пойдите къ Рикману, а потомъ дѣлайте, что хотите“. Тогда графъ спросилъ: „Гдѣ мой братъ?“ „Вашъ братъ мертвъ, спасайте себя и отечество“ отвѣчалъ я. Тогда только повернулъ онъ въ переулокъ, ведущій къ дому барона Рикмана; баронъ ожидалъ его въ шлафорѣ, у дверей подъѣзда; здѣсь они обнялись и вошли въ домъ; этимъ онъ былъ спасенъ, иначе былъ бы убитъ, потому что если бы мы пошли по улицѣ Трехъ Адмираловъ, противники напали бы на него изъ засады, которую они устроили себѣ въ домѣ князя Караджа [1]), а если бы мы пошли по Базарной, то встрѣтили бы генерала Жирара, съ адъютантомъ его, Каламогдарти (изъ Патраса), который, въ то время, какъ Жираръ обратился бы къ графу Августину, убилъ бы его.

Отведя графа Августина къ Рикману, я возвратился домой; между тѣмъ, по данному сигналу, на площадь явились баталіонные командиры Скарвели и Андріети, съ четырьмя ротами, и ротный Филиппъ Ситасъ крикнулъ: „начать или нѣтъ?“ То есть, не напасть ли на противниковъ, не дожидаясь другихъ войскъ? Въ это время графъ Августинъ выходитъ изъ дому Рикмана и, проходя площадь, умоляетъ войско не начинать враждебныхъ дѣйствій, а сохранить порядокъ и тишину. Графъ отправился въ домъ президента, и какъ только прибылъ туда, по ложному доносу суліотовъ,

[1]) Таковъ былъ ихъ планъ, какъ оказалось впослѣдствіи изъ произведеннаго дознанія. Караджа, по прибытіи своемъ въ Грецію, какъ французскій партизанъ и какъ фанаріотъ, искалъ министерскаго мѣста. Но президентъ отказалъ ему въ этомъ, говоря: «Вы еще молоды, послужите прежде въ младшей должности, заслужите это право, и тогда будете министромъ: теперь мнѣ нужно удовлетворить заслуженныхъ Эллиновъ, вы прибыли еще вчера, и нація не видѣла отъ васъ никакихъ заслугъ». Это сдѣлало Караджу отъявленнымъ врагомъ Каподистріи, и въ день смерти его, по трусости, онъ не выходилъ изъ дому; слѣдовательно, А. П. Райко невѣрно разсказываетъ, что народъ хотѣлъ убить Караджу и что онъ содержался подъ стражею.

входѣ моемъ къ нему, онъ взялся было за ухватъ сабли своей и дрожащимъ голосомъ спросилъ: „Что вы хотите? Гдѣ мой братъ?“ Я отвѣтилъ, что онъ въ церкви, и что баронъ Рикманъ проситъ графа Августина къ себѣ; тогда онъ, обратясь къ своимъ суліотамъ, сказалъ: „Пойдемте“. И мы спустились на улицу по направленію Базарной улицы, чтобы пойти въ церковь; но едва только приблизились мы къ переулку, ведущему къ дому барона Рикмана, какъ я, взявъ графа Августина за руку, сказалъ ему: „Прежде пойдите къ Рикману, а потомъ дѣлайте, что хотите“. Тогда графъ спросилъ: „Гдѣ мой братъ?“ „Вашъ братъ мертвъ, спасайте себя и отечество“ отвѣчалъ я. Тогда только повернулъ онъ въ переулокъ, ведущій къ дому барона Рикмана; баронъ ожидалъ его въ шлафорѣ, у дверей подъѣзда; здѣсь они обнялись и вошли въ домъ; этимъ онъ былъ спасенъ, иначе былъ бы убитъ, потому что если бы мы пошли по улицѣ Трехъ Адмираловъ, противники напали бы на него изъ засады, которую они устроили себѣ въ домѣ князя Караджа [1]), а если бы мы пошли по Базарной, то встрѣтили бы генерала Жирара, съ адъютантомъ его, Каламогдарти (изъ Патраса), который, въ то время, какъ Жираръ обратился бы къ графу Августину, убилъ бы его.

Отведя графа Августина къ Рикману, я возвратился домой; между тѣмъ, по данному сигналу, на площадь явились баталіонные командиры Скарвели и Андріети, съ четырьмя ротами, и ротный Филиппъ Ситасъ крикнулъ: „начать или нѣтъ?“ То есть, не напасть ли на противниковъ, не дожидаясь другихъ войскъ? Въ это время графъ Августинъ выходитъ изъ дому Рикмана и, проходя площадь, умоляетъ войско не начинать враждебныхъ дѣйствій, а сохранить порядокъ и тишину. Графъ отправился въ домъ президента, и какъ только прибылъ туда, по ложному доносу суліотовъ,

[1]) Таковъ былъ ихъ планъ, какъ оказалось впослѣдствіи изъ произведеннаго дознанія. Караджа, по прибытіи своемъ въ Грецію, какъ французскій партизанъ и какъ фанаріотъ, искалъ министерскаго мѣста. Но президентъ отказалъ ему въ этомъ, говоря: «Вы еще молоды, послужите прежде въ младшей должности, заслужите это право, и тогда будете министромъ: теперь мнѣ нужно удовлетворить заслуженныхъ Эллиновъ, вы прибыли еще вчера, и нація не видѣла отъ васъ никакихъ заслугъ». Это сдѣлало Караджу отъявленнымъ врагомъ Каподистріи, и въ день смерти его, по трусости, онъ не выходилъ изъ дому; слѣдовательно, А. П. Райко невѣрно разсказываетъ, что народъ хотѣлъ убить Караджу и что онъ содержался подъ стражею.

отнялъ у меня саблю и подвергъ меня домашнему аресту, воспретивъ мнѣ выходъ; но не прошло и часу, какъ онъ возвратилъ мнѣ саблю, говоря, что это была ошибка. Не болѣе какъ въ полчаса собралось общее собраніе сената и учредило временную правительственную коммисію изъ трехъ лицъ: Колети, Метакса и графа Августина Каподистріа, который ласково обратился ко мнѣ и просилъ меня продолжать службу при немъ въ тѣхъ же званіяхъ, какъ при покойномъ; но я, считая себя обиженнымъ, просилъ суда, и только на другой день просьба предсѣдателя сената, старца Георгія Спиліи, и сенаторовъ Георгія Эніани и Георгія Мавромати заставили меня продолжать службу.

Я сказалъ выше, что президентъ 27-го сентября раньше обыкновеннаго пошелъ въ церковь, въ сопровожденіи двухъ ординарцевъ-сотниковъ: Димитрія Димопуло и безрукаго Георгія Козони; по выходѣ изъ дому, чрезъ Базарную, они повернули по узкой улицѣ, насупротивъ алтаря церкви; здѣсь, именно противъ алтаря есть резервуаръ, откуда жители берутъ воду; поэтому въ этой мѣстности всегда бываетъ грязновато. Отъ оконечности алтаря начинается узкій тротуаръ, по которому и шелъ президентъ; въ одной саженѣ отъ входныхъ дверей церкви, на тротуарѣ стоялъ Константинъ Мавромихали, закутанный въ бѣлый бурнусъ, прислонившись къ церковной стѣнѣ; при приближеніи президента, онъ не сошелъ съ своего мѣста; поэтому президентъ и спустился на средину узкой дорожки и поворотилъ на право, чтобы войти въ церковь; когда же президентъ поровнялся съ Константиномъ Мавромихали, онъ, лѣвою рукою приподнявъ свою феску, поклонился президенту; президентъ поднялъ руку для снятія шляпы, но въ этотъ моментъ злодѣй, держа въ правой рукѣ подъ бурнусомъ заряженный пистолетъ, приложилъ его къ затылку праваго уха и выстрѣлилъ, такъ что разсѣкъ даже и крыло шляпы; Георгій же Мавромихали, стоявшій съ внутренней стороны дверей, одновременно съ выстрѣломъ нанесъ графу ударъ въ правую паху ножемъ; президентъ упалъ тутъ же у церковныхъ дверей [1]). Въ то же время два полицейскихъ слу-

---

[1]) По плану заговорщиковъ, убійство имѣло совершиться по окончаніи обѣдни, въ 9-ти часамъ, при выходѣ президента изъ церкви св. Спиридонія, когда уже войска, оставя ружья въ козлахъ на площади Платано при однихъ часовыхъ, шли въ соборъ церемоніальнымъ маршемъ; въ это самое время революціонеры должны были броситься на площадь со всѣхъ сторонъ, отнять ружья у войска и тутъ же начать убивать всѣхъ тѣхъ, которымъ не былъ извѣстенъ лозунгъ: «Знаешь Геркулеса?» «Имѣю его

отнялъ у меня саблю и подвергъ меня домашнему аресту, воспретивъ мнѣ выходъ; но не прошло и часу, какъ онъ возвратилъ мнѣ саблю, говоря, что это была ошибка. Не болѣе какъ въ полчаса собралось общее собраніе сената и учредило временную правительственную коммисію изъ трехъ лицъ: Колети, Метакса и графа Августина Каподистріа, который ласково обратился ко мнѣ и просилъ меня продолжать службу при немъ въ тѣхъ же званіяхъ, какъ при покойномъ; но я, считая себя обиженнымъ, просилъ суда, и только на другой день просьба предсѣдателя сената, старца Георгія Спиліи, и сенаторовъ Георгія Эніани и Георгія Мавромати заставили меня продолжать службу.

Я сказалъ выше, что президентъ 27-го сентября раньше обыкновеннаго пошелъ въ церковь, въ сопровожденіи двухъ ординарцевъ-сотниковъ: Димитрія Димопуло и безрукаго Георгія Козони; по выходѣ изъ дому, чрезъ Баварную, они повернули по узкой улицѣ, насупротивъ алтаря церкви; здѣсь, именно противъ алтаря есть резервуаръ, откуда жители берутъ воду; поэтому въ этой мѣстности всегда бываетъ грязновато. Отъ оконечности алтаря начинается узкій тротуаръ, по которому и шелъ президентъ; въ одной саженѣ отъ входныхъ дверей церкви, на тротуарѣ стоялъ Константинъ Мавромихали, закутанный въ бѣлый бурнусъ, прислонившись къ церковной стѣнѣ; при приближеніи президента, онъ не сошелъ съ своего мѣста; поэтому президентъ и спустился на средину узкой дорожки и поворотилъ на право, чтобы войти въ церковь; когда же президентъ поровнялся съ Константиномъ Мавромихали, онъ, лѣвою рукою приподнявъ свою феску, поклонился президенту; президентъ поднялъ руку для снятія шляпы, но въ этотъ моментъ злодѣй, держа въ правой рукѣ подъ бурнусомъ заряженный пистолетъ, приложилъ его къ затылку праваго уха и выстрѣлилъ, такъ что разсѣкъ даже и крыло шляпы; Георгій же Мавромихали, стоявшій съ внутренней стороны дверей, одновременно съ выстрѣломъ нанесъ графу ударъ въ правую паху ножемъ; президентъ упалъ тутъ же у церковныхъ дверей [1]). Въ то же время два полицейскихъ слу-

---

[1]) По плану заговорщиковъ, убійство имѣло совершиться по окончаніи обѣдни, въ 9-ти часамъ, при выходѣ президента изъ церкви св. Спиридонія, когда уже войска, оставя ружья въ козлахъ на площади Платано при однихъ часовыхъ, шли въ соборъ церемоніальнымъ маршемъ; въ это самое время революціонеры должны были броситься на площадь со всѣхъ сторонъ, отнять ружья у войска и тутъ же начать убивать всѣхъ тѣхъ, которымъ не былъ извѣстенъ лозунгъ: «Знаешь Геркулеса?» «Имѣю его

жителя одновременно выстрѣлили въ ординарцевъ, но неудачно, ибо одна пуля полетѣла мимо Димопуло, а направленная на Козони попала въ мраморную коробку церковной двери, въ которой и выбила осколокъ, Константинъ Мавромихали пустился бѣжать по гористой улицѣ, а вслѣдъ за нимъ побѣжалъ Георгій Козони; послѣдній на бѣгу вынулъ пистолетъ, прицѣлился, спустилъ курокъ, но далъ осѣчку; почти вслѣдъ затѣмъ Козони упалъ, и притомъ такъ сильно, что у его сабли сломился ухватъ, и онъ крѣпко ушибъ себѣ колѣно, но не смотря на то, онъ вынулъ другой пистолетъ, прицѣлился снова и съ крикомъ: „Нѣтъ, не уйдешь, собака!“ при поворотѣ Константина Мавромихали, выстрѣлилъ въ него такъ удачно, что пуля попала выше пояса и вышла на вылетъ въ лѣвое плечо, и злодѣй, сдѣлавъ не болѣе десяти шаговъ, упалъ. Тогда Козони приближается къ нему и дуломъ пистолета бьетъ изверга по губамъ, при чемъ злодѣй умоляетъ не убивать его, потому что онъ все выскажетъ; но въ то время забили общую тревогу, и бѣжавшіе изъ Ичъ-Кале раздраженные солдаты добили его и взяли изъ-за пояса его не заряженный пистолетъ; затѣмъ приволокли его къ площади Платано, близъ казармы, а оттуда истерзанное тѣло убійцы, чрезъ сухопутныя городскія ворота, бросили въ море. Георгій же Мавромихали, какъ стоявшій съ внутренней стороны дверей, не былъ замѣченъ; поэтому онъ, сопровождаемый полицейскими стражниками, пошелъ по дорогѣ, ведущей къ батареѣ Пяти Братьевъ; первоначально вошелъ онъ въ домъ инженеръ-подполковника Валіано, а оттуда перелѣзъ стѣну смежную съ домомъ Трикупи, гдѣ жилъ французскій резидентъ баронъ Руанъ; но зоркій глазъ народа, не смотря на поднятый на балконѣ трехцвѣтный флагъ, кричалъ и угрожалъ, что взорветъ домъ на воздухъ, если резидентъ не выдастъ убійцу. Комендантъ Альмейда распорядился и затворилъ ворота и калитки у города, назначивъ вездѣ сильные патрули для спокойствія.

Правительственная коммисія назначила депутацію изъ пяти сенаторовъ съ тѣмъ, чтобы увѣдомить барона Руана о новомъ правительствѣ и просить его выдать убійцу, но депутація возвратилась безъ всякаго успѣха; тогда правительство нашло нужнымъ поручить коменданту Альмейдѣ уже потребовать отъ барона Руана выдачи государственнаго преступника. Комендантъ, въ

защитникомъ». Но такъ какъ злодѣи ускорили убійство 3-мя часами раньше, то жители и преданныя правительству лица избѣгли неминуемой смерти.

жителя одновременно выстрѣлили въ ординарцевъ, но неудачно, ибо одна пуля полетѣла мимо Димопуло, а направленная на Козони попала въ мраморную коробку церковной двери, въ которой и выбила осколокъ, Константинъ Мавромихали пустился бѣжать по гористой улицѣ, а вслѣдъ за нимъ побѣжалъ Георгій Козони; послѣдній на бѣгу вынулъ пистолетъ, прицѣлился, спустилъ курокъ, но далъ осѣчку; почти вслѣдъ затѣмъ Козони упалъ, и притомъ такъ сильно, что у его сабли сломился ухватъ, и онъ крѣпко ушибъ себѣ колѣно, но не смотря на то, онъ вынулъ другой пистолетъ, прицѣлился снова и съ крикомъ: „Нѣтъ, не уйдешь, собака!“ при поворотѣ Константина Мавромихали, выстрѣлилъ въ него такъ удачно, что пуля попала выше пояса и вышла на вылетъ въ лѣвое плечо, и злодѣй, сдѣлавъ не болѣе десяти шаговъ, упалъ. Тогда Козони приближается къ нему и дуломъ пистолета бьетъ изверга по губамъ, при чемъ злодѣй умоляетъ не убивать его, потому что онъ все выскажетъ; но въ то время забили общую тревогу, и бѣжавшіе изъ Ичъ-Кале раздраженные солдаты добили его и взяли изъ-за пояса его не заряженный пистолетъ; затѣмъ приволокли его къ площади Платано, близъ казармы, а оттуда истерзанное тѣло убійцы, чрезъ сухопутныя городскія ворота, бросили въ море. Георгій же Мавромихали, какъ стоявшій съ внутренней стороны дверей, не былъ замѣченъ; поэтому онъ, сопровождаемый полицейскими стражниками, пошелъ по дорогѣ, ведущей къ батареѣ Пяти Братьевъ; первоначально вошелъ онъ въ домъ инженеръ-подполковника Валіано, а оттуда перелѣзъ стѣну смежную съ домомъ Трикупи, гдѣ жилъ французскій резидентъ баронъ Руанъ; но зоркій глазъ народа, не смотря на поднятый на балконѣ трехцвѣтный флагъ, крпчалъ и угрожалъ, что взорветъ домъ на воздухъ, если резидентъ не выдастъ убійцу. Комендантъ Альмейда распорядился и затворилъ ворота и калитки у города, назначивъ вездѣ сильные патрули для спокойствія.

Правительственная коммисія назначила депутацію изъ пяти сенаторовъ съ тѣмъ, чтобы увѣдомить барона Руана о новомъ правительствѣ и просить его выдать убійцу, но депутація возвратилась безъ всякаго успѣха; тогда правительство нашло нужнымъ поручить коменданту Альмейдѣ уже потребовать отъ барона Руана выдачи государственнаго преступника. Комендантъ, въ

защитникомъ». Но такъ какъ злодѣи ускорили убійство 3-мя часами раньше, то жители и преданныя правительству лица избѣгли неминуемой смерти.

сопровожденіи плацъ-маіора Писа и двухъ адъютантовъ, съ нужнымъ числомъ стражи, отправился къ барону, въ домѣ котораго были собраны и нѣсколько французовъ, состоящихъ въ греческой службѣ, какъ-то: генералъ Жераръ и полковники Позье и Пеліонъ, которые совѣтовали барону Руану не принимать Альмейду. Руанъ однако принялъ его, и комендантъ обратился къ нему съ требованіемъ, отъ имени правительства, о выдачѣ преступника; на это баронъ Руанъ сперва сказалъ, что у него никакихъ преступниковъ нѣтъ, и что Мавромихали прибѣгнулъ къ покровительству Франціи, видя преслѣдованіе народа. Тогда Альмейда выставилъ Руану на видъ, что если онъ не выдастъ ему Георгія Мавромихали, то онъ, комендантъ, не отвѣчаетъ за послѣдствія, потому что народъ, окружавшій домъ, кричалъ: „Г. резидентъ, выдайте намъ отцеубійцу, иначе не оставимъ камня на камнѣ“. Тогда баронъ Руанъ, обращаясь къ Альмейдѣ, сказалъ: „Народъ въ отчаяніи и изорветъ его въ куски“. „Я возьму его подъ мою охрану“, отвѣчалъ Альмейда, „онъ долженъ быть судимъ, безъ него я отъ васъ не выйду“. Видя такое упорство, баронъ Руанъ наконецъ сказалъ: „Я выдамъ вамъ его, но прошу васъ, не выдавайте его народу на растерзаніе“. „Даю вамъ честное слово, что не выдамъ“. Баронъ Руанъ отперъ двери ближайшей комнаты, гдѣ находился Георгій Мавромихали, взялъ его за руку, вывелъ въ залу и сдалъ Альмейдѣ. Преступникъ въ изступленіи обращается къ барону Руану на италіанскомъ языкѣ (онъ не зналъ французскаго) съ слѣдующими словами: „Non mi aspetavo mai che le promesse di Francia siano cosi vile.“ (То есть: „Никакъ я не ожидалъ, чтобъ обѣщанія Франціи были столь ничтожны“.) Альмейда чрезъ плацъ-маіора обыскалъ преступника и въ его поясѣ нашелъ только одинъ черный ножной футляръ, длиною въ четверть аршина; но чрезъ отворенныя двери въ ту комнату, гдѣ находился Мавромихали, замѣтили на столѣ пистолетъ и спросили убійцу: „Этотъ пистолетъ вашъ?“ Онъ отвѣчалъ утвердительно: „Да, мой“. Тогда Альмейда попросилъ барона Руана выдать ему пистолетъ, и послѣдній, вмѣстѣ съ четырьмя пистолетами и двумя ятаганами, принадлежавшими полицейскимъ стражникамъ Корояни и Патрино, былъ врученъ плацъ-маіору. Затѣмъ Альмейда подалъ убійцѣ руку, и они спустились со втораго этажа; когда стали отпирать входныя съ улицы двери, толпа хотѣла ворваться въ домъ, но громкія слова Альмейды (на исковерканномъ греческомъ языкѣ): „Дѣти, смирно, тишина! Если кто тронетъ убійцу, правительство примется за меня;

сопровожденіи плацъ-маіора Писа и двухъ адъютантовъ, съ нужнымъ числомъ стражи, отправился къ барону, въ домѣ котораго были собраны и нѣсколько французовъ, состоящихъ въ греческой службѣ, какъ-то: генералъ Жераръ и полковники Позье и Пеліонъ, которые совѣтовали барону Руану не принимать Альмейду. Руанъ однако принялъ его, и комендантъ обратился къ нему съ требованіемъ, отъ имени правительства, о выдачѣ преступника; на это баронъ Руанъ сперва сказалъ, что у него никакихъ преступниковъ нѣтъ, и что Мавромихали прибѣгнулъ къ покровительству Франціи, видя преслѣдованіе народа. Тогда Альмейда выставилъ Руану на видъ, что если онъ не выдастъ ему Георгія Мавромихали, то онъ, комендантъ, не отвѣчаетъ за послѣдствія, потому что народъ, окружавшій домъ, кричалъ: „Г. резидентъ, выдайте намъ отцеубійцу, иначе не оставимъ камня на камнѣ“. Тогда баронъ Руанъ, обращаясь къ Альмейдѣ, сказалъ: „Народъ въ отчаяніи и изорветъ его въ куски“. „Я возьму его подъ мою охрану“, отвѣчалъ Альмейда, „онъ долженъ быть судимъ, безъ него я отъ васъ не выйду“. Видя такое упорство, баронъ Руанъ наконецъ сказалъ: „Я выдамъ вамъ его, но прошу васъ, не выдавайте его народу на растерзаніе“. „Даю вамъ честное слово, что не выдамъ“. Баронъ Руанъ отперъ двери ближайшей комнаты, гдѣ находился Георгій Мавромихали, взялъ его за руку, вывелъ въ залу и сдалъ Альмейдѣ. Преступникъ въ изступленіи обращается къ барону Руану на италіанскомъ языкѣ (онъ не зналъ французскаго) съ слѣдующими словами: „Non mi aspetavo mai che le promesse di Francia siano cosi vile.“ (То есть: „Никакъ я не ожидалъ, чтобъ обѣщанія Франціи были столь ничтожны“.) Альмейда чрезъ плацъ-маіора обыскалъ преступника и въ его поясѣ нашелъ только одинъ черный ножной футляръ, длиною въ четверть аршина; но чрезъ отворенныя двери въ ту комнату, гдѣ находился Мавромихали, замѣтили на столѣ пистолетъ и спросили убійцу: „Этотъ пистолетъ вашъ?“ Онъ отвѣчалъ утвердительно: „Да, мой“. Тогда Альмейда попросилъ барона Руана выдать ему пистолетъ, и послѣдній, вмѣстѣ съ четырьмя пистолетами и двумя ятаганами, принадлежавшими полицейскимъ стражникамъ Корояни и Патрино, былъ вручены плацъ-маіору. Затѣмъ Альмейда подалъ убійцѣ руку, и они спустились со втораго этажа; когда стали отпирать входныя съ улицы двери, толпа хотѣла ворваться въ домъ, но громкія слова Альмейды (на исковерканномъ греческомъ языкѣ): „Дѣти, смирно, тишина! Если кто тронетъ убійцу, правительство примется за меня;

мы имѣемъ законы и по нимъ будемъ судить". Послѣ этихъ словъ, народъ раздался и далъ дорогу, по которой Альмейда пошелъ, держа подъ руку убійцу, а Писа—съ отнятымъ оружіемъ Корояни и Патрино, въ сопровожденіи стражи и при полномъ молчаніи толпы; шествіе это направилось къ морскимъ воротамъ, а оттуда къ пристани; здѣсь уже на двухъ портовыхъ гребныхъ судахъ арестованные были отправлены въ Бурчъ [1]) и тамъ заключены въ отдѣльныя помѣщенія.

Я сказалъ, что домашніе люди графа скрылись отъ перепуга неизвѣстно куда, и начали собираться не прежде, какъ когда убѣдились, что въ городѣ спокойно; но казначей, забравшій счетныя книги, не возвратился; камердинеръ же президента, прусскій подданный Фридрихъ Пуфъ, какъ только услышалъ объ убійствѣ, какъ вѣрный слуга, отправился въ церковь; здѣсь онъ увидѣлъ президента, плавающаго въ крови; и такъ какъ боковыя двери церкви выходятъ на дворикъ дома Спиліотаки, то Пуфъ попросилъ у хозяйки этого дома нѣсколько простынь и завернулъ въ нихъ убитаго; [2]) затѣмъ прибѣжавшіе изъ дома нижніе чины его стражи положили истекающее кровью тѣло президента на носилки, доставили въ домъ и принесли въ комнату, гдѣ собирался совѣтъ; нельзя изобразить моментъ общаго рыданія всѣхъ бывшихъ тамъ. Созванные медики немедленно начали свидѣтельствовать президента и, не найдя никакихъ признаковъ жизни, съ разрѣшенія графа Августина, приступили къ вынутію пули, которая изъ затылка ниже праваго уха прошла поперегъ чрезъ всю головную систему и перефрагмы, и остановилась въ лѣвомъ вискѣ, приподнявъ оный почти на поль-дюйма [3]); по вынутіи оказалась не одна, а двѣ пули, сцѣпленныя проволокою, и сверхъ того, вынуты еще два свинцовые квадрата, одинаковаго вѣсу съ пулями, то есть, по 6-ти драхмъ; на правомъ же паху былъ нанесенъ ударъ ножемъ, коимъ и сдѣлана рана въ 7-мь медицинскихъ линій, такъ что главная паховая артерія была поперекъ разсѣчена; послѣ того окровавленное тѣло обмыли, одѣли и положили на столъ; графъ Августинъ поручилъ мнѣ поскорѣе составить церемоніалъ погребенія, и оно было назначено черезъ два дня послѣ несчастнаго событія.

---

[1]) Небольшое укрѣпленіе на берегу моря.

[2]) При поднятіи съ земли убитаго между его ногъ найденъ окровавленный ножъ съ чернымъ черенкомъ и краснымъ кораломъ въ верху.

[3]) А не разнесла черепа на части, какъ пишетъ А. П. Райко.

мы имѣемъ законы и по нимъ будемъ судить". Послѣ этихъ словъ, народъ раздался и далъ дорогу, по которой Альмейда пошелъ, держа подъ руку убійцу, а Писа—съ отнятымъ оружіемъ Корояни и Патрино, въ сопровожденіи стражи и при полномъ молчаніи толпы; шествіе это направилось къ морскимъ воротамъ, а оттуда къ пристани; здѣсь уже на двухъ портовыхъ гребныхъ судахъ арестованные были отправлены въ Бурчъ [1]) и тамъ заключены въ отдѣльныя помѣщенія.

Я сказалъ, что домашніе люди графа скрылись отъ перепуга неизвѣстно куда, и начали собираться не прежде, какъ когда убѣдились, что въ городѣ спокойно; но казначей, забравшій счетныя книги, не возвратился; камердинеръ же президента, прусскій подданный Фридрихъ Пуфъ, какъ только услышалъ объ убійствѣ, какъ вѣрный слуга, отправился въ церковь; здѣсь онъ увидѣлъ президента, плавающаго въ крови; и такъ какъ боковыя двери церкви выходятъ на дворикъ дома Спиліотаки, то Пуфъ попросилъ у хозяйки этого дома нѣсколько простынь и завернулъ въ нихъ убитаго; [2]) затѣмъ прибѣжавшіе изъ дома нижніе чины его стражи положили истекающее кровью тѣло президента на носилки, доставили въ домъ и принесли въ комнату, гдѣ собирался совѣтъ; нельзя изобразить моментъ общаго рыданія всѣхъ бывшихъ тамъ. Созванные медики немедленно начали свидѣтельствовать президента и, не найдя никакихъ признаковъ жизни, съ разрѣшенія графа Августина, приступили къ вынутію пули, которая изъ затылка ниже праваго уха прошла поперегъ чрезъ всю головную систему и перефрагмы, и остановилась въ лѣвомъ вискѣ, приподнявъ оный почти на поль-дюйма [3]); но вынутіи оказалась не одна, а двѣ пули, сцѣпленныя проволокою, и сверхъ того, вынуты еще два свинцовые квадрата, одинаковаго вѣсу съ пулями, то есть, по 6-ти драхмъ; на правомъ же паху былъ нанесенъ ударъ ножемъ, коимъ и сдѣлана рана въ 7-мь медицинскихъ линій, такъ что главная паховая артерія была поперекъ разсѣчена; послѣ того окровавленное тѣло обмыли, одѣли и положили на столъ; графъ Августинъ поручилъ мнѣ поскорѣе составить церемоніалъ погребенія, и оно было назначено черезъ два дня послѣ несчастнаго событія.

---

[1]) Небольшое укрѣпленіе на берегу моря.

[2]) При поднятіи съ земли убитаго между его ногъ найденъ окровавленный ножъ съ чернымъ черенкомъ и краснымъ кораломъ въ верху.

[3]) А не разнесла черепа на части, какъ пишетъ А. П. Райко.

Извѣстіе о случившемся разнеслось по городу съ быстротой молніи. Часть прибывшихъ для народнаго собранія депутатовъ, государственные секретари и граждане избрали депутацію и обратились къ правительству съ требованіемъ бальзамировать тѣло графа, такъ какъ нація желала, чтобы оно было выставлено въ засѣданіяхъ народнаго собранія; поэтому графъ Августинъ отмѣнилъ первое сдѣланное имъ распоряженіе о погребеніи и поручилъ мнѣ составить печальный церемоніалъ, но съ соблюденіемъ должной экономіи. Вслѣдствіе этого, между тѣмъ какъ медики приступили къ бальзамированію тѣла, я занялся приготовленіями къ погребенію. Когда бальзамированіе было совершено, тѣло было положено въ гробъ, а гробъ поставленъ на катафалкѣ, въ убранной залѣ, гдѣ по утрамъ и вечерамъ митрополиты и другіе архіереи служили панихиды, при чемъ присутствовало множество народа, оплакивавшаго своего освободителя.

Вечеромъ, 27-го сентября, изъ Бурчъ убійцу перевели въ Ичъ-Калé, и на другой же день назначена была особая военно-судная коммисія подъ предсѣдательствомъ генерала Ѳеодора Колокотрони, которая и начала свои засѣданія на открытомъ воздухѣ, на плацѣ, куда допускались всѣ безъ исключенія, желавшіе слушать и видѣть слѣдствіе. Коммисія на первыхъ порахъ встрѣтила затрудненіе, потому что никто изъ адвокатовъ-Эллиновъ не хотѣлъ быть защитникомъ убійцы, но такъ какъ законъ требовалъ этого, то юристъ Массонъ [1]) принялъ на себя защиту Георгія Мавромихали; со стороны же правительства назначенъ былъ защитникомъ штабсъ-капитанъ Константинъ Акцелосъ. Засѣданія и допросы начались съ 28-го сентября, но убійца ни въ чемъ не сознавался; 29-го и 30-го засѣданія продолжались въ Ичъ-Калé, но также безуспѣшно. По малости пространства для слушателей, коммисія 1-го октября оставила Ичъ-Калé и открыла засѣданія въ самомъ городѣ, на площади Платаносъ [2]), какъ на болѣе пространномъ мѣстѣ. Убійца

[1]) Его считаютъ за американскаго Еврея.

[2]) Посреди площади былъ поставленъ большой столъ, покрытый чернымъ сукномъ; по серединѣ стола лежали крестообразно двѣ сабли и Евангеліе, по бокамъ—четыре тарелки: на одной были пули, вынутыя изъ головы президента, на другой—окровавленный ножъ, на третьей—ножной футляръ, а съ правой стороны лежали два пистолета и порожняя тарелка,—слѣва лежало четыре пистолета не заряженныхъ и два ятагана полицейскихъ стражниковъ. Кромѣ бывшихъ 12 стульевъ для коммисіи, въ недальнемъ разстояніи было еще шесть стульевъ; убійца и полицейскіе стражники сидѣли, окруженные карауломъ.

Извѣстіе о случившемся разнеслось по городу съ быстротой молніи. Часть прибывшихъ для народнаго собранія депутатовъ, государственные секретари и граждане избрали депутацію и обратились къ правительству съ требованіемъ бальзамировать тѣло графа, такъ какъ нація желала, чтобы оно было выставлено въ засѣданіяхъ народнаго собранія; поэтому графъ Августинъ отмѣнилъ первое сдѣланное имъ распоряженіе о погребеніи и поручилъ мнѣ составить печальный церемоніалъ, но съ соблюденіемъ должной экономіи. Вслѣдствіе этого, между тѣмъ какъ медики приступили къ бальзамированію тѣла, я занялся приготовленіями къ погребенію. Когда бальзамированіе было совершено, тѣло было положено въ гробъ, а гробъ поставленъ на катафалкѣ, въ убранной залѣ, гдѣ по утрамъ и вечерамъ митрополиты и другіе архіереи служили панихиды, при чемъ присутствовало множество народа, оплакивавшаго своего освободителя.

Вечеромъ, 27-го сентября, изъ Бурчъ убійцу перевели въ Ичъ-Калé, и на другой же день назначена была особая военно-судная коммисія подъ предсѣдательствомъ генерала Ѳеодора Колокотрони, которая и начала свои засѣданія на открытомъ воздухѣ, на плацѣ, куда допускались всѣ безъ исключенія, желавшіе слушать и видѣть слѣдствіе. Коммисія на первыхъ порахъ встрѣтила затрудненіе, потому что никто изъ адвокатовъ-Эллиновъ не хотѣлъ быть защитникомъ убійцы, но такъ какъ законъ требовалъ этого, то юристъ Массонъ [1]) принялъ на себя защиту Георгія Мавромихали; со стороны же правительства назначенъ былъ защитникомъ штабсъ-капитанъ Константинъ Акцелосъ. Засѣданія и допросы начались съ 28-го сентября, но убійца ни въ чемъ не сознавался; 29-го и 30-го засѣданія продолжались въ Ичъ-Калé, но также безуспѣшно. По малости пространства для слушателей, коммисія 1-го октября оставила Ичъ-Калé и открыла засѣданія въ самомъ городѣ, на площади Платаносъ [2]), какъ на болѣе пространномъ мѣстѣ. Убійца

[1]) Его считаютъ за американскаго Еврея.

[2]) Посреди площади былъ поставленъ большой столъ, покрытый чернымъ сукномъ; по серединѣ стола лежали крестообразно двѣ сабли и Евангеліе, по бокамъ—четыре тарелки: на одной были пули, вынутыя изъ головы президента, на другой—окровавленный ножъ, на третьей—ножной футляръ, а съ правой стороны лежали два пистолета и порожняя тарелка,—слѣва лежало четыре пистолета не заряженныхъ и два ятагана полицейскихъ стражниковъ. Кромѣ бывшихъ 12 стульевъ для коммисіи, въ недальнемъ разстояніи было еще шесть стульевъ; убійца и полицейскіе стражники сидѣли, окруженные карауломъ.

на всѣ вопросы коммиссіи отвѣчалъ: „Я ничего не знаю“. Наконецъ въ засѣданіи 2-го октября полицейскіе стражники Караяни и Патриносъ сознались, что были подкуплены Константиномъ и Георгіемъ Мавромихали съ тѣмъ, чтобъ убить ординарцевъ, сопровождавшихъ президента, а сами Мавромихали предполагали справиться съ нимъ самимъ. Убійца отвергалъ показанія Караяни и Патриноса; тогда предсѣдатель О. Колокотрони всталъ и съ особеннымъ хладнокровіемъ сказалъ, обращаясь къ народу: „Вы слышали, что Георгій Мавромихали и послѣ признанія Караяни и Патриноса отказывается отъ преступленія; слѣдовательно, онъ требуетъ фактическихъ доказательствъ. Итакъ, посмотримъ“. Затѣмъ, подвинувъ къ себѣ тарелки съ ножемъ и футляромъ, онъ беретъ ихъ въ руки, показываетъ народу и спрашиваетъ: „Окровавленъ ли этотъ ножъ?“ „Окровавленъ!“ отвѣчаетъ толпа. „Теперь спрашиваю: какъ попалъ этотъ ножъ на то мѣсто, гдѣ убитъ президентъ; а этотъ футляръ (показывая его народу) найденъ за поясомъ Георгія Мавромихали? Посмотримъ, не входитъ ли этотъ ножъ въ футляръ?“ Съ этими словами онъ вкладываетъ ножъ въ футляръ, и затѣмъ, снова обращается къ зрителямъ съ этими словами: „Осмотрите, не ошибаюсь ли я? Можетъ быть, этотъ футляръ отъ другаго ножа?“ Народъ единогласно отвѣчаетъ: „Нѣтъ, ножъ принадлежитъ этому футляру, а футляръ ножу!“ „Не есть ли это фактическое, неоспоримое доказательство?“ Затѣмъ Колокотрони кладетъ ножъ, вложенный въ футляръ, на тарелку, беретъ тарелку съ пулями, вынутыми изъ головы президента и пистолетъ, взятый изъ-за пояса Константина Мавромихали; взявъ тарелку съ цѣлою пулею и двумя квадратами и не заряженный пистолетъ, онъ показываетъ ихъ зрителямъ и говоритъ: „Посмотримъ, не входитъ ли эта картечь въ пистолетъ“. Дѣйствительно, картечь свободно вошла въ стволъ; тогда Колокотрони опять говоритъ: „Вотъ вамъ другой фактъ; не найдемъ ли и третьяго?“ Съ этими словами онъ придвигаетъ къ себѣ чистую тарелку и пистолетъ, бывшій при Георгіи Мавромихали, который сознался, что этотъ пистолетъ принадлежитъ ему и былъ взятъ во время ареста его въ домѣ барона Руана. Колокотрони беретъ пистолетъ въ руки, вынимаетъ шомполъ, пробуетъ и говоритъ: „Заряженъ“. Изъ затравки онъ высыпаетъ порохъ въ тарелку, разряжаетъ пистолетъ и затѣмъ, взявъ оба пистолета въ руки, говоритъ: „Они одинаковые, французскіе, а порохъ англійскій“. Затѣмъ Колокотрони беретъ цѣлую пулю и тянетъ проволоку; проволока оказывается одинаковой длины съ тою, что вы-

на всѣ вопросы коммиссіи отвѣчалъ: „Я ничего не знаю“. Наконецъ въ засѣданіи 2-го октября полицейскіе стражники Караяни и Патриносъ сознались, что были подкуплены Константиномъ и Георгіемъ Мавромихали съ тѣмъ, чтобъ убить ординарцевъ, сопровождавшихъ президента, а сами Мавромихали предполагали справиться съ нимъ самимъ. Убійца отвергалъ показанія Караяни и Патриноса; тогда предсѣдатель О. Колокотрони всталъ и съ особеннымъ хладнокровіемъ сказалъ, обращаясь къ народу: „Вы слышали, что Георгій Мавромихали и послѣ признанія Караяни и Патриноса отказывается отъ преступленія; слѣдовательно, онъ требуетъ фактическихъ доказательствъ. Итакъ, посмотримъ“. Затѣмъ, подвинувъ къ себѣ тарелки съ ножемъ и футляромъ, онъ беретъ ихъ въ руки, показываетъ народу и спрашиваетъ: „Окровавленъ ли этотъ ножъ?“ „Окровавленъ!“ отвѣчаетъ толпа. „Теперь спрашиваю: какъ попалъ этотъ ножъ на то мѣсто, гдѣ убитъ президентъ; а этотъ футляръ (показывая его народу) найденъ за поясомъ Георгія Мавромихали? Посмотримъ, не входитъ ли этотъ ножъ въ футляръ?“ Съ этими словами онъ вкладываетъ ножъ въ футляръ, и затѣмъ, снова обращается къ зрителямъ съ этими словами: „Осмотрите, не ошибаюсь ли я? Можетъ быть, этотъ футляръ отъ другаго ножа?“ Народъ единогласно отвѣчаетъ: „Нѣтъ, ножъ принадлежитъ этому футляру, а футляръ ножу!“ „Не есть ли это фактическое, неоспоримое доказательство?“ Затѣмъ Колокотрони кладетъ ножъ, вложенный въ футляръ, на тарелку, беретъ тарелку съ пулями, вынутыми изъ головы президента и пистолетъ, взятый изъ-за пояса Константина Мавромихали; взявъ тарелку съ цѣлою пулею и двумя квадратами и не заряженный пистолетъ, онъ показываетъ ихъ зрителямъ и говоритъ: „Посмотримъ, не входитъ ли эта картечь въ пистолетъ“. Дѣйствительно, картечь свободно вошла въ стволъ; тогда Колокотрони опять говоритъ: „Вотъ вамъ другой фактъ; не найдемъ ли и третьяго?“ Съ этими словами онъ придвигаетъ къ себѣ чистую тарелку и пистолетъ, бывшій при Георгіи Мавромихали, который сознался, что этотъ пистолетъ принадлежитъ ему и былъ взятъ во время ареста его въ домѣ барона Руана. Колокотрони беретъ пистолетъ въ руки, вынимаетъ шомполъ, пробуетъ и говоритъ: „Заряженъ“. Изъ затравки онъ высыпаетъ порохъ въ тарелку, разряжаетъ пистолетъ и затѣмъ, взявъ оба пистолета въ руки, говоритъ: „Они одинаковые, французскіе, а порохъ англійскій“. Затѣмъ Колокотрони беретъ цѣлую пулю и тянетъ проволоку; проволока оказывается одинаковой длины съ тою, что вы-

пута изъ головы президента; послѣ этого Колокотрони показываетъ зрителямъ свинцовыя пули и говоритъ: „И эти одного и того же фабриканта". Наконецъ, обратясь къ защитнику убійцы онъ говоритъ: „Не угодно ли вамъ опровергнуть всѣ эти факты?" На этотъ вопросъ Массанъ ничего не отвѣтилъ, только посмотрѣлъ жалостно на подсудимаго, который стоялъ какъ вкопанный и дрожалъ какъ въ лихорадочномъ пароксизмѣ; послѣ того Колокотрони спросилъ преступника: не имѣетъ ли онъ что-нибудь сказать, но убійца съ какимъ-то содроганіемъ и вздохомъ отвѣчалъ: „Ничего не имѣю". Судъ совѣщался почти съ часъ и затѣмъ постановилъ приговоръ четвертовать злодѣя. Преступника отправили въ цитадель Паламида, гдѣ и заковали въ цѣпи; Каралии, какъ болѣе виновный въ подкупѣ, присужденъ былъ къ пожизненному, а Патрикосъ къ 15-лѣтнему заключенію въ крѣпости. Судъ въ тотъ же день представилъ свой приговоръ на конфирмацію правительственной коммиссіи, и предсѣдатель ея графъ Августинъ сказалъ: „Мы, въ нашемъ столѣтіи, не должны возобновлять средневѣковыя наказанія; я этимъ не возвращу моего брата; если убійца служилъ въ военной службѣ, то его слѣдуетъ казнить разстрѣляніемъ". А такъ какъ Мавромихали служилъ и въ военной, и въ гражданской службѣ, то и послѣдовала конфирмація—разстрѣлять его.

На 8-й день по совершеніи злодѣянія назначена была казнь; поэтому 4-го октября съ 7 часовъ до полудня, за сухопутными воротами города и новою слободкой Пронія, на равнинѣ, начали собираться войска; изъ Аргоса прибыли два эскадрона кавалеріи, изъ города двѣ роты артиллеріи съ 4-мя полевыми орудіями и два баталіона пѣхоты; эти войска были расположены въ колонну отъ подошвы крѣпости Паламида до самаго берега моря, а отрядъ изъ 14 стрѣлковъ унтеръ-офицеровъ, былъ поставленъ въ достаточномъ разстояніи противу фронта войскъ, держа ружья къ ногѣ безъ штыковъ.

Ровно въ 10 часовъ изъ цитадели Паламида, по довольно крутой лѣстницѣ [1]), показался передовой караулъ, а за нимъ почти все комендантское управленіе, имѣя въ серединѣ окованнаго въ цѣпяхъ Георгія Мавромихали, въ сопровожденіи іерея церкви св.

[1]) Лѣствица эта противу башни крѣпости Ичъ-Кале, гдѣ содержался отецъ убійцы, Петро Мавромихали; окна же башни такъ высоки, что смотрѣть невозможно; день исполненія приговора надъ его сыномъ не былъ извѣстенъ старику, но когда старикъ узналъ о злодѣяніи его сына, сказалъ: «Ахъ, онъ собака, погубилъ націю».

пута изъ головы президента; послѣ этого Колокотрони показываетъ зрителямъ свинцовыя пули и говоритъ: „И эти одного и того же фабриканта". Наконецъ, обратясь къ защитнику убійцы онъ говоритъ: „Не угодно ли вамъ опровергнуть всѣ эти факты?" На этотъ вопросъ Массанъ ничего не отвѣтилъ, только посмотрѣлъ жалостно на подсудимаго, который стоялъ какъ вкопанный и дрожалъ какъ въ лихорадочномъ пароксизмѣ; послѣ того Колокотрони спросилъ преступника: не имѣетъ ли онъ что-нибудь сказать, но убійца съ какимъ-то содроганіемъ и вздохомъ отвѣчалъ: „Ничего не имѣю". Судъ совѣщался почти съ часъ и затѣмъ постановилъ приговоръ четвертовать злодѣя. Преступника отправили въ цитадель Паламида, гдѣ и заковали въ цѣпи; Каралии, какъ болѣе виновный въ подкупѣ, присужденъ былъ къ пожизненному, а Патрикосъ къ 15-лѣтнему заключенію въ крѣпости. Судъ въ тотъ же день представилъ свой приговоръ на конфирмацію правительственной коммиссіи, и предсѣдатель ея графъ Августинъ сказалъ: „Мы, въ нашемъ столѣтіи, не должны возобновлять средневѣковыя наказанія; я этимъ не возвращу моего брата; если убійца служилъ въ военной службѣ, то его слѣдуетъ казнить разстрѣляніемъ". А такъ какъ Мавромихали служилъ и въ военной, и въ гражданской службѣ, то и послѣдовала конфирмація—разстрѣлять его.

На 8-й день по совершеніи злодѣянія назначена была казнь; поэтому 4-го октября съ 7 часовъ до полудня, за сухопутными воротами города и новою слободкой Пронія, на равнинѣ, начали собираться войска; изъ Аргоса прибыли два эскадрона кавалеріи, изъ города двѣ роты артиллеріи съ 4-мя полевыми орудіями и два баталіона пѣхоты; эти войска были расположены въ колонну отъ подошвы крѣпости Паламида до самаго берега моря, а отрядъ изъ 14 стрѣлковъ унтеръ-офицеровъ, былъ поставленъ въ достаточномъ разстояніи противу фронта войскъ, держа ружья къ ногѣ безъ штыковъ.

Ровно въ 10 часовъ изъ цитадели Паламида, по довольно крутой лѣстницѣ [1]), показался передовой караулъ, а за нимъ почти все комендантское управленіе, имѣя въ серединѣ окованнаго въ цѣпяхъ Георгія Мавромихали, въ сопровожденіи іерея церкви св.

[1]) Лѣствица эта противу башни крѣпости Ичъ-Кале, гдѣ содержался отецъ убійцы, Петро Мавромихали; окна же башни такъ высоки, что смотрѣть невозможно; день исполненія приговора надъ его сыномъ не былъ извѣстенъ старику, но когда старикъ узналъ о злодѣяніи его сына, сказалъ: «Ахъ, онъ собака, погубилъ націю».

Андрея цитадели Паламида; за ними тоже караулъ замыкалъ шествіе. Какъ только спустились они въ равнину, убійца облокотился о плечо іерея; они шли весьма медленнымъ шагомъ, и Мавромихали все обращалъ взоръ къ морю. Прійдя къ центру площади, они остановились недалеко отъ стрѣлковъ; отдана команда: „смирно! на-плє-чо!“ войска—мгновенно ее исполнили. Комендантъ передаетъ свернутый листъ штабсъ-капитану Акцело, этотъ офицеръ развертываетъ листъ, и послѣ команды: „на-кра-улъ!“ читаетъ конфирмацію правительства: „Георгій Мавромихали за убійство президента Греціи, графа Ивана Антоновича Каподистріа, при входѣ „въ церковь, наказывается смертью—разстрѣляніемъ“. Тогда плацъ-маіоръ съ карауломъ ставитъ убійцу на 30 шаговъ противъ стрѣлковъ. Преступникъ идетъ довольно бодро, облокотившись о плечо іерея, плацъ-маіоръ вынимаетъ платокъ, чтобы завязать ему глаза, но убійца не соглашается на это; плацъ-маіоръ удаляется, говоря іерею, чтобы и онъ удалился; когда же іерей началъ удаляться, тогда убійца зоветъ его къ себѣ, что-то говоритъ ему на ухо [1]), и снявъ съ себя бѣлую турецкую шаль, служившую ему поясомъ, набрасываетъ на плечо іерею; наконецъ, обращаясь къ стоящимъ по всей окружности этой площади многочисленнымъ зрителямъ, онъ говоритъ: „Простите мнѣ, а Богъ да проститъ вамъ; безвинно я умираю!“ Народъ же отвѣтилъ: „Вѣчная тебѣ анаоема!“ Убійца опять проситъ прощенія, и опять получаетъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ комендантъ машетъ бѣлымъ платкомъ; въ одинъ мигъ затрубили въ трубы и забили въ барабаны; стрѣлки, державшіе ружья подъ прикладъ, прицѣлились и выпалили разомъ, злодѣй падаетъ ницъ; ни одна пуля не пошла мимо. Раздается команда: „на плечо! маршъ!“ и всѣ войска проходятъ мимо павшаго злодѣя; но не успѣли еще отойдти войска, какъ толпа быстро помчалась со всѣхъ сторонъ къ трупу; крючьями и чѣмъ попало берутъ за цѣпь и волочутъ его къ баштанамъ, загороженнымъ камнемъ, близъ которыхъ была вырыта яма; въ нее бросаютъ убійцу, но народъ, не довольствуясь этимъ, въ продолженіе почти четверти часа, бросаетъ камни въ яму, съ криками: „вѣчная тебѣ анаоема!“

Затѣмъ въ назначенный день послѣдовало погребеніе тѣла президента.

Послѣ того, новыя смуты стали раздирать несчастную Грецію,

---

[1]) Тогда только сознался онъ въ преступленіи, говоря, что виновенъ въ пролитіи крови невиннаго.

Андрея цитадели Паламида; за ними тоже караулъ замыкалъ шествіе. Какъ только спустились они въ равнину, убійца облокотился о плечо іерея; они шли весьма медленнымъ шагомъ, и Мавромихали все обращалъ взоръ къ морю. Прійдя къ центру площади, они остановились недалеко отъ стрѣлковъ; отдана команда: „смирно! на-плє-чо!“ войска—мгновенно ее исполнили. Комендантъ передаетъ свернутый листъ штабсъ-капитану Акцело, этотъ офицеръ развертываетъ листъ, и послѣ команды: „на-кра-улъ!“ читаетъ конфирмацію правительства: „Георгій Мавромихали за убійство прези„дента Греціи, графа Ивана Антоновича Каподистріа, при входѣ „въ церковь, наказывается смертью—разстрѣляніемъ“. Тогда плацъ-маіоръ съ карауломъ ставитъ убійцу на 30 шаговъ противъ стрѣлковъ. Преступникъ идетъ довольно бодро, облокотившись о плечо іерея, плацъ-маіоръ вынимаетъ платокъ, чтобы завязать ему глаза, но убійца не соглашается на это; плацъ-маіоръ удаляется, говоря іерею, чтобы и онъ удалился; когда же іерей началъ удаляться, тогда убійца зоветъ его къ себѣ, что-то говоритъ ему на ухо [1]), и снявъ съ себя бѣлую турецкую шаль, служившую ему поясомъ, набрасываетъ на плечо іерею; наконецъ, обращаясь къ стоящимъ по всей окружности этой площади многочисленнымъ зрителямъ, онъ говоритъ: „Простите мнѣ, а Богъ да проститъ вамъ; безвинно я умираю!“ Народъ же отвѣтилъ: „Вѣчная тебѣ анаоема!“ Убійца опять проситъ прощенія, и опять получаетъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ комендантъ машетъ бѣлымъ платкомъ; въ одинъ мигъ затрубили въ трубы и забили въ барабаны; стрѣлки, державшіе ружья подъ прикладъ, прицѣлились и выпалили разомъ, злодѣй падаетъ ницъ; ни одна пуля не пошла мимо. Раздается команда: „на плечо! маршъ!“ и всѣ войска проходятъ мимо павшаго злодѣя; но не успѣли еще отойдти войска, какъ толпа быстро помчалась со всѣхъ сторонъ къ трупу; крючьями и чѣмъ попало берутъ за цѣпь и волочутъ его къ баштанамъ, загороженнымъ камнемъ, близъ которыхъ была вырыта яма; въ нее бросаютъ убійцу, но народъ, не довольствуясь этимъ, въ продолженіе почти четверти часа, бросаетъ камни въ яму, съ криками: „вѣчная тебѣ анаоема!“

Затѣмъ въ назначенный день послѣдовало погребеніе тѣла президента.

Послѣ того, новыя смуты стали раздирать несчастную Грецію,

---

[1]) Тогда только сознался онъ въ преступленіи, говоря, что виновенъ въ пролитіи крови невиннаго.

и хотя пятое народное собраніе избрало президентомъ графа Августина, порядокъ не могъ быть скоро возстановленъ. Вслѣдъ за избраніемъ графа Августина вспыхнуло возстаніе, которое принудило его не только отказаться отъ президентства, но и покинуть Грецію на русскомъ военномъ бригѣ. При этомъ, я, по порученію графа Августина, доставилъ на упомянутый бригъ гробъ съ тѣломъ графа Ивана Антоновича, а по прибытіи въ Корфу, гробъ этотъ былъ свезенъ на берегъ и преданъ землѣ въ монастырѣ Богоматери, рядомъ съ гробомъ отца Ивана Антоновича. Бѣлая мраморная доска съ надписью его имени служитъ понынѣ единственнымъ памятникомъ знаменитому государственному мужу Греціи.

Г. РИГАНА.

и хотя пятое народное собраніе избрало президентомъ графа Августина, порядокъ не могъ быть скоро возстановленъ. Вслѣдъ за избраніемъ графа Августина вспыхнуло возстаніе, которое принудило его не только отказаться отъ президентства, но и покинуть Грецію на русскомъ военномъ бригѣ. При этомъ, я, по порученію графа Августина, доставилъ на упомянутый бригъ гробъ съ тѣломъ графа Ивана Антоновича, а по прибытіи въ Корфу, гробъ этотъ былъ свезенъ на берегъ и преданъ землѣ въ монастырѣ Богоматери, рядомъ съ гробомъ отца Ивана Антоновича. Бѣлая мраморная доска съ надписью его имени служитъ понынѣ единственнымъ памятникомъ знаменитому государственному мужу Греціи.

Г. РИГАНА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПИСЬМО СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО [1]).

Пречестнѣйшій господине отче Ѳеологъ,
о Христѣ возлюбленніе брате!

Благодарствую за присланіе житіа, страданіа и чудесъ святаго мученика Димитрія царевича, но уже азъ прежде сего собравъ съ нѣкоего хронографа, и съ Углечской книжици, написахъ исторію о святомъ Димитріи царевичи, и преписано послахъ къ твоей честности; пожалуйте прочтѣте купно съ пречестнѣйшимъ отцемъ Каріономъ (ему же низко кланяюся), такожде и съ господиномъ Ѳеодоромъ Поликарповичемъ (и сему такожде челомъ) и разсмотрѣте, добрѣ ли будетъ тако, и аще нѣчто обрящется требующи исправленіа, пожалуйте поисправте и ко мнѣ паки пришлѣте; прошу, молю и челомъ бію.

---

[1]) Копіи съ писемъ Димитрія Ростовскаго къ Ѳеологу хранятся въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ (см. Описаніе А. Востокова, ст. 621); но гдѣ подлинники ихъ — не извѣстно. Нѣкоторые отрывки изъ этой переписки приведены въ книгѣ: Св. Димитрій Ростовскій (М. 1849). Но печатаемое письмо нигдѣ не было цитуемо. Подлинникъ его писанъ на листѣ писчей бумаги, который былъ сложенъ въ видѣ пакета и запечатанъ краснымъ сургучемъ. На оборотѣ листа слѣдующій адресъ: „Пречестному Господину отцу Ѳеологу, въ исправителехъ типографіи сущему, въ царствующемъ градѣ Москвѣ“, и помѣта: „Подана 1702 декабря въ 10 д. Василіемъ Парменовымъ Алехинымъ“. При подлинномъ письмѣ находится, на особомъ листѣ, записка слѣдующаго содержанія, представляющая сама по себѣ любопытную черту нравовъ недавняго прошлаго: „Сей божественной рамѣ положено дѣйствительное письмо писанное святою рукою вжизни архіепіскона святітеля и чудотворцемъ демитріемъ ростовскімъ; благословила я внучку мою и крестніцу в—у в—у з—ю въ 1850-мъ году при маменьке ея а—ѣ и—е; а—а к—а. Положена мнѣ была взакладъ, за 200 рублей такъ и осталася вечьна незаплачена и все уже убыли на вечьнои покои“.

ПИСЬМО СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО [1]).

Пречестнѣйшій господине отче Ѳеологъ,
о Христѣ возлюбленніе брате!

Благодарствую за прислание житіа, страданіа и чудесъ святаго мученика Димитрія царевича, но уже азъ прежде сего собравъ съ нѣкоего хронографа, и съ Углечской книжици, написахъ исторію о святомъ Димитріи царевичи, и преписано послахъ къ твоей честности; пожалуйте прочтѣте купно съ пречестнѣйшимъ отцемъ Каріономъ (ему же низко кланяюся), такожде и съ господиномъ Ѳеодоромъ Поликарповичемъ (и сему такожде челомъ) и разсмотрѣте, добрѣ ли будетъ тако, и аще нѣчто обрящется требующи исправленіа, пожалуйте поисправте и ко мнѣ паки пришлѣте; прошу, молю и челомъ бію.

---

[1]) Копіи съ писемъ Димитрія Ростовскаго къ Ѳеологу хранятся въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ (см. Описаніе А. Востокова, ст. 621); но гдѣ подлинники ихъ — не извѣстно. Нѣкоторые отрывки изъ этой переписки приведены въ книгѣ: Св. Димитрій Ростовскій (М. 1849). Но печатаемое письмо нигдѣ не было цитуемо. Подлинникъ его писанъ на листѣ писчей бумаги, который былъ сложенъ въ видѣ пакета и запечатанъ краснымъ сургучемъ. На оборотѣ листа слѣдующій адресъ: „Пречестному Господину отцу Ѳеологу, въ исправителехъ типографіи сущему, въ царствующемъ градѣ Москвѣ“, и помѣта: „Подана 1702 декабря въ 10 д. Василіемъ Парменовымъ Алехинымъ“. При подлинномъ письмѣ находится, на особомъ листѣ, записка слѣдующаго содержанія, представляющая сама по себѣ любопытную черту нравовъ недавняго прошлаго: „Сей божественной рамѣ положено дѣйствительное письмо писанное святою рукою вжизни архіепіскона святітеля и чудотворцемъ демитріемъ ростовскімъ; благословила я внучку мою и крестніцу в—у в—у з—ю въ 1850-мъ году при маменьке ея а—ѣ и—е; а—а к—а. Положена мнѣ была взакладъ, за 200 рублей такъ и осталася вечьна незаплачена и все уже убыли на вечьной покои“.

Пишемой книги отъ вашей честности жду.

Листы, что въ соборнемъ олтарѣ написани, преписасте ли?

Посланіе мое къ Господину Григорію Димитріевичу Строгонову не уничтожилося ли?

Чудотворца Ростовскаго Іакова житіе, такожде и Ярославскихъ князей Василіа и Константина, не обрѣтеся ли гдѣ?

О моемъ нерадѣніи извѣствую: молитвами вашими пишу Іюня Ё день. Здоровье худо.

Здравствуй о Господѣ, clarissime, и о мнѣ грѣшномъ памятствуй въ святыхъ твоихъ молитвахъ. Азъ же любвѣ вашей вся благая отъ Господа получити желательствую и челомъ бію.

Ноемврія.

Димитрій Архигрѣшникъ
Ростовскій.

Пишемой книги отъ вашей честности жду.

Листы, что въ соборнемъ олтарѣ написани, преписасте ли?

Посланіе мое къ Господину Григорію Димитріевичу Строгонову не уничтожилося ли?

Чудотворца Ростовскаго Іакова житіе, такожде и Ярославскихъ князей Василіа и Константина, не обрѣтеся ли гдѣ?

О моемъ нерадѣніи извѣствую: молитвами вашими пишу Іюня Ё день. Здоровье худо.

Здравствуй о Господѣ, clarissime, и о мнѣ грѣшномъ памятствуй въ святыхъ твоихъ молитвахъ. Азъ же любвѣ вашей вся благая отъ Господа получити желательствую и челомъ бію.

Ноемврія.

Димитрій Архигрѣшникъ
Ростовскій.

НѢСКОЛЬКО НЕИЗВѢСТНЫХЪ УКАЗОВЪ И ПИСЕМЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III.

I.

Указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Изъ приложеннаго при семъ оригинально указа за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ къ генералъ-поручику графу Чернышеву, коллегія иностранныхъ дѣлъ усмотритъ, что всевысочайшее наше соизволеніе есть, чтобъ онъ съ своимъ корпусомъ, отдѣлясь отъ австрійской арміи, маршировалъ въ Польшу на Познань, и что для того теперь наиглавнѣйшее потребно оной снабдить деньгами, а оныхъ по меньшей мѣрѣ до двухъ сотъ тысячь рублей надобно.

И какъ отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи для управленія военныхъ и политическихъ дѣлъ не будетъ, но каждая коллегія свои дѣла отправлять имѣетъ, а возвращеніе корпуса графа Чернышева, будучи сопряжено со многими политическими уваженіями и съ заграничными распоряженіями, принадлежитъ однакожь главнѣйшее до попеченія коллегіи иностранныхъ дѣлъ—то и повелѣваемъ оной, сдѣлавъ сношеніе съ сенатомъ и военною коллегіею, о всемъ, что до возвращенія и пропитанія сего корпуса принадлежитъ до соединенія съ главною нашею арміею, согласную нашему соизволенію экспедицію изготовить и намъ для подписанія поднести. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, генваря 20-го дня 1762 г.

Отправленъ того же числа.

НѢСКОЛЬКО НЕИЗВѢСТНЫХЪ УКАЗОВЪ И ПИСЕМЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III.

I.

Указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Изъ приложеннаго при семъ оригинально указа за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ къ генералъ-поручику графу Чернышеву, коллегія иностранныхъ дѣлъ усмотритъ, что всевысочайшее наше соизволеніе есть, чтобъ онъ съ своимъ корпусомъ, отдѣлясь отъ австрійской арміи, маршировалъ въ Польшу на Познань, и что для того теперь наиглавнѣйшее потребно оной снабдить деньгами, а оныхъ по меньшей мѣрѣ до двухъ сотъ тысячь рублей надобно.

И какъ отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи для управленія военныхъ и политическихъ дѣлъ не будетъ, но каждая коллегія свои дѣла отправлять имѣетъ, а возвращеніе корпуса графа Чернышева, будучи сопряжено со многими политическими уваженіями и съ заграничными распоряженіями, принадлежитъ однакожь главнѣйшее до попеченія коллегіи иностранныхъ дѣлъ—то и повелѣваемъ оной, сдѣлавъ сношеніе съ сенатомъ и военною коллегіею, о всемъ, что̀ до возвращенія и пропитанія сего корпуса принадлежитъ до соединенія съ главною нашею арміею, согласную нашему соизволенію экспедицію изготовить и намъ для подписанія поднести. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, генваря 20-го дня 1762 г.

Отправленъ того же числа.

II.

Рескриптъ къ генералъ-поручику графу З. Г. Чернышеву.

Отправленнымъ къ вамъ за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ рескриптомъ отъ 26-го числа минувшаго мѣсяца уже предписано для единственнаго вашего извѣстія, что еслибъ до какихъ-либо дѣйствій дошло, вы отъ оныхъ натурально воздержаться имѣете, объявляя, что до полученія точныхъ отъ насъ указовъ не можете вы собою поступить ни на что. Вы могли потому легко предусматривать, что соизволенія нашего нѣтъ, чтобы съ находящимся подъ командою вашею корпусомъ оставались на долго при австрійской арміи. И въ самомъ дѣлѣ, мы хощемъ, чтобы вы со всемъ вашимъ корпусомъ сколько можно скорѣе изъ Австрійскихъ земель выступить и въ Польшу на Познань слѣдовать могли.

Но понеже: 1-е, не сдѣлано въ Польшѣ по пути никакого приготовленія для вашего корпуса, ниже въ крайней скорости сіи приготовленія учинены быть не могутъ; 2) что не извѣстны мы, исправились ли вы учиненными тамо отъ васъ порядками мундирныхъ и аммуниціонныхъ вещей, или какъ скоро исправиться можете, а до полученія тѣхъ вещей не будетъ ли солдатство подвержено претерпѣнію великой нужды при нынѣшнемъ годовомъ времени; 3) что назначены дѣйствительно нами достаточныя суммы денегъ на всѣ государственные и военные расходы, но распоряженія всего того требуетъ еще нѣкотораго времени, слѣдовательно, и къ вамъ на дорожныя вашего корпуса издержки и на пропитаніе въ Польшѣ деньги такъ скоро переведены быть не могутъ, какъ мы того желали бъ, а посолъ графъ Мерси предъ нѣкоторымъ временемъ канцлеру нашему объявилъ, что изъ ассигнованнаго на вашъ корпусъ милліона рублей остальные за выданными вамъ онъ здѣсь выплачивать будетъ, и 4) что надлежитъ назначить вамъ и мѣста, чрезъ которыя бы вы сей трудный и дальній походъ съ меньшимъ для войска нашего изнуреніемъ сдѣлать могли; то выше изображенное наше именное соизволеніе объявляемъ вамъ чрезъ сіе предварительно для того, дабы вы: 1) до полученія посылаемаго къ вамъ въ скорѣ точнѣйшаго нашего указа содержали сей настоящій для единственнаго вашего извѣстія, и высшей тайности, а вѣдая о семъ, мѣры бы ваши, такъ принимали, чтобъ по полученіи указа о дѣйствительномъ походѣ тотчасъ и

II.

Рескриптъ къ генералъ-поручику графу З. Г. Чернышеву.

Отправленнымъ къ вамъ за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ рескриптомъ отъ 26-го числа минувшаго мѣсяца уже предписано для единственнаго вашего извѣстія, что еслибъ до какихъ-либо дѣйствій дошло, вы отъ оныхъ натурально воздержаться имѣете, объявляя, что до полученія точныхъ отъ насъ указовъ не можете вы собою поступить ни на что. Вы могли потому легко предусматривать, что соизволенія нашего нѣтъ, чтобы съ находящимся подъ командою вашею корпусомъ оставались на долго при австрійской арміи. И въ самомъ дѣлѣ, мы хощемъ, чтобы вы со всемъ вашимъ корпусомъ сколько можно скорѣе изъ Австрійскихъ земель выступить и въ Польшу на Познань слѣдовать могли.

Но понеже: 1-е, не сдѣлано въ Польшѣ по пути никакого приготовленія для вашего корпуса, ниже въ крайней скорости сіи приготовленія учинены быть не могутъ; 2) что не извѣстны мы, исправились ли вы учиненными тамо отъ васъ порядками мундирныхъ и аммуниціонныхъ вещей, или какъ скоро исправиться можете, а до полученія тѣхъ вещей не будетъ ли солдатство подвержено претерпѣнію великой нужды при нынѣшнемъ годовомъ времени; 3) что назначены дѣйствительно нами достаточныя суммы денегъ на всѣ государственные и военные расходы, но распоряженія всего того требуетъ еще нѣкотораго времени, слѣдовательно, и къ вамъ на дорожныя вашего корпуса издержки и на пропитаніе въ Польшѣ деньги такъ скоро переведены быть не могутъ, какъ мы того желали бъ, а посолъ графъ Мерси предъ нѣкоторымъ временемъ канцлеру нашему объявилъ, что изъ ассигнованнаго на вашъ корпусъ милліона рублей остальные за выданными вамъ онъ здѣсь выплачивать будетъ, и 4) что надлежитъ назначить вамъ и мѣста, чрезъ которыя бы вы сей трудный и дальній походъ съ меньшимъ для войска нашего изнуреніемъ сдѣлать могли; то выше изображенное наше имянное соизволеніе объявляемъ вамъ чрезъ сіе предварительно для того, дабы вы: 1) до полученія насылаемаго къ вамъ въ скорѣ точнѣйшаго нашего указа содержали сей настоящій для единственнаго вашего извѣстія, и высшей тайности, а вѣдая о семъ, мѣры бы ваши, такъ принимали, чтобъ по полученіи указа о дѣйствительномъ походѣ тотчасъ и

выступить могли, а сіе тѣмъ безпремѣннѣе дѣлаться можетъ, что вашему корпусу и безъ того въ ежечасной къ походу готовности быть надлежитъ. Между тѣмъ крайнее приложите вы стараніе, чтобъ подряженныя вами вещи какъ можно скорѣе поставлены, слѣдовательно, солдатство всѣмъ снабдено будетъ, и 2) пристойнымъ образомъ домогаться, чтобъ изъ ассигнованнаго милліона буде не весь, то по меньшей мѣрѣ нарочитая и такая сумма вамъ выдана и у васъ въ сохраненіи была, съ которою бы вы при будущемъ вступленіи въ Польшу первыя издержки исправить и корпусъ вашъ до претерпѣнія нужды не допустить могли.

Отнынѣ указы къ вамъ будутъ отправляться или прямо отъ насъ съ нашимъ подписаніемъ, или же изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что до движеній вашего корпуса и главныхъ дѣлъ принадлежитъ, по чему и вы имѣете доносить на наши указы прямо къ намъ, а на коллежскія въ помянутую коллегію. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ генваря 20-го дня 1762 года. Подписано: Петръ.

Отправленъ на эстафетѣ того же числа.

III.

Рескриптъ къ генералъ-поручику П. И. Панину въ Кенигсбергъ.

Усмотря изъ реляціи отъ 13-го сего мѣсяца, что королевство Прусское желаетъ отправить сюда депутацію для принесенія намъ всенижайшаго поздравленія съ благополучнымъ нашимъ на престолъ возшествіемъ, а вы, давъ позволеніе выбрать депутатовъ, испрашиваете однакожъ нашего указа о дѣйствительномъ ихъ сюда отправленіи, сей поступокъ васъ всемилостивѣйше апробуемъ и позволяемъ выбираемыхъ депутатовъ сюда отпустить. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ генваря 20-го дня 1762 года.

Подписано: Петръ.

Отправленъ на эстафетѣ того же числа.

IV.

Рескриптъ къ генералъ-поручику князю М. П. Волконскому.

Хотя и писано къ вамъ по повелѣнію нашему отъ нашего тайнаго секретаря Волкова, чтобъ на показанную къ вамъ со стороны

выступить могли, а сіе тѣмъ безпремѣннѣе дѣлаться можетъ, что вашему корпусу и безъ того въ ежечасной къ походу готовности быть надлежитъ. Между тѣмъ крайнее приложите вы стараніе, чтобъ подряженныя вами вещи какъ можно скорѣе поставлены, слѣдовательно, солдатство всѣмъ снабдено будетъ, и 2) пристойнымъ образомъ домогаться, чтобъ изъ ассигнованнаго милліона буде не весь, то по меньшей мѣрѣ нарочитая и такая сумма вамъ выдана и у васъ въ сохраненіи была, съ которою бы вы при будущемъ вступленіи въ Польшу первыя издержки исправить и корпусъ вашъ до претерпѣнія нужды не допустить могли.

Отнынѣ указы къ вамъ будутъ отправляться или прямо отъ насъ съ нашимъ подписаніемъ, или же изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что до движеній вашего корпуса и главныхъ дѣлъ принадлежитъ, по чему и вы имѣете доносить на наши указы прямо къ намъ, а на коллежскія въ помянутую коллегію. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ генваря 20-го дня 1762 года. Подписано: Петръ.

Отправленъ на эстафетѣ того же числа.

III.

Рескриптъ къ генералъ-поручику П. И. Панину въ Кенигсбергъ.

Усмотря изъ реляціи отъ 13-го сего мѣсяца, что королевство Прусское желаетъ отправить сюда депутацію для принесенія намъ всенижайшаго поздравленія съ благополучнымъ нашимъ на престолъ возшествіемъ, а вы, давъ позволеніе выбрать депутатовъ, испрашиваете однакожъ нашего указа о дѣйствительномъ ихъ сюда отправленіи, сей поступокъ васъ всемилостивѣйше апробуемъ и позволяемъ выбираемыхъ депутатовъ сюда отпустить. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ генваря 20-го дня 1762 года.

Подписано: Петръ.

Отправленъ на эстафетѣ того же числа.

IV.

Рескриптъ къ генералъ-поручику князю М. П. Волконскому.

Хотя и писано къ вамъ по повелѣнію нашему отъ нашего тайнаго секретаря Волкова, чтобъ на показанную къ вамъ со стороны

его величества короля Прусскаго первую атенцію освобожденіемъ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ сдѣлали вы принцу Беверискому именемъ нашимъ обнадеживаніе, что всѣмъ показываемымъ благоугодностямъ и съ нашей стороны равномѣрное взаимство показуемо будетъ, и что не токмо надлежитъ постановленное вами между форпостами недѣйствіе неотмѣнно продолжать, но что и на предложенное вамъ со стороны помянутаго принца перемиріе или армистицію поступить можно, однакожь по важности сего дѣла мы и сами восхотѣли чрезъ сіе объявить всѣмъ наши соизволенія.

Отъ какихъ бы причинъ не происходила сія атенція короля Прусскаго, и пускай былъ онъ къ тому побужденъ единственною политикою, дабы вмѣсто выдаваемыхъ нашимъ плѣнныхъ получить своихъ, которыхъ число гораздо болѣе, однакоже тѣмъ не меньше подлинно, что благопристойность и самое наше достоинство требуетъ показать тому совершенное взаимство. Сего ради и повелѣли мы нашему генералъ-фельдмаршалу графу Солтыкову, чтобы онъ такимъ же образомъ началъ прусскихъ плѣнныхъ выдавать, какъ то съ королевской прусской стороны дѣлается, и какъ вы то изъ приложенной при семъ копіи пространнѣе усмотрите.

Что же принадлежитъ до недѣйствія форпостовъ и до предложеннаго вамъ отъ принца Беверискаго перемирія, то изъ предыдущихъ нашихъ указовъ къ графу Румянцову и къ вамъ отправленныхъ могли вы заключить, что не было токмо нашего намѣренія первый къ тому поступокъ сдѣлать, а не было же и удаленія если бы съ прусской стороны начало къ тому учинено было.

И какъ оное теперь съ ихъ стороны дѣйствительно воспослѣдовало, и такимъ обязательнымъ образомъ, то и повелѣваемъ вамъ къ принцу Беверискому знать дать, что хотя собою и не могли вы тотчасъ принять предложенія о перемиріи, однакоже на учиненное намъ о томъ донесеніе тотчасъ получили указъ и на оное поступить, да въ слѣдствіе того и дѣйствительно формальный и въ такихъ случаяхъ между генералами обыкновенный договоръ постановить и подписать имѣете.

Въ кондиціяхъ сего договора надлежитъ включить: 1) что сіе перемиріе имѣетъ продолжаться пока между нами далѣе, о чемъ либо договорено и постановлено не будетъ; 2) симъ перемиріемъ разумѣемъ мы не токмо весь вашъ корпусъ, но и всю армію, слѣдовательно, и корпусъ генералъ-поручика графа Чернышева; 3) и понеже такимъ образомъ дѣлаемъ мы его величеству королю Прусскому гораздо болѣе, нежели онъ на сей разъ для насъ сдѣлать

его величества короля Прусскаго первую атенцію освобожденіемъ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ сдѣлали вы принцу Беверискому именемъ нашимъ обнадеживаніе, что всѣмъ показываемымъ благоугодностямъ и съ нашей стороны равномѣрное взаимство показуемо будетъ, и что не токмо надлежитъ постановленное вами между форпостами недѣйствіе неотмѣнно продолжать, но что и на предложенное вамъ со стороны помянутаго принца перемиріе или армистицію поступить можно, однакожь по важности сего дѣла мы и сами восхотѣли чрезъ сіе объявить всѣмъ наши соизволенія.

Отъ какихъ бы причинъ не происходила сія атенція короля Прусскаго, и пускай былъ онъ къ тому побужденъ единственною политикою, дабы вмѣсто выдаваемыхъ нашимъ плѣнныхъ получить своихъ, которыхъ число гораздо болѣе, однакоже тѣмъ не меньше подлинно, что благопристойность и самое наше достоинство требуетъ показать тому совершенное взаимство. Сего ради и повелѣли мы нашему генералъ-фельдмаршалу графу Солтыкову, чтобы онъ такимъ же образомъ началъ прусскихъ плѣнныхъ выдавать, какъ то съ королевской прусской стороны дѣлается, и какъ вы то изъ приложенной при семъ копіи пространнѣе усмотрите.

Что же принадлежитъ до недѣйствія форпостовъ и до предложеннаго вамъ отъ принца Беверискаго перемирія, то изъ предыдущихъ нашихъ указовъ къ графу Румянцову и къ вамъ отправленныхъ могли вы заключить, что не было токмо нашего намѣренія первый къ тому поступокъ сдѣлать, а не было же и удаленія если бы съ прусской стороны начало къ тому учинено было.

И какъ оное теперь съ ихъ стороны дѣйствительно воспослѣдовало, и такимъ обязательнымъ образомъ, то и повелѣваемъ вамъ къ принцу Беверискому знать дать, что хотя собою и не могли вы тотчасъ принять предложенія о перемиріи, однакоже на учиненное вамъ о томъ доношеніе тотчасъ получили указъ и на оное поступить, да въ слѣдствіе того и дѣйствительно формальный и въ такихъ случаяхъ между генералами обыкновенный договоръ постановить и подписать имѣете.

Въ кондиціяхъ сего договора надлежитъ включить: 1) что сіе перемиріе имѣетъ продолжаться пока между нами далѣе, о чемъ либо договорено и постановлено не будетъ; 2) симъ перемиріемъ разумѣемъ мы не токмо весь вашъ корпусъ, но и всю армію, слѣдовательно, и корпусъ генералъ-поручика графа Чернышева; 3) и понеже такимъ образомъ дѣлаемъ мы его величеству королю Прусскому гораздо болѣе, нежели онъ на сей разъ для насъ сдѣлать

можетъ, потому что теперь противъ нашихъ силъ онъ имѣетъ весьма мало, то дабы въ томъ нѣкотораго достигнуть уровненія, вы имѣете неотмѣнно домогаться и обдержать, чтобъ его королевскія прусскія войска отнюдь не переходили на здѣшнюю сторону рѣки Одера во всей Помераніи, и самый Штетинскій и Кюстринскій гарнизоны не патрулеровали бы далѣе, какъ на нѣкоторое не большое и точно вами назначиваемое разстояніе; 4) чтобъ изъ Шлезіи никакимъ войска въ Польшу вводимы не были, и 5) чтобъ помянутому графа Чернышева корпусу, когда онъ того потребуетъ не токмо свободный проходъ Шлезію ближайшею и кратчайшею дорогою дозволенъ былъ, но чтобы и всякое необходимо нужное вспоможеніе провіантомъ, фуражемъ и подводами до польскихъ границъ неотмѣнно показуемо было, увѣряя напротивъ того, что помянутый корпусъ во время своего прохода строжайшую дисциплину наблюдать и земли, черезъ которыя пойдетъ, за пріятельскія почитать будетъ.

Сколь скоро сей договоръ состоится, вы тотчасъ чрезъ нарочнаго имѣетѣ о томъ дать знать помянутому графу Чернышеву. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ февраля 5-го дня 1762 года.

Подписано: Петръ.

Отправленъ на эстафетѣ того же числа подъ кувертомъ къ генералъ-поручику Панину.

V.

Къ королю Прусскому Фридриху II [1]).

15-го февраля 1762 года. С.-Петербургъ.

„Господинъ мой братъ! Ваше величество увѣдомлены уже чрезъ посредство моего генералъ-поручика князя Волконскаго, что, всегда за удовольствіе себѣ почитая подавать вамъ удостовѣрительные опыты моей дружбы и моего прилежанія всему тому соотвѣтство-

[1]) Это письмо помѣщается здѣсь въ современномъ русскомъ переводѣ; кстати помѣщаемъ и одно извѣстное намъ письмо Фридриха II къ Петру III, при чемъ сохраняемъ орѳографію собственноручнаго подлинника:

Breslau, le 6 fevrier 1762.

Monsieur mon frere! Votre Majesté Imperialle voudera bien que je la felicite sur son avenement au Trone je l assure que de tout Les Compliments qu'Elle resevera, Sur ce Sujet il n'en est aucun ausi sincere que Le mien ni que personne ne luy souhaite plus de pros-

можетъ, потому что теперь противъ нашихъ силъ онъ имѣетъ весьма мало, то дабы въ томъ нѣкотораго достигнуть уровненія, вы имѣете неотмѣнно домогаться и обдержать, чтобъ его королевскія прусскія войска отнюдь не переходили на здѣшнюю сторону рѣки Одера во всей Помераніи, и самый Штетинскій и Кюстринскій гарнизоны не патрулеровали бы далѣе, какъ на нѣкоторое не большое и точно вами назначиваемое разстояніе; 4) чтобъ изъ Шлезіи никакимъ войска въ Польшу вводимы не были, и 5) чтобъ помянутому графа Чернышева корпусу, когда онъ того потребуетъ не токмо свободный проходъ Шлезію ближайшею и кратчайшею дорогою дозволенъ былъ, но чтобы и всякое необходимо нужное вспоможеніе провіантомъ, фуражемъ и подводами до польскихъ границъ неотмѣнно показуемо было, увѣряя напротивъ того, что помянутый корпусъ во время своего прохода строжайшую дисциплину наблюдать и земли, черезъ которыя пойдетъ, за пріятельскія почитать будетъ.

Сколь скоро сей договоръ состоится, вы тотчасъ чрезъ нарочнаго имѣетѣ о томъ дать знать помянутому графу Чернышеву. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ февраля 5-го дня 1762 года.

Подписано: Петръ.

Отправленъ на эстафетѣ того же числа подъ кувертомъ къ генералъ-поручику Панину.

V.

Къ королю Прусскому Фридриху II [1]).

15-го февраля 1762 года. С.-Петербургъ.

„Господинъ мой братъ! Ваше величество увѣдомлены уже чрезъ посредство моего генералъ-поручика князя Волконскаго, что, всегда за удовольствіе себѣ почитая подавать вамъ удостовѣрительные опыты моей дружбы и моего прилежанія всему тому соотвѣтство-

[1]) Это письмо помѣщается здѣсь въ современномъ русскомъ переводѣ; кстати помѣщаемъ и одно извѣстное намъ письмо Фридриха II къ Петру III, при чемъ сохраняемъ орѳографію собственноручнаго подлинника:

Breslau, le 6 fevrier 1762.

Monsieur mon frere! Votre Majesté Imperialle voudera bien que je la felicite sur son avenement au Trone je l assure que de tout Les Compliments qu'Elle resevera, Sur ce Sujet il n'en est aucun ausi sincere que Le mien ni que personne ne luy souhaite plus de pros-

вать, что̀ ваше величество пріятнаго или обязательнаго для меня сдѣлать изволили бъ, — не умедлилъ я ни мало потребные указы отправить, дабы плѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро отъ помянутаго князя Волконскаго мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ обоихъ соединялъ, и который вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ склонностямъ, не могу я долѣе здѣсь удерживать вашего генералъ-поручика Зейдлица и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы я ихъ при моемъ дворѣ. Я не могу обойтись — отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являть не переставали, такъ что первому изъ нихъ не усумнился я довѣрить мои мнѣнія, а потому и прошу ваше величество благосклонно его выслушать и вѣру тому подать, что̀ онъ съ моей стороны вамъ донесетъ. Но ваше величество крайне обяжете меня, когда соизволите къ поданнымъ уже мнѣ дружбы вашей опытамъ присовокупить еще единый, дозволяя Вернеру въ мою службу вступить и показуя Горту отличную и единственную милость, которой онъ уповать смѣетъ: премѣняя нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка. Одинъ здѣсь, а другой въ арміи вашего величества будутъ мнѣ залогомъ вашей дружбы и свидѣтельствомъ для всего свѣта сентиментовъ почтенія и преданности, съ коими я есть, господинъ мой братъ, вашего величества другъ и братъ Петръ.

VI.

Къ нему же [1]).

(*число не обозначено*).

Monsieur mon frére! Comme vostre adjutant Monsieur de Steuben part je n'ai pas voulue laisser echapper un occasion si agreable

---

pirité que moy, ni no desire plus de retablir La bonne et ansiene harmonie entre Les Deux etats, que de Malheureuses intrigues de mes enemis ont troublés pour des avantages etrangers, en un mot Votre Majesté Imperialle me trouvera dans les dispositions ou Elle peut me Souhaiter a Son Egard, je lui demende de meme la Continuation de Sa presieuse amitié en l'assurant de la Haute estime avec la quelle je Suis Monsieur mon frere De Votre Majesté Imperialle le tres fidelle et bon frere Frederic.

[1]) Съ собственноручной черновой. Правописаніе подлинника сохранено.

вать, что̀ ваше величество пріятнаго или обязательнаго для меня сдѣлать изволили бъ, — не умедлилъ я ни мало потребные указы отправить, дабы плѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро отъ помянутаго князя Волконскаго мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ обоихъ соединялъ, и который вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ склонностямъ, не могу я долѣе здѣсь удерживать вашего генералъ-поручика Зейдлица и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы я ихъ при моемъ дворѣ. Я не могу обойтись — отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являть не переставали, такъ что первому изъ нихъ не усумнился я довѣрить мои мнѣнія, а потому и прошу ваше величество благосклонно его выслушать и вѣру тому подать, что̀ онъ съ моей стороны вамъ донесетъ. Но ваше величество крайне обяжете меня, когда соизволите къ поданнымъ уже мнѣ дружбы вашей опытамъ присовокупить еще единый, дозволяя Вернеру въ мою службу вступить и показуя Горту отличную и единственную милость, которой онъ уповать смѣетъ: премѣняя нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка. Одинъ здѣсь, а другой въ арміи вашего величества будутъ мнѣ залогомъ вашей дружбы и свидѣтельствомъ для всего свѣта сентиментовъ почтенія и преданности, съ коими я есть, господинъ мой братъ, вашего величества другъ и братъ Петръ.

VI.

Къ нему же [1]).

(*число не обозначено*).

Monsieur mon frére! Comme vostre adjutant Monsieur de Steuben part je n'ai pas voulue laisser echapper un occasion si agreable

---

pirité que moy, ni ne desire plus de retablir La bonne et ansiene harmonie entre Les Deux etats, que de Malheureuses intrigues de mes enemis ont troublés pour des avantages etrangers, en un mot Votre Majesté Imperialle me trouvera dans les dispositions ou Elle peut me Souhaiter a Son Egard, je lui demende de meme la Continuation de Sa presieuse amitié en l'assurant de la Haute estime avec la quelle je Suis Monsieur mon frere De Votre Majesté Imperialle le tres fidelle et bon frere Frederic.

[1]) Съ собственноручной черновой. Правописаніе подлинника сохранено.

pour moy de vous donner des assurances reiterées de mon amitié sans fin que je conserverai toute ma vie pour Vostre Majesté, monsieur pourra dire de bouche ma maniere de penser dont il a este tous les jours temoins oculaire au reste cest un brave garçon et un officier autant que je my entend qui scai parfaitement le service je vous le recomende comme un homme qui scest par sa bonne conduite attiré l'estime de tout le monde.

(*подписи нѣтъ*).

VII.

Указъ вице-адмиралу Люнсу, контръ-адмиралу Мордвинову, контръ-адмиралу Милославскому и капитанъ-командору Нагаеву [1]).

Зная съ одной стороны, что нынѣшнее состояніе флота требуетъ не малаго поправленія, а съ другой напротивъ того, ваше къ службѣ усердіе и пріобрѣтенное знаніе во всемъ до того принадлежащемъ, заблагоразсудили мы учредить для того нарочную и отъ нашихъ токмо повелѣній зависящую коммиссію, а присутствующими въ оную всемилостивѣйше избрали и назначили мы васъ.

Изъ приложенной при семъ копіи сдѣланнаго отъ насъ о семъ сенату отъ сего же числа указа, хотя и вкратцѣ составленнаго, удобно однакоже усмотрите вы, коль важно и велико возлагаемо на васъ дѣло, коль отмѣнна потому наша къ вамъ милость и довѣренность, и чего требуетъ отъ васъ потому долгъ, вѣрность и честь.

Мы коротко объявимъ вамъ, что знатность имперіи нашей и существительнѣйшіе ея интересы неотмѣнно требуютъ сдѣлать и во всегдашней исправности содержать такой флотъ, который бы надежно превосходилъ флоты прочихъ на Балтійскомъ морѣ владычествующихъ державъ. А сего краткаго объявленія и имѣло бы предовольно быть вашему знанію и усердію, дабы къ тому надежныя и ближайшія средства изыскать и намъ такой полный планъ представить, по которому бы неотмѣнно бы ваше изображенное намѣреніе достигнуто быть могло, однакожь чтобъ и собственному нашему великому о томъ попеченію сдѣлать удовольствіе, и ваши

---

[1]) Именнымъ указомъ отъ 16-го февраля 1762 г. учреждена комиссія для приведенія въ лучшее состояніе флотовъ, въ составъ которой назначены членами поименованныя лица (П. С. З., т. XV, № 11.442).

pour moy de vous donner des assurances reiterées de mon amitié sans fin que je conserverai toute ma vie pour Vostre Majesté, monsieur pourra dire de bouche ma maniere de penser dont il a este tous les jours temoins oculaire au reste cest un brave garçon et un officier autant que je my entend qui scai parfaitement le service je vous le recomende comme un homme qui scest par sa bonne conduite attiré l'estime de tout le monde.

(*подписи нѣтъ*).

VII.

Указъ вице-адмиралу Люнсу, контръ-адмиралу Мордвинову, контръ-адмиралу Милославскому и капитанъ-командору Нагаеву [1]).

Зная съ одной стороны, что нынѣшнее состояніе флота требуетъ не малаго поправленія, а съ другой напротивъ того, ваше къ службѣ усердіе и пріобрѣтенное знаніе во всемъ до того принадлежащемъ, заблагоразсудили мы учредить для того нарочную и отъ нашихъ токмо повелѣній зависящую коммиссію, а присутствующими въ оную всемилостивѣйше избрали и назначили мы васъ.

Изъ приложенной при семъ копіи сдѣланнаго отъ насъ о семъ сенату отъ сего же числа указа, хотя и вкратцѣ составленнаго, удобно однакоже усмотрите вы, коль важно и велико возлагаемо на васъ дѣло, коль отмѣнна потому наша къ вамъ милость и довѣренность, и чего требуетъ отъ васъ потому долгъ, вѣрность и честь.

Мы коротко объявимъ вамъ, что знатность имперіи нашей и существительнѣйшіе ея интересы неотмѣнно требуютъ сдѣлать и во всегдашней исправности содержать такой флотъ, который бы надежно превосходилъ флоты прочихъ на Балтійскомъ морѣ владычествующихъ державъ. А сего краткаго объявленія и имѣло бы предовольно быть вашему знанію и усердію, дабы къ тому надежныя и ближайшія средства изыскать и намъ такой полный планъ представить, по которому бы неотмѣнно бы ваше изображенное намѣреніе достигнуто быть могло, однакожь чтобъ и собственному нашему великому о томъ попеченію сдѣлать удовольствіе, и ваши

---

[1]) Именнымъ указомъ отъ 16-го февраля 1762 г. учреждена комиссія для приведенія въ лучшее состояніе флотовъ, въ составъ которой назначены членами поименованныя лица (П. С. З., т. XV, № 11.442).

труды облегчить по возможности, то предписываемъ вамъ нижеслѣдующее за правило:

Во первыхъ, памятовать надлежитъ, что сила и знатность флота не въ одномъ великомъ числѣ кораблей, матросовъ и корабельныхъ пушекъ состоитъ, но что во первыхъ и главнѣйшее потребны къ тому искусные флагманы и офицеры, а потомъ такое благоразумное и запасное во всемъ учрежденіе, чтобы случающіяся разными внезапными приключеніями утраты, скоро и надежно награждаемы быть могли. Безъ того не надолго станетъ, какой бы великій флотъ теперь вдругъ построенъ ни былъ. Безъ того самый лучшій и на самыхъ неоспоримыхъ надежностяхъ основываемый вами планъ никогда въ исполненіе приведенъ быть не можетъ, если не достанетъ также искусныхъ и также ревностныхъ исполнителей.

Изъ сего натурально и слѣдуетъ, что возлагаемая нами на васъ должность раздѣляется на три существительныя части:

1) Презрѣвъ недостойное нашей къ вамъ повѣренности и знанія вѣрныхъ рабовъ лицепріятіе, а памятуя одинъ долгъ и нашу волю, безпристрастно разсмотрѣть, кто изъ настоящихъ флагъ и прочихъ офицеровъ къ дѣйствительному ихъ должности исполненію прямо способенъ, и кто выше изображенному намѣренію содѣйствовать и исполнителемъ сего быть можетъ; кто напротивъ того плп тунеядцы или и со всею доброю охотою не способны однакоже къ сей службѣ, и о таковыхъ къ намъ представить, — дабы первые нашею милостію взысканы и къ дальнѣйшей ревностной службѣ поощрены, а другіе какъ неисключимые, отставлены или къ другой службѣ съ большею пользою употреблены быть могли. При семъ разсмотрѣніи прійдетъ само собою и другое, откуда недостающее число достойныхъ и способныхъ людей скорѣе получить, и сіе разумѣется, какъ о флотскихъ, такъ и адмиралтейскихъ и артиллерійскихъ чинахъ. Здѣсь отнюдь не надобно вамъ размышлять, принадлежитъ ли вамъ разсматривать такъ строго о высшихъ или равныхъ себѣ. Повѣренность наша къ вамъ васъ къ тому уполномочиваетъ, и неисполненіе сего будетъ должности вашей преступленіемъ.

Имѣя о высшихъ и нижнихъ офицерахъ попеченіе, справедливо распространить оное и до самыхъ матросовъ и другихъ нижнихъ чиновъ, и сыскавъ, отъ чего толь великое число оныхъ ежегодно въ комплектъ надобно бываетъ, и не теряются ли люди или излишнимъ изнуреніемъ, или наказательнымъ небреженіемъ, принять

труды облегчить по возможности, то предписываемъ вамъ нижеслѣдующее за правило:

Во первыхъ, памятовать надлежитъ, что сила и знатность флота не въ одномъ великомъ числѣ кораблей, матросовъ и корабельныхъ пушекъ состоитъ, но что во первыхъ и главнѣйшее потребны къ тому искусные флагманы и офицеры, а потомъ такое благоразумное и запасное во всемъ учрежденіе, чтобы случающіяся разными внезапными приключеніями утраты, скоро и надежно награждаемы быть могли. Безъ того не надолго станетъ, какой бы великій флотъ теперь вдругъ построенъ ни былъ. Безъ того самый лучшій и на самыхъ неоспоримыхъ надежностяхъ основываемый вами планъ никогда въ исполненіе приведенъ быть не можетъ, если не достанетъ также искусныхъ и также ревностныхъ исполнителей.

Изъ сего натурально и слѣдуетъ, что возлагаемая нами на васъ должность раздѣляется на три существительныя части:

1) Презрѣвъ недостойное нашей къ вамъ повѣренности и знанія вѣрныхъ рабовъ лицепріятіе, а памятуя одинъ долгъ и нашу волю, безпристрастно разсмотрѣть, кто изъ настоящихъ флагъ и прочихъ офицеровъ къ дѣйствительному ихъ должности исполненію прямо способенъ, и кто выше изображенному намѣренію содѣйствовать и исполнителемъ сего быть можетъ; кто напротивъ того плп тунеядцы или и со всею доброю охотою не способны однакоже къ сей службѣ, и о таковыхъ къ намъ представить, — дабы первые нашею милостію взысканы и къ дальнѣйшей ревностной службѣ поощрены, а другіе какъ неисключимые, отставлены или къ другой службѣ съ большею пользою употреблены быть могли. При семъ разсмотрѣніи прійдетъ само собою и другое, откуда недостающее число достойныхъ и способныхъ людей скорѣе получить, и сіе разумѣется, какъ о флотскихъ, такъ и адмиралтейскихъ и артиллерійскихъ чинахъ. Здѣсь отнюдь не надобно вамъ размышлять, принадлежитъ ли вамъ разсматривать такъ строго о высшихъ или равныхъ себѣ. Повѣренность наша къ вамъ васъ къ тому уполномочиваетъ, и неисполненіе сего будетъ должности вашей преступленіемъ.

Имѣя о высшихъ и нижнихъ офицерахъ попеченіе, справедливо распространить оное и до самыхъ матросовъ и другихъ нижнихъ чиновъ, и сыскавъ, отъ чего толь великое число опыхъ ежегодно въ комплектъ надобно бываетъ, и не теряются ли люди или излишнимъ изнуреніемъ, или наказательнымъ небреженіемъ, принять

противъ того, такъ и къ тому надежныя мѣры, чтобы матросы и всѣ нижніе служители каждый въ своемъ званіи свѣдущи и научены были.

2) Вѣрныя средства сыскать, какимъ образомъ въ непродолжительное время корабельный и генеральный флоты не токмо въ положенное регламентомъ вселюбезнѣйшаго дѣда нашего государя императора Петра Перваго славныя памяти число къ службѣ надежныхъ кораблей и другихъ военныхъ судовъ привести и вооружить, но хотя четвертою частію и умножить оное.

Сей пунктъ весьма пространенъ, тутъ надобно будетъ разсматривать, откуда лѣса получать, гдѣ, какъ и какимъ числомъ людей строить, дабы великимъ числомъ вдругъ заложенные корабли не начали гнить, прежде нежели къ службѣ вооружены будутъ; есть ли вся потребная къ тому артиллерія и ея припасы, и откуда ихъ получить; есть ли и весь такелажъ, и когда оный получить можно; да наконецъ сколько и денегъ къ тому потребно, и также гдѣ удобнѣе сей великій флотъ содержать.

3) Уже выше сказано, что не надолго станетъ, и сего великимъ числомъ вдругъ заводимаго флота, если не сдѣлается такое запасное учрежденіе, чтобы случающіяся разными приключеніями утраты скоро и надежно награждаемы быть могли. Сего ради дѣлая планъ, какимъ образомъ скорѣе теперь привести флотъ въ желаемое нами состояніе, въ тоже время и о томъ надежный и достаточный планъ сочинить надлежитъ, откуда оный содержать, и изъ какихъ ресурсовъ скоро и надежно награждать случающіяся утраты.

Сей пунктъ почти пространнѣе еще втораго. Тутъ надобно не токмо о томъ думать, чѣмъ магазины единожды наполнить и ихъ такъ учредить, чтобы хранимое въ оныхъ было на пользу, а не для червей и праху, но еще о томъ, откуда убываемое изъ оныхъ магазиновъ и паки наполнять. Тутъ должно будетъ смотрѣть, бережется ли лѣсъ въ Казанской губерніи, сколько надобно; такоеели прилагается стараніе о разложеніи онаго впредь, сколько государственная нужда и будущая благодарность потомковъ требуетъ; не разорены ли приписанныя для того къ Казанскому адмиралтейству новокрещены, столько что не дѣлу помощь подавать могутъ, но сами скорой помощи требуютъ, и не надлежитъ ли и какимъ образомъ имъ помощь подать; не запрещены ли лѣса, въ какихъ мѣстахъ, откуда оные для корабельнаго строенія и когда получаемъ быть не можетъ, и не лучше ли

противъ того, такъ и къ тому надежныя мѣры, чтобы матросы и всѣ нижніе служители каждый въ своемъ званіи свѣдущи и научены были.

2) Вѣрныя средства сыскать, какимъ образомъ въ непродолжительное время корабельный и генеральный флоты не токмо въ положенное регламентомъ вселюбезнѣйшаго дѣда нашего государя императора Петра Перваго славныя памяти число къ службѣ надежныхъ кораблей и другихъ военныхъ судовъ привести и вооружить, но хотя четвертою частію и умножить оное.

Сей пунктъ весьма пространенъ, тутъ надобно будетъ разсматривать, откуда лѣса получать, гдѣ, какъ и какимъ числомъ людей строить, дабы великимъ числомъ вдругъ заложенные корабли не начали гнить, прежде нежели къ службѣ вооружены будутъ; есть ли вся потребная къ тому артиллерія и ея припасы, и откуда ихъ получить; есть ли и весь такелажъ, и когда оный получить можно; да наконецъ сколько и денегъ къ тому потребно, и также гдѣ удобнѣе сей великій флотъ содержать.

3) Уже выше сказано, что не надолго станетъ, и сего великимъ числомъ вдругъ заводимаго флота, если не сдѣлается такое запасное учрежденіе, чтобы случающіяся разными приключеніями утраты скоро и надежно награждаемы быть могли. Сего ради дѣлая планъ, какимъ образомъ скорѣе теперь привести флотъ въ желаемое нами состояніе, въ тоже время и о томъ надежный и достаточный планъ сочинить надлежитъ, откуда оный содержать, и изъ какихъ ресурсовъ скоро и надежно награждать случающіяся утраты.

Сей пунктъ почти пространнѣе еще втораго. Тутъ надобно не токмо о томъ думать, чѣмъ магазины единожды наполнить и ихъ такъ учредить, чтобы хранимое въ оныхъ было на пользу, а не для червей и праху, но еще о томъ, откуда убываемое изъ оныхъ магазиновъ и паки наполнять. Тутъ должно будетъ смотрѣть, бережется ли лѣсъ въ Казанской губерніи, сколько надобно; такоели прилагается стараніе о разложеніи онаго вновь, сколько государственная нужда и будущая благодарность потомковъ требуетъ; не разорены ли приписанныя для того къ Казанскому адмиралтейству новокрещены, столько что не дѣлу помощь подавать могутъ, но сами скорой помощи требуютъ, и не надлежитъ ли и какимъ образомъ имъ помощь подать; не запрещены ли лѣса, въ какихъ мѣстахъ, откуда оные для корабельнаго строенія и когда получаемъ быть не можетъ, и не лучше ли

вмѣсто того, что вальдмейстерами разоряются тѣ провинціи, сей тягости ихъ совсѣмъ избавить, а за то на чрезвычайныя флота нуждѣнія нѣкоторую сносную и умѣренную подать наложить; не истребляется ли напротивъ того лѣсъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оный для службы флотской гораздо надобнѣе.

Великаго требуютъ труда сіи три пункта, однакожь они не свыше силъ и вашего искусства и усердія, а вѣрнымъ того знакомъ будетъ, когда вы окончите оный со всею возможною скоростію и осторожнымъ разсмотрѣніемъ, а дабы въ средствахъ у васъ къ тому недостатка не было, то изъ приложенной копіи съ указа въ нашъ сенатъ усмотрите, что вы зависимы единственно отъ нашихъ повелѣній, что можете со членами и помощниками себѣ принять, кого къ тому нужнымъ и способнымъ найдете, и всѣ тѣ извѣстія и служителей получать, какіе токмо потребны быть могутъ.

Въ окончаніе повелѣваемъ и о томъ достаточное распоряженіе сдѣлать, чтобы адмиралтейство со всѣми къ оному принадлежностями скорѣе въ Кронштадтъ переведено, а тѣмъ главное намѣреніе не затруднено, но паче облегчено было. Подписано: Петръ.
Въ С.-Петербургѣ, февраля 16-го дня
1762 г., отосланъ того же числа.

VIII.

Къ генералъ-фельдмаршалу князю Н. Ю. Трубецкому.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ! Высочайшее соизволеніе мое есть, корпусъ лейбъ-компаніи, котораго службою мы довольны, распредѣлить по другимъ мѣстамъ, взыскавъ нашею милостію всѣхъ въ ономъ служащихъ по заслугамъ и достоинству каждаго. Сего ради имѣете вы, помянутый корпусъ лейбъ-компаніи собравъ, объявить оному выше изображенное наше милостивое намѣреніе, съ тѣмъ дабы каждый объявилъ, кто въ какую службу или въ отставку желаетъ, а въ вашемъ по тому ко мнѣ представленіи присовокупите вы свое мнѣніе, ибо весьма справедливо дѣлать различеніе между тѣми, кои долгое время, а особливо съ самаго заведенія сего корпуса служатъ, и между тѣми, кои недавно въ оный вступили и, бывъ въ меньшихъ чинахъ, единымъ въ сей корпусъ опредѣленіемъ уже награждены были. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 17-го дня
1762 г., отосланъ того-же числа.

вмѣсто того, что вальдмейстерами разоряются тѣ провинціи, сей тягости ихъ совсѣмъ избавить, а за то на чрезвычайныя флота нуждѣнія нѣкоторую сносную и умѣренную подать наложить; не истребляется ли напротивъ того лѣсъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оный для службы флотской гораздо надобнѣе.

Великаго требуютъ труда сіи три пункта, однакожь они не свыше силъ и вашего искусства и усердія, а вѣрнымъ того знакомъ будетъ, когда вы окончите оный со всею возможною скоростію и осторожнымъ разсмотрѣніемъ, а дабы въ средствахъ у васъ къ тому недостатка не было, то изъ приложенной копіи съ указа въ нашъ сенатъ усмотрите, что вы зависимы единственно отъ нашихъ повелѣній, что можете со членами и помощниками себѣ принять, кого къ тому нужнымъ и способнымъ найдете, и всѣ тѣ извѣстія и служителей получать, какіе токмо потребны быть могутъ.

Въ окончаніе повелѣваемъ и о томъ достаточное распоряженіе сдѣлать, чтобы адмиралтейство со всѣми къ оному принадлежностями скорѣе въ Кронштадтъ переведено, а тѣмъ главное намѣреніе не затруднено, но паче облегчено было. Подписано: Петръ.
Въ С.-Петербургѣ, февраля 16-го дня
1762 г., отосланъ того же числа.

VIII.

Къ генералъ-фельдмаршалу князю Н. Ю. Трубецкому.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ! Высочайшее соизволеніе мое есть, корпусъ лейбъ-компаніи, котораго службою мы довольны, распредѣлить по другимъ мѣстамъ, взыскавъ нашею милостію всѣхъ въ ономъ служащихъ по заслугамъ и достоинству каждаго. Сего ради имѣете вы, помянутый корпусъ лейбъ-компаніи собравъ, объявить оному выше изображенное наше милостивое намѣреніе, съ тѣмъ дабы каждый объявилъ, кто въ какую службу или въ отставку желаетъ, а въ вашемъ по тому ко мнѣ представленіи присовокупите вы свое мнѣніе, ибо весьма справедливо дѣлать различеніе между тѣми, кои долгое время, а особливо съ самаго заведенія сего корпуса служатъ, и между тѣми, кои недавно въ оный вступили и, бывъ въ меньшихъ чинахъ, единымъ въ сей корпусъ опредѣленіемъ уже награждены были. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 17-го дня
1762 г., отосланъ того-же числа.

IX.

Рескриптъ къ генералъ-фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову.

По весьма долгомъ отъ васъ молчаніи наслали вы къ намъ вдругъ столько реляцій, что едва доставало намъ время прочитать оныя, ибо, начиная съ № 6 по 35, включая и оный, получены почти въ одно время, такъ что невозможно было особливо на каждую экспедицію отвѣтствовать. Да мы и теперь при великихъ нашихъ по другимъ дѣламъ упражненіяхъ объявимъ вамъ соизволенія наши единственно на реляціи, кои содержатъ нѣчто важнаго и нашей резолюціи требуютъ, а на которыя надобно одно только объясненіе, то сдѣлаетъ вамъ нашъ тайный секретарь Волковъ.

На реляцію подъ № 8, о прусскихъ дезертирахъ, кои союзникамъ выдаваемы были, повелѣваемъ приходящихъ дезертировъ не принимать, но оставлять каждому на волю идти куда хочетъ, слѣдовательно, и никакихъ расходовъ для нихъ не дѣлать.

Какъ на реляцію подъ № 10, такъ и генерально за правило вамъ служитъ, что всегда съ гданскихъ вердеровъ подводы брать можно, когда армейская нужда того необходимо требуетъ, такъ что если бы и съ самаго города добрымъ манеромъ вспоможеніе получать нашли вы способъ, то получили бы нашу аппробацію.

На реляцію подъ № 13, повелѣваемъ во первыхъ во всей арміи объявить, что отнынѣ вновь никакіе волонтеры при нашей арміи держимы не будутъ; и предпишите вы генералъ-поручику князю Волконскому, чтобы онъ присланнаго къ нему отъ герцога Мекленбургскаго капитана Мекленбурга обратно отпустилъ.

На реляцію № 14, служитъ вамъ во извѣстіе, что всѣ каммергеры носятъ тѣ же еще ключи, какіе они носили прежде, слѣдовательно, и вамъ съ княземъ Голицынымъ до присылки новыхъ старые же носить надобно.

На реляцію № 17, мы весьма склонны служащихъ намъ ревностно офицеровъ милостію нашею взыскивать и снисходить на справедливыя ихъ прошенія, но теперь отнюдь согласиться не можемъ на отпуски не только сюда или въ Лифляндію, но ниже на ближайшее отъ ихъ полковъ и командъ разстояніе.

На реляцію № 19, объявляемъ нашу аппробацію, что вы запретили на стоящій около Познани корпусъ провіантъ вновь закупать, а въ слѣдствіе указа изъ сената нашего повелѣли подвозить

IX.

Рескриптъ къ генералъ-фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову.

По весьма долгомъ отъ васъ молчаніи наслали вы къ намъ вдругъ столько реляцій, что едва доставало намъ время прочитать оныя, ибо, начиная съ № 6 по 35, включая и оный, получены почти въ одно время, такъ что невозможно было особливо на каждую экспедицію отвѣтствовать. Да мы и теперь при великихъ нашихъ по другимъ дѣламъ упражненіяхъ объявимъ вамъ соизволенія наши единственно на реляціи, кои содержатъ нѣчто важнаго и нашей резолюціи требуютъ, а на которыя надобно одно только объясненіе, то сдѣлаетъ вамъ нашъ тайный секретарь Волковъ.

На реляцію подъ № 8, о прусскихъ дезертирахъ, кои союзникамъ выдаваемы были, повелѣваемъ приходящихъ дезертировъ не принимать, но оставлять каждому на волю идти куда хочетъ, слѣдовательно, и никакихъ расходовъ для нихъ не дѣлать.

Какъ на реляцію подъ № 10, такъ и генерально за правило вамъ служитъ, что всегда съ гданскихъ вердеровъ подводы брать можно, когда армейская нужда того необходимо требуетъ, такъ что если бы и съ самаго города добрымъ манеромъ вспоможеніе получать нашли вы способъ, то получили бы нашу аппробацію.

На реляцію подъ № 13, повелѣваемъ во первыхъ во всей арміи объявить, что отнынѣ вновь никакіе волонтеры при нашей арміи держимы не будутъ; и предпишите вы генералъ-поручику князю Волконскому, чтобы онъ присланнаго къ нему отъ герцога Мекленбургскаго капитана Мекленбурга обратно отпустилъ.

На реляцію № 14, служитъ вамъ во извѣстіе, что всѣ каммергеры носятъ тѣ же еще ключи, какіе они носили прежде, слѣдовательно, и вамъ съ княземъ Голицынымъ до присылки новыхъ старые же носить надобно.

На реляцію № 17, мы весьма склонны служащихъ намъ ревностно офицеровъ милостію нашею взыскивать и снисходить на справедливыя ихъ прошенія, но теперь отнюдь согласиться не можемъ на отпуски не только сюда или въ Лифляндію, но ниже на ближайшее отъ ихъ полковъ и командъ разстояніе.

На реляцію № 19, объявляемъ нашу аппробацію, что вы запретили на стоящій около Познани корпусъ провіантъ вновь закупать, а въ слѣдствіе указа изъ сената нашего повелѣли подвозить

оный съ рѣки Вислы. Но какъ тотчасъ по вступленіи нашемъ на престолъ отправленнымъ къ вамъ за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ рескриптомъ отъ 26-го декабря прошлаго года уже дано вамъ дозволеніе изъ познанскаго корпуса нѣсколько полковъ взять и на рѣку Вислу въ случаѣ, чтобы пропитаніе тамо трудно стало, по при примѣнившемся нынѣ состояніи дѣлъ и по воспослѣдуемымъ конечно вскорѣ перемиріи можете вы большую часть пѣхотныхъ полковъ помянутаго корпуса взять на рѣку Вислу, а легкія войска въ такихъ мѣстахъ расположить, гдѣ бы они удобнѣе отдохнуть и дешевле пропитатся могли. Но что до кирасирскихъ того корпуса полковъ принадлежитъ, то всемѣрно стараться надобно, чтобы ихъ какъ можно не трогать, ибо не токмо пребываніе ихъ въ той странѣ для службы нашей весьма потребно быть можетъ но мы, и то уважаемъ, что приближающаяся распутица могла бы весьма вредительна быть на походѣ тяжелой кавалеріи.

По реляціи № 20, о недостигающихъ артилерійскихъ и подъемныхъ лошадяхъ потребные указы военной коллегіи отъ насъ даны.

По реляціи подъ № 25, отъ 5-го сего марта усматриваемъ мы съ многимъ сожалѣніемъ оказующійся въ Помераніи великій недостатокъ фуража и ваше по тому представленіе, чтобы не токмо драгунскихъ, но нѣсколько и пѣхотныхъ полковъ взять оттуда и ввести въ Пруссію. Можетъ всемѣрно недостатокъ быть въ фуражѣ въ Помераніи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ войска, теперь дѣйствительно стоятъ. Но полеже вы вѣдали уже, что во всей Помераніи по здѣшнюю сторону рѣки Одера нѣтъ ни одного прусскаго солдата, что между форпостами недѣйствіе положено, да вскорѣ и генеральное перемиріе воспослѣдовать имѣетъ, то не скроемъ мы вамъ, что крайне удивились мы вашему представленію, во первыхъ, для того, что оное весьма много походитъ на прежнія съ самаго выступленія арміи изъ Лифляндіи еще отъ всѣхъ армейскихъ командировъ присланныя и никогда не аппробованныя, а второе, что никто оспаривать не можетъ, что Помераніи а особливо къ сторонѣ Ландсберга паче всего сѣномъ изобилуетъ.

Сего ради повелѣваемъ вамъ лучше квартиры войскъ въ изобильныя сѣномъ места перемѣнить, нежели о выводѣ оныхъ въ Пруссію помышлять, а теперь только паче, что водяной путь въ тамошнихъ мѣстахъ уже отверстый быть имѣетъ, и такъ все дѣло зависитъ только отъ того, чтобы вы хорошее распоряженіе сдѣлали о подвозѣ туда всего потребнаго водою, чѣмъ и нарядъ

оный съ рѣки Вислы. Но какъ тотчасъ по вступленіи нашемъ на престолъ отправленнымъ къ вамъ за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ рескриптомъ отъ 26-го декабря прошлаго года уже дано вамъ дозволеніе изъ познанскаго корпуса нѣсколько полковъ взять и на рѣку Вислу въ случаѣ, чтобы пропитаніе тамо трудно стало, по при примѣнившемся нынѣ состояніи дѣлъ и по воспослѣдуемымъ конечно вскорѣ перемиріи можете вы большую часть пѣхотныхъ полковъ помянутаго корпуса взять на рѣку Вислу, а легкія войска въ такихъ мѣстахъ расположить, гдѣ бы они удобнѣе отдохнуть и дешевле пропитатся могли. Но что до кіевскихъ того корпуса полковъ принадлежитъ, то всемѣрно стараться надобно, чтобы ихъ какъ можно не трогать, ибо не токмо пребываніе ихъ въ той странѣ для службы нашей весьма потребно быть можетъ но мы, и то уважаемъ, что приближающаяся распутица могла бы весьма вредительна быть на походѣ тяжелой кавалеріи.

По реляціи № 20, о недостигающихъ артилерійскихъ и подъемныхъ лошадяхъ потребные указы военной коллегіи отъ насъ даны.

По реляціи подъ № 25, отъ 5-го сего марта усматриваемъ мы съ многимъ сожалѣніемъ оказующійся въ Помераніи великій недостатокъ фуража и ваше по тому представленіе, чтобы не токмо драгунскихъ, но нѣсколько и пѣхотныхъ полковъ взять оттуда и ввести въ Пруссію. Можетъ всемѣрно недостатокъ быть въ фуражѣ въ Помераніи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ войска, теперь дѣйствительно стоятъ. Но полеже вы вѣдали уже, что во всей Помераніи по здѣшнюю сторону рѣки Одера нѣтъ ни одного прусскаго солдата, что между форпостами недѣйствіе положено, да вскорѣ и генеральное перемиріе воспослѣдовать имѣетъ, то не скроемъ мы вамъ, что крайне удивились мы вашему представленію, во первыхъ, для того, что оное весьма много походитъ на прежнія съ самаго выступленія арміи изъ Лифляндіи еще отъ всѣхъ армейскихъ командировъ присланныя и никогда не аппробованныя, а второе, что никто оспаривать не можетъ, что Помераніи а особливо къ сторонѣ Ландсберга паче всего сѣномъ изобилуетъ.

Сего ради повелѣваемъ вамъ лучше квартиры войскъ въ изобильныя сѣномъ места перемѣнить, нежели о выводѣ оныхъ въ Пруссію помышлять, а теперь только паче, что водяной путь въ тамошнихъ мѣстахъ уже отверстый быть имѣетъ, и такъ все дѣло зависитъ только отъ того, чтобы вы хорошее распоряженіе сдѣлали о подвозѣ туда всего потребнаго водою, чѣмъ и нарядъ

подволъ, и великіе расходы въ прогонахъ избѣгутся, и чего ради позволяемъ вамъ не токмо ближе къ Кенигсбергу вашу квартиру перенести, но можете оную и въ самомъ Кенигсбергѣ занять и въ Пилау пребывать, и вашимъ присутствіемъ и призрѣніемъ ускорить и поспѣшествовать отправленіе всего потребнаго на Померанскій корпусъ, ибо и далѣе не скроемъ мы вамъ, что теперь предпочтительно всему другому о снабденіи онаго стараться надлежитъ.

Впрочемъ не только аппробуемъ, что вы офицерамъ помянутаго корпуса для ихъ экипажей нѣкоторое вспоможеніе мукою дѣлать велѣли, но паче повелѣваемъ и далѣе тѣмъ продолжать безъ всякаго вычета, какъ для офицерскихъ, такъ и для артельныхъ лошадей.

По реляціи № 27, генерально повелѣваемъ торговлю во всей Помераніи, слѣдовательно, и для жителей города Колберга, сдѣлать не возбранною, также и присланную прусскимъ инвалидамъ пенсію ихъ изъ тамошнихъ доходовъ производить.

На реляцію № 30, коротко объявляемъ, что хотя благопристойность требовала бы, чтобы въ сосѣдствѣ нашей арміи, никакой другой рекрутовъ не вербовали, однакоже до дальняго отъ насъ о томъ указа имѣете вы на сіе дѣло такъ взирать, какъ бы оное извѣстно не было.

Впрочемъ испрашиваемымъ въ реляціи № 31 наставленіемъ какимъ образомъ отзываться вамъ къ волонтерамъ союзныхъ дворовъ о будущемъ перемиріи генерально о нашихъ сопзволеніяхъ, снабдены вы будете изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

По реляціи № 32, шведскихъ факторовъ или Жидовъ для денежнаго торга всемѣрно въ Померанію впускать не надлежитъ, дабы худыми своими деньгами не выкупили они нашихъ хорошихъ; слѣдовательно, и хожденіе шведскихъ денегъ позволить нельзя.

Присланный при реляціи подъ № 35-мъ ордеръ Берлинскаго почтамта къ померанскимъ почтамтамъ о возвышеніи платежа за чрезвычайную почту не весьма приличествуетъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ; однакоже мы повелѣваемъ оный въ такой силѣ исполнять, чтобы всѣ наши курьеры платили по прежней таксѣ, а всякіе другіе особливо вояжиры платили бы по новому учрежденію, но доходы неотмѣнно въ нашу казну поступать имѣютъ. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 19-го дня 1762 г. отправленъ чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ того же числа.

подволъ, и великіе расходы въ прогонахъ избѣгутся, и чего ради позволяемъ вамъ не токмо ближе къ Кенигсбергу вашу квартиру перенести, но можете оную и въ самомъ Кенигсбергѣ занять и въ Пилау пребывать, и вашимъ присутствіемъ и призрѣніемъ ускорить и поспѣшествовать отправленіе всего потребнаго на Померанскій корпусъ, ибо и далѣе не скроемъ мы вамъ, что теперь предпочтительно всему другому о снабденіи онаго стараться надлежитъ.

Впрочемъ не только аппробуемъ, что вы офицерамъ помянутаго корпуса для ихъ экипажей нѣкоторое вспоможеніе мукою дѣлать велѣли, но паче повелѣваемъ и далѣе тѣмъ продолжать безъ всякаго вычета, какъ для офицерскихъ, такъ и для артельныхъ лошадей.

По реляціи № 27, генерально повелѣваемъ торговлю во всей Померапіи, слѣдовательно, и для жителей города Колберга, сдѣлать не возбранною, также и присланную прусскимъ инвалидамъ пенсію ихъ изъ тамошнихъ доходовъ производить.

На реляцію № 30, коротко объявляемъ, что хотя благопристойность требовала бы, чтобы въ сосѣдствѣ нашей арміи, никакой другой рекрутовъ не вербовали, однакоже до дальняго отъ насъ о томъ указа имѣете вы на сіе дѣло такъ взирать, какъ бы оное извѣстно не было.

Впрочемъ испрашиваемымъ въ реляціи № 31 наставленіемъ какимъ образомъ отзываться вамъ къ волонтерамъ союзныхъ дворовъ о будущемъ перемиріи генерально о нашихъ сопзволеніяхъ, снабдены вы будете изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

По реляціи № 32, шведскихъ факторовъ или Жидовъ для денежнаго торга всемѣрно въ Померапію впускать не надлежитъ, дабы худыми своими деньгами не выкупили они нашихъ хорошихъ; слѣдовательно, и хожденіе шведскихъ денегъ позволить нельзя.

Присланный при реляціи подъ № 35-мъ ордеръ Берлинскаго почтамта къ померанскимъ почтамтамъ о возвышеніи платежа зачрезвычайную почту не весьма приличествуетъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ; однакоже мы повелѣваемъ оный въ такой силѣ исполнять, чтобы всѣ наши курьеры платили по прежней таксѣ, а всякіе другіе особливо вояжиры платили бы по новому учрежденію, но доходы неотмѣнно въ нашу казну поступать имѣютъ. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 19-го дня 1762 г. отправленъ чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ того же числа.

X.

Указъ въ военную коллегію.

Всемилостивѣйше снисходя на прошеніе нашего генерала графа Фермора, отъ службы нашей увольняемъ его вовсе. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 19-го дня 1762 г. отосланъ того же числа.

XI.

Рескриптъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

Нашему генералу графу Румянцову поручили мы въ дѣйство произвести такія важныя для насъ намѣренія, кои не терпятъ ни отлагательства, ни противорѣчія, и потому, отправляя его отсюда, повелѣли ему не токмо по прежнему надъ Померанскимъ корпусомъ команду принять, но въ свою же команду взять и всѣ полки Познанскаго корпуса, сколько оныхъ при полученіи сего указа около Познаніи оставаться будетъ. Затѣмъ первое его попеченіе въ томъ состоять имѣетъ, чтобы весь сей знатный корпусъ содержать въ такомъ готовомъ къ походу состояніи, чтобы по первому о движеніи указу чрезъ двадцать-четыре часа выступить могъ.

И какъ мы рескриптомъ нашимъ отъ 19-го числа сего мѣсяца повелѣли уже вамъ крайнѣйшее о томъ стараніе прилагать, чтобы сей корпусъ какъ наискорѣе и предпочтительно всему другому снабденъ былъ, то чрезъ сіе согласно тому подтвердить и именно предписать восхотѣли, чтобы по всѣмъ требованіямъ графа Румянцова касательно снабденія его корпуса и подвозу на оный пропитанія, какое ревностное и неотлагательное во всемъ исполненіе чинено было, какихъ требуютъ наши именные и непремѣнные указы, чего ради и дана ему копія съ сего настоящаго. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ. Февраля 25-го дня 1762 года. Подписано: Петръ.

Отданъ графу Румянцову того же 25-го февраля.

XII.

Рескриптъ къ генералу графу П. А. Румянцову.

Вамъ генерально извѣстны уже тѣ важныя намѣренія, произведеніе которыхъ въ дѣйство поручаемъ мы вашему искусству и

X.

Указъ въ военную коллегію.

Всемилостивѣйше снисходя на прошеніе нашего генерала графа Фермора, отъ службы нашей увольняемъ его вовсе. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 19-го дня 1762 г. отосланъ того же числа.

XI.

Рескриптъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

Нашему генералу графу Румянцову поручили мы въ дѣйство произвести такія важныя для насъ намѣренія, кои не терпятъ ни отлагательства, ни противорѣчія, и потому, отправляя его отсюда, повелѣли ему не токмо по прежнему надъ Померанскимъ корпусомъ команду принять, но въ свою же команду взять и всѣ полки Познанскаго корпуса, сколько оныхъ при полученіи сего указа около Познани оставаться будетъ. Затѣмъ первое его попеченіе въ томъ состоять имѣетъ, чтобы весь сей знатный корпусъ содержать въ такомъ готовомъ къ походу состояніи, чтобы по первому о движеніи указу чрезъ двадцать-четыре часа выступить могъ.

И какъ мы рескриптомъ нашимъ отъ 19-го числа сего мѣсяца повелѣли уже вамъ крайнѣйшее о томъ стараніе прилагать, чтобы сей корпусъ какъ наискорѣе и предпочтительно всему другому снабденъ былъ, то чрезъ сіе согласно тому подтвердить и именно предписать восхотѣли, чтобы по всѣмъ требованіямъ графа Румянцова касательно снабденія его корпуса и подвозу на оный пропитанія, какое ревностное и неотлагательное во всемъ исполненіе чинено было, какихъ требуютъ наши именные и непремѣнные указы, чего ради и дана ему копія съ сего настоящаго. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ. Февраля 25-го дня 1762 года. Подписано: Петръ.

Отданъ графу Румянцову того же 25-го февраля.

XII.

Рескриптъ къ генералу графу П. А. Румянцову.

Вамъ генерально извѣстны уже тѣ важныя намѣренія, произведеніе которыхъ въ дѣйство поручаемъ мы вашему искусству и

ревности съ полною довѣренностію. Пространныя наставленія дани вамъ будутъ впредь, а теперь главное и первое дѣло въ томъ состоитъ, чтобы будущій подъ командою вашею корпусъ войскъ нашихъ, имѣющій состоять изъ всего Померанскаго и изъ всѣхъ полковъ находящихся еще около Познани, снабденъ былъ какъ наискорѣе и приведенъ былъ въ такое готовое къ походу состояніе, чтобы по первому указу чрезъ двадцать-четыре часа дѣйствительно выступить могъ. Сего ради отправляемъ мы съ вами приложенные при семъ копіями указы къ генералъ-фельдмаршалу графъ Салтыкову и къ генералъ-поручику Панину, коими наистрожайшее повелѣвается имъ требованія ваши потому исполнять, какъ собственные имянные наши указы, и увѣрены пребываемъ, что вы потому довольно въ состояніи найдетесь наши соизволенія немедленно и самымъ дѣломъ исполнить, и мы о томъ вскорѣ пріятное получимъ отъ васъ доношеніе, ибо и вы путемъ вашимъ туда сколько можно поспѣшить не оставите. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ. Февраля 25-го дня 1762 года. Подписано: Петръ.

Отданъ графу Румянцову 25-го февраля.

XIII.

Указъ въ синодъ.

Уже съ давняго времени къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну примѣчено, что приходящія въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же и того хуже—дѣлается одна токмо повадка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и невинныхъ. Приложенныя при семъ челобитныя Черниговской епархіи священника Бодряковскаго и діакона Шаршаповскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ, ибо, не смотря на данныя синоду еще въ 1754 году имянные указы о рѣшеніи ихъ дѣла, не исполнено по тому и донынѣ, а только отсылаются они на разсмотрѣніе въ ту же епархію. Мы видимъ, ка-

ревности съ полною довѣренностію. Пространныя наставленія дани вамъ будутъ впредь, а теперь главное и первое дѣло въ томъ состоитъ, чтобы будущій подъ командою вашею корпусъ войскъ нашихъ, имѣющій состоять изъ всего Померанскаго и изъ всѣхъ полковъ находящихся еще около Познани, снабденъ былъ какъ наискорѣе и приведенъ былъ въ такое готовое къ походу состояніе, чтобы по первому указу чрезъ двадцать-четыре часа дѣйствительно выступить могъ. Сего ради отправляемъ мы съ вами приложенные при семъ копіями указы къ генералъ-фельдмаршалу графъ Салтыкову и къ генералъ-поручику Панину, коими наистрожайшее повелѣвается имъ требованія ваши потому исполнять, какъ собственные имянные наши указы, и увѣрены пребываемъ, что вы потому довольно въ состояніи найдетесь наши соизволенія немедленно и самымъ дѣломъ исполнить, и мы о томъ вскорѣ пріятное получимъ отъ васъ доношеніе, ибо и вы путемъ вашимъ туда сколько можно поспѣшить не оставите. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ. Февраля 25-го дня 1762 года. Подписано: Петръ.

Отданъ графу Румянцову 25-го февраля.

XIII.

Указъ въ синодъ.

Уже съ давняго времени къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну примѣчено, что приходящія въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же и того хуже—дѣлается одна токмо повадка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и невинныхъ. Приложенныя при семъ челобитныя Черниговской епархіи священника Бодряковскаго и діакона Шаршаповскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ, ибо, не смотря на данныя синоду еще въ 1754 году имянные указы о рѣшеніи ихъ дѣла, не исполнено по тому и донынѣ, а только отсылаются они на разсмотрѣніе въ ту же епархію. Мы видимъ, ка-

кія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самого дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить и не токмо по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшать, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины покажется какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ синодѣ и къ настольнымъ указамъ присовокупить. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ. Марта 26-го дня 1762 года, посланъ того же числа.

XIV.

Указъ къ генералъ-фельдцейхмейстеру А. Н. Вильбоа.

Повелѣваемъ вамъ Шлиссельбургской крѣпости въ замкѣ построить изъ фортификаціонной суммы каменный домъ съ желѣзною крышею по приложенному при семъ плану съ профилемъ и фасадомъ и сіе строеніе съ такою поспѣшностію начать и производить, чтобы конечно до будущей сего года осени готово быть могло, чего ради и не надлежитъ сіе дѣло производить по канцеляріи и медлительные торги дѣлать, а надобно токмо поручить оное съ наставленіемъ находящемуся уже при тамошней крѣпости инженеръ-прапорщику Маврину, который васъ одного рапортовать имѣетъ. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ. Марта 28-го дня 1762 года, послано того же числа.

XV.

Указъ въ синодъ [1]).

Съ великимъ удивленіемъ увѣдомились мы, что послѣ того какъ подтвердительный отъ насъ указъ данъ, чтобы учиненое Ея Вели-

[1]) Отъ 4-го же апрѣля 1762 года изданъ указъ о нечиненіи архіерейскимъ домамъ и монастырямъ сборовъ съ бывшихъ крестьянъ ихъ и о возвращеніи крестьянамъ такихъ денегъ, собранныхъ съ нихъ послѣ указа 16-го

кія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самого дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить и не токмо по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшать, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины покажется какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ синодѣ и къ настольнымъ указамъ присовокупить. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ. Марта 26-го дня 1762 года, посланъ того же числа.

XIV.

Указъ къ генералъ-фельдцейхмейстеру А. Н. Вильбоа.

Повелѣваемъ вамъ Шлиссельбургской крѣпости въ замкѣ построить изъ фортификаціонной суммы каменный домъ съ желѣзною крышею по приложенному при семъ плану съ профилемъ и фасадомъ и сіе строеніе съ такою поспѣшностію начать и производить, чтобы конечно до будущей сего года осени готово быть могло, чего ради и не надлежитъ сіе дѣло производить по канцеляріи и медлительные торги дѣлать, а надобно токмо поручить оное съ наставленіемъ находящемуся уже при тамошней крѣпости инженеръ-прапорщику Маврину, который васъ одного рапортовать имѣетъ. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ. Марта 28-го дня 1762 года, послано того же числа.

XV.

Указъ въ синодъ [1]).

Съ великимъ удивленіемъ увѣдомились мы, что послѣ того какъ подтвердительный отъ насъ указъ данъ, чтобы учиненое Ея Вели-

[1]) Отъ 4-го же апрѣля 1762 года изданъ указъ о нечиненіи архіерейскимъ домамъ и монастырямъ сборовъ съ бывшихъ крестьянъ ихъ и о возвращеніи крестьянамъ такихъ денегъ, собранныхъ съ нихъ послѣ указа 16-го

чествомъ государынею императрицею Елисаветою Петровною нашею вселюбезнѣйшею теткою вѣчныя памяти еще въ 1757 году о монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинахъ распоряженіе немедленно самымъ дѣломъ исполнено было, слѣдовательно, вѣдая уже объ ономъ, нѣкоторые изъ архіереевъ и самыхъ синодскихъ членовъ отважились послать въ вотчины нарочныхъ, дабы съ крестьянъ собрать въ самой скорости разные поборы и подъ разными названіями старыхъ недоимокъ и тому подобнаго, что и по слѣдствію оказалось. Сего ради наистрожайше чрезъ сіе синоду повелѣваемъ: 1) крѣпчайше запретить, чтобы болѣе таковыхъ поборовъ отнюдь чинено не было, подъ опасеніемъ неминуемаго взысканія и нашего гнѣва; 2) гдѣ и сколько съ февраля мѣсяца сихъ поборовъ собрано, оные всѣ велѣть содержать въ наличности, ни куда въ расходъ не употребляя, и о томъ собравъ вѣдомости, немедленно подать; и 3) о семъ нашемъ указѣ дать знать во всѣ епархіи немедленно, дабы отъ оныхъ и во всѣ монастыри для равномѣрнаго исполненія знать дано было. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля 4-го дня 1762 года, отосланъ того же числа.

XVI.

Указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Утвержденные еще со временъ Его Величества государя императора Петра Перваго, нашего вселюбезнѣйшаго дѣда, между здѣшнимъ императорскимъ и королевскимъ Прусскимъ дворами дружба, доброе согласіе и союзъ, и только лѣтъ безпрерывно ко взаимной обѣихъ сторонъ пользѣ продолжавшіяся великое и такое имѣли въ послѣдніе годы колебанія, что отчасти для многихъ случайныхъ и мимоходящихъ приключеній, отчасти же и для произшедшихъ паче ожиданія при великой перемѣнѣ генерально во всей европейской системѣ воспалилась наконецъ нынѣшняя тягостная война. Но какъ ни оная вѣчно продолжаться не можетъ, ниже надлежитъ для случайныхъ уваженій и интересовъ на всегда отвергать такой державы дружбы и согласія, которая, только лѣтъ бывъ полезнымъ союзникомъ, можетъ и для передъ поспѣшество-

---

февраля. Кромѣ того, 21-го марта былъ изданъ указъ о новомъ устройствѣ управленія монастырскихъ и архіерейскихъ имѣній (см. П. С. З., т. XV, 11.493).

чествомъ государынею императрицею Елисаветою Петровною нашею вселюбезнѣйшею теткою вѣчныя памяти еще въ 1757 году о монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинахъ распоряженіе немедленно самымъ дѣломъ исполнено было, слѣдовательно, вѣдая уже объ ономъ, нѣкоторые изъ архіереевъ и самыхъ синодскихъ членовъ отважились послать въ вотчины нарочныхъ, дабы съ крестьянъ собрать въ самой скорости разные поборы и подъ разными названіями старыхъ недоимокъ и тому подобнаго, что и по слѣдствію оказалось. Сего ради наистрожайше чрезъ сіе синоду повелѣваемъ: 1) крѣпчайше запретить, чтобы болѣе таковыхъ поборовъ отнюдь чинено не было, подъ опасеніемъ неминуемаго взысканія и нашего гнѣва; 2) гдѣ и сколько съ февраля мѣсяца сихъ поборовъ собрано, оные всѣ велѣть содержать въ наличности, ни куда въ расходъ не употребляя, и о томъ собравъ вѣдомости, немедленно подать; и 3) о семъ нашемъ указѣ дать знать во всѣ епархіи немедленно, дабы отъ оныхъ и во всѣ монастыри для равномѣрнаго исполненія знать дано было. Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля 4-го дня 1762 года, отосланъ того же числа.

XVI.

Указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Утвержденные еще со временъ Его Величества государя императора Петра Перваго, нашего вселюбезнѣйшаго дѣда, между здѣшнимъ императорскимъ и королевскимъ Прусскимъ дворами дружба, доброе согласіе и союзъ, и только лѣтъ безпрерывно ко взаимной обѣихъ сторонъ пользѣ продолжавшіяся великое и такое имѣли въ послѣдніе годы колебанія, что отчасти для многихъ случайныхъ и мимоходящихъ приключеній, отчасти же и для произшедшихъ паче ожиданія при великой перемѣнѣ генерально во всей европейской системѣ воспалилась наконецъ нынѣшняя тягостная война. Но какъ ни оная вѣчно продолжаться не можетъ, ниже надлежитъ для случайныхъ уваженій и интересовъ на всегда отвергать такой державы дружбы и согласія, которая, только лѣтъ бывъ полезнымъ союзникомъ, можетъ и для передъ поспѣшество-

---

февраля. Кромѣ того, 21-го марта былъ изданъ указъ о новомъ устройствѣ управленія монастырскихъ и архіерейскихъ имѣній (см. П. С. З., т. XV, 11.493).

вать наши интересы, то и приняли мы намѣреніе отнынѣ ревностію трудиться, чтобы съ его величествомъ королемъ Прусскимъ скорѣе возстановить миръ на справедливомъ, прочномъ и съ будущею обоихъ дворовъ дружбою согласномъ основаніи, а если наши интересы того требовать будутъ, то въ слѣдствіе мирнаго трактата, и другой союзный трактатъ заключить.

Толь угодное Богу дѣло не требуетъ пространно объяснять, какія важныя причины находимъ мы ускорить оныхъ, но тѣмъ не меньше доказательно, что дожидаться такого генеральнаго мира, каковъ былъ Вестфальскій, то надлежитъ и не безконечныя времена не полагать оружія, и при всемъ томъ увѣренными быть, что постановляемый такимъ образомъ миръ всѣхъ удовольствовать, слѣдовательно, и прочнымъ быть не можетъ. Тогда надлежало главнѣйшее обнадежить каждому пріобрѣтенныя уже владѣнія, права и вольности, а теперь дѣло о томъ идетъ, чтобы удовольствовать претензіи и желанія, больше изъ самой войны родившіяся, нежели прежде настоявшія, оныя же такъ различны, что къ совершенному оныхъ соглашенію почти нѣтъ способовъ, и признаться надобно, что въ началѣ нынѣшней войны стараніе о томъ больше прилагалось, чтобы болѣе державъ вовлещи въ оную, нежели разсматриваемо было, какого толь многихъ на скоро сдѣланныхъ трактатовъ и принятыхъ обязательствъ будетъ окончаніе.

Здѣшній дворъ токмо одинъ завсегда настоялъ на крайней надобности — согласить толь различные интересы и желанія прежде, нежели генеральный конгрессъ начнется, справедливо предусматривая, что безъ такого соглашенія начинаемый конгрессъ скорѣе можетъ поссорить самихъ союзниковъ между собою и войну еще болѣе распространить, нежели желаемый миръ доставить. Вѣнскій дворъ и Франція чувствовали кажется то и другое, а именно: что и различныя претензіи согласить трудно, и отъ собираемаго конгресса мало плода ожидать должно. Потому, не отвѣтствуя никогда прямо на здѣшнія требованія и домогательства, Вѣнскій дворъ коротко ссылался на постановленія въ пользу его договора, и оставляя притязанія другихъ въ молчаніи, всего успѣха ожидалъ по видимому отъ могущаго быть счастія въ оружіи, а Франція, отклоняя отъ себя притязанія другихъ, болѣе и болѣе открылась, что не за нею стояло партикулярный миръ заключить,— ибо въ то самое время, когда въ ея угодность мирная негоціація начата была здѣшнимъ министромъ княземъ Голицынымъ въ Лондонѣ, а по ея же домогательству дано соглашеніе на такое пер-

вать наши интересы, то и приняли мы намѣреніе отнынѣ ревностію трудиться, чтобы съ его величествомъ королемъ Прусскимъ скорѣе возстановить миръ на справедливомъ, прочномъ и съ будущею обоихъ дворовъ дружбою согласномъ основаніи, а если наши интересы того требовать будутъ, то въ слѣдствіе мирнаго трактата, и другой союзный трактатъ заключить.

Толь угодное Богу дѣло не требуетъ пространно объяснять, какія важныя причины находимъ мы ускорить оныхъ, но тѣмъ не меньше доказательно, что дожидаться такого генеральнаго мира, каковъ былъ Вестфальскій, то надлежитъ и не безконечныя времена не полагать оружія, и при всемъ томъ увѣренными быть, что постановляемый такимъ образомъ миръ всѣхъ удовольствовать, слѣдовательно, и прочнымъ быть не можетъ. Тогда надлежало главнѣйшее обнадежить каждому пріобрѣтенныя уже владѣнія, права и вольности, а теперь дѣло о томъ идетъ, чтобы удовольствовать претензіи и желанія, больше изъ самой войны родившіяся, нежели прежде настоявшія, оныя же такъ различны, что къ совершенному оныхъ соглашенію почти нѣтъ способовъ, и признаться надобно, что въ началѣ нынѣшней войны стараніе о томъ больше прилагалось, чтобы болѣе державъ вовлещи въ оную, нежели разсматриваемо было, какого толь многихъ на скоро сдѣланныхъ трактатовъ и принятыхъ обязательствъ будетъ окончаніе.

Здѣшній дворъ токмо одинъ завсегда настоялъ на крайней надобности — согласить толь различные интересы и желанія прежде, нежели генеральный конгрессъ начнется, справедливо предусматривая, что безъ такого соглашенія начинаемый конгрессъ скорѣе можетъ поссорить самихъ союзниковъ между собою и войну еще болѣе распространить, нежели желаемый миръ доставить. Вѣнскій дворъ и Франція чувствовали кажется то и другое, а именно: что и различныя претензіи согласить трудно, и отъ собираемаго конгресса мало плода ожидать должно. Потому, не отвѣтствуя никогда прямо на здѣшнія требованія и домогательства, Вѣнскій дворъ коротко ссылался на постановленія въ пользу его договора, и оставляя притязанія другихъ въ молчаніи, всего успѣха ожидалъ по видимому отъ могущаго быть счастія въ оружіи, а Франція, отклоняя отъ себя притязанія другихъ, болѣе и болѣе открылась, что не за нею стояло партикулярный миръ заключить,— ибо въ то самое время, когда въ ея угодность мирная негоціація начата была здѣшнимъ министромъ княземъ Голицынымъ въ Лондонѣ, а по ея же домогательству дано соглашеніе на такое пере-

мирѣ, какого она желала, изъ находящихся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сообщеній посла графа Мерсія доказать можно, что Франція столько о партикулярномъ и самокорыстливомъ мирѣ покушалась, что Вѣнскій дворъ о томъ только старался, чтобы прямо противъ него чего-либо постановлено не было, и дѣйствительно великимъ только съ англійской стороны запросамъ Вѣнскій дворъ благодарить долженъ, что сей заботы и опасенія избавился.

Случилось подлинно съ того времени великое въ генеральныхъ дѣлахъ происшествіе, а именно: новая между Англіею и Испаніею война. Но опая служитъ токмо къ распространенію бѣдствій рода человѣческаго, а къ скорому прекращенію Германской войны не подаетъ никакихъ надежныхъ способовъ. Пускай Англія находится теперь принужденною больше нждивенія употреблять на морскія вооруженія, нежели для войны на сухомъ пути; но и Франція напротивъ того послѣднія свои ресурсы на то же полагаетъ, чтобы испанскій флотъ своими кораблями усилить, слѣдовательно, рѣшенія дѣламъ въ Германіи съ той стороны ожидать нельзя.

Съ другой стороны, Швеція безъ всякой пользы и надежды, а со многимъ потерянiемъ прежней славы нынѣшнею войною истощенная, кажется, будто не смѣетъ ни продолжать, ни окончить оную. А Данія напротивъ того, начавъ дѣлать превеликія вооруженія, въ такое время, когда мы сами отъ негоціаціи не удалены, по меньшей мѣрѣ явно тѣмъ показуетъ, какого мы за праведныя наши притязанія удовлетворенія ожидать должны.

При такихъ обстоятельствахъ и оказавшихся Датскаго двора намѣреніяхъ, ничего не было бы согласнѣе съ его желаніями, какъ когда бы мы на постороннюю войну силы наши и государственныя нждивенія истощивать продолжали, такъ какъ напротивъ того, зазрѣно бы было намъ отъ всего свѣта, если бы мы защищаясь только лѣтъ единственно права нашего дѣла и ни на какія предложенія того не промѣнявъ, чемъ мы нашему достоинству и нашему долгу долженствуемъ, нынѣ, когда мы сугубо обязаны пещись о благосостояніи и знатности нашего дома, и когда имѣемъ намъ дарованные отъ Бога въ тому способы, не послѣдовали примѣру датскому и старанія не приложили неоспоримыя наши права такого же ко всему готовностію подкрѣпить, какого Датскій дворъ свои присвоенія по видимому утверждать думаетъ, хотя тѣмъ не меньше намѣреніе наше истинно и непоколебимо, всѣ пути и средства къ полюбовному Голштинскихъ дѣлъ соглашенію испытать, прежде нежели на какую-либо крайность поступить.

мирѣ, какого она желала, изъ находящихся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сообщеній посла графа Мерсія доказать можно, что Франція столько о партикулярномъ и самокорыстливомъ мирѣ покушалась, что Вѣнскій дворъ о томъ только старался, чтобы прямо противъ него чего-либо постановлено не было, и дѣйствительно великимъ только съ англійской стороны запросамъ Вѣнскій дворъ благодарить долженъ, что сей заботы и опасенія избавился.

Случилось подлинно съ того времени великое въ генеральныхъ дѣлахъ происшествіе, а именно: новая между Англіею и Испаніею война. Но опая служитъ токмо къ распространенію бѣдствій рода человѣческаго, а къ скорому прекращенію Германской войны не подаетъ никакихъ надежныхъ способовъ. Пускай Англія находится теперь принужденною больше нждивенія употреблять на морскія вооруженія, нежели для войны на сухомъ пути; но и Франція напротивъ того послѣднія свои ресурсы на то же полагаетъ, чтобы испанскій флотъ своими кораблями усилить, слѣдовательно, рѣшенія дѣламъ въ Германіи съ той стороны ожидать нельзя.

Съ другой стороны, Швеція безъ всякой пользы и надежды, а со многимъ потеряніемъ прежней славы нынѣшнею войною истощенная, кажется, будто не смѣетъ ни продолжать, ни окончить оную. А Данія напротивъ того, начавъ дѣлать превеликія вооруженія, въ такое время, когда мы сами отъ негоціаціи не удалены, по меньшей мѣрѣ явно тѣмъ показуетъ, какого мы за праведныя наши притязанія удовлетворенія ожидать должны.

При такихъ обстоятельствахъ и оказавшихся Датскаго двора намѣреніяхъ, ничего не было бы согласнѣе съ его желаніями, какъ когда бы мы на постороннюю войну силы наши и государственныя нждивенія истощивать продолжали, такъ какъ напротивъ того, зазрѣно бы было намъ отъ всего свѣта, если бы мы защищаясь только лѣтъ единственно права нашего дѣла и ни на какія предложенія того не промѣнявъ, чемъ мы нашему достоинству и нашему долгу долженствуемъ, нынѣ, когда мы сугубо обязаны пещись о благосостояніи и знатности нашего дома, и когда имѣемъ намъ дарованные отъ Бога въ тому способы, не послѣдовали примѣру датскому и старанія не приложили неоспоримыя наши права такого же ко всему готовностію подкрѣпить, какого Датскій дворъ свои присвоенія по видимому утверждать думаетъ, хотя тѣмъ не меньше намѣреніе наше истинно и непоколебимо, всѣ пути и средства къ полюбовному Голштинскихъ дѣлъ соглашенію испытать, прежде нежели на какую-либо крайность поступить.

И понеже такимъ образомъ надѣемся мы съ добрымъ основаніемъ скорымъ одной войны прекращеніемъ предупредить другой воспаленіе, всѣ въ нынѣшней участвовавшіе дворы выжидаютъ, кажется, токмо, кто первый и большій къ достиженію мира сдѣлаетъ поступокъ, страждущіе народы къ тому взираютъ, кому они за свое избавленіе и благополучіе благодарить должны, а мы благословеніемъ Божіимъ одни теперь въ такомъ состояніи, что единственно изъ любви къ миру изъ человѣколюбиваго о страждующемъ свѣтѣ сожалѣнія и изъ персональнаго уваженія въ дружбѣ и показуемымъ намъ отъ Его Величества короля Прусскаго угодностямъ, показаніемъ нашей безкорыстливости можемъ сію роду человѣческому показать услугу; то намъ и принадлежитъ выше изображенный первый поступокъ сдѣлать, а поступить на то можемъ мы съ толь большимъ правомъ, что съ самаго нашего на престолъ возшествія миролюбія наши склонности не токмо не скрывали, но паче особливою декларацією отъ 12-го числа минувшаго февраля всѣмъ дворамъ знать дали.

Въ слѣдствіе всего того нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ повелѣваемъ послу нашему въ Вѣнѣ князю Голицыну предписать немедленно съ нарочнымъ курьеромъ, чтобы онъ все вышеизображенное перечнемъ и на словахъ представя тамошнему двору, присовокупилъ къ тому нашемъ именемъ привѣтствованіе, дабы и оный нашему примѣру послѣдовалъ, и какъ полагая конецъ военнымъ бѣдствіямъ предупредилъ бы всѣ изъ продолженія оной могущія произойти слѣдствія, а чрезъ то доставилъ бы намъ способъ и средство безмятежно наблюдать и распространить толь давнюю между обоими императорскими дворами дружбу и доброе согласіе.

Послу графу Мерсію можетъ то же самое, но еще короче на словахъ внушено быть, ибо ему останется единожды о томъ двору своему отписать, а князю Голицину, смотря по обстоятельствамъ, представленія свои и присовѣтованія и повторить надобно будетъ.

Французскій дворъ всегда постоянно избѣгалъ имѣть съ здѣшнимъ безпосредственное дѣло, и только тогда прямымъ лицомъ сюда адресовался, когда здѣшнимъ содѣйствованіемъ хотѣлъ подкрѣпить и скорѣе достигнуть своихъ желаній о заключеніи мира съ Англіею и о постановленіи перемирія. Потому и намъ не настоитъ ни какой надобности дѣлать теперь при Французскомъ дворѣ какой-либо формальный поступокъ, а довольно, чтобы посолъ нашъ

И понеже такимъ образомъ надѣемся мы съ добрымъ основаніемъ скорымъ одной войны прекращеніемъ предупредить другой воспаленіе, всѣ въ нынѣшней участвовавшіе дворы выжидаютъ, кажется, токмо, кто первый и большій къ достиженію мира сдѣлаетъ поступокъ, страждущіе народы къ тому взираютъ, кому они за свое избавленіе и благополучіе благодарить должны, а мы благословеніемъ Божіимъ одни теперь въ такомъ состояніи, что единственно изъ любви къ миру изъ человѣколюбиваго о страждующемъ свѣтѣ сожалѣнія и изъ персональнаго уваженія въ дружбѣ и показуемымъ намъ отъ Его Величества короля Прусскаго угодностямъ, показаніемъ нашей безкорыстливости можемъ сію роду человѣческому показать услугу; то намъ и принадлежитъ выше изображенный первый поступокъ сдѣлать, а поступить на то можемъ мы съ толь большимъ правомъ, что съ самаго нашего на престолъ возшествія миролюбія наши склонности не токмо не скрывали, но паче особливою декларацією отъ 12-го числа минувшаго февраля всѣмъ дворамъ знать дали.

Въ слѣдствіе всего того нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ повелѣваемъ послу нашему въ Вѣнѣ князю Голицыну предписать немедленно съ нарочнымъ курьеромъ, чтобы онъ все вышеизображенное перечнемъ и на словахъ представя тамошнему двору, присовокупилъ къ тому нашемъ именемъ привѣтствованіе, дабы и оный нашему примѣру послѣдовалъ, и какъ полагая конецъ военнымъ бѣдствіямъ предупредилъ бы всѣ изъ продолженія оной могущія произойти слѣдствія, а чрезъ то доставилъ бы намъ способъ и средство безмятежно наблюдать и распространить толь давнюю между обоими императорскими дворами дружбу и доброе согласіе.

Послу графу Мерсію можетъ то же самое, но еще короче на словахъ внушено быть, ибо ему останется единожды о томъ двору своему отписать, а князю Голицину, смотря по обстоятельствамъ, представленія свои и присовѣтованія и повторить надобно будетъ.

Французскій дворъ всегда постоянно избѣгалъ имѣть съ здѣшнимъ безпосредственное дѣло, и только тогда прямымъ лицомъ сюда адресовался, когда здѣшнимъ содѣйствованіемъ хотѣлъ подкрѣпить и скорѣе достигнуть своихъ желаній о заключеніи мира съ Англіею и о постановленіи перемирія. Потому и намъ не настоитъ ни какой надобности дѣлать теперь при Французскомъ дворѣ какой-либо формальный поступокъ, а довольно, чтобы посолъ нашъ

тамъ графъ Чернышевъ, будучи увѣдомленъ о содержаніи сего указа при случаѣ дискурсивно не таилъ наши мнѣнія.

Прочіе наши при другихъ дворахъ находящіеся министры долженствуютъ равномѣрно о содержаніи сего указа выдать, но единственно для того, дабы они въ состояніи были согласно нашимъ намѣреніямъ распоряжать свои поведенія и отзывы.

Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 6-го дня 1762 г.
Отосланъ того же числа.

тамъ графъ Чернышевъ, будучи увѣдомленъ о содержаніи сего указа при случаѣ дискурсивно не таилъ наши мнѣнія.

Прочіе наши при другихъ дворахъ находящіеся министры долженствуютъ равномѣрно о содержаніи сего указа выдать, но единственно для того, дабы они въ состояніи были согласно нашимъ намѣреніямъ распоряжать свои поведенія и отзывы.

Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 6-го дня 1762 г.
Отосланъ того же числа.

РЕСКРИПТЫ И ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ ГРАФУ З. Г. ЧЕРНЫШЕВУ [1]).

I.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Я не могу удовлетворить требованію вашему въ письмѣ вашемъ ко мнѣ выраженному объ увольненіи васъ отъ начальства надъ белорусскими губерніями. Отдавая справедливость трудамъ вашимъ, для пользы службы и особливо края того подъятымъ, желаю Я, чтобъ вы къ умноженію удовольствія моего продолжали ихъ. Въ протчемъ согласна Я, чтобъ вы путешествія свои по симъ губерніямъ сразмеряли съ силами вашими, будучи удостовѣрена, что губернаторы снабдѣнные во всякомъ случаѣ наставленіями вашими основанными на учрежденіяхъ и воли Моей исполнятъ все потребное. Ежели состояніе здоровья вашего или другія обстоятельства воспрепятствуютъ вашему присудствію при наступающемъ возобновленіи выборовъ въ которой либо губерніи, то Я и тутъ позволяю вамъ поручить губернатору давъ Мнѣ только знать за-

---

[1]) Считаемъ долгомъ съ благодарностію заявить, что эти любопытные рескрипты и письма императрицы Екатерины II къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей ея царствованія, графу З. Г. Чернышеву, обязательно сообщены намъ для напечатанія графомъ И. П. Чернышевымъ-Кругликовымъ, черезъ посредство Е. Е. Замысловскаго. Письма эти выписаны изъ рукописной книги, въ которую были внесены, въ копіяхъ, фамильные документы графовъ Чернышевыхъ и изъ которой уцѣлѣло лишь нѣсколько листовъ. Правописаніе подлинника сохранено.

РЕСКРИПТЫ И ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ ГРАФУ З. Г. ЧЕРНЫШЕВУ [1]).

I.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Я не могу удовлетворить требованію вашему въ письмѣ вашемъ ко мнѣ выраженному объ увольненіи васъ отъ начальства надъ белорусскими губерніями. Отдавая справедливость трудамъ вашимъ, для пользы службы и особливо края того подъятымъ, желаю Я, чтобъ вы къ умноженію удовольствія моего продолжали ихъ. Въ протчемъ согласна Я, чтобъ вы путешествія свои по симъ губерніямъ сразмеряли съ силами вашими, будучи удостовѣрена, что губернаторы снабдѣнные во всякомъ случаѣ наставленіями вашими основанными на учрежденіяхъ и воли Моей исполнятъ все потребное. Ежели состояніе здоровья вашего или другія обстоятельства воспрепятствуютъ вашему присудствію при наступающемъ возобновленіи выборовъ въ которой либо губерніи, то Я и тутъ позволяю вамъ поручить губернатору давъ Мнѣ только знать за-

---

[1]) Считаемъ долгомъ съ благодарностію заявить, что эти любопытные рескрипты и письма императрицы Екатерины II къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей ея царствованія, графу З. Г. Чернышеву, обязательно сообщены намъ для напечатанія графомъ И. П. Чернышевымъ-Кругликовымъ, черезъ посредство Е. Е. Замысловскаго. Письма эти выписаны изъ рукописной книги, въ которую были внесены, въ копіяхъ, фамильные документы графовъ Чернышевыхъ и изъ которой уцѣлѣло лишь нѣсколько листовъ. Правописаніе подлинника сохранено.

временно. Пребываю навсегда съ непременнымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонная,

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Въ Санктъ Петербургѣ . Екатерина.
Декабря 14-го 1780.

II.

Божіею милостію мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица всероссійская,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу фельдмаршалу Графу Чернышеву.

По случаю кончины нашего генерала князя Долгорукова Крымскаго Мы всемилостивѣйше препоручаемъ вамъ главную команду и попеченіе о сохраненіи добраго порядка во время отсутствія Нашего въ столичномъ Нашемъ городѣ Москвѣ и во всей Московской губерніи повелѣвая вамъ присудствовать Сената Нашего въ пятомъ Департаментѣ, принять въ команду вашу московскую дивизію и всѣ войска кои подъ вѣденіемъ покойнаго князя Долгорукова Крымскаго по сему его мѣсту находились, и управляя на основаніи наставленій и указовъ предмѣстникамъ вашимъ данныхъ ежечасто доносить Намъ о состояніи города и губерніи о тишинѣ и безопасности въ оныхъ и о добромъ тамъ устройствѣ. На столъ вашъ покуда вы въ сей должности пребудите, указали Мы производить вамъ по тысяче рублей на мѣсяцъ изъ того же мѣста откуда получалъ князь Долгоруковъ Крымскій. По многимъ прочимъ опытамъ отличнаго усердія вашего къ службѣ Нашей Мы совершенно удостовѣрены, что вы сіе служеніе изъ особливой Нашей довѣренности на васъ возлагаемое исправите ко благоугодности Нашей. Пребывая вамъ Императорскою Нашею милостію всегда благосклонны.

Данъ въ Санктъ петербургѣ февраля 4 дня 1782 года.

На подлинномъ подписано собственное Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

временно. Пребываю навсегда съ непременнымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонная,

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Въ Санктъ Петербургѣ . Екатерина.
Декабря 14-го 1780.

II.

Божіею милостію мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица всероссійская,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу фельдмаршалу Графу Чернышеву.

По случаю кончины нашего генерала князя Долгорукова Крымскаго Мы всемилостивѣйше препоручаемъ вамъ главную команду и попеченіе о сохраненіи добраго порядка во время отсутствія Нашего въ столичномъ Нашемъ городѣ Москвѣ и во всей Московской губерніи повелѣвая вамъ присудствовать Сената Нашего въ пятомъ Департаментѣ, принять въ команду вашу московскую дивизію и всѣ войска кои подъ вѣденіемъ покойнаго князя Долгорукова Крымскаго по сему его мѣсту находились, и управляя на основаніи наставленій и указовъ предмѣстникамъ вашимъ данныхъ ежечасто доносить Намъ о состояніи города и губерніи о тишинѣ и безопасности въ оныхъ и о добромъ тамъ устройствѣ. На столъ вашъ покуда вы въ сей должности пребудите, указали Мы производить вамъ по тысяче рублей на мѣсяцъ изъ того же мѣста откуда получалъ князь Долгоруковъ Крымскій. По многимъ прочимъ опытамъ отличнаго усердія вашего къ службѣ Нашей Мы совершенно удостовѣрены, что вы сіе служеніе изъ особливой Нашей довѣренности на васъ возлагаемое исправите ко благоугодности Нашей. Пребывая вамъ Императорскою Нашею милостію всегда благосклонны.

Данъ въ Санктъ петербургѣ февраля 4 дня 1782 года.

На подлинномъ подписано собственное Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

III.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Во всехъ предъидущихъ вашихъ донесеніяхъ особливо же въ последнемъ отъ 7 марта нашла Я къ удовольствію Моему труды и старанія вами прилагаемыя о содержаніи въ порядкѣ ввѣренной вамъ столицы и губерніи. Я принимаю то съ полнымъ признаніемъ къ извѣстной Мнѣ вашей ревности къ службѣ и желаю вамъ добрыхъ успѣховъ въ вашихъ распоряженіяхъ. Согласна Я съ вами, что скорѣйшему окончанію множества нерѣшенныхъ дѣлъ по старымъ присудственнымъ мѣстамъ пособить нѣтъ другаго средства кромѣ введенія въ исполненіе учрежденій; но чтобъ и новыя мѣста въ самомъ ихъ началѣ не были обременены на долго разборомъ прежнихъ дѣлъ и тѣмъ отвлечены отъ настоящаго своего упражненія, Я предполагаю взять мѣры такія какъ и здѣсь то учинено, и именно назначеніемъ срока для явки челобитчиковъ по старымъ дѣламъ и оставленіемъ на нѣкоторое время прежнихъ приказовъ для решенія ихъ, о чемъ и не премину дать Мои повеленія. Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательная.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

въ С.П.бургѣ Екатерина.
Марта 14-го 1782.

IV.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Всѣ донесенія ваши по ввѣренной вамъ столицѣ и тамошней губерніи Я получаю тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, колико въ каждомъ изъ нихъ видна свойственная вамъ добрая воля споспѣшествовать намѣреніямъ Моимъ о введеніи всемѣстнаго благоустройства. Совершенно согласна Я со мнѣніемъ вашимъ, чтобъ въ Московской губерніи по ея многолюдству прибавить еще одинъ уѣздъ, почему и желаю чтобъ вы увѣдомили Меня о мѣстѣ вами для города уѣзднаго избираемомъ и о числѣ душъ къ составленію

III.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Во всехъ предъидущихъ вашихъ донесеніяхъ особливо же въ последнемъ отъ 7 марта нашла Я къ удовольствію Моему труды и старанія вами прилагаемыя о содержаніи въ порядкѣ ввѣренной вамъ столицы и губерніи. Я принимаю то съ полнымъ признаніемъ къ извѣстной Мнѣ вашей ревности къ службѣ и желаю вамъ добрыхъ успѣховъ въ вашихъ распоряженіяхъ. Согласна Я съ вами, что скорѣйшему окончанію множества нерѣшенныхъ дѣлъ по старымъ присудственнымъ мѣстамъ пособить нѣтъ другаго средства кромѣ введенія въ исполненіе учрежденій; но чтобъ и новыя мѣста въ самомъ ихъ началѣ не были обременены на долго разборомъ прежнихъ дѣлъ и тѣмъ отвлечены отъ настоящаго своего упражненія, Я предполагаю взять мѣры такія какъ и здѣсь то учинено, и именно назначеніемъ срока для явки челобитчиковъ по старымъ дѣламъ и оставленіемъ на нѣкоторое время прежнихъ приказовъ для решенія ихъ, о чемъ и не премину дать Мои повеленія. Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательная.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

въ С.П.бургѣ Екатерина.
Марта 14-го 1782.

IV.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Всѣ донесенія ваши по ввѣренной вамъ столицѣ и тамошней губерніи Я получаю тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, колико въ каждомъ изъ нихъ видна свойственная вамъ добрая воля споспѣшествовать намѣреніямъ Моимъ о введеніи всемѣстнаго благоустройства. Совершенно согласна Я со мнѣніемъ вашимъ, чтобъ въ Московской губерніи по ея многолюдству прибавить еще одинъ уѣздъ, почему и желаю чтобъ вы увѣдомили Меня о мѣстѣ вами для города уѣзднаго избираемомъ и о числѣ душъ къ составленію

поваго округа, дабы Я могла дать Сенату Мои повеленія. Пребываю всегда вамъ доброжелательная,

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

въ Санктъпетербургѣ. Екатерина.
Апреля 12 дня 1782.

V.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Желаніе ваше въ послѣднѣмъ ко Мнѣ письмѣ изъясненное Я принимаю съ особливою признательностію, ведая что проистекаетъ оно изъ того самаго ко мнѣ усердія и рвенія вашего къ службѣ отечества, котораго видела я многіе опыты. Неизвестно еще точно, войною ли или миролюбнымъ образомъ развязаны будутъ наши съ Турками хлопоты, хотя послѣднее болѣе уповательно; почему и не могу ничего сказать вамъ решительнаго; но въ протчемъ вы можетѣ быть увѣрены, что Я вездѣ рада употребить васъ гдѣ польза дѣлъ моихъ того требовать будетъ. Пребывая вамъ всегда доброжелательная

Въ С. Петербургѣ. Екатерина.
Февралл 7, 1783 г.

VI.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Съ особливымъ удовольствіемъ получила Я уведомленіе ваше объ открытіи Московской губерніи, и свидѣтельство о признаніи, съ каковымъ дворянство тамошнее и прочее общество приняли мои учрежденія. Я препоручаю вамъ объявить имъ мое благоволеніе и желаніе, чтобъ въ скорѣ на дѣлѣ самомъ ощутили они всѣ пользу изъ сего новаго образа управленія ожидаемую. Въ событіи сего тѣмъ болѣе они надѣжны быть могутъ, когда опредѣляемые къ должностямъ и изъ среды [1]) ихъ избираемые будутъ послѣдовать

[1]) Въ подлинникѣ: *среди.*

поваго округа, дабы Я могла дать Сенату Мои повеленія. Пребываю всегда вамъ доброжелательная,

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

въ Санктъпетербургѣ. Екатерина.
Апреля 12 дня 1782.

V.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Желаніе ваше въ послѣднѣмъ ко Мнѣ письмѣ изъясненное Я принимаю съ особливою признательностію, ведая что проистекаетъ оно изъ того самаго ко мнѣ усердія и рвенія вашего къ службѣ отечества, котораго видела я многіе опыты. Неизвестно еще точно, войною ли или миролюбнымъ образомъ развязаны будутъ наши съ Турками хлопоты, хотя послѣднее болѣе уповательно; почему и не могу ничего сказать вамъ решительнаго; но въ протчемъ вы можетѣ быть увѣрены, что Я вездѣ рада употребить васъ гдѣ польза дѣлъ моихъ того требовать будетъ. Пребывая вамъ всегда доброжелательная

Въ С. Петербургѣ. Екатерина.
Февралл 7, 1783 г.

VI.

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Съ особливымъ удовольствіемъ получила Я уведомленіе ваше объ открытіи Московской губерніи, и свидѣтельство о признаніи, съ каковымъ дворянство тамошнее и прочее общество приняли мои учрежденія. Я препоручаю вамъ объявить имъ мое благоволеніе и желаніе, чтобъ въ скорѣ на дѣлѣ самомъ ощутили они всѣ пользу изъ сего новаго образа управленія ожидаемую. Въ событіи сего тѣмъ болѣе они надѣжны быть могутъ, когда опредѣляемые къ должностямъ и изъ среды [1]) ихъ избираемые будутъ послѣдовать

[1]) Въ подлинникѣ: *среди.*

примѣромъ отмѣннаго усердія, ревности и прилежанія главнаго ихъ начальника, опытами долголѣтней службы доказаннымъ.

Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательная.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Въ С. Петербургѣ. Екатерина.
Октября 15 д. 1783 г.

примѣромъ отмѣннаго усердія, ревности и прилежанія главнаго ихъ начальника, опытами долголѣтней службы доказаннымъ.

Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательная.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Въ С. Петербургѣ. Екатерина.
Октября 15 д. 1783 г.

ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ТАЙНЫХЪ СЕКТЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

Печатаемые подъ этимъ заглавіемъ документы представляютъ важные матеріалы для исторіи русскаго скопчества въ концѣ XVIII вѣка. Заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія объ А. И. Шиловѣ не были извѣстны даже Н. П. Надеждину и не помѣщены въ его „Изслѣдованіи о скопческой сектѣ". Что же касается скопческихъ пѣсенъ, приводимыхъ нами, то текстъ ихъ замѣчателенъ тѣмъ, что происхожденіе его возводится непосредственно къ Шилову, и что онъ сохранился въ рукописи, современной послѣднему. Всѣ печатаемые документы извлечены И. П. Шульгинымъ изъ дѣлъ тайной экспедиціи, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

I.

Новыя свѣдѣнія объ А. И. Шиловѣ.

1.

Допросъ М. Привалову и И. Шилову.

1791 года ноября 13-го дня, присланные отъ его сіятельства графа Николая Ивановича Салтыкова къ тайному совѣтнику Шешковскому, отставной солдатъ Иванъ Шиловъ и графини Скавронской Славянской мызы писарь Максимъ Приваловъ показали:

Писарь Приваловъ показалъ:

Прошедшаго августа мѣсяца, пришедъ къ нему, Привалову, показанной мызы крестьянинъ Герасимъ Тихановъ говорилъ ему: къ живущему-де въ вотчинѣ ихъ отставному солдату Ивану Шилову —по ночамъ въ его избу бываютъ сходбища, а ходятъ-де къ нему

ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ТАЙНЫХЪ СЕКТЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

Печатаемые подъ этимъ заглавіемъ документы представляютъ важные матеріалы для исторіи русскаго скопчества въ концѣ XVIII вѣка. Заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія объ А. И. Шиловѣ не были извѣстны даже Н. П. Надеждину и не помѣщены въ его „Изслѣдованіи о скопческой сектѣ". Что же касается скопческихъ пѣсенъ, приводимыхъ нами, то текстъ ихъ замѣчателенъ тѣмъ, что происхожденіе его возводится непосредственно къ Шилову, и что онъ сохранился въ рукописи, современной послѣднему. Всѣ печатаемые документы извлечены И. П. Шульгинымъ изъ дѣлъ тайной экспедиціи, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

I.

Новыя свѣдѣнія объ А. И. Шиловѣ.

1.

Допросъ М. Привалову и И. Шилову.

1791 года ноября 13-го дня, присланные отъ его сіятельства графа Николая Ивановича Салтыкова къ тайному совѣтнику Шешковскому, отставной солдатъ Иванъ Шиловъ и графини Скавронской Славянской мызы писарь Максимъ Приваловъ показали:

Писарь Приваловъ показалъ:

Прошедшаго августа мѣсяца, пришедъ къ нему, Привалову, показанной мызы крестьянинъ Герасимъ Тихановъ говорилъ ему: къ живущему-де въ вотчинѣ ихъ отставному солдату Ивану Шилову —по ночамъ въ его избу бываютъ сходбища, а ходятъ-де къ нему

дѣвки и молодыя бабы и мужики, а зачѣмъ не извѣстно. Онъ, услыша о семъ, и что тогда въ вотчинѣ управителя не было, почелъ за нужное о помянутыхъ сходбищахъ развѣдать, а потому и пошелъ къ тому солдату въ избу въ ночное время, а какъ пришелъ, то и засталъ у него двухъ дѣвокъ и одну бабу, коихъ онъ спросилъ, зачѣмъ они туда ходятъ, и онѣ ему отвѣчали, что-де „насъ Шиловъ учитъ доброму какъ жить“; какъ же Шилова въ домѣ не было, а былъ у крестьянина Фролова, то онъ за нимъ послалъ, чтобъ онъ пришелъ къ нему; а какъ онъ къ нему пришелъ, то спросилъ у него, Шилова: „За чѣмъ-де къ тебѣ по ночамъ ходятъ дѣвки?“ На что онъ сказалъ: „Я-де ихъ учу добрымъ дѣламъ“. И для богомолія посылалъ-де онъ двухъ дѣвокъ въ Ригу съ сыномъ крестьянина Фролова. А какъ объ означенномъ сходбищѣ онъ слышалъ отъ многихъ крестьянъ, то желая узнать точность онаго сходбища, въ бытность его въ избѣ у Шилова въ столикѣ нашелъ онъ письма, писанныя къ Шилову, о которыхъ онъ у Шилова спросилъ, отъ кого онъ тѣ письма получилъ; на что онъ ему отвѣчалъ: эти де письма писаны къ нему отъ содержащагося въ Ригѣ подъ секретнымъ карауломъ крестьянина Александра Иванова, а онъ-де посаженъ за то, что онъ скопецъ; да онъ-де и многихъ дѣлалъ скопцами, такъ какъ и его, Шилова, сдѣлалъ же скопцомъ; а онос-де онъ дѣлалъ для того, чтобъ скопить царствіе Божіе и этимъ угодить Богу. Прошедшаго сентября мѣсяца ѣхалъ онъ съ помянутымъ крестьяниномъ Иваномъ Фроловымъ изъ вотчины въ село Павловское въ кибиткѣ, и оный Фроловъ между другихъ разговоровъ говорилъ ему, Привалову, слова такія: великій де князь, будучи въ Павловскомъ саду, изволилъ взять его за плечо и говорилъ: „Меня-де изъ Петербурга увезли-было по Шлиссельбургской дорогѣ, но какъ-де я узналъ о томъ отъ караульнаго солдата, то и наказывалъ великой княгинѣ, что если меня чрезъ часъ не станетъ, то чтобы гналась за мною по той дорогѣ, откуда я и возвращенъ“. О семъ онъ не донесъ, потому что почелъ онъ всѣ сіи слова за самый вздоръ и пустой вымыселъ того Фролова, и думая въ себѣ, что оный Фроловъ говорилъ ему изъ хвастовства, что будто бъ онъ столь близокъ къ великому князю; причина тому та, что онъ въ Павловскомъ былъ подрядчикомъ при возкѣ песку.—Къ сему показанію ея сіятельства графини Марьи Николаевны Скавронской служитель Максимъ Привалов руку приложилъ.

Отставной солдатъ Иванъ Петровъ сынъ Шиловъ показалъ:

Напредъ сего былъ онъ дворовый человѣкъ полковника Нико-

дѣвки и молодыя бабы и мужики, а зачѣмъ не извѣстно. Онъ, услыша о семъ, и что тогда въ вотчинѣ управителя не было, почелъ за нужное о помянутыхъ сходбищахъ развѣдать, а потому и пошелъ къ тому солдату въ избу въ ночное время, а какъ пришелъ, то и засталъ у него двухъ дѣвокъ и одну бабу, коихъ онъ спросилъ, зачѣмъ они туда ходятъ, и онѣ ему отвѣчали, что-де „насъ Шиловъ учитъ доброму какъ жить“; какъ же Шилова въ домѣ не было, а былъ у крестьянина Фролова, то онъ за нимъ послалъ, чтобъ онъ пришелъ къ нему; а какъ онъ къ нему пришелъ, то спросилъ у него, Шилова: „За чѣмъ-де къ тебѣ по ночамъ ходятъ дѣвки?“ На что онъ сказалъ: „Я-де ихъ учу добрымъ дѣламъ“. И для богомолія посылалъ-де онъ двухъ дѣвокъ въ Ригу съ сыномъ крестьянина Фролова. А какъ объ означенномъ сходбищѣ онъ слышалъ отъ многихъ крестьянъ, то желая узнать точность онаго сходбища, въ бытность его въ избѣ у Шилова въ столикѣ нашелъ онъ письма, писанныя къ Шилову, о которыхъ онъ у Шилова спросилъ, отъ кого онъ тѣ письма получилъ; на что онъ ему отвѣчалъ: эти де письма писаны къ нему отъ содержащагося въ Ригѣ подъ секретнымъ карауломъ крестьянина Александра Иванова, а онъ-де посаженъ за то, что онъ скопецъ; да онъ-де и многихъ дѣлалъ скопцами, такъ какъ и его, Шилова, сдѣлалъ же скопцомъ; а онос-де онъ дѣлалъ для того, чтобъ скопить царствіе Божіе и этимъ угодить Богу. Прошедшаго сентября мѣсяца ѣхалъ онъ съ помянутымъ крестьяниномъ Иваномъ Фроловымъ изъ вотчины въ село Павловское въ кибиткѣ, и оный Фроловъ между другихъ разговоровъ говорилъ ему, Привалову, слова такія: великій де князь, будучи въ Павловскомъ саду, изволилъ взять его за плечо и говорилъ: „Меня-де изъ Петербурга увезли-было по Шлиссельбургской дорогѣ, но какъ-де я узналъ о томъ отъ караульнаго солдата, то и наказывалъ великой княгинѣ, что если меня чрезъ часъ не станетъ, то чтобы гналась за мною по той дорогѣ, откуда я и возвращенъ“. О семъ онъ не донесъ, потому что почелъ онъ всѣ сіи слова за самый вздоръ и пустой вымыселъ того Фролова, и думая въ себѣ, что оный Фроловъ говорилъ ему изъ хвастовства, что будто бъ онъ столь близокъ къ великому князю; причина тому та, что онъ въ Павловскомъ былъ подрядчикомъ при возкѣ песку.—Къ сему показанію ея сіятельства графини Марьи Николаевны Скавронской служитель Максимъ Приваловъ руку приложилъ.

Отставной солдатъ Иванъ Петровъ сынъ Шиловъ показалъ:

Напредъ сего былъ онъ дворовый человѣкъ полковника Нико-

лая Иванова сына Маслова, Тульскаго уѣзда, а жилъ онъ въ селѣ Васильевскомъ. Въ 772 году онаго села крестьянинъ Александръ Ивановъ, уговоря его изъ Евангелія 18-й гл. изъ текста о скопцахъ, его скопилъ, такъ какъ и другихъ людей, и потомъ какъ про сіе ремесло дошло до свѣдѣнія правительства, то онаго Иванова за таковые безчеловѣчные поступки по учиненіи по законамъ наказанія и съ постановленіемъ знаковъ, послали въ Ригу, гдѣ и содержится подъ секретомъ; онъ же, Шиловъ, избавился отъ равнаго съ нимъ Ивановымъ жребія по причинѣ той, что онъ какъ было производимо слѣдствіе, находился съ помѣщикомъ своимъ въ Сибирѣ, а какъ въ 776 году помѣщикъ возвратился изъ Сибири и, узнавъ о дѣяніяхъ Иванова, такожъ и о немъ, что онъ имъ оскопленъ, отдалъ его въ солдаты; и сперва опредѣленъ онъ былъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ, а изъ онаго переведенъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ, а въ 784 году за болѣзнями его онъ отставленъ и отданъ на роспись медицинской коллегіи магазейнъ-вахтеру Михайлѣ Гужеву; а въ нынѣшнемъ 791 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ оный Гужовъ отъ содержанія его на своей роспискѣ отрекся, то по опредѣленію военной коллегіи, отданъ на росписку города Софіи присяжному Матвѣю Горячкину и жительство имѣлъ онъ въ вотчинѣ графини Скавронской, называемой Славянкѣ; во время жъ жительства его тамо, имѣлъ онъ смотрѣніе надъ пильною и мучною мельницами. Дѣвки, женщины и мужчины къ нему по вечерамъ, свободясь отъ работы, хаживали, и онъ читывалъ имъ слово Божіе и толковалъ, наставляя ихъ, чтобъ они жили цѣломудренно, и дѣвки сохраняли свое дѣвство, при чемъ имъ и изъ евангелиста Матѳея толковалъ слова о скопцахъ, кои скопишася царствія ради Божія; однакожъ онъ ни одного человѣка не скоплялъ; изъ Риги чрезъ почту получалъ онъ письма три или четыре (которыя ему при семъ показываны) отъ упомянутаго Александра Иванова, а потому и желалось ему по старой съ нимъ любви навѣдаться обстоятельно, въ какомъ онъ состояніи тамъ находится, чего ради и просилъ онъ жительствующихъ въ помянутой вотчинѣ дѣвокъ Дарью Климову и Акулину Иванову, чтобъ онѣ съѣздили въ Ригу и навѣдались объ Александрѣ Ивановѣ, и буде можно будетъ, то бъ съ нимъ и повидались; нанявши для нихъ двѣ лошади у крестьянина Ивана Фролова, и съ сыномъ его Яковомъ отправилъ въ Ригу; въ Ригѣ жъ и въ дорогѣ пробыли сіи дѣвки недѣль пять; возвратившись, тѣхъ дѣвокъ онъ спрашивалъ, видѣли ли онѣ Алексадру Иванова, но онѣ ему сказали, что-де видѣть

лая Иванова сына Маслова, Тульскаго уѣзда, а жилъ онъ въ селѣ Васильевскомъ. Въ 772 году онаго села крестьянинъ Александръ Ивановъ, уговоря его изъ Евангелія 18-й гл. изъ текста о скопцахъ, его скопилъ, такъ какъ и другихъ людей, и потомъ какъ про сіе ремесло дошло до свѣдѣнія правительства, то онаго Иванова за таковые безчеловѣчные поступки по учиненіи по законамъ наказанія и съ постановленіемъ знаковъ, послали въ Ригу, гдѣ и содержится подъ секретомъ; онъ же, Шиловъ, избавился отъ равнаго съ нимъ Ивановымъ жребія по причинѣ той, что онъ какъ было производимо слѣдствіе, находился съ помѣщикомъ своимъ въ Сибирѣ, а какъ въ 776 году помѣщикъ возвратился изъ Сибири и, узнавъ о дѣяніяхъ Иванова, такожъ и о немъ, что онъ имъ оскопленъ, отдалъ его въ солдаты; и сперва опредѣленъ онъ былъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ, а изъ онаго переведенъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ, а въ 784 году за болѣзнями его онъ отставленъ и отданъ на росписку медицинской коллегіи магазейнъ-вахтеру Михайлѣ Гужеву; а въ нынѣшнемъ 791 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ оный Гужовъ отъ содержанія его на своей роспискѣ отрекся, то по опредѣленію военной коллегіи, отданъ на росписку города Софіи присяжному Матвѣю Горячкину и жительство имѣлъ онъ въ вотчинѣ графини Скавронской, называемой Славянкѣ; во время жъ жительства его тамо, имѣлъ онъ смотрѣніе надъ пильною и мучною мельницами. Дѣвки, женщины и мужчины къ нему по вечерамъ, свободясь отъ работы, хаживали, и онъ читывалъ имъ слово Божіе и толковалъ, наставляя ихъ, чтобъ они жили цѣломудренно, и дѣвки сохраняли свое дѣвство, при чемъ имъ и изъ евангелиста Матѳея толковалъ слова о скопцахъ, кои скопившася царствія ради Божія; однакожъ онъ ни одного человѣка не скоплялъ; изъ Риги чрезъ почту получалъ онъ письма три или четыре (которыя ему при семъ показываны) отъ упомянутаго Александра Иванова, а потому и желалось ему по старой съ нимъ любви навѣдаться обстоятельно, въ какомъ онъ состояніи тамъ находится, чего ради и просилъ онъ жительствующихъ въ помянутой вотчинѣ дѣвокъ Дарью Климову и Акулину Иванову, чтобъ онѣ съѣздили въ Ригу и навѣдались объ Александрѣ Ивановѣ, и буде можно будетъ, то бъ съ нимъ и повидались; нанявши для нихъ двѣ лошади у крестьянина Ивана Фролова, и съ сыномъ его Яковомъ отправилъ въ Ригу; въ Ригѣ жъ и въ дорогѣ пробыли сіи дѣвки недѣль пять; возвратившись, тѣхъ дѣвокъ онъ спрашивалъ, видѣли ли онѣ Александру Иванова, но онѣ ему сказали, что-де видѣть

его не могли, а только-де слухъ есть, что онъ содержится въ Динаментской крѣпости. Съ сими дѣвками посылалъ онъ къ тому Иванову письмо, въ коемъ-де писалъ къ нему токмо поклонъ, а какъ онѣ возвратились и письмо ему обратно отдали, то онъ его и сжегъ. — Къ сему показанію отставной солдатъ Иванъ Шиловъ руку приложилъ.

Ноября 14-го оный Шиловъ показалъ, что хотя онъ вчера въ допросѣ своемъ и показывалъ, будто бъ онъ съ Александромъ Ивановымъ переписки не имѣлъ, но объ ономъ показалъ онъ, боясь наказанія за то, что онъ съ такимъ подозрительнымъ человѣкомъ имѣлъ переписку; а нынѣ онъ чистосердечно признается, что съ тѣмъ Ивановымъ переписку имѣлъ чрезъ Рижскаго купца Тимофея Артамонова, и хотя его въ лицо не знаетъ, но думаетъ онъ, Шиловъ, что и оный Артамоновъ того жъ, какъ и оный Шиловъ, согласія, а потому оный Артамоновъ его письма отдавалъ, какъ онъ думаетъ, Александру Иванову, а отъ него пересылалъ къ нему; въ ихъ же ученіи постановлено и то, чтобъ и жены съ мужьями плотски не соединялись, а жили бъ какъ братія; въ письмахъ же онъ къ Иванову писалъ обнадеживаніе, чтобъ онъ надѣялся на милость Божію о его свободѣ, ибо-де, думалъ онъ, что какъ состоится милостивый указъ во время мира, то его, можетъ быть, свободятъ, въ чемъ Ивановъ полагаетъ свою надежду. — Иванъ Шиловъ руку приложилъ.

Во время житія его въ мызѣ графини Скавронской, въ церковь онъ ходилъ и имѣлъ отца духовнаго Христолюба Иванова, повсягодно исповѣдывался и Святыхъ Таинъ сообщался, но на духу, что онъ скопецъ, духовному отцу не сказывалъ, боясь, чтобъ онъ его иногда не обличилъ при людяхъ, ибо что онъ скопецъ—никто о томъ въ мызѣ, гдѣ онъ жилъ, не зналъ. — Иванъ Шиловъ руку приложилъ.

2.

Письмо императрицы Екатерины къ графу Н. П. Салтыкову.

Секретно.

Графъ Николай Ивановичъ!

Разсматривая мы прошедшія показанія графини Скавронской писаря Максима Привалова и отставнаго солдата Ивана Шилова, повелѣваемъ учинить слѣдующее: *первое*, солдата Шилова, какъ

его не могли, а только-де слухъ есть, что онъ содержится въ Дипаментской крѣпости. Съ сими дѣвками посылалъ онъ къ тому Иванову письмо, въ коемъ-де писалъ къ нему токмо поклонъ, а какъ онѣ возвратились и письмо ему обратно отдали, то онъ его и сжегъ. — Къ сему показанію отставной солдатъ Иванъ Шиловъ руку приложилъ.

Ноября 14-го оный Шиловъ показалъ, что хотя онъ вчера въ допросѣ своемъ и показывалъ, будто бъ онъ съ Александромъ Ивановымъ переписки не имѣлъ, но объ ономъ показалъ онъ, боясь наказанія за то, что онъ съ такимъ подозрительнымъ человѣкомъ имѣлъ переписку; а нынѣ онъ чистосердечно признается, что съ тѣмъ Ивановымъ переписку имѣлъ чрезъ Рижскаго купца Тимофея Артамонова, и хотя его въ лицо не знаетъ, но думаетъ онъ, Шиловъ, что и оный Артамоновъ того жъ, какъ и оный Шиловъ, согласія, а потому оный Артамоновъ его письма отдавалъ, какъ онъ думаетъ, Александру Иванову, а отъ него пересылалъ къ нему; въ ихъ же ученіи постановлено и то, чтобъ и жены съ мужьями плотски не соединялись, а жили бъ какъ братія; въ письмахъ же онъ къ Иванову писалъ обнадеживаніе, чтобъ онъ надѣялся на милость Божію о его свободѣ, ибо-де, думалъ онъ, что какъ состоится милостивый указъ во время мира, то его, можетъ быть, свободятъ, въ чемъ Ивановъ полагаетъ свою надежду. — Иванъ Шиловъ руку приложилъ.

Во время житія его въ мызѣ графини Скавронской, въ церковь онъ ходилъ и имѣлъ отца духовнаго Христолюба Иванова, повсягодно исповѣдывался и Святыхъ Таинъ сообщался, но на духу, что онъ скопецъ, духовному отцу не сказывалъ, боясь, чтобъ онъ его иногда не обличилъ при людяхъ, ибо что онъ скопецъ—никто о томъ въ мызѣ, гдѣ онъ жилъ, не зналъ. — Иванъ Шиловъ руку приложилъ.

2.

Письмо императрицы Екатерины къ графу Н. П. Салтыкову.

Секретно.

Графъ Николай Ивановичъ!

Разсматривая мы прошедшія показанія графини Скавронской писаря Максима Привалова и отставнаго солдата Ивана Шилова, повелѣваемъ учинить слѣдующее: *первое*, солдата Шилова, какъ

онъ признался въ чинимой имъ нетерпимой ереси скопцовъ и развращалъ людей отъ брачнаго сочетанія, а сверхъ сего, дружескую переписку имѣлъ съ содержащимся въ Ригѣ сосланнымъ туда по законномъ наказаніи скопцомъ Александромъ Ивановымъ не позволеннымъ образомъ, обнадеживая опаго и свободою, и дабы отъ него впредь таковыхъ вредныхъ внушеній между малосмысленныхъ не происходило, послать въ Соловецкій монастырь, гдѣ употреблять его въ монастырской по мѣрѣ силъ его работѣ, не допуская съ приходящими туда богомольцами ни до малѣйшаго сообщенія, а между тѣмъ настоятелю стараться отъ вкорененной въ немъ ереси словомъ Божіимъ отвращать и привесть къ познанію истины Евангелія *второе*, крестьянина Ивана Фролова за ложное и несбыточное, выдуманное самимъ имъ вранье, и что онъ хаживалъ на ученіе къ Шилову, наказать въ деревнѣ палкою бурмистру. Впрочемъ мы пребываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

17-го ноября 1791 г.
С.-Петербургъ.

3.

Первое письмо императрицы Екатерины къ графу С. С. Броуну.

Секретно.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндскій и Эстляндскій, графъ Броунъ! Дошло до свѣдѣнія нашего, что содержащійся за извѣстное вамъ преступленіе въ Динамюнтской крѣпости раскольникъ Александръ Ивановъ писалъ оттуда къ подобному себѣ отставному солдату Шилову, продолжая разсѣвать невѣждамъ ученіе свое, вредное государству и противное слову Божію и вѣрѣ христіанской, и что таковой не позволенной и законами запрещенной перепискѣ и пересылкѣ взаимныхъ писемъ споможествовалъ живущій въ Ригѣ купецъ Тимофей Артамоновъ. Мы потому повелѣваемъ вамъ, во первыхъ, взять нужную осторожность, дабы содержащіеся въ крѣпости Динамюнтской преступники не были допускаемы до подобнаго съ кѣмъ бы то ни было сношенія и пересылки, а во вторыхъ, навѣдавшись ближе о состояніи помянутаго купца Артамонова, поручить кому слѣдуетъ имѣть строгое наблюденіе, какъ

онъ признался въ чинимой имъ нетерпимой ереси скопцовъ и развращалъ людей отъ брачнаго сочетанія, а сверхъ сего, дружескую переписку имѣлъ съ содержащимся въ Ригѣ сосланнымъ туда по законномъ наказаніи скопцомъ Александромъ Ивановымъ не позволеннымъ образомъ, обнадеживая опаго и свободою, и дабы отъ него впредь таковыхъ вредныхъ внушеній между малосмысленныхъ не происходило, послать въ Соловецкій монастырь, гдѣ употреблять его въ монастырской по мѣрѣ силъ его работѣ, не допуская съ приходящими туда богомольцами ни до малѣйшаго сообщенія, а между тѣмъ настоятелю стараться отъ вкорененной въ немъ ереси словомъ Божіимъ отвращать и привесть къ познанію истины Евангелія *второе*, крестьянина Ивана Фролова за ложное и несбыточное, выдуманное самимъ имъ вранье, и что онъ хаживалъ на ученіе къ Шилову, наказать въ деревнѣ палкою бурмистру. Впрочемъ мы пребываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

17-го ноября 1791 г.
С.-Петербургъ.

3.

Первое письмо императрицы Екатерины къ графу С. С. Броуну.

Секретно.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндскій и Эстляндскій, графъ Броунъ! Дошло до свѣдѣнія нашего, что содержащійся за извѣстное вамъ преступленіе въ Динамюнтской крѣпости раскольникъ Александръ Ивановъ писалъ оттуда къ подобному себѣ отставному солдату Шилову, продолжая разсѣвать невѣждамъ ученіе свое, вредное государству и противное слову Божію и вѣрѣ христіанской, и что таковой не позволенной и законами запрещенной перепискѣ и пересылкѣ взаимныхъ писемъ споможествовалъ живущій въ Ригѣ купецъ Тимофей Артамоновъ. Мы потому повелѣваемъ вамъ, во первыхъ, взять нужную осторожность, дабы содержащіеся въ крѣпости Динамюнтской преступники не были допускаемы до подобнаго съ кѣмъ бы то ни было сношенія и пересылки, а во вторыхъ, навѣдавшись ближе о состояніи помянутаго купца Артамонова, поручить кому слѣдуетъ имѣть строгое наблюденіе, какъ

за поведеніемъ, такъ и за перепискою его. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
27-го ноября 1791 г.

4.

Экстрактъ изъ донесеній графа Броуна императрицѣ.

Генералъ-аншефъ графъ Броунъ, въ реляціяхъ отъ 6-го и 9-го ч. прошедшаго декабря, Вашему Императорскому Величеству доносилъ, что Рижскій купецъ Тимофей Артамоновъ тамо сысканъ и хотя и спрашиванъ былъ о перепискѣ съ солдатомъ, который посланъ въ Соловки, и что отъ извѣстнаго преступника Иванова пересылалъ къ оному солдату, но не признался; однакожь взятъ подъ стражу, въ домѣ жь его найдено сочиненіе преступника Иванова.

Послѣ жь, при допросѣ, какъ оный Артамоновъ, такъ и жившій въ его жь домѣ Пошехонскій мѣщанинъ признались, что они имѣютъ братство, и что помянутаго преступника почитаютъ они преблагословеннымъ изъ тьмы воспріемникомъ и отцомъ, то есть, показующимъ прямой и истинный путь ко спасенію.

Здѣсь Динабургскій мѣщанинъ Васильевъ показалъ, что онъ жилъ въ здѣшнемъ городѣ, по данному отъ Динабурга паспорту и былъ разнощикомъ изъ лавокъ яблокъ и проч. у здѣшняго купца; оказался онъ обрѣзанъ, и говоритъ, что его обрѣзалъ отецъ его въ малолѣтствѣ, такъ что и не помнитъ; отецъ же-де его бѣжалъ изъ Тулы въ Польшу, гдѣ и былъ по самую смерть; а когда онъ умеръ, то онъ, Васильевъ, по возвратѣ записался въ показанный городъ въ мѣщане, откуда при разныхъ промыслахъ ѣзжалъ въ Ригу, гдѣ и познакомился съ сосланными туда обрѣзанцами въ работу, отъ коихъ провѣдалъ и о упомянутомъ преступникѣ Ивановѣ, а потомъ сдѣлался знакомъ и съ купцомъ Артамоновымъ. Секта или братство ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ мужчинамъ не жениться, а дѣвкамъ не ходить замужъ. О сосланномъ въ Соловки обрѣзанцѣ свѣдалъ онъ потому, что хозяинъ его очень хвалилъ его жизнь, а сіе самое и понудило его узнать онаго, съ которымъ и былъ знакомъ, но послѣ прошелъ слухъ, что его изъ деревни графини Скавронской взяли, а къ тому жь, что живущій въ той

за поведеніемъ, такъ и за перепискою его. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
27-го ноября 1791 г.

4.

Экстрактъ изъ донесеній графа Броуна императрицѣ.

Генералъ-аншефъ графъ Броунъ, въ реляціяхъ отъ 6-го и 9-го ч. прошедшаго декабря, Вашему Императорскому Величеству доносилъ, что Рижскій купецъ Тимофей Артамоновъ тамо сысканъ и хотя и спрашиванъ былъ о перепискѣ съ солдатомъ, который посланъ въ Соловки, и что отъ извѣстнаго преступника Иванова пересылалъ къ оному солдату, но не признался; однакожь взятъ подъ стражу, въ домѣ жь его найдено сочиненіе преступника Иванова.

Послѣ жь, при допросѣ, какъ оный Артамоновъ, такъ и жившій въ его жь домѣ Пошехонскій мѣщанинъ признались, что они имѣютъ братство, и что помянутаго преступника почитаютъ они преблагословеннымъ изъ тьмы воспріемникомъ и отцомъ, то есть, показующимъ прямой и истинный путь ко спасенію.

Здѣсь Динабургскій мѣщанинъ Васильевъ показалъ, что онъ жилъ въ здѣшнемъ городѣ, по данному отъ Динабурга паспорту и былъ разнощикомъ изъ лавокъ яблокъ и проч. у здѣшняго купца; оказался онъ обрѣзанъ, и говоритъ, что его обрѣзалъ отецъ его въ малолѣтствѣ, такъ что и не помнитъ; отецъ же-де его бѣжалъ изъ Тулы въ Польшу, гдѣ и былъ по самую смерть; а когда онъ умеръ, то онъ, Васильевъ, по возвратѣ записался въ показанный городъ въ мѣщане, откуда при разныхъ промыслахъ ѣзжалъ въ Ригу, гдѣ и познакомился съ сосланными туда обрѣзанцами въ работу, отъ коихъ провѣдалъ и о упомянутомъ преступникѣ Ивановѣ, а потомъ сдѣлался знакомъ и съ купцомъ Артамоновымъ. Секта или братство ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ мужчинамъ не жениться, а дѣвкамъ не ходить замужъ. О сосланномъ въ Соловки обрѣзанцѣ свѣдалъ онъ потому, что хозяинъ его очень хвалилъ его жизнь, а сіе самое и понудило его узнать онаго, съ которымъ и былъ знакомъ, но послѣ прошелъ слухъ, что его изъ деревни графини Скавронской взяли, а къ тому жь, что живущій въ той

деревни крестьянинъ Фроловъ хозяину его былъ долженъ, то для взятья долгу ходилъ въ ту деревню, гдѣ онъ и взятъ.

При допросѣ весьма видно было, что онъ тѣмъ, что изуродованъ, не доволенъ, да пособить уже не чѣмъ; расколу въ немъ никакого не примѣчено; по соизволенію Вашего Величества посланъ онъ былъ для истолкованія истины Евангелія и увѣщанія къ здѣшнему преосвященному, который его и увѣщевалъ, и наконецъ, къ Шешковскому писалъ, что де Васильевъ сынъ церкви и расколомъ гнушается, и о томъ, что онъ обрѣзанъ противъ воли его, жалѣетъ и совѣстію смущается, для чего онъ и у священника спрашивалъ, чтобъ его въ такомъ состояніи себя успокоить, но чтобъ онъ былъ въ какомъ-либо заблужденіи наставникомъ, того въ немъ не примѣчено; съ увѣщаніями преосвященнаго былъ всегда согласенъ. Послѣ жь сего его преосвященство изъяснялся на словахъ, что по правиламъ церковнымъ такіе обрѣзанцы, кои обрѣзались по своей волѣ, отлучались отъ церкви, а кои по неволѣ, тѣ отъ церкви отлучаемы не были.

Оный Васильевъ ходилъ на пѣніе въ церковь всегда, но 6-го января отъ двухъ солдатъ къ нему приставленныхъ, бѣжалъ.

Означенный графъ Броунъ заключеніе свое положилъ, чтобъ помянутыхъ двухъ человѣкъ содержать нѣсколько времени подъ стражею, но токмо по сему дѣлу слѣдствія не производить, для того, чтобъ не разшевелить симъ другихъ раскольниковъ, ибо - де въ Ригѣ ихъ много, а между тѣмъ приказано отъ него за преступникомъ смотрѣть строго, да и за сборищами противными имѣть надзираніе.

5.

Проектъ резолюціи, представленный императрицѣ.

Теперь остается къ г. Броуну отписать: 1) чтобъ преступника Иванова, яко онъ подавалъ непристойные соблазны простымъ людямъ, содержать наистрожайше, не допуская отнюдь къ нему никого; также писемъ ни подъ какимъ видомъ писать ему не давать, и для того пера, чернилъ, бумаги и бересты, однимъ словомъ, чтобъ при немъ ни чего такого, чѣмъ бы можно было писать, не было; 2) двухъ человѣкъ, купца и мѣщанина, буде они не обрѣзаны, то кажется, они довольно наказаны за знакомство и привязанность къ преступнику, истолковавъ имъ чрезъ ученаго священника, что какъ сія ихъ секта противна Богу и общему благоустрое-

деревни крестьянинъ Фроловъ хозяину его былъ долженъ, то для взятья долгу ходилъ въ ту деревню, гдѣ онъ и взятъ.

При допросѣ весьма видно было, что онъ тѣмъ, что изуродованъ, не доволенъ, да пособить уже не чѣмъ; расколу въ немъ никакого не примѣчено; по соизволенію Вашего Величества посланъ онъ былъ для истолкованія истины Евангелія и увѣщанія къ здѣшнему преосвященному, который его и увѣщевалъ, и наконецъ, къ Шешковскому писалъ, что де Васильевъ сынъ церкви и расколомъ гнушается, и о томъ, что онъ обрѣзанъ противъ воли его, жалѣетъ и совѣстію смущается, для чего онъ и у священника спрашивалъ, чтобъ его въ такомъ состояніи себя успокоить, но чтобъ онъ былъ въ какомъ-либо заблужденіи наставникомъ, того въ немъ не примѣчено; съ увѣщаніями преосвященнаго былъ всегда согласенъ. Послѣ жь сего его преосвященство изъяснялся на словахъ, что по правиламъ церковнымъ такіе обрѣзанцы, кои обрѣзались по своей волѣ, отлучались отъ церкви, а кои по неволѣ, тѣ отъ церкви отлучаемы не были.

Оный Васильевъ ходилъ на пѣніе въ церковь всегда, но 6-го января отъ двухъ солдатъ къ нему приставленныхъ, бѣжалъ.

Означенный графъ Броунъ заключеніе свое положилъ, чтобъ помянутыхъ двухъ человѣкъ содержать нѣсколько времени подъ стражею, но токмо по сему дѣлу слѣдствія не производить, для того, чтобъ не разшевелить симъ другихъ раскольниковъ, ибо - де въ Ригѣ ихъ много, а между тѣмъ приказано отъ него за преступникомъ смотрѣть строго, да и за сборищами противными имѣть надзираніе.

5.

Проектъ резолюціи, представленный императрицѣ.

Теперь остается къ г. Броуну отписать: 1) чтобъ преступника Иванова, яко онъ подавалъ непристойные соблазны простымъ людямъ, содержать наистрожайше, не допуская отнюдь къ нему никого; также писемъ ни подъ какимъ видомъ писать ему не давать, и для того пера, чернилъ, бумаги и бересты, однимъ словомъ, чтобъ при немъ ни чего такого, чѣмъ бы можно было писать, не было; 2) двухъ человѣкъ, купца и мѣщанина, буде они не обрѣзаны, то кажется, они довольно наказаны за знакомство и привязанность къ преступнику, истолковавъ имъ чрезъ ученаго священника, что какъ сія ихъ секта противна Богу и общему благоустрое-

нію, и чтобъ они конечно отъ сего вреднаго заблужденія отстали; если жь они уже обрѣзаны, то свѣдать отъ нихъ, кѣмъ они обрѣзаны, и когда, и потому изъ-подъ стражи до указу не выпускать; 3) впрочемъ оставить сіе дѣло безъ производства по заключенію графа Броуна.

О бѣглецѣ Васильевѣ къ Полоцкому генералъ-губернатору отписать, что буде онъ явится въ Динабургѣ, то его изъ города впредь никуда не отпускать и паспорта ему не давать, а при томъ имѣть за нимъ городничему смотрѣніе, чтобъ онъ изъ города не отлучался.

6.

Второе письмо императрицы Екатерины къ графу Броуну.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндскій и Эстляндскій, графъ Броунъ!

По присланнымъ къ намъ отъ васъ прошедшаго декабря отъ 6-го и 9-го чиселъ реляціямъ, повелѣваемъ учинить слѣдующее: 1) Рижскаго купца Артамонова и одного мѣщанина, взятаго вами подъ стражу, по привязанности его къ преступнику Иванову, буде они не обрѣзаны, изъ-подъ стражи свободить, подтвердя строжайше, чтобъ они отъ заблужденія, описаннаго въ реляціяхъ вашихъ, отстали, препоруча ихъ ученому и добронравному священнику, чтобъ онъ ихъ наставилъ словомъ Божіимъ на путь истины Евангелія; буде же они обрѣзаны, то свѣдать кѣмъ, и когда, намъ донести и ихъ до указу не освобождать; 2) преступника Иванова содержать подъ крѣпкою стражею, такъ чтобъ никакъ никто видѣть его не могъ, и для того ни кого къ нему не допускать, такъ и писать отнюдь ничего ему не велѣть, производя ему кормовыхъ денегъ по шести копѣекъ на день; 3) буде явится въ Ригѣ города Динабурга мѣщанинъ Алексѣй Васильевъ, который въ малолѣтствѣ еще отцомъ его обрѣзанъ и имѣлъ переписку и знакомство съ Артамоновымъ и преступникомъ Ивановымъ, то прикажите его подъ стражею отправить въ помянутый городъ, предписавъ городничему, чтобъ онъ его изъ города ни куда не выпускалъ и паспорта не давалъ. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною рукою Ея Императорскаго Величества, тако: Екатерина.

13-го генваря 1792 года.

Вторникъ.

нію, и чтобъ они конечно отъ сего вреднаго заблужденія отстали; если жь они уже обрѣзаны, то свѣдать отъ нихъ, кѣмъ они обрѣзаны, и когда, и потому изъ-подъ стражи до указу не выпускать; 3) впрочемъ оставить сіе дѣло безъ производства по заключенію графа Броуна.

О бѣглецѣ Васильевѣ къ Полоцкому генералъ-губернатору отписать, что буде онъ явится въ Динабургѣ, то его изъ города впредь никуда не отпускать и паспорта ему не давать, а при томъ имѣть за нимъ городничему смотрѣніе, чтобъ онъ изъ города не отлучался.

6.

Второе письмо императрицы Екатерины къ графу Броуну.

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндскій и Эстляндскій, графъ Броунъ!

По присланнымъ къ намъ отъ васъ прошедшаго декабря отъ 6-го и 9-го чиселъ реляціямъ, повелѣваемъ учинить слѣдующее: 1) Рижскаго купца Артамонова и одного мѣщанина, взятаго вами подъ стражу, по привязанности его къ преступнику Иванову, буде они не обрѣзаны, изъ-подъ стражи свободить, подтвердя строжайше, чтобъ они отъ заблужденія, описаннаго въ реляціяхъ вашихъ, отстали, препоруча ихъ ученому и добронравному священнику, чтобъ онъ ихъ наставилъ словомъ Божіимъ на путь истины Евангелія; буде же они обрѣзаны, то свѣдать кѣмъ, и когда, намъ донести и ихъ до указу не освобождать; 2) преступника Иванова содержать подъ крѣпкою стражею, такъ чтобъ никакъ никто видѣть его не могъ, и для того ни кого къ нему не допускать, такъ и писать отнюдь ничего ему не велѣть, производя ему кормовыхъ денегъ по шести копѣекъ на день; 3) буде явится въ Ригѣ города Динабурга мѣщанинъ Алексѣй Васильевъ, который въ малолѣтствѣ еще отцомъ его обрѣзанъ и имѣлъ переписку и знакомство съ Артамоновымъ и преступникомъ Ивановымъ, то прикажите его подъ стражею отправить въ помянутый городъ, предписавъ городничему, чтобъ онъ его изъ города ни куда не выпускалъ и паспорта не давалъ. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною рукою Ея Императорскаго Величества, тако: Екатерина.

13-го генваря 1792 года.

Вторникъ.

II.

Скопческія пѣсни [1]).

1.

Свѣтъ-любовь, свѣтъ-любовь,
Любовь Божья моя,
Любовь Божья моя, еще истинная!
Уже гдѣ бы мнѣ бывать,
Вѣрныхъ-праведныхъ видать,
Свѣтъ-любовь!
Вѣрныхъ-праведныхъ видать
И слыхомъ бы не слыхать,
Свѣтъ-любовь!
И слыхомъ бы не слыхать,
И видомъ бы не видать.
Свѣтъ-любовь!
Какъ бы батюшка не Богъ
Еще хоть бы мнѣ помогъ.
Свѣтъ-любовь!
Кому батюшку любить,
Въ златы трубушки трубить.
Свѣтъ-любовь!
Кому матушку любить,
Въ Божьей милости ходить,
Свѣтъ-любовь!
Въ Божьей милости ходить,
У Бога милости просить,
Свѣтъ-любовь!
Чтобы батюшка простилъ,
Въ свое царство пустилъ,
Свѣтъ-любовь!
Въ свое царство пустилъ,
Рай блаженный растворилъ,
Свѣтъ-любовь!

---

[1]) Какъ видно изъ вышенапечатанныхъ документовъ, тетрадь, въ которой помѣщены эти пѣсни, была найдена въ домѣ Рижскаго купца Т. Артамонова, и самыя пѣсни признаны за сочиненіе А. П. Шилова. На подлинной рукописи находится помѣта: «Сія тетрадь писана въ 789 году».

II.

Скопческія пѣсни [1]).

1.

Свѣтъ-любовь, свѣтъ-любовь,
Любовь Божья моя,
Любовь Божья моя, еще истинная!
Уже гдѣ бы мнѣ бывать,
Вѣрныхъ-праведныхъ видать,
Свѣтъ-любовь!
Вѣрныхъ-праведныхъ видать
И слыхомъ бы не слыхать,
Свѣтъ-любовь!
И слыхомъ бы не слыхать,
И видомъ бы не видать.
Свѣтъ-любовь!
Какъ бы батюшка не Богъ
Еще хоть бы мнѣ помогъ.
Свѣтъ-любовь!
Кому батюшку любить,
Въ златы трубушки трубить.
Свѣтъ-любовь!
Кому матушку любить,
Въ Божьей милости ходить,
Свѣтъ-любовь!
Въ Божьей милости ходить,
У Бога милости просить,
Свѣтъ-любовь!
Чтобы батюшка простилъ,
Въ свое царство пустилъ,
Свѣтъ-любовь!
Въ свое царство пустилъ,
Рай блаженный растворилъ,
Свѣтъ-любовь!

---

[1]) Какъ видно изъ вышенапечатанныхъ документовъ, тетрадь, въ которой помѣщены эти пѣсни, была найдена въ домѣ Рижскаго купца Т. Артамонова, и самыя пѣсни признаны за сочиненіе А. П. Шилова. На подлинной рукописи находится помѣта: «Сія тетрадь писана въ 789 году».

Рай блаженства растворилъ,
Вѣчну радость сотворилъ.
Свѣтъ-любовь!

2.

Я люблю, люблю, люблю Саваоѳа въ небеси,
Ей, ей люблю, ей люблю!
Я за то его люблю — небо, землю сотворилъ, ей!
Небо, землю сотворилъ, солнце, мѣсяцъ утвердилъ, ей!
Солнце, мѣсяцъ утвердилъ, звѣздами небо украсилъ, ей!
Я еще люблю, люблю соловья-птицу въ саду, ей!
Я за то его люблю, по ночамъ онъ мало спитъ, ей!
По ночамъ онъ мало спитъ, по зарямъ рано встаетъ, ей!
По зарямъ рано встаетъ, царски пѣсенки поетъ, ей,
Царски пѣсенки поетъ, гласы въ небо подаетъ, ей!
Гласы въ небо подаетъ, хвалу Богу воздаетъ, ей!
Я еще люблю, люблю гостя батюшку своего, ей!
Я за то его люблю, что онъ ходитъ во кругу, ей!
Что онъ ходитъ во кругу, трубитъ въ золотую трубу, ей!
Трубитъ въ золотую трубу, въ живогласную свою, ей!
Государь мой, умилися, Духъ Святый, распадися, ей!
Духъ Святый, распадися и по вѣрнымъ раздадися, ей!
Заставь, сударь, работать, Родословъ-книгу читать, ей!
Родословъ-книгу читать, вѣрныхъ-праведныхъ утѣшать, ей!
Вѣрныхъ-праведныхъ утѣшать, малодушныхъ увѣрять, ей!
Малодушныхъ увѣрять, многоскорбныхъ исцѣлять, ей!
Я еще люблю, люблю да хозяина въ дому, ей!
Я за то его люблю — гораздъ пивушку варить, ей!
Гораздъ пивушку варить, родню Божью поить, ей!
Родню Божью поить, да про Бога говорить, ей!

3 [1]).

Какъ святы(й) Боже по рѣчушки плывутъ,
Безсмертные за ними гребутъ,
Вѣрны-праведны поправливаютъ,
Сами рѣчи поговариваютъ:
„Дай намъ, Господи, Іисуса Христа;

[1]) Всѣ стихи этой пѣсни помѣчены цифрою *2*, что̀ означаетъ, что при пѣніи они повторяются дважды.

Рай блаженства растворилъ,
Вѣчну радость сотворилъ.
Свѣтъ-любовь!

2.

Я люблю, люблю, люблю Саваоѳа въ небеси,
Ей, ей люблю, ей люблю!
Я за то его люблю — небо, землю сотворилъ, ей!
Небо, землю сотворилъ, солнце, мѣсяцъ утвердилъ, ей!
Солнце, мѣсяцъ утвердилъ, звѣздами небо украсилъ, ей!
Я еще люблю, люблю соловья-птицу въ саду, ей!
Я за то его люблю, по ночамъ онъ мало спитъ, ей!
По ночамъ онъ мало спитъ, по зарямъ рано встаетъ, ей!
По зарямъ рано встаетъ, царски пѣсенки поетъ, ей,
Царски пѣсенки поетъ, гласы въ небо подаетъ, ей!
Гласы въ небо подаетъ, хвалу Богу воздаетъ, ей!
Я еще люблю, люблю гостя батюшку своего, ей!
Я за то его люблю, что онъ ходитъ во кругу, ей!
Что онъ ходитъ во кругу, трубитъ въ золотую трубу, ей!
Трубитъ въ золотую трубу, въ живогласную свою, ей!
Государь мой, умилися, Духъ Святый, распадися, ей!
Духъ Святый, распадися и по вѣрнымъ раздадися, ей!
Заставь, сударь, работать, Родословъ-книгу читать, ей!
Родословъ-книгу читать, вѣрныхъ-праведныхъ утѣшать, ей!
Вѣрныхъ-праведныхъ утѣшать, малодушныхъ увѣрять, ей!
Малодушныхъ увѣрять, многоскорбныхъ исцѣлять, ей!
Я еще люблю, люблю да хозяина въ дому, ей!
Я за то его люблю — гораздъ пивушку варить, ей!
Гораздъ пивушку варить, родню Божью поить, ей!
Родню Божью поить, да про Бога говорить, ей!

3 [1]).

Какъ святы(й) Боже по рѣчушки плывутъ,
Безсмертные за ними гребутъ,
Вѣрны-праведны поправливаютъ,
Сами рѣчи поговариваютъ:
„Дай намъ, Господи, Іисуса Христа;

[1]) Всѣ стихи этой пѣсни помѣчены цифрою *2*, что̀ означаетъ, что при пѣніи они повторяются дважды.

„Сударь Сынъ Божій, помилуй насъ,
„Сударь Духъ Святый, помилуй насъ!
„Пресвятая Богородица,
„Наша матушка помощница,
„Заступи, спаси, помилуй насъ
„На пути Божьемъ на истинномъ,
„На своемъ чистомъ праведномъ!“

4 [1]).

Ой, во саду, саду разгуляться къ вамъ иду,
Сударь-батюшка родной, учитель мой, Духъ Святой,
Учитель мой Духъ Святой, наставникъ нашъ преблагой!
Ужь онъ ходитъ-гуляитъ, самъ погуливаетъ,
Своей буйной головушкой покачиваетъ,
На веселые древа, сударь, посматриваетъ:
Ужь вы овцы, вы овцы, овцы бѣлый май,
Овцы бѣлый май, избранныя души,
Избранныя души, ни ходите никуда,
Ни ходите никуда, не глядите по сторонамъ:
Илья батюшка пророкъ, разгуляться къ вамъ идетъ.
Ужь по Дону, Дону по Ивановичу
Три кораблика плывутъ, да три батюшкины:
Первый корабль выплываетъ, ясный соколъ вылетаетъ,
Другой корабль выплываетъ—на восточну сторону,
Третій корабль выплываетъ, сударь-батюшка катаетъ.
Ужь повадились дѣвицы на Сіонъ-гору ходить,
На Сіонъ-гору ходить, во трубушки трубить,
Во трубушки трубить, у Бога милости просить.
По желтымъ пескамъ сыпучимъ, по крутымъ бережкамъ,
Ужь ходитъ-гуляетъ красна дѣвица-душа,
Она ростомъ не величка, бѣлымъ лицомъ хороша;
Ужь ты кормщикъ, ты кормщикъ, гость богатый, дорогой,
Подержи корму пониже, причаль къ бережку поближе,
Похотѣлось красной дѣвицѣ въ корабликъ поступить,
Въ корабль поступить, товару посмотрѣть,
Товаръ ей полюбился, ужь и разумъ распустился,
Товаръ на руки беретъ, безъ счету казну даетъ.

---

1) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.

„Сударь Сынъ Божій, помилуй насъ,
„Сударь Духъ Святый, помилуй насъ!
„Пресвятая Богородица,
„Наша матушка помощница,
„Заступи, спаси, помилуй насъ
„На пути Божьемъ на истинномъ,
„На своемъ чистомъ праведномъ!“

4 [1]).

Ой, во саду, саду разгуляться къ вамъ иду,
Сударь-батюшка родной, учитель мой, Духъ Святой,
Учитель мой Духъ Святой, наставникъ нашъ преблагой!
Ужь онъ ходитъ-гуляитъ, самъ погуливаетъ,
Своей буйной головушкой покачиваетъ,
На веселые древа, сударь, посматриваетъ:
Ужь вы овцы, вы овцы, овцы бѣлый май,
Овцы бѣлый май, избранныя души,
Избранныя души, ни ходите никуда,
Ни ходите никуда, не глядите по сторонамъ:
Илья батюшка пророкъ, разгуляться къ вамъ идетъ.
Ужь по Дону, Дону по Ивановичу
Три кораблика плывутъ, да три батюшкины:
Первый корабль выплываетъ, ясный соколъ вылетаетъ,
Другой корабль выплываетъ—на восточну сторону,
Третій корабль выплываетъ, сударь-батюшка катаетъ.
Ужь повадились дѣвицы на Сіонъ-гору ходить,
На Сіонъ-гору ходить, во трубушки трубить,
Во трубушки трубить, у Бога милости просить.
По желтымъ пескамъ сыпучимъ, по крутымъ бережкамъ,
Ужь ходитъ-гуляетъ красна дѣвица-душа,
Она ростомъ не величка, бѣлымъ лицомъ хороша;
Ужь ты кормщикъ, ты кормщикъ, гость богатый, дорогой,
Подержи корму пониже, причаль къ бережку поближе,
Похотѣлось красной дѣвицѣ въ корабликъ поступить,
Въ корабль поступить, товару посмотрѣть,
Товаръ ей полюбился, ужь и разумъ распустился,
Товаръ на руки беретъ, безъ счету казну даетъ.

---

1) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.

5 [1]).

Илья батюшка пророкъ,
Онъ сгрошлъ ковчегъ для своихъ бѣлыхъ овецъ,
Для того скатаю Святой Духъ съ небеси;
Ужь наши овцы у Владыки у Творца
Не укроется ни единая овца;
Ужь не токмо овца, ни вселенная вся,
И гдѣ двое, и гдѣ трое, Азъ есмь самъ посреди васъ,
Я во простыхъ во сердцахъ, самъ Богъ, буду пребывать;
Ужь я адъ разрушилъ, всѣхъ злодѣевъ сокрушилъ,
А я вывелъ изъ ада вѣрныхъ праведныхъ своихъ,
А далъ имъ весло, свое Божье ремесло:
Вы гребети, мои други, гребети, молодцы,
Отъ края до края, до блаженнаго рая,
Отъ конца до конца, до небеснаго Творца;
Я за ваши за труды дамъ вамъ золотыя трубы,
Я за вѣру, за раденье дамъ вамъ платьице нетлѣнно.
А за плачь, за моленье дамъ царствія небесна,
За сердечное попеченье семигранные вѣнцы!

6 [2]).

Ужь во саду, саду зеленомъ
Райска птица пѣла: гулять намъ весело!
Свѣтъ Господи Боже, намъ жить съ Тобой гоже.
Только мнѣ тошно, живу досадно,
Что волки-то воютъ, воины стрѣляютъ,
Воины стрѣляютъ противъ моего сердца,
Противъ моего сердца, противъ ретиваго;
Я ихъ не боюся, на Бога кладуся;
Злые люди-тати хотятъ насъ предати,
Хотятъ насъ предати, нашъ садъ подкопати,
Нашъ садъ подкопати, груши поломати,
Груши поломати, цвѣты сорывати,
Цвѣты сорывати, подъ ноги метати.
А свѣтъ, мой други, праведные люди,
Праведные святые, они преблагіе,
Воздохнемте, други, во седьмое небо,

---

1) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.
2) Тоже.

5 [1]).

Илья батюшка пророкъ,
Онъ строилъ ковчегъ для своихъ бѣлыхъ овецъ,
Для того скатаю Святой Духъ съ небеси;
Ужь наши овцы у Владыки у Творца
Не укроется ни единая овца;
Ужь не токмо овца, ни вселенная вся,
И гдѣ двое, и гдѣ трое, Азъ есмь самъ посреди васъ,
Я во простыхъ во сердцахъ, самъ Богъ, буду пребывать;
Ужь я адъ разрушилъ, всѣхъ злодѣевъ сокрушилъ,
А я вывелъ изъ ада вѣрныхъ праведныхъ своихъ,
А далъ имъ весло, свое Божье ремесло:
Вы гребети, мои други, гребети, молодцы,
Отъ края до края, до блаженнаго рая,
Отъ конца до конца, до небеснаго Творца;
Я за ваши за труды дамъ вамъ золотыя трубы,
Я за вѣру, за раденье дамъ вамъ платьице нетлѣнно.
А за плачь, за моленье дамъ царствія небесна,
За сердечное попеченье семиграпные вѣнцы!

6 [2]).

Ужь во саду, саду зеленомъ
Райска птица пѣла: гулять намъ весело!
Свѣтъ Господи Боже, намъ жить съ Тобой гоже.
Только мнѣ тошно, живу досадно,
Что волки-то воютъ, воины стрѣляютъ,
Воины стрѣляютъ противъ моего сердца,
Противъ моего сердца, противъ ретиваго;
Я ихъ не боюся, на Бога кладуся;
Злые люди-тати хотятъ насъ предати,
Хотятъ насъ предати, нашъ садъ подкопати,
Нашъ садъ подкопати, груши поломати,
Груши поломати, цвѣты сорывати,
Цвѣты сорывати, подъ ноги метати.
А свѣтъ, мой други, праведные люди,
Праведные святые, они преблагіе,
Воздохнемте, други, во седьмое небо,

---

1) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.
2) Тоже.

Во седьмое небо, къ отцу Савао̀ву,
Къ отцу Савао̀ву и къ Сыну Божью,
И къ Сыну Божью, къ Духу Святому,
Къ Духу Святому, пророку (святому) живому,
Ужь свѣтъ, мои други, давно не видался,
Давно не видался, нигдѣ не встрѣчался;
Придетъ пора-время, мы вмѣстѣ слетимся,
Мы вмѣстѣ слетимся, любовью сличимся,
Любовью сличимся, духомъ утвердить [1]).
Придетъ пора-время, мы врозь разойдемся.

7 [2]).

Про меня младу худа слава лежитъ,
Худа славушка, не очень хороша,
Будто я съ Богомъ знаюся,
Со Святымъ Духомъ въ совѣтѣ живу;
Ужь кто съ Богомъ свѣтомъ знается,
Тотъ голосомъ навопится,
У того всегда печаль во дому,
Сердечушко обливается кровью.
Ужь тошно мнѣ, тошнешинко,
Еще грустно мнѣ, груснешинко,
Къ батюшки въ гости хочется.
Къ рѣкѣ пришла — перевозу младой нѣтъ,
Всѣ мосточки размостились,
Перевощики отлучились;
Пришло младой хотя плыть, хотя плыть,
У батюшки въ гостяхъ быть, такп быть,
Пришло младой обмочитися,
У батюшки обсушитися;
У батюшки нова горница во саду,
У батюшки много гостей во дому,
На святомъ кругѣ гуляетъ государь
Родословъ-книгу читаетъ государь.

---

1) Едва ли здѣсь нѣтъ ошибки; по видимому, должно быть: «духомъ утвердимся».

2) Всѣ стихи, кромѣ перваго и третьяго, означены цифрою *2*.

Во седьмое небо, къ отцу Савао̀ву,
Къ отцу Савао̀ву и къ Сыну Божью,
И къ Сыну Божью, къ Духу Святому,
Къ Духу Святому, пророку (святому) живому,
Ужь свѣтъ, мои други, давно не видался,
Давно не видался, нигдѣ не встрѣчался;
Придетъ пора-время, мы вмѣстѣ слетимся,
Мы вмѣстѣ слетимся, любовью сличимся,
Любовью сличимся, духомъ утвердить [1]).
Придетъ пора-время, мы врознь разойдемся.

7 [2]).

Про меня младу худа слава лежитъ,
Худа славушка, не очень хороша,
Будто я съ Богомъ знаюся,
Со Святымъ Духомъ въ совѣтѣ живу;
Ужь кто съ Богомъ свѣтомъ знается,
Тотъ голосомъ навопится,
У того всегда печаль во дому,
Сердечушко обливается кровью.
Ужь тошно мнѣ, тошнешинко,
Еще грустно мнѣ, груснешинко,
Къ батюшки въ гости хочется.
Къ рѣкѣ пришла — перевозу младой нѣтъ,
Всѣ мосточки размостились,
Перевощики отлучились;
Пришло младой хотя плыть, хотя плыть,
У батюшки въ гостяхъ быть, такп быть,
Пришло младой обмочитися,
У батюшки обсушитися;
У батюшки нова горница во саду,
У батюшки много гостей во дому,
На святомъ кругѣ гуляетъ государь
Родословъ-книгу читаетъ государь.

---

1) Едва ли здѣсь нѣтъ ошибки; по видимому, должно быть: «духомъ утвердимся».

2) Всѣ стихи, кромѣ перваго и третьяго, означены цифрою *2*.

8 [1]).

Гостите вы, гости, гостите,
Гостите, дорогіе, гостите,
Все братцы, сестрицы родные!
Сестрица-то братца унимала,
Родимая роднаго унимала:
Ночуй, ночуй, братецъ, хотя ночку,
Ночуй, ночуй, братецъ, другую,
А третью-то, братецъ, ночуемъ;
Сама я те буду провожати,
Я горницею съ образами,
Новыми сѣнями со крестами,
Широкимъ подворьемъ со свѣчами,
Чистыми полями со словами,
Зелеными лугами со слезами,
Темными лѣсами со звѣздами,
Къ тихому Дону со поклономъ.
Садился мой братецъ во кораблякъ.
Не пташечка во садику воспѣла,
Родимая сестрица по мнѣ тужитъ.
Вы стойте, гребцы, не гребите,
Забыла я братцу сказати,
Три тайны словечка приказати,
Ужь какъ ему за Бога постояти,
Богатаго гостя утѣшити,
Богатаго гостя ублажити!
Надо, братцы, хорошенько пожити.

9 [2]).

— Ой, Богъ мочь тѣ, дѣвица, воду черпать!
— Ужь спаспбо, сынъ гостиной, на бесѣди!
— Загадаю тѣ, дѣвица, шесть загадокъ!
— Отгадаю, сынъ гостиной, хотя десятокъ!
Богомъ, свѣтомъ, государемъ завладѣю!
— Ужь и что̀ у насъ, дѣвица, краше свѣту,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, выше лѣсу,

---

1) Всѣ стихи, кромѣ перваго, втораго, третьяго, четвертаго, шестаго, седьмаго и восьмаго, означены цифрою *2*.

2) Въ этой пѣснѣ только три первые стиха обозначены цифрою *2*.

8 [1]).

Гостите вы, гости, гостите,
Гостите, дорогіе, гостите,
Все братцы, сестрицы родные!
Сестрица-то братца унимала,
Родимая роднаго унимала:
Ночуй, ночуй, братецъ, хотя ночку,
Ночуй, ночуй, братецъ, другую,
А третью-то, братецъ, ночуемъ;
Сама я те буду провожати,
Я горницею съ образами,
Новыми сѣнями со крестами,
Широкимъ подворьемъ со свѣчами,
Чистыми полями со словами,
Зелеными лугами со слезами,
Темными лѣсами со звѣздами,
Къ тихому Дону со поклономъ.
Садился мой братецъ во кораблякъ.
Не пташечка во садику воспѣла,
Родимая сестрица по мнѣ тужитъ.
Вы стойте, гребцы, не гребите,
Забыла я братцу сказати,
Три тайны словечка приказати,
Ужь какъ ему за Бога постояти,
Богатаго гостя утѣшити,
Богатаго гостя ублажити!
Надо, братцы, хорошенько пожити.

9 [2]).

— Ой, Богъ мочь тѣ, дѣвица, воду черпать!
— Ужь спаспбо, сынъ гостиной, на бесѣди!
— Загадаю тѣ, дѣвица, шесть загадокъ!
— Отгадаю, сынъ гостиной, хотя десятокъ!
Богомъ, свѣтомъ, государемъ завладѣю!
— Ужь и что̀ у насъ, дѣвица, краше свѣту,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, выше лѣсу,

---

1) Всѣ стихи, кромѣ перваго, втораго, третьяго, четвертаго, шестаго, седьмаго и восьмаго, означены цифрою *2*.

2) Въ этой пѣснѣ только три первые стиха обозначены цифрою *2*.

Еще что̀ у насъ, дѣвица, во всю землю,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, безъ голосу,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, безъ провозу,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, безъ кореньевъ?
— Краше свѣту, сынъ гостиной, краше — солнышко,
Выше лѣсу, сынъ гостиной, — свѣтелъ мѣсяцъ,
Во всю землю, сынъ гостиной, часты звѣзды.
Безъ голосу, сынъ гостиной, громъ гремитъ,
Безъ провозу, сынъ гостиной, вода течетъ,
Безъ кореньевъ, сынъ гостиной, камень растетъ,
— Исполать тебѣ, дѣвица, отгадала,
Богомъ, свѣтомъ, государемъ завладѣла!
Во всю ночку дѣвица не спала,
На святомъ кругѣ дѣвица прокатала,
Вѣрныхъ праведныхъ дѣвица утѣшала,
Да избранныхъ дѣвица ублажала,
Малодушныхъ дѣвица увѣряла,
Многоскорбныхъ дѣвица исцѣляла...

10 [1]).

Ой, гулюшка-голубокъ,
Райская птица гаркунокъ,
Дворомъ летишь, гаркуешь,
Въ горинкѣ слушаешь,
Что̀ въ горницѣ говорятъ.
Ужь братъ сестрѣ говорилъ:
— Сестра моя, голубка,
Послушайся ты меня,
Поди въ корабль порадѣй,
Богомъ-свѣтомъ повладѣй,
Святымъ Духомъ поблажи,
По пѣсенки всѣмъ скажи.
— Ой, братецъ мой, голубокъ,
Райска птица гаркунокъ,
Послушаюсь я тебя,
Пойду въ корабликъ порадѣю,
Богомъ-свѣтомъ повладѣю,
Святымъ Духомъ поблажу,

1) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою 2.

Еще что̀ у насъ, дѣвица, во всю землю,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, безъ голосу,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, безъ провозу,
Еще что̀ у насъ, дѣвица, безъ кореньевъ?
— Краше свѣту, сынъ гостиной, краше — солнышко,
Выше лѣсу, сынъ гостиной, — свѣтелъ мѣсяцъ,
Во всю землю, сынъ гостиной, часты звѣзды.
Безъ голосу, сынъ гостиной, громъ гремитъ,
Безъ провозу, сынъ гостиной, вода течетъ,
Безъ кореньевъ, сынъ гостиной, камень растетъ,
— Исполать тебѣ, дѣвица, отгадала,
Богомъ, свѣтомъ, государемъ завладѣла!
Во всю ночку дѣвица не спала,
На святомъ кругѣ дѣвица прокатала,
Вѣрныхъ праведныхъ дѣвица утѣшала,
Да избранныхъ дѣвица ублажала,
Малодушныхъ дѣвица увѣряла,
Многоскорбныхъ дѣвица исцѣляла...

10 [1]).

Ой, гулюшка-голубокъ,
Райская птица гаркунокъ,
Дворомъ летишь, гаркуешь,
Въ горинкѣ слушаешь,
Что̀ въ горницѣ говорятъ.
Ужь братъ сестрѣ говорилъ:
— Сестра моя, голубка,
Послушайся ты меня,
Поди въ корабль порадѣй,
Богомъ-свѣтомъ повладѣй,
Святымъ Духомъ поблажи,
По пѣсенки всѣмъ скажи.
— Ой, братецъ мой, голубокъ,
Райска птица гаркунокъ,
Послушаюсь я тебя,
Пойду въ корабликъ порадѣю,
Богомъ-свѣтомъ повладѣю,
Святымъ Духомъ поблажу,

1) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою 2.

По пѣсенки всѣмъ скажу,
Къ тебѣ братцу я зайду,
Богомъ-свѣтомъ научу,
Пей живую воду во ключу,
Слушай, братецъ, чему учу.

11 [1]).

Сынъ-атъ вѣдь Божій — женится онъ хочетъ,
Беретъ государь нашъ — онъ всю подвселенную,
Іоанна Предтеча — онъ сватомъ сватаетъ,
Илья-то Пророкъ сударь коней закладаетъ,
Коней закладаетъ, самъ все прорекаетъ,
Михаилъ архангелъ на кругѣ катаетъ,
На кругѣ катаетъ, во трубушку трубитъ,
Во трубушку трубитъ: къ намъ батюшка будетъ,
Къ намъ батюшка будетъ, къ намъ гость пребогатый,
Хотя онъ не будетъ, гостинчикъ къ намъ пришлетъ,
Гостинецъ безцѣнный; цѣны ему нѣтъ,
Цѣны ему нѣтъ,—къ намъ Духа Святаго,
Къ намъ Духа Святаго, пророка живаго,
Онъ будетъ катати, самъ все прорекати,
Самъ все прорекати, вѣрныхъ утѣшати,
Вѣрныхъ утѣшати, скорбныхъ исцѣляти,
Скорбныхъ исцѣляти, малодушныхъ увѣрятп.

12 [2]).

Кораблика заливаетъ морскими волнами,
Сверху грозятъ тучи, стоючи надъ нами,
Заставили скудныхъ бѣдныхъ страдать подъ волнами.
Скудные, бѣдные, вся нищета съ нами;
Ой, много зачающихъ да мало скончающихъ,
Какъ въ будущихъ вѣцехъ, и нынче тоже.
Припаду колѣнами ко сырой ко землѣ,
Пущу ль я слезы, какъ быстрыя рѣки.
Боже Ты Боже, Боже, Отецъ нашихъ,
Услыши Ты, Боже, сію Ты молитву,
Сію Ты молитву, какъ блуднаго сына,

---

1) Всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.
2) Тоже.

По пѣсенки всѣмъ скажу,
Къ тебѣ братцу я зайду,
Богомъ-свѣтомъ научу,
Пей живую воду во ключу,
Слушай, братецъ, чему учу.

11 [1]).

Сынъ-атъ вѣдь Божій — женится онъ хочетъ,
Беретъ государь нашъ — онъ всю подвселенную,
Іоанна Предтеча — онъ сватомъ сватаетъ,
Илья-то Пророкъ сударь коней закладаетъ,
Коней закладаетъ, самъ все прорекаетъ,
Михаилъ архангелъ на кругѣ катаетъ,
На кругѣ катаетъ, во трубушку трубитъ,
Во трубушку трубитъ: къ намъ батюшка будетъ,
Къ намъ батюшка будетъ, къ намъ гость пребогатый,
Хотя онъ не будетъ, гостинчикъ къ намъ пришлетъ,
Гостинецъ безцѣнный; цѣны ему нѣтъ,
Цѣны ему нѣтъ,—къ намъ Духа Святаго,
Къ намъ Духа Святаго, пророка живаго,
Онъ будетъ катати, самъ все прорекати,
Самъ все прорекати, вѣрныхъ утѣшати,
Вѣрныхъ утѣшати, скорбныхъ исцѣляти,
Скорбныхъ исцѣляти, малодушныхъ увѣрятп.

12 [2]).

Кораблика заливаетъ морскими волнами,
Сверху грозятъ тучи, стоючи надъ нами,
Заставили скудныхъ бѣдныхъ страдать подъ волнами.
Скудные, бѣдные, вся нищета съ нами;
Ой, много зачающихъ да мало скончающихъ,
Какъ въ будущихъ вѣцехъ, и нынче тоже.
Припаду колѣнами ко сырой ко землѣ,
Пущу ль я слезы, какъ быстрыя рѣки.
Боже Ты Боже, Боже, Отецъ нашихъ,
Услыши Ты, Боже, сію Ты молитву,
Сію Ты молитву, какъ блуднаго сына,

---

1) Всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.
2) Тоже.

Опредѣли, Боже, къ избранному стаду,
Запиши Ты, Боже, въ животную книгу,
Ужь я стану жить ни объ чемъ тужить,
Тебѣ свѣту истинному съ радостію служить.

13 [1]).

Ужь по морю по житейскому,
Какъ плыветъ, плыветъ тутъ легкій корабль,
Объ двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкіе паруси, то есть Духъ Святой;
Какъ правилъ кормщикъ — самъ Іисусъ Христосъ,
Въ рукахъ держитъ вѣру крѣпости,
Чтобы не было, братцы, лѣности;
Ужь вокругъ его все учители,
Все учители, все пророки;
Ужь подъ нимъ престолъ всего царствія,
Ужь на немъ риза аки молнія,
Ужь на немъ вѣнецъ, непостижимый свѣтъ;
Въ корабликѣ знамя Матерь Божія,
Она проситъ, — о непреступный свѣтъ!
У своего Сына прелюбезнаго:
— Ужь Ты, батюшка, сударь Сынъ Божій,
Сохрани же Ты мой сей корабль
Среди міра, среди лютаго,
Среди лютаго, злаго, дикаго;
— Ты не плачь, не плачь, моя матушка,
Пресвятая свѣтъ-Богородица,
Живогласная свѣтъ-источница,
Сохраню же я твой сей корабль,
Среди міра, среди лютаго,
Среди лютаго, злаго, дикаго,
Сохраню его и помилую.

14 [2]).

Ужь вы, голуби,
Ужь вы, бѣлые,
Ужь гдѣ же вы летали?

---

[1]) Всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.
[2]) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи отмѣчены цифрою *2*.

Опредѣли, Боже, къ избранному стаду,
Запиши Ты, Боже, въ животную книгу,
Ужь я стану жить ни объ чемъ тужить,
Тебѣ свѣту истинному съ радостію служить.

13 [1]).

Ужь по морю по житейскому,
Какъ плыветъ, плыветъ тутъ легкій корабль,
Объ двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкіе паруси, то есть Духъ Святой;
Какъ правилъ кормщикъ — самъ Іисусъ Христосъ,
Въ рукахъ держитъ вѣру крѣпости,
Чтобы не было, братцы, лѣности;
Ужь вокругъ его все учители,
Все учители, все пророки;
Ужь подъ нимъ престолъ всего царствія,
Ужь на немъ риза аки молнія,
Ужь на немъ вѣнецъ, непостижимый свѣтъ;
Въ корабликѣ знамя Матерь Божія,
Она проситъ, — о непреступный свѣтъ!
У своего Сына прелюбезнаго:
— Ужь Ты, батюшка, сударь Сынъ Божій,
Сохрани же Ты мой сей корабль
Среди міра, среди лютаго,
Среди лютаго, злаго, дикаго;
— Ты не плачь, не плачь, моя матушка,
Пресвятая свѣтъ-Богородица,
Живогласная свѣтъ-источница,
Сохраню же я твой сей корабль,
Среди міра, среди лютаго,
Среди лютаго, злаго, дикаго,
Сохраню его и помилую.

14 [2]).

Ужь вы, голуби,
Ужь вы, бѣлые,
Ужь гдѣ же вы летали?

---

[1]) Всѣ стихи, кромѣ перваго, означены цифрою *2*.
[2]) Въ этой пѣснѣ всѣ стихи отмѣчены цифрою *2*.

— По поднебесью;
Мы не голуби,
Мы не бѣлые!
Ужь мы ангелы,
Все архангелы,
На сыру землю
Съ неба сосланы.
Ужь мы были, мы были
На сырой землѣ,
Ужь мы видѣли
Чудо чудное,
Преужасное,
Какъ душа съ тѣломъ
Разставалася,
Распрощалася,
Горючьми слезми обливалася:
Ты прости, прости, тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, мое нѣжное,
Въ тебѣ жила, тебя не жила,
Ты пойди, пойди въ сыру землю,
Къ лютымъ червямъ на съѣденіе.
— Ужь я пойду въ муку вѣчную,
Въ муку вѣчную на мученіе.

— По поднебесью;
Мы не голуби,
Мы не бѣлые!
Ужь мы ангелы,
Все архангелы,
На сыру землю
Съ неба сосланы.
Ужь мы были, мы были
На сырой землѣ,
Ужь мы видѣли
Чудо чудное,
Преужасное,
Какъ душа съ тѣломъ
Разставалася,
Распрощалася,
Горючьми слезми обливалася:
Ты прости, прости, тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, мое нѣжное,
Въ тебѣ жила, тебя не жила,
Ты пойди, пойди въ сыру землю,
Къ лютымъ червямъ на съѣденіе.
— Ужь я пойду въ муку вѣчную,
Въ муку вѣчную на мученіе.

О ПРЕБЫВАНІИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ ВЪ УГРІИ.

(1799—1801 г.).

Авторъ предлагаемой записки—священникъ Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій. Человѣкъ строгой честности, большаго ума, воспріимчивый и любознательный, отецъ Самборскій, въ бытность свою въ Англіи, на службѣ при нашей миссіи въ Лондонѣ, имѣлъ удобный случай усовершенствовать свое образованіе. Онъ основательно изучилъ англійскій языкъ и писалъ на немъ очень свободно. Въ свое время онъ считался также однимъ изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ по части сельскаго хозяйства. Въ 1781 г. императрица Екатерина II поручила ему сопровождать великаго князя Павла Петровича и его супругу въ путешествіи ихъ по Европѣ, а въ 1784 г. назначила его законоучителемъ, наставникомъ въ англійскомъ языкѣ и духовникомъ къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. Когда же великая княжна Александра Павловна была выдана замужъ за эрцгерцога Іосифа, палатина Угорскаго, то Самборскій былъ опредѣленъ къ ней духовникомъ.

Не на счастье, не на радость отдала свою руку прекрасная 16-ти-лѣтняя дѣвушка: она родилась 29-го іюля 1783 г.; была обвѣнчена 19-го октября 1799 г.; умерла 16-го марта 1801 г.; въ замужествѣ прожила только 15 мѣсяцевъ, испытавъ такія огорченія, которыя могли бы сломить и всякую другую сильнѣйшую и болѣе приготовленную къ борьбѣ натуру, нежели эту 17-ти-лѣтнюю женщину, правда — чистую и не испорченную, но знавшую

О ПРЕБЫВАНІИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ ВЪ УГРІИ.

(1799—1801 г.).

Авторъ предлагаемой записки—священникъ Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій. Человѣкъ строгой честности, большаго ума, воспріимчивый и любознательный, отецъ Самборскій, въ бытность свою въ Англіи, на службѣ при нашей миссіи въ Лондонѣ, имѣлъ удобный случай усовершенствовать свое образованіе. Онъ основательно изучилъ англійскій языкъ и писалъ на немъ очень свободно. Въ свое время онъ считался также однимъ изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ по части сельскаго хозяйства. Въ 1781 г. императрица Екатерина II поручила ему сопровождать великаго князя Павла Петровича и его супругу въ путешествіи ихъ по Европѣ, а въ 1784 г. назначила его законоучителемъ, наставникомъ въ англійскомъ языкѣ и духовникомъ къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. Когда же великая княжна Александра Павловна была выдана замужъ за эрцгерцога Іосифа, палатина Угорскаго, то Самборскій былъ опредѣленъ къ ней духовникомъ.

Не на счастье, не на радость отдала свою руку прекрасная 16-ти-лѣтняя дѣвушка: она родилась 29-го іюля 1783 г.; была обвѣнчена 19-го октября 1799 г.; умерла 16-го марта 1801 г.; въ замужествѣ прожила только 15 мѣсяцевъ, испытавъ такія огорченія, которыя могли бы сломить и всякую другую сильнѣйшую и болѣе приготовленную къ борьбѣ натуру, нежели эту 17-ти-лѣтнюю женщину, правда — чистую и не испорченную, но знавшую

жизнь, при отъѣздѣ своемъ изъ отечества, не лучше любой, только что выпущенной институтки. Ея русское происхожденіе и высокое положеніе въ свѣтѣ разомъ обратили на нее всеобщее вниманіе въ Угріи, особенно православнаго ея населенія, и снискали ей общую любовь, которая и была, кажется, главною причиною ея преждевременной смерти. Глубокія народныя привязанности къ сильнымъ міра сего, тѣмъ болѣе заслуженныя, вовсе не представляютъ такого обычнаго явленія въ исторіи, чтобы можно было обходить ихъ молчаніемъ. Описаніе жизни и смерти Александры Павловны въ Угріи составляетъ предметъ записки Самборскаго.

Скоропостижная смерть прекрасной женщины, такъ мало жившей и такъ много пострадавшей, произвела въ Россіи, и въ Угріи самое тяжелое и грустное впечатлѣніе. Общая непріязнь къ австрійской политикѣ, возбужденная въ нашемъ обществѣ обращеніемъ Вѣнскаго кабинета съ Суворовымъ, спасителемъ Австріи, ожила тогда у насъ съ новою силою. Стихотвореніе Державина „Эродій надъ гробомъ праведницы“ довольно живо передаетъ то сильное движеніе гнѣва и негодованія, которое произвела въ русскомъ обществѣ вѣсть о ранней смерти Александры Павловны. Приведемъ нѣсколько стиховъ, наиболѣе характеристическихъ:

Прочь, Фурья зависти, отъ гроба
Блаженной и не смѣй взглянуть
Ты на него, когда внутрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!

Теките жь къ праведницы гробу,
О, Влахъ и Сербъ, близнецъ Славянъ
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ Всемогущимъ Богомъ
Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
Въ защиту вѣры обнажится...

Какъ урны глиняны, скудельны,
На круговратной зиждясь дскѣ,
И зданья, буйно вознесенны
На рыхлосыпчатомъ пескѣ,—
Такъ точно всѣ *черезъ коварство*
Распространившіяся царства
И козньми славныя страны
Въ коротко время разрушатся,

жизнь, при отъѣздѣ своемъ изъ отечества, не лучше любой, только что выпущенной институтки. Ея русское происхожденіе и высокое положеніе въ свѣтѣ разомъ обратили на нее всеобщее вниманіе въ Угріи, особенно православнаго ея населенія, и снискали ей общую любовь, которая и была, кажется, главною причиною ея преждевременной смерти. Глубокія народныя привязанности къ сильнымъ міра сего, тѣмъ болѣе заслуженныя, вовсе не представляютъ такого обычнаго явленія въ исторіи, чтобы можно было обходить ихъ молчаніемъ. Описаніе жизни и смерти Александры Павловны въ Угріи составляетъ предметъ записки Самборскаго.

Скоропостижная смерть прекрасной женщины, такъ мало жившей и такъ много пострадавшей, произвела въ Россіи, и въ Угріи самое тяжелое и грустное впечатлѣніе. Общая непріязнь къ австрійской политикѣ, возбужденная въ нашемъ обществѣ обращеніемъ Вѣнскаго кабинета съ Суворовымъ, спасителемъ Австріи, ожила тогда у насъ съ новою силою. Стихотвореніе Державина „Эродій надъ гробомъ праведницы“ довольно живо передаетъ то сильное движеніе гнѣва и негодованія, которое произвела въ русскомъ обществѣ вѣсть о ранней смерти Александры Павловны. Приведемъ нѣсколько стиховъ, наиболѣе характеристическихъ:

Прочь, Фурья зависти, отъ гроба
Блаженной и не смѣй взглянуть
Ты на него, когда внутрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!

Теките жь къ праведницы гробу,
О, Влахъ и Сербъ, близнецъ Славянъ
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ Всемогущимъ Богомъ
Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
Въ защиту вѣры обнажится...

Какъ урны глиняны, скудельны,
На круговратной зиждясь дскѣ,
И зданья, буйно вознесенны
На рыхлосыпчатомъ пескѣ,—
Такъ точно всѣ *черезъ коварство*
Распространившіяся царства
И козньми славныя страны
Въ коротко время разрушатся,

Страстьми своими сокрушатся,
И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тьмы...

Врожденно Русскимъ есть геройство,
И ваше намъ подобно свойство;
Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!
Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь и умъ, и духъ одинъ...[1]).

Въ Угріи Александра Павловна оставила по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Почти черезъ десять лѣтъ по ея смерти Вл. Б. Броневскій былъ въ Угріи и слышанные имъ тамъ разсказы о ней передалъ потомъ въ своей любопытной книгѣ „Путешествіе отъ Тріэста до С.-Петербурга въ 1810 году“ (Москва, 1828). Броневскій посѣтилъ бывшій дворецъ палатина и по этому поводу говоритъ:

«Дворецъ въ Офенѣ (Будѣ) теперь совершенно пустъ; палатинъ, по смерти супруги своей, никогда въ немъ даже на время не останавливался. Швейцаръ, узнавъ, что мы Русскіе, тотчасъ привелъ къ намъ протопопа, живущаго здѣсь при гробницѣ Александры Павловны, — имя магическое для обожавшихъ ее Венгровъ... Во дворцѣ мебель, всѣ вещи сохранялись въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при жизни Александры Павловны. Такъ, на открытомъ фортепіано лежала тетрадь русскихъ арій; эрцгерцогъ замѣтилъ своею рукою пѣсню: «Ахъ, скучно, мнѣ на чужой сторонѣ», которую супруга его пѣла въ послѣдній разъ въ жизни. Жители всегда называли

---

[1]) Въ объясненіяхъ Державина къ этому стихотворенію между прочимъ сказано: «Говорили тогда, что церковь нарочно была построена небольшая, чтобы Венгерцы (православные) не стекались въ нее въ значительномъ числѣ и не утверждались въ своей вѣрѣ». А въ другомъ мѣстѣ: «Носилась молва, что общая привязанность Венгерцевъ къ эрцгерцогинѣ возбудила опасеніе, чтобы, по участію Россіи въ супругѣ палатина, Венгрія не отдѣлилась и не сдѣлалась особымъ королевствомъ, и что огорченія, претерпѣваемыя эрцгерцогинею въ семъ отношеніи, разстроили ея здоровье, а наконецъ прекратили и жизнь ея». См. Сочиненія Державина, 2-е, академ. изд., II, 368—374.—Порываніе Угріи къ отложенію отъ Австріи и къ сближенію съ Россіей въ новѣйшія времена обнаружилось не только въ бытность тамъ Александры Павловны; такъ, при Фр. Ракоци Угрія едва не вступила въ союзъ съ Россіей (см. *Fiedler*, Actenstücke zur Geschichte Fr. Rakoczy's въ Fontes rerum Austriacarum, стр. IX XVII, *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XV, стр. 210 и слд.); о томъ, что въ 1849 г. въ Угріи было сильно распространено мнѣніе, что она получитъ въ короли одного изъ русскихъ великихъ князей, и какъ большинство относилось къ этому предположенію, см. записки очевидцевъ—*А. М. Фатьева* въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. и г. *Л.* въ Москвитянинѣ 1856 г.

Страстьми своими сокрушатся,
И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тьмы...

Врожденно Русскимъ есть геройство,
И ваше намъ подобно свойство;
Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!
Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь и умъ, и духъ одинъ...[1]).

Въ Угріи Александра Павловна оставила по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Почти черезъ десять лѣтъ по ея смерти Вл. Б. Броневскій былъ въ Угріи и слышанные имъ тамъ разсказы о ней передалъ потомъ въ своей любопытной книгѣ „Путешествіе отъ Тріэста до С.-Петербурга въ 1810 году“ (Москва, 1828). Броневскій посѣтилъ бывшій дворецъ палатина и по этому поводу говоритъ:

«Дворецъ въ Офенѣ (Будѣ) теперь совершенно пустъ; палатинъ, по смерти супруги своей, никогда въ немъ даже на время не останавливался. Швейцаръ, узнавъ, что мы Русскіе, тотчасъ привелъ къ намъ протопопа, живущаго здѣсь при гробницѣ Александры Павловны, — имя магическое для обожавшихъ ее Венгровъ... Во дворцѣ мебель, всѣ вещи сохранялись въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при жизни Александры Павловны. Такъ, на открытомъ фортепіано лежала тетрадь русскихъ арій; эрцгерцогъ замѣтилъ своею рукою пѣсню: «Ахъ, скучно, мнѣ на чужой сторонѣ», которую супруга его пѣла въ послѣдній разъ въ жизни. Жители всегда называли

---

[1]) Въ объясненіяхъ Державина къ этому стихотворенію между прочимъ сказано: «Говорили тогда, что церковь нарочно была построена небольшая, чтобы Венгерцы (православные) не стекались въ нее въ значительномъ числѣ и не утверждались въ своей вѣрѣ». А въ другомъ мѣстѣ: «Носилась молва, что общая привязанность Венгерцевъ къ эрцгерцогинѣ возбудила опасеніе, чтобы, по участію Россіи въ супругѣ палатина, Венгрія не отдѣлилась и не сдѣлалась особымъ королевствомъ, и что огорченія, претерпѣваемыя эрцгерцогинею въ семъ отношеніи, разстроили ея здоровье, а наконецъ прекратили и жизнь ея». См. Сочиненія Державина, 2-е, академ. изд., II, 368—374.—Порываніе Угріи къ отложенію отъ Австріи и къ сближенію съ Россіей въ новѣйшія времена обнаружилось не только въ бытность тамъ Александры Павловны; такъ, при Фр. Ракоци Угрія едва не вступила въ союзъ съ Россіей (см. *Fiedler*, Actenstücke zur Geschichte Fr. Rakoczy's въ Fontes rerum Austriacarum, стр. IX XVII, *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XV, стр. 210 и слд.); о томъ, что въ 1849 г. въ Угріи было сильно распространено мнѣніе, что она получитъ въ короли одного изъ русскихъ великихъ князей, и какъ большинство относилось къ этому предположенію, см. записки очевидцевъ—*А. М. Фатьева* въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. и г. *Л.* въ Москвитянинѣ 1856 г.

ее *покойною королевою*. Гробница ея находится въ деревушкѣ, населенной Сербами, въ 10 верстахъ отъ города. Отецъ Николай (Музовскій) заслужилъ здѣсь великое уваженіе. Крестьяне протестантскаго исповѣданія приходятъ къ нему изъ дальнихъ деревень, онъ читаетъ имъ Евангеліе на нѣмецкомъ языкѣ; по праздникамъ же посѣщаютъ церковь его добрые Сербы изъ сосѣднихъ деревень... Всякому извѣстно, съ какимъ восторгомъ Александра Павловна принята была на пути ея къ столицѣ Венгріи и въ самой Вѣнѣ. Благосклонность ея, доступность, кротость, плѣнительное обращеніе и неземная красота, подобно магическому жезлу, покорили сердца благородныхъ Венгровъ; вся нація видѣла въ ней опору, надежду и утѣшеніе. Политическіе мечтатели не замедлили распространить пустые слухи, основанные на чрезмѣрной преданности и любви къ ней народа, особенно Славянъ греческаго исповѣданія, которымъ, чрезъ покровительство ея, доставлены многія преимущества, касающіяся до свободнаго послѣдованія обрядамъ своей церкви. Сіи пустые слухи огорчали великую княгиню; она однакожъ своимъ откровеннымъ поведеніемъ умѣла разсѣять несправедливыя подозрѣнія осторожнаго двора, но не могла охладить очарованной ею націи. Любовь народа при послѣднихъ дняхъ ея жизни достигла до фанатизма. Недостаточное движеніе до разрѣшенія ея отъ бремени, которое не совсѣмъ было счастливо, и твердая пища, какъ полагаютъ здѣшніе медики, были главнѣйшею причиною преждевременной ея кончины. Но другіе увѣряютъ, что она умерла въ девятый день отъ родовъ по обыкновеннымъ причинамъ, и сіе гораздо вѣроятнѣе. Къ несчастію, имѣли неосторожность объявлять любопытному народу каждый день по два раза, что королева находится внѣ всякой опасности, какъ вдругъ ея не стало, и невозможно было скрыть ея смерти. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить, но вопли горести и отчаянія, унылый звукъ колоколовъ и печальный видъ придворныхъ привелъ въ движеніе народъ, между коимъ и доселѣ не истребилось ложное мнѣніе о причинѣ ея смерти, и тѣ изъ нихъ, которые были допущены до гроба, видя бездыханное тѣло обожаемой королевы, думали, что она только покоится сладкимъ сномъ, требовали и умоляли возвратить ей жизнь. Опустимъ завѣсу на сіе печальное происшествіе; не будемъ вѣрить несправедливымъ толкамъ легковѣрныхъ людей и не будемъ обвинять народъ добрый, но всегда легкомысленный».

Теперь съ того времени прошло уже болѣе полувѣка, и нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго основанія оставлять завѣсу опущенною. Исторія руководится одною любовію къ истинѣ и не стѣсняется никакими ложными приличіями. Записка Самборскаго вполнѣ заслуживаетъ общей извѣстности, какъ важный офиціальный документъ и достовѣрное свидѣтельство очевидца.

ее *покойною королевою*. Гробница ея находится въ деревушкѣ, населенной Сербами, въ 10 верстахъ отъ города. Отецъ Николай (Музовскій) заслужилъ здѣсь великое уваженіе. Крестьяне протестантскаго исповѣданія приходятъ къ нему изъ дальнихъ деревень, онъ читаетъ имъ Евангеліе на нѣмецкомъ языкѣ; по праздникамъ же посѣщаютъ церковь его добрые Сербы изъ сосѣднихъ деревень... Всякому извѣстно, съ какимъ восторгомъ Александра Павловна принята была на пути ея къ столицѣ Венгріи и въ самой Вѣнѣ. Благосклонность ея, доступность, кротость, плѣнительное обращеніе и неземная красота, подобно магическому жезлу, покорили сердца благородныхъ Венгровъ; вся нація видѣла въ ней опору, надежду и утѣшеніе. Политическіе мечтатели не замедлили распространить пустые слухи, основанные на чрезмѣрной преданности и любви къ ней народа, особенно Славянъ греческаго исповѣданія, которымъ, чрезъ покровительство ея, доставлены многія преимущества, касающіяся до свободнаго послѣдованія обрядамъ своей церкви. Сіи пустые слухи огорчали великую княгиню; она однакожъ своимъ откровеннымъ поведеніемъ умѣла разсѣять несправедливыя подозрѣнія осторожнаго двора, но не могла охладить очарованной ею націи. Любовь народа при послѣднихъ дняхъ ея жизни достигла до фанатизма. Недостаточное движеніе до разрѣшенія ея отъ бремени, которое не совсѣмъ было счастливо, и твердая пища, какъ полагаютъ здѣшніе медики, были главнѣйшею причиною преждевременной ея кончины. Но другіе увѣряютъ, что она умерла въ девятый день отъ родовъ по обыкновеннымъ причинамъ, и сіе гораздо вѣроятнѣе. Къ несчастію, имѣли неосторожность объявлять любопытному народу каждый день по два раза, что королева находится внѣ всякой опасности, какъ вдругъ ея не стало, и невозможно было скрыть ея смерти. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить, но вопли горести и отчаянія, унылый звукъ колоколовъ и печальный видъ придворныхъ привелъ въ движеніе народъ, между коимъ и доселѣ не истребилось ложное мнѣніе о причинѣ ея смерти, и тѣ изъ нихъ, которые были допущены до гроба, видя бездыханное тѣло обожаемой королевы, думали, что она только покоится сладкимъ сномъ, требовали и умоляли возвратить ей жизнь. Опустимъ завѣсу на сіе печальное происшествіе; не будемъ вѣрить несправедливымъ толкамъ легковѣрныхъ людей и не будемъ обвинять народъ добрый, но всегда легкомысленный».

Теперь съ того времени прошло уже болѣе полувѣка, и нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго основанія оставлять завѣсу опущенною. Исторія руководится одною любовію къ истинѣ и не стѣсняется никакими ложными приличіями. Записка Самборскаго вполнѣ заслуживаетъ общей извѣстности, какъ важный офиціальный документъ и достовѣрное свидѣтельство очевидца.

Въ пояснепіе нѣкоторыхъ частностей этой записки прибавимъ нѣсколько словъ о Вѣнскомъ дворѣ того времени. Около 1800 г. дворъ Вѣнскій и вся почти Австрія раздѣлялись на двѣ партіи. Во главѣ одной, мало-вліятельной стоялъ эрцгерцогъ Карлъ, отличный генералъ, человѣкъ прямой и рѣшительный; во главѣ другой партіи, тогда всемогущей, стояла императрица Тереза, дочь королевы неаполитанской Каролины. Императоръ Францъ II, человѣкъ добрый и не несправедливый, отличался полнымъ отсутствіемъ характера и выказывалъ только удивительное постоянство въ своей довѣренности къ незаслуживающимъ ея лицамъ. Хитрая Неаполитанка, достойная дочь Каролины, императрица Тереза совершенно управляла своимъ слабымъ мужемъ, дѣлала изъ него, что хотѣла, постоянно вмѣшивалась во всѣ государственныя дѣла, ревниво удаляла отъ мужа всѣхъ людей, сколько-нибудь достойныхъ и способныхъ. Пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, она находила какое-то особенное удовольствіе въ доносившихся до нея слухахъ о той общей непріязни, которую такъ справедливо питали къ ней въ Австріи. Впрочемъ, у этой партіи, отличавшейся между прочимъ ненавистью къ Россіи, былъ другой вождь — Тугутъ, человѣкъ чрезвычайно способный, но въ высшей степени безнравственный. Хотя въ годъ смерти Александры Павловны онъ находился уже въ отставкѣ, удалился отъ двора и жилъ въ Пресбургѣ, тѣмъ не менѣе оставался скрытою пружиною всѣхъ Вѣнскихъ интригъ. При дворѣ, во всѣхъ министерствахъ, всѣ почти сколько-нибудь значительныя должности были заняты его креатурами. Всемогущій тогда при дворѣ, Коллоредо былъ простою маріонеткою, движеніями которой невидимо управлялъ Тугутъ. Ни одно важное дѣло не было предпринимаемо въ Вѣнѣ безъ совѣщанія съ Тугутомъ. Императрица находилась съ нимъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Тугута ненавидѣли въ Австріи, кажется, еще болѣе, чѣмъ императрицу. Не было подлости и преступленія, въ которыхъ общественное мнѣніе не было бы готово обвинить его; всѣ политическія бѣдствія Австріи приписывались ему. Напротивъ того, эрцгерцогъ Карлъ былъ страстно любимъ арміею и уважаемъ всѣми порядочными людьми, а потому подвергался всѣмъ возможнымъ преслѣдованіямъ со стороны императрицы и Тугута, которые, впрочемъ, своими гоненіями только усиливали всеобщую любовь къ нему. Въ сочиненіи Д. А. Милютина о войнѣ 1799 года вѣрно и живо изображенъ характеръ Тугута, и его не надо забывать при чтеніи записки Самборскаго. Дополнимъ этотъ очеркъ нѣсколькими словами изъ мастерской характеристики Ту-

Въ пояснепіе нѣкоторыхъ частностей этой записки прибавимъ нѣсколько словъ о Вѣнскомъ дворѣ того времени. Около 1800 г. дворъ Вѣнскій и вся почти Австрія раздѣлялись на двѣ партіи. Во главѣ одной, мало-вліятельной стоялъ эрцгерцогъ Карлъ, отличный генералъ, человѣкъ прямой и рѣшительный; во главѣ другой партіи, тогда всемогущей, стояла императрица Тереза, дочь королевы неаполитанской Каролины. Императоръ Францъ II, человѣкъ добрый и не несправедливый, отличался полнымъ отсутствіемъ характера и выказывалъ только удивительное постоянство въ своей довѣренности къ незаслуживающимъ ея лицамъ. Хитрая Неаполитанка, достойная дочь Каролины, императрица Тереза совершенно управляла своимъ слабымъ мужемъ, дѣлала изъ него, что хотѣла, постоянно вмѣшивалась во всѣ государственныя дѣла, ревниво удаляла отъ мужа всѣхъ людей, сколько-нибудь достойныхъ и способныхъ. Пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, она находила какое-то особенное удовольствіе въ доносившихся до нея слухахъ о той общей непріязни, которую такъ справедливо питали къ ней въ Австріи. Впрочемъ, у этой партіи, отличавшейся между прочимъ ненавистью къ Россіи, былъ другой вождь — Тугутъ, человѣкъ чрезвычайно способный, но въ высшей степени безнравственный. Хотя въ годъ смерти Александры Павловны онъ находился уже въ отставкѣ, удалился отъ двора и жилъ въ Пресбургѣ, тѣмъ не менѣе оставался скрытою пружиною всѣхъ Вѣнскихъ интригъ. При дворѣ, во всѣхъ министерствахъ, всѣ почти сколько-нибудь значительныя должности были заняты его креатурами. Всемогущій тогда при дворѣ, Коллоредо былъ простою маріонеткою, движеніями которой невидимо управлялъ Тугутъ. Ни одно важное дѣло не было предпринимаемо въ Вѣнѣ безъ совѣщанія съ Тугутомъ. Императрица находилась съ нимъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Тугута ненавидѣли въ Австріи, кажется, еще болѣе, чѣмъ императрицу. Не было подлости и преступленія, въ которыхъ общественное мнѣніе не было бы готово обвинить его; всѣ политическія бѣдствія Австріи приписывались ему. Напротивъ того, эрцгерцогъ Карлъ былъ страстно любимъ арміею и уважаемъ всѣми порядочными людьми, а потому подвергался всѣмъ возможнымъ преслѣдованіямъ со стороны императрицы и Тугута, которые, впрочемъ, своими гоненіями только усиливали всеобщую любовь къ нему. Въ сочиненіи Д. А. Милютина о войнѣ 1799 года вѣрно и живо изображенъ характеръ Тугута, и его не надо забывать при чтеніи записки Самборскаго. Дополнимъ этотъ очеркъ нѣсколькими словами изъ мастерской характеристики Ту-

гута, написанной Гормайеромъ. По его словамъ, во внутренней политикѣ Тугутъ слѣдовалъ правилу: „гдѣ не помогаютъ лѣкарства, тамъ поможетъ желѣзо, а гдѣ не желѣзо, тамъ огонь“. Внѣшняя сила была для него единымъ, непогрѣшимымъ, личнымъ, божественнымъ началомъ. Человѣкъ твердаго, рѣшительнаго характера, онъ шелъ къ своимъ цѣлямъ непреклонно, никогда не задумываясь надъ средствами. Онъ никогда не старался никого ни убѣждать, ни даже обманывать, и былъ всегда радъ, когда могъ кого принуждать силою. Въ немъ жило полное презрѣніе къ людямъ, и выражалось имъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Самостоятельные характеры, свободныя воззрѣнія, чистота души были ему глубоко противны. Онъ просто не терпѣлъ ихъ, какъ иные не терпятъ, напримѣръ, кошекъ. Въ хорошемъ расположеніи духа онъ говаривалъ: „Чтобы служить для кого-нибудь вѣрнымъ орудіемъ, нужно быть замарану или дуракомъ“ [1]).

Тайная полиція, дѣйствовавшая при Тугутѣ съ неумолимою строгостью открыла въ 1795 г. заговоръ въ Угріи. Вожди его — епископъ Іосифъ-Игнатій Мартиновичъ, Сиграй, Гайтноци, Лацковичъ и Сепмаріай, были казнены на эшафотѣ. Они замышляли совершенно отложиться отъ Австріи, образовать изъ Венгріи особое королевство и возвести на престолъ тогдашняго палатина Угорскаго, эрцгерцога Александра-Леопольда. По открытіи заговора эрцгерцогъ оставилъ Венгрію и въ началѣ іюля 1795 г. пріѣхалъ въ Вѣну, а 12-го іюля онъ погибъ въ Люксенбургѣ, отъ неосторожности, при спускѣ фейерверка, которымъ по страсти всегда самъ занимался. Гормайеръ говоритъ, что вспомнивъ однажды о смертномъ приговорѣ министра полиціи и финансовъ графа Зауpay (Saurau), Тугутъ выразился, потирая руки: „Вотъ есть у насъ одинъ ученый, полдюжины поэтовъ, одинъ прелатъ и одинъ графъ. Досадно, право, что нѣтъ ни одного князя“. Мѣсто палатина Угорскаго занялъ въ 1795 г. братъ покой-

---

[1]) *Hormayer*, Lebensbilder aus d. Befreiungskriege (Jena, 1841), стр. 317 и сл. — Новѣйшія изданія о Тугутѣ: *Vivenot*, Thugut, Clerfayt und Wurmser (Wien, 1869); Vertrauliche Briefe d. Freiherrn v. Thugut 1792 1801 (Wien, 1872) 2 т. Въ этомъ особенно важномъ для насъ сборникѣ см. объ Александрѣ Павловичѣ стр. 44, 45, 123, 118 (особенно — 269) и пр. Въ этихъ письмахъ есть драгоцѣнныя признанія Австрійцевъ относительно тогдашней зависимости Австріи отъ Россіи; такъ, 3-го октября 1798 г. Кобенцель писалъ изъ Петербурга къ Коллоредо: „Il nous faut les Russes pour sortir du bourbier où nous sommes“.

гута, написанной Гормайеромъ. По его словамъ, во внутренней политикѣ Тугутъ слѣдовалъ правилу: „гдѣ не помогаютъ лѣкарства, тамъ поможетъ желѣзо, а гдѣ не желѣзо, тамъ огонь“. Внѣшняя сила была для него единымъ, непогрѣшимымъ, личнымъ, божественнымъ началомъ. Человѣкъ твердаго, рѣшительнаго характера, онъ шелъ къ своимъ цѣлямъ непреклонно, никогда не задумываясь надъ средствами. Онъ никогда не старался никого ни убѣждать, ни даже обманывать, и былъ всегда радъ, когда могъ кого принуждать силою. Въ немъ жило полное презрѣніе къ людямъ, и выражалось имъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Самостоятельные характеры, свободныя воззрѣнія, чистота души были ему глубоко противны. Онъ просто не терпѣлъ ихъ, какъ иные не терпятъ, напримѣръ, кошекъ. Въ хорошемъ расположеніи духа онъ говаривалъ: „Чтобы служить для кого-нибудь вѣрнымъ орудіемъ, нужно быть замарану или дуракомъ“ [1]).

Тайная полиція, дѣйствовавшая при Тугутѣ съ неумолимою строгостью открыла въ 1795 г. заговоръ въ Угріи. Вожди его — епископъ Іосифъ-Игнатій Мартиновичъ, Сиграй, Гайтноци, Лацковичъ и Сепмаріай, были казнены на эшафотѣ. Они замышляли совершенно отложиться отъ Австріи, образовать изъ Венгріи особое королевство и возвести на престолъ тогдашняго палатина Угорскаго, эрцгерцога Александра-Леопольда. По открытіи заговора эрцгерцогъ оставилъ Венгрію и въ началѣ іюля 1795 г. пріѣхалъ въ Вѣну, а 12-го іюля онъ погибъ въ Люксенбургѣ, отъ неосторожности, при спускѣ фейерверка, которымъ по страсти всегда самъ занимался. Гормайеръ говоритъ, что вспомнивъ однажды о смертномъ приговорѣ министра полиціи и финансовъ графа Зауpay (Saurau), Тугутъ выразился, потирая руки: „Вотъ есть у насъ одинъ ученый, полдюжины поэтовъ, одинъ прелатъ и одинъ графъ. Досадно, право, что нѣтъ ни одного князя“. Мѣсто палатина Угорскаго занялъ въ 1795 г. братъ покой-

---

[1]) *Hormayer*, Lebensbilder aus d. Befreiungskriege (Jena, 1841), стр. 317 и сл. — Новѣйшія изданія о Тугутѣ: *Vivenot*, Thugut, Clerfayt und Wurmser (Wien, 1869); Vertrauliche Briefe d. Freiherrn v. Thugut 1792 1801 (Wien, 1872) 2 т. Въ этомъ особенно важномъ для насъ сборникѣ см. объ Александрѣ Павловичѣ стр. 44, 45, 123, 118 (особенно — 269) и пр. Въ этихъ письмахъ есть драгоцѣнныя признанія Австрійцевъ относительно тогдашней зависимости Австріи отъ Россіи; такъ, 3-го октября 1798 г. Кобенцель писалъ изъ Петербурга къ Коллоредо: „Il nous faut les Russes pour sortir du bourbier où nous sommes“.

наго Леопольда, эрцгерцогъ Іосифъ, бывшій мужемъ великой княгини Александры Павловны, которую такъ полюбили въ Венгріи [1]).

В. ЛАМАНСКІЙ.

Римская церковь, какъ въ настоящія, такъ и въ прошедшія времена, простирала свое владычество на всѣ христіанскія церкви, разсѣянныя по вселенной. Ревностные сея церкви проповѣдники и посланники искали обратить и соединить всѣ языки и безъизъятно весь родъ человѣческій; коихъ не успѣли они привлечь въ свое соборище наружною кротостію, льстивымъ краснорѣчіемъ, индульгенціями и прочими суевѣрными обѣтами, тѣхъ прещеніемъ и буйствомъ низвергали въ пургаторіумъ! Таковымъ духомъ и до нынѣ дышетъ римская церковь въ Венгріи, хотя и прикрывается непроницаемою завѣсою. Сія церковь всѣ возможные способы уже было приуготовила ко пріятію въ свои объятія ея императорскаго высочества великой княгини Всероссійской эрцгерцогини Австрійской, палатины Венгерской Александры Павловны! Оберъ-гофмейстеръ палатинова двора устроилъ было для великой княгини церковь по католическому обряду, подъ распоряженіемъ греческаго архіерея. Сей пастырь восточной церкви отправлялъ должность шпіона въ Бѣлградѣ; оттуда спасся онъ бѣгствомъ и получилъ въ награду епархію Офенскую, въ которой имѣются греческія и сербскія православныя церкви. Онъ увѣрялъ, какъ членовъ королевскаго совѣта, такъ и другихъ знатныхъ особъ, что россійская церковь весьма удалилась отъ греческой и требуетъ реформы. Подъ симъ предлогомъ онъ всемѣрно старался самъ совершать въ русской церкви священнослуженіе, быть духовникомъ великой княгини и, отстранивъ меня отъ должности, тѣмъ самымъ споспѣшествовать присоединенію ея къ римской церкви; къ этому же самому стремился и богатый князь Батіани, кардиналъ и венгерскій примасъ. Онъ употребилъ значительную часть своихъ доходовъ на принесеніе разныхъ даровъ ея высочеству, сверхъ сего купилъ великою цѣною близъ города садъ и подарилъ палатину въ томъ намѣреніи, чтобы почаще имѣть уединенную съ великою княгинею конференцію о соединеніи съ Римскимъ престоломъ; но смерть прекратила и жизнь, и

---

[1]) Записка Самборскаго помѣщается здѣсь нѣсколько сокращенною. Откинуты нѣкоторыя частныя подробности, не касающіяся существеннаго предмета записки, а кое-гдѣ, по мѣстамъ, упрощенъ и самый слогъ, черезъ чуръ витіеватый и цвѣтистый.

наго Леопольда, эрцгерцогъ Іосифъ, бывшій мужемъ великой княгини Александры Павловны, которую такъ полюбили въ Венгріи [1]).

В. ЛАМАНСКІЙ.

Римская церковь, какъ въ настоящія, такъ и въ прошедшія времена, простирала свое владычество на всѣ христіанскія церкви, разсѣянныя по вселенной. Ревностные сея церкви проповѣдники и посланники искали обратить и соединить всѣ языки и безъизъятно весь родъ человѣческій; коихъ не успѣли они привлечь въ свое соборище наружною кротостію, льстивымъ краснорѣчіемъ, индульгенціями и прочими суевѣрными обѣтами, тѣхъ прещеніемъ и буйствомъ низвергали въ пургаторіумъ! Таковымъ духомъ и до нынѣ дышетъ римская церковь въ Венгріи, хотя и прикрывается непроницаемою завѣсою. Сія церковь всѣ возможные способы уже было приуготовила ко пріятію въ свои объятія ея императорскаго высочества великой княгини Всероссійской эрцгерцогини Австрійской, палатины Венгерской Александры Павловны! Оберъ-гофмейстеръ палатинова двора устроилъ было для великой княгини церковь по католическому обряду, подъ распоряженіемъ греческаго архіерея. Сей пастырь восточной церкви отправлялъ должность шпіона въ Бѣлградѣ; оттуда спасся онъ бѣгствомъ и получилъ въ награду епархію Офенскую, въ которой имѣются греческія и сербскія православныя церкви. Онъ увѣрялъ, какъ членовъ королевскаго совѣта, такъ и другихъ знатныхъ особъ, что россійская церковь весьма удалилась отъ греческой и требуетъ реформы. Подъ симъ предлогомъ онъ всемѣрно старался самъ совершать въ русской церкви священнослуженіе, быть духовникомъ великой княгини и, отстранивъ меня отъ должности, тѣмъ самымъ споспѣшествовать присоединенію ея къ римской церкви; къ этому же самому стремился и богатый князь Батіани, кардиналъ и венгерскій примасъ. Онъ употребилъ значительную часть своихъ доходовъ на принесеніе разныхъ даровъ ея высочеству, сверхъ сего купилъ великою цѣною близъ города садъ и подарилъ палатину въ томъ намѣреніи, чтобы почаще имѣть уединенную съ великою княгинею конференцію о соединеніи съ Римскимъ престоломъ; но смерть прекратила и жизнь, и

---

[1]) Записка Самборскаго помѣщается здѣсь нѣсколько сокращенною. Откинуты нѣкоторыя частныя подробности, не касающіяся существеннаго предмета записки, а кое-гдѣ, по мѣстамъ, упрощенъ и самый слогъ, черезъ чуръ витіеватый и цвѣтистый.

намѣреніе этого ветхаго обольстителя. Однако многіе другіе заняли его мѣсто. На таковыхъ безпокойныхъ искусителей часто жаловалась мнѣ великая княгиня, вѣрная дочь православной церкви, иногда съ усмѣшкою, а иногда съ негодованіемъ. И между тѣмъ приказала мнѣ устроить собственную церковь, дарованную ей ея августѣйшими родителями, искусно расписанную. Когда я этотъ благолѣпный иконостасъ установлялъ на мѣсто весьма нелѣпаго ихъ иконописанія, выпустили на меня непстовую клевету, будто бы я, раздравъ ихъ иконостасъ, топталъ ногами и съ презрѣніемъ выбросилъ за порогъ. А чтобы еще болѣе ненавистнымъ представить меня публикѣ, то вездѣ разглашали, что я крамольникъ, что, раздавая милостыню слѣпымъ, хромымъ, изувѣченнымъ и престарѣлымъ, коихъ тамъ очень много, прельщаю народъ, и что я присланъ туда съ тѣмъ, дабы всѣхъ единовѣрныхъ Сербовъ взбунтовать и переселить въ Россію. Для отвращенія таковыхъ страшныхъ поношеній, заключилъ я себя въ четырехъ стѣнахъ, почти годъ не имѣя ни съ кѣмъ обращенія, кромѣ моей церковной должности.

Многіе, въ числѣ коихъ и духовникъ палатиновъ, желали быть на освященіи церкви, но всѣмъ отъ правительства было запрещено. Послѣ освященія, великая княгиня ежедневно присутствовала въ церкви и пріуготовлялась ко причастію святыхъ Таинъ. Со дня на день церковь все болѣе и болѣе наполнялась народомъ, который съ величайшимъ удивленіемъ взиралъ на благоговѣйное моленіе великой княгини. Необыкновенная красота ея лица плѣняла зрѣніе, а благопривѣтливость ея порабощала всѣхъ сердца. Таковое расположеніе народа дѣлало, внѣ отечества, великой княгинѣ душевное утѣшеніе. Но въ послѣдующіе дни св. Пасхи, все стеченіе народа безчестно и нагло было изгнано палками изъ церкви, безъ уваженія знатныхъ лицъ, отъ чего чуть было не послѣдовало смятеніе. Это безчестіе, оказанное русской церкви, произвело такое оскорбленіе въ душѣ великой княгини, что она, проливая слезы, вознамѣрилась было отправить курьера къ его величеству, императору Павлу, но я умолилъ ее оставить это намѣреніе. Когда, съ одной стороны, папское суевѣріе вездѣ преслѣдовало великую княгиню, въ то же самое время, съ другой стороны, по всѣмъ путямъ, даже въ собственномъ ея высочества кабинетѣ и о почивальнѣ, коварныя сѣти были разстилаемы порфироносною высочайшею персоною, не одаренною природною красотою, а потому снѣдаемою ревностью и завистію. Сія дочь славнаго сѣвера, обративъ на себя все вниманіе и уваженіе народа и по-

намѣреніе этого ветхаго обольстителя. Однако многіе другіе заняли его мѣсто. На таковыхъ безпокойныхъ искуспителей часто жаловалась мнѣ великая княгиня, вѣрная дочь православной церкви, иногда съ усмѣшкою, а иногда съ негодованіемъ. И между тѣмъ приказала мнѣ устроить собственную церковь, дарованную ей ея августѣйшими родителями, искусно расписанную. Когда я этотъ благолѣпный иконостасъ установлялъ на мѣсто весьма нелѣпаго ихъ иконописанія, выпустили на меня непстовую клевету, будто бы я, раздравъ ихъ иконостасъ, топталъ ногами и съ презрѣніемъ выбросилъ за порогъ. А чтобы еще болѣе ненавистнымъ представить меня публикѣ, то вездѣ разглашали, что я крамольникъ, что, раздавая милостыню слѣпымъ, хромымъ, изувѣченнымъ и престарѣлымъ, коихъ тамъ очень много, прельщаю народъ, и что я присланъ туда съ тѣмъ, дабы всѣхъ единовѣрныхъ Сербовъ взбунтовать и переселить въ Россію. Для отвращенія таковыхъ страшныхъ поношеній, заключился я себя въ четырехъ стѣнахъ, почти годъ не имѣя ни съ кѣмъ обращенія, кромѣ моей церковной должности.

Многіе, въ числѣ коихъ и духовникъ палатиновъ, желали быть на освященіи церкви, но всѣмъ отъ правительства было запрещено. Послѣ освященія, великая княгиня ежедневно присутствовала въ церкви и пріуготовлялась ко причастію святыхъ Таинъ. Со дня на день церковь все болѣе и болѣе наполнялась народомъ, который съ величайшимъ удивленіемъ взиралъ на благоговѣйное моленіе великой княгини. Необыкновенная красота ея лица плѣняла зрѣніе, а благопривѣтливость ея порабощала всѣхъ сердца. Таковое расположеніе народа дѣлало, внѣ отечества, великой княгинѣ душевное утѣшеніе. Но въ послѣдующіе дни св. Пасхи, все стеченіе народа безчестно и нагло было изгнано палками изъ церкви, безъ уваженія знатныхъ лицъ, отъ чего чуть было не послѣдовало смятеніе. Это безчестіе, оказанное русской церкви, произвело такое оскорбленіе въ душѣ великой княгини, что она, проливая слезы, вознамѣрилась было отправить курьера къ его величеству, императору Павлу, но я умолилъ ее оставить это намѣреніе. Когда, съ одной стороны, папское суевѣріе вездѣ преслѣдовало великую княгиню, въ то же самое время, съ другой стороны, по всѣмъ путямъ, даже въ собственномъ ея высочества кабинетѣ и о почивальнѣ, коварныя сѣти были разстилаемы порфироносною высочайшею персоною, не одаренною природною красотою, а потому снѣдаемою ревностью и завистію. Сія дочь славнаго сѣвера, обративъ на себя все вниманіе и уваженіе народа и по-

мрачивъ славу ревнивой Неаполитанки [1]), потрясла все ея существо, тѣмъ болѣе, что при первомъ въ Вѣну прибытіи, когда великая княгиня представилась ихъ цесарскимъ величествамъ, императоръ, узрѣвъ, сверхъ чаянія, въ лицѣ своей племянницы живое изображеніе своей первой супруги, императрицы Елисаветы [2]), содрогнулся. Воспоминаніе счастливаго съ нею сожитія привело его въ чрезвычайное смущеніе духа, которое равномѣрно чрезвычайно огорчило сердце императрицы, нынѣшней второй супруги! Послѣ сего возгорѣлось противу невинной жертвы непримиримое мщеніе; послѣ сего не нужно вычислять всѣхъ непріятностей, которыми нарушалось душевное спокойствіе ея высочества... Одна только дама между всѣми непрестанно внушала, дабы великая княгиня всемѣрно старалась показать свою любовь супругу въ высочайшей степени, и такимъ образомъ, возобладавъ его сердцемъ, располагала бы его мыслями по своему желанію. Не по чистой совѣсти и сія дама таковые совѣты внушала, но съ тою цѣлью, чтобы нѣкоторые политики, чрезъ посредство ея высочества, могли дѣйствовать на палатина, который противъ нихъ былъ весьма скрытенъ и не согласенъ съ ихъ планами. Горячая любовь и уваженіе, которыя палатинъ торжественно выказывалъ какъ при жизни, такъ и по смерти своей супруги, служатъ ему лучшею порукою предъ цѣлымъ свѣтомъ въ томъ, что онъ никакого не имѣлъ участія въ причиненныхъ великой княгинѣ оскорбленіяхъ.

Пріуготовленіе венгерскаго войска противу нашествія Французовъ подало причину палатину ѣхать въ Вѣну; ему сопутствовала великая княгиня. Для пребыванія ихъ высочествъ опредѣлено было тѣсное помѣщеніе въ отдаленномъ отъ дворца углу Шенбрунскаго сада. Тутъ венгерская царица явно показала свое неблагорасположеніе къ венгерской палатинѣ, ибо, почти ежедевно проѣзжая мимо жилища ея высочества, ни единожды не освѣдомилась о состояніи здоровья, не смотря на то, что великая княгиня въ беременности своей была подвержена частымъ припадкамъ. Докторъ, опредѣленный къ ней, былъ противенъ ея природному характеру, давалъ лѣкарства непріятныя, съ намѣреніемъ ли или по невѣдѣнію, ибо онъ болѣе искусенъ былъ въ интригахъ, нежели въ медицинѣ, а притомъ въ обхожденіи грубъ. Въ беременности обыкновенно бываетъ позывъ на разныя кушанья. Палатинъ приказалъ оберъ-гоф-

---

[1]) Императрицы Терезы, супруги императора Франца II-го.

[2]) Она была родная сестра императрицы Маріи Оеодоровны.

мрачивъ славу ревнивой Неаполитанки [1]), потрясла все ея существо, тѣмъ болѣе, что при первомъ въ Вѣну прибытіи, когда великая княгиня представилась ихъ цесарскимъ величествамъ, императоръ, узрѣвъ, сверхъ чаянія, въ лицѣ своей племянницы живое изображеніе своей первой супруги, императрицы Елисаветы [2]), содрогнулся. Воспоминаніе счастливаго съ нею сожитія привело его въ чрезвычайное смущеніе духа, которое равномѣрно чрезвычайно огорчило сердце императрицы, нынѣшней второй супруги! Послѣ сего возгорѣлось противу невинной жертвы непримиримое мщеніе; послѣ сего не нужно вычислять всѣхъ непріятностей, которыми нарушалось душевное спокойствіе ея высочества... Одна только дама между всѣми непрестанно внушала, дабы великая княгиня всемѣрно старалась показать свою любовь супругу въ высочайшей степени, и такимъ образомъ, возобладавъ его сердцемъ, располагала бы его мыслями по своему желанію. Не по чистой совѣсти и сія дама таковые совѣты внушала, но съ тою цѣлью, чтобы нѣкоторые политики, чрезъ посредство ея высочества, могли дѣйствовать на палатина, который противъ нихъ былъ весьма скрытенъ и не согласенъ съ ихъ планами. Горячая любовь и уваженіе, которыя палатинъ торжественно выказывалъ какъ при жизни, такъ и по смерти своей супруги, служатъ ему лучшею порукою предъ цѣлымъ свѣтомъ въ томъ, что онъ никакого не имѣлъ участія въ причиненныхъ великой княгинѣ оскорбленіяхъ.

Пріуготовленіе венгерскаго войска противу нашествія Французовъ подало причину палатину ѣхать въ Вѣну; ему сопутствовала великая княгиня. Для пребыванія ихъ высочествъ опредѣлено было тѣсное помѣщеніе въ отдаленномъ отъ дворца углу Шенбрунскаго сада. Тутъ венгерская царица явно показала свое неблагорасположеніе къ венгерской палатинѣ, ибо, почти ежедевно проѣзжая мимо жилища ея высочества, ни единожды не освѣдомилась о состояніи здоровья, не смотря на то, что великая княгиня въ беременности своей была подвержена частымъ припадкамъ. Докторъ, опредѣленный къ ней, былъ противенъ ея природному характеру, давалъ лѣкарства непріятныя, съ намѣреніемъ ли или по невѣдѣнію, ибо онъ болѣе искусенъ былъ въ интригахъ, нежели въ медицинѣ, а притомъ въ обхожденіи грубъ. Въ беременности обыкновенно бываетъ позывъ на разныя кушанья. Палатинъ приказалъ оберъ-гоф-

---

[1]) Императрицы Терезы, супруги императора Франца II-го.

[2]) Она была родная сестра императрицы Маріи Оеодоровны.

мейстеру подносить все самое лучшее и по вкусу. Оберъ-гофмейстеръ приказалъ коммиссару, а коммиссаръ, наблюдая пользу своего кошелька, подносилъ рыбу и другое кушанье, которыхъ великая княгиня употреблять не могла... Въ такомъ состояніи ея высочество находилась около трехъ мѣсяцевъ. Напослѣдокъ письменно приказала мнѣ пріѣхать изъ Венгріи вмѣстѣ съ штабъ-лекаремъ Эбелингомъ, который былъ отъ ея лица удаленъ. Пріѣздъ нашъ весьма обрадовалъ великую княгиню: она изъявила желаніе покушать свѣжей рыбы... То я тотчасъ же пошелъ въ Вѣну и, перемѣняя часто въ переноскѣ свѣжую воду, представилъ предъ ея глаза животрепещущую рыбу; она была весьма довольна. Дочь моя состряпала по ея вкусу, и великая княгиня покушала въ сытость. Такимъ образомъ и послѣ сего я имѣлъ счастіе исправлять должность вѣрнаго коммиссара, а дочь моя преусердной поварихи.

Движенія французской арміи понудили палатина поспѣшить въ Венгрію и принять начальство надъ войскомъ. Великая княгиня, для успокоенія своей беременности, желала плыть на большомъ суднѣ по Дунаю въ Офенъ; но, услышавъ отъ окружающихъ о тысячи опасностяхъ, поѣхала сухимъ путемъ. Палатинъ повелъ свое войско къ австрійскимъ границамъ и расположилъ оное близъ города Эдинбурга, а великая княгиня, опасаясь приключеній, могущихъ послѣдовать въ путешествіи, рѣшилась остаться и наблюдать осторожность и спокойствіе, необходимо нужныя ея состоянію. Вышеупомянутая дама, внѣдрившаяся въ сердце добросердечной княгини, стала представлять ей стенанія, скуку и горесть разлучившагося наинѣжнѣйшаго супруга съ своею дражайшею супругою, и убѣдила великую княгиню ѣхать въ Эдинбургъ. Совѣтница сія, воспламенивъ ея высочества сердечныя чувствованія, удостоена была чести сопутствовать ея въ Эдинбургъ. Пребываніе великой княгини тамъ было бы нужно потому, дабы, по близости къ Вѣнѣ, удобнѣе можно было убѣдить ея высочество къ разрѣшенію отъ бремени въ такой столицѣ, въ которой находятся искусные акушеры и всякія выгоды,—къ каковому предложенію великая княгиня имѣла великое отвращеніе и боязнь. Такъ какъ ея высочество не имѣла и не могла отправить тогда курьера въ Россію съ прошеніемъ, дабы ихъ императорскія величества избавили ее отъ Вѣны, то я, подъ предлогомъ моихъ собственныхъ дѣлъ, послалъ мою дочь съ нужными объясненіями отъ великой княгини. Но императоръ (цесарь), прибывшій вмѣстѣ съ императрицею для смотру войскъ, сію перѣшимость рѣшилъ приказомъ, дабы палатинъ, по окончаніи маневровъ, ѣхалъ непремѣн-

мейстеру подносить все самое лучшее и по вкусу. Оберъ-гофмейстеръ приказалъ коммиссару, а коммиссаръ, наблюдая пользу своего кошелька, подносилъ рыбу и другое кушанье, которыхъ великая княгиня употреблять не могла... Въ такомъ состояніи ея высочество находилась около трехъ мѣсяцевъ. Напослѣдокъ письменно приказала мнѣ пріѣхать изъ Венгріи вмѣстѣ съ штабъ-лекаремъ Эбелингомъ, который былъ отъ ея лица удаленъ. Пріѣздъ нашъ весьма обрадовалъ великую княгиню: она изъявила желаніе покушать свѣжей рыбы... То я тотчасъ же пошелъ въ Вѣну и, перемѣняя часто въ переноскѣ свѣжую воду, представилъ предъ ея глаза животрепещущую рыбу; она была весьма довольна. Дочь моя состряпала по ея вкусу, и великая княгиня покушала въ сытость. Такимъ образомъ и послѣ сего я имѣлъ счастіе исправлять должность вѣрнаго коммиссара, а дочь моя преусердной поварихи.

Движенія французской арміи понудили палатина поспѣшить въ Венгрію и принять начальство надъ войскомъ. Великая княгиня, для успокоенія своей беременности, желала плыть на большомъ суднѣ по Дунаю въ Офенъ; но, услышавъ отъ окружающихъ о тысячи опасностяхъ, поѣхала сухимъ путемъ. Палатинъ повелъ свое войско къ австрійскимъ границамъ и расположилъ оное близъ города Эдинбурга, а великая княгиня, опасаясь приключеній, могущихъ послѣдовать въ путешествіи, рѣшилась остаться и наблюдать осторожность и спокойствіе, необходимо нужныя ея состоянію. Вышеупомянутая дама, внѣдрившаяся въ сердце добросердечной княгини, стала представлять ей стенанія, скуку и горесть разлучившагося наинѣжнѣйшаго супруга съ своею дражайшею супругою, и убѣдила великую княгиню ѣхать въ Эдинбургъ. Совѣтница сія, воспламенивъ ея высочества сердечныя чувствованія, удостоена была чести сопутствовать ея въ Эдинбургъ. Пребываніе великой княгини тамъ было бы нужно потому, дабы, по близости къ Вѣнѣ, удобнѣе можно было убѣдить ея высочество къ разрѣшенію отъ бремени въ такой столицѣ, въ которой находятся искусные акушеры и всякія выгоды,—къ каковому предложенію великая княгиня имѣла великое отвращеніе и боязнь. Такъ какъ ея высочество не имѣла и не могла отправить тогда курьера въ Россію съ прошеніемъ, дабы ихъ императорскія величества избавили ее отъ Вѣны, то я, подъ предлогомъ моихъ собственныхъ дѣлъ, послалъ мою дочь съ нужными объясненіями отъ великой княгини. Но императоръ (цесарь), прибывшій вмѣстѣ съ императрицею для смотру войскъ, сію перѣшимость рѣшилъ приказомъ, дабы палатинъ, по окончаніи маневровъ, ѣхалъ непремѣн-

но съ своею супругою въ Вѣну. Этотъ поступокъ ввергнулъ великую княгиню въ совершенное уныніе. Она, представивъ себѣ кончину любезнѣйшей своей тетки императрицы Елисаветы (первой супруги цесаря), предназначила и себѣ подобную! Съ сего времени начала она пріуготовляться къ смерти, что и ознаменовала сочиненіемъ духовной въ пользу своего дорогаго супруга палатина Іосифа. Въ непродолжительномъ времени французская армія приблизилась къ Вѣнѣ и такое сильное учинила австрійской пораженіе, что всѣ живущіе въ столицѣ, отъ страха и опасности, хотѣли было удалиться въ другіе города, даже и самый императорскій дворъ готовъ былъ спасаться бѣгствомъ. Въ семъ смутномъ положеніи ея высочество получила отъ двора согласіе возвратиться въ Венгрію, а палатинъ приказъ идти съ своимъ корпусомъ къ Вѣнѣ. Какъ эта ужасная тревога, такъ и разлука великой княгини съ супругомъ наполнили ея душу неописанною горестію, которая еще сильнѣе увеличила въ ней уныніе и разслабленіе духа. Предавшись глубокому молчанію и размышленіямъ, приближалась ея высочество къ Офену, и, увидѣвъ бѣднаго мертвеца, несомаго на кладбище, съ равнодушіемъ изволила сказать: „Этотъ бѣдный мертвецъ показываетъ мнѣ путь, какъ уклониться отъ великолѣпнаго бѣгства къ вѣчности“.

По мнѣнію общему, самый искуснѣйшій акушеръ избранъ былъ въ Вѣнѣ для великой княгини. По пріѣздѣ своемъ въ Офенъ, онъ нашелъ ее въ великомъ унынін, которое, какъ ему, такъ и всѣмъ, казалось весьма непріятнымъ. За недѣлю передъ разрѣшеніемъ отъ бремени ея высочество вознамѣрилась исповѣдываться и причаститься Св. Таинъ. Доктора не соглашались, представляя въ резонъ, что она, проходя въ церковь чрезъ многія комнаты, можетъ простудиться, и также потому, что таковое дѣйствіе можетъ произвести новое смущеніе духа. Я въ отвѣтъ имъ сказалъ, что, не подвергая ея высочество перемѣнному воздуху, освящу причастіе въ церкви, которое принесу въ тронную комнату, гдѣ, по совершеніи исповѣди и надлежащихъ молитвъ, великая княгиня можетъ безъ всякой опасности причаститься Св. Таинъ, и что это священнослуженіе произведетъ въ ея положеніи душевное спокойствіе, которое дѣйствительно, послѣ св. причастія, къ удивленію и утѣшенію всѣхъ, ясно въ лицѣ ея оказалось. Этому потомъ споспѣшествовалъ и вожделѣннѣйшій пріѣздъ палатина.

О бѣдствіяхъ ли, причиненныхъ Французами, или о разрѣшеніи отъ бремени палатины въ Венгріи болѣе размышляли австрійскіе политики, навѣрно нельзя опредѣлить. Извѣстно только то, что

но съ своею супругою въ Вѣну. Этотъ поступокъ ввергнулъ великую княгиню въ совершенное уныніе. Она, представивъ себѣ кончину любезнѣйшей своей тетки императрицы Елисаветы (первой супруги цесаря), предназначила и себѣ подобную! Съ сего времени начала она пріуготовляться къ смерти, что и ознаменовала сочиненіемъ духовной въ пользу своего дорогаго супруга палатина Іосифа. Въ непродолжительномъ времени французская армія приблизилась къ Вѣнѣ и такое сильное учинила австрійской пораженіе, что всѣ живущіе въ столицѣ, отъ страха и опасности, хотѣли было удалиться въ другіе города, даже и самый императорскій дворъ готовъ былъ спасаться бѣгствомъ. Въ семъ смутномъ положеніи ея высочество получила отъ двора согласіе возвратиться въ Венгрію, а палатинъ приказъ идти съ своимъ корпусомъ къ Вѣнѣ. Какъ эта ужасная тревога, такъ и разлука великой княгини съ супругомъ наполнили ея душу неописанною горестію, которая еще сильнѣе увеличила въ ней уныніе и разслабленіе духа. Предавшись глубокому молчанію и размышленіямъ, приближалась ея высочество къ Офену, и, увидѣвъ бѣднаго мертвеца, несомаго на кладбище, съ равнодушіемъ изволила сказать: „Этотъ бѣдный мертвецъ показываетъ мнѣ путь, какъ уклониться отъ великолѣпнаго бѣгства къ вѣчности“.

По мнѣнію общему, самый искуснѣйшій акушеръ избранъ былъ въ Вѣнѣ для великой княгини. По пріѣздѣ своемъ въ Офенъ, онъ нашелъ ее въ великомъ унынін, которое, какъ ему, такъ и всѣмъ, казалось весьма непріятнымъ. За недѣлю передъ разрѣшеніемъ отъ бремени ея высочество вознамѣрилась исповѣдываться и причаститься Св. Таинъ. Доктора не соглашались, представляя въ резонъ, что она, проходя въ церковь чрезъ многія комнаты, можетъ простудиться, и также потому, что таковое дѣйствіе можетъ произвести новое смущеніе духа. Я въ отвѣтъ имъ сказалъ, что, не подвергая ея высочество перемѣнному воздуху, освящу причастіе въ церкви, которое принесу въ тронную комнату, гдѣ, по совершеніи исповѣди и надлежащихъ молитвъ, великая княгиня можетъ безъ всякой опасности причаститься Св. Таинъ, и что это священнослуженіе произведетъ въ ея положеніи душевное спокойствіе, которое дѣйствительно, послѣ св. причастія, къ удивленію и утѣшенію всѣхъ, ясно въ лицѣ ея оказалось. Этому потомъ споспѣшествовалъ и вожделѣннѣйшій пріѣздъ палатина.

О бѣдствіяхъ ли, причиненныхъ Французами, или о разрѣшеніи отъ бремени палатины въ Венгріи болѣе размышляли австрійскіе политики, навѣрно нельзя опредѣлить. Извѣстно только то, что

онъ союзъ съ Россіею почитали весьма опаснымъ для имперіи. Честный союзъ съ Россіею, конечно, былъ бы для Австріи спасителенъ, но ихъ политическая система основана на интригахъ, вѣроломствѣ, гордости и притѣсненіи всѣхъ подданныхъ, кои не суть паписты. Духъ и преданность къ Россіи единовѣрныхъ Сербовъ, чрезвычайно угнетаемыхъ, а вмѣстѣ съ ними и сообществъ евангельской и реформатской церквей, непрестанно ищущихъ себѣ ограды, весьма явно открылись во многихъ случаяхъ. По сему-то министры объяты были страхомъ, что когда венгерская палатина разрѣшится отъ бремени принцемъ, то Венгрія непремѣнно отложится отъ Австріи. Мнѣніе это утверждали чрезъ переписку въ Вѣну нѣкоторые нарушители общаго покоя, въ числѣ коихъ былъ замѣченъ греческій архіерей, который, потерявъ прежнюю довѣренность, пріобрѣтенную коварствомъ, присужденъ былъ къ изгнанію изъ епархіи. Покровитель его, оберъ-гофмейстеръ, призвавъ меня, жаловался на этого архіерея и предлагалъ, чтобы я, въ честь Россійскаго двора и ея высочества великой княгини, принялъ епископское достоинство, съ содержаніемъ 12 тысячь флориновъ въ годъ. Я поблагодарилъ его сіятельство и отказался.

Разрѣшеніе отъ бремени было продолжительное, весьма трудное и мучительное. Когда акушеръ примѣтилъ, что естественныя силы великой княгини изнемогли, тогда представилъ онъ палатину о таковомъ изнеможеніи и получилъ его высочества согласіе употребить инструменты, которыми онъ и вытащилъ младенца, жившаго только нѣсколько часовъ. Доктора препоручили мнѣ увѣдомить великую княгиню о смерти принцессы. Облеченный въ священныя одежды, предсталъ я одру ея высочества и, прочитавъ установленныя молитвы послѣ разрѣшенія отъ бремени, поздравлялъ великую княгиню. Она отвѣчала, что роды были весьма мучительны, но что она ничего вѣрнаго не знаетъ о состояніи своей дочери. Я съ подобающимъ благоговѣніемъ сказалъ, что драгайшая ея высочества дочь переселилась въ число ангеловъ. Сердобольная мать не была поражена симъ печальнымъ извѣстіемъ, но съ покойнымъ духомъ и твердымъ голосомъ перекрестясь сказала: „Благодареніе Богу, что моя дочь переселилась въ число ангеловъ, не вкусивъ тѣхъ горестей, которымъ мы здѣсь подвержены!“ Ея высочество до послѣдней минуты своей кончины подавала надежду всѣмъ врачамъ къ выздоровленію; безпрестанно занималась она расположеніемъ сада, который послѣ родовъ подарилъ ей его высочество палатинъ. Великая княгиня весьма часто изволила мнѣ повторять, что я, какъ люби-

онъ союзъ съ Россіею почитали весьма опаснымъ для имперіи. Честный союзъ съ Россіею, конечно, былъ бы для Австріи спасителенъ, но ихъ политическая система основана на интригахъ, вѣроломствѣ, гордости и притѣсненіи всѣхъ подданныхъ, кои не суть паписты. Духъ и преданность къ Россіи единовѣрныхъ Сербовъ, чрезвычайно угнетаемыхъ, а вмѣстѣ съ ними и сообществъ евангельской и реформатской церквей, непрестанно ищущихъ себѣ ограды, весьма явно открылись во многихъ случаяхъ. По сему-то министры объяты были страхомъ, что когда венгерская палатина разрѣшится отъ бремени принцемъ, то Венгрія непремѣнно отложится отъ Австріи. Мнѣніе это утверждали чрезъ переписку въ Вѣну нѣкоторые нарушители общаго покоя, въ числѣ коихъ былъ замѣченъ греческій архіерей, который, потерявъ прежнюю довѣренность, пріобрѣтенную коварствомъ, присужденъ былъ къ изгнанію изъ епархіи. Покровитель его, оберъ-гофмейстеръ, призвавъ меня, жаловался на этого архіерея и предлагалъ, чтобы я, въ честь Россійскаго двора и ея высочества великой княгини, принялъ епископское достоинство, съ содержаніемъ 12 тысячь флориновъ въ годъ. Я поблагодарилъ его сіятельство и отказался.

Разрѣшеніе отъ бремени было продолжительное, весьма трудное и мучительное. Когда акушеръ примѣтилъ, что естественныя силы великой княгини изнемогли, тогда представилъ онъ палатину о таковомъ изнеможеніи и получилъ его высочества согласіе употребить инструменты, которыми онъ и вытащилъ младенца, жившаго только нѣсколько часовъ. Доктора препоручили мнѣ увѣдомить великую княгиню о смерти принцессы. Облеченный въ священныя одежды, предсталъ я одру ея высочества и, прочитавъ установленныя молитвы послѣ разрѣшенія отъ бремени, поздравлялъ великую княгиню. Она отвѣчала, что роды были весьма мучительны, но что она ничего вѣрнаго не знаетъ о состояніи своей дочери. Я съ подобающимъ благоговѣніемъ сказалъ, что драгайшая ея высочества дочь переселилась въ число ангеловъ. Сердобольная мать не была поражена симъ печальнымъ извѣстіемъ, но съ покойнымъ духомъ и твердымъ голосомъ перекрестясь сказала: „Благодареніе Богу, что моя дочь переселилась въ число ангеловъ, не вкусивъ тѣхъ горестей, которымъ мы здѣсь подвержены!“ Ея высочество до послѣдней минуты своей кончины подавала надежду всѣмъ врачамъ къ выздоровленію; безпрестанно занималась она расположеніемъ сада, который послѣ родовъ подарилъ ей его высочество палатинъ. Великая княгиня весьма часто изволила мнѣ повторять, что я, какъ люби-

тель садоводства, все тамъ устрою къ полному ея удовольствію, что самое и подало мнѣ потомъ мысль и послужило какъ бы непреложнымъ завѣщаніемъ, чтобы по кончинѣ ея высочества воздвигнуть походную русскую церковь въ томъ собственномъ ея высочества саду и перенести въ оную гробъ, съ ежеденнымъ служеніемъ св. литургіи и поминовеніемъ въ теченіи шести недѣль. Послѣ родовъ въ 9-й день по утру, великая княгиня всѣхъ весьма обрадовала своимъ выздоровленіемъ, бывъ признана докторами внѣ всякой опасности. Палатинъ на куртагѣ, равно и все собраніе, извѣстясь о семъ, были весьма веселы; но къ величайшему прискорбію, по полудни радость наша перемѣнилась въ печаль. Ея высочество, почувствовавъ сильный жаръ, начала приходить въ отсутствіе мыслей: въ такомъ состояніи и въ смущенномъ дреманіи часто повторяла, что тѣсно и душно ей жить тамъ, и проспла своихъ родителей построить въ Россіи хотя маленькой домъ!.. Въ вечеру жаръ и слабость умножились; по полуночи въ 3-мъ часу она пришла въ крайнее изнеможеніе и только что могла приказать пригласить къ себѣ своего супруга, котораго облобызавъ, сказала: „Не забудь меня, мой любезный Іосифъ!“ Сказавъ это, осталась она безгласна и начала стонать. Я призванъ былъ на моленіе; облекшись въ священныя одежды, предсталъ я одру ея высочества и осѣнивъ ея св. крестомъ, поднесъ къ устамъ ея. Вѣрная дочь православной церкви, обративъ быстрыя свои и горячими наполненными слезами очи на изображеніе Распятаго Спасителя, облобызала его со всею христіанскою горячностію, потомъ крѣпко прижала къ своимъ персамъ. Когда я близъ одра читалъ съ колѣнопреклоненіемъ молитвы, то казалось, что ея высочество со всевозможнымъ вниманіемъ и сердечнымъ чувствомъ содѣйствовала онымъ молитвамъ. Такъ пріуготовлялась сія благочестивая и непорочная душа въ небесныя селенія. Въ половинѣ 6-го часа по утру, протянувъ стенаніе, предала она свою душу Творцу.

Въ этотъ моментъ всѣ были въ безмолвіи; потомъ начался вопль и рыданіе! Палатина, повергшагося близъ одра, понесли какъ мертваго, который, какъ скоро пришелъ въ чувство, отправился въ Вѣну, оттуда, для облегченія своей жестокой скорби, въ путешествіе къ тѣмъ церквамъ и обителямъ, въ которыхъ хранится особое благочестіе. По нѣкоторомъ времени врачи производили свои операціи, изъ коихъ одинъ сообщилъ, какъ наиважнѣйшій секретъ, моему пріятелю, что легкое великой княгини начало уже портиться. Это обстоятельство въ медицинской письменной визитаціи бы-

тель садоводства, все тамъ устрою къ полному ея удовольствію, что самое и подало мнѣ потомъ мысль и послужило какъ бы непреложнымъ завѣщаніемъ, чтобы по кончинѣ ея высочества воздвигнуть походную русскую церковь въ томъ собственномъ ея высочества саду и перенести въ оную гробъ, съ ежеденнымъ служеніемъ св. литургіи и поминовеніемъ въ теченіи шести недѣль. Послѣ родовъ въ 9-й день по утру, великая княгиня всѣхъ весьма обрадовала своимъ выздоровленіемъ, бывъ признана докторами внѣ всякой опасности. Палатинъ на куртагѣ, равно и все собраніе, извѣстясь о семъ, были весьма веселы; но къ величайшему прискорбію, по полудни радость наша перемѣнилась въ печаль. Ея высочество, почувствовавъ сильный жаръ, начала приходить въ отсутствіе мыслей: въ такомъ состояніи и въ смущенномъ дреманіи часто повторяла, что тѣсно и душно ей жить тамъ, и проспла своихъ родителей построить въ Россіи хотя маленькой домъ!.. Въ вечеру жаръ и слабость умножились; по полуночи въ 3-мъ часу она пришла въ крайнее изнеможеніе и только что могла приказать пригласить къ себѣ своего супруга, котораго облобызавъ, сказала: „Не забудь меня, мой любезный Іосифъ!“ Сказавъ это, осталась она безгласна и начала стонать. Я призванъ былъ на моленіе; облекшись въ священныя одежды, предсталъ я одру ея высочества и осѣнивъ ея св. крестомъ, поднесъ къ устамъ ея. Вѣрная дочь православной церкви, обративъ быстрыя свои и горячими наполненными слезами очи на изображеніе Распятаго Спасителя, облобызала его со всею христіанскою горячностію, потомъ крѣпко прижала къ своимъ персамъ. Когда я близъ одра читалъ съ колѣнопреклоненіемъ молитвы, то казалось, что ея высочество со всевозможнымъ вниманіемъ и сердечнымъ чувствомъ содѣйствовала онымъ молитвамъ. Такъ пріуготовлялась сія благочестивая и непорочная душа въ небесныя селенія. Въ половинѣ 6-го часа по утру, протянувъ стенаніе, предала она свою душу Творцу.

Въ этотъ моментъ всѣ были въ безмолвіи; потомъ начался вопль и рыданіе! Палатина, повергшагося близъ одра, понесли какъ мертваго, который, какъ скоро пришелъ въ чувство, отправился въ Вѣну, оттуда, для облегченія своей жестокой скорби, въ путешествіе къ тѣмъ церквамъ и обителямъ, въ которыхъ хранится особое благочестіе. По нѣкоторомъ времени врачи производили свои операціи, изъ коихъ одинъ сообщилъ, какъ наиважнѣйшій секретъ, моему пріятелю, что легкое великой княгини начало уже портиться. Это обстоятельство въ медицинской письменной визитаціи бы-

ло утаено. Разные люди разныя причины полагали смерти ея высочества; но я не дерзаю утверждать дѣла, мнѣ неизвѣстнаго.

Оберъ-гофмейстеръ приказалъ мнѣ изготовиться къ погребенію и назначилъ кладбище для ея императорскаго высочества великой княгини подъ капуцинскою церковію. Положеніе сего кладбища я долженъ описать хотя кратко: это былъ малый погребъ, имѣющій входъ съ площади, на которой бабы продавали лукъ, чеснокъ и всякую зелень, и что сверхъ продажи оставалось, то они въ томъ мрачномъ и тѣсномъ погребу по денежному найму хранили, отъ чего тамъ и былъ пренесносный смрадъ. Таковое уничиженіе терзало мою душу, и я, призвавъ Бога въ помощь, дерзновенно сказалъ оберъ-гофмейстеру, что великая княгиня Всероссійская не есть Римской церкви, что она дочь Всероссійская императора, чего ради достоинство ея требуетъ чтобы гробъ ея пребылъ въ собственной греко-россійской церкви въ теченіи шести недѣль при совершеніи св. литургіи и поминовенія. Оный оберъ-гофмейстеръ, хотя и былъ вѣрный послѣдователь и исполнитель, какъ сіе по послѣдствіямъ дѣлъ оказалось, австрійской системы, однако не могъ отказать мнѣ въ этомъ требованіи, сильно устрашаясь тогда гнѣва, могущаго воспослѣдовать отъ его величества (нынѣ покойнаго) императора Павла; почему онъ, оберъ-гофмейстеръ, и въ нотѣ, тогда же мною въ оригиналѣ отправленной въ С. Петербургъ, представилъ: „дабы гробъ ея высочества остался въ русской церкви до высочайшаго повелѣнія отъ Русскаго двора“, но между прочимъ сказалъ мнѣ, что гробъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ остаться во дворцѣ. Этотъ его приговоръ я рѣшилъ тѣмъ, чтобы гробъ перенесть въ собственный ея высочества, дарованный палатиномъ садъ, въ которомъ имѣется небольшой домъ и комната чистая и весьма выгодная для устроенія подвижной церкви и для поставленія въ оной гроба.

Марта 4-го дня преставилась великая княгиня, и 9-го назначено было пренесеніе гроба изъ дворца въ садъ, отстоящій далѣе четырехъ верстъ. Стеченіе народа было столь многочисленное, что все оное разстояніе было наполнено. Я, предшествуя со св. Евангеліемъ и кадиломъ гробу, который былъ сопровождаемъ воздыханіями и слезами народа, предстоявшаго съ обѣихъ сторонъ, когда достигъ св. храма и поставилъ въ ономъ гробъ, не могъ начать священнослуженія до тѣхъ поръ, покуда не утишились вопли и рыданія! Епископы Римской церкви, распустившіе молву, что великая княгиня присоединилась къ ихъ церкви, но притомъ лишившіеся

ло утаено. Разные люди разныя причины полагали смерти ея высочества; но я не дерзаю утверждать дѣла, мнѣ неизвѣстнаго.

Оберъ-гофмейстеръ приказалъ мнѣ изготовиться къ погребенію и назначилъ кладбище для ея императорскаго высочества великой княгини подъ капуцинскою церковію. Положеніе сего кладбища я долженъ описать хотя кратко: это былъ малый погребъ, имѣющій входъ съ площади, на которой бабы продавали лукъ, чеснокъ и всякую зелень, и что сверхъ продажи оставалось, то они въ томъ мрачномъ и тѣсномъ погребу по денежному найму хранили, отъ чего тамъ и былъ пренесносный смрадъ. Таковое уничиженіе терзало мою душу, и я, призвавъ Бога въ помощь, дерзновенно сказалъ оберъ-гофмейстеру, что великая княгиня Всероссійская не есть Римской церкви, что она дочь Всероссійская императора, чего ради достоинство ея требуетъ чтобы гробъ ея пребылъ въ собственной греко-россійской церкви въ теченіи шести недѣль при совершеніи св. литургіи и поминовенія. Оный оберъ-гофмейстеръ, хотя и былъ вѣрный послѣдователь и исполнитель, какъ сіе по послѣдствіямъ дѣлъ оказалось, австрійской системы, однако не могъ отказать мнѣ въ этомъ требованіи, сильно устрашаясь тогда гнѣва, могущаго воспослѣдовать отъ его величества (нынѣ покойнаго) императора Павла; почему онъ, оберъ-гофмейстеръ, и въ нотѣ, тогда же мною въ оригиналѣ отправленной въ С. Петербургъ, представилъ: „дабы гробъ ея высочества остался въ русской церкви до высочайшаго повелѣнія отъ Русскаго двора“, но между прочимъ сказалъ мнѣ, что гробъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ остаться во дворцѣ. Этотъ его приговоръ я рѣшилъ тѣмъ, чтобы гробъ перенесть въ собственный ея высочества, дарованный палатиномъ садъ, въ которомъ имѣется небольшой домъ и комната чистая и весьма выгодная для устроенія подвижной церкви и для постановленія въ оной гроба.

Марта 4-го дня преставилась великая княгиня, и 9-го назначено было пренесеніе гроба изъ дворца въ садъ, отстоящій далѣе четырехъ верстъ. Стеченіе народа было столь многочисленное, что все оное разстояніе было наполнено. Я, предшествуя со св. Евангеліемъ и кадиломъ гробу, который былъ сопровождаемъ воздыханіями и слезами народа, предстоявшаго съ обѣихъ сторонъ, когда достигъ св. храма и поставилъ въ оном гробъ, не могъ начать священнослуженія до тѣхъ поръ, покуда не утишились вопли и рыданія! Епископы Римской церкви, распустившіе молву, что великая княгиня присоединилась къ ихъ церкви, но притомъ лишившіеся

случая заключить гробъ ея въ капуцинскомъ кладбищѣ всеусильно старались участвовать съ своею музыкою и съ своимъ соборомъ въ сопровожденіи гроба, а чрезъ то показать торжественно публикѣ ихъ вымышленное соединеніе. Но я представилъ имъ рѣшительно, что восточная церковь не терпитъ смѣшенія съ западною по своему чиноположенію, и что потому это священнослуженіе единственно мнѣ принадлежитъ. Негодованіе этихъ пастырей-начальниковъ въ высшей степени увеличилось противу меня, и тѣмъ паче, что въ продолженіе осьминедѣльнаго ежеденнаго священнослуженія, по нѣскольку сотъ народа разнаго исповѣданія приходило въ церковь: иные, съ благоговѣніемъ преклонивъ колѣна предъ гробомъ, проливали теплыя слезы; иные же, воздвигая свои руки къ небу, приносили Всевышнему молитву, или, ударя себя въ грудь, произносили: „Лучше бы я умеръ, или моя жена, или мои дѣти, нежели эта юная, прекрасная и благопривѣтливая принцесса, благотворительная мать и царица венгерскихъ сердецъ!“

Во время, когда ни священнослуженія, ни людей не было въ церкви, пріѣзжалъ одинъ великоименитый мужъ римско-католическаго исповѣданія, но преисполненный честности и ревности къ своему отечеству. Онъ преклонилъ колѣна предъ гробомъ венгерской палатины и произнесъ жалкимъ и пронзительнымъ голосомъ: „Въ этомъ гробѣ лежитъ теперь наше оспротивившее Венгерское царство! Въ этомъ гробѣ погребена наша надежда и всѣ наши планы! Изъ этихъ краткихъ словъ можно всякому ясно разумѣть сердечныя желанія благородныхъ, честныхъ и храбрыхъ Венгеровъ, которыхъ единодушными устами я одинъ вѣщаю эту священную истину, здѣсь въ храмѣ Божіемъ. Заклинаю тебя этимъ гробомъ, въ крѣпкой тайнѣ засвидѣтельствуй о сихъ рѣчахъ своему монарху. Правосудіе Божіе предопредѣлило сему владыкѣ быть покровителемъ угнетенной Венгріи!“. Произнеся эти слова, залился онъ слезами и удалился изъ храма, въ который, спустя нѣсколько дней, пришелъ, въ уединенное время, генералъ-губернаторъ Сербовъ, подобный характеромъ первому, но церкви евангельской. Поклонясь гробу и вошедъ въ св. алтарь, произнесъ слова такого же смысла и важности, какъ и первый, прибавивъ къ сему и то, что по смерти благочестивѣйшей венгерской палатины, сильное вдругъ возстало римско-католическое гоненіе на церковь евангельскую и сербскую, которыя онъ, какъ всегда сохраняющія взаимное христіанское согласіе, препоручаетъ всесильному покрову благочестиваго Русскаго императора, и именемъ

случая заключить гробъ ея въ капуцинскомъ кладбищѣ всеусильно старались участвовать съ своею музыкою и съ своимъ соборомъ въ сопровожденіи гроба, а чрезъ то показать торжественно публикѣ ихъ вымышленное соединеніе. Но я представилъ имъ рѣшительно, что восточная церковь не терпитъ смѣшенія съ западною по своему чиноположенію, и что потому это священнослуженіе единственно мнѣ принадлежитъ. Негодованіе этихъ пастырей-начальниковъ въ высшей степени увеличилось противу меня, и тѣмъ паче, что въ продолженіе осьминедѣльнаго ежедневнаго священнослуженія, по нѣскольку сотъ народа разнаго исповѣданія приходило въ церковь: иные, съ благоговѣніемъ преклонивъ колѣна предъ гробомъ, проливали теплыя слезы; иные же, воздвигая свои руки къ небу, приносили Всевышнему молитву, или, ударя себя въ грудь, произносили: „Лучше бы я умеръ, или моя жена, или мои дѣти, нежели эта юная, прекрасная и благопривѣтливая принцесса, благотворительная мать и царица венгерскихъ сердецъ!“

Во время, когда ни священнослуженія, ни людей не было въ церкви, пріѣзжалъ одинъ великоименитый мужъ римско-католическаго исповѣданія, но преисполненный честности и ревности къ своему отечеству. Онъ преклонилъ колѣна предъ гробомъ венгерской палатины и произнесъ жалкимъ и пронзительнымъ голосомъ: „Въ этомъ гробѣ лежитъ теперь наше оспротивившее Венгерское царство! Въ этомъ гробѣ погребена наша надежда и всѣ наши планы! Изъ этихъ краткихъ словъ можно всякому ясно разумѣть сердечныя желанія благородныхъ, честныхъ и храбрыхъ Венгеровъ, которыхъ единодушными устами я одинъ вѣщаю эту священную истину, здѣсь въ храмѣ Божіемъ. Заклинаю тебя этимъ гробомъ, въ крѣпкой тайнѣ засвидѣтельствуй о сихъ рѣчахъ своему монарху. Правосудіе Божіе предопредѣлило сему владыкѣ быть покровителемъ угнетенной Венгріи!“. Произнеся эти слова, залился онъ слезами и удалился изъ храма, въ который, спустя нѣсколько дней, пришелъ, въ уединенное время, генералъ-губернаторъ Сербовъ, подобный характеромъ первому, но церкви евангельской. Поклонясь гробу и вошедъ въ св. алтарь, произнесъ слова такого же смысла и важности, какъ и первый, прибавивъ къ сему и то, что по смерти благочестивѣйшей венгерской палатины, сильное вдругъ возстало римско-католическое гоненіе на церковь евангельскую и сербскую, которыя онъ, какъ всегда сохраняющія взаимное христіанское согласіе, препоручаетъ всесильному покрову благочестиваго Русскаго императора, и именемъ

живаго Бога заклиналъ онъ меня, дабы я чистую вѣру и твердую надежду Сербовъ представилъ на усмотрѣніе Русскаго престола. Таковыя слова, изреченныя при гробѣ безсмертной Александры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на мое сердце, что и великая княгиня часто мнѣ открывала свое богоугодное намѣреніе, что послѣ разрѣшенія отъ бремени она всемѣрно будетъ стараться защищать гонимыхъ и угнетаемыхъ папскимъ суевѣріемъ.

Въ это плачевное время отъ оберъ-гофмейстера палатинова двора была прислана ко мнѣ офиціальная нота, которую я въ оригиналѣ тогда же препроводилъ въ С.-Петербургъ. Въ оной было изображено слѣдующее: „Народъ ропщетъ, что доселѣ августѣйшая персона не погребена: чтобы сію печальную церемонію кончить въ наивеличайшемъ инкогнито, разумѣется, ночью и безъ всякихъ почестей". Сему министру отвѣчалъ я въ Вѣну, что готовъ во всякое время запечатлѣть ея высочества гробъ послѣдними погребальными молитвами и земною перстію, по обряду православной церкви, въ которой ея высочество и крещена св. крещеніемъ; наивеличайшее жъ инкогнито не принадлежитъ сему августѣйшему лицу, ибо цѣлому свѣту извѣстно, что ея высочество дочь Всероссійскаго императора и сестра Всероссійскаго же императора, нынѣ царствующаго. Оберъ-гофмейстеръ, по пріѣздѣ въ Офенъ, отмѣнилъ инкогнито и согласился, дабы, послѣ совершенія св. литургіи и погребательныхъ молитвъ, гробъ былъ препровожденъ въ капуцинское кладбище при дневномъ свѣтѣ и съ подобающею честію, которая однакожъ была весьма ограничена, изъявлялась болѣе стеченіемъ премногочисленнаго плачущаго народа, особливо же единовѣрныхъ Сербовъ, которые, лишившись своей покровительницы, тяжкое начали претерпѣвать гоненіе. Для утѣшенія сихъ и для опроверженія католицкихъ разглашеній объ уніи, просилъ я у оберъ-гофмейстера позволенія сопровождать гробъ, предлагая въ резонъ, что нашъ обрядъ требуетъ, дабы у гроба былъ утвержденъ образъ священномученицы Александры, которымъ и родители ея высочества благословили свою дочь при крещеніи. Когда онъ на сіе согласился, то я припасъ и освященную воду, которою, при входѣ моемъ, окропилъ оное кладбище. Это поставлено было мнѣ въ важное преступленіе отъ папскаго духовенства, собравшагося тамъ съ тѣмъ, чтобы принять гробъ по своему обряду. Я, примѣтя ихъ намѣреніе, остался у гроба, читая тихимъ голосомъ нѣкоторыя молитвы до тѣхъ поръ, покуда оное духовенство не разошлось по своимъ мѣстамъ. Не удалось имъ и въ семъ случаѣ под-

живаго Бога заклиналъ онъ меня, дабы я чистую вѣру и твердую надежду Сербовъ представилъ на усмотрѣніе Русскаго престола. Таковыя слова, изреченныя при гробѣ безсмертной Александры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на мое сердце, что и великая княгиня часто мнѣ открывала свое богоугодное намѣреніе, что послѣ разрѣшенія отъ бремени она всемѣрно будетъ стараться защищать гонимыхъ и угнетаемыхъ папскимъ суевѣріемъ.

Въ это плачевное время отъ оберъ-гофмейстера палатинова двора была прислана ко мнѣ офиціальная нота, которую я въ оригиналѣ тогда же препроводилъ въ С.-Петербургъ. Въ оной было изображено слѣдующее: „Народъ ропщетъ, что доселѣ августѣйшая персона не погребена: чтобы сію печальную церемонію кончить въ наивеличайшемъ инкогнито, разумѣется, ночью и безъ всякихъ почестей". Сему министру отвѣчалъ я въ Вѣну, что готовъ во всякое время запечатлѣть ея высочества гробъ послѣдними погребальными молитвами и земною перстію, по обряду православной церкви, въ которой ея высочество и крещена св. крещеніемъ; наивеличайшее жъ инкогнито не принадлежитъ сему августѣйшему лицу, ибо цѣлому свѣту извѣстно, что ея высочество дочь Всероссійскаго императора и сестра Всероссійскаго же императора, нынѣ царствующаго. Оберъ-гофмейстеръ, по пріѣздѣ въ Офенъ, отмѣнилъ инкогнито и согласился, дабы, послѣ совершенія св. литургіи и погребательныхъ молитвъ, гробъ былъ препровожденъ въ капуцинское кладбище при дневномъ свѣтѣ и съ подобающею честію, которая однакожъ была весьма ограничена, изъявлялась болѣе стеченіемъ премногочисленнаго плачущаго народа, особливо же единовѣрныхъ Сербовъ, которые, лишившись своей покровительницы, тяжкое начали претерпѣвать гоненіе. Для утѣшенія сихъ и для опроверженія католицкихъ разглашеній объ уніи, просилъ я у оберъ-гофмейстера позволенія сопровождать гробъ, предлагая въ резонъ, что нашъ обрядъ требуетъ, дабы у гроба былъ утвержденъ образъ священномученицы Александры, которымъ и родители ея высочества благословили свою дочь при крещеніи. Когда онъ на сіе согласился, то я припасъ и освященную воду, которою, при входѣ моемъ, окропилъ оное кладбище. Это поставлено было мнѣ въ важное преступленіе отъ папскаго духовенства, собравшагося тамъ съ тѣмъ, чтобы принять гробъ по своему обряду. Я, примѣтя ихъ намѣреніе, остался у гроба, читая тихимъ голосомъ нѣкоторыя молитвы до тѣхъ поръ, покуда оное духовенство не разошлось по своимъ мѣстамъ. Не удалось имъ и въ семъ случаѣ под-

твердить своихъ ложныхъ разглашеній. Къ этому времени пріѣхалъ русскій камергеръ Васильчиковъ. Я предложилъ ему отслужить панихиду, и такъ какъ оберъ-гофмейстеръ будетъ дѣлать въ томъ сильную препону, то весьма нужно было настоять, дабы, по обряду нашему, и въ честь покойной великой княгини, это священнослуженіе непремѣнно совершилось. Оберъ-гофмейстеръ крѣпко на меня вознегодовалъ и съ гнѣвомъ сказалъ, что ему и мнѣ весьма худо будетъ отъ тамошняго главнаго духовенства, и требовалъ, чтобы панихида была отслужена мною самымъ сокровеннѣйшимъ образомъ, и чтобы тамъ никто изъ посторонихъ не былъ. Это строгое приказаніе нарушилъ самъ капуцинскій сторожъ, который столько впустилъ людей, сколько могло втѣсниться. Зрители эти мнѣ пріятны были, потому что они могли и прочимъ засвидѣтельствовать, что великая княгиня и по смерти осталась въ греко-россійской церкви. Получивъ однажды разрѣшеніе, продолжалъ я служить поминовеніе до прибытія въ Офенъ г. Муравьева-Апостола въ должности россійскаго министра, въ присутствіи котораго также служилъ панихиду. Оберъ-гофмейстеръ, для отвращенія непріятностей, могущихъ послѣдовать отъ императора Павла, послалъ къ палатину на другой день смерти великой княгини, проэктъ, дабы въ недавно купленной деревнѣ, разстояніемъ отъ Офена въ 2-хъ нѣмецкихъ миляхъ, построить по греко-россійскому обряду церковь, въ которую бы изъ города перенесть гробъ. Въ то же время препоручилъ мнѣ осмотрѣть мѣстоположеніе и сообщить мое мнѣніе. Я представилъ, что то мѣсто не есть соотвѣтственное достоинству великой княгини русской, тѣмъ болѣе, что лежитъ между нищими погребами; что гораздо бы благопристойнѣе было построить церковь надъ гробомъ въ собственномъ ея высочества садѣ. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ и г. Муравьевъ-Апостолъ былъ согласенъ, которое жъ однако оберъ-гофмейстеръ опровергнулъ тѣмъ, что уже всѣ высочайшія персоны утвердили построеніе въ деревнѣ. Когда мы всѣ вмѣстѣ пріѣхали въ эту деревню для освященія мѣста и для закладки церкви, то оберъ-гофмейстеръ представлялъ и россійскому министру то же мѣсто между нищими погребами; но послѣдній настоялъ, чтобы церковь была на чистомъ мѣстѣ, которое и назначено было возлѣ обыкновеннаго приходскаго ихъ кладбища, что также означало смыслъ уніатства. Архитекторъ, весьма недоброхотствующій Россіи, построилъ греко-россійскую церковь не какъ было представлено въ проэктѣ къ Русскому двору, но въ видѣ, представляющемъ надгробную пирамиду, и столь тѣсную

твердить своихъ ложныхъ разглашеній. Къ этому времени пріѣхалъ русскій камергеръ Васильчиковъ. Я предложилъ ему отслужить панихиду, и такъ какъ оберъ-гофмейстеръ будетъ дѣлать въ томъ сильную препону, то весьма нужно было настоять, дабы, по обряду нашему, и въ честь покойной великой княгини, это священнослуженіе непремѣнно совершилось. Оберъ-гофмейстеръ крѣпко на меня вознегодовалъ и съ гнѣвомъ сказалъ, что ему и мнѣ весьма худо будетъ отъ тамошняго главнаго духовенства, и требовалъ, чтобы панихида была отслужена мною самымъ сокровеннѣйшимъ образомъ, и чтобы тамъ никто изъ посторонихъ не былъ. Это строгое приказаніе нарушилъ самъ капуцинскій сторожъ, который столько впустилъ людей, сколько могло втѣсниться. Зрители эти мнѣ пріятны были, потому что они могли и прочимъ засвидѣтельствовать, что великая княгиня и по смерти осталась въ греко-россійской церкви. Получивъ однажды разрѣшеніе, продолжалъ я служить поминовеніе до прибытія въ Офенъ г. Муравьева-Апостола въ должности россійскаго министра, въ присутствіи котораго также служилъ панихиду. Оберъ-гофмейстеръ, для отвращенія непріятностей, могущихъ послѣдовать отъ императора Павла, послалъ къ палатину на другой день смерти великой княгини, проэктъ, дабы въ недавно купленной деревнѣ, разстояніемъ отъ Офена въ 2-хъ нѣмецкихъ миляхъ, построить по греко-россійскому обряду церковь, въ которую бы изъ города перенесть гробъ. Въ то же время препоручилъ мнѣ осмотрѣть мѣстоположеніе и сообщить мое мнѣніе. Я представилъ, что то мѣсто не есть соотвѣтственное достоинству великой княгини русской, тѣмъ болѣе, что лежитъ между нищими погребами; что гораздо бы благопристойнѣе было построить церковь надъ гробомъ въ собственномъ ея высочества садѣ. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ и г. Муравьевъ-Апостолъ былъ согласенъ, которое жъ однако оберъ-гофмейстеръ опровергнулъ тѣмъ, что уже всѣ высочайшія персоны утвердили построеніе въ деревнѣ. Когда мы всѣ вмѣстѣ пріѣхали въ эту деревню для освященія мѣста и для закладки церкви, то оберъ-гофмейстеръ представлялъ и россійскому министру то же мѣсто между нищими погребами; но послѣдній настоялъ, чтобы церковь была на чистомъ мѣстѣ, которое и назначено было возлѣ обыкновеннаго приходскаго ихъ кладбища, что также означало смыслъ уніатства. Архитекторъ, весьма недоброхотствующій Россіи, построилъ греко-россійскую церковь не какъ было представлено въ проэктѣ къ Русскому двору, но въ видѣ, представляющемъ надгробную пирамиду, и столь тѣсную

внутри, что ниже пьедестасъ могъ вмѣститься, ниже священникъ въ алтарѣ могъ имѣть свободное хожденіе вокругъ престола. Это устроено было такимъ образомъ на тотъ конецъ, какъ меня нѣкоторые увѣряли, чтобы, по препесеніи гроба, затереть оную и прекратить священнослуженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и положить конецъ той преданности, которую народъ, приходящій на моленіе, изъявлялъ покойной палатинѣ, а по этому поводу Россіи и ея императору. Но таковыя злоумышленія остались тщетны. Какъ наша православная церковь, такъ и гробъ великой княгини пребываютъ и доселѣ въ своемъ достоинствѣ и народномъ уваженіи. Съ подобающимъ благоговѣніемъ служеніе совершаетъ въ оной избранный мною священноіерей Николай Музовскій, по представленію моему опредѣленный его императорскимъ величествомъ—моимъ преемникомъ.

Предъ отъѣздомъ его королевскаго высочества палатина въ Россію, пожелалъ я ему благополучнаго путешествія и возвращенія. Его высочество, благодаря меня, сказалъ, что хотя созидаемая церковь и будетъ готова къ освященію, однако я не долженъ освящать до его прибытія, ибо онъ намѣренъ собственною персоною присутствовать при освященіи. Вскорѣ за тѣмъ вѣнскій палатиновъ агентъ далъ мнѣ знать, что его высочество обратно выѣхалъ уже изъ С.-Петербурга. Я тотчасъ поѣхалъ въ Венгрію (изъ Вѣны), дабы заблаговременно устроить все нужное къ освященію церкви; но какъ опая еще не была готова и, зная при томъ намѣреніе оберъгофмейстера, чтобы гробъ великой княгини изъ города въ деревню былъ перенесенъ ночью и безъ всякого уваженія, то я рѣшился обратно ѣхать въ Вѣну, откуда тотчасъ же отправился къ нашему чрезвычайшему послу при Вѣнскомъ дворѣ, графу Разумовскому, находившемуся тогда, для излѣченія болѣзни, въ Теплицѣ, откуда онъ долженъ былъ по высочайшему дозволенію ѣхать въ Россію. Я, во первыхъ, приглашалъ графа къ освященію церкви; но онъ, будучи не въ силахъ, предписалъ совѣтнику посольства соприсутствовать палатину; во вторыхъ, просилъ, чтобы графъ отписалъ письмо къ его высочеству палатину, о томъ, что онъ, графъ Разумовскій, возвращаясь въ Россію, нарочно расположитъ свой путь чрезъ Венгрію для того, чтобы въ характерѣ россійскаго посла могъ онъ препроводить изъ капуцинскаго кладбища въ русскую церковь гробъ великой княгини русской съ почестьми, принадлежащими ея высочества достоинству. По прибытіи моемъ въ Вѣну тотъ же агентъ увѣдомилъ меня, что палатинъ пріѣхалъ уже въ Венгрію. Я тотъ же часъ отправилъ чрезъ эстафету къ его высочеству письмо отъ посла, написавъ

внутри, что ниже пьедестасъ могъ вмѣститься, ниже священникъ въ алтарѣ могъ имѣть свободное хожденіе вокругъ престола. Это устроено было такимъ образомъ на тотъ конецъ, какъ меня нѣкоторые увѣряли, чтобы, по препесеніи гроба, затереть оную и прекратить священнослуженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и положить конецъ той преданности, которую народъ, приходящій на моленіе, изъявлялъ покойной палатинѣ, а по этому поводу Россіи и ея императору. Но таковыя злоумышленія остались тщетны. Какъ наша православная церковь, такъ и гробъ великой княгини пребываютъ и доселѣ въ своемъ достоинствѣ и народномъ уваженіи. Съ подобающимъ благоговѣніемъ служеніе совершаетъ въ оной избранный мною священноіерей Николай Музовскій, по представленію моему опредѣленный его императорскимъ величествомъ—моимъ преемникомъ.

Предъ отъѣздомъ его королевскаго высочества палатина въ Россію, пожелалъ я ему благополучнаго путешествія и возвращенія. Его высочество, благодаря меня, сказалъ, что хотя созидаемая церковь и будетъ готова къ освященію, однако я не долженъ освящать до его прибытія, ибо онъ намѣренъ собственною персоною присутствовать при освященіи. Вскорѣ за тѣмъ вѣнскій палатиновъ агентъ далъ мнѣ знать, что его высочество обратно выѣхалъ уже изъ С.-Петербурга. Я тотчасъ поѣхалъ въ Венгрію (изъ Вѣны), дабы заблаговременно устроить все нужное къ освященію церкви; но какъ опая еще не была готова и, зная при томъ намѣреніе оберъгофмейстера, чтобы гробъ великой княгини изъ города въ деревню былъ перенесенъ ночью и безъ всякого уваженія, то я рѣшился обратно ѣхать въ Вѣну, откуда тотчасъ же отправился къ нашему чрезвычайшему послу при Вѣнскомъ дворѣ, графу Разумовскому, находившемуся тогда, для излѣченія болѣзни, въ Теплицѣ, откуда онъ долженъ былъ по высочайшему дозволенію ѣхать въ Россію. Я, во первыхъ, приглашалъ графа къ освященію церкви; но онъ, будучи не въ силахъ, предписалъ совѣтнику посольства соприсутствовать палатину; во вторыхъ, просилъ, чтобы графъ отписалъ письмо къ его высочеству палатину, о томъ, что онъ, графъ Разумовскій, возвращаясь въ Россію, нарочно расположитъ свой путь чрезъ Венгрію для того, чтобы въ характерѣ россійскаго посла могъ онъ препроводить изъ капуцинскаго кладбища въ русскую церковь гробъ великой княгини русской съ почестьми, принадлежащими ея высочества достоинству. По прибытіи моемъ въ Вѣну тотъ же агентъ увѣдомилъ меня, что палатинъ пріѣхалъ уже въ Венгрію. Я тотъ же часъ отправилъ чрезъ эстафету къ его высочеству письмо отъ посла, написавъ

также и отъ себя письмо такого содержанія: „Предполагая, что ваше королевское высочество, изъявляя предъ цѣлымъ свѣтомъ истинную и неугасимую любовь къ вашей вселюбезнѣйшей супругѣ, нынѣ въ Бозѣ почивающей, изволили назначить день рожденія ея императорскаго высочества 29-го іюля, въ который ознаменуется важная эпоха освященіемъ греко-россійской церкви, созданной по вашему благочестію и любви, также и самоличнымъ вашего высочества присутствіемъ, всемѣрно потщуся пріѣхать заблаговременно къ моему священнослуженію". Палатину постарались внушить, что присутствіе его на освященіи схизматической церкви нарушитъ церковные и гражданскіе ихъ законы. Для сей ли причины, или для другой, его королевское высочество, до пріѣзда моего въ Офенъ, удалился въ Вѣну; оставилъ же мнѣ письменное полномочіе освятить церковь въ его отсутствіи. Чувствуя, какъ важно для церкви нашей и спасительно для единовѣрныхъ должно быть самоличное палатина присутствіе, я опять отправилъ къ нему эстафету слѣдующаго содержанія: „Какъ я обѣтъ вашего королевскаго высочества почитаю священнымъ, о которомъ уже и россійскій дворъ извѣстенъ, то и не смѣю освящать церкви безъ вашего самоличнаго присутствія, опасаясь, что сотворю грѣхъ и духовный, и политическій. И какъ я нахожусь здѣсь единственно для священнослуженія, то и готовъ дожидаться, покуда вы окончите ваши важныя дѣла въ Вѣнѣ и возвратитесь въ Венгрію". По истеченіи нѣкотораго времени его высочество возвратился и назначилъ послѣднее число августа для освященія церкви.

Въ вечеру торжественнаго дня Александра Невскаго совершалось всенощное бдѣніе, а на другой день благочестивый палатинъ Іосифъ присутствовалъ на освященіи церкви, св. литургіи, и на благодарномъ молебнѣ. Во все продолженіе священнослуженія, онъ изъявлялъ отмѣнное благоговѣніе и вниманіе, которыя послужили нашимъ единовѣрнымъ великимъ утѣшеніемъ, папистамъ же его свиты—великимъ оскорбленіемъ! Такимъ образомъ этотъ благонамѣренный принцъ отверзъ своимъ присутствіемъ свободный входъ всѣмъ единовѣрнымъ и иновѣрнымъ въ нашу греко-россійскую православную церковь и далъ ей право свободнаго богослуженія. При всемъ томъ сдѣлано было покушеніе, дабы не пущать народу въ церковь. Но народъ опровергнулъ сію препону, представляя въ резонъ, что въ какой церкви присутствовалъ венгерскій палатинъ, въ ту можетъ входить всякій Венгръ. Впрочемъ, самое перенесеніе гроба совершено было не такъ, какъ россійскій

также и отъ себя письмо такого содержанія: „Предполагая, что ваше королевское высочество, изъявляя предъ цѣлымъ свѣтомъ истинную и неугасимую любовь къ вашей вселюбезнѣйшей супругѣ, нынѣ въ Бозѣ почивающей, изволили назначить день рожденія ея императорскаго высочества 29-го іюля, въ который ознаменуется важная эпоха освященіемъ греко-россійской церкви, созданной по вашему благочестію и любви, также и самоличнымъ вашего высочества присутствіемъ, всемѣрно потщуся пріѣхать заблаговременно къ моему священнослуженію". Палатину постарались внушить, что присутствіе его на освященіи схизматической церкви нарушитъ церковные и гражданскіе ихъ законы. Для сей ли причины, или для другой, его королевское высочество, до пріѣзда моего въ Офенъ, удалился въ Вѣну; оставилъ же мнѣ письменное полномочіе освятить церковь въ его отсутствіи. Чувствуя, какъ важно для церкви нашей и спасительно для единовѣрныхъ должно быть самоличное палатина присутствіе, я опять отправилъ къ нему эстафету слѣдующаго содержанія: „Какъ я обѣтъ вашего королевскаго высочества почитаю священнымъ, о которомъ уже и россійскій дворъ извѣстенъ, то и не смѣю освящать церкви безъ вашего самоличнаго присутствія, опасаясь, что сотворю грѣхъ и духовный, и политическій. И какъ я нахожусь здѣсь единственно для священнослуженія, то и готовъ дожидаться, покуда вы окончите ваши важныя дѣла въ Вѣнѣ и возвратитесь въ Венгрію". По истеченіи нѣкотораго времени его высочество возвратился и назначилъ послѣднее число августа для освященія церкви.

Въ вечеру торжественнаго дня Александра Невскаго совершалось всенощное бдѣніе, а на другой день благочестивый палатинъ Іосифъ присутствовалъ на освященіи церкви, св. литургіи, и на благодарномъ молебнѣ. Во все продолженіе священнослуженія, онъ изъявлялъ отмѣнное благоговѣніе и вниманіе, которыя послужили нашимъ единовѣрнымъ великимъ утѣшеніемъ, папистамъ же его свиты—великимъ оскорбленіемъ! Такимъ образомъ этотъ благонамѣренный принцъ отверзъ своимъ присутствіемъ свободный входъ всѣмъ единовѣрнымъ и иновѣрнымъ въ нашу греко-россійскую православную церковь и далъ ей право свободнаго богослуженія. При всемъ томъ сдѣлано было покушеніе, дабы не пущать народу въ церковь. Но народъ опровергнулъ сію препону, представляя въ резонъ, что въ какой церкви присутствовалъ венгерскій палатинъ, въ ту можетъ входить всякій Венгръ. Впрочемъ, самое перенесеніе гроба совершено было не такъ, какъ россійскій

посолъ предназначилъ, со всѣми почестьми, но въ сопровожденіи только немногихъ придворныхъ нижнихъ служителей и малаго отряда солдатъ, на разсвѣтѣ дня, перевезенъ оный былъ самимъ оберъ-гофмейстеромъ! При этомъ оберъ-гофмейстеръ и его миссіонеры разгласили, что я былъ причиною такого перемѣщенія гроба, чѣмъ публика весьма была оскорблена.

По соображенію всѣхъ послѣдовавшихъ обстоятельствъ, я не долженъ былъ сомнѣваться, что римско-католическіе миссіонеры и въ отдаленныхъ частяхъ свѣта разгласили присоединеніе къ папской церкви покойной великой княгини. Это въ бытность мою въ Яссахъ утвердилъ Молдавскій митрополитъ, который, заклиная меня живымъ Богомъ и проливая слезы, просилъ сказать ему истину о слухѣ присоединенія, о которомъ ему говорили съ величайшимъ прискорбіемъ нѣкоторые Молдаване и Греки, прибавивъ къ сему, что ежели россійская принцесса содѣлалась таковою жертвою, то весьма потрясется греческая церковь, и всѣ къ ней приверженные христіане сильно постраждутъ,—ибо нѣтъ имъ другой защиты и другаго спасенія, кромѣ православной Россіи. Я также живымъ Богомъ удостовѣрилъ сѣтующаго старца, что это есть совершенная папская клевета. Этотъ зловредный вымыселъ клонился ко угнетенію единовѣрныхъ намъ Сербовъ, о присоединеніи которыхъ къ папской церкви неусыпное имѣетъ попеченіе австрійская политика, для чего и поставила она въ Венгріи двухъ уніатскихъ архіепископовъ съ ежегодною выдачею весьма знатной суммы. Я имѣлъ несчастіе видѣть сихъ волковъ, облеченныхъ въ агничую кожу и похищающихъ православное Христово стадо не словесы Евангельскими, но мамоною и разно бразными ухищреніями. Ложное миссіонеровъ разглашеніе имѣло цѣлію привесть Сербамъ въ доказательство, что когда великая княгиня Всероссійская, признавъ свое заблужденіе, присоединилась къ католической римской церкви, то подобаетъ и имъ, яко заблудшимъ, послѣдовать ея убѣдительному примѣру. Какъ таковыя доказательства нужны были папизму на пагубу нашихъ единовѣрныхъ, то необходимо было обличить ихъ ложь въ публикѣ, что одинъ кожь казалось невозможнымъ; но вѣрная дочь православной греко россійской церкви, благочестивѣйшая Александра, возмогла и по смерти своей пособствовать гонимымъ и спасти отъ пагубы единовѣрныхъ. Ея святая душа вложила въ меня мысль, дабы ея гробъ и тѣло представить въ нашей церкви въ художественномъ изображеніи. Это священное дѣло я потщился совершить наилучшимъ образомъ. Изображеніе ея высочества при-

посолъ предназначилъ, со всѣми почестьми, но въ сопровожденіи только немногихъ придворныхъ нижнихъ служителей и малаго отряда солдатъ, на разсвѣтѣ дня, перевезенъ оный былъ самимъ оберъ-гофмейстеромъ! При этомъ оберъ-гофмейстеръ и его миссіонеры разгласили, что я былъ причиною такого перемѣщенія гроба, чѣмъ публика весьма была оскорблена.

По соображенію всѣхъ послѣдовавшихъ обстоятельствъ, я не долженъ былъ сомнѣваться, что римско-католическіе миссіонеры и въ отдаленныхъ частяхъ свѣта разгласили присоединеніе къ папской церкви покойной великой княгини. Это въ бытность мою въ Яссахъ утвердилъ Молдавскій митрополитъ, который, заклиная меня живымъ Богомъ и проливая слезы, просилъ сказать ему истину о слухѣ присоединенія, о которомъ ему говорили съ величайшимъ прискорбіемъ нѣкоторые Молдаване и Греки, прибавивъ къ сему, что ежели россійская принцесса содѣлалась таковою жертвою, то весьма потрясется греческая церковь, и всѣ къ ней приверженные христіане сильно постраждутъ,—ибо нѣтъ имъ другой защиты и другаго спасенія, кромѣ православной Россіи. Я также живымъ Богомъ удостовѣрилъ сѣтующаго старца, что это есть совершенная папская клевета. Этотъ зловредный вымыселъ клонился ко угнетенію единовѣрныхъ намъ Сербовъ, о присоединеніи которыхъ къ папской церкви неусыпное имѣетъ попеченіе австрійская политика, для чего и поставила она въ Венгріи двухъ уніатскихъ архіепископовъ съ ежегодною выдачею весьма знатной суммы. Я имѣлъ несчастіе видѣть сихъ волковъ, облеченныхъ въ агничую кожу и похищающихъ православное Христово стадо не словесы Евангельскими, но мамоною и разно бразными ухищреніями. Ложное миссіонеровъ разглашеніе имѣло цѣлію привесть Сербамъ въ доказательство, что когда великая княгиня Всероссійская, признавъ свое заблужденіе, присоединилась къ католической римской церкви, то подобаетъ и имъ, яко заблудшимъ, послѣдовать ея убѣдительному примѣру. Какъ таковыя доказательства нужны были папизму на пагубу нашихъ единовѣрныхъ, то необходимо было обличить ихъ ложь въ публикѣ, что одинъ кожъ казалось невозможнымъ; но вѣрная дочь православной греко россійской церкви, благочестивѣйшая Александра, возмогла и по смерти своей пособствовать гонимымъ и спасти отъ пагубы единовѣрныхъ. Ея святая душа вложила въ меня мысль, дабы ея гробъ и тѣло представить въ нашей церкви въ художественномъ изображеніи. Это священное дѣло я потщился совершить наилучшимъ образомъ. Изображеніе ея высочества при-

нято было отъ всѣхъ съ величайшимъ удовольствіемъ, благочестиваго ради воспоминанія ея особы, ея благотвореній и рѣдкихъ ея добродѣтелей. Начавъ отъ императорскаго Вѣнскаго двора и венгерскаго палатина, какъ австрійскимъ и венгерскимъ министрамъ, архіепископамъ и епископамъ, вельможамъ и благороднымъ, такъ и всякаго исповѣданія достойнымъ людямъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ было мною роздано. Внизу изображенія ея высочества представленъ православный, близъ Офена, храмъ (который украсилъ я насажденіемъ оливъ, лавровъ и миртовъ), съ надписью, что его королевское высочество венгерскій палатинъ Іосифъ своимъ самоличнымъ присутствіемъ въ ономъ отверзъ входъ всѣмъ безъизъятно и далъ право свободнаго богослуженія: потому никого уже не будутъ изгонять оттуда палками.

Потомъ, какъ я простился въ послѣдній разъ съ гробомъ великой княгини, отъ котораго духъ мой никогда не можетъ удалиться, я направилъ путь свой въ Тріестъ, оттуда въ Рагузу, Каттаро, у подошвы Черной горы, Корфу и въ нѣкоторые другіе греческіе острова, а напослѣдокъ въ Константинополь; во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ особамъ, подносилъ я изображеніе великой княгини Александры, а между прочимъ четыремъ вселенскимъ патріархамъ. Какъ сіи святители, такъ и всѣ православные чада православной церкви, угнетенныя суевѣріемъ папскимъ и магометанскимъ, твердую полагаютъ надежду, что благочестивѣйшій Всероссійскій императоръ Александръ I избавитъ ихъ отъ тяжкаго ига. Преданности ихъ описать невозможно, а надобно видѣть. Симъ душевнымъ удовольствіемъ наслаждался я во всѣхъ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ, въ продолженіе моего путешествія, совершалъ я священнослуженіе. Такъ я съ Божіею помощію поспѣшился исполнить долгъ предъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Такъ благочестивое изображеніе великой княгини Александры, мною дарованное, посрамило вѣроломное и лживое папское суевѣріе!

нято было отъ всѣхъ съ величайшимъ удовольствіемъ, благочестиваго ради воспоминанія ея особы, ея благотвореній и рѣдкихъ ея добродѣтелей. Начавъ отъ императорскаго Вѣнскаго двора и венгерскаго палатина, какъ австрійскимъ и венгерскимъ министрамъ, архіепископамъ и епископамъ, вельможамъ и благороднымъ, такъ и всякаго исповѣданія достойнымъ людямъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ было мною роздано. Внизу изображенія ея высочества представленъ православный, близъ Офена, храмъ (который украсилъ я насажденіемъ оливъ, лавровъ и миртовъ), съ надписью, что его королевское высочество венгерскій палатинъ Іосифъ своимъ самоличнымъ присутствіемъ въ ономъ отверзъ входъ всѣмъ безъизъятно и далъ право свободнаго богослуженія: потому никого уже не будутъ изгонять оттуда палками.

Потомъ, какъ я простился въ послѣдній разъ съ гробомъ великой княгини, отъ котораго духъ мой никогда не можетъ удалиться, я направилъ путь свой въ Тріестъ, оттуда въ Рагузу, Каттаро, у подошвы Черной горы, Корфу и въ нѣкоторые другіе греческіе острова, а напослѣдокъ въ Константинополь; во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ особамъ, подносилъ я изображеніе великой княгини Александры, а между прочимъ четыремъ вселенскимъ патріархамъ. Какъ сіи святители, такъ и всѣ православные чада православной церкви, угнетенныя суевѣріемъ папскимъ и магометанскимъ, твердую полагаютъ надежду, что благочестивѣйшій Всероссійскій императоръ Александръ I избавитъ ихъ отъ тяжкаго ига. Преданности ихъ описать невозможно, а надобно видѣть. Симъ душевнымъ удовольствіемъ наслаждался я во всѣхъ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ, въ продолженіе моего путешествія, совершалъ я священнослуженіе. Такъ я съ Божіею помощію поспѣшился исполнить долгъ предъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Такъ благочестивое изображеніе великой княгини Александры, мною дарованное, посрамило вѣроломное и лживое папское суевѣріе!

ЗАПИСКИ И. И. МАРТЫНОВА *).

I.

Автобіографія.

Уже минуло мнѣ отъ роду 50 лѣтъ. Благодарю Тебя, Всевышній, за сохраненіе дарованной Тобою жизни моей, въ продолженіе толпкаго времени. Благода[illegible]ю, Всемогущій, за силы душевныя и тѣлесныя, содѣлавшія меня способнымъ къ прохожденію разныхъ должностей и не лишившія меня счастія быть не вовсе безполезнымъ въ семъ мірѣ. Благодарю, Премилосердый, за щедроты, невидимою десницею Твоею на меня пзліянныя, за самыя бѣдствія, премудростію Твоею мнѣ въ наставленіе служившія.

Но промыслу Твоему, можетъ быть, угодно будетъ вскорѣ и меня воззвать съ лица земли, да предстану предъ судъ Твой праведный; а я готовъ ли дать Тебѣ отчетъ въ дѣлахъ своихъ?

И такъ, молю Тебя, обнови въ памяти моей дѣла мои съ самаго рожденія моего, да за добрыя прославлю имя Твое святое, а въ худыхъ принесу предъ лицемъ Твоимъ и людей Твоихъ раскаяніе.

Я родился въ 1771 году, въ Полтавской губерніи, въ м. Переволочнѣ. Отецъ мой былъ священникъ Николаевской церкви,—котораго лишась въ малолѣтствѣ, вовсе не помню. Мать моя, кажется, на пятомъ году отъ роду моего, отдала меня учиться русской грамотѣ къ писарю коменданта тамошней крѣпости, у котораго научился я порядочно читать и писать, пройдя букварь, часословъ и псалтырь. Не имѣя никакихъ средствъ къ дальнѣйшему ученію.

---

*) Печатаются съ рукописи, обязательно доставленной внукою И. И. Мартынова. Нѣсколько отрывковъ напечатано въ сочиненіи г. Колбасина: «Литературные дѣятели прежняго времени.» Спб., 1859. Подстрочныя примѣчанія принадлежатъ самому автору.

ЗАПИСКИ И. И. МАРТЫНОВА *).

I.

Автобіографія.

Уже минуло мнѣ отъ роду 50 лѣтъ. Благодарю Тебя, Всевышній, за сохраненіе дарованной Тобою жизни моей, въ продолженіе толпкаго времени. Благода[illegible]ю, Всемогущій, за силы душевныя и тѣлесныя, содѣлавшія меня способнымъ къ прохожденію разныхъ должностей и не лишившія меня счастія быть не вовсе безполезнымъ въ семъ мірѣ. Благодарю, Премилосердый, за щедроты, невидимою десницею Твоею на меня пзліянныя, за самыя бѣдствія, премудростію Твоею мнѣ въ наставленіе служившія.

Но промыслу Твоему, можетъ быть, угодно будетъ вскорѣ и меня воззвать съ лица земли, да предстану предъ судъ Твой праведный; а я готовъ ли дать Тебѣ отчетъ въ дѣлахъ своихъ?

И такъ, молю Тебя, обнови въ памяти моей дѣла мои съ самаго рожденія моего, да за добрыя прославлю имя Твое святое, а въ худыхъ принесу предъ лицемъ Твоимъ и людей Твоихъ раскаяніе.

Я родился въ 1771 году, въ Полтавской губерніи, въ м. Переволочнѣ. Отецъ мой былъ священникъ Николаевской церкви,—котораго лишась въ малолѣтствѣ, вовсе не помню. Мать моя, кажется, на пятомъ году отъ роду моего, отдала меня учиться русской грамотѣ къ писарю коменданта тамошней крѣпости, у котораго научился я порядочно читать и писать, пройдя букварь, часословъ и псалтырь. Не имѣя никакихъ средствъ къ дальнѣйшему ученію.

---

*) Печатаются съ рукописи, обязательно доставленной внукою И. И. Мартынова. Нѣсколько отрывковъ напечатано въ сочиненіи г. Колбасина: «Литературные дѣятели прежняго времени.» Спб., 1859. Подстрочныя примѣчанія принадлежатъ самому автору.

я оставался дома, до прибытія въ Переволочну епархіальнаго архіепископа Никифора. Въ это время мать моя подала ему просьбу и онъ велѣлъ привезти меня, съ старшимъ братомъ, въ Полтавскую семинарію. И такъ, на девятомъ году отъ моего рожденія, отвезли меня въ Полтавскую семинарію, незадолго передъ тѣмъ учрежденную знаменитѣйшимъ ученостію архіепископомъ Евгеніемъ Булгаромъ, который тогда былъ уже, по желанію его, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ по управленію епархіею. Пріѣхавъ въ Полтаву, мы явились къ ректору соборному протоіерею Іоакиму Яновскому, который черезъ день объявилъ намъ рѣшеніе преосвященнаго, что мы приняты на казенное содержаніе въ такъ называемую *бурсу*, при семинаріи учрежденную для бѣдныхъ сиротъ.

Обезпеченный въ содержаніи, я обучался охотно всѣмъ предметамъ, которые въ то время были преподаваемы въ семъ училищѣ. Проходя ординарные классы отъ фары до богословія, по обыкновенному тогда въ семинаріяхъ порядку, сверхъ главныхъ предметовъ ученія, коими почитаются латинская и россійская грамматика, поэзія, риторика, философія и богословія, я научился тутъ греческому, нѣсколько нѣмецкому языку и ариѳметикѣ; другимъ наукамъ и языкамъ въ сей семинаріи тогда не обучали. Учители мои были всѣ почти люди достойные мѣстъ, которыя они занимали. Наименую, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, іеромонаха Гавріила, который въ семъ санѣ обучалъ философіи и греческому языку, а потомъ, въ санѣ архимандрита и званіи ректора, обучалъ одному греческому языку. Сей почтеннѣйшій учитель мой возведенъ послѣ на первую степень іерарха, и былъ экзархомъ—митрополитомъ Кишеневскимъ и Хотинскимъ. Проходя ученіе, я неоднократно въ публичныхъ собраніяхъ, изъ рукъ преосвященнаго Никифора, получалъ за успѣхи, прилежаніе и благонравіе, награды; а особливо незабвененъ для меня тотъ день, въ который я, въ присутствіи молдавскаго господаря Маврокордато и знаменитой публики, получилъ отъ преосвященнаго нѣсколько серебреныхъ рублевиковъ и двѣ книги: *Новый Завѣтъ, на греческомъ и латинскомъ языкахъ*, за успѣхи въ греческомъ языкѣ, и *Баумейстерову физику, на русскомъ языкѣ*, за успѣхи въ философіи. Какое тогда было торжество для меня и нѣжно любившаго меня брата, впрочемъ, отставшаго отъ меня, къ сожалѣнію, въ наукахъ, но радовавшагося моимъ успѣхамъ отъ всего сердца! Съ какимъ, бывало, удовольствіемъ везу подарки сіи, во время вакацій, къ моей матери и бабушкѣ! Изъ наградъ сихъ, *Физика* и теперь хранится

я оставался дома, до прибытія въ Переволочну епархіальнаго архіепископа Никифора. Въ это время мать моя подала ему просьбу и онъ велѣлъ привезти меня, съ старшимъ братомъ, въ Полтавскую семинарію. И такъ, на девятомъ году отъ моего рожденія, отвезли меня въ Полтавскую семинарію, незадолго передъ тѣмъ учрежденную знаменитѣйшимъ ученостію архіепископомъ Евгеніемъ Булгаромъ, который тогда былъ уже, по желанію его, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ по управленію епархіею. Пріѣхавъ въ Полтаву, мы явились къ ректору соборному протоіерею Іоакиму Яновскому, который черезъ день объявилъ намъ рѣшеніе преосвященнаго, что мы приняты на казенное содержаніе въ такъ называемую *бурсу*, при семинаріи учрежденную для бѣдныхъ сиротъ.

Обезпеченный въ содержаніи, я обучался охотно всѣмъ предметамъ, которые въ то время были преподаваемы въ семъ училищѣ. Проходя ординарные классы отъ фары до богословія, по обыкновенному тогда въ семинаріяхъ порядку, сверхъ главныхъ предметовъ ученія, коими почитаются латинская и россійская грамматика, поэзія, риторика, философія и богословія, я научился тутъ греческому, нѣсколько нѣмецкому языку и ариѳметикѣ; другимъ наукамъ и языкамъ въ сей семинаріи тогда не обучали. Учители мои были всѣ почти люди достойные мѣстъ, которыя они занимали. Наименую, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, іеромонаха Гавріила, который въ семъ санѣ обучалъ философіи и греческому языку, а потомъ, въ санѣ архимандрита и званіи ректора, обучалъ одному греческому языку. Сей почтеннѣйшій учитель мой возведенъ послѣ на первую степень іерарха, и былъ экзархомъ—митрополитомъ Кишеневскимъ и Хотинскимъ. Проходя ученіе, я неоднократно въ публичныхъ собраніяхъ, изъ рукъ преосвященнаго Никифора, получалъ за успѣхи, прилежаніе и благонравіе, награды; а особливо незабвененъ для меня тотъ день, въ который я, въ присутствіи молдавскаго господаря Маврокордато и знаменитой публики, получилъ отъ преосвященнаго нѣсколько серебреныхъ рублевиковъ и двѣ книги: *Новый Завѣтъ, на греческомъ и латинскомъ языкахъ*, за успѣхи въ греческомъ языкѣ, и *Баумейстерову физику, на русскомъ языкѣ*, за успѣхи въ философіи. Какое тогда было торжество для меня и нѣжно любившаго меня брата, впрочемъ, отставшаго отъ меня, къ сожалѣнію, въ наукахъ, но радовавшагося моимъ успѣхамъ отъ всего сердца! Съ какимъ, бывало, удовольствіемъ везу подарки сіи, во время вакацій, къ моей матери и бабушкѣ! Изъ наградъ сихъ, *Физика* и теперь хранится

въ моей библіотекѣ, не пишнымъ переплетомъ, но воспоминаніемъ золотой юности, драгоцѣнная. *Новый Завѣтъ* выпросилъ у меня братъ для себя, при моемъ отъѣздѣ въ Петербургъ.

Между тѣмъ, какъ я обучался самъ, еще будучи въ риторическомъ классѣ, благодаря Бога, могъ уже обучать другихъ русской и латинской грамматикѣ, а потомъ поэзіи и риторикѣ. Состоя на казенномъ содержаніи и живучи вмѣстѣ со многими другими сиротами низшихъ классовъ, я преважно обучалъ ихъ всему, что самъ зналъ, безъ всякой платы. Потомъ, *вышелъ на кондицію* т. е. на квартиру, нанимаемую изъ платы, получаемой съ учениковъ моихъ, которые, или жили вмѣстѣ со мною, или приходили ко мнѣ съ другихъ квартиръ. Изъ таковыхъ учениковъ моихъ, извѣстнѣйшими послѣ сдѣлались: 1) *Исидоръ Моисеевъ*, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, для усовершенствованія себя въ врачебныхъ наукахъ, перевелъ съ латинскаго на русскій языкъ Пленковы *Начальныя основанія ботаническаго словоизъясненія и врачной системы растеній*, которыя, за моею поправкою и переводомъ техническихъ терминовъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, по одобренію Медицинской коллегіи, напечатаны въ 1798 году. Этотъ молодой человѣкъ, по окончаніи курса медицинскаго, посланъ былъ врачемъ въ армію, во время итальянскаго похода, писалъ ко мнѣ изъ чужихъ краевъ и присылалъ своеручныя письма Пленка, на латинскомъ языкѣ писанныя, въ которыхъ сей ученый отдавалъ всю справедливость его дарованіямъ и свѣдѣніямъ; но съ тѣхъ поръ я не могъ получить объ немъ ни отъ кого свѣдѣнія, куда онъ дѣвался. 2) *Гавріилъ Петровичъ Поповъ*, коллежскій совѣтникъ, докторъ медицины, при Московскомъ отдѣленіи Медико-хирургической академіи, ординарный профессоръ повивальнаго искусства, судебной медицины и медицины полиціи, Московскій городовой акушеръ и членъ Общества врачебныхъ и физическихъ наукъ, учрежденнаго при Московскомъ университетѣ и 3) *Семенъ Федоровичъ Гаевскій*, докторъ, лейбъ-медикъ, статскій совѣтникъ и ученый секретарь медицинскаго совѣта, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Не спорно, что не моими наставленіями достигли они столь почтенныхъ мѣстъ и званій, но мнѣ пріятно вспоминать, что я положилъ краеугольной камень ихъ ученію.

Содержа себя кондиціею, я кончилъ курсъ философіи т. е. логики, метафизики, физики и нравоученія и переведенъ въ классъ богословскій. Въ это время епархіею, въ которой состояла Полтавская семинарія, управлялъ, уже знаменитый, архіепископъ *Амвро-*

въ моей библіотекѣ, не пишнымъ переплетомъ, но воспоминаніемъ золотой юности, драгоцѣнная. *Новый Завѣтъ* выпросилъ у меня братъ для себя, при моемъ отъѣздѣ въ Петербургъ.

Между тѣмъ, какъ я обучался самъ, еще будучи въ риторическомъ классѣ, благодаря Бога, могъ уже обучать другихъ русской и латинской грамматикѣ, а потомъ поэзіи и риторикѣ. Состоя на казенномъ содержаніи и живучи вмѣстѣ со многими другими сиротами низшихъ классовъ, я преважно обучалъ ихъ всему, что самъ зналъ, безъ всякой платы. Потомъ, *вышелъ на кондицію* т. е. на квартиру, нанимаемую изъ платы, получаемой съ учениковъ моихъ, которые, или жили вмѣстѣ со мною, или приходили ко мнѣ съ другихъ квартиръ. Изъ таковыхъ учениковъ моихъ, извѣстнѣйшими послѣ сдѣлались: 1) *Исидоръ Моисеевъ*, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, для усовершенствованія себя въ врачебныхъ наукахъ, перевелъ съ латинскаго на русскій языкъ Пленковы *Начальныя основанія ботаническаго словоизъясненія и врачной системы растеній*, которыя, за моею поправкою и переводомъ техническихъ терминовъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, по одобренію Медицинской коллегіи, напечатаны въ 1798 году. Этотъ молодой человѣкъ, по окончаніи курса медицинскаго, посланъ былъ врачемъ въ армію, во время итальянскаго похода, писалъ ко мнѣ изъ чужихъ краевъ и присылалъ своеручныя письма Пленка, на латинскомъ языкѣ писанныя, въ которыхъ сей ученый отдавалъ всю справедливость его дарованіямъ и свѣдѣніямъ; но съ тѣхъ поръ я не могъ получить объ немъ ни отъ кого свѣдѣнія, куда онъ дѣвался. 2) *Гавріилъ Петровичъ Поповъ*, коллежскій совѣтникъ, докторъ медицины, при Московскомъ отдѣленіи Медико-хирургической академіи, ординарный профессоръ повивальнаго искусства, судебной медицины и медицины полиціи, Московскій городовой акушеръ и членъ Общества врачебныхъ и физическихъ наукъ, учрежденнаго при Московскомъ университетѣ и 3) *Семенъ Федоровичъ Гаевскій*, докторъ, лейбъ-медикъ, статскій совѣтникъ и ученый секретарь медицинскаго совѣта, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Не спорно, что не моими наставленіями достигли они столь почтенныхъ мѣстъ и званій, но мнѣ пріятно вспоминать, что я положилъ краеугольной камень ихъ ученію.

Содержа себя кондиціею, я кончилъ курсъ философіи т. е. логики, метафизики, физики и нравоученія и переведенъ въ классъ богословскій. Въ это время епархіею, въ которой состояла Полтавская семинарія, управлялъ, уже знаменитый, архіепископъ *Амвро-*

сій, подъ именемъ Екатеринославскаго и Херсониса-Таврическаго. Архипастырю сему сдѣлался я лично извѣстнымъ, по случаю посвященія ему, въ день его тезоименитства, сочиненной мною оды. Стихи мои, какъ я самъ впослѣдствіи времени чувствовалъ, были плохи, но преосвященный, по свойству великихъ душъ, принялъ ихъ благосклонно, пожаловалъ мнѣ 25 рублей, что тогда составляло большую сумму, по моему состоянію и Риторику на русскомъ языкѣ, имъ сочиненную, въ бытность его въ Москвѣ, примолвивъ: „Вотъ и я въ свое время занимался сочиненіями. Продолжай. Богъ благословитъ твои труды“. Ободренный таковымъ снисхожденіемъ, я не щадилъ силъ, чтобъ успѣхами своими обратить на себя еще большее вниманіе архипастыря. Вскорѣ представился къ тому случай. Ректоръ семинаріи архимандритъ Гавріилъ, по болѣзненнымъ припадкамъ, отказался отъ преподаванія греческаго языка и на мѣсто свое представилъ меня. Преосвященный призвалъ меня къ себѣ, объявилъ о томъ, и, благословя, велѣлъ вступить въ должность, не оставляя продолжать и слушаніе богословія. — „Я радъ, сказалъ онъ, что такой ученый мужъ нашелъ тебя достойнымъ замѣнить его“. Это случилось въ началѣ 1788 года. Но въ семъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ опять присылаетъ за мною, сказываетъ, что онъ получилъ высочайшее повелѣніе отправить въ Петербургскую Александро-Невскую семинарію трехъ, или четырехъ студентовъ, для образованія въ учители и спрашиваетъ меня, желаю ли я туда ѣхать. Вопросъ сей произвелъ во мнѣ такое восхищеніе, что не только слова мои, но и вся наружность моя показывала желаніе мое ѣхать въ столицу. Преосвященный, замѣтивъ это, сказалъ съ улыбкою: „Очень хорошо; но ты мнѣ здѣсь нуженъ: ты занимаешь греческій классъ“. Неожиданное сіе возраженіе послѣ столь лестнаго предложенія исторгло у меня слезы; я плакалъ и просилъ не лишить меня сего счастія. Убѣдясь моею усильною просьбою, преосвященный согласился послать меня и спросилъ, кого бы я считалъ еще достойнымъ такого назначенія. „Товарищи,—сказалъ онъ—лучше могутъ знать другъ друга, какъ по дарованіямъ, такъ и по поведенію“. Я осмѣлился наименовать тропхъ: Стефановскаго, Котляревскаго *) и Иліичевскаго. Преосвященный велѣлъ мнѣ придти съ ними на другой день. Я, съ Стефановскимъ и Иліичевскимъ, явился въ на-

*) Иванъ Петровичъ Котляревскій послѣ сдѣлался извѣстнымъ „Энеидою,“ переиначенною на малороссійское нарѣчіе. О другихъ товарищахъ своихъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

сій, подъ именемъ Екатеринославскаго и Херсониса-Таврическаго. Архипастырю сему сдѣлался я лично извѣстнымъ, по случаю посвященія ему, въ день его тезоименитства, сочиненной мною оды. Стихи мои, какъ я самъ впослѣдствіи времени чувствовалъ, были плохи, но преосвященный, по свойству великихъ душъ, принялъ ихъ благосклонно, пожаловалъ мнѣ 25 рублей, что тогда составляло большую сумму, по моему состоянію и Риторику на русскомъ языкѣ, имъ сочиненную, въ бытность его въ Москвѣ, примолвивъ: „Вотъ и я въ свое время занимался сочиненіями. Продолжай. Богъ благословитъ твои труды". Ободренный таковымъ снисхожденіемъ, я не щадилъ силъ, чтобъ успѣхами своими обратить на себя еще большее вниманіе архипастыря. Вскорѣ представился къ тому случай. Ректоръ семинаріи архимандритъ Гавріилъ, по болѣзненнымъ припадкамъ, отказался отъ преподаванія греческаго языка и на мѣсто свое представилъ меня. Преосвященный призвалъ меня къ себѣ, объявилъ о томъ, и, благословя, велѣлъ вступить въ должность, не оставляя продолжать и слушаніе богословія. — „Я радъ, сказалъ онъ, что такой ученый мужъ нашелъ тебя достойнымъ замѣнить его". Это случилось въ началѣ 1788 года. Но въ семъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ опять присылаетъ за мною, сказываетъ, что онъ получилъ высочайшее повелѣніе отправить въ Петербургскую Александро-Невскую семинарію трехъ, или четырехъ студентовъ, для образованія въ учители и спрашиваетъ меня, желаю ли я туда ѣхать. Вопросъ сей произвелъ во мнѣ такое восхищеніе, что не только слова мои, но и вся наружность моя показывала желаніе мое ѣхать въ столицу. Преосвященный, замѣтивъ это, сказалъ съ улыбкою: „Очень хорошо; но ты мнѣ здѣсь нуженъ: ты занимаешь греческій классъ". Неожиданное сіе возраженіе послѣ столь лестнаго предложенія исторгло у меня слезы; я плакалъ и просилъ не лишить меня сего счастія. Убѣдясь моею усильною просьбою, преосвященный согласился послать меня и спросилъ, кого бы я считалъ еще достойнымъ такого назначенія. „Товарищи,—сказалъ онъ—лучше могутъ знать другъ друга, какъ по дарованіямъ, такъ и по поведенію". Я осмѣлился наименовать троихъ: Стефановскаго, Котляревскаго *) и Илличевскаго. Преосвященный велѣлъ мнѣ придти съ ними на другой день. Я, съ Стефановскимъ и Илличевскимъ, явился въ на-

*) Иванъ Петровичъ Котляревскій послѣ сдѣлался извѣстнымъ „Энеидою," перелицованною на малороссійское нарѣчіе. О другихъ товарищахъ своихъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

значенное время; а Котляревскаго отыскать не могли, потому что его, на тотъ разъ, въ городѣ не было.

„Чтожъ вы не всѣ? спросилъ меня архипастырь. Я сказалъ причину и онъ, распрося, кто знаетъ какіе языки, кромѣ латинскаго, велѣлъ намъ собраться въ дорогу черезъ два дня и когда будемъ готовы, прямо пріѣхать въ монастырь, оттуда же и будемъ отправлены.

— „Не берите съ собою—сказалъ онъ—ничего лишняго; тамъ для васъ будетъ все готово. Между тѣмъ, я велю префекту выдать вамъ денегъ".

Получивъ деньги и искупивши нужное на дорогу, мы наняли извощиковъ, простились съ учителями, съ префектомъ, съ пріятелями, товарищами, а я и съ братомъ, который передъ тѣмъ лишь женился, — пріѣхали въ монастырь ввечеру, на третій день, по объявленіи намъ приказанія. Вскорѣ позвалъ насъ преосвященный къ себѣ. Первое слово его было:

—„ Со всѣми ли вы простились"? Мы отвѣчаемъ, что простились.

— „Были у ректора"?

Мы остолбенѣли. — „Нѣтъ, говоритъ одинъ изъ насъ.

— „Какъ! У перваго своего начальника не были"?

— „Мы не смѣли его безпокоить, отвѣчаетъ другой изъ насъ потому что онъ очень болѣнъ". — А я не смѣлъ сказать ни слова,' потому что находилъ насъ кругомъ виноватыми.

— „Тѣмъ болѣе обязаны вы были проститься съ нимъ, для того, что, можетъ быть, въ послѣдній разъ его видите".

Мы бросились въ ноги архипастырю, просить прощенія.

— „Нѣтъ! это поступокъ не простительный, съ гнѣвомъ сказалъ онъ.—Сейчасъ поѣзжайте въ моей каретѣ къ нему, велите доложить ему, что я васъ послалъ, признайтесь ему въ своемъ поступкѣ противъ него, просите у него прощенія и привезите мнѣ письменное удостовѣреніе, что онъ простилъ васъ; если же онъ не проститъ, то не надѣйтесь и на мое прощеніе".

Каково было наше положеніе, всякій можетъ себѣ представить, у кого не притупилось чувство стыда, благодарности, подчиненности и благоговѣнія къ начальническому мнѣнію. Не болѣзнь ректора была причиною тому, что мы не ходили къ нему проститься, но свойственная молодымъ людямъ расчетливость, уважать только тѣхъ, кто больше имѣетъ на нихъ вліянія и терять изъ виду тѣхъ, которые онаго не имѣютъ. Ректоръ вовсе не мѣшался въ

значенное время; а Котляревскаго отыскать не могли, потому что его, на тотъ разъ, въ городѣ не было.

„Чтожъ вы не всѣ? спросилъ меня архипастырь. Я сказалъ причину и онъ, распрося, кто знаетъ какіе языки, кромѣ латинскаго, велѣлъ намъ собраться въ дорогу черезъ два дня и когда будемъ готовы, прямо пріѣхать въ монастырь, оттуда же и будемъ отправлены.

— „Не берите съ собою—сказалъ онъ—ничего лишняго; тамъ для васъ будетъ все готово. Между тѣмъ, я велю префекту выдать вамъ денегъ".

Получивъ деньги и искупивши нужное на дорогу, мы наняли извощиковъ, простились съ учителями, съ префектомъ, съ пріятелями, товарищами, а я и съ братомъ, который передъ тѣмъ лишь женился, — пріѣхали въ монастырь ввечеру, на третій день, по объявленіи намъ приказанія. Вскорѣ позвалъ насъ преосвященный къ себѣ. Первое слово его было:

—„ Со всѣми ли вы простились"? Мы отвѣчаемъ, что простились.

— „Были у ректора"?

Мы остолбенѣли. — „Нѣтъ, говоритъ одинъ изъ насъ.

— „Какъ! У перваго своего начальника не были"?

— „Мы не смѣли его безпокоить, отвѣчаетъ другой изъ насъ потому что онъ очень болѣнъ". — А я не смѣлъ сказать ни слова,' потому что находилъ насъ кругомъ виноватыми.

— „Тѣмъ болѣе обязаны вы были проститься съ нимъ, для того, что, можетъ быть, въ послѣдній разъ его видите".

Мы бросились въ ноги архипастырю, просить прощенія.

— „Нѣтъ! это поступокъ не простительный, съ гнѣвомъ сказалъ онъ.—Сейчасъ поѣзжайте въ моей каретѣ къ нему, велите доложить ему, что я васъ послалъ, признайтесь ему въ своемъ поступкѣ противъ него, просите у него прощенія и привезите мнѣ письменное удостовѣреніе, что онъ простилъ васъ; если же онъ не проститъ, то не надѣйтесь и на мое прощеніе".

Каково было наше положеніе, всякій можетъ себѣ представить, у кого не притупилось чувство стыда, благодарности, подчиненности и благоговѣнія къ начальническому мнѣнію. Не болѣзнь ректора была причиною тому, что мы не ходили къ нему проститься, но свойственная молодымъ людямъ расчетливость, уважать только тѣхъ, кто больше имѣетъ на нихъ вліянія и терять изъ виду тѣхъ, которые онаго не имѣютъ. Ректоръ вовсе не мѣшался въ

дѣла семинарскія; это настоящая причина нашей постыдной вины, которой, можетъ быть, мы и не подвергли бы себя, если бы имѣли болѣе времени для своихъ сборовъ. Мы уже отчаявались быть посланными въ Петербургъ, зная крутой нравъ ректора и гнусность нашего поступка.

Но дѣлать было нечего. Мы пустились къ ректору въ городъ, упрекая дорогою одинъ другаго, что никому это въ голову не пришло. Явившись къ ректору, мы исполнили все, что намъ было приказано. — „Богъ васъ проститъ, сказалъ онъ, я бы васъ и не принялъ, но болѣзни своей, хотя бы вы пришли ко мнѣ“. Послѣ сего вручилъ намъ записку къ преосвященному. Какъ камень свалился съ насъ, при сихъ словахъ; надежда на прощеніе архипастыря и на отправленіе въ столицу вновь вошла въ сердца наши и мы отправились въ монастырь. Преосвященный, прочитавъ записку, сказалъ:

„Благодарите великодушіе ректора; безъ него не бывать бы вамъ въ Петербургѣ. Теперь и я прощаю“. Мы бросились къ нему въ ноги.

— „Удивляюсь, какъ вы могли забыть перваго своего начальника, продолжалъ онъ. А ты - обращаясь ко мнѣ—болѣе всѣхъ виноватъ. Онъ былъ твой учитель, онъ рекомендовалъ тебя на свое мѣсто; онъ благодѣтель твой — и ты забылъ его. Если вы благодѣтелей своихъ забываете, Богъ васъ забудетъ“.

При сихъ наставленіяхъ, я рыдалъ какъ ребенокъ; плачу всякой разъ, когда вспомню о семъ поступкѣ и нынѣ пишу о томъ со слезами. Святитель могъ бы еще присовокупить къ своему ко мнѣ обращенію, что онъ, по случаю назначенія насъ для отправленія въ столицу, удостоилъ меня особеннаго своего довѣрія, а я оказался столько недостойнымъ онаго! Но слезы мои, вѣроятно, убѣдили его отъ словъ сихъ удержаться.

Послѣ сего преосвященный вынесъ изъ-кабинета письма къ разнымъ особамъ, живущимъ въ Петербургѣ и въ городахъ, чрезъ которые мы должны проѣзжать, благословилъ насъ въ путь, сдѣлавъ намъ послѣднее наставленіе, чтобы жили честно, чтобы не всему слѣдовали въ столицѣ, гдѣ увидимъ много, и хорошихъ, и худыхъ примѣровъ, а старались бы избирать, для подражанія нравственности, образцы отличные добродѣтелями; къ чему присовокупилъ, чтобы въ мы нуждахъ своихъ прямо относились къ нему. И такъ, строгій, за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ, начальникъ, пе-

дѣла семинарскія; это настоящая причина нашей постыдной вины, которой, можетъ быть, мы и не подвергли бы себя, если бы имѣли болѣе времени для своихъ сборовъ. Мы уже отчаявались быть посланными въ Петербургъ, зная крутой нравъ ректора и гнусность нашего поступка.

Но дѣлать было нечего. Мы пустились къ ректору въ городъ, упрекая дорогою одинъ другаго, что никому это въ голову не пришло. Явившись къ ректору, мы исполнили все, что намъ было приказано. — „Богъ васъ проститъ, сказалъ онъ, я бы васъ и не принялъ, но болѣзни своей, хотя бы вы пришли ко мнѣ“. Послѣ сего вручилъ намъ записку къ преосвященному. Какъ камень свалился съ насъ, при сихъ словахъ; надежда на прощеніе архипастыря и на отправленіе въ столицу вновь вошла въ сердца наши и мы отправились въ монастырь. Преосвященный, прочитавъ записку, сказалъ:

„Благодарите великодушіе ректора; безъ него не бывать бы вамъ въ Петербургѣ. Теперь и я прощаю“. Мы бросились къ нему въ ноги.

— „Удивляюсь, какъ вы могли забыть перваго своего начальника, продолжалъ онъ. А ты - обращаясь ко мнѣ—болѣе всѣхъ виноватъ. Онъ былъ твой учитель, онъ рекомендовалъ тебя на свое мѣсто; онъ благодѣтель твой — и ты забылъ его. Если вы благодѣтелей своихъ забываете, Богъ васъ забудетъ“.

При сихъ наставленіяхъ, я рыдалъ какъ ребенокъ; плачу всякой разъ, когда вспомню о семъ поступкѣ и нынѣ пишу о томъ со слезами. Святитель могъ бы еще присовокупить къ своему ко мнѣ обращенію, что онъ, по случаю назначенія насъ для отправленія въ столицу, удостоилъ меня особеннаго своего довѣрія, а я оказался столько недостойнымъ онаго! Но слезы мои, вѣроятно, убѣдили его отъ словъ сихъ удержаться.

Послѣ сего преосвященный вынесъ изъ-кабинета письма къ разнымъ особамъ, живущимъ въ Петербургѣ и въ городахъ, чрезъ которые мы должны проѣзжать, благословилъ насъ въ путь, сдѣлавъ намъ послѣднее наставленіе, чтобы жили честно, чтобы не всему слѣдовали въ столицѣ, гдѣ увидимъ много, и хорошихъ, и худыхъ примѣровъ, а старались бы избирать, для подражанія нравственности, образцы отличные добродѣтелями; къ чему присовокупилъ, чтобы въ мы нуждахъ своихъ прямо относились къ нему. И такъ, строгій, за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ, начальникъ, пе-

ремѣнился въ отца чадолюбиваго и простился съ нами, какъ съ дѣтьми своими.

Мы пустились въ дорогу ночью, на долгихъ. Дорога была такъ дурна, что въ иныя сутки мы не могли переѣхать и 30-ти верстъ. Кое-какъ, однакожъ, добрались до Москвы. Поѣздка наша отъ Полтавы до Москвы описана мною въ сочиненіи: *Филонъ*, напечатанномъ въ *Музѣ*, которую издавалъ я въ 1796 году.

Въ Москвѣ мы пристали въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, у игумена Меѳодія, который послѣ былъ архіепископомъ Псковскимъ. Въ столицѣ сей намъ позволено было пробыть до двухъ недѣль, чтобъ могли осмотрѣть ея достопамятности и исправить нѣкоторыя порученія своего архипастыря. О семъ объявилъ намъ игуменъ, по прочтеніи письма, писаннаго къ нему нашимъ преосвященнымъ.

На другой день, первымъ долгомъ нашимъ было — отправиться съ гостинцемъ къ митрополиту Платону. Съ нетерпѣливостію ожидали мы минуты видѣть россійскаго Златоуста. Увидѣли его и съ какою жадностію ловили всѣ черты лица его, всѣ движенія, каждое слово его! Онъ уже былъ сѣдъ и сѣдина умножала саповитость наружнаго вида его. Благословя насъ и приявъ письмо, немедленно прочелъ его при насъ; потомъ, спрося о здоровьѣ преосвященнаго, къ каждому изъ насъ обратилъ по нѣскольку словъ и заключилъ пріемъ свой, пожелавъ намъ хорошихъ успѣховъ въ наукахъ и поведеніи.

Мы имѣли письмо и къ извѣстному познаніями своими, въ греческой и латинской словесности, Николаю Николаевичу Бантышъ-Каменскому. Почтенный мужъ сей принялъ насъ весьма ласково и сказалъ намъ, чтобы мы писали къ нему о своихъ занятіяхъ, особливо, когда будемъ имѣть надобность въ книгахъ, изданныхъ въ Москвѣ и въ чужихъ краяхъ, чѣмъ я не замедлилъ воспользоваться впослѣдствіи времени, выписавъ чрезъ него извѣстное сочиненіе Лонгина *О высокомъ*, изданное Полліемъ и Гедериковъ греческій Лексиконъ.“

У игумена Меѳодія познакомились мы съ роднымъ братомъ его — Гавріломъ Смирновымъ, бывшимъ тогда учителемъ философіи въ тамошней Духовной академіи, извѣстнымъ переводами своими сочиненій г-на Каракчіоли. Онъ ходилъ съ нами въ Московскій университетъ и два раза въ театръ. Не знаю, имѣли-ль мои товарищи какое удовольствіе при разыгрываніи піесъ, но я, никакого, не имѣвъ тогда ни малаго понятія о семъ родѣ искусства.

ремѣнился въ отца чадолюбиваго и простился съ нами, какъ съ дѣтьми своими.

Мы пустились въ дорогу ночью, на долгихъ. Дорога была такъ дурна, что въ иныя сутки мы не могли переѣхать и 30-ти верстъ. Кое-какъ, однакожъ, добрались до Москвы. Поѣздка наша отъ Полтавы до Москвы описана мною въ сочиненіи: *Филонъ*, напечатанномъ въ *Музѣ*, которую издавалъ я въ 1796 году.

Въ Москвѣ мы пристали въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, у игумена Меѳодія, который послѣ былъ архіепископомъ Псковскимъ. Въ столицѣ сей намъ позволено было пробыть до двухъ недѣль, чтобъ могли осмотрѣть ея достопамятности и исправить нѣкоторыя порученія своего архипастыря. О семъ объявилъ намъ игуменъ, по прочтеніи письма, писаннаго къ нему нашимъ преосвященнымъ.

На другой день, первымъ долгомъ нашимъ было — отправиться съ гостинцемъ къ митрополиту Платону. Съ нетерпѣливостію ожидали мы минуты видѣть россійскаго Златоуста. Увидѣли его и съ какою жадностію ловили всѣ черты лица его, всѣ движенія, каждое слово его! Онъ уже былъ сѣдъ и сѣдина умножала сановитость наружнаго вида его. Благословя насъ и приявъ письмо, немедленно прочелъ его при насъ; потомъ, спрося о здоровьѣ преосвященнаго, къ каждому изъ насъ обратилъ по нѣскольку словъ и заключилъ пріемъ свой, пожелавъ намъ хорошихъ успѣховъ въ наукахъ и поведеніи.

Мы имѣли письмо и къ извѣстному познаніями своими, въ греческой и латинской словесности, Николаю Николаевичу Бантышъ-Каменскому. Почтенный мужъ сей принялъ насъ весьма ласково и сказалъ намъ, чтобы мы писали къ нему о своихъ занятіяхъ, особливо, когда будемъ имѣть надобность въ книгахъ, изданныхъ въ Москвѣ и въ чужихъ краяхъ, чѣмъ я не замедлилъ воспользоваться впослѣдствіи времени, выписавъ чрезъ него извѣстное сочиненіе Лонгина *О высокомъ*, изданное Полліемъ и Гедериковъ греческій Лексиконъ.“

У игумена Меѳодія познакомились мы съ роднымъ братомъ его — Гавріломъ Смирновымъ, бывшимъ тогда учителемъ философіи въ тамошней Духовной академіи, извѣстнымъ переводами своими сочиненій г-на Каракчіоли. Онъ ходилъ съ нами въ Московскій университетъ и два раза въ театръ. Не знаю, имѣли-ль мои товарищи какое удовольствіе при разыгрываніи піесъ, но я, никакого, не имѣвъ тогда ни малаго понятія о семъ родѣ искусства.

Платона слышали мы проповѣдующаго два раза: одинъ разъ въ Благовѣщенскомъ, а другой — въ Архангельскомъ соборахъ. Для проповѣданія слова Божія выходилъ онъ на средину церкви и, не взирая на толпу, тѣснившагося около него народа, видѣнъ былъ съ амвона и слышенъ въ дальнемъ разстояніи. Содержанія проповѣдей его не помню; только помню, что его произношеніе много походило на произношеніе французскихъ трагическихъ актеровъ. Сказываютъ, что онъ учился сему у знаменитаго нашего актера Дмитревскаго.

Исправивъ порученія своего архипастыря и за краткостію времени познакомясь только съ тѣнью Москвы, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Въ Петербургъ пріѣхали мы въ послѣднихъ числахъ октября. Здѣсь сперва пристали мы у архимандрита Иринея, бывшаго впослѣдствіи архіепископомъ Псковскимъ, жившаго тогда въ Невскомъ монастырѣ, по Черной рѣчкѣ, противъ кладбища. Когда мы явились къ нему, то, по прочтеніи письма отъ нашего владыки, первое слово его было:

— „Кто изъ васъ знаетъ по гречески?—Кто Мартыновъ?“

Ясно, что великодушный іерархъ писалъ въ мою пользу къ архимандриту. По откликѣ моемъ, онъ спросилъ меня:—„и *απλα* вы говорите? (т. е. нынѣшнимъ простымъ греческимъ языкомъ).

— Могу объясняться, отвѣчалъ я.

Видно, что тогда знаніе греческаго языка, а особливо употребляемаго нынѣ греками, было здѣсь въ диковинку. Отецъ архимандритъ поговорилъ со мною нѣсколько на древнемъ греческомъ, но на новомъ не сказалъ ни слова.

— „О, вы здѣсь будете очень нужны! примолвилъ онъ съ пріятною улыбкою и отпустилъ насъ.

Послѣ сего явились мы къ ректору семинаріи, архимандриту Иннокентію Дубравицкому. Мы удивились молодости и быстротѣ своего новаго начальника. Дарованія необыкновенныя и суетность выказать оныя вдругъ сверкали въ маленькихъ, полузакрытыхъ очахъ его. Кажется, при первомъ свиданіи мы уже узнали его въ половину и радовались внутренно, что будемъ имѣть такого любознаго начальника. Я и отъ него встрѣченъ былъ почти такимъ же вопросомъ, въ разсужденіи греческаго языка, какъ и отъ архимандрита Иринея. Ректоръ приказалъ намъ перебраться въ семинарію и явиться къ нему на другой день, для представленія преосвященному митрополиту Гавріилу.

Мы увидѣли новаго своего мецената въ девять часовъ по утру.

Платона слышали мы проповѣдующаго два раза: одинъ разъ въ Благовѣщенскомъ, а другой — въ Архангельскомъ соборахъ. Для проповѣданія слова Божія выходилъ онъ на средину церкви и, не взирая на толпу, тѣснившагося около него народа, видѣнъ былъ съ амвона и слышенъ въ дальнемъ разстояніи. Содержанія проповѣдей его не помню; только помню, что его произношеніе много походило на произношеніе французскихъ трагическихъ актеровъ. Сказываютъ, что онъ учился сему у знаменитаго нашего актера Дмитревскаго.

Исправивъ порученія своего архипастыря и за краткостію времени познакомясь только съ тѣнью Москвы, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Въ Петербургъ пріѣхали мы въ послѣднихъ числахъ октября. Здѣсь сперва пристали мы у архимандрита Иринея, бывшаго впослѣдствіи архіепископомъ Псковскимъ, жившаго тогда въ Невскомъ монастырѣ, по Черной рѣчкѣ, противъ кладбища. Когда мы явились къ нему, то, по прочтеніи письма отъ нашего владыки, первое слово его было:

— „Кто изъ васъ знаетъ по гречески?—Кто Мартыновъ?“

Ясно, что великодушный іерархъ писалъ въ мою пользу къ архимандриту. По откликѣ моемъ, онъ спросилъ меня:—„и *απλα* вы говорите? (т. е. нынѣшнимъ простымъ греческимъ языкомъ).

— Могу объясняться, отвѣчалъ я.

Видно, что тогда знаніе греческаго языка, а особливо употребляемаго нынѣ греками, было здѣсь въ диковинку. Отецъ архимандритъ поговорилъ со мною нѣсколько на древнемъ греческомъ, но на новомъ не сказалъ ни слова.

— „О, вы здѣсь будете очень нужны! примолвилъ онъ съ пріятною улыбкою и отпустилъ насъ.

Послѣ сего явились мы къ ректору семинаріи, архимандриту Иннокентію Дубравицкому. Мы удивились молодости и быстротѣ своего новаго начальника. Дарованія необыкновенныя и суетность выказать оныя вдругъ сверкали въ маленькихъ, полузакрытыхъ очахъ его. Кажется, при первомъ свиданіи мы уже узнали его въ половину и радовались внутренно, что будемъ имѣть такого любознаго начальника. Я и отъ него встрѣченъ былъ почти такимъ же вопросомъ, въ разсужденіи греческаго языка, какъ и отъ архимандрита Иринея. Ректоръ приказалъ намъ перебраться въ семинарію и явиться къ нему на другой день, для представленія преосвященному митрополиту Гавріилу.

Мы увидѣли новаго своего мецената въ девять часовъ по утру.

Мудрость и добродѣтель начертаны были на челѣ сего первосвятителя. Когда великій старецъ читалъ письмо, поданное нами отъ нашего архипастыря, я воображалъ, что мы предстоимъ Наставнику міра; столь достойнымъ образомъ представлялъ онъ лице Его. Се тотъ свѣтильникъ, думалъ я, отъ коего премудрѣйшая монархиня повелѣла возжечь свѣтъ для просвѣщенія его въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ владычества своего! По прочтеніи письма, онъ напомнилъ намъ о цѣли, для которой мы призваны.—„Оправдайте добрымъ своимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ выборъ, котораго вы удостоены вашимъ владыкою.“ Съ сими словами благословилъ насъ и отпустилъ *на дѣланіе*.

Не успѣли мы возвратиться въ семинарію, какъ въ отведенную намъ комнату пришелъ греческаго языка учитель Жуковъ. Отрекомендовавшись въ наше знакомство, тотчасъ спросилъ онъ, кто изъ насъ знаетъ по гречески. Товарищи мои указали на меня и онъ, послѣ краткой нашей съ нимъ бесѣды, пошелъ къ себѣ за греческою книгою. Притворясь, или дѣйствительно не понимая въ ней нѣкоторыхъ мѣстъ, онъ спросилъ у меня, что онѣ значатъ; потомъ, узнавъ, что я разумѣю и ромейскій (т. е. нынѣшній греческій) языкъ, котораго онъ не зналъ, спросилъ о значеніи нѣсколькихъ словъ на немъ. Къ счастію, онѣ были мнѣ извѣстны. Оставшись, какъ казалось, довольнымъ моими отвѣтами, онъ тутъ же сказалъ, что мнѣ не для чего ходить въ его классъ, а напротивъ, онъ долженъ будетъ учиться у меня. И дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ отказался отъ сего класса и на мѣсто свое рекомендовалъ меня.

До пріѣзда нашего почти уже изъ всѣхъ семинарій прибыли студенты, вызванные для одной съ нами цѣли, кромѣ сибирскихъ. По духовному вѣдомству это былъ первый опытъ, — собрать изо всѣхъ духовныхъ училищъ по два, по три студента (философскихъ, или богословскихъ классовъ) въ одну, здѣшнюю семинарію, преподать имъ, по одинаковой методѣ, курсъ наукъ и языковъ, приличныхъ духовному воспитанію, потомъ отправить ихъ обратно въ тѣ же семинаріи для занятія учительскихъ мѣстъ, какихъ они признаны будутъ достойными. По свѣтскому вѣдомству таковая премудрая мысль императрицы Екатерины Великой приведена была въ дѣйствіе нѣсколько прежде, для учрежденія народныхъ училищъ. Насъ было болѣе тридцати студентовъ. Напменую тѣхъ изъ нихъ, кои послѣ занимали въ государственной службѣ блистательнѣйшія мѣста, или отличились важными какими услугами отечеству. Про-

Мудрость и добродѣтель начертаны были на челѣ сего первосвятителя. Когда великій старецъ читалъ письмо, поданное нами отъ нашего архипастыря, я воображалъ, что мы предстоимъ Наставнику міра; столь достойнымъ образомъ представлялъ онъ лице Его. Се тотъ свѣтильникъ, думалъ я, отъ коего премудрѣйшая монархиня повелѣла возжечь свѣтъ для просвѣщенія его въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ владычества своего! По прочтеніи письма, онъ напомнилъ намъ о цѣли, для которой мы призваны.—„Оправдайте добрымъ своимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ выборъ, котораго вы удостоены вашимъ владыкою.“ Съ сими словами благословилъ насъ и отпустилъ *на дѣланіе*.

Не успѣли мы возвратиться въ семинарію, какъ въ отведенную намъ комнату пришелъ греческаго языка учитель Жуковъ. Отрекомендовавшись въ наше знакомство, тотчасъ спросилъ онъ, кто изъ насъ знаетъ по гречески. Товарищи мои указали на меня и онъ, послѣ краткой нашей съ нимъ бесѣды, пошелъ къ себѣ за греческою книгою. Притворясь, или дѣйствительно не понимая въ ней нѣкоторыхъ мѣстъ, онъ спросилъ у меня, что онѣ значатъ; потомъ, узнавъ, что я разумѣю и ромейскій (т. е. нынѣшній греческій) языкъ, котораго онъ не зналъ, спросилъ о значеніи нѣсколькихъ словъ на немъ. Къ счастію, онѣ были мнѣ извѣстны. Оставшись, какъ казалось, довольнымъ моими отвѣтами, онъ тутъ же сказалъ, что мнѣ не для чего ходить въ его классъ, а напротивъ, онъ долженъ будетъ учиться у меня. И дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ отказался отъ сего класса и на мѣсто свое рекомендовалъ меня.

До пріѣзда нашего почти уже изъ всѣхъ семинарій прибыли студенты, вызванные для одной съ нами цѣли, кромѣ сибирскихъ. По духовному вѣдомству это былъ первый опытъ, — собрать изо всѣхъ духовныхъ училищъ по два, по три студента (философскихъ, или богословскихъ классовъ) въ одну, здѣшнюю семинарію, преподать имъ, по одинаковой методѣ, курсъ наукъ и языковъ, приличныхъ духовному воспитанію, потомъ отправить ихъ обратно въ тѣ же семинаріи для занятія учительскихъ мѣстъ, какихъ они признаны будутъ достойными. По свѣтскому вѣдомству таковая премудрая мысль императрицы Екатерины Великой приведена была въ дѣйствіе нѣсколько прежде, для учрежденія народныхъ училищъ. Насъ было болѣе тридцати студентовъ. Напменую тѣхъ изъ нихъ, кои послѣ занимали въ государственной службѣ блистательнѣйшія мѣста, или отличились важными какими услугами отечеству. Про-

стительная слабость, находить удовольствіе въ воспоминаніи, съ кѣмъ мы въ молодыхъ лѣтахъ дышали однимъ воздухомъ, питались одною пищею, образовались одними наставленіями и сливались въ одно чувство, въ одну душу.

Первое мѣсто, по всѣмъ отношеніямъ, занимаетъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, присланный изъ Владимірской семинаріи. Его дарованія, свѣдѣнія въ наукахъ, свѣдѣнія въ государственныхъ дѣлахъ, заслуги отечеству по занимаемымъ имъ мѣстамъ, столь извѣстны каждому, что мнѣ, можетъ быть, не прилично было бы здѣсь распространяться о томъ. Пусть другой, кто будетъ его историкомъ, панегиристомъ; а я только скажу, что если бы нашъ курсъ и никого, кромѣ его, не образовалъ, то не нужно было бы другихъ доказательствъ въ полезности онаго. — Петръ Андреевичъ Словцовъ, присланный изъ Тобольской семинаріи, нынѣ съ отличною похвалою занимаетъ мѣсто визитатора училищъ сибирскихъ губерній, въ чинѣ статскаго совѣтника; а до сего былъ директоромъ Иркутской гимназіи. Онъ, въ кругу словесности сдѣлался извѣстнымъ прежде стихотвореніями своими: *Къ Сибири* и *Китайцемъ въ Петербургѣ*. Оба сіи сочиненія, и еще его же стихи: *Матерія* напечатаны въ моихъ періодическихъ изданіяхъ. Потомъ, будучи уже на службѣ, издалъ онъ два, сочиненныя имъ, похвальныя слова: *Царю Іоанну Васильевичу* и *Пожарскому*.—Николай Ильичъ Анненскій, присланный изъ Рязанской семинаріи, нынѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служитъ при департаментѣ министерства юстиціи юрисконсультомъ. Онъ извѣстенъ переводами съ французскаго языка: *О уединеніи, соч. Циммермана* и романа: *Лодоикъ*.—Михаилъ Степановичъ Сахаровъ, присланный изъ Ярославской семинаріи, на службѣ своей учителемъ въ Ярославѣ, постригся въ монахи, былъ послѣ Оренбургскимъ епископомъ, а нынѣ живетъ на покоѣ въ Ростовѣ. Въ монашествѣ нареченъ онъ Августиномъ.—Иванъ Дмитріевичъ Павинскій, присланный изъ Олонецкой семинаріи, нынѣ Іона, архіепископъ Тверскій.—Оедоръ Ивановичъ Русановъ, бывшій потомъ митрополитомъ и экзархомъ Грузіи, хотя не для одной съ нами цѣли, но съ нами слушалъ курсъ наукъ. Въ монашествѣ принялъ онъ имя Оеофилакта, которое толико прославилъ не токмо проповѣдями, но и дѣлами по управленію епархіями, въ коихъ былъ архіереемъ.

Преподаваніе намъ ученія начато съ философскаго курса. Сперва преподавалъ его, по Впиклеру, архимандритъ Николай, кото-

стительная слабость, находить удовольствіе въ воспоминаніи, съ кѣмъ мы въ молодыхъ лѣтахъ дышали однимъ воздухомъ, питались одною пищею, образовались одними наставленіями и сливались въ одно чувство, въ одну душу.

Первое мѣсто, по всѣмъ отношеніямъ, занимаетъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, присланный изъ Владимірской семинаріи. Его дарованія, свѣдѣнія въ наукахъ, свѣдѣнія въ государственныхъ дѣлахъ, заслуги отечеству по занимаемымъ имъ мѣстамъ, столь извѣстны каждому, что мнѣ, можетъ быть, не прилично было бы здѣсь распространяться о томъ. Пусть другой, кто будетъ его историкомъ, панегиристомъ; а я только скажу, что если бы нашъ курсъ и никого, кромѣ его, не образовалъ, то не нужно было бы другихъ доказательствъ въ полезности онаго. — Петръ Андреевичъ Словцовъ, присланный изъ Тобольской семинаріи, нынѣ съ отличною похвалою занимаетъ мѣсто визитатора училищъ сибирскихъ губерній, въ чинѣ статскаго совѣтника; а до сего былъ директоромъ Иркутской гимназіи. Онъ, въ кругу словесности сдѣлался извѣстнымъ прежде стихотвореніями своими: *Къ Сибири* и *Китайцемъ въ Петербургѣ*. Оба сіи сочиненія, и еще его же стихи: *Матерія* напечатаны въ моихъ періодическихъ изданіяхъ. Потомъ, будучи уже на службѣ, издалъ онъ два, сочиненныя имъ, похвальныя слова: *Царю Іоанну Васильевичу* и *Пожарскому*.—Николай Ильичъ Анненскій, присланный изъ Рязанской семинаріи, нынѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служитъ при департаментѣ министерства юстиціи юрисконсультомъ. Онъ извѣстенъ переводами съ французскаго языка: *О уединеніи, соч. Циммермана* и романа: *Лодоикъ*.—Михаилъ Степановичъ Сахаровъ, присланный изъ Ярославской семинаріи, на службѣ своей учителемъ въ Ярославѣ, постригся въ монахи, былъ послѣ Оренбургскимъ епископомъ, а нынѣ живетъ на покоѣ въ Ростовѣ. Въ монашествѣ нареченъ онъ Августиномъ.—Иванъ Дмитріевичъ Павинскій, присланный изъ Олонецкой семинаріи, нынѣ Іона, архіепископъ Тверскій.—Оедоръ Ивановичъ Русановъ, бывшій потомъ митрополитомъ и экзархомъ Грузіи, хотя не для одной съ нами цѣли, но съ нами слушалъ курсъ наукъ. Въ монашествѣ принялъ онъ имя Оеофилакта, которое толико прославилъ не токмо проповѣдями, но и дѣлами по управленію епархіями, въ коихъ былъ архіереемъ.

Преподаваніе намъ ученія начато съ философскаго курса. Сперва преподавалъ его, по Випплеру, архимандритъ Николай, кото-

раго потомъ смѣнилъ, вызванный изъ Ярославской семинаріи іеромонахъ Павелъ, который былъ и префектомъ Невской семинаріи. Первый изъ нихъ былъ большой схоластикъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые прикрываютъ незнаніе главнаго своего предмета знаніемъ латинскаго языка и важностію сана; послѣдній, по крайней мѣрѣ сначала, усердно передавалъ намъ свѣдѣнія, каковыя пріобрѣлъ въ Ярославской семинаріи. Вѣроятно, предполагаемо было, что въ другихъ семинаріяхъ нѣтъ и такихъ учителей. По другимъ учебнымъ предметамъ мы были въ учителяхъ счастливѣе. Учителемъ краснорѣчія россійскаго, а болѣе латинскаго, сперва былъ у насъ Иванъ Никитичъ Голубевъ, бывшій потомъ у Владимірской церкви священникомъ; мѣсто его заступилъ Иванъ Семеновичъ Державинъ, нынѣ оберъ-священникъ, а его мѣсто занялъ Николай Ивановичъ Знаменскій, въ монашествѣ переименованный Антоніемъ, бывшій потомъ архіепископомъ Ярославскимъ. Для преподаванія физики приглашенъ былъ, первоначально, адъюнктъ Академіи наукъ Алексѣй Кононовичъ Кононовъ, но въ скоромъ времени заступилъ его мѣсто учитель Гаррахъ. Для математики взятъ былъ изъ учительской семинаріи, недавно тамъ окончившій курсъ наукъ, Никита Дмитріевичъ Максимовъ, который послѣ былъ протоіереемъ въ здѣшнемъ Воспитательномъ домѣ и законоучителемъ въ здѣшней гимназіи. Для нѣмецкаго и французскаго языка имѣли мы также учителей.

Проходя науки, преподаванныя намъ въ семинаріи, мы не упускали изъ виду пользоваться и другими средствами, каковыя столица представляетъ въ изобиліи. Для большаго усовершенствованія себя въ греческомъ языкѣ, мнѣ представился прекраснѣйшій случай съ самаго пріѣзда нашего сюда. Бывшій архіепископъ Славенскій и Херсонскій Евгеній, еще до насъ вызванъ былъ изъ Херсона въ столицу окапчивать въ ней ученую и добродѣтельную жизнь свою. По праву воспитанниковъ, основанной имъ семинаріи, мы осмѣлились, или лучше, обязанностію поставили, явиться къ нему. Ветхій деньми переводитель Виргилія и ученѣйшій мужъ, не отринулъ нашего благоговѣнія къ великимъ талантамъ, познаніямъ и заслугамъ его. Мы были приняты имъ благосклонно. Съ тѣхъ поръ я не оставлялъ уже ходить къ нему и пользовался какъ его, такъ и окружавшихъ его грековъ, разговоромъ на ихъ языкѣ; но что несравненно того важнѣе, я нерѣдко наслаждался краснорѣчивѣйшею бесѣдою умнѣйшаго старца и имѣлъ всегда въ глазахъ живой примѣръ исполненнаго добродѣтелей и трудолюбивѣйшаго мужа.

раго потомъ смѣнилъ, вызванный изъ Ярославской семинаріи іеромонахъ Павелъ, который былъ и префектомъ Невской семинаріи. Первый изъ нихъ былъ большой схоластикъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые прикрываютъ незнаніе главнаго своего предмета знаніемъ латинскаго языка и важностію сана; послѣдній, по крайней мѣрѣ сначала, усердно передавалъ намъ свѣдѣнія, каковыя пріобрѣлъ въ Ярославской семинаріи. Вѣроятно, предполагаемо было, что въ другихъ семинаріяхъ нѣтъ и такихъ учителей. По другимъ учебнымъ предметамъ мы были въ учителяхъ счастливѣе. Учителемъ краснорѣчія россійскаго, а болѣе латинскаго, сперва былъ у насъ Иванъ Никитичъ Голубевъ, бывшій потомъ у Владимірской церкви священникомъ; мѣсто его заступилъ Иванъ Семеновичъ Державинъ, нынѣ оберъ-священникъ, а его мѣсто занялъ Николай Ивановичъ Знаменскій, въ монашествѣ переименованный Антоніемъ, бывшій потомъ архіепископомъ Ярославскимъ. Для преподаванія физики приглашенъ былъ, первоначально, адъюнктъ Академіи наукъ Алексѣй Кононовичъ Кононовъ, но въ скоромъ времени заступилъ его мѣсто учитель Гаррахъ. Для математики взятъ былъ изъ учительской семинаріи, недавно тамъ окончившій курсъ наукъ, Никита Дмитріевичъ Максимовъ, который послѣ былъ протоіереемъ въ здѣшнемъ Воспитательномъ домѣ и законоучителемъ въ здѣшней гимназіи. Для нѣмецкаго и французскаго языка имѣли мы также учителей.

Проходя науки, преподаванныя намъ въ семинаріи, мы не упускали изъ виду пользоваться и другими средствами, каковыя столица представляетъ въ изобиліи. Для большаго усовершенствованія себя въ греческомъ языкѣ, мнѣ представился прекраснѣйшій случай съ самаго пріѣзда нашего сюда. Бывшій архіепископъ Славенскій и Херсонскій Евгеній, еще до насъ вызванъ былъ изъ Херсона въ столицу окапчивать въ ней ученую и добродѣтельную жизнь свою. По праву воспитанниковъ, основанной имъ семинаріи, мы осмѣлились, или лучше, обязанностію поставили, явиться къ нему. Ветхій деньми переводитель Виргилія и ученѣйшій мужъ, не отринулъ нашего благоговѣнія къ великимъ талантамъ, познаніямъ и заслугамъ его. Мы были приняты имъ благосклонно. Съ тѣхъ поръ я не оставлялъ уже ходить къ нему и пользовался какъ его, такъ и окружавшихъ его грековъ, разговоромъ на ихъ языкѣ; но что несравненно того важнѣе, я нерѣдко наслаждался краснорѣчивѣйшею бесѣдою умнѣйшаго старца и имѣлъ всегда въ глазахъ живой примѣръ исполненнаго добродѣтелей и трудолюбивѣйшаго мужа.

При Академіи наукъ въ лѣтнее время открываемы были публичные курсы: математики, химіи и зоологіи. Первую преподавалъ знаменитый академикъ Семенъ Кирпловичъ Котельниковъ; вторую — академикъ Никита Петровичъ Соколовъ, а послѣднюю — академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій. Какъ за отдаленностію Невскаго монастыря отъ мѣстъ, гдѣ сіи курсы были читаны, равно и за малымъ временемъ, остававшимся отъ ученія въ семинаріи, не можно было мнѣ ходить на всѣ означенные курсы, то я выбралъ для себя химію, которую никогда не пропускалъ, несмотря на то, что она преподаваема была во 2-й линіи, на Васильевскомъ Острову, въ Боновомъ, нынѣ Озерецковскаго, домѣ, притомъ въ двѣнадцатомъ часу утра, между тѣмъ, какъ у насъ ученіе по тѣмъ днямъ оканчивалось въ десять часовъ. Такое рвеніе, впрочемъ, стоило мнѣ двухмѣсячной горячки. Нерѣдко также хаживалъ я и на лекціи г-на Озерецковскаго. Физику ходилъ слушать въ бывшій тогда Медицинскій институтъ, къ г-ну профессору Василію Владиміровичу Петрову и въ Казанское народное училище къ г-ну Тумскому. Что же касается до математическихъ наукъ, мы весьма довольны были и своимъ учителемъ.

Въ это время славился краснорѣчивымъ преподаваніемъ ботаники профессоръ Медицинскаго института Мартынъ Матвѣевичъ Тереховскій. Но, къ сожалѣнію, я не могъ, за дальнимъ разстояніемъ отъ Невскаго монастыря, пользоваться его наставленіями; онъ читалъ на Аптекарскомъ Острову. Я сберегалъ время и силы для наукъ, кои входили въ курсъ нашъ и откладывалъ слушаніе ботаники до свободнѣйшаго времени, между тѣмъ, какъ сей знаменитый мужъ скончался.

По окончаніи философскаго курса, мы вступили въ классъ богословскій. Сторонніе, или экстраординарные, предметы продолжались своимъ порядкомъ. Богословію преподавалъ намъ ректоръ Иннокентій, по Турретину. Въ Полтавѣ обучались мы по *Богословіи* Ѳеофана Прокоповича, состоящей въ трехъ большихъ томахъ, на латинскомъ языкѣ. Турретинъ избранъ ректоромъ, по краткости его; а о *Богословіи* Ѳеофана однажды сказалъ онъ: „сіе море велікое и пространное, но тамо и гады, имъ же нѣсть числа.“ Однако и Турретина не прошелъ онъ съ нами какъ слѣдовало, бывъ во весь двухгодичный курсъ въ классѣ не болѣе десяти разъ. Къ счастію, мы могли пользоваться богатою, особливо по наукамъ богословскимъ, Александроневскою библіотекою, а нѣкоторые изъ насъ слушали уже богословію въ своихъ семинаріяхъ.

При Академіи наукъ въ лѣтнее время открываемы были публичные курсы: математики, химіи и зоологіи. Первую преподавалъ знаменитый академикъ Семенъ Кирпловичъ Котельниковъ; вторую — академикъ Никита Петровичъ Соколовъ, а послѣднюю — академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій. Какъ за отдаленностію Невскаго монастыря отъ мѣстъ, гдѣ сіи курсы были читаны, равно и за малымъ временемъ, остававшимся отъ ученія въ семинаріи, не можно было мнѣ ходить на всѣ означенные курсы, то я выбралъ для себя химію, которую никогда не пропускалъ, несмотря на то, что она преподаваема была во 2-й линіи, на Васильевскомъ Острову, въ Боновомъ, нынѣ Озерецковскаго, домѣ, притомъ въ двѣнадцатомъ часу утра, между тѣмъ, какъ у насъ ученіе по тѣмъ днямъ оканчивалось въ десять часовъ. Такое рвеніе, впрочемъ, стоило мнѣ двухмѣсячной горячки. Нерѣдко также хаживалъ я и на лекціи г-на Озерецковскаго. Физику ходилъ слушать въ бывшій тогда Медицинскій институтъ, къ г-ну профессору Василію Владиміровичу Петрову и въ Казанское народное училище къ г-ну Тумскому. Что же касается до математическихъ наукъ, мы весьма довольны были и своимъ учителемъ.

Въ это время славился краснорѣчивымъ преподаваніемъ ботаники профессоръ Медицинскаго института Мартынъ Матвѣевичъ Тереховскій. Но, къ сожалѣнію, я не могъ, за дальнимъ разстояніемъ отъ Невскаго монастыря, пользоваться его наставленіями; онъ читалъ на Аптекарскомъ Острову. Я сберегалъ время и силы для наукъ, кои входили въ курсъ нашъ и откладывалъ слушаніе ботаники до свободнѣйшаго времени, между тѣмъ, какъ сей знаменитый мужъ скончался.

По окончаніи философскаго курса, мы вступили въ классъ богословскій. Сторонніе, или экстраординарные, предметы продолжались своимъ порядкомъ. Богословію преподавалъ намъ ректоръ Иннокентій, по Турретину. Въ Полтавѣ обучались мы по *Богословіи* Ѳеофана Прокоповича, состоящей въ трехъ большихъ томахъ, на латинскомъ языкѣ. Турретинъ избранъ ректоромъ, по краткости его; а о *Богословіи* Ѳеофана однажды сказалъ онъ: „сіе море велікое и пространное, но тамо и гады, имъ же нѣсть числа.“ Однако и Турретина не прошелъ онъ съ нами какъ слѣдовало, бывъ во весь двухгодичный курсъ въ классѣ не болѣе десяти разъ. Къ счастію, мы могли пользоваться богатою, особливо по наукамъ богословскимъ, Александроневскою библіотекою, а нѣкоторые изъ насъ слушали уже богословію въ своихъ семинаріяхъ.

Между тѣмъ, учреждена была очередь для насъ, по которой черезъ нѣсколько недѣль каждому студенту должно было сказать проповѣдь своего сочиненія въ какой либо церкви, не только изъ находящихся въ Невскомъ монастырѣ, но нерѣдко и въ городскихъ церквахъ. Учрежденіе сіе весьма поощряло насъ отличиться передъ слушателями, какъ въ сочиненіи, такъ и въ сказываніи поученій. Въ сочиненіяхъ нашихъ замѣтны были два главные тона: одни старались писать цвѣтно, плодовито, блистательно; другіе — просто, коротко, глубокомысленно. Въ произношеніи также господствовали два тона: одни подражали театральному, слѣдуя Яковлеву; другіе — ближе подходили въ произношеніи къ обыкновенному разговору. Я держался послѣднихъ тоновъ и не безъ успѣха. Два напаче случая для меня были весьма лестны. Когда сказалъ я первую свою проповѣдь, то, по выходѣ изъ церкви, пришли ко мнѣ въ покой всѣ студенты поздравить меня. Сперанскій былъ впереди ихъ; онъ поцѣловалъ меня въ голову и отдалъ мнѣ полную справедливость. Похвала уважаемаго всѣми товарища превосходитъ похвалу малочтимаго учителя. Другой несравненно пріятнѣйшій для моего самолюбія случай былъ, когда я сказалъ проповѣдь, начинавшуюся сими словами: „Тако отличенный жребіемъ „порокъ зачинаетъ гибель“ и т. д. Проповѣдь написана была довольно глубокомысленно, но отрывисто и нѣсколько темно. Не смотря на то, ее тотчасъ послѣ обѣдни выпросили у меня. Она пошла въ городѣ по рукамъ; я остался безъ рукописи. Скоро ей стали подражать, не только студенты, священники, но и архимандритъ Анастасій, бывшій потомъ архимандритомъ и прославившійся, въ послѣдствіи, своими проповѣдями. Однажды былъ я у него въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ былъ законоучителемъ. Тутъ-то было торжество мое! При гостяхъ онъ сказалъ мнѣ, что у него есть списокъ съ этой моей проповѣди, что онъ помнитъ ее почти всю наизусть, въ доказательство чего тотчасъ прочелъ нѣсколько періодовъ изъ оной и что не стыдится подражать ей. И дѣйствительно, я нашелъ послѣ въ печатныхъ проповѣдяхъ его, подобные моимъ, обороты и выраженія. Можно ли было малозначущему студенту ожидать такой признательности отъ проповѣдника, котораго слава уже утвердилась?

Въ продолженіе ученія нашего, въ 1798 году, поручено было мнѣ обучать греческому языку, вмѣсто учителя Жукова, о которомъ выше мною сказано. Въ классъ мой ходили не только ученики низшихъ классовъ, но и товарищи мои. Сіе заставило меня

Между тѣмъ, учреждена была очередь для насъ, по которой черезъ нѣсколько недѣль каждому студенту должно было сказать проповѣдь своего сочиненія въ какой либо церкви, не только изъ находящихся въ Невскомъ монастырѣ, но нерѣдко и въ городскихъ церквахъ. Учрежденіе сіе весьма поощряло насъ отличиться передъ слушателями, какъ въ сочиненіи, такъ и въ сказываніи поученій. Въ сочиненіяхъ нашихъ замѣтны были два главные тона: одни старались писать цвѣтно, плодовито, блистательно; другіе — просто, коротко, глубокомысленно. Въ произношеніи также господствовали два тона: одни подражали театральному, слѣдуя Яковлеву; другіе — ближе подходили въ произношеніи къ обыкновенному разговору. Я держался послѣднихъ тоновъ и не безъ успѣха. Два напаче случая для меня были весьма лестны. Когда сказалъ я первую свою проповѣдь, то, по выходѣ изъ церкви, пришли ко мнѣ въ покой всѣ студенты поздравить меня. Сперанскій былъ впереди ихъ; онъ поцѣловалъ меня въ голову и отдалъ мнѣ полную справедливость. Похвала уважаемаго всѣми товарища превосходитъ похвалу малочтимаго учителя. Другой несравненно пріятнѣйшій для моего самолюбія случай былъ, когда я сказалъ проповѣдь, начинавшуюся сими словами: „Тако отличенный жребіемъ „порокъ зачинаетъ гибель“ и т. д. Проповѣдь написана была довольно глубокомысленно, но отрывисто и нѣсколько темно. Не смотря на то, ее тотчасъ послѣ обѣдни выпросили у меня. Она пошла въ городѣ по рукамъ; я остался безъ рукописи. Скоро ей стали подражать, не только студенты, священники, но и архимандритъ Анастасій, бывшій потомъ архимандритомъ и прославившійся, въ послѣдствіи, своими проповѣдями. Однажды былъ я у него въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ былъ законоучителемъ. Тутъ-то было торжество мое! При гостяхъ онъ сказалъ мнѣ, что у него есть списокъ съ этой моей проповѣди, что онъ помнитъ ее почти всю наизусть, въ доказательство чего тотчасъ прочелъ нѣсколько періодовъ изъ оной и что не стыдится подражать ей. И дѣйствительно, я нашелъ послѣ въ печатныхъ проповѣдяхъ его, подобные моимъ, обороты и выраженія. Можно ли было малозначущему студенту ожидать такой признательности отъ проповѣдника, котораго слава уже утвердилась?

Въ продолженіе ученія нашего, въ 1798 году, поручено было мнѣ обучать греческому языку, вмѣсто учителя Жукова, о которомъ выше мною сказано. Въ классъ мой ходили не только ученики низшихъ классовъ, но и товарищи мои. Сіе заставило меня

перевести на русскій языкъ греческую грамматику Катифора, писанную на еллинскомъ языкѣ и привезенную мною изъ Полтавы. Переводъ свой я представилъ ректору, но онъ не сдѣлалъ изъ него никакого употребленія и трудъ мой былъ по пустому.

Посредствомъ греческаго языка вскорѣ представился мнѣ весьма важный случай сдѣлаться короче извѣстнымъ митрополиту Гавріилу. О семъ случаѣ во всю жизнь я никому не сказывалъ, кромѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ друзей монхъ, и то спустя уже лѣтъ двадцать послѣ того. Я считалъ, что порученное намъ за тайну и должно быть оставлено въ тайнѣ, ежели не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на необходимое и сколько можно долгое время. Изъ Аѳонскихъ горъ пріѣхалъ въ столицу греческій монахъ, простой, неграмотный и имѣвшій лѣтъ семдесятъ отъ роду, если не болѣе. Онъ привезъ съ собою мощи тридцати семи угодниковъ Божіихъ. По его объявленію, мощи сіи выставлены были у него въ кельи въ Невскомъ монастырѣ; а народъ началъ приходить къ нимъ на поклоненіе и ставилъ имъ свѣчи. Монахъ привезъ сіи мощи для посвященія императрицѣ и написалъ ей на простомъ греческомъ языкѣ родъ акаѳиста. Митрополитъ, худо зная по гречески, а простаго греческаго языка и вовсе не зная, спросилъ ректора, не знаетъ ли кто изъ пріѣхавшихъ студентовъ сего послѣдняго. Онъ отозвался обо мнѣ. Митрополитъ призываетъ меня къ себѣ и за тайну отдаетъ мнѣ тетрадку въ 12-ю долю, довольно толстую, въ которой сей акаѳистъ былъ написанъ; приказываетъ мнѣ идти къ монаху въ келью и при немъ, безъ сторонннхъ свидѣтелей, перевести сіе сочиненіе на русскій языкъ, а послѣ представить ему. Въ акаѳистѣ, начинавшемся словомъ *Радуйся* потомъ продолжающимся предсказаніемъ, что отъ императрицы родится сынъ, по имени Константинъ*), который освободитъ грековъ отъ ига агарянъ и пр. Другое пророчество касалось самихъ мощей, что ея величество созиждетъ храмъ о 37 престолахъ, во имя святыхъ, коихъ мощи привезены симъ монахомъ и пр. Переводъ сей, съ подлинникомъ, представилъ я митрополиту. Его высокопреосвященство, поблагодаря меня за трудъ, изволилъ еще разъ наказать, чтобъ я о семъ дѣлѣ никому не сказывалъ и примолвилъ, что онъ меня не забудетъ. Послѣ сего черезъ сутки монаха не стало.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ митрополитъ опять призвалъ меня

*) Его высочеству тогда было уже, помнится, семь лѣтъ и притомъ, не сыну, но внуку императрицы.

перевести на русскій языкъ греческую грамматику Катифора, писанную на еллинскомъ языкѣ и привезенную мною изъ Полтавы. Переводъ свой я представилъ ректору, но онъ не сдѣлалъ изъ него никакого употребленія и трудъ мой былъ по пустому.

Посредствомъ греческаго языка вскорѣ представился мнѣ весьма важный случай сдѣлаться короче извѣстнымъ митрополиту Гавріилу. О семъ случаѣ во всю жизнь я никому не сказывалъ, кромѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ друзей монхъ, и то спустя уже лѣтъ двадцать послѣ того. Я считалъ, что порученное намъ за тайну и должно быть оставлено въ тайнѣ, ежели не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на необходимое и сколько можно долгое время. Изъ Аѳонскихъ горъ пріѣхалъ въ столицу греческій монахъ, простой, неграмотный и имѣвшій лѣтъ семдесятъ отъ роду, если не болѣе. Онъ привезъ съ собою мощи тридцати семи угодниковъ Божіихъ. По его объявленію, мощи сіи выставлены были у него въ кельи въ Невскомъ монастырѣ; а народъ началъ приходить къ нимъ на поклоненіе и ставилъ имъ свѣчи. Монахъ привезъ сіи мощи для посвященія императрицѣ и написалъ ей на простомъ греческомъ языкѣ родъ акаѳиста. Митрополитъ, худо зная по гречески, а простаго греческаго языка и вовсе не зная, спросилъ ректора, не знаетъ ли кто изъ пріѣхавшихъ студентовъ сего послѣдняго. Онъ отозвался обо мнѣ. Митрополитъ призываетъ меня къ себѣ и за тайну отдаетъ мнѣ тетрадку въ 12-ю долю, довольно толстую, въ которой сей акаѳистъ былъ написанъ; приказываетъ мнѣ идти къ монаху въ келью и при немъ, безъ сторонннхъ свидѣтелей, перевести сіе сочиненіе на русскій языкъ, а послѣ представить ему. Въ акаѳистѣ, начинавшемся словомъ *Радуйся* потомъ продолжающимся предсказаніемъ, что отъ императрицы родится сынъ, по имени Константинъ*), который освободитъ грековъ отъ ига агарянъ и пр. Другое пророчество касалось самыхъ мощей, что ея величество созиждетъ храмъ о 37 престолахъ, во имя святыхъ, коихъ мощи привезены симъ монахомъ и пр. Переводъ сей, съ подлинникомъ, представилъ я митрополиту. Его высокопреосвященство, поблагодаря меня за трудъ, изволилъ еще разъ наказать, чтобъ я о семъ дѣлѣ никому не сказывалъ и примолвилъ, что онъ меня не забудетъ. Послѣ сего черезъ сутки монаха не стало.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ митрополитъ опять призвалъ меня

*) Его высочеству тогда было уже, помнится, семь лѣтъ и притомъ, не сыну, но внуку императрицы.

къ себѣ и поручилъ мнѣ заняться сокращеннымъ переводомъ *Византійской Исторіи*, писанной на простомъ греческомъ языкѣ, выбранной изъ древнихъ византійскихъ писателей. Книги сей перевелъ я три части и представилъ переводъ свой его высокопреосвященству.

Около сего же времени преосвященный архіепископъ Евгеній поручилъ мнѣ перевести на русскій языкъ свое сочиненіе: *О впротерпимости*, писанное на простомъ греческомъ языкѣ, приближенномъ къ еллинскому. Не зная по русски, его высокопреосвященство посылалъ переводъ мой на разсмотрѣніе къ преосвященному Иринею, который одобрилъ оный. Какое сдѣлано изъ него употребленіе, мнѣ неизвѣстно.

Начавъ въ здѣшней семинаріи учиться французскому языку, и, по причинѣ позднаго времени и недостатка случасвъ, не надѣясь быть на немъ хорошимъ говорупомъ, я старался, по крайней мѣрѣ, грамматически узнать оный, дабы свободно понимать французскій разговоръ и книги, на немъ писанныя. Къ сему способствовало мнѣ не столько школьное ученіе, сколько упражненіе въ переводахъ съ сего языка. Я зналъ, что книгопродавцы и издатели книгъ не пренебрегаютъ студентскими переводами, потому что они всякихъ другихъ дешевле. Я обратился къ Петру Ивановичу Богдановичу, занимавшемуся тогда болѣе всѣхъ изданіемъ книгъ на своемъ иждивеніи, и къ книгопродавцу Миллеру. Для перваго перевелъ я *Опытъ объ эпическомъ стихотворствѣ, господина Вольтера и Англійскія письма*. Для послѣдняго: *Разговоры въ царствѣ мертвыхъ, г-на Литтлетона*. Хотя я получилъ отъ нихъ плату не важную, но она послужила мнѣ пособіемъ къ запасу полезныхъ для себя книгъ. Это поощрило меня болѣе заниматься переводами съ французскаго языка.

Между тѣмъ, какъ курсъ ученія нашего приближался къ концу, въ одинъ день митрополитъ присылаетъ за мною и объявляетъ мнѣ, что императрицѣ угодно послать въ Голландію священника, который бы зналъ греческій языкъ, ибо тамъ есть греческое купеческое общество.

— „Хочешь ли ты ѣхать туда? спросилъ онъ меня.—Жалованья будетъ тебѣ полторы тысячи рублей, мѣсто почетное и въ чужихъ краяхъ побывать тебѣ не безполезно".

Счастливое сіе предложеніе принялъ я съ несказанною благодарностью. Митрополитъ приказалъ мнѣ придти къ себѣ на другой день за письмомъ, съ которымъ я долженъ буду явиться къ оберъ-

къ себѣ и поручилъ мнѣ заняться сокращеннымъ переводомъ *Византійской Исторіи*, писанной на простомъ греческомъ языкѣ, выбранной изъ древнихъ византійскихъ писателей. Книги сей перевелъ я три части и представилъ переводъ свой его высокопреосвященству.

Около сего же времени преосвященный архіепископъ Евгеній поручилъ мнѣ перевести на русскій языкъ свое сочиненіе: *О впротерпимости*, писанное на простомъ греческомъ языкѣ, приближенномъ къ еллинскому. Не зная по русски, его высокопреосвященство посылалъ переводъ мой на разсмотрѣніе къ преосвященному Иринею, который одобрилъ оный. Какое сдѣлано изъ него употребленіе, мнѣ неизвѣстно.

Начавъ въ здѣшней семинаріи учиться французскому языку, и, по причинѣ позднаго времени и недостатка случасвъ, не надѣясь быть на немъ хорошимъ говорупомъ, я старался, по крайней мѣрѣ, грамматически узнать оный, дабы свободно понимать французскій разговоръ и книги, на немъ писанныя. Къ сему способствовало мнѣ не столько школьное ученіе, сколько упражненіе въ переводахъ съ сего языка. Я зналъ, что книгопродавцы и издатели книгъ не пренебрегаютъ студентскими переводами, потому что они всякихъ другихъ дешевле. Я обратился къ Петру Ивановичу Богдановичу, занимавшемуся тогда болѣе всѣхъ изданіемъ книгъ на своемъ иждивеніи, и къ книгопродавцу Миллеру. Для перваго перевелъ я *Опытъ объ эпическомъ стихотворствѣ, господина Вольтера и Англійскія письма*. Для послѣдняго: *Разговоры въ царствѣ мертвыхъ, г-на Литтлетона*. Хотя я получилъ отъ нихъ плату не важную, но она послужила мнѣ пособіемъ къ запасу полезныхъ для себя книгъ. Это поощрило меня болѣе заниматься переводами съ французскаго языка.

Между тѣмъ, какъ курсъ ученія нашего приближался къ концу, въ одинъ день митрополитъ присылаетъ за мною и объявляетъ мнѣ, что императрицѣ угодно послать въ Голландію священника, который бы зналъ греческій языкъ, ибо тамъ есть греческое купеческое общество.

— „Хочешь ли ты ѣхать туда? спросилъ онъ меня.—Жалованья будетъ тебѣ полторы тысячи рублей, мѣсто почетное и въ чужихъ краяхъ побывать тебѣ не безполезно".

Счастливое сіе предложеніе принялъ я съ несказанною благодарностью. Митрополитъ приказалъ мнѣ придти къ себѣ на другой день за письмомъ, съ которымъ я долженъ буду явиться къ оберъ-

прокурору святѣйшаго синода Алексѣю Ивановичу Мусспну-Пушкину*). Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я сего дня. Я напередъ уже воображалъ себѣ всѣ выгоды отъ путешествія въ чужіе края, отъ занятія столь важнаго пòста. На другой день поутру явился я къ его высокопреосвященству и, получивъ письмо, отправился къ оберъ-прокурору. Алексѣй Ивановичъ, прочитавъ, письмо принялъ меня очень ласково, вошелъ со мною въ ученый разговоръ и отпустилъ съ отвѣтомъ на письмо митрополита. Не знаю, что было писано въ отвѣтѣ, но митрополитъ, прочитавъ его, велѣлъ мнѣ пріискивать себѣ невѣсту и, по пріисканіи, явиться къ нему. Имѣя весьма мало знакомыхъ, у себя а особливо для такого случая, я бросился къ учителю Владимірскаго народнаго училища Зубареву, какъ женатому изъ моихъ знакомыхъ и мы, въ тотъ же день, ночью пустились въ Петергофъ смотрѣть невѣсту у знакомаго ему священника. Вотъ начало романа моей жизни!

Мы пріѣхали къ священнику въ часъ за полночь. Разумѣется, что всѣ спали. Зубаревъ, конечно, весьма былъ знакомъ, что осмѣлился такъ безпокоить духовную особу. Безъ дальнихъ околичностей, онъ объявилъ хозяину о причинѣ нашего пріѣзда. Невѣста надобно знать, была не дочь, но родственница священника. Зубаревъ, расхваливъ меня, какъ должно жениха, сказалъ о моемъ назначеніи, о жалованьѣ. Священникъ все это принялъ очень хорошо, только сказалъ, что невѣста уже сосватана.

— „За кого“?

— За назначеннаго изъ семинаристовъ же въ Дрезденъ, Чудовскаго.

Зубаревъ спрашиваетъ меня, кто такой Чудовскій? Я, или лучше, самъ священникъ сказалъ, что онъ изъ пѣвчихъ.

— „Сколько ему назначается жалованья“?

— Пятьсотъ рублей.

— „А ему, смотря на меня, полторы тысячи рублей! Вы сами теперь видите, сказалъ Зубаревъ, разницу между достоинствами жениховъ.

Сими и подобными симъ словами мой сватъ уговорилъ священника выдать родственницу свою за меня, хотя я еще и не видалъ ее. Священникъ, извинясь, что невѣста была больна горячкою, что не совсѣмъ еще выздоровѣла, и что теперь спитъ, разбудилъ однакожъ ее и невѣста вышла къ намъ. Я смотрѣлъ на нее глазами моего свата, и слѣды, оставшіеся послѣ горячки, для меня

*) Графство пожаловано ему послѣ.

прокурору святѣйшаго синода Алексѣю Ивановичу Мусспну-Пушкину*). Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я сего дня. Я напередъ уже воображалъ себѣ всѣ выгоды отъ путешествія въ чужіе края, отъ занятія столь важнаго пòста. На другой день поутру явился я къ его высокопреосвященству и, получивъ письмо, отправился къ оберъ-прокурору. Алексѣй Ивановичъ, прочитавъ, письмо принялъ меня очень ласково, вошелъ со мною въ ученый разговоръ и отпустилъ съ отвѣтомъ на письмо митрополита. Не знаю, что было писано въ отвѣтѣ, но митрополитъ, прочитавъ его, велѣлъ мнѣ пріискивать себѣ невѣсту и, по пріисканіи, явиться къ нему. Имѣя весьма мало знакомыхъ, у себя а особливо для такого случая, я бросился къ учителю Владимірскаго народнаго училища Зубареву, какъ женатому изъ моихъ знакомыхъ и мы, въ тотъ же день, ночью пустились въ Петергофъ смотрѣть невѣсту у знакомаго ему священника. Вотъ начало романа моей жизни!

Мы пріѣхали къ священнику въ часъ за полночь. Разумѣется, что всѣ спали. Зубаревъ, конечно, весьма былъ знакомъ, что осмѣлился такъ безпокоить духовную особу. Безъ дальнихъ околичностей, онъ объявилъ хозяину о причинѣ нашего пріѣзда. Невѣста надобно знать, была не дочь, но родственница священника. Зубаревъ, расхваливъ меня, какъ должно жениха, сказалъ о моемъ назначеніи, о жалованьѣ. Священникъ все это принялъ очень хорошо, только сказалъ, что невѣста уже сосватана.

— „За кого“?

— За назначеннаго изъ семинаристовъ же въ Дрезденъ, Чудовскаго.

Зубаревъ спрашиваетъ меня, кто такой Чудовскій? Я, или лучше, самъ священникъ сказалъ, что онъ изъ пѣвчихъ.

— „Сколько ему назначается жалованья“?

— Пятьсотъ рублей.

— „А ему, смотря на меня, полторы тысячи рублей! Вы сами теперь видите, сказалъ Зубаревъ, разницу между достоинствами женіховъ.

Сими и подобными симъ словами мой сватъ уговорилъ священника выдать родственницу свою за меня, хотя я еще и не видалъ ее. Священникъ, извинясь, что невѣста была больна горячкою, что не совсѣмъ еще выздоровѣла, и что теперь спитъ, разбудилъ однакожъ ее и невѣста вышла къ намъ. Я смотрѣлъ на нее глазами моего свата, и слѣды, оставшіеся послѣ горячки, для меня

*) Графство пожаловано ему послѣ.

были непримѣтны. Мнѣ нужна была невѣста; ее мнѣ хвалятъ. Священникъ преклонился на мою сторону, или на мои полторы тысячи рублей; самъ я молодъ, неопытенъ,—какъ не быть невѣстѣ для меня красавицей! Она мнѣ понравилась, и я ей не былъ противенъ. И такъ, невѣста найдена! Съ сею мыслію я возвратился въ Петербургъ.

Поутру, на другой день, являюсь къ митрополиту: Чудовскій уже тутъ. Вскорѣ выходитъ къ намъ его высокопреосвященство и обращаетъ рѣчь ко мнѣ:—„Нашелъ ли невѣсту?“

— Нашелъ, ваше преосвященство!

— „Гдѣ?“

— Въ Петергофѣ—у священника...

Чудовскій, при сихъ словахъ, бросается митрополиту въ ноги, плачетъ и говоритъ, что это его невѣста, что она дала ему слово, и что онъ не отстанетъ отъ нея. — Достопочтеннѣйшій старецъ, разсмѣявшись, велѣлъ мнѣ разсказать, какъ я вздумалъ свататься на невѣстѣ, уже сосватанной. Я разсказалъ и старецъ, насмѣявшись вдоволь, сказалъ мнѣ.

— „Ну, уступи ему; я тебѣ самъ найду невѣсту: въ Кронштадтѣ есть молодая дѣвица, прекрасная. Я пошлю тебя посмотрѣть ее съ Маркомъ Аѳиногеновымъ (это былъ дворецкій митрополита); а не понравится она, найдемъ другую.“

Слова сіи примирили насъ, соперниковъ. Я не сталъ домогаться поединкомъ рѣшить спорное наше дѣло, какъ потому, что въ семинаріяхъ, благодаря Бога, поединки не водятся, такъ и потому, что мнѣ некогда было и влюбиться въ смотрѣнную дѣвицу. Митрополитъ благословилъ Чудовскаго на вступленіе съ нею въ бракъ; а мнѣ сказалъ, что пришлетъ за мною въ тотъ день, когда можно будетъ дворецкому ѣхать со мною.

Проходитъ день — владыка не присылаетъ за мною; проходитъ другой—такимъ же образомъ. На третій день зовутъ меня. Я полетѣлъ къ его высокопреосвященству, въ близкой надеждѣ увидѣть мою кронштадтскую невѣсту, но встрѣченъ былъ отъ него сими словами:

— Знаешь ли что? Императрица перемѣнила свое намѣреніе въ посылкѣ бѣльца въ Голландію и велѣла назначить іеромонаха, по причинѣ мѣстнаго неудобства жить въ домѣ греческаго купеческаго общества семейному человѣку. Хочешь ли въ монахи? такъ поѣдешь въ Голландію?“

Предоставляю всякому представить себя въ моемъ положеніи при

были непримѣтны. Мнѣ нужна была невѣста; ее мнѣ хвалятъ. Священникъ преклонился на мою сторону, или на мои полторы тысячи рублей; самъ я молодъ, неопытенъ,—какъ не быть невѣстѣ для меня красавицей! Она мнѣ понравилась, и я ей не былъ противенъ. И такъ, невѣста найдена! Съ сею мыслію я возвратился въ Петербургъ.

Поутру, на другой день, являюсь къ митрополиту: Чудовскій уже тутъ. Вскорѣ выходитъ къ намъ его высокопреосвященство и обращаетъ рѣчь ко мнѣ:—„Нашелъ ли невѣсту?“

— Нашелъ, ваше преосвященство!

— „Гдѣ?“

— Въ Петергофѣ—у священника...

Чудовскій, при сихъ словахъ, бросается митрополиту въ ноги, плачетъ и говоритъ, что это его невѣста, что она дала ему слово, и что онъ не отстанетъ отъ нея. — Достопочтеннѣйшій старецъ, разсмѣявшись, велѣлъ мнѣ разсказать, какъ я вздумалъ свататься на невѣстѣ, уже сосватанной. Я разсказалъ и старецъ, насмѣявшись вдоволь, сказалъ мнѣ.

— „Ну, уступи ему; я тебѣ самъ найду невѣсту: въ Кронштадтѣ есть молодая дѣвица, прекрасная. Я пошлю тебя посмотрѣть ее съ Маркомъ Аѳиногеновымъ (это былъ дворецкій митрополита); а не понравится она, найдемъ другую.“

Слова сіи примирили насъ, соперниковъ. Я не сталъ домогаться поединкомъ рѣшить спорное наше дѣло, какъ потому, что въ семинаріяхъ, благодаря Бога, поединки не водятся, такъ и потому, что мнѣ некогда было и влюбиться въ смотрѣнную дѣвицу. Митрополитъ благословилъ Чудовскаго на вступленіе съ нею въ бракъ; а мнѣ сказалъ, что пришлетъ за мною въ тотъ день, когда можно будетъ дворецкому ѣхать со мною.

Проходитъ день — владыка не присылаетъ за мною; проходитъ другой—такимъ же образомъ. На третій день зовутъ меня. Я полетѣлъ къ его высокопреосвященству, въ близкой надеждѣ увидѣть мою кронштадтскую невѣсту, но встрѣченъ былъ отъ него сими словами:

— Знаешь ли что? Императрица перемѣнила свое намѣреніе въ посылкѣ бѣльца въ Голландію и велѣла назначить іеромонаха, по причинѣ мѣстнаго неудобства жить въ домѣ греческаго купеческаго общества семейному человѣку. Хочешь ли въ монахи? такъ поѣдешь въ Голландію?“

Предоставляю всякому представить себя въ моемъ положеніи при

таковомъ неожиданномъ вопросѣ. Извлечь молодаго человѣка изъ уединенныхъ его занятій, при которыхъ ни о чемъ онъ болѣе не думалъ, кромѣ усовершенствованія себя въ наукахъ; предложить ему прекрасное мѣсто, прекрасный случай для распространенія своихъ познаній; познакомить его съ впечатлѣніями и чувствованіями, которыхъ онъ дотолѣ старался избѣгать; приготовить его къ выходу въ свѣтъ и потомъ предложить отказаться отъ него... Долго не могъ я ничего отвѣчать на это предложеніе, не находя словъ для выраженія боровшихся во мнѣ чувствованій. Митрополитъ, видя мое смущеніе, сказалъ:

— „Я тебя не неволю. Подумай хорошенько".

— Ваше высокопреосвященство! въ слезахъ отвѣчалъ я, это дѣло такъ важно, что я въ лѣтахъ своихъ никакъ не могу на то рѣшиться. — Тогда мнѣ былъ всего двадцатый годъ отъ роду.

— „Очень хорошо; такъ оставайся здѣсь. Я тебя не отдамъ вашему преосвященному, послужи у меня, а послѣ получишь въ Петербургѣ лучшее священническое мѣсто, если не захочешь идти въ монахи."

И такъ, лестныя мечты мои разрушились, надежды мои получить важное мѣсто, быть въ чужихъ краяхъ, исчезли какъ сновидѣніе. Не знаю, дѣйствительно-ли послѣдовала такая перемѣна въ назначеніи вмѣсто бѣльца монаха, или были другія какія причины оставить меня здѣсь, только въ скоромъ времени туда былъ посланъ іеромонахъ природный грекъ, находившійся при преосвященномъ Евгеніѣ.

Погрустивъ нѣсколько времени объ улетѣвшемъ, по тогдашнему моему мнѣнію, счастіи, я принялся опять за свои упражненія, предавшись промыслу Божію, устроивающему судьбу нашу неисповѣдимо. Впослѣдствіи открылось, что счастіе мое было бы кратковременно. Не болѣе, какъ черезъ три года, въ Голландіи возникла революція; іеромонаха, посланнаго туда, чернь чуть было не убила. Онъ принужденъ былъ оттуда возвратиться. И невѣста моя прожила въ Дрезденѣ съ моимъ соперникомъ не болѣе трехъ лѣтъ; прожила ли бы она долѣе на свѣтѣ со мной не извѣстно. Только два, эти обстоятельства для меня были весьма наставительны, чтобъ никогда не предаваться отчаянію, при самыхъ великихъ потеряхъ.

Наступило время разставанія съ пріѣхавшими со мною, изъ Полтавы, товарищами. Нашъ преосвященный писалъ къ митрополиту, что въ его семинаріи настоитъ нужда въ учителяхъ и чтобы мы

таковомъ неожиданномъ вопросѣ. Извлечь молодаго человѣка изъ уединенныхъ его занятій, при которыхъ ни о чемъ онъ болѣе не думалъ, кромѣ усовершенствованія себя въ наукахъ; предложить ему прекрасное мѣсто, прекрасный случай для распространенія своихъ познаній; познакомить его съ впечатлѣніями и чувствованіями, которыхъ онъ дотолѣ старался избѣгать; приготовить его къ выходу въ свѣтъ и потомъ предложить отказаться отъ него... Долго не могъ я ничего отвѣчать на это предложеніе, не находя словъ для выраженія боровшихся во мнѣ чувствованій. Митрополитъ, видя мое смущеніе, сказалъ:

— „Я тебя не неволю. Подумай хорошенько“.

— Ваше высокопреосвященство! въ слезахъ отвѣчалъ я, это дѣло такъ важно, что я въ лѣтахъ своихъ никакъ не могу на то рѣшиться. — Тогда мнѣ былъ всего двадцатый годъ отъ роду.

— „Очень хорошо; такъ оставайся здѣсь. Я тебя не отдамъ вашему преосвященному, послужи у меня, а послѣ получишь въ Петербургѣ лучшее священническое мѣсто, если не захочешь идти въ монахи.“

И такъ, лестныя мечты мои разрушились, надежды мои получить важное мѣсто, быть въ чужихъ краяхъ, исчезли какъ сновидѣніе. Не знаю, дѣйствительно-ли послѣдовала такая перемѣна въ назначеніи вмѣсто бѣльца монаха, или были другія какія причины оставить меня здѣсь, только въ скоромъ времени туда былъ посланъ іеромонахъ природный грекъ, находившійся при преосвященномъ Евгеніѣ.

Погрустивъ нѣсколько времени объ улетѣвшемъ, по тогдашнему моему мнѣнію, счастіи, я принялся опять за свои упражненія, предавшись промыслу Божію, устроивающему судьбу нашу неисповѣдимо. Впослѣдствіи открылось, что счастіе мое было бы кратковременно. Не болѣе, какъ черезъ три года, въ Голландіи возникла революція; іеромонаха, посланнаго туда, чернь чуть было не убила. Онъ принужденъ былъ оттуда возвратиться. И невѣста моя прожила въ Дрезденѣ съ моимъ соперникомъ не болѣе трехъ лѣтъ; прожила ли бы она долѣе на свѣтѣ со мной не извѣстно. Только два, эти обстоятельства для меня были весьма наставительны, чтобъ никогда не предаваться отчаянію, при самыхъ великихъ потеряхъ.

Наступило время разставанія съ пріѣхавшими со мною, изъ Полтавы, товарищами. Нашъ преосвященный писалъ къ митрополиту, что въ его семинаріи настоитъ нужда въ учителяхъ и чтобы мы

возвратились. И такъ, товарищи мои отправлены, *) а я оставленъ здѣсь. Минута прощанія съ ними весьма памятна для меня однимъ обстоятельствомъ. Товарищей моихъ провожалъ, со мною, до Знаменскаго моста и Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Прощаясь съ ними, онъ сказалъ, что удивляется моей къ нему холодности, что всѣ товарищи любятъ его и къ нему привязаны, а обо мнѣ одномъ онъ сомнѣвается и просилъ ихъ, чтобы хотя они его со мною сдружили. Эти слова удивили меня не мало. Я не думалъ, чтобы товарищъ, котораго я внутренно уважалъ, такъ занимался наружными знаками моего чувствованія къ нему. Я склоненъ былъ къ простотѣ и сопряженной съ нею искренности, естественности и откровенности и равнодушенъ былъ ко всему противному. Съ сими свойствами неразлучна чувствительность, которая, какъ извѣстно, питается уединеніемъ. Можетъ быть, тутъ надобно искать причины моего равнодушія не къ Сперанскому одному, но вообще ко всѣмъ, казавшимся мнѣ не любящими простоты, не теряя, впрочемъ, нимало должнаго къ ихъ талантамъ и ко всѣмъ достоинствамъ уваженія. Таковая расчетливость въ незрѣломъ умѣ и молодомъ сердцѣ могла быть погрѣшительна; но, признаюсь, она была во мнѣ. Симъ то чувствованіемъ увлекаемый, я привязался больше всѣхъ изъ товарищей къ М. С. Сахарову, какъ ни страннымъ, впрочемъ, казался онъ въ своемъ обращеніи. На семъ-то расчетѣ, по одному отзыву сего друга моего, немедленно списался я съ Дмитріемъ Федоровичемъ Смирновымъ, нынѣ статскимъ совѣтникомъ, бывшимъ тогда въ Ярославѣ учителемъ, и съ тѣхъ поръ остались мы друзьями на всю жизнь. Да проститъ, Михаилъ Михайловичъ, сей почтенный мужъ, и настоящимъ откровеннымъ строкамъ моимъ. Онъ лучше меня знаетъ, сколь чувствованія и склонности наши удобоперемѣнны; сколько одинъ и тотъ же человѣкъ не походитъ на себя въ разныхъ возрастахъ своихъ и сколько я самъ впослѣдствіи сдѣлался къ нему приверженнымъ, не ослѣпляясь, впрочемъ, ни мало лучами славы, его окружавшими. Посредничество моихъ товарищей, для сдруженія насъ, оказалось излишнимъ: довольно было одной искры откровенности, чтобъ возжечь во мнѣ пламень сего священнаго чувства.

Оставленъ будучи здѣсь навсегда, я продолжалъ обучать грече-

*) Изъ нихъ Дмитрій Степановичъ Стефановскій былъ протоіереемъ въ Полтавѣ и умеръ; а Демьянъ Васильевичъ Пличевскій, вышедши въ статскую службу, дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и нынѣ находится въ Томскѣ гражданскимъ губернаторомъ.

возвратились. И такъ, товарищи мои отправлены, *) а я оставленъ здѣсь. Минута прощанія съ ними весьма памятна для меня однимъ обстоятельствомъ. Товарищей моихъ провожалъ, со мною, до Знаменскаго моста и Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Прощаясь съ ними, онъ сказалъ, что удивляется моей къ нему холодности, что всѣ товарищи любятъ его и къ нему привязаны, а обо мнѣ одномъ онъ сомнѣвается и просилъ ихъ, чтобы хотя они его со мною сдружили. Эти слова удивили меня не мало. Я не думалъ, чтобы товарищъ, котораго я внутренно уважалъ, такъ занимался наружными знаками моего чувствованія къ нему. Я склоненъ былъ къ простотѣ и сопряженной съ нею искренности, естественности и откровенности и равнодушенъ былъ ко всему противному. Съ сими свойствами неразлучна чувствительность, которая, какъ извѣстно, питается уединеніемъ. Можетъ быть, тутъ надобно искать причины моего равнодушія не къ Сперанскому одному, но вообще ко всѣмъ, казавшимся мнѣ не любящими простоты, не теряя, впрочемъ, нимало должнаго къ ихъ талантамъ и ко всѣмъ достоинствамъ уваженія. Таковая расчетливость въ незрѣломъ умѣ и молодомъ сердцѣ могла быть погрѣшительна; но, признаюсь, она была во мнѣ. Симъ то чувствованіемъ увлекаемый, я привязался больше всѣхъ изъ товарищей къ М. С. Сахарову, какъ ни страннымъ, впрочемъ, казался онъ въ своемъ обращеніи. На семъ-то расчетѣ, по одному отзыву сего друга моего, немедленно списался я съ Дмитріемъ Федоровичемъ Смирновымъ, нынѣ статскимъ совѣтникомъ, бывшимъ тогда въ Ярославѣ учителемъ, и съ тѣхъ поръ остались мы друзьями на всю жизнь. Да проститъ, Михаилъ Михайловичъ, сей почтенный мужъ, и настоящимъ откровеннымъ строкамъ моимъ. Онъ лучше меня знаетъ, сколь чувствованія и склонности наши удобоперемѣнны; сколько одинъ и тотъ же человѣкъ не походитъ на себя въ разныхъ возрастахъ своихъ и сколько я самъ впослѣдствіи сдѣлался къ нему приверженнымъ, не ослѣпляясь, впрочемъ, ни мало лучами славы, его окружавшими. Посредничество моихъ товарищей, для сдруженія насъ, оказалось излишнимъ: довольно было одной искры откровенности, чтобъ возжечь во мнѣ пламень сего священнаго чувства.

Оставленъ будучи здѣсь навсегда, я продолжалъ обучать грече-

*) Изъ нихъ Дмитрій Степановичъ Стефановскій былъ протоіереемъ въ Полтавѣ и умеръ; а Демьянъ Васильевичъ Пличевскій, вышедши въ статскую службу, дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и нынѣ находится въ Томскѣ гражданскимъ губернаторомъ.

скому языку. Вскорѣ, сверхъ сей должности, поручепъ былъ мнѣ надзоръ за поведеніемъ семинаристовъ; потомъ данъ классъ ординарный латинской грамматики, за симъ поэзіи и наконецъ риторики. Изъ учениковъ моихъ многіе и нынѣ находятся при церквахъ въ здѣшней столицѣ и при другихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ, нынѣшній С.-Петербургскій викарный преосвященный епископъ Владиміръ обучался у меня грамматикѣ; придворный протоіерей Григорій Мансветовъ былъ первымъ ученикомъ моимъ въ поэзіи, риторикѣ и въ греческомъ языкѣ. Онъ съ отличною похвалою занимаетъ мѣсто и законоучителя при здѣшней гимназіи; также сочинилъ и издалъ одну назидательную книгу въ нѣсколькихъ частяхъ. Протоіерей Яковъ Вознесенскій обучался у меня тѣмъ же предметамъ. Онъ прежде былъ законоучителемъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Екатерининскомъ институтѣ, а нынѣ находится при церкви Богоматери всѣхъ скорбящихъ. Онъ также сочинилъ и издалъ одну книгу. Протоіерей Алексѣй Менгошскій обучался у меня тому же; находится при Благовѣщенской церкви, на Васильевскомъ Острову и пр. и пр.

Въ продолженіе сего времени, угодно было митрополиту поручить мнѣ перевести на еллинскій языкъ свое сочиненіе, напечатанное въ листѣ *О церковныхъ обрядахъ*. Всю эту книгу я перевелъ и представилъ Его Высокопреосвященству. Въ продолженіе перевода моего, тетради онаго разсматриваны были, по соизволенію Гавріила, преосвященнымъ Евгеніемъ, который, кажется, былъ имъ доволенъ, Намѣреніе митрополита было то, чтобъ его книга переведена была и издана въ свѣтъ на еллинскомъ и на латинскомъ языкахъ. О послѣдствіи сего мнѣ ничего не извѣстно; но отрывки черныхъ листовъ моего перевода остаются у меня и понынѣ. Обучая риторикѣ, я вздумалъ перевести на русскій языкъ сочиненіе греческаго ритора Димитрія Фалерія *О словоизображеніи* и переводъ свой представилъ ректору.

Въ 1793 году Александръ Ивановичъ Клушинъ и Иванъ Андреевичъ Крыловъ издавали здѣсь журналъ, подъ названіемъ: *Санктпетербургскій Меркурій*. Желая узнать, заслуживаютъ ли мои сочиненія вниманія издателей, я послалъ къ г-ну Клушину пару своихъ стиховъ: 1) *Къ бардамъ* и 2) *Взоръ на протекшія лѣта*, при письмѣ, въ которомъ просилъ его разсмотрѣть стихи мои со всею строгостію безпристрастнаго критика, и если стоютъ быть изданными въ свѣтъ, напечатать ихъ въ своемъ журналѣ; въ противномъ случаѣ, предать забвенію. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого же года, я, къ

скому языку. Вскорѣ, сверхъ сей должности, поручень былъ мнѣ надзоръ за поведеніемъ семинаристовъ; потомъ данъ классъ ординарный латинской грамматики, за симъ поэзіи и наконецъ риторики. Изъ учениковъ моихъ многіе и нынѣ находятся при церквахъ въ здѣшней столицѣ и при другихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ, нынѣшній С.-Петербургскій викарный преосвященный епископъ Владиміръ обучался у меня грамматикѣ; придворный протоіерей Григорій Мансветовъ былъ первымъ ученикомъ моимъ въ поэзіи, риторикѣ и въ греческомъ языкѣ. Онъ съ отличною похвалою занимаетъ мѣсто и законоучителя при здѣшней гимназіи; также сочинилъ и издалъ одну назидательную книгу въ нѣсколькихъ частяхъ. Протоіерей Яковъ Вознесенскій обучался у меня тѣмъ же предметамъ. Онъ прежде былъ законоучителемъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Екатерининскомъ институтѣ, а нынѣ находится при церкви Богоматери всѣхъ скорбящихъ. Онъ также сочинилъ и издалъ одну книгу. Протоіерей Алексѣй Менгошскій обучался у меня тому же; находится при Благовѣщенской церкви, на Васильевскомъ Острову и пр. и пр.

Въ продолженіе сего времени, угодно было митрополиту поручить мнѣ перевести на еллинскій языкъ свое сочиненіе, напечатанное въ листѣ *О церковныхъ обрядахъ*. Всю эту книгу я перевелъ и представилъ Его Высокопреосвященству. Въ продолженіе перевода моего, тетради онаго разсматриваны были, по соизволенію Гавріила, преосвященнымъ Евгеніемъ, который, кажется, былъ имъ доволенъ, Намѣреніе митрополита было то, чтобъ его книга переведена была и издана въ свѣтъ на еллинскомъ и на латинскомъ языкахъ. О послѣдствіи сего мнѣ ничего не извѣстно; но отрывки черныхъ листовъ моего перевода остаются у меня и понынѣ. Обучая риторикѣ, я вздумалъ перевести на русскій языкъ сочиненіе греческаго ритора Димитрія Фалерія *О слововыраженіи* и переводъ свой представилъ ректору.

Въ 1793 году Александръ Ивановичъ Клушинъ и Иванъ Андреевичъ Крыловъ издавали здѣсь журналъ, подъ названіемъ: *Санктпетербургскій Меркурій*. Желая узнать, заслуживаютъ ли мои сочиненія вниманія издателей, я послалъ къ г-ну Клушину пару своихъ стиховъ: 1) *Къ бардамъ* и 2) *Взоръ на протекшія лѣта*, при письмѣ, въ которомъ просилъ его разсмотрѣть стихи мои со всею строгостію безпристрастнаго критика, и если стоютъ быть изданными въ свѣтъ, напечатать ихъ въ своемъ журналѣ; въ противномъ случаѣ, предать забвенію. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого же года, я, къ

несказанному своему удовольствію, увидѣлъ напечатанными, оба сіи стихотворенія, вмѣстѣ съ примѣчаніями издателей. Большая часть замѣчаній клонилась въ мою похвалу. Справедливы ли онѣ, или нѣтъ, довольно того, что онѣ весьма ободрили меня къ продолженію таковыхъ занятій. Похвала ихъ была для меня тѣмъ лестнѣе, что я первый изъ товарищей отважился выдти на позорище, такъ сказать, читающей публики въ печатномъ нарядѣ и не былъ посрамленъ. Около половины сего года, Клушинъ, по желанію его, уволенъ въ чужіе края. Императрица Екатерина Великая пожаловала ему на сіе путешествіе жалованье за пять лѣтъ впередъ, по 300 рублей, всего 1500 рублей, и съ тѣхъ поръ онъ, неизвѣстно мнѣ, куда уѣхалъ, а Крыловъ также уѣхалъ къ какому-то помѣщику въ деревню. Такимъ образомъ, изданіе Меркурія легло на мнѣ. Хорошіе и дурные переводы и сочиненія свои началъ я помѣщать въ немъ, по своему произволенію. Изъ числа первыхъ, кажется, достойно только вниманія сочиненіе г-на *Попе О человѣческой жизни*; а изъ сочиненій прозаическихъ и стихотворческихъ почти ни одно не нравится мнѣ. Впрочемъ, предоставляю судить объ нихъ другимъ.

Это появленіе мое въ свѣтъ издателей доставило мнѣ знакомство съ нѣкоторыми стихотворцами, прозаиками и всѣми книгопродавцами. По окончаніи Меркурія, перевелъ я съ французскаго языка поэму г-на Цахарія: *Четыре части дня* и продалъ В. А. Плавильщикову.

Между тѣмъ, знакомство мое увеличивалось. Одинъ изъ товарищей моихъ, Д. С. Стефановскій, обучалъ дѣтей у штабъ-лекаря конно-гвардейскаго Х. П. Книпера. Отъѣзжая въ Полтаву, онъ кондицію свою передалъ мнѣ. Хотя она не такъ была завидна по платѣ, но полезна была для молодаго человѣка, вступающаго въ свѣтъ. У него могъ я видѣть свѣтскую компанію и знакомиться съ людьми хорошаго тона. Тутъ-то я познакомился и съ семействомъ почтеннаго П. И. Сазанова, который впослѣдствіи любилъ меня, какъ роднаго своего сына. Онъ нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ, потомъ просилъ учить русской грамотѣ лифляндскую дворянку, дѣвицу, оставшуюся въ сиротствѣ, безъ отца и безъ матери, жившую у него по дружбѣ съ управлявшею его домомъ женщиною, также лифляндкою. Въ непродолжительномъ времени присланное отъ Д. С. Стефановскаго къ сему старику письмо, заставило меня войдти въ сей домъ, въ который былъ столько разъ и прежде приглашаемъ; но войдти въ оный держивала меня стыдливость, ибо я видѣлъ эту дѣвицу у Х. П.

несказанному своему удовольствію, увидѣлъ напечатанными, оба сіи стихотворенія, вмѣстѣ съ примѣчаніями издателей. Большая часть замѣчаній клонилась въ мою похвалу. Справедливы ли онѣ, или нѣтъ, довольно того, что онѣ весьма ободрили меня къ продолженію таковыхъ занятій. Похвала ихъ была для меня тѣмъ лестнѣе, что я первый изъ товарищей отважился выдти на позорище, такъ сказать, читающей публики въ печатномъ нарядѣ и не былъ посрамленъ. Около половины сего года, Клушинъ, по желанію его, уволенъ въ чужіе края. Императрица Екатерина Великая пожаловала ему на сіе путешествіе жалованье за пять лѣтъ впередъ, по 300 рублей, всего 1500 рублей, и съ тѣхъ поръ онъ, неизвѣстно мнѣ, куда уѣхалъ, а Крыловъ также уѣхалъ къ какому-то помѣщику въ деревню. Такимъ образомъ, изданіе Меркурія легло на мнѣ. Хорошіе и дурные переводы и сочиненія свои началъ я помѣщать въ немъ, по своему произволенію. Изъ числа первыхъ, кажется, достойно только вниманія сочиненіе г-на *Попе О человѣческой жизни*; а изъ сочиненій прозаическихъ и стихотворческихъ почти ни одно не нравится мнѣ. Впрочемъ, предоставляю судить объ нихъ другимъ.

Это появленіе мое въ свѣтъ издателей доставило мнѣ знакомство съ нѣкоторыми стихотворцами, прозаиками и всѣми книгопродавцами. По окончаніи Меркурія, перевелъ я съ французскаго языка поэму г-на Цахарія: *Четыре части дня* и продалъ В. А. Плавильщикову.

Между тѣмъ, знакомство мое увеличивалось. Одинъ изъ товарищей моихъ, Д. С. Стефановскій, обучалъ дѣтей у штабъ-лекаря конно-гвардейскаго Х. П. Книпера. Отъѣзжая въ Полтаву, онъ кондицію свою передалъ мнѣ. Хотя она не такъ была завидна по платѣ, но полезна была для молодаго человѣка, вступающаго въ свѣтъ. У него могъ я видѣть свѣтскую компанію и знакомиться съ людьми хорошаго тона. Тутъ-то я познакомился и съ семействомъ почтеннаго П. И. Сазанова, который впослѣдствіи любилъ меня, какъ роднаго своего сына. Онъ нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ, потомъ просилъ учить русской грамотѣ лифляндскую дворянку, дѣвицу, оставшуюся въ сиротствѣ, безъ отца и безъ матери, жившую у него по дружбѣ съ управлявшею его домомъ женщиною, также лифляндкою. Въ непродолжительномъ времени присланное отъ Д. С. Стефановскаго къ сему старику письмо, заставило меня войдти въ сей домъ, въ который былъ столько разъ и прежде приглашаемъ; но войдти въ оный держивала меня стыдливость, ибо я видѣлъ эту дѣвицу у Х. П.

Киппера и думалъ, что мнѣ надобно нѣсколько поостеречься, чтобъ изъ учителя не сдѣлаться любовникомъ, женихомъ, а потомъ и мужемъ ея. Но такъ Богу было угодно; все это сбылось со мною. Я училъ ее русской грамотѣ, читалъ съ нею русскія книги, и вмѣстѣ учился любить ее и читать въ ея глазахъ и обращеніи со мною взаимное ко мнѣ чувствованіе. Чѣмъ болѣе занимался я съ своею ученицею, тѣмъ любовь моя, но какая-то почтительная любовь, усиливалась во мнѣ. Я нашелъ въ ней всѣ достоинства и качества, которыя считалъ необходимыми для сдѣланія мужа счастливымъ, и, не смотря на бѣдность ея и свою, рѣшился объясниться съ нею: желаетъ ли она выдти за меня, если я выйду въ статскую службу и пристроюсь къ мѣсту. Получивъ на то ея согласіе, я получилъ, какъ бы, крылья, или исполинскія силы преодолѣть всѣ препятствія, предлежавшія мнѣ къ переходу изъ Невскаго училища въ другую службу. Будучи увѣренъ, что митрополитъ никакъ меня не выпуститъ изъ подъ своего начальства, я не смѣлъ объясниться ему о своемъ положеніи и прибѣгнулъ къ другому средству, открылся во всемъ преосвященному Евгенію, который, войдя въ мою участь, какъ отецъ, поѣхалъ къ митрополиту просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ избрать родъ службы, какой пожелаю, а не принуждать идти въ монахи, или въ попы. Гавріилъ чрезвычайно уважалъ преосвященнаго Евгенія и не могъ отказать ему въ ходатайствуемомъ; почему призвавъ меня на другой день къ себѣ, далъ мнѣ благословеніе вступить въ свѣтскую службу, впрочемъ, не безъ предостереженія, чтобы я послѣ не раскаявался. Онъ приводилъ мнѣ нѣсколько примѣровъ вышедшимъ въ свѣтское званіе и служившимъ не слишкомъ счастливо; а мнѣ представлялъ блистательные виды въ случаѣ, когда бы я пошелъ въ монахи. Тогда опоздало уже для меня наставленіе сего почтеннѣйшаго мужа. Я восхищался тѣмъ, что хотя не охотно, но позволяетъ онъ перемѣнить мнѣ службу свою и бросился съ благодарностію къ преосвященному Евгенію за его о мнѣ ходатайство.

Но какъ найдти мѣсто безъ покровительства, безъ случая, безъ денегъ? Не имѣя ничего этого, я рѣшился самъ прокладывать себѣ дорогу въ статской службѣ.

Услышавъ, что въ Заемномъ банкѣ есть ваканція по бухгалтерской части и пріобрѣвъ порядочныя свѣдѣнія въ чистой математикѣ, я считалъ, что могу быть способнымъ къ занятію сего мѣста и рѣшился искать его.

Киппера и думалъ, что мнѣ надобно нѣсколько поостеречься, чтобъ изъ учителя не сдѣлаться любовникомъ, женихомъ, а потомъ и мужемъ ея. Но такъ Богу было угодно; все это сбылось со мною. Я училъ ее русской грамотѣ, читалъ съ нею русскія книги, и вмѣстѣ учился любить ее и читать въ ея глазахъ и обращеніи со мною взаимное ко мнѣ чувствованіе. Чѣмъ болѣе занимался я съ своею ученицею, тѣмъ любовь моя, но какая-то почтительная любовь, усиливалась во мнѣ. Я нашелъ въ ней всѣ достоинства и качества, которыя считалъ необходимыми для сдѣланія мужа счастливымъ, и, не смотря на бѣдность ея и свою, рѣшился объясниться съ нею: желаетъ ли она выдти за меня, если я выйду въ статскую службу и пристроюсь къ мѣсту. Получивъ на то ея согласіе, я получилъ, какъ бы, крылья, или исполинскія силы преодолѣть всѣ препятствія, предлежавшія мнѣ къ переходу изъ Невскаго училища въ другую службу. Будучи увѣренъ, что митрополитъ никакъ меня не выпуститъ изъ подъ своего начальства, я не смѣлъ объясниться ему о своемъ положеніи и прибѣгнулъ къ другому средству, открылся во всемъ преосвященному Евгенію, который, войдя въ мою участь, какъ отецъ, поѣхалъ къ митрополиту просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ избрать родъ службы, какой пожелаю, а не принуждать идти въ монахи, или въ попы. Гавріилъ чрезвычайно уважалъ преосвященнаго Евгенія и не могъ отказать ему въ ходатайствуемомъ; почему призвавъ меня на другой день къ себѣ, далъ мнѣ благословеніе вступить въ свѣтскую службу, впрочемъ, не безъ предостереженія, чтобы я послѣ не раскаявался. Онъ приводилъ мнѣ нѣсколько примѣровъ вышедшимъ въ свѣтское званіе и служившимъ не слишкомъ счастливо; а мнѣ представлялъ блистательные виды въ случаѣ, когда бы я пошелъ въ монахи. Тогда опоздало уже для меня наставленіе сего почтеннѣйшаго мужа. Я восхищался тѣмъ, что хотя не охотно, но позволяетъ онъ перемѣнить мнѣ службу свою и бросился съ благодарностію къ преосвященному Евгенію за его о мнѣ ходатайство.

Но какъ найдти мѣсто безъ покровительства, безъ случая, безъ денегъ? Не имѣя ничего этого, я рѣшился самъ прокладывать себѣ дорогу въ статской службѣ.

Услышавъ, что въ Заемномъ банкѣ есть ваканція по бухгалтерской части и пріобрѣвъ порядочныя свѣдѣнія въ чистой математикѣ, я считалъ, что могу быть способнымъ къ занятію сего мѣста и рѣшился искать его.

Въ то время управлялъ симъ банкомъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, который слылъ вельможею ученымъ, достойнымъ и благосклоннымъ. Я написалъ къ нему просительное письмо, объ опредѣленіи меня въ банкъ и въ одно утро явился къ нему. Подалъ ему письмо, которое онъ прочитавъ, обратился къ секретарю своему М. Ковалеву и велѣлъ ему справиться, есть ли тамъ ваканція, а мнѣ навѣдаться къ нему. Г. Ковалевъ приказалъ побывать, себѣ черезъ нѣсколько дней; что я не замедлилъ исполнить, взявъ съ собою журналъ: *С.-Петербургскій Меркурій*, въ которомъ довольно помѣщено моихъ переводовъ и сочиненій въ стихахъ и прозѣ, — въ подарокъ секретарю и между тѣмъ чтобъ зарекомендовать ему себя, — обыкновенной способъ, къ которому наша братья прибѣгаетъ. Книга и я приняты были имъ благосклонно; но о мѣстѣ сказано мнѣ, что свѣдѣнія еще изъ банка не доставлено и велѣно навѣдаться въ другой разъ. Второй пріемъ не походилъ уже на первой; я принятъ былъ не какъ *мужъ, коего сочиненія и переводы существуютъ въ печати*, не *какъ стихотворецъ и прозаикъ*, не *какъ знающій нѣсколько и древнихъ и новыхъ языковъ*, — обо всемъ этомъ, думалъ я, секретарь могъ удостовѣриться изъ моего Меркурія, — но какъ обыкновенный, ничего не значущій, ни кѣмъ не представленный, бѣдный проситель. Послѣ стоянія, почти двухчасоваго, въ прихожей, мнѣ сказано только, чтобы я навѣдывался.—Нѣтъ ваканціи, отвѣтствовано мнѣ, когда я, пришедши въ третій разъ къ секретарю, просилъ его сказать мнѣ что нибудь рѣшительно. Съ сокрушеннымъ сердцемъ я отнесъ сіе извѣстіе къ своей невѣстѣ и пролилъ нѣсколько слезъ на жертвенникъ любви невинной. Не винилъ я секретаря за отказъ; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, не было ваканціи, или и была, но вскорѣ занята. Можетъ быть, разсчтено, что мѣсто не по мнѣ т. е. не по моимъ свѣдѣніямъ, которыя были у меня только теоретическія, или не по моему званію, ибо я былъ только простой учитель, безъ всякаго чина. Хорошо, по крайней мѣрѣ, и то, что не питали меня пустою надеждою.

Послѣ сего неудачнаго опыта, думая, куда бы мнѣ прилично опредѣлиться по свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ мною въ училищѣ, я разчелъ, что въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ не безполезенъ бы я былъ для переводовъ съ греческаго языка. Мысль счастливая! Въ одинъ день, сажусь за столъ и пишу новое просительное письмо къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману. Вельможа сей жилъ тогда на дачѣ, что на седьмой верстѣ по Петергофской дорогѣ,

Въ то время управлялъ симъ банкомъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, который слылъ вельможею ученымъ, достойнымъ и благосклоннымъ. Я написалъ къ нему просительное письмо, объ опредѣленіи меня въ банкъ и въ одно утро явился къ нему. Подалъ ему письмо, которое онъ прочитавъ, обратился къ секретарю своему М. Ковалеву и велѣлъ ему справиться, есть ли тамъ ваканція, а мнѣ навѣдаться къ нему. Г. Ковалевъ приказалъ побывать, себѣ черезъ нѣсколько дней; что я не замедлилъ исполнить, взявъ съ собою журналъ: *С.-Петербургскій Меркурій*, въ которомъ довольно помѣщено моихъ переводовъ и сочиненій въ стихахъ и прозѣ, — въ подарокъ секретарю и между тѣмъ чтобъ зарекомендовать ему себя, — обыкновенной способъ, къ которому наша братья прибѣгаетъ. Книга и я приняты были имъ благосклонно; но о мѣстѣ сказано мнѣ, что свѣдѣнія еще изъ банка не доставлено и велѣно навѣдаться въ другой разъ. Второй пріемъ не походилъ уже на первой; я принятъ былъ не какъ *мужъ, коего сочиненія и переводы существуютъ въ печати*, не *какъ стихотворецъ и прозаикъ*, не *какъ знающій нѣсколько и древнихъ и новыхъ языковъ*, — обо всемъ этомъ, думалъ я, секретарь могъ удостовѣриться изъ моего Меркурія, — но какъ обыкновенный, ничего не значущій, ни кѣмъ не представленный, бѣдный проситель. Послѣ стоянія, почти двухчасоваго, въ прихожей, мнѣ сказано только, чтобы я навѣдывался.—Нѣтъ ваканціи, отвѣтствовано мнѣ, когда я, пришедши въ третій разъ къ секретарю, просилъ его сказать мнѣ что нибудь рѣшительно. Съ сокрушеннымъ сердцемъ я отнесъ сіе извѣстіе къ своей невѣстѣ и пролилъ нѣсколько слезъ на жертвенникъ любви невинной. Не винилъ я секретаря за отказъ; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, не было ваканціи, или и была, но вскорѣ занята. Можетъ быть, разсчтено, что мѣсто не по мнѣ т. е. не по моимъ свѣдѣніямъ, которыя были у меня только теоретическія, или не по моему званію, ибо я былъ только простой учитель, безъ всякаго чина. Хорошо, по крайней мѣрѣ, и то, что не питали меня пустою надеждою.

Послѣ сего неудачнаго опыта, думая, куда бы мнѣ прилично опредѣлиться по свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ мною въ училищѣ, я разчелъ, что въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ не безполезенъ бы я былъ для переводовъ съ греческаго языка. Мысль счастливая! Въ одинъ день, сажусь за столъ и пишу новое просительное письмо къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману. Вельможа сей жилъ тогда на дачѣ, что на седьмой верстѣ по Петергофской дорогѣ,

нынѣ принадлежащей князю Щербатову. Хотя шелъ изрядный дождь, однако я изъ Невскаго монастыря пустился къ нему въ башмакахъ и пѣшкомъ. Кое-какъ добрелъ я до дачи графской, явился къ секретарю его Николаю Игнатьевичу Калинину и объявилъ ему причину своего прихода. Этотъ любезный человѣкъ принялъ меня весьма ласково и тотчасъ пошелъ доложить обо мнѣ вице-канцлеру, который въ скоромъ времени и вышелъ ко мнѣ, въ залъ. Я подалъ ему просьбу, съ приложеніемъ собственноручнаго, на латинскомъ языкѣ писаннаго аттестата, даннаго мнѣ архіепископомъ Евгеніемъ, въ знаніи греческаго языка. При подлинникѣ аттестата приложенъ былъ и россійскій переводъ. Графъ, прочитавши прошеніе и переводъ съ аттестата, сказалъ:

— „Вы знакомы съ преосвященнымъ Евгеніемъ? Онъ рекомендуетъ васъ въ знаніи греческаго языка; на его рекомендацію можно положиться. Вы будете приняты".

Будете приняты! внутренно повторилъ я съ восхищеніемъ, которое обнаруживалось во всѣхъ моихъ чертахъ и движеніяхъ.

— „Отошлите его съ этими бумагами, сказалъ онъ Николаю Игнатьевичу, къ Ивану Андреевичу Вейдемейеру, но прежде велите накормить обѣдомъ".

Вотъ что значитъ аттестатъ знаменитаго мужа!

Но какъ я получилъ аттестатъ отъ преосвященнаго Евгенія? Виноватъ, объ этомъ слѣдовало бы мнѣ сказать до описанія похода моего къ вице-канцлеру. Какъ скоро пришло мнѣ на мысль опредѣлиться въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, я тотчасъ открылся въ томъ его преосвященству и просилъ дать мнѣ аттестатъ въ знаніи греческаго языка. Преосвященный отвѣчалъ, что онъ, по моему съ нимъ разговору, по переводамъ съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій языкъ, коихъ опыты были ему извѣстны, какъ я выше имѣлъ случай говорить о томъ, можетъ судить о моихъ свѣдѣніяхъ въ греческомъ языкѣ, но не знаетъ могу ли я писать на греческомъ языкѣ, почему и велѣлъ мнѣ написать на оному небольшое разсужденіе, о томъ, что *во всякое состояніе бываетъ Божіе призваніе, а призваніе сіе познается по внутреннему влеченію къ такому, а не къ другому состоянію.* На другой день я принесъ преосвященному свое сочиненіе, которымъ, къ счастію моему, онъ такъ былъ доволенъ, что къ ободренію ли моему, или по другой какой причинѣ, отозвался, будто не многимъ и природнымъ грекамъ удастся такъ написать и находилъ только двѣ, простительныя впрочемъ, погрѣшности противъ свойства (идіо-

нынѣ принадлежащей князю Щербатову. Хотя шелъ изрядный дождь, однако я изъ Невскаго монастыря пустился къ нему въ башмакахъ и пѣшкомъ. Кое-какъ добрелъ я до дачи графской, явился къ секретарю его Николаю Игнатьевичу Калинину и объявилъ ему причину своего прихода. Этотъ любезный человѣкъ принялъ меня весьма ласково и тотчасъ пошелъ доложить обо мнѣ вице-канцлеру, который въ скоромъ времени и вышелъ ко мнѣ, въ залъ. Я подалъ ему просьбу, съ приложеніемъ собственноручнаго, на латинскомъ языкѣ писаннаго аттестата, даннаго мнѣ архіепископомъ Евгеніемъ, въ знаніи греческаго языка. При подлинникѣ аттестата приложенъ былъ и россійскій переводъ. Графъ, прочитавши прошеніе и переводъ съ аттестата, сказалъ:

— „Вы знакомы съ преосвященнымъ Евгеніемъ? Онъ рекомендуетъ васъ въ знаніи греческаго языка; на его рекомендацію можно положиться. Вы будете приняты".

Будете приняты! внутренно повторилъ я съ восхищеніемъ, которое обнаруживалось во всѣхъ моихъ чертахъ и движеніяхъ.

— „Отошлите его съ этими бумагами, сказалъ онъ Николаю Игнатьевичу, къ Ивану Андреевичу Вейдемейеру, но прежде велите накормить обѣдомъ".

Вотъ что значитъ аттестатъ знаменитаго мужа!

Но какъ я получилъ аттестатъ отъ преосвященнаго Евгенія? Виноватъ, объ этомъ слѣдовало бы мнѣ сказать до описанія похода моего къ вице-канцлеру. Какъ скоро пришло мнѣ на мысль опредѣлиться въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, я тотчасъ открылся въ томъ его преосвященству и просилъ дать мнѣ аттестатъ въ знаніи греческаго языка. Преосвященный отвѣчалъ, что онъ, по моему съ нимъ разговору, по переводамъ съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій языкъ, коихъ опыты были ему извѣстны, какъ я выше имѣлъ случай говорить о томъ, можетъ судить о моихъ свѣдѣніяхъ въ греческомъ языкѣ, но не знаетъ могу ли я писать на греческомъ языкѣ, почему и велѣлъ мнѣ написать на оному небольшое разсужденіе, о томъ, что *во всякое состояніе бываетъ Божіе призваніе, а призваніе сіе познается по внутреннему влеченію къ такому, а не къ другому состоянію.* На другой день я принесъ преосвященному свое сочиненіе, которымъ, къ счастію моему, онъ такъ былъ доволенъ, что къ ободренію ли моему, или по другой какой причинѣ, отозвался, будто не многимъ и природнымъ грекамъ удастся такъ написать и находилъ только двѣ, простительныя впрочемъ, погрѣшности противъ свойства (идіо-

тизма) сего языка. Почему тогда же написалъ и отдалъ мнѣ аттестатъ, благословивъ меня на успѣхъ въ томъ предпріятіи.

Аттестатъ дѣйствительно былъ для меня выгоденъ и притомъ извѣстно было всѣмъ, что преосвященный Евгеній по русски не зналъ и имѣвшимъ съ нимъ знакомство не иначе можно было съ нимъ объясняться, какъ на французскомъ, латинскомъ, греческомъ древнемъ, или новомъ и турецкомъ языкахъ; слѣдовательно, это служило другимъ одобреніемъ въ знаніи моемъ котораго нибудь изъ сихъ языковъ. Не говорю уже объ отличной славѣ и уваженіи, каковое отъ всѣхъ пріобрѣлъ сей ученѣйшій и добродѣтельнѣйшій архипастырь.

Между тѣмъ, какъ я сидѣлъ за вице-канцлерскимъ супомъ, соусами и жаркими, Николай Игнатьевичъ заготовилъ письмо къ П. А. Вейдемейеру, который былъ тогда правителемъ канцеляріи при вице-канцлерѣ.

Конвертъ, въ которомъ была запечатана и просьба моя съ аттестатомъ, отданъ мнѣ и я полетѣлъ съ радостною вѣстію — куда? Не трудно отгадать: къ невѣстѣ. Разсказалъ ей о своемъ походѣ на вице-канцлерскую дачу, о благосклонномъ его пріемѣ и мы напередъ уже поздравляли себя съ счастіемъ, ожидающимъ меня въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

На другой день, поутру, явился я съ конвертомъ къ Ивану Андреевичу Вейдемейеру и вручилъ ему оный. Иванъ Андреевичъ прочитавъ бумаги, которыя были въ немъ запечатаны, объявилъ мнѣ, что графъ приказалъ принять меня въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, для переводовъ съ греческаго языка, и приказалъ мнѣ явиться къ оберъ-секретарю коллегіи Ник. В. Яблонскому, къ которому далъ мнѣ записку. Н. В., съ своей стороны, приказалъ идти въ коллегію и спросить тамъ секретаря Арх. М. Иванова, который написалъ бы мнѣ просьбу, по формѣ, о принятіи меня въ оную. Этотъ добродушный секретарь совѣтовалъ мнѣ проситься прямо въ переводчики т. е. съ чиномъ коллежскаго секретаря. Онъ сказалъ мнѣ, что у нихъ нѣтъ дѣловыхъ переводчиковъ съ сего языка и засвидѣтельствованіе преосвященнаго Евгенія почиталъ, какъ бы, дипломомъ, или патентомъ на сіе званіе. Въ такой силѣ онъ и начернилъ мнѣ просьбу, которую переписавъ на бѣло, въ тотъ же день подалъ я оберъ-секретарю. Николай Васильевичъ, принявъ ее отъ меня и прочитавъ, приказалъ навѣдываться къ себѣ, какъ только часто мнѣ можно будетъ, смотря по занимаемой мною должности въ Александро-Невской семинаріи. Я навѣ-

тизма) сего языка. Почему тогда же написалъ и отдалъ мнѣ аттестатъ, благословивъ меня на успѣхъ въ томъ предпріятіи.

Аттестатъ дѣйствительно былъ для меня выгоденъ и притомъ извѣстно было всѣмъ, что преосвященный Евгеній по русски не зналъ и имѣвшимъ съ нимъ знакомство не иначе можно было съ нимъ объясняться, какъ на французскомъ, латинскомъ, греческомъ древнемъ, или новомъ и турецкомъ языкахъ; слѣдовательно, это служило другимъ одобреніемъ въ знаніи моемъ котораго нибудь изъ сихъ языковъ. Не говорю уже объ отличной славѣ и уваженіи, каковое отъ всѣхъ пріобрѣлъ сей ученѣйшій и добродѣтельнѣйшій архипастырь.

Между тѣмъ, какъ я сидѣлъ за вице-канцлерскимъ супомъ, соусами и жаркими, Николай Игнатьевичъ заготовилъ письмо къ П. А. Вейдемейеру, который былъ тогда правителемъ канцеляріи при вице-канцлерѣ.

Конвертъ, въ которомъ была запечатана и просьба моя съ аттестатомъ, отданъ мнѣ и я полетѣлъ съ радостною вѣстію — куда? Не трудно отгадать: къ невѣстѣ. Разсказалъ ей о своемъ походѣ на вице-канцлерскую дачу, о благосклонномъ его пріемѣ и мы напередъ уже поздравляли себя съ счастіемъ, ожидающимъ меня въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

На другой день, поутру, явился я съ конвертомъ къ Ивану Андреевичу Вейдемейеру и вручилъ ему оный. Иванъ Андреевичъ прочитавъ бумаги, которыя были въ немъ запечатаны, объявилъ мнѣ, что графъ приказалъ принять меня въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, для переводовъ съ греческаго языка, и приказалъ мнѣ явиться къ оберъ-секретарю коллегіи Ник. В. Яблонскому, къ которому далъ мнѣ записку. Н. В., съ своей стороны, приказалъ идти въ коллегію и спросить тамъ секретаря Арх. М. Иванова, который написалъ бы мнѣ просьбу, по формѣ, о принятіи меня въ оную. Этотъ добродушный секретарь совѣтовалъ мнѣ проситься прямо въ переводчики т. е. съ чиномъ коллежскаго секретаря. Онъ сказалъ мнѣ, что у нихъ нѣтъ дѣловыхъ переводчиковъ съ сего языка и засвидѣтельствованіе преосвященнаго Евгенія почиталъ, какъ бы, дипломомъ, или патентомъ на сіе званіе. Въ такой силѣ онъ и начернилъ мнѣ просьбу, которую переписавъ на бѣло, въ тотъ же день подалъ я оберъ-секретарю. Николай Васильевичъ, принявъ ее отъ меня и прочитавъ, приказалъ навѣдываться къ себѣ, какъ только часто мнѣ можно будетъ, смотря по занимаемой мною должности въ Александро-Невской семинаріи. Я навѣ-

дывался раза два, три въ недѣлю, стоя у него въ прихожей, что продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и слышалъ отъ него разные отзывы: или что еще не всѣми членами подписано опредѣленіе, потому что они жили по дачамъ, или что остается опредѣленіе у такого-то члена. Между тѣмъ, велѣно было мнѣ явиться на экзаменъ къ статскому совѣтнику Дузѣ, греку простому, неученому, знающему только нынѣшній греческій языкъ и по русски разумѣющему плохо. Этотъ добрый человѣкъ сказалъ мнѣ на новомъ греческомъ языкѣ, что послѣ аттестата, какой далъ мнѣ преосвященный Евгеній, онъ экзаменовать меня не смѣетъ и что, притомъ, онъ знаетъ только по ромейски. Не знаю, какъ онъ послѣ отозвался обо мнѣ Николаю Васильевичу, только черезъ нѣсколько дней получилъ я отъ сего послѣдняго въ Коллегіи рукописную купеческую книгу на простомъ греческомъ языкѣ, въ которой показано было мнѣ перевести нѣсколько листовъ. Греческое нарѣчіе сей книги было, самое грубое, какое только могутъ употреблять корабельщики. По окончаніи перевода, я представилъ оный оберъ-секретарю, который объявилъ мнѣ, чтобъ я былъ спокоенъ, что буду опредѣленъ и что когда опредѣленіе подписано будетъ всѣми членами, прислана будетъ мнѣ повѣстка. Положась на слова его, я пересталъ навѣдываться къ нему, дожидаясь роковой повѣстки. Проходитъ мѣсяцъ, другой, повѣстки нѣтъ. Это привело меня въ крайнее уныніе. Я не зналъ, чему приписать это и рѣшился наконецъ сходить къ Ивану Андреевичу, чтобъ узнать о своей участи.

— „Что скажешь, любезной другъ?“ былъ его вопросъ, какъ скоро я пришелъ къ нему.

Я разсказалъ ему о своемъ горѣ.

— „Какъ! съ удивленіемъ вскрикнулъ онъ:—ты давно опредѣленъ; а за то, что не кланялся оберъ-секретарю, опредѣленъ не съ чиномъ переводчика, какъ ты просилъ, а съ чиномъ актуаріуса и, притомъ, на 135-рублевое жалованье, не болѣе“.

Я отвѣчалъ ему, что я почти всякій день навѣдывался къ Николаю Васильевичу и наконецъ онъ уволилъ меня отъ этого.

— „Какъ бы то ни было, сказалъ Иванъ Андреевичъ, дѣло уже сдѣлано. Онъ велѣлъ мнѣ явиться къ оберъ-секретарю и утѣшалъ меня въ маломъ чинѣ и жалованьѣ тѣмъ, что онъ самъ поступилъ въ Коллегію студентомъ—всего на сто рублей и что, притомъ, въ Коллегіи есть и теперь переводчики, получающіе меньше моего оклада. Отъ Ивана Андреевича пошелъ я къ оберъ-секретарю, который

дывался раза два, три въ недѣлю, стоя у него въ прихожей, что продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и слышалъ отъ него разные отзывы: или что еще не всѣми членами подписано опредѣленіе, потому что они жили по дачамъ, или что остается опредѣленіе у такого-то члена. Между тѣмъ, велѣно было мнѣ явиться на экзаменъ къ статскому совѣтнику Дузѣ, греку простому, неученому, знающему только нынѣшній греческій языкъ и по русски разумѣющему плохо. Этотъ добрый человѣкъ сказалъ мнѣ на новомъ греческомъ языкѣ, что послѣ аттестата, какой далъ мнѣ преосвященный Евгеній, онъ экзаменовать меня не смѣетъ и что, притомъ, онъ знаетъ только по ромейски. Не знаю, какъ онъ послѣ отозвался обо мнѣ Николаю Васильевичу, только черезъ нѣсколько дней получилъ я отъ сего послѣдняго въ Коллегіи рукописную купеческую книгу на простомъ греческомъ языкѣ, въ которой показано было мнѣ перевести нѣсколько листовъ. Греческое нарѣчіе сей книги было, самое грубое, какое только могутъ употреблять корабельщики. По окончаніи перевода, я представилъ оный оберъ-секретарю, который объявилъ мнѣ, чтобъ я былъ спокоенъ, что буду опредѣленъ и что когда опредѣленіе подписано будетъ всѣми членами, прислана будетъ мнѣ повѣстка. Положась на слова его, я пересталъ навѣдываться къ нему, дожидаясь роковой повѣстки. Проходитъ мѣсяцъ, другой, повѣстки нѣтъ. Это привело меня въ крайнее уныніе. Я не зналъ, чему приписать это и рѣшился наконецъ сходить къ Ивану Андреевичу, чтобъ узнать о своей участи.

— „Что скажешь, любезной другъ?“ былъ его вопросъ, какъ скоро я пришелъ къ нему.

Я разсказалъ ему о своемъ горѣ.

— „Какъ! съ удивленіемъ вскрикнулъ онъ:—ты давно опредѣленъ; а за то, что не кланялся оберъ-секретарю, опредѣленъ не съ чиномъ переводчика, какъ ты просилъ, а съ чиномъ актуаріуса и, притомъ, на 135-рублевое жалованье, не болѣе“.

Я отвѣчалъ ему, что я почти всякій день навѣдывался къ Николаю Васильевичу и наконецъ онъ уволилъ меня отъ этого.

— „Какъ бы то ни было, сказалъ Иванъ Андреевичъ, дѣло уже сдѣлано. Онъ велѣлъ мнѣ явиться къ оберъ-секретарю и утѣшалъ меня въ маломъ чинѣ и жалованьѣ тѣмъ, что онъ самъ поступилъ въ Коллегію студентомъ—всего на сто рублей и что, притомъ, въ Коллегіи есть и теперь переводчики, получающіе меньше моего оклада. Отъ Ивана Андреевича пошелъ я къ оберъ-секретарю, который

мнѣ и объявилъ, что я опредѣленъ въ Коллегію, января 1 дня 1795 года, съ вышеупомянутымъ чиномъ и жалованьемъ и приказалъ мнѣ принести увольнительный аттестатъ изъ Невской семинаріи и являться къ должности. Аттестатъ мнѣ выданъ, за подписаніемъ митрополита Гавріила. Простясь съ своими начальниками, товарищами и учениками, я не замедлилъ перебраться изъ монастыря на квартиру, въ домъ куп. Жадимировскаго, у Конюшеннаго моста. Въ этомъ домѣ жилъ тогда придворный мундкохъ П. Ю. Бальзеръ; у него былъ лишній покой, который онъ уступилъ мнѣ за пять рублей въ мѣсяцъ. Этотъ добрый старикъ и все семейство его полюбили меня и я приглашенъ былъ къ ихъ столу, при самомъ переходѣ моемъ на квартиру. Не могу здѣсь пройти молчаніемъ того пріятнѣйшаго и вмѣстѣ печальнаго для меня дня, въ который всѣ ученики мои, обучавшіеся тогда у меня риторикѣ, пришли прощаться со мною, и съ плачемъ поднесли мнѣ рѣчи и стихи на этотъ случай. Первый изъ нихъ по успѣхамъ, Григорій Маневешовъ (нынѣ въ должности оберъ-священника) написалъ бѣлые стихи, коихъ пышныя, мало заслуживаемыя, но усердныя выраженія и теперь помню. Вотъ ихъ начало:

Удалился Аполлонъ!
Музы Невскія рыдайте;
Вѣтръ унылый тихо вѣя,
Разнеси печальный гласъ! и пр.

Но какъ я слабъ! Воспоминая о семъ, я и теперь обливаюсь слезами. Ахъ! я въ первый разъ почувствовалъ тогда, сколь пріятно оставить по себѣ добрую память у тѣхъ, съ которыми проводишь жизнь и коихъ образованіе ввѣряется нашему попеченію!

И такъ, я въ статской службѣ и имѣю чинъ; слѣдовательно, первыя и важнѣйшія препятствія къ женитьбѣ преодолѣны. Но чѣмъ жить намъ? У невѣсты моей нѣтъ никакого приданаго. У меня жалованья сто тридцать рублей, изъ которыхъ я долженъ платить и за квартиру. Обстоятельства умножили мои доходы. По ту сторону Конюшеннаго моста, по Мойкѣ, есть и теперь домъ покойнаго придворнаго метрдотеля Франца Ивановича Гебеля, который, вмѣстѣ съ супругою своею Анаст. Семеновной, извѣстенъ былъ всѣмъ, а особливо Полтавскимъ дворянамъ, своимъ хлѣбосольствомъ. Какъ Полтавскій выходецъ, и я нашелъ случай бывать въ семъ домѣ, гдѣ видался съ своими земляками, и познакомился съ дѣдушкою фельдмаршала князя Паскевича-Эриванскаго, воспитывавшемся тогда въ Пажескомъ корпусѣ, находившемся недалеко отъ

мнѣ и объявилъ, что я опредѣленъ въ Коллегію, января 1 дня 1795 года, съ вышеупомянутымъ чиномъ и жалованьемъ и приказалъ мнѣ принести увольнительный аттестатъ изъ Невской семинаріи и являться къ должности. Аттестатъ мнѣ выданъ, за подписаніемъ митрополита Гавріила. Простясь съ своими начальниками, товарищами и учениками, я не замедлилъ перебраться изъ монастыря на квартиру, въ домъ куп. Жадимировскаго, у Конюшеннаго моста. Въ этомъ домѣ жилъ тогда придворный мундкохъ П. Ю. Бальзеръ; у него былъ лишній покой, который онъ уступилъ мнѣ за пять рублей въ мѣсяцъ. Этотъ добрый старикъ и все семейство его полюбили меня и я приглашенъ былъ къ ихъ столу, при самомъ переходѣ моемъ на квартиру. Не могу здѣсь пройти молчаніемъ того пріятнѣйшаго и вмѣстѣ печальнаго для меня дня, въ который всѣ ученики мои, обучавшіеся тогда у меня риторикѣ, пришли прощаться со мною, и съ плачемъ поднесли мнѣ рѣчи и стихи на этотъ случай. Первый изъ нихъ по успѣхамъ, Григорій Маневешовъ (нынѣ въ должности оберъ-священника) написалъ бѣлые стихи, коихъ нынѣшнія, мало заслуживаемыя, но усердныя выраженія и теперь помню. Вотъ ихъ начало:

Удалился Аполлонъ!
Музы Невскія рыдайте;
Вѣтръ унылый тихо вѣя,
Разнеси печальный гласъ! и пр.

Но какъ я слабъ! Воспоминая о семъ, я и теперь обливаюсь слезами. Ахъ! я въ первый разъ почувствовалъ тогда, сколь пріятно оставить по себѣ добрую память у тѣхъ, съ которыми проводишь жизнь и коихъ образованіе ввѣряется нашему попеченію!

И такъ, я въ статской службѣ и имѣю чинъ; слѣдовательно, первыя и важнѣйшія препятствія къ женитьбѣ преодолѣны. Но чѣмъ жить намъ? У невѣсты моей нѣтъ никакого приданаго. У меня жалованья сто тридцать рублей, изъ которыхъ я долженъ платить и за квартиру. Обстоятельства умножили мои доходы. По ту сторону Конюшеннаго моста, по Мойкѣ, есть и теперь домъ покойнаго придворнаго метрдотеля Франца Ивановича Гебеля, который, вмѣстѣ съ супругою своею Анаст. Семеновной, извѣстенъ былъ всѣмъ, а особливо Полтавскимъ дворянамъ, своимъ хлѣбосольствомъ. Какъ Полтавскій выходецъ, и я нашелъ случай бывать въ семъ домѣ, гдѣ видался съ своими земляками, и познакомился съ дѣдушкою фельдмаршала князя Паскевича-Эриванскаго, воспитывавшемся тогда въ Пажескомъ корпусѣ, находившемся недалеко отъ

моей квартиры. Въ Пажескомъ корпусѣ ученье было плоховато, да и надзоръ за поведеніемъ не лучше. Любя весьма нѣжно своего внука, почтенный старикъ просилъ меня, взять его, вмѣстѣ со старшимъ его братомъ, подъ свой надзоръ и занимать науками, какія самъ знаю. Вотъ и прибавка доходовъ! Я съ удовольствіемъ принялъ на себя обучать ихъ переводамъ съ французскаго языка, сочиненію на русскомъ языкѣ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ. Въ Пажескомъ корпусѣ вскорѣ стало извѣстно, что я живу въ сосѣдствѣ и что Паскевичи ходятъ ко мнѣ учиться. Почему къ моимъ ученикамъ не замедлили присоединиться наши: Русановъ и Бурнашевъ. Первый изъ нихъ нынѣ въ отставкѣ генералъ-маіоромъ; а гдѣ послѣдній, мнѣ неизвѣстно.

По моимъ расчетамъ показалось, что уже можно приступить къ свадьбѣ и, какъ моя квартира состояла только въ одномъ покоѣ, впрочемъ, довольно большомъ, то я, занявъ у сына Гебеля десять рублей, заказалъ сдѣлать въ ней перегородку. Приготовясь такимъ образомъ жить не одинъ, я просилъ невѣсту и ея хозяевъ назначить день для обвѣнчанія насъ. Это послѣдовало мая 8 дня 1795 года. Отъ вѣнца старики проводили насъ на мою квартиру, гдѣ насъ встрѣтили съ хлѣбомъ и солью мои хозяева, уставивъ столъ конфектами и винами, а полъ—окороками и другими съѣстными припасами въ корзинахъ.

Вступивъ въ новый родъ жизни, умножившій мои нужды, я на другой же годъ (1796) приступилъ къ изданію журнала, подъ названіемъ: *Муза*. Въ журналъ мой сообщали сочиненія свои въ прозѣ и стихахъ: Державинъ, Сперанскій, Львовы, Николай Александровичъ и Федоръ Петровичъ, Словцовъ и другіе. Журналъ пошелъ не дурно, судя по тогдашнему времени. И такъ, моя служба, учительство и изданіе журнала доставили намъ изрядныя средства къ содержанію.

Изданіе *Музы* познакомило меня, не только съ отличными писателями и публикою, но сдѣлало извѣстнымъ даже при дворѣ. Великая княжна Александра Павловна сдѣлала мнѣ честь помѣщеніемъ въ оной двухъ своихъ переводовъ: 1) *Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина* и 2) *Долгъ человѣчества*. Императрица Марія Ѳеодоровна вскорѣ изволила повелѣть предложить мнѣ мѣсто учителя русской словесности, исторіи и географіи, въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, куда я и поступилъ, по увольненіи меня изъ Колегіи иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ переводчика, 5 іюля 1797 года. По открытіи Училища ордена св. Ека-

моей квартиры. Въ Пажескомъ корпусѣ ученье было плоховато, да и надзоръ за поведеніемъ не лучше. Любя весьма нѣжно своего внука, почтенный старикъ просилъ меня, взять его, вмѣстѣ со старшимъ его братомъ, подъ свой надзоръ и занимать науками, какія самъ знаю. Вотъ и прибавка доходовъ! Я съ удовольствіемъ принялъ на себя обучать ихъ переводамъ съ французскаго языка, сочиненію на русскомъ языкѣ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ. Въ Пажескомъ корпусѣ вскорѣ стало извѣстно, что я живу въ сосѣдствѣ и что Паскевичи ходятъ ко мнѣ учиться. Почему къ моимъ ученикамъ не замедлили присоединиться наши: Русановъ и Бурнашевъ. Первый изъ нихъ нынѣ въ отставкѣ генералъ-маіоромъ; а гдѣ послѣдній, мнѣ неизвѣстно.

По моимъ расчетамъ показалось, что уже можно приступить къ свадьбѣ и, какъ моя квартира состояла только въ одномъ покоѣ, впрочемъ, довольно большомъ, то я, занявъ у сына Гебеля десять рублей, заказалъ сдѣлать въ ней перегородку. Приготовясь такимъ образомъ жить не одинъ, я просилъ невѣсту и ея хозяевъ назначить день для обвѣнчанія насъ. Это послѣдовало мая 8 дня 1795 года. Отъ вѣнца старики проводили насъ на мою квартиру, гдѣ насъ встрѣтили съ хлѣбомъ и солью мои хозяева, уставивъ столъ конфектами и винами, а полъ—окороками и другими съѣстными припасами въ корзинахъ.

Вступивъ въ новый родъ жизни, умножившій мои нужды, я на другой же годъ (1796) приступилъ къ изданію журнала, подъ названіемъ: *Муза*. Въ журналъ мой сообщали сочиненія свои въ прозѣ и стихахъ: Державинъ, Сперанскій, Львовы, Николай Александровичъ и Федоръ Петровичъ, Словцовъ и другіе. Журналъ пошелъ не дурно, судя по тогдашнему времени. И такъ, моя служба, учительство и изданіе журнала доставили намъ изрядныя средства къ содержанію.

Изданіе *Музы* познакомило меня, не только съ отличными писателями и публикою, но сдѣлало извѣстнымъ даже при дворѣ. Великая княжна Александра Павловна сдѣлала мнѣ честь помѣщеніемъ въ оной двухъ своихъ переводовъ: 1) *Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина* и 2) *Долгъ человѣчества*. Императрица Марія Ѳеодоровна вскорѣ изволила повелѣть предложить мнѣ мѣсто учителя русской словесности, исторіи и географіи, въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, куда я и поступилъ, по увольненіи меня изъ Колегіи иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ переводчика, 5 іюля 1797 года. По открытіи Училища ордена св. Ека-

терпны, Императрицѣ угодно было, чтобы я обучалъ тѣмъ же предметамъ и въ оном, куда и опредѣленъ былъ 25 мая 1798 года.

Во время службы моей при сихъ заведеніяхъ, по высочайшимъ повелѣніямъ, въ 1799 г. февраля 8 дня, произведенъ въ коллежскіе асессоры, а въ 1800 г.,—въ надворные совѣтники.

Теперь я въ той эпохѣ моей жизни, которой не было очаровательнѣе во все ея продолженіе. Остановимся же въ ней нѣсколько подолѣе. На меня возложено было обучать въ третьемъ отдѣленіи класса бѣлаго т. е. въ слабѣйшемъ старшаго; въ первомъ, второмъ, и третьемъ отдѣленіяхъ голубаго, или средняго и первомъ и второмъ отдѣленіяхъ кофейнаго, или меньшаго. По вліянію на нѣкоторыхъ особъ учителя, преподававшаго мои предметы въ первыхъ высшихъ отдѣленіяхъ бѣлаго класса, я не былъ допущенъ къ раздѣленію съ нимъ чести ихъ преподаванія. Даже предположенія учредить курсъ логики, съ порученіемъ мнѣ обучать оной, по его проискамъ, не состоялось. Я нимало этимъ не трогался и обработывалъ ниву, мнѣ ввѣренную. Императрица изволила посѣщать всѣ классы и отдѣленія: это меня утѣшало. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ перваго ея посѣщенія моего обученія. Время настало. Ея величество изволила присутствовать въ оном довольно значительное время и оставила классъ, сказавъ, что она за удовольствіе поставитъ почаще бывать у меня. И дѣйствительно, я нерѣдко былъ удостоиваемъ сего счастія. Вскорѣ я пріобрѣлъ уваженіе къ себѣ начальницы и привязанность дѣтей, что не мало способствовало успѣхамъ ихъ въ моихъ предметахъ. Успѣхи ихъ одушевляли меня къ успѣхамъ пріобрѣсти новыя познанія, для переданія имъ. Чувствованія мои становились чище и чище; казалось наконецъ, что я не въ здѣшнемъ мірѣ обитаю. По ревностному моему наставленію вскорѣ измѣнила грудь моя: я часто началъ страдать ею и принужденнымъ нашелся облегчить себя, оставшись только при Училищѣ (институтѣ) ордена св. Екатерины, а на учительское мѣсто Общества благородныхъ дѣвицъ обмѣнялъ мѣсто въ Государственномъ совѣтѣ, куда я опредѣленъ письмоводителемъ по духовному и гражданскому отдѣленію, 1801 года 8 мая. Наступилъ день прощальный. Откланявшись начальницѣ, я пошелъ проститься съ моими ученицами. Никогда не забуду сихъ минутъ. Сколько пролито слезъ при совокупномъ ихъ провожаніи меня по корридору. Сколько просьбъ, чтобъ я хоть изрѣдка посѣщалъ ихъ! И какъ эти проводы шли мимо комнатъ начальницы, то она на вопль ихъ вышла къ нимъ. Я остановился, дѣти тоже. Начальни-

терпны, Императрицѣ угодно было, чтобы я обучалъ тѣмъ же предметамъ и въ оном, куда и опредѣленъ былъ 25 мая 1798 года.

Во время службы моей при сихъ заведеніяхъ, по высочайшимъ повелѣніямъ, въ 1799 г. февраля 8 дня, произведенъ въ коллежскіе асессоры, а въ 1800 г.,—въ надворные совѣтники.

Теперь я въ той эпохѣ моей жизни, которой не было очаровательнѣе во все ея продолженіе. Остановимся же въ ней нѣсколько подолѣе. На меня возложено было обучать въ третьемъ отдѣленіи класса бѣлаго т. е. въ слабѣйшемъ старшаго; въ первомъ, второмъ, и третьемъ отдѣленіяхъ голубаго, или средняго и первомъ и второмъ отдѣленіяхъ кофейнаго, или меньшаго. По вліянію на нѣкоторыхъ особъ учителя, преподававшаго мои предметы въ первыхъ высшихъ отдѣленіяхъ бѣлаго класса, я не былъ допущенъ къ раздѣленію съ нимъ чести ихъ преподаванія. Даже предположенія учредить курсъ логики, съ порученіемъ мнѣ обучать оной, по его проискамъ, не состоялось. Я нимало этимъ не трогался и обработывалъ ниву, мнѣ ввѣренную. Императрица изволила посѣщать всѣ классы и отдѣленія: это меня утѣшало. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ перваго ея посѣщенія моего обученія. Время настало. Ея величество изволила присутствовать въ оном довольно значительное время и оставила классъ, сказавъ, что она за удовольствіе поставитъ почаще бывать у меня. И дѣйствительно, я нерѣдко былъ удостоиваемъ сего счастія. Вскорѣ я пріобрѣлъ уваженіе къ себѣ начальницы и привязанность дѣтей, что не мало способствовало успѣхамъ ихъ въ моихъ предметахъ. Успѣхи ихъ одушевляли меня къ успѣхамъ пріобрѣсти новыя познанія, для переданія имъ. Чувствованія мои становились чище и чище; казалось наконецъ, что я не въ здѣшнемъ мірѣ обитаю. По ревностному моему наставленію вскорѣ измѣнила грудь моя: я часто началъ страдать ею и принужденнымъ нашелся облегчить себя, оставшись только при Училищѣ (институтѣ) ордена св. Екатерины, а на учительское мѣсто Общества благородныхъ дѣвицъ обмѣнялъ мѣсто въ Государственномъ совѣтѣ, куда я опредѣленъ письмоводителемъ по духовному и гражданскому отдѣленію, 1801 года 8 мая. Наступилъ день прощальный. Откланявшись начальницѣ, я пошелъ проститься съ моими ученицами. Никогда не забуду сихъ минутъ. Сколько пролито слезъ при совокупномъ ихъ провожаніи меня по корридору. Сколько просьбъ, чтобъ я хоть изрѣдка посѣщалъ ихъ! И какъ эти проводы шли мимо комнатъ начальницы, то она на вопль ихъ вышла къ нимъ. Я остановился, дѣти тоже. Начальни-

ца сказала мнѣ: Вотъ что вы надѣлали! Эти слова еще болѣе растрогали меня и я далъ полную свободу теченію слезъ моихъ.

Въ бытность мою учителемъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, я выискивалъ время и для переводовъ. Блаженныя памяти государь императоръ Александръ I, бывъ тогда наслѣдникомъ, тайный совѣтникъ Павелъ Александровичъ Строгановъ и дѣйствительный камергеръ Новосильцовъ положили было издать на русскомъ языкѣ нѣсколькихъ политическихъ иностранныхъ писателей. По порученію ихъ, впрочемъ, заочному, за извѣстную плату, я перевелъ три части Стюарта: Recherches sur l'Economie politique, коего разборъ, написанный мною, по ихъ же порученію, напечатанъ въ *Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ*; шесть частей Bibliothèque de l'homme publique, par Condorcet, и Economie politique, par C. Verri, который, также почти весь, по частямъ, напечатанъ въ упомянутомъ журналѣ. Стюартъ и Кондорсе остаются ненапечатанными.

Получивъ болѣе свободнаго времени, я напечаталъ, переведеннаго мною бѣлыми стихами, Анакреона, Лонгена, поэму Шатобріана: *Аталу*, *Прогулки*—Ж. Ж. Руссо, *Духъ*—Руссо, *Письма объ Италіи* г. дю-Патп, *Приданое Сюзетты*, *Сенъ-Жульена*, романъ Авг. Лафонтена, *Переписку Екатерины съ Вольтеромъ*, выправилъ Юстія по порученію книгопродавца.

Когда нибудь, можетъ быть, сдѣлаютъ вопросъ, почему я больше занимался переводами и составленіемъ словарей, нежели сочиненіями. Конечно, что нибудь и я могъ бы написать. Но, во первыхъ, я никогда не любилъ своихъ сочиненій, не почиталъ ихъ полезными столько, сколько переводы извѣстныхъ иностранныхъ писателей; во вторыхъ, занимаясь дѣлами по должности, не находилъ столько свободнаго времени, чтобъ произвести что нибудь важное, а для произведенія важнаго, сколько требуется еще свѣдѣній, для пріобрѣтенія свѣдѣній, сколько досуга, средствъ, терпѣнія!

На престолъ взошелъ Александръ. Въ 1802 году, сентября 8 дня, послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ. Начали думать о назначеніи министровъ, ихъ товарищей, директоровъ департаментовъ и канцелярій. Александръ тогда изволилъ присутствовать въ комитетѣ гг. министровъ и дѣлалъ ихъ участниками въ образованіи новыхъ учрежденій. Дошло дѣло до назначенія директора по министерству просвѣщенія, и положено было предложить это мѣсто мнѣ, что исполнить возложено было на товарища министра просвѣщенія, тайнаго совѣтника Муравьева. Съ Михаиломъ Ники-

ца сказала мнѣ: Вотъ что вы надѣлали! Эти слова еще болѣе растрогали меня и я далъ полную свободу теченію слезъ моихъ.

Въ бытность мою учителемъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, я выискивалъ время и для переводовъ. Блаженныя памяти государь императоръ Александръ I, бывъ тогда наслѣдникомъ, тайный совѣтникъ Павелъ Александровичъ Строгановъ и дѣйствительный камергеръ Новосильцовъ положили было издать на русскомъ языкѣ нѣсколькихъ политическихъ иностранныхъ писателей. По порученію ихъ, впрочемъ, заочному, за извѣстную плату, я перевелъ три части Стюарта: Recherches sur l'Economie politique, коего разборъ, написанный мною, по ихъ же порученію, напечатанъ въ *Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ*; шесть частей Bibliothèque de l'homme publique, par Condorcet, и Economie politique, par C. Verri, который, также почти весь, по частямъ, напечатанъ въ упомянутомъ журналѣ. Стюартъ и Кондорсе остаются ненапечатанными.

Получивъ болѣе свободнаго времени, я напечаталъ, переведеннаго мною бѣлыми стихами, Анакреона, Лонгена, поэму Шатобріана: *Аталу*, *Прогулки*—Ж. Ж. Руссо, *Духъ*—Руссо, *Письма объ Италіи* г. дю-Патп, *Приданое Сюзетты*, *Сенъ-Жульена*, романъ Авг. Лафонтена, *Переписку Екатерины съ Вольтеромъ*, выправилъ Юстія по порученію книгопродавца.

Когда нибудь, можетъ быть, сдѣлаютъ вопросъ, почему я больше занимался переводами и составленіемъ словарей, нежели сочиненіями. Конечно, что нибудь и я могъ бы написать. Но, во первыхъ, я никогда не любилъ своихъ сочиненій, не почиталъ ихъ полезными столько, сколько переводы извѣстныхъ иностранныхъ писателей; во вторыхъ, занимаясь дѣлами по должности, не находилъ столько свободнаго времени, чтобъ произвести что нибудь важное, а для произведенія важнаго, сколько требуется еще свѣдѣній, для пріобрѣтенія свѣдѣній, сколько досуга, средствъ, терпѣнія!

На престолъ взошелъ Александръ. Въ 1802 году, сентября 8 дня, послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ. Начали думать о назначеніи министровъ, ихъ товарищей, директоровъ департаментовъ и канцелярій. Александръ тогда изволилъ присутствовать въ комитетѣ гг. министровъ и дѣлалъ ихъ участниками въ образованіи новыхъ учрежденій. Дошло дѣло до назначенія директора по министерству просвѣщенія, и положено было предложить это мѣсто мнѣ, что исполнить возложено было на товарища министра просвѣщенія, тайнаго совѣтника Муравьева. Съ Михаиломъ Ники-

тичемъ я не былъ знакомъ, но въ канцеляріи его, по званію статсъ-секретаря, служили товарищъ мой по ученію въ Невской семинаріи Николай Аненскій и ученикъ мой, обучавшійся у меня греческому языку, Зиновьевъ. Михаилъ Никитичъ спрашиваетъ у нихъ, знаютъ ли они меня? отвѣтствовано утвердительно.

— „Гдѣ онъ живетъ“?

На этотъ вопросъ, ни тотъ, ни другой не могли ничего сказать, ибо свиданіе наше, по разнымъ причинамъ, было весьма рѣдко.

Поручено было узнать о семъ Аненскому и объявить мнѣ, что если я хочу занять мѣсто директора департамента министерства просвѣщенія, то явился бы къ Михаилу Никитичу. Аненскій, сверхъ должности у Михаила Никитича, служилъ еще во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ секретаремъ, гдѣ въ то время былъ законоучителемъ, пріѣхавшій на череду, архимандритъ Августинъ, о коемъ я говорилъ выше, и жилъ въ корпусѣ. Архимандритъ бывалъ у меня, по пріѣздѣ своемъ сюда, нѣсколько разъ. Я жилъ тогда на наемной квартирѣ, на которую, по случаю перестройки дома Екатерининскаго института и тамошней моей квартиры, государыня императрица Марія Ѳеодоровна изволила, какъ сама выразилась, жаловать изъ своего кармана пятьсотъ рублей въ годъ. Архимандритъ Августинъ увѣдомилъ меня запискою, объ открывающемся для меня поприщѣ, и я на другой день явился къ Михаилу Никитичу.

Онъ объявилъ мнѣ волю государя и спросилъ, желаю ли я принять на себя сію должность. Я сказалъ, что за счастіе поставляю таковое меня взысканіе; но, можетъ быть, я не имѣю нужныхъ для того познаній. Я знаю нѣкоторыя науки, греческій, латинскій и французскій языки, впрочемъ, на послѣднемъ, говорю худо, паучась оному самоучкою и поздно. „Государю и комитету—сказалъ Михаилъ Никитичъ—извѣстно, что такое вы знаете, и чего не знаете. Намъ нужно то, что вы знаете; для того, чего не знаете, у васъ будутъ помощники. Правительство надѣется имѣть въ васъ хорошаго начальника. И такъ, согласны ли вы?—промолвилъ онъ смотря мнѣ въ глаза, которые, были уже наполнены доказательствами согласія; я только поклонился. Сказавъ мнѣ еще нѣсколько привѣтовъ, онъ велѣлъ мнѣ на другой день привезти къ нему всѣ мои изданія и переводы напечатанные. „Мы поѣдемъ съ ними—сказалъ онъ—къ министру просвѣщенія, которому я долженъ васъ представить. Въ этотъ же день, какъ я былъ у Михаила Никитича, послѣ обѣда пошелъ я увѣдомить о семъ происшествіи Сперанскаго, бывшаго тогда начальникомъ (или экспедиторомъ) экспедиціи духовныхъ и

тичемъ я не былъ знакомъ, но въ канцеляріи его, по званію статсъ-секретаря, служили товарищъ мой по ученію въ Невской семинаріи Николай Аненскій и ученикъ мой, обучавшійся у меня греческому языку, Зиновьевъ. Михаилъ Никитичъ спрашиваетъ у нихъ, знаютъ ли они меня? отвѣтствовано утвердительно.

— „Гдѣ онъ живетъ“?

На этотъ вопросъ, ни тотъ, ни другой не могли ничего сказать, ибо свиданіе наше, по разнымъ причинамъ, было весьма рѣдко.

Поручено было узнать о семъ Аненскому и объявить мнѣ, что если я хочу занять мѣсто директора департамента министерства просвѣщенія, то явился бы къ Михаилу Никитичу. Аненскій, сверхъ должности у Михаила Никитича, служилъ еще во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ секретаремъ, гдѣ въ то время былъ законоучителемъ, пріѣхавшій на череду, архимандритъ Августинъ, о коемъ я говорилъ выше, и жилъ въ корпусѣ. Архимандритъ бывалъ у меня, по пріѣздѣ своемъ сюда, нѣсколько разъ. Я жилъ тогда на наемной квартирѣ, на которую, по случаю перестройки дома Екатерининскаго института и тамошней моей квартиры, государыня императрица Марія Ѳеодоровна изволила, какъ сама выразилась, жаловать изъ своего кармана пятьсотъ рублей въ годъ. Архимандритъ Августинъ увѣдомилъ меня запискою, объ открывающемся для меня поприщѣ, и я на другой день явился къ Михаилу Никитичу.

Онъ объявилъ мнѣ волю государя и спросилъ, желаю ли я принять на себя сію должность. Я сказалъ, что за счастіе поставляю таковое меня взысканіе; но, можетъ быть, я не имѣю нужныхъ для того познаній. Я знаю нѣкоторыя науки, греческій, латинскій и французскій языки, впрочемъ, на послѣднемъ, говорю худо, паучась оному самоучкою и поздно. „Государю и комитету—сказалъ Михаилъ Никитичъ—извѣстно, что такое вы знаете, и чего не знаете. Намъ нужно то, что вы знаете; для того, чего не знаете, у васъ будутъ помощники. Правительство надѣется имѣть въ васъ хорошаго начальника. И такъ, согласны ли вы?—промолвилъ онъ смотря мнѣ въ глаза, которые, были уже наполнены доказательствами согласія; я только поклонился. Сказавъ мнѣ еще нѣсколько привѣтовъ, онъ велѣлъ мнѣ на другой день привезти къ нему всѣ мои изданія и переводы напечатанные. „Мы поѣдемъ съ ними—сказалъ онъ—къ министру просвѣщенія, которому я долженъ васъ представить. Въ этотъ же день, какъ я былъ у Михаила Никитича, послѣ обѣда пошелъ я увѣдомить о семъ происшествіи Сперанскаго, бывшаго тогда начальникомъ (или экспедиторомъ) экспедиціи духовныхъ и

гражданскихъ дѣлъ. Всегда принимая участіе въ моемъ состояніи, онъ весьма сему обрадовался и сказалъ, что онъ завтра же поѣдетъ къ Михаилу Никитичу еще рекомендовать меня.

Въ назначенный день, я притащился къ Михаилу Никитичу съ своею ношею. Первое слово его было, что сегодня былъ у него Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и рекомендовалъ ему меня.

— „Рекомендація не лишнее дѣло, продолжалъ онъ, но ваши достоинства намъ всѣмъ извѣстны и безъ того“. При этомъ онъ взялъ у меня книги и велѣлъ закладывать карету.

Карета подана, книги положены въ нее и мы поѣхали къ графу Петру Васильевичу Завадовскому. Представляя меня министру, Михайло Никитичъ, указавъ на книги мои, на полъ сложенныя сказалъ:

— „Это все его труды“.

Графъ приказалъ мнѣ на другой день явиться къ нему. По приходѣ моемъ, далъ мнѣ работу: написать письмо къ одной знатной особѣ, кажется не для испытанія, а потому, что нужно было по службѣ. Съ сего времени я получилъ отъ него приказаніе всякій день являться къ нему для принятія поступающихъ бумагъ и пріискивать низшихъ чиновниковъ для составленія канцеляріи. Не зная канцелярскаго дѣлопроизводства, я въ необходимости былъ искать чиновника знающаго оное и прибѣгнулъ къ старинному моему другу Дмитрію Федоровичу Смирнову, прося его рекомендовать таковаго. Онъ рекомендовалъ служившаго въ канцеляріи св. сунода, и управлявшаго оберъ-прокурорскими дѣлами титул. совѣт. Александра Балемана, отъ котораго узналъ я канцелярское дѣлопроизводство и который былъ хорошій помощникъ. Мало по малу начали комнѣ являться чиновники сами и, какъ не было еще штатовъ, то я ограничился самымъ малымъ числомъ оныхъ. Наконецъ штаты министерствамъ вышли. Графъ Петръ Васильевичъ, получивъ въ комитетѣ гг. министровъ штатъ своего министерства, отдалъ мнѣ, сказавъ: „Теперь по штату сему помѣстите чиновниковъ наличныхъ и пріищите недостающихъ“. Я, не зная еще ничего рѣшительнаго о себѣ, спросилъ его, кто назначается директоромъ, ибо по малому чину своему, когда по другимъ министерствамъ назначены уже были директорами дѣйствительные статскіе и тайные совѣтники, не думалъ, чтобы меня назначили. „Какъ кто?—отвѣчалъ графъ.— Вы директоръ. Теперь изберите чиновника, достойнаго заступить одно изъ двухъ мѣстъ начальниковъ отдѣленій; на другое я имѣю въ виду чиновника“. За симъ, вскорѣ, послѣдовалъ Высочайшій указъ о бытіи мнѣ директоромъ (1803, янв. 24); опредѣлены начальники

гражданскихъ дѣлъ. Всегда принимая участіе въ моемъ состояніи, онъ весьма сему обрадовался и сказалъ, что онъ завтра же поѣдетъ къ Михаилу Никитичу еще рекомендовать меня.

Въ назначенный день, я притащился къ Михаилу Никитичу съ своею ношею. Первое слово его было, что сегодня былъ у него Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и рекомендовалъ ему меня.

— „Рекомендація не лишнее дѣло, продолжалъ онъ, но ваши достоинства намъ всѣмъ извѣстны и безъ того“. При этомъ онъ взялъ у меня книги и велѣлъ закладывать карету.

Карета подана, книги положены въ нее и мы поѣхали къ графу Петру Васильевичу Завадовскому. Представляя меня министру, Михайло Никитичъ, указавъ на книги мои, на полъ сложенныя сказалъ:

— „Это все его труды“.

Графъ приказалъ мнѣ на другой день явиться къ нему. По приходѣ моемъ, далъ мнѣ работу: написать письмо къ одной знатной особѣ, кажется не для испытанія, а потому, что нужно было по службѣ. Съ сего времени я получилъ отъ него приказаніе всякій день являться къ нему для принятія поступающихъ бумагъ и пріискивать низшихъ чиновниковъ для составленія канцеляріи. Не зная канцелярскаго дѣлопроизводства, я въ необходимости былъ искать чиновника знающаго оное и прибѣгнулъ къ старинному моему другу Дмитрію Федоровичу Смирнову, прося его рекомендовать таковаго. Онъ рекомендовалъ служившаго въ канцеляріи св. сунода, и управлявшаго оберъ-прокурорскими дѣлами титул. совѣт. Александра Балемана, отъ котораго узналъ я канцелярское дѣлопроизводство и который былъ хорошій помощникъ. Мало по малу начали комнѣ являться чиновники сами и, какъ не было еще штатовъ, то я ограничился самымъ малымъ числомъ оныхъ. Наконецъ штаты министерствамъ вышли. Графъ Петръ Васильевичъ, получивъ въ комитетѣ гг. министровъ штатъ своего министерства, отдалъ мнѣ, сказавъ: „Теперь по штату сему помѣстите чиновниковъ наличныхъ и пріищите недостающихъ“. Я, не зная еще ничего рѣшительнаго о себѣ, спросилъ его, кто назначается директоромъ, ибо по малому чину своему, когда по другимъ министерствамъ назначены уже были директорами дѣйствительные статскіе и тайные совѣтники, не думалъ, чтобы меня назначили. „Какъ кто?—отвѣчалъ графъ.— Вы директоръ. Теперь изберите чиновника, достойнаго заступить одно изъ двухъ мѣстъ начальниковъ отдѣленій; на другое я имѣю въ виду чиновника“. За симъ, вскорѣ, послѣдовалъ Высочайшій указъ о бытіи мнѣ директоромъ (1803, янв. 24); опредѣлены начальники

отдѣленій выбраны другіе чиновники и департаментъ образовался. 16 янв. 1804 года, по именному высочайшему повелѣнію, произведенъ я въ коллежскіе совѣтники. По высочайше утвержденнымъ предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, надлежало приступить къ образованію здѣсь университета. Рѣшились прежде учредить отдѣленіе университета, подъ названіемъ С.-Петербургскаго педагогическаго института, который былъ бы разсадникомъ для профессоровъ будущаго университета, для учителей гимназій и другихъ училищъ. Для сего, по высочайшему повелѣнію, истребовано изъ разныхъ семинарій сто студентовъ, приглашены для преподаванія, положенныхъ въ семъ новомъ заведеніи предметовъ профессора. Я обремененъ былъ дѣлами по званію директора; но бывшій тогда попечителемъ, дѣйствительный камергеръ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, непремѣнно хотѣлъ, чтобы я принялъ на себя преподавать эстетику хотя два часа въ недѣлю. Наука сія въ русскихъ университетахъ начала преподаваться только съ учрежденія министерства просвѣщенія. Руководствъ для оной на русскомъ языкѣ не было. И такъ, надлежало самому составлять записки для своихъ лекцій. Дѣло было довольно важное, тѣмъ болѣе, что слушать курсы наукъ въ семъ заведеніи позволено было, кому угодно. Приготовясь на нѣсколько чтеній, я открылъ преподаваніе эстетики и къ удивленію моему, съ трудомъ пробрался до каѳедры сквозь толпу, сидѣвшихъ и стоявшихъ, не только въ классѣ, но и въ переднемъ покоѣ, и на лѣстницѣ, ожидавшихъ меня посѣтителей всякаго состоянія, возраста и чиновъ. Новость предмета, думалъ я, привела на первый урокъ, столько слушателей; время ихъ поубавитъ. Но я ошибся въ заключеніи: почти всѣ они постоянно посѣщали мои лекціи. Доказательство, какъ охотно у насъ пользуются случаями для своего образованія. Въ справедливости моего показанія могутъ удостовѣриться изъ журнала, издаваемаго въ то время академикомъ Шторхомъ, подъ заглавіемъ: Russland unter Alexander dem I-ten (стран. 140, кн. V. 1804 года). Тамъ, между прочимъ, сказано, что такъ много посѣщало мои чтенія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, что прежній учебный залъ сталъ уже слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія". Это заставило начальство Института устроить залъ съ хорами въ зданіи Коллегіи.

Въ 1804 и 1805 годахъ издавалъ я журналъ: *Сѣверный Вѣстникъ*, получая для сего, отъ монаршихъ щедротъ, по три тысячи р. въ оба года.

Съ 8 іюня, 1804 года, къ прежнимъ моимъ занятіямъ прибави-

отдѣленій выбраны другіе чиновники и департаментъ образовался. 16 янв. 1804 года, по именному высочайшему повелѣнію, произведенъ я въ коллежскіе совѣтники. По высочайше утвержденнымъ предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, надлежало приступить къ образованію здѣсь университета. Рѣшились прежде учредить отдѣленіе университета, подъ названіемъ С.-Петербургскаго педагогическаго института, который былъ бы разсадникомъ для профессоровъ будущаго университета, для учителей гимназій и другихъ училищъ. Для сего, по высочайшему повелѣнію, истребовано изъ разныхъ семинарій сто студентовъ, приглашены для преподаванія, положенныхъ въ семъ новомъ заведеніи предметовъ профессора. Я обремененъ былъ дѣлами по званію директора; но бывшій тогда попечителемъ, дѣйствительный камергеръ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, непремѣнно хотѣлъ, чтобы я принялъ на себя преподавать эстетику хотя два часа въ недѣлю. Наука сія въ русскихъ университетахъ начала преподаваться только съ учрежденія министерства просвѣщенія. Руководствъ для оной на русскомъ языкѣ не было. И такъ, надлежало самому составлять записки для своихъ лекцій. Дѣло было довольно важное, тѣмъ болѣе, что слушать курсы наукъ въ семъ заведеніи позволено было, кому угодно. Приготовясь на нѣсколько чтеній, я открылъ преподаваніе эстетики и къ удивленію моему, съ трудомъ пробрался до каѳедры сквозь толпу, сидѣвшихъ и стоявшихъ, не только въ классѣ, но и въ переднемъ покоѣ, и на лѣстницѣ, ожидавшихъ меня посѣтителей всякаго состоянія, возраста и чиновъ. Новость предмета, думалъ я, привела на первый урокъ, столько слушателей; время ихъ поубавитъ. Но я ошибся въ заключеніи: почти всѣ они постоянно посѣщали мои лекціи. Доказательство, какъ охотно у насъ пользуются случаями для своего образованія. Въ справедливости моего показанія могутъ удостовѣриться изъ журнала, издаваемаго въ то время академикомъ Шторхомъ, подъ заглавіемъ: Russland unter Alexander dem I-ten (стран. 140, кн. V. 1804 года). Тамъ, между прочимъ, сказано, что такъ много посѣщало мои чтенія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, что прежній учебный залъ сталъ уже слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія". Это заставило начальство Института устроить залъ съ хорами въ зданіи Коллегіи.

Въ 1804 и 1805 годахъ издавалъ я журналъ: *Сѣверный Вѣстникъ*, получая для сего, отъ монаршихъ щедротъ, по три тысячи р. въ оба года.

Съ 8 іюня, 1804 года, къ прежнимъ моимъ занятіямъ прибави-

лась должность ученаго секретаря конференціи Педагогическаго института.

Въ 1803 году, октября 9 дня, послѣдовало высочайшее повелѣніе, составить коммисію для разсмотрѣнія проэкта князя Зубова, объ учрежденіи губернскихъ военныхъ училищъ, въ которой я былъ дѣлопроизводителемъ, въ продолженіи сего и 1804 года. Для меня тѣмъ болѣе было лестно сіе порученіе, что въ сей коммисіи изволилъ присутствовать блаженныя памяти государь цесаревичь и великій князь Константинъ Павловичъ, къ которому, по дѣламъ коммисіи, я имѣлъ счастіе относиться непосредственно. На основаніи проэкта князя Зубова, коммисія начертала планъ военнаго воспитанія и поднесла на высочайшее усмотрѣніе. Планъ удостоенъ утвержденія и, на основаніи онаго, открытъ совѣтъ о военныхъ училищахъ, въ который предсѣдательствующимъ назначенъ былъ его императорское высочество цесаревичъ, а мнѣ высочайше повелѣно было быть правителемъ канцеляріи совѣта, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, апрѣля 8 дня 1805 года.

Въ 1804 же году, 9 сентября, именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно мнѣ быть правителемъ дѣлъ Главнаго правленія училищъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ.

3 февраля 1806 года я всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса. Сей знакъ отличія тѣмъ для меня драгоцѣннѣе, что графъ Петръ Васильевичъ самъ сочинялъ черновую записку, которую храню, какъ великодушный залогъ его ко мнѣ признательности. Она заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Коллежскій Совѣтникъ Мартыновъ, Правитель дѣлъ ввѣреннаго мнѣ Департамента и вмѣстѣ Канцеляріи Главнаго училищъ Правленія, и Совѣта военныхъ училищъ, неся также должность ученаго Секретаря Конференціи Педагогическаго Института, отличается пространнымъ и неусыпнымъ своимъ трудомъ, участвуя въ начертаніи уставовъ всѣмъ вновь устрояемымъ учебнымъ заведеніямъ. Во вниманіе на его необыкновенные труды и заслугу, убѣждаюсь ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ награжденіи сего знакомъ ордена Святыя Анны“. Записка списана мною съ правописаніемъ сочинителя. Подлинность и сила слога гр. Петра Васильевича видна изъ сего краткаго сочиненьица.

Уставы, въ начертаніи коихъ я по 1806 годъ участвовалъ, суть: уставы Дерптскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетовъ, уставъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища. Но первоначально они написаны были: первый — Дерптскимъ универ-

лась должность ученаго секретаря конференціи Педагогическаго института.

Въ 1803 году, октября 9 дня, послѣдовало высочайшее повелѣніе, составить коммисію для разсмотрѣнія проэкта князя Зубова, объ учрежденіи губернскихъ военныхъ училищъ, въ которой я былъ дѣлопроизводителемъ, въ продолженіи сего и 1804 года. Для меня тѣмъ болѣе было лестно сіе порученіе, что въ сей коммисіи изволилъ присутствовать блаженныя памяти государь цесаревичь и великій князь Константинъ Павловичъ, къ которому, по дѣламъ коммисіи, я имѣлъ счастіе относиться непосредственно. На основаніи проэкта князя Зубова, коммисія начертала планъ военнаго воспитанія и поднесла на высочайшее усмотрѣніе. Планъ удостоенъ утвержденія и, на основаніи онаго, открытъ совѣтъ о военныхъ училищахъ, въ который предсѣдательствующимъ назначенъ былъ его императорское высочество цесаревичъ, а мнѣ высочайше повелѣно было быть правителемъ канцеляріи совѣта, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, апрѣля 8 дня 1805 года.

Въ 1804 же году, 9 сентября, именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно мнѣ быть правителемъ дѣлъ Главнаго правленія училищъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ.

3 февраля 1806 года я всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса. Сей знакъ отличія тѣмъ для меня драгоцѣннѣе, что графъ Петръ Васильевичъ самъ сочинялъ черновую записку, которую храню, какъ великодушный залогъ его ко мнѣ признательности. Она заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Коллежскій Совѣтникъ Мартыновъ, Правитель дѣлъ ввѣреннаго мнѣ Департамента и вмѣстѣ Канцеляріи Главнаго училищъ Правленія, и Совѣта военныхъ училищъ, неся также должность ученаго Секретаря Конференціи Педагогическаго Института, отличается пространнымъ и неусыпнымъ своимъ трудомъ, участвуя въ начертаніи уставовъ всѣмъ вновь устрояемымъ учебнымъ заведеніямъ. Во вниманіе на его необыкновенные труды и заслугу, убѣждаюсь ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ награжденіи сего знакомъ ордена Святыя Анны“. Записка списана мною съ правописаніемъ сочинителя. Подлинность и сила слога гр. Петра Васильевича видна изъ сего краткаго сочиненьица.

Уставы, въ начертаніи коихъ я по 1806 годъ участвовалъ, суть: уставы Дерптскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетовъ, уставъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища. Но первоначально они написаны были: первый — Дерптскимъ универ-

ситетомъ, съ которымъ, для совокупнаго разсмотрѣнія онаго съ Главнымъ правленіемъ училищъ, присланы были депутатами профессора Парротъ и Глинка; второй, третій и четвертый — попечителями сихъ университетовъ; а пятый жертвователемъ имущества своего дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Павломъ Григорьевичемъ Демидовымъ. Правила для С.-Петербургскаго педагогическаго института написаны мною съ мнѣній по ученымъ предметамъ профессоровъ сего института; уставъ для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составленъ мною, кромѣ росписанія учебныхъ предметовъ, что поручено было члену Главнаго правленія училищъ Н. П. Фусу. Уставъ для цензуры книгъ написанъ весь мною и подписанъ министромъ и членами правленія училищъ почти безъ всякой перемѣны *).

Въ 1807 году, октября 17 д., я назначенъ членомъ въ хозяйственный комитетъ, учрежденный при Главномъ правленіи училищъ.

Въ семъ же году, государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было, чтобы я принялъ надзоръ за учебною частію въ С.-Петербургскомъ императорскомъ воспитательномъ домѣ и учредилъ бы въ немъ латинскіе классы, для приготовленія нѣсколькихъ воспитанниковъ къ обученію медицинскимъ наукамъ. Статсъ-секретарь Вилламовъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, изобразилъ волю ея величества самымъ лестнымъ для меня образомъ. Онъ писалъ, что я никого не буду имѣть начальникомъ, кромѣ ея величества, къ коей относиться буду непосредственно, что ея величеству, извѣстно сколько я занятъ по министерству просвѣщенія, но ея величество увѣрена, что часть сія будетъ въ цвѣтущемъ состояніи, если я *только взгляну* хотя два, или одинъ разъ въ недѣлю. Письмо сіе показалъ я графу Петру Васильевичу, который, прочитавъ оное, сказалъ: „Нечего дѣлать; отказаться нельзя: отвѣчайте, что, при вашихъ занятіяхъ, вы не можете посѣщать Воспитательный домъ болѣе одного раза въ недѣлю“.

Я занимался въ немъ 1807 и 1808 годы. Въ послѣднемъ просилъ тамошнее начальство, что я не могу быть такъ полезенъ, какъ бы того желалъ, что одного раза въ недѣлю недостаточно для обозрѣнія и повѣрки успѣховъ во всѣхъ классахъ, что полезнѣе несравненно, чтобы надзиратель за ученіемъ жилъ въ домѣ, не былъ занятъ другими должностями и могъ бы посѣщать классы, сколько можно чаще. Это было доведено до свѣдѣнія ея величества, вслѣд-

*) Въ 1806 году издалъ я *Лицей*, въ четырехъ частяхъ.

ситетомъ, съ которымъ, для совокупнаго разсмотрѣнія онаго съ Главнымъ правленіемъ училищъ, присланы были депутатами профессора Парротъ и Глинка; второй, третій и четвертый — попечителями сихъ университетовъ; а пятый жертвователемъ имущества своего дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Павломъ Григорьевичемъ Демидовымъ. Правила для С.-Петербургскаго педагогическаго института написаны мною съ мнѣній по ученымъ предметамъ профессоровъ сего института; уставъ для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составленъ мною, кромѣ росписанія учебныхъ предметовъ, что поручено было члену Главнаго правленія училищъ Н. П. Фусу. Уставъ для цензуры книгъ написанъ весь мною и подписанъ министромъ и членами правленія училищъ почти безъ всякой перемѣны *).

Въ 1807 году, октября 17 д., я назначенъ членомъ въ хозяйственный комитетъ, учрежденный при Главномъ правленіи училищъ.

Въ семъ же году, государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было, чтобы я принялъ надзоръ за учебною частію въ С.-Петербургскомъ императорскомъ воспитательномъ домѣ и учредилъ бы въ немъ латинскіе классы, для приготовленія нѣсколькихъ воспитанниковъ къ обученію медицинскимъ наукамъ. Статсъ-секретарь Вилламовъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, изобразилъ волю ея величества самымъ лестнымъ для меня образомъ. Онъ писалъ, что я никого не буду имѣть начальникомъ, кромѣ ея величества, къ коей относиться буду непосредственно, что ея величеству, извѣстно сколько я занятъ по министерству просвѣщенія, но ея величество увѣрена, что часть сія будетъ въ цвѣтущемъ состояніи, если я *только взгляну* хотя два, или одинъ разъ въ недѣлю. Письмо сіе показалъ я графу Петру Васильевичу, который, прочитавъ оное, сказалъ: „Нечего дѣлать; отказаться нельзя: отвѣчайте, что, при вашихъ занятіяхъ, вы не можете посѣщать Воспитательный домъ болѣе одного раза въ недѣлю“.

Я занимался въ немъ 1807 и 1808 годы. Въ послѣднемъ просилъ тамошнее начальство, что я не могу быть такъ полезенъ, какъ бы того желалъ, что одного раза въ недѣлю недостаточно для обозрѣнія и повѣрки успѣховъ во всѣхъ классахъ, что полезнѣе несравненно, чтобы надзиратель за ученіемъ жилъ въ домѣ, не былъ занятъ другими должностями и могъ бы посѣщать классы, сколько можно чаще. Это было доведено до свѣдѣнія ея величества, вслѣд-

*) Въ 1806 году издалъ я *Лицей*, въ четырехъ частяхъ.

ствіе чего полученъ мною всемилостивѣйшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Господинъ Статскій Совѣтникъ Мартыновъ. При учиненіи нынѣ, какъ вамъ уже извѣстно, новаго распоряженія въ разсужденіи классовъ въ Воспитательномъ Домѣ, понуждающаго къ опредѣленію особеннаго Инспектора, для безотлучнаго почти за ними присмотра, Я пріятною поставила себѣ обязанностію изъявить вамъ совершенную Мою признательность за труды вами до нынѣ по сей части понесенные и справедливость Мною всегда отличному усердію вашему отдаваемую. Прилагая при семъ особенный знакъ *) таковыхъ Моихъ къ вамъ расположеній, Я пребываю въ прочемъ вамъ всегда благосклонною.

На подл. подписано: Марія.

Въ 1807 году, сентября 7 дня, всемилостивѣйше произведенъ я въ статскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 1806 декабря 31 дня. 15 сентября, сего же года, пожалованъ мнѣ государемъ императоромъ брильянтовый перстень за четырехлѣтнее образованіе студентовъ Педагогическаго института.

Въ 1809 году, 12 августа, всемилостивѣйше пожалована мнѣ, въ 12-ти лѣтнее содержаніе, аренда. Въ семъ году употребленъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, составленномъ для начертанія правилъ испытанія медицинскихъ чиновъ. Октября 7 сегоже года назначенъ предсѣдателемъ комитета испытаній гражданскихъ чиновниковъ, учрежденнаго при С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и надзирателемъ курсовъ, предписанныхъ указомъ, августа 6 дня 1809 г. Въ концѣ этого и въ началѣ 1810 года былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, учрежденномъ для уменьшенія расходовъ по всѣмъ министерствамъ и вѣдомствамъ на 1810 г.

Августа 11 дня, 1811 года, всемилостивѣйше произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ 1812 и 1813 былъ употребленъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ для начертанія правилъ испытанія гражданскихъ чиновниковъ. Правила сіи, по представленіи мною, комитетомъ были приняты безъ всякой перемѣны, подписаны членами и представлены въ комитетъ гг. министровъ.

Между тѣмъ, какъ я проходилъ службу гражданскую, учебныя общества и университеты не лишали меня своего вниманія; 18 декабря 1804 г. Московскій университетъ, почтилъ меня званіемъ

*) Брильянтовый перстень.

ствіе чего полученъ мною всемилостивѣйшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Господинъ Статскій Совѣтникъ Мартыновъ. При учрежденіи нынѣ, какъ вамъ уже извѣстно, новаго распоряженія въ разсужденіи классовъ въ Воспитательномъ Домѣ, понуждающаго къ опредѣленію особеннаго Инспектора, для безотлучнаго почти за ними присмотра, Я пріятною поставила себѣ обязанностію изъявить вамъ совершенную Мою признательность за труды вами до нынѣ по сей части понесенные и справедливость Мною всегда отличному усердію вашему отдаваемую. Прилагая при семъ особенный знакъ *) таковыхъ Моихъ къ вамъ расположеній, Я пребываю въ прочемъ вамъ всегда благосклонною.

На подл. подписано: Марія.

Въ 1807 году, сентября 7 дня, всемилостивѣйше произведенъ я въ статскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 1806 декабря 31 дня. 15 сентября, сего же года, пожалованъ мнѣ государемъ императоромъ брильянтовый перстень за четырехлѣтнее образованіе студентовъ Педагогическаго института.

Въ 1809 году, 12 августа, всемилостивѣйше пожалована мнѣ, въ 12-ти лѣтнее содержаніе, аренда. Въ семъ году употребленъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, составленномъ для начертанія правилъ испытанія медицинскихъ чиновъ. Октября 7 сегоже года назначенъ предсѣдателемъ комитета испытаній гражданскихъ чиновниковъ, учрежденнаго при С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и надзирателемъ курсовъ, предписанныхъ указомъ, августа 6 дня 1809 г. Въ концѣ этого и въ началѣ 1810 года былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, учрежденномъ для уменьшенія расходовъ по всѣмъ министерствамъ и вѣдомствамъ на 1810 г.

Августа 11 дня, 1811 года, всемилостивѣйше произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ 1812 и 1813 былъ употребленъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ для начертанія правилъ испытанія гражданскихъ чиновниковъ. Правила сіи, по представленіи мною, комитетомъ были приняты безъ всякой перемѣны, подписаны членами и представлены въ комитетъ гг. министровъ.

Между тѣмъ, какъ я проходилъ службу гражданскую, учебныя общества и университеты не лишали меня своего вниманія; 18 декабря 1804 г. Московскій университетъ, почтилъ меня званіемъ

*) Брильянтовый перстень.

почетнаго своего члена; 23 февраля 1807 года, императорская россійская Академія избрала въ свои члены; октября 7 д. 1809 г., бывшій Виленскій университетъ избралъ своимъ почетнымъ членомъ; 20 сентября 1810—въ таковые же члены избралъ Харьковскій университетъ; 21 октября 1814, въ такіе же члены—университетъ Казанскій; 18 февраля 1814, С.-Петербургское вольное экономическое общество приняло меня въ дѣйствительные члены; 24 марта 1816, императорская Медико-хирургическая академія удостоила меня званія почетнаго своего члена. Учреждавшимся въ Россіи, въ разныя времена, частнымъ ученымъ обществамъ также не противно было считать меня въ числѣ своихъ членовъ. Изъ сихъ сословій приносилъ своими трудами пользу частную только Академіи россійской: своими присутствіями, почти никогда не оставляемыми и преимущественнымъ, предъ другими членами, доставленіемъ въ ея *Словарь* словъ по разнымъ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и общеупотребительныхъ, а также Вольно-экономическому обществу: своими мнѣніями, какихъ оно отъ меня требовало и нѣсколькими сочиненіями по части ботаники, за которыя получены мною въ разное время золотыя медали.

25 августа 1816 всемилостивѣйше пожалованъ я кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени. Съ окончаніемъ сего года, окончилась моя блистательная служба.

Будутъ ли говорить обо мнѣ послѣ моей смерти, кому знать. Но что говорили и писали обо мнѣ во время моего директорства, о томъ мнѣ пріятно для дѣтей моихъ и родственниковъ сохранить слѣдующее происшествіе. Въ 1812 году, до вторженія въ Россію Наполеона, въ одинъ день приходитъ ко мнѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ и спрашиваетъ меня:

— „Читалъ ли я, недавно вышедшую въ чужихъ краяхъ, книгу Tableau de Petersbourg ou lettres sur la Russie, écrites en 1810, 1811 et 1812 par D. Cretien Muller et traduites de l'Allemand par: C. Leger, professeur de Rhetorique au Lycée de Mayence. Она здѣсь есть, но не больше двухъ экземпляровъ“?

— Не только не читалъ, но и не слыхалъ объ ней.

— „Вы съ сочинителемъ должны быть знакомы. Онъ жилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, служилъ въ Екатерининскомъ институтѣ учителемъ нѣмецкаго языка, гдѣ и вы служили и хаживалъ къ вамъ въ департаментъ“?

— При мнѣ учителя Миллера не было и ходилъ ли онъ въ депар-

почетнаго своего члена; 23 февраля 1807 года, императорская россійская Академія избрала въ свои члены; октября 7 д. 1809 г., бывшій Виленскій университетъ избралъ своимъ почетнымъ членомъ; 20 сентября 1810—въ таковые же члены избралъ Харьковскій университетъ; 21 октября 1814, въ такіе же члены—университетъ Казанскій; 18 февраля 1814, С.-Петербургское вольное экономическое общество приняло меня въ дѣйствительные члены; 24 марта 1816, императорская Медико-хирургическая академія удостоила меня званія почетнаго своего члена. Учреждавшимся въ Россіи, въ разныя времена, частнымъ ученымъ обществамъ также не противно было считать меня въ числѣ своихъ членовъ. Изъ сихъ сословій приносилъ своими трудами пользу частную только Академіи россійской: своими присутствіями, почти никогда не оставляемыми и преимущественнымъ, предъ другими членами, доставленіемъ въ ея *Словарь* словъ по разнымъ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и общеупотребительныхъ, а также Вольно-экономическому обществу: своими мнѣніями, какихъ оно отъ меня требовало и нѣсколькими сочиненіями по части ботаники, за которыя получены мною въ разное время золотыя медали.

25 августа 1816 всемилостивѣйше пожалованъ я кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени. Съ окончаніемъ сего года, окончилась моя блистательная служба.

Будутъ ли говорить обо мнѣ послѣ моей смерти, кому знать. Но что говорили и писали обо мнѣ во время моего директорства, о томъ мнѣ пріятно для дѣтей моихъ и родственниковъ сохранить слѣдующее происшествіе. Въ 1812 году, до вторженія въ Россію Наполеона, въ одинъ день приходитъ ко мнѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ и спрашиваетъ меня:

— „Читалъ ли я, недавно вышедшую въ чужихъ краяхъ, книгу Tableau de Petersbourg ou lettres sur la Russie, écrites en 1810, 1811 et 1812 par D. Cretien Muller et traduites de l'Allemand par: C. Leger, professeur de Rhetorique au Lycée de Mayence. Она здѣсь есть, но не больше двухъ экземпляровъ“?

— Не только не читалъ, но и не слыхалъ объ ней.

— „Вы съ сочинителемъ должны быть знакомы. Онъ жилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, служилъ въ Екатерининскомъ институтѣ учителемъ нѣмецкаго языка, гдѣ и вы служили и хаживалъ къ вамъ въ департаментъ“?

— При мнѣ учителя Миллера не было и ходилъ ли онъ въ депар-

таментъ, мнѣ не извѣстно. Впрочемъ, если бы то и было, что въ томъ?

— „Онъ описалъ всѣхъ министровъ, директоровъ, и другихъ начальниковъ и коснулся даже царской фамиліи".

— Что же?

— „А то, что онъ почти обо всѣхъ отзывается худо. Одного тебя хвалитъ"!

Эти слова нимало не польстили моему самолюбію. Такая исключительная похвала не можетъ быть справедлива; а въ тогдашнее время должна быть подозрительна и для меня опасна, что и было главною, кажется, причиною прихода ко мнѣ г-на Тургенева. Въ этотъ же день ввечеру приходитъ ко мнѣ секретарь президента Медико-хирургической академіи Якова Виллье съ тѣмъ же извѣстіемъ. „Яковъ Васильевичъ—сказалъ мнѣ Михаилъ Дмитріевичъ Костогоровъ,—приказалъ мнѣ сказать вамъ, что онъ видѣлъ у государя книгу на французскомъ языкѣ, въ которой сочинитель всѣхъ бранитъ, кромѣ васъ", и наименовалъ мнѣ нѣкоторыя лица. Эта посылка имѣла совсѣмъ другой источникъ, нежели посѣщеніе Тургенева: она произошла отъ давняго благорасположенія ко мнѣ Якова Васильевича. Я просилъ Михаила Дмитріевича попросить эту книгу прислать ко мнѣ на нѣсколько только часовъ и она была мнѣ доставлена. Мнѣ хотѣлось видѣть, до какой степени долженъ я опасаться подозрѣній людей злонамѣренныхъ и вотъ что въ ней прочелъ.

Le Conseillier d'état Martinow, connu comme Philologue dans l'histoire litteraire de Russie, dirige les bureaux de ce Departement; et le peu de bien solide qui s'y opère e'est à lui surtout qu'on le doit, quoique sans contredit il ne fasse pas dans sa sphere très-étendue tout ce qu'on y pourroit faire avec une volontè ardente et une conscience pure. — Преувеличеніе самое невѣжественное; по немъ судить можно и о справедливости прочаго, что сказано о другихъ.

6 генваря 1817 я уволенъ изъ Педагогическаго института, съ оставленіемъ при мнѣ жалованья, какое получалъ я оттуда. Февраля 17, тогожъ года, уволенъ отъ должности директора департамента просвѣщенія и правителя дѣлъ Главнаго правленія училищъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ быть мнѣ членомъ сего правленія и оставленіемъ при мнѣ жалованья директора, правителя дѣлъ, казенной квартиры, дровъ и свѣчей. Сверхъ того, 8 ноября 1819 высочайше повелѣно быть мнѣ членомъ комитета для учрежденія

таментъ, мнѣ не извѣстно. Впрочемъ, если бы то и было, что въ томъ?

— „Онъ описалъ всѣхъ министровъ, директоровъ, и другихъ начальниковъ и коснулся даже царской фамиліи".

— Что же?

— „А то, что онъ почти обо всѣхъ отзывается худо. Одного тебя хвалитъ"!

Эти слова нимало не польстили моему самолюбію. Такая исключительная похвала не можетъ быть справедлива; а въ тогдашнее время должна быть подозрительна и для меня опасна, что и было главною, кажется, причиною прихода ко мнѣ г-на Тургенева. Въ этотъ же день ввечеру приходитъ ко мнѣ секретарь президента Медико-хирургической академіи Якова Виллье съ тѣмъ же извѣстіемъ. „Яковъ Васильевичъ—сказалъ мнѣ Михаилъ Дмитріевичъ Костогоровъ,—приказалъ мнѣ сказать вамъ, что онъ видѣлъ у государя книгу на французскомъ языкѣ, въ которой сочинитель всѣхъ бранитъ, кромѣ васъ", и наименовалъ мнѣ нѣкоторыя лица. Эта посылка имѣла совсѣмъ другой источникъ, нежели посѣщеніе Тургенева: она произошла отъ давняго благорасположенія ко мнѣ Якова Васильевича. Я просилъ Михаила Дмитріевича попросить эту книгу прислать ко мнѣ на нѣсколько только часовъ и она была мнѣ доставлена. Мнѣ хотѣлось видѣть, до какой степени долженъ я опасаться подозрѣній людей злонамѣренныхъ и вотъ что въ ней прочелъ.

Le Conseillier d'état Martinow, connu comme Philologue dans l'histoire litteraire de Russie, dirige les bureaux de ce Departement; et le peu de bien solide qui s'y opère e'est à lui surtout qu'on le doit, quoique sans contredit il ne fasse pas dans sa sphere très-étendue tout ce qu'on y pourroit faire avec une volontè ardente et une conscience pure. — Преувеличеніе самое невѣжественное; по немъ судить можно и о справедливости прочаго, что сказано о другихъ.

6 генваря 1817 я уволенъ изъ Педагогическаго института, съ оставленіемъ при мнѣ жалованья, какое получалъ я оттуда. Февраля 17, тогожъ года, уволенъ отъ должности директора департамента просвѣщенія и правителя дѣлъ Главнаго правленія училищъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ быть мнѣ членомъ сего правленія и оставленіемъ при мнѣ жалованья директора, правителя дѣлъ, казенной квартиры, дровъ и свѣчей. Сверхъ того, 8 ноября 1819 высочайше повелѣно быть мнѣ членомъ комитета для учрежденія

училищъ взаимнаго обученія. Между тѣмъ, именно въ 1817 году, подалъ я мысль учредить здѣсь Минералогическое общество и, составивъ, вмѣстѣ съ коллежскимъ совѣтникомъ Панспером и барономъ Фитингофомъ, постановленіе оному, представилъ министру, просвѣщенія, который и исходатайствовалъ оному высочайшее утвержденіе.

12 марта 1820, всемилостивѣйше пожалованъ мнѣ, за службу по Совѣту о военныхъ училищахъ, орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями.

22 февраля 1822, высочайше повелѣно составить комитетъ изъ главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генерала отъ инфантеріи графа Коновницына, Оренбургскаго военнаго губернатора (нынѣ графа) генерала отъ инф. Эссена и меня для разсмотрѣнія проэкта устава Оренбургскаго Неплюевскаго военнаго училища и штата онаго, которые, по разсмотрѣніи, были представлены государю императору и удостоены высочайшаго утвержденія. Въ семъ же году, октября 2 д., повелѣно было мнѣ быть предсѣдателемъ въ комитетѣ, высочайше учрежденномъ для разсмотрѣнія отчетовъ по Благородному пансіону, при Царскосельскомъ лицеѣ находившемуся.

2 октября 1826 года, министръ народнаго просвѣщенія назначилъ меня членомъ во временный комитетъ для составленія проэкта новаго устава учебныхъ заведеній.

9 сентября 1825, онъ же назначилъ меня предсѣдателемъ въ комитетъ для изслѣдованія извѣтовъ и поступковъ бывшихъ профессоровъ Казанскаго университета: Жобара и Пальмина.

Въ семъ же году сдѣланъ я членомъ въ ученый комитетъ, высочайше утвержденный при Главномъ правленіи училищъ, съ оставленіемъ меня и членомъ хозяйственнаго комитета.

22 августа 1828 года всемилостивѣйше пожалованъ мнѣ знакъ отличія безпорочной службы въ классныхъ чинахъ 30-ти лѣтъ.

17 января 1829, государь императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ, за выслугу по министерству просвѣщенія, бриллиантовый перстень, съ вензелевымъ его величества именемъ.

10 іюля 1829, Санктпетербургскій университетъ избралъ меня въ свои почетные члены.

31 августа 1832, всемилостивѣйше пожалованъ мнѣ знакъ отличія безпорочной службы въ классныхъ чинахъ 35-ти лѣтъ.

4 апрѣля 1833, по ходатайству его императорскаго высочества главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ

училищъ взаимнаго обученія. Между тѣмъ, именно въ 1817 году, подалъ я мысль учредить здѣсь Минералогическое общество и, составивъ, вмѣстѣ съ коллежскимъ совѣтникомъ Панспером и барономъ Фитингофомъ, постановленіе оному, представилъ министру, просвѣщенія, который и исходатайствовалъ оному высочайшее утвержденіе.

12 марта 1820, всемилостивѣйше пожалованъ мнѣ, за службу по Совѣту о военныхъ училищахъ, орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями.

22 февраля 1822, высочайше повелѣно составить комитетъ изъ главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генерала отъ инфантеріи графа Коновницына, Оренбургскаго военнаго губернатора (нынѣ графа) генерала отъ инф. Эссена и меня для разсмотрѣнія проэкта устава Оренбургскаго Неплюевскаго военнаго училища и штата онаго, которые, по разсмотрѣніи, были представлены государю императору и удостоены высочайшаго утвержденія. Въ семъ же году, октября 2 д., повелѣно было мнѣ быть предсѣдателемъ въ комитетѣ, высочайше учрежденномъ для разсмотрѣнія отчетовъ по Благородному пансіону, при Царскосельскомъ лицеѣ находившемуся.

2 октября 1826 года, министръ народнаго просвѣщенія назначилъ меня членомъ во временный комитетъ для составленія проэкта новаго устава учебныхъ заведеній.

9 сентября 1825, онъ же назначилъ меня предсѣдателемъ въ комитетъ для изслѣдованія извѣтовъ и поступковъ бывшихъ профессоровъ Казанскаго университета: Жобара и Пальмина.

Въ семъ же году сдѣланъ я членомъ въ ученый комитетъ, высочайше утвержденный при Главномъ правленіи училищъ, съ оставленіемъ меня и членомъ хозяйственнаго комитета.

22 августа 1828 года всемилостивѣйше пожалованъ мнѣ знакъ отличія безпорочной службы въ классныхъ чинахъ 30-ти лѣтъ.

17 января 1829, государь императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ, за выслугу по министерству просвѣщенія, брильянтовый перстень, съ вензелевымъ его величества именемъ.

10 іюля 1829, Санктпетербургскій университетъ избралъ меня въ свои почетные члены.

31 августа 1832, всемилостивѣйше пожалованъ мнѣ знакъ отличія безпорочной службы въ классныхъ чинахъ 35-ти лѣтъ.

4 апрѣля 1833, по ходатайству его императорскаго высочества главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ

корпусовъ и Дворянскаго полка, всемилостивѣйше пожалованъ я кавалеромъ ордена святаго Станислава первой степени.

По увольненіи меня отъ директорства и должностей правителя дѣлъ Главнаго правленія училищъ, ученаго секретаря конференціи Педагогическаго института и отъ преподаванія эстетики, я много получилъ времени къ занятіямъ по моему произволенію и не замедлилъ тѣмъ воспользоваться. Купивъ на часть денегъ, полученныхъ мною за пожалованную мнѣ аренду, домъ съ садомъ и оранжереями, на Васильевскомъ Острову, еще въ 1811 году, я посвятилъ себя садоводству и ботаникѣ. Я старался, сколько можно, при моихъ средствахъ, все узнать на дѣлѣ. Видя, что существующіе по ботаникѣ технические словари на иностранныхъ языкахъ устарѣли, а на русскомъ языкѣ и вовсе нѣтъ, я составилъ *Техно-ботаническій алфавитный словарь*, съ объясненіемъ каждаго латинскаго слова на русскомъ языкѣ и, при пособіи россійской Академіи, напечаталъ его въ 1820 году.

Между тѣмъ, поручено мнѣ было для училищъ министерства просвѣщенія издать Sinopsis plantarum Personii, который былъ напечатанъ подъ именемъ: Species plantarum. Это мнѣ весьма много способствовало къ составленію другаго *Словаря родовъ растеній*, по системѣ Персона. Въ семъ *Словарѣ*, начинающемся также съ латинскаго, я перевелъ на русскій языкъ каждое латинское названіе растенія, показалъ изъ какого языка взято, какъ составлено, отъ чего названо, какъ переведено на русскій языкъ, сколько породъ каждаго растенія извѣстно по синопсису Персонову и къ которому классу относится.

Въ одно почти время съ послѣднимъ словаремъ, издалъ я сокращеніе трехъ ботаническихъ системъ: Линнея, Турнефорта и Жюсье, подъ названіемъ: *Три Ботаника.*

Оканчивая ботаническую работу, я приступилъ къ труду огромнѣйшему, въ надеждѣ на помощь россійской Академіи, которой отпускается на то значительная сумма. Я предпринялъ издать свой переводъ, съ примѣчаніями, съ оригиналомъ на сторонѣ и безъ оригинала *Греческихъ Классиковъ*: 1) *Басни Езопа*, 2) Гимны Каллимаха, 3) Трагедіи Софокла: *Эдипа—царя*, *Эдипа въ Колонѣ*, *Антигону*, *Трахинянки*, *Аякса Неистоваго*, *Филоктета* и *Электру*. 4) *Омирову Иліаду*, въ 4 частяхъ; его же *Одиссею*, въ 4 ч. 5) *Иродотову Исторію*, въ 5 частяхъ, съ картою. 6) *Пиндаровы Оды*, въ 2 ч. 7) Лонгина: *О высокомъ*, втор. изд., Анакреона, вторымъ изданіемъ. Представилъ первую трагедію въ Академію, читалъ, ка-

корпусовъ и Дворянскаго полка, всемилостивѣйше пожалованъ я кавалеромъ ордена святаго Станислава первой степени.

По увольненіи меня отъ директорства и должностей правителя дѣлъ Главнаго правленія училищъ, ученаго секретаря конференціи Педагогическаго института и отъ преподаванія эстетики, я много получилъ времени къ занятіямъ по моему произволенію и не замедлилъ тѣмъ воспользоваться. Купивъ на часть денегъ, полученныхъ мною за пожалованную мнѣ аренду, домъ съ садомъ и оранжереями, на Васильевскомъ Острову, еще въ 1811 году, я посвятилъ себя садоводству и ботаникѣ. Я старался, сколько можно, при моихъ средствахъ, все узнать на дѣлѣ. Видя, что существующіе по ботаникѣ техническіе словари на иностранныхъ языкахъ устарѣли, а на русскомъ языкѣ и вовсе нѣтъ, я составилъ *Техно-ботаническій алфавитный словарь*, съ объясненіемъ каждаго латинскаго слова на русскомъ языкѣ и, при пособіи россійской Академіи, напечаталъ его въ 1820 году.

Между тѣмъ, поручено мнѣ было для училищъ министерства просвѣщенія издать Sinopsis plantarum Personii, который былъ напечатанъ подъ именемъ: Species plantarum. Это мнѣ весьма много способствовало къ составленію другаго *Словаря родовъ растеній*, по системѣ Персона. Въ семъ *Словарѣ*, начинающемся также съ латинскаго, я перевелъ на русскій языкъ каждое латинское названіе растенія, показалъ изъ какого языка взято, какъ составлено, отъ чего названо, какъ переведено на русскій языкъ, сколько породъ каждаго растенія извѣстно по синопсису Персонову и къ которому классу относится.

Въ одно почти время съ послѣднимъ словаремъ, издалъ я сокращеніе трехъ ботаническихъ системъ: Линнея, Турнефорта и Жюсье, подъ названіемъ: *Три Ботаника.*

Оканчивая ботаническую работу, я приступилъ къ труду огромнѣйшему, въ надеждѣ на помощь россійской Академіи, которой отпускается на то значительная сумма. Я предпринялъ издать свой переводъ, съ примѣчаніями, съ оригиналомъ на сторонѣ и безъ оригинала *Греческихъ Классиковъ*: 1) *Басни Езопа*, 2) Гимны Каллимаха, 3) Трагедіи Софокла: *Эдипа—царя*, *Эдипа въ Колонѣ*, *Антигону*, *Трахинянки*, *Аякса Неистоваго*, *Филоктета* и *Электру*. 4) *Омирову Иліаду*, въ 4 частяхъ; его же *Одиссею*, въ 4 ч. 5) *Иродотову Исторію*, въ 5 частяхъ, съ картою. 6) *Пиндаровы Оды*, въ 2 ч. 7) Лонгина: *О высокомъ*, втор. изд., Анакреона, вторымъ изданіемъ. Представилъ первую трагедію въ Академію, читалъ, ка-

жется, всѣ трудомъ симъ были довольны, желали видѣть оный напечатаннымъ на счетъ Академіи, но не тѣмъ кончилось. Я принужденъ былъ прибѣгнуть къ министерству просвѣщенія, не подпишется ли оно на сколько нибудь экземпляровъ для училищъ. Оно подписалось на 100 экземпляровъ, для духовныхъ училищъ. Подписка сдѣлана по числу оныхъ. Академія взяла у меня только восемь экземпляровъ. Какъ ни сомнителенъ былъ сбытъ спхъ книгъ, я рѣшился издать оныя, что и исполнилъ въ 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1828 и 1829 г. г. Мнѣ казалось, что я неблагодаренъ буду противъ отечества, если, пріобрѣвъ въ немъ свѣдѣнія въ еллинскомъ языкѣ и зная свой основательно, не воздамъ за его о мнѣ попеченія. Между тѣмъ, издалъ двѣ небольшія книжки, Плутарха: *О слушаніи и добродѣтельныя женщины въ древности.*

Я не могъ сносить равнодушно, что профессоръ С.-Петербургскаго университета Грефе вводитъ въ Россію произношеніе нѣкоторыхъ греческихъ буквъ Эразмово, между тѣмъ, какъ у насъ издавна принято соотвѣтственное древнему и новому; и потому написалъ небольшое о семъ разсужденіе, которое напечатано въ 1818 г. на счетъ департамента народнаго просвѣщенія и разослано по училищамъ гражданскимъ. Оно разослано и по училищамъ духовнымъ.

Въ 1828 году экономъ вселенскаго патріаршескаго престола и проповѣдникъ Константинопольскій пресвитеръ Константинъ Экономидъ предпринялъ издать книгу свою, въ 3 частяхъ, на греческомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ: *Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ.* Онъ просилъ меня, чтобы я имѣлъ надзоръ за изданіемъ сей книги и за исправленіемъ русскаго перевода, какъ то онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ 1-й части сего сочиненія, стр. CLXXV. Изданіе сіе подало мнѣ поводъ сдѣлать изъ него краткое извлеченіе, подъ именемъ: *Наставленіе объ истинномъ произношеніи нѣкоторыхъ греческихъ буквъ.* Я все хлопоталъ, не успѣю ли, чтобы начальство убѣдилось къ введенію правильнаго произношенія, но тщетно.

Въ 1832 году въ совѣтѣ о военно-учебныхъ заведеніяхъ возникло недоумѣніе, Гречеву ли *Грамматику* ввести въ сіи заведенія, въ коихъ она уже и преподавалась, или Востокову, принятую министерствомъ просвѣщенія. Это заставило меня сдѣлать имъ сводъ, дабы всякій могъ видѣть, что у кого лучше предложено, что надобно исправить, что излишне и чего недостаетъ. По напечатаніи своей рукописи, я имѣлъ счастіе, чрезъ его императорское высо-

жется, всѣ трудомъ симъ были довольны, желали видѣть оный напечатаннымъ на счетъ Академіи, но не тѣмъ кончилось. Я принужденъ былъ прибѣгнуть къ министерству просвѣщенія, не подпишется ли оно на сколько нибудь экземпляровъ для училищъ. Оно подписалось на 100 экземпляровъ, для духовныхъ училищъ. Подписка сдѣлана по числу оныхъ. Академія взяла у меня только восемь экземпляровъ. Какъ ни сомнителенъ былъ сбытъ сихъ книгъ, я рѣшился издать оныя, что и исполнилъ въ 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1828 и 1829 г. г. Мнѣ казалось, что я неблагодаренъ буду противъ отечества, если, пріобрѣвъ въ немъ свѣдѣнія въ еллинскомъ языкѣ и зная свой основательно, не воздамъ за его о мнѣ попеченія. Между тѣмъ, издалъ двѣ небольшія книжки, Плутарха: *О слушаніи и добродѣтельныя женщины въ древности.*

Я не могъ сносить равнодушно, что профессоръ С.-Петербургскаго университета Грефе вводитъ въ Россію произношеніе нѣкоторыхъ греческихъ буквъ Эразмово, между тѣмъ, какъ у насъ издавна принято соотвѣтственное древнему и новому; и потому написалъ небольшое о семъ разсужденіе, которое напечатано въ 1818 г. на счетъ департамента народнаго просвѣщенія и разослано по училищамъ гражданскимъ. Оно разослано и по училищамъ духовнымъ.

Въ 1828 году экономъ вселенскаго патріаршескаго престола и проповѣдникъ Константинопольскій пресвитеръ Константинъ Экономидъ предпринялъ издать книгу свою, въ 3 частяхъ, на греческомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ: *Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ.* Онъ просилъ меня, чтобы я имѣлъ надзоръ за изданіемъ сей книги и за исправленіемъ русскаго перевода, какъ то онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ 1-й части сего сочиненія, стр. CLXXV. Изданіе сіе подало мнѣ поводъ сдѣлать изъ него краткое извлеченіе, подъ именемъ: *Наставленіе объ истинномъ произношеніи нѣкоторыхъ греческихъ буквъ.* Я все хлопоталъ, не успѣю ли, чтобы начальство убѣдилось къ введенію правильнаго произношенія, но тщетно.

Въ 1832 году въ совѣтѣ о военно-учебныхъ заведеніяхъ возникло недоумѣніе, Гречеву ли *Грамматику* ввести въ сіи заведенія, въ коихъ она уже и преподавалась, или Востокову, принятую министерствомъ просвѣщенія. Это заставило меня сдѣлать имъ сводъ, дабы всякій могъ видѣть, что у кого лучше предложено, что надобно исправить, что излишне и чего недостаетъ. По напечатаніи своей рукописи, я имѣлъ счастіе, чрезъ его императорское высо-

чество главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка, поднести печатный экземпляръ оной государю императору, съ представленіемъ экземпляра и его высочеству. Его величество, принявъ книгу съ благосклонностію, всемилостивѣйше пожаловать мнѣ соизволилъ брильянтовый перстень по чину (въ 2000 р.); а его высочество предложить изволилъ совѣту разсмотрѣть, можетъ ли сія книга съ пользою быть употребляема при преподаваніи русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Совѣтъ предложилъ главному директору Пажескаго, и сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ составить для сего комитетъ изъ инспекторовъ и учителей, который бы и представилъ о томъ свое мнѣніе. Комитетъ далъ мнѣніе утвердительное, по представленіи коего великому князю, его высочество предписалъ совѣту ввести книгу мою въ военно-учебныя заведенія. Министръ же народнаго просвѣщенія по запискѣ, при коей препроводилъ я къ нему экземпляръ оной, никакого распоряженія не сдѣлалъ, а сдѣлали попечители, т. е. предписали начальникамъ подвѣдомыхъ имъ училищъ пріобрѣсти для нихъ потребное число экземпляровъ.

II.

Наводненіе 7 ноября 1824 года, или письма въ Иркутскъ *).

И не увѣдѣша, дондеже пріиде вода, и взятъ вся. Матѳ., гл. 24, ст. 39.

ПИСЬМО I.

Вскорѣ надѣясь, пишете вы, любезнѣйшій П. А., получить обѣщанную часть Иліады, вы посылаете мнѣ деньги для будущаго года. Такъ, я обѣщалъ, но „l'homme propose, Dieu dispose.“ Думаю что послѣ ноября 7-го, въ здѣшней столицѣ, нѣсколько тысячъ, вмѣстѣ со мною, не сдержали своего слова. Я уже объявилъ въ періодическихъ листкахъ неотвратимую причину моего слова. Не можно имѣть важнѣйшей опоры къ оправданію. Въ сибирскихъ степяхъ, безъ сомнѣнія, уже раздались слухи объ ужаснѣйшемъ наводненіи, постигшемъ наибольшую и наилучшую часть Петербурга съ его предмѣстьями и островами. Въ сіе наводненіе затопило все напечатанное въ типографіи департамента просвѣщенія и въ ней хранящееся. Той-же участи подпалъ и мой Омиръ. Типографія помѣщается въ нижнемъ этажѣ дома, въ которомъ находится и де-

*) Къ Петру Андреев. Словцову.

чество главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка, поднести печатный экземпляръ оной государю императору, съ представленіемъ экземпляра и его высочеству. Его величество, принявъ книгу съ благосклонностію, всемилостивѣйше пожаловать мнѣ соизволилъ брильянтовый перстень по чину (въ 2000 р.); а его высочество предложить изволилъ совѣту разсмотрѣть, можетъ ли сія книга съ пользою быть употребляема при преподаваніи русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Совѣтъ предложилъ главному директору Пажескаго, и сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ составить для сего комитетъ изъ инспекторовъ и учителей, который бы и представилъ о томъ свое мнѣніе. Комитетъ далъ мнѣніе утвердительное, по представленіи коего великому князю, его высочество предписалъ совѣту ввести книгу мою въ военно-учебныя заведенія. Министръ же народнаго просвѣщенія по запискѣ, при коей препроводилъ я къ нему экземпляръ оной, никакого распоряженія не сдѣлалъ, а сдѣлали попечители, т. е. предписали начальникамъ подвѣдомыхъ имъ училищъ пріобрѣсти для нихъ потребное число экземпляровъ.

II.

Наводненіе 7 ноября 1824 года, или письма въ Иркутскъ *).

И не увѣдѣша, дондеже пріиде вода, и взятъ вся. Матѳ., гл. 24, ст. 39.

ПИСЬМО I.

Вскорѣ надѣясь, пишете вы, любезнѣйшій П. А., получить обѣщанную часть Иліады, вы посылаете мнѣ деньги для будущаго года. Такъ, я обѣщалъ, но „l'homme propose, Dieu dispose.“ Думаю что послѣ ноября 7-го, въ здѣшней столицѣ, нѣсколько тысячъ, вмѣстѣ со мною, не сдержали своего слова. Я уже объявилъ въ періодическихъ листкахъ неотвратимую причину моего слова. Не можно имѣть важнѣйшей опоры къ оправданію. Въ сибирскихъ степяхъ, безъ сомнѣнія, уже раздались слухи объ ужаснѣйшемъ наводненіи, постигшемъ наибольшую и наилучшую часть Петербурга съ его предмѣстьями и островами. Въ сіе наводненіе затопило все напечатанное въ типографіи департамента просвѣщенія и въ ней хранящееся. Той-же участи подпалъ и мой Омиръ. Типографія помѣщается въ нижнемъ этажѣ дома, въ которомъ находится и де-

*) Къ Петру Андреев. Словцову.

партаментъ, т. е. въ Чернышевомъ переулкѣ, на Щукиномъ дворѣ. Въ ней вода стояла на аршинъ и 9 вершковъ. Изъ сего заключить можно, какъ высока была вода въ другихъ, нижнихъ мѣстахъ: на Петербургской сторонѣ, въ Коломнѣ, на Васильевскомъ острову, въ Гавани. Въ послѣдней она стояла на двѣ сажени выше обыкновеннаго. О! другъ мой, и я въ домикѣ своемъ, съ семействомъ, находился въ чрезвычайной опасности. Обращаюсь къ себѣ, при всеобщемъ несчастіи, не по самолюбію, нѣтъ! Я не эгоистъ. Но потому, что мое горе первое занимало меня во время общаго бѣдствія и первое, о коемъ могу что нибудь связное сказать вамъ. Ужасовъ же и страданій общихъ никакое перо описать не можетъ. Изображеніе бѣдствій каждаго семейства могло бы составить особую драму, или трагедію, — одного, главнаго содержанія, но съ разнообразнѣйшими отличіями.

Вотъ моя. Изъ частныхъ объявленій о моихъ книгахъ, вамъ извѣстно мѣсто, гдѣ происходило сіе страшное дѣйствіе. Надобно только дать вамъ нѣкоторое понятіе о прикосновенныхъ къ моему домику обстоятельствахъ. Онъ объ одномъ этажѣ, деревянный. До нынѣшняго года я помѣщался въ двухъ небольшихъ флигеляхъ. Какъ они были весьма тѣсны, сыры и холодны, отъ чего, или я, или кто либо изъ моего семейства почти безпрерывно были больны, то я, на послѣднія крохи, собранныя мною отъ изданія книгъ, въ минувшее лѣто, флигеля соединилъ, застроивъ пустое между ними мѣсто, надстроилъ надъ ними мезонинъ и все почти передѣлалъ во флигеляхъ, изъ чего вышелъ изрядный, красивый, а, что всего важнѣе, удобный къ помѣщенію моего семейства и теплый домикъ. Я напередъ уже радовался, какъ спокойно буду жить въ семъ новомъ убѣжищѣ. И дѣйствительно, меблировавъ оное новыми мебелями и освятивъ въ день *Воздвиженія Креста Господня*, перебрался въ него. Тутъ-то, часто думалъ я, въ мирѣ и тишинѣ бесѣдовать буду съ греческими классиками и знакомить не знакомыхъ съ ними, доколѣ провидѣнію Всевышняго будетъ угодно. Но, сочтите сколько времени протекло съ 14 сентября по 7 ноября; сочтите и пожалѣйте о тщетныхъ моихъ расчетахъ, пожалѣйте о семействѣ, приведенномъ въ ужаснѣйшее положеніе. Уже наканунѣ сего грознаго дня можно было ожидать необыкновеннаго наводненія, но кто могъ ожидать такого, какое случилось, и притомъ съ такою внезапностію? Къ счастію, при величайшемъ несчастіи,—что съ бѣдствіемъ симъ сражались мы *при дневномъ свѣтѣ*.

На Маломъ проспектѣ и смежныхъ съ нимъ мѣстахъ, при силь-

партаментъ, т. е. въ Чернышевомъ переулкѣ, на Щукиномъ дворѣ. Въ ней вода стояла на аршинъ и 9 вершковъ. Изъ сего заключить можно, какъ высока была вода въ другихъ, нижнихъ мѣстахъ: на Петербургской сторонѣ, въ Коломнѣ, на Васильевскомъ острову, въ Гавани. Въ послѣдней она стояла на двѣ сажени выше обыкновеннаго. О! другъ мой, и я въ домикѣ своемъ, съ семействомъ, находился въ чрезвычайной опасности. Обращаюсь къ себѣ, при всеобщемъ несчастіи, не по самолюбію, нѣтъ! Я не эгоистъ. Но потому, что мое горе первое занимало меня во время общаго бѣдствія и первое, о коемъ могу что нибудь связное сказать вамъ. Ужасовъ же и страданій общихъ никакое перо описать не можетъ. Изображеніе бѣдствій каждаго семейства могло бы составить особую драму, или трагедію, — одного, главнаго содержанія, но съ разнообразнѣйшими отличіями.

Вотъ моя. Изъ частныхъ объявленій о моихъ книгахъ, вамъ извѣстно мѣсто, гдѣ происходило сіе страшное дѣйствіе. Надобно только дать вамъ нѣкоторое понятіе о прикосновенныхъ къ моему домику обстоятельствахъ. Онъ объ одномъ этажѣ, деревянный. До нынѣшняго года я помѣщался въ двухъ небольшихъ флигеляхъ. Какъ они были весьма тѣсны, сыры и холодны, отъ чего, или я, или кто либо изъ моего семейства почти безпрерывно были больны, то я, на послѣднія крохи, собранныя мною отъ изданія книгъ, въ минувшее лѣто, флигеля соединилъ, застроивъ пустое между ними мѣсто, надстроилъ надъ ними мезонинъ и все почти передѣлалъ во флигеляхъ, изъ чего вышелъ изрядный, красивый, а, что всего важнѣе, удобный къ помѣщенію моего семейства и теплый домикъ. Я напередъ уже радовался, какъ спокойно буду жить въ семъ новомъ убѣжищѣ. И дѣйствительно, меблировавъ оное новыми мебелями и освятивъ въ день *Воздвиженія Креста Господня*, перебрался въ него. Тутъ-то, часто думалъ я, въ мирѣ и тишинѣ бесѣдовать буду съ греческими классиками и знакомить не знакомыхъ съ ними, доколѣ провидѣнію Всевышняго будетъ угодно. Но, сочтите сколько времени протекло съ 14 сентября по 7 ноября; сочтите и пожалѣйте о тщетныхъ моихъ расчетахъ, пожалѣйте о семействѣ, приведенномъ въ ужаснѣйшее положеніе. Уже наканунѣ сего грознаго дня можно было ожидать необыкновеннаго наводненія, но кто могъ ожидать такого, какое случилось, и притомъ съ такою внезапностію? Къ счастію, при величайшемъ несчастіи,—что съ бѣдствіемъ симъ сражались мы *при дневномъ свѣтѣ*.

На Маломъ проспектѣ и смежныхъ съ нимъ мѣстахъ, при силь-

помъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, вода показалась съ восьми часовъ утра и возрастала, сливаясь съ двухъ противуположныхъ сторонъ. Привыкнувъ къ подобнымъ явленіямъ, я спокойно сидѣлъ въ кабинетѣ и переводилъ пятую книгу Геродота. Вскорѣ, однакожъ, равнодушіе мое поколебалось. Я увидѣлъ уже воду, разлившуюся въ 11-й линіи, у стѣнъ своего дома, и пробирающуюся ко мнѣ на дворъ. Гостью сію видѣлъ я два года тому назадъ и думалъ, что она погоститъ, да и уйдетъ въ свое время, безъ дальняго безпокойства и вреда хозяину. Впрочемъ, первымъ стараніемъ моимъ было собрать около себя всѣхъ своихъ домашнихъ. Но, къ крайнему огорченію моему, услышалъ я, что одинъ изъ моихъ сыновей, не смотря на бурю, пошелъ къ должности. Два инвалида, служащіе при канцеляріи совѣта о военныхъ училищахъ, остались, какъ мы догадывались и какъ послѣ вышло на дѣлѣ,—въ людской, находящейся при оранжереѣ, а двое изъ людей, поймавъ, въ виду насъ, лодку, частію побуждаемые человѣколюбіемъ, а больше корыстолюбіемъ, пустились перевозить на ней застигнутыхъ на дорогѣ водою. Сперва мы безпокоились какъ бы только нашъ сынъ воротился домой и въ скоромъ времени увидѣли его бѣгущимъ по мосткамъ, но уже было поздно. Съ мостковъ нельзя уже было попасть къ намъ на дворъ. Мы изъ окошекъ махали своимъ людямъ, плавающимъ на лодкѣ, чтобъ они перевезли сына, но они, или не видали нашихъ заботливыхъ маханій, или не хотѣли понять, увлекаясь свойственною имъ страстію. И такъ, я принужденъ былъ кричать сыну изъ форточки, чтобы онъ бѣжалъ по мосточкамъ туда, гдѣ выше мѣстоположеніе острова и спасался бы, гдѣ можно. Увидѣвши сына, мы нѣсколько успокоились и смотрѣли изъ оконъ на жалкія, но еще не опасныя приключенія. Одна женщина, желая пробраться по мосткамъ, къ Черной рѣчкѣ, но бывъ упреждена водою, потомъ окружена ею, спасается на рукахъ добраго какого-то крестьянина и перебродитъ къ намъ на дворъ. Мужикъ везетъ на роспускахъ изъ сахарнаго завода пустую бочку; за нею сидитъ мальчикъ. Перекрестные мостки уже снесло; мужикъ, не замѣтивъ того, ѣдетъ впередъ и попадаетъ съ лошадью въ канаву. Бѣдную лошадь насилу вытащили и поставили ее въ мою конюшню. Подобныя сими происшествія занимали насъ; а между тѣмъ мы не забывали помнутно навѣдываться, какъ вода высока на дворѣ. На минуту я пошелъ въ кабинетъ, чтобъ закрыть книгу Геродота и прибрать тетрадь, какъ прибѣгаетъ ко мнѣ блѣдная, трепещущая отъ страха жена и говоритъ, что вода уже пробирается въ кухню. Это ничего, говорю

помъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, вода показалась съ восьми часовъ утра и возрастала, сливаясь съ двухъ противуположныхъ сторонъ. Привыкнувъ къ подобнымъ явленіямъ, я спокойно сидѣлъ въ кабинетѣ и переводилъ пятую книгу Геродота. Вскорѣ, однакожъ, равнодушіе мое поколебалось. Я увидѣлъ уже воду, разлившуюся въ 11-й линіи, у стѣнъ своего дома, и пробирающуюся ко мнѣ на дворъ. Гостью сію видѣлъ я два года тому назадъ и думалъ, что она погоститъ, да и уйдетъ въ свое время, безъ дальняго безпокойства и вреда хозяину. Впрочемъ, первымъ стараніемъ моимъ было собрать около себя всѣхъ своихъ домашнихъ. Но, къ крайнему огорченію моему, услышалъ я, что одинъ изъ моихъ сыновей, не смотря на бурю, пошелъ къ должности. Два инвалида, служащіе при канцеляріи совѣта о военныхъ училищахъ, остались, какъ мы догадывались и какъ послѣ вышло на дѣлѣ,—въ людской, находящейся при оранжереѣ, а двое изъ людей, поймавъ, въ виду насъ, лодку, частію побуждаемые человѣколюбіемъ, а больше корыстолюбіемъ, пустились перевозить на ней застигнутыхъ на дорогѣ водою. Сперва мы безпокоились какъ бы только нашъ сынъ воротился домой и въ скоромъ времени увидѣли его бѣгущимъ по мосткамъ, но уже было поздно. Съ мостковъ нельзя уже было попасть къ намъ на дворъ. Мы изъ окошекъ махали своимъ людямъ, плавающимъ на лодкѣ, чтобъ они перевезли сына, но они, или не видали нашихъ заботливыхъ маханій, или не хотѣли понять, увлекаясь свойственною имъ страстію. И такъ, я принужденъ былъ кричать сыну изъ форточки, чтобы онъ бѣжалъ по мосточкамъ туда, гдѣ выше мѣстоположеніе острова и спасался бы, гдѣ можно. Увидѣвши сына, мы нѣсколько успокоились и смотрѣли изъ оконъ на жалкія, но еще не опасныя приключенія. Одна женщина, желая пробраться по мосткамъ, къ Черной рѣчкѣ, но бывъ упреждена водою, потомъ окружена ею, спасается на рукахъ добраго какого-то крестьянина и перебродитъ къ намъ на дворъ. Мужикъ везетъ на роспускахъ изъ сахарнаго завода пустую бочку; за нею сидитъ мальчикъ. Перекрестные мостки уже снесло; мужикъ, не замѣтивъ того, ѣдетъ впередъ и попадаетъ съ лошадью въ канаву. Бѣдную лошадь насилу вытащили и поставили ее въ мою конюшню. Подобныя сими происшествія занимали насъ; а между тѣмъ мы не забывали помнутно навѣдываться, какъ вода высока на дворѣ. На минуту я пошелъ въ кабинетъ, чтобъ закрыть книгу Геродота и прибрать тетрадь, какъ прибѣгаетъ ко мнѣ блѣдная, трепещущая отъ страха жена и говоритъ, что вода уже пробирается въ кухню. Это ничего, говорю

я хладнокровно; тамъ гораздо ниже мѣсто, чѣмъ здѣсь; вѣрно, скоро перестанетъ прибывать, а самъ бѣгу въ кухню. Вода уже была въ сѣняхъ и я струсилъ, но не показавъ того наружу, возвращаюсь въ комнаты. Вдругъ, средній сынъ мой подбѣгаетъ ко мнѣ и, чтобы не услышала мать, тихонько говоритъ мнѣ: „Папенька! въ маленькой гостинной уже выступаетъ вода изъ подъ полу.“ Бѣгу посмотрѣть: вижу въ углу, на полу, пятно. О! это пятно, говорю ему, отъ пролитаго масла. „Вотъ, вотъ, говоритъ сынъ, сквозь щели пола фонтаномъ бьетъ.“ Не успѣлъ я осмотрѣть сіи фонтанчики, какъ вдругъ по полу разлилась вода. Я побѣжалъ къ женѣ: На верхъ, на верхъ поскорѣе! кричу ей. Спасайтесь! Всѣ на верхъ! И жену понесли полумертвую на мезонинъ, идучи уже въ водѣ, разлившейся во всѣхъ комнатахъ. За ней, вслѣдъ, побѣжала дочь, племянница и двѣ старушки, у насъ почевавшія. Плачь и вопль раздались по всѣмъ покоямъ. Оставивъ въ мезонинѣ жену съ плачущею свитою, я побѣжалъ въ кабинетъ, чтобъ захватить что можно: взялъ Геродота, рукописный его переводъ, переводъ двухъ непапечатанныхъ еще трагедій Софокла, шесть послѣднихъ пѣсней Иліады, четыре печатныя книги перевода Геродота и лексиконъ Гедериковъ, который обыкновенно называю моимъ *кормильцемъ*, выписаннымъ мнѣ изъ Лейпцига, покойнымъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, когда я еще учился въ Невской семинаріи; схватилъ первую часть библіи, прекраснѣйшаго Кіевскаго изданія въ листъ, богато переплетенную, изъ которой я, на досугѣ, выбиралъ слова и примѣры для дополненія Словаря Россійской Академіи, и со всею этой ношею побѣжалъ въ мезонинъ. Вспомнивъ о второй части библіи, оставшейся въ футлярѣ на конторкѣ, о библіи греческой, о Софоклѣ и другихъ, на столѣ лежавшихъ, книгахъ, я побѣжалъ было и за ними; но уже вода была на полфута, и я воротился назадъ, чтобъ не промочить ногъ. Между тѣмъ, старшій сынъ, оказавшій въ семъ несчастіи присутствіе духа болѣе всѣхъ, спасалъ съ однимъ, оставшимся при насъ, старымъ слугою и съ дѣвками, нужнѣйшую одежду и мебели, коп подороже и коп можно было стащить въ мезонинъ. Прочее же, что можно было, поднимали на мѣстѣ по выше, или оставляли на волю Божію, какъ стояло. Вода прибывала въ комнатахъ весьма скоро. Въ десять часовъ нельзя уже было ничего спасать, и сынъ мой, и всѣ люди собрались на мезонинъ.

У одной изъ старушекъ, пріѣхавшей изъ Кронштадта, были въ запасѣ шерстяные чулки. Взошедши на мезонинъ, я тотчасъ по-

я хладнокровно; тамъ гораздо ниже мѣсто, чѣмъ здѣсь; вѣрно, скоро перестанетъ прибывать, а самъ бѣгу въ кухню. Вода уже была въ сѣняхъ и я струсилъ, но не показавъ того наружу, возвращаюсь въ комнаты. Вдругъ, средній сынъ мой подбѣгаетъ ко мнѣ и, чтобы не услышала мать, тихонько говоритъ мнѣ: „Папенька! въ маленькой гостинной уже выступаетъ вода изъ подъ полу.“ Бѣгу посмотрѣть: вижу въ углу, на полу, пятно. О! это пятно, говорю ему, отъ пролитаго масла. „Вотъ, вотъ, говоритъ сынъ, сквозь щели пола фонтаномъ бьетъ.“ Не успѣлъ я осмотрѣть сіи фонтанчики, какъ вдругъ по полу разлилась вода. Я побѣжалъ къ женѣ: На верхъ, на верхъ поскорѣе! кричу ей. Спасайтесь! Всѣ на верхъ! И жену понесли полумертвую на мезонинъ, идучи уже въ водѣ, разлившейся во всѣхъ комнатахъ. За ней, вслѣдъ, побѣжала дочь, племянница и двѣ старушки, у насъ почевавшія. Плачь и вопль раздались по всѣмъ покоямъ. Оставивъ въ мезонинѣ жену съ плачущею свитою, я побѣжалъ въ кабинетъ, чтобъ захватить что можно: взялъ Геродота, рукописный его переводъ, переводъ двухъ непапечатанныхъ еще трагедій Софокла, шесть послѣднихъ пѣсней Иліады, четыре печатныя книги перевода Геродота и лексиконъ Гедериковъ, который обыкновенно называю моимъ *кормильцемъ*, выписаннымъ мнѣ изъ Лейпцига, покойнымъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, когда я еще учился въ Невской семинаріи; схватилъ первую часть библіи, прекраснѣйшаго Кіевскаго изданія въ листъ, богато переплетенную, изъ которой я, на досугѣ, выбиралъ слова и примѣры для дополненія Словаря Россійской Академіи, и со всею этой ношею побѣжалъ въ мезонинъ. Вспомнивъ о второй части библіи, оставшейся въ футлярѣ на конторкѣ, о библіи греческой, о Софоклѣ и другихъ, на столѣ лежавшихъ, книгахъ, я побѣжалъ было и за ними; но уже вода была на полфута, и я воротился назадъ, чтобъ не промочить ногъ. Между тѣмъ, старшій сынъ, оказавшій въ семъ несчастіи присутствіе духа болѣе всѣхъ, спасалъ съ однимъ, оставшимся при насъ, старымъ слугою и съ дѣвками, нужнѣйшую одежду и мебели, коп подороже и коп можно было стащить въ мезонинъ. Прочее же, что можно было, поднимали на мѣстѣ по выше, или оставляли на волю Божію, какъ стояло. Вода прибывала въ комнатахъ весьма скоро. Въ десять часовъ нельзя уже было ничего спасать, и сынъ мой, и всѣ люди собрались на мезонинъ.

У одной изъ старушекъ, пріѣхавшей изъ Кронштадта, были въ запасѣ шерстяные чулки. Взошедши на мезонинъ, я тотчасъ по-

требовалъ чулокъ. Другихъ не было и мнѣ дали чулки старушкины. Надѣвши ихъ и перемѣнивъ сапоги, я принялъ на себя лицо неустрашимаго героя и разными способами старался ободрять и утѣшать, особливо жену, пораженную двумя страхами: собственной предстоящей гибели и неизвѣстности, о положеніи меньшаго сына, Богъ вѣсть, куда попавшаго.

Вскорѣ усмотрѣли мы новое явленіе. На дворъ къ намъ приплылъ на лошади мужикъ, держа ее за уши, онъ, какъ сказывалъ пустился вплавь, на удачу, изъ домишка, снесеннаго водою подъ Смоленской. Лошадь свою привязалъ онъ у кухонныхъ сѣней, а самому велѣли мы прибрести къ намъ. Мы узнали отъ него, что онъ работникъ огородника и что лошадь у него хозяйская; хвалили его за усердіе къ хозяину и хотя при началѣ опасности вспоминали о своихъ двухъ лошадяхъ и коровѣ, коихъ некому было вывести изъ конюшни, однако, послѣ сего еще болѣе стали о нихъ заботиться, сравнивая поступокъ нашего кучера, уѣхавшаго на лодкѣ, съ поступкомъ работника, также наемнаго, какъ и нашъ кучеръ.

Находясь среди кучи платья и мебелей въ мезонинѣ, одни въ комнатахъ, другіе на верхнихъ ступенькахъ лѣстницы, каждый выражалъ горесть свою и отчаяніе различнымъ образомъ, замѣчая положеніе воды. Одни сидѣли на мѣстѣ неподвижно, но не плакали, другіе безпрестанно стенали и плакали и всѣ молили, чтобъ вода стала убывать. Я только не могъ, ни стоять, ни сидѣть, безпрестанно перебѣгалъ отъ одной стороны мезонина на другую, къ окошкамъ на 11-ю линію, или на дворъ обращеннымъ, смотрѣлъ на ужасныя дѣйствія бури. О незамѣченныхъ моими сострадальцами умалчивалъ, нерѣдко къ утѣшенію повторялъ чье-то замѣчаніе, что вода обыкновенно прибываетъ два часа, потомъ начинаетъ убывать. И мнимый лучь надежды пригоденъ въ крайности! По два часа миновало, вода не убывала, а уже поднялась до оконъ нашего домика. Все подвижное въ домѣ и на дворѣ плавало. На дворѣ развалились складенныя въ полѣнницы дрова и поплыли; въ покояхъ, коммоды столы, стулья, клавикорды, диваны и все, что по физическимъ законамъ плавать можетъ, пустилось въ одну ролю съ дровами.

Уже прошло гораздо болѣе двухъ часовъ, прошло за три, но вода все прибываетъ; казалось, вѣтеръ свиститъ и свирѣпствуетъ сильнѣе, волны, на очищенныхъ ими отъ заборовъ и всякаго лѣсу огородахъ, вздымаются какъ на морѣ; брызги и какъ бы дымъ воды отрываются отъ валовъ; часто пошатывается нашъ мезонинъ, и сердце замираетъ. Безъ сомнѣнія, сорвало бы его и

требовалъ чулокъ. Другихъ не было и мнѣ дали чулки старушкины. Надѣвши ихъ и перемѣнивъ сапоги, я принялъ на себя лицо неустрашимаго героя и разными способами старался ободрять и утѣшать, особливо жену, пораженную двумя страхами: собственной предстоящей гибели и неизвѣстности, о положеніи меньшаго сына, Богъ вѣсть, куда попавшаго.

Вскорѣ усмотрѣли мы новое явленіе. На дворъ къ намъ приплылъ на лошади мужикъ, держа ее за уши, онъ, какъ сказывалъ пустился вплавь, на удачу, изъ домишка, снесеннаго водою подъ Смоленской. Лошадь свою привязалъ онъ у кухонныхъ сѣней, а самому велѣли мы прибрести къ намъ. Мы узнали отъ него, что онъ работникъ огородника и что лошадь у него хозяйская; хвалили его за усердіе къ хозяину и хотя при началѣ опасности вспоминали о своихъ двухъ лошадяхъ и коровѣ, коихъ некому было вывести изъ конюшни, однако, послѣ сего еще болѣе стали о нихъ заботиться, сравнивая поступокъ нашего кучера, уѣхавшаго на лодкѣ, съ поступкомъ работника, также наемнаго, какъ и нашъ кучеръ.

Находясь среди кучи платья и мебелей въ мезонинѣ, одни въ комнатахъ, другіе на верхнихъ ступенькахъ лѣстницы, каждый выражалъ горесть свою и отчаяніе различнымъ образомъ, замѣчая положеніе воды. Одни сидѣли на мѣстѣ неподвижно, но не плакали, другіе безпрестанно стенали и плакали и всѣ молили, чтобъ вода стала убывать. Я только не могъ, ни стоять, ни сидѣть, безпрестанно перебѣгалъ отъ одной стороны мезонина на другую, къ окошкамъ на 11-ю линію, или на дворъ обращеннымъ, смотрѣлъ на ужасныя дѣйствія бури. О незамѣченныхъ моими сострадальцами умалчивалъ, нерѣдко къ утѣшенію повторялъ чье-то замѣчаніе, что вода обыкновенно прибываетъ два часа, потомъ начинаетъ убывать. И мнимый лучь надежды пригоденъ въ крайности! По два часа миновало, вода не убывала, а уже поднялась до оконъ нашего домика. Все подвижное въ домѣ и на дворѣ плавало. На дворѣ развалились складенныя въ полѣнницы дрова и поплыли; въ покояхъ, коммоды столы, стулья, клавикорды, диваны и все, что по физическимъ законамъ плавать можетъ, пустилось въ одну ролю съ дровами.

Уже прошло гораздо болѣе двухъ часовъ, прошло за три, но вода все прибываетъ; казалось, вѣтеръ свиститъ и свирѣпствуетъ сильнѣе, волны, на очищенныхъ ими отъ заборовъ и всякаго лѣсу огородахъ, вздымаются какъ на морѣ; брызги и какъ бы дымъ воды отрываются отъ валовъ; часто пошатывается нашъ мезонинъ, и сердце замираетъ. Безъ сомнѣнія, сорвало бы его и

съ нимъ унесло бы насъ, если бы съ той стороны откуда дулъ вѣтеръ, не было довольно высокаго сарая. По крайней мѣрѣ, такъ мы думали. Вотъ мимо моего дома плыветъ связка потесей. Вдругъ затрещали въ залѣ и въ другихъ комнатахъ стекла. Это былъ знакъ, данный поворотившимъ къ намъ на дворъ нежданнымъ симъ гостемъ. Далѣе, несетъ водою сорванный парникъ, сарай, хлѣвъ, или домикъ, съ живыми или съ мертвыми, придавленными людьми, или животными; тамъ плывутъ на бревнахъ, влѣзаютъ на попадающіяся на дорогѣ деревья. Между тѣмъ, какъ на поверхности воды представляется такое зрѣлище, въ воздухѣ страшный исполинъ собираетъ свои побѣды: съ домовъ срываетъ желѣзные листы, свертываетъ ихъ и несетъ по воздушному пространству; срываетъ цѣлыя крыши и бросаетъ ихъ въ пучину. Таковые виды представлялись съ горизонта моего мезонина; но въ моемъ ли положеніи было заниматься ими, чтобъ описать сколько нибудь связнѣе?

Бѣдное животное, привязанное у конныхъ сѣней, служившее намъ также указателемъ прибывающей воды, уже не могло стоять на землѣ, борется съ водою. Работникъ, пріѣхавшій на ней, воетъ и обливается слезами, хочетъ пуститься вплавь, чтобъ спасти. Но, какъ спасти? Куда ѣхать на ней? Мы работника удерживаемъ, утѣшаемъ. Но, лошадь хозяйская! говоритъ онъ, что онъ скажетъ, какъ узнаетъ, что я не сберегъ ее? Мы засвидѣтельствуемъ, что не можно было спасти ее, говоримъ ему; но это не унимаетъ его слезъ. Вотъ привязанность къ хозяину, заслуживающая подражанія! Къ сожалѣнію, однакожъ, этотъ мужичекъ, по минованіи горя, оказался не такъ-то благодарнымъ и чувствительнымъ къ бѣдѣ, давшихъ ему пристанище, вѣроятно, потому, что я баринъ. Барская трата не заслуживаетъ сожалѣнія. Мягкія сердца для своей корысти, каменныя — для господской! Наконецъ сорванная волною дверь служитъ головѣ лошади подпорою и она становится внѣ опасности.

А съ нашими бѣдными лошадками и съ коровою въ конюшнѣ что дѣлается? Двери были отворены, но, не видать было, ни нашихъ, ни чужой. Бѣдная корова неминуемо должна потонуть, но о лошадяхъ какая надежда? Уже конюшня и сарай были въ водѣ до просвѣтовъ, а также половина третьей верхней пары стеколъ въ кухонныхъ окнахъ. Это значитъ, что вода была выше сажени; а отъ полу мезонина, по глазомѣру, не болѣе полусажени. Жена и дѣти пристаютъ ко мнѣ, чтобъ я позволилъ разбирать печную трубу, дабы выбраться на чердакъ: другаго выхода не было. Хотя я считалъ эту мѣру излишнею, однако, на что не рѣшишься въ опасности?

съ нимъ унесло бы насъ, если бы съ той стороны откуда дулъ вѣтеръ, не было довольно высокаго сарая. По крайней мѣрѣ, такъ мы думали. Вотъ мимо моего дома плыветъ связка потесей. Вдругъ затрещали въ залѣ и въ другихъ комнатахъ стекла. Это былъ знакъ, данный поворотившимъ къ намъ на дворъ нежданнымъ симъ гостемъ. Далѣе, несетъ водою сорванный парникъ, сарай, хлѣвъ, или домикъ, съ живыми или съ мертвыми, придавленными людьми, или животными; тамъ плывутъ на бревнахъ, влѣзаютъ на попадающіяся на дорогѣ деревья. Между тѣмъ, какъ на поверхности воды представляется такое зрѣлище, въ воздухѣ страшный исполинъ собираетъ свои побѣды: съ домовъ срываетъ желѣзные листы, свертываетъ ихъ и несетъ по воздушному пространству; срываетъ цѣлыя крыши и бросаетъ ихъ въ пучину. Таковые виды представлялись съ горизонта моего мезонина; но въ моемъ ли положеніи было заниматься ими, чтобъ описать сколько нибудь связнѣе?

Бѣдное животное, привязанное у конныхъ сѣней, служившее намъ также указателемъ прибывающей воды, уже не могло стоять на землѣ, борется съ водою. Работникъ, пріѣхавшій на ней, воетъ и обливается слезами, хочетъ пуститься вплавь, чтобъ спасти. Но, какъ спасти? Куда ѣхать на ней? Мы работника удерживаемъ, утѣшаемъ. Но, лошадь хозяйская! говоритъ онъ, что онъ скажетъ, какъ узнаетъ, что я не сберегъ ее? Мы засвидѣтельствуемъ, что не можно было спасти ее, говоримъ ему; но это не унимаетъ его слезъ. Вотъ привязанность къ хозяину, заслуживающая подражанія! Къ сожалѣнію, однакожъ, этотъ мужичекъ, по минованіи горя, оказался не такъ-то благодарнымъ и чувствительнымъ къ бѣдѣ, давшихъ ему пристанище, вѣроятно, потому, что я баринъ. Барская трата не заслуживаетъ сожалѣнія. Мягкія сердца для своей корысти, каменныя — для господской! Наконецъ сорванная волною дверь служитъ головѣ лошади подпорою и она становится внѣ опасности.

А съ нашими бѣдными лошадками и съ коровою въ конюшнѣ что дѣлается? Двери были отворены, но, не видать было, ни нашихъ, ни чужой. Бѣдная корова неминуемо должна потонуть, но о лошадяхъ какая надежда? Уже конюшня и сарай были въ водѣ до просвѣтовъ, а также половина третьей верхней пары стеколъ въ кухонныхъ окнахъ. Это значитъ, что вода была выше сажени; а отъ полу мезонина, по глазомѣру, не болѣе полусажени. Жена и дѣти пристаютъ ко мнѣ, чтобъ я позволилъ разбирать печную трубу, дабы выбраться на чердакъ: другаго выхода не было. Хотя я считалъ эту мѣру излишнею, однако, на что не рѣшишься въ опасности?

Но чѣмъ разбирать? Ни топора, ни лома не было; начали разбирать руками. Едва разобрали десятокъ, другой верхнихъ изразцовъ, какъ я замѣтилъ, вода остановилась въ одномъ положеніи. Повѣряемъ наблюденіе сіе всѣ между собою и истина его подтверждается. Я совѣтую пріостановиться разбирать печь; вода послѣ этого должна сбывать. Между тѣмъ, было уже два часа по полудни. По нашему замѣчанію, вода стояла въ одномъ положеніи около получаса. Вдругъ слышимъ съ лѣстницы радостный крикъ: Вода убываетъ! Ясно, что въ комнатахъ она не такъ волновалась, какъ на открытомъ мѣстѣ, и потому скорѣе можно было примѣтить сіе отрадное явленіе. Смотримъ на сосѣдніе домы, на свои службы и, мало по малу, видимъ показывающимися изъ воды, то тѣ, то другія примѣты. Чрезъ нѣсколько времени уже стало видно отверстіе конюшенныхъ воротъ и, какая радость! видимъ языки и морды нашихъ лошадей. На нѣсколько минутъ мы забыли свою бѣду! Это нашъ умный, заслуженный пѣганъ; это, кажется, гнѣдая лошадка и всѣ одинъ у другаго оспоривали, сомнѣваясь, впрочемъ, не чужая ли то лошадь, поставленная въ конюшнѣ. Чтоже чужой не видать? Знать потонула, говорили иные.

Слава Богу! Слава Богу! говорилъ то тотъ, то другой. О! какъ легко стало сердцу моему! Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на прояснившіяся лица моихъ сострадальцевъ! Вскорѣ мы вспомнили, что оставшимся въ живыхъ потребна пища. Начали искать чего нибудь перекусить и не нашли ничего; однакожь, по претерпѣніи толикихъ ужасовъ, никто не ропталъ на такую оплошность. Всѣ рѣшились терпѣть, ибо принуждены были, дожидаться того времени, когда можно будетъ ходить въ кладовую.

Вода сбывала медленно. Къ вечеру вѣтеръ сталъ нѣсколько сѣверпѣе; но все дулъ съ чрезвычайною силою. Опасаясь, чтобы вновь не стала прибывать вода, потомъ, желая скорѣе узнать, что сдѣлалось съ нашимъ обновленнымъ домикомъ, съ нашими новыми мебелями, съ моею библіотекою и проч., мы не переставали наблюдать убыль воды, не смотря на темноту ночи. Наконецъ, одинъ за другимъ, улеглись и заснули, ничего не ѣвши. Бывши безпрестанно на ногахъ, съ восьми часовъ утра до одинадцати часовъ по полудни, и я прилегъ, нимало, впрочемъ, не чувствуя тогда усталости.

Такъ кончился для насъ 7-й день ноября! И подивись другу своему, изъ глазъ коего несравненно маловажнѣйшія несчастія легко извлекали слезы,— во все это время даже не навернулись онѣ ни на одномъ глазѣ. Такъ Богъ укрѣпилъ меня въ день лютый!

Но чѣмъ разбирать? Ни топора, ни лома не было; начали разбирать руками. Едва разобрали десятокъ, другой верхнихъ изразцовъ, какъ я замѣтилъ, вода остановилась въ одномъ положеніи. Повѣряемъ наблюденіе сіе всѣ между собою и истина его подтверждается. Я совѣтую пріостановиться разбирать печь; вода послѣ этого должна сбывать. Между тѣмъ, было уже два часа по полудни. По нашему замѣчанію, вода стояла въ одномъ положеніи около получаса. Вдругъ слышимъ съ лѣстницы радостный крикъ: Вода убываетъ! Ясно, что въ комнатахъ она не такъ волновалась, какъ на открытомъ мѣстѣ, и потому скорѣе можно было примѣтить сіе отрадное явленіе. Смотримъ на сосѣдніе домы, на свои службы и, мало по малу, видимъ показывающимися изъ воды, то тѣ, то другія примѣты. Чрезъ нѣсколько времени уже стало видно отверстіе конюшенныхъ воротъ и, какая радость! видимъ языки и морды нашихъ лошадей. На нѣсколько минутъ мы забыли свою бѣду! Это нашъ умный, заслуженный пѣганъ; это, кажется, гнѣдая лошадка и всѣ одинъ у другаго оспоривали, сомнѣваясь, впрочемъ, не чужая ли то лошадь, поставленная въ конюшнѣ. Чтоже чужой не видать? Знать потонула, говорили иные.

Слава Богу! Слава Богу! говорилъ то тотъ, то другой. О! какъ легко стало сердцу моему! Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на прояснившіяся лица моихъ сострадальцевъ! Вскорѣ мы вспомнили, что оставшимся въ живыхъ потребна пища. Начали искать чего нибудь перекусить и не нашли ничего; однакожь, по претерпѣніи толикихъ ужасовъ, никто не ропталъ на такую оплошность. Всѣ рѣшились терпѣть, ибо принуждены были, дожидаться того времени, когда можно будетъ ходить въ кладовую.

Вода сбывала медленно. Къ вечеру вѣтеръ сталъ нѣсколько сѣверпѣе; но все дулъ съ чрезвычайною силою. Опасаясь, чтобы вновь не стала прибывать вода, потомъ, желая скорѣе узнать, что сдѣлалось съ нашимъ обновленнымъ домикомъ, съ нашими новыми мебелями, съ моею библіотекою и проч., мы не переставали наблюдать убыль воды, не смотря на темноту ночи. Наконецъ, одинъ за другимъ, улеглись и заснули, ничего не ѣвши. Бывши безпрестанно на ногахъ, съ восьми часовъ утра до одинадцати часовъ по полудни, и я прилегъ, нимало, впрочемъ, не чувствуя тогда усталости.

Такъ кончился для насъ 7-й день ноября! И подивись другу своему, изъ глазъ коего несравненно маловажнѣйшія несчастія легко извлекали слезы,— во все это время даже не навернулись онѣ ни на одномъ глазѣ. Такъ Богъ укрѣпилъ меня въ день лютый!

Но я уже слишкомъ много занялъ васъ разсказомъ общаго и своего злополучія. О послѣдствіяхъ наводненія напишу съ слѣдующею почтою.

При семъ посылаю вамъ моего Лонгина, котораго вы желаете имѣть, на лишнія копѣйки вами присланныя. Мнѣ помнится, я вамъ подарилъ экземпляръ сего творенія, какъ скоро оно вышло въ свѣтъ.

„За переводъ Иліады, пишете вы, русскіе много должны быть мнѣ обязаны, равно какъ и за Каллимаховы Пѣсни.“ Дай Богъ, чтобъ это было справедливо. Похвалы друзей сомнительны. О семъ предметѣ много могъ бы я сказать, но рана моя такъ глубока, такъ еще свѣжа, что я не могу ни чѣмъ заниматься. Все еще представляются мнѣ ужасы 7-го ноября и его послѣдствія!..... Прощайте.

Ноября 30-го дня,
1824 года.

ПИСЬМО II.

Въ два часа по полуночи я проснулся. Вѣтеръ уже гораздо стихъ. Я подошелъ къ окну и увидѣлъ, что привязанная у кухни лошадь, кухня и смежныя съ нею службы оставались еще въ водѣ, но очень мало. Не желая никого безпокоить, я опять легъ въ постель и хотѣлъ предаться размышленію, что мнѣ предпринять въ настоящемъ моемъ положеніи. Слезы, не мысли, потекли у меня рѣкою и ими, какъ Давыдъ, *омочилъ я мое ложе*... Наединѣ, въ почной темнотѣ, я проплакалъ болѣе двухъ часовъ. Въ пятомъ часу, увидѣвши въ кухнѣ огонь, я надѣлъ калоши и по скользкому, отъ оставшагося пла, полу пробрался въ кухню. Огородникъ успѣлъ уже лошадь свою привязать къ другому мѣсту и былъ въ кухнѣ. Послѣ него увидѣлъ я плотника, котораго еще съ другимъ плотникомъ вчерашнимъ утромъ, договорили, мы до наводненія, для нѣкоторыхъ въ домѣ подѣлокъ. А! поэтому можно уже ходить?—спрашивалъ я его.

— Можно, вода ушла совсѣмъ.
— Гдѣ ты спасся?
— На чердакѣ на оранжереѣ.
— А товарищъ твой гдѣ?
— Тамъ остался!
— Не видалъ ли ты инвалидовъ?
— Они съ нами же были.

Я обрадовался и велѣлъ ихъ позвать оттуда. Одинъ изъ нихъ

Но я уже слишкомъ много занялъ васъ разсказомъ общаго и своего злополучія. О послѣдствіяхъ наводненія напишу съ слѣдующею почтою.

При семъ посылаю вамъ моего Лонгина, котораго вы желаете имѣть, на лишнія копѣйки вами присланныя. Мнѣ помнится, я вамъ подарилъ экземпляръ сего творенія, какъ скоро оно вышло въ свѣтъ.

„За переводъ Иліады, пишете вы, русскіе много должны быть мнѣ обязаны, равно какъ и за Каллимаховы Пѣсни.“ Дай Богъ, чтобъ это было справедливо. Похвалы друзей сомнительны. О семъ предметѣ много могъ бы я сказать, но рана моя такъ глубока, такъ еще свѣжа, что я не могу ни чѣмъ заниматься. Все еще представляются мнѣ ужасы 7-го ноября и его послѣдствія!..... Прощайте.

Ноября 30-го дня,
1824 года.

ПИСЬМО II.

Въ два часа по полуночи я проснулся. Вѣтеръ уже гораздо стихъ. Я подошелъ къ окну и увидѣлъ, что привязанная у кухни лошадь, кухня и смежныя съ нею службы оставались еще въ водѣ, но очень мало. Не желая никого безпокоить, я опять легъ въ постель и хотѣлъ предаться размышленію, что мнѣ предпринять въ настоящемъ моемъ положеніи. Слезы, не мысли, потекли у меня рѣкою и ими, какъ Давыдъ, *омочилъ я мое ложе*... Наединѣ, въ почной темнотѣ, я проплакалъ болѣе двухъ часовъ. Въ пятомъ часу, увидѣвши въ кухнѣ огонь, я надѣлъ калоши и по скользкому, отъ оставшагося пла, полу пробрался въ кухню. Огородникъ успѣлъ уже лошадь свою привязать къ другому мѣсту и былъ въ кухнѣ. Послѣ него увидѣлъ я плотника, котораго еще съ другимъ плотникомъ вчерашнимъ утромъ, договорили, мы до наводненія, для нѣкоторыхъ въ домѣ подѣлокъ. А! поэтому можно уже ходить?—спрашивалъ я его.

— Можно, вода ушла совсѣмъ.
— Гдѣ ты спасся?
— На чердакѣ на оранжереѣ.
— А товарищъ твой гдѣ?
— Тамъ остался!
— Не видалъ ли ты инвалидовъ?
— Они съ нами же были.

Я обрадовался и велѣлъ ихъ позвать оттуда. Одинъ изъ нихъ

пришелъ, а другой не смѣлъ итти, боясь, что еще есть вода. И дѣйствительно, она еще не совсѣмъ сошла у оранжереи. Но, какъ мнѣ сказали, что онъ очень прозябъ, то я велѣлъ непремѣнно привести его. Онъ пришелъ и дрожалъ чрезвычайно. Я приказалъ ему идти въ мезонинъ, перемѣнить платье, чулки и сапоги; дали ему вина, окутали его и онъ уснулъ. Потомъ послалъ посмотрѣть, живы ли лошади и корова. Первыя остались живы, противъ всякаго чаянія, ибо, послѣ того, какъ во время наводненія, мы видѣли ихъ морды на нѣсколько минутъ, онѣ уже не показывались; а корова и чужая лошадь, поставленная въ конюшни, потонули. Вотъ первая отъ моего быту жертва наводненію! Инвалиды разсказали мнѣ, что они захвачены были водою въ людской, гдѣ она такъ скоро поднялася высоко, что они никакъ не могли уже оттуда выдти. Сперва они взлѣзли на печь, но, какъ не было уже на ней спасенія, то постучались въ потолокъ и кричали плотникамъ на чердакъ, чтобъ прорубили потолокъ. Плотники это сдѣлали и инвалиды спаслись. Два плававшіе на лодкѣ человѣка изъ моего дома не замедлили также придти домой. Не доставало только сына, чтобъ успокоитися о разбредшихся съ начала наводненія моихъ домашнихъ. Пришедши въ мезонинъ, я разсказалъ женѣ все, что узналъ, которая уже не спала. „А С... нашъ?—Спросила неутѣшная мать. Нельзя ли послать искать его въ тѣхъ домахъ, куда онъ вхожъ?“ Утѣшая, я уговорилъ ее дождаться разсвѣта. Теперь всѣ оставшіеся въ живыхъ спятъ еще, сказалъ я; да когда и проснутся, то вѣрно, не отпустятъ его съ тощимъ желудкомъ...

Послѣ сего мы заботились, какъ бы узнать объ участи нашего бѣднаго жильца, живущаго въ маленькомъ флигелѣ по 12-ой линіи съ шестью дѣтьми, коп всѣ малъ — мала меньше, одинъ грудной и съ женою, которая, къ пущему несчастію, была больна. Послали къ нимъ дѣвку, которая принесла намъ радостную вѣсть, что они всѣ живы. Она, притомъ, первая принесла намъ вѣсть, что палисадники наши, заборы по 11-й и по 12-й линіямъ и по Малому проспекту всѣ снесло, что весь огородъ заваленъ всякимъ хламомъ, а дворъ дровами, такъ, что она по причинѣ темноты, насилу могла пробраться къ жильцамъ и отъ нихъ. Жилецъ просилъ прислать во что нибудь одѣться для отогрѣнія себя, жены и дѣтей, и чего нибудь горячаго. Мы послали имъ одѣяло, шинель старшаго сына, сапоги, нѣсколько рубашекъ, сколько могли найти сухихъ; горячей воды, чаю и размокшаго сахару; хлѣбы наши всѣ были въ водѣ и также раскисли; посему мы хлѣбомъ не-

пришелъ, а другой не смѣлъ итти, боясь, что еще есть вода. И дѣйствительно, она еще не совсѣмъ сошла у оранжереи. Но, какъ мнѣ сказали, что онъ очень прозябъ, то я велѣлъ непремѣнно привести его. Онъ пришелъ и дрожалъ чрезвычайно. Я приказалъ ему идти въ мезонинъ, перемѣнить платье, чулки и сапоги; дали ему вина, окутали его и онъ уснулъ. Потомъ послалъ посмотрѣть, живы ли лошади и корова. Первыя остались живы, противъ всякаго чаянія, ибо, послѣ того, какъ во время наводненія, мы видѣли ихъ морды на нѣсколько минутъ, онѣ уже не показывались; а корова и чужая лошадь, поставленная въ конюшни, потонули. Вотъ первая отъ моего быту жертва наводненію! Инвалиды разсказали мнѣ, что они захвачены были водою въ людской, гдѣ она такъ скоро поднялася высоко, что они никакъ не могли уже оттуда выдти. Сперва они взлѣзли на печь, но, какъ не было уже на ней спасенія, то постучались въ потолокъ и кричали плотникамъ на чердакъ, чтобъ прорубили потолокъ. Плотники это сдѣлали и инвалиды спаслись. Два плававшіе на лодкѣ человѣка изъ моего дома не замедлили также придти домой. Не доставало только сына, чтобъ успокоиться о разбредшихся съ начала наводненія моихъ домашнихъ. Пришедши въ мезонинъ, я разсказалъ женѣ все, что узналъ, которая уже не спала. „А С... нашъ?—Спросила неутѣшная мать. Нельзя ли послать искать его въ тѣхъ домахъ, куда онъ вхожъ?“ Утѣшая, я уговорилъ ее дождаться разсвѣта. Теперь всѣ оставшіеся въ живыхъ спятъ еще, сказалъ я; да когда и проснутся, то вѣрно, не отпустятъ его съ тощимъ желудкомъ...

Послѣ сего мы заботились, какъ бы узнать объ участи нашего бѣднаго жильца, живущаго въ маленькомъ флигелѣ по 12-ой линіи съ шестью дѣтьми, коп всѣ малъ — мала меньше, одинъ грудной и съ женою, которая, къ пущему несчастію, была больна. Послали къ нимъ дѣвку, которая принесла намъ радостную вѣсть, что они всѣ живы. Она, притомъ, первая принесла намъ вѣсть, что палисадники наши, заборы по 11-й и по 12-й линіямъ и по Малому проспекту всѣ снесло, что весь огородъ заваленъ всякимъ хламомъ, а дворъ дровами, такъ, что она по причинѣ темноты, насилу могла пробраться къ жильцамъ и отъ нихъ. Жилецъ просилъ прислать во что нибудь одѣться для отогрѣнія себя, жены и дѣтей, и чего нибудь горячаго. Мы послали имъ одѣяло, шинель старшаго сына, сапоги, нѣсколько рубашекъ, сколько могли найти сухихъ; горячей воды, чаю и размокшаго сахару; хлѣбы наши всѣ были въ водѣ и также раскисли; посему мы хлѣбомъ не-

могли имъ служить. Между тѣмъ, мы и сами собрались погрѣться чаемъ; послали къ добрымъ нашимъ сосѣдямъ Солод.....мъ попросить хлѣба, и получили нѣсколько порядочныхъ ломтей, коими подѣлились и съ жильцами.

А сына все таки нѣтъ. Видя крайнее безпокойство объ немъ матери, не дожидаясь разсвѣта, я послалъ, наконецъ, человѣка искать его вездѣ, гдѣ онъ бываетъ и гдѣ можно было предполагать, что онъ остался. Между тѣмъ пришедшій, нѣсколько прежде, изъ 4-й линіи, нашъ внучекъ пошелъ навѣдаться о сынѣ моемъ къ Энг.... Лишь только человѣкъ нашъ вышелъ со двора, какъ внучекъ возвратился съ отрадною вѣстію, что сынъ нашъ ночевалъ у Энг..., что онъ одѣвается и скоро будетъ сюда. И дѣйствительно, вскорѣ мы увидѣли его. Слава Богу! сказалъ я, теперь всѣ дома и всѣ живы.

Успокоясь въ семъ отношеніи, какъ скоро разсвѣло, я пошелъ осматривать свое имущество.. Чему доброму быть, когда вода была у меня на сажень и девять вершковъ отъ земли; а въ комнатахъ на два аршина съ половиною! Всѣ печки размыло водою: иныя обрушились, другія готовы были разрушиться; прекрасные, совсѣмъ новые, диваны, столы, кресла, зеркала, клавикорды, шкапы и прочія мебели, или опрокинуты и переломаны, или, размокши, сдѣлались негодными къ употребленію; платье и бѣлье въ сундукахъ перепорчено; всѣ съѣстные припасы, помѣсячно нами закупаемые и на зиму заготовленные, сдѣлались безполезными. А библіотека, которую собиралъ я болѣе тридцати лѣтъ, составленная большею частію изъ рѣдкихъ, дорогихъ и необходимыхъ для меня книгъ, занимавшая порядочной величины комнату отъ полу до потолка, библіотека моя почти вся разстроена. Самые дорогіе и нужнѣйшіе для меня фоліанты, стоявшіе на нижнихъ полкахъ и въ четвертую долю книги, изъ коихъ довольно печатанныхъ на велепевой и пергаментной бумагѣ, прекраснѣйшаго изданія, въ парижскомъ сафьянномъ переплетѣ, также хотя и не блестящее наружностію собраніе греческихъ и латинскихъ классиковъ, пострадали всѣхъ болѣе. Какое представилось мнѣ зрѣлище, когда я вошелъ въ эту комнату. Надобно знать, что книги мои, до отстройки сего домика, помѣщались въ другомъ флигелѣ, что не всѣ еще онѣ поставлены были по полкамъ и многочастныя не собраны вмѣстѣ; многія изъ нихъ лежали, то на полу, то на стульяхъ, то на лѣсенкахъ. Это еще болѣе способствовало къ разоренію библіотеки: стулья и лѣсенки сплою воды опрокинуло. Книги, лежавшія

могли имъ служить. Между тѣмъ, мы и сами собрались погрѣться чаемъ; послали къ добрымъ нашимъ сосѣдямъ Солод.....ымъ попросить хлѣба, и получили нѣсколько порядочныхъ ломтей, коими подѣлились и съ жильцами.

А сына все таки нѣтъ. Видя крайнее безпокойство объ немъ матери, не дожидаясь разсвѣта, я послалъ, наконецъ, человѣка искать его вездѣ, гдѣ онъ бываетъ и гдѣ можно было предполагать, что онъ остался. Между тѣмъ пришедшій, нѣсколько прежде, изъ 4-й линіи, нашъ внучекъ пошелъ навѣдаться о сынѣ моемъ къ Энг.... Лишь только человѣкъ нашъ вышелъ со двора, какъ внучекъ возвратился съ отрадною вѣстію, что сынъ нашъ ночевалъ у Энг..., что онъ одѣвается и скоро будетъ сюда. И дѣйствительно, вскорѣ мы увидѣли его. Слава Богу! сказалъ я, теперь всѣ дома и всѣ живы.

Успокоясь въ семъ отношеніи, какъ скоро разсвѣло, я пошелъ осматривать свое имущество.. Чему доброму быть, когда вода была у меня на сажень и девять вершковъ отъ земли; а въ комнатахъ на два аршина съ половиною! Всѣ печки размыло водою: иныя обрушились, другія готовы были разрушиться; прекрасные, совсѣмъ новые, диваны, столы, кресла, зеркала, клавикорды, шкапы и прочія мебели, или опрокинуты и переломаны, или, размокши, сдѣлались негодными къ употребленію; платье и бѣлье въ сундукахъ перепорчено; всѣ съѣстные припасы, помѣсячно нами закупаемые и на зиму заготовленные, сдѣлались безполезными. А библіотека, которую собиралъ я болѣе тридцати лѣтъ, составленная большею частію изъ рѣдкихъ, дорогихъ и необходимыхъ для меня книгъ, занимавшая порядочной величины комнату отъ полу до потолка, библіотека моя почти вся разстроена. Самые дорогіе и нужнѣйшіе для меня фоліанты, стоявшіе на нижнихъ полкахъ и въ четвертую долю книги, изъ коихъ довольно печатанныхъ на велепевой и пергаментной бумагѣ, прекраснѣйшаго изданія, въ парижскомъ сафьянномъ переплетѣ, также хотя и не блестящее наружностію собраніе греческихъ и латинскихъ классиковъ, пострадали всѣхъ болѣе. Какое представилось мнѣ зрѣлище, когда я вошелъ въ эту комнату. Надобно знать, что книги мои, до отстройки сего домика, помѣщались въ другомъ флигелѣ, что не всѣ еще онѣ поставлены были по полкамъ и многочастныя не собраны вмѣстѣ; многія изъ нихъ лежали, то на полу, то на стульяхъ, то на лѣсенкахъ. Это еще болѣе способствовало къ разоренію библіотеки: стулья и лѣсенки сплою воды опрокинуло. Книги, лежавшія

на нихъ и на полу, и нѣкоторая часть стоявшихъ на полкахъ, всплыли на верхъ и, какъ я узналъ послѣ, нѣсколько ихъ унесло изъ окна, разбитаго плывшимъ мимо лѣсомъ; оставшіяся же на полу, упавши, большею частію листами внизъ, раздавлены, растрепаны, проникнуты масленистымъ иломъ; а находившіяся на полкахъ стояли въ водѣ. Глобусы мои, большіе и малые, опрокинутые внизъ, служили эмблемою преставленія свѣта; оттиски и слѣпки медалей, картины, географическія карты и другіе чертежи, *Травникъ*, словомъ, все тлѣнное и сокрушимое приближено къ истлѣнію, или сокрушено...

Осмотрѣвъ развалины и остатки имущества своего внутри занимаемаго мною дома, я уныло побрелъ осмотрѣть принадлежащее къ нему мѣсто, съ его строеніями и заведеніями.

Боюсь, какъ бы не наскучить вамъ, любезный другъ, подробностями о моемъ имуществѣ, но считаю необходимымъ описаніе онаго, чтобъ видѣть важность моей утраты и мѣру гнѣва Божія. Мѣсто, пріобрѣтенное мною, милостями монарха, въ бытность мою директоромъ департамента просвѣщенія и моими трудами, занимаетъ около трехъ тысячъ восьми сотъ пятидесяти квадратныхъ саженъ. У меня есть садъ, огородъ и нѣсколько оранжерей и парниковъ, довольно фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ, много растеній ботаническихъ. Любя, какъ вамъ извѣстно, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ природу и сдѣлавшись въ состояніи пріобрѣсть такое мѣсто, въ коемъ могъ бы ближе познавать ея таинства, я купилъ мѣсто, нынѣ мною владѣемое, устроилъ оное по своимъ видамъ и десять лѣтъ повѣрялъ въ немъ умозрительныя свои познанія въ ботаникѣ и садоводствѣ наблюденіями практическими. Нѣтъ почти ни одного растенія въ оранжереяхъ, котораго бы не самъ я взрастилъ, или черенками, или посадкою корешковъ и луковицъ, или сѣмянами. На открытомъ воздухѣ, также большая часть ихъ существованіемъ своимъ обязана моимъ собственнымъ рукамъ и заботамъ. По симъ то растеніямъ дѣлалъ я повѣрку и легкія поправки въ изданной мною на иждивеніе департамента просвѣщенія Линнеевой системѣ царства растеній, исправленной и умноженной Персономъ, подъ названіемъ „Species plantarum“. Книга эта состоитъ въ восьми частяхъ и вамъ, какъ почтенному визитатору училищъ, должна быть извѣстна. Неизвѣстно, можетъ быть, вамъ было только, кто потѣлъ въ терпѣніи и тупилъ зрѣніе надъ изданіемъ оной. Въ семъ то саду составилъ я *Техно Ботанический Словарь*, сколько извѣстно мнѣ, первое въ семъ родѣ

на нихъ и на полу, и нѣкоторая часть стоявшихъ на полкахъ, всплыли на верхъ и, какъ я узналъ послѣ, нѣсколько ихъ унесло изъ окна, разбитаго плывшимъ мимо лѣсомъ; оставшіяся же на полу, упавши, большею частію листами внизъ, раздавлены, растрепаны, проникнуты масленистымъ иломъ; а находившіяся на полкахъ стояли въ водѣ. Глобусы мои, большіе и малые, опрокинутые внизъ, служили эмблемою преставленія свѣта; оттиски и слѣпки медалей, картины, географическія карты и другіе чертежи, *Травникъ*, словомъ, все тлѣнное и сокрушимое приближено къ истлѣнію, или сокрушено...

Осмотрѣвъ развалины и остатки имущества своего внутри занимаемаго мною дома, я уныло побрелъ осмотрѣть принадлежащее къ нему мѣсто, съ его строеніями и заведеніями.

Боюсь, какъ бы не наскучить вамъ, любезный другъ, подробностями о моемъ имуществѣ, но считаю необходимымъ описаніе онаго, чтобъ видѣть важность моей утраты и мѣру гнѣва Божія. Мѣсто, пріобрѣтенное мною, милостями монарха, въ бытность мою директоромъ департамента просвѣщенія и моими трудами, занимаетъ около трехъ тысячъ восьми сотъ пятидесяти квадратныхъ саженъ. У меня есть садъ, огородъ и нѣсколько оранжерей и парниковъ, довольно фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ, много растеній ботаническихъ. Любя, какъ вамъ извѣстно, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ природу и сдѣлавшись въ состояніи пріобрѣсть такое мѣсто, въ коемъ могъ бы ближе познавать ея таинства, я купилъ мѣсто, нынѣ мною владѣемое, устроилъ оное по своимъ видамъ и десять лѣтъ повѣрялъ въ немъ умозрительныя свои познанія въ ботаникѣ и садоводствѣ наблюденіями практическими. Нѣтъ почти ни одного растенія въ оранжереяхъ, котораго бы не самъ я взрастилъ, или черенками, или посадкою корешковъ и луковицъ, или сѣмянами. На открытомъ воздухѣ, также большая часть ихъ существованіемъ своимъ обязана моимъ собственнымъ рукамъ и заботамъ. По симъ то растеніямъ дѣлалъ я повѣрку и легкія поправки въ изданной мною на иждивеніе департамента просвѣщенія Линнеевой системѣ царства растеній, исправленной и умноженной Персономъ, подъ названіемъ „Species plantarum“. Книга эта состоитъ въ восьми частяхъ и вамъ, какъ почтенному визитатору училищъ, должна быть извѣстна. Неизвѣстно, можетъ быть, вамъ было только, кто потѣлъ въ терпѣніи и тупилъ зрѣніе надъ изданіемъ оной. Въ семъ то саду составилъ я *Техно Ботанический Словарь*, сколько извѣстно мнѣ, первое въ семъ родѣ

произведеніе въ нашемъ отечествѣ; частію самъ сократилъ, частію выбралъ изъ иностранныхъ писателей три главнѣйшія ботаническія системы: *Турнефортову*, *Линнееву* и *Жюсьеву* и издалъ подъ заглавіемъ: *Три Ботаника*; свѣрялъ съ природою, какъ съ подлинникомъ, переводъ техническихъ словъ, употребляемыхъ въ наукѣ прозябаемыхъ, и въ названіяхъ растеній; дѣлалъ описанія растеніямъ недавно открытымъ, или малоизвѣстнымъ у насъ и полезнымъ въ какомъ либо отношеніи; описанія сіи одобрены вольнымъ экономическимъ обществомъ и въ Трудахъ его напечатаны. Полезны ли мои книги и сочиненія, судить о томъ другимъ; по крайней мѣрѣ, я совершенствовалъ себя въ сей пріятнѣйшей и преполезной наукѣ. Судите же послѣ сего, сколь ужасный для меня долженъ быть ударъ, — вдругъ лишиться почти всего сего заведенія! Пробираюсь по разбросаннымъ дровамъ и бревнамъ въ виноградную; стѣны ея стоятъ на мѣстѣ, но стекла перебиты, рамы переломаны, печки и борова размыты водою и обрушились. Оранжерея сія наполнена была рѣдкими и обыкновенными нашего и теплыхъ климатовъ растеніями, кромѣ виноградныхъ лозъ. Все сіе сдѣлалось жертвою бури, наводненія и морозовъ. Иду въ теплицу и другія смежныя съ нею оранжереи; представляется позорище еще ужаснѣйшее. Кромѣ видѣнныхъ мною въ виноградной опустошеній, тутъ во всѣхъ оранжереяхъ вырвало южныя стѣны, рамы и ставни переломало, придавило ими растенія, размыло трубы печныя; а одной оранжереи, по ветхости ея разобранной, разметало лѣсъ, частію по огороду, частію унесло неизвѣстно куда. Вмѣстѣ съ симъ, открылось другое зрѣлище: весь заборъ, до ста шестидесяти саженъ простиравшійся и мостки, какъ вовсе не бывало. Внутренніе палисады также почти всѣ снесены; одинъ сарай унесло водою, другой до половины разломало; ледникъ сдвинуло съ основанія; въ яблонной аллеѣ, идущей посреди огорода, каждое дерево лишилось большаго, или меньшаго числа вѣтвей, а нѣсколько вовсе переломано. Всѣ гряды забросаны ящиками стекольными, кулями съ огородною зеленью, простѣнками, косяками, воротами, деревянными крышами, фашинниками, бревнами, досками и всякимъ хламомъ, нанесеннымъ изъ другихъ мѣстъ. Перебравшись черезъ такую новаго рода мостовую въ садъ, нахожу такое же разрушеніе. Крыльца и корридоры двухъ флигелей на 12-ю линію снесены, полы въ нихъ подняты, стулья и кресла опрокинуты, а нѣсколько изъ нихъ остались подъ полами, шкапы опрокинуты, печи обрушились; въ самомъ саду парники сдвинуло съ основаній своихъ и снесло на

произведеніе въ нашемъ отечествѣ; частію самъ сократилъ, частію выбралъ изъ иностранныхъ писателей три главнѣйшія ботаническія системы: *Турнефортову*, *Линнееву* и *Жюсьеву* и издалъ подъ заглавіемъ: *Три Ботаника*; свѣрялъ съ природою, какъ съ подлинникомъ, переводъ техническихъ словъ, употребляемыхъ въ наукѣ прозябаемыхъ, и въ названіяхъ растеній; дѣлалъ описанія растеніямъ недавно открытымъ, или малоизвѣстнымъ у насъ и полезнымъ въ какомъ либо отношеніи; описанія сіи одобрены вольнымъ экономическимъ обществомъ и въ Трудахъ его напечатаны. Полезны ли мои книги и сочиненія, судить о томъ другимъ; по крайней мѣрѣ, я совершенствовалъ себя въ сей пріятнѣйшей и преполезной наукѣ. Судите же послѣ сего, сколь ужасный для меня долженъ быть ударъ, — вдругъ лишиться почти всего сего заведенія! Пробираюсь по разбросаннымъ дровамъ и бревнамъ въ виноградную; стѣны ея стоятъ на мѣстѣ, но стекла перебиты, рамы переломаны, печки и борова размыты водою и обрушились. Оранжерея сія наполнена была рѣдкими и обыкновенными нашего и теплыхъ климатовъ растеніями, кромѣ виноградныхъ лозъ. Все сіе сдѣлалось жертвою бури, наводненія и морозовъ. Иду въ теплицу и другія смежныя съ нею оранжереи; представляется позорище еще ужаснѣйшее. Кромѣ видѣнныхъ мною въ виноградной опустошеній, тутъ во всѣхъ оранжереяхъ вырвало южныя стѣны, рамы и ставни переломало, придавило ими растенія, размыло трубы печныя; а одной оранжереи, по ветхости ея разобранной, разметало лѣсъ, частію по огороду, частію унесло неизвѣстно куда. Вмѣстѣ съ симъ, открылось другое зрѣлище: весь заборъ, до ста шестидесяти саженъ простиравшійся и мостки, какъ вовсе не бывало. Внутренніе палисады также почти всѣ снесены; одинъ сарай унесло водою, другой до половины разломало; ледникъ сдвинуло съ основанія; въ яблонной аллеѣ, идущей посреди огорода, каждое дерево лишилось большаго, или меньшаго числа вѣтвей, а нѣсколько вовсе переломано. Всѣ гряды забросаны ящиками стекольными, кулями съ огородною зеленью, простѣнками, косяками, воротами, деревянными крышами, фашинниками, бревнами, досками и всякимъ хламомъ, нанесеннымъ изъ другихъ мѣстъ. Перебравшись черезъ такую новаго рода мостовую въ садъ, нахожу такое же разрушеніе. Крыльца и корридоры двухъ флигелей на 12-ю линію снесены, полы въ нихъ подняты, стулья и кресла опрокинуты, а нѣсколько изъ нихъ остались подъ полами, шкапы опрокинуты, печи обрушились; въ самомъ саду парники сдвинуло съ основаній своихъ и снесло на

кусты, снесло кегольную на лужокъ, бесѣдки переломало; мостики иные переломало, другіе снесло на дорожки и на пруды. На расколотыхъ или изломанныхъ фруктовыхъ деревьяхъ висятъ... ужасные плоды: то обрубки лѣса, то оконныя рамы, то капустныя головы и пр.

Вотъ, другъ мой сердечный! что сталось съ моимъ прекраснымъ садомъ, который, лѣтомъ нынѣшняго года, какъ оно ни было дурно, прогуливаясь въ ономъ, одинъ изъ достопочтеннѣйшихъ архіереевъ назвалъ земнымъ раемъ! Вотъ во что обратились всѣ мои заведенія и мой красивый домикъ, коимъ, останавливаясь, всѣ любовались! Наружность его осталась почти по прежнему, но внутри!..

Погоревавъ и отдохнувши нѣсколько на развалинахъ одного изъ мостиковъ, изнуренный вчерашними заботами и ужасами, пораженный видами, сегодня мнѣ представившимися, — я, нога за ногою, побрелъ по Малому проспекту къ Смоленской — посмотрѣть и чужаго горя. Сравненіе собственнаго несчастія съ чужимъ, конечно, не приводитъ перваго въ забвеніе, но по крайней мѣрѣ нѣсколько утѣшаетъ. Такой-то пострадалъ столько-же, говоримъ мы тогда; такой-то гораздо болѣе насъ и общность бѣдствія служитъ первою, такъ сказать, кожицею въ затягивающейся ранѣ.

Вездѣ, какъ и у меня, снесены по линіямъ и по Малому проспекту мостки и почти нигдѣ не осталось заборовъ. Останавливаюсь у дома сосѣда своего *Гофшт.*, увидѣвъ заглядывающихъ въ подвалъ его дома. Что тамъ?—Двѣ женщины потонули! Иду далѣе; узнаю о другой трагедіи: въ домикѣ *Герак.* потонуло семь человѣкъ! Одна изъ сихъ жертвъ подноситъ ко лбу своему руку съ тремя сложенными перстами, чтобъ перекреститься; другая держитъ въ рукѣ двадцатипятирублевую бумажку... Я не могъ рѣшиться посмотрѣть на нихъ... Столько покойниковъ на разстояніи не болѣе полуверсты, въ двухъ рядахъ домовъ! Чтожъ послѣ откроется? думалъ я, какъ вдругъ, услышалъ по лѣвую сторону въ послѣднемъ, къ Смоленскому полю, ветхомъ домикѣ голосъ женщины, стоящей между оконныхъ косяковъ. Она просила со слезами у проходящихъ подъѣхать къ дому, окруженному еще водою, на лодкѣ и спасти утопающую ея хозяйку. Собравшіяся противъ сего мѣста, на мосткахъ, женщины и я искали глазами лодки вездѣ, или какого мужика; ни того, ни другаго на тотъ разъ не случилось. Я воротился къ будкѣ, но не нашелъ, ни будки, ни будочника. Наконецъ, издали увидѣлъ, что кто-то пустился къ тому дому въ бродъ, и я, насплу влача ноги, пошелъ осматривать другія

кусты, снесло кегольную на лужокъ, бесѣдки переломало; мостики иные переломало, другіе снесло на дорожки и на пруды. На расколотыхъ или изломанныхъ фруктовыхъ деревьяхъ висятъ... ужасные плоды: то обрубки лѣса, то оконныя рамы, то капустныя головы и пр.

Вотъ, другъ мой сердечный! что сталось съ моимъ прекраснымъ садомъ, который, лѣтомъ нынѣшняго года, какъ оно ни было дурно, прогуливаясь въ ономъ, одинъ изъ достопочтеннѣйшихъ архіереевъ назвалъ земнымъ раемъ! Вотъ во что обратились всѣ мои заведенія и мой красивый домикъ, коимъ, останавливаясь, всѣ любовались! Наружность его осталась почти по прежнему, но внутри!..

Погоревавъ и отдохнувши нѣсколько на развалинахъ одного изъ мостиковъ, изнуренный вчерашними заботами и ужасами, пораженный видами, сегодня мнѣ представившимися, — я, нога за ногою, побрелъ по Малому проспекту къ Смоленской — посмотрѣть и чужаго горя. Сравненіе собственнаго несчастія съ чужимъ, конечно, не приводитъ перваго въ забвеніе, но по крайней мѣрѣ нѣсколько утѣшаетъ. Такой-то пострадалъ столько-же, говоримъ мы тогда; такой-то гораздо болѣе насъ и общность бѣдствія служитъ первою, такъ сказать, кожицею въ затягивающейся ранѣ.

Вездѣ, какъ и у меня, снесены по линіямъ и по Малому проспекту мостки и почти нигдѣ не осталось заборовъ. Останавливаюсь у дома сосѣда своего *Гофшт.*, увидѣвъ заглядывающихъ въ подвалъ его дома. Что тамъ?—Двѣ женщины потонули! Иду далѣе; узнаю о другой трагедіи: въ домикѣ *Герак.* потонуло семь человѣкъ! Одна изъ сихъ жертвъ подноситъ ко лбу своему руку съ тремя сложенными перстами, чтобъ перекреститься; другая держитъ въ рукѣ двадцатипятирублевую бумажку... Я не могъ рѣшиться посмотрѣть на нихъ... Столько покойниковъ на разстояніи не болѣе полуверсты, въ двухъ рядахъ домовъ! Чтожъ послѣ откроется? думалъ я, какъ вдругъ, услышалъ по лѣвую сторону въ послѣднемъ, къ Смоленскому полю, ветхомъ домикѣ голосъ женщины, стоящей между оконныхъ косяковъ. Она просила со слезами у проходящихъ подъѣхать къ дому, окруженному еще водою, на лодкѣ и спасти утопающую ея хозяйку. Собравшіяся противъ сего мѣста, на мосткахъ, женщины и я искали глазами лодки вездѣ, или какого мужика; ни того, ни другаго на тотъ разъ не случилось. Я воротился къ будкѣ, но не нашелъ, ни будки, ни будочника. Наконецъ, издали увидѣлъ, что кто-то пустился къ тому дому въ бродъ, и я, насплу влача ноги, пошелъ осматривать другія

сцены. Хотѣлъ было пройти къ Смоленскому кладбищу, но снесенные съ мѣстъ своихъ домики, сараи, множество лѣсу, нанесеннаго на дорогу, заставило меня отложить удовлетвореніе любопытства до другого времени.

Возвращаясь назадъ, то между ограбленныхъ наводненіемъ мѣстъ, то завалепныхъ остатками разныхъ строеній, я поворотилъ въ 12-ю линію, дошелъ до Средняго проспекта и на перекресткѣ увидѣлъ разломанный домикъ и въ немъ—о! ужасъ! — трупъ лежащей подъ бревнами женщины. Отсюда побрелъ я по Среднему проспекту вверхъ. Между разнообразныхъ развалинъ, по обѣимъ сторонамъ проспекта, то стояли экипажи, оставленные спасавшимися отъ воды, то лежали лошади, коровы, свиньи, собаки! Между 7-ю и 8-ю линіями, по тому же проспекту, поворотилъ я во дворъ—туда, куда за два дни передъ симъ званы мы были въ сей день праздновать именины Косточ..., любезнаго нашего пріятеля и кума. Не поздравить его со днемъ ангела зашелъ я, но навѣдаться о состояніи его и семейства его. Я заботился узнать о семъ тѣмъ болѣе, что жена его беременна, на сносѣ. Первое зрѣлище на дворѣ представили мнѣ пара мертвыхъ лошадей, запряженныхъ въ дрожкахъ. Мнѣ разсказали, что онѣ никакъ не хотѣли идти изъ воды и, борясь со смертію, грызли одна другую, пока обѣ не утонули! Не безпокоя моихъ пріятелей, которые, какъ само собою разумѣлось, не оставались въ своей квартирѣ, находящейся въ нижнемъ этажѣ, я смотрѣлъ ихъ комнаты одинъ и увидѣлъ такія же картины, какъ и въ моемъ домѣ; спросилъ встрѣтившуюся со мною служанку ихъ о здоровьѣ господъ ея и, узнавъ, что всѣ живы и здоровы, пошелъ со двора. Между 4-ю и 5-ю линіями Малаго проспекта представилась мнѣ экатомва, похищенная Посидономъ у человѣка. Болѣе пятидесяти черкасскихъ быковъ боролись съ свирѣпствующею стихіею и, не могши плаваніемъ спасти себя въ долговременное наводненіе, выбились изъ силъ и потонули; часть изъ нихъ лежала подъ мостками и заборами, большая часть на открытыхъ мѣстахъ; нѣкоторые еще въ глазахъ моихъ умирали, до восьми—мычаніемъ просили помощи въ обвалившемся сараѣ.

Возвращаясь по Малому проспекту домой, я увидѣлъ часть каменной Благовѣщенской ограды обрушившейся; на самомъ проспектѣ множество хламу и между прочимъ нѣсколько звѣньевъ своего забора. Тутъ остановился и домикъ, въ которомъ жилъ работникъ огородника, вчерашній день у насъ приставшій; тутъ

сцены. Хотѣлъ было пройти къ Смоленскому кладбищу, но снесенные съ мѣстъ своихъ домики, сараи, множество лѣсу, нанесеннаго на дорогу, заставило меня отложить удовлетвореніе любопытства до другого времени.

Возвращаясь назадъ, то между ограбленныхъ наводненіемъ мѣстъ, то завалепныхъ остатками разныхъ строеній, я поворотилъ въ 12-ю линію, дошелъ до Средняго проспекта и на перекресткѣ увидѣлъ разломанный домикъ и въ немъ—о! ужасъ! — трупъ лежащей подъ бревнами женщины. Отсюда побрелъ я по Среднему проспекту вверхъ. Между разнообразныхъ развалинъ, по обѣимъ сторонамъ проспекта, то стояли экипажи, оставленные спасавшимися отъ воды, то лежали лошади, коровы, свиньи, собаки! Между 7-ю и 8-ю линіями, по тому же проспекту, поворотилъ я во дворъ—туда, куда за два дни передъ симъ званы мы были въ сей день праздновать именины Косточ..., любезнаго нашего пріятеля и кума. Не поздравить его со днемъ ангела зашелъ я, но навѣдаться о состояніи его и семейства его. Я заботился узнать о семъ тѣмъ болѣе, что жена его беременна, на сносѣ. Первое зрѣлище на дворѣ представили мнѣ пара мертвыхъ лошадей, запряженныхъ въ дрожкахъ. Мнѣ разсказали, что онѣ никакъ не хотѣли идти изъ воды и, борясь со смертію, грызли одна другую, пока обѣ не утонули! Не безпокоя моихъ пріятелей, которые, какъ само собою разумѣлось, не оставались въ своей квартирѣ, находящейся въ нижнемъ этажѣ, я смотрѣлъ ихъ комнаты одинъ и увидѣлъ такія же картины, какъ и въ моемъ домѣ; спросилъ встрѣтившуюся со мною служанку ихъ о здоровьѣ господъ ея и, узнавъ, что всѣ живы и здоровы, пошелъ со двора. Между 4-ю и 5-ю линіями Малаго проспекта представилась мнѣ экатомва, похищенная Посидономъ у человѣка. Болѣе пятидесяти черкасскихъ быковъ боролись съ свирѣпствующею стихіею и, не могши плаваніемъ спасти себя въ долговременное наводненіе, выбились изъ силъ и потонули; часть изъ нихъ лежала подъ мостками и заборами, большая часть на открытыхъ мѣстахъ; нѣкоторые еще въ глазахъ моихъ умирали, до восьми—мычаніемъ просили помощи въ обвалившемся сараѣ.

Возвращаясь по Малому проспекту домой, я увидѣлъ часть каменной Благовѣщенской ограды обрушившейся; на самомъ проспектѣ множество хламу и между прочимъ нѣсколько звѣньевъ своего забора. Тутъ остановился и домикъ, въ которомъ жилъ работникъ огородника, вчерашній день у насъ приставшій; тутъ

увидѣлъ часть хлѣба, съ нѣсколькими живыми свиньями и одною убитою бревномъ, подъ коимъ она лежала.

Возвратясь домой съ головою, исполненною ужаснѣйшихъ видовъ и мыслей, я почувствовалъ чрезвычайную усталость и разслабленіе. Надлежало укрѣпиться, но хлѣба ни крохи, кромѣ моченаго, котораго нельзя было ѣсть. Послали къ булочникамъ, но безъ пользы: печи вездѣ размыло. Наконецъ, спустя нѣсколько времени, внжу, внучекъ нашъ несетъ намъ бѣлый и теплый еще хлѣбъ, испеченный у него на квартирѣ. Какъ мы обрадовались этому хлѣбу! Мы позавтракали и я нѣсколько укрѣпился. Начали посѣщать меня пріятели наши. Первый явился ко мнѣ инспекторъ Тульскаго александровскаго дворянскаго военнаго училища, подполковникъ Броневскій. Онъ привозилъ сюда изъ Тульскаго училища кадетъ, переведенныхъ во 2-й кадетскій корпусъ, для усовершенствованія въ фронтовой службѣ. Я уже простился было съ нимъ до наводненія за нѣсколько дней, но онъ оставался еще въ столицѣ, какъ бы для того, чтобъ быть свидѣтелемъ постигшаго оную злополучія и, видѣвши меня прежде въ благоустроенномъ пріютѣ, спокойнаго и веселаго, увидѣть потомъ въ раззоренномъ убѣжищѣ, тѣснящагося со всѣмъ своимъ семействомъ въ мезонинѣ, между кучей столовъ, стульевъ, шкаповъ, сундуковъ и проч. Я не могъ передъ нимъ удержаться отъ слезъ, какъ ни старался. „Счастье, сказалъ онъ, что Богъ послалъ вамъ мысль, выстроить этотъ мезонинъ!“ И дѣйствительно, удивительное стеченіе обстоятельствъ! До нынѣшняго года не имѣлъ я никакихъ средствъ предпринять какое либо строеніе, требующее значительныхъ издержекъ, но въ началѣ сего года я расчелъ, что мнѣ можно предпринять перестройку дома, необходимую для сбереженія здоровья, и моего собственнаго, и моего семейства. Лишь только я приготовился встрѣтить общее бѣдствіе, какъ оно посѣтило насъ. Непсповѣдимы судьбы Всевышняго! И среди наказаній онъ милуетъ насъ.

Г. Броневскій, квартировавшій у Таврическаго сада, принесъ мнѣ извѣстіе, что на Литейной воды не было. Вскорѣ потомъ посѣтило насъ любезное семейство *Гал.* Каждый изъ нихъ разсказалъ нѣсколько сценъ изъ общей, ужаснѣйшей трагедіи. Каждый принималъ живѣйшее участіе и въ нашей. Прибрелъ и бѣдный жилецъ нашъ, какъ тѣнь съ того свѣта и разсказалъ намъ, какъ онъ страдалъ и спасался съ малолѣтними дѣтьми своими и женою; какъ онъ сберегъ свою вѣрную собачку и курицу. Бѣдные! они находились еще въ большей чѣмъ мы опасности. Послѣднимъ

увидѣлъ часть хлѣба, съ нѣсколькими живыми свиньями и одною убитою бревномъ, подъ копмъ она лежала.

Возвратясь домой съ головою, исполненною ужаснѣйшихъ видовъ и мыслей, я почувствовалъ чрезвычайную усталость и разслабленіе. Надлежало укрѣпиться, но хлѣба ни крохи, кромѣ моченаго, котораго нельзя было ѣсть. Послали къ булочникамъ, но безъ пользы: печи вездѣ размыло. Наконецъ, спустя нѣсколько времени, внжу, внучекъ нашъ несетъ намъ бѣлый и теплый еще хлѣбъ, испеченный у него на квартирѣ. Какъ мы обрадовались этому хлѣбу! Мы позавтракали и я нѣсколько укрѣпился. Начали посѣщать меня пріятели наши. Первый явился ко мнѣ инспекторъ Тульскаго александровскаго дворянскаго военнаго училища, подполковникъ Броневскій. Онъ привозилъ сюда изъ Тульскаго училища кадетъ, переведенныхъ во 2-й кадетскій корпусъ, для усовершенствованія въ фронтовой службѣ. Я уже простился было съ нимъ до наводненія за нѣсколько дней, но онъ оставался еще въ столицѣ, какъ бы для того, чтобъ быть свидѣтелемъ постигшаго оную злополучія и, видѣвши меня прежде въ благоустроенномъ пріютѣ, спокойнаго и веселаго, увидѣть потомъ въ раззоренномъ убѣжищѣ, тѣснящагося со всѣмъ своимъ семействомъ въ мезонинѣ, между кучей столовъ, стульевъ, шкаповъ, сундуковъ и проч. Я не могъ передъ нимъ удержаться отъ слезъ, какъ ни старался. „Счастье, сказалъ онъ, что Богъ послалъ вамъ мысль, выстроить этотъ мезонинъ!“ И дѣйствительно, удивительное стеченіе обстоятельствъ! До нынѣшняго года не имѣлъ я никакихъ средствъ предпринять какое либо строеніе, требующее значительныхъ издержекъ, но въ началѣ сего года я расчелъ, что мнѣ можно предпринять перестройку дома, необходимую для сбереженія здоровья, и моего собственнаго, и моего семейства. Лишь только я приготовился встрѣтить общее бѣдствіе, какъ оно посѣтило насъ. Непсповѣдимы судьбы Всевышняго! И среди наказаній онъ милуетъ насъ.

Г. Броневскій, квартировавшій у Таврическаго сада, принесъ мнѣ извѣстіе, что на Литейной воды не было. Вскорѣ потомъ посѣтило насъ любезное семейство *Гал.* Каждый изъ нихъ разсказалъ нѣсколько сценъ изъ общей, ужаснѣйшей трагедіи. Каждый принималъ живѣйшее участіе и въ нашей. Прибрелъ и бѣдный жилецъ нашъ, какъ тѣнь съ того свѣта и разсказалъ намъ, какъ онъ страдалъ и спасался съ малолѣтними дѣтьми своими и женою; какъ онъ сберегъ свою вѣрную собачку и курицу. Бѣдные! они находились еще въ большей чѣмъ мы опасности. Послѣднимъ

прибѣжищемъ ихъ была дверь, на которой просидѣли они, до половины въ водѣ, нѣсколько часовъ. Нѣсколько часовъ дрожали они отъ холодной стихіи и отъ зіяющей смерти. Отецъ и мать уже распростились между собою и съ дѣтьми и приготовились умереть, какъ вдругъ вода начала убывать и страждущее семейство ободряется. По уходѣ воды, добрый сосѣдъ мой взялъ къ себѣ на нѣсколько дней его жену и малютокъ, а ему предложилъ я тѣсниться вмѣстѣ съ нами, или гдѣ найдетъ онъ лучшее для себя пристанище.

Между тѣмъ сказали мнѣ, что старые мои сослуживцы, любезные чиновники департамента, присылали ко мнѣ изъ департамента узнать о моемъ и семейства моего положеніи; что почтеннѣйшій докторъ нашъ В. М. Крестовскій успѣлъ уже навѣдаться объ насъ; а съ докторомъ 1-го кадетскаго корпуса, Б. Зейлиндомъ, встрѣтился я на дорогѣ, онъ ѣхалъ также ко мнѣ.

Когда посѣтители разошлись, дѣти сказали мнѣ, что въ то время, какъ меня не было дома, приходилъ городовой съ подпискою, чтобы мы показали, на томъ же листкѣ, на какую сумму потерпѣли мы отъ вчерашняго наводненія. Одинъ изъ молодыхъ моихъ помощниковъ въ хозяйствѣ сказалъ, что не зная безъ меня, какъ отвѣчать на сей вопросъ, написалъ подъ номеромъ нашего дома, что подробное свѣдѣніе объ убыткахъ доставлено будетъ въ непродолжительномъ времени.

Вотъ первая мѣра правительства о призрѣніи раззоренныхъ! Ибо, безъ сомнѣнія, это дѣлается не для холодной статистики. Если сидящій на тронѣ не дремлетъ объ участи народа, если онъ счастіе и бѣдствіе подданныхъ почитаетъ счастіемъ и бѣдствіемъ собственнымъ, то быстрота въ исполненіи утѣшительной воли его есть необходимое оной слѣдствіе. Сколько уже въ этотъ первый день разсказывали трогательнѣйшихъ чертъ его чувствительности, соболѣзнованія, отеческой заботливости о поданіи помощи погибающимъ, объ утѣшеніи пострадавшихъ! Я сообщилъ бы вамъ множество таковыхъ чертъ, если бы не сомнѣвался, со всею ли точностію могу разсказать то, что должно быть передано позднѣйшимъ вѣкамъ во всей чистотѣ истины. Вышедшія изъ рукъ правительства извѣстія о благотворныхъ мѣрахъ нашего ангела-утѣшителя, безъ сомнѣнія, уже дошли до васъ. Довольно уже разсказано анекдотовъ нашими журналистами и я не отрекаюсь отъ того, когда домашнія заботы мои нѣсколько поубавятся.

Въ вечеру я занялся составленіемъ описи моимъ убыткамъ.

прибѣжищемъ ихъ была дверь, на которой просидѣли они, до половины въ водѣ, нѣсколько часовъ. Нѣсколько часовъ дрожали они отъ холодной стихіи и отъ зіяющей смерти. Отецъ и мать уже распростились между собою и съ дѣтьми и приготовились умереть, какъ вдругъ вода начала убывать и страждущее семейство ободряется. По уходѣ воды, добрый сосѣдъ мой взялъ къ себѣ на нѣсколько дней его жену и малютокъ, а ему предложилъ я тѣсниться вмѣстѣ съ нами, или гдѣ найдетъ онъ лучшее для себя пристанище.

Между тѣмъ сказали мнѣ, что старые мои сослуживцы, любезные чиновники департамента, присылали ко мнѣ изъ департамента узнать о моемъ и семейства моего положеніи; что почтеннѣйшій докторъ нашъ В. М. Крестовскій успѣлъ уже навѣдаться объ насъ; а съ докторомъ 1-го кадетскаго корпуса, Б. Зейлиндомъ, встрѣтился я на дорогѣ, онъ ѣхалъ также ко мнѣ.

Когда посѣтители разошлись, дѣти сказали мнѣ, что въ то время, какъ меня не было дома, приходилъ городовой съ подпискою, чтобы мы показали, на томъ же листкѣ, на какую сумму потерпѣли мы отъ вчерашняго наводненія. Одинъ изъ молодыхъ моихъ помощниковъ въ хозяйствѣ сказалъ, что не зная безъ меня, какъ отвѣчать на сей вопросъ, написалъ подъ номеромъ нашего дома, что подробное свѣдѣніе объ убыткахъ доставлено будетъ въ непродолжительномъ времени.

Вотъ первая мѣра правительства о призрѣніи раззоренныхъ! Ибо, безъ сомнѣнія, это дѣлается не для холодной статистики. Если сидящій на тронѣ не дремлетъ объ участи народа, если онъ счастіе и бѣдствіе подданныхъ почитаетъ счастіемъ и бѣдствіемъ собственнымъ, то быстрота въ исполненіи утѣшительной воли его есть необходимое оной слѣдствіе. Сколько уже въ этотъ первый день разсказывали трогательнѣйшихъ чертъ его чувствительности, соболѣзнованія, отеческой заботливости о поданіи помощи погибающимъ, объ утѣшеніи пострадавшихъ! Я сообщилъ бы вамъ множество таковыхъ чертъ, если бы не сомнѣвался, со всею ли точностію могу разсказать то, что должно быть передано позднѣйшимъ вѣкамъ во всей чистотѣ истины. Вышедшія изъ рукъ правительства извѣстія о благотворныхъ мѣрахъ нашего ангела-утѣшителя, безъ сомнѣнія, уже дошли до васъ. Довольно уже разсказано анекдотовъ нашими журналистами и я не отрекаюсь отъ того, когда домашнія заботы мои нѣсколько поубавятся.

Въ вечеру я занялся составленіемъ описи моимъ убыткамъ.

Безъ сомнѣнія, правительство не оставитъ и насъ безъ призрѣнія; вознаградитъ, по мѣрѣ способовъ своихъ, хотя нѣкоторую часть убытковъ. Но теперь предстоитъ важнѣйшая забота. Внизу жить нѣтъ никакой возможности; на мезонинѣ, по многолюдству, ужасная тѣснота, холодъ и сырость угрожаютъ неминуемыми болѣзнями. Квартиры, особливо по моему семейству, и до сего несчастія были дороги, а послѣ онаго, когда всякому жившему внизу нужно перейти въ высшій этажъ,—сдѣлаются несравненно дороже; и едва ли можно найти ихъ въ скоромъ времени. Остается одно средство, прибѣгнуть къ великодушію новаго г. министра. Онъ издавна изволилъ знать меня по россійской академіи и вѣрно, не откажетъ во временномъ помѣщеніи меня въ какихъ нибудь подвѣдомыхъ ему заведеніяхъ.

Таковою надеждою утѣшалъ я себя и рѣшился завтра-же идти къ его высокопревосходительству.

Вотъ вамъ частная исторія перваго дня по наводненіи 7-го ноября.

Декабря 4-го дня,
1824 года.

ПИСЬМО III.

Ноября 9-го числа, вставши по утру, по обыкновенію своему въ шестомъ часу, написалъ я записку къ г. министру, въ которой изъяснилъ мое бѣдственное положеніе и просилъ дать мнѣ гдѣ нибудь на время казенную квартиру. Къ сей запискѣ приложилъ я и копію съ описи убыткамъ, мною понесеннымъ, посланной въ съѣзжій дворъ.

Легкій экипажъ мой, еще до сего несчастія, сдѣлался неспособнымъ къ употребленію и, за неимѣніемъ у меня лишнихъ денегъ, отдыхалъ нѣсколько мѣсяцевъ, почему я пустился въ дорогу пѣшкомъ, хотя ноги мои очень худо мнѣ служили. Впрочемъ, съ одной стороны, это было не безполезно: я могъ продолженіе слѣдовъ, оставленныхъ грознымъ 7-мъ днемъ ноября, осматривать не на лету, такъ сказать. Напримѣръ, ѣдучи я не могъ бы узнать нѣсколько звѣньевъ моего забора, принесенныхъ водою на Андреевскій рынокъ. Вамъ памятно разстояніе отъ сего мѣста къ моему жилищу. Полиція приняла уже мѣры къ очищенію Острова, и множество солдатъ складывали по Среднему проспекту всякій хламъ

Безъ сомнѣнія, правительство не оставитъ и насъ безъ призрѣнія; вознаградитъ, по мѣрѣ способовъ своихъ, хотя нѣкоторую часть убытковъ. Но теперь предстоитъ важнѣйшая забота. Внизу жить нѣтъ никакой возможности; на мезонинѣ, по многолюдству, ужасная тѣснота, холодъ и сырость угрожаютъ неминуемыми болѣзнями. Квартиры, особливо по моему семейству, и до сего несчастія были дороги, а послѣ онаго, когда всякому жившему внизу нужно перейти въ высшій этажъ,—сдѣлаются несравненно дороже; и едва ли можно найти ихъ въ скоромъ времени. Остается одно средство, прибѣгнуть къ великодушію новаго г. министра. Онъ издавна изволилъ знать меня по россійской академіи и вѣрно, не откажетъ во временномъ помѣщеніи меня въ какихъ нибудь подвѣдомыхъ ему заведеніяхъ.

Таковою надеждою утѣшалъ я себя и рѣшился завтра-же идти къ его высокопревосходительству.

Вотъ вамъ частная исторія перваго дня по наводненіи 7-го ноября.

Декабря 4-го дня,
1824 года.

ПИСЬМО III.

Ноября 9-го числа, вставши по утру, по обыкновенію своему въ шестомъ часу, написалъ я записку къ г. министру, въ которой изъяснилъ мое бѣдственное положеніе и просилъ дать мнѣ гдѣ нибудь на время казенную квартиру. Къ сей запискѣ приложилъ я и копію съ описи убыткамъ, мною понесеннымъ, посланной въ съѣзжій дворъ.

Легкій экипажъ мой, еще до сего несчастія, сдѣлался неспособнымъ къ употребленію и, за неимѣніемъ у меня лишнихъ денегъ, отдыхалъ нѣсколько мѣсяцевъ, почему я пустился въ дорогу пѣшкомъ, хотя ноги мои очень худо мнѣ служили. Впрочемъ, съ одной стороны, это было не безполезно: я могъ продолженіе слѣдовъ, оставленныхъ грознымъ 7-мъ днемъ ноября, осматривать не на лету, такъ сказать. Напримѣръ, ѣдучи я не могъ бы узнать нѣсколько звѣньевъ моего забора, принесенныхъ водою на Андреевскій рынокъ. Вамъ памятно разстояніе отъ сего мѣста къ моему жилищу. Полиція приняла уже мѣры къ очищенію Острова, и множество солдатъ складывали по Среднему проспекту всякій хламъ

въ сторону; въ это утро начали вывозить утонувшій скотъ на Смоленское поле и Голодаевъ островъ, гдѣ тучнѣйшая жертва курится Посидону - истребителю. Корову свою я также, до выхода моего изъ дома, отправилъ на мѣсто всесожженія. Эти утопленники безпрестанно попадались мнѣ на встрѣчу, а, что еще трогательнѣе, пока дошелъ я до перевоза, мимо меня пронесли и провезли по одному и по два вмѣстѣ, человѣкъ, покрайней мѣрѣ, до десяти!!!

Не забыть бы мнѣ при этомъ случаѣ сказать вамъ, о человѣколюбивѣйшемъ поступкѣ одного чиновника Иванова, который, будучи самъ недостаточнаго состоянія и разоренъ наводненіемъ, принялъ на себя собирать тѣла утопшихъ, одѣваетъ ихъ приспойнымъ образомъ, покупаетъ для нихъ гробы и хоронитъ ихъ на свой счетъ. Это сынъ того Иванова (д. с. с.), который былъ въ родствѣ съ покойнымъ Гавріиломъ митрополитомъ, незабвеннымъ покровителемъ нашимъ и который, въ память сего мудраго архипастыря, содержалъ училище для дѣтей бѣдныхъ родителей за самую умѣренную плату. Отецъ уже умеръ; по немъ остался этотъ достойнѣйшій преемникъ его добродѣтелей. Недѣли за полторы до сего дня, въ который пишу къ вамъ, сказывали мнѣ, что г. Ивановъ успѣлъ похоронить на свой счетъ до трехъ сотъ человѣкъ и въ домѣ своемъ, въ которомъ прежде было училище, далъ убѣжище оставшимся послѣ наводненія безъ пріюта. На дорогѣ къ перевозу увидѣлъ я еще одинъ предметъ, отличный предъ прочими: двѣ соединенныя барки, наполненныя сѣномъ, стояли поперегъ дороги между 1-мъ кадетскимъ корпусомъ и берегомъ Невы, такъ что можно было мимо проходить только пѣшкомъ.

Я сѣлъ на катеръ не столько для безопасности, ибо на Невѣ было довольно тихо, сколько желая послушать разсказовъ о послѣдствіяхъ наводненія. Тутъ-то услышалъ я, что Новую деревню г. Собакина почти всю снесло и много крестьянъ потонуло; что по Петергофской дорогѣ буря причинила ужасное опустошеніе; на Чугунномъ заводѣ потонуло множество рабочаго народа; Тептерева деревня и Емельяновка истреблены; что въ Гавань изъ Кронштадта пригнало нѣсколько кораблей; а домовъ въ Гавани осталось не болѣе семидесяти. Это катерная газета, но къ несчастію, послѣ почти все это подтвердилось!

Переѣзжая черезъ Неву, я увидѣлъ плашкоть отъ разорваннаго Исакіевскаго моста, втиснутый въ канаву подлѣ домиковъ, изъ ко-

въ сторону; въ это утро начали вывозить утонувшій скотъ на Смоленское поле и Голодаевъ островъ, гдѣ тучнѣйшая жертва курится Посидону - истребителю. Корову свою я также, до выхода моего изъ дома, отправилъ на мѣсто всесожженія. Эти утопленники безпрестанно попадались мнѣ на встрѣчу, а, что еще трогательнѣе, пока дошелъ я до перевоза, мимо меня пронесли и провезли по одному и по два вмѣстѣ, человѣкъ, покрайней мѣрѣ, до десяти!!!

Не забыть бы мнѣ при этомъ случаѣ сказать вамъ, о человѣколюбивѣйшемъ поступкѣ одного чиновника Иванова, который, будучи самъ недостаточнаго состоянія и разоренъ наводненіемъ, принялъ на себя собирать тѣла утопшихъ, одѣваетъ ихъ приспойнымъ образомъ, покупаетъ для нихъ гробы и хоронитъ ихъ на свой счетъ. Это сынъ того Иванова (д. с. с.), который былъ въ родствѣ съ покойнымъ Гавріиломъ митрополитомъ, незабвеннымъ покровителемъ нашимъ и который, въ память сего мудраго архипастыря, содержалъ училище для дѣтей бѣдныхъ родителей за самую умѣренную плату. Отецъ уже умеръ; по немъ остался этотъ достойнѣйшій преемникъ его добродѣтелей. Недѣли за полторы до сего дня, въ который пишу къ вамъ, сказывали мнѣ, что г. Ивановъ успѣлъ похоронить на свой счетъ до трехъ сотъ человѣкъ и въ домѣ своемъ, въ которомъ прежде было училище, далъ убѣжище оставшимся послѣ наводненія безъ пріюта. На дорогѣ къ перевозу увидѣлъ я еще одинъ предметъ, отличный предъ прочими: двѣ соединенныя барки, наполненныя сѣномъ, стояли поперегъ дороги между 1-мъ кадетскимъ корпусомъ и берегомъ Невы, такъ что можно было мимо проходить только пѣшкомъ.

Я сѣлъ на катеръ не столько для безопасности, ибо на Невѣ было довольно тихо, сколько желая послушать разсказовъ о послѣдствіяхъ наводненія. Тутъ-то услышалъ я, что Новую деревню г. Собакина почти всю снесло и много крестьянъ потонуло; что по Петергофской дорогѣ буря причинила ужасное опустошеніе; на Чугунномъ заводѣ потонуло множество рабочаго народа; Тептерева деревня и Емельяновка истреблены; что въ Гавань изъ Кронштадта пригнало нѣсколько кораблей; а домовъ въ Гавани осталось не болѣе семидесяти. Это катерная газета, но къ несчастію, послѣ почти все это подтвердилось!

Переѣзжая черезъ Неву, я увидѣлъ плашкоть отъ разорваннаго Исакіевскаго моста, втиснутый въ канаву подлѣ домиковъ, изъ ко-

ихъ Царская фамилія изволитъ смотрѣть спускъ кораблей въ Адмиралтействѣ.

Переправившись за Неву, я пришелъ къ г. министру въ одиннадцатомъ часу. Онъ живетъ въ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ князю Безбородкѣ, въ коемъ послѣ жили министры: князь А. Б. Куракинъ, потомъ О. П. Козодавлевъ. Домъ этотъ мнѣ весьма давно извѣстенъ, ибо супротивъ его жилъ преосвященный архіерей Евгеній, когда мы съ вами были еще въ Невской семинаріи. Вамъ памятно, думаю, что я почти жилъ у него.

Достопочтенный старецъ немедленно велѣлъ впустить меня; онъ, по обыкновенію, занимался бумагами въ кабинетѣ. И прежде случалось мнѣ бывать нерѣдко у сего знаменитаго любовію къ отечеству мужа и бесѣдовать съ нимъ свободно. Но на сей разъ, вошедши къ нему, не могъ я произнести ни одного слова; безмолвно подалъ ему записку и, между тѣмъ какъ онъ читалъ ее, я не въ силахъ будучи держаться на ногахъ, не помню обо что оперся и рыдалъ какъ ребенокъ. — „Что дѣлать? Сказалъ министръ, — общая участь!“ И просилъ, чтобы я пришелъ къ нему подробнѣе объясниться завтрашній день. Я сказалъ, что мое положеніе не терпитъ отсрочки и что единственное къ спасенію меня и семейства моего средство — помѣстить насъ на время въ которой либо изъ академій. Сострадательный начальникъ, не взирая на свой недосугъ — онъ готовился къ докладу государю императору, какъ я послѣ узналъ,—написалъ записку, которая незабвеннымъ памятникомъ навсегда пребудетъ въ моемъ семействѣ. Вотъ она отъ слова до слова:

„Нѣтъ ли какой возможности, въ которой нибудь изъ академій дать, на время, пристанище Ивану Ивановичу Мартынову, который о семъ проситъ, сказывая, что наводненіемъ доведенъ до того, что не имѣетъ никакого жилища. Прошу сдѣлать ему помощь, какую токмо возможно.

Александръ Шишковъ.

9-го ноября 1824 года“.

Отдавая мнѣ записку, онъ сказалъ, что написалъ общую записку, которую могъ бы я представить начальникамъ всѣхъ академій и прочелъ ее. Съ какою благодарностію принялъ я изъ благодѣтельныхъ рукъ его этотъ залогъ утѣшенія! Отпуская меня, г. министръ присовокупилъ, что онъ лично будетъ просить президентовъ по моему дѣлу.

Отъ г. министра прежде пошелъ я съ сею запискою къ г. президенту академіи наукъ С. С. Уварову, у котораго нѣсколько лѣтъ

ихъ Царская фамилія изволитъ смотрѣть спускъ кораблей въ Адмиралтействѣ.

Переправившись за Неву, я пришелъ къ г. министру въ одиннадцатомъ часу. Онъ живетъ въ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ князю Безбородкѣ, въ коемъ послѣ жили министры: князь А. Б. Куракинъ, потомъ О. П. Козодавлевъ. Домъ этотъ мнѣ весьма давно извѣстенъ, ибо супротивъ его жилъ преосвященный архіерей Евгеній, когда мы съ вами были еще въ Невской семинаріи. Вамъ памятно, думаю, что я почти жилъ у него.

Достопочтенный старецъ немедленно велѣлъ впустить меня; онъ, по обыкновенію, занимался бумагами въ кабинетѣ. И прежде случалось мнѣ бывать нерѣдко у сего знаменитаго любовію къ отечеству мужа и бесѣдовать съ нимъ свободно. Но на сей разъ, вошедши къ нему, не могъ я произнести ни одного слова; безмолвно подалъ ему записку и, между тѣмъ какъ онъ читалъ ее, я не въ силахъ будучи держаться на ногахъ, не помню обо что оперся и рыдалъ какъ ребенокъ. — „Что дѣлать? Сказалъ министръ, — общая участь!“ И просилъ, чтобы я пришелъ къ нему подробнѣе объясниться завтрашній день. Я сказалъ, что мое положеніе не терпитъ отсрочки и что единственное къ спасенію меня и семейства моего средство — помѣстить насъ на время въ которой либо изъ академій. Сострадательный начальникъ, не взирая на свой недосугъ — онъ готовился къ докладу государю императору, какъ я послѣ узналъ,—написалъ записку, которая незабвеннымъ памятникомъ навсегда пребудетъ въ моемъ семействѣ. Вотъ она отъ слова до слова:

„Нѣтъ ли какой возможности, въ которой нибудь изъ академій дать, на время, пристанище Ивану Ивановичу Мартынову, который о семъ проситъ, сказывая, что наводненіемъ доведенъ до того, что не имѣетъ никакого жилища. Прошу сдѣлать ему помощь, какую токмо возможно.

Александръ Шишковъ.

9-го ноября 1824 года“.

Отдавая мнѣ записку, онъ сказалъ, что написалъ общую записку, которую могъ бы я представить начальникамъ всѣхъ академій и прочелъ ее. Съ какою благодарностію принялъ я изъ благодѣтельныхъ рукъ его этотъ залогъ утѣшенія! Отпуская меня, г. министръ присовокупилъ, что онъ лично будетъ просить президентовъ по моему дѣлу.

Отъ г. министра прежде пошелъ я съ сею запискою къ г. президенту академіи наукъ С. С. Уварову, у котораго нѣсколько лѣтъ

былъ я подъ начальствомъ, по званію конференцъ-секретаря бывшаго педагогическаго института, а потомъ былъ его товарищемъ, какъ членъ главнаго правленія училищъ и какъ членъ хозяйственнаго комитета. Я надѣялся, что давнее и короткое знакомство не мало поспобитъ мнѣ въ этомъ случаѣ. И дѣйствительно, прочитавъ записку и выслушавъ мое объясненіе, онъ тотчасъ принялся писать записку, чтобъ отвести мнѣ квартиру Ап. Ф., но примолвилъ, что эту квартиру можетъ онъ дать мнѣ не долѣе, какъ на двѣ недѣли и что въ квартирѣ этой не болѣе двухъ комнатъ. Два сіи обстоятельства не соотвѣтствовали положенію моего семейства, почему я просилъ, нельзя ли отвести другую. Президентъ отозвался, что объ этомъ справится, ибо не можетъ самъ ничего обѣщать, принужденъ будучи жившихъ до наводненія въ нижнемъ этажѣ людей размѣщать въ верхнихъ этажахъ и велѣлъ мнѣ навѣдаться у него завтра. Вотъ первая задача почти рѣшена.

Отъ президента академіи наукъ пошелъ я къ президенту академіи художествъ. Алек. Ник. Оленинъ также давно знастъ меня, по службѣ моей въ канцеляріи государственнаго совѣта, въ самомъ началѣ учрежденія министерствъ и по бытности моей директоромъ департамента просвѣщенія; да и нынѣ не рѣдко видимся мы въ собраніяхъ Россійской академіи, на экзаменахъ въ университетѣ и другихъ мѣстахъ. Все это весьма не худо въ горькомъ положеніи; а воля министра всего лучше. Прихожу къ его пр—ву, показываю ему записку министра, разсказываю обстоятельства моей участи. А. Н. тронутъ былъ ими и обѣщалъ въ тотъ же день, такъ какъ онъ собирался ѣхать въ академію, узнать, нельзя ли помочь мнѣ. Между тѣмъ, сказалъ, что въ академіи жилыхъ покоевъ мало, судя по множеству людей, тамъ помѣщающихся, а въ залахъ, какъ мнѣ самому извѣстно, не топится. Впрочемъ, совѣтовалъ просить квартиры въ Россійской академіи, гдѣ какъ онъ полагалъ, должны быть пустыя комнаты. Это походило на учтивый отказъ, но надежда моя висѣла еще на словѣ: *узнать*.

Отъ президента академіи художествъ побрелъ я усталыми ногами къ секретарю Россійской академіи д. с. с. Петру Ив. Соколову. Тутъ не могъ я ничего надѣяться, ибо г. министръ, какъ президентъ сей академіи, непремѣнно сказалъ бы мнѣ, если бы въ ней были незанятые покои. Однакожъ, думая, что секретарю ближе извѣстна возможность помѣщенія меня, не оставилъ я и тутъ сдѣлать попытку. П. И. объяснилъ мнѣ совершенную въ томъ не-

былъ я подъ начальствомъ, по званію конференцъ-секретаря бывшаго педагогическаго института, а потомъ былъ его товарищемъ, какъ членъ главнаго правленія училищъ и какъ членъ хозяйственнаго комитета. Я надѣялся, что давнее и короткое знакомство не мало поспобитъ мнѣ въ этомъ случаѣ. И дѣйствительно, прочитавъ записку и выслушавъ мое объясненіе, онъ тотчасъ принялся писать записку, чтобъ отвести мнѣ квартиру Ап. Ф., но примолвилъ, что эту квартиру можетъ онъ дать мнѣ не долѣе, какъ на двѣ недѣли и что въ квартирѣ этой не болѣе двухъ комнатъ. Два сіи обстоятельства не соотвѣтствовали положенію моего семейства, почему я просилъ, нельзя ли отвести другую. Президентъ отозвался, что объ этомъ справится, ибо не можетъ самъ ничего обѣщать, принужденъ будучи жившихъ до наводненія въ нижнемъ этажѣ людей размѣщать въ верхнихъ этажахъ и велѣлъ мнѣ навѣдаться у него завтра. Вотъ первая задача почти рѣшена.

Отъ президента академіи наукъ пошелъ я къ президенту академіи художествъ. Алек. Ник. Оленинъ также давно знастъ меня, по службѣ моей въ канцеляріи государственнаго совѣта, въ самомъ началѣ учрежденія министерствъ и по бытности моей директоромъ департамента просвѣщенія; да и нынѣ не рѣдко видимся мы въ собраніяхъ Россійской академіи, на экзаменахъ въ университетѣ и другихъ мѣстахъ. Все это весьма не худо въ горькомъ положеніи; а воля министра всего лучше. Прихожу къ его пр—ву, показываю ему записку министра, разсказываю обстоятельства моей участи. А. Н. тронутъ былъ ими и обѣщалъ въ тотъ же день, такъ какъ онъ собирался ѣхать въ академію, узнать, нельзя ли помочь мнѣ. Между тѣмъ, сказалъ, что въ академіи жилыхъ покоевъ мало, судя по множеству людей, тамъ помѣщающихся, а въ залахъ, какъ мнѣ самому извѣстно, не топится. Впрочемъ, совѣтовалъ просить квартиры въ Россійской академіи, гдѣ какъ онъ полагалъ, должны быть пустыя комнаты. Это походило на учтивый отказъ, но надежда моя висѣла еще на словѣ: *узнать*.

Отъ президента академіи художествъ побрелъ я усталыми ногами къ секретарю Россійской академіи д. с. с. Петру Ив. Соколову. Тутъ не могъ я ничего надѣяться, ибо г. министръ, какъ президентъ сей академіи, непремѣнно сказалъ бы мнѣ, если бы въ ней были незанятые покои. Однакожъ, думая, что секретарю ближе извѣстна возможность помѣщенія меня, не оставилъ я и тутъ сдѣлать попытку. П. И. объяснилъ мнѣ совершенную въ томъ не-

возможность. И такъ, заслушано мое дѣло во всѣхъ трехъ мѣстахъ, въ запискѣ г. министра подразумѣваемыхъ. Завтрашній день надобно только выслушать отъ двухъ мѣстъ справки, мало добра обѣщающія, и приняться за другія мѣры, въ случаѣ отказа.

Я пришелъ домой въ четвертомъ часу по полудни, разсказалъ, гдѣ я былъ, показалъ записку г. министра и велѣлъ дѣтямъ хранить ее въ семейныхъ бумагахъ, какъ драгоцѣнный памятникъ ко мнѣ благоволенія сего великодушнѣйшаго старца.

Вотъ вамъ въ первоначальномъ смыслѣ похожденіе мое 9-го ноября! Но кстати прочтите нѣсколько строкъ, касающихся до общаго дѣла.

У президента академіи наукъ узналъ я, что лошади его во время наводненія стояли въ бель-этажѣ и такимъ образомъ спасены. Это дѣлали и многіе, какъ я послѣ слышалъ; но удивительно, какъ мои спаслись въ конюшнѣ.

У Пет. Пв., который живетъ въ домѣ академіи наукъ, услышалъ, что изъ людей, служащихъ при академіи наукъ, утонуло пять человѣкъ и П. П., живучи въ верхнемъ этажѣ, спасъ пятнадцать человѣкъ, подавая имъ веревки.

Возвращаясь отъ П. П., увидѣлъ я у корпуса старыхъ коллегій такую барку съ сѣномъ, какую видѣлъ у 1-го кадетскаго корпуса. По дорогѣ попадались мнѣ солдаты, мужики и женщины съ полными ведрами жидкости, похожей на деревянное масло.

— Что это? спросилъ я.

— Патока, отвѣчали.

— Откуда?

— А вотъ на биржѣ размыло сахарный песокъ.

Я посмотрѣлъ на показанное мѣсто и увидѣлъ множество простаго народа съ ведрами и другою посудою, собирающихъ патоку у забора, за коимъ навалены горы сахарнаго песку.

Нѣтъ худа безъ добра. Одни плачутъ, другіе веселятся; одни раззоряются, другіе пользуются ихъ раззореніемъ. Этого мало: едва успѣла сойти вода, какъ начались грабежи. Я самъ на своемъ мѣстѣ засталъ въ первое же утро послѣ наводненія добраго человѣка съ хворостиной, каковою Крылова мужикъ гонитъ гусей собирающаго, что ему угодно.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ я его.

— Пщу вчерашняго дня, отвѣчалъ онъ и вѣрно попотчивалъ бы меня своимъ оружіемъ, если бы тогда было потемнѣе.

Инвалиды сказывали мнѣ, что они до моего прихода прог-

возможность. И такъ, заслушано мое дѣло во всѣхъ трехъ мѣстахъ, въ запискѣ г. министра подразумѣваемыхъ. Завтрашній день надобно только выслушать отъ двухъ мѣстъ справки, мало добра обѣщающія, и приняться за другія мѣры, въ случаѣ отказа.

Я пришелъ домой въ четвертомъ часу по полудни, разсказалъ, гдѣ я былъ, показалъ записку г. министра и велѣлъ дѣтямъ хранить ее въ семейныхъ бумагахъ, какъ драгоцѣнный памятникъ ко мнѣ благоволенія сего великодушнѣйшаго старца.

Вотъ вамъ въ первоначальномъ смыслѣ похожденіе мое 9-го ноября! Но кстати прочтите нѣсколько строкъ, касающихся до общаго дѣла.

У президента академіи наукъ узналъ я, что лошади его во время наводненія стояли въ бель-этажѣ и такимъ образомъ спасены. Это дѣлали и многіе, какъ я послѣ слышалъ; но удивительно, какъ мои спаслись въ конюшнѣ.

У Пет. Пв., который живетъ въ домѣ академіи наукъ, услышалъ, что изъ людей, служащихъ при академіи наукъ, утонуло пять человѣкъ и П. П., живучи въ верхнемъ этажѣ, спасъ пятнадцать человѣкъ, подавая имъ веревки.

Возвращаясь отъ П. П., увидѣлъ я у корпуса старыхъ коллегій такую барку съ сѣномъ, какую видѣлъ у 1-го кадетскаго корпуса. По дорогѣ попадались мнѣ солдаты, мужики и женщины съ полными ведрами жидкости, похожей на деревянное масло.

— Что это? спросилъ я.

— Патока, отвѣчали.

— Откуда?

— А вотъ на биржѣ размыло сахарный песокъ.

Я посмотрѣлъ на показанное мѣсто и увидѣлъ множество простаго народа съ ведрами и другою посудою, собирающихъ патоку у забора, за коимъ навалены горы сахарнаго песку.

Нѣтъ худа безъ добра. Одни плачутъ, другіе веселятся; одни раззоряются, другіе пользуются ихъ раззореніемъ. Этого мало: едва успѣла сойти вода, какъ начались грабежи. Я самъ на своемъ мѣстѣ засталъ въ первое же утро послѣ наводненія добраго человѣка съ хворостиной, каковою Крылова мужикъ гонитъ гусей собирающаго, что ему угодно.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ я его.

— Пщу вчерашняго дня, отвѣчалъ онъ и вѣрно попотчивалъ бы меня своимъ оружіемъ, если бы тогда было потемнѣе.

Инвалиды сказывали мнѣ, что они до моего прихода прог-

нали уже человѣкъ до десяти. Но въ разсужденіи таковыхъ претендентовъ правительство взяло свои мѣры.

Въ вечеру понабралось у меня довольно пріятелей и каждый приноссъ кучу новостей. Разсказывали какъ отецъ народа, на предложеніе ему ѣхать изъ дворца во время наводненія и спасаться, съ твердостію отвѣчалъ: „Какъ! народъ погибаетъ, а я оставлю его. Я вмѣстѣ съ нимъ умру!“ Какъ онъ заботился о спасеніи каждаго, кого только увидѣть могъ изъ дворца погибающимъ; какъ бывшій тогда на дежурствѣ генералъ-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ съ самоотверженіемъ исполнялъ благотворную волю его, бродя въ водѣ по плечи; какъ на томъ же страшномъ поприщѣ отличился полковникъ Германъ и мичманъ Бѣляевъ! Вдовствующая императрица, чадолюбивѣйшая матерь, говорили, многократно во время наводненія изволила выходить на балконъ и, то ломая, то поднимая къ небу руки, рыдала неутѣшно! Еще и нынѣ почти ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ объ ужасахъ наводненія 7-го ноября и безчисленныхъ во время онаго приключеніяхъ. О! долго, долго еще не перестанутъ говорить о нихъ! Къ пущему несчастію, и послѣ сего наводненія нѣсколько разъ жители столицы угрожаемы были высокою водою. Теперь только нѣсколько поуспокоились. Николай чудотворецъ принесъ къ намъ морозы и сковалъ Неву!

При семъ посылаю вамъ копію съ офиціальнаго донесенія о дѣйствіяхъ незабвеннаго наводненія въ Кронштадтѣ. Можетъ быть вы еще его не читали.

Симъ хотѣлъ я кончить письмо сіе, какъ вдругъ слышу, — палятъ изъ пушекъ, въ обличеніе меня во лжи, будто мы теперь поуспокоились. И скованная Нева грозитъ наводненіемъ и поднимается на новые ужасы! Что будетъ съ нами? Помолитесь о насъ, сибирякъ счастливый!

Декабря 9-го дня,
1824 года.

Копія.

Буря свирѣпствовавшая 7-го числа сего мѣсяца, оставила здѣсь слѣды ужаснаго разрушенія. Она, по наводненію, ею причиненному, наиглавнѣйше стала быть чувствуемою часовъ съ 10 утра, потомъ усиливаясь постепенно, почти до 2 часовъ за полдень, и поднявъ заливъ сверхъ крѣпостныхъ укрѣпленій, покрыла, исключая нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстъ, составляющихъ малѣйшее про-

нали уже человѣкъ до десяти. Но въ разсужденіи таковыхъ претендентовъ правительство взяло свои мѣры.

Въ вечеру понабралось у меня довольно пріятелей и каждый приноссъ кучу новостей. Разсказывали какъ отецъ народа, на предложеніе ему ѣхать изъ дворца во время наводненія и спасаться, съ твердостію отвѣчалъ: „Какъ! народъ погибаетъ, а я оставлю его. Я вмѣстѣ съ нимъ умру!“ Какъ онъ заботился о спасеніи каждаго, кого только увидѣть могъ изъ дворца погибающимъ; какъ бывшій тогда на дежурствѣ генералъ-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ съ самоотверженіемъ исполнялъ благотворную волю его, бродя въ водѣ по плечи; какъ на томъ же страшномъ поприщѣ отличился полковникъ Германъ и мичманъ Бѣляевъ! Вдовствующая императрица, чадолюбивѣйшая матерь, говорили, многократно во время наводненія изволила выходить на балконъ и, то ломая, то поднимая къ небу руки, рыдала неутѣшно! Еще и нынѣ почти ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ объ ужасахъ наводненія 7-го ноября и безчисленныхъ во время онаго приключеніяхъ. О! долго, долго еще не перестанутъ говорить о нихъ! Къ пущему несчастію, и послѣ сего наводненія нѣсколько разъ жители столицы угрожаемы были высокою водою. Теперь только нѣсколько поуспокоились. Николай чудотворецъ принесъ къ намъ морозы и сковалъ Неву!

При семъ посылаю вамъ копію съ офиціальнаго донесенія о дѣйствіяхъ незабвеннаго наводненія въ Кронштадтѣ. Можетъ быть вы еще его не читали.

Симъ хотѣлъ я кончить письмо сіе, какъ вдругъ слышу, — палятъ изъ пушекъ, въ обличеніе меня во лжи, будто мы теперь поуспокоились. И скованная Нева грозитъ наводненіемъ и поднимается на новые ужасы! Что будетъ съ нами? Помолитесь о насъ, сибирякъ счастливый!

Декабря 9-го дня,
1824 года.

Копія.

Буря свирѣпствовавшая 7-го числа сего мѣсяца, оставила здѣсь слѣды ужаснаго разрушенія. Она, по наводненію, ею причиненному, наиглавнѣйше стала быть чувствуемою часовъ съ 10 утра, потомъ усиливаясь постепенно, почти до 2 часовъ за полдень, и поднявъ заливъ сверхъ крѣпостныхъ укрѣпленій, покрыла, исключая нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстъ, составляющихъ малѣйшее про-

странство, весь Кронштадтъ водою. Загородныя строенія почти всѣ смыты, цѣлые домы унесены по направленію вѣтра, къ выборгскому берегу; много людей погибло; стоявшіе въ военной и средней гаваняхъ, военные корабли оторвало съ укрѣпленій и бросило на мель, а мелкія военныя палубныя суда унесло изъ гаваней къ С.-Петербургу. Отшедшіе въ море купеческіе корабли: англійскій-Интрепидъ и шведскій-Оскаръ принесло обратно къ порту и у крѣпостныхъ стѣнъ разбило. Въ Кронштадтской крѣпости земляной валъ, съ сѣверной стороны, на большое пространство смыло и сравняло съ землею. Деревянные бастіоны, окружавшіе Кронштадтъ съ южной и западной сторонъ, всѣ разрушены и большею частію сорваны до основанія, вмѣстѣ съ покрывавшими ихъ тяжелыми орудіями. Крѣпости Ризбанская и Цитадельская, а также находившіяся на сѣверномъ форватерѣ претерпѣли общее и сильнѣйшее поврежденіе; бывшія же при Ризбанкѣ и Цитадели на южномъ форватерѣ батареи и одна на сѣверномъ, сорваны до основанія и унесены въ море. Сила вѣтра и волненіе такъ были ужасны, что опрокидывало на крѣпостныхъ стѣнахъ и бросало въ воду съ лафетами орудія, имѣющія по 170 пудъ вѣсу. Возвышенность воды при семъ случаѣ была здѣсь 11½ футъ сверхъ ординарной *)

О чемъ д-ту внѣшней торговли Кронштадтская таможня долгомъ поставляетъ донести.

Подписалъ: Управляющій Волковъ.

ПИСЬМО IV.

Мы живы послѣ 9-го декабря. Вода была почью на 10 число только въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ сняты были съ карауловъ будочники для предосторожности. Пуганая ворона куста боится. Впрочемъ, не доставало только вѣтра, бывшаго 7-го ноября, чтобы быть таковому, и можетъ быть, сильнѣйшему наводненію. Но вы, безъ сомнѣнія, желаете знать, чѣмъ кончились мои хлопоты о квартирѣ.

10-го числа ноября ходилъ я къ обоимъ гг. президентамъ академій Наукъ и Художествъ. И тотъ и другой съ сожалѣніемъ объявили мнѣ, что не нашлось въ сихъ заведеніяхъ квартиръ, въ коихъ могъ бы я помѣститься съ своимъ семействомъ. Съ печаль-

*) 11½ футъ состав. 1 саж. 1 ар. 15⁴/₇ вер.

странство, весь Кронштадтъ водою. Загородныя строенія почти всѣ смыты, цѣлые домы унесены по направленію вѣтра, къ выборгскому берегу; много людей погибло; стоявшіе въ военной и средней гаваняхъ, военные корабли оторвало съ укрѣпленій и бросило на мель, а мелкія военныя палубныя суда унесло изъ гаваней къ С.-Петербургу. Отшедшіе въ море купеческіе корабли: англійскій-Интрепидъ и шведскій-Оскаръ принесло обратно къ порту и у крѣпостныхъ стѣнъ разбило. Въ Кронштадтской крѣпости земляной валъ, съ сѣверной стороны, на большое пространство смыло и сравняло съ землею. Деревянные бастіоны, окружавшіе Кронштадтъ съ южной и западной сторонъ, всѣ разрушены и большею частію сорваны до основанія, вмѣстѣ съ покрывавшими ихъ тяжелыми орудіями. Крѣпости Ризбанская и Цитадельская, а также находившіяся на сѣверномъ форватерѣ претерпѣли общее и сильнѣйшее поврежденіе; бывшія же при Ризбанкѣ и Цитадели на южномъ форватерѣ батареи и одна на сѣверномъ, сорваны до основанія и унесены въ море. Сила вѣтра и волненіе такъ были ужасны, что опрокидывало на крѣпостныхъ стѣнахъ и бросало въ воду съ лафетами орудія, имѣющія по 170 пудъ вѣсу. Возвышенность воды при семъ случаѣ была здѣсь 11½ футъ сверхъ ординарной *)

О чемъ д-ту внѣшней торговли Кронштадтская таможня долгомъ поставляетъ донести.

Подписалъ: Управляющій Волковъ.

ПИСЬМО IV.

Мы живы послѣ 9-го декабря. Вода была почью на 10 число только въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ сняты были съ карауловъ будочники для предосторожности. Пуганая ворона куста боится. Впрочемъ, не доставало только вѣтра, бывшаго 7-го ноября, чтобы быть таковому, и можетъ быть, сильнѣйшему наводненію. Но вы, безъ сомнѣнія, желаете знать, чѣмъ кончились мои хлопоты о квартирѣ.

10-го числа ноября ходилъ я къ обоимъ гг. президентамъ академій Наукъ и Художествъ. И тотъ и другой съ сожалѣніемъ объявили мнѣ, что не нашлось въ сихъ заведеніяхъ квартиръ, въ коихъ могъ бы я помѣститься съ своимъ семействомъ. Съ печаль-

*) 11½ футъ состав. 1 саж. 1 ар. 15⁴/₇ вер.

нымъ донесеніемъ о семъ пошелъ я опять къ г. министру. Благодѣтельный старецъ попался мнѣ уже на дорогѣ, не далеко отъ дома, имъ занимаемаго. Я доложилъ ему о неимѣніи для меня квартиры, ни въ одной академіи и просилъ, не можно ли помѣстить меня въ зданіяхъ, принадлежащихъ университету. — „Очень хорошо! съ торопливостію сказалъ онъ. Чтожъ? Записку написать, или что?“ Не желая безпокоить его, чтобъ онъ воротился домой, я сказалъ: не прикажете ли, именемъ вашего высокопревосходительства просить о томъ исправляющаго должность попечителя? — „Очень хорошо“ отвѣчалъ онъ и я, поблагодаря его, пошелъ къ Дмитрію Павловичу Руничу услышать послѣдній голосъ надежды. Явясь въ прихожую съ видомъ раззореннаго и будучи незнакомъ людямъ его, сперва я встрѣченъ былъ словами: сегодня баринъ никого не принимаетъ. Я принужденъ былъ сказать свой чинъ и фамилію и сказать, что я присланъ отъ министра. Послѣднее слово привязало крылья встрѣтившему меня и онъ полетѣлъ съ докладомъ. Любезный Дмитрій Павловичъ немедленно выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и разговоръ нашъ начался объ общемъ несчастіи; отъ общаго перешелъ къ моему. Я разсказалъ ему сколько могъ въ короткое время. Онъ былъ весьма тронутъ моимъ положеніемъ и утѣшалъ меня надеждою, что правительство вознаградитъ убытки, что по волѣ государя императора учрежденъ комитетъ для вспоможенія раззореннымъ и пр. Когда я объявилъ волю министра, не можно ли помѣстить меня въ университетскомъ домѣ въ 6-й линіи, Д. П. отозвался, что тамъ только и было удобныхъ къ тому комнатъ, гдѣ собирается университетское правленіе, но онъ приказалъ, бывшему за нѣсколько минутъ до меня, исправляющему должность ректора перевести туда чиновниковъ, жившихъ въ нижнемъ этажѣ; а надѣется, что можно будетъ помѣстить меня въ корпусъ коллегій, въ связи, занимаемой университетскими профессорами. Онъ сказалъ, что теперь же ѣдетъ туда и сегодня же, или завтра пришлетъ мнѣ отвѣтъ непремѣнно. Поблагодаря его за искреннее участіе въ моихъ обстоятельствахъ, я пошелъ въ департаментскую типографію провѣдать о моемъ изданіи Иліады. Тогда-то узналъ я, что всѣ экземпляры 1-й и 2-й части Иліады, лежавшіе въ кипахъ, насквозь промочены водою и что весьма сомнительно, чтобы можно было высушить ихъ, безъ важнаго поврежденія и убытка. Третьей части Иліады, еще не изданной, третья доля листовъ всего завода только мокла. Это было для меня новымъ ударомъ. Я вообразилъ себѣ всю тяжесть долго-

нымъ донесеніемъ о семъ пошелъ я опять къ г. министру. Благодѣтельный старецъ попался мнѣ уже на дорогѣ, не далеко отъ дома, имъ занимаемаго. Я доложилъ ему о неимѣніи для меня квартиры, ни въ одной академіи и просилъ, не можно ли помѣстить меня въ зданіяхъ, принадлежащихъ университету. — „Очень хорошо! съ торопливостію сказалъ онъ. Чтожъ? Записку написать, или что?“ Не желая безпокоить его, чтобъ онъ воротился домой, я сказалъ: не прикажете ли, именемъ вашего высокопревосходительства просить о томъ исправляющаго должность попечителя? — „Очень хорошо“ отвѣчалъ онъ и я, поблагодаря его, пошелъ къ Дмитрію Павловичу Руничу услышать послѣдній голосъ надежды. Явясь въ прихожую съ видомъ раззореннаго и будучи незнакомъ людямъ его, сперва я встрѣченъ былъ словами: сегодня баринъ никого не принимаетъ. Я принужденъ былъ сказать свой чинъ и фамилію и сказать, что я присланъ отъ министра. Послѣднее слово привязало крылья встрѣтившему меня и онъ полетѣлъ съ докладомъ. Любезный Дмитрій Павловичъ немедленно выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и разговоръ нашъ начался объ общемъ несчастіи; отъ общаго перешелъ къ моему. Я разсказалъ ему сколько могъ въ короткое время. Онъ былъ весьма тронутъ моимъ положеніемъ и утѣшалъ меня надеждою, что правительство вознаградитъ убытки, что по волѣ государя императора учрежденъ комитетъ для вспоможенія раззореннымъ и пр. Когда я объявилъ волю министра, не можно ли помѣстить меня въ университетскомъ домѣ въ 6-й линіи, Д. П. отозвался, что тамъ только и было удобныхъ къ тому комнатъ, гдѣ собирается университетское правленіе, но онъ приказалъ, бывшему за нѣсколько минутъ до меня, исправляющему должность ректора перевести туда чиновниковъ, жившихъ въ нижнемъ этажѣ; а надѣется, что можно будетъ помѣстить меня въ корпусъ коллегій, въ связи, занимаемой университетскими профессорами. Онъ сказалъ, что теперь же ѣдетъ туда и сегодня же, или завтра пришлетъ мнѣ отвѣтъ непремѣнно. Поблагодаря его за искреннее участіе въ моихъ обстоятельствахъ, я пошелъ въ департаментскую типографію провѣдать о моемъ изданіи Иліады. Тогда-то узналъ я, что всѣ экземпляры 1-й и 2-й части Иліады, лежавшіе въ кипахъ, насквозь промочены водою и что весьма сомнительно, чтобы можно было высушить ихъ, безъ важнаго поврежденія и убытка. Третьей части Иліады, еще не изданной, третья доля листовъ всего завода только мокла. Это было для меня новымъ ударомъ. Я вообразилъ себѣ всю тяжесть долго-

временнаго труда моего и скоропостижность его истребленія. Меня приводило въ отчаяніе не только то, что лишаюсь съ сей утратою важнѣйшаго источника пропитанія, но и возможности продолжать свое изданіе. Не мало безпокоило меня и то, что въ типографіи, по необходимости, пріостановилось печатаніе, что поставило меня въ невозможность исполнить данное мною публикѣ слово, выдать III-ю часть Иліады къ концу нынѣшняго года.

Съ симъ дополненіемъ моего раззоренія, пошелъ я домой и лишь только успѣлъ взойти на дворъ, какъ увидѣлъ чиновника, присланнаго отъ Д. П. съ извѣстіемъ, что квартира для меня готова и что я могу теперь же перебраться. Какая благодѣтельная поспѣшность! Вотъ что называется: сказано—сдѣлано! Вотъ подвигъ истиннаго христіанина? Чиновникъ, принесшій сіе извѣстіе, сказалъ мнѣ, что пустыхъ комнатъ въ корпусѣ, занимаемомъ университетскими профессорами, нѣтъ; но на предложеніе Д. П., охотно согласился уступить свою квартиру знаменитый своимъ краснорѣчивымъ преподаваніемъ физики профессоръ Соловьевъ, котораго принять въ свою квартиру согласился также отличный своими дарованіями и глубокими знаніями профессоръ математики Чижовъ. Мои ученики! вскричалъ я. О благодарные ученики мои! Не на камень пали сѣмена, мною сѣянныя! Не достойно ли воздали они своему наставнику? И. Теряевъ, присланный чиновникъ — сынъ давно извѣстнаго профессора А. Терлева, присовокупилъ къ радостной сей вѣсти, что г. Соловьевъ оставляетъ въ пользу мою и мебели, если мнѣ угодно. Все это произвело въ сердцѣ моемъ особеннаго рода чувствованіе — пріятнѣйшее умиленіе. Надобно вамъ знать, что сіи профессора изъ студентовъ перваго курса бывшаго въ С.-Петербургѣ педагогическаго института и на ряду со всѣми сотоварищами своими слушали у меня эстетику, для преподаванія которой пригласилъ меня, довольно уже занятаго должностію директора департамента, незабвенный благодѣтель мой тогдашній попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа П. И. Новосильцовъ, извѣстнѣйшій патріотъ и любитель всего изящнаго и полезнаго. По окончаніи курса, они, въ числѣ двѣнадцати студентовъ, посланы были въ чужіе краи, въ чемъ я не мало участвовалъ, будучи также конференцъ-секретаремъ въ семъ институтѣ и долго занимая мѣсто директора сего заведенія. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, они произведены въ адъюнкты и оставлены при томъ же институтѣ; нынѣ они, и уже давно, ординарные профессоры, дѣлающіе отличную честь сему заведенію.

временнаго труда моего и скоропостижность его истребленія. Меня приводило въ отчаяніе не только то, что лишаюсь съ сей утратою важнѣйшаго источника пропитанія, но и возможности продолжать свое изданіе. Не мало безпокоило меня и то, что въ типографіи, по необходимости, пріостановилось печатаніе, что поставило меня въ невозможность исполнить данное мною публикѣ слово, выдать III-ю часть Иліады къ концу нынѣшняго года.

Съ симъ дополненіемъ моего раззоренія, пошелъ я домой и лишь только успѣлъ взойти на дворъ, какъ увидѣлъ чиновника, присланнаго отъ Д. П. съ извѣстіемъ, что квартира для меня готова и что я могу теперь же перебраться. Какая благодѣтельная поспѣшность! Вотъ что называется: сказано—сдѣлано! Вотъ подвигъ истиннаго христіанина? Чиновникъ, принесшій сіе извѣстіе, сказалъ мнѣ, что пустыхъ комнатъ въ корпусѣ, занимаемомъ университетскими профессорами, нѣтъ; но на предложеніе Д. П., охотно согласился уступить свою квартиру знаменитый своимъ краснорѣчивымъ преподаваніемъ физики профессоръ Соловьевъ, котораго принять въ свою квартиру согласился также отличный своими дарованіями и глубокими знаніями профессоръ математики Чижовъ. Мои ученики! вскричалъ я. О благодарные ученики мои! Не на камень пали сѣмена, мною сѣянныя! Не достойно ли воздали они своему наставнику? И. Теряевъ, присланный чиновникъ — сынъ давно извѣстнаго профессора А. Терлева, присовокупилъ къ радостной сей вѣсти, что г. Соловьевъ оставляетъ въ пользу мою и мебели, если мнѣ угодно. Все это произвело въ сердцѣ моемъ особеннаго рода чувствованіе — пріятнѣйшее умиленіе. Надобно вамъ знать, что сіи профессора изъ студентовъ перваго курса бывшаго въ С.-Петербургѣ педагогическаго института и на ряду со всѣми сотоварищами своими слушали у меня эстетику, для преподаванія которой пригласилъ меня, довольно уже занятаго должностію директора департамента, незабвенный благодѣтель мой тогдашній попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа П. И. Новосильцовъ, извѣстнѣйшій патріотъ и любитель всего изящнаго и полезнаго. По окончаніи курса, они, въ числѣ двѣнадцати студентовъ, посланы были въ чужіе краи, въ чемъ я не мало участвовалъ, будучи также конференцъ-секретаремъ въ семъ институтѣ и долго занимая мѣсто директора сего заведенія. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, они произведены въ адъюнкты и оставлены при томъ же институтѣ; нынѣ они, и уже давно, ординарные профессоры, дѣлающіе отличную честь сему заведенію.

При отходѣ присланнаго чиновника, я поручилъ ему принести чувствительную благодарность мою Д—ю П—чу, до личнаго моего засвидѣтельствованія оной. Домашніе мои тотчасъ начали перебираться на новую квартиру и, перенесл нужнѣйшія вещи, расположились въ ней и ночевать. Въ вечеру и я пришелъ къ нимъ, но не съ тѣмъ еще чтобъ совсѣмъ остаться въ ней и чтожъ нашелъ? Кабинетъ, гостиная и спальня устроены въ томъ самомъ залѣ, въ коемъ читалъ я свои наставленія. Въ сводѣ зала сдѣланъ потолокъ, который въ верхнемъ этажѣ составляетъ полъ для другихъ комнатъ, въ коихъ помѣщается профессоръ восточныхъ языковъ. Вотъ здѣсь, сказалъ я домашнимъ, было сдѣлано небольшое возвышеніе, на коемъ у стѣнъ, на правой и лѣвой сторонахъ, стояли обитыя зеленымъ сукномъ скамейки для сторонніхъ посѣтителей и сверхъ того нѣсколько стульевъ; у этой стѣны стояла профессорская каѳедра, у противоположной—скамейки, на которыхъ студенты слушали преподаваемыя имъ наставленія; вотъ дверь, изъ которой они входили въ этотъ залъ; вотъ другая, большая дверь, изъ коей собирались въ залъ сторонніе слушатели; вверху, гдѣ нынѣ потолокъ, кругомъ были хоры, которые — пріятное воспоминаніе! всегда почти были наполнены сторонними слушателями. Къ большему удовольствію моему, при указаніи мною мѣстъ, меньшій сынъ мой сказалъ: „Папенька! я недавно читалъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, что стеченіе слушателей на ваши лекціи такъ было велико, что начальство должно было устроить новый залъ и конечно это тотъ самый залъ и есть.“ О таковомъ отзывѣ иностранныхъ журналистовъ, прежде никогда я не слыхалъ. Въ семъ-то залѣ, продолжалъ я, отличный студентъ Александровскій, читаннымъ при выпускѣ студентовъ 1-го курса похвальнымъ словомъ своимъ *Пожарскому*, извлекъ слезы изъ очей чувствительнѣйшаго монарха! Какъ все это кстати для моего очарованія!

Ужели, любезный другъ, вся жизнь моя должна быть не иное что, какъ *романъ* и, правду сказать, болѣе печальнаго, нежели веселаго содержанія? Этотъ романъ примѣтнѣе становится съ отправленія меня изъ Полтавской семинаріи въ С.-Петербургскую Александроневскую семинарію. Не мѣсто здѣсь приводить приключенія со мною, оправдывающія сіе названіе, но нѣкоторыя изъ нихъ и вамъ не безъизвѣстны.

И такъ, я на время успокоенъ въ разсужденіи квартиры, благодаря министру, исправляющему должность попечителя и бывшимъ

При отходѣ присланнаго чиновника, я поручилъ ему принести чувствительную благодарность мою Д—ю П—чу, до личнаго моего засвидѣтельствованія оной. Домашніе мои тотчасъ начали перебираться на новую квартиру и, перенесл нужнѣйшія вещи, расположились въ ней и ночевать. Въ вечеру и я пришелъ къ нимъ, но не съ тѣмъ еще чтобъ совсѣмъ остаться въ ней и чтожъ нашелъ? Кабинетъ, гостиная и спальня устроены въ томъ самомъ залѣ, въ коемъ читалъ я свои наставленія. Въ сводѣ зала сдѣланъ потолокъ, который въ верхнемъ этажѣ составляетъ полъ для другихъ комнатъ, въ коихъ помѣщается профессоръ восточныхъ языковъ. Вотъ здѣсь, сказалъ я домашнимъ, было сдѣлано небольшое возвышеніе, на коемъ у стѣнъ, на правой и лѣвой сторонахъ, стояли обитыя зеленымъ сукномъ скамейки для сторонніхъ посѣтителей и сверхъ того нѣсколько стульевъ; у этой стѣны стояла профессорская каѳедра, у противоположной—скамейки, на которыхъ студенты слушали преподаваемыя имъ наставленія; вотъ дверь, изъ которой они входили въ этотъ залъ; вотъ другая, большая дверь, изъ коей собирались въ залъ сторонніе слушатели; вверху, гдѣ нынѣ потолокъ, кругомъ были хоры, которые — пріятное воспоминаніе! всегда почти были наполнены сторонними слушателями. Къ большему удовольствію моему, при указаніи мною мѣстъ, меньшій сынъ мой сказалъ: „Папенька! я недавно читалъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, что стеченіе слушателей на ваши лекціи такъ было велико, что начальство должно было устроить новый залъ и конечно это тотъ самый залъ и есть.“ О таковомъ отзывѣ иностранныхъ журналистовъ, прежде никогда я не слыхалъ. Въ семъ-то залѣ, продолжалъ я, отличный студентъ Александровскій, читаннымъ при выпускѣ студентовъ 1-го курса похвальнымъ словомъ своимъ *Пожарскому*, извлекъ слезы изъ очей чувствительнѣйшаго монарха! Какъ все это кстати для моего очарованія!

Ужели, любезный другъ, вся жизнь моя должна быть не иное что, какъ *романъ* и, правду сказать, болѣе печальнаго, нежели веселаго содержанія? Этотъ романъ примѣтнѣе становится съ отправленія меня изъ Полтавской семинаріи въ С.-Петербургскую Александроневскую семинарію. Не мѣсто здѣсь приводить приключенія со мною, оправдывающія сіе названіе, но нѣкоторыя изъ нихъ и вамъ не безъизвѣстны.

И такъ, я на время успокоенъ въ разсужденіи квартиры, благодаря министру, исправляющему должность попечителя и бывшимъ

моимъ ученикамъ. Всѣмъ имъ обязанъ я. Достопочтеннѣйшій старецъ могъ употребить власть свою въ оказаніи мнѣ сего благотворенія, но ему угодно было взять кротчайшую мѣру, просить о томъ подвѣдомыхъ ему начальниковъ. Онъ многолѣтними опытами искушенъ въ мудрости управлять сердцами людей.

Увлекаясь, однакожъ, описаніемъ собственныхъ моихъ приключеній, могу ли я лишить васъ извѣстія о событіяхъ общихъ!

Чадолюбивѣйшій отецъ нашъ, утѣшитель нашъ великій, приявъ мѣры къ облегченію участи пострадавшихъ отъ наводненія, лично осматривалъ мѣста разоренныя. У насъ на острову его величество изволилъ ходить по развалинамъ домовъ и другихъ строеній 10-го ноября. Ангелъ—утѣшитель, безъ сомнѣнія, и скорѣе посѣтилъ бы насъ, если бы переправа черезъ Неву была не столь опасна. Для чего бы сему умирителю Европы, укротителю сильнѣйшаго врага, возмущавшаго только лѣтъ человѣчество, не имѣть чудодѣйствія: попрать и сихъ лютѣйшихъ истребителей всего тлѣннаго, укротить бурныя воды и обуздать вѣтры сокрушительные? Нѣтъ! *Богъ славы своея иному не дастъ.* Не во власти намѣстниковъ Его повелѣвать стихіями.

Теперь въ столицѣ ломаютъ всѣ головы свои вопросомъ: отъ чего бы происходило столь ужасное наводненіе и столь бурные вѣтры, не у насъ однихъ, не въ одной Европѣ, но и въ другихъ частяхъ земнаго шара? Одни приписываютъ это необыкновенному давленію луны, другіе—землетрясенію; дамы, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ нашихъ почтенныхъ литераторовъ, украшавшій истину, или правдоподобіе, поэзіею,—соединенію Марса съ Венерою; простолюдины тому, что китъ-рыба, которая держитъ на себѣ шаръ земной, перевернулась на другой бокъ. Всѣ занимаются изслѣдованіемъ причины, и никто не знаетъ настоящей. Многіе повторяютъ пророченіе евангелиста Матѳея (гл. 24 ст. 29), весьма разительно изображающее наше положеніе: *И не увѣдѣша дондеже пріиде вода и взятъ вся*

Еще одинъ вопросъ здѣсь теперь повторяется: вода ли, или огонь опаснѣе? Въ разрѣшеніе онаго, нѣкоторые приводятъ малороссійскую пословицу: *Вода возме, отдастъ другому; огонь все съѣстъ.*

На случай тотъ, что, можетъ быть, ускользнуло отъ вашего замѣчанія помѣщенное въ разныхъ журналахъ сравненіе нынѣшняго наводненія съ бывшими въ Петербургѣ прежде, скажу вамъ только, что по дѣлаемымъ въ Петропавловской крѣпости замѣчаніямъ,

моимъ ученикамъ. Всѣмъ имъ обязанъ я. Достопочтеннѣйшій старецъ могъ употребить власть свою въ оказаніи мнѣ сего благотворенія, но ему угодно было взять кротчайшую мѣру, просить о томъ подвѣдомыхъ ему начальниковъ. Онъ многолѣтними опытами искушенъ въ мудрости управлять сердцами людей.

Увлекаясь, однакожъ, описаніемъ собственныхъ моихъ приключеній, могу ли я лишить васъ извѣстія о событіяхъ общихъ!

Чадолюбивѣйшій отецъ нашъ, утѣшитель нашъ великій, принявъ мѣры къ облегченію участи пострадавшихъ отъ наводненія, лично осматривалъ мѣста разоренныя. У насъ на острову его величество изволилъ ходить по развалинамъ домовъ и другихъ строеній 10-го ноября. Ангелъ—утѣшитель, безъ сомнѣнія, и скорѣе посѣтилъ бы насъ, если бы переправа черезъ Неву была не столь опасна. Для чего бы сему умирителю Европы, укротителю сильнѣйшаго врага, возмущавшаго только лѣтъ человѣчество, не имѣть чудодѣйствія: попрать и сихъ лютѣйшихъ истребителей всего тлѣннаго, укротить бурныя воды и обуздать вѣтры сокрушительные? Нѣтъ! *Богъ славы своея иному не дастъ.* Не во власти намѣстниковъ Его повелѣвать стихіями.

Теперь въ столицѣ ломаютъ всѣ головы свои вопросомъ: отъ чего бы происходило столь ужасное наводненіе и столь бурные вѣтры, не у насъ однихъ, не въ одной Европѣ, но и въ другихъ частяхъ земнаго шара? Одни приписываютъ это необыкновенному давленію луны, другіе—землетрясенію; дамы, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ нашихъ почтенныхъ литераторовъ, украшавшій истину, или правдоподобіе, поэзіею,—соединенію Марса съ Венерою; простолюдины тому, что китъ-рыба, которая держитъ на себѣ шаръ земной, перевернулась на другой бокъ. Всѣ занимаются изслѣдованіемъ причины, и никто не знаетъ настоящей. Многіе повторяютъ пророченіе евангелиста Матѳея (гл. 24 ст. 29), весьма разительно изображающее наше положеніе: *И не увѣдѣша дондеже пріиде вода и взятъ вся*

Еще одинъ вопросъ здѣсь теперь повторяется: вода ли, или огонь опаснѣе? Въ разрѣшеніе онаго, нѣкоторые приводятъ малороссійскую пословицу: *Вода возме, отдастъ другому; огонь все съѣстъ.*

На случай тотъ, что, можетъ быть, ускользнуло отъ вашего замѣчанія помѣщенное въ разныхъ журналахъ сравненіе нынѣшняго наводненія съ бывшими въ Петербургѣ прежде, скажу вамъ только, что по дѣлаемымъ въ Петропавловской крѣпости замѣчаніямъ,

нынѣ была вода, противъ бывшей въ 1777 году, выше на аршинъ и 7 вершковъ, не взирая на то, что теперь во многихъ мѣстахъ земля поднята на сажень и что теперь Нева наша и каналы ограждены каменными берегами, а въ 1777 году, ничего этого не было. Старожилы говорятъ еще, что тогда не было и столько утопшихъ; хотя тогда наводненіе случилось не днемъ, а ночью.

Пріѣзжайте къ намъ на своихъ *собакахъ шестерней* *), посмотрѣть какъ высока была вода 7-го ноября въ каждомъ домѣ. Это замѣчено съ наружной стороны на стѣнѣ каждаго дома красною краскою, горизонтальною полосою въ пол-аршина и болѣе.

Декабря 11-го дня,
1824 г.

ПИСЬМО V.

Переночевавши съ сыновьями въ послѣдній разъ въ своемъ ковчегѣ, ноября 11-го числа, часу въ 10-мъ, пошелъ я къ Смоленскому кладбищу. Въ послѣднихъ ведущихъ къ оному линіяхъ хламъ былъ уже довольно поубранъ, но оставались еще печальнѣйшіе знаки наводненія. Почти у каждаго изъ уцѣлѣвшихъ домовъ кучами лежали деревянные разноцвѣтные кресты, сорванные и снесенные сюда съ мирныхъ могилъ. Они были памятниками скудости и нищеты, сокрытыхъ подъ землею, но буря отняла у нихъ и послѣднее имущество.

Гдѣ я? Не на гробахъ ли Пальмиры, Персеполя, или другаго разрушеннаго города древности? Не трофеи ли вижу ожесточеннаго варварства? Такъ я вопрошалъ самъ себя, пришедши на Смоленское кладбище. Какъ изобразить страшное позорище, развалинами, разбитыми, обрушенными, гипсовыми, гранитными, мраморными памятниками представляемое! Какъ выразить чувствованія, ими производимыя! Оторженныя головы, цѣлыя или раздробленныя туловища статуй, низринутыя урны, размытые пьедесталы, перебитыя плиты—покрывали всю правую сторону кладбища. Чѣмъ памятникъ былъ возвышеннѣе, тѣмъ болѣе потерпѣлъ отъ бури и наводненія; здѣсь онѣ дѣйствовали, кажется въ обратномъ содержаніи съ домами. Низшіе одноэтажные, бѣдные домики и жители ихъ наиболѣе потерпѣли! Рѣдко, рѣдко гдѣ стоитъ памятникъ не-

*) Слова изъ одного стихотворенія Словцова.

нынѣ была вода, противъ бывшей въ 1777 году, выше на аршинъ и 7 вершковъ, не взирая на то, что теперь во многихъ мѣстахъ земля поднята на сажень и что теперь Нева наша и каналы ограждены каменными берегами, а въ 1777 году, ничего этого не было. Старожилы говорятъ еще, что тогда не было и столько утопшихъ; хотя тогда наводненіе случилось не днемъ, а ночью.

Пріѣзжайте къ намъ на своихъ *собакахъ шестерней* *), посмотрѣть какъ высока была вода 7-го ноября въ каждомъ домѣ. Это замѣчено съ наружной стороны на стѣнѣ каждаго дома красною краскою, горизонтальною полосою въ пол-аршина и болѣе.

Декабря 11-го дня,
1824 г.

ПИСЬМО V.

Переночевавши съ сыновьями въ послѣдній разъ въ своемъ ковчегѣ, ноября 11-го числа, часу въ 10-мъ, пошелъ я къ Смоленскому кладбищу. Въ послѣднихъ ведущихъ къ оному линіяхъ хламъ былъ уже довольно поубранъ, но оставались еще печальнѣйшіе знаки наводненія. Почти у каждаго изъ уцѣлѣвшихъ домовъ кучами лежали деревянные разноцвѣтные кресты, сорванные и снесенные сюда съ мирныхъ могилъ. Они были памятниками скудости и нищеты, сокрытыхъ подъ землею, но буря отняла у нихъ и послѣднее имущество.

Гдѣ я? Не на гробахъ ли Пальмиры, Персеполя, или другаго разрушеннаго города древности? Не трофеи ли вижу ожесточеннаго варварства? Такъ я вопрошалъ самъ себя, пришедши на Смоленское кладбище. Какъ изобразить страшное позорище, развалинами, разбитыми, обрушенными, гипсовыми, гранитными, мраморными памятниками представляемое! Какъ выразить чувствованія, ими производимыя! Оторженныя головы, цѣлыя или раздробленныя туловища статуй, низринутыя урны, размытые пьедесталы, перебитыя плиты—покрывали всю правую сторону кладбища. Чѣмъ памятникъ былъ возвышеннѣе, тѣмъ болѣе потерпѣлъ отъ бури и наводненія; здѣсь онѣ дѣйствовали, кажется въ обратномъ содержаніи съ домами. Низшіе одноэтажные, бѣдные домики и жители ихъ наиболѣе потерпѣли! Рѣдко, рѣдко гдѣ стоитъ памятникъ не-

*) Слова изъ одного стихотворенія Словцова.

вредимо! Уже ли такой памятникъ знаменуетъ, что лежащій подъ нимъ паче прочихъ отличился богоугодною жизнію? Судьбы Всевышняго непостижимы!

Съ растерзаннымъ сердцемъ, промежду сихъ каменныхъ кучъ различной величины и вида, пробираюсь къ церкви: множество стеколъ въ окнахъ перебито; въ паперти вся наружная стѣна, открыто боровшаяся съ бурею, обрушилась!

Перехожу на лѣвую сторону кладбища: ни на одной почти могилѣ креста не осталось! Уединенныя ели прилегли вершинами къ сырой землѣ и корни ихъ исторглись изъ нѣдра земнаго, какъ бы желая занять мѣсто вершинъ вѣтвенныхъ! Послѣднія убѣжища странниковъ и страдальцевъ сего міра промыты до нижней доски ихъ, и желтѣющія, ржавыя кости, нѣсколько десятилѣтій поконвшіяся незримо, открываются взору наземнаго ихъ сострадальца.

Отсюда хотѣлъ было я итти въ Гавань, но слабыя ноги мои, какъ бы прикованныя къ могилѣ Ксенія, остановились. Кто эта Ксенія? спрашиваете вы. Жена, многимъ здѣшнимъ старожиламъ извѣстная своею добродѣтельною жизнію и долголѣтнимъ странствованіемъ по разнымъ городамъ Россіи; жена, которая, какъ сказываютъ, имѣла какую-то необыкновенную силу повелѣвать мнѣніемъ простодушнаго народа; которой присутствіе или посѣщеніе, принятіе дара отъ кого нибудь доставляло яко бы счастіе удостоившемуся таковаго ея благоволенія. Извѣстный вамъ академикъ Н. Я. Озерецковскій разсказываетъ о ней довольно любопытнаго. Жена сія уже болѣе сорока лѣтъ какъ преставилась, но въ прошломъ, 1823 году, какой-то случай воскресилъ ее въ памяти народной и добрые люди стали во множествѣ стекаться вокругъ ея могилы и поминать ее. Нерѣдко и нынѣ продолжаютъ служить ей панихиды, но въ этотъ день у могилы ея никого не было. По сему я свободнѣе могъ осматривать каменную доску на дерновомъ ея убѣжищѣ и надпись на сей доскѣ. Въ простой сей надписи сказано, что она была въ замужествѣ за придворнымъ пѣвчимъ 6-го класса, по имени Андреемъ Ѳедоровичемъ; вскорѣ лишилась его (года не упомню), потомъ провела въ странствованіи, помнится, сорокъ три года и умерла на семдесятъ какомъ-то году, отъ рожденія. Если бы я могъ предвидѣть, что, по какому-то побужденію, долженъ буду писать вамъ о сей угодницѣ Божіей, если могу такъ назвать ее, судя по преданію о ея добродѣтеляхъ, то надгробіе списалъ бы для васъ отъ слова до слова. Теперь же могила занесена снѣгомъ и потому исполнить сего не могу. Пом-

вредимо! Уже ли такой памятникъ знаменуетъ, что лежащій подъ нимъ паче прочихъ отличился богоугодною жизнію? Судьбы Всевышняго непостижимы!

Съ растерзаннымъ сердцемъ, промежду сихъ каменныхъ кучъ различной величины и вида, пробираюсь къ церкви: множество стеколъ въ окнахъ перебито; въ паперти вся наружная стѣна, открыто боровшаяся съ бурею, обрушилась!

Перехожу на лѣвую сторону кладбища: ни на одной почти могилѣ креста не осталось! Уединенныя ели прилегли вершинами къ сырой землѣ и корни ихъ исторглись изъ нѣдра земнаго, какъ бы желая занять мѣсто вершинъ вѣтвенныхъ! Послѣднія убѣжища странниковъ и страдальцевъ сего міра промыты до нижней доски ихъ, и желтѣющія, ржавыя кости, нѣсколько десятилѣтій поконвшіяся незримо, открываются взору наземнаго ихъ сострадальца.

Отсюда хотѣлъ было я итти въ Гавань, но слабыя ноги мои, какъ бы прикованныя къ могилѣ Ксеніи, остановились. Кто эта Ксенія? спрашиваете вы. Жена, многимъ здѣшнимъ старожиламъ извѣстная своею добродѣтельною жизнію и долголѣтнимъ странствованіемъ по разнымъ городамъ Россіи; жена, которая, какъ сказываютъ, имѣла какую-то необыкновенную силу повелѣвать мнѣніемъ простодушнаго народа; которой присутствіе или посѣщеніе, принятіе дара отъ кого нибудь доставляло яко бы счастіе удостоившемуся таковаго ея благоволенія. Извѣстный вамъ академикъ Н. Я. Озерецковскій разсказываетъ о ней довольно любопытнаго. Жена сія уже болѣе сорока лѣтъ какъ преставилась, но въ прошломъ, 1823 году, какой-то случай воскресилъ ее въ памяти народной и добрые люди стали во множествѣ стекаться вокругъ ея могилы и поминать ее. Нерѣдко и нынѣ продолжаютъ служить ей панихиды, но въ этотъ день у могилы ея никого не было. По сему я свободнѣе могъ осматривать каменную доску на дерновомъ ея убѣжищѣ и надпись на сей доскѣ. Въ простой сей надписи сказано, что она была въ замужествѣ за придворнымъ пѣвчимъ 6-го класса, по имени Андреемъ Ѳедоровичемъ; вскорѣ лишилась его (года не упомню), потомъ провела въ странствованіи, помнится, сорокъ три года и умерла на семдесятъ какомъ-то году, отъ рожденія. Если бы я могъ предвидѣть, что, по какому-то побужденію, долженъ буду писать вамъ о сей угодницѣ Божіей, если могу такъ назвать ее, судя по преданію о ея добродѣтеляхъ, то надгробіе списалъ бы для васъ отъ слова до слова. Теперь же могила занесена снѣгомъ и потому исполнить сего не могу. Пом-

ню только, дышущій христіанскимъ простосердечіемъ, конецъ сей надписи: *Кто меня знаетъ, тотъ помянетъ душу мою.* Ксенія! и незнающій тебя поклоняется твоимъ остаткамъ. У твоей-то могилы, которую и прежде многократно я посѣщалъ, въ нынѣшній день простоялъ я около часа, какъ вкопанный. Мрачныя мысли объяли душу мою. Я завидовалъ покою твоему! Я завидовалъ праху, не причастному бѣдствіямъ, насъ постигшимъ. Миръ праху твоему, Ксенія! сказалъ я и пошелъ домой.

Между тѣмъ, началъ я думать о средствахъ вознагражденія моихъ убытковъ и произведеніи самыхъ нужнѣйшихъ починокъ, ибо кромѣ *жарчевыхъ*, т. е. жалованья, которое все выходитъ на содержаніе моего семейства, у меня не только не было другихъ денегъ, но я оставался еще должнымъ по перестройкѣ моего дома тысячи полторы, да за бумагу для печатанія классиковъ—до пяти сотъ и въ типографію департаментскую—болѣе двухъ тысячъ. Хотя я и подалъ записку о своихъ убыткахъ господину министру и послалъ таковую же въ съѣзжій домъ, но не смѣлъ безпокоить перваго, получа недавно отъ него убѣжище временное, и надѣясь получить и постоянное, а отъ полиціи не могъ ожидать скораго и значущаго вспоможенія. Раззоренныхъ такъ много а знающихъ мое прежнее состояніе, мою службу изъ лицъ дѣйствующихъ на В. О., по вспоможенію разоренныхъ такъ мало, или вовсе никого. По сей причинѣ я рѣшился прибѣгнуть къ покровительству высокаго начальника моего, государя цесаревича, коему болѣе двадцати лѣтъ имѣю счастіе быть извѣстнымъ, какъ предсѣдательствующему въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ. Надобно вамъ знать, что, по пребыванію его императорскаго высочества въ Варшавѣ, я каждую недѣлю отправляю, дѣла къ его высочеству чрезъ военно-походную его канцелярію, съ эстафетою, по средамъ.

Среда (ноября 12) наступила. Приготовивъ прочія бумаги къ отсылкѣ, я написалъ къ его императорскому высочеству докладную записку, въ коей кратко изложилъ весь ужасъ моего состоянія. О! еслибы его высочество на сей разъ изволилъ быть въ Санкт-Петербургѣ, я немедленно получилъ бы вспоможеніе, по благодушіе и состраданіе его высочества къ несчастнымъ, безъ сомнѣнія, обратитъ на меня вниманіе и по запискѣ моей. Не ползаніе у ногъ убѣждаетъ великія души, но истина.

Pargе liber, сказалъ я, sine me ibis inurbem и, запечатавши записку, съ прочими бумагами, въ пакетъ, отослалъ въ военно-походную канцелярію. Лети, хартія, омоченная моими и семейства мо-

ню только, дышущій христіанскимъ простосердечіемъ, конецъ сей надписи: *Кто меня знаетъ, тотъ помянетъ душу мою.* Ксенія! и незнающій тебя поклоняется твоимъ остаткамъ. У твоей-то могилы, которую и прежде многократно я посѣщалъ, въ нынѣшній день простоялъ я около часа, какъ вкопанный. Мрачныя мысли объяли душу мою. Я завидовалъ покою твоему! Я завидовалъ праху, не причастному бѣдствіямъ, насъ постигшимъ. Миръ праху твоему, Ксенія! сказалъ я и пошелъ домой.

Между тѣмъ, началъ я думать о средствахъ вознагражденія моихъ убытковъ и произведеніи самыхъ нужнѣйшихъ починокъ, ибо кромѣ *жарчевыхъ*, т. е. жалованья, которое все выходитъ на содержаніе моего семейства, у меня не только не было другихъ денегъ, но я оставался еще должнымъ по перестройкѣ моего дома тысячи полторы, да за бумагу для печатанія классиковъ—до пяти сотъ и въ типографію департаментскую—болѣе двухъ тысячъ. Хотя я и подалъ записку о своихъ убыткахъ господину министру и послалъ таковую же въ съѣзжій домъ, но не смѣлъ безпокоить перваго, получа недавно отъ него убѣжище временное, и надѣясь получить и постоянное, а отъ полиціи не могъ ожидать скораго и значущаго вспоможенія. Раззоренныхъ такъ много а знающихъ мое прежнее состояніе, мою службу изъ лицъ дѣйствующихъ на В. О., по вспоможенію разоренныхъ такъ мало, или вовсе никого. По сей причинѣ я рѣшился прибѣгнуть къ покровительству высокаго начальника моего, государя цесаревича, коему болѣе двадцати лѣтъ имѣю счастіе быть извѣстнымъ, какъ предсѣдательствующему въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ. Надобно вамъ знать, что, по пребыванію его императорскаго высочества въ Варшавѣ, я каждую недѣлю отправляю, дѣла къ его высочеству чрезъ военно-походную его канцелярію, съ эстафетою, по средамъ.

Среда (ноября 12) наступила. Приготовивъ прочія бумаги къ отсылкѣ, я написалъ къ его императорскому высочеству докладную записку, въ коей кратко изложилъ весь ужасъ моего состоянія. О! еслибы его высочество на сей разъ изволилъ быть въ Санкт-Петербургѣ, я немедленно получилъ бы вспоможеніе, по благодушіе и состраданіе его высочества къ несчастнымъ, безъ сомнѣнія, обратитъ на меня вниманіе и по запискѣ моей. Не ползаніе у ногъ убѣждаетъ великія души, но истина.

Pargе liber, сказалъ я, sine me ibis inurbem и, запечатавши записку, съ прочими бумагами, въ пакетъ, отослалъ въ военно-походную канцелярію. Лети, хартія, омоченная моими и семейства мо-

его слезами! Лети и повѣдай о горестнѣйшемъ положеніи того, который до нынѣ, при всѣхъ непріятностяхъ, подъ сильною защитою высокаго покровителя своего, спокойно въ уединеніи наслаждался бесѣдою музъ, изучалъ таинства природы и благословлялъ десницу, доставившую мнѣ пріютъ—нынѣ разоренный.

Такою поэзіею, можетъ быть и вялою, сопровождалъ я посредницу моихъ чувствованій. Я увѣренъ былъ, что его высочество не оставитъ меня безъ призрѣнія; но, какъ по причинѣ дальняго разстоянія, а можетъ быть и отбытія въ чужіе края государя цесаревича, ходъ дѣла моего долженствовалъ быть медлителенъ, то я принялъ и другую мѣру. Знаменитѣйшій преданностію къ государю императору и къ пользамъ отечества вельможа, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ — первый по великомъ князѣ цесаревичѣ членъ въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ и также членъ въ главномъ комитетѣ, учрежденномъ для вспоможенія разореннымъ. Почему я разсудилъ прибѣгнуть съ просьбою къ его сіятельству и тѣмъ съ большею смѣлостію, что всегда пользовался его ко мнѣ благорасположеніемъ. Опасаясь по слабости здоровья, весьма трудной переправы чрезъ Неву, я послалъ просьбу, надписавъ на пакетѣ: *въ собственныя руки* его сіятельства, — спустя нѣсколько дней по отправленіи записки къ его высочеству.

Поручивъ себя послѣ сего волѣ Божіей и великодушію начальниковъ своихъ, на новой квартирѣ я опять принялся продолжать переводъ Геродота; а ходя въ разоренный домикъ, началъ дѣлать небольшія починки, не терпящія отсрочки, и пересматривать библіотеку, нельзя ли что нибудь изъ нея сберечь.

Переводъ исторіи Геродотовой есть у насъ, но онъ сдѣланъ съ нѣмецкаго языка, котораго впрочемъ я не видалъ, а мой будетъ съ греческаго подлинника, съ примѣчаніями и притомъ, для имѣющихъ нужду въ греческомъ текстѣ, будетъ напечатанъ и съ нимъ, по примѣру прочихъ книгъ моего изданія греческихъ классиковъ. По этому думаю, что вы почтете оный непослишнимъ и небезполезнымъ. Переводъ сей предпринятъ мною по совѣту любителей древней исторіи, а особливо русской, для которой въ Геродотовой исторіи новѣйшими учеными найдены достовѣрнѣйшія свѣдѣнія. Вотъ что пишетъ ко мнѣ о семъ историкѣ знаменитый нашъ антикварій, историкъ и литераторъ, достопочтеннѣйшій іерархъ *Евгеній*, митрополитъ Кіевскій: „Да будетъ воля ваша въ порядкѣ изданія греческихъ классиковъ. Я предлагалъ вамъ Иродота потому, что въ семъ отцѣ исторіи самыя древнѣйшія свѣдѣнія и о нашихъ рус-

его слезами! Лети и повѣдай о горестнѣйшемъ положеніи того, который до нынѣ, при всѣхъ непріятностяхъ, подъ сильною защитою высокаго покровителя своего, спокойно въ уединеніи наслаждался бесѣдою музъ, изучалъ таинства природы и благословлялъ десницу, доставившую мнѣ пріютъ—нынѣ разоренный.

Такою поэзіею, можетъ быть и вялою, сопровождалъ я посредницу моихъ чувствованій. Я увѣренъ былъ, что его высочество не оставитъ меня безъ призрѣнія; но, какъ по причинѣ дальняго разстоянія, а можетъ быть и отбытія въ чужіе края государя цесаревича, ходъ дѣла моего долженствовалъ быть медлителенъ, то я принялъ и другую мѣру. Знаменитѣйшій преданностію къ государю императору и къ пользамъ отечества вельможа, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ — первый по великомъ князѣ цесаревичѣ членъ въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ и также членъ въ главномъ комитетѣ, учрежденномъ для вспоможенія разореннымъ. Почему я разсудилъ прибѣгнуть съ просьбою къ его сіятельству и тѣмъ съ большею смѣлостію, что всегда пользовался его ко мнѣ благорасположеніемъ. Опасаясь по слабости здоровья, весьма трудной переправы чрезъ Неву, я послалъ просьбу, надписавъ на пакетѣ: *въ собственныя руки* его сіятельства, — спустя нѣсколько дней по отправленіи записки къ его высочеству.

Поручивъ себя послѣ сего волѣ Божіей и великодушію начальниковъ своихъ, на новой квартирѣ я опять принялся продолжать переводъ Геродота; а ходя въ разоренный домикъ, началъ дѣлать небольшія починки, не терпящія отсрочки, и пересматривать библіотеку, нельзя ли что нибудь изъ нея сберечь.

Переводъ исторіи Геродотовой есть у насъ, но онъ сдѣланъ съ нѣмецкаго языка, котораго впрочемъ я не видалъ, а мой будетъ съ греческаго подлинника, съ примѣчаніями и притомъ, для имѣющихъ нужду въ греческомъ текстѣ, будетъ напечатанъ и съ нимъ, по примѣру прочихъ книгъ моего изданія греческихъ классиковъ. По этому думаю, что вы почтете оный неизлишнимъ и небезполезнымъ. Переводъ сей предпринятъ мною по совѣту любителей древней исторіи, а особливо русской, для которой въ Геродотовой исторіи новѣйшими учеными найдены достовѣрнѣйшія свѣдѣнія. Вотъ что пишетъ ко мнѣ о семъ историкѣ знаменитый нашъ антикварій, историкъ и литераторъ, достопочтеннѣйшій іерархъ *Евгеній*, митрополитъ Кіевскій: „Да будетъ воля ваша въ порядкѣ изданія греческихъ классиковъ. Я предлагалъ вамъ Іродота потому, что въ семъ отцѣ исторіи самыя древнѣйшія свѣдѣнія и о нашихъ рус-

сихъ краяхъ. Въ проѣздъ мой къ Кіеву, бывши у канцлера въ Гомелѣ, я видѣлъ у него въ листахъ французскую не допечатанную еще въ Парижѣ книгу (не припомню автора), заключающую въ себѣ прелюбопытныя толкованія на Иродотово повѣствованіе о сѣверныхъ краяхъ. Авторъ весьма хорошо доказываетъ, что Иродотъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ описалъ сіи края; поправляетъ Ив. Потоцкаго и другихъ нашихъ писцовъ, запмствовавшихъ изъ Иродота сѣверныя повѣствованія, но не понявшихъ его текста. Съ такими-то примѣчаніями надобно быть и на русскомъ языкѣ Иродоту Нартова нѣмецкій Продотъ никуда не годится.“ Авторъ, коего архипастырь не припомнилъ, пишучи ко мнѣ, есть нынѣшній французскій эллинистъ *Гель* (Gail). Я читалъ эту книгу по порученію графа Николая Петровича Румянцова, чтобъ сказать мнѣніе свое, заслуживаетъ ли она быть переведенною на русскій языкъ. Донынѣ вышло ея двѣ части порядочной толщины in-octavo. По отзывѣ моемъ, что весьма полезно было бы сіе твореніе на русскомъ языкѣ, его сіятельство предлагалъ мнѣ перевести его, такъ какъ въ ономъ весьма много греческаго текста, но, къ сожалѣнію, я не могъ взять на себя трудъ сей, неся уже на себѣ довольно тяжелое бремя. Впрочемъ, не премину воспользоваться симъ, какъ и другими иностранными толковниками, когда буду писать примѣчанія на Геродота. Историка сего перевожу я съ изданія *Швейгаузера*, почитаемаго наилучшимъ. Я получилъ его отъ Михаила Михайловича Сперанскаго.

Какъ часть, содержащая въ себѣ примѣчанія на ту часть Геродота, которую я переводилъ до наводненія, лежала съ прочими книгами въ библіотекѣ и слѣдовательно, подвержена была общей ихъ участи, то первымъ моимъ стараніемъ было отыскать ее, равно и другія книги его, чтобъ увѣдомить хозяина о состояніи оныхъ. Нашлось, что другія изъ его книгъ, хотя были въ водѣ, но легко можно было посберечь ихъ просушкою. Что же касается до упомянутой части примѣчаній, она совершенно испорчена. Я поспѣшилъ отписать о томъ М. М-чу, вмѣстѣ съ изложеніемъ моего разореннаго состоянія, о коемъ, по чрезвычайнымъ моимъ заботамъ по наводненіи, не могъ еще дать ему знать; наипаче же въ сей медленности участвовало то, что я хотѣлъ лично пересказать ему обо всемъ.

Вы увидите, какихъ слѣдствій была причиною моя записка къ нему. На другой день по отправленіи ея, какъ ни слабъ я былъ здоровьемъ, пошелъ къ нему и засталъ его, за чѣмъ? думали бы

сихъ краяхъ. Въ проѣздъ мой къ Кіеву, бывши у канцлера въ Гомелѣ, я видѣлъ у него въ листахъ французскую не допечатанную еще въ Парижѣ книгу (не припомню автора), заключающую въ себѣ прелюбопытныя толкованія на Иродотово повѣствованіе о сѣверныхъ краяхъ. Авторъ весьма хорошо доказываетъ, что Иродотъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ описалъ сіи края; поправляетъ Ив. Потоцкаго и другихъ нашихъ писцовъ, запмствовавшихъ изъ Иродота сѣверныя повѣствованія, но не понявшихъ его текста. Съ такими-то примѣчаніями надобно быть и на русскомъ языкѣ Иродоту Нартова нѣмецкій Иродотъ никуда не годится.“ Авторъ, коего архипастырь не припомнилъ, пишучи ко мнѣ, есть нынѣшній французскій эллинистъ *Гель* (Gail). Я читалъ эту книгу по препорученію графа Николая Петровича Румянцова, чтобъ сказать мнѣніе свое, заслуживаетъ ли она быть переведенною на русскій языкъ. Донынѣ вышло ея двѣ части порядочной толщины in-octavo. По отзывѣ моемъ, что весьма полезно было бы сіе твореніе на русскомъ языкѣ, его сіятельство предлагалъ мнѣ перевести его, такъ какъ въ ономъ весьма много греческаго текста, но, къ сожалѣнію, я не могъ взять на себя трудъ сей, неся уже на себѣ довольно тяжелое бремя. Впрочемъ, не премину воспользоваться симъ, какъ и другими иностранными толковниками, когда буду писать примѣчанія на Геродота. Историка сего перевожу я съ изданія *Швейгаейзера*, почитаемаго наилучшимъ. Я получилъ его отъ Михаила Михаиловича Сперанскаго.

Какъ часть, содержащая въ себѣ примѣчанія на ту часть Геродота, которую я переводилъ до наводненія, лежала съ прочими книгами въ библіотекѣ и слѣдовательно, подвержена была общей ихъ участи, то первымъ моимъ стараніемъ было отыскать ее, равно и другія книги его, чтобъ увѣдомить хозяина о состояніи оныхъ. Нашлось, что другія изъ его книгъ, хотя были въ водѣ, но легко можно было посберечь ихъ просушкою. Что же касается до упомянутой части примѣчаній, она совершенно испорчена. Я поспѣшилъ отписать о томъ М. М-чу, вмѣстѣ съ изложеніемъ моего разореннаго состоянія, о коемъ, по чрезвычайнымъ моимъ заботамъ по наводненіи, не могъ еще дать ему знать; наипаче же въ сей медленности участвовало то, что я хотѣлъ лично пересказать ему обо всемъ.

Вы увидите, какихъ слѣдствій была причиною моя записка къ нему. На другой день по отправленіи ея, какъ ни слабъ я былъ здоровьемъ, пошелъ къ нему и засталъ его, за чѣмъ? думали бы

вы.—Онъ писалъ подробную записку о горестной моей участи графу Алексѣю Андреевичу. Я сказалъ ему, что я послалъ къ его сіятельству проспительное письмо, объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго воззрѣнія на мое бѣдственное состояніе. М. М. сказалъ мнѣ, что о томъ же пишетъ; но какъ мнѣ нужно, между тѣмъ, скорѣе вспоможеніе, то онъ проситъ графа исходатайствовать оное отъ главнаго комитета, учрежденнаго для вспоможенія разореннымъ и для того, спрося меня, подробно ли я въ своей просьбѣ изложилъ убытки свои и на отвѣтъ мой, что не совсѣмъ подробно, совѣтовалъ мнѣ подать его сіятельству подробную опись всему, съ показаніемъ цѣны потери. М. М., притомъ, сказалъ, что онъ сегодня же будетъ говорить и предсѣдателю комитета кн. А. Б. Куракину. О книгахъ же его я не безпокоился бы: онѣ ему не нужны. Когда симъ подалъ онъ мнѣ случай вспомнить и о порчѣ важнѣйшихъ изъ моихъ книгъ, въ томъ числѣ и объ *Энциклопедіи*, то онъ предложилъ мнѣ свою и вообще всячески старался утѣшить меня. При разставаніи со мною, присовокупилъ онъ, чтобы я навѣдывался у него о ходѣ моего дѣла, какъ можно чаще и если когда не застану его по утрамъ, приходилъ бы къ обѣду, такъ какъ онъ обѣдаетъ всегда дома; равнымъ образомъ, увѣдомлялъ бы его и о томъ, что мною будетъ сдѣлано. Столь искреннѣйшее, дѣятельнѣйшее участіе чрезвычайно растрогало меня.

Таковъ-то, любезный другъ, плодъ общественнаго воспитанія! Кто можетъ лучше знать, заслуживаемъ ли мы какое уваженіе и любовь въ счастіи, а состраданіе, во время несчастія, какъ не тѣ, коихъ душевныя чувствованія и силы цвѣли юностію, зрѣли вмѣстѣ съ нашими? Кто можетъ искреннѣе сожалѣть о насъ, усерднѣе заботиться о поданіи намъ помощи, какъ не тѣ, къ кому приверженность изъ дома воспитанія вынесли мы въ свѣтъ и при всѣхъ возвышеніяхъ, или понижсніяхъ, при всѣхъ переворотахъ въ жизни храпимъ оную свято, подобно якорю драгоцѣнному по своей пользѣ, и въ тихое, и въ бурное время.

Пришедши отъ М. М. домой, я тотчасъ занялся составленіемъ подробной описи истребленному и испорченному имуществу моему, чтобъ представить ее, при запискѣ, графу Алексѣю Андреевичу.

Этого довольно на сей разъ о собственныхъ моихъ обстоятельствахъ; прочтите нѣсколько того, что не до меня относится,— видѣннаго мною, или слышаннаго. *По слышанное мною* заслуживаетъ такую же вѣру, какъ и видѣнное; не такую, каковую большая часть *слышаннаго* Геродотомъ.

вы.—Онъ писалъ подробную записку о горестной моей участи графу Алексѣю Андреевичу. Я сказалъ ему, что я послалъ къ его сіятельству проспительное письмо, объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго воззрѣнія на мое бѣдственное состояніе. М. М. сказалъ мнѣ, что о томъ же пишетъ; но какъ мнѣ нужно, между тѣмъ, скорѣе вспоможеніе, то онъ проситъ графа исходатайствовать оное отъ главнаго комитета, учрежденнаго для вспоможенія разореннымъ и для того, спрося меня, подробно ли я въ своей просьбѣ изложилъ убытки свои и на отвѣтъ мой, что не совсѣмъ подробно, совѣтовалъ мнѣ подать его сіятельству подробную опись всему, съ показаніемъ цѣны потери. М. М., притомъ, сказалъ, что онъ сегодня же будетъ говорить и предсѣдателю комитета кн. А. Б. Куракину. О книгахъ же его я не безпокоился бы: онѣ ему не нужны. Когда симъ подалъ онъ мнѣ случай вспомнить и о порчѣ важнѣйшихъ изъ моихъ книгъ, въ томъ числѣ и объ *Энциклопедіи*, то онъ предложилъ мнѣ свою и вообще всячески старался утѣшить меня. При разставаніи со мною, присовокупилъ онъ, чтобы я навѣдывался у него о ходѣ моего дѣла, какъ можно чаще и если когда не застану его по утрамъ, приходилъ бы къ обѣду, такъ какъ онъ обѣдаетъ всегда дома; равнымъ образомъ, увѣдомлялъ бы его и о томъ, что мною будетъ сдѣлано. Столь искреннѣйшее, дѣятельнѣйшее участіе чрезвычайно растрогало меня.

Таковъ-то, любезный другъ, плодъ общественнаго воспитанія! Кто можетъ лучше знать, заслуживаемъ ли мы какое уваженіе и любовь въ счастіи, а состраданіе, во время несчастія, какъ не тѣ, коихъ душевныя чувствованія и силы цвѣли юностію, зрѣли вмѣстѣ съ нашими? Кто можетъ искреннѣе сожалѣть о насъ, усерднѣе заботиться о поданіи намъ помощи, какъ не тѣ, къ кому приверженность изъ дома воспитанія вынесли мы въ свѣтъ и при всѣхъ возвышеніяхъ, или понижсніяхъ, при всѣхъ переворотахъ въ жизни храпимъ оную свято, подобно якорю драгоцѣнному по своей пользѣ, и въ тихое, и въ бурное время.

Пришедши отъ М. М. домой, я тотчасъ занялся составленіемъ подробной описи истребленному и испорченному имуществу моему, чтобъ представить ее, при запискѣ, графу Алексѣю Андреевичу.

Этого довольно на сей разъ о собственныхъ моихъ обстоятельствахъ; прочтите нѣсколько того, что не до меня относится,— видѣннаго мною, или слышаннаго. *По слышанное мною* заслуживаетъ такую же вѣру, какъ и видѣнное; не такую, каковую большая часть *слышаннаго* Геродотомъ.

Между хлопотами своими, выбралъ я время побывать и въ Галерной гавани. Это мѣсто и при посредственныхъ наводненіяхъ довольно терпитъ; чтожъ сказать о бѣдствіяхъ, причиненныхъ въ ономъ 7-го ноября? Домики, стоящіе въ нѣсколькихъ линіяхъ, по краямъ Смоленскаго поля, остались на мѣстѣ; только заборы, мостки и службы снесены водою, и одинъ домикъ остановился на самомъ полѣ. Но чѣмъ ближе идешь ко взморью, тѣмъ болѣе раскрывается плачевнѣйшее позорище. Какія горы разного лѣсу, отовсюду нанесеннаго! И между ними-же видишь *группу* строеній, отторгнутыхъ отъ своихъ основаній и сѣвшихъ на землѣ какъ попало: бокомъ, или торчмя; у оставшихся на мѣстѣ домовъ, то сорвана крыша, то оторвана половина, или уголъ дома, и между ними остановились Кронштадскія и другія разной величины суда; одно изъ большихъ судовъ стоитъ у самой церкви, въ коей окны и стѣны переломаны! А бѣдные жители! бѣдные жители!..... Нѣтъ въ человѣкѣ столько терпѣнія, нѣтъ столько способностей, чтобы каждую черту страданія и ужаса означить съ надлежащею точностію, но нѣтъ столько и терпѣнія, чтобы читать изображеніе подобнаго злополучія! Въ этотъ день привезли при мнѣ нѣсколько возовъ ржанаго хлѣба, и привезшій раздавалъ каждому, кто только могъ достать, по цѣлому хлѣбу. Видъ, раздирающій на части сердце зрителя! хлѣбъ сей есть даръ отъ военнаго генералъ-губернатора; такъ мнѣ сказали.

Кстати сказать вамъ, о мѣрѣ другаго рода, принятой состраданіемъ, о коей едва не забылъ было я написать вамъ, хотя теперь я всякой день свидѣтель оной. Въ главномъ биржевомъ зданіи, почти съ перваго дня наводненія, нѣсколько сотъ (400) разоренныхъ ежедневно кормятся обѣдомъ, на счетъ купечества; въ семъ же залѣ живетъ сихъ несчастныхъ столько, сколько позволяетъ мѣсто. Многіе помѣщены въ казенныхъ домахъ, казармахъ въ домахъ обывательскихъ; многимъ раздаются шубы и другая одежда. Всѣ мѣры принимаются для облегченія участи несчастныхъ. Нельзя надивиться любви къ ближнему въ добромъ русскомъ народѣ. Ежедневно слышишь множество анекдотовъ, достойныхъ памяти человѣчества. Мать, лишась пріюта, въ Коломнѣ, бѣжитъ въ водѣ съ малолѣтнею, едва начавшею лепетать дочерью; быстро прибываетъ вода по улицамъ; мать не находитъ возможности къ спасенію жизни дочери, а о своей уже не мыслитъ; вдругъ видитъ позади себя солдатъ. Она бросаетъ къ нимъ черезъ голову свое дѣтище и сама утопаетъ. Одинъ изъ служивыхъ подхватываетъ ребен-

Между хлопотами своими, выбралъ я время побывать и въ Галерной гавани. Это мѣсто и при посредственныхъ наводненіяхъ довольно терпитъ; чтожъ сказать о бѣдствіяхъ, причиненныхъ въ ономъ 7-го ноября? Домики, стоящіе въ нѣсколькихъ линіяхъ, по краямъ Смоленскаго поля, остались на мѣстѣ; только заборы, мостки и службы снесены водою, и одинъ домикъ остановился на самомъ полѣ. Но чѣмъ ближе идешь ко взморью, тѣмъ болѣе раскрывается плачевнѣйшее позорище. Какія горы разного лѣсу, отовсюду нанесеннаго! И между ними-же видишь *группу* строеній, отторгнутыхъ отъ своихъ основаній и сѣвшихъ на землѣ какъ попало: бокомъ, или торчмя; у оставшихся на мѣстѣ домовъ, то сорвана крыша, то оторвана половина, или уголъ дома, и между ними остановились Кронштадскія и другія разной величины суда; одно изъ большихъ судовъ стоитъ у самой церкви, въ коей окны и стѣны переломаны! А бѣдные жители! бѣдные жители!..... Нѣтъ въ человѣкѣ столько терпѣнія, нѣтъ столько способностей, чтобы каждую черту страданія и ужаса означить съ надлежащею точностію, но нѣтъ столько и терпѣнія, чтобы читать изображеніе подобнаго злополучія! Въ этотъ день привезли при мнѣ нѣсколько возовъ ржанаго хлѣба, и привезшій раздавалъ каждому, кто только могъ достать, по цѣлому хлѣбу. Видъ, раздирающій на части сердце зрителя! хлѣбъ сей есть даръ отъ военнаго генералъ-губернатора; такъ мнѣ сказали.

Кстати сказать вамъ, о мѣрѣ другаго рода, принятой состраданіемъ, о коей едва не забылъ было я написать вамъ, хотя теперь я всякой день свидѣтель оной. Въ главномъ биржевомъ зданіи, почти съ перваго дня наводненія, нѣсколько сотъ (400) разоренныхъ ежедневно кормятся обѣдомъ, на счетъ купечества; въ семъ же залѣ живетъ сихъ несчастныхъ столько, сколько позволяетъ мѣсто. Многіе помѣщены въ казенныхъ домахъ, казармахъ въ домахъ обывательскихъ; многимъ раздаются шубы и другая одежда. Всѣ мѣры принимаются для облегченія участи несчастныхъ. Нельзя надивиться любви къ ближнему въ добромъ русскомъ народѣ. Ежедневно слышишь множество анекдотовъ, достойныхъ памяти человѣчества. Мать, лишась пріюта, въ Коломнѣ, бѣжитъ въ водѣ съ малолѣтнею, едва начавшею лепетать дочерью; быстро прибываетъ вода по улицамъ; мать не находитъ возможности къ спасенію жизни дочери, а о своей уже не мыслитъ; вдругъ видитъ позади себя солдатъ. Она бросаетъ къ нимъ черезъ голову свое дѣтище и сама утопаетъ. Одинъ изъ служивыхъ подхватываетъ ребен-

ка и, не видя уже матери, не знаетъ, что дѣлать съ нимъ. Другой служивый беретъ дѣвочку къ себѣ и принимаетъ вмѣсто дочери. Изумленное дитя, сказываютъ, недѣли двѣ дико вокругъ себя посматривало, не произнося ни слова и безъ всякаго крику. Къ одному обывателю Выборгской стороны принесло водою въ пустомъ сахарномъ ящикѣ груднаго младенца. Въ первое утро послѣ наводненія услышали подъ окошкомъ дѣтскій крикъ; идутъ къ мѣсту, откуда слышится крикъ и находятъ дитя — оно улыбается! Хозяинъ дома принимаетъ на себя воспитаніе дитяти. Купечество и другихъ званій, достаточные люди, ходятъ по улицамъ и раздаютъ деньги, не копѣйками, но рублями, десятками рублей и пр.

Много могъ бы я вамъ передать событій для вашего любопытства, но надобно поберечь вашу чувствительность: всѣ они не забавнаго содержанія. Даже и *сигъ*, заплывшій въ подвалъ императорской публичной библіотеки не можетъ потѣшить при общемъ бѣдствіи. Какому сердцу должно быть въ груди того, кто въ воображеніи своемъ рисуетъ каррикатуру изъ спасающихъ жизнь свою, плывучи въ чанѣ, или ухватясь въ домишкѣ своемъ за гвоздь, или другое что и вися въ водѣ во все время наводненія, или привязавъ себя въ церкви къ стѣнѣ веревкою *) дабы, когда должно будетъ ему утонуть, то, по крайней мѣрѣ, не унесло бы его трупа безъ вѣсти, такъ какъ это и дѣйствительно съ другими случилось. Къ одному англичанину принесло водою гробъ, изъ земли даже вырытый, его пріятеля, котораго похоронилъ онъ за два дня до наводненія. Еще недавно была отъ полиціи подписка, кто изъ обывателей, или жильцовъ ихъ нашелъ гробъ съ непогребеннымъ еще покойникомъ, унесенный со Смоленскаго кладбища и представитъ его, тому дано будетъ 500 рублей.

Я хотѣлъ поберечь вашу чувствительность, но опять раздражаю ее. Прощайте.

Декабря 17 дня,
1824 года.

ПИСЬМО VI.

Недавно прибылъ сюда изъ Лондона иностранецъ А. Леманъ съ большимъ звѣринцемъ, состоящимъ изъ самыхъ рѣдкихъ животныхъ: дикихъ звѣрей, достойнѣйшихъ примѣчанія птицъ и даже

*) Это сдѣлалъ съ собою армянскій священникъ на армянскомъ кладбищѣ.

ка и, не видя уже матери, не знаетъ, что дѣлать съ нимъ. Другой служивый беретъ дѣвочку къ себѣ и принимаетъ вмѣсто дочери. Изумленное дитя, сказываютъ, недѣли двѣ дико вокругъ себя посматривало, не произнося ни слова и безъ всякаго крику. Къ одному обывателю Выборгской стороны принесло водою въ пустомъ сахарномъ ящикѣ груднаго младенца. Въ первое утро послѣ наводненія услышали подъ окошкомъ дѣтскій крикъ; идутъ къ мѣсту, откуда слышится крикъ и находятъ дитя — оно улыбается! Хозяинъ дома принимаетъ на себя воспитаніе дитяти. Купечество и другихъ званій, достаточные люди, ходятъ по улицамъ и раздаютъ деньги, не копѣйками, но рублями, десятками рублей и пр.

Много могъ бы я вамъ передать событій для вашего любопытства, но надобно поберечь вашу чувствительность: всѣ они не забавнаго содержанія. Даже и *сигъ*, заплывшій въ подвалъ императорской публичной библіотеки не можетъ потѣшить при общемъ бѣдствіи. Какому сердцу должно быть въ груди того, кто въ воображеніи своемъ рисуетъ каррикатуру изъ спасающихъ жизнь свою, плывучи въ чанѣ, или ухватясь въ домишкѣ своемъ за гвоздь, или другое что и вися въ водѣ во все время наводненія, или привязавъ себя въ церкви къ стѣнѣ веревкою *) дабы, когда должно будетъ ему утонуть, то, по крайней мѣрѣ, не унесло бы его трупа безъ вѣсти, такъ какъ это и дѣйствительно съ другими случилось. Къ одному англичанину принесло водою гробъ, изъ земли даже вырытый, его пріятеля, котораго похоронилъ онъ за два дня до наводненія. Еще недавно была отъ полиціи подписка, кто изъ обывателей, или жильцовъ ихъ нашелъ гробъ съ непогребеннымъ еще покойникомъ, унесенный со Смоленскаго кладбища и представитъ его, тому дано будетъ 500 рублей.

Я хотѣлъ поберечь вашу чувствительность, но опять раздражаю ее. Прощайте.

Декабря 17 дня,
1824 года.

ПИСЬМО VI.

Недавно прибылъ сюда изъ Лондона иностранецъ А. Леманъ съ большимъ звѣринцемъ, состоящимъ изъ самыхъ рѣдкихъ животныхъ: дикихъ звѣрей, достойнѣйшихъ примѣчанія птицъ и даже

*) Это сдѣлалъ съ собою армянскій священникъ на армянскомъ кладбищѣ.

пресмыкающихся, собранныхъ изъ пяти частей свѣта. Звѣринецъ этотъ составляютъ, *звѣри четвероногіе:* 1) *молодой левъ* изъ Африки и изъ степей Сары, имѣющій отъ роду полтора года; 2) *Американскій тигръ*, или *пантеръ;* 3) *леопардъ* изъ Цейлона; 4) полосатая *гіена* изъ Варваріи; 5) *бѣлый морской медвѣдь* изъ Шпицбергена; 6) *антилопа* изъ Спріи, подъ именемъ гацели; 7) *шакала;* 8) *черный цибетъ* изъ Мадагаскара; 9) *ямайскій медвѣдь*, или *енотъ* изъ Сѣверной Америки. *Обезьяны:* 10) *павіанъ* изъ Мыса Доброй Надежды; 11) *маготъ* изъ Тартаріи; 12) *эретъ* изъ морскихъ береговъ Алжира; 13) *квайта*, или *плачущій дьяволъ*; *эму* весьма рѣдкая и красивая порода страуса. Она заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ по тому, что вмѣсто перьевъ покрыта нѣкотораго рода волосами, такъ и потому, что отъ природы не имѣетъ крыльевъ. Я слышалъ голосъ ея: онъ нѣсколько походитъ на хрюканье свиней и раздается надъ зобомъ ея, безъ раскрытія, впрочемъ, рта. Хозяинъ сказывалъ, что лапы у нея имѣютъ такую же силу, какъ лошадиныя ноги. Одинъ изъ прекрасныхъ попугаевъ, слѣзши съ шестка своего на полъ, подошелъ ко мнѣ и удостоилъ меня своимъ разговоромъ, котораго я не понималъ. Кажется, онъ изволилъ гнать меня прочь, ибо, растопыривъ нѣсколько крылья, сталъ клювомъ дергать за подолъ шубы моей, вѣроятно, потому, что я въ птичьей комнатѣ оставался долго и притомъ одинъ. Другія птицы также что-то поговаривали. Но всѣхъ животныхъ любопытнѣе змѣя *удавъ*. Ужаснѣйшая сія гадина есть единственная, которая была когда либо видѣна въ Европѣ. Длиною она — двадцать футовъ. Сила ея столь велика, что въ отечествѣ своемъ, безъ малѣйшей трудности, умерщвляетъ барсовъ, буйволовъ, даже самихъ тигровъ; съ корнемъ вырываетъ высочайшія деревья и все ломаетъ въ дребезги, что ей встрѣтится упорнаго. Но она такъ ручна, что не только дамы, но и дѣти безъ опасности подойти и обнять ее могутъ. Такъ объявилъ хозяинъ ея. Не смотря на то, страшный и отвратительный видъ ея такъ испугалъ меня, что я не вдругъ рѣшился подойти къ ней. Хозяинъ пошелъ впередъ, а я за нимъ. Она лежитъ сверху длиннаго четыреугольнаго, желѣзнаго, на подобіе стола сдѣланнаго и покрытаго сосуда, наполненнаго теплою водою,—вся закрытая одѣяломъ, выключая головы. Когда я подходилъ къ ней, одѣяло сняли, а по отходѣ моемъ, опять закрыли ее. Она пестра и цвѣтомъ много походитъ на щуку, лежитъ брюхомъ къ сосуду плотно и плоско; ширины, въ пространнѣйшемъ мѣстѣ ея тѣла, менѣе полуфута, не шевелится почти ни-

пресмыкающихся, собранныхъ изъ пяти частей свѣта. Звѣринецъ этотъ составляютъ, *звѣри четвероногіе:* 1) *молодой левъ* изъ Африки и изъ степей Сары, имѣющій отъ роду полтора года; 2) *Американскій тигръ*, или *пантеръ;* 3) *леопардъ* изъ Цейлона; 4) полосатая *гіена* изъ Варваріи; 5) *бѣлый морской медвѣдь* изъ Шпицбергена; 6) *антилопа* изъ Спріи, подъ именемъ гацели; 7) *шакала;* 8) *черный цибетъ* изъ Мадагаскара; 9) *ямайскій медвѣдь*, или *енотъ* изъ Сѣверной Америки. *Обезьяны:* 10) *павіанъ* изъ Мыса Доброй Надежды; 11) *маготъ* изъ Тартаріи; 12) *эретъ* изъ морскихъ береговъ Алжира; 13) *квайта*, или *плачущій дьяволъ*; *эму* весьма рѣдкая и красивая порода страуса. Она заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ по тому, что вмѣсто перьевъ покрыта нѣкотораго рода волосами, такъ и потому, что отъ природы не имѣетъ крыльевъ. Я слышалъ голосъ ея: онъ нѣсколько походитъ на хрюканье свиней и раздается надъ зобомъ ея, безъ раскрытія, впрочемъ, рта. Хозяинъ сказывалъ, что лапы у нея имѣютъ такую же силу, какъ лошадиныя ноги. Одинъ изъ прекрасныхъ попугаевъ, слѣзши съ шестка своего на полъ, подошелъ ко мнѣ и удостоилъ меня своимъ разговоромъ, котораго я не понималъ. Кажется, онъ изволилъ гнать меня прочь, ибо, растопыривъ нѣсколько крылья, сталъ клювомъ дергать за подолъ шубы моей, вѣроятно, потому, что я въ птичьей комнатѣ оставался долго и притомъ одинъ. Другія птицы также что-то поговаривали. Но всѣхъ животныхъ любопытнѣе змѣя *удавъ*. Ужаснѣйшая сія гадина есть единственная, которая была когда либо видѣна въ Европѣ. Длиною она — двадцать футовъ. Сила ея столь велика, что въ отечествѣ своемъ, безъ малѣйшей трудности, умерщвляетъ барсовъ, буйволовъ, даже самихъ тигровъ; съ корнемъ вырываетъ высочайшія деревья и все ломаетъ въ дребезги, что ей встрѣтится упорнаго. Но она такъ ручна, что не только дамы, но и дѣти безъ опасности подойти и обнять ее могутъ. Такъ объявилъ хозяинъ ея. Не смотря на то, страшный и отвратительный видъ ея такъ испугалъ меня, что я не вдругъ рѣшился подойти къ ней. Хозяинъ пошелъ впередъ, а я за нимъ. Она лежитъ сверху длиннаго четыреугольнаго, желѣзнаго, на подобіе стола сдѣланнаго и покрытаго сосуда, наполненнаго теплою водою,—вся закрытая одѣяломъ, выключая головы. Когда я подходилъ къ ней, одѣяло сняли, а по отходѣ моемъ, опять закрыли ее. Она пестра и цвѣтомъ много походитъ на щуку, лежитъ брюхомъ къ сосуду плотно и плоско; ширины, въ пространнѣйшемъ мѣстѣ ея тѣла, менѣе полуфута, не шевелится почти ни-

сколько, изрѣдка только показываетъ жало. Кормятъ ее черезъ полгода одинъ разъ, а иногда и долѣе она бываетъ безъ корму. По накормленіи, она дѣлается толщиною съ человѣка, съѣдая въ одно мгновеніе чрезвычайно много. Подлѣ удава лежитъ *анаконда*, также большая змѣя, одинакого цвѣта съ первою и также, при ужасности своей, столь ручна, что хозяинъ безопасно можетъ обвить ее около головы, тѣла и рукъ своихъ. Въ этомъ надобно повѣрить хозяину; а видѣть это стороннему не легко согласиться. Сихъ змѣй купаютъ въ день два раза. Съ крокодилами дѣлаютъ тоже. Хозяинъ при мнѣ бралъ всѣхъ ихъ въ руки. Большій изъ нихъ величиною около аршина, а маленькія—съ футъ каждый.

А продолженіе повѣсти о послѣдствіяхъ наводненія? А записка приготовленная къ графу Алексѣю Андреевичу, съ описью разореннаго имущества моего? Хорошо, если вы дѣйствительно такъ спрашиваете. Это значитъ, что я не наскучилъ еще вамъ своими разсказами. Но если напротивъ? Въ такомъ недоумѣніи, лучше-бы дождаться вашего отзыва на первыя письма мои и, узнавши, что вамъ не противно будетъ продолженіе и окончаніе моей исторіи, опять приняться за нее. Но семь тысячъ верстъ скоро-ли перелетятъ мои письма и ваши отвѣты? Между тѣмъ, время дорого, пора приняться за классиковъ прилежнѣе. И такъ, хотя и нехотя, читайте продолженіе моей повѣсти.

Написавъ записку для представленія гр. Ал. А-чу описи истребленному и испорченному имуществу моему, отправился я къ его сіят—ву. Адъютантъ сказалъ мнѣ, что графъ занимается дѣлами, почему, не угодно-ли мнѣ записаться, дабы его сіят—во назначилъ день и часъ, для принятія меня, или если великую нужду имѣю къ нему, объясниться съ статсъ-секретаремъ. Какъ дѣло мое не терпѣло отсрочки, то я предпочелъ послѣднее предложеніе адъютанта, тѣмъ болѣе, что г. статсъ-секретарь Ник. Назар. Муравьевъ издавна знакомъ со мною и весьма расположенъ ко мнѣ. Онъ былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ просвѣщенія, въ бытность мою директоромъ онаго. Какъ хорошо, на черный день, при сильныхъ вельможахъ имѣть посредниками давнихъ пріятелей.

Ник. Наз—чу разсказалъ я все мое горе и онъ принялъ отъ меня пакетъ съ запискою о моихъ убыткахъ, сказавъ, что онъ завтра же (тогда было воскресенье и П. П. былъ дома, а не у графа) представитъ его графу.

Вамъ извѣстно, что А. А. живетъ на Литейной. Ѣдучи къ нему и отъ него я видѣлъ, между прочимъ, два отличнѣйшіе трофея бури

сколько, изрѣдка только показываетъ жало. Кормятъ ее черезъ полгода одинъ разъ, а иногда и долѣе она бываетъ безъ корму. По накормленіи, она дѣлается толщиною съ человѣка, съѣдая въ одно мгновеніе чрезвычайно много. Подлѣ удава лежитъ *анаконда*, также большая змѣя, одинакого цвѣта съ первою и также, при ужасности своей, столь ручна, что хозяинъ безопасно можетъ обвить ее около головы, тѣла и рукъ своихъ. Въ этомъ надобно повѣрить хозяину; а видѣть это стороннему не легко согласиться. Сихъ змѣй купаютъ въ день два раза. Съ крокодилами дѣлаютъ тоже. Хозяинъ при мнѣ бралъ всѣхъ ихъ въ руки. Большій изъ нихъ величиною около аршина, а маленькія—съ футъ каждый.

А продолженіе повѣсти о послѣдствіяхъ наводненія? А записка приготовленная къ графу Алексѣю Андреевичу, съ описью разореннаго имущества моего? Хорошо, если вы дѣйствительно такъ спрашиваете. Это значитъ, что я не наскучилъ еще вамъ своими разсказами. Но если напротивъ? Въ такомъ недоумѣніи, лучше-бы дождаться вашего отзыва на первыя письма мои и, узнавши, что вамъ не противно будетъ продолженіе и окончаніе моей исторіи, опять приняться за нее. Но семь тысячъ верстъ скоро-ли перелетятъ мои письма и ваши отвѣты? Между тѣмъ, время дорого, пора приняться за классиковъ прилежнѣе. И такъ, хотя и нехотя, читайте продолженіе моей повѣсти.

Написавъ записку для представленія гр. Ал. А-чу описи истребленному и испорченному имуществу моему, отправился я къ его сіят—ву. Адъютантъ сказалъ мнѣ, что графъ занимается дѣлами, почему, не угодно-ли мнѣ записаться, дабы его сіят—во назначилъ день и часъ, для принятія меня, или если великую нужду имѣю къ нему, объясниться съ статсъ-секретаремъ. Какъ дѣло мое не терпѣло отсрочки, то я предпочелъ послѣднее предложеніе адъютанта, тѣмъ болѣе, что г. статсъ-секретарь Ник. Назар. Муравьевъ издавна знакомъ со мною и весьма расположенъ ко мнѣ. Онъ былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ просвѣщенія, въ бытность мою директоромъ онаго. Какъ хорошо, на черный день, при сильныхъ вельможахъ имѣть посредниками давнихъ пріятелей.

Ник. Наз — чу разсказалъ я все мое горе и онъ принялъ отъ меня пакетъ съ запискою о моихъ убыткахъ, сказавъ, что онъ завтра же (тогда было воскресенье и П. П. былъ дома, а не у графа) представитъ его графу.

Вамъ извѣстно, что А. А. живетъ на Литейной. Ѣдучи къ нему и отъ него я видѣлъ, между прочимъ, два отличнѣйшіе трофея бури

и наводненія, свирѣпствовавшихъ 7-го ноября: галіотъ остановившійся поперегъ набережной, недалеко отъ Лѣтняго Сада. Носомъ онъ былъ обращенъ къ саду, а кормою къ Петербургской сторонѣ. Другой трофей бури: столѣтнія деревья, насажденныя рукою великаго преобразователя Россіи, въ Лѣтнемъ Саду, лежащія рядомъ съ обнаженными корнями. Перваго рода трофеевъ довольно и на В. О., на разстояніи отъ Тучкова моста до биржи, по берегу Большой Невки, тутъ нѣсколько галіотовъ стояло у стѣнъ домовъ и одинъ изъ нихъ такъ близко, что только пѣшему и то съ трудомъ, было пройти между нимъ и стѣною дома. Послѣдняго рода картины въ общепринѣйшемъ видѣ представляются на Петергофской дорогѣ. Въ Царскомъ Селѣ прекраснѣйшій садъ, безпрестанно украшаемый самимъ государемъ императоромъ, также обезображенъ бурею.

Я не могъ не сдѣлать этой вставки въ разсказѣ своего дѣла. Она такъ достопамятна ужасами своими, что всякая риторика должна простить мнѣ нарушеніе правилъ ея.

Мнѣ слѣдовало бы, по нашему условію съ М. М., навѣдаться не видѣлся-ли онъ съ графомъ; но нѣсколько дней трудная переправа черезъ Неву тому препятствовала.

22 ноября, незнавши, что въ этотъ день назначено быть панихидѣ по утопшимъ 7-го ноября, пошелъ я къ М. М. У Казанской церкви увидѣвъ я чрезвычайный съѣздъ и узналъ, что уже въ соборѣ государь императоръ, вся царская фамилія и вся знать. Заключая изъ сего, что М. М. долженъ быть также въ соборѣ, я не заходилъ къ нему. По въ этотъ же день, послѣ обѣда, получилъ отъ него записку въ слѣдующихъ словахъ: „Я исполнилъ, люб. П. И., долгъ мой и ваше порученіе.—Вамъ должно написать къ Государю въ собственныя руки изложить въ немъ въ самыхъ короткихъ словахъ ваше разсмотреніе, не входя въ подробности. Письмо сіе, по всей вѣроятности, придетъ къ графу А. А., который уже предупрежденъ и радъ душевно дѣйствовать въ вашу пользу".

23-го ноября М. М. сказалъ мнѣ, что вчерашній день въ соборѣ говорилъ онъ съ гр. А. А. о моемъ дѣлѣ. Его сіят—во находитъ нужнымъ, чтобы я подалъ просительное письмо государю императору, надписавъ на пакетѣ: *въ собственныя руки*, и какъ, по всей вѣроятности, письмо мое сойдетъ къ графу, то ему тогда удобнѣе будетъ доложить обо мнѣ. Письмо должно быть самое короткое, такъ какъ у графа всѣ справки есть уже о моемъ разсмотреніи. А какъ, между тѣмъ, нужно мнѣ скорое пособіе; то явился

и наводненія, свирѣпствовавшихъ 7-го ноября: галіотъ остановившійся поперегъ набережной, недалеко отъ Лѣтняго Сада. Носомъ онъ былъ обращенъ къ саду, а кормою къ Петербургской сторонѣ. Другой трофей бури: столѣтнія деревья, насажденныя рукою великаго преобразователя Россіи, въ Лѣтнемъ Саду, лежащія рядомъ съ обнаженными корнями. Перваго рода трофеевъ довольно и на В. О., на разстояніи отъ Тучкова моста до биржи, по берегу Большой Невки, тутъ нѣсколько галіотовъ стояло у стѣнъ домовъ и одинъ изъ нихъ такъ близко, что только пѣшему и то съ трудомъ, было пройти между нимъ и стѣною дома. Послѣдняго рода картины въ общепринѣйшемъ видѣ представляются на Петергофской дорогѣ. Въ Царскомъ Селѣ прекраснѣйшій садъ, безпрестанно украшаемый самимъ государемъ императоромъ, также обезображенъ бурею.

Я не могъ не сдѣлать этой вставки въ разсказѣ своего дѣла. Она такъ достопамятна ужасами своими, что всякая риторика должна простить мнѣ нарушеніе правилъ ея.

Мнѣ слѣдовало бы, по нашему условію съ М. М., навѣдаться не видѣлся-ли онъ съ графомъ; но нѣсколько дней трудная переправа черезъ Неву тому препятствовала.

22 ноября, незнавши, что въ этотъ день назначено быть панихидѣ по утопшимъ 7-го ноября, пошелъ я къ М. М. У Казанской церкви увидѣвъ я чрезвычайный съѣздъ и узналъ, что уже въ соборѣ государь императоръ, вся царская фамилія и вся знать. Заключая изъ сего, что М. М. долженъ быть также въ соборѣ, я не заходилъ къ нему. По въ этотъ же день, послѣ обѣда, получилъ отъ него записку въ слѣдующихъ словахъ: „Я исполнилъ, люб. П. И., долгъ мой и ваше порученіе.—Вамъ должно написать къ Государю въ собственныя руки изложить въ немъ въ самыхъ короткихъ словахъ ваше разсужденіе, не входя въ подробности. Письмо сіе, по всей вѣроятности, придетъ къ графу А. А., который уже предупрежденъ и радъ душевно дѣйствовать въ вашу пользу".

23-го ноября М. М. сказалъ мнѣ, что вчерашній день въ соборѣ говорилъ онъ съ гр. А. А. о моемъ дѣлѣ. Его сіят—во находитъ нужнымъ, чтобы я подалъ просительное письмо государю императору, надписавъ на пакетѣ: *въ собственныя руки*, и какъ, по всей вѣроятности, письмо мое сойдетъ къ графу, то ему тогда удобнѣе будетъ доложить обо мнѣ. Письмо должно быть самое короткое, такъ какъ у графа всѣ справки есть уже о моемъ разсужденіи. А какъ, между тѣмъ, нужно мнѣ скорое пособіе; то явился

бы я къ военному губернатору А. Х. Бенкендорфу и просилъ бы его, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ вспоможеніе изъ суммы, находящейся въ его распоряженіи; если же не можетъ сдѣлать, представилъ-бы въ главный комитетъ, гдѣ его сіят –во будетъ за меня ходатайствовать.

Отъ М. М. я тотчасъ пошелъ къ г. Бенкендорфу. Не заставши его дома по утру, явился я къ нему послѣ обѣда. На просьбу мою, г. военный губернаторъ отозвался, что у него сумма въ распоряженіи только для неслужащихъ чиновниковъ и разночинцевъ; входить въ комитетъ съ представленіемъ обо мнѣ, превышаетъ его власть. Вы сами можете просить комитетъ, сказалъ онъ мнѣ и изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ быть мнѣ полезнымъ.

На другой день, опасаясь переѣзжать черезъ Неву, о неудачѣ своей просьбы у А. Х., я отписалъ къ М. М. На записку мою отвѣчалъ онъ, чтобы я написалъ просьбу въ главный комитетъ, учрежденный для вспоможенія раззореннымъ и прислалъ бы ее къ нему. Написавши просьбу, въ тоже время я послалъ ее немедленно къ М. М. Это было ноября 24-го; въ этотъ-же день ходилъ я съ просительнымъ письмомъ, на высочайшее имя государя императора, написаннымъ къ г. статсъ-секретарю Петру Андреевичу Кикину и подалъ ему онос. Письмо заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Общее несчастіе, постигшее Васильевскій островъ, раззорило мой домикъ, устроенный милостями вашего императорскаго величества, изданіемъ книгъ и трудами моими. Лишась всѣхъ способовъ сколько нибудь исправить оный, прибѣгаю къ щедротамъ вашего величества“.

П. А., зная меня по вольно экономическому обществу, въ коемъ, какъ членъ, я познакомился съ нимъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, не могъ не желать мнѣ добра, не только какъ раззоренному, но и какъ довольно извѣстному ему лицу. Посмотрѣвши на пакетъ, онъ сказалъ мнѣ, что напрасно надписалъ я: *въ собственныя руки.* Безъ этой надписи онъ могъ бы тотчасъ отправить мою просбу въ главный комитетъ. Я сказалъ ему причину сей надписи, и онъ объявилъ, что пакетъ немедленно дойдетъ до рукъ его величества; но куда повелѣно будетъ препроводить его, напередъ отгадать не можно.

Вотъ сколько закинулъ мрежей! Посмотримъ, что выдетъ изъ этого.

За неудобною переправою черезъ Неву, нѣсколько дней не могъ я видѣться съ М. М., по лишь только представилась къ тому воз-

бы я къ военному губернатору А. Х. Бенкендорфу и просилъ бы его, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ вспоможеніе изъ суммы, находящейся въ его распоряженіи; если же не можетъ сдѣлать, представилъ-бы въ главный комитетъ, гдѣ его сіят –во будетъ за меня ходатайствовать.

Отъ М. М. я тотчасъ пошелъ къ г. Бенкендорфу. Не заставши его дома по утру, явился я къ нему послѣ обѣда. На просьбу мою, г. военный губернаторъ отозвался, что у него сумма въ распоряженіи только для неслужащихъ чиновниковъ и разночинцевъ; входить въ комитетъ съ представленіемъ обо мнѣ, превышаетъ его власть. Вы сами можете просить комитетъ, сказалъ онъ мнѣ и изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ быть мнѣ полезнымъ.

На другой день, опасаясь переѣзжать черезъ Неву, о неудачѣ своей просьбы у А. Х., я отписалъ къ М. М. На записку мою отвѣчалъ онъ, чтобы я написалъ просьбу въ главный комитетъ, учрежденный для вспоможенія раззореннымъ и прислалъ бы ее къ нему. Написавши просьбу, въ тоже время я послалъ ее немедленно къ М. М. Это было ноября 24-го; въ этотъ-же день ходилъ я съ просительнымъ письмомъ, на высочайшее имя государя императора, написаннымъ къ г. статсъ-секретарю Петру Андреевичу Кикину и подалъ ему онос. Письмо заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Общее несчастіе, постигшее Васильевскій островъ, раззорило мой домикъ, устроенный милостями вашего императорскаго величества, изданіемъ книгъ и трудами моими. Лишась всѣхъ способовъ сколько нибудь исправить оный, прибѣгаю къ щедротамъ вашего величества“.

П. А., зная меня по вольно экономическому обществу, въ коемъ, какъ членъ, я познакомился съ нимъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, не могъ не желать мнѣ добра, не только какъ раззоренному, но и какъ довольно извѣстному ему лицу. Посмотрѣвши на пакетъ, онъ сказалъ мнѣ, что напрасно надписалъ я: *въ собственныя руки.* Безъ этой надписи онъ могъ бы тотчасъ отправить мою просбу въ главный комитетъ. Я сказалъ ему причину сей надписи, и онъ объявилъ, что пакетъ немедленно дойдетъ до рукъ его величества; но куда повелѣно будетъ препроводить его, напередъ отгадать не можно.

Вотъ сколько закинулъ мрежей! Посмотримъ, что выдетъ изъ этого.

За неудобною переправою черезъ Неву, нѣсколько дней не могъ я видѣться съ М. М., но лишь только представилась къ тому воз-

можность, пошелъ къ нему, и услышалъ отъ него, что въ комитетѣ было разсужденіе по моей просьбѣ и найдено, что я, какъ чиновникъ, состоящій въ службѣ, не подхожу подъ правила комитета. По сему гр. А. А. изволилъ отозваться, что онъ о вознагражденіи моихъ убытковъ доложитъ государю императору; а графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ принялъ на себя сдѣлать въ моемъ домѣ всѣ починки. Надежда зарумянилась! Много обѣщаетъ хорошаго. М. М. сказалъ мнѣ, чтобы я тотчасъ сходилъ къ гр. М. А. и, поблагодаря за принятое имъ въ дѣлѣ моемъ участіе, просилъ бы о дальнѣйшемъ распоряженіи по его обѣщанію; а отъ графа опять зашелъ-бы къ нему сказать, какія мѣры его сіят—во принимаетъ. Это было 30-го ноября, въ воскресенье. Явясь въ домъ графа, я встрѣченъ былъ словами, что е. с. сегодня никого не принимаетъ. Несмотря на то, я остался въ пріемной залѣ и просилъ указать мнѣ правителя канцеляріи. Мнѣ сказали, что его тутъ нѣтъ, а скоро будетъ. Я дождался правителя канцеляріи; подхожу къ нему, объявляю свой чинъ и фамилію. Любезный Дмитрій Прокофьевичъ Познякъ, д. с. совѣтникъ, коего не имѣлъ я чести знать лично, принимаетъ меня со всею вѣжливостію и ласкою, приличными благовоспитанному человѣку, выслушиваетъ меня и ведетъ въ канцелярію, чтобъ съ большею точностію дать мнѣ знать о мѣрахъ, принятыхъ графомъ въ мою пользу. Открылось, что е. с. уже третій день какъ писалъ къ г-ну военному губернатору Вас. Ос—ва, чтобы онъ поручилъ архитектору освидѣтельствовать мой домъ и представить смѣту, что будутъ стоить починки. Д. П. совѣтовалъ мнѣ навѣдаться у А. Х—ча, что такое дѣлается по отношенію графа. Благодарить же его с—во находилъ онъ приличнѣйшимъ тогда, когда дѣло рѣшится; впрочемъ, моей волѣ предоставилъ, тогда-ли, или сегодня исполнить это. Рѣшась на первое, я отправился къ М. М., увѣдомилъ его о случившемся у графа и пошелъ домой. Лишь только пришелъ я въ новую свою квартиру, мнѣ сказали, что приходилъ какой-то архитекторъ, который былъ и вчера въ моемъ домѣ; но люди мнѣ о томъ не сказали и что завтрашній день по утру онъ будетъ опять въ мой домъ. Я не могъ иначе представить себѣ, какъ что архитекторъ присланъ отъ военнаго губернатора. Несмотря на то, пошелъ, послѣ обѣда, къ А. Х—чу; онъ былъ болѣнъ. Справляюсь у адъютанта, получено-ли отношеніе о моемъ дѣлѣ. Начали искать по регистратурѣ; нашли и сказали мнѣ, что уже велѣно архитектору исполнить по предписанію гр. М. А—ча.

можность, пошелъ къ нему, и услышалъ отъ него, что въ комитетѣ было разсужденіе по моей просьбѣ и найдено, что я, какъ чиновникъ, состоящій въ службѣ, не подхожу подъ правила комитета. По сему гр. А. А. изволилъ отозваться, что онъ о вознагражденіи моихъ убытковъ доложитъ государю императору; а графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ принялъ на себя сдѣлать въ моемъ домѣ всѣ починки. Надежда зарумянилась! Много обѣщаетъ хорошаго. М. М. сказалъ мнѣ, чтобы я тотчасъ сходилъ къ гр. М. А. и, поблагодаря за принятое имъ въ дѣлѣ моемъ участіе, просилъ бы о дальнѣйшемъ распоряженіи по его обѣщанію; а отъ графа опять зашелъ-бы къ нему сказать, какія мѣры его сіят—во принимаетъ. Это было 30-го ноября, въ воскресенье. Явясь въ домъ графа, я встрѣченъ былъ словами, что е. с. сегодня никого не принимаетъ. Несмотря на то, я остался въ пріемной залѣ и просилъ указать мнѣ правителя канцеляріи. Мнѣ сказали, что его тутъ нѣтъ, а скоро будетъ. Я дождался правителя канцеляріи; подхожу къ нему, объявляю свой чинъ и фамилію. Любезный Дмитрій Прокофьевичъ Познякъ, д. с. совѣтникъ, коего не имѣлъ я чести знать лично, принимаетъ меня со всею вѣжливостію и ласкою, приличными благовоспитанному человѣку, выслушиваетъ меня и ведетъ въ канцелярію, чтобъ съ большею точностію дать мнѣ знать о мѣрахъ, принятыхъ графомъ въ мою пользу. Открылось, что е. с. уже третій день какъ писалъ къ г-ну военному губернатору Вас. Ос—ва, чтобы онъ поручилъ архитектору освидѣтельствовать мой домъ и представить смѣту, что будутъ стоить починки. Д. П. совѣтовалъ мнѣ навѣдаться у А. Х—ча, что такое дѣлается по отношенію графа. Благодарить же его с—во находилъ онъ приличнѣйшимъ тогда, когда дѣло рѣшится; впрочемъ, моей волѣ предоставилъ, тогда-ли, или сегодня исполнить это. Рѣшась на первое, я отправился къ М. М., увѣдомилъ его о случившемся у графа и пошелъ домой. Лишь только пришелъ я въ новую свою квартиру, мнѣ сказали, что приходилъ какой-то архитекторъ, который былъ и вчера въ моемъ домѣ; но люди мнѣ о томъ не сказали и что завтрашній день по утру онъ будетъ опять въ мой домъ. Я не могъ иначе представить себѣ, какъ что архитекторъ присланъ отъ военнаго губернатора. Несмотря на то, пошелъ, послѣ обѣда, къ А. Х—чу; онъ былъ болѣнъ. Справляюсь у адъютанта, получено-ли отношеніе о моемъ дѣлѣ. Начали искать по регистратурѣ; нашли и сказали мнѣ, что уже велѣно архитектору исполнить по предписанію гр. М. А—ча.

Въ этотъ же день получилъ я изъ Варшавы, отъ дежурнаго генерала его императорскаго высочества генералъ-маіора Александра Ивановича Кривцова, письмо слѣдующаго содержанія: „Съ большимъ соболѣзнованіемъ увидѣвъ изъ записки вашего пр—ва, о постигшемъ васъ несчастіи, имѣю честь васъ увѣдомить, что оная отъ государя цесаревича препровождена въ оригиналѣ къ его с—ву графу Алексѣю Андреевичу. Дабы послѣдовалъ по оной желаемый успѣхъ, душевно желаетъ и пр. — Какое утѣшительное стеченіе обстоятельствъ! Все идетъ хорошо до нынѣ.

На другой день пошелъ я въ свой домъ, въ ожиданіи архитектора, а М. М. увѣдомилъ обо всемъ запискою. Архитекторъ не замедлилъ придти, осмотрѣлъ вмѣстѣ со мною домъ, оранжереи и другія строенія, и обѣщалъ представить смѣту г-ну военному губернатору В. О—ва, въ непродолжительномъ времени.

Между тѣмъ, съ первыхъ дней декабря переправа черезъ Неву сдѣлалась весьма неудобною, потомъ невозможною, пока наконецъ Нева на 6-е декабря ночью совершенно покрылась льдомъ, и, какъ говорятъ, стала. Лишь только открылась возможность переходить черезъ Неву, получилъ я изъ Варшавы другое извѣстіе въ слѣдствіе записки, посланной мною къ государю цесаревичу. Почтеннѣйшій начальникъ главнаго штаба его императорскаго высочества генералъ-лейтенантъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута увѣдомилъ меня о томъ же, о чемъ писалъ ко мнѣ и дежурный генералъ, съ извиненіемъ, при томъ, что съ послѣднею эстафетою, за скорымъ отправленіемъ ея, не успѣлъ онъ сего исполнить,— извиненіе, доказывающее искреннее участіе сего достойнѣйшаго генерала въ моемъ состояніи, каковое принимаетъ онъ и во всѣхъ моихъ дѣлахъ. Особливо я обязанъ ему распространеніемъ свѣдѣнія объ изданіи греческихъ классиковъ въ Царствѣ Польскомъ.

Не зная, куда поступило письмо, поданное мною на высочайшее имя государя императора и, полагая, что могло быть оно отправлено, или прямо въ главный комитетъ, или внесено въ оный, по высочайшему повелѣнію, чрезъ графа А. А., 9-го декабря, когда уже положены были черезъ Неву досчатые мостки, я пошелъ въ комитетъ. Спрашиваю, кто въ комитетѣ управляетъ письменными дѣлами. Д. с. с. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ. Я этому обрадовался потому, что мы съ Ѳ. П. служили въ одно время въ канцеляріи государственнаго совѣта. Не смѣя спрашивать, поступило ли въ комитетъ письмо, поданное мною на высочайшее имя, упомянулъ я только о просьбѣ, поданной мною въ комитетъ. Ѳ. П. не

Въ этотъ же день получилъ я изъ Варшавы, отъ дежурнаго генерала его императорскаго высочества генералъ-маіора Александра Ивановича Кривцова, письмо слѣдующаго содержанія: „Съ большимъ соболѣзнованіемъ увидѣвъ изъ записки вашего пр—ва, о постигшемъ васъ несчастіи, имѣю честь васъ увѣдомить, что оная отъ государя цесаревича препровождена въ оригиналѣ къ его с—ву графу Алексѣю Андреевичу. Дабы послѣдовалъ по оной желаемый успѣхъ, душевно желаетъ и пр. — Какое утѣшительное стеченіе обстоятельствъ! Все идетъ хорошо до нынѣ.

На другой день пошелъ я въ свой домъ, въ ожиданіи архитектора, а М. М. увѣдомилъ обо всемъ запискою. Архитекторъ не замедлилъ придти, осмотрѣлъ вмѣстѣ со мною домъ, оранжереи и другія строенія, и обѣщалъ представить смѣту г-ну военному губернатору В. О—ва, въ непродолжительномъ времени.

Между тѣмъ, съ первыхъ дней декабря переправа черезъ Неву сдѣлалась весьма неудобною, потомъ невозможною, пока наконецъ Нева на 6-е декабря ночью совершенно покрылась льдомъ, и, какъ говорятъ, стала. Лишь только открылась возможность переходить черезъ Неву, получилъ я изъ Варшавы другое извѣстіе въ слѣдствіе записки, посланной мною къ государю цесаревичу. Почтеннѣйшій начальникъ главнаго штаба его императорскаго высочества генералъ-лейтенантъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута увѣдомилъ меня о томъ же, о чемъ писалъ ко мнѣ и дежурный генералъ, съ извиненіемъ, при томъ, что съ послѣднею эстафетою, за скорымъ отправленіемъ ея, не успѣлъ онъ сего исполнить,— извиненіе, доказывающее искреннее участіе сего достойнѣйшаго генерала въ моемъ состояніи, каковое принимаетъ онъ и во всѣхъ моихъ дѣлахъ. Особливо я обязанъ ему распространеніемъ свѣдѣнія объ изданіи греческихъ классиковъ въ Царствѣ Польскомъ.

Не зная, куда поступило письмо, поданное мною на высочайшее имя государя императора и, полагая, что могло быть оно отправлено, или прямо въ главный комитетъ, или внесено въ оный, по высочайшему повелѣнію, чрезъ графа А. А., 9-го декабря, когда уже положены были черезъ Неву досчатые мостки, я пошелъ въ комитетъ. Спрашиваю, кто въ комитетѣ управляетъ письменными дѣлами. Д. с. с. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ. Я этому обрадовался потому, что мы съ Ѳ. П. служили въ одно время въ канцеляріи государственнаго совѣта. Не смѣя спрашивать, поступило ли въ комитетъ письмо, поданное мною на высочайшее имя, упомянулъ я только о просьбѣ, поданной мною въ комитетъ. Ѳ. П. не

узналъ меня и спросилъ, кто я. Лишь только услышалъ онъ мое имя, началъ извиняться, что не узналъ меня и сказалъ: „Мы много здѣсь о васъ безпокоились. А особливо М. М. весьма заботился по моей просьбѣ и объявилъ, что мнѣ опредѣлено выдать изъ комитета пять тысячъ рублей, которыя тотчасъ и получу.

Немедленно доложено было обо мнѣ кн. А. Б—чу и меня позвали получить деньги. Я просилъ доложить князю, чтобы позволилъ мнѣ лично благодарить его сіятельство и симъ случаемъ воспользовался припомнить ему, что, при покойномъ министрѣ просвѣщенія гр. Петрѣ Васильевичѣ Завадовскомъ, я имѣлъ честь заниматься съ нимъ дѣломъ о Малороссійскихъ училищахъ и бывать у его с—ва по дѣламъ комитета, бывшаго въ концѣ 1809 и въ началѣ 1810 года объ уменьшеніи расходовъ по всѣмъ министерствамъ и другимъ вѣдомствамъ. Его сіятельство изволилъ отозваться, что онъ помнитъ мою физіономію.

Получа деньги, тотчасъ полетѣлъ я съ этой ношею и радостною вѣстію къ М. М., принесть ему искреннѣйшую благодарность за искреннѣйшее его стараніе обо мнѣ. Отъ М. М. поѣхалъ я къ гр. А. А. записаться, что пріѣзжалъ благодарить. Но прежде желалъ было я увидѣться съ Н. П., не узнаю ли чего либо о моей просьбѣ на высочайшее имя поданной и о запискѣ моей, препровожденной отъ его высочества цесаревича къ гр. А. А—чу. Вмѣсто того, выбѣжалъ ко мнѣ адъютантъ и объявилъ мнѣ, что его сіятельство желаетъ меня видѣть и приказалъ ему доложить о назначеніи мнѣ дня. Не зная, что такое думать о семъ желаніи: угодно ли его с—ву объявить мнѣ рѣшеніе комитета, или говорить со мною о другомъ чемъ, я не просилъ уже записать меня, тѣмъ болѣе, что адъютантъ примолвилъ тогда же, что завтрашній день онъ увѣдомитъ меня о волѣ графа запискою. Завтрашній день, т. е. 10 декабря, приходитъ и проходитъ, но записки я не получилъ. Приведенный симъ въ недоумѣніе, я опять поѣхалъ къ его с—ву 11-го декабря. Графа дома не было. Я сказалъ адъютанту, впрочемъ, не прежнему, ибо и его не было у графа, что я пріѣзжалъ благодарить; а между тѣмъ объявилъ, что такое сказано мнѣ третьяго дня отъ имени графа; но записки не получивши, я рѣшился опять явиться къ его с—ву. Адъютантъ отвѣчалъ, что графъ возвратится изъ дворца часу въ 1-мъ; почему не угодно ли мнѣ къ тому времени пожаловать. Въ этотъ день и въ эти часы назначено было у министра собраніе главнаго правленія училищъ. Я сказалъ адъютанту о семъ неудобствѣ; на это отвѣчалъ онъ,

узналъ меня и спросилъ, кто я. Лишь только услышалъ онъ мое имя, началъ извиняться, что не узналъ меня и сказалъ: „Мы много здѣсь о васъ безпокоились. А особливо М. М. весьма заботился по моей просьбѣ и объявилъ, что мнѣ опредѣлено выдать изъ комитета пять тысячъ рублей, которыя тотчасъ и получу.

Немедленно доложено было обо мнѣ кн. А. Б—чу и меня позвали получить деньги. Я просилъ доложить князю, чтобы позволилъ мнѣ лично благодарить его сіятельство и симъ случаемъ воспользовался припомнить ему, что, при покойномъ министрѣ просвѣщенія гр. Петрѣ Васильевичѣ Завадовскомъ, я имѣлъ честь заниматься съ нимъ дѣломъ о Малороссійскихъ училищахъ и бывать у его с—ва по дѣламъ комитета, бывшаго въ концѣ 1809 и въ началѣ 1810 года объ уменьшеніи расходовъ по всѣмъ министерствамъ и другимъ вѣдомствамъ. Его сіятельство изволилъ отозваться, что онъ помнитъ мою физіономію.

Получа деньги, тотчасъ полетѣлъ я съ этой пошею и радостною вѣстію къ М. М., принесть ему искреннѣйшую благодарность за искреннѣйшее его стараніе обо мнѣ. Отъ М. М. поѣхалъ я къ гр. А. А. записаться, что пріѣзжалъ благодарить. Но прежде желалъ было я увидѣться съ Н. П., не узнаю ли чего либо о моей просьбѣ на высочайшее имя поданной и о запискѣ моей, препровожденной отъ его высочества цесаревича къ гр. А. А—чу. Вмѣсто того, выбѣжалъ ко мнѣ адъютантъ и объявилъ мнѣ, что его сіятельство желаетъ меня видѣть и приказалъ ему доложить о назначеніи мнѣ дня. Не зная, что такое думать о семъ желаніи: угодно ли его с—ву объявить мнѣ рѣшеніе комитета, или говорить со мною о другомъ чемъ, я не просилъ уже записать меня, тѣмъ болѣе, что адъютантъ примолвилъ тогда же, что завтрашній день онъ увѣдомитъ меня о волѣ графа запискою. Завтрашній день, т. е. 10 декабря, приходитъ и проходитъ, но записки я не получилъ. Приведенный симъ въ недоумѣніе, я опять поѣхалъ къ его с—ву 11-го декабря. Графа дома не было. Я сказалъ адъютанту, впрочемъ, не прежнему, ибо и его не было у графа, что я пріѣзжалъ благодарить; а между тѣмъ объявилъ, что такое сказано мнѣ третьяго дня отъ имени графа; но записки не получивши, я рѣшился опять явиться къ его с—ву. Адъютантъ отвѣчалъ, что графъ возвратится изъ дворца часу въ 1-мъ; почему не угодно ли мнѣ къ тому времени пожаловать. Въ этотъ день и въ эти часы назначено было у министра собраніе главнаго правленія училищъ. Я сказалъ адъютанту о семъ неудобствѣ; на это отвѣчалъ онъ,

что можно пріѣхать во второмъ, или въ третьемъ часу. Отпросясь у г-на министра отлучиться изъ собранія, я опять пустился къ графу къ сказанному времени. Адъютантъ объявилъ мнѣ, что онъ докладывалъ о прежнемъ пріѣздѣ моемъ и графъ приказалъ сказать мнѣ, чтобы я не безпокоился: онъ назначитъ день для моего пріема.

Въ полномъ увѣреніи, что графъ, или назначитъ день только для принятія моей благодарности, или, за недосугами своими, вовсе это отложитъ, я считалъ дѣло о вспоможеніи мнѣ оконченнымъ, но ошибся.

12-го дня декабря, поутру, пріѣзжаетъ ко мнѣ фельдъегерь съ запискою, что графъ проситъ меня къ себѣ сего же дня въ шесть часовъ по полудни. Бывъ принятъ въ назначенное время, началъ я благодарностію его с—ву, за исходатайствованіе мнѣ денежнаго вспоможенія отъ комитета. Между тѣмъ, адъютантъ подалъ ему бумаги.

„Я очень радъ, отвѣчалъ графъ на мое благодареніе. Но я хотѣлъ видѣть тебя вотъ для чего. Я получилъ отъ его высочества рескриптъ, въ которомъ пишетъ онъ, чтобы я доложилъ о вознагражденіи твоихъ убытковъ государю императору. И такъ, скажи мнѣ откровенно, чего ты желаешь?“.

Я отвѣчалъ, что совершенно полагаюсь на волю его с—ва.

„Пѣтъ, скажи мнѣ самъ, чтобы знать мѣру, чего просить. Я прямой человѣкъ“.

Я отвѣчалъ, что стыдно и грѣшно было бы просить о вознагражденіи всѣхъ убытковъ (они простираются за пятьдесятъ тысячъ), при множествѣ потерпѣвшихъ оные, — разумѣю я,—коимъ сердобольнѣйшій государь вознамѣрился сдѣлать вспоможеніе; я сказалъ, что доволенъ буду, если пожаловано будетъ мнѣ еще столько же, сколько выдано изъ комитета.

„Пять тысячъ? спросилъ графъ. Получилъ ли ты ихъ?“

Получилъ, ваше с—во, и съ симъ словомъ я опять поблагодарилъ его.

„Можно и побольше этого. Постараюсь“.

Слова эти, произнесенныя съ великодушіемъ истинно прямаго вельможи, растрогали меня чрезмѣрно. Я не могъ удержаться отъ слезъ и хотѣлъ было поцѣловать у него, какъ у отца своего, руку; но онъ не допустилъ до того и, сказавъ: „Полно, безъ церемоніи,“ поцѣловалъ меня. Видя мои слезы, опять нѣсколько разъ повторилъ: *Полно*, и при выходѣ моемъ изъ его ка-

что можно пріѣхать во второмъ, или въ третьемъ часу. Отпросясь у г-на министра отлучиться изъ собранія, я опять пустился къ графу къ сказанному времени. Адъютантъ объявилъ мнѣ, что онъ докладывалъ о прежнемъ пріѣздѣ моемъ и графъ приказалъ сказать мнѣ, чтобы я не безпокоился: онъ назначитъ день для моего пріема.

Въ полномъ увѣреніи, что графъ, или назначитъ день только для принятія моей благодарности, или, за недосугами своими, вовсе это отложитъ, я считалъ дѣло о вспоможеніи мнѣ оконченнымъ, но ошибся.

12-го дня декабря, поутру, пріѣзжаетъ ко мнѣ фельдъегерь съ запискою, что графъ проситъ меня къ себѣ сего же дня въ шесть часовъ по полудни. Бывъ принятъ въ назначенное время, началъ я благодарностію его с—ву, за исходатайствованіе мнѣ денежнаго вспоможенія отъ комитета. Между тѣмъ, адъютантъ подалъ ему бумаги.

„Я очень радъ, отвѣчалъ графъ на мое благодареніе. Но я хотѣлъ видѣть тебя вотъ для чего. Я получилъ отъ его высочества рескриптъ, въ которомъ пишетъ онъ, чтобы я доложилъ о вознагражденіи твоихъ убытковъ государю императору. И такъ, скажи мнѣ откровенно, чего ты желаешь?“.

Я отвѣчалъ, что совершенно полагаюсь на волю его с—ва.

„Пѣтъ, скажи мнѣ самъ, чтобы знать мѣру, чего просить. Я прямой человѣкъ“.

Я отвѣчалъ, что стыдно и грѣшно было бы просить о вознагражденіи всѣхъ убытковъ (они простираются за пятьдесятъ тысячъ), при множествѣ потерпѣвшихъ оные, — разумѣю я,—коимъ сердобольнѣйшій государь вознамѣрился сдѣлать вспоможеніе; я сказалъ, что доволенъ буду, если пожаловано будетъ мнѣ еще столько же, сколько выдано изъ комитета.

„Пять тысячъ? спросилъ графъ. Получилъ ли ты ихъ?“

Получилъ, ваше с—во, и съ симъ словомъ я опять поблагодарилъ его.

„Можно и побольше этого. Постараюсь“.

Слова эти, произнесенныя съ великодушіемъ истинно прямаго вельможи, растрогали меня чрезмѣрно. Я не могъ удержаться отъ слезъ и хотѣлъ было поцѣловать у него, какъ у отца своего, руку; но онъ не допустилъ до того и, сказавъ: „Полно, безъ церемоніи,“ поцѣловалъ меня. Видя мои слезы, опять нѣсколько разъ повторилъ: *Полно*, и при выходѣ моемъ изъ его ка-

бинета: „Будь спокоенъ, сказалъ, я постараюсь сдѣлать, что могу. Вспомни меня, какъ умру".

Такая неожиданность заставила меня прямо пуститься домой, никуда не заѣзжая. Жена и дѣти мои первые должны были раздѣлить со мною чувствованія, произведенныя во мнѣ пріемомъ графа и участіемъ его въ нашемъ состояніи.

Къ М. М. расположился я заѣхать на другой день (декабря 13), потому, что нужно было узнать въ канцеляріи г-на военнаго генералъ-губернатора о ходѣ дѣла по починкамъ моего дома. Весь вечеръ провелъ я, благословляя, съ семействомъ своимъ, высокое имя государя цесаревича, потомъ имя его сіятельства. Особливо послѣднія слова графа: „Вспомни меня, какъ умру", весьма долго занимали меня. Сердце мое исполнилось умиленія.

На другой день поѣхалъ я къ М. М., но мнѣ сказали, что онъ болѣнъ и велѣлъ никого не принимать. Отъ него заѣхалъ къ Д. П. и узналъ, что смѣта починкамъ въ моемъ домѣ, отъ А. Х—ча, получена и что гр. Мих. Ап. сегодня хотѣлъ взять ее съ собою въ главный комитетъ о вспоможеніи раззореннымъ.

Но давно пора уже проститься съ вами. Чѣмъ кончится это дѣло, также и дѣло о казенной квартирѣ, увѣдомлю васъ въ свое время.

Декабря 22 дня,
1824 года.

ПИСЬМО VII.

Моя драма приближается къ концу. 17-го декабря я имѣлъ счастіе получить отъ гр. А. А. слѣдующее отношеніе:

„Государь Императоръ, по уваженіи претерпѣннаго вашимъ Превосходительствомъ раззоренія отъ бывшаго въ С.-Петербургѣ наводненія, Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ вамъ въ единовременное пособіе шесть тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ изъ Кабинета Его Величества и объявлено Высочайшее повелѣніе господину Управляющему Кабинетомъ графу Гурьеву сего же числа. О сей Монаршей милости извѣщая Васъ, милостивый государь мой, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, вашего Превосходительства,

покорный слуга,
Графъ Аракчеевъ".

С.-Петербургъ
16 декабря 1824.

бинета: „Будь спокоенъ, сказалъ, я постараюсь сдѣлать, что могу. Вспомни меня, какъ умру".

Такая неожиданность заставила меня прямо пуститься домой, никуда не заѣзжая. Жена и дѣти мои первые должны были раздѣлить со мною чувствованія, произведенныя во мнѣ пріемомъ графа и участіемъ его въ нашемъ состояніи.

Къ М. М. расположился я заѣхать на другой день (декабря 13), потому, что нужно было узнать въ канцеляріи г-на военнаго генералъ-губернатора о ходѣ дѣла по починкамъ моего дома. Весь вечеръ провелъ я, благословляя, съ семействомъ своимъ, высокое имя государя цесаревича, потомъ имя его сіятельства. Особливо послѣднія слова графа: „Вспомни меня, какъ умру", весьма долго занимали меня. Сердце мое исполнилось умиленія.

На другой день поѣхалъ я къ М. М., но мнѣ сказали, что онъ болѣнъ и велѣлъ никого не принимать. Отъ него заѣхалъ къ Д. П. и узналъ, что смѣта починкамъ въ моемъ домѣ, отъ А. Х—ча, получена и что гр. Мих. Ап. сегодня хотѣлъ взять ее съ собою въ главный комитетъ о вспоможеніи раззореннымъ.

Но давно пора уже проститься съ вами. Чѣмъ кончится это дѣло, также и дѣло о казенной квартирѣ, увѣдомлю васъ въ свое время.

Декабря 22 дня,
1824 года.

ПИСЬМО VII.

Моя драма приближается къ концу. 17-го декабря я имѣлъ счастіе получить отъ гр. А. А. слѣдующее отношеніе:

„Государь Императоръ, по уваженіи претерпѣннаго вашимъ Превосходительствомъ раззоренія отъ бывшаго въ С.-Петербургѣ наводненія, Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ вамъ въ единовременное пособіе шесть тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ изъ Кабинета Его Величества и объявлено Высочайшее повелѣніе господину Управляющему Кабинетомъ графу Гурьеву сего же числа. О сей Монаршей милости извѣщая Васъ, милостивый государь мой, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, вашего Превосходительства,

покорный слуга,
Графъ Аракчеевъ".

С.-Петербургъ
16 декабря 1824.

Такъ благословенный монархъ нашъ утѣшилъ меня и семейство мое! Такъ утѣшаетъ онъ и всѣхъ раззоренныхъ, соразмѣрно понесеннымъ ими убыткамъ! Нѣтъ въ исторіи примѣра сліянію въ единомъ государѣ толикихъ воинскихъ и гражданскихъ добродѣтелей! Чѣмъ не жертвовалъ онъ къ водворенію въ Европѣ благодѣйствія, по низложеніи исполина, коего одинъ онъ только въ силахъ былъ низринуть? Чего не дѣлаетъ онъ къ утѣшенію подданныхъ своихъ, по претерпѣніи ими бѣдствій отъ исполина, съ коимъ бороться и преодолѣть его не зависпть отъ владыкъ земныхъ?

Въ этотъ же день поѣхалъ я послѣ обѣда къ графу благодарить его и просилъ адъютанта записать меня; но его сіятельство послѣ не назначалъ уже дня для принесенія моей благодарности. Онъ недавно видѣлъ уже ее въ слезахъ моихъ, во всѣхъ моихъ чувствахъ, и, безъ сомнѣнія, не желалъ видѣть новыхъ доказательствъ оной. Души великихъ мужей болѣе чувствительны, нежели сколько мы иногда воображаемъ.

Отъ гр. А. А. заѣхалъ я къ М. М.; разсказалъ ему о призывѣ его сіятельства, о пріемѣ меня; показалъ его ко мнѣ отношеніе. М. М. поздравлялъ меня съ монаршею милостію и радовался моей радости отъ всего сердца.

Теперь я ожидаю, чѣмъ рѣшится дѣло мое у гр. М. А—ча и министра. Разныя препятствія тому донынѣ встрѣчались. О починкахъ дома, гр. М. А. хочетъ поговорить прежде съ гр. А. А., увидясь съ нимъ въ главномъ комитетѣ; но комитетъ, по случаю праздниковъ, закрытъ и гр. А. А., по обыкновенію своему, на праздники уѣхалъ въ Грузино и возвратится не прежде Крещенія. О квартирѣ министръ не докладывалъ еще государю императору, сперва потому, что велѣлъ въ докладной запискѣ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, а въ послѣдній докладной день не былъ онъ у государя потому, что его величество, въ минувшее воскресеніе, изволилъ быть въ Царскомъ Селѣ, гдѣ оставался до середы.

Начались праздники и добрый русскій народъ веселится по прежнему. Самые раззоренные забыли свое горе, отчасти, или совершенно утѣшенные *отцемъ* своимъ, въ выстроенныхъ имъ домикахъ, или вселенные въ теплыя, безопасныя, казенныя, огромныя жилища. До праздниковъ, почти всѣ важнѣйшія нужды несчастныхъ удовлетворены. Въ Гаванп, подъ Смоленской, на всемъ Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, вездѣ почти опять стоятъ красивыя зданія и заборы; суда разобраны; деревья стоятъ на корняхъ своихъ; мосты починены, или вновь сдѣланы; на кладбищѣ

Такъ благословенный монархъ нашъ утѣшилъ меня и семейство мое! Такъ утѣшаетъ онъ и всѣхъ раззоренныхъ, соразмѣрно понесеннымъ ими убыткамъ! Нѣтъ въ исторіи примѣра сліянію въ единомъ государѣ толикихъ воинскихъ и гражданскихъ добродѣтелей! Чѣмъ не жертвовалъ онъ къ водворенію въ Европѣ благодѣйствія, по низложеніи исполина, коего одинъ онъ только въ силахъ былъ низринуть? Чего не дѣлаетъ онъ къ утѣшенію подданныхъ своихъ, по претерпѣніи ими бѣдствій отъ исполина, съ коимъ бороться и преодолѣть его не зависпть отъ владыкъ земныхъ?

Въ этотъ же день поѣхалъ я послѣ обѣда къ графу благодарить его и просилъ адъютанта записать меня; но его сіятельство послѣ не назначалъ уже дня для принесенія моей благодарности. Онъ недавно видѣлъ уже ее въ слезахъ моихъ, во всѣхъ моихъ чувствахъ, и, безъ сомнѣнія, не желалъ видѣть новыхъ доказательствъ оной. Души великихъ мужей болѣе чувствительны, нежели сколько мы иногда воображаемъ.

Отъ гр. А. А. заѣхалъ я къ М. М.; разсказалъ ему о призывѣ его сіятельства, о пріемѣ меня; показалъ его ко мнѣ отношеніе. М. М. поздравлялъ меня съ монаршею милостію и радовался моей радости отъ всего сердца.

Теперь я ожидаю, чѣмъ рѣшится дѣло мое у гр. М. А—ча и министра. Разныя препятствія тому донынѣ встрѣчались. О починкахъ дома, гр. М. А. хочетъ поговорить прежде съ гр. А. А., увидясь съ нимъ въ главномъ комитетѣ; но комитетъ, по случаю праздниковъ, закрытъ и гр. А. А., по обыкновенію своему, на праздники уѣхалъ въ Грузино и возвратится не прежде Крещенія. О квартирѣ министръ не докладывалъ еще государю императору, сперва потому, что велѣлъ въ докладной запискѣ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, а въ послѣдній докладной день не былъ онъ у государя потому, что его величество, въ минувшее воскресеніе, изволилъ быть въ Царскомъ Селѣ, гдѣ оставался до середы.

Начались праздники и добрый русскій народъ веселится по прежнему. Самые раззоренные забыли свое горе, отчасти, или совершенно утѣшенные *отцемъ* своимъ, въ выстроенныхъ имъ домикахъ, или вселенные въ теплыя, безопасныя, казенныя, огромныя жилища. До праздниковъ, почти всѣ важнѣйшія нужды несчастныхъ удовлетворены. Въ Гаванп, подъ Смоленской, на всемъ Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, вездѣ почти опять стоятъ красивыя зданія и заборы; суда разобраны; деревья стоятъ на корняхъ своихъ; мосты починены, или вновь сдѣланы; на кладбищѣ

памятники исправлены; даже заливъ нашъ къ праздникамъ сталъ спокойнѣе. Государь императоръ, сказываютъ, получилъ донесеніе, что въ немъ вода упала на шесть футовъ, послѣ многократно повторяемыхъ возвышеній, отъ чего и въ Невѣ стало гораздо ниже. Перемѣнился вѣтеръ; морозы продолжаются съ ряду уже нѣсколько дней.

Но и на святкахъ всё еще говорятъ о грозномъ наводненіи, о предшествовавшихъ ему наблюденіяхъ, явленіяхъ и разныхъ приключеніяхъ. Напримѣръ, вчерашній день (26 декабря) почтенный врачъ и давній пріятель мой, В. М. Крест., о коемъ прежде писалъ я къ вамъ, бывъ самовидцемъ происшествія, разсказывалъ мнѣ, что на Чугунномъ заводѣ ужасъ опустошенія, причиненнаго наводненіемъ 7-го ноября, превосходилъ ужасы Галерной гавани, что онъ видѣлъ, какъ государь императоръ открывалъ трупы семействъ, потонувшихъ на семъ заводѣ; какими потоками слезъ орошалъ ихъ ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружившихъ его несчастливцевъ, пер жившихъ наводненіе; какъ онъ утѣшалъ ихъ—самъ неутѣшный... В. М. разсказывалъ, что сіе зрѣлище было тѣмъ трогательнѣе, что трупы не походили на обыкновенныхъ утопленныхъ, были какъ живые; особливо на щекахъ дѣвочекъ, казалось, игралъ еще румянецъ... Онъ разсказывалъ также, что какой-то недавно пріѣхавшій живописецъ (имя его не припомнилъ), срисовалъ сей ужаснѣйшій видъ завода самымъ искуснымъ и поразительнѣйшимъ образомъ. Можетъ ли поэтическій, живописующій геній не воспламениться при таковыхъ позорищахъ; а потому, можетъ ли произвести посредственное твореніе? Вамъ болѣе, нежели многимъ изъ нашихъ стихокропателей, извѣстно дѣйствіе краснорѣчивой природы на творческое дарованіе. Въ мозгу ограниченномъ, худо устроенномъ, самое счастливое броженіе крови производитъ странныя химеры, но зеркало генія вѣрно ему; изобиліе теплоты въ жилахъ его, жаръ воображенія не устраняетъ его отъ истины; списки, снимаемые имъ съ природы, одушевлены, говорятъ. Но къ чему эта эстетика, спрашиваете вы? Правда ваша. Извините, это значитъ, что я уже опять въ состояніи разсуждать, — не чувствовать только. Обратимся къ св ему предмету.

Вы конечно желаете знать, что я разумѣю подъ *предшествовавшими наблюденіями, явленіями.*

Славный здѣшній физико-механикъ Роспини, за нѣсколько дней до наводненія, увидѣлъ, что барометръ его упалъ такъ низко,

памятники исправлены; даже заливъ нашъ къ праздникамъ сталъ спокойнѣе. Государь императоръ, сказываютъ, получилъ донесеніе, что въ немъ вода упала на шесть футовъ, послѣ многократно повторяемыхъ возвышеній, отъ чего и въ Невѣ стало гораздо ниже. Перемѣнился вѣтеръ; морозы продолжаются съ ряду уже нѣсколько дней.

Но и на святкахъ всё еще говорятъ о грозномъ наводненіи, о предшествовавшихъ ему наблюденіяхъ, явленіяхъ и разныхъ приключеніяхъ. Напримѣръ, вчерашній день (26 декабря) почтенный врачъ и давній пріятель мой, В. М. Крест., о коемъ прежде писалъ я къ вамъ, бывъ самовидцемъ происшествія, разсказывалъ мнѣ, что на Чугунномъ заводѣ ужасъ опустошенія, причиненнаго наводненіемъ 7-го ноября, превосходилъ ужасы Галерной гавани, что онъ видѣлъ, какъ государь императоръ открывалъ трупы семействъ, потонувшихъ на семъ заводѣ; какими потоками слезъ орошалъ ихъ ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружившихъ его несчастливцевъ, пер жившихъ наводненіе; какъ онъ утѣшалъ ихъ—самъ неутѣшный... В. М. разсказывалъ, что сіе зрѣлище было тѣмъ трогательнѣе, что трупы не походили на обыкновенныхъ утопленныхъ, были какъ живые; особливо на щекахъ дѣвочекъ, казалось, игралъ еще румянецъ... Онъ разсказывалъ также, что какой-то недавно пріѣхавшій живописецъ (имя его не припомнилъ), срисовалъ сей ужаснѣйшій видъ завода самымъ искуснымъ и поразительнѣйшимъ образомъ. Можетъ ли поэтическій, живописующій геній не воспламениться при таковыхъ позорищахъ; а потому, можетъ ли произвести посредственное твореніе? Вамъ болѣе, нежели многимъ изъ нашихъ стихокропателей, извѣстно дѣйствіе краснорѣчивой природы на творческое дарованіе. Въ мозгу ограниченномъ, худо устроенномъ, самое счастливое броженіе крови производитъ странныя химеры, но зеркало генія вѣрно ему; изобиліе теплоты въ жилахъ его, жаръ воображенія не устраняетъ его отъ истины; списки, снимаемые имъ съ природы, одушевлены, говорятъ. Но къ чему эта эстетика, спрашиваете вы? Правда ваша. Извините, это значитъ, что я уже опять въ состояніи разсуждать, — не чувствовать только. Обратимся къ св ему предмету.

Вы конечно желаете знать, что я разумѣю подъ *предшествовавшими наблюденіями, явленіями.*

Славный здѣшній физико-механикъ Роспини, за нѣсколько дней до наводненія, увидѣлъ, что барометръ его упалъ такъ низко,

какъ никогда не видалъ онъ и не слыхалъ. Это явленіе до того встревожило его, что онъ едва не лишился здраваго разсудка.

Аптекарь Имсенъ, замѣтивъ на своемъ барометрѣ такое же явленіе за два дня (въ среду) до наводненія, перебрался изъ нижняго этажа въ верхній. Пріятели спрашивали его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ, что должно ожидать необыкновенной бури. Пріятели не вѣрили словамъ его и смѣялись. „Я буду, сказалъ онъ, смѣяться тогда, когда вы будете плакать“.

Въ одномъ домѣ, окотившаяся до наводненія, за нѣсколько дней, кошка, въ день наводненія перенесла котятъ своихъ именно на ту ступеньку лѣстницы, до которой вода возвысясь, остановилась.

Предчувствіе собакъ кому не извѣстно? Поутру, до наводненія, за часъ не болѣе, дворовая собака моя начала выть ужасно, остановясь среди двора и смотря въ ту сторону, откуда дулъ вѣтеръ. Когда вода взошла на дворъ, собака прибѣжала въ кухню и взбѣжала съ ними на лѣстницу мезонина, гдѣ визжала до тѣхъ поръ, пока ее не уняли.

Одна почтенная дама разсказывала мнѣ, что въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, прогуливаясь на Петровскомъ островѣ, замѣтила она, что муравьи необыкновенно высоко сдѣлали свои запасные магазины—именно, на верхней перекладинѣ воротъ фруктоваго сада. Это ее удивило, такъ какъ явленіе необыкновенное.

Что это значитъ, спросила она прогуливавшагося съ нею пожилаго начальника брантвахты Лебедева?

„О! сударыня, отвѣчалъ ей старикъ; это весьма дурной знакъ. Въ тотъ годъ, когда быть наводненію, муравьи всегда дѣлаютъ гнѣзда свои на мѣстахъ возвышенныхъ и всегда почти такъ высоко, чтобъ только не дошла до нихъ вода. Это не одинъ разъ замѣтилъ я въ жизнь свою предъ наводненіями. Въ нынѣшнемъ году быть большой водѣ.“

Дама вспомнила сіе предсказаніе въ день самаго наводненія.

Сегодня ѣздилъ я къ митрополиту Серафиму, въ женскій монастырь. Предмѣстіе мирной этой обители и самая обитель не были понята водою. Но домъ митрополита Сестренцевича, находящійся за морскимъ рынкомъ и церковь, отстроивающаяся при домѣ сего достопочтеннѣйшаго, ветхаго старца, къ коему также заѣзжалъ я сегодня, были въ водѣ довольно высоко. Иной проказникъ, пожалуй, выведетъ изъ сего заключеніе, что греко-россійская церковь и тутъ торжествовала надъ римско-католическою, но сколько было въ водѣ и нашихъ церквей! Старецъ сей разсказывалъ мнѣ, какъ

какъ никогда не видалъ онъ и не слыхалъ. Это явленіе до того встревожило его, что онъ едва не лишился здраваго разсудка.

Аптекарь Имсенъ, замѣтивъ на своемъ барометрѣ такое же явленіе за два дня (въ среду) до наводненія, перебрался изъ нижняго этажа въ верхній. Пріятели спрашивали его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ, что должно ожидать необыкновенной бури. Пріятели не вѣрили словамъ его и смѣялись. „Я буду, сказалъ онъ, смѣяться тогда, когда вы будете плакать“.

Въ одномъ домѣ, окотившаяся до наводненія, за нѣсколько дней, кошка, въ день наводненія перенесла котятъ своихъ именно на ту ступеньку лѣстницы, до которой вода возвысясь, остановилась.

Предчувствіе собакъ кому не извѣстно? Поутру, до наводненія, за часъ не болѣе, дворовая собака моя начала выть ужасно, остановясь среди двора и смотря въ ту сторону, откуда дулъ вѣтеръ. Когда вода взошла на дворъ, собака прибѣжала въ кухню и взбѣжала съ ними на лѣстницу мезонина, гдѣ визжала до тѣхъ поръ, пока ее не уняли.

Одна почтенная дама разсказывала мнѣ, что въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, прогуливаясь на Петровскомъ островѣ, замѣтила она, что муравьи необыкновенно высоко сдѣлали свои запасные магазины—именно, на верхней перекладинѣ воротъ фруктоваго сада. Это ее удивило, такъ какъ явленіе необыкновенное.

Что это значитъ, спросила она прогуливавшагося съ нею пожилаго начальника брантвахты Лебедева?

„О! сударыня, отвѣчалъ ей старикъ; это весьма дурной знакъ. Въ тотъ годъ, когда быть наводненію, муравьи всегда дѣлаютъ гнѣзда свои на мѣстахъ возвышенныхъ и всегда почти такъ высоко, чтобъ только не дошла до нихъ вода. Это не одинъ разъ замѣтилъ я въ жизнь свою предъ наводненіями. Въ нынѣшнемъ году быть большой водѣ.“

Дама вспомнила сіе предсказаніе въ день самаго наводненія.

Сегодня ѣздилъ я къ митрополиту Серафиму, въ женскій монастырь. Предмѣстіе мирной этой обители и самая обитель не были поняты водою. Но домъ митрополита Сестренцевича, находящійся за морскимъ рынкомъ и церковь, отстроивающаяся при домѣ сего достопочтеннѣйшаго, ветхаго старца, къ коему также заѣзжалъ я сегодня, были въ водѣ довольно высоко. Иной проказникъ, пожалуй, выведетъ изъ сего заключеніе, что греко-россійская церковь и тутъ торжествовала надъ римско-католическою, но сколько было въ водѣ и нашихъ церквей! Старецъ сей разсказывалъ мнѣ, какъ

опъ съ людьми своими заботился о сбереженіи своего имущества и лошадей, изъ конхъ одна потопула; какъ полковникъ Германъ объѣзжалъ на суднѣ около квартала, въ коемъ находится домъ сего старца, и спасалъ людей; какъ остановилась возлѣ дома паровая машина, употребляемая для углубленія и чищенія каналовъ, изъ Бертова завода, и какъ нѣсколько сотъ человѣкъ стащили ее съ мѣста, для нее не назначеннаго. Подивитесь, любезный другъ, мимоходомъ, сему Маоусаилу нашихъ временъ. Ему теперь девяносто-шестой годъ; и онъ, хотя тощъ, сухъ, одинъ, какъ говорятъ, кости да кожа, однако бодръ, здоровъ, веселъ, трудолюбивъ и донынѣ почти никогда не употребляетъ очковъ. Таковы плоды умѣренной жизни!

Каково здоровье ваше? М. М. сказывалъ мнѣ, что вы часто прихварываете. Хорошо, какъ бы и намъ пожить около столька лѣтъ, сколько живетъ митрополитъ Сестренцевичъ, но при добромъ здоровьѣ, безъ бурь и наводненій, подобныхъ бывшимъ 7-го ноября.

Декабря 27 дня,
1824.

ПИСЬМО VIII.

Ну, любезный другъ! *Наводнилъ* и я вамъ письмами. Теперь только одумался, что если вы захотите по нѣскольку словъ отвѣчать на каждое изъ нихъ, то не мало унесу у васъ драгоцѣннаго времени. Ради Бога, извините моей болтливости и признайте истину, можетъ быть, не новую, что *не одна радость многорѣчива.* Впрочемъ, я увольняю васъ отъ всякихъ отвѣтовъ; дайте мнѣ только *опростать* свое сердце, преисполненное многоразличныхъ чувствованій.

Кстати, пока дѣло мое по раззоренію отъ наводненія не кончено, поговоримъ о постороннемъ.

Въ послѣднемъ письмѣ вы изъявили сожалѣніе, что у меня на изданіе греческихъ классиковъ мало подписчиковъ. Правда; но я предвидѣлъ эту бѣду; а предвидѣнная бѣда, не какъ внезапное наводненіе. Можетъ быть, еще рано, какъ нѣкоторые говорятъ, издавать для русскихъ подобныя книги. Когда же наступитъ для того настоящая пора? Вѣкъ Александра, кажется мнѣ, всѣхъ благовременнѣе для предпріятій — могу ли, отнеся къ своему, сказать?—немаловажныхъ. Можетъ быть, имя *перевода* не такъ счастливо, какъ слово: *сочиненія*, а особливо перевода, который не про-

опъ съ людьми своими заботился о сбереженіи своего имущества и лошадей, изъ конхъ одна потопула; какъ полковникъ Германъ объѣзжалъ на суднѣ около квартала, въ коемъ находится домъ сего старца, и спасалъ людей; какъ остановилась возлѣ дома паровая машина, употребляемая для углубленія и чищенія каналовъ, изъ Бертова завода, и какъ нѣсколько сотъ человѣкъ стащили ее съ мѣста, для нее не назначеннаго. Подивитесь, любезный другъ, мимоходомъ, сему Маоусаилу нашихъ временъ. Ему теперь девяносто-шестой годъ; и онъ, хотя тощъ, сухъ, одинъ, какъ говорятъ, кости да кожа, однако бодръ, здоровъ, веселъ, трудолюбивъ и донынѣ почти никогда не употребляетъ очковъ. Таковы плоды умѣренной жизни!

Каково здоровье ваше? М. М. сказывалъ мнѣ, что вы часто прихварываете. Хорошо, какъ бы и намъ пожить около столька лѣтъ, сколько живетъ митрополитъ Сестренцевичъ, но при добромъ здоровьѣ, безъ бурь и наводненій, подобныхъ бывшимъ 7-го ноября.

Декабря 27 дня,
1824.

ПИСЬМО VIII.

Ну, любезный другъ! *Наводнилъ* и я вамъ письмами. Теперь только одумался, что если вы захотите по нѣскольку словъ отвѣчать на каждое изъ нихъ, то не мало унесу у васъ драгоцѣннаго времени. Ради Бога, извините моей болтливости и признайте истину, можетъ быть, не новую, что *не одна радость многорѣчива*. Впрочемъ, я увольняю васъ отъ всякихъ отвѣтовъ; дайте мнѣ только *опростать* свое сердце, преисполненное многоразличныхъ чувствованій.

Кстати, пока дѣло мое по раззоренію отъ наводненія не кончено, поговоримъ о постороннемъ.

Въ послѣднемъ письмѣ вы изъявили сожалѣніе, что у меня на изданіе греческихъ классиковъ мало подписчиковъ. Правда; но я предвидѣлъ эту бѣду; а предвидѣнная бѣда, не какъ внезапное наводненіе. Можетъ быть, еще рано, какъ нѣкоторые говорятъ, издавать для русскихъ подобныя книги. Когда же наступитъ для того настоящая пора? Вѣкъ Александра, кажется мнѣ, всѣхъ благовременнѣе для предпріятій — могу ли, отнеся къ своему, сказать?—немаловажныхъ. Можетъ быть, имя *перевода* не такъ счастливо, какъ слово: *сочиненія*, а особливо перевода, который не про-

стительно было бы почитать совершеннымъ. Не всѣмъ припомнишь слова г. Баттё: „Когда надобно на другомъ языкѣ представить вещи, мысли, выраженія, обороты, тоны сочиненія; вещи, такими, каковы онѣ есть, ничего не прибавляя, не убавляя и не перемѣщая неприлично; мысли въ ихъ краскахъ, степеняхъ, оттѣнкахъ; обороты, дающіе слову огонь, духъ, жизнь; выраженія естественныя фигурныя, сильныя, богатыя, прелестныя, нѣжныя и пр. и все, по образцу, сурово повелѣвающему и желающему, чтобъ ему охотно повиновались,—то надобно имѣть, если не столько же генія, по крайней мѣрѣ, столько же вкуса для хорошаго перевода, какъ и для сочиненія: можетъ быть, потребно онаго даже болѣе. Сочинитель водимый только нѣкоторымъ инстинктомъ, всегда свободнымъ, и матеріею, представляющею ему мысли, кои можетъ онъ по своему произволенію принять и отвергнуть, бываетъ полнымъ властелиномъ своихъ мыслей и выраженій; если какая мысль не годится, или выраженіе не прилично мысли, онъ можетъ отвергнуть то и другое.

Quae desperat tractata nitescere posse, relinquit.

Horat.

Напротивъ, переводчикъ не властенъ ни въ чемъ: онъ обязанъ вездѣ слѣдовать за своимъ авторомъ и при всѣхъ его измѣненіяхъ гнуться съ безконечною гибкостью. Судите же по сему о разнообразіи тоновъ, по необходимости находящихся въ одномъ и томъ же предметѣ, а что еще болѣе, въ одномъ и томъ же родѣ. Дабы всѣ сіи степени выразить, надобно прежде хорошо ихъ чувствовать, потомъ необыкновеннымъ образомъ владѣть языкомъ, который желаетъ обогатить добычею иностранною. И такъ, что такое должно думать о переводѣ удачномъ?“

Можетъ быть, многимъ не нравится и то, что я поэтовъ переводу прозою.—„Извѣстно, говоритъ Вольтеръ, что поэтовъ должно переводить только стихами. Противное сему утверждали только тѣ, кои, не имѣя таланта, стараются его поносить; тщетная и несчастная уловка безсильной гордости. По моему мнѣнію, одинъ только великій поэтъ способенъ къ такому подвигу; а его мы еще не нашли.“ Но этотъ недостатокъ въ великихъ поэтахъ и заставляетъ насъ терпѣть переводы стиховъ въ прозѣ. Еще можно было бы что нибудь сказать въ оправданіе моихъ прозаическихъ переводовъ, но это значитъ защищать свое дѣло предъ тѣмъ, кто можетъ самъ видѣть, справедливо оно, или нѣтъ.

Государь императоръ и прошлое воскресеніе (28 декабря) изволилъ отлучаться въ Царское село. Заключаютъ, что его величе-

стительно было бы почитать совершеннымъ. Не всѣмъ припомнишь слова г. Баттё: „Когда надобно на другомъ языкѣ представить вещи, мысли, выраженія, обороты, тоны сочиненія; вещи, такими, каковы онѣ есть, ничего не прибавляя, не убавляя и не перемѣщая неприлично; мысли въ ихъ краскахъ, степеняхъ, оттѣнкахъ; обороты, дающіе слову огонь, духъ, жизнь; выраженія естественныя фигурныя, сильныя, богатыя, прелестныя, нѣжныя и пр. и все, по образцу, сурово повелѣвающему и желающему, чтобъ ему охотно повиновались,—то надобно имѣть, если не столько же генія, по крайней мѣрѣ, столько же вкуса для хорошаго перевода, какъ и для сочиненія: можетъ быть, потребно онаго даже болѣе. Сочинитель водимый только нѣкоторымъ инстинктомъ, всегда свободнымъ, и матеріею, представляющею ему мысли, кои можетъ онъ по своему произволенію принять и отринуть, бываетъ полнымъ властелиномъ своихъ мыслей и выраженій; если какая мысль не годится, или выраженіе не прилично мысли, онъ можетъ отвергнуть то и другое.

Quae desperat tractata nitescere posse, relinquit.

Horat.

Напротивъ, переводчикъ не властенъ ни въ чемъ: онъ обязанъ вездѣ слѣдовать за своимъ авторомъ и при всѣхъ его измѣненіяхъ гнуться съ безконечною гибкостью. Судите же по сему о разнообразіи тоновъ, по необходимости находящихся въ одномъ и томъ же предметѣ, а что еще болѣе, въ одномъ и томъ же родѣ. Дабы всѣ сіи степени выразить, надобно прежде хорошо ихъ чувствовать, потомъ необыкновеннымъ образомъ владѣть языкомъ, который желаетъ обогатить добычею иностранною. И такъ, что такое должно думать о переводѣ удачномъ?“

Можетъ быть, многимъ не нравится и то, что я поэтовъ переводу прозою.—„Извѣстно, говоритъ Вольтеръ, что поэтовъ должно переводить только стихами. Противное сему утверждали только тѣ, кои, не имѣя таланта, стараются его поносить; тщетная и несчастная уловка безсильной гордости. По моему мнѣнію, одинъ только великій поэтъ способенъ къ такому подвигу; а его мы еще не нашли.“ Но этотъ недостатокъ въ великихъ поэтахъ и заставляетъ насъ терпѣть переводы стиховъ въ прозѣ. Еще можно было бы что нибудь сказать въ оправданіе моихъ прозаическихъ переводовъ, но это значитъ защищать свое дѣло предъ тѣмъ, кто можетъ самъ видѣть, справедливо оно, или нѣтъ.

Государь императоръ и прошлое воскресеніе (28 декабря) изволилъ отлучаться въ Царское село. Заключаютъ, что его величе-

ство удаляется въ любимое свое уединеніе, чтобъ *свободно*, такъ сказать, *вздохнуть* послѣ всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ его подданными въ столицѣ, которыя раздѣлялъ онъ съ ними и послѣ личныхъ горестей, если можно назвать личными горести добрѣйшаго, чувствительнѣйшаго, великодушнѣйшаго монарха. Вотъ что хотѣлъ я сказать подъ словомъ: *личныхъ горестей*. Государыня императрица Елисавета Алексѣевна нѣсколько мѣсяцевъ была опасно больна. Теперь, благодаря Всевышняго, ея величество изволила выздоровѣть. Для чего бы симъ двумъ ангеламъ—хранителямъ нашего благоденствія не быть непричастными всякихъ горестей и болѣзней? Не видимъ ли мы въ низкомъ состояніи проживающихъ всю жизнь въ здравіи невредимомъ? Но нѣтъ! Давно ли мы—вся Россія, въ страхѣ были о жизни государя?

Не знаю, почему журналисты наши мало говорятъ о бѣдѣ, причиненой наводненіемъ, о разныхъ приключеніяхъ, о подвигахъ человѣколюбія, при семъ случаѣ оказанныхъ. Если болятся они напугать жителей другихъ городовъ, то весьма ошибаются. Очевидцы сего событія, особливо простолюдины, выѣхавшіе по своимъ надобностямъ въ другіе города, уже гораздо прежде ихъ распространили слухи съ невѣроятнымъ преувеличеніемъ. Г. Г. сказывалъ мнѣ, что въ Москвѣ пронесся слухъ, будто вода у насъ была ровна съ вершиною адмиралтейскаго шпица!!! Если Г. сказалъ это не въ шутку, то посмотрите, какое легкомысліе распространять таковые слухи и вѣрить имъ. Мнѣ кажется, долгъ писателя говорить истину, обличать ложь, не дѣлая выкладокъ въ дѣлѣ, отъ нашей власти не зависящемъ. Худо, пугливая публика замѣтитъ, что происшествія разсказываются по разсчетамъ. Далеко ли отъ Петербурга Нарва, Ладога? Но пріѣхавшіе оттуда мои родственники и пріятели разсказывали такія странности, которыхъ никто изъ насъ не видалъ, не слыхалъ, да и сами они въ странности слуховъ, до нихъ дошедшихъ, убѣдились, по пріѣздѣ въ столицу. Чтожъ скажутъ о семъ событіи, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ? Къ счастію, нашлись охотники собирать все, что только можно, относительно къ сему происшествію. Докторъ *Штейнъ*, извѣстный недавнимъ путешествіемъ своимъ вокругъ свѣта, даже подвергался опасности, чтобъ быть очевидцемъ ужасовъ бури и наводненія въ самый день онаго и въ послѣдующіе дни, и довольно подробное описаніе причиненныхъ онымъ бѣдствій, равно и мѣръ, принятыхъ правительствомъ, къ вспоможенію разореннымъ, читалъ въ минералогическомъ обществѣ. Я не былъ тогда въ собраніи, но сочлены мои сказываютъ, что

ство удаляется въ любимое свое уединеніе, чтобъ *свободно*, такъ сказать, *вздохнуть* послѣ всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ его подданными въ столицѣ, которыя раздѣлялъ онъ съ ними и послѣ личныхъ горестей, если можно назвать личными горести добрѣйшаго, чувствительнѣйшаго, великодушнѣйшаго монарха. Вотъ что хотѣлъ я сказать подъ словомъ: *личныхъ горестей*. Государыня императрица Елисавета Алексѣевна нѣсколько мѣсяцевъ была опасно больна. Теперь, благодаря Всевышняго, ея величество изволила выздоровѣть. Для чего бы симъ двумъ ангеламъ—хранителямъ нашего благоденствія не быть непричастными всякихъ горестей и болѣзней? Не видимъ ли мы въ низкомъ состояніи проживающихъ всю жизнь въ здравіи невредимомъ? Но нѣтъ! Давно ли мы—вся Россія, въ страхѣ были о жизни государя?

Не знаю, почему журналисты наши мало говорятъ о бѣдѣ, причиненой наводненіемъ, о разныхъ приключеніяхъ, о подвигахъ человѣколюбія, при семъ случаѣ оказанныхъ. Если болятся они напугать жителей другихъ городовъ, то весьма ошибаются. Очевидцы сего событія, особливо простолюдины, выѣхавшіе по своимъ надобностямъ въ другіе города, уже гораздо прежде ихъ распространили слухи съ невѣроятнымъ преувеличеніемъ. Г. Г. сказывалъ мнѣ, что въ Москвѣ пронесся слухъ, будто вода у насъ была ровна съ вершиною адмиралтейскаго шпица!!! Если Г. сказалъ это не въ шутку, то посмотрите, какое легкомысліе распространять таковые слухи и вѣрить имъ. Мнѣ кажется, долгъ писателя говорить истину, обличать ложь, не дѣлая выкладокъ въ дѣлѣ, отъ нашей власти не зависящемъ. Худо, пугливая публика замѣтитъ, что происшествія разсказываются по разсчетамъ. Далеко ли отъ Петербурга Нарва, Ладога? Но пріѣхавшіе оттуда мои родственники и пріятели разсказывали такія странности, которыхъ никто изъ насъ не видалъ, не слыхалъ, да и сами они въ странности слуховъ, до нихъ дошедшихъ, убѣдились, по пріѣздѣ въ столицу. Чтожъ скажутъ о семъ событіи, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ? Къ счастію, нашлись охотники собирать все, что только можно, относительно къ сему происшествію. Докторъ *Штейнъ*, извѣстный недавнимъ путешествіемъ своимъ вокругъ свѣта, даже подвергался опасности, чтобъ быть очевидцемъ ужасовъ бури и наводненія въ самый день онаго и въ послѣдующіе дни, и довольно подробное описаніе причиненныхъ онымъ бѣдствій, равно и мѣръ, принятыхъ правительствомъ, къ вспоможенію разорепнымъ, читалъ въ минералогическомъ обществѣ. Я не былъ тогда въ собраніи, но сочлены мои сказываютъ, что

сіе описаніе заслуживаетъ благодарность. Что-то скажетъ намъ г. Измайловъ. Я слышалъ, что онъ также собираетъ анекдоты по сему происшествію.

Странно! между тѣмъ, какъ я пишу къ вамъ, принесли мнѣ №№ 21 и 22 Сѣвернаго Архива (1824 года), въ которомъ г. Булгаринъ прекрасно и довольно подробно описалъ сіе наводненіе,—какъ въ улику мнѣ, что я напрасно укоряю журналистовъ въ ихъ молчаніи о семъ бѣдствіи.

Вотъ вамъ новость совсѣмъ другаго рода. Г. президентъ императорской медико-хирургической академіи, тайный совѣтникъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Виллье, не столько какъ почетному члену сей академіи, сколько изъ давняго своего ко мнѣ благорасположенія, прислалъ мнѣ билетъ на латинскій спектакль, назначенный 29 декабря, въ 6 часовъ по полудни, въ домѣ академическомъ. Я. В., любя древнюю словесность, и имѣя самъ глубокія свѣдѣнія въ оной, старается, чтобы и студенты сей академіи пріобрѣли навыкъ въ латинской словесности, столь необходимый для врачей. На этотъ конецъ онъ завелъ, чтобъ студенты на святкахъ играли комедіи Теренція, или Плавта, что началось въ 1824 году. Тогда играна была *Андріенна* комедія Теренціева; въ нынѣшнемъ году—комедія Плавтова *Амфитріонъ*. Для васъ не нужно разсказывать содержаніе этой піесы. Прекрасная сія комедія и разыграна прекрасно. За нею послѣдовала русская, или лучше польско-русская опера: *Жидовская корчма*, въ которой студенты игрою также очень много потѣшили публику. Въ операѣ не понравились мнѣ только нѣкоторыя выраженія, выдаваемыя за малороссійскія. Напр., малороссіянецъ не говоритъ: *я люблю ее богато*, а говоритъ: *дуже, сильно люблю*. О польскомъ языкѣ въ этой піесѣ судить не могу. Что вы скажете о семъ родѣ занятія, которое, по временамъ, болѣе или менѣе употребляемо было въ нашихъ училищахъ? Позволеніе и запрещеніе представлять театральныя піесы въ учебныхъ заведеніяхъ можетъ служить нѣкоторою повѣркою духа ихъ начальства. Объ этомъ предметѣ много писано и говорено въ защищеніе и въ охужденіе. Я держусь стороны умѣренности. Изрѣдка играть піесы съ благоразумнымъ выборомъ, по нравственному ихъ содержанію, равно какъ и читать ихъ, почитаю дѣломъ полезнымъ. Молодой человѣкъ дѣлается чрезъ то развязнымъ и сближается со свѣтомъ, въ коемъ долженъ прожить остальную часть своей жизни. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что св. Іеронимъ часто занимался чтеніемъ Плавта, не увлекаясь прелестями его комической музы, не отрека-

сіе описаніе заслуживаетъ благодарность. Что-то скажетъ намъ г. Измайловъ. Я слышалъ, что онъ также собираетъ анекдоты по сему происшествію.

Странно! между тѣмъ, какъ я пишу къ вамъ, принесли мнѣ №№ 21 и 22 Сѣвернаго Архива (1824 года), въ которомъ г. Булгаринъ прекрасно и довольно подробно описалъ сіе наводненіе,—какъ въ улику мнѣ, что я напрасно укоряю журналистовъ въ ихъ молчаніи о семъ бѣдствіи.

Вотъ вамъ новость совсѣмъ другаго рода. Г. президентъ императорской медико-хирургической академіи, тайный совѣтникъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Виллье, не столько какъ почетному члену сей академіи, сколько изъ давняго своего ко мнѣ благорасположенія, прислалъ мнѣ билетъ на латинскій спектакль, назначенный 29 декабря, въ 6 часовъ по полудни, въ домѣ академическомъ. Я. В., любя древнюю словесность, и имѣя самъ глубокія свѣдѣнія въ оной, старается, чтобы и студенты сей академіи пріобрѣли навыкъ въ латинской словесности, столь необходимый для врачей. На этотъ конецъ онъ завелъ, чтобъ студенты на святкахъ играли комедіи Теренція, или Плавта, что началось въ 1824 году. Тогда играна была *Андріенна* комедія Теренціева; въ нынѣшнемъ году—комедія Плавтова *Амфитріонъ*. Для васъ не нужно разсказывать содержаніе этой піесы. Прекрасная сія комедія и разыграна прекрасно. За нею послѣдовала русская, или лучше польско-русская опера: *Жидовская корчма*, въ которой студенты играю также очень много потѣшили публику. Въ операѣ не понравились мнѣ только нѣкоторыя выраженія, выдаваемыя за малороссійскія. Напр., малороссіянецъ не говоритъ: *я люблю ее богато*, а говоритъ: *дуже, сильно люблю*. О польскомъ языкѣ въ этой піесѣ судить не могу. Что вы скажете о семъ родѣ занятія, которое, по временамъ, болѣе или менѣе употребляемо было въ нашихъ училищахъ? Позволеніе и запрещеніе представлять театральныя піесы въ учебныхъ заведеніяхъ можетъ служить нѣкоторою повѣркою духа ихъ начальства. Объ этомъ предметѣ много писано и говорено въ защищеніе и въ охужденіе. Я держусь стороны умѣренности. Изрѣдка играть піесы съ благоразумнымъ выборомъ, по нравственному ихъ содержанію, равно какъ и читать ихъ, почитаю дѣломъ полезнымъ. Молодой человѣкъ дѣлается чрезъ то развязнымъ и сближается со свѣтомъ, въ которомъ долженъ прожить остальную часть своей жизни. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что св. Іеронимъ часто занимался чтеніемъ Плавта, не увлекаясь прелестями его комической музы, не отрека-

ясь отъ строгой непорочности нравовъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, краснорѣчивѣйшій отецъ церкви, находилъ удовольствіе заниматься Аристофаномъ, безъ вреда для своихъ добродѣтелей. И въ нашихъ духовныхъ училищахъ, въ старину, представленія театральныя даваемы были въ присутствіи духовенства и архіереевъ. Но этого довольно о сторонненъ предметѣ.

Послушайте, какой забавный анекдотъ разсказываетъ вице-адмиралъ Г. А. С. Одна женщина приходитъ къ нашему военному генералъ-губернатору по какому то дѣлу. Графъ, полагая, что она изъ числа раззорепныхъ, которыя обыкновенно приходятъ къ нему жаловаться, справедливо или несправедливо сдѣланы имъ малыя вспоможенія, или что вовсе ихъ не получали,—встрѣчаетъ ее вопросомъ: вѣрно, вы не получали вспоможенія? Нѣтъ! На насъ Богъ прогнѣвался. У насъ воды не было, отвѣчаетъ ему женщина... Конечно шутя сказала она? спросилъ я Г. А.— Нѣтъ, серьезно она сожалѣла, что всѣ сколько нибудь потерпѣвшіе отъ наводненія получили всевозможное пособіе, а она не могла имѣть сего счастія. Таковое простосердечіе не доказываетъ ли, сколь благодѣтельныя мѣры предприняты нашимъ любезнѣйшимъ государемъ для вспоможенія разореннымъ? По это доказываетъ вмѣстѣ и добрую совѣсть женщины, не солгавшей, подобно весьма многимъ, и не смотря на то, безъ всякаго стыда, получившимъ вспоможеніе.

Поздравляю васъ съ окончаніемъ стараго, бурнаго, и съ наступленіемъ новаго, неизвѣстно какого года; но не дай Богъ подобнаго минувшему.

Генваря 12 дня,
1825.

ПИСЬМО IX.

Читайте:

„Господину Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Мартынову.

„По письму ко мнѣ Вашего Превосходительства о потерпѣнномъ вами разореніи отъ бывшаго въ С.-Петербургѣ наводненія, я относился къ Г-ну Генералу отъ Артиллеріи Графу Аракчееву и нынѣ, получилъ отъ него увѣдомленіе, что Его Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать вамъ соизволилъ изъ Кабинета шесть тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ и объявлено имъ Генераломъ Графомъ Аракчеевымъ, Высочайшее повелѣніе Министру

ясь отъ строгой непорочности нравовъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, краснорѣчивѣйшій отецъ церкви, находилъ удовольствіе заниматься Аристофаномъ, безъ вреда для своихъ добродѣтелей. И въ нашихъ духовныхъ училищахъ, въ старину, представленія театральныя даваемы были въ присутствіи духовенства и архіереевъ. Но этого довольно о сторонемъ предметѣ.

Послушайте, какой забавный анекдотъ разсказываетъ вице-адмиралъ Г. А. С. Одна женщина приходитъ къ нашему военному генералъ-губернатору по какому то дѣлу. Графъ, полагая, что она изъ числа раззорепныхъ, которыя обыкновенно приходятъ къ нему жаловаться, справедливо или несправедливо сдѣланы имъ малыя вспоможенія, или что вовсе ихъ не получали,—встрѣчаетъ ее вопросомъ: вѣрно, вы не получали вспоможенія? Нѣтъ! На насъ Богъ прогнѣвался. У насъ воды не было, отвѣчаетъ ему женщина... Конечно шутя сказала она? спросилъ я Г. А.— Нѣтъ, серьезно она сожалѣла, что всѣ сколько нибудь потерпѣвшіе отъ наводненія получили всевозможное пособіе, а она не могла имѣть сего счастія. Таковое простосердечіе не доказываетъ ли, сколь благодѣтельныя мѣры предприняты нашимъ любезнѣйшимъ государемъ для вспоможенія разореннымъ? По это доказываетъ вмѣстѣ и добрую совѣсть женщины, не солгавшей, подобно весьма многимъ, и не смотря на то, безъ всякаго стыда, получившимъ вспоможеніе.

Поздравляю васъ съ окончаніемъ стараго, бурнаго, и съ наступленіемъ новаго, неизвѣстно какого года; но не дай Богъ подобнаго минувшему.

Генваря 12 дня,
1825.

ПИСЬМО IX.

Читайте:

„Господину Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Мартынову.

„По письму ко мнѣ Вашего Превосходительства о потерпѣнномъ вами разореніи отъ бывшаго въ С.-Петербургѣ наводненія, я относился къ Г-ну Генералу отъ Артиллеріи Графу Аракчееву и нынѣ, получилъ отъ него увѣдомленіе, что Его Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать вамъ соизволилъ изъ Кабинета шесть тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ и объявлено имъ Генераломъ Графомъ Аракчеевымъ, Высочайшее повелѣніе Министру

удѣловъ, дѣйствительному тайному совѣтнику графу Гурьеву, и что сверхъ того, Комитетъ, учрежденный о пособіи разореннымъ наводненіемъ С.-Петербурга, по уваженію значительныхъ убытковъ вашихъ, выдалъ вамъ въ пособіе пять тысячъ рублей, а всего и составляетъ 11 тыс. рублей. О чемъ вашему превосходительству даю знать. Варшава, декабря 27-го дня 1824 г.

Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ Цесаревичъ."

Читайте еще:

„Александръ Семеновичъ! Во уваженіе долговременной службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія члена главнаго правленія училищъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мартынова и во уваженіе того, что по переводѣ въ 1818 году Департамента Народнаго Просвѣщенія изъ наемнаго въ казенный домъ, не могъ онъ пользоваться квартирою, которую имѣлъ до того вмѣстѣ съ Департаментомъ, повелѣваю производить ему на наемъ квартиры, на дрова и свѣчи по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ."

Санктпетербургъ. Генваря 4-го дня 1825 года.

Знайте при томъ, что 4-го же генваря получилъ я вышеписанное увѣдомленіе Его Императорскаго Высочества. Содержаніе онаго, конечно, было уже мнѣ извѣстно, и я, по полученіи отношенія о томъ графа Алексѣя Андреевича, поблагодарилъ его высочество за милостивѣйшее вниманіе ко мнѣ; но увѣдомленіе за собственноручнымъ подписаніемъ государя цесаревича привело меня въ умиленіе; я вновь излилъ на бумагу свои чувствованія и отправилъ ее къ высокому покровителю моему.

А рескриптъ на имя г-на министра? О, любезнѣйшій П. А.! Съ какимъ восхищеніемъ читалъ я копію съ онаго въ кругу моего семейства! Какъ радовались жена, всѣ дѣти мои, всѣ сродники, всѣ мои, сослуживцы, особливо старые, всѣ ученики мои, конхъ, слава Богу, во всѣхъ состояніяхъ: въ духовномъ, военномъ и гражданскомъ, здѣсь не мало! Всѣ знакомые мои! Ибо всѣмъ извѣстно было право мое на квартиру, по прежнему высочайшему рескрипту. Вотъ сколько новый министръ сдѣлалъ для меня добра въ короткое время! Благодѣяніе сіе тѣмъ важнѣе, что прежнее министерство столько лѣтъ питало меня надеждою исходатайствовать, вмѣсто квартиры, деньги на наемъ оной и наконецъ, въ концѣ 1823 года, совершенно отказало. Бывшаго министра въ томъ не виню я нимало; ему вывели неправильную справку, и то кажется, не съ

удѣловъ, дѣйствительному тайному совѣтнику графу Гурьеву, и что сверхъ того, Комитетъ, учрежденный о пособіи разореннымъ наводненіемъ С.-Петербурга, по уваженію значительныхъ убытковъ вашихъ, выдалъ вамъ въ пособіе пять тысячъ рублей, а всего и составляетъ 11 тыс. рублей. О чемъ вашему превосходительству даю знать. Варшава, декабря 27-го дня 1824 г.

Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ Цесаревичъ."

Читайте еще:

„Александръ Семеновичъ! Во уваженіе долговременной службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія члена главнаго правленія училищъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мартынова и во уваженіе того, что по переводѣ въ 1818 году Департамента Народнаго Просвѣщенія изъ наемнаго въ казенный домъ, не могъ онъ пользоваться квартирою, которую имѣлъ до того вмѣстѣ съ Департаментомъ, повелѣваю производить ему на наемъ квартиры, на дрова и свѣчи по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ."

Санктпетербургъ. Генваря 4-го дня 1825 года.

Знайте при томъ, что 4-го же генваря получилъ я вышеписанное увѣдомленіе Его Императорскаго Высочества. Содержаніе онаго, конечно, было уже мнѣ извѣстно, и я, по полученіи отношенія о томъ графа Алексѣя Андреевича, поблагодарилъ его высочество за милостивѣйшее вниманіе ко мнѣ; но увѣдомленіе за собственноручнымъ подписаніемъ государя цесаревича привело меня въ умиленіе; я вновь излилъ на бумагу свои чувствованія и отправилъ ее къ высокому покровителю моему.

А рескриптъ на имя г-на министра? О, любезнѣйшій П. А.! Съ какимъ восхищеніемъ читалъ я копію съ онаго въ кругу моего семейства! Какъ радовались жена, всѣ дѣти мои, всѣ сродники, всѣ мои, сослуживцы, особливо старые, всѣ ученики мои, конхъ, слава Богу, во всѣхъ состояніяхъ: въ духовномъ, военномъ и гражданскомъ, здѣсь не мало! Всѣ знакомые мои! Ибо всѣмъ извѣстно было право мое на квартиру, по прежнему высочайшему рескрипту. Вотъ сколько новый министръ сдѣлалъ для меня добра въ короткое время! Благодѣяніе сіе тѣмъ важнѣе, что прежнее министерство столько лѣтъ питало меня надеждою исходатайствовать, вмѣсто квартиры, деньги на наемъ оной и наконецъ, въ концѣ 1823 года, совершенно отказало. Бывшаго министра въ томъ не виню я нимало; ему вывели неправильную справку, и то кажется, не съ

худымъ намѣреніемъ, но по незнанію всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла. Богъ съ ними! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. О, старецъ правдивый, какъ мнѣ благодарить тебя? Какъ заслужить твое, истинно отеческое, о мнѣ попеченіе! О государь несравненный! Можетъ ли вся ревность моя служить престолу твоему, отечеству—вѣрою и правдою, все пожертвованіе силъ и способностей моихъ, хотя нѣсколько быть достойною щедротъ твоихъ данію?

Генваря 5-го дня, 1825 г.

ПИСЬМО X.

Славословіе ваше тронуло меня до глубины сердца. И я соединилъ голосъ мой съ вашимъ, благодаря Всевышняго за спасеніе меня и семейства моего и въ особенности, за дарованіе мнѣ благодѣтелей и друзей, не оставившихъ меня и въ дни скорбные.

Вы просите меня не заводить уже сада на В. О.; убѣждаете, чтобы я продалъ мѣсто съ домомъ и поселился бы выше Невской лавры. Послѣднее изъ вашихъ желаній отчасти исполнилось. Я поселился хотя не выше Невской лавры, но вдвое выше прежняго моего жилища: въ большомъ, каменномъ, сухомъ, по всему выгодномъ домѣ, въ третьемъ этажѣ, по Невѣ, на В. О., и, кажется, буду спокоенъ и тогда, когда вода будетъ выше прошлогодней, отъ чего Боже избави насъ. По второму желанію вашему давно уже хлопочу, но купить домъ и мѣсто мало охотниковъ находилось; послѣ наводненія, вѣроятно, вовсе ихъ не будетъ. И такъ, я по неволѣ долженъ буду не исполнить третьяго вашего желанія—въ нѣкоторой степени. Садъ у меня старинный; много въ немъ повреждено, но довольно осталось и невредимымъ или удобнымъ для поправки. Большую часть оранжерей не возобновляю; оставляю одну теплицу, парникъ и, такъ называемую въ моемъ быту, виноградную. Дѣлаю это, какъ для того, что систему Ляпееву не почитаю дѣтскою, такъ и для того, что садъ и оранжереи доставляли мнѣ небольшую прибавку на содержаніе моего семейства.

Счастливо странствовать вамъ по степямъ киргизскимъ и якутскимъ и познавать *долготу*, *глубину* и *высоту* мѣстъ, если въ томъ находите удовольствіе. Я же, по приговору, видно, судебъ, долженъ сидѣть на одномъ мѣстѣ.

По желанію вашему, посылаю вамъ окончаніе исторіи моей бѣды отъ наводненія. Она была написана сряду послѣ отправленныхъ мною къ вамъ листковъ; но мнѣ показалось, что я слишкомъ уже

худымъ намѣреніемъ, но по незнанію всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла. Богъ съ ними! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. О, старецъ правдивый, какъ мнѣ благодарить тебя? Какъ заслужить твое, истинно отеческое, о мнѣ попеченіе! О государь несравненный! Можетъ ли вся ревность моя служить престолу твоему, отечеству—вѣрою и правдою, все пожертвованіе силъ и способностей моихъ, хотя нѣсколько быть достойною щедротъ твоихъ данію?

Генваря 5-го дня, 1825 г.

ПИСЬМО X.

Славословіе ваше тронуло меня до глубины сердца. И я соединилъ голосъ мой съ вашимъ, благодаря Всевышняго за спасеніе меня и семейства моего и въ особенности, за дарованіе мнѣ благодѣтелей и друзей, не оставившихъ меня и въ дни скорбные.

Вы просите меня не заводить уже сада на В. О.; убѣждаете, чтобы я продалъ мѣсто съ домомъ и поселился бы выше Невской лавры. Послѣднее изъ вашихъ желаній отчасти исполнилось. Я поселился хотя не выше Невской лавры, но вдвое выше прежняго моего жилища: въ большомъ, каменномъ, сухомъ, по всему выгодномъ домѣ, въ третьемъ этажѣ, по Невѣ, на В. О., и, кажется, буду спокоенъ и тогда, когда вода будетъ выше прошлогодней, отъ чего Боже избави насъ. По второму желанію вашему давно уже хлопочу, но купить домъ и мѣсто мало охотниковъ находилось; послѣ наводненія, вѣроятно, вовсе ихъ не будетъ. И такъ, я по неволѣ долженъ буду не исполнить третьяго вашего желанія—въ нѣкоторой степени. Садъ у меня старинный; много въ немъ повреждено, но довольно осталось и невредимымъ или удобнымъ для поправки. Большую часть оранжерей не возобновляю; оставляю одну теплицу, парникъ и, такъ называемую въ моемъ быту, виноградную. Дѣлаю это, какъ для того, что систему Ляпееву не почитаю дѣтскою, такъ и для того, что садъ и оранжереи доставляли мнѣ небольшую прибавку на содержаніе моего семейства.

Счастливо странствовать вамъ по степямъ киргизскимъ и якутскимъ и познавать *долготу*, *глубину* и *высоту* мѣстъ, если въ томъ находите удовольствіе. Я же, по приговору, видно, судебъ, долженъ сидѣть на одномъ мѣстѣ.

По желанію вашему, посылаю вамъ окончаніе исторіи моей бѣды отъ наводненія. Она была написана сряду послѣ отправленныхъ мною къ вамъ листковъ; но мнѣ показалось, что я слишкомъ уже

обременилъ васъ плаксивыми своими разсказами, а потому не послалъ къ вамъ послѣднихъ моихъ донесеній.

За записку въ волонтеры на Геродота приношу искреннюю благодарность. На лишніе гроши, пришлю, по желанію вашему, другихъ книгъ; теперь не могу еще назначить цѣны Геродоту.

Странная современность! Между тѣмъ, какъ я *въ ковчегѣ* своемъ защищаю садикъ мой противъ вашего нападенія, приходитъ ко мнѣ сынъ Глазунова съ толстою рукописью in-folio подъ заглавіемъ: „Сады сѣверные или способы воспитанія плодовитыхъ деревьевъ въ климатѣ нашемъ, писанные изъ опытовъ, содержащіе въ себѣ подробное и ясное наставленіе о садоводствѣ. Сочиненіе Іосифа Струмилля, дѣйствительнаго члена императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства“. Глазуновъ проситъ, чтобы я положилъ рѣшеніе: заслуживаетъ ли рукопись быть изданною въ свѣтъ, т. е. чтобъ заплатить за нее ста два — три рублей! Вотъ видите, каковымъ знатокомъ я прослылъ въ садоводствѣ. Даже Глазуновъ меня уважаетъ! И такъ, можно ли обойтись мнѣ безъ сада? Что безъ практики я буду отвѣчать въ подобныхъ случаяхъ Глазуновымъ? Если не убѣдительны для васъ прежніе мои доводы, то, по крайней мѣрѣ, этотъ приведетъ васъ въ тупикъ, и принудитъ оставить садъ за мною.

Прощайте, любезный, почтенный сибирякъ и другъ безцѣнный!

С.-Петербургъ, марта 22-го дня, 1825 года, въ день крещенія великой княжны Маріи Михайловны.

Ни полслова не сказалъ я вамъ до сихъ поръ на послѣднюю вашу грамотку, потому что откладывалъ это до отпечатанія моего Филоктета. Посылая вамъ его теперь, доношу, что я, благодаря государя императора и добрыхъ моихъ начальниковъ, кончилъ уже всѣ починки въ разоренномъ моемъ замкѣ; излишнее уничтожилъ; оставилъ почти одно нужное и могущее приносить нѣкоторый доходъ. Конечно, не сталъ бы я дѣлать издержекъ для пожертвованій будущему потопу, но пріятно ли всегда смотрѣть на слѣды разрушенія? Что сказали бы обо мнѣ другіе? да и можно ли надѣяться, чтобы кто купилъ мѣсто, покрытое памятниками ужаснѣйшаго событія?

Какъ мнѣ жаль вашихъ зубовъ! Только правду ли вы говорите? Вы всегда любили взвести на себя небылицу. Впрочемъ, я и не повѣрю, чтобы запрещенный плодъ имѣлъ свойство лишать зубовъ его вкушающихъ. Послѣ того, какъ Адамъ вкусилъ онаго, люди стали кусать и другъ друга, чего безъ зубовъ имъ бы не сдѣлать.

обременилъ васъ плаксивыми своими разсказами, а потому не послалъ къ вамъ послѣднихъ моихъ донесеній.

За записку въ волонтеры на Геродота приношу искреннюю благодарность. На лишніе гроши, пришлю, по желанію вашему, другихъ книгъ; теперь не могу еще назначить цѣны Геродоту.

Странная современность! Между тѣмъ, какъ я *въ ковчегѣ* своемъ защищаю садикъ мой противъ вашего нападенія, приходитъ ко мнѣ сынъ Глазунова съ толстою рукописью in-folio подъ заглавіемъ: „Сады сѣверные или способы воспитанія плодовитыхъ деревьевъ въ климатѣ нашемъ, писанные изъ опытовъ, содержащіе въ себѣ подробное и ясное наставленіе о садоводствѣ. Сочиненіе Іосифа Струмилля, дѣйствительнаго члена императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства“. Глазуновъ проситъ, чтобы я положилъ рѣшеніе: заслуживаетъ ли рукопись быть изданною въ свѣтъ, т. е. чтобъ заплатить за нее ста два — три рублей! Вотъ видите, каковымъ знатокомъ я прослылъ въ садоводствѣ. Даже Глазуновъ меня уважаетъ! И такъ, можно ли обойтись мнѣ безъ сада? Что безъ практики я буду отвѣчать въ подобныхъ случаяхъ Глазуновымъ? Если не убѣдительны для васъ прежніе мои доводы, то, по крайней мѣрѣ, этотъ приведетъ васъ въ тупикъ, и принудитъ оставить садъ за мною.

Прощайте, любезный, почтенный сибирякъ и другъ безцѣнный!

С.-Петербургъ, марта 22-го дня, 1825 года, въ день крещенія великой княжны Маріи Михайловны.

Ни полслова не сказалъ я вамъ до сихъ поръ на послѣднюю вашу грамотку, потому что откладывалъ это до отпечатанія моего Филоктета. Посылая вамъ его теперь, доношу, что я, благодаря государя императора и добрыхъ моихъ начальниковъ, кончилъ уже всѣ починки въ разоренномъ моемъ замкѣ; излишнее уничтожилъ; оставилъ почти одно нужное и могущее приносить нѣкоторый доходъ. Конечно, не сталъ бы я дѣлать издержекъ для пожертвованій будущему потопу, но пріятно ли всегда смотрѣть на слѣды разрушенія? Что сказали бы обо мнѣ другіе? да и можно ли надѣяться, чтобы кто купилъ мѣсто, покрытое памятниками ужаснѣйшаго событія?

Какъ мнѣ жаль вашихъ зубовъ! Только правду ли вы говорите? Вы всегда любили взвести на себя небылицу. Впрочемъ, я и не повѣрю, чтобы запрещенный плодъ имѣлъ свойство лишать зубовъ его вкушающихъ. Послѣ того, какъ Адамъ вкусилъ онаго, люди стали кусать и другъ друга, чего безъ зубовъ имъ бы не сдѣлать.

Оставьте, любезный другъ, мрачныя свои мысли; если вашъ адъ, какъ я думаю, въ однихъ только мысляхъ вашихъ, въ однихъ временныхъ огорченіяхъ. Когда вамъ бываетъ скучно между окружающими васъ людьми, поговорите нѣсколько съ отдаленными отъ васъ друзьями своими. Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ всегда легче бываетъ послѣ этого лѣкарства. Простите, любезнѣйшій П. А. Пора разсаживать цвѣты.

С.-Петербургъ, іюня 22 дня, 1825 г. *).

III.

Поѣздка въ Царское село и въ Павловскъ 27-го іюня 1829 года.

Отъ сидячей ли жизни, или отъ преклонныхъ лѣтъ, съ нѣкотораго времени я началъ чувствовать припадки въ здоровьѣ. Пріятели мои считаютъ маловажнымъ ежедневныя мои прогулки по нѣсколько часовъ, и для освѣженія себя совѣтовали мнѣ сдѣлать поѣздку за городъ; я рѣшился воспользоваться ихъ совѣтами.

Послѣ продолжавшихся нѣсколько дней сряду дождей съ молніей и громомъ, воздухъ сдѣлался прохладнѣе; сегодняшнее утро, ясное, тихое, обѣщало день бездождный и благопріятствовало моему намѣренію. Нанимаю дрожки и ѣду въ Царское Село и въ Павловскъ. Въ сихъ мѣстахъ не бывалъ я съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ плачевный жребій по наряду быть дежурнымъ у гроба благословеннаго Александра. Времени прошло довольно; посему должно быть тамъ и многимъ перемѣнамъ.

Въ восемь часовъ я очутился у заставы: солдатъ остановилъ лошадей и, подойдя ко мнѣ съ аспидною дощечкой, спросилъ, куда ѣду, кто я; послѣ отвѣта моего, извощикъ ударилъ по лошадямъ, и онѣ быстро помчались по гладкой, терпѣливымъ искусствомъ устроенной, прекрасной дорогѣ. По обѣимъ сторонамъ ея мелькали знакомые и незнакомые предметы. Прямыя, кудрявыя, молодыя липки по обѣимъ сторонамъ дороги замѣнили прежнія устарѣлыя березы: всѣ онѣ принялись и блистаютъ нѣжною, темною зеленью листьевъ; за ними развиваются тучные луга; душистая, высокая трава ростетъ тамъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ были зыбуны, кочками и корнями деревъ усѣянные; за лугами и промежь ихъ возвышаются здѣсь новонасажденные кустарники,

*) Послѣднія два письма не были посланы къ П. А.

Оставьте, любезный другъ, мрачныя свои мысли; если вашъ адъ, какъ я думаю, въ однихъ только мысляхъ вашихъ, въ однихъ временныхъ огорченіяхъ. Когда вамъ бываетъ скучно между окружающими васъ людьми, поговорите нѣсколько съ отдаленными отъ васъ друзьями своими. Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ всегда легче бываетъ послѣ этого лѣкарства. Простите, любезнѣйшій П. А. Пора разсаживать цвѣты.

С.-Петербургъ, іюня 22 дня, 1825 г. *).

III.

Поѣздка въ Царское село и въ Павловскъ 27-го іюня 1829 года.

Отъ сидячей ли жизни, или отъ преклонныхъ лѣтъ, съ нѣкотораго времени я началъ чувствовать припадки въ здоровьѣ. Пріятели мои считаютъ маловажнымъ ежедневныя мои прогулки по нѣсколько часовъ, и для освѣженія себя совѣтовали мнѣ сдѣлать поѣздку за городъ; я рѣшился воспользоваться ихъ совѣтами.

Послѣ продолжавшихся нѣсколько дней сряду дождей съ молніей и громомъ, воздухъ сдѣлался прохладнѣе; сегодняшнее утро, ясное, тихое, обѣщало день бездождный и благопріятствовало моему намѣренію. Нанимаю дрожки и ѣду въ Царское Село и въ Павловскъ. Въ сихъ мѣстахъ не бывалъ я съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ плачевный жребій по наряду быть дежурнымъ у гроба благословеннаго Александра. Времени прошло довольно; посему должно быть тамъ и многимъ перемѣнамъ.

Въ восемь часовъ я очутился у заставы: солдатъ остановилъ лошадей и, подойдя ко мнѣ съ аспидною дощечкой, спросилъ, куда ѣду, кто я; послѣ отвѣта моего, извощикъ ударилъ по лошадямъ, и онѣ быстро помчались по гладкой, терпѣливымъ искусствомъ устроенной, прекрасной дорогѣ. По обѣимъ сторонамъ ея мелькали знакомые и незнакомые предметы. Прямыя, кудрявыя, молодыя липки по обѣимъ сторонамъ дороги замѣнили прежнія устарѣлыя березы: всѣ онѣ принялись и блистаютъ нѣжною, темною зеленью листьевъ; за ними развиваются тучные луга; душистая, высокая трава ростетъ тамъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ были зыбуны, кочками и корнями деревъ усѣянные; за лугами и промежь ихъ возвышаются здѣсь новонасажденные кустарники,

*) Послѣднія два письма не были посланы къ П. А.

тамъ старыя рощи, лѣски, въ коихъ, мѣстами, свѣтлѣются красивые домики. Вотъ дача умершаго тѣломъ, но безсмертнаго покровительствомъ просвѣщенію графа Николая Петровича Румянцова. Она устроена не задолго до кончины его: почтенный вельможа почти вовсе не пользовался прохладными тѣнями деревъ, велѣніемъ его здѣсь растущихъ. Мѣсто сіе пробудило во мнѣ воспоминанія объ извѣстныхъ всѣмъ подвигахъ его любви къ отечеству и наукамъ и привело на мысль обстоятельства, собственно до меня касающіяся. Государственный канцлеръ и меня не оставлялъ какъ письмами изъ Гомеля, такъ и личною бесѣдою, во время пребыванія своего въ здѣшней столицѣ, поощрять къ продолженію тяжкаго изданія „Греческихъ классиковъ“. Нерѣдко я жаловался ему на скудное число читателей сихъ стариковъ; но онъ внушалъ мнѣ, что мы должны трудиться не для однихъ современниковъ. Графъ Николай Петровичъ хотѣлъ было на свой счетъ издать мой переводъ исторіи Иродотовой; но я отозвался, что онъ уже печатается по подпискѣ, въ числѣ другихъ классиковъ, послѣ чего онъ ограничился только тѣмъ, чтобъ къ моему переводу приложить карты французскаго издателя сей исторіи г. Геля, которыя хотѣлъ выгравировать съ русскимъ переводомъ географическихъ названій на свой счетъ; но вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ кончина его остановила исполненіе сего благодѣтельнаго намѣренія, и я принужденнымъ нашелся выгравировать на свой счетъ одну только общую карту Иродотовой географіи, заимствованную мною изъ атласа Мальтъ-Брюнова.

Въ подобныхъ симъ воспоминаніяхъ я погружался, какъ вскорѣ увидѣлъ по лѣвую сторону дороги Чесменскій дворецъ. Я не заходилъ въ него, поспѣшал къ главному мѣсту своей поѣздки и не надѣясь найдти въ немъ для себя ничего новаго, а старое можетъ быть новымъ для однихъ путешественниковъ, только въ первый разъ видящихъ предметы.

Отъ Чесменскаго дворца до Пулкова почти сряду по обѣимъ сторонамъ дороги прекрасная; высокая, колосистая рожь представляла зеленое море, которое въ этотъ день нисколько вѣтромъ не волновалось; зрѣлище сіе восхищало меня, какъ давно не видѣнное мною: я безпрестанно поворачивалъ голову то на ту, то на другую сторону дороги.

Въ Нижнемъ Пулковомъ увидѣлъ я новые домики на томъ мѣстѣ, гдѣ за годъ съ лишнимъ предъ симъ сгорѣло отъ пожара двадцать домовъ. Это также не мало порадовало меня, ибо я не мало,

тамъ старыя рощи, лѣски, въ коихъ, мѣстами, свѣтлѣются красивые домики. Вотъ дача умершаго тѣломъ, но безсмертнаго покровительствомъ просвѣщенію графа Николая Петровича Румянцова. Она устроена не задолго до кончины его: почтенный вельможа почти вовсе не пользовался прохладными тѣнями деревъ, велѣніемъ его здѣсь растущихъ. Мѣсто сіе пробудило во мнѣ воспоминанія объ извѣстныхъ всѣмъ подвигахъ его любви къ отечеству и наукамъ и привело на мысль обстоятельства, собственно до меня касающіяся. Государственный канцлеръ и меня не оставлялъ какъ письмами изъ Гомеля, такъ и личною бесѣдою, во время пребыванія своего въ здѣшней столицѣ, поощрять къ продолженію тяжкаго изданія „Греческихъ классиковъ“. Нерѣдко я жаловался ему на скудное число читателей сихъ стариковъ; но онъ внушалъ мнѣ, что мы должны трудиться не для однихъ современниковъ. Графъ Николай Петровичъ хотѣлъ было на свой счетъ издать мой переводъ исторіи Иродотовой; но я отозвался, что онъ уже печатается по подпискѣ, въ числѣ другихъ классиковъ, послѣ чего онъ ограничился только тѣмъ, чтобъ къ моему переводу приложить карты французскаго издателя сей исторіи г. Геля, которыя хотѣлъ выгравировать съ русскимъ переводомъ географическихъ названій на свой счетъ; но вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ кончина его остановила исполненіе сего благодѣтельнаго намѣренія, и я принужденнымъ нашелся выгравировать на свой счетъ одну только общую карту Иродотовой географіи, заимствованную мною изъ атласа Мальтъ-Брюнова.

Въ подобныхъ симъ воспоминаніяхъ я погружался, какъ вскорѣ увидѣлъ по лѣвую сторону дороги Чесменскій дворецъ. Я не заходилъ въ него, поспѣшал къ главному мѣсту своей поѣздки и не надѣясь найдти въ немъ для себя ничего новаго, а старое можетъ быть новымъ для однихъ путешественниковъ, только въ первый разъ видящихъ предметы.

Отъ Чесменскаго дворца до Пулкова почти сряду по обѣимъ сторонамъ дороги прекрасная; высокая, колосистая рожь представляла зеленое море, которое въ этотъ день нисколько вѣтромъ не волновалось; зрѣлище сіе восхищало меня, какъ давно не видѣнное мною: я безпрестанно поворачивалъ голову то на ту, то на другую сторону дороги.

Въ Нижнемъ Пулковомъ увидѣлъ я новые домики на томъ мѣстѣ, гдѣ за годъ съ лишнимъ предъ симъ сгорѣло отъ пожара двадцать домовъ. Это также не мало порадовало меня, ибо я не мало,

хотя не собственными деньгами, способствовалъ къ поправленію состоянія погорѣвшихъ крестьянъ. Можетъ быть, и эти домики, если только не выстроены отъ казны, отчасти обязаны созданіемъ своимъ моей помощи. Вотъ въ чемъ она состояла: услышавъ, что въ Пулковомъ погорѣли крестьяне, я на третій день послѣ пожара отправился къ нимъ *инкогнито*, отыскалъ домъ выборнаго, попросилъ его, собрать всѣхъ крестьянъ, у коихъ сгорѣли домы, и при немъ, при многихъ другихъ крестьянахъ, въ его домѣ роздалъ девятнадцати главамъ семейства домовъ, вовсе погорѣвшихъ, по двѣсти рублей, а двумъ, которыхъ домы отстояны и мало вреда потерпѣли, по сту рублей, съ запискою ихъ именъ въ шнуровой книгѣ, которую взялъ я съ собой, и съ росписью въ ней трехъ грамотныхъ крестьянъ въ полученіи ими сихъ денегъ. Если бы я въ состояніи былъ изъ своего имущества сдѣлать имъ сіе пособіе,— то можетъ быть, скрылъ бы или бы долженъ былъ скрыть дѣло сіе въ душѣ своей; но оно отнюдь не принадлежитъ мнѣ. Я былъ только исполнителемъ и орудіемъ благодѣтельнаго завѣщанія, доставившаго мнѣ средства облегчать участь несчастныхъ. Какое трогательное было для меня зрѣлище при раздачѣ денегъ симъ крестьянамъ! Подходя ко мнѣ по одиночкѣ для пріема денегъ, они падали въ ноги и, не смотря на мои сопротивленія, цѣловали руки и ноги, и со слезами, стоя на колѣняхъ, молились Богу; а по окончаніи раздачи, всѣ, какъ снопы, повалились передо мною и просили объявить имъ, кто такой ихъ благодѣтель, за кого они должны молиться Богу. Я объявилъ имъ имя завѣщательницы: они всѣ начали креститься, поминать душу ея и сказали, что въ тотъ же день отслужатъ по ней панихиду. Потомъ опять бросились къ моимъ ногамъ и упрашивали, чтобъ я сказалъ имъ и свое имя. „На что вамъ это?“ „Чтобъ молиться Богу и за тебя и отпѣть за здравіе твое молебенъ: когда бы эти деньги достались въ другія руки“, говорили они, „то бы, можетъ быть, не увидѣли мы ихъ никогда“. Я благодарилъ ихъ за усердіе, но все не сказалъ, кто я, а просилъ, если они хотятъ за меня молиться, молились бы за того, кто роздалъ имъ въ тотъ день деньги. Они, думая, что я пришелъ къ нимъ пѣшкомъ, приготовили для меня дрожки; но я, желая принять всѣ мѣры, чтобы они не узнали обо мнѣ отъ извощика, отъ услуги ихъ отказался и, распростясь, пошелъ въ другую сторону, не туда, гдѣ остановились мои дрожки.

Извощикъ мой поворотилъ въ Нижнемъ Пулковомъ налѣво и поѣхалъ по новой дорогѣ; по старой, то есть, прямо на гору, мимо

хотя не собственными деньгами, способствовалъ къ поправленію состоянія погорѣвшихъ крестьянъ. Можетъ быть, и эти домики, если только не выстроены отъ казны, отчасти обязаны созданіемъ своимъ моей помощи. Вотъ въ чемъ она состояла: услышавъ, что въ Пулковомъ погорѣли крестьяне, я на третій день послѣ пожара отправился къ нимъ *инкогнито*, отыскалъ домъ выборнаго, попросилъ его, собрать всѣхъ крестьянъ, у коихъ сгорѣли домы, и при немъ, при многихъ другихъ крестьянахъ, въ его домѣ роздалъ девятнадцати главамъ семейства домовъ, вовсе погорѣвшихъ, по двѣсти рублей, а двумъ, которыхъ домы отстояны и мало вреда потерпѣли, по сту рублей, съ запискою ихъ именъ въ шнуровой книгѣ, которую взялъ я съ собой, и съ росписью въ ней трехъ грамотныхъ крестьянъ въ полученіи ими сихъ денегъ. Если бы я въ состояніи былъ изъ своего имущества сдѣлать имъ сіе пособіе,— то можетъ быть, скрылъ бы или бы долженъ былъ скрыть дѣло сіе въ душѣ своей; но оно отнюдь не принадлежитъ мнѣ. Я былъ только исполнителемъ и орудіемъ благодѣтельнаго завѣщанія, доставившаго мнѣ средства облегчать участь несчастныхъ. Какое трогательное было для меня зрѣлище при раздачѣ денегъ симъ крестьянамъ! Подходя ко мнѣ по одиночкѣ для пріема денегъ, они падали въ ноги и, не смотря на мои сопротивленія, цѣловали руки и ноги, и со слезами, стоя на колѣняхъ, молились Богу; а по окончаніи раздачи, всѣ, какъ снопы, повалились передо мною и просили объявить имъ, кто такой ихъ благодѣтель, за кого они должны молиться Богу. Я объявилъ имъ имя завѣщательницы: они всѣ начали креститься, поминать душу ея и сказали, что въ тотъ же день отслужатъ по ней панихиду. Потомъ опять бросились къ моимъ ногамъ и упрашивали, чтобъ я сказалъ имъ и свое имя. „На что вамъ это?“ „Чтобъ молиться Богу и за тебя и отпѣть за здравіе твое молебенъ: когда бы эти деньги достались въ другія руки“, говорили они, „то бы, можетъ быть, не увидѣли мы ихъ никогда“. Я благодарилъ ихъ за усердіе, но все не сказалъ, кто я, а просилъ, если они хотятъ за меня молиться, молились бы за того, кто роздалъ имъ въ тотъ день деньги. Они, думая, что я пришелъ къ нимъ пѣшкомъ, приготовили для меня дрожки; но я, желая принять всѣ мѣры, чтобы они не узнали обо мнѣ отъ извощика, отъ услуги ихъ отказался и, распростясь, пошелъ въ другую сторону, не туда, гдѣ остановились мои дрожки.

Извощикъ мой поворотилъ въ Нижнемъ Пулковомъ налѣво и поѣхалъ по новой дорогѣ; по старой, то есть, прямо на гору, мимо

лѣса, теперь уже не ѣздятъ, потому что большое пространство земли передъ прежнимъ въѣздомъ въ Царское Село занято подъ садъ, а ѣздятъ чрезъ слободу Кузьмино. Итакъ, я не увижу васъ, милыя мои золотыя купальницы *), и васъ, серебряные колокольчики **), любящіе расти въ глубокой ложбинѣ на горѣ Пулковской.

Но эта новая дорога для меня весьма кстати. По ней ѣздилъ я въ Царское Село только одинъ разъ, и когда? Въ царствованіе Екатерины Великой. По сему для меня новы были виды этихъ подгорныхъ и нагорныхъ садиковъ, въ которыхъ вишневыя деревья, молодыя, чистыя, нетронутыя, сколько можно было видѣть съ дороги, червями яблони, не какъ нынѣшнее лѣто въ столицѣ, обѣщаютъ хозяевамъ обильный урожай.

Слобода Пулково довольно велика; въ ней есть изрядные новые, красивые домики; передъ домиками во многихъ мѣстахъ есть колодцы. Каменная церковь, на косогорѣ возвышающаяся, дѣлаетъ прекрасный видъ. Ѣдучи по этой дорогѣ, долго не теряешь изъ виду столицы съ ея окрестностями и вмѣстѣ видишь Царское Село, каковой выгоды прежняя дорога не представляетъ. Другая выгода новой дороги состоитъ въ томъ, что она нѣсколько сокращаетъ ѣзду отъ столицы къ Царскому Селу.

Между Нагорнымъ Пулковомъ и Кузминымъ, къ сожалѣнію, многія нивы какъ бы нарочно засѣяны рѣзухой (raphanus raphanistrum), которой желтые цвѣтки однихъ только дѣтей забавляютъ, а хозяевъ приводятъ въ уныніе. Гдѣ сего растенія немного, тамъ его выпалываютъ; а гдѣ не оставило оно почти мѣста для льну или ржи, тамъ выполоть его нѣтъ никакой возможности.

Вотъ и Кузмино со своими большею частію ветхими, маленькими, бѣдными домиками. Передъ въѣздомъ въ слободу, по правую сторону дороги, въ довольномъ отъ нея разстояніи, между нивъ весьма замѣтно растущее однимъ одно ольховое, казалось съ дороги, дерево; оно растетъ бѣдно, уединенно и трогательно представляетъ собою сироту, всѣми покинутаго въ мірѣ.

Въ концѣ сей слободы, по лѣвую сторону также возвышается на косогорѣ каменная церковь. Кузьмино соединяется съ Царскимъ Селомъ двумя рядами молодыхъ рябинъ, посаженныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Ворота, чрезъ которыя въѣзжаютъ въ Царское Село, или лучше, въ царскій садъ, еще не отстроены.

---

*) Trollius europaeus.

**) Campanula trachelium.

лѣса, теперь уже не ѣздятъ, потому что большое пространство земли передъ прежнимъ въѣздомъ въ Царское Село занято подъ садъ, а ѣздятъ чрезъ слободу Кузьмино. Итакъ, я не увижу васъ, милыя мои золотыя купальницы *), и васъ, серебряные колокольчики **), любящіе расти въ глубокой ложбинѣ на горѣ Пулковской.

Но эта новая дорога для меня весьма кстати. По ней ѣздилъ я въ Царское Село только одинъ разъ, и когда? Въ царствованіе Екатерины Великой. По сему для меня новы были виды этихъ подгорныхъ и нагорныхъ садиковъ, въ которыхъ вишневыя деревья, молодыя, чистыя, нетронутыя, сколько можно было видѣть съ дороги, червями яблони, не какъ нынѣшнее лѣто въ столицѣ, обѣщаютъ хозяевамъ обильный урожай.

Слобода Пулково довольно велика; въ ней есть изрядные новые, красивые домики; передъ домиками во многихъ мѣстахъ есть колодцы. Каменная церковь, на косогорѣ возвышающаяся, дѣлаетъ прекрасный видъ. Ѣдучи по этой дорогѣ, долго не теряешь изъ виду столицы съ ея окрестностями и вмѣстѣ видишь Царское Село, каковой выгоды прежняя дорога не представляетъ. Другая выгода новой дороги состоитъ въ томъ, что она нѣсколько сокращаетъ ѣзду отъ столицы къ Царскому Селу.

Между Нагорнымъ Пулковомъ и Кузминымъ, къ сожалѣнію, многія нивы какъ бы нарочно засѣяны рѣзухой (raphanus raphanistrum), которой желтые цвѣтки однихъ только дѣтей забавляютъ, а хозяевъ приводятъ въ уныніе. Гдѣ сего растенія немного, тамъ его выпалываютъ; а гдѣ не оставило оно почти мѣста для льну или ржи, тамъ выполоть его нѣтъ никакой возможности.

Вотъ и Кузмино со своими большею частію ветхими, маленькими, бѣдными домиками. Передъ въѣздомъ въ слободу, по правую сторону дороги, въ довольномъ отъ нея разстояніи, между нивъ весьма замѣтно растущее однимъ одно ольховое, казалось съ дороги, дерево; оно растетъ бѣдно, уединенно и трогательно представляетъ собою сироту, всѣми покинутаго въ мірѣ.

Въ концѣ сей слободы, по лѣвую сторону также возвышается на косогорѣ каменная церковь. Кузьмино соединяется съ Царскимъ Селомъ двумя рядами молодыхъ рябинъ, посаженныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Ворота, чрезъ которыя въѣзжаютъ въ Царское Село, или лучше, въ царскій садъ, еще не отстроены.

---

*) Trollius europaeus.

**) Campanula trachelium.

Въѣхавши въ этотъ садъ, невольно поражаешься противуположностію простоты природы, только лишь видѣнной въ Кузминомъ и его окрестностяхъ, съ блестящимъ искусствомъ, одушевляющимъ всѣ предметы въ саду новоустроенномъ, противуположностію бѣдности крестьянскихъ хижинъ съ великолѣпіемъ Александровскаго дворца и другихъ зданій.

Я велѣлъ остановиться извощику у входа въ садъ передъ самымъ дворцомъ. Сколько перемѣнъ и какихъ перемѣнъ въ столь короткое время! Нѣтъ, я не берусь описывать сего волшебнаго произведенія архитектуры и садоводства. Пусть Делиль какой изобразитъ все богатство, все разнообразіе затѣй искусства. видовъ, извитіе дорожекъ и дорогъ, эти густыя куртины, эти рощицы и роща, съ ихъ тѣнями и зеленью, эти цвѣтники, луга и лужайки и проч.

Войдя въ садъ, первое мое желаніе было встрѣтиться съ кѣмълибо, чтобъ узнать, гдѣ та капелла, въ которой стоитъ изваяніе Христа Спасителя, и какъ никто мнѣ не попадался на встрѣчу, то я прошелъ до прекрасной огромной башни, весьма прилично названной *солитеромъ*: она дѣйствительно одинокая по своей высотѣ и въ удаленіи отъ прочихъ зданій. Тутъ нашелъ я истопника, который указалъ мнѣ спицъ капеллы.

На дорогѣ къ капеллѣ попались мнѣ два стада мериносовъ, пасущіяся въ саду въ нѣкоторомъ отдаленіи одно отъ другаго. Одно изъ нихъ состояло изъ барановъ; другое изъ овецъ, и у каждаго стада былъ особливый пастухъ. Я остановился, полюбовался этими прекрасными колонистами; кажется, они не могутъ пожаловаться на пажить, которую Александровскій садъ имъ предлагаетъ; если не лучше, то безъ сомнѣнія, не хуже она пажитей ихъ родины. Притомъ же невинныя, кроткія сіи животныя никогда не походили на тѣхъ иноземцевъ, которые, живучи въ Россіи во всемъ довольствѣ и не рѣдко даже въ предпочтеніи предъ природными Русскими, ни чѣмъ не довольны и за ея хлѣбъ-соль ее же злословятъ. Пастухъ стада барановъ вскорѣ погналъ ихъ съ лужка, прикрикивая повременно какое-то извѣстное имъ слово, и они чинно пошли впередъ. Вскорѣ потомъ другой пастухъ погналъ и стадо овецъ.

Я поспѣшилъ къ капеллѣ и въ скоромъ времени увидѣлъ по правую сторону дороги впереди оранжерей прекрасные цвѣтники. Опять остановился, чтобъ разсмотрѣть, какія растенія нынѣшнимъ лѣтомъ играютъ ролю на семъ позорищѣ Флоры; въ клумбахъ си-

Въѣхавши въ этотъ садъ, невольно поражаешься противуположностію простоты природы, только лишь видѣнной въ Кузминомъ и его окрестностяхъ, съ блестящимъ искусствомъ, одушевляющимъ всѣ предметы въ саду новоустроенномъ, противуположностію бѣдности крестьянскихъ хижинъ съ великолѣпіемъ Александровскаго дворца и другихъ зданій.

Я велѣлъ остановиться извощику у входа въ садъ передъ самымъ дворцомъ. Сколько перемѣнъ и какихъ перемѣнъ въ столь короткое время! Нѣтъ, я не берусь описывать сего волшебнаго произведенія архитектуры и садоводства. Пусть Делиль какой изобразитъ все богатство, все разнообразіе затѣй искусства. видовъ, извитіе дорожекъ и дорогъ, эти густыя куртины, эти рощицы и роща, съ ихъ тѣнями и зеленью, эти цвѣтники, луга и лужайки и проч.

Войдя въ садъ, первое мое желаніе было встрѣтиться съ кѣмъ-либо, чтобъ узнать, гдѣ та капелла, въ которой стоитъ изваяніе Христа Спасителя, и какъ никто мнѣ не попадался на встрѣчу, то я прошелъ до прекрасной огромной башни, весьма прилично названной *солитеромъ*: она дѣйствительно одинокая по своей высотѣ и въ удаленіи отъ прочихъ зданій. Тутъ нашелъ я истопника, который указалъ мнѣ спицъ капеллы.

На дорогѣ къ капеллѣ попались мнѣ два стада мериносовъ, пасущіяся въ саду въ нѣкоторомъ отдаленіи одно отъ другаго. Одно изъ нихъ состояло изъ барановъ; другое изъ овецъ, и у каждаго стада былъ особливый пастухъ. Я остановился, полюбовался этими прекрасными колонистами; кажется, они не могутъ пожаловаться на пажить, которую Александровскій садъ имъ предлагаетъ; если не лучше, то безъ сомнѣнія, не хуже она пажитей ихъ родины. Притомъ же невинныя, кроткія сіи животныя никогда не походили на тѣхъ иноземцевъ, которые, живучи въ Россіи во всемъ довольствѣ и не рѣдко даже въ предпочтеніи предъ природными Русскими, ни чѣмъ не довольны и за ея хлѣбъ-соль ее же злословятъ. Пастухъ стада барановъ вскорѣ погналъ ихъ съ лужка, прикрикивая повременно какое-то извѣстное имъ слово, и они чинно пошли впередъ. Вскорѣ потомъ другой пастухъ погналъ и стадо овецъ.

Я поспѣшилъ къ капеллѣ и въ скоромъ времени увидѣлъ по правую сторону дороги впереди оранжерей прекрасные цвѣтники. Опять остановился, чтобъ разсмотрѣть, какія растенія нынѣшнимъ лѣтомъ играютъ ролю на семъ позорищѣ Флоры; въ клумбахъ си-

дѣли роскошныя махровыя георгины: впрочемъ еще немногія изъ нихъ распустились; въ рабаткахъ, около клумбъ, цѣлыя полосы засажены были красными зонтичными растеніями, въ которыхъ узналъ я перечники зонтичные (iberis umbellata); въ другомъ отдѣленіи увидѣлъ бѣлые перечники (iberis amara); тутъ блистаютъ также золотистыя скерды (crepis barbata), бѣлыя и красныя лаватеры трехмѣсячныя (lavatera trimestris), короставники (scabiosa), чудоцвѣты (mirabilis palappa), китайскія астры (aster chinensis), жабреи большіе (antirr hinum majus) еще не распустились. Но ужели именовать всѣ цвѣты, здѣсь мною видѣнные? Конечно, породъ ихъ немного и не рѣдкіе; но садовникъ для своей цѣли выбираетъ такіе, которые наиболѣе украшали бы его цвѣтники. Кто желаетъ видѣть рѣдкія растенія, тотъ долженъ искать ихъ въ Петербургскихъ оранжереяхъ Аптекарскаго и Елагинскаго острововъ.

Капелла возвышается непосредственно за сими цвѣтниками и оранжереями. Полюбовавшись цвѣтами, я пошелъ къ ней. Зданіе сіе построено въ готическомъ вкусѣ; въ главномъ корпусѣ онаго, то есть, въ самой капеллѣ, стѣны уже растрескались, какъ бы отъ древности, въ окнахъ синія стекла: пристроенная къ главному корпусу часть представляетъ полуобрушившіяся стѣны, въ иныхъ мѣстахъ выдавшіяся въ сторону и угрожающія паденіемъ; на сѣверной сторонѣ капеллы примыкаютъ къ ней стѣны, также обрушившіяся и нѣсколько колоннъ или остатковъ отъ нихъ, поросшихъ сверху мохомъ. Осмотрѣвъ капеллу снаружи и не видя никого при ней, а двери видя запертыми, я хотѣлъ было уже воротиться назадъ, сожалѣя о напрасной моей поѣздкѣ, ибо увидѣть изваяніе Спасителя было важнѣйшимъ предметомъ оной. Къ счастью, я посмотрѣлъ въ главную стеклянную дверь и увидѣлъ солдата, шьющаго на полу сапоги. „Можно ли видѣть Христа Спасителя“? спросилъ я. „Какъ не можно“, отвѣчалъ онъ, и тотчасъ взялъ съ собою ключь отъ храмины, гдѣ стоитъ изваяніе, повелъ меня между мнимо развалившихся стѣнъ, по узкой лѣстницѣ въ средній ярусъ; передъ храминою находится площадка, съ которой и входъ въ храмину. Солдатъ отперъ двери и впустилъ меня въ нее. Храмина небольшая, четырехугольная, съ коническимъ куполомъ; въ каждомъ изъ четырехъ угловъ, при основаніи восходящаго вверхъ конуса, ангелы держатъ раскрытое Евангеліе. Изваяніе Спасителя, на четырехугольномъ пьедесталѣ краснаго зернистаго гранита, поставлено у стѣны южной по срединѣ, лицемъ къ сѣверу. Спаситель высѣченъ изъ одного куска чистѣйшаго бѣ-

дѣли роскошныя махровыя георгины: впрочемъ еще немногія изъ нихъ распустились; въ рабаткахъ, около клумбъ, цѣлыя полосы засажены были красными зонтичными растеніями, въ которыхъ узналъ я перечники зонтичные (iberis umbellata); въ другомъ отдѣленіи увидѣлъ бѣлые перечники (iberis amara); тутъ блистаютъ также золотистыя скерды (crepis barbata), бѣлыя и красныя лаватеры трехмѣсячныя (lavatera trimestris), короставники (scabiosa), чудоцвѣты (mirabilis palappa), китайскія астры (aster chinensis), жабреи большіе (antirr hinum majus) еще не распустились. Но ужели именовать всѣ цвѣты, здѣсь мною видѣнные? Конечно, породъ ихъ немного и не рѣдкіе; но садовникъ для своей цѣли выбираетъ такіе, которые наиболѣе украшали бы его цвѣтники. Кто желаетъ видѣть рѣдкія растенія, тотъ долженъ искать ихъ въ Петербургскихъ оранжереяхъ Аптекарскаго и Елагинскаго острововъ.

Капелла возвышается непосредственно за сими цвѣтниками и оранжереями. Полюбовавшись цвѣтами, я пошелъ къ ней. Зданіе сіе построено въ готическомъ вкусѣ; въ главномъ корпусѣ онаго, то есть, въ самой капеллѣ, стѣны уже растрескались, какъ бы отъ древности, въ окнахъ синія стекла: пристроенная къ главному корпусу часть представляетъ полуобрушившіяся стѣны, въ иныхъ мѣстахъ выдавшіяся въ сторону и угрожающія паденіемъ; на сѣверной сторонѣ капеллы примыкаютъ къ ней стѣны, также обрушившіяся и нѣсколько колоннъ или остатковъ отъ нихъ, поросшихъ сверху мохомъ. Осмотрѣвъ капеллу снаружи и не видя никого при ней, а двери видя запертыми, я хотѣлъ было уже воротиться назадъ, сожалѣя о напрасной моей поѣздкѣ, ибо увидѣть изваяніе Спасителя было важнѣйшимъ предметомъ оной. Къ счастью, я посмотрѣлъ въ главную стеклянную дверь и увидѣлъ солдата, шьющаго на полу сапоги. „Можно ли видѣть Христа Спасителя“? спросилъ я. „Какъ не можно“, отвѣчалъ онъ, и тотчасъ взялъ съ собою ключь отъ храмины, гдѣ стоитъ изваяніе, повелъ меня между мнимо развалившихся стѣнъ, по узкой лѣстницѣ въ средній ярусъ; передъ храминою находится площадка, съ которой и входъ въ храмину. Солдатъ отперъ двери и впустилъ меня въ нее. Храмина небольшая, четырехугольная, съ коническимъ куполомъ; въ каждомъ изъ четырехъ угловъ, при основаніи восходящаго вверхъ конуса, ангелы держатъ раскрытое Евангеліе. Изваяніе Спасителя, на четырехугольномъ пьедесталѣ краснаго зернистаго гранита, поставлено у стѣны южной по срединѣ, лицемъ къ сѣверу. Спаситель высѣченъ изъ одного куска чистѣйшаго бѣ-

лаго мрамора, впрочемъ не безъ темноватыхъ двухъ или трехъ полосъ вдоль одежды. Очи Спасителя устремлены на зрителя, которому правою рукою, концами перстовъ касающеюся къ груди, а лѣвою нѣсколько поднятою вверхъ, какъ бы говоритъ: „Мною ко Отцу“. Слова сіи на латинскомъ языкѣ написаны подъ стопами Спасителя на сѣверной сторонѣ: „Per me ad Patrem“. На восточной сторонѣ написано: Danneker f. 1824. Изваяніе вышиною, кажется, въ сажень безъ пьедестала. Объ искусственной отдѣлкѣ сего творенія основательно судить я не могу; но художникъ въ возбужденіи благоговѣнія къ Спасителю, въ преданіи Его волѣ взирающихъ на Него, совершенно достигъ своей цѣли. Долго смотрѣлъ я безмолвно на сего небеснаго Посредника между Отцемъ Его и смертными съ нѣкольнымъ вниманіемъ и глубокимъ чувствомъ самоотверженія. Наконецъ, оборотясь къ сторожу, спросилъ: „Давно ли выставлено здѣсь это изваяніе?“ Но слова мои такъ раздались въ храминѣ, что едва можно было разслышать ихъ, притворивъ дверь. „Въ прошломъ году“, отвѣчалъ онъ, „какъ скоро отстроена была капелла, а прежде стояло въ Александровскомъ дворцѣ“.

Сказываютъ, что Даннекеръ предпринялъ сію работу по слѣдующему случаю: Ваятелю сему въ одну ночь представился во снѣ Спаситель точно въ такомъ видѣ, какъ онъ представленъ въ семъ мраморѣ; но художникъ обстоятельство сіе оставилъ безъ дальняго вниманія; спустя нѣсколько времени, онъ опять увидѣлъ Спасителя во снѣ, точно въ такомъ же видѣ, какъ и прежде. Изъ сего заключилъ онъ, что на дѣло сіе призываетъ его вдохновеніе свыше. Посему онъ рѣшился непремѣнно изваять Спасителя въ такомъ видѣ, какъ Онъ двукратно ему представлялся. Пріобрѣвъ прекраснѣйшій кусокъ бѣлаго мрамора, онъ принялся за работу и окончилъ ее не прежде десяти лѣтъ. Благословенный Александръ узнавъ о семъ рѣдкомъ произведеніи искусства, купилъ его за весьма значительную сумму и повелѣлъ воздвигнуть для него сіе зданіе, но Провидѣнію угодно было прекратить дни незабвеннаго монарха прежде окончанія сего памятника преславнаго его царствованія.

Съ растроганнымъ сердцемъ, съ непзъяснимымъ чувствомъ кающагося грѣшника, предающаго себя ходатайству Спасителя, медленно вышелъ я изъ капеллы и медленно пошелъ въ обратный путь, потерявъ охоту долѣе разсматривать новыя прибавленія и украшенія сада. Въ такой задумчивости добрѣлъ я до скамейки, сѣлъ и хотѣлъ было развлечь себя чтеніемъ Скоттова „Аббата“,

лаго мрамора, впрочемъ не безъ темноватыхъ двухъ или трехъ полосъ вдоль одежды. Очи Спасителя устремлены на зрителя, которому правою рукою, концами перстовъ касающеюся къ груди, а лѣвою нѣсколько поднятою вверхъ, какъ бы говоритъ: „Мною ко Отцу“. Слова сіи на латинскомъ языкѣ написаны подъ стопами Спасителя на сѣверной сторонѣ: „Per me ad Patrem“. На восточной сторонѣ написано: Dannecker f. 1824. Изваяніе вышиною, кажется, въ сажень безъ пьедестала. Объ искусственной отдѣлкѣ сего творенія основательно судить я не могу; но художникъ въ возбужденіи благоговѣнія къ Спасителю, въ преданіи Его волѣ взирающихъ на Него, совершенно достигъ своей цѣли. Долго смотрѣлъ я безмолвно на сего небеснаго Посредника между Отцемъ Его и смертными съ нѣкольнымъ вниманіемъ и глубокимъ чувствомъ самоотверженія. Наконецъ, оборотясь къ сторожу, спросилъ: „Давно ли выставлено здѣсь это изваяніе?“ Но слова мои такъ раздались въ храминѣ, что едва можно было разслышать ихъ, притворивъ дверь. „Въ прошломъ году“, отвѣчалъ онъ, „какъ скоро отстроена была капелла, а прежде стояло въ Александровскомъ дворцѣ“.

Сказываютъ, что Даннекеръ предпринялъ сію работу по слѣдующему случаю: Ваятелю сему въ одну ночь представился во снѣ Спаситель точно въ такомъ видѣ, какъ онъ представленъ въ семъ мраморѣ; но художникъ обстоятельство сіе оставилъ безъ дальняго вниманія; спустя нѣсколько времени, онъ опять увидѣлъ Спасителя во снѣ, точно въ такомъ же видѣ, какъ и прежде. Изъ сего заключилъ онъ, что на дѣло сіе призываетъ его вдохновеніе свыше. Посему онъ рѣшился непремѣнно изваять Спасителя въ такомъ видѣ, какъ Онъ двукратно ему представлялся. Пріобрѣвъ прекраснѣйшій кусокъ бѣлаго мрамора, онъ принялся за работу и окончилъ ее не прежде десяти лѣтъ. Благословенный Александръ узнавъ о семъ рѣдкомъ произведеніи искусства, купилъ его за весьма значительную сумму и повелѣлъ воздвигнуть для него сіе зданіе, но Провидѣнію угодно было прекратить дни незабвеннаго монарха прежде окончанія сего памятника преславнаго его царствованія.

Съ растроганнымъ сердцемъ, съ непзъяснимымъ чувствомъ кающагося грѣшника, предающаго себя ходатайству Спасителя, медленно вышелъ я изъ капеллы и медленно пошелъ въ обратный путь, потерявъ охоту долѣе разсматривать новыя прибавленія и украшенія сада. Въ такой задумчивости добрѣлъ я до скамейки, сѣлъ и хотѣлъ было развлечь себя чтеніемъ Скоттова „Аббата“,

котораго взялъ съ собою въ дорогу. Но голова моя такъ была занята разнообразными мыслями, что не давала мѣста никакимъ сторонним впечатлѣніямъ: я ничего не понималъ, что̀ читалъ, или лучше, ничего не читалъ, и книгу спряталъ.—По чьему чертежу, мыслилъ я, раздвинуты границы необозримаго сего вертограда? Чьимъ соображеніемъ въ бывшемъ здѣсь дремучемъ лѣсу одни мѣста возвышены, другія перевиты извучистыми дорогами и тропинами? Чьимъ велѣніемъ текутъ воды, журчатъ каскады, тѣсятся въ куртинахъ туземные и иноземные кустарники и деревья, высятся башни, и надъ всѣмъ тѣмъ господствуетъ зданіе, достойное вмѣщать въ себѣ *надежду* Россіи? Увы! Генія своего давно уже мѣста сіи лишились. О, Александръ! Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ отразилась прекрасная душа твоя. Ты вѣчно пребудешь въ нихъ и въ сердцахъ обожавшихъ тебя Россіянъ!

Отдохнувъ нѣсколько, я поворотилъ къ островку любезнѣйшаго наслѣдника престола, осмотрѣлъ маленькую яхту его, видѣлъ подвижной мостикъ, на которомъ переѣзжаютъ на сей островокъ, и домикъ его, оставшіеся еще въ гирляндахъ цвѣтовъ, коими августѣйшія сестры встрѣтили Его Высочество по возвращеніи изъ чужихъ краевъ; видѣлъ также на островкѣ нѣсколько небольшихъ грядокъ, засаженныхъ салатомъ, огурцами и другою огородною овощью. Прекрасная мысль—съ воздѣлываніемъ, рощеніемъ предметовъ первой нашей потребности съ малолѣтства познакомить того, кому нѣкогда должно будетъ взвѣшивать труды и подвиги не однихъ царедворцевъ и героевъ, кому небомъ предоставлено будетъ цѣнить потъ и земледѣльца и отдавать ему должную справедливость. Да украсятъ тебя, надежда наша драгоцѣнная, всѣ познанія, какія только могутъ быть полезны для тебя и народа, коимъ нѣкогда управлять будешь! Да оградятъ августѣйшіе, мудрые твои родители сердце твое отъ всего, что̀ не достойно Божества, которое на землѣ ты представлять долженъ! Познай природу съ юныхъ лѣтъ своихъ, углубляйся въ ея таинства и возлюби красоты ея: то суть таинства и красоты первой Безконечной Причины, раскрывающія въ смертномъ чистѣйшія чувствованія, добродѣтельнѣйшія наклонности, каковыхъ желаетъ тебѣ каждый истинный сынъ отечества.

Съ таковыми мыслями выходилъ я изъ сада, какъ вдругъ увидѣлъ у подъѣзда дворца самаго наслѣдника. Его Высочество изволилъ пойдти по саду пѣшкомъ, а коляска поѣхала за нимъ.

Извощикъ повезъ меня дорогою, по которой лицей остался въ

котораго взялъ съ собою въ дорогу. Но голова моя такъ была занята разнообразными мыслями, что не давала мѣста никакимъ сторонним впечатлѣніямъ: я ничего не понималъ, что̀ читалъ, или лучше, ничего не читалъ, и книгу спряталъ.—По чьему чертежу, мыслилъ я, раздвинуты границы необозримаго сего вертограда? Чьимъ соображеніемъ въ бывшемъ здѣсь дремучемъ лѣсу одни мѣста возвышены, другія перевиты извучистыми дорогами и тропинами? Чьимъ велѣніемъ текутъ воды, журчатъ каскады, тѣсятся въ куртинахъ туземные и иноземные кустарники и деревья, высятся башни, и надъ всѣмъ тѣмъ господствуетъ зданіе, достойное вмѣщать въ себѣ *надежду* Россіи? Увы! Генія своего давно уже мѣста сіи лишились. О, Александръ! Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ отразилась прекрасная душа твоя. Ты вѣчно пребудешь въ нихъ и въ сердцахъ обожавшихъ тебя Россіянъ!

Отдохнувъ нѣсколько, я поворотилъ къ островку любезнѣйшаго наслѣдника престола, осмотрѣлъ маленькую яхту его, видѣлъ подвижной мостикъ, на которомъ переѣзжаютъ на сей островокъ, и домикъ его, оставшіеся еще въ гирляндахъ цвѣтовъ, коими августѣйшія сестры встрѣтили Его Высочество по возвращеніи изъ чужихъ краевъ; видѣлъ также на островкѣ нѣсколько небольшихъ грядокъ, засаженныхъ салатомъ, огурцами и другою огородною овощью. Прекрасная мысль—съ воздѣлываніемъ, рощеніемъ предметовъ первой нашей потребности съ малолѣтства познакомить того, кому нѣкогда должно будетъ взвѣшивать труды и подвиги не однихъ царедворцевъ и героевъ, кому небомъ предоставлено будетъ цѣнить потъ и земледѣльца и отдавать ему должную справедливость. Да украсятъ тебя, надежда наша драгоцѣнная, всѣ познанія, какія только могутъ быть полезны для тебя и народа, коимъ нѣкогда управлять будешь! Да оградятъ августѣйшіе, мудрые твои родители сердце твое отъ всего, что̀ не достойно Божества, которое на землѣ ты представлять долженъ! Познай природу съ юныхъ лѣтъ своихъ, углубляйся въ ея таинства и возлюби красоты ея: то суть таинства и красоты первой Безконечной Причины, раскрывающія въ смертномъ чистѣйшія чувствованія, добродѣтельнѣйшія наклонности, каковыхъ желаетъ тебѣ каждый истинный сынъ отечества.

Съ таковыми мыслями выходилъ я изъ сада, какъ вдругъ увидѣлъ у подъѣзда дворца самаго наслѣдника. Его Высочество изволилъ пойдти по саду пѣшкомъ, а коляска поѣхала за нимъ.

Извощикъ повезъ меня дорогою, по которой лицей остался въ

правой сторонѣ. Я хотѣлъ было побывать въ немъ; но отдался на волю извощика, ибо хотѣлъ скорѣе доѣхать до Павловска.

Старики живутъ въ воспоминаніяхъ: воинъ любитъ разсказывать о походахъ своихъ, гражданинъ о мирныхъ дѣяніяхъ. По сему живущіе въ настоящемъ должны быть къ старикамъ снисходительны, если они бываютъ скучны своими разсказами.

Завидѣвъ зданіе лицея, я тотчасъ привелъ себѣ на мысль всѣ хлопоты мои по сему заведенію, въ бытность мою директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Благоволеніе безсмертнаго Александра, довѣренность ко мнѣ дѣятельнѣйшаго и просвѣщеннаго министра графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго давали мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ препорученіяхъ. Государю императору благоугодно было на мѣстѣ своего воспитанія оставить памятникъ, приличный сему предмету. Что могло быть приличнѣе, какъ не учрежденіе воспитательнаго же заведенія? Его Величеству желательно было образовать въ лицеѣ дѣтей знатнѣйшихъ дворянъ для военной и гражданской службы, смотря по склонностямъ и способностямъ воспитанниковъ; для сего Его Величество изволилъ начертать главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія и возложить на графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго разсмотрѣть первоначальныя сіи черты, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія лицею. Графъ Алексѣй Кирилловичъ дѣло сіе поручилъ мнѣ, и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное министромъ, вскорѣ поднесено было государю императору и удостоено высочайшаго его утвержденія въ 19-е августа 1810 года. Немедленно за симъ постановленіе включено въ грамоту, дарованную лицею, переписано на великолѣпно по полямъ листовъ разрисованномъ пергаментѣ, переплетено въ золотой глазетъ съ серебряными кистями и позолоченнымъ ковчегомъ для государственной печати; приготовленная такимъ образомъ грамота поднесена къ высочайшему подписанію, коего она удостоена въ 22-й день сентября 1811 года. Между тѣмъ какъ приготовлялась сія грамота и строеніе, принимаемы были воспитанники и со всею строгостію испытываны въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ сіе заведеніе, въ присутствіи министра, директора лицея статскаго совѣтника Василія Малиновскаго и моемъ, по предварительномъ собраніи самимъ же министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ. По приготовленіи такимъ образомъ всего

правой сторонѣ. Я хотѣлъ было побывать въ немъ; но отдался на волю извощика, ибо хотѣлъ скорѣе доѣхать до Павловска.

Старики живутъ въ воспоминаніяхъ: воинъ любитъ разсказывать о походахъ своихъ, гражданинъ о мирныхъ дѣяніяхъ. По сему живущіе въ настоящемъ должны быть къ старикамъ снисходительны, если они бываютъ скучны своими разсказами.

Завидѣвъ зданіе лицея, я тотчасъ привелъ себѣ на мысль всѣ хлопоты мои по сему заведенію, въ бытность мою директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Благоволеніе безсмертнаго Александра, довѣренность ко мнѣ дѣятельнѣйшаго и просвѣщеннаго министра графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго давали мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ препорученіяхъ. Государю императору благоугодно было на мѣстѣ своего воспитанія оставить памятникъ, приличный сему предмету. Что могло быть приличнѣе, какъ не учрежденіе воспитательнаго же заведенія? Его Величеству желательно было образовать въ лицеѣ дѣтей знатнѣйшихъ дворянъ для военной и гражданской службы, смотря по склонностямъ и способностямъ воспитанниковъ; для сего Его Величество изволилъ начертать главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія и возложить на графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго разсмотрѣть первоначальныя сіи черты, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія лицею. Графъ Алексѣй Кирилловичъ дѣло сіе поручилъ мнѣ, и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное министромъ, вскорѣ поднесено было государю императору и удостоено высочайшаго его утвержденія въ 19-е августа 1810 года. Немедленно за симъ постановленіе включено въ грамоту, дарованную лицею, переписано на великолѣпно по полямъ листовъ разрисованномъ пергаментѣ, переплетено въ золотой глазетъ съ серебряными кистями и позолоченнымъ ковчегомъ для государственной печати; приготовленная такимъ образомъ грамота поднесена къ высочайшему подписанію, коего она удостоена въ 22-й день сентября 1811 года. Между тѣмъ какъ приготовлялась сія грамота и строеніе, принимаемы были воспитанники и со всею строгостію испытываны въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ сіе заведеніе, въ присутствіи министра, директора лицея статскаго совѣтника Василія Малиновскаго и моемъ, по предварительномъ собраніи самимъ же министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ. По приготовленіи такимъ образомъ всего

къ открытію лицея, оно совершилось октября 20-го дня 1811 года въ присутствіи государя императора, государыни императрицъ, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, великой княжны Анны Павловны, первыхъ чиновъ императорскаго двора, господъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта и многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Ихъ Высочества Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ изволили тогда путешествовать въ чужихъ краяхъ.

Открытіе лицея происходило слѣдующимъ образомъ: По совершеніи, въ присутствіи августѣйшей императорской фамиліи, въ придворной церкви божественной литургіи, духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, шло изъ церкви для освященія зданія лицея въ сопровожденіи императорской фамиліи и всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, также чиновниковъ и воспитанниковъ лицея. По окончаніи сего обряда, когда Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили занять мѣста въ залѣ собранія, я имѣлъ счастіе изъ грамоты, которую по обѣ стороны меня держали два адъюнктъ-профессора, прочесть вступленіе, главы объ устройствѣ и правахъ лицея и заключеніе грамоты. Потомъ министръ народнаго просвѣщенія, принявъ отъ меня грамоту, вручилъ оную директору лицея, для оставленія навсегда въ семъ заведеніи. По принятіи грамоты директоръ Малиновскій произнесъ сочиненную мною, приличную сему случаю, рѣчь *). За симъ сек-

*) Я помѣщаю оную здѣсь, какъ свою собственность:

«Всемилостивѣйшій государь! Въ семъ градѣ премудрѣйшая изъ монархинь, среди весеннихъ и лѣтнихъ красотъ природы, нѣкогда назидала благоденствіе Россіи. Въ обиталищѣ семъ Ваше Императорское Величество поучались управлять судьбою народовъ, нынѣ подвластныхъ скипетру Вашему. И въ столь знаменитомъ обиталищѣ отверзаете храмъ наукъ для отличнѣйшаго юношества Вашей державы. Сколько убѣжденій въ превосходствѣ будущихъ успѣховъ сего единственнаго учрежденія! Малое число дѣтей, въ дарованіяхъ и благонравіи испытанныхъ, какъ единое семейство, не представляетъ неудобствъ въ совершенномъ надзорѣ за ихъ ученіемъ и поступками; благорастворенный воздухъ, укрѣпляя силы ихъ тѣлесныя, укрѣпитъ и душевныя въ величіи чувствованій и дѣяній; безмолвное уединеніе соберетъ и направитъ всѣ мыслительныя способности ихъ къ единой цѣли: къ познанію нравственнаго и физическаго міра; а воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ августѣйшаго внука ея; пріосѣненіе сего храма наукъ его покровительствомъ воскрылятъ младые таланты къ пріобрѣтенію славы истинныхъ сыновъ отечества и вѣрныхъ служителей престола монаршаго.

«Такъ, всемилостивѣйшій государь, попеченіемъ Вашего Величества

къ открытію лицея, оно совершилось октября 20-го дня 1811 года въ присутствіи государя императора, государыни императрицъ, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, великой княжны Анны Павловны, первыхъ чиновъ императорскаго двора, господъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта и многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Ихъ Высочества Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ изволили тогда путешествовать въ чужихъ краяхъ.

Открытіе лицея происходило слѣдующимъ образомъ: По совершеніи, въ присутствіи августѣйшей императорской фамиліи, въ придворной церкви божественной литургіи, духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, шло изъ церкви для освященія зданія лицея въ сопровожденіи императорской фамиліи и всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, также чиновниковъ и воспитанниковъ лицея. По окончаніи сего обряда, когда Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили занять мѣста въ залѣ собранія, я имѣлъ счастіе изъ грамоты, которую по обѣ стороны меня держали два адъюнктъ-профессора, прочесть вступленіе, главы объ устройствѣ и правахъ лицея и заключеніе грамоты. Потомъ министръ народнаго просвѣщенія, принявъ отъ меня грамоту, вручилъ оную директору лицея, для оставленія навсегда въ семъ заведеніи. По принятіи грамоты директоръ Малиновскій произнесъ сочиненную мною, приличную сему случаю, рѣчь *). За симъ сек-

*) Я помѣщаю оную здѣсь, какъ свою собственность:

«Всемилостивѣйшій государь! Въ семъ градѣ премудрѣйшая изъ монархинь, среди весеннихъ и лѣтнихъ красотъ природы, нѣкогда назидала благоденствіе Россіи. Въ обиталищѣ семъ Ваше Императорское Величество поучались управлять судьбою народовъ, нынѣ подвластныхъ скипетру Вашему. И въ столь знаменитомъ обиталищѣ отверзаете храмъ наукъ для отличнѣйшаго юношества Вашей державы. Сколько убѣжденій въ превосходствѣ будущихъ успѣховъ сего единственнаго учрежденія! Малое число дѣтей, въ дарованіяхъ и благонравіи испытанныхъ, какъ единое семейство, не представляетъ неудобствъ въ совершенномъ надзорѣ за ихъ ученіемъ и поступками; благорастворенный воздухъ, укрѣпляя силы ихъ тѣлесныя, укрѣпитъ и душевныя въ величіи чувствованій и дѣяній; безмолвное уединеніе соберетъ и направитъ всѣ мыслительныя способности ихъ къ единой цѣли: къ познанію нравственнаго и физическаго міра; а воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ августѣйшаго внука ея; пріосѣненіе сего храма наукъ его покровительствомъ воскрылятъ младые таланты къ пріобрѣтенію славы истинныхъ сыновъ отечества и вѣрныхъ служителей престола монаршаго.

«Такъ, всемилостивѣйшій государь, попеченіемъ Вашего Величества

ретарь конференціи профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ учебнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, опредѣленнымъ въ лицей, потомъ списокъ воспитанникамъ, принятымъ въ оное; каждый изъ чиновниковъ и воспитанниковъ, по напмепованіи его, представленъ былъ государю императору г. министромъ. По прочтеніи списковъ, адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Куницынъ читалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія. Послѣ сего государь императоръ со всею императорскою фамиліею и прочими знаменитыми особами изволили осматривать всѣ покои и присутствія своего удостоили обѣденный столъ воспитанниковъ. Въ это время, именно, когда Ихъ Величества пошли осматривать покои, государь цесаревичъ, идучи позади императорской фамиліи и неся на одной рукѣ паль великой княжны Анны Павловны, другою взявъ меня подъ руку, удостоилъ счастія идти со мною. Я уже сказалъ, что старики живутъ въ воспоминаніяхъ, и потому и здѣсь надѣюсь заслужить извиненіе въ приведеніи части лестнѣйшаго для меня разговора съ Его Императорскимъ Высочествомъ. Разговоръ сей доказываетъ, сколь пріятно было ему видѣть при открытіи лицея дѣйствующимъ лицемъ и меня, подчиненнаго Его Высочеству по совѣту о военныхъ училищахъ. Взявъ меня подъ руку, Его Высочество изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ сказать: „Ты вездѣ!“ Послѣ молчаливаго моего на сіе поклона, онъ изволилъ спросить: „Что ты здѣсь значишь?“ Я отвѣчалъ, что министру угодно было, чтобы я, какъ директоръ департамента, прочелъ грамоту. „А эти профессора откуда?“ „Всѣ изъ педагогическаго института“. „Всѣ твои!“ Я опять отвѣчалъ благодарнымъ поклономъ. „Какъ зовутъ того, который читалъ разсужденія?“ „Куницынъ“. „Хорошо читалъ“. „Онъ былъ первый студентъ въ педагогическомъ институтѣ“. „И мой Талызинъ хорошъ“. „И онъ Ваше Высочество, былъ изъ отличныхъ студентовъ“.

здѣсь все соединено къ образованію юношества для важнѣйшихъ государственныхъ должностей. Нѣтъ счастливѣе настоящей участи его; нѣтъ лестнѣе будущаго его назначенія.

«Но не менѣе того счастливы и мы, избранные къ руководству онаго и воспитанію. Мы чувствуемъ важность правъ и преимуществъ, дарованныхъ Вашимъ Величествомъ сему заведенію и лицамъ, къ нему принадлежащимъ. Чувствуемъ; но чѣмъ содѣлаться можемъ достойными оныхъ? Единое избраніе насъ къ подвигу образованія сего юношества не служитъ еще въ томъ порукою. Мы потщимся каждую минуту жизни нашей всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда, да Ваше Императорское Величество и все отечество возрадуется о плодахъ его».

ретарь конференціи профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ учебнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, опредѣленнымъ въ лицей, потомъ списокъ воспитанникамъ, принятымъ въ оное; каждый изъ чиновниковъ и воспитанниковъ, по напмепованіи его, представленъ былъ государю императору г. министромъ. По прочтеніи списковъ, адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Куницынъ читалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія. Послѣ сего государь императоръ со всею императорскою фамиліею и прочими знаменитыми особами изволили осматривать всѣ покои и присутствія своего удостоили обѣденный столъ воспитанниковъ. Въ это время, именно, когда Ихъ Величества пошли осматривать покои, государь цесаревичъ, идучи позади императорской фамиліи и неся на одной рукѣ шаль великой княжны Анны Павловны, другою взявъ меня подъ руку, удостоилъ счастія идти со мною. Я уже сказалъ, что старики живутъ въ воспоминаніяхъ, и потому и здѣсь надѣюсь заслужить извиненіе въ приведеніи части лестнѣйшаго для меня разговора съ Его Императорскимъ Высочествомъ. Разговоръ сей доказываетъ, сколь пріятно было ему видѣть при открытіи лицея дѣйствующимъ лицемъ и меня, подчиненнаго Его Высочеству по совѣту о военныхъ училищахъ. Взявъ меня подъ руку, Его Высочество изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ сказать: „Ты вездѣ!“ Послѣ молчаливаго моего на сіе поклона, онъ изволилъ спросить: „Что ты здѣсь значишь?“ Я отвѣчалъ, что министру угодно было, чтобы я, какъ директоръ департамента, прочелъ грамоту. „А эти профессора откуда?“ „Всѣ изъ педагогическаго института“. „Всѣ твои!“ Я опять отвѣчалъ благодарнымъ поклономъ. „Какъ зовутъ того, который читалъ разсужденія?“ „Куницынъ“. „Хорошо читалъ“. „Онъ былъ первый студентъ въ педагогическомъ институтѣ“. „И мой Талызинъ хорошъ“. „И онъ Ваше Высочество, былъ изъ отличныхъ студентовъ“.

здѣсь все соединено къ образованію юношества для важнѣйшихъ государственныхъ должностей. Нѣтъ счастливѣе настоящей участи его; нѣтъ лестнѣе будущаго его назначенія.

«Но не менѣе того счастливы и мы, избранные къ руководству онаго и воспитанію. Мы чувствуемъ важность правъ и преимуществъ, дарованныхъ Вашимъ Величествомъ сему заведенію и лицамъ, къ нему принадлежащимъ. Чувствуемъ; но чѣмъ содѣлаться можемъ достойными оныхъ? Единое избраніе насъ къ подвигу образованія сего юношества не служитъ еще въ томъ порукою. Мы потщимся каждую минуту жизни нашей всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда, да Ваше Императорское Величество и все отечество возрадуется о плодахъ его».

Изъ столовой Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, г. министромъ препровождены были въ ту комнату, гдѣ приготовленъ для нихъ завтракъ; ибо государь императоръ по утру, до открытія лицея, изволилъ прислать съ отказомъ, что Ихъ Величества и Ихъ Высочества обѣдать не будутъ, потому что въ тотъ день былъ у Ихъ Величествъ фамильный столъ. Прочіе же всѣ посѣтители угощены были богатѣйшимъ столомъ, стоившимъ г. министру одиннадцать тысячъ рублей! Таковы угощенія русскихъ бояръ! Ученіе въ семъ заведеніи началось на другой же день. Какъ, по постановленію онаго, положено чрезъ каждые полгода производить воспитанникамъ испытанія и притомъ сторонними лицами, то министръ, исполняя сіе правило во всей точности и вообще прилагая о семъ заведеніи особенное попеченіе, посылалъ меня около того времени, не предувѣдомляя о томъ воспитанниковъ, для произведенія испытаній; на сей конецъ, съ позволенія его, я бралъ съ собою профессоровъ педагогическаго института по тѣмъ наукамъ, кои преподавались въ семъ заведеніи. Сверхъ того, по волѣ же г. министра, я часто и неожиданно ѣздилъ для сего въ лицей одинъ и испытывалъ воспитанниковъ, въ чемъ былъ въ состояніи; большею же частію занималъ ихъ россійскою и латинскою словесностью, дѣлая съ ними разборы сочиненій и заставляя сочинять при мнѣ, въ классахъ и безъ меня, назначая каждому особый предметъ, а иногда и одинъ для всѣхъ. Это былъ для меня вовсе сторонній трудъ, но я не только не скучалъ имъ, а еще занимался съ особливою охотою, имѣя въ виду только одну пользу воспитанниковъ. Дѣйствительность сихъ моихъ занятій подтвердить могутъ какъ всѣ профессора, выбывшіе, такъ и сами воспитанники перваго курса, напримѣръ, гг. баронъ Корфъ, Масловъ, Ломоносовъ, Пушкинъ, Пущинъ, Илличевскій, Малиновскій и проч. Но къ чему ведутъ сіи воспоминанія, доказывающія одинъ только эгоизмъ? О, неужели не позволительно быть и эгоистомъ тому, кому давно уже отказано въ другихъ преимуществахъ? По крайней мѣрѣ, того, что нами сдѣлано, никто у насъ отнять не можетъ.

На крыльяхъ воспоминаній я мгновенно пролетѣлъ разстояніе отъ Царскаго Села до Павловска; никто предаваться имъ не препятствовалъ; даже ни одинъ путникъ не встрѣтился со мною, ни одинъ не проѣхалъ мимо меня: какая противуположность съ движеніемъ, оживлявшимъ сію дорогу въ протекшіе годы, когда придорожные кустарники, деревья и травы сѣдѣли отъ пыли, стол-

Изъ столовой Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, г. министромъ препровождены были въ ту комнату, гдѣ приготовленъ для нихъ завтракъ; ибо государь императоръ по утру, до открытія лицея, изволилъ прислать съ отказомъ, что Ихъ Величества и Ихъ Высочества обѣдать не будутъ, потому что въ тотъ день былъ у Ихъ Величествъ фамильный столъ. Прочіе же всѣ посѣтители угощены были богатѣйшимъ столомъ, стоившимъ г. министру одиннадцать тысячъ рублей! Таковы угощенія русскихъ бояръ! Ученіе въ семъ заведеніи началось на другой же день. Какъ, по постановленію онаго, положено чрезъ каждые полгода производить воспитанникамъ испытанія и притомъ сторонними лицами, то министръ, исполняя сіе правило во всей точности и вообще прилагая о семъ заведеніи особенное попеченіе, посылалъ меня около того времени, не предувѣдомляя о томъ воспитанниковъ, для произведенія испытаній; на сей конецъ, съ позволенія его, я бралъ съ собою профессоровъ педагогическаго института по тѣмъ наукамъ, кои преподавались въ семъ заведеніи. Сверхъ того, по волѣ же г. министра, я часто и неожиданно ѣздилъ для сего въ лицей одинъ и испытывалъ воспитанниковъ, въ чемъ былъ въ состояніи; большею же частію занималъ ихъ россійскою и латинскою словесностью, дѣлая съ ними разборы сочиненій и заставляя сочинять при мнѣ, въ классахъ и безъ меня, назначая каждому особый предметъ, а иногда и одинъ для всѣхъ. Это былъ для меня вовсе сторонній трудъ, но я не только не скучалъ имъ, а еще занимался съ особливою охотою, имѣя въ виду только одну пользу воспитанниковъ. Дѣйствительность сихъ моихъ занятій подтвердить могутъ какъ всѣ профессора, выбывшіе, такъ и сами воспитанники перваго курса, напримѣръ, гг. баронъ Корфъ, Масловъ, Ломоносовъ, Пушкинъ, Пущинъ, Илличевскій, Малиновскій и проч. Но къ чему ведутъ сіи воспоминанія, доказывающія одинъ только эгоизмъ? О, неужели не позволительно быть и эгоистомъ тому, кому давно уже отказано въ другихъ преимуществахъ? По крайней мѣрѣ, того, что нами сдѣлано, никто у насъ отнять не можетъ.

На крыльяхъ воспоминаній я мгновенно пролетѣлъ разстояніе отъ Царскаго Села до Павловска; никто предаваться имъ не препятствовалъ; даже ни одинъ путникъ не встрѣтился со мною, ни одинъ не проѣхалъ мимо меня: какая противуположность съ движеніемъ, оживлявшимъ сію дорогу въ протекшіе годы, когда придорожные кустарники, деревья и травы сѣдѣли отъ пыли, стол-

бомъ подымавшейся за экипажами, въ коихъ вельможи поспѣшали насладиться лицезрѣніемъ и бесѣдою кроткой богини сихъ мѣстъ! Подъѣзжаю къ заставѣ: уже нѣтъ при ней стражи, которая доспѣхами своими напоминала, чье обиталище она охраняетъ. Спускаюсь подъ гору, усматриваю скромный дворецъ, подъѣзжаю къ нему: одинъ только часовой стоитъ на своемъ мѣстѣ. Вхожу въ садъ: кое-гдѣ видны работники. Все пусто, все уныло! Дорожки не чисты, рабатки заросли травою не прополоты. Иду въ цвѣтной паркъ; грядки, прежде блиставшія роскошными, благовонными, всякихъ красокъ цвѣтами, чернѣются сырою землею, только въ немногихъ мѣстахъ; гдѣ флора для сбереженія растеній отъ зимней стужи не требовала руки садовника, только тамъ раскинули малиновые жирные лепестки свои піоны, оставленные самимъ себѣ, безъ подпоры склоня свои вѣнцы къ землѣ: точное изображеніе вдовы, лишившейся вѣрнаго друга. Отсюда пошелъ я въ глубь сада; тутъ нашелъ убранства болѣе и довольно насаженныхъ въ грунтъ оранжерейныхъ цвѣтовъ, но что значитъ убранство сіе противъ прежняго? Все напоминаетъ, что не стало здѣсь августѣйшей хозяйки. Кажется, садовникъ не нашелъ причинѣ украшать то мѣсто, которое на вѣки лишилось своего божества, въ которомъ все скорбитъ и сѣтуетъ о спротствѣ своемъ. И для кого теперь украшенія? Вмѣсто того, что прежде аллеи, бесѣдки, павильоны одушевлялись семействами веселыхъ гостей, теперь всѣ они пусты. О, какъ пустота сія наполняетъ душу самыми мрачными чувствованіями! Какъ безмолвіе сіе много вѣщаетъ сердцу!

Гдѣ ты, душа сихъ мѣстъ, душа вдовицъ, сиротъ,
Сердецъ владычица, святилище красотъ,
Источникъ благости, ограда угнетенныхъ,
Пріютъ безродныхъ, свѣтъ на вѣки омраченныхъ?
Гдѣ ты, великая великихъ мать сыновъ,
Наукъ, художествъ жизнь, невинности закровъ?
Гдѣ ты? Сложивъ съ себя здѣсь красоту тѣлесну,
Смѣняла ты ее на красоту небесну,—
И въ ликѣ ангеловъ и Божіихъ святыхъ
Вкушаешь радости, утѣхи дней златыхъ!
Но мы, лишась тебя, доселѣ неутѣшны;
Доселѣ слезы льемъ; то будетъ долгъ нашъ вѣчный
Ту горьку истину, что смертны и цари,
На дѣлѣ Россъ позналъ; мы зрѣли алтари,
Чертоги царскіе покрыты черным крепомъ!
Въ ожесточеньи насъ судьбы своемъ свирѣпомъ
Тремя ударами сразили въ краткій срокъ!
Среди побѣдъ, торжествъ намъ грозный данъ урокъ

бомъ подымавшейся за экипажами, въ коихъ вельможи поспѣшали насладиться лицезрѣніемъ и бесѣдою кроткой богини сихъ мѣстъ! Подъѣзжаю къ заставѣ: уже нѣтъ при ней стражи, которая доспѣхами своими напоминала, чье обиталище она охраняетъ. Спускаюсь подъ гору, усматриваю скромный дворецъ, подъѣзжаю къ нему: одинъ только часовой стоитъ на своемъ мѣстѣ. Вхожу въ садъ: кое-гдѣ видны работники. Все пусто, все уныло! Дорожки не чисты, рабатки заросли травою не прополоты. Иду въ цвѣтной паркъ; грядки, прежде блиставшія роскошными, благовонными, всякихъ красокъ цвѣтами, чернѣются сырою землею, только въ немногихъ мѣстахъ; гдѣ флора для сбереженія растеній отъ зимней стужи не требовала руки садовника, только тамъ раскинули малиновые жирные лепестки свои піоны, оставленные самимъ себѣ, безъ подпоры склоня свои вѣнцы къ землѣ: точное изображеніе вдовы, лишившейся вѣрнаго друга. Отсюда пошелъ я въ глубь сада; тутъ нашелъ убранства болѣе и довольно насаженныхъ въ грунтъ оранжерейныхъ цвѣтовъ, но что значитъ убранство сіе противъ прежняго? Все напоминаетъ, что не стало здѣсь августѣйшей хозяйки. Кажется, садовникъ не нашелъ причинѣ украшать то мѣсто, которое на вѣки лишилось своего божества, въ которомъ все скорбитъ и сѣтуетъ о спротствѣ своемъ. И для кого теперь украшенія? Вмѣсто того, что прежде аллеи, бесѣдки, павильоны одушевлялись семействами веселыхъ гостей, теперь всѣ они пусты. О, какъ пустота сія наполняетъ душу самыми мрачными чувствованіями! Какъ безмолвіе сіе много вѣщаетъ сердцу!

Гдѣ ты, душа сихъ мѣстъ, душа вдовицъ, сиротъ,
Сердецъ владычица, святилище красотъ,
Источникъ благости, ограда угнетенныхъ,
Пріютъ безродныхъ, свѣтъ на вѣки омраченныхъ?
Гдѣ ты, великая великихъ мать сыновъ,
Наукъ, художествъ жизнь, невинности закровъ?
Гдѣ ты? Сложивъ съ себя здѣсь красоту тѣлесну,
Смѣняла ты ее на красоту небесну,—
И въ ликѣ ангеловъ и Божіихъ святыхъ
Вкушаешь радости, утѣхи дней златыхъ!
Но мы, лишась тебя, доселѣ неутѣшны;
Доселѣ слезы льемъ; то будетъ долгъ нашъ вѣчный
Ту горьку истину, что смертны и цари,
На дѣлѣ Россъ позналъ; мы зрѣли алтари,
Чертоги царскіе покрыты черным крепомъ!
Въ ожесточеньи насъ судьбы своемъ свирѣпомъ
Тремя ударами сразили въ краткій срокъ!
Среди побѣдъ, торжествъ намъ грозный данъ урокъ

Урокъ, чтобъ славой мы всемірной не гордились,
Но провидѣнію смиренно бъ покорились.
Покорствуемъ! Но какъ забыть царя-отца,
Нѣжнѣйшихъ матерей въ блистаніи вѣнца!
Нѣтъ! не стыжусь я слезъ, въ твоемъ саду текущихъ,
Марія, твой привѣтъ на память мнѣ зовущихъ!
Коль значу нынѣ что, тебѣ я долженъ тѣмъ;
Ты первая меня величія лучемъ
Согрѣла въ храмѣ томъ, гдѣ подъ твоимъ покровомъ
Цвѣтъ юности взросталъ твоимъ всемощнымъ словомъ;
Ты первая о мнѣ замолвила царямъ *).
Свела ихъ взоръ ко мнѣ, дала моимъ свѣтъ днямъ.
Сколь счастливъ былъ я, зря вблизи твои заботы,
Какъ ты живила трудъ и дѣтскія работы,
Какъ въ милыхъ крошекъ сихъ, сихъ будущихъ супругъ,
Переливала ты свой кроткій, мудрый духъ!
Иная послѣ мнѣ представилась судьбина:
По волѣ твоего богоподобна сына,
На путь другой я сталъ внѣ храма твоего;

*) Государыня императрица Марія Ѳеодоровна, изволила представлять меня государю Павлу Петровичу, когда Его Величество удостоилъ присутствія своего мое преподаваніе исторіи воспитанницамъ въ Екатерининскомъ Институтѣ. Графъ П. В. Завадовскій, въ бытность мою директоромъ департамента просвѣщенія, не одинъ разъ сказывалъ мнѣ: „Вчера за столомъ у государя императора, или въ другое время, государыня Марія Ѳеодоровна говорила объ васъ“, и тому подобное. Однажды къ таковымъ словамъ графъ прибавилъ: „Императрица гнѣвается на меня, что я васъ у нея отнялъ? „Я хотѣла“, говорила она, „сдѣлать его инспекторомъ въ Екатерининскомъ институтѣ“. Знаки особеннаго благоволенія Ея Величества ко мнѣ слѣдующіе: зная меня по изданію журналовъ, государыня императрица, въ непродолжительномъ времени по принятіи въ свое управленіе общества благородныхъ дѣвицъ, изволила повелѣть предложить мнѣ, не пожелаю ли я обучать въ ономъ русской словесности, исторіи и географіи. Вскорѣ по опредѣленіи моемъ туда, я имѣлъ счастіе получить отъ Ея Величества золотую табакерку; въ короткое время произведенъ въ коллежскіе ассессоры и потомъ въ надворные совѣтники. По открытіи Екатерининскаго института Ея Величеству благоугодно было, чтобы я и въ семъ заведеніи обучалъ тѣмъ же предметамъ. Въ одно время я былъ боленъ; Ея Величество, узнавъ о семъ, изволила поручить графу А. И. Васильеву, члену совѣта сего института, самому павѣдаться о моемъ здоровьѣ и принять на себя попеченіе о моемъ выздоровленіи, что его сіятельство и исполнилъ. По случаю передѣлки моей квартиры въ институтѣ, государыня императрица изволила изъ собственныхъ своихъ денегъ платить за наемъ для меня квартиры пятьсотъ рублей. Въ послѣдствіи времени, я имѣлъ счастіе получить отъ Ея Величества два перстня: первый, за надзоръ мой за ученіемъ въ воспитательномъ домѣ; послѣдній за экземпляръ поднесеннаго ей моего изданія греческихъ классиковъ.

Урокъ, чтобъ славой мы всемірной не гордились,
Но провидѣнію смиренно бъ покорились.
Покорствуемъ! Но какъ забыть царя-отца,
Нѣжнѣйшихъ матерей въ блистаніи вѣнца!
Нѣтъ! не стыжусь я слезъ, въ твоемъ саду текущихъ,
Марія, твой привѣтъ на память мнѣ зовущихъ!
Коль значу нынѣ что, тебѣ я долженъ тѣмъ;
Ты первая меня величія лучемъ
Согрѣла въ храмѣ томъ, гдѣ подъ твоимъ покровомъ
Цвѣтъ юности взросталъ твоимъ всемощнымъ словомъ;
Ты первая о мнѣ замолвила царямъ *).
Свела ихъ взоръ ко мнѣ, дала моимъ свѣтъ днямъ.
Сколь счастливъ былъ я, зря вблизи твои заботы,
Какъ ты живила трудъ и дѣтскія работы,
Какъ въ милыхъ крошекъ сихъ, сихъ будущихъ супругъ,
Переливала ты свой кроткій, мудрый духъ!
Иная послѣ мнѣ представилась судьбина:
По волѣ твоего богоподобна сына,
На путь другой я сталъ внѣ храма твоего;

*) Государыня императрица Марія Ѳеодоровна, изволила представлять меня государю Павлу Петровичу, когда Его Величество удостоилъ присутствія своего мое преподаваніе исторіи воспитанницамъ въ Екатерининскомъ Институтѣ. Графъ П. В. Завадовскій, въ бытность мою директоромъ департамента просвѣщенія, не одинъ разъ сказывалъ мнѣ: „Вчера за столомъ у государя императора, или въ другое время, государыня Марія Ѳеодоровна говорила объ васъ“, и тому подобное. Однажды къ таковымъ словамъ графъ прибавилъ: „Императрица гнѣвается на меня, что я васъ у нея отнялъ? „Я хотѣла“, говорила она, „сдѣлать его инспекторомъ въ Екатерининскомъ институтѣ“. Знаки особеннаго благоволенія Ея Величества ко мнѣ слѣдующіе: зная меня по изданію журналовъ, государыня императрица, въ непродолжительномъ времени по принятіи въ свое управленіе общества благородныхъ дѣвицъ, изволила повелѣть предложить мнѣ, не пожелаю ли я обучать въ ономъ русской словесности, исторіи и географіи. Вскорѣ по опредѣленіи моемъ туда, я имѣлъ счастіе получить отъ Ея Величества золотую табакерку; въ короткое время произведенъ въ коллежскіе ассессоры и потомъ въ надворные совѣтники. По открытіи Екатерининскаго института Ея Величеству благоугодно было, чтобы я и въ семъ заведеніи обучалъ тѣмъ же предметамъ. Въ одно время я былъ боленъ; Ея Величество, узнавъ о семъ, изволила поручить графу А. И. Васильеву, члену совѣта сего института, самому повѣдаться о моемъ здоровьѣ и принять на себя попеченіе о моемъ выздоровленіи, что его сіятельство и исполнилъ. По случаю передѣлки моей квартиры въ институтѣ, государыня императрица изволила изъ собственныхъ своихъ денегъ платить за наемъ для меня квартиры пятьсотъ рублей. Въ послѣдствіи времени, я имѣлъ счастіе получить отъ Ея Величества два перстня: первый, за надзоръ мой за ученіемъ въ воспитательномъ домѣ; послѣдній за экземпляръ поднесеннаго ей моего изданія греческихъ классиковъ.

Но ты не презрѣла счастливца своего:
Ты вспомнила о мнѣ и вновь стезю открыла
Твой образъ созерцать, которымъ свѣтъ дивила *).
Далекъ ли, близокъ былъ я отъ тебя когда,
Ко мнѣ гулъ доходилъ рѣчей твоихъ всегда;
И вдалекѣ твоимъ я мнѣньемъ былъ блаженнымъ:
Сколь лестно было мнѣ тобой быть незабвеннымъ!
Теперь кто у царя замолвитъ обо мнѣ?
Ахъ, умерли мои надежды всѣ въ тебѣ!

Но для того ли я предпринялъ поѣздку, чтобъ предаваться мрачнымъ мыслямъ, чтобъ плакать и сѣтовать? Сказавъ это самъ въ себѣ, я пошелъ далѣе, не найду ли какихъ не видѣнныхъ прежде мною предметовъ, и съ покатовъ зеленыхъ возвышенностей, на коихъ косари косили прекрасную, бархатную траву, спустился къ

---

*) Разумѣю высочайшее Ея Императорскаго Величества предложеніе, сообщенное мнѣ въ письмѣ г-на статсъ-секретаря Вилламова въ іюнѣ мѣсяцѣ 1807 года, въ бытность мою уже директоромъ департамента, - чтобы я принялъ на себя надзоръ за ученіемъ въ воспитательномъ домѣ. Письмо сіе преисполнено было лестнѣйшихъ для меня выраженій, объявленныхъ мнѣ отъ высочайшаго имени государыни императрицы. Г. Вилламовъ писалъ ко мнѣ, что Ея Величество, зная мои занятія по другимъ должностямъ, желаетъ, чтобы я по крайней мѣрѣ одинъ или два раза въ недѣлю посмотрѣлъ за ученіемъ; что я не буду имѣть никакого другаго начальства, кромѣ Ея Величества, и чтобы я по дѣламъ, до сей части касающимся, непосредственно представлялъ Ея Величеству. Сколь не обремененъ я былъ дѣлами по службѣ, однако не могъ отказаться отъ столь благоволительнаго призыва, но какъ мнѣ весьма рѣдко можно было навѣдываться объ ученіи воспитанниковъ въ положенные для того часы, то въ послѣдствіи времени совѣтовалъ начальству дома внушить государынѣ императрицѣ, что гораздо полезнѣе было бы опредѣлить для надзора за ученіемъ такого чиновника, который ежедневно и когда вздумаетъ могъ бы посѣщать классы во время ученія. По сему и сдѣлано было таковое распоряженіе, послѣ котораго я имѣлъ счастіе получить слѣдующій высочайшій рескриптъ отъ Ея Величества:

„Г-нъ статскій совѣтникъ Мартыновъ. При учрежденіи нынѣ, какъ вамъ уже извѣстно, новаго распоряженія въ разсужденіи классовъ въ воспитательномъ домѣ, понуждающаго къ опредѣленію особливаго инспектора для безотлучнаго почти за ними присмотра, я пріятною поставила себѣ обязанностію изъявить вамъ совершенную мою признательность за труды ваши, до нынѣ по сей части понесенные, и справедливость мною всегда отличному усердію вашему отдаваемую. Прилагая при семъ особенный знакъ таковыхъ моихъ къ вамъ расположеній, я пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія."

Въ Гатчинѣ
Октября 26-го дня 1808 года.

Но ты не презрѣла счастливца своего:
Ты вспомнила о мнѣ и вновь стезю открыла
Твой образъ созерцать, которымъ свѣтъ дивила *).
Далекъ ли, близокъ былъ я отъ тебя когда,
Ко мнѣ гулъ доходилъ рѣчей твоихъ всегда;
И вдалекѣ твоимъ я мнѣньемъ былъ блаженнымъ:
Сколь лестно было мнѣ тобой быть незабвеннымъ!
Теперь кто у царя замолвитъ обо мнѣ?
Ахъ, умерли мои надежды всѣ въ тебѣ!

Но для того ли я предпринялъ поѣздку, чтобъ предаваться мрачнымъ мыслямъ, чтобъ плакать и сѣтовать? Сказавъ это самъ въ себѣ, я пошелъ далѣе, не найду ли какихъ не видѣнныхъ прежде мною предметовъ, и съ покатовъ зеленыхъ возвышенностей, на коихъ косари косили прекрасную, бархатную траву, спустился къ

---

*) Разумѣю высочайшее Ея Императорскаго Величества предложеніе, сообщенное мнѣ въ письмѣ г-на статсъ-секретаря Вилламова въ іюнѣ мѣсяцѣ 1807 года, въ бытность мою уже директоромъ департамента, - чтобы я принялъ на себя надзоръ за ученіемъ въ воспитательномъ домѣ. Письмо сіе преисполнено было лестнѣйшихъ для меня выраженій, объявленныхъ мнѣ отъ высочайшаго имени государыни императрицы. Г. Вилламовъ писалъ ко мнѣ, что Ея Величество, зная мои занятія по другимъ должностямъ, желаетъ, чтобы я по крайней мѣрѣ одинъ или два раза въ недѣлю посмотрѣлъ за ученіемъ; что я не буду имѣть никакого другаго начальства, кромѣ Ея Величества, и чтобы я по дѣламъ, до сей части касающимся, непосредственно представлялъ Ея Величеству. Сколь не обремененъ я былъ дѣлами по службѣ, однако не могъ отказаться отъ столь благоволительнаго призыва, но какъ мнѣ весьма рѣдко можно было навѣдываться объ ученіи воспитанниковъ въ положенные для того часы, то въ послѣдствіи времени совѣтовалъ начальству дома внушить государынѣ императрицѣ, что гораздо полезнѣе было бы опредѣлить для надзора за ученіемъ такого чиновника, который ежедневно и когда вздумаетъ могъ бы посѣщать классы во время ученія. По сему и сдѣлано было таковое распоряженіе, послѣ котораго я имѣлъ счастіе получить слѣдующій высочайшій рескриптъ отъ Ея Величества:

„Г-нъ статскій совѣтникъ Мартыновъ. При учрежденіи нынѣ, какъ вамъ уже извѣстно, новаго распоряженія въ разсужденіи классовъ въ воспитательномъ домѣ, понуждающаго къ опредѣленію особливаго инспектора для безотлучнаго почти за ними присмотра, я пріятною поставила себѣ обязанностію изъявить вамъ совершенную мою признательность за труды ваши, до нынѣ по сей части понесенные, и справедливость мною всегда отличному усердію вашему отдаваемую. Прилагая при семъ особенный знакъ таковыхъ моихъ къ вамъ расположеній, я пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Марія."

Въ Гатчинѣ
Октября 26-го дня 1808 года.

храму дружбы, осмотрѣлъ его кругомъ, любовался величественною его простотою, потомъ хотѣлъ войдти въ него; но онъ былъ запертъ. Я хотѣлъ видѣть то божество, которому, какъ говоритъ надпись надъ дверьми сего храма, *любовь*, *почтеніе и благодарность* его *посвятили*. Не видя никого, кто бы могъ удовлетворить моему любопытству, я сѣлъ на ступенькахъ храма. Вблизи его въ числѣ прочихъ деревъ увидѣлъ я высокую, дебелую, величественную сребролистую тополь (populus argentea), пустившую отъ корней много молодыхъ побѣговъ, которые, думалъ я, хорошо было бы перенести въ мой садъ для развода, вмѣсто большихъ, купленныхъ мною на биржѣ, изъ коихъ хотя одна и принялась было, но минувшею зимою весьма много пострадала и едва ли уцѣлѣетъ. Между тѣмъ какъ мое корыстолюбіе, безъ дальнихъ впрочемъ послѣдствій, симъ занималось, нѣсколько далѣе увидѣлъ я огромный сибирскій кедръ (pinus cembra), съ привязанною къ толстому кряжу его дощечкою. Любопытство заставило меня подойдти къ сему дереву, и на дощечкѣ увидѣлъ я слова: „№ 1. Его Императорскаго Высочества цесаревича и великаго князя Павла Петровича, родившагося сентября 21-го дня 1754 года“. Какъ я обрадовался этой находкѣ: вѣрно, есть еще и другіе номера, подумалъ я, потому что на этой дощечкѣ означенъ № 1; и тотчасъ началъ ихъ отыскивать. Но къ сожалѣнію, не нашелъ ни одного и возвратился опять къ храму дружбы. Въ это время подошелъ ко мнѣ одинъ изъ инвалидовъ, которые смотрятъ за садомъ и находящимися въ немъ зданіями, и спросилъ меня: не угодно ли мнѣ посмотрѣть храма. „А развѣ у тебя ключь?“ спросилъ я. „У меня“. Я просилъ его отпереть, что̀ немедленно онъ и сдѣлалъ. Съ отверстіемъ двери, тотчасъ у сѣверной стѣны представилась колоссальная статуя Кивелы со своимъ ключемъ, въ видѣ коей изображена Екатерина Великая. Съ благоговѣніемъ поклонился я изваянію, представляющему монархиню, коея уму не престаютъ донынѣ и не престанутъ удивляться въ позднѣйшія времена. По обѣимъ сторонамъ статуи стоятъ столики: на одномъ изъ нихъ опрокинутъ былъ стаканъ, а подъ другимъ стоялъ кувшинъ. „Для чего этотъ стаканъ здѣсь?“ спросилъ я инвалида. „А изъ него я потчую господъ, кто пожелаетъ, ключевою водою, для прохлажденія отъ жаровъ“. „Развѣ у тебя она здѣсь есть?“ „Есть“. Я попросилъ налить мнѣ стаканъ и съ большою жадностію выпилъ. Выходя изъ храма, я поблагодарилъ инвалида, какъ обыкновенно благодарятъ за подобныя услуги, и спросилъ его: „Вотъ

храму дружбы, осмотрѣлъ его кругомъ, любовался величественною его простотою, потомъ хотѣлъ войдти въ него; но онъ былъ запертъ. Я хотѣлъ видѣть то божество, которому, какъ говоритъ надпись надъ дверьми сего храма, *любовь*, *почтеніе и благодарность* его *посвятили*. Не видя никого, кто бы могъ удовлетворить моему любопытству, я сѣлъ на ступенькахъ храма. Вблизи его въ числѣ прочихъ деревъ увидѣлъ я высокую, дебелую, величественную сребролистую тополь (populus argentea), пустившую отъ корней много молодыхъ побѣговъ, которые, думалъ я, хорошо было бы перенести въ мой садъ для развода, вмѣсто большихъ, купленныхъ мною на биржѣ, изъ коихъ хотя одна и принялась было, но минувшею зимою весьма много пострадала и едва ли уцѣлѣетъ. Между тѣмъ какъ мое корыстолюбіе, безъ дальнихъ впрочемъ послѣдствій, симъ занималось, нѣсколько далѣе увидѣлъ я огромный сибирскій кедръ (pinus cembra), съ привязанною къ толстому кряжу его дощечкою. Любопытство заставило меня подойдти къ сему дереву, и на дощечкѣ увидѣлъ я слова: „№ 1. Его Императорскаго Высочества цесаревича и великаго князя Павла Петровича, родившагося сентября 21-го дня 1754 года“. Какъ я обрадовался этой находкѣ: вѣрно, есть еще и другіе номера, подумалъ я, потому что на этой дощечкѣ означенъ № 1; и тотчасъ началъ ихъ отыскивать. Но къ сожалѣнію, не нашелъ ни одного и возвратился опять къ храму дружбы. Въ это время подошелъ ко мнѣ одинъ изъ инвалидовъ, которые смотрятъ за садомъ и находящимися въ немъ зданіями, и спросилъ меня: не угодно ли мнѣ посмотрѣть храма. „А развѣ у тебя ключь?“ спросилъ я. „У меня“. Я просилъ его отпереть, что̀ немедленно онъ и сдѣлалъ. Съ отверстіемъ двери, тотчасъ у сѣверной стѣны представилась колоссальная статуя Кивелы со своимъ ключемъ, въ видѣ коей изображена Екатерина Великая. Съ благоговѣніемъ поклонился я изваянію, представляющему монархиню, коея уму не престаютъ донынѣ и не престанутъ удивляться въ позднѣйшія времена. По обѣимъ сторонамъ статуи стоятъ столики: на одномъ изъ нихъ опрокинутъ былъ стаканъ, а подъ другимъ стоялъ кувшинъ. „Для чего этотъ стаканъ здѣсь?“ спросилъ я инвалида. „А изъ него я потчую господъ, кто пожелаетъ, ключевою водою, для прохлажденія отъ жаровъ“. „Развѣ у тебя она здѣсь есть?“ „Есть“. Я попросилъ налить мнѣ стаканъ и съ большою жадностію выпилъ. Выходя изъ храма, я поблагодарилъ инвалида, какъ обыкновенно благодарятъ за подобныя услуги, и спросилъ его: „Вотъ

на этой дощечкѣ написанъ № 1; по этому есть и другіе нумера? я искалъ ихъ здѣсь, но не нашелъ". — „Есть", отвѣчалъ онъ; но не здѣсь. Угодно вамъ, я проведу васъ туда?" По изъявленіи мною желанія, онъ немедленно пошелъ впередъ и привелъ меня въ *фамильную рощу*. Объ этой рощѣ имѣлъ я понятіе по стихамъ г. Жуковскаго, но понятіе, какое только долженъ давать поэтъ, который природу описываетъ не исторически, а какъ геній, пользуясь только главнѣйшими чертами ея, кои мгновенно переносятъ его въ міръ идеальный, и онъ изображаетъ предметы по вдохновенію. Вотъ сіи стихи:

Я на брегу одинъ... Окрестность вся молчитъ!
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою!
Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ:
Какъ бы эѳирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышитъ,
Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душой!

Историческое описаніе сей рощи въ короткихъ словахъ слѣдующее: Недалеко отъ дворца, подъ скатомъ горы, на западной сторонѣ, въ небольшой рощѣ, особою купою, возвышаются березы и березки, посаженныя при рожденіи каждаго великаго князя и великой княгини императорскаго дома. Есть и на другіе случаи, какъ-то на миропомазаніе великой княгини Елены Павловны въ греко-россійскую вѣру. Къ каждому изъ сихъ деревъ привѣшена четверо-угольная, продолговатая желѣзная дощечка, на которой написанъ годъ, мѣсяцъ и число событія. Въ семъ собраніи деревъ находится и дерево съ дощечкою, на коей написано время рожденія великаго князя цесаревича Павла Петровича, расколотое, но потомъ сростеся. Провожатый мой сказалъ мнѣ, что оно расколото громомъ. Когда расколото, спрашивать о томъ я не разсудилъ. Въ семъ убѣжищѣ стоятъ нынѣ двѣ скамейки. „Сюда", сказалъ мнѣ инвалидъ, „матушка государыня изволила по утрамъ выходить кушать чай".

Послѣ сего провожатый предложилъ, не угодно ли мнѣ видѣть домикъ, въ которомъ спасался монахъ. „Хорошо". Инвалидъ дорогою разсказалъ мнѣ, что императрица Екатерина II отыскала

на этой дощечкѣ написанъ № 1; по этому есть и другіе нумера? я искалъ ихъ здѣсь, но не нашелъ". — „Есть", отвѣчалъ онъ; но не здѣсь. Угодно вамъ, я проведу васъ туда?" По изъявленіи мною желанія, онъ немедленно пошелъ впередъ и привелъ меня въ *фамильную рощу*. Объ этой рощѣ имѣлъ я понятіе по стихамъ г. Жуковскаго, но понятіе, какое только долженъ давать поэтъ, который природу описываетъ не исторически, а какъ геній, пользуясь только главнѣйшими чертами ея, кои мгновенно переносятъ его въ міръ идеальный, и онъ изображаетъ предметы по вдохновенію. Вотъ сіи стихи:

Я на брегу одинъ... Окрестность вся молчитъ!
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою!
Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ:
Какъ бы эѳирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышитъ,
Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душой!

Историческое описаніе сей рощи въ короткихъ словахъ слѣдующее: Недалеко отъ дворца, подъ скатомъ горы, на западной сторонѣ, въ небольшой рощѣ, особою купою, возвышаются березы и березки, посаженныя при рожденіи каждаго великаго князя и великой княгини императорскаго дома. Есть и на другіе случаи, какъ-то на миропомазаніе великой княгини Елены Павловны въ греко-россійскую вѣру. Къ каждому изъ сихъ деревъ привѣшена четверо-угольная, продолговатая желѣзная дощечка, на которой написанъ годъ, мѣсяцъ и число событія. Въ семъ собраніи деревъ находится и дерево съ дощечкою, на коей написано время рожденія великаго князя цесаревича Павла Петровича, расколотое, но потомъ сростеся. Провожатый мой сказалъ мнѣ, что оно расколото громомъ. Когда расколото, спрашивать о томъ я не разсудилъ. Въ семъ убѣжищѣ стоятъ нынѣ двѣ скамейки. „Сюда", сказалъ мнѣ инвалидъ, „матушка государыня изволила по утрамъ выходить кушать чай".

Послѣ сего провожатый предложилъ, не угодно ли мнѣ видѣть домикъ, въ которомъ спасался монахъ. „Хорошо". Инвалидъ дорогою разсказалъ мнѣ, что императрица Екатерина II отыскала

этого монаха въ хижинѣ, когда еще тутъ былъ дикій лѣсъ, и одни только звѣри въ немъ жили. Государынѣ угодно было въ скоромъ времени посѣтить монаха вмѣстѣ съ придворными господами; но онъ уже скрылся и оставилъ въ хижинѣ своей только три ложки, три тарелки деревянныя и кувшинъ. По дорогѣ мимоходомъ инвалидъ показалъ мнѣ также купальню Ея Величества. Мы дошли до монашеской хижины: я увидѣлъ изъ одного окошка на столикѣ стоящій кувшинъ, а изъ другаго ложки и тарелки; потомъ у сей хижины увидѣлъ небольшой четвероугольный, продолговатый огородъ, въ которомъ, по словамъ инвалида, работалъ монахъ..... Вотъ какое преданіе идетъ въ простомъ народѣ о семъ убѣжищѣ, между тѣмъ, какъ всякому видно, что это обыкновенная, но искусная поддѣлка подъ уединенное, отшельническое жилище.

Отсюда провожатый предложилъ мнѣ идти въ убѣжище, въ которомъ Марія, оставя царскую пышность, приходила съ фрейлинами прясть. Я, предавшись совершенно въ его волю, послѣдовалъ за нимъ, и мы вскорѣ очутились въ прекрасномъ павильонѣ. Здѣсь увидѣлъ я лопатки желѣзныя, которыми въ малолѣтствѣ императоръ Александръ и цесаревичъ Константинъ копали землю. Такъ-то великіе воспитатели сближали ихъ съ природою. Провожатый послѣ провелъ меня въ готическую башню, называемую Пилемъ, гдѣ въ самые большіе жары, сказалъ онъ, государыня изволила кушать чай.

Я уже довольно усталъ, но не могъ отказать усердію инвалида, который по сему труду, безъ сомнѣнія, измѣрялъ будущую отъ меня награду. Онъ предложилъ свести меня къ монументу, воздвигнутому императрицѣ Елисаветѣ. При сихъ словахъ я забылъ свою усталость, думая дѣйствительно увидѣть новый для себя предметъ; но это была ошибка моего проводника. Онъ привелъ меня къ монументу, не одинъ разъ мною видѣнному, воздвигнутому императрицею Маріею Ѳеодоровною въ память ея родителей, также сестрѣ и брату. Отсюда побрелъ я усталыми ногами за провожатымъ къ двѣнадцати бронзовымъ музамъ, Аполлону и другимъ миѳологическимъ лицамъ, и просилъ его сократить дорогу для выхода изъ сада. Онъ вывелъ меня къ театру, и я распростился съ нимъ, поблагодаривъ его утроеніемъ награды, сдѣланной прежде. Усталость принудила меня поскорѣе доплестись до скамейки, чтобъ, подкрѣпясь въ силахъ, пуститься въ обратный путь.

Въ шесть часовъ я отправился изъ Павловска и уже ни на какіе предметы не обращалъ вниманія. Во всю дорогу мечтались

этого монаха въ хижинѣ, когда еще тутъ былъ дикій лѣсъ, и одни только звѣри въ немъ жили. Государынѣ угодно было въ скоромъ времени посѣтить монаха вмѣстѣ съ придворными господами; но онъ уже скрылся и оставилъ въ хижинѣ своей только три ложки, три тарелки деревянныя и кувшинъ. По дорогѣ мимоходомъ инвалидъ показалъ мнѣ также купальню Ея Величества. Мы дошли до монашеской хижины: я увидѣлъ изъ одного окошка на столикѣ стоящій кувшинъ, а изъ другаго ложки и тарелки; потомъ у сей хижины увидѣлъ небольшой четвероугольный, продолговатый огородъ, въ которомъ, по словамъ инвалида, работалъ монахъ..... Вотъ какое преданіе идетъ въ простомъ народѣ о семъ убѣжищѣ, между тѣмъ, какъ всякому видно, что это обыкновенная, но искусная поддѣлка подъ уединенное, отшельническое жилище.

Отсюда провожатый предложилъ мнѣ идти въ убѣжище, въ которомъ Марія, оставя царскую пышность, приходила съ фрейлинами прясть. Я, предавшись совершенно въ его волю, послѣдовалъ за нимъ, и мы вскорѣ очутились въ прекрасномъ павильонѣ. Здѣсь увидѣлъ я лопатки желѣзныя, которыми въ малолѣтствѣ императоръ Александръ и цесаревичъ Константинъ копали землю. Такъ-то великіе воспитатели сближали ихъ съ природою. Провожатый послѣ провелъ меня въ готическую башню, называемую Пилемъ, гдѣ въ самые большіе жары, сказалъ онъ, государыня изволила кушать чай.

Я уже довольно усталъ, но не могъ отказать усердію инвалида, который по сему труду, безъ сомнѣнія, измѣрялъ будущую отъ меня награду. Онъ предложилъ свести меня къ монументу, воздвигнутому императрицѣ Елисаветѣ. При сихъ словахъ я забылъ свою усталость, думая дѣйствительно увидѣть новый для себя предметъ; но это была ошибка моего проводника. Онъ привелъ меня къ монументу, не одинъ разъ мною видѣнному, воздвигнутому императрицею Маріею Ѳеодоровною въ память ея родителей, также сестрѣ и брату. Отсюда побрелъ я усталыми ногами за провожатымъ къ двѣнадцати бронзовымъ музамъ, Аполлону и другимъ миѳологическимъ лицамъ, и просилъ его сократить дорогу для выхода изъ сада. Онъ вывелъ меня къ театру, и я распростился съ нимъ, поблагодаривъ его утроеніемъ награды, сдѣланной прежде. Усталость принудила меня поскорѣе доплестись до скамейки, чтобъ, подкрѣпясь въ силахъ, пуститься въ обратный путь.

Въ шесть часовъ я отправился изъ Павловска и уже ни на какіе предметы не обращалъ вниманія. Во всю дорогу мечтались

мнѣ сіи осиротѣлые луга и долины зеленыя, сіи густыя рощи и лѣса, сіи каскады, павильоны, гроты, храмы, обелиски и другіе печальные памятники, напоминающіе неизъяснимую утрату великой обладательницы оныхъ, нѣжнѣйшей матери и покровительницы вдовъ, сиротъ и всѣхъ несчастныхъ, прибѣгавшихъ къ ея защитѣ, монархини, соединявшей въ себѣ всѣ кроткія добродѣтели.

мнѣ сіи осиротѣлые луга и долины зеленыя, сіи густыя рощи и лѣса, сіи каскады, павильоны, гроты, храмы, обелиски и другіе печальные памятники, напоминающіе неизъяснимую утрату великой обладательницы оныхъ, нѣжнѣйшей матери и покровительницы вдовъ, сиротъ и всѣхъ несчастныхъ, прибѣгавшихъ къ ея защитѣ, монархини, соединявшей въ себѣ всѣ кроткія добродѣтели.

НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА КЪ ГРАФУ П. А. ТОЛСТОМУ 1812 ГОДА.

I.

Доставленные ко мнѣ пакеты отъ вашего сіятельства тотъ же вечеръ я отправилъ съ посылаемымъ отъ меня курьеромъ въ С.-Петербургъ, куда государь три дня тому назадъ еще не возвратился. Положеніе Москвы дурное. Арміи наши 13 верстъ отъ Можайска; Гжать занята Французами. У злодѣя не болѣе 150 тысячъ, у насъ съ пришедшими войсками 143 тысячи. Милорадовичъ пришелъ, Марковъ съ 23 тысячами тамъ. Кутузовъ пишетъ, что даетъ баталію и другой цѣли не имѣетъ, какъ защищать Москву; непріятель не имѣетъ провіанта, и онъ отчаянно идетъ на Москву, обѣщал въ ней золотыя горы; Витгенштейнъ добилъ въ четвертый разъ армію Удино; сей умеръ отъ ранъ, и въ послѣднемъ дѣлѣ два генерала взяты въ плѣнъ. Въ Петербургѣ довольно спокойны, судя по маранью Гурьева и Козодавлева. Тормасовъ соединился съ Чичаговымъ. Москва спокойна и тверда, но пуста, ибо дамы и мужчины женскаго пола уѣхали.

Прощайте, почтенный графъ, будьте здоровы, сего желаетъ вамъ преданный графъ Ѳ. Растопчинъ.

24-го августа 1812 года. Москва.

P. S. Скажите Ник. Селив., что я отправилъ водою въ Нижній на баркѣ 57 Французовъ; ему будетъ праздникъ видѣть этотъ ковчегъ.

II. (секретно).

Милостивый государь графъ Петръ Александровичъ!

Отправляю къ вамъ нарочный эстафетъ съ приложенными пись-

НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА КЪ ГРАФУ П. А. ТОЛСТОМУ 1812 ГОДА.

I.

Доставленные ко мнѣ пакеты отъ вашего сіятельства тотъ же вечеръ я отправилъ съ посылаемымъ отъ меня курьеромъ въ С.-Петербургъ, куда государь три дня тому назадъ еще не возвратился. Положеніе Москвы дурное. Арміи наши 13 верстъ отъ Можайска; Гжать занята Французами. У злодѣя не болѣе 150 тысячъ, у насъ съ пришедшими войсками 143 тысячи. Милорадовичъ пришелъ, Марковъ съ 23 тысячами тамъ. Кутузовъ пишетъ, что даетъ баталію и другой цѣли не имѣетъ, какъ защищать Москву; непріятель не имѣетъ провіанта, и онъ отчаянно идетъ на Москву, обѣщал въ ней золотыя горы; Витгенштейнъ добилъ въ четвертый разъ армію Удино; сей умеръ отъ ранъ, и въ послѣднемъ дѣлѣ два генерала взяты въ плѣнъ. Въ Петербургѣ довольно спокойны, судя по маранью Гурьева и Козодавлева. Тормасовъ соединился съ Чичаговымъ. Москва спокойна и тверда, но пуста, ибо дамы и мужчины женскаго пола уѣхали.

Прощайте, почтенный графъ, будьте здоровы, сего желаетъ вамъ преданный графъ Ѳ. Растопчинъ.

24-го августа 1812 года. Москва.

P. S. Скажите Ник. Селив., что я отправилъ водою въ Нижній на баркѣ 57 Французовъ; ему будетъ праздникъ видѣть этотъ ковчегъ.

II. (секретно).

Милостивый государь графъ Петръ Александровичъ!

Отправляю къ вамъ нарочный эстафетъ съ приложенными пись-

мами, въ подтвержденіе коихъ могу увѣрить васъ, что намѣреніямъ Сперанскаго и Столыпина я вѣрю по дѣйствію мартинистовъ здѣсь; я увѣренъ, что вы, примите нужныя мѣры для примѣчанія замысловъ скаредовъ, посягающихъ на отечество. Если же заблагоразсудите, то отправьте и Сперанскаго, и Столыпина сюда. Князь Кутузовъ пишетъ сей часъ ко мнѣ, что онъ между Можайска и Гжати намѣренъ дать баталію; у него 134 тысячи войска; у злодѣевъ едва 120 тысячь изнуренныхъ и больныхъ всего. Но онъ во 150 верстахъ отсюда и, не имѣя ничего въ виду, какъ Москву, падѣется кончить войну или пропасть въ Кремлѣ. Вамъ преданный графъ Ѳ. Растопчинъ.

21-го августа 1812 года. Москва.

III.

18-го сентября. Пахра, 35 верстъ отъ Москвы.

Сколь ни тяжело мнѣ писать къ вамъ, почтенный графъ, но я хочу извѣстить васъ о преданіи Москвы и о бѣдственномъ положеніи арміи нашей. Князь Кутузовъ обѣщалъ мнѣ въ десяти письмахъ, что онъ Москву защищать будетъ, и что съ судьбою сего города сопряжена судьба и Россіи, далъ 26-го при Бородинѣ баталію. Бонапартъ атаковалъ всю нашу позицію съ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера и былъ отбитъ такъ, что обозы отправились назадъ; мы потеряли убитыми и ранеными 17 генераловъ, до 20 тысячь рядовыхъ и на другой день 10 тысячь мародеровъ; непріятелю этотъ день стоитъ близъ 30 тысячь убитыхъ и раненыхъ; 29 генераловъ, по ихъ письмамъ, mis hors de comptant. Мы у нихъ взяли 10 пушекъ, они у насъ 18. Съ симъ извѣстіемъ отправленъ курьеръ въ Петербургъ съ мѣста сраженія, и Кутузовъ фельдмаршалъ; мы остались на мѣстѣ, но ночью пошли назадъ. Бенигсенъ искалъ новыхъ позицій и привелъ армію на Поклонную гору; тутъ я видѣлся съ Кутузовымъ, который повторилъ мнѣ, что онъ даетъ баталію; я возвратился въ городъ и занимался ранеными, коихъ число въ безпорядкѣ пришедшихъ было до 28,000 человѣкъ, и при нихъ нѣсколько тысячь здоровыхъ. Это шло разбивать кабаки (въ коихъ вина уже не было) и красть по домамъ. Въ 8 часовъ вечера я получилъ отъ Кутузова письмо, слѣдующаго содержанія:

„Получа достовѣрное извѣстіе, что непріятель отрядилъ два

мами, въ подтвержденіе коихъ могу увѣрить васъ, что намѣреніямъ Сперанскаго и Столыпина я вѣрю по дѣйствію мартинистовъ здѣсь; я увѣренъ, что вы, примите нужныя мѣры для примѣчанія замысловъ скаредовъ, посягающихъ на отечество. Если же заблагоразсудите, то отправьте и Сперанскаго, и Столыпина сюда. Князь Кутузовъ пишетъ сей часъ ко мнѣ, что онъ между Можайска и Гжати намѣренъ дать баталію; у него 134 тысячи войска; у злодѣевъ едва 120 тысячь изнуренныхъ и больныхъ всего. Но онъ во 150 верстахъ отсюда и, не имѣя ничего въ виду, какъ Москву, падѣется кончить войну или пропасть въ Кремлѣ. Вамъ преданный графъ Ѳ. Растопчинъ.

21-го августа 1812 года. Москва.

III.

18-го сентября. Пахра, 35 верстъ отъ Москвы.

Сколь ни тяжело мнѣ писать къ вамъ, почтенный графъ, но я хочу извѣстить васъ о преданіи Москвы и о бѣдственномъ положеніи арміи нашей. Князь Кутузовъ обѣщалъ мнѣ въ десяти письмахъ, что онъ Москву защищать будетъ, и что съ судьбою сего города сопряжена судьба и Россіи, далъ 26-го при Бородинѣ баталію. Бонапартъ атаковалъ всю нашу позицію съ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера и былъ отбитъ такъ, что обозы отправились назадъ; мы потеряли убитыми и ранеными 17 генераловъ, до 20 тысячь рядовыхъ и на другой день 10 тысячь мародеровъ; непріятелю этотъ день стоитъ близъ 30 тысячь убитыхъ и раненыхъ; 29 генераловъ, по ихъ письмамъ, mis hors de comptant. Мы у нихъ взяли 10 пушекъ, они у насъ 18. Съ симъ извѣстіемъ отправленъ курьеръ въ Петербургъ съ мѣста сраженія, и Кутузовъ фельдмаршалъ; мы остались на мѣстѣ, но ночью пошли назадъ. Бенигсенъ искалъ новыхъ позицій и привелъ армію на Поклонную гору; тутъ я видѣлся съ Кутузовымъ, который повторилъ мнѣ, что онъ даетъ баталію; я возвратился въ городъ и занимался ранеными, коихъ число въ безпорядкѣ пришедшихъ было до 28,000 человѣкъ, и при нихъ нѣсколько тысячь здоровыхъ. Это шло разбивать кабаки (въ коихъ вина уже не было) и красть по домамъ. Въ 8 часовъ вечера я получилъ отъ Кутузова письмо, слѣдующаго содержанія:

„Получа достовѣрное извѣстіе, что непріятель отрядилъ два

корпуса по 20 тысячъ на Боровскую и Звенигородскую дорогу, и, находя позицію мою недовольно выгодною, съ крайнимъ прискорбіемъ рѣшился оставить Москву; прошу васъ прислать мнѣ скорѣе проводниковъ—вести войска чрезъ Калужскую и Драгомиловскую заставы во Владимірскую и Коломенскую".

Тутъ мнѣ оставалось вотъ еще что̀ сдѣлать: важное, нужное и драгоцѣнное все уже отправлено было, но должно было потопить оставшійся порохъ 6,000 пудъ, выпустить въ магазинѣ 730,000 ведеръ вина, отправить пожарныя, полицейскія и прочія команды, гарнизонный полкъ и еще два, пришедшіе къ 6 часамъ утра; все сіе сдѣлано было. Войска наши вышли въ безпорядкѣ, и если бы злодѣй послалъ три полка кавалеріи, то бы вся артиллерія ему досталась. Мюратъ шелъ по Арбату, и мужикъ, выстрѣливъ по немъ изъ окна, ранилъ полковника. Въ вечеру загорѣлись лавки и лабазы близь Кремля. На другой день во многихъ мѣстахъ загорѣлся городъ, и при сильномъ вѣтрѣ, продолжаясь три дня, огонь истребилъ $^5/_6$ частей города. Церкви разграблены, и въ соборѣ стоитъ эскадронъ кавалеріи. Что Кутузовъ не хотѣлъ защищать Москвы, сему доказательство то, что 29-го послано повелѣніе отправить провіантъ во Владиміръ, а Бонапартъ наканунѣ своего входа отдалъ въ приказѣ какому полку быть на караулѣ. Теперь, пройдя четыре дороги поперекъ, мы стали на старой Калужской въ 35 верстахъ, ничего не дѣлаемъ, не знаемъ что̀ и непріятель дѣлаетъ, а одна лишь партія въ 1,200 человѣкъ на Можайской дорогѣ взяла въ 36 часовъ 1,300 человѣкъ плѣнными, курьера и два транспорта изъ Смоленска. Въ письмахъ изъ арміи непріятельской, захваченныхъ съ курьеромъ, все говорятъ, что грабежу не было, что все вывезено, вина нѣтъ, и провіанта лишь на 8 дней. Кутузова никто не видитъ; Кайсаровъ за него подписываетъ, а Кудашевъ всѣмъ распоряжаетъ; Бенигсенъ надѣется быть главнокомандующимъ, Барклай совѣтывалъ оставить Москву, чтобы спасти армію, полагая, что симъ загладитъ потерю Смоленска. Армія въ лѣтнихъ панталонахъ, измучена, безъ духа и вся въ грабежѣ; въ глазахъ генераловъ жгутъ и разбиваютъ; офицеры съ солдатами. Вчера два преображенца грабили церковь; по 5,000 человѣкъ въ день разстрѣливать не возможно. Регулярнаго войска изъ Калуги и отъ Лобанова прибыло до 27,000 человѣкъ. Мы стоимъ; что̀ будетъ—никто не знаетъ. Настоящее бѣдственно, но будущее ужасно, хотя непріятель и долженъ здѣсь погибнуть и не выйдти изъ Россіи. Вамъ преданный графъ Ѳ. Растопчинъ.

корпуса по 20 тысячъ на Боровскую и Звенигородскую дорогу, и, находя позицію мою недовольно выгодною, съ крайнимъ прискорбіемъ рѣшился оставить Москву; прошу васъ прислать мнѣ скорѣе проводниковъ—вести войска чрезъ Калужскую и Драгомиловскую заставы во Владимірскую и Коломенскую".

Тутъ мнѣ оставалось вотъ еще что̀ сдѣлать: важное, нужное и драгоцѣнное все уже отправлено было, но должно было потопить оставшійся порохъ 6,000 пудъ, выпустить въ магазинѣ 730,000 ведеръ вина, отправить пожарныя, полицейскія и прочія команды, гарнизонный полкъ и еще два, пришедшіе къ 6 часамъ утра; все сіе сдѣлано было. Войска наши вышли въ безпорядкѣ, и если бы злодѣй послалъ три полка кавалеріи, то бы вся артиллерія ему досталась. Мюратъ шелъ по Арбату, и мужикъ, выстрѣливъ по немъ изъ окна, ранилъ полковника. Въ вечеру загорѣлись лавки и лабазы близь Кремля. На другой день во многихъ мѣстахъ загорѣлся городъ, и при сильномъ вѣтрѣ, продолжаясь три дня, огонь истребилъ $^5/_6$ частей города. Церкви разграблены, и въ соборѣ стоитъ эскадронъ кавалеріи. Что Кутузовъ не хотѣлъ защищать Москвы, сему доказательство то, что 29-го послано повелѣніе отправить провіантъ во Владиміръ, а Бонапартъ наканунѣ своего входа отдалъ въ приказѣ какому полку быть на караулѣ. Теперь, пройдя четыре дороги поперекъ, мы стали на старой Калужской въ 35 верстахъ, ничего не дѣлаемъ, не знаемъ что̀ и непріятель дѣлаетъ, а одна лишь партія въ 1,200 человѣкъ на Можайской дорогѣ взяла въ 36 часовъ 1,300 человѣкъ плѣнными, курьера и два транспорта изъ Смоленска. Въ письмахъ изъ арміи непріятельской, захваченныхъ съ курьеромъ, все говорятъ, что грабежу не было, что все вывезено, вина нѣтъ, и провіанта лишь на 8 дней. Кутузова никто не видитъ; Кайсаровъ за него подписываетъ, а Кудашевъ всѣмъ распоряжаетъ; Бенигсенъ надѣется быть главнокомандующимъ, Барклай совѣтывалъ оставить Москву, чтобы спасти армію, полагая, что симъ загладитъ потерю Смоленска. Армія въ лѣтнихъ панталонахъ, измучена, безъ духа и вся въ грабежѣ; въ глазахъ генераловъ жгутъ и разбиваютъ; офицеры съ солдатами. Вчера два преображенца грабили церковь; по 5,000 человѣкъ въ день разстрѣливать не возможно. Регулярнаго войска изъ Калуги и отъ Лобанова прибыло до 27,000 человѣкъ. Мы стоимъ; что̀ будетъ—никто не знаетъ. Настоящее бѣдственно, но будущее ужасно, хотя непріятель и долженъ здѣсь погибнуть и не выйдти изъ Россіи. Вамъ преданный графъ Ѳ. Растопчинъ.

IV.

Отъ 20-го октября. Владиміръ.

Остановясь здѣсь принужденно отъ болѣзни, пишу къ вамъ, почтенный графъ Петръ Александровичь, рапортъ, мои мысли и исповѣдь. Я оставилъ армію въ столь бѣдственномъ и ужасномъ положеніи, что я слѣдствій боюсь гораздо болѣе, чѣмъ Бонапарта самого. Неповиновеніе и попущеніе до того дошли, что въ главной квартирѣ въ глазахъ главнокомандующаго—грабежъ: жгутъ и все отнимаютъ; безпорядокъ такъ великъ, что не могутъ отыскать генераловъ, а генералы—полки и дивизіи ихъ корпусовъ. Кутузовъ—самый гнусный эгоистъ, пришедшій отъ лѣтъ и отъ разврата жизни почти въ ребячество. Спитъ, ничего не дѣлаетъ; и судьба Россіи, и государь зависятъ отъ Кудашева и Кайсарова. Сей послѣдній имѣетъ препорученіе подписывать подъ его руку. Бенигсенъ спитъ до 8 часовъ и ѣздитъ осматривать позиціи, отъ коихъ Москва погибла. Ему хочется быть главнокомандующимъ, но онъ старъ, нерѣшителенъ и слишкомъ занятъ сохраненіемъ мнимой своей славы. Я опасаюсь, чтобы терпѣніе народа не уступило мѣсто отчаянію, и тогда Россія погибнетъ неизбѣжно. Если Кутузова войска поставить на зимнія квартиры, то навѣрно три еще губерніи разорены будутъ. Офицеры ѣздятъ на разбои, позади арміи ихъ бьютъ; я двухъ билъ плетьми; г. Левенштернъ и полковникъ Дризенъ будто раненые; 20-го числа до полусмерти прибили прикащика Коновницкаго, разграбя имѣніе и требуя 300 руб. денегъ; два преображенскіе гренадера пойманы ночью въ церкви, кою хотѣли ограбить. Въ Вороновѣ 15-го числа попъ не хотѣлъ служить обѣдню, потому что накануне во время службы куча солдатъ вошла въ церковь и грабили. Князь Кутузовъ говоритъ: „Когда хорошо кончится, то все забудется, а если дурно, то наказывать некому 5,000 полковъ“. Заставили армію, въ коей 85 тысячь отступить 45 верстъ назадъ, и никто ничего не знаетъ, хотя 7,000 казаковъ въ разъѣздѣ. Два дня вся армія съ 5 часовъ утра до 4 вечера стояла въ ружьѣ въ ожиданіи сраженія, имѣя въ двухъ мѣстахъ едва 15 тысячь непріятеля; нынѣ слово въ модѣ: *обходятъ фланг*, и послѣ сего все идетъ назадъ. Но что̀ больше, это то, что Французовъ вездѣ бьютъ, и послѣ взятія Москвы вѣрно до 20 тысячь истреблено, однихъ плѣнныхъ отправлено изъ арміи съ 4-го до

IV.

Отъ 20-го октября. Владиміръ.

Остановясь здѣсь принужденно отъ болѣзни, пишу къ вамъ, почтенный графъ Петръ Александровичь, рапортъ, мои мысли и исповѣдь. Я оставилъ армію въ столь бѣдственномъ и ужасномъ положеніи, что я слѣдствій боюсь гораздо болѣе, чѣмъ Бонапарта самого. Неповиновеніе и попущеніе до того дошли, что въ главной квартирѣ въ глазахъ главнокомандующаго—грабежъ: жгутъ и все отнимаютъ; безпорядокъ такъ великъ, что не могутъ отыскать генераловъ, а генералы—полки и дивизіи ихъ корпусовъ. Кутузовъ—самый гнусный эгоистъ, пришедшій отъ лѣтъ и отъ разврата жизни почти въ ребячество. Спитъ, ничего не дѣлаетъ; и судьба Россіи, и государь зависятъ отъ Кудашева и Кайсарова. Сей послѣдній имѣетъ препорученіе подписывать подъ его руку. Бенигсенъ спитъ до 8 часовъ и ѣздитъ осматривать позиціи, отъ коихъ Москва погибла. Ему хочется быть главнокомандующимъ, но онъ старъ, нерѣшителенъ и слишкомъ занятъ сохраненіемъ мнимой своей славы. Я опасаюсь, чтобы терпѣніе народа не уступило мѣсто отчаянію, и тогда Россія погибнетъ неизбѣжно. Если Кутузова войска поставить на зимнія квартиры, то навѣрно три еще губерніи разорены будутъ. Офицеры ѣздятъ на разбои, позади арміи ихъ бьютъ; я двухъ билъ плетьми; г. Левенштернъ и полковникъ Дризенъ будто раненые; 20-го числа до полусмерти прибили прикащика Коновницкаго, разграбя имѣніе и требуя 300 руб. денегъ; два преображенскіе гренадера пойманы ночью въ церкви, кою хотѣли ограбить. Въ Вороновѣ 15-го числа попъ не хотѣлъ служить обѣдню, потому что накапунѣ во время службы куча солдатъ вошла въ церковь и грабили. Князь Кутузовъ говоритъ: „Когда хорошо кончится, то все забудется, а если дурно, то наказывать некому 5,000 полковъ“. Заставили армію, въ коей 85 тысячь отступить 45 верстъ назадъ, и никто ничего не знаетъ, хотя 7,000 казаковъ въ разъѣздѣ. Два дня вся армія съ 5 часовъ утра до 4 вечера стояла въ ружьѣ въ ожиданіи сраженія, имѣя въ двухъ мѣстахъ едва 15 тысячь непріятеля; нынѣ слово въ модѣ: *обходятъ фланг*, и послѣ сего все идетъ назадъ. Но что̀ больше, это то, что Французовъ вездѣ бьютъ, и послѣ взятія Москвы вѣрно до 20 тысячь истреблено, однихъ плѣнныхъ отправлено изъ арміи съ 4-го до

20-го числа 9,300, да изъ Калуги 3,100 человѣкъ, сочтите—что̀ побито. Въ Москвѣ нѣтъ колодезя, гдѣ бы нѣсколько тѣлъ не было кинуто. Въ два дня Дороховъ съ 500 гусаръ и 800 казаками на Можайской дорогѣ взялъ 1,900 плѣнными, транспортъ изъ Смоленска съ снарядами, другой изъ Москвы съ грабленными вещами, гдѣ между прочимъ въ обозѣ генерала Сапрап нашли фуру съ тазами и сковородами, да поймалъ двухъ курьеровъ, изъ Вильны и изъ Москвы въ Парижъ отправленныхъ; войска у него едва за 60 тысячь, а больше если и есть, то не приведетъ, потому что кормить не чѣмъ, и не смотря на всѣ его прокламаціи и лести къ народу, онъ слишкомъ ожесточенъ, чтобъ могъ ему вѣрить. Я мѣшаю своими увѣщеваніями, за что̀ получилъ въ награду отъ Наполеона названіе: bouche de feu, что̀ отдано въ приказѣ, въ которомъ онъ извиняется предъ своею арміею, что въ первый разъ ее обманулъ, обѣщая въ Москвѣ миръ. Здѣсь говорятъ о перемиріи. Это ничего. А миръ погубитъ Россію на вѣки. Онъ долженъ уйдти едва съ 10 тысячь, и тогда трудно ему будетъ, потерявъ 400 тысячь, собрать новыя силы, сохранить прежнее свое владычество въ Европѣ. Государь манифестами, воззваніями къ несчастной Москвѣ и приказами обнародывалъ войну гибельную для злодѣевъ. Онъ вооружилъ всю имперію, и народъ Русской, храбрый и вѣрный, готовъ на смерть. Но если онъ знаетъ, что врагъ его выпущенъ и опять можетъ войдти въ Россію, то я увѣренъ, что сила наша кончится отъ бунтовъ и междоусобной брани. Я ѣду въ Петербургъ и употребилъ часы свободные отъ болѣзни на сообщеніе вамъ всего написаннаго. Радовался, услыша отъ Гурьева, что ваше ополченіе готово, и что пушки, изъ Москвы отправленныя, у васъ; дай Богъ, чтобы вы ихъ опять въ арсеналъ поставили. Москвы цѣлой осталось едва восьмая часть, и случайно части нѣкоторыхъ улицъ не сгорѣли; одинъ Кремль стоитъ невредимъ, хотя соборы ограблены, но я увѣренъ, что онъ, выходя изъ Москвы, подорветъ сіи святые памятники и прахъ царей нашихъ. Блаженны тѣ, кои не были свидѣтели посрамленія Россіи; блаженны тѣ, кои отмстятъ за отечество. Прощайте, почтенный графъ, Богъ съ вами, и дай Онъ вамъ успѣхъ, соразмѣрный чувствамъ души вашей.

20-го числа 9,300, да изъ Калуги 3,100 человѣкъ, сочтите—что̀ побито. Въ Москвѣ нѣтъ колодезя, гдѣ бы нѣсколько тѣлъ не было кинуто. Въ два дня Дороховъ съ 500 гусаръ и 800 казаками на Можайской дорогѣ взялъ 1,900 плѣнными, транспортъ изъ Смоленска съ снарядами, другой изъ Москвы съ грабленными вещами, гдѣ между прочимъ въ обозѣ генерала Сапрап нашли фуру съ тазами и сковородами, да поймалъ двухъ курьеровъ, изъ Вильны и изъ Москвы въ Парижъ отправленныхъ; войска у него едва за 60 тысячь, а больше если и есть, то не приведетъ, потому что кормить не чѣмъ, и не смотря на всѣ его прокламаціи и лести къ народу, онъ слишкомъ ожесточенъ, чтобъ могъ ему вѣрить. Я мѣшаю своими увѣщеваніями, за что̀ получилъ въ награду отъ Наполеона названіе: bouche de feu, что̀ отдано въ приказѣ, въ которомъ онъ извиняется предъ своею арміею, что въ первый разъ ее обманулъ, обѣщая въ Москвѣ миръ. Здѣсь говорятъ о перемиріи. Это ничего. А миръ погубитъ Россію на вѣки. Онъ долженъ уйдти едва съ 10 тысячь, и тогда трудно ему будетъ, потерявъ 400 тысячь, собрать новыя силы, сохранить прежнее свое владычество въ Европѣ. Государь манифестами, воззваніями къ несчастной Москвѣ и приказами обнародывалъ войну гибельную для злодѣевъ. Онъ вооружилъ всю имперію, и народъ Русской, храбрый и вѣрный, готовъ на смерть. Но если онъ знаетъ, что врагъ его выпущенъ и опять можетъ войдти въ Россію, то я увѣренъ, что сила наша кончится отъ бунтовъ и междоусобной брани. Я ѣду въ Петербургъ и употребилъ часы свободные отъ болѣзни на сообщеніе вамъ всего написаннаго. Радовался, услыша отъ Гурьева, что ваше ополченіе готово, и что пушки, изъ Москвы отправленныя, у васъ; дай Богъ, чтобы вы ихъ опять въ арсеналъ поставили. Москвы цѣлой осталось едва восьмая часть, и случайно части нѣкоторыхъ улицъ не сгорѣли; одинъ Кремль стоитъ невредимъ, хотя соборы ограблены, но я увѣренъ, что онъ, выходя изъ Москвы, подорветъ сіи святые памятники и прахъ царей нашихъ. Блаженны тѣ, кои не были свидѣтели посрамленія Россіи; блаженны тѣ, кои отмстятъ за отечество. Прощайте, почтенный графъ, Богъ съ вами, и дай Онъ вамъ успѣхъ, соразмѣрный чувствамъ души вашей.

БЫЛЪ ЛИ ВЗЯТЪ СЕВАСТОПОЛЬ?

ИЗЪ ПИСЬМА СЕВАСТОПОЛЬЦА *).

....Съ самаго начала Крымской кампаніи и до заключенія мира я находился сперва въ дивизіи, а потомъ и въ корпусѣ (шестомъ) генерала Липранди; 12-ти дневный переходъ, то есть, форсированный маршъ отъ Одессы до Симферополя по безводнымъ южнымъ степямъ мнѣ памятенъ. Изъ 11-ти-мѣсячной обороны Севастополя болѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ я на 2-мъ и 3-мъ бастіонахъ; былъ въ первую бомбардировку и оба штурма 6-го іюня и 28-го августа, а остальное все время находился съ батареею въ окрестностяхъ Севастополя; слѣдовательно, многое видѣлъ и испыталъ....

При самомъ началѣ осады Севастополя, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1854 года, мнѣ пришлось быть ординарцемъ у исправляющаго должность начальника артиллеріи генерала Кишенскаго, который, позвавъ меня къ себѣ, приказалъ съѣздить къ главнокомандующему князю Меньшикову, и доложить, что хотя на 36-ть непріятельскихъ выстрѣловъ мы отвѣчаемъ однимъ, на предстоящую ночь на батареяхъ сѣверной стороны нѣтъ артиллерійскихъ снарядовъ; князь, выслушавъ меня, спросилъ: „А до васъ долетаютъ непріятельскіе снаряды?“ „Долетаютъ, ваша свѣтлость!“ „Такъ скажи Кишенскому, чтобъ онъ приказалъ ихъ собирать и изъ своихъ орудій обратно пересылать; а нашъ транспортъ съ снарядами еще за Перекопомъ и прибудетъ не ранѣе двухъ или трехъ дней“. Можете судить удивленіе и отчаяніе боеваго кавказскаго генерала Кишенскаго, получившаго такой от-

*) Помѣщаемъ этотъ отрывокъ во вниманіе къ оригинальному взгляду почтеннаго автора на Севастопольскія событія.

Ред.

БЫЛЪ ЛИ ВЗЯТЪ СЕВАСТОПОЛЬ?

ИЗЪ ПИСЬМА СЕВАСТОПОЛЬЦА *).

....Съ самаго начала Крымской кампаніи и до заключенія мира я находился сперва въ дивизіи, а потомъ и въ корпусѣ (шестомъ) генерала Липранди; 12-ти дневный переходъ, то есть, форсированный маршъ отъ Одессы до Симферополя по безводнымъ южнымъ степямъ мнѣ памятенъ. Изъ 11-ти-мѣсячной обороны Севастополя болѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ я на 2-мъ и 3-мъ бастіонахъ; былъ въ первую бомбардировку и оба штурма 6-го іюня и 28-го августа, а остальное все время находился съ батареею въ окрестностяхъ Севастополя; слѣдовательно, многое видѣлъ и испыталъ....

При самомъ началѣ осады Севастополя, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1854 года, мнѣ пришлось быть ординарцемъ у исправляющаго должность начальника артиллеріи генерала Кишенскаго, который, позвавъ меня къ себѣ, приказалъ съѣздить къ главнокомандующему князю Меньшикову, и доложить, что хотя на 36-ть непріятельскихъ выстрѣловъ мы отвѣчаемъ однимъ, на предстоящую ночь на батареяхъ сѣверной стороны нѣтъ артиллерійскихъ снарядовъ; князь, выслушавъ меня, спросилъ: „А до васъ долетаютъ непріятельскіе снаряды?“ „Долетаютъ, ваша свѣтлость!“ „Такъ скажи Кишенскому, чтобъ онъ приказалъ ихъ собирать и изъ своихъ орудій обратно пересылать; а нашъ транспортъ съ снарядами еще за Перекопомъ и прибудетъ не ранѣе двухъ или трехъ дней“. Можете судить удивленіе и отчаяніе боеваго кавказскаго генерала Кишенскаго, получившаго такой от-

*) Помѣщаемъ этотъ отрывокъ во вниманіе къ оригинальному взгляду почтеннаго автора на Севастопольскія событія.

Ред.

вѣтъ главнокомандующаго; отчаяніе, тѣмъ болѣе великое, что рѣдкій непріятельскій снарядъ подойдетъ подъ калибръ нашихъ орудій, и притомъ всѣ они не разрывные, слѣдовательно, о разрывныхъ и думать было нечего; а между тѣмъ передъ глазами стоитъ обложившая Севастополь стотысячная непріятельская армія изъ лучшихъ гвардейскихъ войскъ четырехъ государствъ, съ африканскими стрѣлками, великолѣпными штуцерами, съ нарѣзными, вовсе намъ тогда неизвѣстными артиллерійскими орудіями и сильнѣйшимъ флотомъ, казавшимся издали буквально дремучимъ лѣсомъ, на огромномъ пространствѣ покрывшимъ берега моря; и противъ нихъ-то должны были отбиваться и отстаивать Севастополь, далеко не въ полномъ составѣ, двѣ нашихъ дивизіи, форсированно *промаршировавшія* изъ Молдавіи въ Крымъ, да еще не по прямому пути, а съ нѣкоторыми препятствіями; такъ, напримѣръ, 13-я пѣхотная дивизія, бывшая въ составѣ Дунайской арміи, въ октябрѣ 1854 года переведена была въ Крымскую, и пройдя около 400 верстъ, изъ Херсонской губерніи ее вернули назадъ, а по приходѣ на мѣсто тотчасъ же снова отправили къ Севастополю; хороши же были эти войска, сдѣлавшія такой громадный спѣшный переходъ! Что касается до артиллеріи, то организація ея была самая плачевная; проѣзжая однажды въ началѣ ноября черезъ Бахчисарай, я былъ свидѣтелемъ, какъ одна изъ батарей 16-й бригады взбиралась на гору, и я тутъ же узналъ, что она двигалась отъ Севастополя къ Симферополю на отдыхъ; сердце надрывалось при видѣ исхудалыхъ и изнуренныхъ лошадей; подъ нѣкоторыми впрочемъ орудіями были впряжены волы, подъ другими верблюды, потому что лошади были перебиты, а пополнить ихъ нечѣмъ, — однимъ словомъ, сборъ мѣстнаго скота замѣнялъ ихъ; зарядные ящики, конечно, были пустые, что подтвердилъ мнѣ одинъ изъ товарищей по курсу.

Всмотрѣвшись во все это и соглашаешься съ словами покойнаго князя Меньшикова, который часто тогда говаривалъ: „Я—адмиралъ, но никогда флотомъ не командовалъ, а теперь главнокомандующій морскими и сухопутными силами, но ни тѣхъ, ни другихъ не имѣю!“ И дѣйствительно, арміи не было; а флотъ почти весь затопленъ по рейду бухты, и этимъ только мы и обязаны, что Севастополь не былъ взятъ тотчасъ-же при обложеніи его; да и самая осада-то состоялась вслѣдствіе военной хитрости. Послѣ Альминскаго дѣла всѣ наши войска сосредоточены были на сѣверной сторонѣ, а непріятельскія заняли Инкерманъ и Микензіевы горы;

вѣтъ главнокомандующаго; отчаяніе, тѣмъ болѣе великое, что рѣдкій непріятельскій снарядъ подойдетъ подъ калибръ нашихъ орудій, и притомъ всѣ они не разрывные, слѣдовательно, о разрывныхъ и думать было нечего; а между тѣмъ передъ глазами стоитъ обложившая Севастополь стотысячная непріятельская армія изъ лучшихъ гвардейскихъ войскъ четырехъ государствъ, съ африканскими стрѣлками, великолѣпными штуцерами, съ нарѣзными, вовсе намъ тогда неизвѣстными артиллерійскими орудіями и сильнѣйшимъ флотомъ, казавшимся издали буквально дремучимъ лѣсомъ, на огромномъ пространствѣ покрывшимъ берега моря; и противъ нихъ-то должны были отбиваться и отстаивать Севастополь, далеко не въ полномъ составѣ, двѣ нашихъ дивизіи, форсированно *промаршировавшія* изъ Молдавіи въ Крымъ, да еще не по прямому пути, а съ нѣкоторыми препятствіями; такъ, напримѣръ, 13-я пѣхотная дивизія, бывшая въ составѣ Дунайской арміи, въ октябрѣ 1854 года переведена была въ Крымскую, и пройдя около 400 верстъ, изъ Херсонской губерніи ее вернули назадъ, а по приходѣ на мѣсто тотчасъ же снова отправили къ Севастополю; хороши же были эти войска, сдѣлавшія такой громадный спѣшный переходъ! Что касается до артиллеріи, то организація ея была самая плачевная; проѣзжая однажды въ началѣ ноября черезъ Бахчисарай, я былъ свидѣтелемъ, какъ одна изъ батарей 16-й бригады взбиралась на гору, и я тутъ же узналъ, что она двигалась отъ Севастополя къ Симферополю на отдыхъ; сердце надрывалось при видѣ исхудалыхъ и изнуренныхъ лошадей; подъ нѣкоторыми впрочемъ орудіями были впряжены волы, подъ другими верблюды, потому что лошади были перебиты, а пополнить ихъ нечѣмъ, — однимъ словомъ, сборъ мѣстнаго скота замѣнялъ ихъ; зарядные ящики, конечно, были пустые, что подтвердилъ мнѣ одинъ изъ товарищей по курсу.

Всмотрѣвшись во все это и соглашаешься съ словами покойнаго князя Меньшикова, который часто тогда говаривалъ: „Я—адмиралъ, но никогда флотомъ не командовалъ, а теперь главнокомандующій морскими и сухопутными силами, но ни тѣхъ, ни другихъ не имѣю!“ И дѣйствительно, арміи не было; а флотъ почти весь затопленъ по рейду бухты, и этимъ только мы и обязаны, что Севастополь не былъ взятъ тотчасъ-же при обложеніи его; да и самая осада-то состоялась вслѣдствіе военной хитрости. Послѣ Альминскаго дѣла всѣ наши войска сосредоточены были на сѣверной сторонѣ, а непріятельскія заняли Инкерманъ и Микензіевы горы;

два дня простояли мы въ этихъ позиціяхъ, нетерпѣливо ожидая рѣшенія непріятеля: куда онъ предприметъ свое движеніе? Общее мнѣніе было таково: если онъ двинется на сѣверную сторону, то намъ предстояло только одно — положить оружіе и сдаться военноплѣнными, такъ какъ двумъ разстроеннымъ и истомленнымъ дивизіямъ бороться съ стотысячною арміею не мыслимо. Севастополь оставался тогда совершенно беззащитнымъ, и тамъ не было положительно никакого войска, кромѣ безоружныхъ моряковъ, выведенныхъ съ затопленныхъ кораблей; торговыя заведенія были закрыты, товары вывозились въ окрестности, и всѣмъ жителямъ приказано быть готовыми къ немедленному выѣзду. Въ это-то критическое время непріятель захватываетъ въ лѣсахъ Инкермана экипажъ князя Меньшикова и съ нимъ двухъ козаковъ, конвоировавшихъ его; а изъ писемъ и черновыхъ бумагъ, найденныхъ въ экипажѣ, французскій главнокомандующій Сентъ-Арно узнаетъ, что князь съ минуты на минуту ожидаетъ изъ Перекопа восьмидесятитысячный корпусъ, съ прибытіемъ котораго надѣется сбросить непріятеля въ море съ того же берега, на который онъ высадился. Получивъ такія вѣрныя свѣдѣнія, непріятель тотчасъ же черезъ Черную рѣчку потянулся къ берегамъ моря въ г. Балаклаву и оттуда уже началъ въ послѣдствіи вести правильную осаду Севастополя. На самомъ же дѣлѣ изъ Перекопа никакого 80-ти тысячнаго корпуса никто не ждалъ, да тамъ, кромѣ инвалидной полуроты, никакихъ войскъ и не было. Этотъ-то обманъ и далъ намъ возможность укрѣпить городъ, а французскій главнокомандующій, узнавшій долго спустя эту хитрость, назвалъ князя Меньшикова „vieux coquin“ (старый плутъ). Оба эти дня покойные адмиралы Корниловъ и Нахимовъ почти безвыходно сидѣли на колокольнѣ св. Екатерины, слѣдя за непріятелемъ, и лишь только замѣтили его движеніе къ Балаклавѣ, тотчасъ же подняли колокольный звонъ, приказали по городу бить тревогу, войска съ сѣверной стороны перешли на южную, и все, что могло только двигаться, бросилось на окраины города, гдѣ по указанію инженеровъ и саперовъ выкапывали рвы и устраивали бруствера; тутъ работали старый и малый, гражданскій и военный, духовный и торговый, баринъ и крестьянинъ, однимъ словомъ, не было различія ни въ возрастѣ, ни званіяхъ и даже въ полахъ, потому что женщины въ своихъ подолахъ носили землю и песокъ, за что въ послѣдствіи и получили на георгіевской лентѣ серебряныя медали, а устроенная ими батарея называлась *бабьею*. Эти-то на скоро воздвигнутыя укрѣп-

два дня простояли мы въ этихъ позиціяхъ, нетерпѣливо ожидая рѣшенія непріятеля: куда онъ предприметъ свое движеніе? Общее мнѣніе было таково: если онъ двинется на сѣверную сторону, то намъ предстояло только одно — положить оружіе и сдаться военноплѣнными, такъ какъ двумъ разстроеннымъ и истомленнымъ дивизіямъ бороться съ стотысячною арміею не мыслимо. Севастополь оставался тогда совершенно беззащитнымъ, и тамъ не было положительно никакого войска, кромѣ безоружныхъ моряковъ, выведенныхъ съ затопленныхъ кораблей; торговыя заведенія были закрыты, товары вывозились въ окрестности, и всѣмъ жителямъ приказано быть готовыми къ немедленному выѣзду. Въ это-то критическое время непріятель захватываетъ въ лѣсахъ Пикермана экипажъ князя Меньшикова и съ нимъ двухъ козаковъ, конвоировавшихъ его; а изъ писемъ и черновыхъ бумагъ, найденныхъ въ экипажѣ, французскій главнокомандующій Сентъ-Арно узнаетъ, что князь съ минуты на минуту ожидаетъ изъ Перекопа восьмидесятитысячный корпусъ, съ прибытіемъ котораго надѣется сбросить непріятеля въ море съ того же берега, на который онъ высадился. Получивъ такія вѣрныя свѣдѣнія, непріятель тотчасъ же черезъ Черную рѣчку потянулся къ берегамъ моря въ г. Балаклаву и оттуда уже началъ въ послѣдствіи вести правильную осаду Севастополя. На самомъ же дѣлѣ изъ Перекопа никакого 80-ти тысячнаго корпуса никто не ждалъ, да тамъ, кромѣ инвалидной полуроты, никакихъ войскъ и не было. Этотъ-то обманъ и далъ намъ возможность укрѣпить городъ, а французскій главнокомандующій, узнавшій долго спустя эту хитрость, назвалъ князя Меньшикова „vieux coquin“ (старый плутъ). Оба эти дня покойные адмиралы Корниловъ и Нахимовъ почти безвыходно сидѣли на колокольнѣ св. Екатерины, слѣдя за непріятелемъ, и лишь только замѣтили его движеніе къ Балаклавѣ, тотчасъ же подняли колокольный звонъ, приказали по городу бить тревогу, войска съ сѣверной стороны перешли на южную, и все, что могло только двигаться, бросилось на окраины города, гдѣ по указанію инженеровъ и саперовъ выкапывали рвы и устраивали бруствера; тутъ работали старый и малый, гражданскій и военный, духовный и торговый, баринъ и крестьянинъ, однимъ словомъ, не было различія ни въ возрастѣ, ни званіяхъ и даже въ полахъ, потому что женщины въ своихъ подолахъ носили землю и песокъ, за что въ послѣдствіи и получили на георгіевской лентѣ серебряныя медали, а устроенная ими батарея называлась *бабьею*. Эти-то на скоро воздвигнутыя укрѣп-

ленія служили защитою Севастополю, грозою непріятелю, и соединенныя силы Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи подступали къ нимъ въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ, а если бы не настойчивое приказаніе главнокомандующаго князя Горчакова о выходѣ войскамъ изъ Севастополя, то онъ никогда не былъ бы занятъ непріятелемъ, и никто изъ бывшихъ тамъ не рѣшится сказать, что онъ былъ *взятъ*, да взятъ еще силою оружія: это была бы совершенная ложь.

Всѣмъ извѣстно, что въ февралѣ 1855-го года на мѣсто свѣтлѣйшаго князя А. С. Меньшикова прибылъ съ своимъ штабомъ князь М. Д. Горчаковъ, съ пріѣздомъ котораго положеніе наше совершенно измѣнилось; вся его Дунайская армія переведена была въ Крымъ, и кромѣ того, положительно каждый день изъ разныхъ мѣстъ государства прибывали свѣжія войска, а къ концу кампаніи появились даже и народные ополченцы, вооруженные топорами, желѣзными лопатами и кремневыми ружьями; конечно, для боевыхъ дѣлъ они были совершенно безполезны, и даже больше того, — это доказало Курское ополченіе, изъ котораго нѣсколько дружинъ, находившихся на редутѣ Шварца, по собственной неосторожности и непониманію военной дисциплины сдѣлались жертвами минъ *), но чувство патріотизма и преданность ихъ своему долгу внушали къ нимъ полное уваженіе. Не буду описывать первой бомбардировки, бывшей въ мартѣ, и отбитаго 6-го іюня штурма, но упомяну о послѣднихъ дняхъ защиты города.

Съ разсвѣтомъ 24-го августа непріятель со всѣхъ своихъ батарей, окружавшихъ городъ, открылъ сильнѣйшую бомбардировку, продолжавшуюся безпрерывно день и ночь 25-го, 26-го, 27-го и до полудня 28-го числа, а отъ военноплѣнныхъ и перебѣжчиковъ мы узнали, что въ слѣдъ за бомбардировкой начнется штурмъ. Сравнивать съ чѣмъ-нибудь эту колонаду, я не берусь; да не только я, но даже старые боевые ветераны, бывшіе въ нѣсколькихъ кампаніяхъ, ничего подобнаго нигдѣ не видывали; въ одинъ моментъ на каждую батарею десятками падали бомбы, а осколки отъ нихъ разсыпались буквально какъ градъ. Кровь лилась ручьями; перевязочные пункты положительно завалены были ранеными; а рабочія команды съ великимъ трудомъ успѣвали подбирать убитыхъ и грудами пере-

*) Когда они бѣжали съ редута и нашли на мины, то саперы имъ кричали: „Тутъ мины, мины!“ А они, махая руками, отвѣчали: „Куда къ лѣшему мимо, вали прямо!“

ленія служили защитою Севастополю, грозою непріятелю, и соединенныя силы Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи подступали къ нимъ въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ, а если бы не настойчивое приказаніе главнокомандующаго князя Горчакова о выходѣ войскамъ изъ Севастополя, то онъ никогда не былъ бы занятъ непріятелемъ, и никто изъ бывшихъ тамъ не рѣшится сказать, что онъ былъ *взятъ*, да взятъ еще силою оружія: это была бы совершенная ложь.

Всѣмъ извѣстно, что въ февралѣ 1855-го года на мѣсто свѣтлѣйшаго князя А. С. Меньшикова прибылъ съ своимъ штабомъ князь М. Д. Горчаковъ, съ пріѣздомъ котораго положеніе наше совершенно измѣнилось; вся его Дунайская армія переведена была въ Крымъ, и кромѣ того, положительно каждый день изъ разныхъ мѣстъ государства прибывали свѣжія войска, а къ концу кампаніи появились даже и народные ополченцы, вооруженные топорами, желѣзными лопатами и кремневыми ружьями; конечно, для боевыхъ дѣлъ они были совершенно безполезны, и даже больше того, — это доказало Курское ополченіе, изъ котораго нѣсколько дружинъ, находившихся на редутѣ Шварца, по собственной неосторожности и непониманію военной дисциплины сдѣлались жертвами минъ *), но чувство патріотизма и преданность ихъ своему долгу внушали къ нимъ полное уваженіе. Не буду описывать первой бомбардировки, бывшей въ мартѣ, и отбитаго 6-го іюня штурма, но упомяну о послѣднихъ дняхъ защиты города.

Съ разсвѣтомъ 24-го августа непріятель со всѣхъ своихъ батарей, окружавшихъ городъ, открылъ сильнѣйшую бомбардировку, продолжавшуюся безпрерывно день и ночь 25-го, 26-го, 27-го и до полудня 28-го числа, а отъ военноплѣнныхъ и перебѣжчиковъ мы узнали, что въ слѣдъ за бомбардировкой начнется штурмъ. Сравнивать съ чѣмъ-нибудь эту колонаду, я не берусь; да не только я, но даже старые боевые ветераны, бывшіе въ нѣсколькихъ кампаніяхъ, ничего подобнаго нигдѣ не видывали; въ одинъ моментъ на каждую батарею десятками падали бомбы, а осколки отъ нихъ разсыпались буквально какъ градъ. Кровь лилась ручьями; перевязочные пункты положительно завалены были ранеными; а рабочія команды съ великимъ трудомъ успѣвали подбирать убитыхъ и грудами пере-

*) Когда они бѣжали съ редута и нашли на мины, то саперы имъ кричали: „Тутъ мины, мины!“ А они, махая руками, отвѣчали: „Куда къ лѣшему мимо, вали прямо!“

правлять ихъ на пароходахъ на кладбище сѣверной стороны, гдѣ совершалось надъ ними общее отпѣваніе, и предавались землѣ въ заранѣе еще заготовленныхъ могилахъ. Въ городѣ начались страшные взрывы и повсемѣстные пожары; не только жители окрестныхъ мѣстъ и городовъ, но даже съ далекихъ позицій свободныя войска толпами стекались къ городу, чтобы взглянуть на это потрясающее нервы зрѣлище и пожелать успѣха тѣмъ боевымъ схимникамъ, на долю которыхъ выпала послѣдняя успѣшная защита развалинъ города. О личной смерти тутъ никто не думалъ, а отъ генерала и до послѣдняго солдата всѣ проникнуты были одною мыслью—какъ бы спасти городъ и отбить штурмъ! А если и западало иногда сомнѣніе или отчаяніе, то стоптъ лишь издали показаться бѣлому коню съ любимымъ и всѣми уважаемымъ на немъ сѣдокомъ, генераломъ С. А. Хрулевымъ,—одно его появленіе разгоняло всѣ опасенія и придавало новую силу и отвагу. Въ продолженіе всѣхъ этихъ дней наши орудія почти молчали, такъ какъ они заряжены были картечью, и бомбардиры все время съ заженными фитилями сжемпутно ожидали появленія непріятеля; точно также и армейскіе полки съ заряженными ружьями размѣстились подъ брустверами и у амбразуръ и не сводили глазъ съ непріятельскихъ траншей, которыя они до того близко подвели, что солдаты нерѣдко съ ними перекликались, въ особенности до наступленія бомбардировки; на нашемъ, то есть, 1-мъ отдѣленіи, разстояніе это доходило до 10-ти сажень.

Около полудня 28-го числа въ непріятельскомъ лагерѣ взлетѣла ракета; минутъ черезъ пять другая, а въ слѣдъ за ней и третья, и въ этотъ моментъ громаднѣйшія массы непріятеля выскочили изъ траншей и съ крикомъ устремились на наши укрѣпленія... Артиллеристы дали залпъ картечью, а пѣхота открыла бѣглый огонь изъ ружей; хотя многимъ удалось добраться до рва и брустверовъ, но встрѣтивъ сильный отпоръ, непріятель еще съ большею скоростью бросился обратно въ свои траншеи, буквально закрывъ все поле раненными и убитыми. Тутъ наступила мертвая тишина; ни съ той, ни съ другой стороны не было ни одного выстрѣла. Взглядами поздравляли мы другъ друга съ счастливымъ исходомъ штурма, а черезъ нѣсколько минутъ послышался уже тихій разговоръ между солдатами, въ родѣ того, какъ одинъ, указывая товарищамъ въ непріятельскую сторону, говоритъ: „Посмотрите-ка, братцы, какъ наше поле-то зацвѣло!“ И дѣйствительно, оно все закрыто было красными мундирами, такъ какъ наши

правлять ихъ на пароходахъ на кладбище сѣверной стороны, гдѣ совершалось надъ ними общее отпѣваніе, и предавались землѣ въ заранѣе еще заготовленныхъ могилахъ. Въ городѣ начались страшные взрывы и повсемѣстные пожары; не только жители окрестныхъ мѣстъ и городовъ, но даже съ далекихъ позицій свободныя войска толпами стекались къ городу, чтобы взглянуть на это потрясающее нервы зрѣлище и пожелать успѣха тѣмъ боевымъ схимникамъ, на долю которыхъ выпала послѣдняя успленная защита развалинъ города. О личной смерти тутъ никто не думалъ, а отъ генерала и до послѣдняго солдата всѣ проникнуты были одною мыслью—какъ бы спасти городъ и отбить штурмъ! А если и западало иногда сомнѣніе или отчаяніе, то стоптъ лишь издали показаться бѣлому коню съ любимымъ и всѣми уважаемымъ на немъ сѣдокомъ, генераломъ С. А. Хрулевымъ,—одно его появленіе разгоняло всѣ опасенія и придавало новую силу и отвагу. Въ продолженіе всѣхъ этихъ дней наши орудія почти молчали, такъ какъ они заряжены были картечью, и бомбардиры все время съ заженными фитилями сжемпутно ожидали появленія непріятеля; точно также и армейскіе полки съ заряженными ружьями размѣстились подъ брустверами и у амбразуръ и не сводили глазъ съ непріятельскихъ траншей, которыя они до того близко подвели, что солдаты нерѣдко съ ними перекликались, въ особенности до наступленія бомбардировки; на нашемъ, то есть, 1-мъ отдѣленіи, разстояніе это доходило до 10-ти сажень.

Около полудня 28-го числа въ непріятельскомъ лагерѣ взлетѣла ракета; минутъ черезъ пять другая, а въ слѣдъ за ней и третья, и въ этотъ моментъ громаднѣйшія массы непріятеля выскочили изъ траншей и съ крикомъ устремились на наши укрѣпленія... Артиллеристы дали залпъ картечью, а пѣхота открыла бѣглый огонь изъ ружей; хотя многимъ удалось добраться до рва и брустверовъ, но встрѣтивъ сильный отпоръ, непріятель еще съ большею скоростью бросился обратно въ свои траншеи, буквально закрывъ все поле раненными и убитыми. Тутъ наступила мертвая тишина; ни съ той, ни съ другой стороны не было ни одного выстрѣла. Взглядами поздравляли мы другъ друга съ счастливымъ исходомъ штурма, а черезъ нѣсколько минутъ послышался уже тихій разговоръ между солдатами, въ родѣ того, какъ одинъ, указывая товарищамъ въ непріятельскую сторону, говоритъ: „Посмотрите-ка, братцы, какъ наше поле-то зацвѣло!“ И дѣйствительно, оно все закрыто было красными мундирами, такъ какъ наши

бастіоны штурмовали Англичане. Взглянули по всей своей оборонительной линіи: непріятельскаго флага нигдѣ не замѣтно; а потому всѣ были убѣждены, что штурмъ вездѣ отбитъ. На Малаховомъ курганѣ хотя и виднѣлись Французы, но ихъ такъ было мало, и притомъ, такъ болѣзливо залегли они подъ укрѣпленіями и орудіями, что мы приняли ихъ за воспиполѣнныхъ. Въ скорости пріѣхалъ къ намъ главнокомандующій князь Горчаковъ, который поздоровавшись спросилъ: „Трудно вамъ, ребята?“ Отвѣтъ былъ, конечно, что трудно, но отвѣтъ высказанъ вовсе не въ томъ смыслѣ, чтобы не могли далѣе отстаивать городъ,—а пять сутокъ простоять съ оружіемъ въ рукахъ, не смыкая глазъ и за минуту не ручаясь въ своей жизни, для каждаго покажется труднымъ. Но каково же было удивленіе, когда по отъѣздѣ главнокомандующаго является его ординарецъ съ приказаніемъ: артиллеристамъ заклепать орудія, взорвать пороховые погреба и изъ города всѣмъ выступать подъ прикрытіемъ пѣхоты! Какъ громомъ поразила насъ эта роковая вѣсть! Сначала мы ей не повѣрили, и никто съ своего мѣста не тронулся, боясь даже между собой повторять это приказаніе,—такъ оно казалось намъ не правдоподобнымъ и не обыточнымъ; но въ слѣдъ за первымъ, является другой ординарецъ, а потомъ и третій, и четвертый, и всѣ они только съ подтвержденіемъ перваго; конечно, послѣ этого ничего уже болѣе не оставалось, какъ только, повинуясь начальству, исполнить его приказаніе. Храбрый нашъ генералъ С. А. Хрулевъ находился въ это время на перевязочномъ пунктѣ, такъ какъ во время штурма пуля оторвала у него большой палецъ на правой рукѣ; но лишь только дошла до него вѣсть о выступленіи изъ города, то онъ тотчасъ же бросилъ перевязку и поскакалъ къ главнокомандующему, убѣдительно его прося—дать ему хотя одинъ полкъ, и именно указалъ на близъ стоявшій Полтавскій пѣхотный, съ которымъ онъ ручается сбить непріятеля съ Малахова кургана, а это дастъ намъ возможность, во-первыхъ, не къ столь спѣшному безпорядочному выступленію, во-вторыхъ, менѣе оставить военныхъ трофеевъ, а главное, навсегда останется ни кѣмъ неоспоримая слава, что городъ не взятъ, и штурмъ отбитъ. Но князь Горчаковъ, показавъ на кровавые слѣды отъ убитыхъ и раненыхъ, возразилъ: „Развѣ еще мало этой крови?“ Въ послѣдствіи, хотя главнокомандующій и согласился съ доводами генерала Хрулева, но послѣдній, по полученіи отвѣта, тотчасъ же съ своимъ штабомъ перебрался на сѣверную сторону, а потому и поручено было генералу Шепелеву взять нѣ

бастіоны штурмовали Англичане. Взглянули по всей своей оборонительной линіи: непріятельскаго флага нигдѣ не замѣтно; а потому всѣ были убѣждены, что штурмъ вездѣ отбитъ. На Малаховомъ курганѣ хотя и виднѣлись Французы, но ихъ такъ было мало, и притомъ, такъ болѣзливо залегли они подъ укрѣпленіями и орудіями, что мы приняли ихъ за воспиполѣнныхъ. Въ скорости пріѣхалъ къ намъ главнокомандующій князь Горчаковъ, который поздоровавшись спросилъ: „Трудно вамъ, ребята?“ Отвѣтъ былъ, конечно, что трудно, но отвѣтъ высказанъ вовсе не въ томъ смыслѣ, чтобы не могли далѣе отстаивать городъ,—а пять сутокъ простоять съ оружіемъ въ рукахъ, не смыкая глазъ и за минуту не ручаясь въ своей жизни, для каждаго покажется труднымъ. Но каково же было удивленіе, когда по отъѣздѣ главнокомандующаго является его ординарецъ съ приказаніемъ: артиллеристамъ заклепать орудія, взорвать пороховые погреба и изъ города всѣмъ выступать подъ прикрытіемъ пѣхоты! Какъ громомъ поразила насъ эта роковая вѣсть! Сначала мы ей не повѣрили, и никто съ своего мѣста не тронулся, боясь даже между собой повторять это приказаніе,—такъ оно казалось намъ не правдоподобнымъ и не обыточнымъ; но въ слѣдъ за первымъ, является другой ординарецъ, а потомъ и третій, и четвертый, и всѣ они только съ подтвержденіемъ перваго; конечно, послѣ этого ничего уже болѣе не оставалось, какъ только, повинуясь начальству, исполнить его приказаніе. Храбрый нашъ генералъ С. А. Хрулевъ находился въ это время на перевязочномъ пунктѣ, такъ какъ во время штурма пуля оторвала у него большой палецъ на правой рукѣ; но лишь только дошла до него вѣсть о выступленіи изъ города, то онъ тотчасъ же бросилъ перевязку и поскакалъ къ главнокомандующему, убѣдительно его прося—дать ему хотя одинъ полкъ, и именно указалъ на близъ стоявшій Полтавскій пѣхотный, съ которымъ онъ ручается сбить непріятеля съ Малахова кургана, а это дастъ намъ возможность, во-первыхъ, не къ столь спѣшному безпорядочному выступленію, во-вторыхъ, менѣе оставить военныхъ трофеевъ, а главное, навсегда останется ни кѣмъ неоспоримая слава, что городъ не взятъ, и штурмъ отбитъ. Но князь Горчаковъ, показавъ на кровавые слѣды отъ убитыхъ и раненыхъ, возразилъ: „Развѣ еще мало этой крови?“ Въ послѣдствіи, хотя главнокомандующій и согласился съ доводами генерала Хрулева, но послѣдній, по полученіи отвѣта, тотчасъ же съ своимъ штабомъ перебрался на сѣверную сторону, а потому и поручено было генералу Шепелеву взять нѣ

сколько полковъ и выгнать непріятеля. Но тутъ уже было поздно: Французы громадными массами валились на курганъ, а бригадный генералъ ихъ Макъ-Магонъ собственноручно водрузилъ на немъ свое знамя; да притомъ г. Шепелевъ, какъ новый генералъ, не могъ пользоваться отъ Севастопольцевъ тѣмъ довѣріемъ, какое имѣли къ С. А. Хрулеву, и на вызовъ его охотниковъ никто не вышелъ, тѣмъ болѣе, что о волѣ главнокомандующаго относительно выступленія изъ города всѣмъ уже было извѣстно.

Съ великимъ горемъ приступили мы къ уничтоженію того, чѣмъ оборонялись и защищались въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ противъ сильнѣйшаго непріятеля! Нужно было видѣть, какъ солдаты, въ особенности черноморцы, разставались и прощались съ своими подругами-пушками, обнимали ихъ, цѣловали, а многіе горько плакали надъ ними! Предоставляю теперь другимъ рѣшить: былъ ли взятъ Севастополь силою оружія или оставленъ нами по другимъ какимъ нибудь причинамъ?

сколько полковъ и выгнать непріятеля. Но тутъ уже было поздно: Французы громадными массами валились на курганъ, а бригадный генералъ ихъ Макъ-Магонъ собственноручно водрузилъ на немъ свое знамя; да притомъ г. Шепелевъ, какъ новый генералъ, не могъ пользоваться отъ Севастопольцевъ тѣмъ довѣріемъ, какое имѣли къ С. А. Хрулеву, и на вызовъ его охотниковъ никто не вышелъ, тѣмъ болѣе, что о волѣ главнокомандующаго относительно выступленія изъ города всѣмъ уже было извѣстно.

Съ великимъ горемъ приступили мы къ уничтоженію того, чѣмъ оборонялись и защищались въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ противъ сильнѣйшаго непріятеля! Нужно было видѣть, какъ солдаты, въ особенности черноморцы, разставались и прощались съ своими подругами-пушками, обнимали ихъ, цѣловали, а многіе горько плакали надъ ними! Предоставляю теперь другимъ рѣшить: былъ ли взятъ Севастополь силою оружія или оставленъ нами по другимъ какимъ нибудь причинамъ?

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ А. П. ВОЛЫНСКАГО.

А. П. Волынскій, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка. Человѣкъ очень умный, чрезвычайно способный, распорядительный, горячій къ труду, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени нетерпѣливый, самолюбивый, высокомѣрный и жадный къ власти и обогащенію, — такимъ онъ представляется изъ тѣхъ біографическихъ данныхъ, которыя до сихъ поръ о немъ обнародованы *). Новыя извѣстія, которыя могутъ быть отысканы о Волынскомъ, едва ли существенно измѣнятъ эти характеристическія черты его личности; но они могутъ, во-первыхъ, точнѣйшимъ образомъ опредѣлить факты его дѣятельности, и во-вторыхъ, ярче освѣтить его лицо. Смѣемъ думать, что печатаемые ниже документы послужатъ и той, и другой изъ означенныхъ цѣлей. Документы эти относятся къ разнымъ эпохамъ жизни Волынскаго, а именно: №№ I и II—ко времени его управленія Астраханскою губерніей (1718—1725 гг.), №№ III—XXXII—ко времени его губернаторства въ Казани (1725—1730 гг.), №№ XXXIII—XXXVI — ко времени поѣздки его въ г. Немировъ для участія въ мирныхъ переговорахъ съ Турками въ 1737 г.; наконецъ, № XXXVII есть патентъ Волынскаго на званіе кабинетъ-министра, данный ему въ 1738 г. Дополненія и письма самаго Волынскаго списаны съ его черновыхъ, и потому не извѣстно, всѣ ли они были отправлены по назначенію; письма же къ А. П. Волынскому списаны съ подлинниковъ. И тѣ, и другія хранятся

*) Важнѣйшія документальныя извѣстія объ А. П. Волынскомъ находятся въ «Чтеніяхъ Моск. общ. исторіи и древностей» 1858 г., кн. II., 1862 г., кн. IV и 1868 г., кн. III, статья «Дѣло Сальниковыхъ», также въ статьѣ І. И. Шишкина, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г., въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г. и въ «Москвитянинѣ» 1854 г.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ А. П. ВОЛЫНСКАГО.

А. П. Волынскій, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка. Человѣкъ очень умный, чрезвычайно способный, распорядительный, горячій къ труду, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени нетерпѣливый, самолюбивый, высокомѣрный и жадный къ власти и обогащенію, — такимъ онъ представляется изъ тѣхъ біографическихъ данныхъ, которыя до сихъ поръ о немъ обнародованы *). Новыя извѣстія, которыя могутъ быть отысканы о Волынскомъ, едва ли существенно измѣнятъ эти характеристическія черты его личности; но они могутъ, во-первыхъ, точнѣйшимъ образомъ опредѣлить факты его дѣятельности, и во-вторыхъ, ярче освѣтить его лицо. Смѣемъ думать, что печатаемые ниже документы послужатъ и той, и другой изъ означенныхъ цѣлей. Документы эти относятся къ разнымъ эпохамъ жизни Волынскаго, а именно: №№ I и II—ко времени его управленія Астраханскою губерніей (1718—1725 гг.), №№ III—XXXII—ко времени его губернаторства въ Казани (1725—1730 гг.), №№ XXXIII—XXXVI — ко времени поѣздки его въ г. Немировъ для участія въ мирныхъ переговорахъ съ Турками въ 1737 г.; наконецъ, № XXXVII есть патентъ Волынскаго на званіе кабинетъ-министра, данный ему въ 1738 г. Дополненія и письма самаго Волынскаго списаны съ его черновыхъ, и потому не извѣстно, всѣ ли они были отправлены по назначенію; письма же къ А. П. Волынскому списаны съ подлинниковъ. И тѣ, и другія хранятся

*) Важнѣйшія документальныя извѣстія объ А. П. Волынскомъ находятся въ «Чтеніяхъ Моск. общ. исторіи и древностей» 1858 г., кн. II., 1862 г., кн. IV и 1868 г., кн. III, статья «Дѣло Сальникѣева», также въ статьѣ І. И. Шишкина, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г., въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г. и въ «Москвитянинѣ» 1854 г.

въ дѣлѣ о Волынскомъ, въ государственномъ архивѣ. Нѣкоторые изъ печатаемыхъ документовъ были ужь изданы, но здѣсь печатаются съ дополненіями и съ болѣе исправныхъ копій.

Волынскій самъ говорилъ о себѣ, что онъ „писать гораздъ“ (см. Чтенія М. Общ. 1858 г., кн. II, смѣсь, стр. 145); и дѣйствительно, немногіе памятники корреспонденціи русскихъ людей XVIII в. такъ рельефно обрисовываютъ личность писавшаго, какъ письма Волынскаго.

I.

Императору Петру I.

Всемилостивѣйшій государь! Я сумнѣваюсь, что или письма господина Кропотова, или бывшая злоба господина Матюшкина подаетъ на меня, раба вашего, сумнѣніе или и самую перемѣну высокой милости Вашего Величества, какъ мнѣ, государь, видится; а понеже, государь, я съ робяческихъ лѣтъ моихъ ничего такъ себѣ не желалъ и не искалъ, только чтобъ получить милость Вашего Величества и показать себя вѣрнымъ рабомъ и добрымъ человѣкомъ, и для того не токмо бездѣльныхъ трудовъ моихъ, но и живота моего никогда не жалѣлъ, какъ то самому Богу извѣстно, и тако уже, государь, сподобился было и получить высокую Вашего Величества милость, которая истинно, государь, такъ мнѣ надобна, что я самимъ Богомъ клянуся въ томъ, что лучше Богъ отними отъ меня животъ мой, нежели бы мнѣ лишиться милости Вашего Величества; и на что уже, государь, тогда мнѣ бѣдная и жизнь моя, развѣ только однимъ непріятелямъ моимъ надо мною на поруганіе, понеже я не столько имѣю благодѣтелей, сколько, вступая въ вашу милость, получилъ себѣ непріятелей, ибо многіе по тѣхъ мѣстъ меня любили и хвалили, пока я въ однихъ только въ нихъ искалъ, а у Вашего Величества еще ничто былъ; а нынѣ есть ли кому причина, или нѣтъ, однакожь многіе на меня нарекаютъ и бранятъ, и ежели, государь, кому инымъ бранить не чѣмъ, то за Персію, не разсуждая того, что изъ оной какая впредь будетъ польза государству, и что есть ли бы не я, то бы и кромѣ меня, отъ другихъ донесено тоже было, а я бы остался потомъ бездѣльникомъ; и хотя, государь, и съ начала прибытія моего изъ Персіи я видѣлъ, что мнѣ того отъ нихъ не миновать, однакожь

въ дѣлѣ о Волынскомъ, въ государственномъ архивѣ. Нѣкоторые изъ печатаемыхъ документовъ были ужь изданы, но здѣсь печатаются съ дополненіями и съ болѣе исправныхъ копій.

Волынскій самъ говорилъ о себѣ, что онъ „писать гораздъ“ (см. Чтенія М. Общ. 1858 г., кн. II, смѣсь, стр. 145); и дѣйствительно, немногіе памятники корреспонденціи русскихъ людей XVIII в. такъ рельефно обрисовываютъ личность писавшаго, какъ письма Волынскаго.

I.

Императору Петру I.

Всемилостивѣйшій государь! Я сумнѣваюсь, что или письма господина Кропотова, или бывшая злоба господина Матюшкина подаетъ на меня, раба вашего, сумнѣніе или и самую перемѣну высокой милости Вашего Величества, какъ мнѣ, государь, видится; а понеже, государь, я съ робяческихъ лѣтъ моихъ ничего такъ себѣ не желалъ и не искалъ, только чтобъ получить милость Вашего Величества и показать себя вѣрнымъ рабомъ и добрымъ человѣкомъ, и для того не токмо бездѣльныхъ трудовъ моихъ, но и живота моего никогда не жалѣлъ, какъ то самому Богу извѣстно, и тако уже, государь, сподобился было и получить высокую Вашего Величества милость, которая истинно, государь, такъ мнѣ надобна, что я самимъ Богомъ клянуся въ томъ, что лучше Богъ отними отъ меня животъ мой, нежели бы мнѣ лишиться милости Вашего Величества; и на что уже, государь, тогда мнѣ бѣдная и жизнь моя, развѣ только однимъ непріятелямъ моимъ надо мною на поруганіе, понеже я не столько имѣю благодѣтелей, сколько, вступая въ вашу милость, получилъ себѣ непріятелей, ибо многіе по тѣхъ мѣстъ меня любили и хвалили, пока я въ однихъ только въ нихъ искалъ, а у Вашего Величества еще ничто былъ; а нынѣ есть ли кому причина, или нѣтъ, однакожь многіе на меня нарекаютъ и бранятъ, и ежели, государь, кому инымъ бранить не чѣмъ, то за Персію, не разсуждая того, что изъ оной какая впредь будетъ польза государству, и что есть ли бы не я, то бы и кромѣ меня, отъ другихъ донесено тоже было, а я бы остался потомъ бездѣльникомъ; и хотя, государь, и съ начала прибытія моего изъ Персіи я видѣлъ, что мнѣ того отъ нихъ не миновать, однакожь

положился на волю Божію, уповая на милость Вашего Величества. Того ради, всемилостивѣйшій государь, слезно прошу — умилосердися надо мною, сирымъ, послѣднимъ рабомъ своимъ, не лиши меня высокой своей милости и не изверги изъ числа добрыхъ людей, не освидѣтельствовавъ дѣлъ моихъ, какъ я милостиво обнадеженъ. Я могу засвидѣтельствоваться Богомъ и совѣстными дѣлами моими, что я не знаю, въ чемъ предъ Вашимъ Величествомъ погрѣшилъ, или бы что̀ съ нечистою совѣстію сдѣлалъ, развѣ что̀ учинилъ, то отъ самой простоты; буде же, государь, что̀ на меня принесено Вашему Величеству, сотвори надо мною, рабомъ своимъ, Божескую милость — изволь мнѣ милостиво объявить и спросить меня, что я какъ самому Богу, такъ и Вашему Величеству донесу самую истину. Можетъ быть, государь, о комъ изволите мыслить, что правы, а они и виноватыми явятся. Всемилостивѣйшій государь, ежели бы Ваше Величество совершенно вѣдалъ, какія я терплю отъ нѣкоторыхъ немилости, и какіе ихъ ко мнѣ нехристіанскіе поступки, надѣюся, иное бы мнѣніе обо мнѣ имѣть изволилъ. Однакожь со всякою ли бездѣлицею мнѣ приходить и трудить Ваше Величество? Точію, государь, Богъ ихъ разсудитъ, а я уже ни о чемъ, только одного милосердія прошу: для самого Бога сотвори, государь, надо мною милость и не остави меня такого сираго въ милости своей, понеже кромѣ Бога и Вашего Величества, не имѣю никакой надежды. Вашего Императорскаго Величества нижайшій и всеподданнѣйшій рабъ, Артемій Волынской.

II.

Императрицѣ Екатеринѣ I.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня! Я сумнѣваюся, что прискучно будетъ Вашему Императорскому Величеству нынѣшнее мое, при семъ приложенное, о калмыцкихъ дѣлахъ всеподданнѣйшее доношеніе, понеже, государыня, оное немало написано, а короче изъяснить того невозможно; однакожь всеподданнѣйше прошу, когда Вашему Императорскому Величеству свободное будетъ время, всемилостивѣйше оное выслушать, понеже, всемилостивѣйшая государыня, въ немъ моего собственнаго ничего нѣтъ, а дѣло зѣло важное. Къ тому уже пришло, что на балансѣ стало и опасно, дабы на злой конецъ не упало,—для того, государыня, всеподданнѣйше прошу, на

положился на волю Божію, уповая на милость Вашего Величества. Того ради, всемилостивѣйшій государь, слезно прошу — умилосердися надо мною, сирымъ, послѣднимъ рабомъ своимъ, не лиши меня высокой своей милости и не изверги изъ числа добрыхъ людей, не освидѣтельствовавъ дѣлъ моихъ, какъ я милостиво обнадеженъ. Я могу засвидѣтельствоваться Богомъ и совѣстными дѣлами моими, что я не знаю, въ чемъ предъ Вашимъ Величествомъ погрѣшилъ, или бы что̀ съ нечистою совѣстію сдѣлалъ, развѣ что̀ учинилъ, то отъ самой простоты; буде же, государь, что̀ на меня принесено Вашему Величеству, сотвори надо мною, рабомъ своимъ, Божескую милость — изволь мнѣ милостиво объявить и спросить меня, что я какъ самому Богу, такъ и Вашему Величеству донесу самую истину. Можетъ быть, государь, о комъ изволите мыслить, что правы, а они и виноватыми явятся. Всемилостивѣйшій государь, ежели бы Ваше Величество совершенно вѣдалъ, какія я терплю отъ нѣкоторыхъ немилости, и какіе ихъ ко мнѣ нехристіанскіе поступки, надѣюся, иное бы мнѣніе обо мнѣ имѣть изволилъ. Однакожь со всякою ли бездѣлицею мнѣ приходить и трудить Ваше Величество? Точію, государь, Богъ ихъ разсудитъ, а я уже ни о чемъ, только одного милосердія прошу: для самого Бога сотвори, государь, надо мною милость и не остави меня такого сираго въ милости своей, понеже кромѣ Бога и Вашего Величества, не имѣю никакой надежды. Вашего Императорскаго Величества нижайшій и всеподданнѣйшій рабъ, Артемій Волынской.

II.

Императрицѣ Екатеринѣ I.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня! Я сумнѣваюся, что прискучно будетъ Вашему Императорскому Величеству пынѣшнее мое, при семъ приложенное, о калмыцкихъ дѣлахъ всеподданнѣйшее доношеніе, понеже, государыня, оное немало написано, а короче изъяснить того невозможно; однакожь всеподданнѣйше прошу, когда Вашему Императорскому Величеству свободное будетъ время, всемилостивѣйше оное выслушать, понеже, всемилостивѣйшая государыня, въ немъ моего собственнаго ничего нѣтъ, а дѣло зѣло важное. Къ тому уже пришло, что на балансѣ стало и опасно, дабы на злой конецъ не упало,—для того, государыня, всеподданнѣйше прошу, на

оное мое всенижайшее доношеніе повелительною Вашего Императорскаго Величества резолюціею не умедлить, дабы ко мнѣ могла упредить прежде, нежели уже Калмыки совершенно что̀ учинятъ. Извольте, государыня, мнѣ, послѣднему своему какъ вѣрному рабу, повѣрить, что ежели не изволите до августа указомъ ко мнѣ, рабу вашему, ускорить, и какъ то мое слабое всеподданнѣйшее мнѣніе доносилъ, учинится; по истинѣ, государыня, потомъ уже ничего невозможно будетъ сдѣлать, и они конечно у Вашего Величества пропадутъ.

При семъ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу. Когда Ваше Императорское Величество изволили отъѣзжать изъ Астрахани, тогда, по указу Вашего Величества, принялъ я у господина Мячкова остаточнаго вина простого 280 ведръ, которое продано на кружечномъ дворѣ, между государственнымъ виномъ по тогдашней цѣнѣ по 2 руб. на 47 коп. ведро, а всего взято денегъ 697 р. 60 коп., и тѣ, государыня, деньги отдалъ я въ Гилянскій торгъ Армянину Аѳонасью Исаеву на пять мѣсяцевъ изъ прибыли, по добровольному договору, который мнѣ за то наддалъ 336 руб.; а съ истинными я принялъ у него 1,027 руб. 60 коп. и на оныя деньги въ томъ же 1723 году взялъ я вина съ кружечнаго двора 790 ведръ по подрядной цѣнѣ, по 1 руб. по 30 коп., и то вино въ томъ же году послалъ при государственномъ винѣ для продажи въ крѣпость Святаго Креста (понеже, государыня, тогда тамъ покупали ведро по 7 руб. и больше), а я велѣлъ продавать противъ Астраханской продажи вдвое, а именно, ведрами по 5 руб. по 32 коп., а кружками и чарками по 6 р. по 34 коп., за которыя надлежало быть въ сборѣ денегъ 4,609 р. и 26 коп., по трудами, государыня, господина Кропотова оное и по сіе время еще не все продано, для того что весною туда харчевники, а подъ ихъ именемъ и прочіе, накупя здѣсь у Черкасъ, довольно туда навезли и стали продавать ведро рубля по 4 и меньше, и хотя уже тамъ присланный отъ меня и кабакъ былъ, однакожь не знаю для чего онъ виномъ шинковать никому не запретилъ, о чемъ много у меня хлопотъ было, понеже я о томъ объявлялъ господину генералъ-лейтенанту Матюшкину, а потомъ доносилъ уже и въ сенатъ, что у меня тамъ, за слабостію его, на кабакѣ винная государственная продажа остановилась; того ради на мое доношеніе состоялся въ прошломъ году въ сенатѣ указъ, чтобъ то вино, которое тамъ есть, продавать по 4 руб. ведро, а которое впредь туда и въ прочія новыя мѣста въ отпускахъ будетъ, то продавать

оное мое всенижайшее доношеніе повелительною Вашего Императорскаго Величества резолюціею не умедлить, дабы ко мнѣ могла упредить прежде, нежели уже Калмыки совершенно что̀ учинятъ. Извольте, государыня, мнѣ, послѣднему своему какъ вѣрному рабу, повѣрить, что ежели не изволите до августа указомъ ко мнѣ, рабу вашему, ускорить, и какъ то мое слабое всеподданнѣйшее мнѣніе доносилъ, учинится; по истинѣ, государыня, потомъ уже ничего невозможно будетъ сдѣлать, и они конечно у Вашего Величества пропадутъ.

При семъ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу. Когда Ваше Императорское Величество изволили отъѣзжать изъ Астрахани, тогда, по указу Вашего Величества, принялъ я у господина Мячкова остаточнаго вина простого 280 ведръ, которое продано на кружечномъ дворѣ, между государственнымъ виномъ по тогдашней цѣнѣ по 2 руб. на 47 коп. ведро, а всего взято денегъ 697 р. 60 коп., и тѣ, государыня, деньги отдалъ я въ Гилянскій торгъ Армянину Аѳонасью Исаеву на пять мѣсяцевъ изъ прибыли, по добровольному договору, который мнѣ за то наддалъ 336 руб.; а съ истинными я принялъ у него 1,027 руб. 60 коп. и на оныя деньги въ томъ же 1723 году взялъ я вина съ кружечнаго двора 790 ведръ по подрядной цѣнѣ, по 1 руб. по 30 коп., и то вино въ томъ же году послалъ при государственномъ винѣ для продажи въ крѣпость Святаго Креста (понеже, государыня, тогда тамъ покупали ведро по 7 руб. и больше), а я велѣлъ продавать противъ Астраханской продажи вдвое, а именно, ведрами по 5 руб. по 32 коп., а кружками и чарками по 6 р. по 34 коп., за которыя надлежало быть въ сборѣ денегъ 4,609 р. и 26 коп., по трудами, государыня, господина Кропотова оное и по сіе время еще не все продано, для того что весною туда харчевники, а подъ ихъ именемъ и прочіе, накупя здѣсь у Черкасъ, довольно туда навезли и стали продавать ведро рубля по 4 и меньше, и хотя уже тамъ присланный отъ меня и кабакъ былъ, однакожь не знаю для чего онъ виномъ шинковать никому не запретилъ, о чемъ много у меня хлопотъ было, понеже я о томъ объявлялъ господину генералъ-лейтенанту Матюшкину, а потомъ доносилъ уже и въ сенатъ, что у меня тамъ, за слабостію его, на кабакѣ винная государственная продажа остановилась; того ради на мое доношеніе состоялся въ прошломъ году въ сенатѣ указъ, чтобъ то вино, которое тамъ есть, продавать по 4 руб. ведро, а которое впредь туда и въ прочія новыя мѣста въ отпускахъ будетъ, то продавать

тамъ по 3 руб., а прочимъ продажу велѣно всѣмъ накрѣпко запретить, кромѣ Черкасъ, однакожъ, государыня, и тѣ бы только между собою продавали, а на кабакѣ чтобъ въ продажѣ помѣшательства не было. Итакъ, государыня, его раздѣленіемъ до того сенатскаго указу изъ 790 ведеръ продано только на 1,227 руб. на 73 коп.; онъ же, господинъ Кропотовъ, мимо государственнаго вина взялъ изъ онаго драгунамъ и солдатамъ 200 в., и нарочно мнѣ досаждая, да затѣмъ еще у бурмистра въ остаткахъ 256 ведръ и ½, которое нынѣ въ продажѣ, стало быть, уже по 4 руб. ведро; и того въ сборѣ (и съ тѣмъ виномъ, которое онъ 200 ведръ взялъ, понеже я, государыня, велѣлъ вмѣсто того заплатить государственнаго вина) будетъ денегъ 1,826 руб., а съ продажнымъ, которое до сенатскаго указу продано, всего будетъ денегъ, кромѣ усушки и утечки, 3,053 руб. и 73 коп. А что, государыня, до сего времени не пришли къ рукамъ моимъ деньги, то уже, какъ милостивѣйше изволите разсудить, я въ томъ невиненъ, радъ бы всѣми мѣрами услужить, да другіе портятъ нарочно, понеже хотя то и Вашего Величества, а не мое, но токмо что идетъ прибыль чрезъ мои руки, то надобно мѣшать. Не удалось ему что на меня доводить блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскому Величеству о людѣхъ и о лѣсахъ, будто то отъ меня учинилось, что оные къ нему нескоро пришли, но тѣмъ меня не повредилъ, уже тѣмъ трудится, чтобъ я не услужилъ и оною бездѣлицею Вашему Величеству. Что же, государыня, въ прошломъ 1724 году, въ бытность мою въ Москвѣ, доносилъ я всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству объ отправленіи изъ вотчинъ Вашего Величества вина до Царицына по 5,000 ведръ по вся годы, а отсюды чтобъ мнѣ отправлять чрезъ Астрахань въ крѣпость Святаго Креста и въ прочія новозавоеванныя въ Персіи мѣста, понеже, по состоявшемуся сенатскому указу, надлежитъ тамъ въ продажѣ быть каждое ведро по три рубли, а тако, государыня, изъ того была бы совершенная прибыль Вашему Величеству; токмо по указу Вашего Величества оному вину надлежало въ Царицынѣ быть въ прошломъ году по послѣдней мѣрѣ въ августѣ мѣсяцѣ, которое бъ — куда я заблаговременно разсудилъ все дабы могло довезено быть прошедшею осенью, а чрезъ прошедшую зиму и продано бъ было. Однакожъ, государыня, въ прошломъ году привезено сюда въ Царицынъ онаго вина только 1,000 ведръ, и то уже въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца, которое я съ трудомъ и до Астрахани препроводилъ, гдѣ по мѣрѣ принято 975 ведръ, а далѣ уже онаго было и отпустить

тамъ по 3 руб., а прочимъ продажу велѣно всѣмъ накрѣпко запретить, кромѣ Черкасъ, однакожъ, государыня, и тѣ бы только между собою продавали, а на кабакѣ чтобъ въ продажѣ помѣшательства не было. Итакъ, государыня, его раздѣленіемъ до того сенатскаго указу изъ 790 ведеръ продано только на 1,227 руб. на 73 коп.; онъ же, господинъ Кропотовъ, мимо государственнаго вина взялъ изъ онаго драгунамъ и солдатамъ 200 в., и нарочно мнѣ досаждая, да затѣмъ еще у бурмистра въ остаткахъ 256 ведръ и ½, которое нынѣ въ продажѣ, стало быть, уже по 4 руб. ведро; и того въ сборѣ (и съ тѣмъ виномъ, которое онъ 200 ведръ взялъ, понеже я, государыня, велѣлъ вмѣсто того заплатить государственнаго вина) будетъ денегъ 1,826 руб., а съ продажнымъ, которое до сенатскаго указу продано, всего будетъ денегъ, кромѣ усушки и утечки, 3,053 руб. и 73 коп. А что, государыня, до сего времени не пришли къ рукамъ моимъ деньги, то уже, какъ милостивѣйше изволите разсудить, я въ томъ невиненъ, радъ бы всѣми мѣрами услужить, да другіе портятъ нарочно, понеже хотя то и Вашего Величества, а не мое, но токмо что идетъ прибыль чрезъ мои руки, то надобно мѣшать. Не удалось ему что на меня доводить блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскому Величеству о людѣхъ и о лѣсахъ, будто то отъ меня учинилось, что оные къ нему нескоро пришли, но тѣмъ меня не повредилъ, уже тѣмъ трудится, чтобъ я не услужилъ и оною бездѣлицею Вашему Величеству. Что же, государыня, въ прошломъ 1724 году, въ бытность мою въ Москвѣ, доносилъ я всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству объ отправленіи изъ вотчинъ Вашего Величества вина до Царицына по 5,000 ведръ по вся годы, а отсюды чтобъ мнѣ отправлять чрезъ Астрахань въ крѣпость Святаго Креста и въ прочія новозавоеванныя въ Персіи мѣста, понеже, по состоявшемуся сенатскому указу, надлежитъ тамъ въ продажѣ быть каждое ведро по три рубли, а тако, государыня, изъ того была бы совершенная прибыль Вашему Величеству; токмо по указу Вашего Величества оному вину надлежало въ Царицынѣ быть въ прошломъ году по послѣдней мѣрѣ въ августѣ мѣсяцѣ, которое бъ — куда я заблаговременно разсудилъ все дабы могло довезено быть прошедшею осенью, а чрезъ прошедшую зиму и продано бъ было. Однакожъ, государыня, въ прошломъ году привезено сюда въ Царицынъ онаго вина только 1,000 ведръ, и то уже въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца, которое я съ трудомъ и до Астрахани препроводилъ, гдѣ по мѣрѣ принято 975 ведръ, а далѣ уже онаго было и отпустить

не возможно, а понеже, какъ извѣстно Вашему Величеству, что нынѣ въ тамошнія мѣста за препятствіемъ отъ непріятелей и провозить нельзя стало, сверхъ того, государыня, тамъ будетъ не въ моей власти,—и такъ, опасаясь того, велѣлъ я продавать оное вино въ Астрахани съ кабака по той цѣнѣ, какъ государственное въ продажѣ нынѣ, а именно каждое ведро по два рубли съ двумя копѣйками, надѣяся, что хотя и не такая прибыль, какъ доносилъ, однакожь будетъ, а сверхъ того, и деньги скорѣе будутъ къ рукамъ приходить, нежели изъ тѣхъ мѣстъ, а по чему, государыня, оное стало на мѣстѣ, и что до Царицына заплачено провозу, о томъ ко мнѣ извѣстія отъ Воронина не прислано.

Да въ нынѣшнемъ, государыня, 1725 году іюня 17-го дня привезено сюда сухимъ путемъ изъ Бѣлогородскихъ Вашего Величества вотчинъ изъ села Рубельнаго въ 93-хъ бочкахъ 3,000 ведеръ, о которомъ объявилъ мнѣ служитель дома Вашего Величества Алексѣй Брынцовъ примѣрную цѣну, будто оное вино стало на мѣстѣ по 40 копѣекъ, а за провозъ отъ села Рубельнаго до Царицына дано подрядчикамъ съ 93 бочекъ по 3 руб. по 40 коп., обошлось въ Царицынѣ каждое ведро съ провозомъ по 50 коп. съ деньгою и 1/3. Да въ нынѣшнемъ же, государыня, годѣ 19-го числа сего жъ іюня привезено сюда въ Царицынъ водою изъ малороссійскихъ Вашего Величества вотчинъ изъ села Понурницы, на подрядномъ стругу въ 96 бочкахъ 3,000 ведръ, — при которомъ винѣ прибылъ сюда дому Вашего Величества служитель Алексѣй Брынцовъ и объявилъ мнѣ что оное Понурницкое вино отправлено съ нимъ еще въ прошломъ году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ которымъ будто онъ далѣ не могъ доѣхать какъ до Касимова и тутъ зимовалъ. И я у него по сіе время подлинной вѣдомости не могу получить, по чему оное вино на мѣстѣ стало, также и до Царицына съ провозомъ, а какъ слышу, государыня, изъ словъ его, чаю, половина, конечно, если не больше, покрадено: сказываетъ, будто оное вино на мѣстѣ стало по 40 копѣекъ ведро, чего на Украйнѣ никогда не бывало, да провозу почитаетъ на ведро до сихъ мѣстъ около полуполтины; и по видимому, государыня, мнѣ кажется, онъ достаточный плутъ, къ тому жъ и пьяница, и пріѣхалъ сюда съ метрессою, и слышу, что великія чудеса по дорогѣ сдѣлалъ и тирански безъ всякой вины бивалъ многихъ, также и подрядчиковъ, которые везли его на своемъ суднѣ,—посадскіе люди, одинъ города Орла, а другой Калуженинъ, немилостиво ихъ мучилъ. Онъ же продержалъ у нихъ судно девять мѣсяцовъ, а

не возможно, а понеже, какъ извѣстно Вашему Величеству, что нынѣ въ тамошнія мѣста за препятствіемъ отъ непріятелей и провозить нельзя стало, сверхъ того, государыня, тамъ будетъ не въ моей власти,—и такъ, опасаясь того, велѣлъ я продавать оное вино въ Астрахани съ кабака по той цѣнѣ, какъ государственное въ продажѣ нынѣ, а именно каждое ведро по два рубли съ двумя копѣйками, надѣяся, что хотя и не такая прибыль, какъ доносилъ, однакожь будетъ, а сверхъ того, и деньги скорѣе будутъ къ рукамъ приходить, нежели изъ тѣхъ мѣстъ, а по чему, государыня, оное стало на мѣстѣ, и что до Царицына заплачено провозу, о томъ ко мнѣ извѣстія отъ Воронина не прислано.

Да въ нынѣшнемъ, государыня, 1725 году іюня 17-го дня привезено сюда сухимъ путемъ изъ Бѣлогородскихъ Вашего Величества вотчинъ изъ села Рубельнаго въ 93-хъ бочкахъ 3,000 ведеръ, о которомъ объявилъ мнѣ служитель дома Вашего Величества Алексѣй Брынцовъ примѣрную цѣну, будто оное вино стало на мѣстѣ по 40 копѣекъ, а за провозъ отъ села Рубельнаго до Царицына дано подрядчикамъ съ 93 бочекъ по 3 руб. по 40 коп., обошлось въ Царицынѣ каждое ведро съ провозомъ по 50 коп. съ деньгою и 1/3. Да въ нынѣшнемъ же, государыня, годѣ 19-го числа сего жъ іюня привезено сюда въ Царицынъ водою изъ малороссійскихъ Вашего Величества вотчинъ изъ села Понурницы, на подрядномъ стругу въ 96 бочкахъ 3,000 ведръ, — при которомъ винѣ прибылъ сюда дому Вашего Величества служитель Алексѣй Брынцовъ и объявилъ мнѣ что оное Понурницкое вино отправлено съ нимъ еще въ прошломъ году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ которымъ будто онъ далѣ не могъ доѣхать какъ до Касимова и тутъ зимовалъ. И я у него по сіе время подлинной вѣдомости не могу получить, по чему оное вино на мѣстѣ стало, также и до Царицына съ провозомъ, а какъ слышу, государыня, изъ словъ его, чаю, половина, конечно, если не больше, покрадено: сказываетъ, будто оное вино на мѣстѣ стало по 40 копѣекъ ведро, чего на Украйнѣ никогда не бывало, да провозу почитаетъ на ведро до сихъ мѣстъ около полуполтины; и по видимому, государыня, мнѣ кажется, онъ достаточный плутъ, къ тому жъ и пьяница, и пріѣхалъ сюда съ метрессою, и слышу, что великія чудеса по дорогѣ сдѣлалъ и тирански безъ всякой вины бивалъ многихъ, также и подрядчиковъ, которые везли его на своемъ суднѣ,—посадскіе люди, одинъ города Орла, а другой Калуженинъ, немилостиво ихъ мучилъ. Онъ же продержалъ у нихъ судно девять мѣсяцовъ, а

могъ бы доѣхать въ три мѣсяца. Того ради, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше прошу не причесть мнѣ въ вину моего дерзновенія, токмо я отъ моего усердія и чистой совѣсти всеподданнѣйше доношу, не изволите ль приказать кому пересмотрѣть такихъ называемыхъ служителей и чтобъ оставить только добрыхъ людей, а бездѣльниковъ выбросать, понеже отъ нихъ ни что иное, только воровство, а паче всего, что они своими шалостями озлобляютъ простой народъ, и въ томъ не всякъ ему и воспретить осмѣлится, а они еще именемъ Вашего Величества стращаютъ. Въ вотчинѣ Вашего Императорскаго Величества, въ селѣ Воскресенскомъ, что близъ Саратова, былъ управителемъ Саратовскій казакъ Ламеховъ; истинно, государыня, и мотъ, и пьяница, и такія диковинки дѣлывалъ, что со братія—съ пьяными буршаками войною прихаживалъ къ Саратову и табуны отгонялъ: какому бы, государыня, отъ нихъ въ вотчинахъ Вашего Величества доброму смотрѣнію быть? Я онаго Ламехова уже лѣтъ около десяти знаю; истинно, государыня, никогда въ немъ пути не бывало, кромѣ что охочь барышничать лошадьми и отъ того весь промотался и одолжалъ, да не хотя долговъ платить, не знаю уже чрезъ кого сыскалъ себѣ оный случай, и мнѣ, государыня, то дивно, что тѣ, которые Вашего Величества прямые дворовые служители, за такіе къ нимъ милости Вашего Величества не боятся Бога такихъ бездѣльниковъ къ дѣламъ допускать, не развѣдавъ объ немъ подлинно, каковъ кто, и можно ль повѣрить. А простому и не разсудительному народу великое приходитъ отъ того озлобленіе, понеже, государыня, не всякій разсудить можетъ, что они, плуты, то дѣлаютъ собою.

При семъ, государыня, прилагаю обстоятельную вѣдомость для сочтенія мнѣ въ тѣхъ деньгахъ, которыя взяты за остаточное вино, и какъ отдавать оныя въ Гилянскій торгъ, и что теперь имѣетъ быть той суммы, что всеподданнѣйше донесъ, пребываю съ должнѣйшимъ моимъ всеподданнѣйшимъ рабскимъ почтеніемъ и вѣрностію.

P. S. Всемилостивѣйшая государыня! Которое, государыня, вино мнѣ изъ Бѣлогородскихъ и малороссійскихъ вотчинъ сюда 6,000 ведръ привезено, оное для продажи отправлю въ Астрахань, а по какой цѣнѣ обойдется съ провозомъ и съ прочими расходами, и что будетъ отъ продажи прибыли, о томъ буду всеподданнѣйше впредь доносить и выправлясь пришлю обстоятельную вѣдомость, приложа и то при томъ, по чему надлежитъ становиться на Украйнѣ и по чему прямо безъ кражи станетъ здѣсь въ Царицынѣ.

могъ бы доѣхать въ три мѣсяца. Того ради, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше прошу не причесть мнѣ въ вину моего дерзновенія, токмо я отъ моего усердія и чистой совѣсти всеподданнѣйше доношу, не изволите ль приказать кому пересмотрѣть такихъ называемыхъ служителей и чтобъ оставить только добрыхъ людей, а бездѣльниковъ выбросать, понеже отъ нихъ ни что иное, только воровство, а паче всего, что они своими шалостями озлобляютъ простой народъ, и въ томъ не всякъ ему и воспретить осмѣлится, а они еще именемъ Вашего Величества стращаютъ. Въ вотчинѣ Вашего Императорскаго Величества, въ селѣ Воскресенскомъ, что близъ Саратова, былъ управителемъ Саратовскій казакъ Ламеховъ; истинно, государыня, и мотъ, и пьяница, и такія диковинки дѣлывалъ, что со братія—съ пьяными бурлаками войною прихаживалъ къ Саратову и табуны отгонялъ: какому бы, государыня, отъ нихъ въ вотчинахъ Вашего Величества доброму смотрѣнію быть? Я онаго Ламехова уже лѣтъ около десяти знаю; истинно, государыня, никогда въ немъ пути не бывало, кромѣ что охочь барышничать лошадьми и отъ того весь промотался и одолжалъ, да не хотя долговъ платить, не знаю уже чрезъ кого сыскалъ себѣ оный случай, и мнѣ, государыня, то дивно, что тѣ, которые Вашего Величества прямые дворовые служители, за такіе къ нимъ милости Вашего Величества не боятся Бога такихъ бездѣльниковъ къ дѣламъ допускать, не развѣдавъ объ немъ подлинно, каковъ кто, и можно ль повѣрить. А простому и не разсудительному народу великое приходитъ отъ того озлобленіе, понеже, государыня, не всякій разсудить можетъ, что они, плуты, то дѣлаютъ собою.

При семъ, государыня, прилагаю обстоятельную вѣдомость для сочтенія мнѣ въ тѣхъ деньгахъ, которыя взяты за остаточное вино, и какъ отдавать оныя въ Гилянскій торгъ, и что теперь имѣетъ быть той суммы, что всеподданнѣйше донесъ, пребываю съ должнѣйшимъ моимъ всеподданнѣйшимъ рабскимъ почтеніемъ и вѣрностію.

P. S. Всемилостивѣйшая государыня! Которое, государыня, вино мнѣ изъ Бѣлогородскихъ и малороссійскихъ вотчинъ сюда 6,000 ведръ привезено, оное для продажи отправлю въ Астрахань, а по какой цѣнѣ обойдется съ провозомъ и съ прочими расходами, и что будетъ отъ продажи прибыли, о томъ буду всеподданнѣйше впредь доносить и выправлясь пришлю обстоятельную вѣдомость, приложа и то при томъ, по чему надлежитъ становиться на Украйнѣ и по чему прямо безъ кражи станетъ здѣсь въ Царицынѣ.

А по вѣдомости, государыня, его Брынцова оное вино стало по 40 копѣекъ, а провозъ и съ пошлинами и съ прочими его расходами стало до Царицына каждое ведро по 66 копѣекъ; въ то число надлежало по вѣдомости его подрядчикамъ заплатить 200 руб., а по сказкѣ подрядчиковъ 269 рублей 50 коп. отъ Царицына до Астрахани; я подрядилъ тѣмъ же подрядчикамъ за судно съ ведра по одной копѣйки, итого 30 руб., да работникамъ 13 руб., понеже, государыня, нынѣ за отправленіемъ драгунъ и солдатъ судовъ не случилось, а сверхъ того, и для того, здѣсь я принимать не велѣлъ, чтобъ уже въ Астрахани былъ одинъ пріемъ вину, и чтобъ дважды не перемѣривать; и тако, государыня, оное станетъ въ Астрахани по 67½ копѣекъ и ⅛ копѣйки, а оными, государыня, подрядчикамъ по вѣдомости Брынцова 200 руб., также и по моему съ ними договору 43 руб. велѣлъ я выдать изъ Астраханской рентереи подъ образомъ займовъ, пока въ сборѣ будутъ Вашего Величества собственныя, изъ которыхъ въ рентерію велѣлъ тогда паки возвратить.

А Бѣлогородское, государыня, вино безъ найму разклавъ я на плывущія купецкія суда, и тако по сходной цѣнѣ како Бѣлгородское, такъ и Понурницкое вино 6,000 ведръ обойдется въ Астрахани кругомъ каждое ведро по 59 копѣекъ съ полденьгою, прошлогодное 975 ведръ, напримѣръ, противъ того жь если положить, итого 6.975 ведръ по истинной цѣнѣ обойдется въ Астрахани на 4,123 руб. на 97 коп., а въ продажѣ будетъ по вышеписанной цѣнѣ по 2 руб. по 2 коп. ведро, итого на 14,089 руб. на 50 коп., въ томъ числѣ прибыльныхъ 9,965 руб. 53 коп., кромѣ того, что продастъ чарочная продажа. И надѣюся на Бога, что оныя деньги въ кабинетъ или въ вотчинную коллегію Вашего Величества мѣсяцовъ въ пять возвратятся или и прежде, понеже, государыня, велѣлъ я оное вино продавать пополамъ съ государственнымъ вином, а записывать въ особенныя книги, которыя къ бурмистрамъ нарочно послалъ я за своею рукою.

III.

Къ ней же.

Всемилостивѣйшая, великая государыня императрица, премилосердая мать! Умилися, всемилостивѣйшая государыня, на сіе мое слезное прошеніе, сотвори надо мною, послѣднимъ рабомъ своимъ, Божескую милость, чтобъ я не умеръ и послѣдняго ума моего не

А по вѣдомости, государыня, его Брынцова оное вино стало по 40 копѣекъ, а провозъ и съ пошлинами и съ прочими его расходами стало до Царицына каждое ведро по 66 копѣекъ; въ то число надлежало по вѣдомости его подрядчикамъ заплатить 200 руб., а по сказкѣ подрядчиковъ 269 рублей 50 коп. отъ Царицына до Астрахани; я подрядилъ тѣмъ же подрядчикамъ за судно съ ведра по одной копѣйки, итого 30 руб., да работникамъ 13 руб., понеже, государыня, нынѣ за отправленіемъ драгунъ и солдатъ судовъ не случилось, а сверхъ того, и для того, здѣсь я принимать не велѣлъ, чтобъ уже въ Астрахани былъ одинъ пріемъ вину, и чтобъ дважды не перемѣривать; и тако, государыня, оное станетъ въ Астрахани по 67½ копѣекъ и ⅛ копѣйки, а оными, государыня, подрядчикамъ по вѣдомости Брынцова 200 руб., также и по моему съ ними договору 43 руб. велѣлъ я выдать изъ Астраханской рентереи подъ образомъ займовъ, пока въ сборѣ будутъ Вашего Величества собственныя, изъ которыхъ въ рентерію велѣлъ тогда паки возвратить.

А Бѣлогородское, государыня, вино безъ найму разклавъ я на плавущія купецкія суда, и тако по сходной цѣнѣ како Бѣлгородское, такъ и Понурницкое вино 6,000 ведръ обойдется въ Астрахани кругомъ каждое ведро по 59 копѣекъ съ полденьгою, прошлогодное 975 ведръ, напримѣръ, противъ того жь если положить, итого 6.975 ведръ по истинной цѣнѣ обойдется въ Астрахани на 4,123 руб. на 97 коп., а въ продажѣ будетъ по вышеписанной цѣнѣ по 2 руб. по 2 коп. ведро, итого на 14,089 руб. на 50 коп., въ томъ числѣ прибыльныхъ 9,965 руб. 53 коп., кромѣ того, что продастъ чарочная продажа. И надѣюся на Бога, что оныя деньги въ кабинетъ или въ вотчинную коллегію Вашего Величества мѣсяцовъ въ пять возвратятся или и прежде, понеже, государыня, велѣлъ я оное вино продавать пополамъ съ государственнымъ виномъ, а записывать въ особенныя книги, которыя къ бурмистрамъ нарочно послалъ я за своею рукою.

III.

Къ ней же.

Всемилостивѣйшая, великая государыня императрица, премилосердая мать! Умилися, всемилостивѣйшая государыня, на сіе мое слезное прошеніе, сотвори надо мною, послѣднимъ рабомъ своимъ, Божескую милость, чтобъ я не умеръ и послѣдняго ума моего не

лишился отъ злой моей печали, понеже, государыня, вижу самъ, что пришло на меня конечно нѣкакое посѣщеніе Божіе, и сумнѣваюся, нѣтъ ли на меня, спраго, какого гнѣва Вашего Императорскаго Величества.

Однакожь, государыня, клянуся всемогущимъ Богомъ и его праведнымъ судомъ, что истинно, всемилостивѣйшая государыня, ни въ мысли моей не знаю, чѣмъ прогнѣвалъ Ваше Императорское Величество, и работаю всегда съ чистою моею совѣстью, какъ самому Богу; развѣ, государыня, чѣмъ напрасно обнесенъ Вашему Императорскому Величеству, того ради — буде что на меня принесено, помилуй, всемилостивѣйшая государыня, повели милостиво мнѣ объявить и спросить меня; а паче, государыня, со слезами прошу только милосердія, чтобъ повелѣли мнѣ самому ко двору Вашего Императорскаго Величества быть, хотя на самое малое время, а потомъ уже какъ воля Вашего Императорскаго Величества надо мою.

Истинно, всемилостивѣйшая государыня, въ такое уже отчаяніе пришелъ, что во мнѣ ни ума моего, ни разсужденія въ дѣлахъ никакого не осталося, о чемъ, государыня, по христіанской совѣсти и по старости своей господинъ Кудрявцовъ можетъ засвидѣтельствовать нынѣшнее мое бѣдное состояніе, и что сіе мнѣ и ни отъ упрямства и ниже отъ лѣности моей, токмо, государыня, сгубила меня одна злая печаль моя; понеже, государыня, только и всего имѣлъ по Богѣ и первую и послѣднюю одну мою надежду на высокую ко мнѣ сирому Вашего Императорскаго Величества материнскую милость, по нынѣ, государыня, такъ прогнѣвалъ Бога, что и того я, бѣдный, лишился и вижу, что сердце Вашего Императорскаго Величества такъ Господь Богъ отвратилъ, что никакія мои слезныя прошенія не могутъ умилостивить, отъ чего боюся, государыня, чтобъ какой злой конецъ мнѣ не воспослѣдовалъ. Того ради, всемилостивѣйшая государыня, пока меня еще Всевышній послѣдней моей памяти не лишилъ, я, уповая на обыкновенное милосердіе и великодушіе Вашего Императорскаго Величества, слезно прошу не оставить въ милости своей бѣдныхъ сиротъ, жену мою и дѣтей, и милостиво ихъ призрить, чтобъ они, бѣдные, между дворовъ не наскитались, понеже, государыня, по мнѣ столько моего не останется, чѣмъ бы могли они вѣкъ свой пропитаться. И паки, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше и нижайше прошу для единаго милосердія Божія на сіе мое слезное прошеніе призрить милостиво.

лишился отъ злой моей печали, понеже, государыня, вижу самъ, что пришло на меня конечно нѣкакое посѣщеніе Божіе, и сумнѣваюся, нѣтъ ли на меня, спраго, какого гнѣва Вашего Императорскаго Величества.

Однакожь, государыня, клянуся всемогущимъ Богомъ и его праведнымъ судомъ, что истинно, всемилостивѣйшая государыня, ни въ мысли моей не знаю, чѣмъ прогнѣвалъ Ваше Императорское Величество, и работаю всегда съ чистою моею совѣстью, какъ самому Богу; развѣ, государыня, чѣмъ напрасно обнесенъ Вашему Императорскому Величеству, того ради — буде что на меня принесено, помилуй, всемилостивѣйшая государыня, повели милостиво мнѣ объявить и спросить меня; а паче, государыня, со слезами прошу только милосердія, чтобъ повелѣли мнѣ самому ко двору Вашего Императорскаго Величества быть, хотя на самое малое время, а потомъ уже какъ воля Вашего Императорскаго Величества надо мою.

Истинно, всемилостивѣйшая государыня, въ такое уже отчаяніе пришелъ, что во мнѣ ни ума моего, ни разсужденія въ дѣлахъ никакого не осталося, о чемъ, государыня, по христіанской совѣсти и по старости своей господинъ Кудрявцовъ можетъ засвидѣтельствовать нынѣшнее мое бѣдное состояніе, и что сіе мнѣ и ни отъ упрямства и ниже отъ лѣности моей, токмо, государыня, сгубила меня одна злая печаль моя; понеже, государыня, только и всего имѣлъ по Богѣ и первую и послѣднюю одну мою надежду на высокую ко мнѣ сирому Вашего Императорскаго Величества материнскую милость, по нынѣ, государыня, такъ прогнѣвалъ Бога, что и того я, бѣдный, лишился и вижу, что сердце Вашего Императорскаго Величества такъ Господь Богъ отвратилъ, что никакія мои слезныя прошенія не могутъ умилостивить, отъ чего боюся, государыня, чтобъ какой злой конецъ мнѣ не воспослѣдовалъ. Того ради, всемилостивѣйшая государыня, пока меня еще Всевышній послѣдней моей памяти не лишилъ, я, уповая на обыкновенное милосердіе и великодушіе Вашего Императорскаго Величества, слезно прошу не оставить въ милости своей бѣдныхъ сиротъ, жену мою и дѣтей, и милостиво ихъ призрить, чтобъ они, бѣдные, между дворовъ не наскитались, понеже, государыня, по мнѣ столько моего не останется, чѣмъ бы могли они вѣкъ свой пропитаться. И паки, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше и нижайше прошу для единаго милосердія Божія на сіе мое слезное прошеніе призрить милостиво.

Всемилостивѣйшая государыня императрица, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ Артемій Волынской.

Февраля 9-го дня 1726 года.

Послано съ Аристовымъ капитанармусомъ февраля 9-го дня изъ Казани.

IV.

Къ ней же.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская!

Понеже Ваше Императорское Величество данною вамъ отъ всесильнаго Бога самодержавною властію можете и казнить, и милостиво прощать вины наши, однакожь, всемилостивѣйшая государыня, не токмо мнѣ, послѣднему въ государствѣ вашемъ паутинѣ, но уже и всему свѣту природныя Вашего Императорскаго Величества добродѣтели извѣстны, а паче особливыя щедроты и милосердіе къ бѣднымъ и сирымъ бѣдствующимъ, между которыми, государыня, я грѣхъ ради моихъ нынѣ въ первыхъ себя почитаю, и хотя вижу, что я уже никакой милости недостоинъ, токмо уповая на одно великодушное и мудрое разсужденіе Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше и нижайше прошу со слезами моими чрезъ сіе мое бѣдное прошеніе, понеже вижу, что жена моя хотя и нарочно для того поѣхала, однакожь за глупостью своею не умѣетъ Ваше Императорское Величество ни упросить, ни умилостивить. Это была послѣдняя моя надежда. Для того умилосердися нынѣ, всемилостивѣйшая государыня и премилосердая мать, на сіе мое убогое и слезное прошеніе. Ежели чѣмъ-либо отъ недоумѣнія моего и отъ сущей простоты погрѣшилъ и прогнѣвалъ Ваше Императорское Величество, извольте мнѣ, бѣдному, милостиво отпустить, какъ и Всевышній Господь Богъ грѣшные милостиво прощаетъ. Буде же, государыня, есть какая моя неотпустительная вина, прикажи, государыня, хоть оковавъ меня, какъ злодѣя, взять отсюда въ Петербургъ и розыскать, и когда предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ или государствомъ хотя въ маломъ явлюся виновенъ, повели, государыня, казнить меня, какъ сущаго измѣнника, или сослать куда,—точію, всемилостивѣйшая государыня и премилосердая мать, уже бы мнѣ, бѣдному, скоряе одинъ конецъ былъ, нежели отъ такого продолжительнаго злосчастнаго на свѣтѣ

Всемилостивѣйшая государыня императрица, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ Артемій Волынской.

Февраля 9-го дня 1726 года.

Послано съ Аристовымъ капитанармусомъ февраля 9-го дня изъ Казани.

IV.

Къ ней же.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская!

Понеже Ваше Императорское Величество данною вамъ отъ всесильнаго Бога самодержавною властію можете и казнить, и милостиво прощать вины наши, однакожь, всемилостивѣйшая государыня, не токмо мнѣ, послѣднему въ государствѣ вашемъ паутинѣ, но уже и всему свѣту природныя Вашего Императорскаго Величества добродѣтели извѣстны, а паче особливыя щедроты и милосердіе къ бѣднымъ и сирымъ бѣдствующимъ, между которыми, государыня, я грѣхъ ради моихъ нынѣ въ первыхъ себя почитаю, и хотя вижу, что я уже никакой милости недостоинъ, токмо уповая на одно великодушное и мудрое разсужденіе Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше и нижайше прошу со слезами моими чрезъ сіе мое бѣдное прошеніе, понеже вижу, что жена моя хотя и нарочно для того поѣхала, однакожь за глупостью своею не умѣетъ Ваше Императорское Величество ни упросить, ни умилостивить. Это была послѣдняя моя надежда. Для того умилосердися нынѣ, всемилостивѣйшая государыня и премилосердая мать, на сіе мое убогое и слезное прошеніе. Ежели чѣмъ-либо отъ недоумѣнія моего и отъ сущей простоты погрѣшилъ и прогнѣвалъ Ваше Императорское Величество, извольте мнѣ, бѣдному, милостиво отпустить, какъ и Всевышній Господь Богъ грѣшные милостиво прощаетъ. Буде же, государыня, есть какая моя неотпустительная вина, прикажи, государыня, хоть оковавъ меня, какъ злодѣя, взять отсюда въ Петербургъ и розыскать, и когда предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ или государствомъ хотя въ маломъ явлюся виновенъ, повели, государыня, казнить меня, какъ сущаго измѣнника, или сослать куда,—точію, всемилостивѣйшая государыня и премилосердая мать, уже бы мнѣ, бѣдному, скоряе одинъ конецъ былъ, нежели отъ такого продолжительнаго злосчастнаго на свѣтѣ

живота моего въ такое отчаяніе приду, что я и душу свою ни за что потеряю и буду вѣчно въ геклѣ. Всемилостивѣйшая государыня, если изволите мыслить, чтобъ злѣсь нынѣ изъ меня какой плодъ былъ, милостиво о томъ по немощи человѣческой изволите разсудить, понеже во мнѣ ни ума, ни разсужденія никакого нѣтъ, и истинно, государыня, ни какія дѣла въ мою голову не идутъ, но только держу одно мѣсто. Когда я былъ не въ такомъ слабомъ состояніи, столько, государыня, трудился, какъ то все извѣстно, однакожь и впредь если Богъ меня живота или послѣдняго ума моего не лишитъ и допуститъ увидѣть Ваше Императорское Величество, потомъ готовъ, государыня, какъ самому Богу, такъ Вашему Императорскому Величеству всегда работать до кончины живота моего. Ежели, государыня, изволите мыслить, чтобъ я на кого какія жалобы приносилъ и тѣмъ Ваше Императорское Величество трудилъ, Богъ меня, государыня, со всѣми разсудитъ, а я не буду, всемилостивѣйшая государыня, приносить ничего. И паки, всемилостивѣйшая государыня, слезно милосердія Вашего Императорскаго Величества прошу: умилися, всемилостивѣйшая государыня, покажи надъ такимъ бѣднымъ человѣкомъ Божескую свою милость, ради поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорскаго Величества и ради своего многолѣтняго здравія и бѣдной души христіанской, понеже я, кромѣ Бога и Вашего Императорскаго Величества, не имѣю никакой надежды.

Всемилостивѣйшая моя государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ Артемій Волынской.

Изъ Казани. Марта 17-го дня 1726 года.

Таково послано чрезъ Петра Аристова.

V.

Приложеніе для единаго извѣстія о причинѣ долговъ и прочихъ убыточныхъ приключеній *).

Когда я былъ въ Туркахъ и посаженъ въ тюрьму, отецъ мой, имѣвъ меня одного сына, опечалился и впалъ въ параличную болѣзнь, отъ чего и языкъ отнялся у него; въ то время мачиха моя, которая была весьма непотребнаго состоянія, разорила домъ весь,

*) Не извѣстно къ которому изъ писемъ Волынскаго относится это приложеніе, но несомнѣнно, что оно писано изъ Казани.

живота моего въ такое отчаяніе приду, что я и душу свою ни за что потеряю и буду вѣчно въ геклѣ. Всемилостивѣйшая государыня, если изволите мыслить, чтобъ здѣсь нынѣ изъ меня какой плодъ былъ, милостиво о томъ по немощи человѣческой изволите разсудить, понеже во мнѣ ни ума, ни разсужденія никакого нѣтъ, и истинно, государыня, ни какія дѣла въ мою голову не идутъ, но только держу одно мѣсто. Когда я былъ не въ такомъ слабомъ состояніи, столько, государыня, трудился, какъ то все извѣстно, однакожь и впредь если Богъ меня живота или послѣдняго ума моего не лишитъ и допуститъ увидѣть Ваше Императорское Величество, потомъ готовъ, государыня, какъ самому Богу, такъ Вашему Императорскому Величеству всегда работать до кончины живота моего. Ежели, государыня, изволите мыслить, чтобъ я на кого какія жалобы приносилъ и тѣмъ Ваше Императорское Величество трудилъ, Богъ меня, государыня, со всѣми разсудитъ, а я не буду, всемилостивѣйшая государыня, приносить ничего. И паки, всемилостивѣйшая государыня, слезно милосердія Вашего Императорскаго Величества прошу: умилися, всемилостивѣйшая государыня, покажи надъ такимъ бѣднымъ человѣкомъ Божескую свою милость, ради поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорскаго Величества и ради своего многолѣтняго здравія и бѣдной души христіанской, понеже я, кромѣ Бога и Вашего Императорскаго Величества, не имѣю никакой надежды.

Всемилостивѣйшая моя государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ Артемій Волынской.

Изъ Казани. Марта 17-го дня 1726 года.

Таково послано чрезъ Петра Аристова.

V.

Приложеніе для единаго извѣстія о причинѣ долговъ и прочихъ убыточныхъ приключеній *).

Когда я былъ въ Туркахъ и посаженъ въ тюрьму, отецъ мой, имѣвъ меня одного сына, опечалился и впалъ въ параличную болѣзнь, отъ чего и языкъ отнялся у него; въ то время мачиха моя, которая была весьма непотребнаго состоянія, разорила домъ весь,

*) Не извѣстно къ которому изъ писемъ Волынскаго относится это приложеніе, но несомнѣнно, что оно писано изъ Казани.

разогнала людей в деревни, такъ что мнѣ по смерти отца моего отъ 800 дворовъ крестьянъ осталось 37.

Потомъ, когда я возвратился изъ Турковъ, посланъ былъ въ Персію, а дано мнѣ на экипажъ только 3,000 руб., да на тамошніе расходы 500 руб.; и будучи тамъ и въ проѣздѣ 4 года, жалованья не получалъ, кромѣ что временемъ давано было отъ шаха, и хотя довольно было опредѣлено, однакожь мнѣ пришло всего съ 10,000 р., а по опредѣленію шахову надлежало еще получить 57,000 руб. тамошнею монетою, и того мнѣ министры и губернаторы не дали. И понеже тогда уже великіе ребели начались, и былъ великій голодъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по 2 рубли и больше пудъ хлѣба покупалъ, для того принужденъ занимать у своихъ кущовъ около 10,000 рублей, которыхъ, прибывъ сюда, больше половины заплатилъ своими деньгами.

Потомъ по несчастію моему женился; думалъ, что тѣмъ поправлюся, однакожь такую же нищую взялъ, каковъ самъ, ибо движимаго ни на 4,000 руб. не получилъ, а деревень 1,400 душъ, и то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ весьма мало и хлѣбъ родится, а притомъ я и своихъ отеческихъ деревень съ великимъ трудомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ собралъ крестьянъ и поселилъ только съ 800 душъ, а прочіе и по нынѣ пропадаютъ; и такъ, свидѣтель Богъ, что со всѣхъ своихъ деревень 500 руб. доходу и нынѣ не имѣю, и изъ того рѣдкій годъ, чтобъ я въ Москвѣ и въ деревняхъ на 300 или на 400 руб. хлѣба не купилъ.

Когда опредѣленъ былъ въ армію генералъ-маіоромъ, я тогда никакого экипажа не имѣлъ готоваго, но всѣ дѣлалъ вновь, и лошадей купилъ, занявъ больше 2,000 р. Будучи въ Польшѣ, жилъ на своемъ коштѣ, какъ то всѣмъ извѣстно, ни порціоновъ, ни раціоновъ не получалъ, и всѣ могутъ засвидѣтельствовать, что ни одинъ Полякъ на меня не могъ жалобы произносить.

Между тѣмъ я не имѣлъ своего двора, скитался по чужимъ домамъ 17 лѣтъ, принужденъ былъ построить въ Москвѣ домъ, прибавя долгу на себя въ той надеждѣ, что тамъ мнѣ надобно было жить, и что я, живучи въ Москвѣ и получая жалованье, могу чрезъ нѣсколько лѣтъ долгъ оплатить. Но потомъ опредѣлился быть здѣсь, гдѣ также дому не имѣлъ, принужденъ былъ строить по тогдашней моей пропорціи деревянный домъ; но по несчастію моему напалъ на меня Василій Салтыковъ и оболгалъ, будто мнѣ каменный домъ съ числа душъ надлежитъ строить, въ чемъ послѣ самъ мнѣ извинился и сказалъ, что онъ то дѣлалъ, угождая

разогнала людей в деревни, такъ что мнѣ по смерти отца моего отъ 800 дворовъ крестьянъ осталось 37.

Потомъ, когда я возвратился изъ Турковъ, посланъ былъ въ Персію, а дано мнѣ на экипажъ только 3,000 руб., да на тамошніе расходы 500 руб.; и будучи тамъ и въ проѣздѣ 4 года, жалованья не получалъ, кромѣ что временемъ давано было отъ шаха, и хотя довольно было опредѣлено, однакожь мнѣ пришло всего съ 10,000 р., а по опредѣленію шахову надлежало еще получить 57,000 руб. тамошнею монетою, и того мнѣ министры и губернаторы не дали. И понеже тогда уже великіе ребели начались, и былъ великій голодъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по 2 рубли и больше пудъ хлѣба покупалъ, для того принужденъ занимать у своихъ кущовъ около 10,000 рублей, которыхъ, прибывъ сюда, больше половины заплатилъ своими деньгами.

Потомъ по несчастію моему женился; думалъ, что тѣмъ поправлюся, однакожь такую же нищую взялъ, каковъ самъ, ибо движимаго ни на 4,000 руб. не получилъ, а деревень 1,400 душъ, и то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ весьма мало и хлѣбъ родится, а притомъ я и своихъ отеческихъ деревень съ великимъ трудомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ собралъ крестьянъ и поселилъ только съ 800 душъ, а прочіе и по нынѣ пропадаютъ; и такъ, свидѣтель Богъ, что со всѣхъ своихъ деревень 500 руб. доходу и нынѣ не имѣю, и изъ того рѣдкій годъ, чтобъ я въ Москвѣ и въ деревняхъ на 300 или на 400 руб. хлѣба не купилъ.

Когда опредѣленъ былъ въ армію генералъ-маіоромъ, я тогда никакого экипажа не имѣлъ готоваго, но всѣ дѣлалъ вновь, и лошадей купилъ, занявъ больше 2,000 р. Будучи въ Польшѣ, жилъ на своемъ коштѣ, какъ то всѣмъ извѣстно, ни порціоновъ, ни раціоновъ не получалъ, и всѣ могутъ засвидѣтельствовать, что ни одинъ Полякъ на меня не могъ жалобы произнесть.

Между тѣмъ я не имѣлъ своего двора, скитался по чужимъ домамъ 17 лѣтъ, принужденъ былъ построить въ Москвѣ домъ, прибавя долгу на себя въ той надеждѣ, что тамъ мнѣ надобно было жить, и что я, живучи въ Москвѣ и получая жалованье, могу чрезъ нѣсколько лѣтъ долгъ оплатить. Но потомъ опредѣлился быть здѣсь, гдѣ также дому не имѣлъ, принужденъ былъ строить по тогдашней моей пропорціи деревянный домъ; но по несчастію моему напалъ на меня Василій Салтыковъ и оболгалъ, будто мнѣ каменный домъ съ числа душъ надлежитъ строить, въ чемъ послѣ самъ мнѣ извинился и сказалъ, что онъ то дѣлалъ, угождая

Павлу Ягужинскому, а я запявъ принужденъ построить въ 7,000 руб. слишкомъ и каменный домъ; а сверхъ того, нужда привела достраивать и тотъ домъ, гдѣ самъ живу, понеже разсудилось мнѣ дѣтей моихъ взять къ себѣ, съ которыми я пять лѣтъ розно жилъ.

По пріѣздѣ дѣтей моихъ, крайняя нужда принудила одѣвать ихъ, снабдѣвать стыда ради; между тѣмъ извѣстная церемонія воспослѣдовала: принужденъ еще и ихъ, и себя убирать, экипажъ собирать, ливрею дѣлать и прочее, на что не только все годовое мое жалованье употребилъ, но и долгу еще прибавилъ.

И такъ, цѣлый годъ, съ того живу у кого что займу, на то пищу себѣ и прочія нужды исправляю, ибо запасовъ ко мнѣ никакихъ изъ деревень моихъ не привозятъ, для того что и тамъ съ нуждою и прикупкою пробавляются.

И хоть уже три раза въ разныя времена обѣщаны мнѣ были деревни, но никогда по несчастію моему, до моихъ рукъ не дошли— иногда за всегдашними отлучками моими, а иногда за препятствіемъ моихъ злодѣевъ.

Еще былъ мнѣ случай такой: Когда я опредѣленъ былъ въ Астрахань губернаторомъ, тогда увидавъ персидскій визирь (котораго они Эхтма:девлетомъ называютъ), при которомъ я былъ, послалъ ко мнѣ человѣка своего, которому, ѣдучи черезъ Рящь, велѣлъ купить 40 тай (то есть, 20 вьюковъ) шелку мнѣ въ презентъ, и тотъ уже шелкъ весь былъ купленъ, и судно морское наше подъ него нанято было, а между тѣмъ сдѣлалась несчастливая перемѣна того у Эхтмадевлету, который свергнутъ, и ослѣпленъ, и всѣ пожитки его конфискованы, въ томъ числѣ и шелкъ тотъ удержанъ.

И тако, во весь мой вѣкъ ни единно благополучіе мнѣ не воспослѣдовало, кромѣ однихъ убытковъ; и что больше себѣ чести получилъ, тѣмъ болѣе долговъ присовокупилъ; чѣмъ больше прилагаю трудовъ, тѣмъ больше ненависти и злобы вмѣсто всякой помощи нажилъ.

VI.

Отъ А. П. Волынскаго къ князю А. Г. Долгорукому.

Милостивый государь отецъ, истинный мнѣ патронъ!

Я уповаю, что при совершеніи сея всенародной радости *) многіе будутъ перемѣнены чинами и прочими милостями, того ради и я

*) Какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующемъ письмѣ А. П. Волынскій обращается къ Долгорукимъ, имѣя въ виду предполагавшееся бракосочетаніе императора Петра II съ княжною Е. А. Долгорукою.

Павлу Ягужинскому, а я запявъ принужденъ построить въ 7,000 руб. слишкомъ и каменный домъ; а сверхъ того, нужда привела достраивать и тотъ домъ, гдѣ самъ живу, понеже разсудилось мнѣ дѣтей моихъ взять къ себѣ, съ которыми я пять лѣтъ розно жилъ.

По пріѣздѣ дѣтей моихъ, крайняя нужда принудила одѣвать ихъ, снабдѣвать стыда ради; между тѣмъ извѣстная церемонія воспослѣдовала: принужденъ еще и ихъ, и себя убирать, экипажъ собирать, ливрею дѣлать и прочее, на что не только все годовое мое жалованье употребилъ, но и долгу еще прибавилъ.

И такъ, цѣлый годъ, съ того живу у кого что займу, на то пищу себѣ и прочія нужды исправляю, ибо запасовъ ко мнѣ никакихъ изъ деревень моихъ не привозятъ, для того что и тамъ съ нуждою и прикупкою пробавляются.

И хоть уже три раза въ разныя времена обѣщаны мнѣ были деревни, но никогда по несчастію моему, до моихъ рукъ не дошли— иногда за всегдашними отлучками моими, а иногда за препятствіемъ моихъ злодѣевъ.

Еще былъ мнѣ случай такой: Когда я опредѣленъ былъ въ Астрахань губернаторомъ, тогда увидавъ персидскій визирь (котораго они Эхтма:девлетомъ называютъ), при которомъ я былъ, послалъ ко мнѣ человѣка своего, которому, ѣдучи черезъ Рящь, велѣлъ купить 40 тай (то есть, 20 вьюковъ) шелку мнѣ въ презентъ, и тотъ уже шелкъ весь былъ купленъ, и судно морское наше подъ него нанято было, а между тѣмъ сдѣлалась несчастливая перемѣна того у Эхтмадевлету, который свергнутъ, и ослѣпленъ, и всѣ пожитки его конфискованы, въ томъ числѣ и шелкъ тотъ удержанъ.

И тако, во весь мой вѣкъ ни единно благополучіе мнѣ не воспослѣдовало, кромѣ однихъ убытковъ; и что больше себѣ чести получилъ, тѣмъ болѣе долговъ присовокупилъ; чѣмъ больше прилагаю трудовъ, тѣмъ больше ненависти и злобы вмѣсто всякой помощи нажилъ.

VI.

Отъ А. П. Волынскаго къ князю А. Г. Долгорукому.

Милостивый государь отецъ, истинный мнѣ патронъ!

Я уповаю, что при совершеніи сея всенародной радости *) многіе будутъ перемѣнены чинами и прочими милостями, того ради и я

*) Какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующемъ письмѣ А. П. Волынскій обращается къ Долгорукимъ, имѣя въ виду предполагавшееся бракосочетаніе императора Петра II съ княжною Е. А. Долгорукою.

надѣюся на особливую ко мнѣ отеческую вашего сіятельства, милостиваго государя, милость; пріемлю смѣлость всенижайше просить: сотв рп, милостивый государь, надо мною милость, чтобъ и я между прочими для такой радости не лишенъ былъ по милости вашего сіятельства въ перемѣнѣ чина, а о деревняхъ не только просить, но я уже выложилъ то изъ головы моей вонъ, хотя мнѣ и два раза обѣщаны были.

VII.

Отъ А. П. Волынскаго къ князю И. А. Долгорукому.

Милостивый государь мой князь Иванъ Алексѣевичь!

Увѣдомился я, что по волп Всемогущаго Бога, Его Императорское Величество, всемилостивѣйшій государь нашъ, соизволилъ избрать себѣ въ супружество любезнѣйшую сестру вашего сіятельства, всемилостивѣйшую намъ государыню, княжну Екатерину Алексѣевну; и хотя, милостивый государь мой, сія и общая всѣмъ намъ отечества нашего вѣрнымъ радо ть, однакожь я особливо радуюся тому, что сіе благополучіе даровалъ Господь Богъ такимъ милостивымъ моимъ патронамъ, вашимъ сіятельствамъ, и милостивѣмъ благополучіемъ благословилъ домъ вашъ. Того ради, милостивый государь мой, воспріявъ смѣлость, и симъ благословеннымъ вамъ отъ Бога счастіемъ и тою радостію всепокорно ваше сіятельство, милостиваго государя моего, поздравляю, всеусердно желая, дабы Всемогущій сіе начатое Самимъ Имъ благословенное дѣло милостиво совершилъ и все по желанію вашему устроилъ.

При семъ я всепокорно прошу ваше сіятельство, милостиваго государя моего, содержать меня въ неотъемлемой вашего сіятельства милости и милостивой протекціи, почитая въ числѣ истинныхъ и вѣрныхъ, яко есмь. И тако пребуду всегда съ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ и истинною вѣрностію, милостивый государь мой, вашего сіятельства всепокорный и нижайшій слуга.

Изъ Казани. Декабря 1729 года.

VIII.

Отъ И. М. Волынскаго къ А. П. Волынскому.

Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ Его Величества выбрали царевну Анну Ивановну съ подписаніемъ пунктовъ, склон-

надѣюся на особливую ко мнѣ отеческую вашего сіятельства, милостиваго государя, милость; пріемлю смѣлость всенижайше просить: сотв рп, милостивый государь, надо мною милость, чтобъ и я между прочими для такой радости не лишенъ былъ по милости вашего сіятельства въ перемѣнѣ чина, а о деревняхъ не только просить, но я уже выложилъ то изъ головы моей вонъ, хотя мнѣ и два раза обѣщаны были.

VII.

Отъ А. П. Волынскаго къ князю И. А. Долгорукому.

Милостивый государь мой князь Иванъ Алексѣевичь!

Увѣдомился я, что по волп Всемогущаго Бога, Его Императорское Величество, всемилостивѣйшій государь нашъ, соизволилъ избрать себѣ въ супружество любезнѣйшую сестру вашего сіятельства, всемилостивѣйшую намъ государыню, княжну Екатерину Алексѣевну; и хотя, милостивый государь мой, сія и общая всѣмъ намъ отечества нашего вѣрнымъ радо ть, однакожь я особливо радуюся тому, что сіе благополучіе даровалъ Господь Богъ такимъ милостивымъ моимъ патронамъ, вашимъ сіятельствамъ, и милостивѣмъ благополучіемъ благословилъ домъ вашъ. Того ради, милостивый государь мой, воспріявъ смѣлость, и симъ благословеннымъ вамъ отъ Бога счастіемъ и тою радостію всепокорно ваше сіятельство, милостиваго государя моего, поздравляю, всеусердно желая, дабы Всемогущій сіе начатое Самимъ Имъ благословенное дѣло милостиво совершилъ и все по желанію вашему устроилъ.

При семъ я всепокорно прошу ваше сіятельство, милостиваго государя моего, содержать меня въ неотъемлемой вашего сіятельства милости и милостивой протекціи, почитая въ числѣ истинныхъ и вѣрныхъ, яко есмь. И тако пребуду всегда съ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ и истинною вѣрностію, милостивый государь мой, вашего сіятельства всепокорный и нижайшій слуга.

Изъ Казани. Декабря 1729 года.

VIII.

Отъ И. М. Волынскаго къ А. П. Волынскому.

Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ Его Величества выбрали царевну Анну Ивановну съ подписаніемъ пунктовъ, склон-

ныхъ къ вольности, и чтобъ быть въ правленіи государства верховному совѣту 8 персонамъ, а въ сенатѣ 11-ти; и въ ономъ спорило больше шляхетство, чтобы быть въ верховномъ совѣтѣ 21 персонѣ и выбирать оныхъ балотированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было 8 персонъ. И за то шляхетство подали челобитную Ея Величеству, чтобы быть въ 21 персонѣ, и оная челобитная Ея Величества собственною рукою тако: „тако по сему разсмотрѣть“, и потомъ имя ея; и оную челобитную изволила отдать князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому; и съ шляхетствомъ подавалъ челобитную князь Алексѣй Михайловичь. И потомъ съ опасностью шляхетство подали челобитную другую Ея Величеству, чтобы изволила принять суверенство. и тако учинилась въ суверенствѣ, и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все князь Алексѣй Михайловичь, и генералитетъ съ нимъ, и шляхетство. и что изъ того будетъ впредь, Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андреевичь Салтыковъ. — того ради извольте быть извѣстны: и живетъ онъ въ верху, и ночуетъ при Ея Величествѣ. Я разумѣю, что вамъ надобно просить его о перемѣнѣ чину; извольте ко мнѣ отписать, какъ вы намѣрены — въ сенатѣ быть или губернаторомъ; а верховнаго совѣту не будетъ, будетъ одинъ сенатъ, такъ, какъ при первомъ императорѣ было, понеже о томъ просили государствомъ Ея Величеству; не худо—Гаврилу Ивановичу и дѣтямъ его, а я Семену Андреевичу слегка о васъ упоминалъ. Извольте ко мнѣ отписать о своемъ намѣреніи, чтобъ я могъ знать, гдѣ случится, говорить объ васъ. А большіе въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ обрѣтаются, двѣ фамиліи, а съ ними Матюшкины, Измайловы, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матвѣй Воейковъ. И такого дива отъ начала не бывало.

(Изъ письма Нижегородскаго вице-губернатора Ивана Михайловича Волынскаго. двоюроднаго брата Артемію Петровичу, отъ 1-го марта 1730 г., изъ Москвы).

IX.

Записка съ поправками рукою Волынскаго

Слышно здѣсь, что дѣлается или уже сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, со-

ныхъ къ вольности, и чтобъ быть въ правленіи государства верховному совѣту 8 персонамъ, а въ сенатѣ 11-ти; и въ ономъ спорило больше шляхетство, чтобы быть въ верховномъ совѣтѣ 21 персонѣ и выбирать оныхъ балотированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было 8 персонъ. И за то шляхетство подали челобитную Ея Величеству, чтобы быть въ 21 персонѣ, и оная челобитная Ея Величества собственною рукою тако: „тако по сему разсмотрѣть", и потомъ имя ея; и оную челобитную изволила отдать князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому; и съ шляхетствомъ подавалъ челобитную князь Алексѣй Михайловичь. И потомъ съ опасностью шляхетство подали челобитную другую Ея Величеству, чтобы изволила принять суверенство. и тако учинилась въ суверенствѣ, и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все князь Алексѣй Михайловичь, и генералитетъ съ нимъ, и шляхетство. и что изъ того будетъ впредь, Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андреевичь Салтыковъ. — того ради извольте быть извѣстны: и живетъ онъ въ верху, и ночуетъ при Ея Величествѣ. Я разумѣю, что вамъ надобно просить его о перемѣнѣ чину; извольте ко мнѣ отписать, какъ вы намѣрены — въ сенатѣ быть или губернаторомъ; а верховнаго совѣту не будетъ, будетъ одинъ сенатъ, такъ, какъ при первомъ императорѣ было, понеже о томъ просили государствомъ Ея Величеству; не худо—Гаврилу Ивановичу и дѣтямъ его, а я Семену Андреевичу слегка о васъ упоминалъ. Извольте ко мнѣ отписать о своемъ намѣреніи, чтобъ я могъ знать, гдѣ прилучится, говорить объ васъ. А большіе въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ обрѣтаются, двѣ фамиліи, а съ ними Матюшкины, Измайловы, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матвѣй Воейковъ. И такого дива отъ начала не бывало.

(Изъ письма Нижегородскаго вице-губернатора Ивана Михайловича Волынскаго. двоюроднаго брата Артемію Петровичу, отъ 1-го марта 1730 г., изъ Москвы).

IX.

Записка съ поправками рукою Волынскаго

Слышно здѣсь, что дѣлается или уже сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, со-

всѣмъ пропадаемъ и принуждены будемъ горше прежняго вдолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожь впредь, конечно, у нихъ безъ разлоровъ не будетъ, и такъ, одинъ будетъ миловать, а другіе на того злобствуя, вредить и губить станутъ.

Второе: понеже народъ нашъ наполненъ трусостью и похлѣбствомъ, для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или и страха ради, — и такъ, хотя бъ и вольные всего общ ства голосы требованы въ правленіи дѣлъ были, однакожь бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно, а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ; къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить станутъ; а безспльный хотя бы и достойный былъ, всегда назади оставаться будетъ.

Третіе: не допусти Боже, если война на насъ будетъ; и въ то время потребно расположить будетъ общестромъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства; для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ, а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, а мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ.

Четвертое: если офицеры перед штатскимъ не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у всѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такого, какой былъ, чаю, не будетъ.

Еще жь слышно, что дѣлается воля къ службѣ; и правда, что въ неволю служить зѣло тяжело, но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ; и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ ле-

всѣмъ пропадаемъ и принуждены будемъ горше прежняго вдолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожь впредь, конечно, у нихъ безъ разлоровъ не будетъ, и такъ, одинъ будетъ миловать, а другіе на того злобствуя, вредить и губить станутъ.

Второе: понеже народъ нашъ наполненъ трусостью и похлѣбствомъ, для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или и страха ради, — и такъ, хотя бъ и вольные всего общ ства голосы требованы въ правленіи дѣлъ были, однакожь бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно, а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ; къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить станутъ; а безспльный хотя бы и достойный былъ, всегда назади оставаться будетъ.

Третіе: не допусти Боже, если война на насъ будетъ; и въ то время потребно расположить будетъ общестромъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства; для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ, а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, а мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ.

Четвертое: если офицеры перед штатскимъ не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у всѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такого, какой былъ, чаю, не будетъ.

Еще жь слышно, что дѣлается воля къ службѣ; и правда, что въ неволю служить зѣло тяжело, но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ; и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ ле-

жать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и своей чести надлежащія мѣста отдавать имъ; и такихъ на свою шею произведемъ и насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ; и весь воинскій порядокъ у себя конечно потеряемъ; притомъ же подъ властью такихъ командировъ Боже сохрани: такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можетъ команду содержать или отъ какихъ шалостей унять одному генералитету, если въ полкахъ не будетъ добрыхъ офицеровъ!

Еще же и то: ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкій будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскія пристани у себя въ домѣхъ держать будутъ; и для того хотя бъ и выпускать, однакожъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50, а по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ и молодыя и шаткія свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ.

X.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову

Возвратяся сюда изъ Москвы, П. К. (Иванъ Козловъ) въ великую печаль враньемъ своимъ привелъ меня, сказавъ порядокъ прошедшаго опредѣленія, которое такъ похвалилъ, что теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого никогда не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и что уже ни о чемъ больше не надобно Бога просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было, а если будетъ между ними согласіе такъ, какъ положено, то конечно, никто сего опровергнуть не можетъ. Есть де нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не дѣлаютъ: а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партіею князь Алексѣй Михайловичъ, однакоже де ничего не успѣваетъ, и не сдѣлается. И о государынѣ императрицѣ такъ положено, что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію. И для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня рос-

жать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и своей чести надлежащія мѣста отдавать имъ; и такихъ на свою шею произведемъ и насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ; и весь воинскій порядокъ у себя конечно потеряемъ; притомъ же подъ властью такихъ командировъ Боже сохрани: такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можетъ команду содержать или отъ какихъ шалостей унять одному генералитету, если въ полкахъ не будетъ добрыхъ офицеровъ!

Еще же и то: ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкій будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскія пристани у себя въ домѣхъ держать будутъ; и для того хотя бъ и выпускать, однакожъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50, а по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ и молодыя и шаткія свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ.

X.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову

Возвратяся сюда изъ Москвы, П. К. (Иванъ Козловъ) въ великую печаль враньемъ своимъ привелъ меня, сказавъ порядокъ прошедшаго опредѣленія, которое такъ похвалилъ, что теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого никогда не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и что уже ни о чемъ больше не надобно Бога просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было, а если будетъ между ними согласіе такъ, какъ положено, то конечно, никто сего опровергнуть не можетъ. Есть де нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не дѣлаютъ: а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партіею князь Алексѣй Михайловичъ, однакоже де ничего не успѣваетъ, и не сдѣлается. И о государынѣ императрицѣ такъ положено, что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію. И для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня рос-

сійская, полно де и того ей. Ей же де опредѣляютъ на годъ по 100,000, и что тѣмъ ей можно довольной быть, понеже де дядя ея императоръ и съ теткою ея довольствовался только 60,000 въ годъ; а сверхъ того, неповинна она брать себѣ ничего, развѣ съ позволенія верховнаго тайнаго совѣта; также де и деревень никакихъ, ни денегъ неповинна давать никому, — и не токмо того, и послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ вовсе себѣ взять, не только отдавать кому; а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками. А всего де лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ отнюдь свойственниковъ своихъ не держать, а и другихъ ко двору никого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволятъ верховный тайный совѣтъ; и теперь де Салтыковыхъ и духу нѣтъ: и лучшій де твой дядюшка Семенъ Андреевичъ ничто; и впредь никого не допустятъ, и нельзя статься чтобы имъ быть въ чемъ; и что она сдѣлана государынею, и то де только на первое время помазка по губамъ.

Потомъ когда присланъ курьеръ для возвращенія первыхъ присягъ, онъ, услышавъ, тотъ часъ ко мнѣ пріѣхалъ и съ великою печалію спрашивалъ: что за перемѣна. Я ему сказалъ, что я надѣюся, что государыня можетъ быть изволила вступить въ самодержавство, такъ какъ прежде у насъ было. Противъ того онъ мнѣ сказалъ: „Я де не вѣрю, чтобъ такъ сдѣлалось, понеже де ея партішка зѣло безсильна была, и я де больше думаю, что она вонъ выгнана, а буде же такъ, какъ прежде было, такъ де развѣ уже и фельдмаршалы тѣ ничто будутъ?“ А потомъ сказалъ: „Что для меня де, хоть такъ, хоть сякъ—все равно, только бы де уже одинъ конецъ былъ“.

И понеже извѣстно вашему превосходительству, что онъ очень неглупъ, и для того если бы совершенной надежды не имѣлъ, какъ бы ему такъ смѣло говорить, и говоритъ не пьяный. Боже сохрани какой перемѣны, чего весьма надобно опасаться и осторожно поступать; а я зѣло боюся и теперь не вовсе увѣряюся, чтобъ все было успокоено. Не допусти Боже, ежели какое несчастіе сдѣлается и отмѣна Ея Величеству, то мы совсѣмъ пропадемъ, и по истинѣ духъ нашъ не спасется.

(Изъ Казани, 16-го марта 1730 г.)

сійская, полно де и того ей. Ей же де опредѣляютъ на годъ по 100,000, и что тѣмъ ей можно довольной быть, понеже де дядя ея императоръ и съ теткою ея довольствовался только 60,000 въ годъ; а сверхъ того, неповинна она брать себѣ ничего, развѣ съ позволенія верховнаго тайнаго совѣта; также де и деревень никакихъ, ни денегъ неповинна давать никому, — и не токмо того, и послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ вовсе себѣ взять, не только отдавать кому; а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками. А всего де лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ отнюдь свойственниковъ своихъ не держать, а и другихъ ко двору никого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволятъ верховный тайный совѣтъ; и теперь де Салтыковыхъ и духу нѣтъ: и лучшій де твой дядюшка Семенъ Андреевичъ ничто; и впредь никого не допустятъ, и нельзя статься чтобы имъ быть въ чемъ; и что она сдѣлана государынею, и то де только на первое время помазка по губамъ.

Потомъ когда присланъ курьеръ для возвращенія первыхъ присягъ, онъ, услышавъ, тотъ часъ ко мнѣ пріѣхалъ и съ великою печалію спрашивалъ: что за перемѣна. Я ему сказалъ, что я надѣюся, что государыня можетъ быть изволила вступить въ самодержавство, такъ какъ прежде у насъ было. Противъ того онъ мнѣ сказалъ: „Я де не вѣрю, чтобъ такъ сдѣлалось, понеже де ея партішка зѣло безсильна была, и я де больше думаю, что она вонъ выгнана, а буде же такъ, какъ прежде было, такъ де развѣ уже и фельдмаршалы тѣ ничто будутъ?“ А потомъ сказалъ: „Что для меня де, хоть такъ, хоть сякъ—все равно, только бы де уже одинъ конецъ былъ“.

И понеже извѣстно вашему превосходительству, что онъ очень неглупъ, и для того если бы совершенной надежды не имѣлъ, какъ бы ему такъ смѣло говорить, и говоритъ не пьяный. Боже сохрани какой перемѣны, чего весьма надобно опасаться и осторожно поступать; а я зѣло боюся и теперь не вовсе увѣряюся, чтобъ все было успокоено. Не допусти Боже, ежели какое несчастіе сдѣлается и отмѣна Ея Величеству, то мы совсѣмъ пропадемъ, и по истинѣ духъ нашъ не спасется.

(Изъ Казани, 16-го марта 1730 г.)

XI.

Отъ графа С. А. Салтыкова къ А. П. Волынскому.

Государь Артемій Петровичъ! Письмо ваше, государя моего, писанное въ Казани марта 16-го дня, я получилъ, и при томъ письмѣ вѣдомость о бригадирѣ Иванѣ Козловѣ, какіе онъ по пріѣздѣ изъ Москвы въ Казань имѣлъ разговоры о порядкахъ Московскихъ. И нынѣ Ея Императорское Величество изволила указать къ тебѣ нарочнаго курьера послать, чтобъ прислать съ нимъ въ Москву, при письмѣ своемъ, доношеніе противъ присланной ко мнѣ вѣдомости объ оном Козловѣ,—какіе онъ имѣлъ по пріѣздѣ своемъ въ Казань разговоры о здѣшнемъ Московскомъ обхожденіи, и при томъ кто былъ, какъ онъ съ вами разговаривалъ, чтобъ произвесть въ дѣйство можно было. И онаго курьера извольте отправить въ Москву немедленно. А буде оный Козловъ, безотлучно будетъ въ Казани, то оному Козлову объявлять не извольте; а буде куды станетъ изъ Казани отъѣзжать, то извольте ему объявить Ея Императорскаго Величества указомъ, чтобъ онъ безъ указу изъ Казани никуды не ѣздилъ.

(Изъ Москвы, отъ 8-го апрѣля 1730 г.)

XII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ!

Вашего сіятельства, милостиваго государя, письмо изъ Москвы отъ 8-го апрѣля и при томъ приложенную копію получилъ. Что же, милостивый государь, изволите писать, чтобъ мнѣ противъ приложенной копіи прислать доношеніе, дабы по тому въ дѣйство можно было произвести, на оное я симъ моимъ, всенижайше отвѣтствуя, доношу.

Служить Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, такъ, какъ бы самому Богу, я и по должности, и по совѣсти долженъ; при томъ же и предостерегать конечно повинность моя не только что къ высокой Ея Императорскаго Величества пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ вашего сіятельства надлежитъ, служить мнѣ какъ свойственнику и милостивому моему благодѣтелю за толикія ваши ко мнѣ отеческія мило-

XI.

Отъ графа С. А. Салтыкова къ А. П. Волынскому.

Государь Артемій Петровичъ! Письмо ваше, государя моего, писанное въ Казани марта 16-го дня, я получилъ, и при томъ письмѣ вѣдомость о бригадирѣ Иванѣ Козловѣ, какіе онъ по пріѣздѣ изъ Москвы въ Казань имѣлъ разговоры о порядкахъ Московскихъ. И нынѣ Ея Императорское Величество изволила указать къ тебѣ нарочнаго курьера послать, чтобъ прислать съ нимъ въ Москву, при письмѣ своемъ, доношеніе противъ присланной ко мнѣ вѣдомости объ оном Козловѣ,—какіе онъ имѣлъ по пріѣздѣ своемъ въ Казань разговоры о здѣшнемъ Московскомъ обхожденіи, и при томъ кто былъ, какъ онъ съ вами разговаривалъ, чтобъ произвесть въ дѣйство можно было. И онаго курьера извольте отправить въ Москву немедленно. А буде оный Козловъ, безотлучно будетъ въ Казани, то оному Козлову объявлять не извольте; а буде куды станетъ изъ Казани отъѣзжать, то извольте ему объявить Ея Императорскаго Величества указомъ, чтобъ онъ безъ указу изъ Казани никуды не ѣздилъ.

(Изъ Москвы, отъ 8-го апрѣля 1730 г.)

XII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ!

Вашего сіятельства, милостиваго государя, письмо изъ Москвы отъ 8-го апрѣля и при томъ приложенную копію получилъ. Что же, милостивый государь, изволите писать, чтобъ мнѣ противъ приложенной копіи прислать доношеніе, дабы по тому въ дѣйство можно было произвести, на оное я симъ моимъ, всенижайше отвѣтствуя, доношу.

Служить Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, такъ, какъ бы самому Богу, я и по должности, и по совѣсти долженъ; при томъ же и предостерегать конечно повинность моя не только что къ высокой Ея Императорскаго Величества пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ вашего сіятельства надлежитъ, служить мнѣ какъ свойственнику и милостивому моему благодѣтелю за толикія ваши ко мнѣ отеческія мило-

сти. А чтобы, милостивый государь, мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не токмо мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать, и понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доводчикахъ и въ доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза мои показать? Извѣстно вашему сіятельству, милостивому государю, что я съ ребятскихъ лѣтъ моихъ при васъ жилъ и до сего времени большую половину вѣка моего прожилъ такъ честно, какъ всякому доброму человѣку надлежало, и тѣмъ нажилъ нынѣшнюю честь мою, и для того лучше съ нею хочу умереть. Хотя и лучше не буду того, каковъ теперь есть, нежели послѣдній мой вѣкъ доживать мнѣ въ пакостномъ и поносномъ званіи въ доводчикахъ. Не спорю въ томъ, что противно, но понеже я пишу къ вашему сіятельству такъ властно, какъ бы къ родителю моему, столько смѣло и надежно, что я не имѣю ни въ чемъ ни опасности ни зазрѣнія никакого. Противу же того и вашему сіятельству, милостивому государю, надобно и ко мнѣ поступать, какъ къ сыну своему и по крайней мѣрѣ какъ къ родному племяннику, какъ я и надѣялся. Однакожъ не прогнѣвайся,милостивый государь отецъ,— мнѣ мнится, въ такихъ дѣлахъ не только для меня, свойственника вашего, но и для прочихъ доброжелательныхъ Ея Императорскому Величеству всеконечно не надобно такъ остро поступать, понеже тѣмъ изволите впредь всякому къ предосторожности путь загородить; изволите сами разсудить, кто отважится честной человѣкъ въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумный или уже ни къ чему непотребный, понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ людѣхъ, и не только кому, но и самому себѣ потомъ мерзокъ будетъ.

Впрочемъ все сіе предаю въ ваше, милостиваго государя, здравое и милостивое разсужденіе и притомъ уповаю на ваше великодушіе. Всенижайше прошу впредь содержать меня въ своей истинной отеческой милости, какъ вѣрнаго вашего раба и племянника, въ чемъ я всегда имѣю крѣпкую мою надежду; и тако пребуду съ дальнѣйшимъ почтеніемъ и вѣрностію.

(Изъ Казани, отъ 25-го апрѣля 1730 г.)

сти. А чтобы, милостивый государь, мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не токмо мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать, и понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доводчикахъ и въ доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза мои показать? Извѣстно вашему сіятельству, милостивому государю, что я съ ребятскихъ лѣтъ моихъ при васъ жилъ и до сего времени большую половину вѣка моего прожилъ такъ честно, какъ всякому доброму человѣку надлежало, и тѣмъ нажилъ нынѣшнюю честь мою, и для того лучше съ нею хочу умереть. Хотя и лучше не буду того, каковъ теперь есть, нежели послѣдній мой вѣкъ доживать мнѣ въ пакостномъ и поносномъ званіи въ доводчикахъ. Не спорю въ томъ, что противно, но понеже я пишу къ вашему сіятельству такъ властно, какъ бы къ родителю моему, столько смѣло и надежно, что я не имѣю ни въ чемъ ни опасности ни зазрѣнія никакого. Противу же того и вашему сіятельству, милостивому государю, надобно и ко мнѣ поступать, какъ къ сыну своему и по крайней мѣрѣ какъ къ родному племяннику, какъ я и надѣялся. Однакожъ не прогнѣвайся,милостивый государь отецъ,— мнѣ мнится, въ такихъ дѣлахъ не только для меня, свойственника вашего, но и для прочихъ доброжелательныхъ Ея Императорскому Величеству всеконечно не надобно такъ остро поступать, понеже тѣмъ изволите впредь всякому къ предосторожности путь загородить; изволите сами разсудить, кто отважится честной человѣкъ въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумный или уже ни къ чему непотребный, понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ людѣхъ, и не только кому, но и самому себѣ потомъ мерзокъ будетъ.

Впрочемъ все сіе предаю въ ваше, милостиваго государя, здравое и милостивое разсужденіе и притомъ уповаю на ваше великодушіе. Всенижайше прошу впредь содержать меня въ своей истинной отеческой милости, какъ вѣрнаго вашего раба и племянника, въ чемъ я всегда имѣю крѣпкую мою надежду; и тако пребуду съ дальнѣйшимъ почтеніемъ и вѣрностію.

(Изъ Казани, отъ 25-го апрѣля 1730 г.)

XIII.

Отъ графа С. А. Салтыкова къ А. П. Волынскому.

Государь мой Артемій Петровичъ!

Письмо ваше, которое писано въ Казани апрѣля 25-го дня, я получилъ. Что же изволите писать въ томъ своемъ письмѣ, что я по прежнему вашему письму, и при томъ письмѣ вѣдомость была, кому о томъ вѣдать надлежало, я сообщилъ; а не сообщить было мнѣ никакъ нельзя, понеже уповая я на то, что вы, государь мой, изволили писать ко мнѣ, думалъ, что очень благонадежно, и слѣдъ, какой покажется отъ васъ; а какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя, на что бы такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ничего не сдѣлалъ, и будто о томъ приносилъ я напрасно; а то все пришло чрезъ письма отъ васъ ко мнѣ,—понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то стало быть мнѣ не хорошо, что будто неправо я сказывалъ, и потому видно, что лучше бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ; а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради я совѣтую: лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами, чтобъ можно было произвесть въ дѣйство, понеже какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили, надобно къ окончанію привесть.

Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждаете: худобы къ вамъ никакой не причтется развѣ причтетъ тотъ, который доброй совѣсти не имѣетъ.

Семенъ Салтыковъ.

Отъ 20-го мая 1730 года изъ Москвы.

XIV.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ! Вашего превосходительства письмо, писанное въ Москвѣ 20-го мая, я чрезъ человѣка моего получилъ, въ которомъ изволите совѣтовать, чтобъ я о извѣстномъ дѣлѣ прислалъ доношеніе, и притомъ нарекать на меня и причитать себѣ за противно то, что вы изволили высокой персонѣ со-

XIII.

Отъ графа С. А. Салтыкова къ А. П. Волынскому.

Государь мой Артемій Петровичъ!

Письмо ваше, которое писано въ Казани апрѣля 25-го дня, я получилъ. Что же изволите писать въ томъ своемъ письмѣ, что я по прежнему вашему письму, и при томъ письмѣ вѣдомость была, кому о томъ вѣдать надлежало, я сообщилъ; а не сообщить было мнѣ никакъ нельзя, понеже уповая я на то, что вы, государь мой, изволили писать ко мнѣ, думалъ, что очень благонадежно, и слѣдъ, какой покажется отъ васъ; а какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя, на что бы такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ничего не сдѣлалъ, и будто о томъ приносилъ я напрасно; а то все пришло чрезъ письма отъ васъ ко мнѣ,—понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то стало быть мнѣ не хорошо, что будто неправо я сказывалъ, и потому видно, что лучше бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ; а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради я совѣтую: лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами, чтобъ можно было произвесть въ дѣйство, понеже какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили, надобно къ окончанію привесть.

Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждаете: худобы къ вамъ никакой не причтется развѣ причтетъ тотъ, который доброй совѣсти не имѣетъ.

Семенъ Салтыковъ.

Отъ 20-го мая 1730 года изъ Москвы.

XIV.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ! Вашего превосходительства письмо, писанное въ Москвѣ 20-го мая, я чрезъ человѣка моего получилъ, въ которомъ изволите совѣтовать, чтобъ я о извѣстномъ дѣлѣ прислалъ доношеніе, и притомъ нарекать на меня и причитать себѣ за противно то, что вы изволили высокой персонѣ со-

общить въ той надеждѣ, что на то будетъ прислано доказательство, на которое симъ отвѣтствую и доношу.

Хотя меня и изволите осуждать, что я къ вашему превосходительству писалъ, однако я не сумнѣваюся о томъ, понеже по должности моей надобно мнѣ было такъ сдѣлать. А на ваше превосходительство я не нарекаю, если токмо одной токмо той персонѣ изволили сообщити, кому надлежало. А что изволите себѣ причитать въ худобу, что тѣмъ изволили вызваться, и то, мнѣ кажется, изволите мыслити напрасно, понеже я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того не только нынѣ, и впредь отъ того, что̀ писалъ, не отопруся никогда, но все то такъ, какъ было, не отрекаюся подробно самъ донесть, да только приватно, а не публично. А чтобъ мнѣ доношенія подавать и въ доказательствахъ на очныхъ ставкахъ быть, не только самъ добровольно не хочу, ни другу моему не совѣтовалъ бы, понеже, по моему слабому мнѣнію мнѣ такъ разсудилось, что то всякому дворянину противу его чести будетъ, а что престерегать и охранять, то конечно всякому доброму человѣку надобно, и я по совѣсти моей и впредь не зарекаюся тоже сдѣлать, если противное увижу или услышу. Повѣрь мнѣ: ежели бы я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ по благости Господней видимъ, по истинѣ, я бы, не смотря на то, хотя бъ кто лучше меня былъ, конечно и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ, и то бы мнѣ прилично̀е было; да не зналъ, что такое благополучіе намъ будетъ. И правду донесть — имѣлъ къ тому не малый и резонъ, но понеже тогда еще дѣло на балансѣ было, и для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть; понеже прежде, нежели покажетъ время, трудно угадать совершенно, что̀ впредь будетъ, и для того всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ и своей чести не повредить. Буде же сей мой поступокъ извѣстная персона изволитъ принять за противный, я всепокорно прошу милостиво меня экскузовать и отечески разсудить, въ чемъ я на ваше превосходительство, какъ на родителя моего, благонадеженъ.

XV.

Отъ Б. Останкова къ А. П. Волынскому.

Премилостивый государь Артемій Петровичъ!

Вашему превосходительству, милостивому государю, всепокорнѣйше доношу. Прошедшаго мая 28-го дня къ княгинѣ Львовой,

общить въ той надеждѣ, что на то будетъ прислано доказательство, на которое симъ отвѣтствую и доношу.

Хотя меня и изволите осуждать, что я къ вашему превосходительству писалъ, однако я не сумнѣваюся о томъ, понеже по должности моей надобно мнѣ было такъ сдѣлать. А на ваше превосходительство я не нарекаю, если токмо одной токмо той персонѣ изволили сообщити, кому надлежало. А что изволите себѣ причитать въ худобу, что тѣмъ изволили вызваться, и то, мнѣ кажется, изволите мыслити напрасно, понеже я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того не только нынѣ, и впредь отъ того, что̀ писалъ, не отопруся никогда, но все то такъ, какъ было, не отрекаюся подробно самъ донесть, да только приватно, а не публично. А чтобъ мнѣ доношенія подавать и въ доказательствахъ на очныхъ ставкахъ быть, не только самъ добровольно не хочу, ни другу моему не совѣтовалъ бы, понеже, по моему слабому мнѣнію мнѣ такъ разсудилось, что то всякому дворянину противу его чести будетъ, а что престерегать и охранять, то конечно всякому доброму человѣку надобно, и я по совѣсти моей и впредь не зарекаюся тоже сдѣлать, если противное увижу или услышу. Повѣрь мнѣ: ежели бы я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ по благости Господней видимъ, по истинѣ, я бы, не смотря на то, хотя бъ кто лучше меня былъ, конечно и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ, и то бы мнѣ прилично̀ было; да не зналъ, что такое благополучіе намъ будетъ. И правду донесть — имѣлъ къ тому не малый и резонъ, но понеже тогда еще дѣло на балансѣ было, и для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть; понеже прежде, нежели покажетъ время, трудно угадать совершенно, что̀ впредь будетъ, и для того всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ и своей чести не повредить. Буде же сей мой поступокъ извѣстная персона изволитъ принять за противный, я всепокорно прошу милостиво меня экскузовать и отечески разсудить, въ чемъ я на ваше превосходительство, какъ на родителя моего, благонадеженъ.

XV.

Отъ Б. Останкова къ А. П. Волынскому.

Премилостивый государь Артемій Петровичъ!

Вашему превосходительству, милостивому государю, всепокорнѣйше доношу. Прошедшаго мая 28-го дня къ княгинѣ Львовой,

государь, съ служителемъ вашимъ Курочкинымъ я ходилъ и просилъ о дворовомъ ея мѣстѣ, дабы вашему превосходительству продала, а ежели за деньги уступить не изволитъ, чтобъ изволила взять у насъ вмѣсто своего мѣста, которое мы пріискали мѣсто купить, и больше мѣрою ея мѣста; и безъ воли вашего превосходительства для пользы вашей, государь, хоромное строеніе, которое есть, обѣщались снесть на купленное мѣсто работными людьми и убытки вашими. И на оное, государь, сказала —не согласна; нарекаетъ себѣ обиду въ томъ, что скуплены вами къ дому вашему другіе пустыри, которые около мѣста ея, а на Курочкина въ томъ гнѣвается, для чего онъ до строенія ея не далъ 500 руб., а потомъ сказала, что де и лучше васъ о томъ княгиня Марья Юрьевна мнѣ говорила, только де не знаю что̀ дѣлать; однакожь—чтобъ пріисканное мѣсто купить и новые хоромы, кромѣ ея, построить вашимъ коштомъ и улицу намостить камнемъ, а о цѣнѣ де своего двора подумаю. А я истинно, государь, такого несговорнаго человѣка не видывалъ; и говоритъ то, чего не надлежитъ къ тому. А сего іюня 2-го дня изволилъ посылать Семенъ Андреевичъ къ ней своего адъютанта, а что̀ оному сказала, о томъ написано въ доношеніи къ вашему превосходительству отъ служителя вашего Андрея Курочкина. На сихъ дняхъ поѣду въ Юрьевскую вашего превосходительства вотчину для необходимыхъ, государь, вашего превосходительства нуждъ. Просилъ у меня денегъ служитель вашъ Андрей Курочкинъ, а у меня денегъ имѣется за аммуничныя вещи: изъ тѣхъ повелите ли, государь, выдать. Прочее остаюсь вашего превосходительства, премилостиваго государя, всенокорнѣйшій рабъ Борисъ Останковъ.

4-го іюня 1730 года. Изъ Москвы.

За подлинно, государь, я слышалъ: Князь Иванъ Долгоруковъ убилъ до смерти отца своего князя Алексѣя Григорьевича.

Въ сенатѣ, государь, по доношенію Казанскаго архіерея дѣло слушано, и говорено, чтобъ по тому дѣлу послать для слѣдствія, и того ради призванъ былъ Иванъ Ивановъ сынъ Бахметьевъ, и отговорился онъ отъ той посылки ссорою, что̀ имѣлось въ Саратовѣ, и затѣмъ, государь, еще къ тому дѣлу никто не опредѣленъ.

Кравчій Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, скончался и погребенъ въ Вознесенскомъ монастырѣ сего октября 10-го числа.

государь, съ служителемъ вашимъ Курочкинымъ я ходилъ и просилъ о дворовомъ ея мѣстѣ, дабы вашему превосходительству продала, а ежели за деньги уступить не изволитъ, чтобъ изволила взять у насъ вмѣсто своего мѣста, которое мы пріискали мѣсто купить, и больше мѣрою ея мѣста; и безъ воли вашего превосходительства для пользы вашей, государь, хоромное строеніе, которое есть, обѣщались снесть на купленное мѣсто работными людьми и убытки вашими. И на оное, государь, сказала —не согласна; нарекаетъ себѣ обиду въ томъ, что скуплены вами къ дому вашему другіе пустыри, которые около мѣста ея, а на Курочкина въ томъ гнѣвается, для чего онъ до строенія ея не далъ 500 руб., а потомъ сказала, что де и лучше васъ о томъ княгиня Марья Юрьевна мнѣ говорила, только де не знаю что̀ дѣлать; однакожь—чтобъ пріисканное мѣсто купить и новые хоромы, кромѣ ея, построить вашимъ коштомъ и улицу намостить камнемъ, а о цѣнѣ де своего двора подумаю. А я истинно, государь, такого несговорнаго человѣка не видывалъ; и говоритъ то, чего не надлежитъ къ тому. А сего іюня 2-го дня изволилъ посылать Семенъ Андреевичъ къ ней своего адъютанта, а что̀ оному сказала, о томъ написано въ доношеніи къ вашему превосходительству отъ служителя вашего Андрея Курочкина. На сихъ дняхъ поѣду въ Юрьевскую вашего превосходительства вотчину для необходимыхъ, государь, вашего превосходительства нуждъ. Просилъ у меня денегъ служитель вашъ Андрей Курочкинъ, а у меня денегъ имѣется за аммуничныя вещи: изъ тѣхъ повелите ли, государь, выдать. Прочее остаюсь вашего превосходительства, премилостиваго государя, всенокорнѣйшій рабъ Борисъ Останковъ.

4-го іюня 1730 года. Изъ Москвы.

За подлинно, государь, я слышалъ: Князь Иванъ Долгоруковъ убилъ до смерти отца своего князя Алексѣя Григорьевича.

Въ сенатѣ, государь, по доношенію Казанскаго архіерея дѣло слушано, и говорено, чтобъ по тому дѣлу послать для слѣдствія, и того ради призванъ былъ Иванъ Ивановъ сынъ Бахметьевъ, и отговорился онъ отъ той посылки ссорою, что̀ имѣлось въ Саратовѣ, и затѣмъ, государь, еще къ тому дѣлу никто не опредѣленъ.

Кравчій Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, скончался и погребенъ въ Вознесенскомъ монастырѣ сего октября 10-го числа.

XVI.

Отъ И. М. Волынскаго къ А. П. Волынскому.

Милостивый государь мой отецъ и братъ Артемій Петровичь!

Просилъ меня села Порѣцкаго Артемія Андреева сынъ Кожинъ, что имѣется у него дѣло съ духовными вашей команды въ Казани; того ради васъ, государя моего, прошу по оному показать милость въ правдахъ его; а по его словамъ кажется, будто онъ и правъ, только пахнетъ — *какъ бы около холстиннова духа впяти или вшести мѣстахъ кругленкихъ бѣлыхъ* (?). А и у меня дѣла его имѣются нѣкоторыя въ Нижнемъ, только еще запасъ имѣется, да не очень великъ, и смѣлости еще я такой не взялъ и къ такому не привыкъ — по прежнему вашему ко мнѣ письму, чтобы впредь себя надобно одобрить. А ежели поживу далѣ безпечно, и полюбится мнѣ здѣсь жить, хоша и неволею посланъ, то стану привыкать къ бѣлымъ и краснымъ, только нескоро.

Еще же васъ прошу о Петрѣ Гавриловѣ сынѣ Соловцовѣ, который былъ въ Симбирскѣ въ надворномъ судѣ, чтобы ему заплату учинить моей обиды; какъ было у меня дѣло съ Племянниковымъ въ Симбирскѣ, онъ меня въ ономъ зѣло обидѣлъ; а его у васъ имѣются дѣла въ Казани; пожалуй не презри моей просьбы. Прекратя сіе, покорный вашъ братъ Иванъ Волынской.

Іюня 11-го 1730 г.

XVII.

Отъ А. Волынской къ А. Л. Волынской. *)

Государыня моя невѣстушка Александра Львовна съ государемъ моимъ Артеміемъ Петровичемъ и съ любезными вашими дѣтками! Здравствуй на множество лѣтъ.

О себѣ вамъ, государыня моя, доношу, что я при милости Ивана Михайловича и съ дѣтьми, слава Вышнему, въ добромъ здоровьѣ, и прошу не оставить меня о здравіи вашемъ писаніями своими, чего всеусердно желаю.

Благодарствую я показанную милость Артемія Петровича, также и вашу и зятю моему Ивану Микифоровичу Маркову, и впреди

*) Анна Волынская—жена Ивана Михайловича; Александра Львовна—жена Артемія Петровича, урожденная Нарышкина.

XVI.

Отъ И. М. Волынскаго къ А. П. Волынскому.

Милостивый государь мой отецъ и братъ Артемій Петровичь!

Просилъ меня села Порѣцкаго Артемія Андреева сынъ Кожинъ, что имѣется у него дѣло съ духовными вашей команды въ Казани; того ради васъ, государя моего, прошу по оному показать милость въ правдахъ его; а по его словамъ кажется, будто онъ и правъ, только пахнетъ — *какъ бы около холстиннова духа впяти или вшести мѣстахъ кругленкихъ бѣлыхъ* (?). А и у меня дѣла его имѣются нѣкоторыя въ Нижнемъ, только еще запасъ имѣется, да не очень великъ, и смѣлости еще я такой не взялъ и къ такому не привыкъ — по прежнему вашему ко мнѣ письму, чтобы впредь себя надобно одобрить. А ежели поживу далѣ безпечно, и полюбится мнѣ здѣсь жить, хоша и неволею посланъ, то стану привыкать къ бѣлымъ и краснымъ, только нескоро.

Еще же васъ прошу о Петрѣ Гавриловѣ сынѣ Соловцовѣ, который былъ въ Симбирскѣ въ надворномъ судѣ, чтобы ему заплату учинить моей обиды; какъ было у меня дѣло съ Племянниковымъ въ Симбирскѣ, онъ меня въ ономъ зѣло обидѣлъ; а его у васъ имѣются дѣла въ Казани; пожалуй не презри моей просьбы. Прекратя сіе, покорный вашъ братъ Иванъ Волынской.

Іюня 11-го 1730 г.

XVII.

Отъ А. Волынской къ А. Л. Волынской. *)

Государыня моя невѣстушка Александра Львовна съ государемъ моимъ Артеміемъ Петровичемъ и съ любезными вашими дѣтками! Здравствуй на множество лѣтъ.

О себѣ вамъ, государыня моя, доношу, что я при милости Ивана Михайловича и съ дѣтьми, слава Вышнему, въ добромъ здоровьѣ, и прошу не оставить меня о здравіи вашемъ писаніями своими, чего всеусердно желаю.

Благодарствую я показанную милость Артемія Петровича, также и вашу и зятю моему Ивану Микифоровичу Маркову, и впреди

*) Анна Волынская—жена Ивана Михайловича; Александра Львовна—жена Артемія Петровича, урожденная Нарышкина.

прошу, дабы оставленъ не былъ въ вашихъ милостяхъ, за что̀ сама вамъ повинна отслужить. Также прошу о подручникѣ Артеміѣ Андреевѣ сынѣ Кожинѣ—о показаніи къ нему милости въ дѣлахъ его, которыя имѣются въ губерніи правленія Артемія Петровича; и я думаю какъ вы уже немало времени во оныхъ дѣлахъ милости кажете и такимъ убогимъ людемъ, какъ оный Кожинъ, небогатый человѣкъ; чаю, онъ имѣетъ у себя сахару краснаго немало и бѣлаго песку, чѣмъ бумагу засыпать и чѣмъ можетъ васъ презентовать за вашу показанную милость. Вамъ, государыня, вѣрная въ услугахъ вашихъ невѣстка ваша Анна Волынская.

Макарьевъ, 11-го іюня 1730.

XVIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь мой и отецъ Семенъ Андреевичь!

Наслалъ на меня Богъ проклятыя дѣла, которыя ни искалъ, ни желалъ, и какимъ образомъ то мнѣ пришло — не знаю, понеже въ нынѣшнемъ году апрѣля 3-го дня при указѣ Ея Императорскаго Величества изъ святѣйшаго синода, прислано въ Казанскую губернскую канцелярію для изслѣдованія драное дѣло, да двѣ выписки, которыхъ въ ономъ указѣ написано, первое о дѣлѣ, что доносилъ на Казанскаго митрополита Сильвестра Казанскаго жь Спасскаго монастыря архимандритъ Іона (что̀ нынѣ растрига Іосифъ), что оный митрополитъ псковыхъ челобитенъ, которыя написаны на имя Императорскаго Величества, у многихъ людей не принималъ и дралъ и бросалъ, и не только дралъ челобитныя, но и дѣла, произведенныя въ дѣйство за помѣтами въ шнуровыхъ за печатью тетрадяхъ дралъ же, изъ которыхъ по тому его, Салникѣева, доношенію для слѣдствія прислано было драное дѣло унтеръ-офицера Максима Саморокова, Казанскаго архіерея на крестьянъ въ безчестьѣ, тако жь велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ архимандритомъ, что̀ нынѣ растрига, а при томъ слѣдствіи обще со мною велѣно быть изъ Нижегородской епархіи архимандриту да протопопу, а потомъ присланъ вторичный указъ, чтобъ о томъ драномъ дѣлѣ не слѣдовать и оное отослать по прежнему въ святѣйшій синодъ (которое по тому указу и послано), а слѣдовать бы только о помянутыхъ церковныхъ и монастырскихъ вещахъ о похищенныхъ въ той сплѣ,

прошу, дабы оставленъ не былъ въ вашихъ милостяхъ, за что̀ сама вамъ повинна отслужить. Также прошу о подручникѣ Артеміѣ Андреевѣ сынѣ Кожинѣ—о показаніи къ нему милости въ дѣлахъ его, которыя имѣются въ губерніи правленія Артемія Петровича; и я думаю какъ вы уже немало времени во оныхъ дѣлахъ милости кажете и такимъ убогимъ людемъ, какъ оный Кожинъ, небогатый человѣкъ; чаю, онъ имѣетъ у себя сахару краснаго немало и бѣлаго песку, чѣмъ бумагу засыпать и чѣмъ можетъ васъ презентовать за вашу показанную милость. Вамъ, государыня, вѣрная въ услугахъ вашихъ невѣстка ваша Анна Волынская.

Макарьевъ, 11-го іюня 1730.

XVIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь мой и отецъ Семенъ Андреевичь!

Наслалъ на меня Богъ проклятыя дѣла, которыя ни искалъ, ни желалъ, и какимъ образомъ то мнѣ пришло — не знаю, понеже въ нынѣшнемъ году апрѣля 3-го дня при указѣ Ея Императорскаго Величества изъ святѣйшаго синода, прислано въ Казанскую губернскую канцелярію для изслѣдованія драное дѣло, да двѣ выписки, которыхъ въ ономъ указѣ написано, первое о дѣлѣ, что доносилъ на Казанскаго митрополита Сильвестра Казанскаго жь Спасскаго монастыря архимандритъ Іона (что̀ нынѣ растрига Іосифъ), что оный митрополитъ псковыхъ челобитенъ, которыя написаны на имя Императорскаго Величества, у многихъ людей не принималъ и дралъ и бросалъ, и не только дралъ челобитныя, но и дѣла, произведенныя въ дѣйство за помѣтами въ шнуровыхъ за печатью тетрадяхъ дралъ же, изъ которыхъ по тому его, Салникѣева, доношенію для слѣдствія прислано было драное дѣло унтеръ-офицера Максима Саморокова, Казанскаго архіерея на крестьянъ въ безчестьѣ, тако жь велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ архимандритомъ, что̀ нынѣ растрига, а при томъ слѣдствіи обще со мною велѣно быть изъ Нижегородской епархіи архимандриту да протопопу, а потомъ присланъ вторичный указъ, чтобъ о томъ драномъ дѣлѣ не слѣдовать и оное отослать по прежнему въ святѣйшій синодъ (которое по тому указу и послано), а слѣдовать бы только о помянутыхъ церковныхъ и монастырскихъ вещахъ о похищенныхъ въ той сплѣ,

что оныя дѣла слѣдованы въ прошлыхъ годѣхъ въ архіерейскомъ приказѣ неправильно (что и самая правда по нашему слѣдствію является, и можетъ сыскаться, что онъ архіерей во многомъ виноватъ будетъ). Того ради онъ показалъ на меня подозрѣніе, дабы тѣмъ покрыть свои блудни, подалъ на меня сплетенное по ябеднически доношеніе, по которому прислань ко мнѣ третій указъ, и въ немъ именно оное затѣйное его доношеніе прописано, будто я великій обидчикъ и разоритель, и хотя онъ уже человѣкъ престарѣлый такой, что уже было надлежало ему только Бога и душу памятовать, какъ ему явиться суду Божію, однакожь онъ, забывъ все то, тѣмъ меня поклепалъ, чего въ мысли моей не бывало, не только бъ я то дѣлалъ, и столько вредилъ мою честь, что не токмо архіерею и такому старику, истинно, милостивый мой отецъ, и изъ свѣтскихъ никто бъ такъ не похотѣлъ душевредничать, развѣ бы кто уже былъ безпутный и безсовѣстный ябедникъ; противъ чего принужденъ я въ мое оправданіе послать доношеніе въ синодъ, а другое въ сенатъ (въ одной силѣ оба) и прошу о томъ, чтобъ велѣли про меня розыскать, и всѣхъ его архіерейскихъ подвластныхъ здѣсь допросить и черпецовъ, и бѣльцовъ; буде же того не довольно, что повелѣно было всѣхъ здѣшнихъ жителей не только Казанцевъ, я радъ тому, чтобъ, по уѣздамъ ѣздя, про меня спрашивали, и если какая моя вина по прихотямъ моимъ или по какой моей страсти сыщется, я не буду просить отъ Ея Императорскаго Величества никакого милосердія, а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды оборонень былъ. Для того я ваше превосходительство, милостиваго государя и отца, всепокорно прошу показать ко мнѣ отеческую милость пожаловать поговорить архіереямъ, которые въ синодѣ засѣдаютъ, также и господамъ сенаторамъ, чтобъ приказали про меня безо всякаго ко мнѣ послабленія изслѣдовать какія я кому дѣлалъ обиды, а изъ того видно будетъ кто изъ насъ виноватъ или правъ будетъ; паче же прошу, ежели донесется сія на меня наглая напраслина Ея Императорскому Величеству, чтобъ прежде, нежели сыскано будетъ, не изволила вѣрить безсовѣстному его архіерейскому доношенію и не изволила бъ содержать меня за такого человѣка, какъ онъ лжетъ. Я столько смѣло доношу, что я готовъ подписаться на смерть, если онъ на меня что докажетъ дѣльно; что же я такъ дерзновенно пишу, милостиво изволите разсудить по совѣсти, сколь чувствительна человѣку обида, а паче та, которая чести касается.

что оныя дѣла слѣдованы въ прошлыхъ годѣхъ въ архіерейскомъ приказѣ неправильно (что и самая правда по нашему слѣдствію является, и можетъ сыскаться, что онъ архіерей во многомъ виноватъ будетъ). Того ради онъ показалъ на меня подозрѣніе, дабы тѣмъ покрыть свои блудни, подалъ на меня сплетенное по ябеднически доношеніе, по которому прислань ко мнѣ третій указъ, и въ немъ именно оное затѣйное его доношеніе прописано, будто я великій обидчикъ и разоритель, и хотя онъ уже человѣкъ престарѣлый такой, что уже было надлежало ему только Бога и душу памятовать, какъ ему явиться суду Божію, однакожь онъ, забывъ все то, тѣмъ меня поклепалъ, чего въ мысли моей не бывало, не только бъ я то дѣлалъ, и столько вредилъ мою честь, что не токмо архіерею и такому старику, истинно, милостивый мой отецъ, и изъ свѣтскихъ никто бъ такъ не похотѣлъ душевредничать, развѣ бы кто уже былъ безпутный и безсовѣстный ябедникъ; противъ чего принужденъ я въ мое оправданіе послать доношеніе въ синодъ, а другое въ сенатъ (въ одной силѣ оба) и прошу о томъ, чтобъ велѣли про меня розыскать, и всѣхъ его архіерейскихъ подвластныхъ здѣсь допросить и черницовъ, и бѣльцовъ; буде же того не довольно, что повелѣно было всѣхъ здѣшнихъ жителей не только Казанцевъ, я радъ тому, чтобъ, по уѣздамъ ѣздя, про меня спрашивали, и если какая моя вина по прихотямъ моимъ или по какой моей страсти сыщется, я не буду просить отъ Ея Императорскаго Величества никакого милосердія, а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды оборонень былъ. Для того я ваше превосходительство, милостиваго государя и отца, всепокорно прошу показать ко мнѣ отеческую милость пожаловать поговорить архіереямъ, которые въ синодѣ засѣдаютъ, также и господамъ сенаторамъ, чтобъ приказали про меня безо всякаго ко мнѣ послабленія изслѣдовать какія я кому дѣлалъ обиды, а изъ того видно будетъ кто изъ насъ виноватъ или правъ будетъ; паче же прошу, ежели донесется сія на меня наглая напраслина Ея Императорскому Величеству, чтобъ прежде, нежели сыскано будетъ, не изволила вѣрить безсовѣстному его архіерейскому доношенію и не изволила бъ содержать меня за такого человѣка, какъ онъ лжетъ. Я столько смѣло доношу, что я готовъ подписаться на смерть, если онъ на меня что докажетъ дѣльно; что же я такъ дерзновенно пишу, милостиво изволите разсудить по совѣсти, сколь чувствительна человѣку обида, а паче та, которая чести касается.

Сверхъ того, милостивый государь, архіерейское ль то дѣло, что по приказу его нѣкоторые плуты шпильничали здѣсь по всему городу и проскивали, чтобъ кто что на меня показалъ; и слышу, что къ одной челобитной не знаю какіе бездѣльники и не знаю въ чемъ восемь человѣкъ приложили на меня руки, и съ тѣмъ одинъ плутъ чернецъ къ архіерею поѣхалъ; однакожь я благодарю Бога, не боюся ничего, въ чемъ ваше превосходительство безъ сумнѣнія изволь мнѣ вѣрить.

При семъ прилагаю копію съ доношенія моего, посланнаго въ синодъ, которую прошу сообщить князю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ прописана матерія присланнаго ко мнѣ изъ синода указа, и его архіерейское ябедническое доношеніе, поданное на меня, и мое оправданіе прописано.

Милостивый государь мой отецъ, покажи Божескую надо мною милость, оборони меня Бога ради отъ такого плута, понеже столько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не гожусь, какъ бы уже подлинно какой былъ бездѣльникъ, и что многіе по его старости и чину вѣрятъ ему. Я никакой иной не прошу милости отъ васъ и помощи себѣ, только чтобъ правдою розыскать велѣли, въ чемъ на ваше превосходительство, милостиваго государя, отца благодѣтеля, благонадѣюсь, пребывая, остаюсь съ должнѣйшимъ уваженіемъ.

(30-го іюня 1730 г.)

Приложеніе къ № XVIII.

Указъ Ея Императорскаго Величества самодержицы всероссійскія, изъ святѣйшаго правительствующаго синода въ Казанскую губернскую канцелярію.

Апрѣля 9-го дня сего 1730 года послань изъ святѣйшаго синода въ оную губернскую канцелярію указъ, по которому велѣно въ той канцеляріи слѣдовать только о взысканіи похищенныхъ Спаса Казанскаго монастыря бывшимъ архимандритомъ Іоною, что нынѣ ростриг Іосифъ Салникѣевъ, монастырскихъ и церковныхъ вещей, а противъ его Салникѣева показанія о драньѣ дѣлъ и челобитенъ ничего не чинить, чего ради и посланное изъ святѣйшаго синода драное дѣло изъ Казанской губернской канцеляріи прислать обратно въ святѣйшій синодъ безъ закоснѣнія съ посланными изъ синодальной канцеляріи солдатами Васильемъ Савельевымъ, Тимофѣемъ Кривцовымъ, и по тому указу онаго дранаго

Сверхъ того, милостивый государь, архіерейское ль то дѣло, что по приказу его нѣкоторые плуты шпильничали здѣсь по всему городу и проскнвали, чтобъ кто что на меня показалъ; и слышу, что къ одной челобитной не знаю какіе бездѣльники и не знаю въ чемъ восемь человѣкъ приложили на меня руки, и съ тѣмъ одинъ плутъ чернецъ къ архіерею поѣхалъ; однакожь я благодарю Бога, не боюся ничего, въ чемъ ваше превосходительство безъ сумнѣнія изволь мнѣ вѣрить.

При семъ прилагаю копію съ доношенія моего, посланнаго въ синодъ, которую прошу сообщить князю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ прописана матерія присланнаго ко мнѣ изъ синода указа, и его архіерейское ябедническое доношеніе, поданное на меня, и мое оправданіе прописано.

Милостивый государь мой отецъ, покажи Божескую надо мною милость, оборони меня Бога ради отъ такого плута, понеже столько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не гожусь, какъ бы уже подлинно какой былъ бездѣльникъ, и что многіе по его старости и чину вѣрятъ ему. Я никакой иной не прошу милости отъ васъ и помощи себѣ, только чтобъ правдою розыскать велѣли, въ чемъ на ваше превосходительство, милостиваго государя, отца благодѣтеля, благонадѣюсь, пребывая, остаюсь съ должнѣйшимъ уваженіемъ.

(30-го іюня 1730 г.)

Приложеніе къ № XVIII.

Указъ Ея Императорскаго Величества самодержицы всероссійскія, изъ святѣйшаго правительствующаго синода въ Казанскую губернскую канцелярію.

Апрѣля 9-го дня сего 1730 года послань изъ святѣйшаго синода въ оную губернскую канцелярію указъ, по которому велѣно въ той канцеляріи слѣдовать только о взысканіи похищенныхъ Спаса Казанскаго монастыря бывшимъ архимандритомъ Іоною, что нынѣ ростриг Іосифъ Салникѣевъ, монастырскихъ и церковныхъ вещей, а противъ его Салникѣева показанія о драньѣ дѣлъ и челобитенъ ничего не чинить, чего ради и посланное изъ святѣйшаго синода драное дѣло изъ Казанской губернской канцеляріи прислать обратно въ святѣйшій синодъ безъ закоснѣнія съ посланными изъ синодальной канцеляріи солдатами Васильемъ Савельевымъ, Тимофѣемъ Кривцовымъ, и по тому указу онаго дранаго

дѣла въ Москвѣ не прислано, и ни о чемъ не репортовано, а мая 25-го жь 1730 года, въ поданномъ святѣйшему синоду преосвященнаго Сильвестра митрополита Казанскаго и Свіяжскаго доношеніи написано, что де Казанскій губернаторъ Волынской, мстя его преосвященству и другихъ монастырей властямъ, за поданныя отъ нихъ на него въ правительствующемъ сенатѣ и въ юстицъ-коллегіи и въ другихъ мѣстѣхъ въ различныхъ имъ, Волынскомъ, къ нимъ обидахъ прошеніи по посланному изъ святѣйшаго синода указу дранаго Максима Сумарокова дѣла въ святѣйшій синодъ не токмо не посылаетъ, но и не репортуетъ тому седьмая недѣля, и посланныхъ солдатъ держитъ, а знатно хощетъ нанести его преосвященству по злобѣ своей напрасное утѣсненіе и бѣдство и дому его разореніе безъ всякія причины, а обрѣтающіеся де въ Казани у слѣдствія Салникѣева дѣла архимандритъ Лаврентій и протопопъ Андрей о посылкѣ и объ отдачѣ того дѣла солдатамъ и говорить оному губернатору знатно не смѣютъ, а его де преосвященство, живучи въ Москвѣ, разоряется безвинно, а не дождавъ по тому подлиннаго рѣшенія, въ Казань ѣхать не смѣетъ, чтобъ о присылкѣ того дѣла послать вторично указъ, и по Ея Императорскаго Величества указу и по приказу святѣйшаго правительствующаго синода велѣно по оному его преосвященству допошенію въ Казанскую губернскую канцелярію и къ вышеименованнымъ духовнымъ персонамъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода послать вторичные указы, дабы какъ по онымъ, такъ и по прежде посланнымъ указомъ помянутое драное дѣло (ежели не послано) изъ той губернской канцеляріи въ святѣйшій синодъ прислано было немедленно, а чего ради толикое время было удержано, и для чего о полученіи по прежде посланнымъ указомъ не репортовано, о томъ отвѣтствовать неотложно и Казанской губернской канцеляріи о вышеписанномъ учинить по Ея Императорскаго Величества указу, а обрѣтающемся при ономъ слѣдствіи Благовѣщенскаго монастыря, что въ Нижнемъ, къ архимандриту Лаврентію да Нижегородскаго Архангельскаго собора къ протопопу Андрею изъ святѣйшаго синода указъ о томъ посланъ. Подписали: Секретарь Василій Тишинъ и секретарь Петръ Анфимовъ.

Мая 27-го дня 1730 года.

дѣла въ Москвѣ не прислано, и ни о чемъ не репортовано, а мая 25-го жь 1730 года, въ поданномъ святѣйшему синоду преосвященнаго Сильвестра митрополита Казанскаго и Свіяжскаго доношеніи написано, что де Казанскій губернаторъ Волынской, мстя его преосвященству и другихъ монастырей властямъ, за поданныя отъ нихъ на него въ правительствующемъ сенатѣ и въ юстицъ-коллегіи и въ другихъ мѣстѣхъ въ различныхъ имъ, Волынскомъ, къ нимъ обидахъ прошеніи по посланному изъ святѣйшаго синода указу дранаго Максима Сумарокова дѣла въ святѣйшій синодъ не токмо не посылаетъ, но и не репортуетъ тому седьмая недѣля, и посланныхъ солдатъ держитъ, а знатно хощетъ нанести его преосвященству по злобѣ своей напрасное утѣсненіе и бѣдство и дому его разореніе безъ всякія причины, а обрѣтающіеся де въ Казани у слѣдствія Салникѣева дѣла архимандритъ Лаврентій и протопопъ Андрей о посылкѣ и объ отдачѣ того дѣла солдатамъ и говорить оному губернатору знатно не смѣютъ, а его де преосвященство, живучи въ Москвѣ, разоряется безвинно, а не дождавъ по тому подлиннаго рѣшенія, въ Казань ѣхать не смѣетъ, чтобъ о присылкѣ того дѣла послать вторично указъ, и по Ея Императорскаго Величества указу и по приказу святѣйшаго правительствующаго синода велѣно по оному его преосвященству допошенію въ Казанскую губернскую канцелярію и къ вышеименованнымъ духовнымъ персонамъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода послать вторичные указы, дабы какъ по онымъ, такъ и по прежде посланнымъ указомъ помянутое драное дѣло (ежели не послано) изъ той губернской канцеляріи въ святѣйшій синодъ прислано было немедленно, а чего ради толикое время было удержано, и для чего о полученіи по прежде посланнымъ указомъ не репортовано, о томъ отвѣтствовать неотложно и Казанской губернской канцеляріи о вышеписанномъ учинить по Ея Императорскаго Величества указу, а обрѣтающемся при оном слѣдствіи Благовѣщенскаго монастыря, что въ Нижнемъ, къ архимандриту Лаврентію да Нижегородскаго Архангельскаго собора къ протопопу Андрею изъ святѣйшаго синода указъ о томъ посланъ. Подписали: Секретарь Василій Тишинъ и секретарь Петръ Анфимовъ.

Мая 27-го дня 1730 года.

XIX.

Отъ графа С. А. Салтыкова А. П. Волконскому.

Государь мой Артемій Петровичь!

Письмо ваше, государя моего, отъ 30-го дня іюня я получилъ, въ которомъ изволите упоминать, что въ нынѣшнемъ году при указѣ изъ синода прислано въ Казанскую губернскую канцелярію для изслѣдствія драное дѣло да двѣ выписки по доносу Казанскаго Спасскаго монастыря архимандрита Іоны, что нынѣ растрига Іосифъ, на Казанскаго митрополита Сильверста въ непріниманіи псковыхъ челобитенъ, да по тому жь доносу для слѣдствія прислано было драное жь дѣло унтеръ-офицера Самарокова на крестьянъ архіерейскихъ въ безчестьѣ, тако жь велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей оными бывшимъ архимандритомъ, и по вашему слѣдствію является и можетъ сыскаться, что оный архіерей во многомъ виноватъ будетъ, и онъ, архіерей, подалъ на васъ доношеніе въ подозрѣніи въ томъ дѣлѣ и въ обидахъ и въ разореніи, — о чемъ присланы отъ васъ доношенія, одно въ синодъ, другое въ сенатъ, на которое вамъ, моему государю, доношу, что отъ Казанскаго архіерея на васъ въ обидахъ къ служителемъ дому архіерейскаго и въ прочемъ, также и монастырямъ Казанской епархіи три доношенія въ синодъ поданы, а нынѣ уже изъ синода и въ сенатъ взнесено. А мнѣ кажется, государь мой, лучше жить посмирняе: что изъ того прибыли, что много жалобы происходитъ; и такъ, кромѣ архіерея, жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо; пожалуй изволь меня послушать и жить посмирняе, лучше вамъ будетъ самимъ. А какъ Казанскій архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свои, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что „истинно де я не зналъ того, что Артемій Петровичь свои тебѣ, а то бы ни о чемъ просить не сталъ, хотя бы де и обидно было, лучше бъ могъ вытерпѣть“, о чемъ и я кому надлежало о томъ дѣлѣ говорилъ; да онъ же, Казанскій архіерей, въ письмѣ своемъ, которое подалъ мнѣ сего іюля 20-го дня, въ которомъ просилъ, чтобъ я до васъ, государь мой, писалъ и просилъ, что больше оный архіерей бить челомъ не будетъ и бросилъ такъ, и просилъ меня, чтобъ вы къ нему были по прежнему благопріятны и содержали въ дружбѣ; и хочетъ изъ Москвы оный архіерей отъѣзжать скоро въ Казань,—того ради пожалуй отставь все и живи съ нимъ посмирняе; притомъ же прошу впредь

XIX.

Отъ графа С. А. Салтыкова А. П. Волконскому.

Государь мой Артемій Петровичь!

Письмо ваше, государя моего, отъ 30-го дня іюня я получилъ, въ которомъ изволите упоминать, что въ нынѣшнемъ году при указѣ изъ синода прислано въ Казанскую губернскую канцелярію для изслѣдствія драное дѣло да двѣ выписки по доносу Казанскаго Спасскаго монастыря архимандрита Іоны, что нынѣ растрига Іосифъ, на Казанскаго митрополита Сильверста въ непріниманіи псковыхъ челобитенъ, да по тому жь доносу для слѣдствія прислано было драное жь дѣло унтеръ-офицера Саморокова на крестьянъ архіерейскихъ въ безчестьѣ, тако жь велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей оными бывшимъ архимандритомъ, и по вашему слѣдствію является и можетъ сыскаться, что оный архіерей во многомъ виноватъ будетъ, и онъ, архіерей, подалъ на васъ доношеніе въ подозрѣніи въ томъ дѣлѣ и въ обидахъ и въ разореніи, — о чемъ присланы отъ васъ доношенія, одно въ синодъ, другое въ сенатъ, на которое вамъ, моему государю, доношу, что отъ Казанскаго архіерея на васъ въ обидахъ къ служителемъ дому архіерейскаго и въ прочемъ, также и монастырямъ Казанской епархіи три доношенія въ синодъ поданы, а нынѣ уже изъ синода и въ сенатъ взнесено. А мнѣ кажется, государь мой, лучше жить посмирняе: что изъ того прибыли, что много жалобы происходитъ; и такъ, кромѣ архіерея, жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо; пожалуй изволь меня послушать и жить посмирняе, лучше вамъ будетъ самимъ. А какъ Казанскій архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свои, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что „истинно де я не зналъ того, что Артемій Петровичь свои тебѣ, а то бы ни о чемъ просить не сталъ, хотя бы де и обидно было, лучше бъ могъ вытерпѣть“, о чемъ и я кому надлежало о томъ дѣлѣ говорилъ; да онъ же, Казанскій архіерей, въ письмѣ своемъ, которое подалъ мнѣ сего іюля 20-го дня, въ которомъ просилъ, чтобъ я до васъ, государь мой, писалъ и просилъ, что больше оный архіерей бить челомъ не будетъ и бросилъ такъ, и просилъ меня, чтобъ вы къ нему были по прежнему благопріятны и содержали въ дружбѣ; и хочетъ изъ Москвы оный архіерей отъѣзжать скоро въ Казань,—того ради пожалуй отставь все и живи съ нимъ посмирняе; притомъ же прошу впредь

не оставить меня въ письмахъ. Вашъ, государя моего, покорный слуга Семенъ Салтыковъ.

Іюля 30-го дня 1830 года. Въ селѣ Измайловѣ

Цидулки къ предъидущему письму.

1.

Я не знаю, для чего такъ вы, государь мой, себя въ людѣхъ озлобили, что сказываютъ, до васъ доступъ очень тяжелъ, и мало кого до себя допускать изволите: и это не очень хорошо можно поставить.

2.

Которые на васъ пункты подалъ архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно, съ какимъ опредѣленіемъ ты изволилъ дѣлать, не токмо чтобъ поступать такъ, и стыдно слушать, какъ будутъ честь; я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать, а я вѣдаю, что друзей вамъ и чти нѣтъ, и никто съ добродѣтелію о имени вашемъ помянуть хочетъ, и какъ слышалъ, что обхожденіе ваше въ Казани съ такимъ сердцемъ, и на кого осердишься, велишь бить при себѣ, также и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на что поступалъ и всѣхъ озлобилъ?

3.

Я напредъ сего до васъ, государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе противъ прежнихъ своихъ писемъ, на что изволили ко мнѣ писать: „я де какъ себя покажу въ люди доносителемъ“, а нынѣ кажется, что развѣ не можетъ кто разсудить, чтобъ тебя кто могъ этимъ порекать а нынѣ сами то себя показали; присланныя ваши два доношенія на архіерея, въ которыхъ нимало какого дѣйства въ тѣхъ доношеніяхъ, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Мнѣ сему очень удивительно, что такъ изволите поступать строго безъ пути, и какую надежду изволите имѣть; пожалуй изволь живи посмиряясь: истинно лучше будетъ. А присланная отъ васъ челобитная объ отпускѣ въ Москву подана въ сенатъ, для того что изъ сената докладъ сдѣлаютъ, а безъ того обойтиться никакъ нельзя.

не оставить меня въ письмахъ. Вашъ, государя моего, покорный слуга Семенъ Салтыковъ.

Іюля 30-го дня 1830 года. Въ селѣ Измайловѣ

Цидулки къ предъидущему письму.

1.

Я не знаю, для чего такъ вы, государь мой, себя въ людѣхъ озлобили, что сказываютъ, до васъ доступъ очень тяжелъ, и мало кого до себя допускать изволите: и это не очень хорошо можно поставить.

2.

Которые на васъ пункты подалъ архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно, съ какимъ опредѣленіемъ ты изволилъ дѣлать, не токмо чтобъ поступать такъ, и стыдно слушать, какъ будутъ честь; я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать, а я вѣдаю, что друзей вамъ и чти нѣтъ, и никто съ добродѣтелію о имени вашемъ помянуть хочетъ, и какъ слышалъ, что обхожденіе ваше въ Казани съ такимъ сердцемъ, и на кого осердишься, велишь бить при себѣ, также и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на что поступалъ и всѣхъ озлобилъ?

3.

Я напредъ сего до васъ, государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе противъ прежнихъ своихъ писемъ, на что изволили ко мнѣ писать: „я де какъ себя покажу въ люди доносителемъ“, а нынѣ кажется, что развѣ не можетъ кто разсудить, чтобъ тебя кто могъ этимъ порекать а нынѣ сами то себя показали; присланныя ваши два доношенія на архіерея, въ которыхъ нимало какого дѣйства въ тѣхъ доношеніяхъ, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Мнѣ сему очень удивительно, что такъ изволите поступать строго безъ пути, и какую надежду изволите имѣть; пожалуй изволь живи посмиряясь: истинно лучше будетъ. А присланная отъ васъ челобитная объ отпускѣ въ Москву подана въ сенатъ, для того что изъ сената докладъ сдѣлаютъ, а безъ того обойтиться никакъ нельзя.

XX.

Цыдулка А. П. Волконскаго къ архіепископу Варлааму и къ Нижегородскому архіепископу Питириму.

Я не мню, чтобъ не было отъ кого-нибудь здѣшнему архіерею похлѣбства (отъ вашихъ персонъ), понеже видно, что и дѣло драное Сумарокова, о которомъ доносилъ на него Салникѣевъ, въ ту мѣру взято назадъ, чтобъ все то уничтожить, а ежели прямо слѣдовать, то конечно, удобнѣе сыскать истину здѣсь, нежели въ Москвѣ, понеже тѣ всѣ обрѣтаются здѣсь, которые подавали ему Сильверсту митрополиту челобитныя, писанныя на имя Императорскаго Величества, а онъ, архіерей, за то бранилъ ихъ и челобитенъ тѣхъ не принималъ, а ныня и дралъ, и велѣлъ писать на свое имя, а понеже въ томъ указѣ, по которому велѣно назадъ прислать оное дѣло, не только того не написано, чтобъ тѣхъ подавателей челобитенъ допросить, но еще и запрещено именно, чтобъ по тому дѣлу ничего не чинить,—какъ же то стало не самое похлѣбство, и какъ такъ смѣло въ указѣхъ къ намъ пишутъ о такихъ важныхъ дѣлахъ, о какихъ надлежало было понуждать, чтобъ то сыскивать, а не воспрещать? О чемъ, надѣюсь, конечно ваше преосвященство не извѣстны. и хотя вамъ приказные служители и доносятъ, да чаю не всѣ, и не самую истину.

Сіе я доношу вашему преосвященству, какъ моему милостивому отцу и благодѣтелю, для предосторожности вашего преосвященства, чтобъ по сему дѣлу не вовсе другимъ изволили быть вѣроятны, но сами бы изволили посмотрѣть, понеже мнѣ онаго дѣла упустить невозможно, а надобно дойдтить и до тѣхъ, кто въ томъ манитъ и похлѣбствуетъ. А понеже блаженныя и вѣчно достойно славныя памяти императоръ и отецъ нашъ, какъ вамъ извѣстно, въ ту мѣру сочинилъ святѣйшій синодъ, чтобъ тутъ была святая истинная правда (гдѣ, конечно, и надобно быть), а когда тутъ въ канцеляріи помѣшается, то уже въ нашихъ свѣтскихъ канцеляріяхъ и весьма пропадетъ, понеже намъ надобно взирать на васъ, начальниковъ вѣры.

XXI.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ Семенъ Андреевичь!

При семъ прилагаю копію съ пунктовъ, которые подалъ на меня

XX.

Цыдулка А. П. Волконскаго къ архіепископу Варлааму и къ Нижегородскому архіепископу Питириму.

Я не мню, чтобъ не было отъ кого-нибудь здѣшнему архіерею похлѣбства (отъ вашихъ персонъ), понеже видно, что и дѣло драное Сумарокова, о которомъ доносилъ на него Салникѣевъ, въ ту мѣру взято назадъ, чтобъ все то уничтожить, а ежели прямо слѣдовать, то конечно, удобнѣе сыскать истину здѣсь, нежели въ Москвѣ, понеже тѣ всѣ обрѣтаются здѣсь, которые подавали ему Сильверсту митрополиту челобитныя, писанныя на имя Императорскаго Величества, а онъ, архіерей, за то бранилъ ихъ и челобитенъ тѣхъ не принималъ, а ныня и дралъ, и велѣлъ писать на свое имя, а понеже въ томъ указѣ, по которому велѣно назадъ прислать оное дѣло, не только того не написано, чтобъ тѣхъ подавателей челобитенъ допросить, но еще и запрещено именно, чтобъ по тому дѣлу ничего не чинить,—какъ же то стало не самое похлѣбство, и какъ такъ смѣло въ указѣхъ къ намъ пишутъ о такихъ важныхъ дѣлахъ, о какихъ надлежало было понуждать, чтобъ то сыскивать, а не воспрещать? О чемъ, надѣюсь, конечно ваше преосвященство не извѣстны. и хотя вамъ приказные служители и доносятъ, да чаю не всѣ, и не самую истину.

Сіе я доношу вашему преосвященству, какъ моему милостивому отцу и благодѣтелю, для предосторожности вашего преосвященства, чтобъ по сему дѣлу не вовсе другимъ изволили быть вѣроятны, но сами бы изволили посмотрѣть, понеже мнѣ онаго дѣла упустить невозможно, а надобно дойдтить и до тѣхъ, кто въ томъ манитъ и похлѣбствуетъ. А понеже блаженныя и вѣчно достойно славныя памяти императоръ и отецъ нашъ, какъ вамъ извѣстно, въ ту мѣру сочинилъ святѣйшій синодъ, чтобъ тутъ была святая истинная правда (гдѣ, конечно, и надобно быть), а когда тутъ въ канцеляріи помѣшается, то уже въ нашихъ свѣтскихъ канцеляріяхъ и весьма пропадетъ, понеже намъ надобно взирать на васъ, начальниковъ вѣры.

XXI.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ Семенъ Андреевичь!

При семъ прилагаю копію съ пунктовъ, которые подалъ на меня

вашему превосходительству архіерей здѣшній, и противъ тѣхъ пунктовъ отвѣтъ мой; всепижайше прошу милостиво не поскучать приказать передъ собою его пункты прочесть и при томъ на всякій пунктъ отвѣтъ мой, изъ чего изволите, увидѣть удивленіе и смѣху достойное многое, изъ того изволите узнать безбожную и бездушную злобу архіерейскую, и какой онъ дуракъ и плутъ безпутный.

Желалъ бы я, чтобъ вы у себя приказали отвѣтъ мой прочесть ему, понеже я не почитаю ни за грѣхъ и за стыдъ того, что браню его, да и не боюся, для того что я чистъ, и что пишу про него, то не отрекуся въ глаза предъ всѣмъ свѣтомъ сказать ему, понеже всякъ за свою обиду, а паче за ту, которая вредитъ честь, да еще и за напрасную, стоять конечно долженъ. Я не знаю, какими онъ глазами будетъ смотрѣть и что противъ того говорить будетъ.

А за тѣмъ, милостивый отецъ мой, не дѣлай мнѣ никакой милости, только чтобъ по его всѣмъ бреднямъ про меня розыскано было такъ, какъ я челобитною моею, посланною въ сенатъ, самъ просилъ; и изволь вѣрно мнѣ вѣрить, что я во всемъ томъ, что онъ пишетъ и поноситъ меня, чистъ. И онъ все то, какъ безсовѣстный и недобрый человѣкъ, составилъ и затѣялъ обще съ попомъ Питиримомъ архимандритомъ, котораго только для такихъ пакостей и воровства и держитъ при себѣ и въ архимандриты за то и произвелъ, а кто онъ, Питиримъ, мнѣ сказывалъ прапорщикъ гвардіи Любовниковъ, что онъ былъ въ Шацкомъ уѣздѣ попомъ и держалъ у себя воровскую пристань и самъ атаманомъ былъ нѣсколько лѣтъ, да когда товарищи его переловлены и стали на него съ пытокъ говорить, онъ отъ того ушелъ и постригся, а тѣ всѣ перевѣшаны. Изволь, милостивый государь, самъ того Любовникова спросить, а я его не зналъ.

Милости прошу, и пункты, и отвѣты мои показать князь Григорью Алексѣевичу Урусову, чтобъ и онъ вѣдалъ и вѣрилъ мнѣ, что я чистъ.

Я буду ожидать слѣдствія здѣсь по архіерейскимъ на меня бреднямъ и прошу, чтобъ кто присланъ былъ совѣстный человѣкъ для того слѣдствія, а за тѣмъ желалъ бы я самъ въ Москвѣ побывать на мѣсяцъ времени, какъ я прежде просилъ васъ, милостивый государь, а чтобъ вовсе отсюды—еже ей ей не хочу. И я мышлю: крайняя нужда въ Москву быть мнѣ,—первое, что видѣть государыню, также и васъ, милостиваго государя, а за тѣмъ и

вашему превосходительству архіерей здѣшній, и противъ тѣхъ пунктовъ отвѣтъ мой; всепижайше прошу милостиво не поскучать приказать передъ собою его пункты прочесть и при томъ на всякій пунктъ отвѣтъ мой, изъ чего изволите, увидѣть удивленіе и смѣху достойное многое, изъ того изволите узнать безбожную и бездушную злобу архіерейскую, и какой онъ дуракъ и плутъ безпутный.

Желалъ бы я, чтобъ вы у себя приказали отвѣтъ мой прочесть ему, понеже я не почитаю ни за грѣхъ и за стыдъ того, что браню его, да и не боюся, для того что я чистъ, и что пишу про него, то не отрекуся въ глаза предъ всѣмъ свѣтомъ сказать ему, понеже всякъ за свою обиду, а паче за ту, которая вредитъ честь, да еще и за напрасную, стоять конечно долженъ. Я не знаю, какими онъ глазами будетъ смотрѣть и что противъ того говорить будетъ.

А за тѣмъ, милостивый отецъ мой, не дѣлай мнѣ никакой милости, только чтобъ по его всѣмъ бреднямъ про меня розыскано было такъ, какъ я челобитною моею, посланною въ сенатъ, самъ просилъ; и изволь вѣрно мнѣ вѣрить, что я во всемъ томъ, что онъ пишетъ и поноситъ меня, чистъ. И онъ все то, какъ безсовѣстный и недобрый человѣкъ, составилъ и затѣялъ обще съ попомъ Питиримомъ архимандритомъ, котораго только для такихъ пакостей и воровства и держитъ при себѣ и въ архимандриты за то и произвелъ, а кто онъ, Питиримъ, мнѣ сказывалъ прапорщикъ гвардіи Любовниковъ, что онъ былъ въ Шацкомъ уѣздѣ попомъ и держалъ у себя воровскую пристань и самъ атаманомъ былъ нѣсколько лѣтъ, да когда товарищи его переловлены и стали на него съ пытокъ говорить, онъ отъ того ушелъ и постригся, а тѣ всѣ перевѣшаны. Изволь, милостивый государь, самъ того Любовникова спросить, а я его не зналъ.

Милости прошу, и пункты, и отвѣты мои показать князь Григорью Алексѣевичу Урусову, чтобъ и онъ вѣдалъ и вѣрилъ мнѣ, что я чистъ.

Я буду ожидать слѣдствія здѣсь по архіерейскимъ на меня бреднямъ и прошу, чтобъ кто присланъ былъ совѣстный человѣкъ для того слѣдствія, а за тѣмъ желалъ бы я самъ въ Москвѣ побывать на мѣсяцъ времени, какъ я прежде просилъ васъ, милостивый государь, а чтобъ вовсе отсюды—еже ей ей не хочу. И я мышлю: крайняя нужда въ Москву быть мнѣ,—первое, что видѣть государыню, также и васъ, милостиваго государя, а за тѣмъ и

себя противу архіерейскихъ составныхъ лжей очистить и показать всѣмъ, какъ я невиненъ; однакожь все сіе предаю въ разсужденіе вашего превосходительства и прилежно прошу милостиво меня увѣдомить. Милостивый государь и отецъ, вашего превосходительства всепокорный и нижайшій слуга Артемій Волынской.

XXII.

Отъ А. П Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь Семенъ Андреевичъ!

Понеже я знаю себя въ совѣсти моей, что я невиненъ конечно и во всемъ чистъ, а я вижу, что дѣло не туды идетъ (и то, милостивый государь, отъ васъ мнѣ, что не могли и съ правдою моею предостеречь меня), того ради, не дожидаяся крайней напасти, принужденъ написать прошеніе мое къ самой Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей государынѣ. И ежели не надобна вамъ моя погибель, прошу оное поднести; ибо я то учинилъ, вѣдая Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе, на которое уповая, не чаю, чтобъ безвинно я терпѣлъ немилость и преданъ былъ въ руганіе, да еще же за Ея Величества интересы, и за то себѣ злобу и напасть явную купилъ. А въ какой силѣ оное письмо, прилагаю копію, изъ которой изволите сами усмотрѣть, что противности въ немъ никакой нѣтъ.

Я не знаю, милостивый государь, передъ вами никакой моей вины, что вы сами изволите засвидѣтельствовать; а ежели вы меня мнѣ оставите, истинно вамъ за то будетъ самъ Богъ мститель, а я съ печали умереть могу.

XXIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ князю Г. А. Урусову.

Государь мой и благонадежный другъ князь Григорій Алексѣевичъ!

Хотя я вамъ просьбами моими наскучилъ, да крайняя неволя къ тому влечетъ меня, избывая напрасной бѣды и крайняго моего разоренія. Разсудилося мнѣ написать всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, которое послалъ подъ ковертомъ дяди моего Семена Андреевича, да боюсь того, что онъ, жалѣя меня, подать либо не осмѣлится, а я опасности въ томъ никакой не нахожу себѣ, для

себя противу архіерейскихъ составныхъ лжей очистить и показать всѣмъ, какъ я невиненъ; однакожь все сіе предаю въ разсужденіе вашего превосходительства и прилежно прошу милостиво меня увѣдомить. Милостивый государь и отецъ, вашего превосходительства всепокорный и нижайшій слуга Артемій Волынской.

XXII.

Отъ А. П Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь Семенъ Андреевичъ!

Понеже я знаю себя въ совѣсти моей, что я невиненъ конечно и во всемъ чистъ, а я вижу, что дѣло не туды идетъ (и то, милостивый государь, отъ васъ мнѣ, что не могли и съ правдою моею предостеречь меня), того ради, не дожидаяся крайней напасти, принужденъ написать прошеніе мое къ самой Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей государынѣ. И ежели не надобна вамъ моя погибель, прошу оное поднести; ибо я то учинилъ, вѣдая Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе, на которое уповая, не чаю, чтобъ безвинно я терпѣлъ немилость и преданъ былъ въ руганіе, да еще же за Ея Величества интересы, и за то себѣ злобу и напасть явную купилъ. А въ какой силѣ оное письмо, прилагаю копію, изъ которой изволите сами усмотрѣть, что противности въ немъ никакой нѣтъ.

Я не знаю, милостивый государь, передъ вами никакой моей вины, что вы сами изволите свидѣтельствовать; а ежели вы меня мнѣ оставите, истинно вамъ за то будетъ самъ Богъ мститель, а я съ печали умереть могу.

XXIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ князю Г. А. Урусову.

Государь мой и благонадежный другъ князь Григорій Алексѣевичъ!

Хотя я вамъ просьбами моими наскучилъ, да крайняя неволя къ тому влечетъ меня, избывая напрасной бѣды и крайняго моего разоренія. Разсудилося мнѣ написать всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, которое послалъ подъ ковертомъ дяди моего Семена Андреевича, да боюсь того, что онъ, жалѣя меня, подать либо не осмѣлится, а я опасности въ томъ никакой не нахожу себѣ, для

того, что я чистъ конечно. И такъ, если изволитъ Ея Величество то усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе, что меня безъ вины напрасно обругать и разорить не повелитъ.

Я отъ розыску истинно не бѣгу и самъ о томъ прошу, да только чтобъ порядоченъ былъ, а то какой же будетъ розыскъ, что всѣ мои оправданіи и дѣла отнимутъ изъ моихъ рукъ, да станутъ слѣдовать, а мнѣ будетъ и сослаться не на что, а когда меня отрѣшатъ, надлежитъ отрѣшить и архіерея отъ епархіи, а Нефеду *) не надлежитъ быть при губернской канцеляріи, понеже у меня съ нимъ ссора, и онъ обще стакался противу меня съ архіереемъ. Впрочемъ ссылаюсь на вручителя сего: что вамъ будетъ доносить, изволь повѣрить и не оставить его въ милости своей, понеже и онъ невинно страждетъ.

Остатнѣе прошу, если иного нельзя сдѣлать, чтобъ меня для допросу взять въ Москву прежде перемѣны; я столько чистъ, что въ два часа всѣ его архіерейскіе пункты очищу; а по допросѣ моемъ для улики пускай пошлютъ сюда слѣдовать кого хотятъ, а меня пускай задержатъ въ Москвѣ, а вмѣсто меня быть здѣсь моему повѣренному, да чтобъ и архіерею, и Спасскаго монастыря архимандриту Питириму не быть здѣсь, понеже онъ по дѣламъ показался многажды явнымъ плутомъ. А затѣмъ по слѣдствіи воля Ея Величества и перемѣнить меня, да я честенъ буду и неподозрительно выѣду отсюда, безо всякаго стыда. А буде по допросу моему и по слѣдствію если только достоинъ буду потерять палецъ, не буду стоять и за голову, а безъ вины и безъ розыску не хочу, чтобъ я такъ былъ обруганъ, какъ злодѣй какой; и то сами можете разсудить; а хотя дядя ко мнѣ и пишетъ, разсуждая изъ моей перемѣны мнѣ пользу, да я вижу, что пропаду и разорюся со всѣмъ моимъ домомъ. За вину чего меня жалѣть, да прежде надлежитъ освидѣтельствовать, а не тому вѣрить, что плуты, закрывая воровство свое, доносятъ и затѣваютъ. Впрочемъ прошу напамятовать Бога и душу да меня въ такомъ моемъ зломъ несчастьѣ не оставить и въ правдѣ моей, сколько можешь, вспомоществовать мнѣ. Симъ прекратя, остаюсь вашъ, государя моего, покорный и вѣрный слуга Артемій Волынской.

(Изъ Казани 12-го августа).

---

*) Нефедъ Кудрявцевъ, Казанскій вице-губернаторъ.

того, что я чистъ конечно. И такъ, если изволитъ Ея Величество то усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе, что меня безъ вины напрасно обругать и разорить не повелитъ.

Я отъ розыску истинно не бѣгу и самъ о томъ прошу, да только чтобъ порядоченъ былъ, а то какой же будетъ розыскъ, что всѣ мои оправданіи и дѣла отнимутъ изъ моихъ рукъ, да станутъ слѣдовать, а мнѣ будетъ и сослаться не на что, а когда меня отрѣшатъ, надлежитъ отрѣшить и архіерея отъ епархіи, а Нефеду *) не надлежитъ быть при губернской канцеляріи, понеже у меня съ нимъ ссора, и онъ обще стакался противу меня съ архіереемъ. Впрочемъ ссылаюсь на вручителя сего: что вамъ будетъ доносить, изволь повѣрить и не оставить его въ милости своей, понеже и онъ невинно страждетъ.

Остатнѣе прошу, если иного нельзя сдѣлать, чтобъ меня для допросу взять въ Москву прежде перемѣны; я столько чистъ, что въ два часа всѣ его архіерейскіе пункты очищу; а по допросѣ моемъ для улики пускай пошлютъ сюда слѣдовать кого хотятъ, а меня пускай задержатъ въ Москвѣ, а вмѣсто меня быть здѣсь моему повѣренному, да чтобъ и архіерею, и Спасскаго монастыря архимандриту Питириму не быть здѣсь, понеже онъ по дѣламъ показался многажды явнымъ плутомъ. А затѣмъ по слѣдствіи воля Ея Величества и перемѣнить меня, да я честенъ буду и неподозрительно выѣду отсюда, безо всякаго стыда. А буде по допросу моему и по слѣдствію если только достоинъ буду потерять палецъ, не буду стоять и за голову, а безъ вины и безъ розыску не хочу, чтобъ я такъ былъ обруганъ, какъ злодѣй какой; и то сами можете разсудить; а хотя дядя ко мнѣ и пишетъ, разсуждая изъ моей перемѣны мнѣ пользу, да я вижу, что пропаду и разорюся со всѣмъ моимъ домомъ. За вину чего меня жалѣть, да прежде надлежитъ освидѣтельствовать, а не тому вѣрить, что плуты, закрывая воровство свое, доносятъ и затѣваютъ. Впрочемъ прошу напамятовать Бога и душу да меня въ такомъ моемъ зломъ несчастьѣ не оставить и въ правдѣ моей, сколько можешь, вспомоществовать мнѣ. Симъ прекратя, остаюсь вашъ, государя моего, покорный и вѣрный слуга Артемій Волынской.

(Изъ Казани 12-го августа).

---

*) Нефедъ Кудрявцевъ, Казанскій вице-губернаторъ.

XXIV.

Записки для памяти, посланному изъ Казани.

1) Пріѣхавъ освѣдомиться, какъ скоро отправляется новый сюда губернаторъ, и съ тѣмъ прислать нарочнаго наскоро.

2) Внушить Семену Андреевичу и прочимъ, хотя разсуждаютъ пользу мнѣ въ моей перемѣнѣ, а мнѣ оная конечное принесла разоренье, какого на меня не бывало, понеже я по обнадеживанью ихъ забрался сюда со всемъ домомъ, гдѣ однихъ людей у меня человѣкъ со сто, а женатыхъ съ тридцать семей, и такъ мнѣ хотя бъ и лишнія прихоти посмѣтать здѣсь, однако жь и съ нуждами чего оставить нельзя, врядъ на двѣсти подводъ убраться, кромѣ своихъ лошадей.

3) У меня жь заведены сюды изъ заводовъ изо всѣхъ деревень лучшія всѣ лошади съ 80, а все кобылы да жеребята, которыхъ ковать нельзя, а не кованныхъ вести невозможно, а персидскія отъ одной стужи всѣ помрутъ. Какъ же то не самое мнѣ разоренье стало? А еслибъ весною мнѣ отсюды ѣхать, и чтобъ до мая мѣсяца, не перемѣняли меня, то бъ я всего того разоренья миновалъ и собрался водою, безо всякаго лишняго убытка.

4) Сверхъ того, имѣю дѣтей малыхъ и деликатныхъ, которые не только на дворъ ходить, но и сѣней за слабостью здоровья мало знаютъ; а мнѣ ихъ оставить не на кого, а везти съ собою зимою—я ихъ застужу и могу поморить; ежели бъ жива была покойная жена моя, я бы не тужилъ о томъ, хотя и здѣсь оставить.

5) Еще жь сколько образна и обидна мнѣ моя перемѣна, то всякому легко разсудить можно; когда я просилъ и искалъ того, тогда меня не допустили, а нынѣ полно мнѣ и того несчастья, что я лишился жены, а теперь пришло и съ дѣтьми, и съ домомъ разстаться: сіе кто можетъ мнѣ причесть въ благополучіе, но всякъ будетъ думать, что я отрѣшенъ за вину какую. Подъ то жь время, хоть я и самъ просилъ и прошу о розыскѣ между мною и архіереемъ, теперь кто повѣритъ тому? Всякъ будетъ думать, что я въ опалѣ, понеже и перемѣнить, и розыскивать про меня велѣно. Еще жь: меня отрѣшатъ отъ губерніи, а архіерей останется въ своей епархіи, а вся ссылка по дѣламъ на его духовныхъ и его подчиненныхъ, какъ они за страхомъ архіерейскимъ не будутъ по немъ покрывать и исполнять его волю, понеже образцы по Салникѣе-

XXIV.

Записки для памяти, посланному изъ Казани.

1) Пріѣхавъ освѣдомиться, какъ скоро отправляется новый сюда губернаторъ, и съ тѣмъ прислать нарочнаго наскоро.

2) Внушить Семену Андреевичу и прочимъ, хотя разсуждаютъ пользу мнѣ въ моей перемѣнѣ, а мнѣ оная конечное принесла разоренье, какого на меня не бывало, понеже я по обнадеживанью ихъ забрался сюда со всемъ домомъ, гдѣ однихъ людей у меня человѣкъ со сто, а женатыхъ съ тридцать семей, и такъ мнѣ хотя бъ и лишнія прихоти посмѣтать здѣсь, однако жь и съ нуждами чего оставить нельзя, врядъ на двѣсти подводъ убраться, кромѣ своихъ лошадей.

3) У меня жь заведены сюды изъ заводовъ изо всѣхъ деревень лучшія всѣ лошади съ 80, а все кобылы да жеребята, которыхъ ковать нельзя, а не кованныхъ вести невозможно, а персидскія отъ одной стужи всѣ помрутъ. Какъ же то не самое мнѣ разоренье стало? А еслибъ весною мнѣ отсюды ѣхать, и чтобъ до мая мѣсяца, не перемѣняли меня, то бъ я всего того разоренья миновалъ и собрался водою, безо всякаго лишняго убытка.

4) Сверхъ того, имѣю дѣтей малыхъ и деликатныхъ, которые не только на дворъ ходить, но и сѣней за слабостью здоровья мало знаютъ; а мнѣ ихъ оставить не на кого, а везти съ собою зимою—я ихъ застужу и могу поморить; ежели бъ жива была покойная жена моя, я бы не тужилъ о томъ, хотя и здѣсь оставить.

5) Еще жь сколько образна и обидна мнѣ моя перемѣна, то всякому легко разсудить можно; когда я просилъ и искалъ того, тогда меня не допустили, а нынѣ полно мнѣ и того несчастья, что я лишился жены, а теперь пришло и съ дѣтьми, и съ домомъ разстаться: сіе кто можетъ мнѣ причесть въ благополучіе, но всякъ будетъ думать, что я отрѣшенъ за вину какую. Подъ то жь время, хоть я и самъ просилъ и прошу о розыскѣ между мною и архіереемъ, теперь кто повѣритъ тому? Всякъ будетъ думать, что я въ опалѣ, понеже и перемѣнить, и розыскивать про меня велѣно. Еще жь: меня отрѣшатъ отъ губерніи, а архіерей останется въ своей епархіи, а вся ссылка по дѣламъ на его духовныхъ и его подчиненныхъ, какъ они за страхомъ архіерейскимъ не будутъ по немъ покрывать и исполнять его волю, понеже образцы по Салникѣе-

вымъ дѣламъ самъ знаешь, какъ архимандриты и прочіе изъподъ неволи къ суду прикладывали руки, а за что̀ судили и какъ осудили, того сами не знали.

6) Я буду отъ губернской канцеляріи отрѣшенъ, а Нефедъ Кудрявцовъ, который на меня съ архіереемъ за одно жь стакался, будетъ сидѣть въ канцеляріи, гдѣ всѣ къ тому слѣдствію надлежащія дѣла и всѣ справки, а въ моихъ рукахъ того ничего не будетъ. Какой же тотъ будетъ правый розыскъ, понеже что̀ надобно, того будетъ и сыскать негдѣ. Сверхъ того, всякаго плута возбудятъ на меня то говорить, чего я не дѣлалъ, или дѣлалъ, да не такъ, а мнѣ будетъ и оправдаться не чѣмъ; и такъ я и съ правдою буду хуже виновнаго. Того ради что̀ мнѣ пользы въ розыскѣ? Я бы лучше желалъ, чтобъ меня совсѣмъ въ Москву взяли, ежели такъ будутъ дѣлать. Пускай лучше сама государыня изволитъ увидѣть мою правду, понеже я не за свои дѣла сталъ, но по указу и тѣмъ архіерея возбудилъ на себя, что я хранилъ императорскую честь и правду, да искалъ и пресѣкалъ явную архіерейскую кражу.

7) Навѣдаться пожаловать о невѣстѣ, нѣтъ ли какой, и кто она такова, и о томъ немедленно ко мнѣ отписать, понеже самъ ты знаешь, какъ я боюсь того.

8) Всего бъ лучше, чтобъ остановить новаго губернатора, да прислать сюда розыскивать про меня, а меня бъ не перемѣнять, и хотя во время слѣдствія мнѣ въ губернской канцеляріи и не засѣдать и въ команду не вступать, и то нѣтъ ничего, только надобно, чтобъ и архіерей отъ епархіи на то время отрѣшенъ былъ, также чтобъ и Нефеду Кудрявцову не присутствовать въ канцеляріи на то время, для того что у меня съ нимъ ссора. А по розыскѣ, если вины моей не будетъ, чтобъ мнѣ по прежнему править должность мою, хотя до мал мѣсяца, а потомъ, хотя и перемѣнить, такъ мнѣ не такъ будетъ образно, да и выѣздъ мой мнѣ легче будетъ. А буде не такъ, то лучше чтобъ въ Москвѣ слѣдовать.

9) Еще жь навѣдатся о томъ мѣстѣ, гдѣ я послѣ перемѣны опредѣленъ буду, и сіе все, что̀ навѣдаетесь, прошу человѣку моему Курочкину сообщить.

10) Посылаю съ вами подъ ковертомъ дяди Семена Андреевича всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величеству, и ежели онъ захочетъ показать милость со мною, надобно оное подать всеконечно, дабы государыня извѣстна была, что я

вымъ дѣламъ самъ знаешь, какъ архимандриты и прочіе изъподъ неволи къ суду прикладывали руки, а за что̀ судили и какъ осудили, того сами не знали.

6) Я буду отъ губернской канцеляріи отрѣшенъ, а Нефедъ Кудрявцовъ, который на меня съ архіереемъ за одно жь стакался, будетъ сидѣть въ канцеляріи, гдѣ всѣ къ тому слѣдствію надлежащія дѣла и всѣ справки, а въ моихъ рукахъ того ничего не будетъ. Какой же тотъ будетъ правый розыскъ, понеже что̀ надобно, того будетъ и сыскать негдѣ. Сверхъ того, всякаго плута возбудятъ на меня то говорить, чего я не дѣлалъ, или дѣлалъ, да не такъ, а мнѣ будетъ и оправдаться не чѣмъ; и такъ я и съ правдою буду хуже виновнаго. Того ради что̀ мнѣ пользы въ розыскѣ? Я бы лучше желалъ, чтобъ меня совсѣмъ въ Москву взяли, ежели такъ будутъ дѣлать. Пускай лучше сама государыня изволитъ увидѣть мою правду, понеже я не за свои дѣла сталъ, но по указу и тѣмъ архіерея возбудилъ на себя, что я хранилъ императорскую честь и правду, да искалъ и пресѣкалъ явную архіерейскую кражу.

7) Навѣдаться пожаловать о невѣстѣ, нѣтъ ли какой, и кто она такова, и о томъ немедленно ко мнѣ отписать, понеже самъ ты знаешь, какъ я боюсь того.

8) Всего бъ лучше, чтобъ остановить новаго губернатора, да прислать сюда розыскивать про меня, а меня бъ не перемѣнять, и хотя во время слѣдствія мнѣ въ губернской канцеляріи и не засѣдать и въ команду не вступать, и то нѣтъ ничего, только надобно, чтобъ и архіерей отъ епархіи на то время отрѣшенъ былъ, также чтобъ и Нефеду Кудрявцову не присутствовать въ канцеляріи на то время, для того что у меня съ нимъ ссора. А по розыскѣ, если вины моей не будетъ, чтобъ мнѣ по прежнему править должность мою, хотя до мал мѣсяца, а потомъ, хотя и перемѣнить, такъ мнѣ не такъ будетъ образно, да и выѣздъ мой мнѣ легче будетъ. А буде не такъ, то лучше чтобъ въ Москвѣ слѣдовать.

9) Еще жь навѣдатся о томъ мѣстѣ, гдѣ я послѣ перемѣны опредѣленъ буду, и сіе все, что̀ навѣдаетесь, прошу человѣку моему Курочкину сообщить.

10) Посылаю съ вами подъ ковертомъ дяди Семена Андреевича всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величеству, и ежели онъ захочетъ показать милость со мною, надобно оное подать всеконечно, дабы государыня извѣстна была, что я

невиненъ, а когда изволитъ усмотрѣть, я уповаю на Ея Величество великодушіе и мудрое мужественное разсужденіе, что меня напрасно не повелитъ перемѣною разорить и непорядочнымъ розыскомъ обругать. А буде онъ, жалѣя меня, по своему мнѣнію да не подастъ, такъ онъ тѣмъ погубитъ меня, а я вижу, что дѣло къ тому идетъ, что мнѣ умереть съ печали, что Богъ на немъ взыщетъ, что онъ до того довелъ меня.

11) Не возможно ль дядѣ Семену Андреевичу и прочимъ моимъ милостивымъ той милости показать, чтобъ для того розыску прислать кого изъ гвардіи, которые у такихъ дѣлъ бывали — Раевской, Епишковъ или Мельгунова; я отъ такихъ ни отъ кого не прочь, только бъ порядочно повели слѣдствіе.

XXV.

Отъ графа С. А. Салтыкова къ А. П. Волынскому.

Государь мой Артемій Петровичь!

Письмо ваше, государя моего, отъ 11-го сего августа, 27-го числа я получилъ, въ которомъ изволите писать: объ моемъ заводѣ подана въ Казани челобитная именемъ Ѳедора Самойлова, что заводится вновь заводъ, и дачи общія не размежованныя, и чтобъ освидѣтельствовать то мѣсто, впредь спору отъ кого не было бы, и для того изволили послать маіора Чемодурова; также и лѣсъ расчищали мои крестьяне одни, и въ томъ сосѣдямъ всѣмъ подписаться, и впредь будетъ крѣпко. Да что били челомъ вамъ, государю моему, крестьяне на прикащика въ работѣ; изволили приказать розыскать, и за оное вамъ, государю моему, благодарствую и впредь прошу не оставить онаго заводу, и полагаюсь на ваше, государя моего, разсужденіе, какъ лучше, такъ изволите приказать дѣлать. Также изволите писать, что отправили ко мнѣ двухъ лошадей, и которая мнѣ правна будетъ взять мнѣ себѣ; и какъ ихъ приведутъ, я, государь мой, ихъ посмотрю. Притомъ же изволите писать о Казанскомъ архіереѣ, что вымышленно васъ поносилъ и подалъ на васъ подозрѣніи, и на то изволили ко мнѣ прислать экстрактъ, въ которомъ показано, что оный архіерей растригу Салникѣева погубилъ напрасно и нагло; что, по вашему нынѣшнему слѣдствію, все то сдѣлано напрасно и безвинно, и для того на васъ и затѣвалъ нарочно, чтобъ тѣмъ подозрѣніемъ до слѣдствія не допустить и обще вы съ прочими духовными опредѣлен-

невиненъ, а когда изволитъ усмотрѣть, я уповаю на Ея Величество великодушіе и мудрое мужественное разсужденіе, что меня напрасно не повелитъ перемѣною разорить и непорядочнымъ розыскомъ обругать. А буде онъ, жалѣя меня, по своему мнѣнію да не подастъ, такъ онъ тѣмъ погубитъ меня, а я вижу, что дѣло къ тому идетъ, что мнѣ умереть съ печали, что Богъ на немъ взыщетъ, что онъ до того довелъ меня.

11) Не возможно ль дядѣ Семену Андреевичу и прочимъ моимъ милостивымъ той милости показать, чтобъ для того розыску прислать кого изъ гвардіи, которые у такихъ дѣлъ бывали — Раевской, Епишковъ или Мельгунова; я отъ такихъ ни отъ кого не прочь, только бъ порядочно повели слѣдствіе.

XXV.

Отъ графа С. А. Салтыкова къ А. П. Волынскому.

Государь мой Артемій Петровичь!

Письмо ваше, государя моего, отъ 11-го сего августа, 27-го числа я получилъ, въ которомъ изволите писать: объ моемъ заводѣ подана въ Казани челобитная именемъ Ѳедора Самойлова, что заводится вновь заводъ, и дачи общія не размежованныя, и чтобъ освидѣтельствовать то мѣсто, впредь спору отъ кого не было бы, и для того изволили послать маіора Чемодурова; также и лѣсъ расчищали мои крестьяне одни, и въ томъ сосѣдямъ всѣмъ подписаться, и впредь будетъ крѣпко. Да что били челомъ вамъ, государю моему, крестьяне на прикащика въ работѣ; изволили приказать розыскать, и за оное вамъ, государю моему, благодарствую и впредь прошу не оставить онаго заводу, и полагаюсь на ваше, государя моего, разсужденіе, какъ лучше, такъ изволите приказать дѣлать. Также изволите писать, что отправили ко мнѣ двухъ лошадей, и которая мнѣ правна будетъ взять мнѣ себѣ; и какъ ихъ приведутъ, я, государь мой, ихъ посмотрю. Притомъ же изволите писать о Казанскомъ архіереѣ, что вымышленно васъ поносилъ и подалъ на васъ подозрѣніи, и на то изволили ко мнѣ прислать экстрактъ, въ которомъ показано, что оный архіерей растригу Салникѣева погубилъ напрасно и нагло; что, по вашему нынѣшнему слѣдствію, все то сдѣлано напрасно и безвинно, и для того на васъ и затѣвалъ нарочно, чтобъ тѣмъ подозрѣніемъ до слѣдствія не допустить и обще вы съ прочими духовными опредѣлен-

ными персоны слѣдовали; и потому я нынѣ узналъ, что оный архіерей по злобѣ на васъ то производитъ, однакожь правда вѣдаю, что пустошь, и этого вамъ дѣлать я никакъ не чаю, что онъ показываетъ; только покамѣстъ можете оправдаться, а что обнесено такими злыми неправыми поступки, то нескоро выправиться можете; что моя возможность допустила — истинно служилъ и впредь что возможно со всякою ревностію готовъ. И такъ, архіерей у меня былъ, и я ему говорилъ, чтобъ онъ въ томъ осмотрѣлся, что онъ сказываетъ и пишетъ на васъ напрасно лишнее, и онъ пошелъ отъ меня съ сердцемъ, что я ему противно говорилъ. Однакожь сколько возможно извольте осмотрительно и осторожно охранять себя какъ отъ архіерея, такъ и отъ другихъ; я вижу здѣсь сколько вамъ недрузей, что вы и сами извѣстны, а я воистинно, сколь могу, васъ охраняю, однакожь трудно противъ многихъ охранять. Также говорилъ мнѣ и князь Григорій Дмитріевичъ, что отъ васъ никакихъ репортовъ и вѣдомостей въ военную коллегію въ присылкѣ нѣсколько времени нѣтъ, и говорилъ мнѣ, что де „я вамъ объ этомъ сказываю и буду терпѣть нѣсколько времени, и буде въ пресылкѣ не будетъ, то сказалъ, что будетъ о томъ репортовано въ сенатъ; и прежде онъ мнѣ о томъ еще говорилъ, и я къ вамъ писалъ, токмо отповѣди отъ васъ не было. Извольте въ этомъ осмотрѣться и репорты присылать; и вамъ это не хорошо, какъ будетъ репортовать въ сенатъ. Вашъ, государя моего, покорный слуга Семенъ Салтыковъ.

Августа 29-го дня 1730 года. Въ селѣ Измайловѣ.

XXVI.

Отъ князя Г. А. Урусова къ А. П. Волынскому.

Милостивый мой государь Артемій Петровичь!

Благопріятнѣйшее ваше, моего государя, письмо, писанное въ Казани сего августа 12-го дня, я вчерашній день получилъ, которое видѣвъ, конечно надобно мнѣ говорить съ Семеномъ Андреевичемъ и съ прочими, токмо еще никого не видалъ.

Зѣло мнѣ дивно, что вы, не опробовавъ моей къ вамъ въ дружбѣ отмѣны, да писать ко мнѣ не изволилъ и не сообщилъ ко мнѣ прежде, какъ нынѣ изъ письма твоего вижу, и не зналъ, что по навѣтамъ архіерейскимъ объ тебѣ дѣлать; токмо слышавъ отъ него, во многомъ вѣрилъ, а нынѣ вижу ваше оправданіе; что же объ-

ными персоны слѣдовали; и потому я нынѣ узналъ, что оный архіерей по злобѣ на васъ то производитъ, однакожъ правда вѣдаю, что пустошь, и этого вамъ дѣлать я никакъ не чаю, что онъ показываетъ; только покамѣстъ можете оправдаться, а что обнесено такими злыми неправыми поступки, то нескоро выправиться можете; что моя возможность допустила — истинно служилъ и впредь что возможно со всякою ревностію готовъ. И такъ, архіерей у меня былъ, и я ему говорилъ, чтобъ онъ въ томъ осмотрѣлся, что онъ сказываетъ и пишетъ на васъ напрасно лишнее, и онъ пошелъ отъ меня съ сердцемъ, что я ему противно говорилъ. Однакожъ сколько возможно извольте осмотрительно и осторожно охранять себя какъ отъ архіерея, такъ и отъ другихъ; я вижу здѣсь сколько вамъ недрузей, что вы и сами извѣстны, а я воистинно, сколь могу, васъ охраняю, однакожъ трудно противъ многихъ охранять. Также говорилъ мнѣ и князь Григорій Дмитріевичъ, что отъ васъ никакихъ репортовъ и вѣдомостей въ военную коллегію въ присылкѣ нѣсколько времени нѣтъ, и говорилъ мнѣ, что де „я вамъ объ этомъ сказываю и буду терпѣть нѣсколько времени, и буде въ пресылкѣ не будетъ, то сказалъ, что будетъ о томъ репортовано въ сенатъ; и прежде онъ мнѣ о томъ еще говорилъ, и я къ вамъ писалъ, токмо отповѣди отъ васъ не было. Извольте въ этомъ осмотрѣться и репорты присылать; и вамъ это не хорошо, какъ будетъ репортовать въ сенатъ. Вашъ, государя моего, покорный слуга Семенъ Салтыковъ.

Августа 29-го дня 1730 года. Въ селѣ Измайловѣ.

XXVI.

Отъ князя Г. А. Урусова къ А. П. Волынскому.

Милостивый мой государь Артемій Петровичь!

Благопріятнѣйшее ваше, моего государя, письмо, писанное въ Казани сего августа 12-го дня, я вчерашній день получилъ, которое видѣвъ, конечно надобно мнѣ говорить съ Семеномъ Андреевичемъ и съ прочими, токмо еще никого не видалъ.

Зѣло мнѣ дивно, что вы, не опробовавъ моей къ вамъ въ дружбѣ отмѣны, да писать ко мнѣ не изволилъ и не сообщилъ ко мнѣ прежде, какъ нынѣ изъ письма твоего вижу, и не зналъ, что по навѣтамъ архіерейскимъ объ тебѣ дѣлать; токмо слышавъ отъ него, во многомъ вѣрилъ, а нынѣ вижу ваше оправданіе; что же объ-

являлъ онъ другое, чему никакъ вѣрить нельзя, и для того говорилъ я со многими, чтобъ о томъ розыскать, а нынѣ изъ письма вашего увидѣвъ и знавъ я о здѣшнемъ, конечно надобно быть слѣдованію между вами въ Казани, токмо того буду смотрѣть, чтобъ посланъ былъ человѣкъ добрый и неглупый, а паче, чтобъ исправилъ безъ похлѣбства.

О здѣшномъ вамъ, моему государю, доношу: Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая наша государыня находится во всеблагополучномъ здравіи, и уповаю, что Ея Величество въ будущей зимѣ въ концѣ изволитъ идти въ С.-Петербургъ на нѣсколько лѣтняго времени. Господинъ Левашевъ пожалованъ въ полные генералы и въ низовомъ корпусѣ главнымъ командиромъ, а репортовать будетъ по прежнему фельдмаршалъ Долгоруковъ; а къ нему Левашову посылается къ министерскимъ дѣламъ въ товарищи полномочнымъ двора нашего министромъ господинъ баронъ Шаферовъ, со всякимъ довольствомъ и съ милостью. Александру Румянцову и Загрязскому велѣно быть въ Москвѣ. Въ Кіевъ генералъ-губернаторомъ князь Иванъ Барятинской, да въ губернаторы въ Смоленскъ Алексѣй Таракановъ, въ Сибирь Алексѣй Плещеевъ, а на мѣсто Барятинскаго и Тараканова быть кому въ сенатѣ, того не слышалъ. Вѣрный вамъ, моему государю, слуга и другъ князь Григорій Урусовъ.

Изъ Москвы, августа 29-го 1730 года.

Благодѣтель нашъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской посланъ по прежнему въ Малороссію и быть тамъ при гетманѣ, а въ сенатѣ сенаторомъ числится.

Слышалъ я отъ членовъ военной коллегіи, что долгое время отъ тебя репортовъ не имѣется, и уже хотятъ на тебя протестовать въ сенатѣ, въ чемъ изволь остеречься.

XXVII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь мой отецъ Семенъ Андреевичъ!

Милостивыя и отеческія вашего превосходительства письма въ цѣлости получилъ, за которыя и за всѣ ваши милости всенижайше благодарствую, а что умедлилъ на оныя отвѣтствовать и нынѣ подробно доносить не могу, прошу не прогнѣваться на меня, понеже наказалъ меня Богъ претяжкою печалью, ибо сего сентября 12-го числа жена моя скончалась, и такъ я отъ 12-го августа истинно

являлъ онъ другое, чему никакъ вѣрить нельзя, и для того говорилъ я со многими, чтобъ о томъ розыскать, а нынѣ изъ письма вашего увидѣвъ и знавъ я о здѣшнемъ, конечно надобно быть слѣдованію между вами въ Казани, токмо того буду смотрѣть, чтобъ посланъ былъ человѣкъ добрый и неглупый, а паче, чтобъ исправилъ безъ похлѣбства.

О здѣшномъ вамъ, моему государю, доношу: Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая наша государыня находится во всеблагополучномъ здравіи, и уповаю, что Ея Величество въ будущей зимѣ въ концѣ изволитъ идти въ С.-Петербургъ на нѣсколько лѣтняго времени. Господинъ Левашевъ пожалованъ въ полные генералы и въ низовомъ корпусѣ главнымъ командиромъ, а репортовать будетъ по прежнему фельдмаршалъ Долгоруковъ; а къ нему Левашову посылается къ министерскимъ дѣламъ въ товарищи полномочнымъ двора нашего министромъ господинъ баронъ Шаферовъ, со всякимъ довольствомъ и съ милостью. Александру Румянцову и Загрязскому велѣно быть въ Москвѣ. Въ Кіевъ генералъ-губернаторомъ князь Иванъ Барятинской, да въ губернаторы въ Смоленскъ Алексѣй Таракановъ, въ Сибирь Алексѣй Плещеевъ, а на мѣсто Барятинскаго и Тараканова быть кому въ сенатѣ, того не слышалъ. Вѣрный вамъ, моему государю, слуга и другъ князь Григорій Урусовъ.

Изъ Москвы, августа 29-го 1730 года.

Благодѣтель нашъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской посланъ по прежнему въ Малороссію и быть тамъ при гетманѣ, а въ сенатѣ сенаторомъ числится.

Слышалъ я отъ членовъ военной коллегіи, что долгое время отъ тебя репортовъ не имѣется, и уже хотятъ на тебя протестовать въ сенатѣ, въ чемъ изволь остеречься.

XXVII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь мой отецъ Семенъ Андреевичъ!

Милостивыя и отеческія вашего превосходительства письма въ цѣлости получилъ, за которыя и за всѣ ваши милости всенижайше благодарствую, а что умедлилъ на оныя отвѣтствовать и нынѣ подробно доносить не могу, прошу не прогнѣваться на меня, понеже наказалъ меня Богъ претяжкою печалью, ибо сего сентября 12-го числа жена моя скончалась, и такъ я отъ 12-го августа истинно

по се время внѣ себя, понеже съ того времени сумнителенъ, а часто и отчаянъ животъ ея былъ. Я нынѣ въ печали моей благодарю Бога, что дѣтей мнѣ оставила, однакожь смотрѣть мнѣ на нихъ зѣло жалко, что такъ малы и сиры: Боже сохрани, если и мой вѣкъ не продолжится, такъ они бѣдные вовсе пропасть могутъ.

Всепокорно, милостивый государь отецъ, благодарствую за милостивое ваше отеческое престереганіе, что милостиво изволите писать, чтобъ я осмотрительно и осторожно жилъ; повѣрь, милостивый государь, мнѣ, какъ христіанину: истинно — умѣреннѣе того нельзя никому жить, какъ я жилъ и живу; а что архіерей вамъ и прочіе плуты доносятъ, не извольте вѣрить, истинно все лгутъ, въ чемъ вамъ клянусь Богомъ и плюся на всѣхъ добрыхъ людей. Что же надлежитъ до дѣлъ, милостиво изволите разсудить: что я буду за человѣкъ, если я буду упускать и слабо поступать; а что на меня жалуются, не извольте дивиться, только извольте крѣпко вѣрить, что безъ причины не дѣлаю никому никакой обиды, а что и дѣлаю, и то не мзды ради и не для моей страсти, что и Богъ и люди видятъ, у никто въ глаза изобличить меня не можетъ, что я вамъ, какъ отцу моему, по чистой моей совѣсти доношу; а что мнѣ мало доброжелателей,—что дѣлать: буди воля Божія, только бы я былъ въ совѣсти моей чистъ; я уповаю, Богъ меня не оставитъ въ моей правдѣ, и никто меня не съѣстъ, если онъ не попуститъ своей на меня казни.

Объ архіереѣ однимъ словомъ доношу, что онъ, какъ плутъ и безсовѣстный человѣкъ, все на меня затѣваетъ и лжетъ, закрывая то, чтобъ онъ воромъ и плутомъ не показался на старости, что я имѣю въ рукахъ моихъ, да только печаль мол не допускаетъ показать его каковъ. Въ однихъ вѣнечныхъ деньгахъ какое здѣсь народу разоренье, а у государыни кража четверная, а въ казну развѣ пятая часть приходитъ: гдѣ слыхано, что по два рубля съ полтиною, да по три рубля бѣднымъ людямъ становится одна вѣнечная память? А деньгамъ записки нѣтъ. Или, есть ли Богъ и совѣсть, что здѣсь въ епархіи съ 60 церквей пустыхъ, для того что меньше 30 руб. ставленика въ попы нѣтъ, и что люди помираютъ безъ покаянія, и ребята мрутъ некрещеные по году, то нѣтъ ничего.

Я не хочу остаться въ томъ, что онъ, плутъ на меня лжетъ. Посылаю челобитную въ сенатъ и прошу самъ, чтобъ велѣли про меня розыскать; сотвори милостиво, государь, милость, если воз-

по се время внѣ себя, понеже съ того времени сумнителенъ, а часто и отчаянъ животъ ея былъ. Я нынѣ въ печали моей благодарю Бога, что дѣтей мнѣ оставила, однакожь смотрѣть мнѣ на нихъ зѣло жалко, что такъ малы и сиры: Боже сохрани, если и мой вѣкъ не продолжится, такъ они бѣдные вовсе пропасть могутъ.

Всепокорно, милостивый государь отецъ, благодарствую за милостивое ваше отеческое престереганіе, что милостиво изволите писать, чтобъ я осмотрительно и осторожно жилъ; повѣрь, милостивый государь, мнѣ, какъ христіанину: истинно — умѣреннѣе того нельзя никому жить, какъ я жилъ и живу; а что архіерей вамъ и прочіе плуты доносятъ, не извольте вѣрить, истинно все лгутъ, въ чемъ вамъ клянусь Богомъ и плюся на всѣхъ добрыхъ людей. Что же надлежитъ до дѣлъ, милостиво изволите разсудить: что я буду за человѣкъ, если я буду упускать и слабо поступать; а что на меня жалуются, не извольте дивиться, только извольте крѣпко вѣрить, что безъ причины не дѣлаю никому никакой обиды, а что и дѣлаю, и то не мзды ради и не для моей страсти, что и Богъ и люди видятъ, у никто въ глаза изобличить меня не можетъ, что я вамъ, какъ отцу моему, по чистой моей совѣсти доношу; а что мнѣ мало доброжелателей,—что дѣлать: буди воля Божія, только бы я былъ въ совѣсти моей чистъ; я уповаю, Богъ меня не оставитъ въ моей правдѣ, и никто меня не съѣстъ, если онъ не попуститъ своей на меня казни.

Объ архіереѣ однимъ словомъ доношу, что онъ, какъ плутъ и безсовѣстный человѣкъ, все на меня затѣваетъ и лжетъ, закрывая то, чтобъ онъ воромъ и плутомъ не показался на старости, что я имѣю въ рукахъ моихъ, да только печаль мол не допускаетъ показать его каковъ. Въ однихъ вѣнечныхъ деньгахъ какое здѣсь народу разоренье, а у государыни кража четверная, а въ казну развѣ пятая часть приходитъ: гдѣ слыхано, что по два рубля съ полтиною, да по три рубля бѣднымъ людямъ становится одна вѣнечная память? А деньгамъ записки нѣтъ. Или, есть ли Богъ и совѣсть, что здѣсь въ епархіи съ 60 церквей пустыхъ, для того что меньше 30 руб. ставленика въ попы нѣтъ, и что люди помираютъ безъ покаянія, и ребята мрутъ некрещеные по году, то нѣтъ ничего.

Я не хочу остаться въ томъ, что онъ, плутъ на меня лжетъ. Посылаю челобитную въ сенатъ и прошу самъ, чтобъ велѣли про меня розыскать; сотвори милостиво, государь, милость, если воз-

можно внушить о томъ Ея Величеству, что я самъ о томъ челобитчикъ и подлинно доношу, что во всемъ чистъ; а если не будутъ розыскивать, такъ я вѣчно какъ у Ея Величества, такъ и у всѣхъ останусь въ недобрыхъ людѣхъ и хуже всякаго сумазброднаго.

Что же жаловался вамъ на меня и ко мнѣ писалъ князь Василій Володиміровичь о купцѣ Соли-Камской Турчениновѣ, — правда, для князь Василья Володиміровича онъ добрый человѣкъ, а въ прочемъ такой плутъ, какъ больше нельзя, понеже онъ не только Соль Камскую и Усольскій уѣздъ, всю провинцію разорилъ, и однимъ словомъ сказать, что Соль его Камская, а не государынина, и если прямо слѣдовать, я найду тысячь пятьдесятъ или больше покраденныхъ отъ него, и уже и самъ онъ во многомъ не въ чемъ признался; гдѣ слыхано, что онъ кого чѣмъ подаритъ отъ себя; вмѣсто того съ посаду не только Соли Камской и изъ другихъ городовъ втрое соберетъ неволею, а буде не станутъ платить, то куетъ и мучитъ или велитъ воеводѣ, а онъ, бѣдный, страха ради принужденъ по приказу его и ковать, и пытать, и на правежѣ бить. Милости прошу сіе разсудить, какъ мнѣ то упустить и какъ бѣднымъ людямъ не помогать и не избавлять; отъ того, я чаю, мнѣ и Богъ за то не потерпитъ; а буде я то дѣлаю изъ взятковъ или хочу съ него или съ другой стороны взять, будь я по вѣки проклятъ. Однакожь я его по письму вашего превосходительства свободилъ изъ желѣзъ на поруки, а по дѣламъ слѣдовать буду, надѣяся, что и вамъ то не противно будетъ, что я по совѣсти дѣлаю. Повѣрь, милостивый государь, что я не одному доброму человѣку никакой обиды не дѣлывалъ и впредь не хочу, а на безсовѣстныхъ, не запинаюся, держу отчасти строгость, и нельзя безъ того, а буде за все и для всѣхъ упускать, такъ я всѣхъ избалую и на всякое зло попущу.

XXVIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу М. Г. Воловкину.

Милостивый государь мой Михайло Гавриловичь!

Письмо вашего высокографскаго сіятельства чрезъ гардемарина Хохлова о сыску бѣглыхъ вашихъ крестьянъ получилъ, и какъ прежде вашему высокографскому сіятельству въ такихъ дѣлахъ служилъ, такъ и нынѣ обѣщаюся служить, а что будетъ происходить, о томъ буду доносить. И тако пребуду съ почтеніемъ и вѣрностію вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя моего, покорный и вѣрный слуга.

можно внушить о томъ Ея Величеству, что я самъ о томъ челобитчикъ и подлинно доношу, что во всемъ чистъ; а если не будутъ розыскивать, такъ я вѣчно какъ у Ея Величества, такъ и у всѣхъ останусь въ недобрыхъ людѣхъ и хуже всякаго сумазброднаго.

Что же жаловался вамъ на меня и ко мнѣ писалъ князь Василій Володиміровичь о купцѣ Соли-Камской Турчениновѣ, — правда, для князь Василья Володиміровича онъ добрый человѣкъ, а въ прочемъ такой плутъ, какъ больше нельзя, понеже онъ не только Соль Камскую и Усольскій уѣздъ, всю провинцію разорилъ, и однимъ словомъ сказать, что Соль его Камская, а не государынина, и если прямо слѣдовать, я найду тысячь пятьдесятъ или больше покраденныхъ отъ него, и уже и самъ онъ во многомъ не въ чемъ признался; гдѣ слыхано, что онъ кого чѣмъ подаритъ отъ себя; вмѣсто того съ посаду не только Соли Камской и изъ другихъ городовъ втрое соберетъ неволею, а буде не станутъ платить, то куетъ и мучитъ или велитъ воеводѣ, а онъ, бѣдный, страха ради принужденъ по приказу его и ковать, и пытать, и на правежѣ бить. Милости прошу сіе разсудить, какъ мнѣ то упустить и какъ бѣднымъ людямъ не помогать и не избавлять; отъ того, я чаю, мнѣ и Богъ за то не потерпитъ; а буде я то дѣлаю изъ взятковъ или хочу съ него или съ другой стороны взять, будь я по вѣки проклятъ. Однакожь я его по письму вашего превосходительства свободилъ изъ желѣзъ на поруки, а по дѣламъ слѣдовать буду, надѣяся, что и вамъ то не противно будетъ, что я по совѣсти дѣлаю. Повѣрь, милостивый государь, что я не одному доброму человѣку никакой обиды не дѣлывалъ и впредь не хочу, а на безсовѣстныхъ, не запинаюся, держу отчасти строгость, и нельзя безъ того, а буде за все и для всѣхъ упускать, такъ я всѣхъ избалую и на всякое зло попущу.

XXVIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу М. Г. Воловкину.

Милостивый государь мой Михайло Гавриловичь!

Письмо вашего высокографскаго сіятельства чрезъ гардемарина Хохлова о сыску бѣглыхъ вашихъ крестьянъ получилъ, и какъ прежде вашему высокографскому сіятельству въ такихъ дѣлахъ служилъ, такъ и нынѣ обѣщаюся служить, а что будетъ происходить, о томъ буду доносить. И тако пребуду съ почтеніемъ и вѣрностію вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя моего, покорный и вѣрный слуга.

XXIX.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу Г. И. Головкину.

Милостивый государь отецъ Гаврило Ивановичь!

Вашего высокографскаго сіятельства милостивое письмо іюля отъ 31-го, чрезъ прикащика Акинфея Демидова получилъ, въ которомъ изволите писать, что держалъ я въ губернской Казанской канцеляріи онаго Демидова человѣка, и если по дѣлу вашего высокографскаго сіятельства, то бъ его свободить, и что Демидовъ въ поставкѣ бѣглыхъ вашихъ крестьянъ далъ письмо. Всепокорно доношу: оный Демидова человѣкъ держался только по тому дѣлу, котораго я нынѣ свободилъ.

Сего сентября 12-го дня посѣтилъ меня Богъ тяжкою печалью, понеже жена моя скончалась, что̀ мнѣ безмѣрно горестно, понеже извѣстно вамъ, что была добрый человѣкъ и мнѣ была любима; благодарю Бога въ печали моей, что оставила мнѣ дѣтей, да нынѣ вмѣсто утѣхи зѣло мнѣ, и на нихъ смотря, горько, понеже три такіе черви, что малъ мала меньше; Боже сохрани, если не продолжить мой вѣкъ, такъ они, бѣдные, уже и совсѣмъ пропадутъ, понеже извѣстно вамъ, милостивый отецъ, какъ я пустъ и сиръ. Отъ такой моей претяжкой печали истинно у меня ни ума, ни памяти въ головѣ не стало, а помощника у меня въ канцеляріи никого нѣтъ, а когда и Нефедъ здѣсь былъ, истинно мнѣ было все равно, есть онъ или нѣтъ, понеже не дѣлалъ *никогда самъ ничего*, не смыслитъ; и ежели какое будетъ въ дѣлѣхъ мое неисправленіе, милости прошу, по человѣчеству разсудя, милостиво охранить меня. Однакожь я опасаюся, чтобъ что̀ не упущено было и на мнѣ бы не взыскалось; поручилъ я канцелярію править здѣшняго гарнизона подполковнику Григорью Хвостову, который правилъ Нижегородскую губернію, и его столько станетъ; а самъ я нынѣ всего труда истинно снести не могу, пока сія моя бѣда изъ головы не убудетъ; да боюсь того, что то сдѣлалъ собою безъ указу, чтобъ мнѣ того въ вину не причли. Милости прошу, милостивый отецъ, милостиво въ томъ охранить меня.

Сколь мнѣ чувствительна и тяжка печаль моя, то и Богъ и люди видятъ. Однакожь, какъ животолюбивый человѣкъ — не хочется безчестно жить, а хотя и умереть, однакожь не хочу съ тѣмъ порокомъ дѣтей своихъ оставить, чѣмъ меня язвилъ и всѣмъ обо мнѣ разгласилъ — затѣялъ вымышленно, не боясь Бога и смерти,

XXIX.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу Г. И. Головкину.

Милостивый государь отецъ Гаврило Ивановичь!

Вашего высокографскаго сіятельства милостивое письмо іюля отъ 31-го, чрезъ прикащика Акинфея Демидова получилъ, въ которомъ изволите писать, что держалъ я въ губернской Казанской канцеляріи онаго Демидова человѣка, и если по дѣлу вашего высокографскаго сіятельства, то бъ его свободить, и что Демидовъ въ поставкѣ бѣглыхъ вашихъ крестьянъ далъ письмо. Всепокорно доношу: оный Демидова человѣкъ держался только по тому дѣлу, котораго я нынѣ свободилъ.

Сего сентября 12-го дня посѣтилъ меня Богъ тяжкою печалью, понеже жена моя скончалась, что̀ мнѣ безмѣрно горестно, понеже извѣстно вамъ, что была добрый человѣкъ и мнѣ была любима; благодарю Бога въ печали моей, что оставила мнѣ дѣтей, да нынѣ вмѣсто утѣхи зѣло мнѣ, и на нихъ смотря, горько, понеже три такіе черви, что малъ мала меньше; Боже сохрани, если не продолжить мой вѣкъ, такъ они, бѣдные, уже и совсѣмъ пропадутъ, понеже извѣстно вамъ, милостивый отецъ, какъ я пустъ и сиръ. Отъ такой моей претяжкой печали истинно у меня ни ума, ни памяти въ головѣ не стало, а помощника у меня въ канцеляріи никого нѣтъ, а когда и Нефедъ здѣсь былъ, истинно мнѣ было все равно, есть онъ или нѣтъ, понеже не дѣлалъ *никогда самъ ничего*, не смыслитъ; и ежели какое будетъ въ дѣлѣхъ мое неисправленіе, милости прошу, по человѣчеству разсудя, милостиво охранить меня. Однакожь я опасаюся, чтобъ что̀ не упущено было и на мнѣ бы не взыскалось; поручилъ я канцелярію править здѣшняго гарнизона подполковнику Григорью Хвостову, который правилъ Нижегородскую губернію, и его столько станетъ; а самъ я нынѣ всего труда истинно снести не могу, пока сія моя бѣда изъ головы не убудетъ; да боюсь того, что то сдѣлалъ собою безъ указу, чтобъ мнѣ того въ вину не причли. Милости прошу, милостивый отецъ, милостиво въ томъ охранить меня.

Сколь мнѣ чувствительна и тяжка печаль моя, то и Богъ и люди видятъ. Однакожь, какъ живото̀любивый человѣкъ — не хочется безчестно жить, а хотя и умереть, однакожь не хочу съ тѣмъ порокомъ дѣтей своихъ оставить, чѣмъ меня язвилъ и всѣмъ обо мнѣ разгласилъ — затѣялъ вымышленно, не боясь Бога и смерти,

архіерей здѣшній, и сдѣлалъ меня такимъ: *если то не будетъ освидѣтельствовано*, то я буду хуже всякаго непотребнаго и сумазброднаго человѣка; для того я принужденъ послать челобитную въ правительствующій сенатъ, прося самъ на себя, чтобъ повелѣно было по тѣмъ его затѣйливымъ и составнымъ пунктамъ прислать кого сюды нарочнаго и розыскать, одною только правдою, безо всякой мнѣ поноровки. Того ради, милостивый государь отецъ, слезно у васъ прошу милости: не прикажите сего такъ оставить, и чтобъ кто былъ добрый человѣкъ и безкорыстный присланъ, а я не выбираю никого, только бъ кто не его стороны былъ и не помапилъ ни мнѣ, ни ему; о чемъ и паки прошу: сотвори, милостивый государь отецъ, въ томъ свою надо мною милость; а въ какой силѣ челобитная, прилагаю при семъ копію и, уповая на вашу ко мнѣ отеческую милость, прилежно прошу милостиво приказать опую передъ собою прочесть. Впрочемъ, милостивый государь, предаю себя въ неотъемлемую вашу отеческую милость и пребываю съ должнымъ почтеніемъ и вѣрностію.

Въ той же силѣ писано къ князь Григорью Алексѣевичу Урусову.

XXX.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ Семенъ Андреевичъ!

Я уповаю, что съ прошеніями моими сержантъ Хомутовъ прибылъ давно, а и господинъ Кубасовъ въ сихъ дняхъ къ вашему превосходительству уже прибылъ, и кромѣ писемъ моихъ, могъ онъ словесно о всемъ донести, потому милостиво извольте, милостивый государь, сами разсудить, сколько бесчестна и убыточна мнѣ нынѣ будетъ моя отсюды перемѣна, и какая мнѣ будетъ трудность въ дорогѣ съ малыми ребятишками, дѣтьми моими; истинно я разорюся безъ остатка со всѣмъ моимъ домомъ, и дѣтей бѣдныхъ принужденъ буду конечно повредить стужею, понеже здѣсь рѣдко помнятъ такихъ въ ноябрѣ морозовъ, какіе нынѣ стали.

Я, милостивый государь отецъ, ни о чемъ иномъ не прошу, когда пришла на то воля Ея Императорскаго Величества, что меня перемѣнить; что дѣлать и когда-нибудь надобно тому быть, да только чтобъ не въ нынѣшнее время, и для того всенижайше прошу показать надо мною божескую милость и милостиво испро-

архіерей здѣшній, и сдѣлалъ меня такимъ: *если то не будетъ освидѣтельствовано*, то я буду хуже всякаго непотребнаго и сумазброднаго человѣка; для того я принужденъ послать челобитную въ правительствующій сенатъ, прося самъ на себя, чтобъ повелѣно было по тѣмъ его затѣйливымъ и составнымъ пунктамъ прислать кого сюды нарочнаго и розыскать, одною только правдою, безо всякой мнѣ поноровки. Того ради, милостивый государь отецъ, слезно у васъ прошу милости: не прикажите сего такъ оставить, и чтобъ кто былъ добрый человѣкъ и безкорыстный присланъ, а я не выбираю никого, только бъ кто не его стороны былъ и не помапилъ ни мнѣ, ни ему; о чемъ и паки прошу: сотвори, милостивый государь отецъ, въ томъ свою надо мною милость; а въ какой силѣ челобитная, прилагаю при семъ копію и, уповая на вашу ко мнѣ отеческую милость, прилежно прошу милостиво приказать оную передъ собою прочесть. Впрочемъ, милостивый государь, предаю себя въ неотъемлемую вашу отеческую милость и пребываю съ должнымъ почтеніемъ и вѣрностію.

Въ той же силѣ писано къ князь Григорью Алексѣевичу Урусову.

XXX.

Отъ А. П. Волынскаго къ графу С. А. Салтыкову.

Милостивый государь отецъ Семенъ Андреевичъ!

Я уповаю, что съ прошеніями моими сержантъ Хомутовъ прибылъ давно, а и господинъ Кубасовъ въ сихъ дняхъ къ вашему превосходительству уже прибылъ, и кромѣ писемъ моихъ, могъ онъ словесно о всемъ донести, потому милостиво извольте, милостивый государь, сами разсудить, сколько бесчестна и убыточна мнѣ нынѣ будетъ моя отсюды перемѣна, и какая мнѣ будетъ трудность въ дорогѣ съ малыми ребятишками, дѣтьми моими; истинно я разорюся безъ остатка со всѣмъ моимъ домомъ, и дѣтей бѣдныхъ принужденъ буду конечно повредить стужею, понеже здѣсь рѣдко помнятъ такихъ въ ноябрѣ морозовъ, какіе нынѣ стали.

Я, милостивый государь отецъ, ни о чемъ иномъ не прошу, когда пришла на то воля Ея Императорскаго Величества, что меня перемѣнить; что дѣлать и когда-нибудь надобно тому быть, да только чтобъ не въ нынѣшнее время, и для того всенижайше прошу показать надо мною божескую милость и милостиво испро-

сить мнѣ до весны время въ моей перемѣнѣ. Также прилежно прошу о слѣдствіи по архіерейскимъ на меня затѣйнымъ и составнымъ бреднямъ, чтобы повелѣно было слѣдовать не тому, кто на мое мѣсто губернаторомъ назначенъ, понеже онъ, желая моего мѣста, будетъ на мою сторону посягать и съ правдою моею дѣлать меня нарочно виноватымъ; также при томъ слѣдствіи, чтобъ и Нефеду Кудрявцову не быть, понеже онъ съ архіереемъ обще противу меня стакался. Того ради, чтобъ повелѣно было прислать кого особливаго, и я не выбираю никого, только чтобъ кто совѣстенъ былъ и зналъ совершенно дѣло, а я готовъ подписаться на смерть, что ежели порядочно и на обѣ стороны ни посягая, ни маня, будетъ изслѣдовано, я буду во всемъ правъ, а архіерей останется въ томъ какъ недобросовѣстный человѣкъ.

Впрочемъ, милостивый государь отецъ, всепижайше прошу милостиво напамятовать (мои хотя малыя, но вѣрныя услуги къ вашему превосходительству, милостивому государю) милостивое ваше (отеческое) ко мнѣ обнадеживаніе и показать въ томъ ко мнѣ Божескую милость.

Ежели о пріѣздѣ моемъ въ Москву будутъ ту невозможность разсуждать, что губерніи оставить не на кого, есть здѣсь подполковникъ Хвостовъ, во сто мѣръ лучше Нефеда и правилъ цѣлую Нижегородскую губернію такъ порядочно, что въ одинъ годъ передѣлалъ столько дѣлъ, чего Юрій Ржевской въ десять лѣтъ не сдѣлалъ.

(Изъ Казани, 4-го ноября).

Подобныя письма А. П. Волынской писалъ къ Гаврилу Ивановичу Головкину, къ князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому и княгинѣ его, къ Павлу Ивановичу Ягужинскому, къ Михайлѣ Гавриловичу Головкину, къ князю Григорію Алексѣевичу Урусову и къ Никитѣ Кречетникову.

XXII.

Отъ А. П. Волынскаго къ княгинѣ М. Ю. Черкасской *).

Милостивая государыня мать, княгиня Марья Юрьевна!

Я пространными доношеніями моими опасаюся трудить милостиваго государя моего, князя Алексѣя Михайловича, о которомъ, сумнѣваюся, что онъ ко мнѣ не таковъ милостивъ сталъ, понеже я неоднократно просилъ и писалъ о кровныхъ моихъ нуждахъ, од-

---

*) Княгиня М. Ю. Черкасская — жена князя Алексѣя Михайловича.

сить мнѣ до весны время въ моей перемѣнѣ. Также прилежно прошу о слѣдствіи по архіерейскимъ на меня затѣйнымъ и составнымъ бреднямъ, чтобы повелѣно было слѣдовать не тому, кто на мое мѣсто губернаторомъ назначенъ, понеже онъ, желая моего мѣста, будетъ на мою сторону посягать и съ правдою моею дѣлать меня нарочно виноватымъ; также при томъ слѣдствіи, чтобъ и Нефеду Кудрявцову не быть, понеже онъ съ архіереемъ обще противу меня стакался. Того ради, чтобъ повелѣно было прислать кого особливаго, и я не выбираю никого, только чтобъ кто совѣстенъ былъ и зналъ совершенно дѣло, а я готовъ подписаться на смерть, что ежели порядочно и на обѣ стороны ни посягая, ни маня, будетъ изслѣдовано, я буду во всемъ правъ, а архіерей останется въ томъ какъ недобросовѣстный человѣкъ.

Впрочемъ, милостивый государь отецъ, всепижайше прошу милостиво напамятовать (мои хотя малыя, но вѣрныя услуги къ вашему превосходительству, милостивому государю) милостивое ваше (отеческое) ко мнѣ обнадеживаніе и показать въ томъ ко мнѣ Божескую милость.

Ежели о пріѣздѣ моемъ въ Москву будутъ ту невозможность разсуждать, что губерніи оставить не на кого, есть здѣсь подполковникъ Хвостовъ, во сто мѣръ лучше Нефеда и правилъ цѣлую Нижегородскую губернію такъ порядочно, что въ одинъ годъ передѣлалъ столько дѣлъ, чего Юрій Ржевской въ десять лѣтъ не сдѣлалъ.

(Изъ Казани, 4-го ноября).

Подобныя письма А. П. Волынской писалъ къ Гаврилу Ивановичу Головкину, къ князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому и княгинѣ его, къ Павлу Ивановичу Ягужинскому, къ Михайлѣ Гавриловичу Головкину, къ князю Григорію Алексѣевичу Урусову и къ Никитѣ Кречетникову.

XXII.

Отъ А. П. Волынскаго къ княгинѣ М. Ю. Черкасской *).

Милостивая государыня мать, княгиня Марья Юрьевна!

Я пространными доношеніями моими опасаюся трудить милостиваго государя моего, князя Алексѣя Михайловича, о которомъ, сумнѣваюся, что онъ ко мнѣ не таковъ милостивъ сталъ, понеже я неоднократно просилъ и писалъ о кровныхъ моихъ нуждахъ, од-

---

*) Княгиня М. Ю. Черкасская — жена князя Алексѣя Михайловича.

никожь ни на одно мое нижайшее прошеніе никакой не только милости, ни отповѣди не получилъ.

Я васъ, милостивую государыню, всенижайше прошу чрезъ самого Бога, чтобъ вы по своей мнѣ прежней матерінской милости не изволили поскучать милостиво сіе мое прочесть, также и приложенный экстрактъ при томъ. А затѣмъ доношу: Буду проклятъ, ежели я искалъ и проскивалъ того, чтобъ мнѣ о Казанскомъ архіереѣ розыскивать и дѣла его слѣдовать, да принудили меня сподъ то дѣлать присланными ко мнѣ Ея Императорскаго Величества указами, потому я и вступилъ, что увидѣвъ здѣшній архіерей, да не знавъ, чѣмъ душевредство свое, а келейника своего воровство закрыть, вымыслилъ составленныя на меня подозрѣнія, нарочно написавъ на меня и разглася то, что ежели въ мысль мою прихаживало, не только я то дѣлалъ, я буду треклятый и вѣчно бездѣльникъ. Правда, надобно было ему подозрѣніями отходить, понеже онъ по тѣмъ дѣламъ кругомъ виноватъ, только бъ не съ такими смертельно досадительными мнѣ образами, которыми онъ такъ меня теперь сдѣлалъ, что сталъ хуже всякаго сумазбродпаго человѣка. И когда дядя мой, милостивый государь Семенъ Андреевичь, ему повѣрилъ, какъ же другимъ кому не вѣрить, понеже въ святительскомъ санѣ и осмидесятилѣтній старичекъ, а буде о совѣсти его разсудить, мсти мнѣ Богъ здѣсь и въ будущемъ, если я то затѣваю; истинно ни самый бы безбожный варваръ не сталъ того дѣлать по одному человѣчеству, какъ онъ, христіанинъ, да къ тому жь архіерей, и будучи въ такой своей старости.

Былъ здѣсь въ Зилантовомъ монастырѣ архимандритомъ Смолянинъ, онъ же и дворянскій сынъ Іона Салникѣевичь (или по русски Салникѣевъ), который при покойномъ Тихонѣ, бывшемъ здѣшнемъ митрополитѣ, судьею и въ крайней его милости и имѣлъ богатства своего на нѣсколько тысячь, въ томъ числѣ денегъ съ три тысячи или больше; потомъ взятъ въ сподъ и тамъ былъ членомъ, да скучно ему, дураку, въ Петербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ, и что онъ разлучился съ своими друзьями (которому всѣ знатные дворяне и лучшіе купцы друзья и пріятели, также и бѣднымъ пріѣзжимъ офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель), понеже былъ обходительный человѣкъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и губернаторы Петръ Матвѣевичь, Петръ Самойловичь и Алексѣй Петровичь безмѣрно любили, и такой человѣкъ былъ, что надобно было любить; и уже когда сюды и нынѣшній архіерей въ епархію прибылъ, съ начала былъ къ нему очень добръ и такъ и

никожь ни на одно мое нижайшее прошеніе никакой не только милости, ни отповѣди не получилъ.

Я васъ, милостивую государыню, всенижайше прошу чрезъ самого Бога, чтобъ вы по своей мнѣ прежней матерінской милости не изволили поскучать милостиво сіе мое прочесть, также и приложенный экстрактъ при томъ. А затѣмъ доношу: Буду проклятъ, ежели я искалъ и проискивалъ того, чтобъ мнѣ о Казанскомъ архіереѣ розыскивать и дѣла его слѣдовать, да принудили меня сподъ то дѣлать присланными ко мнѣ Ея Императорскаго Величества указами, потому я и вступилъ, что увидѣвъ здѣшній архіерей, да не знавъ, чѣмъ душевредство свое, а келейника своего воровство закрыть, вымыслилъ составленныя на меня подозрѣнія, нарочно написавъ на меня и разглася то, что ежели въ мысль мою прихаживало, не только я то дѣлалъ, я буду треклятый и вѣчно бездѣльникъ. Правда, надобно было ему подозрѣніями отходить, понеже онъ по тѣмъ дѣламъ кругомъ виноватъ, только бъ не съ такими смертельно досадительными мнѣ образами, которыми онъ такъ меня теперь сдѣлалъ, что сталъ хуже всякаго сумазбродпаго человѣка. И когда дядя мой, милостивый государь Семенъ Андреевичь, ему повѣрилъ, какъ же другимъ кому не вѣрить, понеже въ святительскомъ санѣ и осмидесятилѣтній старичекъ, а буде о совѣсти его разсудить, мсти мнѣ Богъ здѣсь и въ будущемъ, если я то затѣваю; истинно ни самый бы безбожный варваръ не сталъ того дѣлать по одному человѣчеству, какъ онъ, христіанинъ, да къ тому жь архіерей, и будучи въ такой своей старости.

Былъ здѣсь въ Зилантовомъ монастырѣ архимандритомъ Смолянинъ, онъ же и дворянскій сынъ Іона Салникѣевичь (или по русски Салникѣевъ), который при покойномъ Тихонѣ, бывшемъ здѣшнемъ митрополитѣ, судьею и въ крайней его милости и имѣлъ богатства своего на нѣсколько тысячь, въ томъ числѣ денегъ съ три тысячи или больше; потомъ взятъ въ сподъ и тамъ былъ членомъ, да скучно ему, дураку, въ Петербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ, и что онъ разлучился съ своими друзьями (которому всѣ знатные дворяне и лучшіе купцы друзья и пріятели, также и бѣднымъ пріѣзжимъ офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель), понеже былъ обходительный человѣкъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и губернаторы Петръ Матвѣевичь, Петръ Самойловичь и Алексѣй Петровичь безмѣрно любили, и такой человѣкъ былъ, что надобно было любить; и уже когда сюды и нынѣшній архіерей въ епархію прибылъ, съ начала былъ къ нему очень добръ и такъ и

при немъ судьею былъ, какъ при Тихонѣ митрополитѣ; да учинилась у нихъ за то ссора, что архіерей по кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойнославныя памяти императора государя Петра Перваго не сталъ принимать челобитенъ, писанныхъ на имя государыни императрицы, и далъ ихъ и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое архіерейское имя; тотъ бѣдный Салникѣевъ сперва со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ его, архіерея, и молилъ, чтобъ онъ пересталъ то дѣлать, понеже отъ того самъ боялся себѣ бѣды, что судья былъ въ томъ его архіерейскомъ приказѣ; однако слезами и просьбою не упросилъ, принужденъ говорить уже и съ противностію и тѣмъ впалъ въ его немилость, за что̀ ему архіерей уже сталъ и бѣды искать. При томъ же и мѣсто его архимандрическое понадобилось плуту черницу Питириму, келейнику архіерея нынѣшняго. Потомъ дошло до того, что архіерей не только челобитныя почалъ драть и дѣла, произведенныя въ дѣйство съ такими челобитными, осердяся на него, что онъ производилъ по тѣмъ челобитнымъ, писаннымъ на имя покойной императрицы, а не на его, а къ нему, Салникѣеву, привязками придрался, будто въ похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей, и за то оковалъ его и мучилъ тирански въ земляной тюрьмѣ и, раздѣвъ на морозѣ, билъ на правежѣ въ одной только свиткѣ, а все то только по одной своей богомерзской злобѣ; онъ бѣдный, Салникѣевъ, не стерпя того мученья, сказалъ за собою слово и принужденъ доводить на него въ драньѣ тѣхъ челобитенъ и дѣлъ, изъ которыхъ и дѣло одно выкравъ изъ архіерейскаго приказа объявилъ и притомъ просилъ на архіерея въ своемъ напрасномъ мученьѣ и былъ въ Преображенскомъ и въ прочихъ во многихъ мытарствахъ, потомъ дошелъ до святѣйшаго синода, гдѣ лучшая и святая всего государства нашего правда; однакожъ тамъ, оставя голову, поймали за хвостъ, мучили его и допрашивали въ тѣхъ похищеніяхъ, гдѣ онъ поупрямился и назвалъ присланную объ немъ отъ архіерея выписку воровскою, а ссылался на подлинныя дѣла, которыя здѣсь въ архіерейскомъ приказѣ; однакожъ все то отставя и не освидѣтельствовавъ той выписки съ подлинными дѣлами, лишили его чести и чина священства и монашества, а за безчестье архіерейское, что назвалъ выписку воровскою, высѣкли кнутомъ; тутъ ему и конецъ, тутъ и судъ весь; а пожитки его и деньги пошли всѣ по рукамъ, за которые и кнутъ ему въ спину купленъ, а что̀ доносилъ на архіерея, то все брошено и по сіе время не слѣдовано. И такъ, все гибло, и онъ окованъ былъ въ синодѣ и со-

при немъ судьею былъ, какъ при Тихонѣ митрополитѣ; да учинилась у нихъ за то ссора, что архіерей по кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойнославныя памяти императора государя Петра Перваго не сталъ принимать челобитенъ, писанныхъ на имя государыни императрицы, и далъ ихъ и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое архіерейское имя; тотъ бѣдный Салникѣевъ сперва со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ его, архіерея, и молилъ, чтобъ онъ пересталъ то дѣлать, понеже отъ того самъ боялся себѣ бѣды, что судья былъ въ томъ его архіерейскомъ приказѣ; однако слезами и просьбою не упросилъ, принужденъ говорить уже и съ противностію и тѣмъ впалъ въ его немилость, за что̀ ему архіерей уже сталъ и бѣды искать. При томъ же и мѣсто его архимандрическое понадобилось плуту черницу Питириму, келейнику архіерея нынѣшняго. Потомъ дошло до того, что архіерей не только челобитныя почалъ драть и дѣла, произведенныя въ дѣйство съ такими челобитными, осердяся на него, что онъ производилъ по тѣмъ челобитнымъ, писаннымъ на имя покойной императрицы, а не на его, а къ нему, Салникѣеву, привязками придрался, будто въ похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей, и за то оковалъ его и мучилъ тирански въ земляной тюрьмѣ и, раздѣвъ на морозѣ, билъ на правежѣ въ одной только свиткѣ, а все то только по одной своей богомерзской злобѣ; онъ бѣдный, Салникѣевъ, не стерпя того мученья, сказалъ за собою слово и принужденъ доводить на него въ драньѣ тѣхъ челобитенъ и дѣлъ, изъ которыхъ и дѣло одно выкравъ изъ архіерейскаго приказа объявилъ и притомъ просилъ на архіерея въ своемъ напрасномъ мученьѣ и былъ въ Преображенскомъ и въ прочихъ во многихъ мытарствахъ, потомъ дошелъ до святѣйшаго синода, гдѣ лучшая и святая всего государства нашего правда; однакожъ тамъ, оставя голову, поймали за хвостъ, мучили его и допрашивали въ тѣхъ похищеніяхъ, гдѣ онъ поупрямился и назвалъ присланную объ немъ отъ архіерея выписку воровскою, а ссылался на подлинныя дѣла, которыя здѣсь въ архіерейскомъ приказѣ; однакожъ все то отставя и не освидѣтельствовавъ той выписки съ подлинными дѣлами, лишили его чести и чина священства и монашества, а за безчестье архіерейское, что назвалъ выписку воровскою, высѣкли кнутомъ; тутъ ему и конецъ, тутъ и судъ весь; а пожитки его и деньги пошли всѣ по рукамъ, за которые и кнутъ ему въ спину купленъ, а что̀ доносилъ на архіерея, то все брошено и по сіе время не слѣдовано. И такъ, все гибло, и онъ окованъ былъ въ синодѣ и со-

держался подъ крѣпкимъ карауломъ, которому не велѣно было давать ни чернилъ, ни бумаги, и то все дѣлалось при покойномъ императорѣ государѣ Петрѣ Второмъ, во время власти Ростовскаго архіерея Дашкова; и какъ нынѣ всемилостивѣйшая государыня паша соизволила воспринять престолъ и вступить въ самодержавное правленіе, не вѣдаю, чрезъ кого оный бѣдный растрига домогся, что прислали ко мнѣ изъ синода указъ, чтобъ мнѣ и двумъ духовнымъ персонамъ о всемъ вышеписанномъ изслѣдовать, и его, растригу, прислали сюда къ доказательству; но какъ я въ слѣдствіи тѣхъ дѣлъ пошелъ по прямой дорогѣ, то архіерей здѣшній сталъ подавать на меня ябедническія свои составя ложныя подозрѣнія, а плутъ келейникъ бывшій его, котораго онъ на мѣсто того растриги въ тотъ монастырь въ архимандриты посвятилъ, подалъ жалобы составя затѣйныя ж на присутствующихъ со мною духовныхъ. А святѣйшій синодъ, маня архіерею, не освидѣтельствавъ обо мнѣ, и отрѣшили меня, какъ бы прямаго подозрительнаго.

Не поскучь, милостивая государыня мать, и сіе еще милостиво прочесть. Написалъ на меня архіерей, будто я секретаря его Судовикова хотѣлъ шпагою заколоть и, вынявъ оную наголо, будто гонялся за нимъ. Прокляни Богъ душу мою, если я то мыслилъ, не только дѣлалъ; сверхъ того, я не только бить или колоть его, я его люблю, и онъ съ самого моего пріѣзду ищетъ во мнѣ и не слыхалъ отъ меня истинно никогда никакой брани: развѣ онъ вмѣсто меня то дѣлалъ, и архіерею во снѣ явилось.

Еще жь написалъ, будто я отнялъ монастырскій загородный дворъ и держу на немъ собакъ, и будто кормятъ ихъ и людей моихъ пятнадцать человѣкъ монастырскимъ хлѣбомъ, да и кашею. Я доношу вамъ такъ совѣстно, какъ на страшномъ мнѣ Христовомъ судѣ стать,—дворъ тотъ пустой, и онъ разгороженъ на двое, изъ которыхъ одну половину велѣлъ для меня, по просьбѣ моей, отдать самъ архіерей, гдѣ только два сарая и одинъ подклѣтъ да черная баня, и собакъ моихъ истинно было только съ тридцать, да при нихъ пять человѣкъ людей, и жили только одну зиму, и то не всю, а чтобъ довольствовались монастырскимъ кормомъ или брали ко мнѣ оттуда овесъ, будь я вѣчно бездѣльникъ, если то, или что-нибудь изъ того правда, кромѣ что брана солома одна и то, что̀ сами дадутъ.

Также написалъ, будто я у монастыря онаго велѣлъ вырубить береженую рощу, и будто посланные мои того монастыря игумена

держался подъ крѣпкимъ карауломъ, которому не велѣно было давать ни чернилъ, ни бумаги, и то все дѣлалось при покойномъ императорѣ государѣ Петрѣ Второмъ, во время власти Ростовскаго архіерея Дашкова; и какъ нынѣ всемилостивѣйшая государыня паша соизволила воспринять престолъ и вступить въ самодержавное правленіе, не вѣдаю, чрезъ кого оный бѣдный растрига домогся, что прислали ко мнѣ изъ синода указъ, чтобъ мнѣ и двумъ духовнымъ персонамъ о всемъ вышеписанномъ изслѣдовать, и его, растригу, прислали сюда къ доказательству; но какъ я въ слѣдствіи тѣхъ дѣлъ пошелъ по прямой дорогѣ, то архіерей здѣшній сталъ подавать на меня ябедническія свои составя ложныя подозрѣнія, а плутъ келейникъ бывшій его, котораго онъ на мѣсто того растриги въ тотъ монастырь въ архимандриты посвятилъ, подалъ жалобы составя затѣйныя ж на присутствующихъ со мною духовныхъ. А святѣйшій синодъ, маня архіерею, не освидѣтельствавъ обо мнѣ, и отрѣшили меня, какъ бы прямаго подозрительнаго.

Не поскучь, милостивая государыня мать, и сіе еще милостиво прочесть. Написалъ на меня архіерей, будто я секретаря его Судовикова хотѣлъ шпагою заколоть и, вынявъ оную паголо, будто гонялся за нимъ. Прокляни Богъ душу мою, если я то мыслилъ, не только дѣлалъ; сверхъ того, я не только бить или колоть его, я его люблю, и онъ съ самого моего пріѣзду ищетъ во мнѣ и не слыхалъ отъ меня истинно никогда никакой брани: развѣ онъ вмѣсто меня то дѣлалъ, и архіерею во снѣ явилось.

Еще жь написалъ, будто я отнялъ монастырскій загородный дворъ и держу на немъ собакъ, и будто кормятъ ихъ и людей моихъ пятнадцать человѣкъ монастырскимъ хлѣбомъ, да и кашею. Я доношу вамъ такъ совѣстно, какъ на страшномъ мнѣ Христовомъ судѣ стать,—дворъ тотъ пустой, и онъ разгороженъ на двое, изъ которыхъ одну половину велѣлъ для меня, по просьбѣ моей, отдать самъ архіерей, гдѣ только два сарая и одинъ подклѣтъ да черная баня, и собакъ моихъ истинно было только съ тридцать, да при нихъ пять человѣкъ людей, и жили только одну зиму, и то не всю, а чтобъ довольствовались монастырскимъ кормомъ или брали ко мнѣ оттуда овесъ, будь я вѣчно бездѣльникъ, если то, или что-нибудь изъ того правда, кромѣ что брана солома одна и то, что̀ сами дадутъ.

Также написалъ, будто я у монастыря онаго велѣлъ вырубить береженую рощу, и будто посланные мои того монастыря игумена

хотѣли убить за то, что онъ рубить воспрещалъ. Ежели я мыслилъ то дѣлать, не только посылать кого рубить, убей меня самаго Богъ; и хотя по приказу моему одно дерево срублено, я готовъ заплатить тысячу рублей; сверхъ того, во всемъ томъ шлюсь на игумена того; да и роща та вся цѣла и теперь.

Онъ же написалъ на меня, будто я бралъ по неволѣ у него мастеровыхъ людей, и какъ опымъ, такъ и постороннимъ за работу не плачу денегъ, и будто обралъ у него и у прочихъ на строенье хоромъ и прочаго безденежно, а понеже онъ двухъ окончишниковъ, которыхъ я у него просилъ для починки, самъ далъ мнѣ, и дѣлали съ мѣсяцъ, которымъ за работу и деньги далъ, сверхъ того, что мой хлѣбъ ѣли, и такъ истинно всѣмъ плачу въ полтора или вдвое, какъ платятъ имъ другіе; и буде бралъ лѣсъ и обижаю тѣмъ и не плачу денегъ, я хотя одною копѣйкою покорыстовался, или бъ просили за что взятое или за работу денегъ, а я отказалъ и не заплатилъ, за то самого разори меня Богъ.

Я уповаю, что ваше сіятельство, милостивая государыня, по своему великодушію и по своей совѣсти по такой моей христіанской тяжкой клятвѣ можете мнѣ повѣрить, и что я, имѣя Бога и душу и совѣсть, не сталъ бы такъ предавать себя добровольной клятвѣ извольте жь милостиво разсудить о томъ, кто на меня лжетъ, какая то богомерзкая совѣсть, и какой онъ безсовѣстный плутъ.

Я у васъ, милостивая государыня мать, вмѣсто всякой вашей ко мнѣ милости и защищенія прошу, чтобъ милостивый государь мой князь Алексѣй Михайловичь и милостивый государь мой дядя Семенъ Андреевичь исходатайствовали то мнѣ, чтобъ обо мнѣ, какъ о самомъ о какомъ злодѣѣ, повелѣно было изъ сената кому розыскать по поданнымъ отъ него архіерея на меня пунктамъ, безъ всякой мнѣ поноровки, только одною самою истинною, дабы въ томъ бѣдная моя совѣсть чистоту свою и невинность мною показала.

Цидулка къ предъидущему письму.

Нѣкоторымъ и неоднократно говорилъ Михайло Гавриловичь, чтобы я женился на которой-нибудь изъ трехъ сестеръ Салтыковыхъ, которыя живутъ при Ея Высочествѣ государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, обнадеживая, что ежели я женюсь, то имѣ всѣ вины мои отпущены будутъ; а онѣ такія госпожи, что никуда не годятся, и за тѣмъ досидѣли до сорока лѣтъ, что никто не беретъ; а мнѣ, по мнѣнію моему, душа моя и честь милѣе, нежели

хотѣли убить за то, что онъ рубить воспрещалъ. Ежели я мыслилъ то дѣлать, не только посылать кого рубить, убей меня самаго Богъ; и хотя по приказу моему одно дерево срублено, я готовъ заплатить тысячу рублей; сверхъ того, во всемъ томъ шлюсь на игумена того; да и роща та вся цѣла и теперь.

Онъ же написалъ на меня, будто я бралъ по неволѣ у него мастеровыхъ людей, и какъ опымъ, такъ и постороннимъ за работу не плачу денегъ, и будто обралъ у него и у прочихъ на строенье хоромъ и прочаго безденежно, а понеже онъ двухъ оконничниковъ, которыхъ я у него просилъ для починки, самъ далъ мнѣ, и дѣлали съ мѣсяцъ, которымъ за работу и деньги далъ, сверхъ того, что мой хлѣбъ ѣли, и такъ истинно всѣмъ плачу въ полтора или вдвое, какъ платятъ имъ другіе; и буде бралъ лѣсъ и обижаю тѣмъ и не плачу денегъ, я хотя одною копѣйкою покорыстовался, или бъ просили за что взятое или за работу денегъ, а я отказалъ и не заплатилъ, за то самого разори меня Богъ.

Я уповаю, что ваше сіятельство, милостивая государыня, по своему великодушію и по своей совѣсти по такой моей христіанской тяжкой клятвѣ можете мнѣ повѣрить, и что я, имѣя Бога и душу и совѣсть, не сталъ бы такъ предавать себя добровольной клятвѣ извольте жь милостиво разсудить о томъ, кто на меня лжетъ, какая то богомерзкая совѣсть, и какой онъ безсовѣстный плутъ.

Я у васъ, милостивая государыня мать, вмѣсто всякой вашей ко мнѣ милости и защищенія прошу, чтобъ милостивый государь мой князь Алексѣй Михайловичь и милостивый государь мой дядя Семенъ Андреевичь исходатайствовали то мнѣ, чтобъ обо мнѣ, какъ о самомъ о какомъ злодѣѣ, повелѣно было изъ сената кому розыскать по поданнымъ отъ него архіерея на меня пунктамъ, безъ всякой мнѣ поноровки, только одною самою истинною, дабы въ томъ бѣдная моя совѣсть чистоту свою и невинность мною показала.

Цидулка къ предъидущему письму.

Нѣкоторымъ и неоднократно говорилъ Михайло Гавриловичь, чтобы я женился на которой-нибудь изъ трехъ сестеръ Салтыковыхъ, которыя живутъ при Ея Высочествѣ государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, обнадеживая, что ежели я женюсь, то имѣ всѣ вины мои отпущены будутъ; а онѣ такія госпожи, что никуда не годятся, и за тѣмъ досидѣли до сорока лѣтъ, что никто не беретъ; а мнѣ, по мнѣнію моему, душа моя и честь милѣе, нежели

весь свѣтъ; для того хочу съ совѣстью умереть, и ежели послѣднюю половину вѣка моего со стыдомъ и безпокойствомъ совѣсти моей доживать,—я бы не хотѣлъ и въ постороннемъ домѣ видѣть того, кто мнѣ противенъ своими поступками: каково же пріятно мнѣ съ нимъ будетъ жить въ моемъ домѣ, да еще и спать на одной постелѣ?

(Изъ Казани 4-го ноября).

XXXII.

Отъ князя Г. А. Урусова къ А. П. Волынскому.

Государь мой Артемій Петровичъ!

Письмо ваше, писанное въ Казани сего ноября 4-го дня, я получилъ 17-го дня въ вечеру, на которое симъ отвѣтствую. Чтобъ вамъ умедлить въ Казани до весны, никакъ не могу вамъ въ томъ услужить, а для чего, о томъ изволишь увѣдомиться, пріѣхавъ въ Москву; ибо вамъ лучше быть зѣсь какъ можешь управиться скорѣе, нежель въ Казани до весны умѣшкать. А что вамъ по вашимъ недостаткамъ зѣло проѣздъ убыточенъ, и я тому вѣрю, да что же дѣлать? А что вы со обнадеживанія привезъ и привелъ много, и въ томъ никто невиненъ, кромѣ васъ, понеже обнадеживали васъ не такой мѣрою, дабы вамъ непзълтну быть вовсе изъ Казани, токмо разсуждая въ вашу пользу, что вамъ перемѣны (въ то время не было) не слышно; и лучше вамъ жить тамъ, нежель въ Москву по вашему желанію пріѣхать; а когда не потрафлено въ вашу пользу, то уже друзьямъ и писать совѣтовъ не надобно. Архіерейская ссора съ вами, я чаю, твоимъ сюда пріѣздомъ пресѣчется безъ слѣдствія. А на ваше мѣсто будетъ губернаторомъ князь Михайло Володиміровичъ Долгоруковъ, который отсель поѣдетъ, я чаю, не замѣшкавъ, а вице-губернаторъ Кудрявцовъ я не знаю зачѣмъ отсель еще не поѣхалъ; а надлежало ему отсель давно выѣхать и ѣхать въ Казань. Вѣрный вамъ, моему государю, слуга князь Григорій Урусовъ.

Изъ Москвы, ноября 20-го дня 1730 года.

XXXIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ дѣтямъ.

Любезныя мои дѣти! Анютушка сердце мое, Еленушка другъ мой, Машенька свѣтъ мой, Петрушенька радость моя! Здравствуйте

весь свѣтъ; для того хочу съ совѣстью умереть, и ежели послѣднюю половину вѣка моего со стыдомъ и безпокойствомъ совѣсти моей доживать,—я бы не хотѣлъ и въ постороннемъ домѣ видѣть того, кто мнѣ противенъ своими поступками: каково же пріятно мнѣ съ нимъ будетъ жить въ моемъ домѣ, да еще и спать на одной постелѣ?

(Изъ Казани 4-го ноября).

XXXII.

Отъ князя Г. А. Урусова къ А. П. Волынскому.

Государь мой Артемій Петровичъ!

Письмо ваше, писанное въ Казани сего ноября 4-го дня, я получилъ 17-го дня въ вечеру, на которое симъ отвѣтствую. Чтобъ вамъ умедлить въ Казани до весны, никакъ не могу вамъ въ томъ услужить, а для чего, о томъ изволишь увѣдомиться, пріѣхавъ въ Москву; ибо вамъ лучше быть зѣсь какъ можешь управиться скорѣе, нежель въ Казани до весны умѣшкать. А что вамъ по вашимъ недостаткамъ зѣло проѣздъ убыточенъ, и я тому вѣрю, да что же дѣлать? А что вы со обнадеживанія привезъ и привелъ много, и въ томъ никто невиненъ, кромѣ васъ, понеже обнадеживали васъ не такой мѣрою, дабы вамъ непзълтну быть вовсе изъ Казани, токмо разсуждая въ вашу пользу, что вамъ перемѣны (въ то время не было) не слышно; и лучше вамъ жить тамъ, нежель въ Москву по вашему желанію пріѣхать; а когда не потрафлено въ вашу пользу, то уже друзьямъ и писать совѣтовъ не надобно. Архіерейская ссора съ вами, я чаю, твоимъ сюда пріѣздомъ пресѣчется безъ слѣдствія. А на ваше мѣсто будетъ губернаторомъ князь Михайло Володиміровичъ Долгоруковъ, который отсель поѣдетъ, я чаю, не замѣшкавъ, а вице-губернаторъ Кудрявцовъ я не знаю зачѣмъ отсель еще не поѣхалъ; а надлежало ему отсель давно выѣхать и ѣхать въ Казань. Вѣрный вамъ, моему государю, слуга князь Григорій Урусовъ.

Изъ Москвы, ноября 20-го дня 1730 года.

XXXIII.

Отъ А. П. Волынскаго къ дѣтямъ.

Любезныя мои дѣти! Анютушка сердце мое, Еленушка другъ мой, Машенька свѣтъ мой, Петрушенька радость моя! Здравствуйте

и буди на васъ милость и благословеніе Божіе. Письма ваши чрезъ почту отъ 28-го прошедшаго августа, тако жь отъ 1-го и 3-го сего сентября, а потомъ чрезъ Кирѣева отъ 21-го августа жь исправно получилъ, за которыя вамъ, любезныя дѣти, благодарствую; токмо изъ оныхъ одно письмо меня въ великую печаль привело, видя, что ты, сердце мое Аннушка, съ трудомъ могла имя свое подписать; изъ того могу признать, что ты, не хотя меня печалить, пишешь, будто только отъ кашля у тебя голова болитъ; однакожь разумѣю какую жестокую у тебя болѣзнь и о томъ зѣло печалюсь, ибо я здоровье ваше и жизнь равно съ моею почитаю, и сіе пишу — не меньше чернилъ проливаю мои слезы. Воля Всевышняго да даруетъ милостиво тебѣ отъ болѣзни твоей свободу, а меня избавитъ отъ сея горести, которую я, сумнѣвался о тебѣ, нынѣ имѣю, наипаче, что такъ долго не имѣю вашихъ дрожайшихъ мнѣ писемъ, отъ чего думаю, что тебя уже на свѣтѣ нѣтъ. Того ради, для Бога, любезныя дѣти, чаще ко мнѣ пишите, именно прописывая, какова Аннушка и всѣ вы; и понеже чрезъ контору коллегіи иностранной письма приходятъ ко мнѣ по трои вмѣстѣ, того ради нынѣ писалъ я къ Степану Ивановичу Чернову, чтобы онъ пожаловалъ — по вся недѣли подъ претекстомъ о конченныхъ дѣлахъ репортовъ присылалъ ко мнѣ курьеровъ на почтовыхъ подводахъ, пока продолжится на меня наказаніе Божіе, болѣзнь твоя, Аннушка свѣтъ мой. Для того сіе мое письмо ему, тако жь и людямъ, Филиппу и Андрею, покажите, чтобъ они знали, каково мнѣ надобно ваше здравіе; а васъ прошу, любезныя дѣти, пожалуйте, для Бога прошу, ко мнѣ отпишите, чего я отъ васъ съ нетерпѣливостію ожидать буду.

Впрочемъ, любезныя дѣти, предаю васъ въ сохраненіе Божіе и Его Богоматери, моля Его, Всемогущаго Бога, да подастъ онъ обще всѣмъ вамъ совершенное здравіе, а я пребываю въ моей къ вамъ отеческой всею истинной любви. Отецъ вашъ и другъ Артемій Волынской.

Изъ Немирова, сентября 19-го дня 1737 года.

Аннушка сердце мое! Писалъ я къ Гладкову въ Питербургъ, чтобъ онъ купя прислалъ къ вамъ два пуда кофе, изъ которыхъ одинъ пудъ, когда привезутъ, изволь отдать Катеринѣ Ивановнѣ. Также я писалъ къ нему, чтобъ онъ купилъ вамъ сахару тамъ три пуда и прислалъ, и для того впредь въ Москвѣ сахару не велите покупать, понеже въ Питербургѣ чуть не въ полдешевле.

(Получено сентября 26-го дня 1737 года).

и буди на васъ милость и благословеніе Божіе. Письма ваши чрезъ почту отъ 28-го прошедшаго августа, тако жь отъ 1-го и 3-го сего сентября, а потомъ чрезъ Кирѣева отъ 21-го августа жь исправно получилъ, за которыя вамъ, любезныя дѣти, благодарствую; токмо изъ оныхъ одно письмо меня въ великую печаль привело, видя, что ты, сердце мое Аннушка, съ трудомъ могла имя свое подписать; изъ того могу признать, что ты, не хотя меня печалить, пишешь, будто только отъ кашля у тебя голова болитъ; однакожь разумѣю какую жестокую у тебя болѣзнь и о точь зѣло печалюсь, ибо я здоровье ваше и жизнь равно съ моею почитаю, и сіе пишу — не меньше чернилъ проливаю мои слезы. Воля Всевышняго да даруетъ милостиво тебѣ отъ болѣзни твоей свободу, а меня избавитъ отъ сея горести, которую я, сумнѣвался о тебѣ, нынѣ имѣю, наипаче, что такъ долго не имѣю вашихъ дрожайшихъ мнѣ писемъ, отъ чего думаю, что тебя уже на свѣтѣ нѣтъ. Того ради, для Бога, любезныя дѣти, чаще ко мнѣ пишите, именно прописывая, какова Аннушка и всѣ вы; и понеже чрезъ контору коллегіи иностранной письма приходятъ ко мнѣ по трои вмѣстѣ, того ради нынѣ писалъ я къ Степану Ивановичу Чернову, чтобы онъ пожаловалъ — по вся недѣли подъ претекстомъ о конченныхъ дѣлахъ репортовъ присылалъ ко мнѣ курьеровъ на почтовыхъ подводахъ, пока продолжится на меня наказаніе Божіе, болѣзнь твоя, Аннушка свѣтъ мой. Для того сіе мое письмо ему, тако жь и людямъ, Филиппу и Андрею, покажите, чтобъ они знали, каково мнѣ надобно ваше здравіе; а васъ прошу, любезныя дѣти, пожалуйте, для Бога прошу, ко мнѣ отпишите, чего я отъ васъ съ нетерпѣливостію ожидать буду.

Впрочемъ, любезныя дѣти, предаю васъ въ сохраненіе Божіе и Его Богоматери, моля Его, Всемогущаго Бога, да подастъ онъ обще всѣмъ вамъ совершенное здравіе, а я пребываю въ моей къ вамъ отеческой всею истинной любви. Отецъ вашъ и другъ Артемій Волынской.

Изъ Немирова, сентября 19-го дня 1737 года.

Аннушка сердце мое! Писалъ я къ Гладкову въ Питербургъ, чтобъ онъ купя прислалъ къ вамъ два пуда кофе, изъ которыхъ одинъ пудъ, когда привезутъ, изволь отдать Катеринѣ Ивановнѣ. Также я писалъ къ нему, чтобъ онъ купилъ вамъ сахару тамъ три пуда и прислалъ, и для того впредь въ Москвѣ сахару не велите покупать, понеже въ Питербургѣ чуть не въ полдешевле.

(Получено сентября 26-го дня 1737 года).

XXXIV.

Тоже.

Любезныя мои дѣти! Анютушка сердце мое, Елепушка другъ мой, Машенька радость моя! Здравствуйте, и буде надъ вами всѣми милость и благословеніе Божіе!

Письма ваши, отъ 8-го и 15-го и отъ 17-го чиселъ сего мѣсяца отправленныя, получилъ, за которыя вамъ, любезныя дѣти, зѣло благодарствую и радуюсь тому, благодаря Бога, что ты, другъ мой Аннушка, жива, и что я твоей руки письмо увидѣлъ. Однакожь не меньше того и нынѣ печально мнѣ, что братъ вашъ ко мнѣ ниже имя свое могъ написать; потому сумнѣваюсь, живъ ли онъ, а что Бѣлецкой и Нечаевъ ко мнѣ пишутъ объ немъ, я не весьма вѣрю и думаю, что они то пишутъ, что ему легче отъ болѣзни — не хотятъ меня опечалить, ибо когда бродить началъ, какъ бы не могъ имени своего подписать? Того ради, свѣтъ мой Аннушка, отпиши ко мнѣ самую правду, подлинно ли ему есть легче, и каковъ онъ, и для того попроси Степана Ивановича, чтобъ онъ съ тѣмъ пожаловалъ — нарочнаго ко мнѣ прислалъ на почтовыхъ подводахъ. Больше сего не умѣю писать, но молю Всевышняго, да подастъ, милостиво вамъ здравіе совершенное, а нынѣ всѣхъ васъ предаю въ сохраненіе Божіе и Его Богоматери и пребываю въ моей къ вамъ истинной всегда отеческой и непремѣнной любви. Отецъ вашъ и другъ Артемій Волынской.

Изъ Немирова, сентября 25-го дня 1737 года.

Петрушенька другъ мой! Здравствуй и буде надъ тобою и надъ всѣми вами милость и благословеніе Божіе. Я не малую печаль имѣю о твоей болѣзни и не знаю, живъ ли ты, понеже не только отъ тебя писемъ цѣлыхъ, ни подписки руки твоей нѣтъ,—потому зѣло мнѣ сумнительно; того ради Бога для отпиши или вели ко мнѣ написать, а самъ подпиши, каковъ ты, и подлинно ль тебѣ легче отъ твоей болѣзни. Благодари отъ меня, другъ мой, государя моего Лаврентья Лаврентьевича за всѣ его ко мнѣ толь многія показанныя милости, которыя я ему до смерти моей заслужить не могу, и о семъ прекратя, предаю тебя въ сохраненіе Божіе и пребываю въ моей къ тебѣ всегда отеческой непремѣнной любви, отецъ твой и другъ Артемій Волынской.

XXXIV.

Тоже.

Любезныя мои дѣти! Анютушка сердце мое, Елепушка другъ мой, Машенька радость моя! Здравствуйте, и буде надъ вами всѣми милость и благословеніе Божіе!

Письма ваши, отъ 8-го и 15-го и отъ 17-го чиселъ сего мѣсяца отправленныя, получилъ, за которыя вамъ, любезныя дѣти, зѣло благодарствую и радуюсь тому, благодаря Бога, что ты, другъ мой Аннушка, жива, и что я твоей руки письмо увидѣлъ. Однакожь не меньше того и нынѣ печально мнѣ, что братъ вашъ ко мнѣ ниже имя свое могъ написать; потому сумнѣваюсь, живъ ли онъ, а что Бѣлецкой и Нечаевъ ко мнѣ пишутъ объ немъ, я не весьма вѣрю и думаю, что они то пишутъ, что ему легче отъ болѣзни — не хотятъ меня опечалить, ибо когда бродить началъ, какъ бы не могъ имени своего подписать? Того ради, свѣтъ мой Аннушка, отпиши ко мнѣ самую правду, подлинно ли ему есть легче, и каковъ онъ, и для того попроси Степана Ивановича, чтобъ онъ съ тѣмъ пожаловалъ — нарочнаго ко мнѣ прислалъ на почтовыхъ подводахъ. Больше сего не умѣю писать, но молю Всевышняго, да подастъ, милостиво вамъ здравіе совершенное, а нынѣ всѣхъ васъ предаю въ сохраненіе Божіе и Его Богоматери и пребываю въ моей къ вамъ истинной всегда отеческой и непремѣнной любви. Отецъ вашъ и другъ Артемій Волынской.

Изъ Немирова, сентября 25-го дня 1737 года.

Петрушенька другъ мой! Здравствуй и буде надъ тобою и надъ всѣми вами милость и благословеніе Божіе. Я не малую печаль имѣю о твоей болѣзни и не знаю, живъ ли ты, понеже не только отъ тебя писемъ цѣлыхъ, ни подписки руки твоей нѣтъ,—потому зѣло мнѣ сумнительно; того ради Бога для отпиши или вели ко мнѣ написать, а самъ подпиши, каковъ ты, и подлинно ль тебѣ легче отъ твоей болѣзни. Благодари отъ меня, другъ мой, государя моего Лаврентья Лаврентьевича за всѣ его ко мнѣ толь многія показанныя милости, которыя я ему до смерти моей заслужить не могу, и о семъ прекратя, предаю тебя въ сохраненіе Божіе и пребываю въ моей къ тебѣ всегда отеческой непремѣнной любви, отецъ твой и другъ Артемій Волынской.

XXXV.

Тоже.

Любезныя мои дѣти, Анютушка, Еленушка, Машенька, Петрушенька! Здравствуйте, и буди на васъ милость и благословеніе Божіе. О себѣ объявляю вамъ, что мы сей день уѣзжаемъ отсюды до Кіева, куды надѣюся въ семь дней прибудемъ и тамъ отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, указа ожидать о возвращеніи нашемъ будемъ; токмо чаю, оный къ намъ уже и посланъ. Дай Всевышній мнѣ васъ скорае и въ добромъ здоровьѣ видѣть и обще съ вами Его Всещедраго благодарить. А я нынѣ, слава Богу, въ совершенномъ моемъ здоровьѣ, такъ что прощался на разъѣздѣ съ здѣшними господами польскими—и они у меня, и я у нихъ попили нарочито дни съ четыре; потому можете, любезныя дѣти, увѣрены быть, что я конечно здоровъ, попеже больному нельзя пить, а я жь и здоровый, вѣдаете жь, что не охотникъ; однакожь за любовь ихъ, что ко мнѣ всѣ особливо ласковы были, принужденъ былъ, что̀ вамъ объявя, предаю васъ отеческой истинной, всегда непремѣнной любви. Отецъ вашъ и другъ Артемій Волынской.

Изъ Немирова выѣзжая, 25-го октября 1737 года.

P. S. Я какъ скоро прибуду въ Кіевъ, буду съ нарочнымъ писать къ вамъ, а ты, Аннушка, попроси Степана Ивановича, чтобъ онъ немедленно ко мнѣ курьера отправилъ въ Кіевъ, какъ скоро ты сіе получишь, дабы я вѣдалъ объ васъ.

XXXVI.

Тоже.

Любезныя мои дѣти, Анютушка, Еленушка, Машенька. Петрушенька! Здравствуйте, и буди надъ вами милость Божія и Его благословеніе. Письма ваши по пріѣздѣ моемъ здѣсь въ Кіевѣ, отправленныя отъ 4-го числа сего текущаго ноября, отъ васъ получилъ и радуюсь тому, что вы благодатію Господнею всѣ въ добромъ здоровьѣ; а я не только здоровъ, но уже и толстъ, и многое платье мнѣ узко; я уповаю, что письма мои, отправленныя по пріѣздѣ моемъ отсюды, получили; только я отъ васъ о томъ извѣстія не получилъ. Мы здѣсь ожидаемъ Ея Император-

XXXV.

Тоже.

Любезныя мои дѣти, Анютушка, Еленушка, Машенька, Петрушенька! Здравствуйте, и буди на васъ милость и благословеніе Божіе. О себѣ объявляю вамъ, что мы сей день уѣзжаемъ отсюды до Кіева, куды надѣюся въ семь дней прибудемъ и тамъ отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, указа ожидать о возвращеніи нашемъ будемъ; токмо чаю, оный къ намъ уже и посланъ. Дай Всевышній мнѣ васъ скорае и въ добромъ здоровьѣ видѣть и обще съ вами Его Всещедраго благодарить. А я нынѣ, слава Богу, въ совершенномъ моемъ здоровьѣ, такъ что прощался на разъѣздѣ съ здѣшними господами польскими—и они у меня, и я у нихъ попили нарочито дни съ четыре; потому можете, любезныя дѣти, увѣрены быть, что я конечно здоровъ, понеже больному нельзя пить, а я жь и здоровый, вѣдаете жь, что не охотникъ; однакожь за любовь ихъ, что ко мнѣ всѣ особливо ласковы были, принужденъ былъ, что̀ вамъ объявя, предаю васъ отеческой истинной, всегда непремѣнной любви. Отецъ вашъ и другъ Артемій Волынской.

Изъ Немирова выѣзжая, 25-го октября 1737 года.

P. S. Я какъ скоро прибуду въ Кіевъ, буду съ нарочнымъ писать къ вамъ, а ты, Аннушка, попроси Степана Ивановича, чтобъ онъ немедленно ко мнѣ курьера отправилъ въ Кіевъ, какъ скоро ты сіе получишь, дабы я вѣдалъ объ васъ.

XXXVI.

Тоже.

Любезныя мои дѣти, Анютушка, Еленушка, Машенька. Петрушенька! Здравствуйте, и буди надъ вами милость Божія и Его благословеніе. Письма ваши по пріѣздѣ моемъ здѣсь въ Кіевѣ, отправленныя отъ 4-го числа сего текущаго ноября, отъ васъ получилъ и радуюсь тому, что вы благодатію Господнею всѣ въ добромъ здоровьѣ; а я не только здоровъ, но уже и толстъ, и многое платье мнѣ узко; я уповаю, что письма мои, отправленныя по пріѣздѣ моемъ отсюды, получили; только я отъ васъ о томъ извѣстія не получилъ. Мы здѣсь ожидаемъ Ея Император-

скаго Величества высочайшаго указа, но ко дворомъ сопзволитъ повелѣть быть или здѣсь жить—не знаемъ еще сами; однакожь отъ сего числа или то, или другое чрезъ недѣлю получимъ, и ежели здѣсь останемся зимовать, то я васъ, любезныя дѣти, конечно возьму къ себѣ. Что же ты, другъ мой Аннушка, пишешь ко мнѣ о полученномъ письмѣ съ заводу нашего отъ Векшина, о непорядкахъ Любомирова, прикащика тамошняго, какъ я изъ онаго Векшина письма усмотрѣлъ, и безмѣрно о томъ жалѣлъ; ежели подлинно Любомировъ смотался, для того туда весьма мнѣ надобно послать кого отъ себя, и хотя надлежало было ѣхать Филиппу, но онъ надобенъ мнѣ, для того если васъ возьму къ себѣ, чтобъ онъ съ вами при васъ ѣхалъ; того ради разсудилось мнѣ послать туда Петра Кирѣева, которому за милость мою не трудно для меня ссудить, а ты, другъ мой Анютушка, объяви ему, что то отъ него за одолженіе почитать буду, и попроси объ немъ Степана Ивановича, чтобъ его отправилъ, придавъ ему добраго человѣка изъ конепстовъ, о чемъ отъ меня къ Степану Ивановичу и къ нему Кирѣеву писано; и надобно, чтобъ онъ тамъ пожилъ мѣсяца полтора или два, и всего тамъ посмотрѣлъ, какъ сидѣнья вина, такъ покупки хлѣба и прочаго; а чтобъ Любомировъ и прочіе всѣ тамъ были ему послушны, о томъ при семъ посылаются за отворчатою печатью мои послушные указы, которые ты, другъ мой Анютушка, при себѣ и при сестрахъ (Курочкину съ Филиппомъ, а при васъ чтобъ Наталья была) вели прочесть; такожь и прочіе присылаемые въ домъ къ людямъ указы сама прочитай при Курочкинѣ и Филиппѣ и при Натальѣ, дабы вы всѣ то знали, что въ домѣхъ водится, изъ того бы обучались добрыми хозяйками быть, что̀ да Боже, а буде много письма, то прикажи передъ собою, и чтобъ при томъ и сестры были, Курочкину читать; однакожь въ то время людей и дѣвокъ не было и вдовъ, развѣ Авдотья, если Наталья въ домѣ не прилучится, дабы не всякъ вѣдалъ, что̀ я къ вамъ и въ домъ пишу, а вѣдали бы только Филиппъ и Курочкинъ, а при васъ живущія Наталья Бѣлецкая и Авдотья Палкина, а прочіе никто, для того что многіе, слыша письма мои къ вамъ и въ домъ указы, не выразумѣвъ того, что̀ и къ чему написано, инаково другимъ станутъ врать, а тѣ отъ нихъ услыша и еще съ прибавкою перевирать станутъ. Такимъ же образомъ, Анютушка другъ мой, приходящія изъ деревень отписки и какіе изъ дому посылаемые указы или что̀ ко мнѣ Филиппъ и Курочкинъ доношеніями пишутъ, сама не всѣ читай, чтобъ трудно тебѣ не было, но когда

скаго Величества высочайшаго указа, но ко дворомъ сопзволитъ повелѣть быть или здѣсь жить—не знаемъ еще сами; однакожь отъ сего числа или то, или другое чрезъ недѣлю получимъ, и ежели здѣсь останемся зимовать, то я васъ, любезныя дѣти, конечно возьму къ себѣ. Что же ты, другъ мой Аннушка, пишешь ко мнѣ о полученномъ письмѣ съ заводу нашего отъ Векшина, о непорядкахъ Любомирова, прикащика тамошняго, какъ я изъ онаго Векшина письма усмотрѣлъ, и безмѣрно о томъ жалѣлъ; ежели подлинно Любомировъ смотался, для того туда весьма мнѣ надобно послать кого отъ себя, и хотя надлежало было ѣхать Филиппу, но онъ надобенъ мнѣ, для того если васъ возьму къ себѣ, чтобъ онъ съ вами при васъ ѣхалъ; того ради разсудилось мнѣ послать туда Петра Кирѣева, которому за милость мою не трудно для меня ссудить, а ты, другъ мой Анютушка, объяви ему, что то отъ него за одолженіе почитать буду, и попроси объ немъ Степана Иваповича, чтобъ его отправилъ, придавъ ему добраго человѣка изъ конепстовъ, о чемъ отъ меня къ Степану Иваповичу и къ нему Кирѣеву писано; и надобно, чтобъ онъ тамъ пожилъ мѣсяца полтора или два, и всего тамъ посмотрѣлъ, какъ сидѣнья вина, такъ покупки хлѣба и прочаго; а чтобъ Любомировъ и прочіе всѣ тамъ были ему послушны, о томъ при семъ посылаются за отворчатою печатью мои послушные указы, которые ты, другъ мой Анютушка, при себѣ и при сестрахъ (Курочкину съ Филиппомъ, а при васъ чтобъ Наталья была) вели прочесть; такожь и прочіе присылаемые въ домъ къ людямъ указы сама прочитай при Курочкинѣ и Филиппѣ и при Натальѣ, дабы вы всѣ то знали, что въ домѣхъ водится, изъ того бы обучались добрыми хозяйками быть, что̀ да Боже, а буде много письма, то прикажи передъ собою, и чтобъ при томъ и сестры были, Курочкину читать; однакожь въ то время людей и дѣвокъ не было и вдовъ, развѣ Авдотья, если Наталья въ домѣ не прилучится, дабы не всякъ вѣдалъ, что̀ я къ вамъ и въ домъ пишу, а вѣдали бы только Филиппъ и Курочкинъ, а при васъ живущія Наталья Бѣлецкая и Авдотья Палкина, а прочіе никто, для того что многіе, слыша письма мои къ вамъ и въ домъ указы, не выразумѣвъ того, что̀ и къ чему написано, инаково другимъ станутъ врать, а тѣ отъ нихъ услыша и еще съ прибавкою перевирать станутъ. Такимъ же образомъ, Анютушка другъ мой, приходящія изъ деревень отписки и какіе изъ дому посылаемые указы или что̀ ко мнѣ Филиппъ и Курочкинъ доношеніями пишутъ, сама не всѣ читай, чтобъ трудно тебѣ не было, но когда

къ тебѣ прійдутъ они, ты съ сестрами сядь и кому не надлежитъ тутъ быть, вели выйдти вонъ, а Курочкина заставь читать, чтобъ вы всѣ видѣли и сами все слышали. Я, любезныя дѣти, желаю и прошу Бога, чтобъ вы были не только таковы, каковъ самъ я, но чтобы всѣ знали, что въ домѣ надлежитъ, хотя и много лучше, я бы зѣло радъ тому былъ, для того и обучаю васъ, а если не будете обучаться и перенимать, я въ томъ передъ вами не виноватъ буду, ибо я всякое объ васъ попеченіе имѣю и о добромъ воспитаніи и обученіи вашемъ, такъ, какъ чадолюбивому отцу надлежитъ о пользѣ вашей стараться. И симъ окончавъ, предаю васъ въ сохраненіе Божіе и Его Богоматери и пребываю къ вамъ отеческой всегда неотъемлемой любви. Отецъ вашъ и вѣрный другъ Артемій Волынской.

Изъ Кіева, ноября 17-го дня 1737 года.

P. S. Анютушка сердце мое, объяви сіе Филишну Борзому и Андрею Курочкину, призвавъ ихъ особливо и наодинѣ, и дай прочесть имъ, чтобъ они знали все то, что я писалъ къ тебѣ, и потому поступали и за хозяйку мою, а свою истинную госпожу почитали. Анютушка другъ мой, ежели по сіе время отъ Гладкова краски къ тебѣ не присланы, пожалуй не теряй времени, хотя карандашомъ учись ты и всѣ вы тушовать.

XXXVII.

Патентъ Волынскому на званіе кабинетъ-министра.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская, и проч.

Вѣдомо и извѣстно да будетъ всѣмъ и каждому, понеже мы всегда склонны и всемилостивѣйшее тщаніе имѣемъ добродѣтели и вѣрные поступки тѣхъ, которые къ намъ и къ нашей службѣ похвальную и усердную ревность и радѣніе оказуютъ, всякою нашею императорскою милостію награждать и оныхъ по достоинству въ чины производить. И намъ любезновѣрный оберъ-егермейстеръ нашъ Артемій Волынской чрезъ многіе годы предкамъ нашимъ и намъ служилъ и во всемъ совершенную вѣрность и ревностное радѣніе къ намъ и нашимъ интересамъ такимъ образомъ оказалъ, что его добрые квалитеты и достохвальные поступки и къ намъ показанныя вѣрныя и усердныя службы къ совершенной всемилостивѣйшей благоугодности нашей служить могли. Того ради мы

къ тебѣ прійдутъ они, ты съ сестрами сядь и кому не надлежитъ тутъ быть, вели выйдти вонъ, а Курочкина заставь читать, чтобъ вы всѣ видѣли и сами все слышали. Я, любезныя дѣти, желаю и прошу Бога, чтобъ вы были не только таковы, каковъ самъ я, но чтобы всѣ знали, что въ домѣ надлежитъ, хотя и много лучше, я бы зѣло радъ тому былъ, для того и обучаю васъ, а если не будете обучаться и перенимать, я въ томъ передъ вами не виноватъ буду, ибо я всякое объ васъ попеченіе имѣю и о добромъ воспитаніи и обученіи вашемъ, такъ, какъ чадолюбивому отцу надлежитъ о пользѣ вашей стараться. И симъ окончавъ, предаю васъ въ сохраненіе Божіе и Его Богоматери и пребываю къ вамъ отеческой всегда неотъемлемой любви. Отецъ вашъ и вѣрный другъ Артемій Волынской.

Изъ Кіева, ноября 17-го дня 1737 года.

P. S. Анютушка сердце мое, объяви сіе Филишну Борзому и Андрею Курочкину, призвавъ ихъ особливо и наодинѣ, и дай прочесть имъ, чтобъ они знали все то, что я писалъ къ тебѣ, и потому поступали и за хозяйку мою, а свою истинную госпожу почитали. Анютушка другъ мой, ежели по сіе время отъ Гладкова краски къ тебѣ не присланы, пожалуй не теряй времени, хотя карандашомъ учись ты и всѣ вы тушевать.

XXXVII.

Патентъ Волынскому на званіе кабинетъ-министра.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская, и проч.

Вѣдомо и извѣстно да будетъ всѣмъ и каждому, понеже мы всегда склонны и всемилостивѣйшее тщаніе имѣемъ добродѣтели и вѣрные поступки тѣхъ, которые къ намъ и къ нашей службѣ похвальную и усердную ревность и радѣніе оказуютъ, всякою нашею императорскою милостію награждать и оныхъ по достоинству въ чины производить. И намъ любезновѣрный оберъ-егермейстеръ нашъ Артемій Волынской чрезъ многіе годы предкамъ нашимъ и намъ служилъ и во всемъ совершенную вѣрность и ревностное радѣніе къ намъ и нашимъ интересамъ такимъ образомъ оказалъ, что его добрые квалитеты и достохвальные поступки и къ намъ показанныя вѣрныя и усердныя службы къ совершенной всемилостивѣйшей благоугодности нашей служить могли. Того ради мы

онаго апрѣля третьяго дня тысяча-семьсотъ-тридесять-осьмаго году, въ наши кабинетные министры всемилостивѣйше пожаловали и опредѣлили. Яко же мы его тѣмъ достоинствомъ со всѣми къ тому принадлежащими чести и преимуществы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ подданнымъ помянутаго нашего оберъ-сгермейстера Волынскаго за нашего кабинетнаго министра надлежащимъ образомъ признавать и почитать. Напротивъ чего мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ насъ всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ и достоинствѣ и впредь такъ вѣрно, прилежно и радѣтельно поступать будетъ, какъ доброму и вѣрному рабу надлежитъ и благопристойно есть. Во свидѣтельство того мы сіе собственною нашею рукою подписали и нашею государственною печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ мая дня 1738 году.

онаго апрѣля третьяго дня тысяча-семьсотъ-тридесять-осьмаго году, въ наши кабинетные министры всемилостивѣйше пожаловали и опредѣлили. Яко же мы его тѣмъ достоинствомъ со всѣми къ тому принадлежащими чести и преимуществы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ подданнымъ помянутаго нашего оберъ-сгермейстера Волынскаго за нашего кабинетнаго министра надлежащимъ образомъ признавать и почитать. Напротивъ чего мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ насъ всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ и достоинствѣ и впредь такъ вѣрно, прилежно и радѣтельно поступать будетъ, какъ доброму и вѣрному рабу надлежитъ и благопристойно есть. Во свидѣтельство того мы сіе собственною нашею рукою подписали и нашею государственною печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ мая дня 1738 году.

ВОЛНЕНІЯ НА ЯИКѢ ПЕРЕДЪ ПУГАЧЕВСКИМЪ БУНТОМЪ.

Продолжительныя волненія на Яикѣ, предшествовавшія Пугачевскому бунту, долгое время оставались не описанными; въ почтенномъ трудѣ А. И. Левшина: „Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ“ (1823 г.) и въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ А. С. Пушкина находятся только весьма краткія и не всегда точныя подробности объ этихъ событіяхъ. Болѣе подробный разсказъ о нихъ встрѣчается въ статьяхъ г. А. Рябинина „Яицкое казачество“, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1863 и 1864 гг., т. XLVI и LII, и г. Д. Апучина: „Происшествія на Яикѣ въ 1772 году“, напечатанной въ Современникѣ 1862 г., т. XCII. Но и въ этихъ трудахъ далеко не исчерпанъ матеріалъ, представляемый важнѣйшими нашими архивами; такъ, между прочимъ, даже у г. Апучина, пользовавшагося дѣлами военной коллегіи, не было подъ руками помѣщенныхъ ниже документовъ. Это, по нашему мнѣнію, придастъ послѣднимъ наибольшую важность. Особенное вниманіе читателей обращаемъ мы на первый изъ печатаемыхъ матеріаловъ: это не только рядъ показаній казаковъ, но и довольно связное изложеніе всѣхъ яицкихъ событій 1770-хъ годовъ *съ точки зрѣнія самихъ казаковъ*; во вниманіе къ этому обстоятельству, мы поставили этотъ документъ прежде двухъ другихъ, хотя по времени послѣдніе и ранѣе составлены, чѣмъ первый.

ВОЛНЕНІЯ НА ЯИКѢ ПЕРЕДЪ ПУГАЧЕВСКИМЪ БУНТОМЪ.

Продолжительныя волненія на Яикѣ, предшествовавшія Пугачевскому бунту, долгое время оставались не описанными; въ почтенномъ трудѣ А. И. Левшина: „Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ“ (1823 г.) и въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ А. С. Пушкина находятся только весьма краткія и не всегда точныя подробности объ этихъ событіяхъ. Болѣе подробный разсказъ о нихъ встрѣчается въ статьяхъ г. А. Рябинина „Яицкое казачество“, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1863 и 1864 гг., т. XLVI и LII, и г. Д. Апучина: „Происшествія на Яикѣ въ 1772 году“, напечатанной въ Современникѣ 1862 г., т. XCII. Но и въ этихъ трудахъ далеко не исчерпанъ матеріалъ, представляемый важнѣйшими нашими архивами; такъ, между прочимъ, даже у г. Апучина, пользовавшагося дѣлами военной коллегіи, не было подъ руками помѣщенныхъ ниже документовъ. Это, по нашему мнѣнію, придастъ послѣднимъ наибольшую важность. Особенное вниманіе читателей обращаемъ мы на первый изъ печатаемыхъ матеріаловъ: это не только рядъ показаній казаковъ, но и довольно связное изложеніе всѣхъ яицкихъ событій 1770-хъ годовъ *съ точки зрѣнія самихъ казаковъ*; во вниманіе къ этому обстоятельству, мы поставили этотъ документъ прежде двухъ другихъ, хотя по времени послѣдніе и ранѣе составлены, чѣмъ первый.

I.

Записка капитана С. Маврина, составленная на основаніи показаній казаковъ въ 1774 году.

1774 года августа 1-го дня, во исполненіе даннаго мнѣ отъ его превосходительства господина генералъ-маіора, двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкера и кавалера Павла Сергѣевича Потемкина повелѣнія, состоящаго въ томъ, чтобы по пріѣздѣ въ Яицкій городокъ изыскать, отъ чего въ войскѣ Яицкомъ первоначальныя ссоры и междоусобія начало свое взяли, разсуждено: какъ старшинской партіи казаковъ, такъ и войсковой стороны, сколько знающихъ тѣ причины найдтиться можетъ, исключая старшинъ, въ присутствіи сперва по одиночкѣ передопросить, а потомъ какъ войсковой показателей, такъ и старшинскихъ всѣхъ вмѣстѣ, дабы при показаніи, во избѣжаніе уликъ при допросѣ, одна сторона другую въ несправедливомъ показаніи изобличать могли большимъ числомъ голосовъ; сіе же и для того къ лучшему, какъ несогласіе ихъ давно уже вселилось, то одинъ человѣкъ, по причинѣ такъ стараго происхожденія, порядочно припомнить не въ состояніи; и такъ, что одинъ позабылъ, то другой припомнить можетъ. А какъ и содержащіеся въ Оренбургской секретной коммиссіи главные злодѣя Пугачева сообщники: Максимъ Шигаевъ, Тимофей Мясниковъ, Денисъ Кораваевъ, Михайло Кожевниковъ, Петръ Заколышиповъ въ семъ дѣлѣ мною спрашиваны жь, и показаніе ихъ довольно ясно описано, и когда другіе ту исторію подтвердятъ, то и ихъ вообще въ показатели же включить, ибо оные болѣе другихъ считаютъ себя обиженными отъ старшинъ своихъ, кои чинятъ яко бы многія притѣсненія.

Гвардіи капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ.

1774 года августа съ 6-го по 14-е число, нижеписанные Яицкіе казаки допрашиваны, отъ чего первоначальныя въ Яицкомъ войскѣ несогласія вселилисъ, кто сему воспричинствовалъ, и давно ли та ихъ вражда такъ до великаго градуса успѣлась, что уже войско раздѣлено на двѣ противныя стороны—на послушную и не послушную. Въ слѣдствіе чего (показали) всѣ 53 человѣка, въ томъ числѣ войсковой 32, а послушной 21 человѣкъ, а именно—войсковой руки: Иванъ Герасимовъ, Ѳедотъ Таликовъ, Аниспимъ Чигвахонъ, Иванъ Горновъ, Иванъ Дыпиниковъ, Кирило Матаевъ, Ѳофанъ Семьяни-

I.

Записка капитана С. Маврина, составленная на основаніи показаній казаковъ въ 1774 году.

1774 года августа 1-го дня, во исполненіе даннаго мнѣ отъ его превосходительства господина генералъ-маіора, двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкера и кавалера Павла Сергѣевича Потемкина повелѣнія, состоящаго въ томъ, чтобы по пріѣздѣ въ Яицкій городокъ изыскать, отъ чего въ войскѣ Яицкомъ первоначальныя ссоры и междоусобія начало свое взяли, разсуждено: какъ старшинской партіи казаковъ, такъ и войсковой стороны, сколько знающихъ тѣ причины найдтиться можетъ, исключая старшинъ, въ присутствіи сперва по одиночкѣ передопросить, а потомъ какъ войсковой показателей, такъ и старшинскихъ всѣхъ вмѣстѣ, дабы при показаніи, во избѣжаніе уликъ при допросѣ, одна сторона другую въ несправедливомъ показаніи изобличать могли большимъ числомъ голосовъ; сіе же и для того къ лучшему, какъ несогласіе ихъ давно уже вселилось, то одинъ человѣкъ, по причинѣ такъ стараго происхожденія, порядочно припомнить не въ состояніи; и такъ, что одинъ позабылъ, то другой припомнить можетъ. А какъ и содержащіеся въ Оренбургской секретной коммиссіи главные злодѣя Пугачева сообщники: Максимъ Шигаевъ, Тимофей Мясниковъ, Денисъ Кораваевъ, Михайло Кожевниковъ, Петръ Заколышиповъ въ семъ дѣлѣ мною спрашиваны жь, и показаніе ихъ довольно ясно описано, и когда другіе ту исторію подтвердятъ, то и ихъ вообще въ показатели же включить, ибо оные болѣе другихъ считаютъ себя обиженными отъ старшинъ своихъ, кои чинятъ яко бы многія притѣсненія.

Гвардіи капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ.

1774 года августа съ 6-го по 14-е число, нижеписанные Яицкіе казаки допрашиваны, отъ чего первоначальныя въ Яицкомъ войскѣ несогласія вселилисъ, кто сему воспричинствовалъ, и давно ли та ихъ вражда такъ до великаго градуса усилилась, что уже войско раздѣлено на двѣ противныя стороны—на послушную и не послушную. Въ слѣдствіе чего (показали) всѣ 53 человѣка, въ томъ числѣ войсковой 32, а послушной 21 человѣкъ, а именно—войсковой руки: Иванъ Герасимовъ, Ѳедотъ Таликовъ, Аниспимъ Чигвахонъ, Иванъ Горновъ, Иванъ Дыпиниковъ, Кирило Матаевъ, Ѳофанъ Семьяни-

стовъ, Петръ Голуновъ, Семенъ Горшковъ, Сергѣй Солодовниковъ, Тимофей Ѳедосѣевъ, Василій Сайгаковъ, Петръ Ямановъ, Петръ Серебряковъ, Оспинъ Пискуновъ, Андрей Марданинъ. Иванъ Свѣшниковъ, Михайло Чалусовъ, Иванъ Ѳедосѣевъ, Борисъ Иголкинъ, Оспинъ Чертихинъ, Тимофей Сапуновъ, Иванъ Бизяновъ, Василій Журавлевъ, Ларіонъ Забридинъ, Максимъ Шигаевъ, Денисъ Короваевъ, Петръ Заколпиновъ, Михайло Кожевниковъ, Тимофей Мясниковъ, Василій Плотниковъ; послушной или старшинской стороны: Яковъ Будочниковъ, Иванъ Ялововъ, Петръ Старниковъ, Петръ Калининъ, Егоръ Щукинъ, Григорій Каймашниковъ, Борисъ Плишкинъ, Кирило Подкорытовъ, Борисъ Черноморсковъ, Ульянъ Карповъ, Василій Чернышевъ. Михайло Полпкарповъ, Сидоръ Кандалинцовъ, Алексѣй Ѳедотовъ Петръ Харчевъ, Михайло Услонцовъ, Андрей Мизиновъ, Петръ Бурыкинъ, Михайло Горшковъ, Михайло Поляшинъ, Петръ Печаевъ, да бывшій въ толпѣ у Пугачева и явившійся собою изъ укрывательства войсковой руки Яковъ Почиталинъ. Изъ оныхъ показателей старшинской руки люди изъ войска лучшіе и лѣтами пожилые. Что жь касается до войсковыхъ, то въ числѣ оныхъ хотя и есть таковые, кои въ нынѣшній *) бунтъ никакого участія не имѣли, однакожь с гласно съ содержащимися въ секретной коммиссіи, какъ-то: съ Шигаевымъ, Короваевымъ, Заколпиновымъ, Кожевниковымъ, Мясниковымъ и Плотниковымъ, объявляютъ, что точно отъ старшинъ и ихъ сообщниковъ нижеписанныя притѣсненія имѣли. А отъ чего оныя взяли свое начало, то слѣдующее докажетъ, а именно:

Гурьевъ городокъ поселенъ прежде, нежели Яицкой, и разстояніемъ оный отъ Яицкаго въ 570 верстахъ; поселеніе онаго по рѣкѣ Яику, впадающей въ Каспійское море; Яицкой же городокъ поселеніе свое имѣетъ отъ пришедшихъ изъ разныхъ сторонъ праздношатающихъ людей, а просто сказать, бѣглецовъ, промышляющихъ по Волгѣ и по Каспійскому морю разбоями. Сначала собралось ихъ сотъ до пяти, и принеся предъ царемъ Михайлою Ѳеодоровичемъ свою повинную, обѣщались служить ему вѣрно и защищать границы россійскія отъ не бывшихъ еще тогда въ россійскомъ подданствѣ Калмыцкой и Башкирской орды, а равно и Киргизской. Царь, простя ихъ вины, позволилъ имъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они нынѣ обитаютъ, поселиться и пожаловалъ ихъ по собственной ихъ просьбѣ пользоваться слѣдующимъ: рѣкою Яикомъ, съ вершины

*) То есть, Пугачевскій.

стовъ, Петръ Голуновъ, Семенъ Горшковъ, Сергѣй Солодовниковъ, Тимофей Ѳедосѣевъ, Василій Сайгаковъ, Петръ Ямановъ, Петръ Серебряковъ, Оспинъ Пискуновъ, Андрей Марданинъ. Иванъ Свѣшниковъ, Михайло Чалусовъ, Иванъ Ѳедосѣевъ, Борисъ Иголкинъ, Оспинъ Чертихинъ, Тимофей Сапуновъ, Иванъ Бизяновъ, Василій Журавлевъ, Ларіонъ Забридинъ, Максимъ Шигаевъ, Денисъ Короваевъ, Петръ Заколпиновъ, Михайло Кожевниковъ, Тимофей Мясниковъ, Василій Плотниковъ; послушной или старшинской стороны: Яковъ Будочниковъ, Иванъ Ялововъ, Петръ Старниковъ, Петръ Калининъ, Егоръ Щукинъ, Григорій Каймашниковъ, Борисъ Плишкинъ, Кирило Подкорытовъ, Борисъ Черноморсковъ, Ульянъ Карповъ, Василій Чернышевъ. Михайло Полпкарповъ, Сидоръ Кандалинцовъ, Алексѣй Ѳедотовъ Петръ Харчевъ, Михайло Услонцовъ, Андрей Мизинцовъ, Петръ Бурыкинъ, Михайло Горшковъ, Михайло Поляшинъ, Петръ Печаевъ, да бывшій въ толпѣ у Пугачева и явившійся собою изъ укрывательства войсковой руки Яковъ Почиталинъ. Изъ оныхъ показателей старшинской руки люди изъ войска лучшіе и лѣтами пожилые. Что жь касается до войсковыхъ, то въ числѣ оныхъ хотя и есть таковые, кои въ нынѣшній *) бунтъ никакого участія не имѣли, однакожь с гласно съ содержащимися въ секретной коммиссіи, какъ-то: съ Шигаевымъ, Короваевымъ, Заколпиновымъ, Кожевниковымъ, Мясниковымъ и Плотниковымъ, объявляютъ, что точно отъ старшинъ и ихъ сообщниковъ нижеписанныя притѣсненія имѣли. А отъ чего оныя взяли свое начало, то слѣдующее докажетъ, а именно:

Гурьевъ городокъ поселенъ прежде, нежели Яицкой, и разстояніемъ оный отъ Яицкаго въ 570 верстахъ; поселеніе онаго по рѣкѣ Яику, впадающей въ Каспійское море; Яицкой же городокъ поселеніе свое имѣетъ отъ пришедшихъ изъ разныхъ сторонъ праздношатающихъ людей, а просто сказать, бѣглецовъ, промышляющихъ по Волгѣ и по Каспійскому морю разбоями. Сначала собралось ихъ сотъ до пяти, и принеся предъ царемъ Михайлою Ѳеодоровичемъ свою повинную, обѣщались служить ему вѣрно и защищать границы россійскія отъ не бывшихъ еще тогда въ россійскомъ подданствѣ Калмыцкой и Башкирской орды, а равно и Киргизской. Царь, простя ихъ вины, позволилъ имъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они нынѣ обитаютъ, поселиться и пожаловалъ ихъ по собственной ихъ просьбѣ пользоваться слѣдующимъ: рѣкою Яикомъ, съ вершины

*) То есть, Пугачевскій.

и до устья, и впадающими въ нее рѣками и протоками, рыбными ловлями и звѣриною ловлею, а равно и солью безпошлинно, какъ же крестомъ и бородою. И такъ, поселяся они тутъ, наименовались Яицкими казаками, имѣли частыя сраженія съ показанными ордами; не получая жь государева жалованья, довольствовались рыбною и звѣриною ловлею, также и продажею соли изъ двухъ озеръ Иозерскаго и Грязнаго. А какъ Каспійское море отъ Гурьева городка только въ семи верстахъ, то въ Яикъ великое множество рыбы осетровъ и севрюгъ входило, почему и была тамо знатная ловля. Сія ловля принадлежала коронѣ и отдавалась на содержаніе откупщикамъ, за которую платили ежегодно по 5406 рублей.

Сначала въ Гурьевѣ сдѣлана была чрезъ всю средину рѣки Яика заплота или загородка, по ихъ называемый *учугъ*, для того, чтобъ рыба вверхъ не проходила. Равнымъ образомъ и Яицкіе казаки, смотря на Гурьевскихъ, такой же учугъ у себя сдѣлали, — почему множество рыбы чрезъ Гурьевскій учугъ къ нимъ проходило, и они имѣли у себя сперва изобильную ловлю; на послѣдокъ же, какъ рыбная ловля часъ отъ часу стала уменьшаться, а между тѣмъ при жизни государя императора Петра Перваго Яицкое войско ходило съ нимъ во многіе походы и показало многія заслуги; то Его Величество, по прошенію ихъ подтвердя пожалованныя имъ отъ государя Михаила Ѳеодоровича вышепоказанныя привиллегіи, приказалъ въ награду за ихъ службу изъ упомянутаго Гурьевскаго учуга разгородить отъ обоихъ береговъ по восьми сажень; а какъ сіе сдѣлано, то рыба свободный стала имѣть проходъ вверхъ по Яику, и Яицкіе казаки довольствовались сперва нарочитою ловлею; но также время отъ времени ловля уменьшилась; а между тѣмъ и на соль цѣна возвышена, хотя не запрещено имъ довольствоваться по прежнимъ привиллегіямъ, тожь и продавать у себя въ городкѣ, но въ другіе города на вольную продажу возить имъ уже запрещено; да и у нихъ въ городѣ собиралась въ соляную казну съ отвозной соленой рыбы пошлина по десяти копѣекъ съ рубля, то есть, съ продажной рыбы; напримѣръ, ежели десятокъ осетровъ проданъ за десять рублей, такъ возьмутъ въ соляную казну рубль. Почему и стали Яицкіе казаки имѣть недовольное пропитаніе, потому что числомъ ихъ состояло всѣхъ около 4000, кромѣ женъ и дѣтей; а равно и отставныхъ, а всѣхъ наберется безъ мала 10000 человѣкъ. Жалованья же они не получали, а давалось только на три тысячи человѣкъ по одной осминѣ муки въ годъ, да и то не натурою, но деньгами, по продажной въ Симбирскомъ уѣздѣ цѣнѣ;

и до устья, и впадающими въ нее рѣками и протоками, рыбными ловлями и звѣриною ловлею, а равно и солью безпошлинно, какъ же крестомъ и бородою. И такъ, поселяся они тутъ, наименовались Яицкими казаками, имѣли частыя сраженія съ показанными ордами; не получая жь государева жалованья, довольствовались рыбною и звѣриною ловлею, также и продажею соли изъ двухъ озеръ Иозерскаго и Грязнаго. А какъ Каспійское море отъ Гурьева городка только въ семи верстахъ, то въ Яикъ великое множество рыбы осетровъ и севрюгъ входило, почему и была тамо знатная ловля. Сія ловля принадлежала коронѣ и отдавалась на содержаніе откупщикамъ, за которую платили ежегодно по 5406 рублей.

Сначала въ Гурьевѣ сдѣлана была чрезъ всю средину рѣки Яика заплота или загородка, по ихъ называемый *учугъ*, для того, чтобъ рыба вверхъ не проходила. Равнымъ образомъ и Яицкіе казаки, смотря на Гурьевскихъ, такой же учугъ у себя сдѣлали, — почему множество рыбы чрезъ Гурьевскій учугъ къ нимъ проходило, и они имѣли у себя сперва изобильную ловлю; на послѣдокъ же, какъ рыбная ловля часъ отъ часу стала уменьшаться, а между тѣмъ при жизни государя императора Петра Перваго Яицкое войско ходило съ нимъ во многіе походы и показало многія заслуги; то Его Величество, по прошенію ихъ подтвердя пожалованныя имъ отъ государя Михаила Ѳеодоровича вышепоказанныя привиллегіи, приказалъ въ награду за ихъ службу изъ упомянутаго Гурьевскаго учуга разгородить отъ обоихъ береговъ по восьми сажень; а какъ сіе сдѣлано, то рыба свободный стала имѣть проходъ вверхъ по Яику, и Яицкіе казаки довольствовались сперва нарочитою ловлею; но также время отъ времени ловля уменьшилась; а между тѣмъ и на соль цѣна возвышена, хотя не запрещено имъ довольствоваться по прежнимъ привиллегіямъ, тожь и продавать у себя въ городкѣ, но въ другіе города на вольную продажу возить имъ уже запрещено; да и у нихъ въ городѣ собиралась въ соляную казну съ отвозной соленой рыбы пошлина по десяти копѣекъ съ рубля, то есть, съ продажной рыбы; напримѣръ, ежели десятокъ осетровъ проданъ за десять рублей, такъ возьмутъ въ соляную казну рубль. Почему и стали Яицкіе казаки имѣть недовольное пропитаніе, потому что числомъ ихъ состояло всѣхъ около 4000, кромѣ женъ и дѣтей; а равно и отставныхъ, а всѣхъ наберется безъ мала 10000 человѣкъ. Жалованья же они не получали, а давалось только на три тысячи человѣкъ по одной осминѣ муки въ годъ, да и то не натурою, но деньгами, по продажной въ Симбирскомъ уѣздѣ цѣнѣ;

такъ напримѣръ, если тамъ продается по рублю четверть, такъ по полтинѣ на человѣка, а если меньше, такъ по меньшей цѣнѣ. Будучи же въ такой крайности, условилось все Яицкое войско помянутый имѣющійся въ Гурьевомъ городкѣ учугъ взять самимъ на откупъ и, выломавъ оный учугъ, дать рыбѣ свободный оттуда проходъ въ Яицкій городокъ и тѣмъ самымъ доставить каждому рыбною ловлею достаточное пропитаніе. Такимъ образомъ условясь, посылали о томъ многія челобитныя въ Петербургъ въ военную коллегію и ходатайствовали такъ называемыя зимовыя и легкія станицы (оныя отправлялись отъ войска ежегодно: зимовыхъ по 20 человѣкъ, за хлѣбнымъ жалованьемъ и съ презентомъ ко всемилостивѣйшей государынѣ, состоящимъ изъ осетровъ; всѣхъ осетровъ посылалось съ ними сперва, пока войско не было въ тяжбѣ, сотъ до восьми, до девяти, а иногда и до тысячи, но во дворецъ доходило только по триста, а прочіе въ подарки господамъ сенаторамъ, синодскимъ и военной коллегіи членамъ; легкихъ же по десяти человѣкъ, кои посылались съ малосольною рыбою, по пятидесяти осетровъ, и икрою и пріѣзживали въ Петербургъ въ исходѣ ноября мѣсяца); но чрезъ прошеніе ихъ не получили желаемаго, хотя на харчи разнымъ людямъ употреблена челобитчиками не малая сумма *). Потомъ выбрали изъ всего войска повѣренныхъ для сей же просьбы старшинъ Андрея Миронова и Ивана Логинова, собравъ имъ съ войска денегъ немалую сумму на харчи, и послали оныхъ съ челобитною въ военную коллегію; — которые, будучи тамо мѣсяца съ четыре, исходатайствовали на послѣдокъ, что сенатъ приказалъ отдать Яицкому войску объявленный, состоящій въ Яицкомъ городкѣ, учугъ за ту цѣну, какъ тогда Астраханскіе купцы на откупѣ содержали, за 5406 рублей, впредь безъ переторжки вѣчно. А какъ тогда около Гурьева городка кочевало пѣшихъ Калмыковъ до тысячи кибитокъ, и хотя не позволительно, но довольствовались однакожъ тамо рыбною ловлею, то по прошенію Яицкаго войска и оные Калмыки переведены къ прочей Калмыцкой ордѣ, кочующей близъ Астрахани.

И такъ, получа войско сей учугъ въ свои руки, выломали оный до основанія, а укрѣпили свой, близъ Яицкаго городка находящійся. Какъ же въ Гурьевомъ городкѣ стояла тогда на карауле рота драгунъ и солдатъ, то для наблюденія, чтобъ оные, а равно и

*) Послушные казаки говорятъ, что сей откупъ доставъ бывшій тогда есауломъ Акутинъ, что нынѣ старшиною.

такъ напримѣръ, если тамъ продается по рублю четверть, такъ по полтинѣ на человѣка, а если меньше, такъ по меньшей цѣнѣ. Будучи же въ такой крайности, условилось все Яицкое войско помянутый имѣющійся въ Гурьевомъ городкѣ учугъ взять самимъ на откупъ и, выломавъ оный учугъ, дать рыбѣ свободный оттуда проходъ въ Яицкій городокъ и тѣмъ самымъ доставить каждому рыбною ловлею достаточное пропитаніе. Такимъ образомъ условясь, посылали о томъ многія челобитныя въ Петербургъ въ военную коллегію и ходатайствовали такъ называемыя зимовыя и легкія станицы (оныя отправлялись отъ войска ежегодно: зимовыхъ по 20 человѣкъ, за хлѣбнымъ жалованьемъ и съ презентомъ ко всемилостивѣйшей государынѣ, состоящимъ изъ осетровъ; всѣхъ осетровъ посылалось съ ними сперва, пока войско не было въ тяжбѣ, сотъ до восьми, до девяти, а иногда и до тысячи, но во дворецъ доходило только по триста, а прочіе въ подарки господамъ сенаторамъ, синодскимъ и военной коллегіи членамъ; легкихъ же по десяти человѣкъ, кои посылались съ малосольною рыбою, по пятидесяти осетровъ, и икрою и пріѣзживали въ Петербургъ въ исходѣ ноября мѣсяца); но чрезъ прошеніе ихъ не получили желаемаго, хотя на харчи разнымъ людямъ употреблена челобитчиками не малая сумма *). Потомъ выбрали изъ всего войска повѣренныхъ для сей же просьбы старшинъ Андрея Миронова и Ивана Логинова, собравъ имъ съ войска денегъ немалую сумму на харчи, и послали оныхъ съ челобитною въ военную коллегію; — которые, будучи тамо мѣсяца съ четыре, исходатайствовали на послѣдокъ, что сенатъ приказалъ отдать Яицкому войску объявленный, состоящій въ Яицкомъ городкѣ, учугъ за ту цѣну, какъ тогда Астраханскіе купцы на откупѣ содержали, за 5406 рублей, впредь безъ переторжки вѣчно. А какъ тогда около Гурьева городка кочевало пѣшихъ Калмыковъ до тысячи кибитокъ, и хотя не позволительно, но довольствовались однакожъ тамо рыбною ловлею, то по прошенію Яицкаго войска и оные Калмыки переведены къ прочей Калмыцкой ордѣ, кочующей близъ Астрахани.

И такъ, получа войско сей учугъ въ свои руки, выломали оный до основанія, а укрѣпили свой, близъ Яицкаго городка находящійся. Какъ же въ Гурьевомъ городкѣ стояла тогда на карауле рота драгунъ и солдатъ, то для наблюденія, чтобъ оные, а равно и

*) Послушные казаки говорятъ, что сей откупъ доставъ бывшій тогда есауломъ Акутинъ, что нынѣ старшиною.

жители Гурьевскіе тамо, тоже и близъ устья рѣки Яика въ Каспійскомъ морѣ рыбы не ловили, посылали туда на житье по сту человѣкъ изъ своихъ Яицкихъ казаковъ, и велѣно наблюдать имъ, чтобъ посторонніе рыбою не пользовались. Сей учужный откупъ Яицкому войску отданъ назадъ тому лѣтъ съ двадцать *); а на другой годъ послѣ сего сняли они на себя же и соляной сборъ за 5003 рубля, и тотъ сборъ войско поручило на первый случай собирать атаману Андрею Бородину, съ тѣмъ, чтобъ онъ, продержавъ годъ, далъ войску вѣрный отчетъ, сходно ли содержать будетъ впередъ войску оный соляной откупъ, обнадежа его такъ, что если онъ не доберетъ чего, то войско заплатитъ отъ себя, а буде соберетъ излишнюю сумму, то войско отдастъ ему оную въ подарокъ, — съ чѣмъ Бородинъ и принялъ на себя оный сборъ.

Сія откупная сумма 10409 рублей, собиралась съ войска онымъ атаманомъ Бородинымъ и прочими старшинами, такимъ образомъ:

1) Когда Яицкое войско все дома, то на вешнюю ловлю севрюгъ выѣзжаетъ всѣхъ тысячь до десяти подводъ, и если хорошій будетъ ловъ, то всѣ подводы наполняются севрюгами, копхъ обыкновенно въ телегу накладывается по сотнѣ, и когда оттуда всѣ возвратятся, то пріѣхавъ къ городу, остановятся по ту сторону Чагайскаго моста, а на здѣшней сторонѣ станутъ выбранные атаманомъ изъ старшинъ же повѣренные, съ порожними сундуками, запечатанными, кои пропуская чрезъ мостъ подводы, собираютъ съ каждой по одному рублю; и такъ, если рыболовный годъ, и изъ войска нѣтъ людей въ раскомандировкѣ, то въ одинъ сей разъ откупная сумма собиралась; однакожъ случается и то, что или худъ бываетъ ловъ, или изъ войска находится нѣкоторое число въ походѣ, но и тогда собирается съ сей ловли не меньше, какъ тысячь по семи рублей, или и больше, ибо если севрюгъ мало, такъ наполняютъ оставшіяся подводы сазанами, тутъ же изловленными, а коли и тѣхъ не достаточно, такъ солью. Съ сазановъ пошлины брали по полтинѣ, а съ соли съ воза по тридцати копѣекъ. Сія вешняя плавня обыкновенно начинается вскорѣ послѣ Святой недѣли и продолжается до Петрова дня. На сей плавнѣ не ловятъ они ни осетровъ, ни бѣлугъ, а если оные и попадутся, то опускаютъ опять въ воду, ибо, по общему казаковъ согласію, не позволяется ни одному человѣку въ сіе время оныхъ ловить, потому

*) Въ 1753 году.

жители Гурьевскіе тамо, тоже и близъ устья рѣки Яика въ Каспійскомъ морѣ рыбы не ловили, посылали туда на житье по сту человѣкъ изъ своихъ Яицкихъ казаковъ, и велѣно наблюдать имъ, чтобъ посторонніе рыбою не пользовались. Сей учужный откупъ Яицкому войску отданъ назадъ тому лѣтъ съ двадцать *); а на другой годъ послѣ сего сняли они на себя же и соляной сборъ за 5003 рубля, и тотъ сборъ войско поручило на первый случай собирать атаману Андрею Бородину, съ тѣмъ, чтобъ онъ, продержавъ годъ, далъ войску вѣрный отчетъ, сходно ли содержать будетъ впередъ войску оный соляной откупъ, обнадежа его такъ, что если онъ не доберетъ чего, то войско заплатитъ отъ себя, а буде соберетъ излишнюю сумму, то войско отдастъ ему оную въ подарокъ, — съ чѣмъ Бородинъ и принялъ на себя оный сборъ.

Сія откупная сумма 10409 рублей, собиралась съ войска онымъ атаманомъ Бородинымъ и прочими старшинами, такимъ образомъ:

1) Когда Яицкое войско все дома, то на вешнюю ловлю севрюгъ выѣзжаетъ всѣхъ тысячь до десяти подводъ, и если хорошій будетъ ловъ, то всѣ подводы наполняются севрюгами, копхъ обыкновенно въ телегу накладывается по сотнѣ, и когда оттуда всѣ возвратятся, то пріѣхавъ къ городу, остановятся по ту сторону Чагайскаго моста, а на здѣшней сторонѣ станутъ выбранные атаманомъ изъ старшинъ же повѣренные, съ порожними сундуками, запечатанными, кои пропуская чрезъ мостъ подводы, собираютъ съ каждой по одному рублю; и такъ, если рыболовный годъ, и изъ войска нѣтъ людей въ раскомандировкѣ, то въ одинъ сей разъ откупная сумма собиралась; однакожъ случается и то, что или худъ бываетъ ловъ, или изъ войска находится нѣкоторое число въ походѣ, но и тогда собирается съ сей ловли не меньше, какъ тысячь по семи рублей, или и больше, ибо если севрюгъ мало, такъ наполняютъ оставшіяся подводы сазанами, тутъ же изловленными, а коли и тѣхъ не достаточно, такъ солью. Съ сазановъ пошлины брали по полтинѣ, а съ соли съ воза по тридцати копѣекъ. Сія вешняя плавня обыкновенно начинается вскорѣ послѣ Святой недѣли и продолжается до Петрова дня. На сей плавнѣ не ловятъ они ни осетровъ, ни бѣлугъ, а если оные и попадутся, то опускаютъ опять въ воду, ибо, по общему казаковъ согласію, не позволяется ни одному человѣку въ сіе время оныхъ ловить, потому

*) Въ 1753 году.

что свѣжими покупать не кому, а въ соль не способны, для того что ржавчина нападаетъ.

2) Другая плавня бываетъ у нихъ недѣли съ двѣ до Петрова и продолжается до Филиппова поста; тутъ ловятъ уже они всякую рыбу: осетровъ, бѣлугъ, севрюгъ, сазановъ и сомовъ, какая бы ни попала. Съ сей плавни не съ подводъ уже пошлину брали, но съ связокъ (связка называется то, что двѣ будары или лодки связываются вмѣстѣ, и бываетъ въ нихъ по пяти человѣкъ). Ежели войско все дома, то бываетъ по 400, и берется тогда съ каждой по три рубли, буде же войско въ раскомандировкѣ, такъ бываетъ по триста связокъ, и собирали по четыре рубля съ каждой. На сей плавнѣ бываютъ одни только служащіе казаки а отставные, также малолѣтки и работники, на оной не бываютъ, но ѣздятъ оные по озерамъ и ловятъ сазаны и сомы, съ копхъ также собирали пошлину съ воза копѣекъ по 40 и по 30, и бываетъ иногда ойыхъ не по одной тысячѣ.

3) Всю сію рыбу покупаютъ у нихъ пріѣзжіе русскіе иногородные купцы и крестьяне, промышленники рыбные, и солятъ на мѣстѣ, съ которой платятъ уже тѣ промышленники по гривнѣ съ рубля съ той самой цѣны, по какой они купятъ; напримѣръ, ежели они купили осетровъ или бѣлугъ по десяти рублей десятокъ, такъ заплатитъ рубль; почему и полагаютъ они, что одного соляпаго сбора было ежегодно тысячь по десяти, а иногда и больше *), ибо съ мелкой рыбы, какъ-то — щукъ и судаковъ, чрезъ все лѣто равнымъ образомъ брали таковую жь пошлину.

4) Третья ловля бываетъ у нихъ баграми въ прорубяхъ, въ началѣ января мѣсяца, и продолжается недѣль съ пять; за сіе багренье сборъ съ нихъ бывалъ по два рубля и по два съ полтиною съ служащаго казака; и когда войско все дома, то берется съ трехъ тысячь по два рубля съ человѣка, а ежели въ походѣ нѣкоторая часть, то по два рубля съ полтиною. Когда раскомандировки у нихъ никакой нѣтъ, то обыкновенно въ городѣ бываетъ безъ мала по три тысячи казаковъ, четвертая же тысяча всегда стоитъ на низовой линіи, на форпостахъ. Линейную службу отправляютъ большею частію бѣдные люди погодно, потому что, не въ состояніи будучи нанять за себя, напимаются сами,

*) Послушные казаки въ семъ оспорили, сказывая, что такъ великаго сбора никогда не бывало, а меньше, сколько жь именно — показать не могутъ.

что свѣжими покупать не кому, а въ соль не способны, для того что ржавчина нападаетъ.

2) Другая плавня бываетъ у нихъ недѣли съ двѣ до Петрова и продолжается до Филиппова поста; тутъ ловятъ уже они всякую рыбу: осетровъ, бѣлугъ, севрюгъ, сазановъ и сомовъ, какая бы ни попала. Съ сей плавни не съ подводъ уже пошлину брали, но съ связокъ (связка называется то, что двѣ будары или лодки связываются вмѣстѣ, и бываетъ въ нихъ по пяти человѣкъ). Ежели войско все дома, то бываетъ по 400, и берется тогда съ каждой по три рубли, буде же войско въ раскомандировкѣ, такъ бываетъ по триста связокъ, и собирали по четыре рубля съ каждой. На сей плавнѣ бываютъ одни только служащіе казаки а отставные, также малолѣтки и работники, на оной не бываютъ, но ѣздятъ оные по озерамъ и ловятъ сазаны и сомы, съ копхъ также собирали пошлину съ воза копѣекъ по 40 и по 30, и бываетъ иногда ойыхъ не по одной тысячѣ.

3) Всю сію рыбу покупаютъ у нихъ пріѣзжіе русскіе иногородные купцы и крестьяне, промышленники рыбные, и солятъ на мѣстѣ, съ которой платятъ уже тѣ промышленники по гривнѣ съ рубля съ той самой цѣны, по какой они купятъ; напримѣръ, ежели они купили осетровъ или бѣлугъ по десяти рублей десятокъ, такъ заплатитъ рубль; почему и полагаютъ они, что одного соляпаго сбора было ежегодно тысячь по десяти, а иногда и больше *), ибо съ мелкой рыбы, какъ-то — щукъ и судаковъ, чрезъ все лѣто равнымъ образомъ брали таковую жь пошлину.

4) Третья ловля бываетъ у нихъ баграми въ прорубяхъ, въ началѣ января мѣсяца, и продолжается недѣль съ пять; за сіе багренье сборъ съ нихъ бывалъ по два рубля и по два съ полтиною съ служащаго казака; и когда войско все дома, то берется съ трехъ тысячь по два рубля съ человѣка, а ежели въ походѣ нѣкоторая часть, то по два рубля съ полтиною. Когда раскомандировки у нихъ никакой нѣтъ, то обыкновенно въ городѣ бываетъ безъ мала по три тысячи казаковъ, четвертая же тысяча всегда стоитъ на низовой линіи, на форпостахъ. Линейную службу отправляютъ большею частію бѣдные люди погодно, потому что, не въ состояніи будучи нанять за себя, напимаются сами,

*) Послушные казаки въ семъ оспорили, сказывая, что такъ великаго сбора никогда не бывало, а меньше, сколько жь именно — показать не могутъ.

и напимаютъ — два и три человѣка казака — одного, платя на годъ рублей по десяти, а иногда и болѣе каждый.

Съ показанныхъ трехъ рыбныхъ ловель собирали съ однихъ казаковъ больше шестнадцати тысячъ, да сверхъ того, кабацкихъ сборовъ въ войсковую казну входило по двѣ тысячи рублей, да съ вѣсовъ по шести сотъ рублей. И такъ всѣхъ на всѣ собиралось старшинами каждый годъ тысячъ до тридцати; и вся сія сумма поверстывалась въ объявленный учужной и соляной откупъ, то есть, въ десять тысячъ четыреста девять рублей и въ другіе маловажные расходы; ибо атаманъ и старшины собирали съ войска объявленные поборы въ показанныя рачныя времена и сказывали, что оныя подлежатъ въ третной откупъ; сіе для того раздѣляли по третямъ платежъ, чтобъ удобнѣе было обмануть войско и затьмить для простыхъ людей истый отчетъ. Почему войско, не входя въ исчисленіе тѣхъ поборовъ, и платило все, старшинами налагаемое, безотговорочно цѣлые три года, а хотя между тѣмъ и требовало войско отъ атамана Бородина отчету въ спхъ поборахъ, но онъ, будучи на послѣдокъ пожалованъ чиномъ армейскаго подполковника, презиралъ войско и не только никакого отчета въ тѣхъ сборахъ не давалъ, но и жалованья войску года за два уже не выдавалъ, сказывая, что сборовъ будто бы не достаточно было въ откупную сумму,—ибо они получали опое изъ сей суммы, а старшины вычитали при взносѣ оное жалованье въ губернскую канцелярію. Какъ же нѣкоторые изъ казаковъ напоминали Бородину объ отчетѣ, то онъ многихъ наказывалъ за то плетьми, яко озарниковъ и людей мятежныхъ.

При Бородинѣ главны и старшинами тогда были Иванъ Митрясовъ, Андрей Мостовщиковъ, младши же Ѳедоръ Бородинъ, Василій Колпаковъ и прочіе дьякъ Матвѣй Суетинъ; а въ Сакмарскѣ атаманомъ тогда былъ Яицкій старшина Иванъ Логиновъ, потому что Сакмарскіе казаки тогда состояли подъ вѣдѣніемъ Яицкаго войска. А какъ потомъ Логиновъ, по просьбѣ его, смѣненъ былъ съ атаманства Яицкимъ же казакомъ Даніломъ Донсковымъ, то онъ, пріѣхавъ на Яикъ и усмотря, что соляной сборъ для старшинъ прибыточенъ, просилъ атамана Бородина и бывшихъ при немъ старшинъ, чтобъ они его пустили въ най того сбора, но они его не приняли, *) — почему Логиновъ, какъ онъ былъ

*) О семъ сказываетъ казакъ Петръ Заколпиповъ, находящійся въ то время за писаря при войсковой канцеляріи.

и напимаютъ — два и три человѣка казака — одного, платя на годъ рублей по десяти, а иногда и болѣе каждый.

Съ показанныхъ трехъ рыбныхъ ловель собирали съ однихъ казаковъ больше шестнадцати тысячъ, да сверхъ того, кабацкихъ сборовъ въ войсковую казну входило по двѣ тысячи рублей, да съ вѣсовъ по шести сотъ рублей. И такъ всѣхъ на всѣ собиралось старшинами каждый годъ тысячъ до тридцати; и вся сія сумма поверстывалась въ объявленный учужной и соляной откупъ, то есть, въ десять тысячъ четыреста девять рублей и въ другіе маловажные расходы; ибо атаманъ и старшины собирали съ войска объявленные поборы въ показанныя рачныя времена и сказывали, что оныя подлежатъ въ третной откупъ; сіе для того раздѣляли по третямъ платежъ, чтобъ удобнѣе было обмануть войско и затьмить для простыхъ людей истый отчетъ. Почему войско, не входя въ исчисленіе тѣхъ поборовъ, и платило все, старшинами налагаемое, безотговорочно цѣлые три года, а хотя между тѣмъ и требовало войско отъ атамана Бородина отчету въ спхъ поборахъ, но онъ, будучи на послѣдокъ пожалованъ чиномъ армейскаго подполковника, презиралъ войско и не только никакого отчета въ тѣхъ сборахъ не давалъ, но и жалованья войску года за два уже не выдавалъ, сказывая, что сборовъ будто бы не достаточно было въ откупную сумму,—ибо они получали опое изъ сей суммы, а старшины вычитали при взносѣ оное жалованье въ губернскую канцелярію. Какъ же нѣкоторые изъ казаковъ напоминали Бородину объ отчетѣ, то онъ многихъ наказывалъ за то плетьми, яко озарниковъ и людей мятежныхъ.

При Бородинѣ главны и старшинами тогда были Иванъ Митрясовъ, Андрей Мостовщиковъ, младши же Ѳедоръ Бородинъ, Василій Колпаковъ и прочіе дьякъ Матвѣй Суетинъ; а въ Сакмарскѣ атаманомъ тогда былъ Яицкій старшина Иванъ Логиновъ, потому что Сакмарскіе казаки тогда состояли подъ вѣдѣніемъ Яицкаго войска. А какъ потомъ Логиновъ, по просьбѣ его, смѣненъ былъ съ атаманства Яицкимъ же казакомъ Даніломъ Донсковымъ, то онъ, пріѣхавъ на Яикъ и усмотря, что соляной сборъ для старшинъ прибыточенъ, просилъ атамана Бородина и бывшихъ при немъ старшинъ, чтобъ они его пустили въ най того сбора, но они его не приняли, *) — почему Логиновъ, какъ онъ былъ

*) О семъ сказываетъ казакъ Петръ Заколпиповъ, находящійся въ то время за писаря при войсковой канцеляріи.

старшинскій сынъ, просилъ ихъ принять его въ товарищи старшиною, однакожь они ему отказали. А какъ Логиновъ выводилъ свой родъ старѣе и честнѣе атамана Бородина, потому что Логиновъ былъ природный Яицкій, а Бородина отецъ выходецъ и барскій человѣкъ, то онъ, почитая себя отъ нихъ обиженнымъ и желая исходатайствовать себѣ старшинство въ военной коллегіи, какъ уже тогда заведенъ былъ обрядъ, что коллегія по заручной или по выбору войска Яицкаго жаловала въ старшины, — просилъ объ отпускѣ себя въ С.-Петербургъ. Но Бородинъ и въ томъ ему отказалъ; Логиновъ же просился на послѣдокъ въ Калмыцкую орду для собранія отцовскихъ долговъ, но также отпуска не получилъ, а потому Логиновъ и уѣхалъ самовольно въ ту орду. А какъ ханскій намѣстникъ съ отцомъ онаго Логинова имѣли дружество, то оный намѣстникъ исходатайствовалъ у хана своего рекомендацію въ Петербургъ, о Логиновѣ, да и отправили его туда. И такъ, Логиновъ, будучи въ Петербургѣ, хотя и не имѣлъ отъ войска заручной, но какъ видно, по рекомендаціи ханской произведенъ военною коллегіею въ старшины и привезъ о томъ къ войску Яицкому указъ. Но атаманъ Бородинъ и старшины Мостовщиковъ и Филатъ Мусатовъ, хотя были ему, Логинову, и въ сватовствѣ, его не приняли, потому что Логиновъ, будучи лѣтами Мостовщикова и Мусатова моложе, взялъ бы у нихъ — такъ какъ указомъ пожалованный — старшинство. Логиновъ на Яикъ съ симъ указомъ пріѣхалъ въ то время, какъ войско было на севрюжной плавнѣ, то есть, весною, а потому Логиновъ прислалъ отъ себя на плавню къ войску двухъ казаковъ — Григорья Маханина и Андрея Панова, съ повѣсткою, что онъ указомъ военною коллегіею пожалованъ въ старшины, но атаманъ его не принимаетъ; почему и выспрашивалъ чрезъ тѣхъ посланныхъ у войска: пріймутъ ли оно его? Но какъ тогда всѣ были по рѣкѣ Яику въ разъѣздахъ, то и нельзя было отвѣчать ему на сіе.

Потомъ, какъ плавня кончилась и войско возвращалось въ городокъ, не доѣзжая до онаго восьми верстъ, остановилось по прежнему заведенному обыкновенію подъ Горками, а иначе называется Кичигова рука, то пріѣхали на сіе мѣсто помянутый Логиновъ, и отъ атамана Бородина войсковой дьякъ Матвѣй Суетинъ, изъ конхъ первый объявилъ указъ военной коллегіи о пожалованіи его въ старшины, и войско не воспротивилось его принять, а второй объявилъ атаманское приказаніе, по сколько платить съ подводы. Тутъ Логиновъ сказалъ войску, чтобъ никто не платилъ

старшинскій сынъ, просилъ ихъ принять его въ товарищи старшиною, однакожь они ему отказали. А какъ Логиновъ выводилъ свой родъ старѣе и честнѣе атамана Бородина, потому что Логиновъ былъ природный Яицкій, а Бородина отецъ выходецъ и барскій человѣкъ, то онъ, почитая себя отъ нихъ обиженнымъ и желая исходатайствовать себѣ старшинство въ военной коллегіи, какъ уже тогда заведенъ былъ обрядъ, что коллегія по заручной или по выбору войска Яицкаго жаловала въ старшины, — просилъ объ отпускѣ себя въ С.-Петербургъ. Но Бородинъ и въ томъ ему отказалъ; Логиновъ же просился на послѣдокъ въ Калмыцкую орду для собранія отцовскихъ долговъ, но также отпуска не получилъ, а потому Логиновъ и уѣхалъ самовольно въ ту орду. А какъ ханскій намѣстникъ съ отцомъ онаго Логинова имѣли дружество, то оный намѣстникъ исходатайствовалъ у хана своего рекомендацію въ Петербургъ, о Логиновѣ, да и отправили его туда. И такъ, Логиновъ, будучи въ Петербургѣ, хотя и не имѣлъ отъ войска заручной, но какъ видно, по рекомендаціи ханской произведенъ военною коллегіею въ старшины и привезъ о томъ къ войску Яицкому указъ. Но атаманъ Бородинъ и старшины Мостовщиковъ и Филатъ Мусатовъ, хотя были ему, Логинову, и въ сватовствѣ, его не приняли, потому что Логиновъ, будучи лѣтами Мостовщикова и Мусатова моложе, взялъ бы у нихъ — такъ какъ указомъ пожалованный — старшинство. Логиновъ на Яикъ съ симъ указомъ пріѣхалъ въ то время, какъ войско было на севрюжной плавнѣ, то есть, весною, а потому Логиновъ прислалъ отъ себя на плавню къ войску двухъ казаковъ — Григорья Маханина и Андрея Панова, съ повѣсткою, что онъ указомъ военною коллегіею пожалованъ въ старшины, но атаманъ его не принимаетъ; почему и выспрашивалъ чрезъ тѣхъ посланныхъ у войска: пріймутъ ли оно его? Но какъ тогда всѣ были по рѣкѣ Яику въ разъѣздахъ, то и нельзя было отвѣчать ему на сіе.

Потомъ, какъ плавня кончилась и войско возвращалось въ городокъ, не доѣзжая до онаго восьми верстъ, остановилось по прежнему заведенному обыкновенію подъ Горками, а иначе называется Кичигова рука, то пріѣхали на сіе мѣсто помянутый Логиновъ, и отъ атамана Бородина войсковой дьякъ Матвѣй Суетинъ, изъ конхъ первый объявилъ указъ военной коллегіи о пожалованіи его въ старшины, и войско не воспротивилось его принять, а второй объявилъ атаманское приказаніе, по сколько платить съ подводы. Тутъ Логиновъ сказалъ войску, чтобъ никто не платилъ

ни по полушкѣ, объявляя, что атаманъ Бородинъ одинъ заплатитъ, потому что онъ съ войска излишнихъ поборовъ много собралъ и присвоилъ къ себѣ въ карманъ, а для того де и отчета войску не дастъ. Войско, услыша, что новый ихъ старшина за обиды ихъ вступается, прилѣпились всѣ къ Логинову; а какъ всякому должно платить было деньги, и не хотя съ ними разстаться, то и сказали Суетину, что платить пошлины не будутъ до того времени, пока атаманъ Бородинъ съ старшинами не дастъ во всѣхъ сборахъ отчета, — съ чѣмъ Суетинъ и поѣхалъ въ городокъ. Войско же, переночевавъ съ обозомъ подъ Горками, на другой день поутру пріѣхали всѣ къ Чагайскому мосту, гдѣ обыкновенно сборъ бывалъ, какъ на той, такъ и на другой сторонѣ. Атаманъ Бородинъ, будучи увѣдомленъ отъ Суетина, что войско пошлины платить не хочетъ, выѣхалъ изъ городка къ мосту со всѣми старшинами и повѣренными сборщиками, приглася при томъ и попова для засвидѣтельствованія. Потомъ войско, раскидавъ жребій, кому за кѣмъ ѣхать, готовилось переправиться чрезъ мосты, но сборщики, остановя, требовали денегъ. Тутъ сперва Логиновъ, а за нимъ и все войско закричало, что „платить не будемъ, а пускай заплатятъ атаманъ и старшины, и потомъ дадутъ отчетъ во всѣхъ сборахъ, сначала какъ взяли на откупъ учугъ и соляной сборъ“, — представляя при томъ, что войско атаману повѣрило соляной сборъ на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по прошествіи года, далъ вѣрный отчетъ, но онъ того не сдѣлалъ. А атаманъ кричалъ, что онъ платить за войско не долженъ, да и отчета ни въ чемъ не дастъ, выговаривая при томъ, будто бы войску до того нѣтъ дѣла: „Вѣдь де мы (то есть, старшины) стараемся о томъ откупѣ!“ И потомъ начали съ Логиновымъ браниться всякими непристойными словами, доказывая каждый свой родъ честнѣе одинъ другого; но какъ войско стояло въ первомъ своемъ словѣ, согласномъ съ Логиновымъ, то атаманъ Бородинъ, оставя войско со всѣми при немъ бывшими, уѣхалъ въ городокъ. Съ сего самаго случая зачалась у войска съ старшинами ссора и раздоръ, ибо Бородинъ счелъ сей неплатежъ денегъ за бунтъ и представлялъ въ военную коллегію, что войско взбунтовалось; а Логиновъ, узнавъ о семъ, вступился за войско, и писалъ отъ всего войска челобитную на старшинъ о учиненныхъ ими излишнихъ поборахъ, о удержаніи жалованья и о прочихъ многихъ войску причиняемыхъ притѣсненіяхъ.

По симъ просьбамъ, разнствующимъ одна отъ другой, присланъ

ни по полушкѣ, объявляя, что атаманъ Бородинъ одинъ заплатитъ, потому что онъ съ войска излишнихъ поборовъ много собралъ и присвоилъ къ себѣ въ карманъ, а для того де и отчета войску не дастъ. Войско, услыша, что новый ихъ старшина за обиды ихъ вступается, прилѣпились всѣ къ Логинову; а какъ всякому должно платить было деньги, и не хотя съ ними разстаться, то и сказали Суетину, что платить пошлины не будутъ до того времени, пока атаманъ Бородинъ съ старшинами не дастъ во всѣхъ сборахъ отчета, — съ чѣмъ Суетинъ и поѣхалъ въ городокъ. Войско же, переночевавъ съ обозомъ подъ Горками, на другой день поутру пріѣхали всѣ къ Чагайскому мосту, гдѣ обыкновенно сборъ бывалъ, какъ на той, такъ и на другой сторонѣ. Атаманъ Бородинъ, будучи увѣдомленъ отъ Суетина, что войско пошлины платить не хочетъ, выѣхалъ изъ городка къ мосту со всѣми старшинами и повѣренными сборщиками, приглася при томъ и поповъ для засвидѣтельствованія. Потомъ войско, раскидавъ жребій, кому за кѣмъ ѣхать, готовилось переправиться чрезъ мосты, но сборщики, остановя, требовали денегъ. Тутъ сперва Логиновъ, а за нимъ и все войско закричало, что „платить не будемъ, а пускай заплатятъ атаманъ и старшины, и потомъ дадутъ отчетъ во всѣхъ сборахъ, сначала какъ взяли на откупъ учугъ и соляной сборъ“, — представляя при томъ, что войско атаману повѣрило соляной сборъ на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по прошествіи года, далъ вѣрный отчетъ, но онъ того не сдѣлалъ. А атаманъ кричалъ, что онъ платить за войско не долженъ, да и отчета ни въ чемъ не дастъ, выговаривая при томъ, будто бы войску до того нѣтъ дѣла: „Вѣдь де мы (то есть, старшины) стараемся о томъ откупѣ!“ И потомъ начали съ Логиновымъ браниться всякими непристойными словами, доказывая каждый свой родъ честнѣе одинъ другого; но какъ войско стояло въ первомъ своемъ словѣ, согласномъ съ Логиновымъ, то атаманъ Бородинъ, оставя войско со всѣми при немъ бывшими, уѣхалъ въ городокъ. Съ сего самаго случая зачалась у войска съ старшинами ссора и раздоръ, ибо Бородинъ счелъ сей неплатежъ денегъ за бунтъ и представлялъ въ военную коллегію, что войско взбунтовалось; а Логиновъ, узнавъ о семъ, вступился за войско, и писалъ отъ всего войска челобитную на старшинъ о учиненныхъ ими излишнихъ поборахъ, о удержаніи жалованья и о прочихъ многихъ войску причиняемыхъ притѣсненіяхъ.

По симъ просьбамъ, разнствующимъ одна отъ другой, присланъ

былъ отъ военной коллегіи для разбирательства генералъ-маіоръ Брахтвильдъ съ полковникомъ Ушаковымъ, но полковникъ не долго у нихъ былъ и потомъ отозванъ въ Петербургъ, а Брахтвильдъ, оставшись одинъ, ни того, ни другого не дѣлалъ и обходился дружески со старшинами; почему Логиновъ, видя, что оный слѣдователь безполезенъ, посылалъ челобитчиковъ отъ войска съ прошеніемъ въ Петербургъ о присылкѣ на мѣсто Брахтвильда другого; и отъ военной коллегіи и прислапъ былъ генералъ-маіоръ Иванъ Потаповъ.

Сей слѣдователь сдѣлавъ войску кругъ, переспрашивалъ и переписалъ всѣхъ, кто на старшинъ истецъ, и кто не истецъ. Истцовъ набралось 2800 человѣкъ, а не истцовъ только 500; въ сихъ пятистахъ человѣкахъ были, во первыхъ, родственники и свойственники старшинскіе, а во вторыхъ, друзья оныхъ и малолѣтки, подговоренные старшинскими помощниками для увеличенія только одного числа, послѣдніе же были богобоязливые, кои, отдавая свои обиды на судъ Богу, не хотѣли быть въ числѣ тяжущихся. По сему самому случаю истцы стали именоваться „войсковой руки“, а не истцы—„старшинской руки“. Но послѣ перепачалп сіе названіе, такимъ образомъ: „войсковой руки“ называлось „непослушными“ а „старшинской“—„послушными“. Господинъ Потаповъ, прежде вступленія во изслѣдованіе тяжбы сей, приказалъ выбрать отъ войска 40 человѣкъ овѣренныхъ, такихъ, которые бы съ войсковой стороны доказывать могли старшинъ, которые и выбраны и находились безотлучны при слѣдованіи. Атаманъ же Бородинъ и бывшіе при немъ старшины отъ должностей были отрѣшены, а войсковыя дѣла отправляли: атаманскую должность—Оренбургскій есаулъ Андрей Углицкій, да дьякъ Суетинъ и старшина Алексѣй Митрясовъ. Наконецъ Потаповъ, приведя оное къ окончанію, хотѣлъ на мѣсто Углицкаго оставить имъ, до полученія отъ военной коллегіи конфирмаціи, наказнаго атамана, и спрашивалъ у войска, кого они изъ показанныхъ старшинъ желаютъ быть наказнымъ атаманомъ — Суетина ли или Митрясова; но Логиновъ и Копѣечкинъ (тотъ, который злодѣемъ *) потерянъ), подали отъ имени войска Потапову допошеніе, что имъ наказный атаманъ непадобенъ, но просили опредѣлить въ присутствіе къ означеннымъ старшинамъ Суетину и Митрясову съ войсковой стороны казака Оспина Ѳедорова, который Логинову былъ племянникъ.

*) То есть, Пугачевымъ.

былъ отъ военной коллегіи для разбирательства генералъ-маіоръ Брахтвильдъ съ полковникомъ Ушаковымъ, но полковникъ не долго у нихъ былъ и потомъ отозванъ въ Петербургъ, а Брахтвильдъ, оставшись одинъ, ни того, ни другого не дѣлалъ и обходился дружески со старшинами; почему Логиновъ, видя, что оный слѣдователь безполезенъ, посылалъ челобитчиковъ отъ войска съ прошеніемъ въ Петербургъ о присылкѣ на мѣсто Брахтвильда другого; и отъ военной коллегіи и прислапъ былъ генералъ-маіоръ Иванъ Потаповъ.

Сей слѣдователь сдѣлавъ войску кругъ, переспрашивалъ и переписалъ всѣхъ, кто на старшинъ истецъ, и кто не истецъ. Истцовъ набралось 2800 человѣкъ, а не истцовъ только 500; въ сихъ пятистахъ человѣкахъ были, во первыхъ, родственники и свойственники старшинскіе, а во вторыхъ, друзья оныхъ и малолѣтки, подговоренные старшинскими помощниками для увеличенія только одного числа, послѣдніе же были богобоязливые, кои, отдавая свои обиды на судъ Богу, не хотѣли быть въ числѣ тяжущихся. По сему самому случаю истцы стали именоваться „войсковой руки“, а не истцы—„старшинской руки“. Но послѣ перепачалп сіе названіе, такимъ образомъ: „войсковой руки“ называлось „непослушными“ а „старшинской“—„послушными“. Господинъ Потаповъ, прежде вступленія во изслѣдованіе тяжбы и дѣлъ, приказалъ выбрать отъ войска 40 человѣкъ повѣренныхъ, такихъ, которые бы съ войсковой стороны доказывать могли старшинъ, которые и выбраны и находились безотлучны при слѣдованіи. Атаманъ же Бородинъ и бывшіе при немъ старшины отъ должностей были отрѣшены, а войсковыя дѣла отправляли: атаманскую должность—Оренбургскій есаулъ Андрей Углицкій, да дьякъ Суетинъ и старшина Алексѣй Митрясовъ. Наконецъ Потаповъ, приведя оное къ окончанію, хотѣлъ на мѣсто Углицкаго оставить имъ, до полученія отъ военной коллегіи конфирмаціи, наказнаго атамана, и спрашивалъ у войска, кого они изъ показанныхъ старшинъ желаютъ быть наказнымъ атаманомъ — Суетина ли или Митрясова; но Логиновъ и Копѣечкинъ (тотъ, который злодѣемъ *) потерянъ), подали отъ имени войска Потапову допошеніе, что имъ наказный атаманъ непадобенъ, но просили опредѣлить въ присутствіе къ означеннымъ старшинамъ Суетину и Митрясову съ войсковой стороны казака Оспина Ѳедорова, который Логинову былъ племянникъ.

*) То есть, Пугачевымъ.

А какъ оный Ѳедоровъ лѣтами былъ молодъ, то Потаповъ такъ какъ-бы предузнавалъ, что онъ по молодости войску ненадеженъ, какъ то послѣ и самымъ дѣломъ вышло; однакожь в йско усильно просило объ немъ у Потапова, надѣясь, что онъ, будучи Логинову родной племянникъ, не измѣнитъ войску; почему Потаповъ и опредѣлилъ онаго въ присутствіе и послѣ самъ уѣхалъ въ Петербургъ. А послѣ его оставался въ городѣ съ военною командою маіоръ Романъ Новокрещеновъ, и Потаповъ при отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ говорилъ войску, что Новокрещеновъ остается у нихъ вмѣсто атамана.

Какъ же Потаповъ уѣхалъ, то Новокрещеновъ подружился съ прежними и новыми старшинами да и посаженный отъ войсковой р[у]ки старшина Ѳедоровъ сталъ держать старшинскую же сторону, а войско и дядю своего Логинова презиралъ и искалъ въ Новокрещеновѣ милости, для того чтобы сдѣлаться послѣ чрезъ его стараніе атаманомъ, а напротивъ того, и Суетинъ, и Митрясовъ того же искали и дѣлали войску разныя притѣсненія. Какъ же потомъ на представленіе Потапова послѣдовала отъ военной коллегіи конфирмація, то Новокрещеновъ, и луча оную, собралъ войско въ кругъ и читалъ изъ оной тѣ только пункты, которые касались до обвиненія войсковой стороны, и наказаны тогда означенные бывшіе отъ войска повѣренные 40 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ и объявленный старшина Ѳедоръ, палками и посланы въ Гурьевъ городокъ на [о]дъ на службу безъ очереди и безъ обыкновенной помощи; Логиновъ посланъ въ Тобольскъ въ ссылку, а Конѣечкинъ написанъ въ солдаты; равнымъ образомъ объявлено было, чѣмъ должно наказать и старшинъ, и кто долженъ быть лишенъ чиновъ старшинскихъ; однакожь они не лишены похлѣбствомъ Новокрещенова, изъ взятокъ.

А к[о]ъ большая часть войска конфирмаціи понять не могли, для того что худо читали, то ходили часто къ Новокрещенову и просили, чтобы онъ вычелъ войску всю конфирмацію порядочно, и если подлинно тутъ есть о старшинахъ и объ нихъ упомянуто, то бы лишилъ тотчасъ, какъ и повѣренныхъ отъ войска, кои, по мнѣнію ихъ, безвинно были по конфирмаціи наказаны. Но Новокрещеновъ, наровя изъ денегъ старшинамъ, долго на то не соглашался и просителей многихъ сѣкалъ плетьми, но наконецъ, соскуч вшись слушать такія просьбы, приказалъ, чтобы изъ войска с бравшись лучшіе люди приходили къ его двору, обѣщаясь тамо вычесть всю конфирмацію до конца внятно. Почему изъ вой-

А какъ оный Ѳедоровъ лѣтами былъ молодъ, то Потаповъ такъ какъ-бы предузнавалъ, что онъ по молодости войску ненадеженъ, какъ то послѣ и самымъ дѣломъ вышло; однакожъ в йско усильно просило объ немъ у Потапова, надѣясь, что онъ, будучи Логинову родной племянникъ, не измѣнитъ войску; почему Потаповъ и опредѣлилъ онаго въ присутствіе и послѣ самъ уѣхалъ въ Петербургъ. А послѣ его оставался въ городѣ съ военною командою маіоръ Романъ Новокрещеновъ, и Потаповъ при отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ говорилъ войску, что Новокрещеновъ остается у нихъ вмѣсто атамана.

Какъ же Потаповъ уѣхалъ, то Новокрещеновъ подружился съ прежними и новыми старшинами да и посаженный отъ войсковой р[у]ки старшина Ѳедоровъ сталъ держать старшинскую же сторону, а войско и дядю своего Логинова презиралъ и искалъ въ Новокрещеновѣ милости, для того чтобы сдѣлаться послѣ чрезъ его стараніе атаманомъ, а напротивъ того, и Суетинъ, и Митрясовъ того же искали и дѣлали войску разныя притѣсненія. Какъ же потомъ на представленіе Потапова послѣдовала отъ военной коллегіи конфирмація, то Новокрещеновъ, и луча оную, собралъ войско въ кругъ и читалъ изъ оной тѣ только пункты, которые касались до обвиненія войсковой стороны, и наказаны тогда означенные бывшіе отъ войска повѣренные 40 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ и объявленный старшина Ѳедоръ, палками и посланы въ Гурьевъ городокъ на одъ на службу безъ очереди и безъ обыкновенной помощи; Логиновъ посланъ въ Тобольскъ въ ссылку, а Конѣечкинъ написанъ въ солдаты; равнымъ образомъ объявлено было, чѣмъ должно наказать и старшинъ, и кто долженъ быть лишенъ чиновъ старшинскихъ; однакожъ они не лишены похлѣбствомъ Новокрещенова, изъ взятокъ.

А какъ большая часть войска конфирмаціи понять не могли, для того что худо читали, то ходили часто къ Новокрещенову и просили, чтобы онъ вычелъ войску всю конфирмацію порядочно, и если подлинно тутъ есть о старшинахъ и объ нихъ упомянуто, то бы лишилъ тотчасъ, какъ и повѣренныхъ отъ войска, кои, по мнѣнію ихъ, безвинно были по конфирмаціи наказаны. Но Новокрещеновъ, наровя изъ денегъ старшинамъ, долго на то не соглашался и просителей многихъ сѣкалъ плетьми, но наконецъ, соскуч вшись слушать такія просьбы, приказалъ, чтобы изъ войска с бравшись лучшіе люди приходили къ его двору, обѣщаясь тамо вычесть всю конфирмацію до конца внятно. Почему изъ вой-

ска въ то время и собралось человѣкъ съ пять сотъ къ его дому; но Новокрещеновъ, стоя на крыльцѣ своемъ со всѣми старшинами, зачавъ читать конфирмацію, читалъ чрезъ два въ третій, такъ что никто ни слова не выразумѣлъ; а между тѣмъ Новокрещеновъ спрашивалъ у войска, для чего они не выбираютъ въ атаманы Суетина, чѣмъ онъ имъ не любъ? На что нѣкоторые казаки отвѣчали, что Суетинъ не можетъ войску сильно милымъ быть: „онъ де еще и штрафа своего не заслужилъ, да мы де думаемъ, что нѣтъ ли еще на немъ и денежнаго по конфирмаціи штрафа, чего ты не объявляешь“. На что Новокрещеновъ говорилъ, что денежнаго штрафа на немъ нѣтъ, а наложенный на него военною коллегіею штрафъ заслужилъ. Но на сіи утверждали, что не заслужилъ еще, ибо по означенной конфирмаціи велѣно онаго Суетина, за оказавшуюся по слѣдствію Потапову вину, написать въ есаулы на годъ, но онъ въ сей должности былъ не больше какъ только четверть часа. А какъ сіе упущеніе и потворство Суетину произошло отъ Новокрещенова, а между тѣмъ казакъ Семенъ Скачковъ выговорилъ тогда Суетину, при семъ случаѣ бывшему, такъ: „что де ты успѣваешься? вѣдь де и такъ немало войско тебя покормило“,—то Новокрещеновъ, разсердясь тогда крайне и ухватясь за Скачкову рѣчь, приказалъ онаго Скачкова взять подъ караулъ. Какъ же всѣ бывшіе при томъ казаки увидѣли, что безвинно его взяли подъ караулъ, то выговариваясь о семъ, просили Новокрещенова о свободѣ Скачкова и о вычтеніи порядочнымъ образомъ всей конфирмаціи, за что Новокрещеновъ тѣхъ казаковъ, кои больше другихъ о семъ ему докучали, также посадилъ подъ караулъ.

И такъ войско, видя явное Новокрещенова къ старшинамъ похлѣбство, принуждено было послать отъ себя повѣренныхъ въ Петербургъ съ жалобою, что старшины не лишены своихъ чиновъ, и не взыскивается съ нихъ наложенный на нихъ по конфирмаціи денежный штрафъ и казачье жалованье, давъ просителямъ на проторы не малую сумму денегъ. Между же тѣмъ, пока сіи повѣренные въ Петербургъ ѣздили, Новокрещеновъ объявленнаго Скачкова и прочихъ взятыхъ имъ тогда подъ караулъ казаковъ — Алексѣя Мирошихина, Максима Выровщикова, Бориса Плишкова, Сидора Кандалинцова, Ѳедора Истомина и прочихъ съ женами и дѣтьми, послалъ въ ссылку въ Тобольскъ.

Потомъ по просьбѣ войсковой, присланъ былъ на Яикъ для разбирательства ихъ жалобъ полковникъ Полозовъ, который, будучи

ска въ то время и собралось человѣкъ съ пять сотъ къ его дому; но Новокрещеновъ, стоя на крыльцѣ своемъ со всѣми старшинами, зачавъ читать конфирмацію, читалъ чрезъ два въ третій, такъ что никто ни слова не выразумѣлъ; а между тѣмъ Новокрещеновъ спрашивалъ у войска, для чего они не выбираютъ въ атаманы Суетина, чѣмъ онъ имъ не любъ? На что нѣкоторые казаки отвѣчали, что Суетинъ не можетъ войску сильно милымъ быть: „онъ де еще и штрафа своего не заслужилъ, да мы де думаемъ, что нѣтъ ли еще на немъ и денежнаго по конфирмаціи штрафа, чего ты не объявляешь“. На что Новокрещеновъ говорилъ, что денежнаго штрафа на немъ нѣтъ, а наложенный на него военною коллегіею штрафъ заслужилъ. Но на сіи утверждали, что не заслужилъ еще, ибо по означенной конфирмаціи велѣно онаго Суетина, за оказавшуюся по слѣдствію Потапову вину, написать въ есаулы на годъ, но онъ въ сей должности былъ не больше какъ только четверть часа. А какъ сіе упущеніе и потворство Суетину произошло отъ Новокрещенова, а между тѣмъ казакъ Семенъ Скачковъ выговорилъ тогда Суетину, при семъ случаѣ бывшему, такъ: „что де ты успѣваешься? вѣдь де и такъ немало войско тебя покормило“,—то Новокрещеновъ, разсердясь тогда крайне и ухватясь за Скачкову рѣчь, приказалъ онаго Скачкова взять подъ караулъ. Какъ же всѣ бывшіе при томъ казаки увидѣли, что безвинно его взяли подъ караулъ, то выговариваясь о семъ, просили Новокрещенова о свободѣ Скачкова и о вычтеніи порядочнымъ образомъ всей конфирмаціи, за что Новокрещеновъ тѣхъ казаковъ, кои больше другихъ о семъ ему докучали, также посадилъ подъ караулъ.

И такъ войско, видя явное Новокрещенова къ старшинамъ похлѣбство, принуждено было послать отъ себя повѣренныхъ въ Петербургъ съ жалобою, что старшины не лишены своихъ чиновъ, и не взыскивается съ нихъ наложенный на нихъ по конфирмаціи денежный штрафъ и казачье жалованье, давъ просителямъ на проторы не малую сумму денегъ. Между же тѣмъ, пока сіи повѣренные въ Петербургъ ѣздили, Новокрещеновъ объявленнаго Скачкова и прочихъ взятыхъ имъ тогда подъ караулъ казаковъ — Алексѣя Мирошихина, Максима Выровщикова, Бориса Плишкова, Сидора Кандалинцова, Ѳедора Истомина и прочихъ съ женами и дѣтьми, послалъ въ ссылку въ Тобольскъ.

Потомъ по просьбѣ войсковой, присланъ былъ на Яикъ для разбирательства ихъ жалобъ полковникъ Полозовъ, который, будучи

у нихъ пять мѣсяцовъ, разбиралъ ихъ дѣло порядочнымъ образомъ, и войско было имъ довольно; но напротивъ того, старшинамъ онъ былъ въ тягость, почему и смѣненъ онъ былъ генералъ-маіоромъ Череповымъ. Когда сей Череповъ ѣхалъ еще къ нимъ въ городъ, то согласники старшинской стороны войсковой угрожали сими словами: „Забудете де вы при немъ много зѣвать, онъ вамъ зажметъ ротъ-то“. Да и въ самомъ дѣлѣ, когда оный Череповъ къ нимъ пріѣхалъ, то показался войску весьма суровымъ, и онъ никакого разбирательства между войскомъ и старшинами не производилъ и былъ благосклоненъ къ старшинамъ. Оный Череповъ былъ на Яикѣ только двѣ недѣли и въ сіе время старался, чтобы войско выбрало себѣ въ атаманы изъ представляемыхъ со старшинской стороны кандидатовъ Суетина, Митрясова и бывшаго атамана Бородина большаго сына Оедора, однакожь войско ни одного изъ нихъ не пожелало принять, а представляло своихъ кандидатовъ: Петра Тамбовцова, Ивана Свѣшникова и Михайлу Воеводкина. Почему Череповъ и разсердился крайне на войско и потомъ, собравъ все войско въ кругъ, приказалъ драгунамъ окружить позади войско; а какъ сіе первый разъ на ихъ роду случилось, то войско все оробѣло, и не знали, для чего бы это сдѣлано, почему и не посмѣло по прежнему обыкновенію приближиться къ самымъ перилъ, но стояли одаль, такъ какъ на сажень.

Между же тѣмъ и самъ Череповъ съ Новокрещеновымъ и со всѣми старшинами вошелъ въ кругъ, и сталъ на рундукъ, на атаманское мѣсто, который, показываясь быть сердитымъ, закричалъ войску: „слушайте указъ“, и приказывалъ подойти къ перилъ ближе. Но казаки, напереди стоявшіе, отвѣчали, что они и тутъ могутъ слышать. Череповъ же, разсердяся и браня войско, кричалъ: „Я вамъ приказываю, подойдите ближе“. Почему войско, подвинувся нѣсколько впередъ, но также остановилось не вплоть самыхъ перилъ. Потомъ Череповъ приказалъ своему писарю читать указъ, который и началъ было, и выговорилъ не больше какъ словъ съ десятокъ, но что̀ такое — никто не вслушался, потому что всѣ пришли въ страхъ; Череповъ же, остановя писаря, кричалъ къ войску съ бранью, чтобы подвинулось къ самымъ перилъ. Но войско, видя его въ превеликой запальчивости, не посмѣло близко приближиться, сказывая, что они и тутъ слышать могутъ, но Череповъ, сочтя сіе за ослушаніе ихъ, не велѣлъ писарю читать указа; самъ же, сошедъ съ рундука и ставъ позади драгунъ, приказалъ палить имъ по войску; а какъ онъ сіе выго-

у нихъ пять мѣсяцовъ, разбиралъ ихъ дѣло порядочнымъ образомъ, и войско было имъ довольно; но напротивъ того, старшинамъ онъ былъ въ тягость, почему и смѣненъ онъ былъ генералъ-маіоромъ Череповымъ. Когда сей Череповъ ѣхалъ еще къ нимъ въ городъ, то согласники старшинской стороны войсковой угрожали сими словами: „Забудете де вы при немъ много зѣвать, онъ вамъ зажметъ ротъ-то“. Да и въ самомъ дѣлѣ, когда оный Череповъ къ нимъ пріѣхалъ, то показался войску весьма суровымъ, и онъ никакого разбирательства между войскомъ и старшинами не производилъ и былъ благосклоненъ къ старшинамъ. Оный Череповъ былъ на Яикѣ только двѣ недѣли и въ сіе время старался, чтобы войско выбрало себѣ въ атаманы изъ представляемыхъ со старшинской стороны кандидатовъ Суетина, Митрясова и бывшаго атамана Бородина большаго сына Оедора, однакожь войско ни одного изъ нихъ не пожелало принять, а представляло своихъ кандидатовъ: Петра Тамбовцова, Ивана Свѣшникова и Михайлу Воеводкина. Почему Череповъ и разсердился крайне на войско и потомъ, собравъ все войско въ кругъ, приказалъ драгунамъ окружить позади войско; а какъ сіе первый разъ на ихъ роду случилось, то войско все оробѣло, и не знали, для чего бы это сдѣлано, почему и не посмѣло по прежнему обыкновенію приближиться къ самымъ перилямъ, но стояли одаль, такъ какъ на сажень.

Между же тѣмъ и самъ Череповъ съ Новокрещеновымъ и со всѣми старшинами вошелъ въ кругъ, и сталъ на рундукъ, на атаманское мѣсто, который, показываясь быть сердитымъ, закричалъ войску: „слушайте указъ“, и приказывалъ подойти къ перилямъ ближе. Но казаки, напереди стоявшіе, отвѣчали, что они и тутъ могутъ слышать. Череповъ же, разсердяся и браня войско, кричалъ: „Я вамъ приказываю, подойдите ближе“. Почему войско, подвинувся нѣсколько впередъ, но также остановилось не вплоть самыхъ перилъ. Потомъ Череповъ приказалъ своему писарю читать указъ, который и началъ было, и выговорилъ не больше какъ словъ съ десятокъ, но что̀ такое — никто не вслушался, потому что всѣ пришли въ страхъ; Череповъ же, остановя писаря, кричалъ къ войску съ бранью, чтобы подвинулось къ самымъ перилямъ. Но войско, видя его въ превеликой запальчивости, не посмѣло близко приближиться, сказывая, что они и тутъ слышать могутъ, но Череповъ, сочтя сіе за ослушаніе ихъ, не велѣлъ писарю читать указа; самъ же, сошедъ съ рундука и ставъ позади драгунъ, приказалъ палить имъ по войску; а какъ онъ сіе выго-

ворилъ, то войско повалилось все на землю и кричало только: „Помилуй, ваше превосходительство, мы не знаемъ за собою никакой вины!“ Драгуны же, имѣя прежде ружья заряженныя, пулями выпалили по нихъ разъ, но спасибо — пустили пули вверхъ и ни въ одного человѣка не попали.

Потомъ, какъ Череповъ приказалъ драгунамъ повторить, то бывшій при драгунахъ, не знаютъ какой урядникъ, доложилъ Черепову, чтобъ онъ показалъ имъ указъ, почему онъ приказываетъ безвинныхъ людей убивать. Череповъ, разсердяся на онаго урядника и выхватя свою шпагу, хотѣлъ его заколоть, однакожь потрафилъ шпагою въ портупею и никакого вреда ему не причинилъ, почему и не смѣлъ уже никто ему противорѣчить, и драгуны, по приказу Черепова, выпалили по нихъ въ другой разъ, но также безвредно, и казаки, лежа на землѣ, кричали: „Помилуй!“ Но Череповъ, не удовольствуясь тѣмъ, приказалъ и третично палить по нихъ; а Новокрещеновъ, который со старшинами привезъ Черепова до такой запальчивости, кричалъ драгунамъ, чтобы они стрѣляли не вверхъ, но въ колѣно, почему нѣкоторые драгуны и выстрѣлили такимъ образомъ и тѣмъ залпомъ убили трехъ человѣкъ до смерти, изъ коихъ одного звали Иваномъ Полоновымъ, другаго Тимофеемъ Овечкинымъ, а третьяго какъ звали не знаютъ, и человѣкъ съ шесть ранили. Но войско, ни мало не противорѣча, кричало одно слово: „Помилуй, батюшка, ваше превосходительство“!

Послѣ сего Череповъ закричалъ: „Кто не противенъ указу всемилостивѣйшей государыни, тѣ ступайте за мною!“ А какъ изъ войска не было ни одного таковаго, который бы осмѣлился противиться указу, то все войско, а равно и старшины, стоявшіе въ то время, когда по войску стрѣляли, на рундукѣ, пошли за Череповымъ, который, разставя ихъ по улицѣ, приказалъ читать указъ, и читали имъ въ разныхъ мѣстахъ, то у той, то у другой кучи, но что̀ такое—не могли они понять, потому что были тогда въ превеликомъ страхѣ и отчаяніи. Иные говорили, что читали указъ, а иные говорили, что военный регулъ. Потомъ Череповъ спрашивалъ у войска: будетъ ли оно повиноваться государевымъ указамъ? На что̀ войско отвѣчало, что оно всегда Богу, всемилостивѣйшей государынѣ и указамъ ея повинны. Череповъ со старшинами пошелъ въ свой домъ, а войско осталось на улицѣ, потому что по всѣмъ переулкамъ разставлены были драгуны на пикетахъ, и ни одного казака безъ приказу пропущать не велѣно.

ворилъ, то войско повалилось все на землю и кричало только: „Помилуй, ваше превосходительство, мы не знаемъ за собою никакой вины!“ Драгуны же, имѣя прежде ружья заряженныя, пулями выпалили по нихъ разъ, но спасибо — пустили пули вверхъ и ни въ одного человѣка не попали.

Потомъ, какъ Череповъ приказалъ драгунамъ повторить, то бывшій при драгунахъ, не знаютъ какой урядникъ, доложилъ Черепову, чтобъ онъ показалъ имъ указъ, почему онъ приказываетъ безвинныхъ людей убивать. Череповъ, разсердяся на онаго урядника и выхватя свою шпагу, хотѣлъ его заколоть, однакожь потрафилъ шпагою въ портупею и никакого вреда ему не причинилъ, почему и не смѣлъ уже никто ему противорѣчить, и драгуны, по приказу Черепова, выпалили по нихъ въ другой разъ, но также безвредно, и казаки, лежа на землѣ, кричали: „Помилуй!“ Но Череповъ, не удовольствуясь тѣмъ, приказалъ и третично палить по нихъ; а Новокрещеновъ, который со старшинами привезъ Черепова до такой запальчивости, кричалъ драгунамъ, чтобы они стрѣляли не вверхъ, но въ колѣно, почему нѣкоторые драгуны и выстрѣлили такимъ образомъ и тѣмъ залпомъ убили трехъ человѣкъ до смерти, изъ коихъ одного звали Иваномъ Полоновымъ, другаго Тимофеемъ Овечкинымъ, а третьяго какъ звали не знаютъ, и человѣкъ съ шесть ранили. Но войско, ни мало не противорѣча, кричало одно слово: „Помилуй, батюшка, ваше превосходительство“!

Послѣ сего Череповъ закричалъ: „Кто не противенъ указу всемилостивѣйшей государыни, тѣ ступайте за мною!“ А какъ изъ войска не было ни одного таковаго, который бы осмѣлился противиться указу, то все войско, а равно и старшины, стоявшіе въ то время, когда по войску стрѣляли, на рундукѣ, пошли за Череповымъ, который, разставя ихъ по улицѣ, приказалъ читать указъ, и читали имъ въ разныхъ мѣстахъ, то у той, то у другой кучи, но что̀ такое—не могли они понять, потому что были тогда въ превеликомъ страхѣ и отчаяніи. Иные говорили, что читали указъ, а иные говорили, что военный регулъ. Потомъ Череповъ спрашивалъ у войска: будетъ ли оно повиноваться государевымъ указамъ? На что̀ войско отвѣчало, что оно всегда Богу, всемилостивѣйшей государынѣ и указамъ ея повинны. Череповъ со старшинами пошелъ въ свой домъ, а войско осталось на улицѣ, потому что по всѣмъ переулкамъ разставлены были драгуны на пикетахъ, и ни одного казака безъ приказу пропущать не велѣно.

Сіе происходило зимою, въ самые лютые морозы, и держали ихъ на морозѣ отъ утра до ночи.

Между же тѣмъ какъ Череповъ пошелъ въ свой домъ, то изъ войсковой канцеляріи вынесъ одинъ писарь цидулочку, написанную такъ: „повинуйтеся указамъ и прежнимъ ссорамъ и злобамъ...“ *) и сказывалъ оный писарь, что генералъ приказалъ со всѣхъ казаковъ взять въ такой силѣ подписки,—„а ежели де не дадите такихъ подписокъ, такъ ни одного человѣка домой отпускать не велѣно, хоть помрите на морозѣ“. А какъ казаки видѣли, что сію цидулку вынесли изъ войсковой канцеляріи послѣ уже ухода Черепова, то и подумали, что оная составлена умысломъ старинскимъ, а Череповъ про нее не знаетъ, почему и посылали съ тою цидулкою отъ войска двухъ человѣкъ къ Черепову съ докладомъ, по его ли приказанію оная писана, и Череповъ сказалъ имъ: „Подписывайтесь, я приказалъ“. И такъ, видя первый страхъ и боясь при томъ, чтобъ не помереть отъ стужи, принужденными нашлись, входя въ канцелярію, давать подписки на себя такія, что „мы Богу и государынѣ виноваты за всегда, а ежели мы указу какую противность сдѣлали, то и указу виноваты“; а о ссорѣ и злобѣ ни одинъ человѣкъ тутъ не упоминалъ. Какъ же войско все такую подписку дало, то распущены были всѣ по домамъ; убитыхъ же тѣла выпросили казаки для погребенія; однакожъ Череповъ, опасаясь, чтобъ сіи тѣла не увезены были отъ войска въ Петербургъ, приставилъ свой караулъ, и сведенъ оный тогда, когда уже тѣла погребены.

Послѣ сего на другой или на третій день Череповъ уѣхалъ въ Оренбургъ, а послѣ сего оставался съ военною командою показанный Новокрещеновъ. Какъ же Череповъ уѣхалъ, то отъ войска посланы были въ Петербургъ просителями о причиненныхъ имъ отъ Черепова притѣсненіяхъ и убійствѣ казаки Петръ Герасимовъ, Иванъ Бочкаревъ; а между тѣмъ слышно было въ войскѣ, что Череповъ въ то самое время, когда по войску стрѣлялъ, представлялъ въ Оренбургъ, что все войско Яицкое взбунтовалось; почему и просилъ для усмиренія онаго скорѣйшей присылки полковъ, и по тому его требованію изъ Оренбурга весьма строго и безвре-

*) Сіи слова утверждаютъ войсковые казаки, яко бы въ той силѣ записка вынесена была; но что это значило—и сами не знаютъ. А послушной стороны казаки сказываютъ, что подписки въ тогдашнее время брали, но въ какой силѣ—не помнятъ; а по сему и видно, что отъ войсковыхъ есть подборъ ябеднический и въ семъ показаніи.

Сіе происходило зимою, въ самые лютые морозы, и держали ихъ на морозѣ отъ утра до ночи.

Между же тѣмъ какъ Череповъ пошелъ въ свой домъ, то изъ войсковой канцеляріи вынесъ одинъ писарь цидулочку, написанную такъ: „повинуйтеся указамъ и прежнимъ ссорамъ и злобамъ...“ *) и сказывалъ оный писарь, что генералъ приказалъ со всѣхъ казаковъ взять въ такой силѣ подписки,—„а ежели де не дадите такихъ подписокъ, такъ ни одного человѣка домой отпускать не велѣно, хоть помрите на морозѣ“. А какъ казаки видѣли, что сію цидулку вынесли изъ войсковой канцеляріи послѣ уже ухода Черепова, то и подумали, что оная составлена умысломъ старинскимъ, а Череповъ про нее не знаетъ, почему и посылали съ тою цидулкою отъ войска двухъ человѣкъ къ Черепову съ докладомъ, по его ли приказанію оная писана, и Череповъ сказалъ имъ: „Подписывайтесь, я приказалъ“. И такъ, видя первый страхъ и боясь при томъ, чтобъ не помереть отъ стужи, принужденными нашлись, входя въ канцелярію, давать подписки на себя такія, что „мы Богу и государынѣ виноваты за всегда, а ежели мы указу какую противность сдѣлали, то и указу виноваты“; а о ссорѣ и злобѣ ни одинъ человѣкъ тутъ не упоминалъ. Какъ же войско все такую подписку дало, то распущены были всѣ по домамъ; убитыхъ же тѣла выпросили казаки для погребенія; однакожъ Череповъ, опасаясь, чтобъ сіи тѣла не увезены были отъ войска въ Петербургъ, приставилъ свой караулъ, и сведенъ оный тогда, когда уже тѣла погребены.

Послѣ сего на другой или на третій день Череповъ уѣхалъ въ Оренбургъ, а послѣ сего оставался съ военною командою показанный Новокрещеновъ. Какъ же Череповъ уѣхалъ, то отъ войска посланы были въ Петербургъ просителями о причиненныхъ имъ отъ Черепова притѣсненіяхъ и убійствѣ казаки Петръ Герасимовъ, Иванъ Бочкаревъ; а между тѣмъ слышно было въ войскѣ, что Череповъ въ то самое время, когда по войску стрѣлялъ, представлялъ въ Оренбургъ, что все войско Яицкое взбунтовалось; почему и просилъ для усмиренія онаго скорѣйшей присылки полковъ, и по тому его требованію изъ Оренбурга весьма строго и безвре-

*) Сіи слова утверждаютъ войсковые казаки, яко бы въ той силѣ записка вынесена была; но что это значило—и сами не знаютъ. А послушной стороны казаки сказываютъ, что подписки въ тогдашнее время брали, но въ какой силѣ—не помнятъ; а по сему и видно, что отъ войсковыхъ есть подборъ ябеднический и въ семъ показаніи.

менно командированы были два полка, изъ коихъ померзло по безвременной высылкѣ множество людей, какъ о томъ послѣ и въ самомъ дѣлѣ оказалось,—ибо не упомнятъ, откуда прислана была къ нимъ въ войско грамота, которою между прочимъ дано знать, что по требованію Черепова для усмиренія яко бы казачьяго бунта командированы были изъ Оренбурга безвременно полки, и въ тѣхъ полкахъ не благополучно учинилось, нѣкоторые студеною смертію померли, а иные руки и ноги озябили и будучи въ госпиталяхъ померли, коихъ числомъ всѣхъ 334 человѣка: и въ концѣ той грамоты сказано такъ, что съ виновныхъ таковыя взыщутся *).

Выше сего сказано, что по отрѣшеніи атамана Бородина и прежнихъ старшинъ управляли войскомъ старшины Митрясовъ, Суетинъ и Максимъ Пономаревъ, которые похлѣбствовали прежнимъ старшинамъ и выбрали оныхъ въ походы на низовую линію командирами; но войско въ томъ имъ препятствовало, для того что по конфирмаціи военной коллегіи велѣно лишить ихъ чиновъ и впредь ни въ какіе выборы не выбирать; однакожъ тѣ старшины, не смотря на войско, посылали оныхъ усильно, отъ чего и произошелъ между войскомъ и сими старшинами также раздоръ и несогласіе.

Потомъ по прошенію объявленныхъ войсковыхъ повѣренныхъ Герасимова и Бочкарева присланъ изъ Петербурга для рѣшенія ихъ тяжбы гвардіи капитанъ Чебышевъ, который, вступясь за войско, изыскалъ всѣ первыхъ и послѣднихъ старшинъ плутни и обиды войску, отъ нихъ причиненныя, и принуждалъ ихъ обиженнымъ дѣлать удовольствія, да и объявилъ войску всю конфирмацію военной коллегіи, касающуюся до атамана Бородина и старшинъ, коею лишены они своихъ чиновъ, и наложенъ былъ на каждаго изъ нихъ штрафъ, да и велѣно имъ удовольствовать войско жалованьемъ, ими удержаннымъ. Оный Чебышевъ учредилъ новыхъ сотниковъ, выбранныхъ самимъ войскомъ, и при бытности его присланъ указъ изъ военной коллегіи о бытіи войсковымъ атаманомъ представленному отъ войска кандидатомъ вышесказанному казаку Петру Тамбовцеву, ибо за долго до сего какъ оный Тамбовцевъ, такъ и другіе, представляемые отъ войска и отъ старшинской стороны, кандидаты ѣздили сами въ Петербургъ

*) О сей полкамъ командировкѣ послушные казаки сказали, что не слыхали, равнымъ образомъ и о томъ, померло ли 334 человѣка, а войсковые утверждаютъ.

менно командированы были два полка, изъ коихъ померзло по безвременной высылкѣ множество людей, какъ о томъ послѣ и въ самомъ дѣлѣ оказалось,—ибо не упомнятъ, откуда прислана была къ нимъ въ войско грамота, которою между прочимъ дано знать, что по требованію Черепова для усмиренія яко бы казачьяго бунта командированы были изъ Оренбурга безвременно полки, и въ тѣхъ полкахъ не благополучно учинилось, нѣкоторые студеною смертію померли, а иные руки и ноги отморозили и будучи въ госпиталяхъ померли, коихъ числомъ всѣхъ 334 человѣка: и въ концѣ той грамоты сказано такъ, что съ виновныхъ таковыя взыщутся *).

Выше сего сказано, что по отрѣшеніи атамана Бородина и прежнихъ старшинъ управляли войскомъ старшины Митрясовъ, Суетинъ и Максимъ Пономаревъ, которые похлѣбствовали прежнимъ старшинамъ и выбрали оныхъ въ походы на низовую линію командирами; но войско въ томъ имъ препятствовало, для того что по конфирмаціи военной коллегіи велѣно лишить ихъ чиновъ и впредь ни въ какіе выборы не выбирать; однакожъ тѣ старшины, не смотря на войско, посылали оныхъ усильно, отъ чего и произошелъ между войскомъ и сими старшинами также раздоръ и несогласіе.

Потомъ по прошенію объявленныхъ войсковыхъ повѣренныхъ Герасимова и Бочкарева присланъ изъ Петербурга для рѣшенія ихъ тяжбы гвардіи капитанъ Чебышевъ, который, вступясь за войско, изыскалъ всѣ первыхъ и послѣднихъ старшинъ плутни и обиды войску, отъ нихъ причиненныя, и принуждалъ ихъ обиженнымъ дѣлать удовольствія, да и объявилъ войску всю конфирмацію военной коллегіи, касающуюся до атамана Бородина и старшинъ, коею лишены они своихъ чиновъ, и наложенъ былъ на каждаго изъ нихъ штрафъ, да и велѣно имъ удовольствовать войско жалованьемъ, ими удержаннымъ. Оный Чебышевъ учредилъ новыхъ сотниковъ, выбранныхъ самимъ войскомъ, и при бытности его присланъ указъ изъ военной коллегіи о бытіи войсковымъ атаманомъ представленному отъ войска кандидатомъ вышесказанному казаку Петру Тамбовцеву, ибо за долго до сего какъ оный Тамбовцевъ, такъ и другіе, представляемые отъ войска и отъ старшинской стороны, кандидаты ѣздили сами въ Петербургъ

*) О сей полкамъ командировкѣ послушные казаки сказали, что не слыхали, равнымъ образомъ и о томъ, померло ли 334 человѣка, а войсковые утверждаютъ.

на смотръ, но тогда производства не сдѣлано, а сказано, что пришлется послѣ указъ кому быть атаманомъ.

Какъ же сдѣлался атаманомъ Тамбовцевъ, а то Чебышевъ, поруча ему взысканіе съ прежнихъ старшинъ штрафа и жалованья казачьяго, поѣхалъ самъ въ Петербургъ, бывъ на Яикѣ съ октября мѣсяца по масляницу. Выше показанные казаки винятъ Чебышева, для чего онъ при себѣ не взыскалъ со старшинъ положеннаго штрафа и во всемъ войско не удовольствовалъ, а потому и думаютъ, что сколько ни есть погрѣшилъ полученіемъ съ имѣющихъ въ понаровкѣ его нужду, но сколько, и съ кого именно, никто изъ нихъ не сказалъ.

Тамбовцевъ, вступя въ атаманскую должность, держалъ сперва войсковую сторону и взыскалъ со старшинъ малое число изъ удержаннаго имъ казачьяго жалованья. Потомъ ѣздя онъ въ Петербургъ благодарить за пожалованіе его въ атаманы, выпросилъ тамо по повѣренности войсковой свободу сосланнымъ въ ссылку въ Тобольскъ вышепомянутымъ Логинову и Мирошихину съ товарищами, кои сосланы были Новокрещеновымъ, но сія свобода также не даромъ, ибо съ войска собрали на проторы нарочитую сумму, но по скольку именно, того показать за многопрошедшимъ временемъ не упомнятъ. Какъ же Тамбовцевъ пріѣхалъ изъ Петербурга, и войско просило у него выдачи жалованнаго имъ ежегодно по полуфунту пороху и свинцу, то онъ, сказавъ имъ, что онаго у него нѣтъ, говорилъ: „Вы де пріймите зарядами“. Но войско, въ первый разъ услыша сіе слово и не зная, что̀ это такое значитъ, спрашивало у него: „Что̀ такое заряды?“ А онъ сказалъ имъ: „Патроны“. А какъ войско съ самаго своего начала служило всегда съ винтовками и турками, и патронный зарядъ для оныхъ не годенъ, то всѣ казаки по простотѣ своей и заключили тогда такъ, что Тамбовцевъ конечно хочетъ уничтожить отеческіе ихъ обряды и привести, такъ какъ и солдатъ, служить съ фузеями. А между тѣмъ послана въ войско грамота, чтобъ съ войска Яицкаго взять въ легіонъ, назначенный тогда въ походъ въ Грузію, 331 человѣка для выбора которыхъ присланъ былъ легіонный маіоръ. Почему войско тѣмъ болѣе заключило тогда, что по времени и все войско приведено быть можетъ въ очищеніе, то есть, лишится бородъ, и сдѣлаютъ на ряду съ солдатами. Въ сихъ мысляхъ утверждало ихъ и то, что прежній атаманъ Бородинъ первый отъ начала войска произведенъ былъ армейскимъ подполковникомъ, да и даны были ему два полковыя большія знамя, которыя потомъ принялъ отъ

на смотръ, но тогда производства не сдѣлано, а сказано, что пришлется послѣ указъ кому быть атаманомъ.

Какъ же сдѣлался атаманомъ Тамбовцевъ, а то Чебышевъ, поруча ему взысканіе съ прежнихъ старшинъ штрафа и жалованья казачьяго, поѣхалъ самъ въ Петербургъ, бывъ на Яикѣ съ октября мѣсяца по масляницу. Выше показанные казаки винятъ Чебышева, для чего онъ при себѣ не взыскалъ со старшинъ положеннаго штрафа и во всемъ войско не удовольствовалъ, а потому и думаютъ, что сколько ни есть погрѣшилъ полученіемъ съ имѣющихъ въ понаровкѣ его нужду, но сколько, и съ кого именно, никто изъ нихъ не сказалъ.

Тамбовцевъ, вступя въ атаманскую должность, держалъ сперва войсковую сторону и взыскалъ со старшинъ малое число изъ удержаннаго изъ казачьяго жалованья. Потомъ ѣздя онъ въ Петербургъ благодарить за пожалованіе его въ атаманы, выпросилъ тамо по повѣренности войсковой свободу сосланнымъ въ ссылку въ Тобольскъ вышепомянутымъ Логинову и Мирошихину съ товарищами, кои сосланы были Новокрещеновымъ, но сія свобода также не даромъ, ибо съ войска собрали на проторы нарочитую сумму, но по скольку именно, того показать за многопрошедшимъ временемъ не упомнятъ. Какъ же Тамбовцевъ пріѣхалъ изъ Петербурга, и войско просило у него выдачи жалованнаго имъ ежегодно по полуфунту пороху и свинцу, то онъ, сказавъ имъ, что онаго у него нѣтъ, говорилъ: „Вы де пріймите зарядами“. Но войско, въ первый разъ услыша сіе слово и не зная, что̀ это такое значитъ, спрашивало у него: „Что̀ такое заряды?“ А онъ сказалъ имъ: „Патроны“. А какъ войско съ самаго своего начала служило всегда съ винтовками и турками, и патронный зарядъ для оныхъ не годенъ, то всѣ казаки по простотѣ своей и заключили тогда такъ, что Тамбовцевъ конечно хочетъ уничтожить отеческіе ихъ обряды и привести, такъ какъ и солдатъ, служить съ фузеями. А между тѣмъ послана въ войско грамота, чтобъ съ войска Яицкаго взять въ легіонъ, назначенный тогда въ походъ въ Грузію, 331 человѣка для выбора которыхъ присланъ былъ легіонный маіоръ. Почему войско тѣмъ болѣе заключило тогда, что по времени и все войско приведено быть можетъ въ очищеніе, то есть, лишится бородъ, и сдѣлаютъ на ряду съ солдатами. Въ сихъ мысляхъ утверждало ихъ и то, что прежній атаманъ Бородинъ первый отъ начала войска произведенъ былъ армейскимъ подполковникомъ, да и даны были ему два полковыя большія знамя, которыя потомъ принялъ отъ

него Тамбовцевъ, чего никогда прежде не бывало; а потому и сочли всѣ генерально, что пожалованныя имъ отъ государя императора Петра Перваго привилегіи, оставляющія ихъ на прежнихъ обрядахъ и обычаяхъ, нарушаются.

И такъ, войско Яицкое требуемыхъ въ легіонъ людей дать отъ себя не согласилось, потому: 1-е, грамоты обыкновенно пишутся въ войско, такимъ образомъ: „войска Яицкаго войсковому атаману такому-то и всему войску“; а тутъ грамота написана на имя одного атамана, а войско не упомянуто *); почему и судили они такъ, что это до войска не принадлежитъ, а касается до одной старшинской стороны; 2-е, велѣно въ легіонъ взять 331 человѣка изъ старшинъ, старшинскихъ дѣтей сотниковъ, десятниковъ и прочихъ казаковъ, въ томъ числѣ фельдшеровъ двухъ, трубачей двухъ, да изъ войсковой канцеляріи писарей четырехъ; а какъ сіе число людей то же самое, что и въ вышеписанной прежней грамотѣ показано замершихъ, и отъ озноба въ госпиталяхъ померло, и въ той грамотѣ сказано было, что толикое число съ виновныхъ взыщутся; то по сему и сочло войско, что въ легіонъ велѣно взять сіе число за умершихъ и познобленныхъ. Не почитая же себя въ томъ дѣлѣ виновными, разсудили, что толикое число должна дать одна старшинская сторона, а войску до того дѣла нѣтъ, какъ о томъ согласовали и объявленные пункты. На Тамбовцева по симъ причинамъ войско начало ожесточаться. Сія грамота объ отдачѣ людей въ легіонъ получена была атаманомъ прежде вешней плавни, но однакожъ они оной не объявляли; а какъ только вышло на плавню, то старшина Суетинъ, пріѣхавъ туда, объявилъ оную тамо, можетъ статься, для того, что старшины понимали содержаніе той грамоты, что она принадлежитъ до нихъ только, и узнавали, что войско не согласится отъ себя людей дать, для чего и припоровливали объявить оную на плавнѣ, думая, что войско не отстанетъ отъ плавни и отправитъ людей безотговорочно. Какъ же Суетинъ вычелъ войску грамоту, то войско, поняв ее до однихъ старшинъ принадлежащею, отказывалось давать людей, почему Суетинъ и приказалъ всему войску, оставя плавню, ѣхать въ городъ, и войско возвратясь сдѣлали кругъ, гдѣ въ присутствіи атамана читала вторично та грамота, но войско отвѣчало то же, что и Суетину прежде, за что атаманъ разсердясь многихъ

*) О сей грамотѣ, въ какой силѣ была писана, послушные казаки не помнятъ.

него Тамбовцевъ, чего никогда прежде не бывало; а потому и сочли всѣ генерально, что пожалованныя имъ отъ государя императора Петра Перваго привилегіи, оставляющія ихъ на прежнихъ обрядахъ и обычаяхъ, нарушаются.

И такъ, войско Яицкое требуемыхъ въ легіонъ людей дать отъ себя не согласилось, потому: 1-е, грамоты обыкновенно пишутся въ войско, такимъ образомъ: „войска Яицкаго войсковому атаману такому-то и всему войску“; а тутъ грамота написана на имя одного атамана, а войско не упомянуто *); почему и судили они такъ, что это до войска не принадлежитъ, а касается до одной старшинской стороны; 2-е, велѣно въ легіонъ взять 331 человѣка изъ старшинъ, старшинскихъ дѣтей сотниковъ, десятниковъ и прочихъ казаковъ, въ томъ числѣ фельдшеровъ двухъ, трубачей двухъ, да изъ войсковой канцеляріи писарей четырехъ; а какъ сіе число людей то же самое, что и въ вышеписанной прежней грамотѣ показано замершихъ, и отъ озноба въ госпиталяхъ померло, и въ той грамотѣ сказано было, что толикое число съ виновныхъ взыщутся; то по сему и сочло войско, что въ легіонъ велѣно взять сіе число за умершихъ и познобленныхъ. Не почитая же себя въ томъ дѣлѣ виновными, разсудили, что толикое число должна дать одна старшинская сторона, а войску до того дѣла нѣтъ, какъ о томъ согласовали и объявленные пункты. На Тамбовцева по симъ причинамъ войско начало ожесточаться. Сія грамота объ отдачѣ людей въ легіонъ получена была атаманомъ прежде вешней плавни, но однакожъ они оной не объявляли; а какъ только вышло на плавню, то старшина Суетинъ, пріѣхавъ туда, объявилъ оную тамо, можетъ статься, для того, что старшины понимали содержаніе той грамоты, что она принадлежитъ до нихъ только, и узнавали, что войско не согласится отъ себя людей дать, для чего и припоровливали объявить оную на плавнѣ, думая, что войско не отстанетъ отъ плавни и отправитъ людей безотговорочно. Какъ же Суетинъ вычелъ войску грамоту, то войско, поняв ее до однихъ старшинъ принадлежащею, отказывалось давать людей, почему Суетинъ и приказалъ всему войску, оставя плавню, ѣхать въ городъ, и войско возвратясь сдѣлали кругъ, гдѣ въ присутствіи атамана читала вторично та грамота, но войско отвѣчало то же, что и Суетину прежде, за что атаманъ разсердясь многихъ

*) О сей грамотѣ, въ какой силѣ была писана, послушные казаки не помнятъ.

сотниковъ и казаковъ до двухъ сотъ посажалъ подъ караулъ и вымучивалъ подъ побоями отдачи въ легіонъ людей *); но войско, прося атамана и старшинъ, чтобы они съ одного войска взяли всѣхъ требуемыхъ людей, но съ тѣмъ только, чтобъ позволено было имъ пріѣхать въ С.-Петербургъ ко всемилостивѣйшей государынѣ для прошенія о увольненіи войска отъ сей легіонской службы, и если не будутъ они уволены, то уже тогда явятся всѣ въ легіонъ; но атаманъ и на то не согласился, требуя не только въ легіонъ, но и въ Кизляръ на перемѣну присланныхъ оттуда за негодностію быть въ службѣ казаковъ. Въ Кизлярѣ находится отъ нихъ войска 500 человѣкъ, коихъ начали посылать назадъ лѣтъ съ пять или шесть, по указу военной коллегіи; сіе число казаковъ посланы отъ войска изъ охотниковъ, коихъ нанимали одного пять человѣкъ и давали рублей по сту и болѣе; наемъ сей былъ на три года, однакожъ оттуда на смѣну имъ другихъ не требуютъ, а требуютъ только на мѣсто умершихъ и на перемѣну негодныхъ. Какъ же выше сего сказано, что войско отрицалось дать въ легіонъ людей, а атаманъ принуждалъ къ тому побоями, — то войско, выбравъ отъ себя повѣренныхъ человѣкъ двадцать, отправили тайно отъ атамана въ С.-Петербургъ для прошенія самое всемилостивѣйшую государыню, чтобъ избавила войско отъ легіонной службы, собравъ на протори въ дорогѣ, а если случится и на подарки въ военной (коллегіи) секретарямъ, изрядную сумму денегъ.

А между тѣмъ атаманъ, перековавъ сотниковъ и нѣкоторыхъ изъ казаковъ—тѣхъ, кои много говорили, человѣкъ съ десять или болѣе, — послалъ было въ Оренбургъ, яко бунтовщиковъ; но на дорогѣ нѣкоторые изъ войсковыхъ казаковъ, не вытерпя, собравшись человѣкъ до пятидесяти, оныхъ сотниковъ отбили и проѣхали съ ними прямо въ Петербургъ; и такъ, столкнулось тамо всѣхъ отъ войска челобитчиковъ человѣкъ до 80-ти, изъ коихъ человѣкъ съ 30 были тамо переловлены и отосланы въ Казань для содержанія подъ карауломъ; по оставшіе въ Петербургѣ исходатайствовали монаршую милость, что войско уволено отъ легіонной службы, да и въ Казанѣ содержащіеся освобождены, и всѣ бывшіе въ Петербургѣ челобитчики возвратились въ городокъ. А какъ со старшинской стороны отдано было въ легіонъ 54 человѣка, то въ слѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества указа, послѣ-

*) Что въ неотдачѣ людей атаманъ сажалъ ихъ подъ караулъ, сіе и послушные казаки утверждаютъ.

сотниковъ и казаковъ до двухъ сотъ посажалъ подъ караулъ и вымучивалъ подъ побоями отдачи въ легіонъ людей *); но войско, прося атамана и старшинъ, чтобы они съ одного войска взяли всѣхъ требуемыхъ людей, но съ тѣмъ только, чтобъ позволено было имъ пріѣхать въ С.-Петербургъ ко всемилостивѣйшей государынѣ для прошенія о увольненіи войска отъ сей легіонской службы, и если не будутъ они уволены, то уже тогда явятся всѣ въ легіонъ; но атаманъ и на то не согласился, требуя не только въ легіонъ, но и въ Кизляръ на перемѣну присланныхъ оттуда за негодностію быть въ службѣ казаковъ. Въ Кизлярѣ находится отъ нихъ войска 500 человѣкъ, коихъ начали посылать назадъ лѣтъ съ пять или шесть, по указу военной коллегіи; сіе число казаковъ посланы отъ войска изъ охотниковъ, коихъ нанимали одного пять человѣкъ и давали рублей по сту и болѣе; наемъ сей былъ на три года, однакожъ оттуда на смѣну имъ другихъ не требуютъ, а требуютъ только на мѣсто умершихъ и на перемѣну негодныхъ. Какъ же выше сего сказано, что войско отрицалось дать въ легіонъ людей, а атаманъ принуждалъ къ тому побоями, — то войско, выбравъ отъ себя повѣренныхъ человѣкъ двадцать, отправили тайно отъ атамана въ С.-Петербургъ для прошенія самое всемилостивѣйшую государыню, чтобъ избавила войско отъ легіонной службы, собравъ на протори въ дорогѣ, а если случится и на подарки въ военной (коллегіи) секретарямъ, изрядную сумму денегъ.

А между тѣмъ атаманъ, перековавъ сотниковъ и нѣкоторыхъ изъ казаковъ—тѣхъ, кои много говорили, человѣкъ съ десять или болѣе, — послалъ было въ Оренбургъ, яко бунтовщиковъ; но на дорогѣ нѣкоторые изъ войсковыхъ казаковъ, не вытерпя, собравшись человѣкъ до пятидесяти, оныхъ сотниковъ отбили и проѣхали съ ними прямо въ Петербургъ; и такъ, столкнулось тамо всѣхъ отъ войска челобитчиковъ человѣкъ до 80-ти, изъ коихъ человѣкъ съ 30 были тамо переловлены и отосланы въ Казань для содержанія подъ карауломъ; по оставшіе въ Петербургѣ исходатайствовали монаршую милость, что войско уволено отъ легіонной службы, да и въ Казанѣ содержащіеся освобождены, и всѣ бывшіе въ Петербургѣ челобитчики возвратились въ городокъ. А какъ со старшинской стороны отдано было въ легіонъ 54 человѣка, то въ слѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества указа, послѣ-

*) Что въ неотдачѣ людей атаманъ сажалъ ихъ подъ караулъ, сіе и послушные казаки утверждаютъ.

довавшаго на просьбу войсковую, и сіи возвращены въ войско, за что старшинская сторона и была къ войску благодарна—за освобожденіе своихъ отъ легіона, и жили нѣсколькое время въ согласіи; но случившіяся потомъ отъ войска командировки въ походъ и въ другія посылки разрушали время отъ времени ихъ согласіе, потому что войско къ командирующимся командамъ назначивали въ атаманы и полковники изъ своихъ войск выхъ казаковъ, а старшины никогда на то не соглашались, но своевольно выбирали и посылали изъ штрафованныхъ прежнихъ старшинъ и тѣмъ войско раздражали и наводили обиды и притѣсненія; почему войско и приступало часто къ атаману съ просьбами, чтобы онъ рѣшилъ прежнихъ старшинъ, въ числѣ коихъ состояли и объявленные управляющіе войсковыми дѣлами Митрясовъ, Суетинъ и Пономаревъ, и взыскалъ съ нихъ достальное жалованье и штрафъ, по конфирмаціи военной коллегіи на нихъ наложенные. Но атаманъ Тамбовцевъ, будучи хотя и самимъ войскомъ выбранный, но на послѣдокъ содружался съ оными старшинами и, водя съ ними хлѣбъ и соль, ни какого удовольствія войску не дѣлалъ, а тянулъ больше на сторону старшинскую. По чему войско, находя себя обиженнымъ, отправило въ Петербургъ повѣренныхъ своихъ сотника Ивана Кирпичникова съ товарищами, къ самой милостивой государынѣ съ челобитною, чтобъ повелѣла послать изъ Петербурга такого человѣка, который бы исполнилъ съ прежними старшинами по конфирмаціи военной коллегіи, ибо войску не стерпимо было то, что старшины, не будучи лишены старшинскаго достоинства, причиняли токмо войску обиды и притѣсненія, а если бы они были старшинства лишены, то должны бы быть поверстаны на ряду съ простыми казаками, слѣдовательно, и имѣли бы равное тягло, какое и казаки, и чрезъ то была бы войску отъ нихъ нѣкоторая помощь; но они не только никакой помощи не дѣлали, но усилившись еще имѣть надъ войскомъ преимущество и прежнее командованіе, какъ то изъ числа оныхъ объявленные Митрясовъ, Суетинъ и Пономаревъ и дѣйствительно присутствовали въ войсковой канцеляріи. А на протори Кирпичникову съ товарищами его собрано было денегъ нарочитая сумма, но куда онъ употребилъ, войску отчета такъ, какъ и прежніе, не давали.

Итакъ, Кирпичниковъ съ товарищами своими, будучи въ Петербургѣ, исходатайствовали напослѣдокъ, что для рѣшенія старшинъ присланъ на Яикъ гвардіи капитанъ Дурновъ. Какъ же оный пріѣхалъ, то войско просило его, чтобы приказалъ, собравъ кругъ,

довавшаго на просьбу войсковую, и сіи возвращены въ войско, за что старшинская сторона и была къ войску благодарна—за освобожденіе своихъ отъ легіона, и жили нѣсколькое время въ согласіи; но случившіяся потомъ отъ войска командировки въ походъ и въ другія посылки разрушали время отъ времени ихъ согласіе, потому что войско къ командирующимся командамъ назначивали въ атаманы и полковники изъ своихъ войск выхъ казаковъ, а старшины никогда на то не соглашались, но своевольно выбирали и посылали изъ штрафованныхъ прежнихъ старшинъ и тѣмъ войско раздражали и наводили обиды и притѣсненія; почему войско и приступало часто къ атаману съ просьбами, чтобы онъ рѣшилъ прежнихъ старшинъ, въ числѣ коихъ состояли и объявленные управляющіе войсковыми дѣлами Митрясовъ, Суетинъ и Пономаревъ, и взыскалъ съ нихъ достальное жалованье и штрафъ, по конфирмаціи военной коллегіи на нихъ наложенные. Но атаманъ Тамбовцевъ, будучи хотя и самимъ войскомъ выбранный, но на послѣдокъ содружался съ оными старшинами и, водя съ ними хлѣбъ и соль, ни какого удовольствія войску не дѣлалъ, а тянулъ больше на сторону старшинскую. По чему войско, находя себя обиженнымъ, отправило въ Петербургъ повѣренныхъ своихъ сотника Ивана Кирпичникова съ товарищами, къ самой милостивой государынѣ съ челобитною, чтобъ повелѣла послать изъ Петербурга такого человѣка, который бы исполнилъ съ прежними старшинами по конфирмаціи военной коллегіи, ибо войску не стерпимо было то, что старшины, не будучи лишены старшинскаго достоинства, причиняли токмо войску обиды и притѣсненія, а если бы они были старшинства лишены, то должны бы быть поверстаны на ряду съ простыми казаками, слѣдовательно, и имѣли бы равное тягло, какое и казаки, и чрезъ то была бы войску отъ нихъ нѣкоторая помощь; но они не только никакой помощи не дѣлали, но усилившись еще имѣть надъ войскомъ преимущество и прежнее командованіе, какъ то изъ числа оныхъ объявленные Митрясовъ, Суетинъ и Пономаревъ и дѣйствительно присутствовали въ войсковой канцеляріи. А на протори Кирпичникову съ товарищами его собрано было денегъ нарочитая сумма, но куда онъ употребилъ, войску отчета такъ, какъ и прежніе, не давали.

Итакъ, Кирпичниковъ съ товарищами своими, будучи въ Петербургѣ, исходатайствовали напослѣдокъ, что для рѣшенія старшинъ присланъ на Яикъ гвардіи капитанъ Дурновъ. Какъ же оный пріѣхалъ, то войско просило его, чтобы приказалъ, собравъ кругъ,

рѣшить старшинъ въ силѣ даннаго ему именнаго указа, съ котораго Кирпичниковъ привезъ изъ Петербурга копію; но Дурновъ объявилъ, что ему одному того сдѣлать не можно, и объявилъ, что онъ долженъ дожидаться пріѣзда изъ Оренбурга генералъ-маіора Давыдова, съ которымъ велѣно вмѣстѣ слѣдовать. Тутъ войско въ первый разъ услышало объ ономъ Давыдовѣ, а до того не знало, что ему велѣно быть обще въ присутствіи съ Дурновымъ; почему и неизвѣстно имъ, по просьбѣ ли старшинъ или по другой какой причинѣ оный Давыдовъ командированъ; но думаютъ они, что онъ прикомандированъ къ сему дѣлу по просьбѣ старшинъ.

Какъ потомъ пріѣхалъ оный Давыдовъ, то собранъ былъ кругъ, и прочитанъ посланный къ Давыдову изъ военной коллегіи указъ, въ коемъ прописанъ именной указъ, которымъ велѣно, отрѣшя отъ присутствія старшинъ, взыскать на нихъ положенный по первой конфирмаціи штрафъ, тожь и удержанное ими у казаковъ жалованье. По напротивъ того, Давыдовъ и Дурновъ не знамо по какой причинѣ требовали отъ войска повѣренныхъ, объявляя, что они сдѣлаютъ коммисію и будутъ по доказательству повѣренныхъ считать старшинъ, изъ чего и давали войску знать, что они уничтожаютъ первое Потапово слѣдствіе, слѣдовательно, и конфирмацію военной коллегіи; войско же хотя и понимало именной указъ въ другой силѣ, однакоже согласилось на требованіе ихъ, но съ тѣмъ, чтобы старшины Митрясовъ, Суетинъ и Пономаревъ, яко отвѣтчики, отъ присутствія войсковой канцеляріи отрѣшены были, а на мѣсто ихъ выбраны бы были другіе изъ войска. Но Давыдовъ и Дурновъ не хотѣли отрѣшить оныхъ, а войско для того не соглашалось имать своихъ повѣренныхъ. Между сей разногласицы прошло время не мало, и войско просило со слезами Давыдова и Дурнова, чтобы учинили по силѣ именнаго указа, но они, не внемля просьбы, старалися больше за старшинъ и обходилися съ ними пріятельски; почему войско и принуждено было отправить отъ себя въ Петербургъ объявленнаго сотника Кирпичникова съ прочими казаками, всего двацатью человѣками, давъ имъ на харчи довольно нарочитую сумму денегъ, собранную войсковою руки съ казаковъ, съ просьбою на Давыдова и Дурнова. Между же тѣмъ какъ оные Кирпичниковъ съ товарищами были въ Петербургѣ, то Давыдовъ уѣхалъ въ Оренбургъ, по самъ ли собою, или по указу, незнаютъ.

На мѣсто Давыдова пріѣхалъ въ Яицкой городокъ генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ, котораго просило войско, чтобы онъ учинилъ по силѣ именнаго указа; однакожь онъ, не дѣлая ничего, тѣхъ

рѣшить старшинъ въ силѣ даннаго ему именнаго указа, съ котораго Кирпичниковъ привезъ изъ Петербурга копію; но Дурновъ объявилъ, что ему одному того сдѣлать не можно, и объявилъ, что онъ долженъ дожидаться пріѣзда изъ Оренбурга генералъ-маіора Давыдова, съ которымъ велѣно вмѣстѣ слѣдовать. Тутъ войско въ первый разъ услышало объ ономъ Давыдовѣ, а до того не знало, что ему велѣно быть обще въ присутствіи съ Дурновымъ; почему и неизвѣстно имъ, по просьбѣ ли старшинъ или по другой какой причинѣ оный Давыдовъ командированъ; но думаютъ они, что онъ прикомандированъ къ сему дѣлу по просьбѣ старшинъ.

Какъ потомъ пріѣхалъ оный Давыдовъ, то собранъ былъ кругъ, и прочитанъ посланный къ Давыдову изъ военной коллегіи указъ, въ коемъ прописанъ именной указъ, которымъ велѣно, отрѣшя отъ присутствія старшинъ, взыскать на нихъ положенный по первой конфирмаціи штрафъ, тожь и удержанное ими у казаковъ жалованье. По напротивъ того, Давыдовъ и Дурновъ не знамо по какой причинѣ требовали отъ войска повѣренныхъ, объявляя, что они сдѣлаютъ коммисію и будутъ по доказательству повѣренныхъ считать старшинъ, изъ чего и давали войску знать, что они уничтожаютъ первое Потапово слѣдствіе, слѣдовательно, и конфирмацію военной коллегіи; войско же хотя и понимало именной указъ въ другой силѣ, однакоже согласилось на требованіе ихъ, но съ тѣмъ, чтобы старшины Митрясовъ, Суетинъ и Пономаревъ, яко отвѣтчики, отъ присутствія войсковой канцеляріи отрѣшены были, а на мѣсто ихъ выбраны бы были другіе изъ войска. Но Давыдовъ и Дурновъ не хотѣли отрѣшить оныхъ, а войско для того не соглашалось имать своихъ повѣренныхъ. Между сей разногласицы прошло время не мало, и войско просило со слезами Давыдова и Дурнова, чтобы учинили по силѣ именнаго указа, но они, не внемля просьбы, старалися больше за старшинъ и обходилися съ ними пріятельски; почему войско и принуждено было отправить отъ себя въ Петербургъ объявленнаго сотника Кирпичникова съ прочими казаками, всего двацатью человѣками, давъ имъ на харчи довольно нарочитую сумму денегъ, собранную войсковою руки съ казаковъ, съ просьбою на Давыдова и Дурнова. Между же тѣмъ какъ оные Кирпичниковъ съ товарищами были въ Петербургѣ, то Давыдовъ уѣхалъ въ Оренбургъ, по самъ ли собою, или по указу, незнаютъ.

На мѣсто Давыдова пріѣхалъ въ Яицкой городокъ генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ, котораго просило войско, чтобы онъ учинилъ по силѣ именнаго указа; однакожь онъ, не дѣлая ничего, тѣхъ

казаковъ, коп болѣе другихъ докучали ему своими просьбами, перебривъ бороды, послалъ было ихъ въ ссылку къ Оренбургу; однакожь нѣкоторые войсковые казаки, видя ихъ безвинность, на дорогѣ отъ конвойныхъ отбили и привезли обратно въ городъ. Имена отбитыхъ казаковъ сіи: Петръ Нагадаевъ, Максимъ Изюмниковъ, Иванъ Горячкинъ, Иванъ Спдчиковъ и Андрей Легошинъ. Потомъ и въ Петербургѣ изъ бывшихъ съ Кирпичниковымъ просителей шесть человѣкъ пойманы—Максимъ Выровщиковъ, Иванъ Овчинниковъ, Петръ Замѣшаевъ, Никита Харчевъ, Логинъ Шапошниковъ, Цай Сапайловъ, и присланы къ атаману въ войско, также обритые, коихъ атаманъ содержалъ въ тюрьмѣ. Послѣ сего вскорѣ пріѣхалъ изъ Петербурга объявленный Кирпичниковъ и съ нимъ просители жь Иванъ Гераспмовъ, Найденовъ, Семенъ Подкоряшевъ, Иванъ Краденовъ, Андрей Азовсковъ, Иванъ Портновъ, Емельянъ Чемевъ, Романъ Котятовъ, Петръ Краденовъ, Курбай Лукпнъ, Степанъ Толкачевъ, Козьма Посовъ, Савелій Чагановъ, Алексѣй Матасовъ, Семенъ Матросовъ, Михайло Чеботаревъ, съ данными отъ графа Ивана Григорьевича Орлова къ капитану Дурнову письмомъ и съ приказаніемъ имъ, что ничего имъ на Яикѣ Дурновъ не сдѣлаетъ, выговоря при томъ, чтобъ въ военную (коллегію) не являлись, а „васъ де съ этимъ письмомъ пропустятъ, куда хотите“. Опое письмо Кирпичниковъ Дурнову отдалъ запечатанное въ пакетѣ, и Дурновъ по принятіи письма отпустилъ Кирпичникова въ домъ свой. Какъ же Кирпичниковъ пріѣхалъ, то все войско приходило къ нему кучами и спрашивали что Дурнову велѣно исполнить, а Кирпичниковъ отвѣчалъ, что велѣно де учинить въ силу указовъ, объявляя при томъ, что онъ съ того указа, каковъ Дурнову данъ, имѣетъ копію. А какъ все почти войско стало въ повелѣніи Кирпичникова, то генералъ фонъ-Траубенбергъ прислалъ къ Кирпичникову Петра Копѣечкина, Андрея Коппе.а, Бориса Плишкина спросить: есть ли у него указъ? На то Кирпичниковъ отвѣчалъ, что указа нѣтъ. Потомъ спрошенъ былъ Кирпичниковъ: велитъ ли онъ кругъ дѣлать? Но Кирпичниковъ отвѣчалъ: „Я не атаманъ“. Траубенбергъ еще говорилъ: „Ты де хотя и не атаманъ, однакожь тебя все войско слушаетъ, и больше, чѣмъ атамана“. А Кирпичниковъ отвѣчалъ: „Я де иду въ баню и въ ваши дѣла не мѣшаюсь“. Что чрезъ казака Бориса Плишкина генералу фонъ-Траубенбергу и сказано было.

На другой день посланъ былъ дьякъ Суетинъ, Мартемьянъ Бородинъ и другіе взять Кирпичникова подъ караулъ; и какъ войско

казаковъ, коп болѣе другихъ докучали ему своими просьбами, перебривъ бороды, послалъ было ихъ въ ссылку къ Оренбургу; однакожь нѣкоторые войсковые казаки, видя ихъ безвинность, на дорогѣ отъ конвойныхъ отбили и привезли обратно въ городъ. Имена отбитыхъ казаковъ сіи: Петръ Нагадаевъ, Максимъ Изюмниковъ, Иванъ Горячкинъ, Иванъ Спдчиковъ и Андрей Легошинъ. Потомъ и въ Петербургѣ изъ бывшихъ съ Кирпичниковымъ просителей шесть человѣкъ пойманы—Максимъ Выровщиковъ, Иванъ Овчинниковъ, Петръ Замѣшаевъ, Никита Харчевъ, Логинъ Шапошниковъ, Цай Сапайловъ, и присланы къ атаману въ войско, также обритые, коихъ атаманъ содержалъ въ тюрьмѣ. Послѣ сего вскорѣ пріѣхалъ изъ Петербурга объявленный Кирпичниковъ и съ нимъ просители жь Иванъ Гераспмовъ, Найденовъ, Семенъ Подкоряшевъ, Иванъ Краденовъ, Андрей Азовсковъ, Иванъ Портновъ, Емельянъ Чемевъ, Романъ Котятовъ, Петръ Краденовъ, Курбай Лукпнъ, Степанъ Толкачевъ, Козьма Посовъ, Савелій Чагановъ, Алексѣй Матасовъ, Семенъ Матросовъ, Михайло Чеботаревъ, съ данными отъ графа Ивана Григорьевича Орлова къ капитану Дурнову письмомъ и съ приказаніемъ имъ, что ничего имъ на Яикѣ Дурновъ не сдѣлаетъ, выговоря при томъ, чтобъ въ военную (коллегію) не являлись, а „васъ де съ этимъ письмомъ пропустятъ, куда хотите". Опое письмо Кирпичниковъ Дурнову отдалъ запечатанное въ пакетѣ, и Дурновъ по принятіи письма отпустилъ Кирпичникова въ домъ свой. Какъ же Кирпичниковъ пріѣхалъ, то все войско приходило къ нему кучами и спрашивали что Дурнову велѣно исполнить, а Кирпичниковъ отвѣчалъ, что велѣно де учинить въ силу указовъ, объявляя при томъ, что онъ съ того указа, каковъ Дурнову данъ, имѣетъ копію. А какъ все почти войско стало въ повелѣніи Кирпичникова, то генералъ фонъ-Траубенбергъ прислалъ къ Кирпичникову Петра Копѣечкина, Андрея Коппе.а, Бориса Плишкина спросить: есть ли у него указъ? На то Кирпичниковъ отвѣчалъ, что указа нѣтъ. Потомъ спрошенъ былъ Кирпичниковъ: велитъ ли онъ кругъ дѣлать? Но Кирпичниковъ отвѣчалъ: „Я не атаманъ". Траубенбергъ еще говорилъ: „Ты де хотя и не атаманъ, однакожь тебя все войско слушаетъ, и больше, чѣмъ атамана". А Кирпичниковъ отвѣчалъ: „Я де иду въ баню и въ ваши дѣла не мѣшаюсь". Что чрезъ казака Бориса Плишкина генералу фонъ-Траубенбергу и сказано было.

На другой день посланъ былъ дьякъ Суетинъ, Мартемьянъ Бородинъ и другіе взять Кирпичникова подъ караулъ; и какъ войско

свѣдало сіе, то и собралось множество казаковъ и, видя паспліе старшинъ, выговаривали нѣкоторые имъ, что это дурно; старшины же, сочтя сей выговоръ за обиду, приказали тѣхъ казаковъ, кои много говорили, взять подъ караулъ; почему и взяты были двое— Иванъ Фофановъ большой, а другого имени не упомнятъ, коихъ Конневъ и Копѣечкинъ вели улицами; войско же, увидя сіе, стало собираться въ Толкачеву улицу. Старшины же, приведя означенныхъ двухъ казаковъ въ канцелярію, сѣкли плетьми немилосердно и послѣ посадили подъ караулъ. Сіе тотчасъ разнеслось по всему городу, и войско приняло сіе за обиду себѣ. Какъ же потомъ объявленные Конневъ и Копѣечкинъ изъ канцеляріи пошли домой и шли Толкачевою улицею, которая состоитъ на берегу рѣки Яика, гдѣ обыкновенно садятся на берегу много людей, то случившіеся тутъ войсковые казаки, остановя оныхъ Коннева и Копѣечкина, стали ихъ бранить, для чего они причиняютъ со старшинами войску такія обиды и увѣчатъ войсковыхъ казаковъ; а какъ только завели шумъ и стали собираться на оный со сторонъ одинъ по другому, а между тѣмъ Коннева и Копѣечкина, какъ они прежде состояли съ войсковой стороны, и Конневъ выбранъ былъ при Чебышевѣ въ сотники войскомъ, а Копѣечкинъ по просьбѣ же войсковой высвобожденъ былъ отъ солдатства, но они послѣ войску измѣнили, и прилѣпились для покормки къ старшинамъ, да и наносили на войско разныя плевелы, — то войсковые, злобясь давно на нихъ за сіе, поколотили ихъ гораздо. А между тѣмъ все таки народъ на происходящій шумъ и крикъ стекался, и сошлись уже всѣ войсковые сотники, которые оныхъ Коннева и Копѣечкина, отведя въ домъ къ Толкачевымъ, посадили въ погребъ подъ караулъ, а потомъ посылали къ Дурнову двухъ казаковъ съ жалобою —Савелія Чиганахаева, а другого не помнятъ, что старшины безвинно мучатъ войсковыхъ казаковъ, и при томъ приказывали просить его, чтобъ онъ рѣшилъ о старшинахъ въ силѣ имяннаго указа. По Дурновъ, будучи уже предувѣдомленъ о поступкѣ войсковой съ объявленными Конневымъ и Копѣечкинымъ, посадилъ тѣхъ казаковъ подъ караулъ и посылалъ отъ себя къ сотникамъ съ приказаніемъ, чтобы они выпустили Коннева и Копѣечкина; но сотники послали еще двухъ съ тою же просьбою, какъ и первыхъ, и просили при томъ, чтобъ онъ приказалъ старшинамъ освободить прежде войсковыхъ, а потомъ уже войско и ихъ казаковъ выпустить. Но Дурновъ и тѣхъ взялъ подъ караулъ и посылалъ отъ себя вторично къ войску, чтобъ прежде они старшинскихъ выпустили, а потомъ и ихъ осво-

свѣдало сіе, то и собралось множество казаковъ и, видя паспліе старшинъ, выговаривали нѣкоторые имъ, что это дурно; старшины же, сочтя сей выговоръ за обиду, приказали тѣхъ казаковъ, кои много говорили, взять подъ караулъ; почему и взяты были двое— Иванъ Фофановъ большой, а другого имени не упомнятъ, коихъ Конневъ и Копѣечкинъ вели улицами; войско же, увидя сіе, стало собираться въ Толкачеву улицу. Старшины же, приведя означенныхъ двухъ казаковъ въ канцелярію, сѣкли плетьми немилосердно и послѣ посадили подъ караулъ. Сіе тотчасъ разнеслось по всему городу, и войско приняло сіе за обиду себѣ. Какъ же потомъ объявленные Конневъ и Копѣечкинъ изъ канцеляріи пошли домой и шли Толкачевою улицею, которая состоитъ на берегу рѣки Яика, гдѣ обыкновенно садятся на берегу много людей, то случившіеся тутъ войсковые казаки, остановя оныхъ Коннева и Копѣечкина, стали ихъ бранить, для чего они причиняютъ со старшинами войску такія обиды и увѣчатъ войсковыхъ казаковъ; а какъ только завели шумъ и стали собираться на оный со сторонъ одинъ по другому, а между тѣмъ Коннева и Копѣечкина, какъ они прежде состояли съ войсковой стороны, и Конневъ выбранъ былъ при Чебышевѣ въ сотники войскомъ, а Копѣечкинъ по просьбѣ же войсковой высвобожденъ былъ отъ солдатства, но они послѣ войску измѣнили, и прилѣпились для покормки къ старшинамъ, да и наносили на войско разныя плевелы, — то войсковые, злобясь давно на нихъ за сіе, поколотили ихъ гораздо. А между тѣмъ все таки народъ на происходящій шумъ и крикъ стекался, и сошлись уже всѣ войсковые сотники, которые оныхъ Коннева и Копѣечкина, отведя въ домъ къ Толкачевымъ, посадили въ погребъ подъ караулъ, а потомъ посылали къ Дурнову двухъ казаковъ съ жалобою —Савелія Чиганахаева, а другого не помнятъ, что старшины безвинно мучатъ войсковыхъ казаковъ, и при томъ приказывали просить его, чтобъ онъ рѣшилъ о старшинахъ въ силѣ имяннаго указа. По Дурновъ, будучи уже предувѣдомленъ о поступкѣ войсковой съ объявленными Конневымъ и Копѣечкинымъ, посадилъ тѣхъ казаковъ подъ караулъ и посылалъ отъ себя къ сотникамъ съ приказаніемъ, чтобы они выпустили Коннева и Копѣечкина; но сотники послали еще двухъ съ тою же просьбою, какъ и первыхъ, и просили при томъ, чтобъ онъ приказалъ старшинамъ освободить прежде войсковыхъ, а потомъ уже войско и ихъ казаковъ выпустить. Но Дурновъ и тѣхъ взялъ подъ караулъ и посылалъ отъ себя вторично къ войску, чтобъ прежде они старшинскихъ выпустили, а потомъ и ихъ осво-

бождены будутъ. Но сотники, видя, что не можетъ то исполниться, потому что не только старыхъ освободить, но и вновь еще отъ нихъ съ жалобою посланныхъ посадили подъ караулъ, отвѣчали, что они Кошева и Копѣечкина не выпустятъ, покуда войсковые не освободятся. Съ сего самаго и пошло уже все на зло; и сотники, сдѣлавъ народу повѣстку, приказали въ Толкачеву улицу собираться, гдѣ толковали они войску, что если имъ Дурнова просить о рѣшеніи своего дѣла малымъ числомъ людей, то онъ по наущенію старшинъ пересажаетъ подъ караулъ, можетъ, и половину войска, приводя въ примѣръ посланныхъ и подъ караулъ взятыхъ въ тотъ день: „Вѣдь де почему намъ знать, что у нихъ на умѣ“. Чего ради и полагали на другой день по утру идти къ Дурнову всѣмъ войскомъ, пасть къ ногамъ его и просить, чтобъ онъ сдѣлалъ съ войскомъ милость, отрѣшилъ прежнихъ старшинъ и взыскалъ съ нихъ штрафъ и жалованье, а если не удовольствуютъ въ томъ, то сдѣлать самимъ управу (сіе показываютъ изъ вышеписанныхъ войсковой руки казаки). На что войско и согласилось.

Между тѣмъ какъ сей сборъ войску былъ необычайный, то Траубенбергъ и Дурновъ, а тѣмъ болѣе старшины заключали изъ того, что войско предпринимаетъ сдѣлать бунтъ, опасаясь котораго прислали навѣдываться о причинѣ такого необычайнаго собранія, и присылаемымъ отъ нихъ въ отвѣтъ сказывано, что войско не имѣетъ отнюдь никакого злаго намѣренія, но соглашается единогласно просить Дурнова, чтобы онъ рѣшилъ ихъ тяжбу со старшинами. Однакожъ Траубенбергъ и Дурновъ, не увѣряясь на томъ отвѣтѣ, видя, что войско продолжается въ томъ собраніи, приказали зарядить пушки и хотѣли было тогда же разогнать собраніе выстрѣломъ изъ пушки, но отложили, потому что войско въ вечеру стало по домамъ расходиться. Однакожъ сотники и старшіе казаки, боясь взяться подъ караулъ, не пошли и домой, а почевали въ домѣ у Толкачева.

По утру рано по вечернему условію, собралось войско опять въ Толкачеву улицу, и были нѣкоторые при саблях, а прочіе безъ ружей, ибо никто не воображалъ, что изъ предпріемлемой ихъ просьбы могли выйдти какія худыя слѣдствія. Коммиссіонеры и старшины, увидя вторичное собраніе, заключили навѣрное, что войско взбунтовалось; почему и разставили близь канцеляріи въ той улицѣ, въ которую войску входить надлежало, пушки и зажгли фитили, а позади пушекъ поставили совсѣмъ вооруженныхъ солдатъ и драгунъ, тожъ многихъ старшинскаго согласія казаковъ,

бождены будутъ. Но сотники, видя, что не можетъ то исполниться, потому что не только старыхъ освободить, но и вновь еще отъ нихъ съ жалобою посланныхъ посадили подъ караулъ, отвѣчали, что они Кошева и Копѣечкина не выпустятъ, покуда войсковые не освободятся. Съ сего самаго и пошло уже все на зло; и сотники, сдѣлавъ народу повѣстку, приказали въ Толкачеву улицу собираться, гдѣ толковали они войску, что если имъ Дурнова просить о рѣшеніи своего дѣла малымъ числомъ людей, то онъ по наущенію старшинъ пересажаетъ подъ караулъ, можетъ, и половину войска, приводя въ примѣръ посланныхъ и подъ караулъ взятыхъ въ тотъ день: „Вѣдь де почему намъ знать, что у нихъ на умѣ“. Чего ради и полагали на другой день по утру идти къ Дурнову всѣмъ войскомъ, пасть къ ногамъ его и просить, чтобъ онъ сдѣлалъ съ войскомъ милость, отрѣшилъ прежнихъ старшинъ и взыскалъ съ нихъ штрафъ и жалованье, а если не удовольствуютъ въ томъ, то сдѣлать самимъ управу (сіе показываютъ изъ вышеписанныхъ войсковой руки казаки). На что войско и согласилось.

Между тѣмъ какъ сей сборъ войску былъ необычайный, то Траубенбергъ и Дурновъ, а тѣмъ болѣе старшины заключали изъ того, что войско предпринимаетъ сдѣлать бунтъ, опасаясь котораго присылали навѣдываться о причинѣ такого необычайнаго собранія, и присылаемымъ отъ нихъ въ отвѣтъ сказываемо, что войско не имѣетъ отнюдь никакого злаго намѣренія, но соглашается единогласно просить Дурнова, чтобы онъ рѣшилъ ихъ тяжбу со старшинами. Однакожъ Траубенбергъ и Дурновъ, не увѣряясь на томъ отвѣтѣ, видя, что войско продолжается въ томъ собраніи, приказали зарядить пушки и хотѣли было тогда же разогнать собраніе выстрѣломъ изъ пушки, но отложили, потому что войско въ вечеру стало по домамъ расходиться. Однакожъ сотники и старшіе казаки, боясь взяться подъ караулъ, не пошли и домой, а почевали въ домѣ у Толкачева.

По утру рано по вечернему условію, собралось войско опять въ Толкачеву улицу, и были нѣкоторые при саблях, а прочіе безъ ружей, ибо никто не воображалъ, что изъ предпріемлемой ихъ просьбы могли выйдти какія худыя слѣдствія. Коммиссіонеры и старшины, увидя вторичное собраніе, заключили навѣрное, что войско взбунтовалось; почему и разставили близь канцеляріи въ той улицѣ, въ которую войску входить надлежало, пушки и зажгли фитили, а позади пушекъ поставили совсѣмъ вооруженныхъ солдатъ и драгунъ, тожъ многихъ старшинскаго согласія казаковъ,

да и сами тутъ же находились, а между тѣмъ посылали къ войску на переговорку узнать о причинѣ онаго собранія, увѣщевая притомъ разойтиться по домамъ. Сотники войсковые отвѣчали, равно какъ и прежде, что войско не имѣетъ никакого зла, но идетъ просить Дурнова, дабы рѣшилъ старшинъ по силѣ именнаго указа, скрывая притомъ злой свой умыселъ, который вселилъ Кирпичниковъ въ ихъ сердца легковѣрныя. Потомъ, поднявшись отъ Толкачева дома, пошли всѣ просить Дурнова, пославъ на передн себя съ объявленіемъ къ Дурнову попа Михайлу Васильева, что войско идетъ пасть къ его ногамъ, дабы исполнилъ онъ именное повелѣніе. Въ сіе время, какъ они пошли, Кирпичниковъ кричалъ имъ въ слѣдъ, чтобъ поступили они такъ, какъ Богъ разумитъ. Оный попъ ѣздилъ къ Дурнову верхомъ на лошади, и пока онъ ѣздилъ, то войско подошло уже къ Петропавловской церкви, отъ Толкачева двора такъ какъ съ версту, и тутъ остановились. Изъ вышеписанныхъ показателей Шигаевъ присталъ къ войску на семъ мѣстѣ, и попъ возвратился отъ Дурнова, сказывалъ войску, что Дурновъ обѣщался дней черезъ десять исполнить ихъ просьбу, и приказывалъ разойтиться по домамъ. Но сотники, будучи тѣмъ не довольны, и разсуждая, что дѣло опять пойдетъ въ оттяжку, просили попа сходить вторично къ Дурнову съ такою просьбою, чтобъ онъ войску, вычтя свой указъ, рѣшилъ тотъ же день о старшинахъ. Попъ же, согласясь на то и увидя Шигаева, звалъ съ собою въ товарищи, и Шигаевъ пошелъ съ нимъ; войско же осталось на томъ же мѣстѣ.

По приходѣ попа и Шигаева къ пушкамъ, Дурновъ, атаманъ Тамбовцевъ, старшины Суетинъ и Мартемьянъ Бородинъ вышли къ нимъ изъ-за пушекъ, и Дурновъ спрашивалъ ихъ: за чѣмъ пришли? Шигаевъ, поклонясь ему въ ноги, со слезами просилъ отъ имени всего войска, чтобы исполнилъ въ силу именнаго указа. Дурновъ сказалъ тоже, что и попу, чтобы войско разошлось по домамъ, и онъ конечно удовольствуетъ ихъ дней черезъ семь, а много что черезъ десять. Шигаевъ на сіе ему говорилъ, что войско проситъ сдѣлать съ нимъ ту милость сегодня, но Дурновъ сказалъ: „Нельзя“. Шигаевъ говорилъ Дурнову: „Какъ де, батюшка, быть? Войско сомнѣвается въ этомъ; не можно ли вамъ сѣсть на коня и, подъѣхавъ къ войску, подтвердить ваше обѣщаніе?“ На сіе Дурновъ отвѣчалъ: „Да, благодарствую; можетъ, вы меня еще и уходите; нѣтъ, вѣдь я великъ у государыни-то!“ И съ тѣми словами отъ него отошелъ. Потомъ попъ и Шигаевъ, оставшись съ атаманомъ и старшинами,

да и сами тутъ же находились, а между тѣмъ посылали къ войску на переговорку узнать о причинѣ онаго собранія, увѣщевая притомъ разойтиться по домамъ. Сотники войсковые отвѣчали, равно какъ и прежде, что войско не имѣетъ никакого зла, но идетъ просить Дурнова, дабы рѣшилъ старшинъ по силѣ именнаго указа, скрывая притомъ злой свой умыселъ, который вселилъ Кирпичниковъ въ ихъ сердца легковѣрныя. Потомъ, поднявшись отъ Толкачева дома, пошли всѣ просить Дурнова, пославъ на передн себя съ объявленіемъ къ Дурнову попа Михайлу Васильева, что войско идетъ пасть къ его ногамъ, дабы исполнилъ онъ именное повелѣніе. Въ сіе время, какъ они пошли, Кирпичниковъ кричалъ имъ въ слѣдъ, чтобъ поступили они такъ, какъ Богъ паразумитъ. Оный попъ ѣздилъ къ Дурнову верхомъ на лошади, и пока онъ ѣздилъ, то войско подошло уже къ Петропавловской церкви, отъ Толкачева двора такъ какъ съ версту, и тутъ остановились. Изъ вышеписанныхъ показателей Шигаевъ присталъ къ войску на семъ мѣстѣ, и попъ возвратился отъ Дурнова, сказывалъ войску, что Дурновъ обѣщался дней черезъ десять исполнить ихъ просьбу, и приказывалъ разойтиться по домамъ. Но сотники, будучи тѣмъ не довольны, и разсуждая, что дѣло опять пойдетъ въ оттяжку, просили попа сходить вторично къ Дурнову съ такою просьбою, чтобъ онъ войску, вычтя свой указъ, рѣшилъ тотъ же день о старшинахъ. Попъ же, согласясь на то и увидя Шигаева, звалъ съ собою въ товарищи, и Шигаевъ пошелъ съ нимъ; войско же осталось на томъ же мѣстѣ.

По приходѣ попа и Шигаева къ пушкамъ, Дурновъ, атаманъ Тамбовцевъ, старшины Суетинъ и Мартемьянъ Бородинъ вышли къ нимъ изъ-за пушекъ, и Дурновъ спрашивалъ ихъ: за чѣмъ пришли? Шигаевъ, поклонясь ему въ ноги, со слезами просилъ отъ имени всего войска, чтобы исполнилъ въ силу именнаго указа. Дурновъ сказалъ тоже, что и попу, чтобы войско разошлось по домамъ, и онъ конечно удовольствуетъ ихъ дней черезъ семь, а много что черезъ десять. Шигаевъ на сіе ему говорилъ, что войско проситъ сдѣлать съ нимъ ту милость сегодня, но Дурновъ сказалъ: „Нельзя“. Шигаевъ говорилъ Дурнову: „Какъ де, батюшка, быть? Войско сомнѣвается въ этомъ; не можно ли вамъ сѣсть на коня и, подъѣхавъ къ войску, подтвердить ваше обѣщаніе?“ На сіе Дурновъ отвѣчалъ: „Да, благодарствую; можетъ, вы меня еще и уходите; нѣтъ, вѣдь я великъ у государыни-то!“ И съ тѣми словами отъ него отошелъ. Потомъ попъ и Шигаевъ, оставшись съ атаманомъ и старшинами,

попъ началъ говорить съ атаманомъ, а Шигаевъ съ Суетинымъ и Бородинымъ; Шигаевъ кланялся имъ въ ноги и просилъ, чтобы они смилосердились; а напротивъ того и они ему низко кланялись и называли его именемъ и отчествомъ. Шигаевъ выговаривалъ имъ со слезами, для чего они усиливаются и стоятъ за свои чины и доводятъ войско до крайности; а Суетинъ и Бородинъ отвѣчали, что они ни мало за чины свои не стоятъ и рады теперь же оные съ себя сложить, буде то угодно войску, и сочтутъ еще сіе за милость и заплатятъ денегъ 100 рублей, чтобы безъ бѣды освободиться; на что̀ Шигаевъ говорилъ: „Ну, такъ вѣдь стоитъ вамъ только прійдти предъ войско и принести покорность, такъ и вся вражда минуется; а ежели де вы этого не сдѣлаете, такъ доведете, помилуй Богъ, до кровопролитія; войско теперь не отстанетъ отъ своего предпріятія, уже приступитъ Сергѣя Дмитріевича (то есть, Дурнова) просить, а онъ де и генералъ не допустятъ, можетъ, оное до себя и будутъ палить изъ пушекъ, а народъ де не утерпитъ тогда; такъ вѣдь сами знаете, что выйдетъ дѣло дурное“. Суетинъ и Бородинъ сказали: „Мы ради съ тобою идти и принести войску покорность“. И потомъ, пошедъ за пушкою, просились у генерала и Дурнова идти къ войску и кланялись имъ въ виду Шигаева и попа въ ноги, но они ихъ не отпустили.

Между тѣмъ какъ они продолжали сію переговорку, войско приближилось къ Кирсановской церкви, разстояніемъ отъ пушекъ въ верстѣ или менѣе, и остановилось тутъ, дожидаясь съ переговорки попа и Шигаева. Траубенбергъ и Дурновъ, видя приближеніе войска, приказали пушкарямъ взять въ руки фитили, и приказывали стоящимъ близъ пушекъ людямъ идти прочь, намѣряясь стрѣлять по войску, однакожь удержались и послали отъ себя въ слѣдъ за попомъ и Шигаевымъ на переговорку къ войску старшинъ Якова Колпакова, онъ же и Чреватовъ, Ѳедора Митрясова и Сакмарскаго атамана Данилу Донскова, съ тѣмъ, чтобы войско, не доводя себя до бѣды, разошлось по домамъ, обѣщаясь Дурновъ рѣшить старшинъ по силѣ имяннаго указа чрезъ недѣлю, а много что—черезъ десять дней. Но сотники и старшіе казаки говорили, что Дурновъ почти чрезъ цѣлый мѣсяцъ такія обѣщанія дѣлывалъ и назначивалъ разныя времена, однакожь ни одного раза не устоялъ въ своемъ словѣ, а только что мучитъ казаковъ и сажаетъ подъ караулъ: „Воля де его, вѣдь мы идемъ не со злодѣйствомъ какимъ, а пойдемъ со святыми образами, для того что авось-либо они по насъ для нихъ и не станутъ стрѣ-

попъ началъ говорить съ атаманомъ, а Шигаевъ съ Суетинымъ и Бородинымъ; Шигаевъ кланялся имъ въ ноги и просилъ, чтобы они смилосердились; а напротивъ того и они ему низко кланялись и называли его именемъ и отчествомъ. Шигаевъ выговаривалъ имъ со слезами, для чего они усиливаются и стоятъ за свои чины и доводятъ войско до крайности; а Суетинъ и Бородинъ отвѣчали, что они ни мало за чины свои не стоятъ и рады теперь же оные съ себя сложить, буде то угодно войску, и сочтутъ еще сіе за милость и заплатятъ денегъ 100 рублей, чтобы безъ бѣды освободиться; на что̀ Шигаевъ говорилъ: „Ну, такъ вѣдь стоитъ вамъ только прійдти предъ войско и принести покорность, такъ и вся вражда минуется; а ежели де вы этого не сдѣлаете, такъ доведете, помилуй Богъ, до кровопролитія; войско теперь не отстанетъ отъ своего предпріятія, уже приступитъ Сергѣя Дмитріевича (то есть, Дурнова) просить, а онъ де и генералъ не допустятъ, можетъ, оное до себя и будутъ палить изъ пушекъ, а народъ де не утерпитъ тогда; такъ вѣдь сами знаете, что выйдетъ дѣло дурное“. Суетинъ и Бородинъ сказали: „Мы ради съ тобою идти и принести войску покорность“. И потомъ, пошедъ за пушкою, просились у генерала и Дурнова идти къ войску и кланялись имъ въ виду Шигаева и попа въ ноги, но они ихъ не отпустили.

Между тѣмъ какъ они продолжали сію переговорку, войско приближилось къ Кирсановской церкви, разстояніемъ отъ пушекъ въ верстѣ или менѣе, и остановилось тутъ, дожидаясь съ переговорки попа и Шигаева. Траубенбергъ и Дурновъ, видя приближеніе войска, приказали пушкарямъ взять въ руки фитили, и приказывали стоящимъ близъ пушекъ людямъ идти прочь, намѣряясь стрѣлять по войску, однакожь удержались и послали отъ себя въ слѣдъ за попомъ и Шигаевымъ на переговорку къ войску старшинъ Якова Колпакова, онъ же и Чреватовъ, Ѳедора Митрясова и Сакмарскаго атамана Данилу Донскова, съ тѣмъ, чтобы войско, не доводя себя до бѣды, разошлось по домамъ, обѣщаясь Дурновъ рѣшить старшинъ по силѣ имяннаго указа чрезъ недѣлю, а много что—черезъ десять дней. Но сотники и старшіе казаки говорили, что Дурновъ почти чрезъ цѣлый мѣсяцъ такія обѣщанія дѣлывалъ и назначивалъ разныя времена, однакожь ни одного раза не устоялъ въ своемъ словѣ, а только что мучитъ казаковъ и сажаетъ подъ караулъ: „Воля де его, вѣдь мы идемъ не со злодѣйствомъ какимъ, а пойдемъ со святыми образами, для того что авось-либо они по насъ для нихъ и не станутъ стрѣ-

лять, и умилосердится ихъ сердце; мы де пришедши обмоемъ его ноги слезами, и будемъ просить, чтобъ онъ сегодня рѣшилъ намъ старшинъ". Съ чѣмъ объявленные Колпаковъ съ товарищами къ Дурнову и возвратились.

Сотники настаивали рѣшить въ тотъ день, для того, слышно было, что Траубенбергъ и Дурновъ послали уже въ Оренбургъ требовать полковъ для усмиренія войска, представляя, что оно взбунтовалось, а потому и думали, что если дадутъ отсрочку Дурнову, такъ тяжба ихъ со старшинами останется безъ рѣшенія, и старшины войско перетягаютъ. Потомъ взяли изъ Кирсановской церкви три образа, изъ коихъ два Богородицыныхъ, одинъ изъ-за престола, а другой явленный, третій же чудотворный Спасовъ; сей послѣдній образъ не церковный, но принесенъ былъ въ церковь изъ дома вдовы Анны Глуховой, чудотворнымъ же именуютъ его потому, что если какой бѣдѣ быть на войско, то изъ глазъ Спасителевыхъ покажутся дня за два предъ бѣдою слезы; и какъ скоро означенная вдова усмотритъ сіе, то и разскажетъ о томъ шабрамъ своимъ; а по словамъ ея, прихаживали старики и старухи изъ любопытства смотрѣть и дѣйствительно видали, что изъ глазъ Спасителевыхъ выкатались слезы (объ ономъ чудотворномъ образѣ увѣряютъ больше изъ показанныхъ войсковой руки казаковъ Шигаевъ, Мясниковъ, Короваевъ и прочіе, а со стороны старшинской многіе смѣются и говорятъ, что сіе неправда, и хотя де въ городѣ и есть такая о семъ образѣ слава, однако жь тому не вѣрятъ, да и вѣрнаго самовидца сему нѣтъ). Сіе чудо случилось быть по показанію увѣряющихъ три раза: первый, когда велѣно было командировать казаковъ въ легіонъ, и войско противилось дать, то многіе были мучены побоями и тюрьмою; второй, когда Череповъ стрѣлялъ по войску; и третій, предъ происшествіемъ нижеписаннаго кровопролитія. По взятіи изъ церкви объявленныхъ образовъ, войско хотѣло за сими образами идти прямо къ Дурнову; но Шигаевъ, видя, что дѣло доходитъ до бѣды, упросилъ войско потерпѣть малое время и напросился самъ сходить еще къ Дурнову съ повтореніемъ первой просьбы, на что войско и согласилось, и Шигаевъ, положа надежду на помощь Божію, взялъ съ собою тѣ образа, кои несли за нимъ старики, пошелъ къ Дурнову; идучи же дорогою, оглядываясь назадъ на войско, видѣлъ, что народъ по малому числу пробирался возлѣ стѣнъ, ибо по срединѣ улицы боялись идти, чтобъ не стали стрѣлять изъ пушекъ; но какъ онъ дошелъ только до соборной колокольни,

лять, и умилосердится ихъ сердце; мы де пришедши обмоемъ его ноги слезами, и будемъ просить, чтобъ онъ сегодня рѣшилъ намъ старшинъ". Съ чѣмъ объявленные Колпаковъ съ товарищами къ Дурнову и возвратились.

Сотники настаивали рѣшить въ тотъ день, для того, слышно было, что Траубенбергъ и Дурновъ послали уже въ Оренбургъ требовать полковъ для усмиренія войска, представляя, что оно взбунтовалось, а потому и думали, что если дадутъ отсрочку Дурнову, такъ тяжба ихъ со старшинами останется безъ рѣшенія, и старшины войско перетягаютъ. Потомъ взяли изъ Кирсановской церкви три образа, изъ коихъ два Богородицыныхъ, одинъ изъ-за престола, а другой явленный, третій же чудотворный Спасовъ; сей послѣдній образъ не церковный, но принесенъ былъ въ церковь изъ дома вдовы Анны Глуховой, чудотворнымъ же именуютъ его потому, что если какой бѣдѣ быть на войско, то изъ глазъ Спасителевыхъ покажутся дня за два предъ бѣдою слезы; и какъ скоро означенная вдова усмотритъ сіе, то и разскажетъ о томъ шабрамъ своимъ; а по словамъ ея, прихаживали старики и старухи изъ любопытства смотрѣть и дѣйствительно видали, что изъ глазъ Спасителевыхъ выкатались слезы (объ ономъ чудотворномъ образѣ увѣряютъ больше изъ показанныхъ войсковой руки казаковъ Шигаевъ, Мясниковъ, Короваевъ и прочіе, а со стороны старшинской многіе смѣются и говорятъ, что сіе неправда, и хотя де въ городѣ и есть такая о семъ образѣ слава, однако жь тому не вѣрятъ, да и вѣрнаго самовидца сему нѣтъ). Сіе чудо случилось быть по показанію увѣряющихъ три раза: первый, когда велѣно было командировать казаковъ въ легіонъ, и войско противилось дать, то многіе были мучены побоями и тюрьмою; второй, когда Череповъ стрѣлялъ по войску; и третій, предъ происшествіемъ нижеписаннаго кровопролитія. По взятіи изъ церкви объявленныхъ образовъ, войско хотѣло за сими образами идти прямо къ Дурнову; но Шигаевъ, видя, что дѣло доходитъ до бѣды, упросилъ войско потерпѣть малое время и напросился самъ сходить еще къ Дурнову съ повтореніемъ первой просьбы, на что войско и согласилось, и Шигаевъ, положа надежду на помощь Божію, взялъ съ собою тѣ образа, кои несли за нимъ старики, пошелъ къ Дурнову; идучи же дорогою, оглядываясь назадъ на войско, видѣлъ, что народъ по малому числу пробирался возлѣ стѣнъ, ибо по срединѣ улицы боялись идти, чтобъ не стали стрѣлять изъ пушекъ; но какъ онъ дошелъ только до соборной колокольни,

неподалеку отъ коей и пушки стояли, то выстрѣлено было изъ одной пушки, а за нею изъ другой и изъ третій, и такъ далѣе, и и засвистѣли картечи. А въ то время войско стало метаться по улицамъ и флангамъ и стали стрѣлять по военной командѣ, а другіе бросать каменьями, и тутъ убійство такъ злодѣйственное учинили.

Шигаевъ во время сей драки вбѣжалъ въ одинъ дворъ и пролежалъ на ономъ до того времени, какъ пальба умолкла. Какъ же пальба миновалась, то Шигаевъ, вышедъ со двора, увидѣлъ, что уже войско овладѣло пушками, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ пушки стояли, была великая суматоха; почему и заключилъ онъ, что казаки производятъ еще драку, и какъ прибѣжалъ на то мѣсто, увидѣлъ, что Дурнова человѣкъ съ десять колотятъ не на животъ —на смерть, коихъ онъ растолкавъ бранилъ: „Что вы это, проклятые, дѣлаете, какого человѣка бьете? Вѣдь ежели онъ умретъ, такъ государыня всѣхъ насъ за него перевѣшаетъ“. Итакъ, казаки, послушавъ его, перестали Дурнова бить, котораго онъ взявъ стащилъ едва дышущаго въ имѣющуюся при войсковой канцеляріи черную избу и, приставя къ дверямъ казака, не приказалъ въ опую ни одного человѣка впускать; самъ же, вышедъ оттуда, поспѣшалъ на мѣсто побоища съ такимъ намѣреніемъ, что не удастся ли еще кого спасти отъ смерти; но, не доходя до мѣста, на дорогѣ увидѣлъ, что казаки бьютъ гвардейскаго гренадера, бывшаго при Дурновѣ, коего также отнявъ, отвелъ по близости канцеляріи въ пустую избу, въ которой увидѣлъ онъ, что уже натаскано человѣкъ съ двадцать, все избитые, въ томъ числѣ былъ старшина Мартемьянъ Бородинъ и Сакмарскій атаманъ Донсковъ.

Бородинъ, увидя Шигаева, подозвалъ къ себѣ и просилъ сохранить его жизнь, которому Шигаевъ выговаривалъ сими словами: „Э, Мартемьянъ Михайловичь, Бога вы не боитесь, вѣдь смотрика, какую вы сумятицу надѣлали! Для чего вы не упросили генерала и допустили стрѣлять изъ пушекъ? Вѣдь бы этого отнюдь не было, ибо войско шло не на драку“. (Шигаевъ и нынѣ увѣряетъ, что отнюдь войско убійства чинить не думало, но другіе въ томъ оспорили; а сіе доказывается тѣмъ, что онъ точно съ Кирпичниковымъ въ заговорѣ не былъ, а слѣдовалъ въ числѣ войска, не зная прямо злаго умысла, который завѣдали одни сотники, коп къ сему злодѣйству простаковъ подстрекали). Бородинъ клялся Шигаеву, что они генералу и Дурнову въ ноги всѣ кланялись и просили, чтобъ не приказывали стрѣлять, но они ихъ не

неподалеку отъ коей и пушки стояли, то выстрѣлено было изъ одной пушки, а за нею изъ другой и изъ третій, и такъ далѣе, и и засвистѣли картечи. А въ то время войско стало метаться по улицамъ и флангамъ и стали стрѣлять по военной командѣ, а другіе бросать каменьями, и тутъ убійство такъ злодѣйственное учинили.

Шигаевъ во время сей драки вбѣжалъ въ одинъ дворъ и пролежалъ на ономъ до того времени, какъ пальба умолкла. Какъ же пальба миновалась, то Шигаевъ, вышедъ со двора, увидѣлъ, что уже войско овладѣло пушками, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ пушки стояли, была великая суматоха; почему и заключилъ онъ, что казаки производятъ еще драку, и какъ прибѣжалъ на то мѣсто, увидѣлъ, что Дурнова человѣкъ съ десять колотятъ не на животъ —на смерть, коихъ онъ растолкавъ бранилъ: „Что вы это, проклятые, дѣлаете, какого человѣка бьете? Вѣдь ежели онъ умретъ, такъ государыня всѣхъ насъ за него перевѣшаетъ“. Итакъ, казаки, послушавъ его, перестали Дурнова бить, котораго онъ взявъ стащилъ едва дышущаго въ имѣющуюся при войсковой канцеляріи черную избу и, приставя къ дверямъ казака, не приказалъ въ опую ни одного человѣка впускать; самъ же, вышедъ оттуда, поспѣшалъ на мѣсто побоища съ такимъ намѣреніемъ, что не удастся ли еще кого спасти отъ смерти; но, не доходя до мѣста, на дорогѣ увидѣлъ, что казаки бьютъ гвардейскаго гренадера, бывшаго при Дурновѣ, коего также отнявъ, отвелъ по близости канцеляріи въ пустую избу, въ которой увидѣлъ онъ, что уже натаскано человѣкъ съ двадцать, все избитые, въ томъ числѣ былъ старшина Мартемьянъ Бородинъ и Сакмарскій атаманъ Донсковъ.

Бородинъ, увидя Шигаева, подозвалъ къ себѣ и просилъ сохранить его жизнь, которому Шигаевъ выговаривалъ сими словами: „Э, Мартемьянъ Михайловичь, Бога вы не боитесь, вѣдь смотрика, какую вы сумятицу надѣлали! Для чего вы не упросили генерала и допустили стрѣлять изъ пушекъ? Вѣдь бы этого отнюдь не было, ибо войско шло не на драку“. (Шигаевъ и нынѣ увѣряетъ, что отнюдь войско убійства чинить не думало, но другіе въ томъ оспорили; а сіе доказывается тѣмъ, что онъ точно съ Кирпичниковымъ въ заговорѣ не былъ, а слѣдовалъ въ числѣ войска, не зная прямо злаго умысла, который завѣдали одни сотники, коп къ сему злодѣйству простаковъ подстрекали). Бородинъ клялся Шигаеву, что они генералу и Дурнову въ ноги всѣ кланялись и просили, чтобъ не приказывали стрѣлять, но они ихъ не

послушали. Въ самое сіе время прибѣжалъ въ нкряную избу одинъ казакъ—имени его не знаютъ,—съ полѣномъ и, будучи въ бѣшенствѣ, кричалъ: „Гдѣ тутъ.... Мартемьянъ-то славный? Я его!...“ Бородинъ, услыша сіе, задрожалъ и уцѣпился за ноги Шигаева, прося, чтобъ помиловалъ и спасъ животъ, ибо уже онъ и такъ былъ раненъ и избитъ. Шигаевъ, схватя того казака, вытолкалъ вонъ и приставилъ другого съ саблею у дверей, чтобы ни одного человѣка, кромѣ арестантовъ, не пускалъ.

Потомъ Шигаевъ, ходя на то мѣсто, гдѣ стояли пушки, увидѣлъ, что генералъ Траубенбергъ, атаманъ Тамбовцевъ, старшины Яковъ Колпаковъ, Ѳедоръ Митрясовъ, депутатъ и старшина Иванъ Тамбовцевъ убиты, и прочихъ множество побито же; прочіе же старшины посажены были подъ караулъ, въ числѣ коихъ и Логиновъ, который до сего еще времени содержался въ войсковой канцеляріи подъ карауломъ и не входилъ въ тяжбы войсковыя, а производили оныя сотники, а большею частію Кирпичниковъ. Во время же сего убійства пограблены были старшинской стороны многіе домы и войсковая казна, но сколько—они вѣрно не знаютъ. Шигаевъ по просьбѣ Мартемьяна Бородина ночевалъ въ нкряной избѣ, для соблюденія находящихся въ опой людей отъ убійства разсвирѣпѣвшихъ казаковъ. Вышепоказанный Суетинъ посаженъ былъ подъ караулъ съ прочими войсковой канцеляріи; но на другой день подъ вечеръ племянникъ онаго Суетина, войсковой казакъ Петръ Погадаевъ, тотъ самый, который отъ Траубенберга былъ обритъ и посланъ въ ссылку, но на дорогѣ отбитъ, вывелъ того Суетина изъ канцеляріи на крыльцо съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ онъ послѣ самъ разсказывалъ, чтобъ отвести его подъ караулъ въ черную избу; и казаки, будучи весьма на него злы, только что увидѣли его, то и бросились къ нему и, взявъ его въ кругъ, прибили до смерти. Дурнова же въ первый еще день нѣкоторые казаки взявъ отвели съ честію на квартиру его. Какъ же на третій день народъ весь утихъ, то сотники, видя бѣду, зачали помышлять, какимъ бы образомъ принесть предъ всемилостивѣйшею государынею повинную и потомъ, составя отъ имени всего войска къ самой государынѣ челобитную, выбрали повѣренными ѣхать въ Петербургъ означенныхъ: Выровщикова, Погадаева, Михайлу Кожевникова и Шигаева. Сію челобитную составляли старшинскіе писаря Михайло Плѣшивова сынъ и Бадурнинъ, и по написаніи опой Кирпичниковъ съ назначенными повѣренными послали его къ Дурнову для прочтенія: такъ ли написана, и можно ли послать? Дурновъ, прочтя оную,

послушали. Въ самое сіе время прибѣжалъ въ нкряную избу одинъ казакъ—имени его не знаютъ,—съ полѣномъ и, будучи въ бѣшенствѣ, кричалъ: „Гдѣ тутъ.... Мартемьянъ-то славный? Я его!...“ Бородинъ, услыша сіе, задрожалъ и уцѣпился за ноги Шигаева, прося, чтобъ помиловалъ и спасъ животъ, ибо уже онъ и такъ былъ раненъ и избитъ. Шигаевъ, схватя того казака, вытолкалъ вонъ и приставилъ другого съ саблею у дверей, чтобы ни одного человѣка, кромѣ арестантовъ, не пускалъ.

Потомъ Шигаевъ, ходя на то мѣсто, гдѣ стояли пушки, увидѣлъ, что генералъ Траубенбергъ, атаманъ Тамбовцевъ, старшины Яковъ Колпаковъ, Ѳедоръ Митрясовъ, депутатъ и старшина Иванъ Тамбовцевъ убиты, и прочихъ множество побито же; прочіе же старшины посажены были подъ караулъ, въ числѣ коихъ и Логиновъ, который до сего еще времени содержался въ войсковой канцеляріи подъ карауломъ и не входилъ въ тяжбы войсковыя, а производили оныя сотники, а большею частію Кирпичниковъ. Во время же сего убійства пограблены были старшинской стороны многіе домы и войсковая казна, но сколько—они вѣрно не знаютъ. Шигаевъ по просьбѣ Мартемьяна Бородина ночевалъ въ нкряной избѣ, для соблюденія находящихся въ опой людей отъ убійства разсвирѣпѣвшихъ казаковъ. Вышепоказанный Суетинъ посаженъ былъ подъ караулъ съ прочими войсковой канцеляріи; но на другой день подъ вечеръ племянникъ онаго Суетина, войсковой казакъ Петръ Погадаевъ, тотъ самый, который отъ Траубенберга былъ обритъ и посланъ въ ссылку, но на дорогѣ отбитъ, вывелъ того Суетина изъ канцеляріи на крыльцо съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ онъ послѣ самъ разсказывалъ, чтобъ отвести его подъ караулъ въ черную избу; и казаки, будучи весьма на него злы, только что увидѣли его, то и бросились къ нему и, взявъ его въ кругъ, прибили до смерти. Дурнова же въ первый еще день нѣкоторые казаки взявъ отвели съ честію на квартиру его. Какъ же на третій день народъ весь утихъ, то сотники, видя бѣду, зачали помышлять, какимъ бы образомъ принесть предъ всемилостивѣйшею государынею повинную и потомъ, составя отъ имени всего войска къ самой государынѣ челобитную, выбрали повѣренными ѣхать въ Петербургъ означенныхъ: Выровщикова, Погадаева, Михайлу Кожевникова и Шигаева. Сію челобитную составляли старшинскіе писаря Михайло Плѣшивова сынъ и Бадурнинъ, и по написаніи опой Кирпичниковъ съ назначенными повѣренными послали его къ Дурнову для прочтенія: такъ ли написана, и можно ли послать? Дурновъ, прочтя оную,

сказалъ: „Богъ де знаетъ! Мнѣ кажется—такъ, посылайте съ Богомъ“. А какъ Дурновъ сіе сказалъ, то Кирпичниковъ, прося его приложить къ ней руку, и Дурновъ не отговариваясь подписалъ, тоже и Мартемьянъ Бородинъ. Потомъ, на четвертый день побоища, отправили повѣренныхъ въ Петербургъ, давъ на прогоны и на всякія издержки только по сту рублей на человѣка.

Означенное убійство послѣдовало зимою, вскорѣ послѣ Крещенія, а челобитчики въ Петербургъ пріѣхали передъ масленицею, ибо въ то время наблюдалась предосторожность отъ чумы, и на дорогѣ выдерживали карантинъ въ Тихвинѣ недѣлю, да на Охтѣ три дня.

По пріѣздѣ въ Петербургъ остановились на квартирѣ и ночевали одну только ночь, а на другой день по утру Выровщиковъ и Погадаевъ пошли съ челобитною къ господину Стрекалову, который, принявъ оную, тотчасъ поѣхалъ во дворецъ, куда и всѣхъ челобитчиковъ забрали и допрашивали о всемъ происшествіи въ военномъ совѣтѣ, въ которомъ присутствовало тогда генералитета человѣкъ съ пятнадцать, въ числѣ коихъ были и графы Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и Григорій Григорьевичъ Орловъ. Шигаевъ утаплъ было тутъ сперва то, что былъ при всемъ происшествіи, и сказалъ было, по словамъ Выровщикова, что всѣ они, повѣренные, находились тогда въ хуторахъ; однакожъ напослѣдокъ о побоищѣ, отъ чего оное произошло, разсказалъ все подробно. Графы не знамо по чему вопрошали его тутъ: для чего они надъ мертвыми генераломъ и солдатами наругались, и для чего долго ихъ не хоронили? На сіе онъ отвѣчалъ, что наругательства надъ ними никакого не дѣлали, а похоронили ихъ чрезъ три дня, для того что земля мерзлая, такъ не скоро могилы вырыли. Графы спрашивали еще: гдѣ они ихъ похоронили? На что Шигаевъ сказалъ: „У церкви“. Тутъ всѣ генералы засмѣялись и говорили: „Ну, такъ вы ихъ въ добромъ мѣстѣ положили, а мы думали, что на степи“.

Потомъ всѣхъ ихъ посадили во дворцѣ на гаубтвахту подъ караулъ, и содержались тутъ пол-шести недѣли, былъ для нихъ постный столъ, и давали ежедневно по графину водки, и во всякое время полпиво и квасъ. Какъ же потомъ услышали они чрезъ караульныхъ гвардейскихъ солдатъ, что капитанъ Дурновъ пріѣхалъ, то вскорѣ послѣ того отослали ихъ изъ дворца въ военную коллегію, а изъ оной, по заковаціи всѣхъ въ желѣзо, отослали въ С.-Петербургскую крѣпость и посадили къ прочимъ содержаннымъ уже тамо Яицкимъ казакамъ, переловленнымъ въ Петербургѣ, двад-

сказалъ: „Богъ де знаетъ! Мнѣ кажется—такъ, посылайте съ Богомъ“. А какъ Дурновъ сіе сказалъ, то Кирпичниковъ, прося его приложить къ ней руку, и Дурновъ не отговариваясь подписалъ, тоже и Мартемьянъ Бородинъ. Потомъ, на четвертый день побоища, отправили повѣренныхъ въ Петербургъ, давъ на прогоны и на всякія издержки только по сту рублей на человѣка.

Означенное убійство послѣдовало зимою, вскорѣ послѣ Крещенія, а челобитчики въ Петербургъ пріѣхали передъ масленицею, ибо въ то время наблюдалась предосторожность отъ чумы, и на дорогѣ выдерживали карантинъ въ Тихвинѣ недѣлю, да на Охтѣ три дня.

По пріѣздѣ въ Петербургъ остановились на квартирѣ и ночевали одну только ночь, а на другой день по утру Выровщиковъ и Погадаевъ пошли съ челобитною къ господину Стрекалову, который, принявъ оную, тотчасъ поѣхалъ во дворецъ, куда и всѣхъ челобитчиковъ забрали и допрашивали о всемъ происшествіи въ военномъ совѣтѣ, въ которомъ присутствовало тогда генералитета человѣкъ съ пятнадцать, въ числѣ коихъ были и графы Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и Григорій Григорьевичъ Орловъ. Шигаевъ утаплъ было тутъ сперва то, что былъ при всемъ происшествіи, и сказалъ было, по словамъ Выровщикова, что всѣ они, повѣренные, находились тогда въ хуторахъ; однакожъ напослѣдокъ о побоищѣ, отъ чего оное произошло, разсказалъ все подробно. Графы не знамо по чему вопрошали его тутъ: для чего они надъ мертвыми генераломъ и солдатами наругались, и для чего долго ихъ не хоронили? На сіе онъ отвѣчалъ, что наругательства надъ ними никакого не дѣлали, а похоронили ихъ чрезъ три дня, для того что земля мерзлая, такъ не скоро могилы вырыли. Графы спрашивали еще: гдѣ они ихъ похоронили? На что Шигаевъ сказалъ: „У церкви“. Тутъ всѣ генералы засмѣялись и говорили: „Ну, такъ вы ихъ въ добромъ мѣстѣ положили, а мы думали, что на степи“.

Потомъ всѣхъ ихъ посадили во дворцѣ на гаубтвахту подъ караулъ, и содержались тутъ пол-шести недѣли, былъ для нихъ постный столъ, и давали ежедневно по графину водки, и во всякое время полпиво и квасъ. Какъ же потомъ услышали они чрезъ караульныхъ гвардейскихъ солдатъ, что капитанъ Дурновъ пріѣхалъ, то вскорѣ послѣ того отослали ихъ изъ дворца въ военную коллегію, а изъ оной, по заковаціи всѣхъ въ желѣзо, отослали въ С.-Петербургскую крѣпость и посадили къ прочимъ содержаннымъ уже тамо Яицкимъ казакамъ, переловленнымъ въ Петербургѣ, двад-

цати-одному человѣку, кои оставались тамо послѣ сотника Кирпичникова челобитствовать на старшинъ по прописанной тяжбѣ; имена сихъ просителей слѣдующія: Алексѣй Мирошихинъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Ершъ, Ефимъ Лепехинъ, Алексѣй Матосовъ, Михайло Поволоцкинъ, Федотъ Марковцовъ, Андрей Лабзеневъ, Максимъ Жуковкинъ, Илья Арефьевъ, Павелъ Русаковъ, Сергѣй Курочкинъ, Яковъ Ходинъ, Алексѣй Гальшинъ, Аброснмъ Безлокотновъ, Данило Кочерешкинъ, Григорій Гутаревъ, Потапъ Мурзинъ, Тимофей Севрюгинъ, Ефимъ Кочемасовъ и Степанъ Павловъ. Въ крѣпости содержались они съ пятой недѣли Великаго поста дней за десять до Петрова дня; а потомъ отправили всѣхъ въ Оренбургъ.

Покуда Шигаевъ съ товарищами находились въ Петербургѣ, то на Яикѣ происходило слѣдующее:

По убитіи генералъ-маіора фонъ-Траубенберга и многихъ съ обѣихъ сторонъ солдатъ и казаковъ и по отправленіи отъ войска въ Петербургъ съ повинною, старшины Мартемьянъ Бородинъ, Иванъ Акутинъ, Иванъ Рапневъ, Иванъ Логиновъ и прочіе, кои войсковымъ казакамъ были подозрительны, посажены были подъ караулъ въ окряную избу, гдѣ и содержались до самаго прибытія генералъ-маіора Фреймана; на мѣсто же прежнихъ старшинъ выбраны были отъ войска старшинами Василій Трифоновъ, Терентій Сенгилеицевъ, Андрей Лабзеневъ и Яковъ Неулыбинъ. Между тѣмъ вскорѣ послѣ праздника Св. Пасхи пріѣхалъ къ нимъ на Яикъ изъ Оренбурга отъ губернатора подполковникъ Углицкой, и по пріѣздѣ, собравъ кругъ казаковъ, читалъ имъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ повелѣвалось войску Яицкому выдать руками всѣхъ виновныхъ, которые участниками были въ убійствѣ фонъ-Траубенберга. Войско, выслушавъ тотъ манифестъ, сказало на то всѣмъ кругомъ, что „не нѣкоторые изъ насъ, а мы всѣ виноваты предъ милостивою государынею“, но особливо виновныхъ ни кого не объявило и выдать ихъ воспротивилось, съ чѣмъ Углицкой вскорѣ отъ нихъ и возвратился въ Оренбургъ. Потомъ прошла народная молва, что ѣдетъ на Яикъ генералъ-маіоръ Фреймапъ съ войскомъ, и пришелъ будто онъ уже къ рѣкѣ Енбулатовкѣ, коя разстояніемъ отъ Яицкаго городка верстъ съ шестьдесятъ. Войско тогда догадывалось, что Фреймапъ не даромъ идетъ на Яикъ, да еще и съ войскомъ, а конечно, между ими и розыскъ дѣлать или же и предать мщенію оружія за убійство Траубенберга. Итакъ, въ предупрежденіе могущаго произойдти отъ сего имъ убій-

цати-одному человѣку, кои оставались тамо послѣ сотника Кирпичникова челобитствовать на старшинъ по прописанной тяжбѣ; имена сихъ просителей слѣдующія: Алексѣй Мирошихинъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Еринъ, Екимъ Лепехинъ, Алексѣй Матосовъ, Михайло Новоженинъ, Федотъ Марковцовъ, Андрей Лабзеневъ, Максимъ Жуковкинъ, Илья Арефьевъ, Павелъ Русаковъ, Сергѣй Курочкинъ, Яковъ Ходинъ, Алексѣй Гальшинъ, Абросимъ Безлокотновъ, Данило Кочерешкинъ, Григорій Гутаревъ, Потапъ Мурзинъ, Тимофей Севрюгинъ, Ефимъ Кочемасовъ и Степанъ Павловъ. Въ крѣпости содержались они съ пятой недѣли Великаго поста дней за десять до Петрова дня; а потомъ отправили всѣхъ въ Оренбургъ.

Покуда Шигаевъ съ товарищами находились въ Петербургѣ, то на Яикѣ происходило слѣдующее:

По убитіи генералъ-маіора фонъ-Траубенберга и многихъ съ обѣихъ сторонъ солдатъ и казаковъ и по отправленіи отъ войска въ Петербургъ съ повинною, старшины Мартемьянъ Бородинъ, Иванъ Акутинъ, Иванъ Раиневъ, Иванъ Логиновъ и прочіе, кои войсковымъ казакамъ были подозрительны, посажены были подъ караулъ въ икряную избу, гдѣ и содержались до самаго прибытія генералъ-маіора Фреймана; на мѣсто же прежнихъ старшинъ выбраны были отъ войска старшинами Василій Трифоновъ, Терентій Сенгиленцевъ, Андрей Лабзеневъ и Яковъ Неулыбинъ. Между тѣмъ вскорѣ послѣ праздника Св. Пасхи пріѣхалъ къ нимъ на Яикъ изъ Оренбурга отъ губернатора подполковникъ Углицкой, и по пріѣздѣ, собравъ кругъ казаковъ, читалъ имъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ повелѣвалось войску Яицкому выдать руками всѣхъ виновныхъ, которые участниками были въ убійствѣ фонъ-Траубенберга. Войско, выслушавъ тотъ манифестъ, сказало на то всѣмъ кругомъ, что „не нѣкоторые изъ насъ, а мы всѣ виноваты предъ милостивою государынею“, но особливо виновныхъ ни кого не объявило и выдать ихъ воспротивилось, съ чѣмъ Углицкой вскорѣ отъ нихъ и возвратился въ Оренбургъ. Потомъ прошла народная молва, что ѣдетъ на Яикъ генералъ-маіоръ Фрейманъ съ войскомъ, и пришелъ будто онъ уже къ рѣкѣ Енбулатовкѣ, коя разстояніемъ отъ Яицкаго городка верстъ съ шестьдесятъ. Войско тогда догадывалось, что Фрейманъ не даромъ идетъ на Яикъ, да еще и съ войскомъ, а конечно, между ими и розыскъ дѣлать или же и предать мщенію оружія за убійство Траубенберга. Итакъ, въ предупрежденіе могущаго произойдти отъ сего имъ убій-

ства и разоренія, войско, собравшись въ кругъ, положило, чтобъ послать съ двумя знаменами человѣкъ триста или четыреста, подъ предводительствомъ выбраннаго атаманомъ Ивана Самадурова, онъ же и Пономаревъ, на встрѣчу Фрейману, — который и былъ посланъ, съ тѣмъ чтобы Фреймана съ командою въ Яицкой городокъ не пускать и чинить ему сопротивленіе. А въ то же время по Низовой Яицкой дистанціи и въ Гурьевъ послано было, чтобъ забрать тамо пушки и порохъ и привезть въ Яицкій городокъ.

Дней черезъ пять послѣ посылки Самодурова, отъ войсковыхъ судей Трифонова и Сенгилеицева объявлено было собравшемуся войску въ кругъ о полученномъ ими извѣстіи, что будто бы Самодуровъ съ командою отъ Фреймана атакованъ; а потомъ говорили войску: „Извольте, атаманы-молодцы, въ походъ идти и оставить въ городкѣ только съ каждаго десятка по два человѣка, а прочіе всѣ выступите нынѣшняго же дня“. Почему отъ войска съ того жъ дня въ помощь Самодурову и выѣхали всѣ-казаки, кромѣ только двухъ человѣкъ отъ каждаго десятка, коимъ по жребію досталось остаться въ городѣ, и взяли съ собою пушекъ съ двѣнадцать и всѣ знамена. Предводителемъ надъ сими казаками былъ вышеобъявленный судья Трифоновъ, а Сенгилеицевъ и еще Кирпичниковъ оставались въ городѣ судьями. Выступили они дней за пять до Троицына дня, а пришедъ къ рѣкѣ Енбулатовкѣ, нашли Самодурова съ войскомъ благополучнымъ и не только осажденныхъ отъ Фреймана, но его еще тутъ и не было, а слухъ носился, что онъ стоялъ отъ Енбулатовки верстъ еще за тридцать. Какъ же Трифоновъ, соединившись съ Самодуровымъ, у рѣки Енбулатовки остановились лагеремъ, то и послали отъ себя къ Фрейману трехъ казаковъ—Никифора Любина, Андрея Курбетева и Лоопасія Перфильева, кои назадъ на другой день возвратились съ отповѣдью отъ Фреймана, но съ какою, точно сказать не могутъ, ибо сіе знали тогда старшины и сотскіе. Войско же, видя, что слухъ, якобы Самодуровъ былъ атаманомъ, не справедливъ, совѣтовало старшинамъ, чтобы противъ Фреймана никакъ не вооружаться, а встрѣтить его съ честію. Но старшины тѣхъ казаковъ, которые о семъ имъ представляли, сѣкли плетьми, въ томъ числѣ Ивана Болдырева, нынѣ на лицо состоящаго въ городѣ. И такъ, болѣе говорить имъ никто не осмѣлился, а полагались во всемъ на ихъ старшинъ предусмотрѣніе.

Наканунѣ Троицына дня пріѣхалъ къ нимъ отъ Фреймана сержантъ Мѣшковъ, который тутъ у нихъ и ночевалъ, а на другой

ства и разоренія, войско, собравшись въ кругъ, положило, чтобъ послать съ двумя знаменами человѣкъ триста или четыреста, подъ предводительствомъ выбраннаго атаманомъ Ивана Самадурова, онъ же и Пономаревъ, на встрѣчу Фрейману, — который и былъ посланъ, съ тѣмъ чтобы Фреймана съ командою въ Яицкой городокъ не пускать и чинить ему сопротивленіе. А въ то же время по Низовой Яицкой дистанціи и въ Гурьевъ послано было, чтобъ забрать тамо пушки и порохъ и привезть въ Яицкій городокъ.

Дней черезъ пять послѣ посылки Самодурова, отъ войсковыхъ судей Трифонова и Сенгилеицева объявлено было собравшемуся войску въ кругъ о полученномъ ими извѣстіи, что будто бы Самодуровъ съ командою отъ Фреймана атакованъ; а потомъ говорили войску: „Извольте, атаманы-молодцы, въ походъ идти и оставить въ городкѣ только съ каждаго десятка по два человѣка, а прочіе всѣ выступите нынѣшняго же дня“. Почему отъ войска съ того жъ дня въ помощь Самодурову и выѣхали всѣ-казаки, кромѣ только двухъ человѣкъ отъ каждаго десятка, коимъ по жребію досталось остаться въ городѣ, и взяли съ собою пушекъ съ двѣнадцать и всѣ знамена. Предводителемъ надъ сими казаками былъ вышеобъявленный судья Трифоновъ, а Сенгилеицевъ и еще Кирпичниковъ оставались въ городѣ судьями. Выступили они дней за пять до Троицына дня, а пришедъ къ рѣкѣ Енбулатовкѣ, нашли Самодурова съ войскомъ благополучнымъ и не только осажденныхъ отъ Фреймана, но его еще тутъ и не было, а слухъ носился, что онъ стоялъ отъ Енбулатовки верстъ еще за тридцать. Какъ же Трифоновъ, соединившись съ Самодуровымъ, у рѣки Енбулатовки остановились лагеремъ, то и послали отъ себя къ Фрейману трехъ казаковъ—Никифора Любина, Андрея Курбетева и Лоопасія Перфильева, кои назадъ на другой день возвратились съ отповѣдью отъ Фреймана, но съ какою, точно сказать не могутъ, ибо сіе знали тогда старшины и сотскіе. Войско же, видя, что слухъ, якобы Самодуровъ былъ атаманомъ, не справедливъ, совѣтовало старшинамъ, чтобы противъ Фреймана никакъ не вооружаться, а встрѣтить его съ честію. Но старшины тѣхъ казаковъ, которые о семъ имъ представляли, сѣкли плетьми, въ томъ числѣ Ивана Болдырева, нынѣ на лицо состоящаго въ городѣ. И такъ, болѣе говорить имъ никто не осмѣлился, а полагались во всемъ на ихъ старшинъ предусмотрѣніе.

Наканунѣ Троицына дня пріѣхалъ къ нимъ отъ Фреймана сержантъ Мѣшковъ, который тутъ у нихъ и ночевалъ, а на другой

день обратно возвратился, а съ какимъ извѣстіемъ пріѣзжалъ, и съ чѣмъ его отъ войска отпустили, того имъ отъ старшинъ не объявлено, только въ тотъ же самый, то есть, въ Троицынъ день старшины поставили по ту сторону рѣки Ембулатовки пикеты. Какъ же вышеписанный присланный отъ Фреймана сержантъ Мѣшковъ въ Троицынъ день отъ старшинъ былъ отправленъ обратно въ свой лагерь, то для препровожденія его посланъ былъ казакъ Андрей Портновъ, который, провожая сего Мѣшкова, возвратился черезъ часъ времени, скача на лошади, кричалъ пикетнимъ: „Ступайте всѣ въ войско!“ Пикетные, вмѣстѣ съ Портновымъ возвратясь, въ войскѣ объявили, что Фрейманъ идетъ противъ ихъ, почему все войско, приготовившись къ отпору, перешли черезъ рѣку и пошли къ нему на встрѣчу и встрѣтились съ нимъ, прошедъ отъ рѣки верстъ съ пять. Нѣкоторые изъ войска казаки зажгли по степи траву, и отъ того сдѣлался пожаръ, который однакожъ командою, посланною отъ Фреймана, утушенъ, а потомъ и началась отъ Фреймана пальба изъ пушекъ, а казаки съ своей стороны производили также стрѣльбу, и продолжалась оная до вечера; нелякъ ли былъ съ обѣихъ сторонъ уронъ, того неизвѣстно. Въ вечеру же Яицкіе казаки отступили назадъ къ рѣкѣ и тутъ ночевали. На другой день по утру Фрейманъ съ командою на разсвѣтѣ приступилъ къ нимъ и напалъ на нихъ въ такое время, что они еще не приготовлены были къ отпору; однакожъ старшины старались сколько можно поправиться и производили также стрѣльбу, но на послѣдокъ, видя, что многіе казаки разбѣжались, отступили и они. Пріѣхавъ же въ городокъ, старшины сдѣлали кругъ и совѣтовали съ казаками, чтобъ содержащихся старшинъ Бородина, Акутина, Логинова и прочихъ, изъ подъ ареста освободить, что̀ тогда же и исполнено; а вмѣсто того арестовали выбраннаго собою старшину и судью Неулыбина и посадили подъ караулъ; а наконецъ думая, что когда Фрейманъ вступитъ въ городъ, то послѣдуетъ съ ними худое, почему, спасая себя условились, взявъ съ собою женъ и дѣтей своихъ, со всѣмъ имѣніемъ изъ города выѣхать за Чаганъ-рѣку, что̀ и сдѣлали почти всѣ; а самая малая часть оставалась въ городкѣ. По выѣздѣ жь изъ городка черезъ два дня вступилъ въ оный Фрейманъ съ военною командою и, узнавъ, что всѣ разбѣжались, послалъ сотниковъ Витошнова и Журавлева для увѣщеванія казаковъ, чтобъ не опасались ничего, возвратились въ городъ, съ такимъ обнадеживаніемъ, что ихъ вину Богъ и государыня проститъ. Казаки, услышавъ сію милость, всѣ возвратились; стар-

день обратно возвратился, а съ какимъ извѣстіемъ пріѣзжалъ, и съ чѣмъ его отъ войска отпустили, того имъ отъ старшинъ не объявлено, только въ тотъ же самый, то есть, въ Троицынъ день старшины поставили по ту сторону рѣки Ембулатовки пикеты. Какъ же вышеписанный присланный отъ Фреймана сержантъ Мѣшковъ въ Троицынъ день отъ старшинъ былъ отправленъ обратно въ свой лагерь, то для препровожденія его посланъ былъ казакъ Андрей Портновъ, который, провожая сего Мѣшкова, возвратился черезъ часъ времени, скача на лошади, крича пикетнимъ: „Ступайте всѣ въ войско!“ Пикетные, вмѣстѣ съ Портновымъ возвратясь, въ войскѣ объявили, что Фрейманъ идетъ противъ ихъ, почему все войско, приготовившись къ отпору, перешли черезъ рѣку и пошли къ нему на встрѣчу и встрѣтились съ нимъ, прошедъ отъ рѣки верстъ съ пять. Нѣкоторые изъ войска казаки зажгли по степи траву, и отъ того сдѣлался пожаръ, который однакожъ командою, посланною отъ Фреймана, утушенъ, а потомъ и началась отъ Фреймана пальба изъ пушекъ, а казаки съ своей стороны производили также стрѣльбу, и продолжалась оная до вечера; нелякъ ли былъ съ обѣихъ сторонъ уронъ, того неизвѣстно. Въ вечеру же Яицкіе казаки отступили назадъ къ рѣкѣ и тутъ ночевали. На другой день по утру Фрейманъ съ командою на разсвѣтѣ приступилъ къ нимъ и напалъ на нихъ въ такое время, что они еще не приготовлены были къ отпору; однакожъ старшины старались сколько можно поправиться и производили также стрѣльбу, но на послѣдокъ, видя, что многіе казаки разбѣжались, отступили и они. Пріѣхавъ же въ городокъ, старшины сдѣлали кругъ и совѣтовали съ казаками, чтобъ содержащихся старшинъ Бородина, Акутина, Логинова и прочихъ, изъ подъ ареста освободить, что̀ тогда же и исполнено; а вмѣсто того арестовали выбраннаго собою старшину и судью Неулыбина и посадили подъ караулъ; а наконецъ думая, что когда Фрейманъ вступитъ въ городъ, то послѣдуетъ съ ними худое, почему, спасая себя условились, взявъ съ собою женъ и дѣтей своихъ, со всѣмъ имѣніемъ изъ города выѣхать за Чаганъ-рѣку, что̀ и сдѣлали почти всѣ; а самая малая часть оставалась въ городкѣ. По выѣздѣ жь изъ городка черезъ два дня вступилъ въ оный Фрейманъ съ военною командою и, узнавъ, что всѣ разбѣжались, послалъ сотниковъ Витошнова и Журавлева для увѣщеванія казаковъ, чтобъ не опасались ничего, возвратились въ городъ, съ такимъ обнадеживаніемъ, что ихъ вину Богъ и государыня проститъ. Казаки, услышавъ сію милость, всѣ возвратились; стар-

шины же подъ видомъ, будто бы хотятъ ѣхать въ Петербургъ съ просьбою къ Ея Императорскому Величеству, съ ними не поѣхали и отъ нихъ отстали. Казаки, возвратясь въ городъ, къ Фрейману, винились въ своемъ поступкѣ, а онъ ихъ всѣхъ простилъ и велѣлъ каждому быть при своемъ домѣ; для сыска же и поимки старшинъ и сотниковъ отрядилъ команду,—кои всѣ были переловлены и представлены къ нему, окромѣ Ивана Герасимова; сей тогда укрылся. Фрейманъ всѣхъ ихъ отослалъ въ Оренбургъ, а потомъ чрезъ нѣкоторое время и самъ Фрейманъ выступилъ отъ нихъ въ Оренбургъ, оставя въ Яицкомъ городкѣ изъ пришедшей съ нимъ команды большую часть, коя и теперь въ Яицкомъ городкѣ, и надъ нею начальникомъ подполковникъ Симоновъ, которому, сверхъ сего, поручено присутствіе въ ихъ войсковой канцеляріи обще съ старшиною Мартемьяномъ Бородинымъ, и комендантскую должность править и имѣть при томъ главное попеченіе о войскѣ Яицкомъ.

Объ убійствѣ же генерала Траубенберга и прочихъ въ Оренбургѣ учреждена была коммиссія, въ которой какъ вышеписанные старшины, сотники и нѣкоторые казаки, а равно и присланные изъ Петербурга тамъ бывшіе отъ войска повѣренные Шигаевъ съ товарищами, а всего человѣкъ съ 80, содержались въ годъ, въ кое время производилось тамъ надъ ними слѣдствіе, а потомъ присланы они въ Яицкой городокъ для наказанія за ихъ преступленія, кои здѣсь при собраніи всего Яицкаго войска и наказаны, иные кнутомъ и плетьми и посланы въ ссылку, а иные по наказаніи плетьми написаны въ солдаты; и изъ сихъ 80 человѣкъ остались безъ наказанія только пять человѣкъ, а именно: Шигаевъ, Кожевниковъ, Кочемасовъ, Ходинъ и Петръ Антипинъ; за разграбленные же домы старшинскіе, сотничьи, также имѣнія генерала Траубенберга и прочихъ наложена на все войско выть, на каждаго человѣка отъ шести до сорока рублей, которая съ нихъ потомъ и взыскивалась, да и нынѣ еще взыскивается; раскладку же на войско въ платежѣ денегъ полагали комендантъ Симоновъ со старшинами и положили неравно, съ иныхъ достаточныхъ людей меньше, а съ неимущихъ больше, каковымъ неравенствомъ они считаютъ себя недовольными, потому что когда уже на все войско положена выть, такъ и взысканіе должно быть съ каждаго ровное, ибо богатый и бѣдный казакъ всѣ тягости безъ различія несутъ на ряду. Вышеписанная экзекуція въ Яицкомъ городкѣ исполнена послѣ Петрова дня прошлаго 1773 года; а послѣ оной недѣль черезъ пять и лжесамозванецъ на Таловой проявился. Выше сего по-

шины же подъ видомъ, будто бы хотятъ ѣхать въ Петербургъ съ просьбою къ Ея Императорскому Величеству, съ ними не поѣхали и отъ нихъ отстали. Казаки, возвратясь въ городъ, къ Фрейману, винились въ своемъ поступкѣ, а онъ ихъ всѣхъ простилъ и велѣлъ каждому быть при своемъ домѣ; для сыска же и поимки старшинъ и сотниковъ отрядилъ команду,—кои всѣ были переловлены и представлены къ нему, окромѣ Ивана Герасимова; сей тогда укрылся. Фрейманъ всѣхъ ихъ отослалъ въ Оренбургъ, а потомъ чрезъ нѣкоторое время и самъ Фрейманъ выступилъ отъ нихъ въ Оренбургъ, оставя въ Яицкомъ городкѣ изъ пришедшей съ нимъ, команды большую часть, коя и теперь въ Яицкомъ городкѣ, и надъ нею начальникомъ подполковникъ Симоновъ, которому, сверхъ сего, поручено присутствіе въ ихъ войсковой канцеляріи обще съ старшиною Мартемьяномъ Бородинымъ, и комендантскую должность править и имѣть при томъ главное попеченіе о войскѣ Яицкомъ.

Объ убійствѣ же генерала Траубенберга и прочихъ въ Оренбургѣ учреждена была коммиссія, въ которой какъ вышеписанные старшины, сотники и нѣкоторые казаки, а равно и присланные изъ Петербурга тамъ бывшіе отъ войска повѣренные Шигаевъ съ товарищами, а всего человѣкъ съ 80, содержались въ годъ, въ кое время производилось тамъ надъ ними слѣдствіе, а потомъ присланы они въ Яицкой городокъ для наказанія за ихъ преступленія, кои здѣсь при собраніи всего Яицкаго войска и наказаны, иные кнутомъ и плетьми и посланы въ ссылку, а иные по наказаніи плетьми написаны въ солдаты; и изъ сихъ 80 человѣкъ остались безъ наказанія только пять человѣкъ, а именно: Шигаевъ, Кожевниковъ, Кочемасовъ, Ходинъ и Петръ Антипинъ; за разграбленные же домы старшинскіе, сотничьи, также имѣнія генерала Траубенберга и прочихъ наложена на все войско выть, на каждаго человѣка отъ шести до сорока рублей, которая съ нихъ потомъ и взыскивалась, да и нынѣ еще взыскивается; раскладку же на войско въ платежѣ денегъ полагали комендантъ Симоновъ со старшинами и положили неравно, съ иныхъ достаточныхъ людей меньше, а съ неимущихъ больше, каковымъ неравенствомъ они считаютъ себя недовольными, потому что когда уже на все войско положена выть, такъ и взысканіе должно быть съ каждаго ровное, ибо богатый и бѣдный казакъ всѣ тягости безъ различія несутъ на ряду. Вышеписанная экзекуція въ Яицкомъ городкѣ исполнена послѣ Петрова дня прошлаго 1773 года; а послѣ оной недѣль черезъ пять и лжесамозванецъ на Таловой проявился. Выше сего по-

казано, что войско Яицкое, по наученію старшины Логинова, по приходѣ съ плавни не заплатило обыкновенной пошлины, отъ чего и произошла между войскомъ и старшинами тяжба, и послѣ того никогда даже и по нынѣ ни съ войсковыхъ, ни со старшинскихъ казаковъ ни какой пошлины съ рыбныхъ ловель не берется, но откупная сумма за учугъ и за соляные сборы уплачивается изъ одного солянаго сбора, отъ котораго и затѣмъ ежегодно остается по нѣскольку тысячь, и оными остатками всѣ войсковые расходы безъ всякихъ съ миру поборовъ содержатся.

Въ заключеніе сего показанія, вышезначущійся казакъ Яковъ Почиталинъ, объявилъ, что старшинское притѣсненіе и наложенная выть за разграбленное у старшинъ и прочихъ имѣніе (въ то число и на его часть досталось 40 рублей), такъ несносно имъ стало исправляться, да и заплатить не въ состояніи, а потому, когда самозванецъ близь Яицкаго городка появился, то о подлинности его не разсудили испытывать, а какъ скоро онъ назвался государемъ, то и повѣрили, въ чаяніи, по увѣренію его, воспользоваться милостію и въ своей обидѣ получить удовольствіе.

Всѣхъ вышеписанныхъ допрашивалъ гвардіи капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ, и переписанный съ черна на бѣло (допросъ) имъ читанъ.

II.

Челобитная уральскихъ казаковъ императрицѣ Екатеринѣ, поданная въ С.-Петербургѣ, въ 1771 году.

Всеавгустѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня императрица!

Богу и тебѣ, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйшіе рабы, припадаютъ къ стопамъ вашимъ, съ горькими слезами. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, всѣхъ живущихъ на Яикѣ, которые о тебѣ жизнь сообразуютъ и пребываютъ подъ вашимъ императорскимъ покровительствомъ! Сжальтесь, всемилостивѣйшая государыня, о понесенныхъ нами бѣдствіяхъ, которыя вашему высокомонаршему лицу изъ нашихъ горестныхъ прошеніевъ извѣстны, кои содѣваютъ намъ и нынѣ нападки въ противность преподанныхъ высокомонаршихъ законовъ, которую всеподданнѣйшею рабскою кровью вашимъ предкамъ заслужить могли (кое уже всему свѣту извѣстно), и за оказанную службу пожаловать его величество царь Алексѣй Михайловичъ благоволилъ Яикой-рѣкой со-

казано, что войско Яицкое, по наученію старшины Логинова, по приходѣ съ плавни не заплатило обыкновенной пошлины, отъ чего и произошла между войскомъ и старшинами тяжба, и послѣ того никогда даже и по нынѣ ни съ войсковыхъ, ни со старшинскихъ казаковъ ни какой пошлины съ рыбныхъ ловель не берется, но откупная сумма за учугъ и за соляные сборы уплачивается изъ одного солянаго сбора, отъ котораго и затѣмъ ежегодно остается по нѣскольку тысячь, и оными остатками всѣ войсковые расходы безъ всякихъ съ миру поборовъ содержатся.

Въ заключеніе сего показанія, вышезначущійся казакъ Яковъ Почиталинъ, объявилъ, что старшинское притѣсненіе и наложенная выть за разграбленное у старшинъ и прочихъ имѣніе (въ то число и на его часть досталось 40 рублей), такъ несносно имъ стало исправляться, да и заплатить не въ состояніи, а потому, когда самозванецъ близь Яицкаго городка появился, то о подлинности его не разсудили испытывать, а какъ скоро онъ назвался государемъ, то и повѣрили, въ чаяніи, по увѣренію его, воспользоваться милостію и въ своей обидѣ получить удовольствіе.

Всѣхъ вышеписанныхъ допрашивалъ гвардіи капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ, и переписанный съ черна на бѣло (допросъ) имъ читанъ.

II.

Челобитная уральскихъ казаковъ императрицѣ Екатеринѣ, поданная въ С.-Петербургѣ, въ 1771 году.

Всеавгустѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня императрица!

Богу и тебѣ, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйшіе рабы, припадаютъ къ стопамъ вашимъ, съ горькими слезами. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, всѣхъ живущихъ на Яикѣ, которые о тебѣ жизнь сообразуютъ и пребываютъ подъ вашимъ императорскимъ покровительствомъ! Сжальтесь, всемилостивѣйшая государыня, о понесенныхъ нами бѣдствіяхъ, которыя вашему высокомонаршему лицу изъ нашихъ горестныхъ прошеніевъ извѣстны, кои содѣваютъ намъ и нынѣ нападки въ противность преподанныхъ высокомонаршихъ законовъ, которую всеподданнѣйшею рабскою кровью вашимъ предкамъ заслужить могли (кое уже всему свѣту извѣстно), и за оказанную службу пожаловать его величество царь Алексѣй Михайловичъ благоволилъ Яикой-рѣкой со-

вершенно до Каспійскаго моря и по ней рыбною ловлею и сѣнными покосомъ, да сверхъ всего денежнымъ жалованьемъ по пятидесяти копѣекъ и хлѣбомъ по осминѣ въ годъ на каждаго человѣка, и тѣ жалованныя грамоты отецъ отечества, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государь Петръ Великій и по немъ государыня императрица Анна Іоанновна подтвердить благоволить имѣли, чтобъ намъ быть на тѣхъ правахъ до скончанія вѣка.

Мы, безчастные всеподданнѣйшіе ваши рабы, не только имѣемъ удовольствіе, несемъ безчеловѣчное мученіе отъ атамана Петра Тамбовцева и его товарищевъ старшинъ, коихъ и нынѣ опредѣлитъ государственная военная коллегія, а особливо графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ.

Просили (мы) Ваше Императорское Величество 1) о отмѣнѣ легіона и содержащихся казаковъ изъ-подъ караула освободить, 2) о неполученіи денежнаго и хлѣбнаго жалованья пять лѣтъ, а нынѣ шесть лѣтъ, 3) о недопущеніи насъ къ рыбной ловлѣ и липеніи сѣнныхъ покосовъ, 4) войсковую канцелярію въ войсковой суммѣ счесть и впредь ее ежегодно считать, 5) о смѣнѣ атамана и старшинъ и о взысканіи съ нихъ положеннаго штрафа, 6) бывшаго старшину Ивана Логинова изъ ссылки возвратить. На оное всеподданнѣйшее прошеніе отъ Вашего Императорскаго Величества высокомонаршею резолюцію безъ изъятія всего во всемъ удовольствія себѣ получить удостоились; но посланный отъ Вашего Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ Дурновъ, съ даннымъ наставленіемъ за подписаніемъ собственныя вашей руки, да г. генералъ-маіоръ Давыдовъ съ немалою командою штабъ- и оберъ-офицерами, къ разсмотрѣнію того дѣла не приступая, и удовольствія намъ, всеподданнѣйшимъ вашимъ рабамъ, не чинятъ, оставляя ваше императорское именное повелѣніе, яко то: старшинъ не смѣнили и штрафа съ нихъ не взыскали и жалованьемъ насъ не удовольствовали, также и до рыбной ловли насъ понынѣ не допускаютъ, а производятъ оное съ своими согласниками. А въ высокомонаршихъ въ жалованныхъ намъ грамотахъ написано,—дабы другъ безъ друга какъ рыбной ловли, такъ и сѣнные покосы однимъ не чинить. А помянутые гг. генералъ-маіоръ Давыдовъ и капитанъ Дурновъ, согласясь съ атаманомъ Тамбовцевымъ и старшинами, обще чиня намъ великія разоренія, собравшись множественными командами, по ночамъ разъѣзжаютъ и насъ, казаковъ, изъ своихъ домовъ съ женами и съ дѣтьми та-

вершенно до Каспійскаго моря и по ней рыбною ловлею и сѣнными покосомъ, да сверхъ всего денежнымъ жалованьемъ по пятидесяти копѣекъ и хлѣбомъ по осминѣ въ годъ на каждаго человѣка, и тѣ жалованныя грамоты отецъ отечества, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государь Петръ Великій и по немъ государыня императрица Анна Іоанновна подтвердить благоволить имѣли, чтобъ намъ быть на тѣхъ правахъ до скончанія вѣка.

Мы, безчастные всеподданнѣйшіе ваши рабы, не только имѣемъ удовольствіе, несемъ безчеловѣчное мученіе отъ атамана Петра Тамбовцева и его товарищевъ старшинъ, коихъ и нынѣ опредѣлитъ государственная военная коллегія, а особливо графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ.

Просили (мы) Ваше Императорское Величество 1) о отмѣнѣ легіона и содержащихся казаковъ изъ-подъ караула освободить, 2) о неполученіи денежнаго и хлѣбнаго жалованья пять лѣтъ, а нынѣ шесть лѣтъ, 3) о недопущеніи насъ къ рыбной ловлѣ и лишеніи сѣнныхъ покосовъ, 4) войсковую канцелярію въ войсковой суммѣ счесть и впредь ее ежегодно считать, 5) о смѣнѣ атамана и старшинъ и о взысканіи съ нихъ положеннаго штрафа, 6) бывшаго старшину Ивана Логинова изъ ссылки возвратить. На оное всеподданнѣйшее прошеніе отъ Вашего Императорскаго Величества высокомонаршею резолюцію безъ изъятія всего во всемъ удовольствія себѣ получить удостоились; но посланный отъ Вашего Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ Дурновъ, съ даннымъ наставленіемъ за подписаніемъ собственныя вашей руки, да г. генералъ-маіоръ Давыдовъ съ немалою командою штабъ- и оберъ-офицерами, къ разсмотрѣнію того дѣла не приступая, и удовольствія намъ, всеподданнѣйшимъ вашимъ рабамъ, не чинятъ, оставляя ваше императорское именное повелѣніе, яко то: старшинъ не смѣнили и штрафа съ нихъ не взыскали и жалованьемъ насъ не удовольствовали, также и до рыбной ловли насъ понынѣ не допускаютъ, а производятъ оное съ своими согласниками. А въ высокомонаршихъ въ жалованныхъ намъ грамотахъ написано,—дабы другъ безъ друга какъ рыбной ловли, такъ и сѣнные покосы однимъ не чинить. А помянутые гг. генералъ-маіоръ Давыдовъ и капитанъ Дурновъ, согласясь съ атаманомъ Тамбовцевымъ и старшинами, обще чиня намъ великія разоренія, собравшись множественными командами, по ночамъ разъѣзжаютъ и насъ, казаковъ, изъ своихъ домовъ съ женами и съ дѣтьми та-

скаютъ и оковавъ въ тюрьмы сажаютъ, и бьютъ нещадно! А кои, спасая себя, оставляя дома, съ послѣдними пожитками бѣгутъ, и отъ чего мы, всеподданнѣйшіе, отъ вашихъ посланныхъ гг. генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ не точію видимъ удовольствіе, но и послѣдняго пождивенія насъ, бѣдныхъ, лишаютъ. О чемъ по командѣ подавали его высокографскому сіятельству графу Захару Григорьевичу Чернышеву прошеніе о защищеніи оному, кое вовсе не принялъ, но еще и жизни лишилъ было того сотника въ своемъ домѣ, который ему подавалъ. Да къ тому еще, парядя отъ государственной военной коллегіи солдатъ изыскивать насъ, изъ числа которыхъ казаковъ шесть человѣкъ и содержалъ въ военной подъ карауломъ не малое время, билъ нещадно плетьми, нарушилъ именной Вашего Императорскаго Величества законъ, тотъ, который высочайшіе монархи грамотамъ насъ наградить имѣли, и Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшая государыня, тѣ посвятить благоволили; бороды брилъ и головы стригъ, а куда сосланы—того мы не извѣстны. А нынѣ же о насъ Ваше Императорское Величество данъ отъ военной чрезъ полицію приказъ по всему Петербургу изыскивать и на квартирахъ не держать, яко сущихъ злодѣевъ! А мы, всеподданнѣйшіе вѣрные Вашего Императорскаго Величества раби, отечеству Россіи заслужить того не могли! И такъ Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшая государыня, по всемилостивѣйшему вашему императорскому повелѣнію отъ графа Чернышева въ разсмотрѣніе дѣла удовольствія не имѣемъ, кромѣ къ нападенію, и не изобрѣтаемъ инаго нигдѣ покровительства, кромѣ вашего всемилостивѣйшаго разсмотрѣнія, и милостиваго рѣшенія, коему продолжается теченію одинадцать лѣтъ. Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшая государыня, не ожидая мы, бѣднѣйшіе, отъ нихъ къ себѣ нападенія и разоренія, какъ въ прошедшую зиму Волгской орды Калмыки, которые въ службахъ у Вашего Императорскаго Величества въ арміи находились, учинили бѣгство на китайскую границу тысячь до ста, то мы, всеподданнѣйшіе ваши раби, доказывая вѣрность отечеству, пошли за ними съ тысячу человѣкъ,—съ которыми зимнимъ временемъ немалое сраженіе имѣли и множественное число въ смерть ихъ побили, женъ и дѣтей въ полонъ побрали, а другихъ уговоря, до двадцати тысячь подъ высочайшую власть Вашего Императорскаго Величества склонили. О чемъ и государственная военная коллегія извѣстна; а сего года іюля 17-го дня всеподданнѣйшее прошеніе поднесено было Вашему Императорскому Величеству, которое всевы-

скаютъ и оковавъ въ тюрьмы сажаютъ, и бьютъ нещадно! А кои, спасая себя, оставляя дома, съ послѣдними пожитками бѣгутъ, и отъ чего мы, всеподданнѣйшіе, отъ вашихъ посланныхъ гг. генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ не точію видимъ удовольствіе, но и послѣдняго пождивенія насъ, бѣдныхъ, лишаютъ. О чемъ по командѣ подавали его высокографскому сіятельству графу Захару Григорьевичу Чернышеву прошеніе о защищеніи ономъ, кое вовсе не принялъ, но еще и жизни лишилъ было того сотника въ своемъ домѣ, который ему подавалъ. Да къ тому еще, парядя отъ государственной военной коллегіи солдатъ изыскивать насъ, изъ числа которыхъ казаковъ шесть человѣкъ и содержалъ въ военной подъ карауломъ не малое время, билъ нещадно плетьми, нарушилъ именной Вашего Императорскаго Величества законъ, тотъ, который высочайшіе монархи грамотамъ насъ наградить имѣли, и Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшая государыня, тѣ посвятить благоволили; бороды брилъ и головы стригъ, а куда сосланы—того мы не извѣстны. А нынѣ же о насъ Ваше Императорское Величество далъ отъ военной чрезъ полицію приказъ по всему Петербургу изыскивать и на квартирахъ не держать, яко сущихъ злодѣевъ! А мы, всеподданнѣйшіе вѣрные Вашего Императорскаго Величества рабы, отечеству Россіи заслужить того не могли! И такъ Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшая государыня, по всемилостивѣйшему вашему императорскому повелѣнію отъ графа Чернышева въ разсмотрѣніе дѣла удовольствія не имѣемъ, кромѣ къ нападенію, и не изобрѣтаемъ инаго нигдѣ покровительства, кромѣ вашего всемилостивѣйшаго разсмотрѣнія, и милостиваго рѣшенія, коему продолжается теченію одинадцать лѣтъ. Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшая государыня, не ожидая мы, бѣднѣйшіе, отъ нихъ къ себѣ нападенія и разоренія, какъ въ прошедшую зиму Волгской орды Калмыки, которые въ службахъ у Вашего Императорскаго Величества въ арміи находились, учинили бѣгство на китайскую границу тысячь до ста, то мы, всеподданнѣйшіе ваши рабы, доказывая вѣрность отечеству, пошли за ними съ тысячу человѣкъ,—съ которыми зимнимъ временемъ немалое сраженіе имѣли и множественное число въ смерть ихъ побили, женъ и дѣтей въ полонъ побрали, а другихъ уговоря, до двадцати тысячь подъ высочайшую власть Вашего Императорскаго Величества склонили. О чемъ и государственная военная коллегія извѣстна; а сего года іюля 17-го дня всеподданнѣйшее прошеніе поднесено было Вашему Императорскому Величеству, которое всевы-

сочайше повелѣть благоволили для доклада отдать Сергѣю Матвѣевичу Козьмину, но по оной и по нынѣ резолюціи получить не удостоимся.

Всеавгустѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня! Къ освященнымъ вашимъ стопамъ всеподданнѣйшіе рабы припадаемъ со слезами, избавьте матернимъ вашимъ милосердіемъ отъ сего несноснаго разоренія; не только пришли въ упадокъ, но въ самую нищету; ей, до того доведены, что мы не въ состояніи продолжать вашей императорской службы, за перѣшеніемъ дѣла одиннадцать лѣтъ и за долговременнымъ здѣсь бытіемъ; по недостатку нашему на пропитаніе и на прочую справу запиманіемъ въ великихъ долгахъ себя находимъ. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, оборони отъ такого нападенія атамана Тамбовцева и всѣхъ старшинъ и господъ генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ; удостой насъ,— какъ прежде при отцѣ отечества государѣ Петрѣ Великомъ находились подъ протекціею г. генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева, тако и нынѣ усердно быть желаемъ его высокографскаго сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова, дабы наше Яицкое войско избавлено было отъ нападенія произнесеннаго изъ затрудненія Вашего Императорскаго Величества, каковое высочайшее матерніе милосердіе предпочесть должны наипаче какъ дарованною намъ новою жизнію. О каковыхъ приключеніяхъ по многимъ происшествіямъ не уразумѣемъ права по дѣламъ сыскать посредства; что̀ слѣдуетъ до объясненія на словахъ обстоятельствъ, мы будучи предъ лицемъ Вашего Императорскаго Величества, отъ глубочайшаго подобострастія не имѣемъ силъ духа произнесть; просимъ не отвергнуть отъ воспріятія освященной руки Вашего Императорскаго Величества, и только въ сихъ обстоятельствахъ устрашаетъ насъ единое только то сомнительство, чтобъ иногда отъ превозмогающихъ истину не могли подвержены быть вмѣсто высочайшаго Вашего Императорскаго Величества милосердія какому-либо пятязанію. Всеавгустѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! О семъ съ подобострастнѣйшимъ благоговѣніемъ всеподданнѣйшіе рабы просимъ, Яицкаго войска казаки: Петръ Андреевъ сынъ Герасимовъ и Иванъ Григорьевъ сынъ Ерпнъ.

Декабря дня 1771 г.

сочайше повелѣть благоволили для доклада отдать Сергѣю Матвѣевичу Козьмину, но по оной и по нынѣ резолюціи получить не удостоимся.

Всеавгустѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня! Къ освященнымъ вашимъ стопамъ всеподданнѣйшіе рабы припадаемъ со слезами, избавьте матернимъ вашимъ милосердіемъ отъ сего несноснаго разоренія; не только пришли въ упадокъ, но въ самую нищету; ей, до того доведены, что мы не въ состояніи продолжать вашей императорской службы, за перѣшеніемъ дѣла одиннадцать лѣтъ и за долговременнымъ здѣсь бытіемъ; по недостатку нашему на пропитаніе и на прочую справу запиманіемъ въ великихъ долгахъ себя находимъ. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, обороии отъ такого нападенія атамана Тамбовцева и всѣхъ старшинъ и господъ генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ; удостой насъ,— какъ прежде при отцѣ отечества государѣ Петрѣ Великомъ находились подъ протекціею г. генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева, тако и нынѣ усердно быть желаемъ его высокографскаго сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова, дабы наше Яицкое войско избавлено было отъ нападенія произнесеннаго изъ затрудненія Вашего Императорскаго Величества, каковое высочайшее материе милосердіе предпочесть должны наипаче какъ дарованною намъ новою жизнію. О каковыхъ приключеніяхъ по многимъ происшествіямъ не уразумѣемъ права по дѣламъ сыскать посредства; что̀ слѣдуетъ до объясненія на словахъ обстоятельствъ, мы будучи предъ лицемъ Вашего Императорскаго Величества, отъ глубочайшаго подобострастія не имѣемъ силъ духа произнесть; просимъ не отвергнуть отъ воспріятія освященной руки Вашего Императорскаго Величества, и только въ сихъ обстоятельствахъ устрашаетъ насъ единое только то сомнительство, чтобъ иногда отъ превозмогающихъ истину не могли подвержены быть вмѣсто высочайшаго Вашего Императорскаго Величества милосердія какому-либо пстязанію. Всеавгустѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! О семъ съ подобострастнѣйшимъ благоговѣніемъ всеподданнѣйшіе рабы просимъ, Яицкаго войска казаки: Петръ Андреевъ сынъ Герасимовъ и Иванъ Григорьевъ сынъ Ерпнъ.

Декабря дня 1771 г.

III.

Выписка изъ дѣлъ по военной коллегіи о происходящихъ въ войскѣ Яицкомъ съ начала прошлаго 1770 года отъ нѣкоторыхъ старшинъ и казаковъ, названныхъ по тамошнему „противной стороны“ ослушаніяхъ, неповиновеніи какъ главной командѣ, такъ и начальникамъ своимъ и упрямствѣ при случаѣ чинимыхъ отъ того войска командировокъ.

Въ исходѣ 1769 года, требовано было генералъ-маіоромъ Де-Медемомъ *) на перемѣну, изъ числа находящихся въ командѣ его войска Яицкаго казаковъ раненыхъ и престарѣлыхъ, а потому и къ службѣ не способныхъ и въ дома уже отпущенныхъ, шестидесяти восьми человѣкъ; и хотя посланною изъ коллегіи въ то войско грамотою оное требованіе подтверждено, но войсковая канцелярія донесла своимъ рапортомъ, что по прочтеніи въ пяти въ разныя времена въ собранныхъ кругахъ оной грамоты и ордера генералъ-маіора Де-Медема, противной стороны сотники и казаки требовали, чтобы отправить къ нему генералъ-маіору по прежнему тѣхъ, кои отъ него отпущены, а другихъ никого не представили и отправлять не хотятъ, чему наиболѣе причиною и первыми были заклинкальщиками сотники: Иванъ Сетчиковъ, Василій Гороховъ, Дмитрій Казаркинъ, Андрей Азовсковъ; Иванъ Портновъ, Петръ Краденовъ, Федотъ Марковцовъ, Данило Абрамовъ, да Максимъ Изюмниковъ, казаки: Андрей Портновъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Горячкинъ, Алексѣй Ларшинъ, Ѳедоръ Свіягинъ, Михайло Ульяновъ, Иванъ Кладъ, Степанъ Толкачевъ, такъ что и послано представленныхъ отъ повинующихся повелѣніямъ только десять человѣкъ.

Войсковая канцелярія принуждена уже нашлась достальныхъ пятьдесятъ-восемь набрать изъ ослушниковъ собою; а какъ опредѣлила было она къ препровожденію ихъ особливую команду, то въ семъ нарядѣ оказавшись новое непослушаніе, посланы они чрезъ форпосты, чтобъ препровождены были отъ одного до другого, но не больше, и въ томъ не было успѣху, — ибо по довезеніи ихъ съ превеликимъ затрудненіемъ до Бударинскаго форпоста, отстоящаго отъ Яицкаго городка въ 80 верстахъ, разбѣжалось оттуда тридцать девять человѣкъ, достальныхъ же девятнадцать по выѣздѣ изъ Бударинскаго форпоста у атамана Акутина отбили

*) Генералъ-маіоръ Де-Медемъ, командовалъ Кизлярскою линіей.

III.

Выписка изъ дѣлъ по военной коллегіи о происходящихъ въ войскѣ Яицкомъ съ начала прошлаго 1770 года отъ нѣкоторыхъ старшинъ и казаковъ, названныхъ по тамошнему „противной стороны“ ослушаніяхъ, неповиновеніи какъ главной командѣ, такъ и начальникамъ своимъ и упрямствѣ при случаѣ чинимыхъ отъ того войска командировокъ.

Въ исходѣ 1769 года, требовано было генералъ-маіоромъ Де-Медемомъ *) на перемѣну, изъ числа находящихся въ командѣ его войска Яицкаго казаковъ раненыхъ и престарѣлыхъ, а потому и къ службѣ не способныхъ и въ дома уже отпущенныхъ, шестидесяти восьми человѣкъ; и хотя посланною изъ коллегіи въ то войско грамотою оное требованіе подтверждено, но войсковая канцелярія донесла своимъ рапортомъ, что по прочтеніи въ пяти въ разныя времена въ собранныхъ кругахъ оной грамоты и ордера генералъ-маіора Де-Медема, противной стороны сотники и казаки требовали, чтобы отправить къ нему генералъ-маіору по прежнему тѣхъ, кои отъ него отпущены, а другихъ никого не представили и отправлять не хотятъ, чему наиболѣе причиною и первыми были заклинкальщиками сотники: Иванъ Сетчиковъ, Василій Гороховъ, Дмитрій Казаркинъ, Андрей Азовсковъ; Иванъ Портновъ, Петръ Краденовъ, Федотъ Марковцовъ, Данило Абрамовъ, да Максимъ Изюмниковъ, казаки: Андрей Портновъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Горячкинъ, Алексѣй Ларшинъ, Ѳедоръ Свіягинъ, Михайло Ульяновъ, Иванъ Кладъ, Степанъ Толкачевъ, такъ что и послано представленныхъ отъ повинующихся повелѣніямъ только десять человѣкъ.

Войсковая канцелярія принуждена уже нашлась достальныхъ пятьдесятъ-восемь набрать изъ ослушниковъ собою; а какъ опредѣлила было она къ препровожденію ихъ особливую команду, то въ семъ нарядѣ оказавшись новое непослушаніе, посланы они чрезъ форпосты, чтобъ препровождены были отъ одного до другого, но не больше, и въ томъ не было успѣху, — ибо по довезеніи ихъ съ превеликимъ затрудненіемъ до Бударинскаго форпоста, отстоящаго отъ Яицкаго городка въ 80 верстахъ, разбѣжалось оттуда тридцать девять человѣкъ, достальныхъ же девятнадцать по выѣздѣ изъ Бударинскаго форпоста у атамана Акутина отбили

*) Генералъ-маіоръ Де-Медемъ, командовалъ Кизлярскою линіей.

наѣхавшіе на него тридцать человѣкъ казаковъ, тѣ самые, которые наряжены были къ конвоеванію и исполнить сего не хотѣли.

Когда по высочайше конфирмованному отъ Ея Императорскаго Величества докладу о Московскомъ легіонѣ положено — казацкую въ оной команду опредѣлить изъ Яицкаго войска, то по посланнымъ изъ военной коллегіи неоднократнымъ повелѣніямъ, наряду въ оной не сдѣлано, и больше во всемъ томъ упорства и ложнаго толкованія силы присланныхъ грамотъ произошло отъ сотниковъ: Кирпишникова, Сѣтчикова, Горохова, Краденова, Чеботарева, Севрюгина, Герасимова, Изюмникова, Марковцова, Казаркина и Азовскова, которые содержались уже подъ карауломъ за ослушаніе прежнихъ указовъ о неподачѣ о своихъ службахъ вѣдомостей и въ нескомандированіи къ генералъ-маіору Де-Медему на мѣста не способныхъ шестидесяти восьми казаковъ, и будучи посланы вопзбѣжаніе происходящихъ отъ нихъ заговоровъ и развратовъ въ Оренбургъ, отбиты дорогою собравшимися человѣкъ до ста казаками, а удержаны изъ нихъ только сотники Чеботаревъ и Севрюгинъ; все жъ закрытіе упорства и непослушанія противниковъ состояло только въ томъ, чтобы командируемые въ легіонъ не такъ, какъ по штату положено, содержались, а такъ, какъ прежде обряды у нихъ были; а между тѣмъ ожидали они возвращенія посланныхъ своихъ изъ Петербурга.

Изъ тѣхъ сюда прибывшихъ сотникъ Иванъ Портновъ съ товарищами, собравшись множественнымъ числомъ, подавали сами Ея Императорскому Величеству прошеніе, и изъ единаго только Ея Императорскаго Величества милосердія, имяннымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ военной коллегіи 2-го октября 1770 года, всемилостивѣйше въ семъ дерзновеніи прощены, съ объявленіемъ имъ, что впредь за таковой поступокъ учинено съ ними будетъ по указамъ; содержащихся же по причинѣ командированія въ легіонъ подъ карауломъ, высочайше повелѣно освободить, о чемъ не только тогда же куда слѣдуетъ указы посланы, но и въ войско Яицкое предписано, чтобы назначенную въ легіонъ команду отправить съ тѣмъ, дабы ни въ трубачи, ни въ цирюльники сходно съ ихъ желаніемъ не командировать, а впредь не посылать, бородъ брить не принуждать, и быть той командѣ съ перемѣною по два года.

Когда же находившіеся здѣсь двадцать-шесть человѣкъ призваны были въ коллегію, гдѣ объявленъ имъ оный всемилостивѣйшій указъ съ уговариваніемъ, чтобы ѣхали обратно, то не только они въ томъ ослушались, но и данную имъ къ войску грамоту

наѣхавшіе на него тридцать человѣкъ казаковъ, тѣ самые, которые наряжены были къ конвоеванію и исполнить сего не хотѣли.

Когда по высочайше конфирмованному отъ Ея Императорскаго Величества докладу о Московскомъ легіонѣ положено — казацкую въ оной команду опредѣлить изъ Яицкаго войска, то по посланнымъ изъ военной коллегіи неоднократнымъ повелѣніямъ, наряду въ оной не сдѣлано, и больше во всемъ томъ упорства и ложнаго толкованія силы присланныхъ грамотъ произошло отъ сотниковъ: Кирпишникова, Сѣтчикова, Горохова, Краденова, Чеботарева, Севрюгина, Герасимова, Изюмникова, Марковцова, Казаркина и Азовскова, которые содержались уже подъ карауломъ за ослушаніе прежнихъ указовъ о неподачѣ о своихъ службахъ вѣдомостей и въ нескомандированіи къ генералъ-маіору Де-Медему на мѣста не способныхъ шестидесяти восьми казаковъ, и будучи посланы вопзбѣжаніе происходящихъ отъ нихъ заговоровъ и развратовъ въ Оренбургъ, отбиты дорогою собравшимися человѣкъ до ста казаками, а удержаны изъ нихъ только сотники Чеботаревъ и Севрюгинъ; все жъ закрытіе упорства и непослушанія противниковъ состояло только въ томъ, чтобы командируемые въ легіонъ не такъ, какъ по штату положено, содержались, а такъ, какъ прежде обряды у нихъ были; а между тѣмъ ожидали они возвращенія посланныхъ своихъ изъ Петербурга.

Изъ тѣхъ сюда прибывшихъ сотникъ Иванъ Портновъ съ товарищами, собравшись множественнымъ числомъ, подавали сами Ея Императорскому Величеству прошеніе, и изъ единаго только Ея Императорскаго Величества милосердія, имяннымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ военной коллегіи 2-го октября 1770 года, всемилостивѣйше въ семъ дерзновеніи прощены, съ объявленіемъ имъ, что впредь за таковой поступокъ учинено съ ними будетъ по указамъ; содержащихся же по причинѣ командированія въ легіонъ подъ карауломъ, высочайше повелѣно освободить, о чемъ не только тогда же куда слѣдуетъ указы послали, но и въ войско Яицкое предписано, чтобы назначенную въ легіонъ команду отправить съ тѣмъ, дабы ни въ трубачи, ни въ цирюльники сходно съ ихъ желаніемъ не командировать, а впредь не посылать, бородъ брить не принуждать, и быть той командѣ съ перемѣною по два года.

Когда же находившіеся здѣсь двадцать-шесть человѣкъ призваны были въ коллегію, гдѣ объявленъ имъ оный всемилостивѣйшій указъ съ уговариваніемъ, чтобы ѣхали обратно, то не только они въ томъ ослушались, но и данную имъ къ войску грамоту

оставили по выходѣ въ коллежской залѣ, и наконецъ принуждено было отправлять, какъ тѣхъ прежде прибывшихъ, такъ и прибывающихъ, накопившихся до восьмидесяти уже человѣкъ, подъ присмотромъ; изъ которыхъ нѣкоторые еще въ городѣ разбѣжались, а другіе, и именно: сотникъ Кирпичниковъ съ пятнадцатью человѣками казаковъ, не доѣзжая до Ямской слободы, помощію новой ѣдущей сюда партіи отбились, такъ что отправлено уже только шесть человѣкъ.

Послѣ того, собравшись множественнымъ числомъ, сотники и казаки утруждали опять не однократно просьбами своими Ея Императорское Величество; 7-го же декабря 1770 года въ воспослѣдовавшемъ въ военную коллегію высочайшемъ именномъ указѣ изображено, что хотя они заслуживаютъ неупустительное по законамъ наказаніе, но изъ единаго монаршаго милосердія въ таковомъ ихъ проступкѣ всемилостивѣйше прощены и, снисходя на ихъ просьбу уволена вовсе отъ легіонной команды, куда ихъ и впредь не наряжать, повелѣвал войску Яицкому во всемъ посылаемымъ въ оное изъ военной коллегіи, какъ изъ главнаго правительства, грамотамъ и указамъ чинить непремѣнное исполненіе и службу свою отправлять по ихъ прежнимъ обыкновеніямъ.

Когда находящуюся въ корпусѣ генералъ-маіора Де-Медема войска Яицкаго пятисотную команду, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ выкомандировки оной, по учиненному коллегіи отъ него представленію, полученному 19-го октября 1770 года, долженствовало смѣнить, то и велѣно было учинить сіе, выбравъ изъ войска толикое же число и когда въ собранныхъ кругахъ читаны были полученные о томъ грамоты и указы, то съ непослушной стороны казаки, изыскивая чѣмъ бы только возможно сдѣлать остановку и продолженіе, какъ доносить то войсковая канцелярія, требовали отставнымъ и малолѣтнимъ сдѣлать перепись: и хотя при подобныхъ командировкахъ оной никогда не было, однакожь обѣщано сдѣлать ее по отправленіи команды, а не въ такое время, когда какъ наскорѣе требуется учинить повелѣнное оной отправленіе; потомъ же всѣ, отбывая отъ того наряда, изъ городка своевольно уѣхали и укрываются по хуторамъ и по разнымъ мѣстамъ, во ожиданіи, какъ чаятельно, посланныхъ отъ нихъ въ Петербургъ изъ предводителей, сотника Кирпичникова съ товарищами, съ просьбою, чтобы оное къ генералъ-маіору командированіе отмѣнить, почему и послано въ ту команду съ послушной только стороны, начитая къ отправленнымъ туда въ 1770 году, девяти человѣкамъ, которые

оставили по выходѣ въ коллежской залѣ, и наконецъ принуждено было отправлять, какъ тѣхъ прежде прибывшихъ, такъ и прибывающихъ, накопившихся до восьмидесяти уже человѣкъ, подъ присмотромъ; изъ которыхъ нѣкоторые еще въ городѣ разбѣжались, а другіе, и именно: сотникъ Кирпичниковъ съ пятнадцатью человѣками казаковъ, не доѣзжая до Ямской слободы, помощію новой ѣдущей сюда партіи отбились, такъ что отправлено уже только шесть человѣкъ.

Послѣ того, собравшись множественнымъ числомъ, сотники и казаки утруждали опять не однократно просьбами своими Ея Императорское Величество; 7-го же декабря 1770 года въ воспослѣдовавшемъ въ военную коллегію высочайшемъ именномъ указѣ изображено, что хотя они заслуживаютъ неупустительное по законамъ наказаніе, но изъ единаго монаршаго милосердія въ таковомъ ихъ проступкѣ всемилостивѣйше прощены и, снисходя на ихъ просьбу уволена вовсе отъ легіонной команды, куда ихъ и впредь не наряжать, повелѣвал войску Яицкому во всемъ посылаемымъ въ оное изъ военной коллегіи, какъ изъ главнаго правительства, грамотамъ и указамъ чинить непремѣнное исполненіе и службу свою отправлять по ихъ прежнимъ обыкновеніямъ.

Когда находящуюся въ корпусѣ генералъ-маіора Де-Медема войска Яицкаго пятисотную команду, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ выкомандировки оной, по учиненному коллегіи отъ него представленію, полученному 19-го октября 1770 года, долженствовало смѣнить, то и велѣно было учинить сіе, выбравъ изъ войска толикое же число и когда въ собранныхъ кругахъ читаны были полученные о томъ грамоты и указы, то съ непослушной стороны казаки, изыскивая чѣмъ бы только возможно сдѣлать остановку и продолженіе, какъ доносить то войсковая канцелярія, требовали отставнымъ и малолѣтнимъ сдѣлать перепись: и хотя при подобныхъ командировкахъ оной никогда не было, однакожь обѣщано сдѣлать ее по отправленіи команды, а не въ такое время, когда какъ наскорѣе требуется учинить повелѣнное оной отправленіе; потомъ же всѣ, отбывая отъ того наряда, изъ городка своевольно уѣхали и укрываются по хуторамъ и по разнымъ мѣстамъ, во ожиданіи, какъ чаятельно, посланныхъ отъ нихъ въ Петербургъ изъ предводителей, сотника Кирпичникова съ товарищами, съ просьбою, чтобы оное къ генералъ-маіору командированіе отмѣнить, почему и послано въ ту команду съ послушной только стороны, начитая къ отправленнымъ туда въ 1770 году, девяти человѣкамъ, которые

двулѣтняго термина тамъ еще не выслужили, нынѣ при старшинѣ три, да содержащихся въ ослушаніи сего наряда подъ карауломъ девять, итого сто-двѣнадцать человѣкъ.

При случаѣ побѣга Волгскихъ Калмыковъ велѣно было посланными въ войско Яицкое грамотами и къ Оренбургскому губернатору и генералъ-маіору Давыдову указами употребить для воспрепятствованія уходу тѣмъ бѣглецамъ, къ преслѣдованію ихъ и поиску и Яицкое войско, но не сдѣлали они и тутъ послушанія, въ чемъ все стараніе губернатора и онаго генералъ-маіора было тщетно, и все учиненное ими распоряженіе въ дѣйство произведено быть не могло. Войсковая же канцелярія отписывастъ происшедшее при томъ отъ противящихся упорство слѣдующимъ образомъ: Во исполненіе полученныхъ указовъ о помянутой командировкѣ, собраны были 1771 года марта 9-го, 10-го, 11-го и 12-го войсковые круга и тѣ указы читаны, и о нарядѣ и объ отправленіи войску подтверждено, но въ то же время съ несогласной стороны многіе кричали, чтобы выбрать имъ атамана изъ рядовыхъ казаковъ Максима Выровщикова, который прежде былъ въ ссылкѣ въ Сибирѣ, а полковниковъ также изъ рядовыхъ, кого они сами пожелаютъ; и хотя имъ объявлено и толковано было, что того учинить въ противность грамотѣ и обыкновенія не возможно, а въ выборѣ прочихъ походныхъ чиновъ есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ отдано на ихъ волю, но однакожь не было въ томъ ни малѣйшаго успѣха, и они обратили упрямство свое на требованье жалованья, котораго будто бы имъ за пять лѣтъ выдано не было. Въ то же самое время, вошедъ въ кругъ, сотникъ Тимофей Севрюгинъ подалъ войсковому атаману Тамбовцеву съ имяннаго указа воспослѣдовавшаго о увольненіи войска Яицкаго отъ легіонной команды, копію, въ которой дерзнулъ онъ приправить, будто войска Яицкаго впредь никуда наряжать не велѣно, и требовалъ о прочтеніи оной, послѣ чего произошелъ еще больше шумъ и упрямство, котораго никакими увѣщаніями, ниже чтеніемъ военныхъ артикуловъ съ истолкованіемъ, какому подвергаютъ они себя штрафу, преодолѣть было невозможно.

Въ семъ послѣднемъ дерзновеніи произведено генералъ-маіоромъ Давыдовымъ и гвардіи капитаномъ Дурновымъ, по указу военной коллегіи, слѣдствіе, по которому оказавшихся ослушниками считается до двухъ тысячъ восьми человѣкъ; главными жь изъ нихъ возмутителями и въ обыкновенныхъ кругахъ первыми заклпкальщиками показаны, сотники: Иванъ Кирпичниковъ, Иванъ Сѣтчиковъ,

двулѣтняго термина тамъ еще не выслужили, нынѣ при старшинѣ три, да содержащихся въ ослушаніи сего наряда подъ карауломъ девять, итого сто-двѣнадцать человѣкъ.

При случаѣ побѣга Волгскихъ Калмыковъ велѣно было посланными въ войско Яицкое грамотами и къ Оренбургскому губернатору и генералъ-маіору Давыдову указами употребить для воспрепятствованія уходу тѣмъ бѣглецамъ, къ преслѣдованію ихъ и поиску и Яицкое войско, но не сдѣлали они и тутъ послушанія, въ чемъ все стараніе губернатора и онаго генералъ-маіора было тщетно, и все учиненное ими распоряженіе въ дѣйство произведено быть не могло. Войсковая же канцелярія отписывастъ происшедшее при томъ отъ противящихся упорство слѣдующимъ образомъ: Во исполненіе полученныхъ указовъ о помянутой командировкѣ, собраны были 1771 года марта 9-го, 10-го, 11-го и 12-го войсковые круга и тѣ указы читаны, и о нарядѣ и объ отправленіи войску подтверждено, но въ то же время съ несогласной стороны многіе кричали, чтобы выбрать имъ атамана изъ рядовыхъ казаковъ Максима Выровщикова, который прежде былъ въ ссылкѣ въ Сибирѣ, а полковниковъ также изъ рядовыхъ, кого они сами пожелаютъ; и хотя имъ объявлено и толковано было, что того учинить въ противность грамотѣ и обыкновенія не возможно, а въ выборѣ прочихъ походныхъ чиновъ есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ отдано на ихъ волю, но однакожь не было въ томъ ни малѣйшаго успѣха, и они обратили упрямство свое на требованье жалованья, котораго будто бы имъ за пять лѣтъ выдано не было. Въ то же самое время, вошедъ въ кругъ, сотникъ Тимофей Севрюгинъ подалъ войсковому атаману Тамбовцеву съ имяннаго указа воспослѣдовавшаго о увольненіи войска Яицкаго отъ легіонной команды, копію, въ которой дерзнулъ онъ приправить, будто войска Яицкаго впредь никуда наряжать не велѣно, и требовалъ о прочтеніи оной, послѣ чего произошелъ еще больше шумъ и упрямство, котораго никакими увѣщаніями, ниже чтеніемъ военныхъ артикуловъ съ истолкованіемъ, какому подвергаютъ они себя штрафу, преодолѣть было невозможно.

Въ семъ послѣднемъ дерзновеніи произведено генералъ-маіоромъ Давыдовымъ и гвардіи капитаномъ Дурновымъ, по указу военной коллегіи, слѣдствіе, по которому оказавшихся ослушниками считается до двухъ тысячъ восьми человѣкъ; главными жъ изъ нихъ возмутителями и въ обыкновенныхъ кругахъ первыми заклпкальщиками показаны, сотники: Иванъ Кирпичниковъ, Иванъ Сѣтчиковъ,

Петръ Краденовъ, Семенъ Артикіевъ, Федотъ Морковцовъ, Андрей Азовсковъ, Максимъ Изюмниковъ, Данило Абрамовъ, Логинъ Шапошниковъ, Иванъ Портновъ, Василій Гороховъ, Иванъ Герасимовъ, Тимофей Севрюгинъ (податель вышеписанной копіи), Михайло Чеботаревъ, десятники: Иванъ Кузпецовъ, Ермолай Ходинъ, Ильясъ Кизекѣевъ, казаки: Петръ Герасимовъ, Савелій Фомичихинъ, Яковъ Ходинъ, Григорій Сплкинъ, Козьма Носовъ, Максимъ Выровщиковъ, Емельянъ Чемевъ, Алексѣй Ларшинъ, Иванъ Горячкинъ, Степанъ Толкачевъ, Ѳедоръ Свіягинъ, Андрей Портновъ, Ѳедоръ Логиновъ, Василій Трифановъ, Степанъ Павловъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Голованов, Никифоръ Фофановъ, Степанъ Рѣчкинъ, Григорій Алферовъ, Матвѣй Гордѣевъ, Степанъ Кошичкинъ, Петръ Погадаевъ, Козьма Храмовъ, Григорій Плотниковъ, Тимофей Любовъ, итого—сорокъ три человѣка, изъ которыхъ сотники: Сѣтчиковъ, Изюмниковъ, десятники: Кузпецовъ, Ходинъ, Кизекѣевъ, Казаркинъ, Фомичихинъ, Горячкинъ, Свіягинъ, Портновъ, Логиновъ, Трифоновъ, Павловъ, Рѣчкинъ, Гордѣсвъ, Кошичкинъ, Погадаевъ, Храмовъ, Плотниковъ и Любовъ содержатся въ войсковой канцеляріи подъ карауломъ, а прочіе находятся всѣ въ укрывательствѣ и въ бѣгахъ.

И хотя въ такомъ ослушаніи о учиненіи надъ убѣжавшими Калмыками поиска данныхъ повелѣній, неизъемлемо всѣ ослушной стороны сотники и казаки, виновными состоятъ, но болѣе себя тягчайщему наказанію подвергаютъ выше объявленные сорокъ-три человѣка, какъ главные развратники и предводители, паче же сотники, подавшіе собою примѣры своимъ подчиненнымъ, которые и подлежатъ по законамъ за таковыя преступленія, которыя во мнѣніи коммиссіи подробно описаны, въ силѣ воинскихъ артикуловъ смертной казни; по мнѣнію однакоже коммиссіи, какъ такія упрямства и ослушанія происходятъ у нихъ большею частію по малосвѣдѣнію законовъ и необузданному своевольству, представляется, дабы положеннаго по законамъ наказанія ихъ избавить, и чтобы впредь какъ имъ, такъ и прочимъ такія преступленія чинить было неповадно, то изъ вышепомянутыхъ сорока трехъ человѣкъ, сотниковъ, годныхъ въ службу, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ по десяти разъ, отослать въ армію вѣчно въ солдаты, а негодныхъ высѣчь кнутомъ и отослать на отдаленные казенные заводы въ работу безвозвратно; рядовыхъ же казаковъ и десятниковъ, годныхъ, прогнавъ шпицрутеномъ чрезъ тысячу человѣкъ по шести разъ, написать въ солдаты же въ армію, а негодныхъ вмѣсто кнута высѣчь публично нещадно плетьми и отослать въ работу, на сколь-

Петръ Краденовъ, Семенъ Артикіевъ, Федотъ Морковцовъ, Андрей Азовсковъ, Максимъ Изюмниковъ, Данило Абрамовъ, Логинъ Шапошниковъ, Иванъ Портновъ, Василій Гороховъ, Иванъ Герасимовъ, Тимофей Севрюгинъ (податель вышеписанной копіи), Михайло Чеботаревъ, десятники: Иванъ Кузпецовъ, Ермолай Ходинъ, Ильясъ Кизекѣевъ, казаки: Петръ Герасимовъ, Савелій Фомичихинъ, Яковъ Ходинъ, Григорій Сплкинъ, Козьма Носовъ, Максимъ Выровщиковъ, Емельянъ Чемевъ, Алексѣй Ларшинъ, Иванъ Горячкинъ, Степанъ Толкачевъ, Ѳедоръ Свіягинъ, Андрей Портновъ, Ѳедоръ Логиновъ, Василій Трифановъ, Степанъ Павловъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Голованов, Никифоръ Фофановъ, Степанъ Рѣчкинъ, Григорій Алферовъ, Матвѣй Гордѣевъ, Степанъ Кошичкинъ, Петръ Погадаевъ, Козьма Храмовъ, Григорій Плотниковъ, Тимофей Любовъ, итого—сорокъ три человѣка, изъ которыхъ сотники: Сѣтчиковъ, Изюмниковъ, десятники: Кузпецовъ, Ходинъ, Кизекѣевъ, Казаркинъ, Фомичихинъ, Горячкинъ, Свіягинъ, Портновъ, Логиновъ, Трифоновъ, Павловъ, Рѣчкинъ, Гордѣсвъ, Кошичкинъ, Погадаевъ, Храмовъ, Плотниковъ и Любовъ содержатся въ войсковой канцеляріи подъ карауломъ, а прочіе находятся всѣ въ укрывательствѣ и въ бѣгахъ.

И хотя въ такомъ ослушаніи о учиненіи надъ убѣжавшими Калмыками поиска данныхъ повелѣній, неизъемлемо всѣ ослушной стороны сотники и казаки, виновными состоятъ, но болѣе себя тягчайщему наказанію подвергаютъ выше объявленные сорокъ-три человѣка, какъ главные развратники и предводители, паче же сотники, подавшіе собою примѣры своимъ подчиненнымъ, которые и подлежатъ по законамъ за таковыя преступленія, которыя во мнѣніи коммиссіи подробно описаны, въ силѣ воинскихъ артикуловъ смертной казни; по мнѣнію однакоже коммиссіи, какъ такія упрямства и ослушанія происходятъ у нихъ большею частію по малосвѣдѣнію законовъ и необузданному своевольству, представляется, дабы положеннаго по законамъ наказанія ихъ избавить, и чтобы впредь какъ имъ, такъ и прочимъ такія преступленія чинить было неповадно, то изъ вышепомянутыхъ сорока трехъ человѣкъ, сотниковъ, годныхъ въ службу, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ по десяти разъ, отослать въ армію вѣчно въ солдаты, а негодныхъ высѣчь кнутомъ и отослать на отдаленные казенные заводы въ работу безвозвратно; рядовыхъ же казаковъ и десятниковъ, годныхъ, прогнавъ шпицрутеномъ чрезъ тысячу человѣкъ по шести разъ, написать въ солдаты же въ армію, а негодныхъ вмѣсто кнута высѣчь публично нещадно плетьми и отослать въ работу, на сколь-

ко указано будетъ; прочихъ же десятниковъ и казаковъ, коихъ, за исключеніемъ вышеписанныхъ, остается тысяча-девять-сотъ шестьдесятъ-пять человѣкъ, наряжать въ отдаленныя команды, сверхъ уровненія противу послушныхъ безъ очереди по три раза.

Военная коллегія, входя въ подробное всего разсмотрѣніе, къ пресѣченію умножившихся въ войскѣ Яицкомъ безпорядковъ, причиняемыхъ ослушниками, опредѣлила: всѣхъ тѣхъ сотниковъ и казаковъ, кои оказались въ ослушаніи неоднократно посланныхъ изъ коллегіи, о нарядѣ въ службу и отправленіи въ Моздокъ на перемѣну тамъ находящейся, при нынѣшнемъ настоящемъ военномъ времени, въ корпусѣ генералъ-маіора Де-Медема, пятисотной команды грамотъ, учиненныя противъ начальниковъ своихъ, не только неповиновенія, но и дерзкія противности, приведеніе казаковъ въ развратъ и замѣшательство и сущее презрѣніе должности и присяги, наказавъ плетьми и обривъ бороды, написать въ полки второй арміи въ службу, въ какую способны явятся, равно и сысканные здѣсь бѣглые изъ войска шесть человѣкъ, по учиненіи имъ наказанія, туда же отправлены, и затѣмъ достальные двадцать человѣкъ здѣсь сыскиваются; съ прочими же ослушниками поступать велѣно въ нарядѣ ихъ на службу безъ очереди, по мнѣнію отъ коммиссіи.

ко указано будетъ; прочихъ же десятниковъ и казаковъ, коихъ, за исключеніемъ вышеписанныхъ, остается тысяча-девять-сотъ шестьдесятъ-пять человѣкъ, наряжать въ отдаленныя команды, сверхъ уровненія противу послушныхъ безъ очереди по три раза.

Военная коллегія, входя въ подробное всего разсмотрѣніе, къ пресѣченію умножившихся въ войскѣ Яицкомъ безпорядковъ, причиняемыхъ ослушниками, опредѣлила: всѣхъ тѣхъ сотниковъ и казаковъ, кои оказались въ ослушаніи неоднократно посланныхъ изъ коллегіи, о нарядѣ въ службу и отправленіи въ Моздокъ на перемѣну тамъ находящейся, при нынѣшнемъ настоящемъ военномъ времени, въ корпусѣ генералъ-маіора Де-Медема, пятисотной команды грамотъ, учиненныя противъ начальниковъ своихъ, не только неповиновенія, но и дерзкія противности, приведеніе казаковъ въ развратъ и замѣшательство и сущее презрѣніе должности и присяги, наказавъ плетьми и обривъ бороды, написать въ полки второй арміи въ службу, въ какую способны явятся, равно и сысканные здѣсь бѣглые изъ войска шесть человѣкъ, по учиненіи имъ наказанія, туда же отправлены, и затѣмъ достальные двадцать человѣкъ здѣсь сыскиваются; съ прочими же ослушниками поступать велѣно въ нарядѣ ихъ на службу безъ очереди, по мнѣнію отъ коммиссіи.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПАДЕНІЯ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

I.

ПРИМѢЧАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ *).

1) Земли какъ ниже Старой линіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, съ присвоенными въ нынѣшнюю войну отъ Новороссійской губерніи, въ длину—отъ Бахмута до рѣки Буга, до 600 верстъ, а въ ширину отъ устья Бердъ до Старой Украинской линіи—350 верстъ.

2) Граничатъ оныя съ войскомъ Донскимъ, Слободскою и Новороссійскою губерніями; отъ стороны турецкой—съ Очаковскою и нынѣшняго нашего союзнаго Крыма землями; а противъ Кубани по Азовское море. По оной границѣ, съ открытой стороны, заведены нынѣ вновь россійскія крѣпости, какъ-то: Тагань Рогъ, по рѣкамъ: Бердъ, Конской, при устьяхъ Московки, а отъ Очакова—Екатерининскій шанецъ.

3) Мѣста имѣютъ изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ и при морскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Бердъ и близь Очаковскаго лимана, и въ ономъ, по договору съ Турками, за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова.

---

*) Эта записка о состояніи Запорожья, какъ видно изъ статей 1-й и 2-й, писана въ началѣ 1770-хъ годовъ, во время Турецкой войны. Выраженный въ ней взглядъ на Запорожье, съ точки зрѣнія тогдашней русской администраціи, весьма любопытенъ. Записка эта была уже напечатана въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній *П. В. Калачева*, 1860 г., кн. 2-я, но здѣсь печатается съ болѣе исправнаго списка.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПАДЕНІЯ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

I.

ПРИМѢЧАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ *).

1) Земли какъ ниже Старой линіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, съ присвоенными въ нынѣшнюю войну отъ Новороссійской губерніи, въ длину—отъ Бахмута до рѣки Буга, до 600 верстъ, а въ ширину отъ устья Бердъ до Старой Украинской линіи—350 верстъ.

2) Граничатъ оныя съ войскомъ Донскимъ, Слободскою и Новороссійскою губерніями; отъ стороны турецкой—съ Очаковскою и нынѣшняго нашего союзнаго Крыма землями; а противъ Кубани по Азовское море. По оной границѣ, съ открытой стороны, заведены нынѣ вновь россійскія крѣпости, какъ-то: Тагань Рогъ, по рѣкамъ: Бердъ, Конской, при устьяхъ Московки, а отъ Очакова—Екатерининскій шанецъ.

3) Мѣста имѣютъ изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ и при морскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Бердъ и близь Очаковскаго лимана, и въ ономъ, по договору съ Турками, за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова.

---

*) Эта записка о состояніи Запорожья, какъ видно изъ статей 1-й и 2-й, писана въ началѣ 1770-хъ годовъ, во время Турецкой войны. Выраженный въ ней взглядъ на Запорожье, съ точки зрѣнія тогдашней русской администраціи, весьма любопытенъ. Записка эта была уже напечатана въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній *П. В. Калачева*, 1860 г., кн. 2-я, но здѣсь печатается съ болѣе исправнаго списка.

4) Въ мирное время имѣютъ комерцію отъ Сѣчи по Днѣпру, черезъ Очаковъ и лиманъ, Чернымъ моремъ, купеческими наемными у Турковъ кораблями, въ Царьградъ и далѣе на Бѣлое море, отправляя туда получаемые товары и изъ польской Украйны, Малороссіи и изъ разныхъ мѣстъ, граничащихъ съ ними: желѣзо, говяжье и овечье мясо, полотно, крамъ, пеньку и канатъ; оттоль вывозятъ мыло, сафьянъ, мишини, хлопчатую бумагу, турецкія матеріи, виноградное вино, лимонный сокъ, деревянное масло и разную бокалею, то есть: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сарочинское пшено, кофей и разныхъ родовъ орѣхи.

5) Поставляютъ хлѣбъ пшеничный и также изъ вышеписанныхъ потребныя вещи въ Крымъ и въ Очаковъ и имѣютъ продуктъ съ Турками и Татарами, продажею имъ на сихъ дикихъ земляхъ получающихся ими довольнаго числа разнаго рода бывающихъ въ украинскихъ мѣстахъ дикихъ звѣрей, а изъ Крыма вывозятъ соль, также вино и бакалею жъ.

6) Продаютъ оные вывозимые товары и мѣняютъ на тѣ, отправляемые ими, а также и на горячее вино съ Малороссіею и польской Украйны промышленниками.

7) Получаютъ знатную сумму отъ купцовъ, поставляя отъ Сѣчи разные товары по Днѣпру, въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также и оттоль, съ приходящихъ кораблей, какъ оные случается, что въ сухменное время и шедъ Очаковскимъ лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, Днѣпровскими гирламя, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается при томъ часто, что Турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи.

8) Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части противъ таможенныхъ сборовъ, не такъ чтобъ подъ видомъ учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути черезъ рѣки за мосты, ибо во всей ихъ землѣ нѣтъ ни единаго моста или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той палапки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожней телѣги по копѣйкѣ; а также и за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу съ войсковымъ перначемъ или булавою, а больше прилѣпленною на булавѣ войсковою печатью; однакожъ хотя бы сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія.

4) Въ мирное время имѣютъ комерцію отъ Сѣчи по Днѣпру, черезъ Очаковъ и лиманъ, Чернымъ моремъ, купеческими наемными у Турковъ кораблями, въ Царьградъ и далѣе на Бѣлое море, отправляя туда получаемые товары и изъ польской Украйны, Малороссіи и изъ разныхъ мѣстъ, граничащихъ съ ними: желѣзо, говяжье и овечье мясо, полотно, крамъ, пеньку и канатъ; оттоль вывозятъ мыло, сафьянъ, мишини, хлопчатую бумагу, турецкія матеріи, виноградное вино, лимонный сокъ, деревянное масло и разную бокалею, то есть: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сарочинское пшено, кофей и разныхъ родовъ орѣхи.

5) Поставляютъ хлѣбъ пшеничный и также изъ вышеписанныхъ потребныя вещи въ Крымъ и въ Очаковъ и имѣютъ продуктъ съ Турками и Татарами, продажею имъ на сихъ дикихъ земляхъ получающихся ими довольнаго числа разнаго рода бывающихъ въ украинскихъ мѣстахъ дикихъ звѣрей, а изъ Крыма вывозятъ соль, также вино и бакалею жъ.

6) Продаютъ оные вывозимые товары и мѣняютъ на тѣ, отправляемые ими, а также и на горячее вино съ Малороссіею и польской Украйны промышленниками.

7) Получаютъ знатную сумму отъ купцовъ, поставляя отъ Сѣчи разные товары по Днѣпру, въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также и оттоль, съ приходящихъ кораблей, какъ оные случается, что въ сухменное время и шедъ Очаковскимъ лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, Днѣпровскими гирламя, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается при томъ часто, что Турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи.

8) Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части противъ таможенныхъ сборовъ, не такъ чтобъ подъ видомъ учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути черезъ рѣки за мосты, ибо во всей ихъ землѣ нѣтъ ни единаго моста или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той палапки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожней телѣги по копѣйкѣ; а также и за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу съ войсковымъ перначемъ или булавою, а больше прилѣпленною на булавѣ войсковою печатью; однакожъ хотя бы сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія.

9) Число ихъ, Запорожцевъ, считалось всегда военныхъ людей 40,000, а вмѣсто того весьма ихъ было мало и дѣйствительно вооруженныхъ и исправныхъ, отъ собственнаго своего имущества, казаковъ никогда бы больше конныхъ выѣхать не могло, за остающимися у присмотра домовъ, какъ тысячъ до шести; а также и пѣшихъ казаковъ не болѣе, быть можетъ, какъ тысячи четыре, должность которыхъ отправляютъ у нихъ въ пѣхотѣ всякій, не имѣющій ремесла и пропитанія, бродяга, убѣгая работы, за плату изъ казны, въ годъ 12 р. жалованья и провіанта. А нынѣ они, Запорожцы, имѣютъ людей всякаго званія тысячь до ста, ибо у нихъ, въ нынѣ продолжающуюся войну вновь поселилось и безпрестанно населяется убѣгающихъ отъ службы и податей изъ Малороссіи, изъ Новороссійской и Слободской губерній, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, противъ Елисаветградскаго и Молдавскаго полковъ, впереди Старой линіи и по рѣкамъ Самарѣ, Орели и по Кривому Торцу, болѣе двадцати пяти тысячь дворовъ съ фимиліями; коими людьми они себя достаточно подкрѣпили и могутъ войска поставить, имущественныхъ людей, кои отъ собственнаго своего капитала исправиться въ состояніи, которыхъ казаковъ, безъ нужды, тысячь пятнадцать и болѣе, кромѣ бродягъ, служащихъ, какъ выше значится, въ пѣхотѣ, изъ пропитанія, и нынѣ у нихъ службы отбываютъ въ походѣ конную, все почти женатые. Неслужащіе же домовные люди обращены въ подданство разсчисленіемъ на содержаніе сорока куреней, отъ которыхъ старшины знатнымъ образомъ свои карманы полнятъ; ибо у нихъ курень называется такъ какъ бы полкъ, а всѣ люди, записанные въ ономъ, только числятся, а живутъ въ разныхъ мѣстахъ и довольствуются всякъ своимъ, слѣдственно, и расходу больше быть не можетъ, какъ только тотъ курень починить, настаточить, удовольствовать теплomъ и кормить живущихъ въ немъ нѣсколько сторожей.

10) Отъ службы ихъ военной, какъ отъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, въ регулярномъ войскѣ польза больше только та, что умножаетъ счетъ, а впрочемъ помощь отъ нихъ весьма мала, но и то видъ сей военныхъ людей отправляютъ они во время только одной компаніи, на нѣсколько мѣсяцевъ, а всегдашней службы, чтобъ оную нести безъ разсчета своихъ выгодъ, или относительно закопорованія земли и прочаго въ зимнее время попеченія, иногда прямой тягости и нужды, въ войнѣ почерпаемыхъ, такъ какъ другіе военные люди или донскіе и малороссійскіе казаки, кои отдѣлены отъ своего гнѣзда, снести не могутъ; даже и послѣд-

9) Число ихъ, Запорожцевъ, считалось всегда военныхъ людей 40,000, а вмѣсто того весьма ихъ было мало и дѣйствительно вооруженныхъ и исправныхъ, отъ собственнаго своего имущества, казаковъ никогда бы больше конныхъ выѣхать не могло, за остающимися у присмотра домовъ, какъ тысячъ до шести; а также и пѣшихъ казаковъ не болѣе, быть можетъ, какъ тысячи четыре, должность которыхъ отправляютъ у нихъ въ пѣхотѣ всякій, не имѣющій ремесла и пропитанія, бродяга, убѣгая работы, за плату изъ казны, въ годъ 12 р. жалованья и провіанта. А нынѣ они, Запорожцы, имѣютъ людей всякаго званія тысячь до ста, ибо у нихъ, въ нынѣ продолжающуюся войну вновь поселилось и безпрестанно населяется убѣгающихъ отъ службы и податей изъ Малороссіи, изъ Новороссійской и Слободской губерній, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, противъ Елисаветградскаго и Молдавскаго полковъ, впереди Старой линіи и по рѣкамъ Самарѣ, Орели и по Кривому Торцу, болѣе двадцати пяти тысячь дворовъ съ фимиліями; коими людьми они себя достаточно подкрѣпили и могутъ войска поставить, имущественныхъ людей, кои отъ собственнаго своего капитала исправиться въ состояніи, которыхъ казаковъ, безъ нужды, тысячь пятнадцать и болѣе, кромѣ бродягъ, служащихъ, какъ выше значится, въ пѣхотѣ, изъ пропитанія, и нынѣ у нихъ службы отбываютъ въ походѣ конную, все почти женатые. Неслужащіе же домовные люди обращены въ подданство разсчисленіемъ на содержаніе сорока куреней, отъ которыхъ старшины знатнымъ образомъ свои карманы полнятъ; ибо у нихъ курень называется такъ какъ бы полкъ, а всѣ люди, записанные въ ономъ, только числятся, а живутъ въ разныхъ мѣстахъ и довольствуются всякъ своимъ, слѣдственно, и расходу больше быть не можетъ, какъ только тотъ курень починить, настаточить, удовольствовать теплomъ и кормить живущихъ въ немъ нѣсколько сторожей.

10) Отъ службы ихъ военной, какъ отъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, въ регулярномъ войскѣ польза больше только та, что умножаетъ счетъ, а впрочемъ помощь отъ нихъ весьма мала, но и то видъ сей военныхъ людей отправляютъ они во время только одной компаніи, на нѣсколько мѣсяцевъ, а всегдашней службы, чтобъ оную нести безъ разсчета своихъ выгодъ, или относительно закопорованія земли и прочаго въ зимнее время попеченія, иногда прямой тягости и нужды, въ войнѣ почерпаемыхъ, такъ какъ другіе военные люди или донскіе и малороссійскіе казаки, кои отдѣлены отъ своего гнѣзда, снести не могутъ; даже и послѣд-

ней помощи не дѣлаютъ, что на собственныхъ ихъ земляхъ почтъ для случившихся курьеровъ содержать имъ не ввѣряютъ.

11) Народъ сей отечеству никакихъ податей не платитъ, кромѣ вышеписанной службы, а пользуется такою, по ихъ прихотямъ, вольностью и выгодами, каковыхъ ни одна земля между устроенными межами не имѣетъ.

12) Закона и учрежденій никакого у нихъ нѣтъ; пріемлютъ себя, что быть имъ повинными одной только, когда къ нимъ особливо написана будетъ о чемъ, императорской грамотѣ, а въ прочемъ, касающемся до нихъ, какъ по военнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, исполняютъ тогда, когда они ласковостью бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ, и всякія государственныя учрежденія считаютъ, что оныя имъ не принадлежатъ.

13) Начальникъ у нихъ кошевой атаманъ и, по ихъ обыкновенію, долженъ быть грамотѣ не знающій и зависящій отъ общественнаго выбора; но однакожъ нынѣ сей выборъ согласіемъ старшинъ прекѣкся; главная въ правительствѣ ихъ министерія та, что въ ономъ обществѣ, кто только возжелаетъ препроводить, сколько будетъ его воля, дней своего вѣка и записаться въ казаки, то хотя бы онъ рожденъ и воспитанъ былъ разумно, долженъ учиться суровости и невѣжеству во всѣхъ поступкахъ и казаться свѣту, что ихъ сердца, смѣшанныя съ сущею простотою и всегдашнимъ хмѣлемъ, ничего не устрашаются и о своей жизни будто бы не пекутся и никакимъ собственнымъ интересамъ, никакой повинности не привязаны, кромѣ доброй своей ко всякому дѣлу воли. И тѣмъ самымъ начальники сего войска, обучившіеся сему ремеслу, утверждаютъ, что ни въ чемъ они не властны, когда къ чему не приступитъ чернь, называемая ими товариществомъ; а что принадлежитъ до сей черни, то оная и въ самой вещи наполнена невѣжествомъ и слабостью къ пьянству, и по простотѣ своей природы и безъ той ихъ старшинской внушаемой науки довольно глупа; но однакожъ столько повинны и порабощены, что послушанія таковаго въ разумномъ и распоряженномъ народѣ бываетъ невсегда и нельзя не быть, по ихъ обыкновенію, потому что хотя бы и малѣйшая противность примѣчена за кѣмъ была, властенъ кошевой атаманъ безъ всякого суда, да хотя бы и безъ вины, не отвѣтствуя никому, приказать лишить жизни, а въ сущемъ дѣлѣ, имѣя только въ предметѣ къ пользѣ однихъ своихъ личныхъ интересовъ, почерпающихся между внушенною простотою своей чер-

ней помощи не дѣлаютъ, что на собственныхъ ихъ земляхъ почтъ для случившихся курьеровъ содержать имъ не ввѣряютъ.

11) Народъ сей отечеству никакихъ податей не платитъ, кромѣ вышеписанной службы, а пользуется такою, по ихъ прихотямъ, вольностью и выгодами, каковыхъ ни одна земля между устроенными межами не имѣетъ.

12) Закона и учрежденій никакого у нихъ нѣтъ; пріемлютъ себя, что быть имъ повинными одной только, когда къ нимъ особливо написана будетъ о чемъ, императорской грамотѣ, а въ прочемъ, касающемся до нихъ, какъ по военнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, исполняютъ тогда, когда они ласковостью бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ, и всякія государственныя учрежденія считаютъ, что оныя имъ не принадлежатъ.

13) Начальникъ у нихъ кошевой атаманъ и, по ихъ обыкновенію, долженъ быть грамотѣ не знающій и зависящій отъ общественнаго выбора; но однакожъ нынѣ сей выборъ согласіемъ старшинъ прекѣкся; главная въ правительствѣ ихъ министерія та, что въ ономъ обществѣ, кто только возжелаетъ препроводить, сколько будетъ его воля, дней своего вѣка и записаться въ казаки, то хотя бы онъ рожденъ и воспитанъ былъ разумно, долженъ учиться суровости и невѣжеству во всѣхъ поступкахъ и казаться свѣту, что ихъ сердца, смѣшанныя съ сущею простотою и всегдашнимъ хмѣлемъ, ничего не устрашаются и о своей жизни будто бы не пекутся и никакимъ собственнымъ интересамъ, никакой повинности не привязаны, кромѣ доброй своей ко всякому дѣлу воли. И тѣмъ самымъ начальники сего войска, обучившіеся сему ремеслу, утверждаютъ, что ни въ чемъ они не властны, когда къ чему не приступитъ чернь, называемая ими товариществомъ; а что принадлежитъ до сей черни, то оная и въ самой вещи наполнена невѣжествомъ и слабостью къ пьянству, и по простотѣ своей природы и безъ той ихъ старшинской внушаемой науки довольно глупа; но однакожъ столько повинны и порабощены, что послушанія таковаго въ разумномъ и распоряженномъ народѣ бываетъ невсегда и нельзя не быть, по ихъ обыкновенію, потому что хотя бы и малѣйшая противность примѣчена за кѣмъ была, властенъ кошевой атаманъ безъ всякого суда, да хотя бы и безъ вины, не отвѣтствуя никому, приказать лишить жизни, а въ сущемъ дѣлѣ, имѣя только въ предметѣ къ пользѣ однихъ своихъ личныхъ интересовъ, почерпающихся между внушенною простотою своей чер-

ни; ибо нерѣдко случается, что тѣ же старшины, казавшіеся въ Сѣчи Запорожской ничего не понимающими, побывъ нѣсколько лѣтъ выѣзжаютъ въ Малороссію съ хорошими капиталами и изъ бѣднаго студента происходятъ въ чиновники, а съ тѣмъ чиномъ, вмѣсто того, что онъ въ Сѣчи Запорожской не зналъ грамотѣ россійской, вдругъ рождаются и другія науки.

14) Всякій начальникъ у нихъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ, или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственной свой карманъ, какого бы то капиталу онъ ни былъ, и никому за то не отвѣтствуетъ; а кольми паче въ волокитствѣ, хотя бы виновный и безъ приличи приведенъ былъ, всячески старялсь найдтить истину его прегрѣшенія, сему наказанію подвергаютъ; о чемъ находящіеся при старшинахъ письменные, кои генерально изъ малороссійскихъ школьниковъ у нихъ бываютъ, не пропускаютъ времени усугублять свое попеченіе о надсматриваніи за богатыми казаками, обходя бѣдныхъ.

15) Мѣста тѣ, которыя граничатъ съ Запорожцами, никогда въ желаемый порядокъ приведены и успокоены быть не могутъ. Они тѣхъ сосѣдей своихъ, разстроенныхъ порядкомъ, разоряютъ безпрестанно: дѣлаютъ набѣги, отнимаютъ близъ ихъ лежащую землю, съ населенными людьми, и разными опыя старшины алчностями къ прибыткамъ, пріобрѣтаютъ изъ нихъ свои интересы, какъ такіе люди, которые для того только и жертвуютъ своимъ состояніемъ сему образу гнусной жизни, чтобъ, успѣвъ нажиться, выйдти скорѣе обратно въ тотъ край, гдѣ единоземцы его въ жизни своей чувствуютъ спокойствіе и благоденствіе. Какого бы рода и званія ни былъ человѣкъ, уволенный ли отколь, или бѣглецъ, они его принимаютъ, а въ сосѣдственныхъ мѣстахъ простой народъ подговариваютъ и тѣмъ дѣлаютъ въ податяхъ и службѣ государевой подрывъ. Чрезъ то никакого основательнаго и крѣпкаго въ оныхъ сосѣдственныхъ съ ними мѣстахъ учрежденія, въ разсужденіи побѣговъ и скрывалища безпрепятственнаго, сдѣлать не возможно. Юношество и молодыхъ несовершеннаго разума людей сколько обманомъ, а иногда увозятъ при удобномъ случаѣ и неволею. Нерѣдко случается, что достаются имъ въ добычу и благородныхъ людей дѣти, имѣющіе начало въ наукахъ, и вмѣсто того, что возросшій съ лѣтами его разумъ полезенъ бы былъ обществу, то у нихъ, какъ по молодости своей не могущи проникнуть старшинскаго притворнаго обращенія, которые пьяницами и непо-

ни; ибо нерѣдко случается, что тѣ же старшины, казавшіеся въ Сѣчи Запорожской ничего не понимающими, побывъ нѣсколько лѣтъ выѣзжаютъ въ Малороссію съ хорошими капиталами и изъ бѣднаго студента происходятъ въ чиновники, а съ тѣмъ чиномъ, вмѣсто того, что онъ въ Сѣчи Запорожской не зналъ грамотѣ россійской, вдругъ рождаются и другія науки.

14) Всякій начальникъ у нихъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ, или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственной свой карманъ, какого бы то капиталу онъ ни былъ, и никому за то не отвѣтствуетъ; а кольми паче въ волокитствѣ, хотя бы виновный и безъ приличи приведенъ былъ, всячески старялсь найдтить истину его прегрѣшенія, сему наказанію подвергаютъ; о чемъ находящіеся при старшинахъ письменные, кои генерально изъ малороссійскихъ школьниковъ у нихъ бываютъ, не пропускаютъ времени усугублять свое попеченіе о надсматриваніи за богатыми казаками, обходя бѣдныхъ.

15) Мѣста тѣ, которыя граничатъ съ Запорожцами, никогда въ желаемый порядокъ приведены и успокоены быть не могутъ. Они тѣхъ сосѣдей своихъ, разстроенныхъ порядкомъ, разоряютъ безпрестанно: дѣлаютъ набѣги, отнимаютъ близъ ихъ лежащую землю, съ населенными людьми, и разными опыя старшины алчностями къ прибыткамъ, пріобрѣтаютъ изъ нихъ свои интересы, какъ такіе люди, которые для того только и жертвуютъ своимъ состояніемъ сему образу гнусной жизни, чтобъ, успѣвъ нажиться, выйдти скорѣе обратно въ тотъ край, гдѣ единоземцы его въ жизни своей чувствуютъ спокойствіе и благоденствіе. Какого бы рода и званія ни былъ человѣкъ, уволенный ли отколь, или бѣглецъ, они его принимаютъ, а въ сосѣдственныхъ мѣстахъ простой народъ подговариваютъ и тѣмъ дѣлаютъ въ податяхъ и службѣ государевой подрывъ. Чрезъ то никакого основательнаго и крѣпкаго въ оныхъ сосѣдственныхъ съ ними мѣстахъ учрежденія, въ разсужденіи побѣговъ и скрывалища безпрепятственнаго, сдѣлать не возможно. Юношество и молодыхъ несовершеннаго разума людей сколько обманомъ, а иногда увозятъ при удобномъ случаѣ и неволею. Нерѣдко случается, что достаются имъ въ добычу и благородныхъ людей дѣти, имѣющіе начало въ наукахъ, и вмѣсто того, что возросшій съ лѣтами его разумъ полезенъ бы былъ обществу, то у нихъ, какъ по молодости своей не могущи проникнуть старшинскаго притворнаго обращенія, которые пьяницами и непо-

пятными никогда не бывали, и въ самой вещи пріучаются между симъ обществомъ невѣжеству и пьянству. Словомъ, ни одно войско регулярное пройдти по ихъ землѣ никогда не можетъ, чтобъ они его не убавили своими подговорами и принятіемъ бѣглецовъ.

16) Говорятъ при томъ запорожскіе старшины, что у нихъ въ войскѣ есть разнаго рода иностранные люди и наполняютъ его со всѣхъ сторонъ; но однакоже великаго бы имъ труда стоило, еслибъ они во всей своей землѣ отыскали нѣсколько человѣкъ, прибѣгающихъ къ нимъ иногда Армянъ, Грековъ и Жидовъ; да могутъ и хвалиться, что черезъ нынѣшнюю войну, ниже Стараго Кодака, у Днѣпра, населили село Волоховъ; а впрочемъ, какъ сами, а не старшины, такъ и всѣ ихъ казаки населившіеся есть природные россійскаго престола, а нѣкоторые, но весьма малая часть есть въ числѣ оныхъ изъ польской Украйны.

17) Родъ сей въ правительствѣ ихъ секты весьма хитеръ, проницателенъ и осторожень въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ таковою вольностію, чрезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная не подвергалась законамъ своего отечества, и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная была и неограниченная порядкомъ.

18) И потомъ, недовольно внутреннія свои прибыли, но и весь оный шаръ земли обращать стараются въ неизвѣстность и неполезность на какое обществу распоряженіе.

19) Одинъ генералъ въ 1763 г., по бытности своей въ Украйнѣ, послалъ къ нимъ съ просьбою, чтобъ нѣсколько товаровъ изъ Сѣчи сплавить въ Очаковъ Днѣпромъ; однако они, держась своей осторожности, не премнули упредить, дабы такіе люди дороги къ нимъ впередъ не накладывали и тѣ товары на камень, который лежитъ въ Днѣпрѣ, ниже рѣки Рогачика и урочища, называемаго Насоповская плавня, накрытый водою, къ крымскому берегу, въ небольшихъ лодкахъ посадили; а недовольно ихъ запорожскія лодки, но и турецкіе большіе корабли всегда приходятъ благополучно; и доказываетъ сіе то, что въ нынѣшнюю войну, когда турецкая флотилія вошла въ Днѣпръ, и Запорожцы ихъ прогнали, то разбитый при томъ сраженіи одинъ корабль, выше Шингерейскаго ретраншемента, противъ урочища Вилвалъ и нынѣ лежитъ и видѣнъ, и хотя оный небольшой величины, однакожъ на немъ было, съ военными людьми, девять пушекъ, но были же въ той флотиліи конечно и больше.

20) А при томъ Запорожцы не забываютъ смотрѣть и на об-

пятными никогда не бывали, и въ самой вещи пріучаются между симъ обществомъ невѣжеству и пьянству. Словомъ, ни одно войско регулярное пройдти по ихъ землѣ никогда не можетъ, чтобъ они его не убавили своими подговорами и принятіемъ бѣглецовъ.

16) Говорятъ при томъ запорожскіе старшины, что у нихъ въ войскѣ есть разнаго рода иностранные люди и наполняютъ его со всѣхъ сторонъ; но однакоже великаго бы имъ труда стоило, еслибъ они во всей своей землѣ отыскали нѣсколько человѣкъ, прибѣгающихъ къ нимъ иногда Армянъ, Грековъ и Жидовъ; да могутъ и хвалиться, что черезъ нынѣшнюю войну, ниже Стараго Кодака, у Днѣпра, населили село Волоховъ; а впрочемъ, какъ сами, а не старшины, такъ и всѣ ихъ казаки населившіеся есть природные россійскаго престола, а нѣкоторые, но весьма малая часть есть въ числѣ оныхъ изъ польской Украйны.

17) Родъ сей въ правительствѣ ихъ секты весьма хитеръ, проницателенъ и осторожень въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ таковою вольностію, чрезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная не подвергалась законамъ своего отечества, и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная была и неограниченная порядкомъ.

18) И потомъ, недовольно внутреннія свои прибыли, но и весь оный шаръ земли обращать стараются въ неизвѣстность и неполезность на какое обществу распоряженіе.

19) Одинъ генералъ въ 1763 г., по бытности своей въ Украйнѣ, послалъ къ нимъ съ просьбою, чтобъ нѣсколько товаровъ изъ Сѣчи сплавить въ Очаковъ Днѣпромъ; однако они, держась своей осторожности, не премнули упредить, дабы такіе люди дороги къ нимъ впередъ не накладывали и тѣ товары на камень, который лежитъ въ Днѣпрѣ, ниже рѣки Рогачика и урочища, называемаго Насоповская плавня, накрытый водою, къ крымскому берегу, въ небольшихъ лодкахъ посадили; а недовольно ихъ запорожскія лодки, но и турецкіе большіе корабли всегда приходятъ благополучно; и доказываетъ сіе то, что въ нынѣшнюю войну, когда турецкая флотилія вошла въ Днѣпръ, и Запорожцы ихъ прогнали, то разбитый при томъ сраженіи одинъ корабль, выше Шингерейскаго ретраншемента, противъ урочища Вилвалъ и нынѣ лежитъ и видѣнъ, и хотя оный небольшой величины, однакожъ на немъ было, съ военными людьми, девять пушекъ, но были же въ той флотиліи конечно и больше.

20) А при томъ Запорожцы не забываютъ смотрѣть и на об-

стоятельства политическія и по оными себя измѣрять, когда имъ прибавить или убавить своей смѣлости и говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время, когда имъ что-нибудь предпринять на примѣръ:

21) Какъ скоро нынѣшняя съ Портою Отоманскою война открылась, то Запорожцы тотчасъ въ совѣтѣ своемъ положили—всѣ селенія, лежащія отъ устья Самары до рѣки Конской по рѣкамъ Волчей, Бердамъ, Сухимъ и Мокрымъ Яламъ, по Торцу и по Калміусу, сжечь, а нѣкоторыя оставить безъ жителей, что̀ того жь времени и исполнили: селеніе Усть-Калміусъ, гдѣ было дворовъ до пятисотъ и церковь, сожгли, а жителей всѣхъ согнали къ устью Самары и къ Сѣчи Запорожской; а тоже самое сдѣлали и въ живущихъ при Днѣпрѣ, ниже Сѣчи Запорожской, къ рѣкѣ Бугу и къ Елисаветградской провинціи. Но что бы отъ сего заключить? Если согласно говорить съ Запорожцами, можно сказать, что они сдѣлали хорошо, дабы ихъ люди, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, на ихъ зимовникахъ, не сдѣлались непріятелю жертвою; но если жь посмотрѣть въ послѣдующее потомъ съ Новороссійскою губерніею ихъ обращеніе, то конечно, увидѣть можно, не было ли тогда у Запорожцевъ на умѣ, чтобы вправо къ Елисаветградской провинціи, а влѣво къ Старой линіи и до Бахмута, Татары очистили имъ земли по ихъ батйревой грамотѣ, по которой они имѣютъ дѣло съ Новороссійскою губерніею.

22) Сіе доказываетъ то, что еслибъ Запорожцы въ охраненіи отечества своего границы, войска своего въ одно мѣсто не сбирали, а оставили бы хотя по малой части при устьяхъ рѣкъ Московкь, къ вершинамъ Волчей и посреди рѣки Калміуса, а въ правую сторону къ устью Буга и устью рѣки Синюхи, то Татарамъ приходить бы было трудно, или по крайности свѣдомъ бы былъ непріятель о его предпріятіяхъ и удерживамъ, поколь собрались бы россійскія войска онаго преслѣдовать, и имъ отдалять отъ себя опасности не было никакой въ разсужденіи свободной ретирады къ россійскимъ границамъ; но вмѣсто онаго, увидя напослѣдокъ, что Татары ворвались въ границы Новороссійской губерніи, большаго вреда не сдѣлали и селенія оныя остались въ своей силѣ, Запорожцы, спустя тѣ татарскіе набѣги, въ скоромъ времени начали отнимать и отняли отъ Новороссійской губерніи земли съ населенными людьми отъ Елисаветградской провинціи по самыя ротныя селенія полковъ Молдавскаго и Елисаветградскаго, отъ Екатерининской провинціи, съ служащими Донецкаго

стоятельства политическія и по оными себя измѣрять, когда имъ прибавить или убавить своей смѣлости и говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время, когда имъ что-нибудь предпринять на примѣръ:

21) Какъ скоро нынѣшняя съ Портою Отоманскою война открылась, то Запорожцы тотчасъ въ совѣтѣ своемъ положили—всѣ селенія, лежащія отъ устья Самары до рѣки Конской по рѣкамъ Волчей, Бердамъ, Сухимъ и Мокрымъ Яламъ, по Торцу и по Калміусу, сжечь, а нѣкоторыя оставить безъ жителей, что̀ того жь времени и исполнили: селеніе Усть-Калміусъ, гдѣ было дворовъ до пятисотъ и церковь, сожгли, а жителей всѣхъ согнали къ устью Самары и къ Сѣчи Запорожской; а тоже самое сдѣлали и въ живущихъ при Днѣпрѣ, ниже Сѣчи Запорожской, къ рѣкѣ Бугу и къ Елисаветградской провинціи. Но что бы отъ сего заключить? Если согласно говорить съ Запорожцами, можно сказать, что они сдѣлали хорошо, дабы ихъ люди, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, на ихъ зимовникахъ, не сдѣлались непріятелю жертвою; но если жь посмотрѣть въ послѣдующее потомъ съ Новороссійскою губерніею ихъ обращеніе, то конечно, увидѣть можно, не было ли тогда у Запорожцевъ на умѣ, чтобы вправо къ Елисаветградской провинціи, а влѣво къ Старой линіи и до Бахмута, Татары очистили имъ земли по ихъ батйревой грамотѣ, по которой они имѣютъ дѣло съ Новороссійскою губерніею.

22) Сіе доказываетъ то, что еслибъ Запорожцы въ охраненіи отечества своего границы, войска своего въ одно мѣсто не сбирали, а оставили бы хотя по малой части при устьяхъ рѣкъ Московкь, къ вершинамъ Волчей и посреди рѣки Калміуса, а въ правую сторону къ устью Буга и устью рѣки Синюхи, то Татарамъ приходить бы было трудно, или по крайности свѣдомъ бы былъ непріятель о его предпріятіяхъ и удерживамъ, поколь собрались бы россійскія войска онаго преслѣдовать, и имъ отдалять отъ себя опасности не было никакой въ разсужденіи свободной ретирады къ россійскимъ границамъ; но вмѣсто онаго, увидя напослѣдокъ, что Татары ворвались въ границы Новороссійской губерніи, большаго вреда не сдѣлали и селенія оныя остались въ своей силѣ, Запорожцы, спустя тѣ татарскіе набѣги, въ скоромъ времени начали отнимать и отняли отъ Новороссійской губерніи земли съ населенными людьми отъ Елисаветградской провинціи по самыя ротныя селенія полковъ Молдавскаго и Елисаветградскаго, отъ Екатерининской провинціи, съ служащими Донецкаго

полку пикинерами, по рѣкѣ Орель, отъ вершины оной по Старую линію, а также и отъ Изюмской провинціи; и дѣлали сіе отнятіе самымъ хитрѣйшимъ образомъ: какъ скоро пошлютъ команду отъ котораго селенія отнимать, то въ то жь время отправять депутата въ Петербургъ съ просьбой, что они обижены отъ Новороссійской губерніи.

23) Не удовольствуясь же тѣмъ отнятіемъ селъ и деревень, обнадеживъ себя, что имъ была въ томъ удача, вдругъ противъ городовъ Бахмута, Тора и Изюма и близъ самой Старой линіи и противъ полковъ пикинернаго Донецкаго и Елисаветградскаго и гусарскаго Молдавскаго, въ виду тѣхъ селеній, подѣлали полковыя избы, называемыя ими, Запорожцами, паланами, и всякую тягость народную какъ обыкновенно во время военное случается; начали наклыкать вольность, обѣщавши приходящимъ къ нимъ людямъ по два года льготы; почему въ сіе короткое время наклыкали и населили преждеупомянутые дворовъ болѣе двадцати-пяти тысячъ, слободы, дѣйствительно изъ жителей Новороссійской губерніи и частію изъ Малороссіи и Слободской губерніи.

24) Когда же успѣли Запорожцы отнять земли и сдѣлаться Новороссійской губерніи такъ ближними сосѣдями, то завели безпрестанную и конечно вседневную ссору и чинять великія разоренія, грабятъ безпрестанно, отгоняютъ скотъ, умерщвляютъ людей, жгутъ селенія и лишаютъ хлѣбопашества и единственно только для того, чтобъ люди къ нимъ переходили, а землю, на которой они обитаютъ, оставляли впустѣ, дабы и оною имъ впредь воспользоваться.

25) Теперь Запорожцы поселили на отличныхъ земляхъ, противъ всей Новороссійской губерніи, зачавъ отъ Молдавскаго полку, до рѣки Донца, а Слободской губерніи, противъ Изюма и Тора, а также и противъ Бахмута великія слободы, заграждаютъ свои пустыя, впереди оныхъ лежащія земли тѣми поселянами, а тѣ великія степныя мѣста, отъ Самары и отъ Калміуса до Азовскаго моря, на рѣку Конскую, а отъ Елисаветградскаго и Молдавскаго полковъ до Днѣпра оставляютъ впустѣ, въ намѣреніи, чтобъ той пустой и необъятной ими земли было всегда у нихъ много, ко удобности той, чтобъ было гдѣ въ случаѣ скрыть имъ что-нибудь встрѣчающееся.

26) Нынѣ они, утвердя свои границы самовластно, ведутъ министерію своими просьбами объ отдачѣ имъ земель по батыревой грамотѣ (коей они подлинной, какъ я слыхалъ, не имѣютъ, а

полку пикинерами, по рѣкѣ Орель, отъ вершины оной по Старую линію, а также и отъ Изюмской провинціи; и дѣлали сіе отнятіе самымъ хитрѣйшимъ образомъ: какъ скоро пошлютъ команду отъ котораго селенія отнимать, то въ то жь время отправять депутата въ Петербургъ съ просьбой, что они обижены отъ Новороссійской губерніи.

23) Не удовольствуясь же тѣмъ отнятіемъ селъ и деревень, обнадеживъ себя, что имъ была въ томъ удача, вдругъ противъ городовъ Бахмута, Тора и Изюма и близъ самой Старой линіи и противъ полковъ пикинернаго Донецкаго и Елисаветградскаго и гусарскаго Молдавскаго, въ виду тѣхъ селеній, подѣлали полковыя избы, называемыя ими, Запорожцами, паланами, и всякую тягость народную какъ обыкновенно во время военное случается; начали наклыкать вольность, обѣщавши приходящимъ къ нимъ людямъ по два года льготы; почему въ сіе короткое время наклыкали и населили преждеупомянутые дворовъ болѣе двадцати-пяти тысячъ, слободы, дѣйствительно изъ жителей Новороссійской губерніи и частію изъ Малороссіи и Слободской губерніи.

24) Когда же успѣли Запорожцы отнять земли и сдѣлаться Новороссійской губерніи такъ ближними сосѣдями, то завели безпрестанную и конечно вседневную ссору и чинять великія разоренія, грабятъ безпрестанно, отгоняютъ скотъ, умерщвляютъ людей, жгутъ селенія и лишаютъ хлѣбопашества и единственно только для того, чтобъ люди къ нимъ переходили, а землю, на которой они обитаютъ, оставляли впустѣ, дабы и оною имъ впредь воспользоваться.

25) Теперь Запорожцы поселили на отличныхъ земляхъ, противъ всей Новороссійской губерніи, зачавъ отъ Молдавскаго полку, до рѣки Донца, а Слободской губерніи, противъ Изюма и Тора, а также и противъ Бахмута великія слободы, заграждаютъ свои пустыя, впереди оныхъ лежащія земли тѣми поселянами, а тѣ великія степныя мѣста, отъ Самары и отъ Калміуса до Азовскаго моря, на рѣку Конскую, а отъ Елисаветградскаго и Молдавскаго полковъ до Днѣпра оставляютъ впустѣ, въ намѣреніи, чтобъ той пустой и необъятной ими земли было всегда у нихъ много, ко удобности той, чтобъ было гдѣ въ случаѣ скрыть имъ что-нибудь встрѣчающееся.

26) Нынѣ они, утвердя свои границы самовластно, ведутъ министерію своими просьбами объ отдачѣ имъ земель по батыревой грамотѣ (коей они подлинной, какъ я слыхалъ, не имѣютъ, а

пользуются полученною малороссійскаго Миргородскаго полку, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, отъ какого-то старшины копіею), чтобы всю Елисаветградскую провинцію свесть и имъ отдать, а также земли отъ устья рѣки Орели на Донецъ-донскихъ селеній, въ которую дачу входятъ города Торъ и Бахмутъ, съ принадлежностями, а также и Бахмутскій гусарскій полкъ, готовятъ же просьбу и объ отставленіи новозаведенной при рѣкахъ Московкѣ, Конской и Бердахъ линіи, поелику по оной дѣлаются крѣпости на ихъ земляхъ, и они чувствуютъ будто бы утѣсненіе, а самой вещи главнѣйшій ихъ предметъ тотъ, что хотя бъ у нихъ и больше еще земли взяли, нежели какъ они имѣютъ претензію, но только бъ они оставлены были при ихъ безпредѣльныхъ вольностяхъ и, при оныхъ оставшись, получить утвержденіе на свою межу, да прилежно пекутся, дабы ихъ границы были соединены съ Донскимъ войскомъ.

27) Словомъ, маленькій сей кусокъ земли примѣтенъ относительно до общества, а оный навѣрное не таковъ въ самой вещи, по нынѣшнему ихъ положенію и жизни, какъ объ оныхъ заключаютъ по ихъ виду.

28) Прежде Запорожцы были бѣдны, а нынѣ всѣ они богаты, и подчиненные ихъ привязаны ко всякой повинности; гдѣ прежде у нихъ были хутора, тамъ нынѣ распространились великія селенія, и живутъ домами, имѣютъ женъ, дѣтей, хорошее скотоводство и промыслы.

29) Старшины, это правда, что не женаты, однакожь своими великими экономіями также подвергаютъ себя, въ случаѣ какого объ нихъ учрежденія, всему, что бы ни случилось, повиновенію, а прочихъ бродягъ, кои до сихъ временъ часто, по несогласію старшинъ, за начальническія мѣста дѣлали между собою драки, подобныя бунтамъ, нынѣ немного, то ихъ тѣ же самые женатые казаки усмиряютъ; да хотя бы онаго сброду тысяча какая и разошлась, то оное ничего не значитъ.

30) Въ заключеніе же скажу, что хотя министерія запорожскихъ старшинъ велика и удачлива, однакожь и то самое неоспоримо они знаютъ, что въ случаѣ нехотѣнія ихъ оставлять долѣе на такой ногѣ, исполнятъ они какъ бы всякой вѣрноподданный.

пользуются полученною малороссійскаго Миргородскаго полку, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, отъ какого-то старшины копіею), чтобы всю Елисаветградскую провинцію свесть и имъ отдать, а также земли отъ устья рѣки Орели на Донецъ-донскихъ селеній, въ которую дачу входятъ города Торъ и Бахмутъ, съ принадлежностями, а также и Бахмутскій гусарскій полкъ, готовятъ же просьбу и объ отставленіи новозаведенной при рѣкахъ Московкѣ, Конской и Бердахъ линіи, поелику по оной дѣлаются крѣпости на ихъ земляхъ, и они чувствуютъ будто бы утѣсненіе, а самой вещи главнѣйшій ихъ предметъ тотъ, что хотя бъ у нихъ и больше еще земли взяли, нежели какъ они имѣютъ претензію, но только бъ они оставлены были при ихъ безпредѣльныхъ вольностяхъ и, при оныхъ оставшись, получить утвержденіе на свою межу, да прилежно пекутся, дабы ихъ границы были соединены съ Донскимъ войскомъ.

27) Словомъ, маленькій сей кусокъ земли примѣтенъ относительно до общества, а оный навѣрное не таковъ въ самой вещи, по нынѣшнему ихъ положенію и жизни, какъ объ оныхъ заключаютъ по ихъ виду.

28) Прежде Запорожцы были бѣдны, а нынѣ всѣ они богаты, и подчиненные ихъ привязаны ко всякой повинности; гдѣ прежде у нихъ были хутора, тамъ нынѣ распространились великія селенія, и живутъ домами, имѣютъ женъ, дѣтей, хорошее скотоводство и промыслы.

29) Старшины, это правда, что не женаты, однакожь своими великими экономіями также подвергаютъ себя, въ случаѣ какого объ нихъ учрежденія, всему, что бы ни случилось, повиновенію, а прочихъ бродягъ, кои до сихъ временъ часто, по несогласію старшинъ, за начальническія мѣста дѣлали между собою драки, подобныя бунтамъ, нынѣ немного, то ихъ тѣ же самые женатые казаки усмиряютъ; да хотя бы онаго сброду тысяча какая и разошлась, то оное ничего не значитъ.

30) Въ заключеніе же скажу, что хотя министерія запорожскихъ старшинъ велика и удачлива, однакожь и то самое неоспоримо они знаютъ, что въ случаѣ нехотѣнія ихъ оставлять долѣе на такой ногѣ, исполнятъ они какъ бы всякой вѣрноподданный.

II.

ЗАПОРОЖСКІЙ СТАРШИНА ВЫСОЦКІЙ.

1.

Донесеніе князя В. М. Долгорукова императрицѣ Екатеринѣ II.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня и самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая государыня!

Въ 18-й день сего мѣсяца войска Запорожскаго низоваго кошевой атаманъ при допошеніи своемъ представилъ ко мнѣ возвратившагося въ Сѣчу изъ Польши того войска полковаго старшину Высоцкаго, который, пришедъ къ нему, объявилъ, что онъ имѣлъ переписку съ Поляками о измѣнѣ войскомъ Запорожскимъ, и какъ онъ въ нее вмѣстилъ и его кошеваго имя, и онъ, не распрашивая далѣе, для учиненія допроса на разсмотрѣніе представилъ ко мнѣ,—который и спрашивавъ и показалъ, что онъ къ Кіевскому воеводѣ Потоцкому и къ чеснику Волынскому Прушинскому писалъ два письма, копми обнадеживалъ ихъ, будто бы войско Запорожское намѣрено Вашему Императорскому Величеству измѣнить и быть въ согласіи съ конфедератами; а какъ онъ Высоцкій въ другой разъ въ Польшу пріѣхалъ, то показанный чесникъ Прушинскій и ловчій Бучковскій уговаривали его, чтобъ онъ ѣхалъ въ Сѣчь и тамъ бы оканчивалъ обѣщанное имъ, убѣждая его просьбою: теперь де уже и время къ тому наступило; но онъ отговаривался выступленіемъ войска въ походъ, а при томъ выговорили, что о семъ писано дворамъ цесарскому и французскому, то онъ и больше отговариваться началъ, наконецъ сего по пріѣздѣ, въ послѣдній разъ будучи онъ въ Бердычевѣ, отъ тамошнихъ таможенныхъ служителей называемъ былъ измѣнникомъ—изъ сего онъ Высоцкій и понялъ, что ему уже ни какъ отъ сего избавиться не можно, принужденъ былъ ѣхать въ Сѣчь и въ томъ признаться,—для чего, въ утвержденіе въ томъ истины, отсланъ былъ къ здѣшнему священнику ради увѣщанія, однакожь и по тому утвердился на прежнемъ своемъ допросѣ, съ котораго при семъ всеподданнѣйше подношу копію, изъ котораго высочайше усмотрѣть соизволите, что о сей перепискѣ ни съ кѣмъ изъ войска Запорожскаго онъ согласія не имѣлъ и ни кому до извѣщенія своего не сказывалъ.

Во утвержденіе сего не оставилъ я, всемилостивѣйшая государыня, коль скоро сіе получилъ, тотчасъ отправить для развѣданія

II.

ЗАПОРОЖСКІЙ СТАРШИНА ВЫСОЦКІЙ.

1.

Донесеніе князя В. М. Долгорукова императрицѣ Екатеринѣ II.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня и самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая государыня!

Въ 18-й день сего мѣсяца войска Запорожскаго низоваго кошевой атаманъ при допошеніи своемъ представилъ ко мнѣ возвратившагося въ Сѣчу изъ Польши того войска полковаго старшину Высоцкаго, который, пришедъ къ нему, объявилъ, что онъ имѣлъ переписку съ Поляками о измѣнѣ войскомъ Запорожскимъ, и какъ онъ въ нее вмѣстилъ и его кошеваго имя, и онъ, не распрашивая далѣе, для учиненія допроса на разсмотрѣніе представилъ ко мнѣ,—который и спрашивавъ и показалъ, что онъ къ Кіевскому воеводѣ Потоцкому и къ чеснику Волынскому Прушинскому писалъ два письма, копми обнадеживалъ ихъ, будто бы войско Запорожское намѣрено Вашему Императорскому Величеству измѣнить и быть въ согласіи съ конфедератами; а какъ онъ Высоцкій въ другой разъ въ Польшу пріѣхалъ, то показанный чесникъ Прушинскій и ловчій Бучковскій уговаривали его, чтобъ онъ ѣхалъ въ Сѣчь и тамъ бы оканчивалъ обѣщанное имъ, убѣждая его просьбою: теперь де уже и время къ тому наступило; но онъ отговаривался выступленіемъ войска въ походъ, а при томъ выговорили, что о семъ писано дворамъ цесарскому и французскому, то онъ и больше отговариваться началъ, наконецъ сего по пріѣздѣ, въ послѣдній разъ будучи онъ въ Бердычевѣ, отъ тамошнихъ таможенныхъ служителей называемъ былъ измѣнникомъ—изъ сего онъ Высоцкій и понялъ, что ему уже ни какъ отъ сего избавиться не можно, принужденъ былъ ѣхать въ Сѣчь и въ томъ признаться,—для чего, въ утвержденіе въ томъ истины, отсланъ былъ къ здѣшнему священнику ради увѣщанія, однакожь и по тому утвердился на прежнемъ своемъ допросѣ, съ котораго при семъ всеподданнѣйше подношу копію, изъ котораго высочайше усмотрѣть соизволите, что о сей перепискѣ ни съ кѣмъ изъ войска Запорожскаго онъ согласія не имѣлъ и ни кому до извѣщенія своего не сказывалъ.

Во утвержденіе сего не оставилъ я, всемилостивѣйшая государыня, коль скоро сіе получилъ, тотчасъ отправить для развѣданія

между войскомъ, но изъ онаго ни въ одномъ человѣкѣ не примѣчено, чтобъ хотя малая отмѣна въ усердіи къ службѣ Вашего Императорскаго Величества была и уже совсѣмъ къ выступленію въ походъ изготовлялись съ такимъ желаніемъ, съ какимъ и прежде службу продолжали,—для чего, всеподданнѣйше испрашивая повелѣнія, что съ нимъ, Высоцкимъ, за такую противную и вымышленную переписку учинить указать соизволите, а до полученія онаго содержанъ будетъ подъ крѣпкимъ присмотромъ. Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйшій рабъ князь Долгоруковъ.

Апрѣля 30-го дня 1772 года.
Отъ благополучнаго города Полтавы.

2.

Показанія Высоцкаго.

1772 года іюля дня, присланный сюда отъ генералъ-аншефа князя Долгорукова войска Запорожскаго полковой старшина Максимъ Высоцкій показалъ, что по четыревременной поѣздки его изъ Сѣчи въ Польшу для торговаго промысла, въ 768 году по нынѣшній годъ, познакомясь онъ со многими Поляками, чрезъ разговоры ихъ примѣтилъ онъ, что почти всѣ Поляки, почитаемые стороны королевской, не имѣютъ къ королю прямой вѣрности и усердія, такъ какъ и доброхотства къ Россіи, а показываютъ только одну наружность, но самою вещію имѣютъ больше наклонности къ конфедератамъ. Сіе же доказывать онъ, Высоцкій, разговорами ихъ слѣдующими.

1) Когда извѣстно было, что Турецкая Порта вознамѣрилась разорвать съ Россіею миръ, и въ Польшѣ одна бунтующая партія, назвавшаяся изъ Запорожской Сѣчи подъ командою нѣкоего Желѣзняка, разоряла Поляковъ и Жидовъ,—то послѣ сего времени пріѣхалъ онъ, Высоцкій, для собранія своихъ долговъ за проданный имъ анисъ въ польское село Цебермановку, и бывъ тамъ, управителемъ Руцкимъ и другими шляхтичами ласково въ компаніяхъ принимань, между прочими разговорами спрашиванъ отъ нихъ былъ: откуда былъ посланъ означенный Желѣзнякъ на разореніе? На что онъ имъ отвѣчалъ, что „оный Желѣзнякъ отнюдь не изъ Сѣчи Запорожской, но сколько онъ слышалъ отъ ихъ, Поляковъ, что сія партія состояла изъ польскихъ подданныхъ; для чего съ россійской стороны и присланы были команды для истребленія оной“. На что

между войскомъ, но изъ онаго ни въ одномъ человѣкѣ не примѣчено, чтобъ хотя малая отмѣна въ усердіи къ службѣ Вашего Императорскаго Величества была и уже совсѣмъ къ выступленію въ походъ изготовлялись съ такимъ желаніемъ, съ какимъ и прежде службу продолжали,—для чего, всеподданнѣйше испрашивая повелѣнія, что съ нимъ, Высоцкимъ, за такую противную и вымышленную переписку учинить указать соизволите, а до полученія онаго содержанъ будетъ подъ крѣпкимъ присмотромъ. Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйшій рабъ князь Долгоруковъ.

Апрѣля 30-го дня 1772 года.
Отъ благополучнаго города Полтавы.

2.

Показанія Высоцкаго.

1772 года іюля дня, присланный сюда отъ генералъ-аншефа князя Долгорукова войска Запорожскаго полковой старшина Максимъ Высоцкій показалъ, что по четыревременной поѣздки его изъ Сѣчи въ Польшу для торговаго промысла, въ 768 году по нынѣшній годъ, познакомясь онъ со многими Поляками, чрезъ разговоры ихъ примѣтилъ онъ, что почти всѣ Поляки, почитаемые стороны королевской, не имѣютъ къ королю прямой вѣрности и усердія, такъ какъ и доброхотства къ Россіи, а показываютъ только одну наружность, но самою вещію имѣютъ больше наклонности къ конфедератамъ. Сіе же доказывать онъ, Высоцкій, разговорами ихъ слѣдующими.

1) Когда извѣстно было, что Турецкая Порта вознамѣрилась разорвать съ Россіею миръ, и въ Польшѣ одна бунтующая партія, назвавшаяся изъ Запорожской Сѣчи подъ командою нѣкоего Желѣзняка, разоряла Поляковъ и Жидовъ,—то послѣ сего времени пріѣхалъ онъ, Высоцкій, для собранія своихъ долговъ за проданный имъ анисъ въ польское село Цебермановку, и бывъ тамъ, управителемъ Руцкимъ и другими шляхтичами ласково въ компаніяхъ принимань, между прочими разговорами спрашиванъ отъ нихъ былъ: откуда былъ посланъ означенный Желѣзнякъ на разореніе? На что онъ имъ отвѣчалъ, что „оный Желѣзнякъ отнюдь не изъ Сѣчи Запорожской, но сколько онъ слышалъ отъ ихъ, Поляковъ, что сія партія состояла изъ польскихъ подданныхъ; для чего съ россійской стороны и присланы были команды для истребленія оной". На что

они, слышавъ, что онъ, Высоцкій, по польски говоритъ чисто, спросили его: „Конечно де, ты породою изъ Польши?“ И онъ, Высоцкій желая узнать дальнѣйшія ихъ мысли, сказалъ имъ, что предки его изъ Польши. На что они ему говорили: „А когда ты изъ нашего рода, такъ проспимъ тебя, какъ своей крови, и кому не сказывать, мы о секретѣ знаемъ, что не отъ кошевого тѣ бунты произошли, но только единственно отъ Россіи, ибо она, не могши управиться съ нашею конфедераціею, которая зачала было вербовать на Украйнѣ войско, то возмущеніе учинила“. На что онъ, Высоцкій, имъ сказалъ: „Для чего же Россія тѣхъ бунтовщиковъ искоренила ежели она въ томъ дозволила?“ „Для того“, отвѣчали они, „чтобы Турецкая порта и другія стороны за Польшу на Россію не возстали“. На что онъ ихъ спросилъ: „Развѣ за Польшу многія стороны вступиться могутъ“? „Могутъ“, говорили они, „но времени, а теперь только съ согласія другихъ одна Турецкая порта вступилась, а какъ Россія съ нею въ войнѣ обезсилитъ, тогда Цесарія, Франція, Папа Римскій, Испанія, и другія католической вѣры напишутъ Россіи, чтобы она, изъ Польши выступивъ, съ Турками воевать перестала; а ежели не послушаетъ, то всѣ поднявшись, на Россію пойдутъ войною съ конфедераціею“. Что онъ, Высоцкій, слышавъ и потакавъ на ихъ сторону для вывѣдыванія далѣе, спрашивалъ ихъ: для чего они всѣ вмѣстѣ не согласны конфедераціи? „кто-жъ не согласны“? говорили они. „Да вотъ“, сказалъ онъ имъ, „и воевода Кіевскій, вашъ господинъ, не согласенъ, слышно“. „Онъ согласенъ“, сказали они, „и деньги тайно вспомогательныя конфедераціи посылаетъ, только опасается самъ собою вступить для того, чтобы Россія волостей его не разорила. „Не можно ли“, продолжали они съ просьбою, „чтобы Запорожское войско по прежнему пристало къ Польшѣ, а она бы за то въ награжденіе всѣ прежнія земли отдала, такъ, какъ у насъ о семъ слухъ есть“. Почему онъ, Высоцкій, видя, что всѣ они конфедераты и непріятели Россіи, вздумалъ самъ собою, желая отечеству, въ семъ случаѣ услужить, а войско Запорожское въ большую Россіи вѣрность привести, сказалъ имъ: „Можно, только пускай о томъ вашъ господинъ пошлетъ къ кошевому извѣстіе“,—по полученіи коего намѣренъ онъ, Высоцкій, былъ вступить въ допосъ. Но напротивъ сего означенные Поляки просили его, чтобы онъ прежде о томъ къ воеводѣ Кіевскому отписалъ, а онъ де, о семъ извѣстясь, безъ сомнѣнія дастъ знать къ маршалкамъ конфедератскимъ, и въ отвѣтъ напишетъ и пошлетъ къ кошевому. На что онъ, Высоцкій,

они, слышавъ, что онъ, Высоцкій, по польски говоритъ чисто, спросили его: „Конечно де, ты породою изъ Польши?“ И онъ, Высоцкій желая узнать дальнѣйшія ихъ мысли, сказалъ имъ, что предки его изъ Польши. На что они ему говорили: „А когда ты изъ нашего рода, такъ проспимъ тебя, какъ своей крови, и кому не сказывать, мы о секретѣ знаемъ, что не отъ кошевого тѣ бунты произошли, но только единственно отъ Россіи, ибо она, не могши управиться съ нашею конфедераціею, которая зачала было вербовать на Украйнѣ войско, то возмущеніе учинила“. На что онъ, Высоцкій, имъ сказалъ: „Для чего же Россія тѣхъ бунтовщиковъ искоренила ежели она въ томъ дозволила?“ „Для того“, отвѣчали они, „чтобы Турецкая порта и другія стороны за Польшу на Россію не возстали“. На что онъ ихъ спросилъ: „Развѣ за Польшу многія стороны вступиться могутъ“? „Могутъ“, говорили они, „но времени, а теперь только съ согласія другихъ одна Турецкая порта вступилась, а какъ Россія съ нею въ войнѣ обезсилитъ, тогда Цесарія, Франція, Папа Римскій, Испанія, и другія католической вѣры напишутъ Россіи, чтобы она, изъ Польши выступивъ, съ Турками воевать перестала; а ежели не послушаетъ, то всѣ поднявшись, на Россію пойдутъ войною съ конфедераціею“. Что онъ, Высоцкій, слышавъ и потакавъ на ихъ сторону для вывѣдыванія далѣе, спрашивалъ ихъ: для чего они всѣ вмѣстѣ не согласны конфедераціи? „кто-жъ не согласны“? говорили они. „Да вотъ“, сказалъ онъ имъ, „и воевода Кіевскій, вашъ господинъ, не согласенъ, слышно“. „Онъ согласенъ“, сказали они, „и деньги тайно вспомогательныя конфедераціи посылаетъ, только опасается самъ собою вступить для того, чтобы Россія волостей его не разорила. „Не можно ли“, продолжали они съ просьбою, „чтобы Запорожское войско по прежнему пристало къ Польшѣ, а она бы за то въ награжденіе всѣ прежнія земли отдала, такъ, какъ у насъ о семъ слухъ есть“. Почему онъ, Высоцкій, видя, что всѣ они конфедераты и непріятели Россіи, вздумалъ самъ собою, желая отечеству, въ семъ случаѣ услужить, а войско Запорожское въ большую Россіи вѣрность привести, сказалъ имъ: „Можно, только пускай о томъ вашъ господинъ пошлетъ къ кошевому извѣстіе“,—по полученіи коего намѣренъ онъ, Высоцкій, былъ вступить въ допосъ. Но напротивъ сего означенные Поляки просили его, чтобы онъ прежде о томъ къ воеводѣ Кіевскому отписалъ, а онъ де, о семъ извѣстясь, безъ сомнѣнія дастъ знать къ маршалкамъ конфедератскимъ, и въ отвѣтъ напишетъ и пошлетъ къ кошевому. На что онъ, Высоцкій,

отговарпвался, что онъ по польски писать не умѣетъ, сказалъ имъ, что по русски писать не пристойно. Но они ему сказали: „Писарь де нашъ напишетъ только о единой сосѣдственной пріязни, а посланный на словахъ разскажетъ обстоятельно". Которое и написано было писаремъ Маевскимъ въ слѣдующемъ содержаніи: „Я, будучи въ вашей волости по данному мнѣ отъ кошеваго приказу доношу, что кошевой въ пріязни сосѣдственной со всѣмъ войскомъ желателенъ быть въ непарушимости и свой поклонъ чрезъ меня свидѣтельствуетъ". Которое по прочтеніи, разсуждая онъ, Высоцкій, что оно ничего важнаго въ себѣ не содержитъ, подписавъ своимъ именемъ по польски, отдалъ Руцкому, запечатавъ своею печатью, а оный отославъ съ нарочнымъ, но на сіе отвѣта ни какого не получилъ.

2) Послѣ сего случая, въ 770 году въ осеннее время, заѣхавъ оный Высоцкій къ шляхтичу Бельзецкому, коммисару волостей господина Прушинскаго, чесника Волынскаго, слышалъ отъ онаго Бельзецкаго, тоже какъ и вышеписаннаго Руцкаго, и притомъ оный съ сожалѣніемъ говорилъ, что конфедерація ихъ теперь безпомощна. На что онъ, Высоцкій, желая выѣдать отъ того Бельзецкаго прямое намѣреніе, сказалъ ему: „Для чего ваши господа не пишутъ въ Сѣчь?" А при томъ и объявилъ ему, что онъ писалъ къ воеводѣ Кіевскому, объявляя отъ кошеваго сосѣдственную пріязнь, но и до сего времени въ отвѣтъ не получилъ ничего: „Пускай твой господинъ, съѣхавшись съ воеводою, когда имѣютъ согласіе напишутъ къ кошевому, можетъ быть, и согласится". Напротивъ чего оный Бельзецкій просилъ его, чтобы онъ о семъ написалъ письмо къ его господину, что онъ, Высоцкій, и учинилъ, написавъ въ ономъ, что онъ желаетъ видѣться съ нимъ персонально въ проѣздѣ до Бродовъ - города для надобностей, съ повелѣнія ему даннаго отъ кошеваго. Однакожъ онъ, Высоцкій, не дождався на сіе отвѣта, уѣхалъ въ Сѣчь.

3) Какъ же онъ, Высоцкій, въ Польшѣ не всѣ собралъ свои долги, то онъ для сего, будучи отпущенъ отъ кошеваго и накупя смушекъ (то есть, крымскихъ сѣрыхъ овчинъ) въ началѣ 1771 года пріѣхалъ опять въ Польшу и, не доѣзжая Бродовъ, заѣхалъ по дорогѣ къ объявленному Прушинскому въ Семеновъ,—который съ бывшимъ у него шляхтичемъ Бочковскимъ, взявъ его въ особливую комнату, спрашивали: „Можешь ли де ты кончить то дѣло, о чемъ къ намъ писалъ чрезъ Бельзецкаго? Мы съ тѣмъ письмомъ ѣздили къ воеводѣ и дали знать дворамъ цесарскому и францу-

отговарпвался, что онъ по польски писать не умѣетъ, сказалъ имъ, что по русски писать не пристойно. Но они ему сказали: „Писарь де нашъ напишетъ только о единой сосѣдственной пріязни, а посланный на словахъ разскажетъ обстоятельно". Которое и написано было писаремъ Маевскимъ въ слѣдующемъ содержаніи: „Я, будучи въ вашей волости по данному мнѣ отъ кошеваго приказу доношу, что кошевой въ пріязни сосѣдственной со всѣмъ войскомъ желателенъ быть въ непарушимости и свой поклонъ чрезъ меня свидѣтельствуетъ". Которое по прочтеніи, разсуждая онъ, Высоцкій, что оно ничего важнаго въ себѣ не содержитъ, подписавъ своимъ именемъ по польски, отдалъ Руцкому, запечатавъ своею печатью, а оный отославъ съ нарочнымъ, но на сіе отвѣта ни какого не получилъ.

2) Послѣ сего случая, въ 770 году въ осеннее время, заѣхавъ оный Высоцкій къ шляхтичу Бельзецкому, коммисару волостей господина Прушинскаго, чесника Волынскаго, слышалъ отъ онаго Бельзецкаго, тоже какъ и вышеписаннаго Руцкаго, и притомъ оный съ сожалѣніемъ говорилъ, что конфедерація ихъ теперь безпомощна. На что онъ, Высоцкій, желая выѣдать отъ того Бельзецкаго прямое намѣреніе, сказалъ ему: „Для чего ваши господа не пишутъ въ Сѣчь?" А при томъ и объявилъ ему, что онъ писалъ къ воеводѣ Кіевскому, объявляя отъ кошеваго сосѣдственную пріязнь, но и до сего времени въ отвѣтъ не получилъ ничего: „Пускай твой господинъ, съѣхавшись съ воеводою, когда имѣютъ согласіе напишутъ къ кошевому, можетъ быть, и согласится". Напротивъ чего оный Бельзецкій просилъ его, чтобы онъ о семъ написалъ письмо къ его господину, что онъ, Высоцкій, и учинилъ, написавъ въ ономъ, что онъ желаетъ видѣться съ нимъ персонально въ проѣздѣ до Бродовъ - города для надобностей, съ повелѣнія ему даннаго отъ кошеваго. Однакожъ онъ, Высоцкій, не дождався на сіе отвѣта, уѣхалъ въ Сѣчь.

3) Какъ же онъ, Высоцкій, въ Польшѣ не всѣ собралъ свои долги, то онъ для сего, будучи отпущенъ отъ кошеваго и накупя смушекъ (то есть, крымскихъ сѣрыхъ овчинъ) въ началѣ 1771 года пріѣхалъ опять въ Польшу и, не доѣзжая Бродовъ, заѣхалъ по дорогѣ къ объявленному Прушинскому въ Семеновъ,—который съ бывшимъ у него шляхтичемъ Бочковскимъ, взявъ его въ особливую комнату, спрашивали: „Можешь ли де ты кончить то дѣло, о чемъ къ намъ писалъ чрезъ Бельзецкаго? Мы съ тѣмъ письмомъ ѣздили къ воеводѣ и дали знать дворамъ цесарскому и францу-

скому, также и конфедераціи. Не было ли", продолжали они „къ вамъ въ Сѣчь посланца отъ Цесаріи, либо отъ Франціи?" На что онъ сказалъ: „Не было". „Ну", говорили они, „когда можешь заключать о томъ твердость, то намъ отъ воеводы дана власть и отъ конфедераціи, ибо къ воеводѣ не можно тебѣ ѣхать, для того что у него часто россійскіе командиры бываютъ, да и не велѣлъ, чтобы не примѣчено отъ нихъ въ томъ было, а сложилъ на насъ спросить тебя,—ежели можно, такъ мы знаемъ, какъ поступить; а теперь не такъ конфедерація, какъ была прежде, безпорядочна, но приняла регулярство и имѣетъ деньги вспомогательныя, какъ отъ папы, Цесаріи и Франціи, такъ и отъ нашихъ многихъ господъ, и мы всѣ секретно готовы, да и войско, которое называется королевскимъ, только бы хотя мало приближалась конфедерація, то тотчасъ пристанетъ къ ней. А вы имѣете теперь случай хорошъ пристать къ намъ; ибо потомъ, какъ на Россію возстанутъ другія стороны, то и вамъ вмѣстѣ съ Россіею будетъ разореніе, а теперь, когда можно, то конфедерація по своему полномочію что утвердитъ, то такъ и будетъ ненарушимо". На что онъ, Высоцкій, имъ говорилъ: „Какъ же мнѣ вступить въ сіе дѣло, чтобы съ вами контрактоваться? Не возможно, потому что кошевой не имѣетъ отъ васъ о томъ письменнаго извѣстія; такъ вы чрезъ меня напишите къ нему, либо воевода пускай напишетъ". На что они отвѣчали: „Не возможно, мы опасны, чтобы тебя россійскія команды не обыскали; разскажи по пріѣздѣ кошевому на словахъ, и пускай присылаетъ тебя съ другими для контрактованія, а мы между тѣмъ дадимъ знать конфедераціи".

И онъ, Высоцкій, похлѣбствуя имъ, разсказать о семъ кошевому и обѣщалъ. Однакоже онъ, возвратясь въ Сѣчь, никому о томъ не сказывалъ. Послѣ же сего, по зимѣ ѣздя онъ въ Крымъ и накупя тамъ сѣрыхъ овчинокъ, отвезъ оныя опять въ Польшу, гдѣ распродавъ нѣсколько, достальныя за неплатежъ пошлины были у него конфискованы въ Бердецкую камору, гдѣ хотя онъ о возвращеніи оныхъ ему и просилъ, однакоже ему въ томъ отказано. И такъ, получа онъ чрезъ сіе убытку на 1800 руб., возвратился въ Сѣчь на Святой недѣлѣ нынѣшняго года и о всемъ выше писанномъ, что онъ слышалъ отъ Поляковъ, и какія письма самъ писалъ, разсказалъ кошевому, который, выслушавъ отъ него сіе, сказалъ ему: „Что ты дѣлалъ, я того не знаю; поѣзжай, отвѣтствуй самъ". И потомъ тотчасъ приказалъ его сковать и отвезти къ главнокомандующему второю арміею генералу князю Долгорукову, гдѣ онъ и до-

скому, также и конфедераціи. Не было ли", продолжали они „къ вамъ въ Сѣчь посланца отъ Цесаріи, либо отъ Франціи?" На что онъ сказалъ: „Не было". „Ну", говорили они, „когда можешь заключать о томъ твердость, то намъ отъ воеводы дана власть и отъ конфедераціи, ибо къ воеводѣ не можно тебѣ ѣхать, для того что у него часто россійскіе командиры бываютъ, да и не велѣлъ, чтобы не примѣчено отъ нихъ въ томъ было, а сложилъ на насъ спросить тебя,—ежели можно, такъ мы знаемъ, какъ поступить; а теперь не такъ конфедерація, какъ была прежде, безпорядочна, но приняла регулярство и имѣетъ деньги вспомогательныя, какъ отъ папы, Цесаріи и Франціи, такъ и отъ нашихъ многихъ господъ, и мы всѣ секретно готовы, да и войско, которое называется королевскимъ, только бы хотя мало приближалась конфедерація, то тотчасъ пристанетъ къ ней. А вы имѣете теперь случай хорошъ пристать къ намъ; ибо потомъ, какъ на Россію возстанутъ другія стороны, то и вамъ вмѣстѣ съ Россіею будетъ разореніе, а теперь, когда можно, то конфедерація по своему полномочію что утвердитъ, то такъ и будетъ ненарушимо". На что онъ, Высоцкій, имъ говорилъ: „Какъ же мнѣ вступить въ сіе дѣло, чтобы съ вами контрактоваться? Не возможно, потому что кошевой не имѣетъ отъ васъ о томъ письменнаго извѣстія; такъ вы чрезъ меня напишите къ нему, либо воевода пускай напишетъ". На что они отвѣчали: „Не возможно, мы опасны, чтобы тебя россійскія команды не обыскали; разскажи по пріѣздѣ кошевому на словахъ, и пускай присылаетъ тебя съ другими для контрактованія, а мы между тѣмъ дадимъ знать конфедераціи".

И онъ, Высоцкій, похлѣбствуя имъ, разсказать о семъ кошевому и обѣщалъ. Однакоже онъ, возвратясь въ Сѣчь, никому о томъ не сказывалъ. Послѣ же сего, по зимѣ ѣздя онъ въ Крымъ и накупя тамъ сѣрыхъ овчинокъ, отвезъ оныя опять въ Польшу, гдѣ распродавъ нѣсколько, достальныя за неплатежъ пошлины были у него конфискованы въ Бердецкую камору, гдѣ хотя онъ о возвращеніи оныхъ ему и просилъ, однакоже ему въ томъ отказано. И такъ, получа онъ чрезъ сіе убытку на 1800 руб., возвратился въ Сѣчь на Святой недѣлѣ нынѣшняго года и о всемъ выше писанномъ, что онъ слышалъ отъ Поляковъ, и какія письма самъ писалъ, разсказалъ кошевому, который, выслушавъ отъ него сіе, сказалъ ему: „Что ты дѣлалъ, я того не знаю; поѣзжай, отвѣтствуй самъ". И потомъ тотчасъ приказалъ его сковать и отвезти къ главнокомандующему второю арміею генералу князю Долгорукову, гдѣ онъ и до-

прашиванъ былъ. Что же онъ въ то самое время, когда слышалъ отъ Поляковъ, не доносилъ, то сіе учинилъ онъ для того, что хотѣлось ему какъ-нибудь отъ нихъ письменный видъ получить, а безъ того въ доносъ вступить опасался, чтобы не страдать напрасно; при чемъ объявляетъ, что въ послѣднія двѣ его поѣздки въ Польшу съ овчинками, слыша онъ, что при заставахъ жгутъ турецкіе вещи и товары, границу проѣзжалъ не указными дорогами.

Къ сему показанію полковой старшина Максимъ Петровичъ Высоцкій руку приложилъ.

3.

Приговоръ.

1772 года августа 13-го дня, тайный дѣйствительный совѣтникъ сенаторъ графъ Панинъ и генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, выслушавъ произведеннаго здѣсь въ тайной экспедиціи присланному отъ генералъ-аншефа князя Долгорукова Запорожскаго войска полковому старшинѣ Максиму Высоцкому допроса и присланной отъ означеннаго князя Долгорукова реляціи, разсудили учинить слѣдующее:

Объявленный Высоцкій за то, что, слыша онъ отъ Поляковъ показанное въ допросѣ его недоброхотство къ Россійской имперіи, не только о томъ, какъ вѣрный сынъ отечества, въ свое время по долгу присяги своей не донесъ, но еще самъ преподавалъ имъ свои, какъ уже видимымъ непріятелямъ отечеству его, гнусные совѣты, то есть, чтобы Поляки склоняли чрезъ письма запорожскаго кошеваго, а наконецъ еще, писалъ два письма къ Полякамъ, коихъ и содержаніе здѣсь объяснилъ,—въ чемъ во всемъ онъ, Высоцкій, самъ признался, и притомъ не оставилъ напослѣдокъ о семъ своемъ непозволенномъ поступкѣ разсказать и кошевому; хотя же онъ и показываетъ, что де къ Полякамъ онъ письма писалъ, желая болѣе отъ нихъ о недоброхотствѣ ихъ къ Россіи развѣдать, а кошевому де о томъ пересказывалъ для доноса; но по самому существу сего дѣла въ томъ дать ему вѣру не только сомнительно, но и невозможно, потому что, слыша о всемъ томъ еще въ 1770 году, а потомъ и писалъ самъ къ Полякамъ письма, но ни тогда, ни послѣ того однако же кошеваго о томъ ни мало не увѣдомилъ, а скрылъ сіе въ сердцѣ своемъ; да и нынѣшнее его кошевому о семъ дѣлѣ объявленіе произошло не изъ прямаго и должнаго къ Россіи,

прашиванъ былъ. Что же онъ въ то самое время, когда слышалъ отъ Поляковъ, не доносилъ, то сіе учинилъ онъ для того, что хотѣлось ему какъ-нибудь отъ нихъ письменный видъ получить, а безъ того въ доносъ вступить опасался, чтобы не страдать напрасно; при чемъ объявляетъ, что въ послѣднія двѣ его поѣздки въ Польшу съ овчинками, слыша онъ, что при заставахъ жгутъ турецкіе вещи и товары, границу проѣзжалъ не указными дорогами.

Къ сему показанію полковой старшина Максимъ Петровичъ Высоцкій руку приложилъ.

3.

Приговоръ.

1772 года августа 13-го дня, тайный дѣйствительный совѣтникъ сенаторъ графъ Панинъ и генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, выслушавъ произведеннаго здѣсь въ тайной экспедиціи присланному отъ генералъ-аншефа князя Долгорукова Запорожскаго войска полковому старшинѣ Максиму Высоцкому допроса и присланной отъ означеннаго князя Долгорукова реляціи, разсудили учинить слѣдующее:

Объявленный Высоцкій за то, что, слыша онъ отъ Поляковъ показанное въ допросѣ его недоброхотство къ Россійской имперіи, не только о томъ, какъ вѣрный сынъ отечества, въ свое время по долгу присяги своей не донесъ, но еще самъ преподавалъ имъ свои, какъ уже видимымъ непріятелямъ отечеству его, гнусные совѣты, то есть, чтобы Поляки склоняли чрезъ письма запорожскаго кошеваго, а наконецъ еще, писалъ два письма къ Полякамъ, коихъ и содержаніе здѣсь объяснилъ,—въ чемъ во всемъ онъ, Высоцкій, самъ признался, и притомъ не оставилъ напослѣдокъ о семъ своемъ непозволенномъ поступкѣ разсказать и кошевому; хотя же онъ и показываетъ, что де къ Полякамъ онъ письма писалъ, желая болѣе отъ нихъ о недоброхотствѣ ихъ къ Россіи развѣдать, а кошевому де о томъ пересказывалъ для доноса; но по самому существу сего дѣла въ томъ дать ему вѣру не только сомнительно, но и невозможно, потому что, слыша о всемъ томъ еще въ 1770 году, а потомъ и писалъ самъ къ Полякамъ письма, но ни тогда, ни послѣ того однако же кошеваго о томъ ни мало не увѣдомилъ, а скрылъ сіе въ сердцѣ своемъ; да и нынѣшнее его кошевому о семъ дѣлѣ объявленіе произошло не изъ прямаго и должнаго къ Россіи,

видится, усердія, но по явной на Поляковъ за собственную его обиду злобѣ, что конфисковали въ Польшѣ его товары, а если бы сего съ нимъ не случилось, то бы и до нынѣ было имъ, Высоцкимъ, конечно, о семъ умолчано, а можетъ легко статься, что иногда и далѣе могъ онъ производить таковыя же вредныя переписки,—по силѣ государственныхъ законовъ достоинъ тягчайшему, какъ явный измѣнникъ, осужденію; но поелику онъ, Высоцкій, хотя, какъ выше сего сказано, и не отъ доброжеланія, но однако безъ всякаго на него доноса и обличенію о семъ учиненномъ имъ преступленіи кошевому объявилъ; ибо инаково бы о семъ учиненномъ имъ злѣ, можетъ быть, и извѣстно не было, то въ разсужденіи сего добровольнаго его о семъ объявленія, а тѣмъ болѣе подражая безпримѣрному Ея Императорскаго Величества человѣколюбію и милосердію, отъ тяжкаго по законамъ осужденія его, Высоцкаго, избавить, а дабы впредь отъ него таковыхъ вредныхъ для Россіи преступленій по расположенію слабой его души и дерзкаго нрава происходить не могло, то лиша его старшинскаго достоинства, послать на житье въ Сибирь; гдѣ однако же велѣть губернатору за его поведеніемъ смотрѣть, а при томъ, чтобы онъ оттуда и не ушелъ, и когда поведеніе его губернаторъ усмотритъ спокойное и въ преступленіи его признательность, то онъ можетъ опредѣлить его тамъ, по прошествіи нѣкотораго времени въ службу, въ какую способнымъ его найдетъ, однако же не давая ему безъ особаго указа офицерскаго чина; а сего ради и о преступленіи его, Высоцкаго, губернатору дать знать; онаго же Высоцкаго въ Сибирь отправить изъ тайной экспедиціи съ сенатскимъ курьеромъ на почтовыхъ подводахъ, откуда видать прогонныя и кормовыя деньги.

Подписали: Графъ Н. Панинъ.—Князь А. Вяземскій.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Вѣличества рукою подписано тако: „Быть по сему“.

(Рѣшено 12-го августа 1772 года).

видится, усердія, но по явной на Поляковъ за собственную его обиду злобѣ, что конфисковали въ Польшѣ его товары, а если бы сего съ нимъ не случилось, то бы и до нынѣ было имъ, Высоцкимъ, конечно, о семъ умолчано, а можетъ легко статься, что иногда и далѣе могъ онъ производить таковыя же вредныя переписки,—по силѣ государственныхъ законовъ достоинъ тягчайшему, какъ явный измѣнникъ, осужденію; но поелику онъ, Высоцкій, хотя, какъ выше сего сказано, и не отъ доброжеланія, но однако безъ всякаго на него доноса и обличенію о семъ учиненномъ имъ преступленіи кошевому объявилъ; ибо инаково бы о семъ учиненномъ имъ злѣ, можетъ быть, и извѣстно не было, то въ разсужденіи сего добровольнаго его о семъ объявленія, а тѣмъ болѣе подражая безпримѣрному Ея Императорскаго Величества человѣколюбію и милосердію, отъ тяжкаго по законамъ осужденія его, Высоцкаго, избавить, а дабы впредь отъ него таковыхъ вредныхъ для Россіи преступленій по расположенію слабой его души и дерзкаго нрава происходить не могло, то лиша его старшинскаго достоинства, послать на житье въ Сибирь; гдѣ однако же велѣть губернатору за его поведеніемъ смотрѣть, а при томъ, чтобы онъ оттуда и не ушелъ, и когда поведеніе его губернаторъ усмотритъ спокойное и въ преступленіи его признательность, то онъ можетъ опредѣлить его тамъ, по прошествіи нѣкотораго времени въ службу, въ какую способнымъ его найдетъ, однако же не давая ему безъ особаго указа офицерскаго чина; а сего ради и о преступленіи его, Высоцкаго, губернатору дать знать; онаго же Высоцкаго въ Сибирь отправить изъ тайной экспедиціи съ сенатскимъ курьеромъ на почтовыхъ подводахъ, откуда видать прогонныя и кормовыя деньги.

Подписали: Графъ Н. Панинъ.—Князь А. Вяземскій.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Вѣличества рукою подписано тако: „Быть по сему“.

(Рѣшено 12-го августа 1772 года).

УКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕГЕНТСТВА БИРОНА.

Къ генералу графу Семену Андреевичу Салтыкову *).

Хотя мы не сумневаемся, что всякій вѣрный подданный и истинный сынъ отечества своего, учиненнаго отъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества нашей высокопочтеннѣйшей государыни бабки, опредѣленія и диспозиція о наслѣдствѣ императорскаго престола, и о правленіи имперіи во время нашего малолѣтства, неинако, какъ весьма за полезное и къ общему всего народа и государства благополучію касающееся признаваетъ, слѣдовательно же, оное опредѣленіе отъ всѣхъ и каждаго, какъ по присяжной должности, такъ и по сущему къ государю и къ государству вѣрному доброжелательству съ истинною ревностію и съ охотнымъ радѣніемъ исполнено будетъ, но однакоже иногда, паче чаянія, такіе люди сыщутся, которые или изъ глупости и малаго разсужденія, или же изъ злостнаго умысла и съ богомерзкимъ презрѣніемъ своей совѣсти и присяги о полезнѣйшихъ учрежденіяхъ, непристойные свои разсужденіи и толкованіи имѣть обыкли,—того ради мы за потребно разсудили чрезъ сіе въ самомъ секретѣ вамъ повелѣть, чтобы вы подъ рукою искуснымъ образомъ освѣдомиться старались, что̀ въ Москвѣ между народомъ и прочими людьми о такомъ нынѣшнемъ опредѣленіи говорятъ, и не приходятъ ли иногда отъ кого о томъ непристойныя разсужденіи и толкованіи; однакоже сіе учинить имѣете весьма въ секретѣ и безъ малѣйшаго разглашенія, яко же и сей указъ весьма секретно про себя, не отдавая его въ канцелярію, содержать, и отвѣтъ на оный сами своею рукою писать, и подписавъ на конвертѣ: „о секретнѣй-

*) Графъ С. А. Салтыковъ былъ въ 1740 году Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

УКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕГЕНТСТВА БИРОНА.

Къ генералу графу Семену Андреевичу Салтыкову *).

Хотя мы не сумневаемся, что всякій вѣрный подданный и истинный сынъ отечества своего, учиненнаго отъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества нашей высокопочтеннѣйшей государыни бабки, опредѣленія и диспозиція о наслѣдствѣ императорскаго престола, и о правленіи имперіи во время нашего малолѣтства, неиначе, какъ весьма за полезное и къ общему всего народа и государства благополучію касающееся признаваетъ, слѣдовательно же, оное опредѣленіе отъ всѣхъ и каждаго, какъ по присяжной должности, такъ и по сущему къ государю и къ государству вѣрному доброжелательству съ истинною ревностію и съ охотнымъ радѣніемъ исполнено будетъ, но однакоже иногда, паче чаянія, такіе люди сыщутся, которые или изъ глупости и малаго разсужденія, или же изъ злостнаго умысла и съ богомерзкимъ презрѣніемъ своей совѣсти и присяги о полезнѣйшихъ учрежденіяхъ, непристойные свои разсужденія и толкованія имѣть обыкли,—того ради мы за потребно разсудили чрезъ сіе въ самомъ секретѣ вамъ повелѣть, чтобы вы подъ рукою искуснымъ образомъ освѣдомиться старались, что въ Москвѣ между народомъ и прочими людьми о такомъ нынѣшнемъ опредѣленіи говорятъ, и не приходятъ ли иногда отъ кого о томъ непристойныя разсужденія и толкованія; однакоже сіе учинить имѣете весьма въ секретѣ и безъ малѣйшаго разглашенія, яко же и сей указъ весьма секретно про себя, не отдавая его въ канцелярію, содержать, и отвѣтъ на оный сами своею рукою писать, и подписавъ на конвертѣ: „о секретнѣй-

*) Графъ С. А. Салтыковъ былъ въ 1740 году Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

шемъ дѣлѣ“ въ кабинетъ нашъ прислать имѣете; а ежели, паче чаянія, отъ кого какіе непристойные разсужденіи и толкованіи явились, то немедленно о томъ обстоятельно и съ подробностію намъ доносить, а между тѣмъ оное безъ отлагательства и запущенія надлежащимъ образомъ пресѣчь и прекратить стараться имѣете, въ чемъ во всемъ однакоже, какъ выше сего написано, безъ наималѣйшаго разглашенія поступать потребно; и мы пребываемъ вамъ впрочемъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, октября 26-го дня 1740 года. По Его Императорскаго Величества указу. Подписали: Господа кабинетъ-министры.

шемъ дѣлѣ“ въ кабинетъ нашъ прислать имѣете; а ежели, паче чаянія, отъ кого какіе непристойные разсужденіи и толкованіи явились, то немедленно о томъ обстоятельно и съ подробностію намъ доносить, а между тѣмъ оное безъ отлагательства и запущенія надлежащимъ образомъ пресѣчь и прекратить стараться имѣете, въ чемъ во всемъ однакоже, какъ выше сего написано, безъ наималѣйшаго разглашенія поступать потребно; и мы пребываемъ вамъ впрочемъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, октября 26-го дня 1740 года. По Его Императорскаго Величества указу. Подписали: Господа кабинетъ-министры.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ: „АРАКЧЕЕВЪ И КРЕСТОВСКАЯ КАРУСЕЛЬ".

Статья „Аракчеевъ и Крестовская карусель", написанная мною во время моей болѣзни, по имѣвшимся у меня весьма давнишнимъ матеріаламъ, состоящимъ изъ черновыхъ записокъ и замѣтокъ, накопившихся въ теченіе сорока почти лѣтъ, именно, по случаю моей болѣзни не могла быть надлежащимъ образомъ исправлена, и главное, провѣрена, почему, къ величайшему моему сожалѣнію, въ ней оказался одинъ анахронизмъ, впрочемъ, не существенной важности. Дѣло въ томъ, что покойный отецъ мой, разсказывая мнѣ случай, бывшій на Крестовскомъ острову въ 1809 году, дѣйствительно упоминалъ объ офицерѣ Клейнмихелѣ, бывшемъ тогда съ графомъ Аракчеевымъ на Крестовскомъ; я же въ разсказѣ моемъ назвалъ Клейнмихеля адъютантомъ Аракчеева, помня и зная, что онъ дѣйствительно былъ его адъютантомъ. Но по сдѣланной мною справкѣ оказывается, что Клейнмихель назначенъ адъютантомъ Аракчеева не въ 1809 году, а лишь въ 1812 г., по переводѣ въ Преображенскій полкъ. Это однако нисколько не могло мѣшать Клейнмихелю сопутствовать въ частной прогулкѣ Аракчееву въ 1809 году на дачу Зиновьева, такъ какъ въ это время Клейнмихель, сынъ генерала, начальника учебныхъ батальоновъ, большаго пріятеля Аракчееву, былъ еще весьма молоденькій, только въ 1808 году вышедшій изъ кадетскаго корпуса офицеръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, и Аракчеевъ, дѣйствительно, нерѣдко бралъ его съ собою на прогулку. Ежели Клейнмихель былъ, какъ сказывалъ мнѣ мой отецъ, въ тотъ вечеръ съ Аракчеевымъ за адъютанта, то не по службѣ, а партикулярно по знакомству, почему ни въ какомъ случаѣ не могъ носить адъютантской формы, въ какую я его ошибочно облекъ, тѣмъ болѣе, что спеціальная адъютантская форма была учреждена не-

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ: „АРАКЧЕЕВЪ И КРЕСТОВСКАЯ КАРУСЕЛЬ".

Статья „Аракчеевъ и Крестовская карусель", написанная мною во время моей болѣзни, по имѣвшимся у меня весьма давнишнимъ матеріаламъ, состоящимъ изъ черновыхъ записокъ и замѣтокъ, накопившихся въ теченіе сорока почти лѣтъ, именно, по случаю моей болѣзни не могла быть надлежащимъ образомъ исправлена, и главное, провѣрена, почему, къ величайшему моему сожалѣнію, въ ней оказался одинъ анахронизмъ, впрочемъ, не существенной важности. Дѣло въ томъ, что покойный отецъ мой, разсказывая мнѣ случай, бывшій на Крестовскомъ острову въ 1809 году, дѣйствительно упоминалъ объ офицерѣ Клейнмихелѣ, бывшемъ тогда съ графомъ Аракчеевымъ на Крестовскомъ; я же въ разсказѣ моемъ назвалъ Клейнмихеля адъютантомъ Аракчеева, помня и зная, что онъ дѣйствительно былъ его адъютантомъ. Но по сдѣланной мною справкѣ оказывается, что Клейнмихель назначенъ адъютантомъ Аракчеева не въ 1809 году, а лишь въ 1812 г., по переводѣ въ Преображенскій полкъ. Это однако нисколько не могло мѣшать Клейнмихелю сопутствовать въ частной прогулкѣ Аракчееву въ 1809 году на дачу Зиновьева, такъ какъ въ это время Клейнмихель, сынъ генерала, начальника учебныхъ батальоновъ, большаго пріятеля Аракчееву, былъ еще весьма молоденькій, только въ 1808 году вышедшій изъ кадетскаго корпуса офицеръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, и Аракчеевъ, дѣйствительно, нерѣдко бралъ его съ собою на прогулку. Ежели Клейнмихель былъ, какъ сказывалъ мнѣ мой отецъ, въ тотъ вечеръ съ Аракчеевымъ за адъютанта, то не по службѣ, а партикулярно по знакомству, почему ни въ какомъ случаѣ не могъ носить адъютантской формы, въ какую я его ошибочно облекъ, тѣмъ болѣе, что спеціальная адъютантская форма была учреждена не-

сравненно позже,—во времена же, описанныя мною, офицеры, занимавшіе адъютантскія должности, отличались отъ другихъ только тѣмъ, что носили аксельбанты на лѣвомъ плечѣ. Такимъ образомъ неточность въ описаніи состоитъ въ томъ, что молодой офицеръ Клейнмихель былъ не въ адъютантской формѣ, а не иначе какъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, въ который за годъ предъ симъ онъ поступилъ. Этотъ мундиръ былъ темнозеленый съ синимъ воротникомъ, украшеннымъ двумя золотыми петлицами и съ красными отворотами и обшлагами, при бѣлыхъ штанахъ въ ботфорты пѣхотнаго образца, при треугольной шляпѣ съ чернымъ пѣтушьимъ султаномъ и при шпагѣ въ бѣлой портупеѣ. Этой поправкой я обязанъ одному ветерану, который познакомился со мною по случаю прочтенія имъ статьи „Аракчеевъ и Крестовская карусель“ и передалъ мнѣ свои замѣчанія, подкрѣпивъ ихъ копіею съ формулярнаго списка покойнаго графа Петра Андреевича Клейнмихеля.

Независимо отъ этой замѣтки, цѣль которой—возстановить историческую точность подробностей факта, имѣю честь сообщить здѣсь и эпилогъ къ статьѣ: „Аракчеевъ и Крестовская карусель“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года, то есть, семнадцать лѣтъ послѣ происшествія въ карусельномъ павильонѣ Крестовскаго острова и 14-ть лѣтъ послѣ визита, сдѣланнаго отцемъ моимъ въ 1812 году графу Аракчееву,—отецъ мой, назначенный въ Орловскую губернію вице-губернаторомъ, ѣхалъ изъ Петербурга со всѣмъ своимъ семействомъ въ трехъ экипажахъ. Въ 1825 году, то есть, за годъ предъ симъ, совершилось кровавое происшествіе убійства Аракчеевской метрессы, страшной тиранки его крѣпостныхъ людей, знаменитой Настасьи. Послѣдствіемъ этого убійства былъ рядъ тѣхъ жестокихъ пытокъ, посредствомъ которыхъ Аракчеевъ хотѣлъ открыть главныхъ виновниковъ насильственной смерти своей возлюбленной. Въ началѣ 1826 года, когда звѣзда Аракчеева, со смертью Александра, мгновенно померкла, оставивъ за собою одни только тяжкія воспоминанія, въ обществѣ стали говорить о кровавыхъ Грузинскихъ происшествіяхъ тѣмъ тономъ, съ какимъ обыкновенно общество относится о падшихъ временщикахъ, сдѣлавшихся ему уже совершенно безопасными. Всѣ эти разсказы объ Аракчеевѣ при мнѣ въ гостиной моего отца производили на меня сильное и непріятное впечатлѣніе, кончившееся тѣмъ, что я получилъ какую-то страшную антипатію къ самому имени Аракчеева. Эта антипатія значительно усилилась, благодаря тѣмъ разсказамъ

сравненно позже,—во времена же, описанныя мною, офицеры, занимавшіе адъютантскія должности, отличались отъ другихъ только тѣмъ, что носили аксельбанты на лѣвомъ плечѣ. Такимъ образомъ неточность въ описаніи состоитъ въ томъ, что молодой офицеръ Клейнмихель былъ не въ адъютантской формѣ, а не иначе какъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, въ который за годъ предъ симъ онъ поступилъ. Этотъ мундиръ былъ темнозеленый съ синимъ воротникомъ, украшеннымъ двумя золотыми петлицами и съ красными отворотами и обшлагами, при бѣлыхъ штанахъ въ ботфорты пѣхотнаго образца, при треугольной шляпѣ съ чернымъ пѣтушьимъ султаномъ и при шпагѣ въ бѣлой портупеѣ. Этой поправкой я обязанъ одному ветерану, который познакомился со мною по случаю прочтенія имъ статьи „Аракчеевъ и Крестовская карусель“ и передалъ мнѣ свои замѣчанія, подкрѣпивъ ихъ копіею съ формулярнаго списка покойнаго графа Петра Андреевича Клейнмихеля.

Независимо отъ этой замѣтки, цѣль которой—возстановить историческую точность подробностей факта, имѣю честь сообщить здѣсь и эпилогъ къ статьѣ: „Аракчеевъ и Крестовская карусель“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года, то есть, семнадцать лѣтъ послѣ происшествія въ карусельномъ павильонѣ Крестовскаго острова и 14-ть лѣтъ послѣ визита, сдѣланнаго отцемъ моимъ въ 1812 году графу Аракчееву,—отецъ мой, назначенный въ Орловскую губернію вице-губернаторомъ, ѣхалъ изъ Петербурга со всѣмъ своимъ семействомъ въ трехъ экипажахъ. Въ 1825 году, то есть, за годъ предъ симъ, совершилось кровавое происшествіе убійства Аракчеевской метрессы, страшной тиранки его крѣпостныхъ людей, знаменитой Настасьи. Послѣдствіемъ этого убійства былъ рядъ тѣхъ жестокихъ пытокъ, посредствомъ которыхъ Аракчеевъ хотѣлъ открыть главныхъ виновниковъ насильственной смерти своей возлюбленной. Въ началѣ 1826 года, когда звѣзда Аракчеева, со смертью Александра, мгновенно померкла, оставивъ за собою одни только тяжкія воспоминанія, въ обществѣ стали говорить о кровавыхъ Грузинскихъ происшествіяхъ тѣмъ тономъ, съ какимъ обыкновенно общество относится о падшихъ временщикахъ, сдѣлавшихся ему уже совершенно безопасными. Всѣ эти разсказы объ Аракчеевѣ при мнѣ въ гостиной моего отца производили на меня сильное и непріятное впечатлѣніе, кончившееся тѣмъ, что я получилъ какую-то страшную антипатію къ самому имени Аракчеева. Эта антипатія значительно усилилась, благодаря тѣмъ разсказамъ

o sanguinaire Aráktschéeff, какіе мнѣ приводилось слышать въ пансіонѣ барона Шабо, какъ отъ него самого, такъ отъ гувернеровъ и учителей, изъ числа которыхъ m-r Charles de St-Hilaire, авторъ „Grammaire française en 36 leçons à l'usage de la noblesse russe", нѣкогда подпоручикъ какого-то французскаго гусарскаго полка, взятый въ плѣнъ подъ Полоцкомъ въ 1812 году нашими казаками, въ особенности энергически любилъ разсказывать намъ, русскимъ jeunes gentilhomm'амъ, о томъ, какъ страшно работали плети и кнуты въ Грузинѣ, какъ рѣзали тамъ палачи носы и уши, какъ вырѣзывали груди у женщинъ, какъ въ глазахъ матерей душили ихъ младенцевъ, и проч. Кончилось тѣмъ, что я, впечатлительный и по женски воспитанный 12—13-лѣтній мальчикъ, не могъ слышать имени Аракчеева безъ ощущенія ужаса и отвращенія. Этому еще много способствовали въ послѣднее время пребыванія нашего въ Петербургѣ мастерскіе разсказы о различныхъ предметахъ, и между прочимъ, о тиранствахъ и шарлатанствахъ Аракчеева,—одного изъ постоянныхъ гостей моего отца, и именно такого, который обѣдалъ у насъ на дачѣ ежедневно. То былъ великій и преостроумный говорунъ — Николай Ивановичъ Сѣровъ, пріятель моего отца и преемникъ его Петербургской должности въ министерствѣ финансовъ. Этотъ Сѣровъ былъ отецъ безсмертнаго автора „Рогнѣды". Итакъ, въ 1826 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ мы находились въ почтовомъ Бронницкомъ домѣ, и въ ожиданіи, пока въ наши карету, коляску и бричку запрягутъ почтовыхъ лошадей въ числѣ четырнадцати по казенной подорожной— пили чай, сидя у открытаго огромнаго шведскаго окна. Вдругъ, къ самому почти этому окну подъѣхала большая дорожная коляска, запряженная шестернкомъ лошадей, по видимому, домашнихъ или, какъ говорилось, собственныхъ, а не почтовыхъ и не обывательскихъ. Какъ только остановился этотъ экипажъ передъ станціоннымъ домомъ, кучера принялись, при содѣйствіи мѣстныхъ ямщиковъ, быстро выпрягать лошадей, замѣняя ихъ свѣжею подставою, тутъ ожидавшею. Въ коляскѣ сидѣлъ генералъ въ камлотовой сѣрой шинели съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и въ клеенчатой черной фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, закрывавшимъ почти все лицо; то былъ человѣкъ сутуловатый и высокаго роста съ грубыми чертами, какъ говорится, самой топорной работы, съ волосами сивыми, щетинистыми, со лбомъ узкимъ, съ глазами, налитыми желчью и окруженными какими-то обвислыми наростами; губы у него были блѣдно-синеватыя, зубы желто-черные, уши огромныя, взглядъ ка-

о sanguinaire Аракtschéeff, какіе мнѣ приводилось слышать въ пансіонѣ барона Шабо, какъ отъ него самого, такъ отъ гувернеровъ и учителей, изъ числа которыхъ m-r Charles de St-Hilaire, авторъ „Grammaire française en 36 leçons à l'usage de la noblesse russe", нѣкогда подпоручикъ какого-то французскаго гусарскаго полка, взятый въ плѣнъ подъ Полоцкомъ въ 1812 году нашими казаками, въ особенности энергически любилъ разсказывать намъ, русскимъ jeunes gentilhomm'амъ, о томъ, какъ страшно работали плети и кнуты въ Грузинѣ, какъ рѣзали тамъ палачи носы и уши, какъ вырѣзывали груди у женщинъ, какъ въ глазахъ матерей душили ихъ младенцевъ, и проч. Кончилось тѣмъ, что я, впечатлительный и по женски воспитанный 12—13-лѣтній мальчикъ, не могъ слышать имени Аракчеева безъ ощущенія ужаса и отвращенія. Этому еще много способствовали въ послѣднее время пребыванія нашего въ Петербургѣ мастерскіе разсказы о различныхъ предметахъ, и между прочимъ, о тиранствахъ и шарлатанствахъ Аракчеева,—одного изъ постоянныхъ гостей моего отца, и именно такого, который обѣдалъ у насъ на дачѣ ежедневно. То былъ великій и преостроумный говорунъ — Николай Ивановичъ Сѣровъ, пріятель моего отца и преемникъ его Петербургской должности въ министерствѣ финансовъ. Этотъ Сѣровъ былъ отецъ безсмертнаго автора „Рогнѣды". Итакъ, въ 1826 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ мы находились въ почтовомъ Бронницкомъ домѣ, и въ ожиданіи, пока въ наши карету, коляску и бричку запрягутъ почтовыхъ лошадей въ числѣ четырнадцати по казенной подорожной— пили чай, сидя у открытаго огромнаго шведскаго окна. Вдругъ, къ самому почти этому окну подъѣхала большая дорожная коляска, запряженная шестерикомъ лошадей, по видимому, домашнихъ или, какъ говорилось, собственныхъ, а не почтовыхъ и не обывательскихъ. Какъ только остановился этотъ экипажъ передъ станціоннымъ домомъ, кучера принялись, при содѣйствіи мѣстныхъ ямщиковъ, быстро выпрягать лошадей, замѣняя ихъ свѣжею подставою, тутъ ожидавшею. Въ коляскѣ сидѣлъ генералъ въ камлотовой сѣрой шинели съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и въ клеенчатой черной фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, закрывавшимъ почти все лицо; то былъ человѣкъ сутуловатый и высокаго роста съ грубыми чертами, какъ говорится, самой топорной работы, съ волосами сивыми, щетинистыми, со лбомъ узкимъ, съ глазами, налитыми желчью и окруженными какими-то обвислыми наростами; губы у него были блѣдно-синеватыя, зубы желто-черные, уши огромныя, взглядъ ка-

кой-то апатичный и мрачный, а цвѣтъ лица какой-то матовый, будто свѣтло-свинцовый. Все это я могъ высмотрѣть, когда этотъ некрасивый и непріятный старикъ снялъ фуражку и набожно перекрестился по тому случаю, что въ Бронницахъ раздался колокольный звонъ. Къ коляскѣ подошелъ бѣлый какъ лунь старикъ, станціонный смотритель. Сидѣвшій въ коляскѣ взглянулъ на него, кивнулъ и гнусливо сказалъ: „Здравствуй, Демидычъ, какъ живешь?“ „Все слава Господу Богу, ваше графское сіятельство. А осмѣлюсь узнать: далеко ли ѣхать изволите?“ „Къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ (то есть, Орловой) удостоиться завтра счастія отслушать литургію служенія нашего благочестивѣйшаго Фотія. А скажи-ка, Демидычъ, что это за собраніе экипажей у тебя на станціи. Кажись, три пассажира за разъ?“ „Ни какъ нѣтъ-съ, ваше графское сіятельство, пассажиръ одинъ, да цѣлымъ домомъ идетъ на службу въ Орелъ“. „На какую службу такъ громоздко ѣдетъ этотъ господинъ?“ „На вице-губернаторскую, ваше графское сіятельство“, сказалъ станціонный смотритель съ какою-то, словно улыбающеюся интонаціею въ голосѣ. Въ это время отецъ мой, какъ теперь помню, отошелъ отъ чайнаго стола въ глубь комнаты и присѣлъ къ какимъ-то разстроеннымъ несчастнымъ клавикордамъ, изъ которыхъ невозможно было, при всемъ его музыкальномъ искусствѣ, извлечь какіе-нибудь звуки, похожіе на музыкальные. Удаленіе моего отца въ глубь комнаты было очень кстати, потому что вслѣдъ за отвѣтомъ станціоннаго смотрителя, вопрошатель повернулъ голову къ окну, у котораго мы сидѣли, и какъ-то тупо-свирѣпо посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, то есть, на мою мать, тогда еще молодую женщину, на моихъ сестеръ, изъ которыхъ одной было десять лѣтъ, а другой едва минуло два года, на меня, бѣлокураго мальчика 14 лѣтъ въ сѣромъ нанковомъ дорожномъ платьѣ, и наконецъ, на сухопарую madame Vanpert, гувернантку старшей изъ моихъ сестеръ. Взглянувъ на насъ своимъ мертвеннымъ и свинцовымъ взглядомъ, этотъ сивоголовый непріятный господинъ, съ глазами, бѣлки которыхъ были желто-красны и какъ-бы залиты кровью, сказалъ съ сильной гнусливостью: „Вишь какъ широко ѣдетъ даже теперь, чтобъ на послѣдкахъ казенной Гурьевской операціи нажиться поскорѣе. Да мой Егоръ Францычъ (то есть, Канкринъ, только что не задолго передъ тѣмъ, въ 1824 г., сдѣланный по рекомендаціи графа Аракчеева министромъ финансовъ) скоро прекратитъ эту систему и замѣнитъ ее откупомъ *). А кто

*) Въ 1827 году кончилась казенная продажа вина, и начался откупъ-

кой-то апатичный и мрачный, а цвѣтъ лица какой-то матовый, будто свѣтло-свинцовый. Все это я могъ высмотрѣть, когда этотъ некрасивый и непріятный старикъ снялъ фуражку и набожно перекрестился по тому случаю, что въ Бронницахъ раздался колокольный звонъ. Къ коляскѣ подошелъ бѣлый какъ лунь старикъ, станціонный смотритель. Сидѣвшій въ коляскѣ взглянулъ на него, кивнулъ и гнусливо сказалъ: „Здравствуй, Демидычъ, какъ живешь?“ „Все слава Господу Богу, ваше графское сіятельство. А осмѣлюсь узнать: далеко ли ѣхать изволите?“ „Къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ (то есть, Орловой) удостоиться завтра счастія отслушать литургію служенія нашего благочестивѣйшаго Фотія. А скажи-ка, Демидычъ, что это за собраніе экипажей у тебя на станціи. Кажись, три пассажира за разъ?“ „Ни какъ нѣтъ-съ, ваше графское сіятельство, пассажиръ одинъ, да цѣлымъ домомъ идетъ на службу въ Орелъ“. „На какую службу такъ громоздко ѣдетъ этотъ господинъ?“ „На вице-губернаторскую, ваше графское сіятельство“, сказалъ станціонный смотритель съ какою-то, словно улыбающеюся интонаціею въ голосѣ. Въ это время отецъ мой, какъ теперь помню, отошелъ отъ чайнаго стола въ глубь комнаты и присѣлъ къ какимъ-то разстроеннымъ несчастнымъ клавикордамъ, изъ которыхъ невозможно было, при всемъ его музыкальномъ искусствѣ, извлечь какіе-нибудь звуки, похожіе на музыкальные. Удаленіе моего отца въ глубь комнаты было очень кстати, потому что вслѣдъ за отвѣтомъ станціоннаго смотрителя, вопрошатель повернулъ голову къ окну, у котораго мы сидѣли, и какъ-то тупо-свирѣпо посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, то есть, на мою мать, тогда еще молодую женщину, на моихъ сестеръ, изъ которыхъ одной было десять лѣтъ, а другой едва минуло два года, на меня, бѣлокураго мальчика 14 лѣтъ въ сѣромъ нанковомъ дорожномъ платьѣ, и наконецъ, на сухопарую madame Vanpert, гувернантку старшей изъ моихъ сестеръ. Взглянувъ на насъ своимъ мертвеннымъ и свинцовымъ взглядомъ, этотъ сивоголовый непріятный господинъ, съ глазами, бѣлки которыхъ были желто-красны и какъ-бы залиты кровью, сказалъ съ сильной гнусливостью: „Вишь какъ широко ѣдетъ даже теперь, чтобъ на послѣдкахъ казенной Гурьевской операціи нажиться поскорѣе. Да мой Егоръ Францычъ (то есть, Канкринъ, только что не задолго передъ тѣмъ, въ 1824 г., сдѣланный по рекомендаціи графа Аракчеева министромъ финансовъ) скоро прекратитъ эту систему и замѣнитъ ее откупомъ *). А кто

*) Въ 1827 году кончилась казенная продажа вина, и начался откупъ-

такой этотъ новый Орловскій вице-губернаторъ изъ Петербургскихъ чиновниковъ?“ Станціонный смотритель сказалъ: „Статскій совѣтникъ Б—въ. Мы ихъ, ваше графское сіятельство, знали еще съ давняго времени, когда они состояли при особѣ моего и многихъ изъ насъ почтамтскихъ, благодѣтеля—покойнаго Осипа Петровича Козадавлева. Прекрасный-съ господинъ, ваше графское сіятельство, этотъ Петръ Алексѣевичъ Б—въ“. Графское сіятельство имѣло на минуту такой видъ, словно оно о чемъ-то вспоминало, и потомъ, глядя на Демидыча сказало: „Скажи, Демидычъ, этому Б—ву, что старый его знакомый графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ желаетъ ему выѣхать когда-нибудь изъ Орла не на трехъ, какъ теперь ѣдетъ экипажахъ, а на тридцати-трехъ. Хе! хе! хе! Ну, будь здоровъ, старый хрѣнъ!“ Смотритель низко поклонился и нѣсколько секундъ прошелъ у задняго праваго колеса коляски, пока экипажъ, слегка тронувшись, сталъ дѣлать кругъ для некрутого поворота. Потомъ экипажъ выѣхалъ на дорогу и довольно быстро понесся по дорогѣ, оставляя за собою столбъ пыли. Тогда только я узналъ, что былъ такъ близко къ столь ненавидимому мною человѣку, въ которомъ не нашелъ, правда, ничего пріятнаго, но также и ничего столь ужаснаго, что могло бы оправдывать ряды анекдотовъ Н. И. Сѣрова и гиперболическіе разсказы барона Шабо и моего учителя Карла Александровича Сентъ-Илера.

Потомъ, когда экипажи наши были запряжены, и мы размѣстились по своимъ мѣстамъ, я, сидя въ коляскѣ-фаэтонѣ съ моимъ отцомъ, спрашивалъ его: зачѣмъ онъ не вышелъ къ Аракчееву, ежели тотъ его знаетъ? Отецъ мой засмѣялся, сказавъ: „Все будешь знать—скоро состарѣешься“ и обратилъ разговоръ на какой-то другой предметъ, чуть ли не на Новгородскія древности, ежели не измѣняетъ мнѣ память.

В. В.

такой этотъ новый Орловскій вице-губернаторъ изъ Петербургскихъ чиновниковъ?“ Станціонный смотритель сказалъ: „Статскій совѣтникъ Б—въ. Мы ихъ, ваше графское сіятельство, знали еще съ давняго времени, когда они состояли при особѣ моего и многихъ изъ насъ почтамтскихъ, благодѣтеля—покойнаго Осипа Петровича Козадавлева. Прекрасный-съ господинъ, ваше графское сіятельство, этотъ Петръ Алексѣевичъ Б—въ“. Графское сіятельство имѣло на минуту такой видъ, словно оно о чемъ-то вспоминало, и потомъ, глядя на Демидыча сказало: „Скажи, Демидычъ, этому Б—ву, что старый его знакомый графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ желаетъ ему выѣхать когда-нибудь изъ Орла не на трехъ, какъ теперь ѣдетъ экипажахъ, а на тридцати-трехъ. Хе! хе! хе! Ну, будь здоровъ, старый хрѣнъ!“ Смотритель низко поклонился и нѣсколько секундъ прошелъ у задняго праваго колеса коляски, пока экипажъ, слегка тронувшись, сталъ дѣлать кругъ для некрутого поворота. Потомъ экипажъ выѣхалъ на дорогу и довольно быстро понесся по дорогѣ, оставляя за собою столбъ пыли. Тогда только я узналъ, что былъ такъ близко къ столь ненавидимому мною человѣку, въ которомъ не нашелъ, правда, ничего пріятнаго, но также и ничего столь ужаснаго, что могло бы оправдывать ряды анекдотовъ Н. И. Сѣрова и гиперболическіе разсказы барона Шабо и моего учителя Карла Александровича Сентъ-Илера.

Потомъ, когда экипажи наши были запряжены, и мы размѣстились по своимъ мѣстамъ, я, сидя въ коляскѣ-фаэтонѣ съ моимъ отцомъ, спрашивалъ его: зачѣмъ онъ не вышелъ къ Аракчееву, ежели тотъ его знаетъ? Отецъ мой засмѣялся, сказавъ: „Все будешь знать—скоро состарѣешься“ и обратилъ разговоръ на какой-то другой предметъ, чуть ли не на Новгородскія древности, ежели не измѣняетъ мнѣ память.

В. В.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

I.

ПО ДѢЛУ О ШУБИНѢ.

1.

Указъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Минниху.

По отъѣздѣ вашемъ отсюда открылось здѣсь нѣкоторое зломышленное намѣреніе у капитана отъ гвардіи нашей князь Юрья Долгорукого съ двумя единомышленными его такими жь плутами, изъ которыхъ одинъ цесаревны Елисаветы Петровны служитель, а другой гвардіи прапорщикъ князь Борятинскій, которые уже и сами въ томъ винились. И хотя по розыску другихъ къ нимъ причастниковъ никакихъ не явилось, однакожь мы разсудили за потребно чрезъ сіе вамъ повелѣть, чтобъ вы тотчасъ по полученіи сего отправили отъ себя одного добраго офицера въ Ревель, которому велѣть по пріѣздѣ своемъ туда тотчасъ взять изъ тамошняго гарнизона прапорщика Шубина, который прежде сего жилъ при домѣ помянутой цесаревны, со всеми имѣющимися у него письмами и другими причинными вещами и привезть его за крѣпкимъ карауломъ и присмотромъ въ Санктъ-Петербургъ, и тамо посадя его въ крѣпость, держать подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ до нашего пріѣзду въ тайнѣ. А прочіе его, Шубина, пожитки, въ которыхъ причины не находится, велѣть оставить въ Ревелѣ, за печатями того посланнаго офицера и вице-губернаторскою. А какимъ образомъ тому офицеру, во взятьѣ и въ провозѣ его до Петербурга, а особливо чтобъ изъ писемъ его чего не утерялось, въ томъ поступать подлежитъ, о томъ дать ему вамъ отъ себя инструкцію. А объ отдачѣ его посланному вашему указъ къ Ревельскому вице-губернатору къ вамъ при семъ посылается. И повелѣваемъ наше-

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

I.

ПО ДѢЛУ О ШУБИНѢ.

1.

Указъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Минниху.

По отъѣздѣ вашемъ отсюда открылось здѣсь нѣкоторое зломышленное намѣреніе у капитана отъ гвардіи нашей князь Юрья Долгорукого съ двумя единомышленными его такими жь плутами, изъ которыхъ одинъ цесаревны Елисаветы Петровны служитель, а другой гвардіи прапорщикъ князь Борятинскій, которые уже и сами въ томъ винились. И хотя по розыску другихъ къ нимъ причастниковъ никакихъ не явилось, однакожь мы разсудили за потребно чрезъ сіе вамъ повелѣть, чтобъ вы тотчасъ по полученіи сего отправили отъ себя одного добраго офицера въ Ревель, которому велѣть по пріѣздѣ своемъ туда тотчасъ взять изъ тамошняго гарнизона прапорщика Шубина, который прежде сего жилъ при домѣ помянутой цесаревны, со всеми имѣющимися у него письмами и другими причинными вещами и привезть его за крѣпкимъ карауломъ и присмотромъ въ Санктъ-Петербургъ, и тамо посадя его въ крѣпость, держать подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ до нашего пріѣзду въ тайнѣ. А прочіе его, Шубина, пожитки, въ которыхъ причины не находится, велѣть оставить въ Ревелѣ, за печатями того посланнаго офицера и вице-губернаторскою. А какимъ образомъ тому офицеру, во взятьѣ и въ провозѣ его до Петербурга, а особливо чтобъ изъ писемъ его чего не утерялось, въ томъ поступать подлежитъ, о томъ дать ему вамъ отъ себя инструкцію. А объ отдачѣ его посланному вашему указъ къ Ревельскому вице-губернатору къ вамъ при семъ посылается. И повелѣваемъ наше-

му генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Миниху учинить о томъ по сему нашему указу.

Анна.

Декабря 22-го дня 1731 г.

2.

Указъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Миниху.

Привезеннаго въ Санктъ-Петербургъ Ревельскаго гарнизона прапорщика Алексѣя Шубина съ двумя людьми его указали мы послать въ Сибирь; а какъ и гдѣ ихъ въ Сибирѣ содержать, о томъ посылается при семъ нашъ указъ къ губернатору Сибирскому. И для того нашему генералъ-фельдцейхмейстеру по полученіи сего, его Шубина, и съ помянутыми людьми его, отправить прямо чрезъ Вологду въ Сибирь немедленно, придавъ ему одного добраго оберъ-офицера съ пристойнымъ числомъ солдатъ, и велѣть имъ его везти дорогою тайно, чтобъ посторонніе узнать объ нихъ не могли; и для того въ городѣхъ и въ другихъ заѣздныхъ мѣстахъ съ ними не останавливаться, а становиться всегда въ малыхъ деревняхъ и накрѣпко смотрѣть, чтобъ онъ, ѣдучи дорогою, о себѣ никуды извѣстія подать не могъ. И о томъ обо всемъ дать отъ себя тому посланному надлежащую инструкцію. А потребныя на оное отправленіе деньги, что̀ надлежитъ, изъ канцеляріи вашего вѣдомства.

Анна.

Генваря 5-го дня 1732 г.

II.

ПО ДѢЛУ О КНЯЗЬЯХЪ ДОЛГОРУКИХЪ.

Указъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Миниху о князѣ В. Л. Долгорукомъ.

Указали мы: 1) Содержащагося въ Шлютельбургской крѣпости князь Василья Долгорукаго отдать подъ караулъ отправляющему тамъ комендантскую должность штабъ-офицеру, которому содержать его во всемъ, какъ данная отправленному при немъ лейбъ-гвардіи поручику Микулину инструкція и сей пополнительный указъ повелѣваютъ, а ему, поручику, съ командою ѣхать къ полку своему. 2) По представленію онаго поручика отпускать служителей его, Долгорукаго, за городъ для самыхъ нуждъ за карауломъ, а разго-

му генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Минниху учинить о томъ по сему нашему указу.

Анна.

Декабря 22-го дня 1731 г.

2.

Указъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Миниху.

Привезеннаго въ Санктъ-Петербургъ Ревельскаго гарнизона прапорщика Алексѣя Шубина съ двумя людьми его указали мы послать въ Сибирь; а какъ и гдѣ ихъ въ Сибирѣ содержать, о томъ посылается при семъ нашъ указъ къ губернатору Сибирскому. И для того нашему генералъ-фельдцейхмейстеру по полученіи сего, его Шубина, и съ помянутыми людьми его, отправить прямо чрезъ Вологду въ Сибирь немедленно, придавъ ему одного добраго оберъ-офицера съ пристойнымъ числомъ солдатъ, и велѣть имъ его везти дорогою тайно, чтобъ посторонніе узнать объ нихъ не могли; и для того въ городѣхъ и въ другихъ заѣздныхъ мѣстахъ съ ними не останавливаться, а становиться всегда въ малыхъ деревняхъ и накрѣпко смотрѣть, чтобъ онъ, ѣдучи дорогою, о себѣ никуды извѣстія подать не могъ. И о томъ обо всемъ дать отъ себя тому посланному надлежащую инструкцію. А потребныя на оное отправленіе деньги, что̀ надлежитъ, изъ канцеляріи вашего вѣдомства.

Анна.

Генваря 5-го дня 1732 г.

II.

ПО ДѢЛУ О КНЯЗЬЯХЪ ДОЛГОРУКИХЪ.

Указъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Миниху о князѣ В. Л. Долгорукомъ.

Указали мы: 1) Содержащагося въ Шлютельбургской крѣпости князь Василья Долгорукаго отдать подъ караулъ отправляющему тамъ комендантскую должность штабъ-офицеру, которому содержать его во всемъ, какъ данная отправленному при немъ лейбъ-гвардіи поручику Микулину инструкція и сей пополнительный указъ повелѣваютъ, а ему, поручику, съ командою ѣхать къ полку своему. 2) По представленію онаго поручика отпускать служителей его, Долгорукаго, за городъ для самыхъ нуждъ за карауломъ, а разго-

варивать ни съ кѣмъ не допускать, но отправя нужду, немедленно возвращать въ городъ. 3) Обрѣтающагося при немъ, Долгорукомъ, лѣкаря съ ученикомъ отпустить къ командѣ, а ему употреблять тамошнихъ. 4) На пищу ему живность и всякій харчь покупая, довольствовать его и людей такожь; на людей нужное платье и обувь купить, а денегъ на руки имъ не давать, а исправлять то оному, отправляющему за коменданта должность штабъ-офицеру или кому онъ повѣритъ. 5) Его, Долгорукаго, когда востребуетъ, отпускать до церкви за карауломъ, а разговаривать ни съ кѣмъ, также въ гости, никуда и къ нему никого не допускать. 6) Привезенную изъ деревни его живность принять, а прикащика отпустить въ деревню. И повелѣваемъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Минниху чинить о томъ, по сему нашему указу.

Анна.

Генваря 24-го дня 1732 г.

варивать ни съ кѣмъ не допускать, но отправя нужду, немедленно возвращать въ городъ. 3) Обрѣтающагося при немъ, Долгорукомъ, лѣкаря съ ученикомъ отпустить къ командѣ, а ему употреблять тамошнихъ. 4) На пищу ему живность и всякій харчь покупая, довольствовать его и людей такожь; на людей нужное платье и обувь купить, а денегъ на руки имъ не давать, а исправлять то оному, отправляющему за коменданта должность штабъ-офицеру или кому онъ повѣритъ. 5) Его, Долгорукаго, когда востребуетъ, отпускать до церкви за карауломъ, а разговаривать ни съ кѣмъ, также въ гости, никуда и къ нему никого не допускать. 6) Привезенную изъ деревни его живность принять, а привозщика отпустить въ деревню. И повелѣваемъ нашему генералу-фельдцейхмейстеру графу фонъ-Минниху чинить о томъ, по сему нашему указу.

Анна.

Генваря 24-го дня 1732 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Абрамовичъ. I. 145, 146, 166.
Абрамовъ, Д. II. 289, 293.
Августинъ (Сахаровъ), еписк. Оренбургскій. II. 77, 98.
Адамсъ. I. 186.
Азовсковъ, А. II. 272, 289, 290, 293.
Акутинъ, И. II. 254, 281, 283, 289.
Акцелосъ, К. I. 196, 199.
Александра Павловна, вел. княжна. II. 47—51, 53, 62, 66, 67, 95.
Александра Ѳеодоровна, импер. I. 95.
Александровскій. II. 134.
Александровичъ. I. 166.
Александръ-Леопольдъ, эрцгерцогъ-палатинъ Венгріи. II. 52, 53.
Александръ I, импер. I. 36—38, 56, 63, 88, 104, 180. II. 47, 67, 97, 100, 156, 161, 164, 170—172, 181, 314.
Александръ Петровичъ. II. 239.
Алексѣй Михайловичъ, царь. II. 285.
Алехинъ, В. II. II. 1.
Али-паша Янинскій. I. 179.
Алланъ. I. 68.
Алферовъ, Г. II. 293.
Альмейда. I. 179, 193—195.
Амвросій, архіеп. Екатериносл. и Херсонскій. II. 70, 71.
Америкъ-Веспуцій. I. 86.
Анна Іоанновна, импер. II. 208, 248, 286, 319. 320.
Анна Павловна, вел. княг. II, 173, 174.
Анастасій, архим. II. 60.
Андрей, протопопъ Нижегор. Арханг. собора. II. 222.
Андрей Ѳедоровичъ. II. 137.
Андріети. I. 191.
Анненскій, П. И. II. 77, 98.
Антипинъ, П. II. 284.
Антоній, архіеп. Ярославскій. II. 78.
Анучинъ, Д. II. 250.
Анфимовъ, П. II. 222.
Ап. Ф. II. 128.
Апраксинъ, гр. П. М. II, 239.
Аракчеевъ, гр. А. А. I. 33, 37, 38, 48—59, 63, 163. II. 139, 141, 145, 146, 148—150, 152, 153, 160, 161, 313—317.
Арефьевъ, И. II. 281.
Аристовъ, П. II. 204, 205.
Арсеньевъ. I. 12.
Артамоновъ, Т. II. 32, 34, 36, 37.
Артикіевъ, С. II. 293.
Архимовичъ. I. 128.
Атрѣшковъ. I. 79.
Ашъ, баронъ. I. 62, 70.
Аѳиногеновъ, М. II. 84.

Бадуринъ. II. 279.
Байковъ. I. 118—120, 148—150.
Байскій, Порфирій (псевдонимъ). I. 81.
Байронъ, лордъ. I. 77, 179.
Балеманъ, А. II. 99.
Бальзеръ, И. Ю. II. 94.
Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник. II. 74, 112.
Барклай-де-Толли, гр. II. 185.
Барыковъ, З. I. 22.
Барятинскій, кн. Ив. II. 233, 318.
Батте. II. 157.
Батіани, кн. II. 53.
Батюшковъ, Помп. Ник. I. 103.
Баумейстеръ. II. 69.
Бахметьевъ, И. И. II. 217.
Башуцкій, А. П. I. 67.
Бевернскій, пр. II. 6.
Безбородко, кн. А. А. II. 127.
Безаки. I. 64.
Безакъ, Александръ Павл. I, 64, 65.
Безакъ, Елиз. Павл. I. 63.
Безакъ, Конст. Павл. I. 63.
Безакъ, Марья Павл. I. 62.
Безакъ, Никол. Павл. I. 63.
Безлокотневъ, А. II. 281.
Безъ-Корниловичъ. I. 5, 8, 19.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Абрамовичъ. I. 145, 146, 166.
Абрамовъ, Д. II. 289, 293.
Августинъ (Сахаровъ), еписк. Оренбургскій. II. 77, 98.
Адамсъ. I. 186.
Азовсковъ, А. II. 272, 289, 290, 293.
Акутинъ, И. II. 254, 281, 283, 289.
Акцелосъ, К. I. 196, 199.
Александра Павловна, вел. княжна. II. 47—51, 53, 62, 66, 67, 95.
Александра Ѳеодоровна, импер. I. 95.
Александровскій. II. 134.
Александровичъ. I. 166.
Александръ-Леопольдъ, эрцгерцогъ-палатинъ Венгріи. II. 52, 53.
Александръ I, импер. I. 36—38, 56, 63, 88, 104, 180. II. 47, 67, 97, 100, 156, 161, 164, 170—172, 181, 314.
Александръ Петровичъ. II. 239.
Алексѣй Михайловичъ, царь. II. 285.
Алехинъ, В. II. II. 1.
Али-паша Янинскій. I. 179.
Алланъ. I. 68.
Алферовъ, Г. II. 293.
Альмейда. I. 179, 193—195.
Амвросій, архіеп. Екатериносл. и Херсонскій. II. 70, 71.
Америкъ-Веспуцій. I. 86.
Анна Іоанновна, импер. II. 208, 248, 286, 319. 320.
Анна Павловна, вел. княг. II, 173, 174.
Анастасій, архим. II. 60.
Андрей, протопопъ Нижегор. Арханг. собора. II. 222.
Андрей Ѳедоровичъ. II. 137.
Андріети. I. 191.
Анненскій, П. И. II. 77, 98.
Антинианъ, II.. II. 284.
Антоній, архіеп. Ярославскій. II. 78.
Анучинъ, Д. II. 250.
Анфимовъ, П. II. 222.
Ап. Ф. II. 128.
Апраксинъ, гр. П. М. II, 239.
Аракчеевъ, гр. А. А. I. 33, 37, 38, 48—59, 63, 163. II. 139, 141, 145, 146, 148—150, 152, 153, 160, 161, 313—317.
Арефьевъ, И. II. 281.
Аристовъ, П. II. 204, 205.
Арсеньевъ. I. 12.
Артамоновъ, Т. II. 32, 34, 36, 37.
Артикіевъ, С. II. 293.
Архимовичъ. I. 128.
Атрѣшковъ. I. 79.
Ашъ, баронъ. I. 62, 70.
Аѳиногеновъ, М. II. 84.

Бадуринъ. II. 279.
Байковъ. I. 118—120, 148—150.
Байскій, Порфирій (псевдонимъ). I. 81.
Байронъ, лордъ. I. 77, 179.
Балеманъ, А. II. 99.
Бальзеръ, И. Ю. II. 94.
Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник. II. 74, 112.
Барклай-де-Толли, гр. II. 185.
Барыковъ, З. I. 22.
Барятинскій, кн. Ив. II. 233, 318.
Батте. II. 157.
Батіани, кн. II. 53.
Батюшковъ, Помп. Ник. I. 103.
Баумейстеръ. II. 69.
Бахметьевъ, И. И. II. 217.
Башуцкій, А. П. I. 67.
Бевернскій, пр. II. 6.
Безбородко, кн. А. А. II. 127.
Безаки. I. 64.
Безакъ, Александръ Павл. I, 64, 65.
Безакъ, Елиз. Павл. I. 63.
Безакъ, Конст. Павл. I. 63.
Безакъ, Марья Павл. I. 62.
Безакъ, Никол. Павл. I. 63.
Безлокотневъ, А. II. 281.
Безъ-Корниловичъ. I. 5, 8, 19.

Бельвилъ-Урн. I. 66.
Бельзецкій. II. 307.
Бенингсенъ, гр. Л. Л. I. 33. II. 184—186.
Бенкендорфъ, гр. А. Хр. I. 95, 98. II. 130, 147, 148, 152.
Бергнееръ. I. 21.
Березницкій. I. 22.
Березовскій, О. I. 22.
Берковичъ. I. 27.
Бертъ. II. 156.
Бетанкуръ. I. 100.
Бетховенъ, Л. I. 44.
Бецкій, Ив. Ив. I. 24.
Бизяновъ, И. II. 252.
Бирономъ, герцогъ, Э. I. II. 311.
Біевръ. I. 69.
Бобровскій. I. 164, 172.
Богдановичъ. II. И. II. 82.
Богурскій. I. 167.
Бодряковскій. II. 17.
Болдыревъ, И. II. 282.
Бонапартъ. II. 184—186.
Боновъ. II. 79.
Борзой, Фил. II. 244, 247, 248.
Борковскій, Ф. I. 153, 160, 161, 166.
Борнъ, Елиз. Павл. I. 64.
Бородинъ, Андрей, II. 255, 257 — 260, 263, 266, 267.
Бородинъ, Мартемьянъ, II. 272, 275, 276, 278, 279—281, 283, 284.
Бородинъ, Ѳедоръ, II. 257, 263.
Боско. I. 67.
Ботардъ. I. 30.
Ботвинко. I. 118, 149, 150.
Бочкаревъ, И. II. 265. 266.
Боянусъ. I. 115.
Бра. I. 68.
Брамбеусъ, баронъ (псевдонимъ). I. 88, 97, 100.
Брахтвильдъ. II. 260.
Бреммеръ. I. 62.
Бродовичъ, М. I. 165.
Броневскій, В. II. 49, 123.
Бронишевскій. I. 166.
Броунъ, гр. Ю. Ю. II. 33—36.
Брынцовъ. II. 200, 202.
Брюлловъ, К. II. I. 65, 75.
Буастъ. I. 85.
Будочниковъ. Я. II. 252.
Будревичъ, В. I. 121, 165.
Булгаринъ, Ѳ. В. I. 61, 65, 75, 76—83. II. 159.
Булгаръ, Евгеній, архіеп. Полтавскій. II. 69.
Булгоровскій. I. 167.
Бурбье. I. 68.
Бурнашевъ, Петръ Ал. I. 33—57; II. 317.
Бурнашевъ, пажъ. II. 95.
Бурыкинъ, П. II. 252.
Бутурлинъ, гр. фельдмаршалъ I. 8, 10.
Бутурлинъ, военный писатель. I. 33.
Буту. I. 64.
Бучковскій. II. 304, 307.
Быстропишовъ (псевдонимъ). I. 97.
Бѣлецкая. Нат. II. 47.
Бѣлецкой. II. 245.
Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, князья. I. 43.
Бѣляевъ. II. 180.

В. I. 21.
В. В. В. (псевдонимъ). I. 78, 101.
Валіано. I. 193.
Вальсвитъ (псевдонимъ). I. 64, 65, 96, 97.
Ваннепфъ, г-жа. II. 316.
Ванскоръ. I. 17.
Варлаамъ, архіеп. II. 225.
Василій, кн. Ярославскій. II. 2.
Васильевъ, гр. А. И. I. 45. II. 177.
Васильевъ, Алексѣй, II. 34—36.
Васильевъ, М. II. 275.
Васильчиковъ. II. 63.
Ваценко. I. 84.
Веверовскій. I. 166.
Вегелинъ. I. 152, 153.
Вейдемейеръ, И. А. II. 91—93.
Вейтбрехтъ. I. 31.
Векшинъ. II. 247.
Велевейскій. I. 165.
Вержбицкій. I. 162.
Вернеръ. II. 8.
Верниковскій. I. 165.
Вилламовъ. II. 102, 178.
Вилландъ. I. 77.
Вильбоа. II. 18.
Вилье, Я. В. баронетъ. II. 105, 159.
Виниверъ. II. 77.
Витгенштейнъ, графъ. II. X. I. 55—57. II. 183.
Виткевичъ. I. 107, 148, 151, 166.
Витошновъ. II. 283.
Виргилій. II. 78.
Виріонъ. I. 166.
Владиміръ, викарій С.-Петерб. II. 87.
Воеводинъ, М. II. 263.
Воейковъ, А. Ѳ. I. 77, 78.
Воейковъ, Матв. II. 209.
Вознесенскій, Я. II. 87.
Волковъ, Д. В. II. 5, 13.
Волковъ, управл. Кронштт. там. II. 131.
Волконскій, кн. I. 15.
Волконскій, кн. Алексѣй Никит. I. 10.
Волконскій, кн. Мих. Ник. II. 5, 7, 8, 13.
Волконскій, кн. Петръ Мих. I. 35.
Волынская, Алекс. Львовна. I. 218.
Волынская, Анна. II. 218, 219.
Волынская, Анна Арт. II. 243—248.
Волынская, Елена Арт. II. 243, 245, 246.
Волынская, Марья Арт. II. 243, 245, 246.
Волынскій, Арт. Петр. II. 195—197,

Бельвиль-Урн. I. 66.
Бельзецкій. II. 307.
Бенингсенъ, гр. Л. Л. I. 33. II. 184—186.
Бенкендорфъ, гр. А. Хр. I. 95, 98. II. 130, 147, 148, 152.
Бергнееръ. I. 21.
Березницкій. I. 22.
Березовскій, О. I. 22.
Берковичъ. I. 27.
Бертъ. II. 156.
Бетанкуръ. I. 100.
Бетховенъ, Л. I. 44.
Бецкій, Ив. Ив. I. 24.
Бизяновъ, И. II. 252.
Бирономъ, герцогъ, Э. I. II. 311.
Біеврь. I. 69.
Бобровскій. I. 164, 172.
Богдановичъ. II. И. II. 82.
Богурскій. I. 167.
Бодряковскій. II. 17.
Болдыревъ, И. II. 282.
Бонапартъ. II. 184—186.
Боновъ. II. 79.
Борзой, Фил. II. 244, 247, 248.
Борковскій, Ф. I. 153, 160, 161, 166.
Борнъ, Елиз. Павл. I. 64.
Бородинъ, Андрей, II. 255, 257 — 260, 263, 266, 267.
Бородинъ, Мартемьянъ, II. 272, 275, 276, 278, 279—281, 283, 284.
Бородинъ, Ѳедоръ, II. 257, 263.
Боско. I. 67.
Ботардъ. I. 30.
Ботвинко. I. 118, 149, 150.
Бочкаревъ, И. II. 265. 266.
Боянусъ. I. 115.
Бра. I. 68.
Брамбеусъ, баронъ (псевдонимъ). I. 88, 97, 100.
Брахтвильдъ. II. 260.
Бреммеръ. I. 62.
Бродовичъ, М. I. 165.
Броневскій, В. II. 49, 123.
Бронишевскій. I. 166.
Броунъ, гр. Ю. Ю. II. 33—36.
Брынцовъ. II. 200, 202.
Брюлловъ, К. II. I. 65, 75.
Буастъ. I. 85.
Будочниковъ. Я. II. 252.
Будревичъ, В. I. 121, 165.
Булгаринъ, Ѳ. В. I. 61, 65, 75, 76—83. II. 159.
Булгаръ, Евгеній, архіеп. Полтавскій. II. 69.
Булгоровскій. I. 167.
Бурбье. I. 68.
Бурнашевъ, Петръ Ал. I. 33—57; II. 317.
Бурнашевъ, пажъ. II. 95.
Бурыкинъ, П. II. 252.
Бутурлинъ, гр. фельдмаршалъ I. 8, 10.
Бутурлинъ, военный писатель. I. 33.
Буту. I. 64.
Бучковскій. II. 304, 307.
Быстропишовъ (псевдонимъ). I. 97.
Бѣлецкая. Нат. II. 47.
Бѣлецкой. II. 245.
Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, князья. I. 43.
Бѣляевъ. II. 180.

В. I. 21.
В. В. В. (псевдонимъ). I. 78, 101.
Валіано. I. 193.
Вальсвитъ (псевдонимъ). I. 64, 65, 96, 97.
Ваннепфъ, г-жа. II. 316.
Ванскоръ. I. 17.
Варлаамъ, архіеп. II. 225.
Василій, кн. Ярославскій. II. 2.
Васильевъ, гр. А. И. I. 45. II. 177.
Васильевъ, Алексѣй, II. 34—36.
Васильевъ, М. II. 275.
Васильчиковъ. II. 63.
Ваценко. I. 84.
Веверовскій. I. 166.
Вегелинъ. I. 152, 153.
Вейдемейеръ, И. А. II. 91—93.
Вейтбрехтъ. I. 31.
Векшинъ. II. 247.
Велевейскій. I. 165.
Вержбицкій. I. 162.
Вернеръ. II. 8.
Верниковскій. I. 165.
Вилламовъ. II. 102, 178.
Вилландъ. I. 77.
Вильбоа. II. 18.
Вилье, Я. В. баронетъ. II. 105, 159.
Виниверъ. II. 77.
Витгенштейнъ, графъ. II. Х. I. 55—57. II. 183.
Виткевичъ. I. 107, 148, 151, 166.
Витошновъ. II. 283.
Виргилій. II. 78.
Виріонъ. I. 166.
Владиміръ, викарій С.-Петерб. II. 87.
Воеводинъ, М. II. 263.
Воейковъ, А. Ѳ. I. 77, 78.
Воейковъ, Матв. II. 209.
Вознесенскій, Я. II. 87.
Волковъ, Д. В. II. 5, 13.
Волковъ, управл. Кронштт. там. II. 131.
Волконскій, кн. I. 15.
Волконскій, кн. Алексѣй Никит. I. 10.
Волконскій, кн. Мих. Ник. II. 5, 7, 8, 13.
Волконскій, кн. Петръ Мих. I. 35.
Волынская, Алекс. Львовна. I. 218.
Волынская, Анна. II. 218, 219.
Волынская, Анна Арт. II. 243—248.
Волынская, Елена Арт. II. 243, 245, 246.
Волынская, Марья Арт. II. 243, 245, 246.
Волынскій, Арт. Петр. II. 195—197,

204, 205, 207—209, 211, 213, 215, 216, 218, 219, 222, 223, 225, 227, 228, 231—233, 235—238, 243—249.
Волынскій. I. 6.
Волынскій, Ив. Мих. II. 208, 209, 218.
Волынскій, Петръ Арт. II. 243, 245, 246.
Вольтеръ, I. 9, 84, 85, 52, 100. II. 82, 97, 157.
Воронинъ. II. 200.
Воронцовъ, кн. С. Р. I, 98.
Востоковъ, А. Х. II. I, 108.
Вощиловичъ, Г. I. 143.
Вронскій, Л. I. 153, 160, 161.
Выровщиковъ, М. II. 262, 272, 279, 280, 292, 293.
Высоцкій, Ив. I. 153, 161, 161.
Высоцкій, М. II. II. 304—310.
Вяземскій, кн. Александръ Алексѣевичъ. I. 32. II. 310.

Г. А. С. II. 160.
Г. Г. II. 158.
Гавріилъ, архим. II. 69, 71.
Гавріилъ, митроп. С.-Петерб. II. 75, 81, 87, 89, 94, 126.
Гагноцк. II. 52.
Гаевскій, С. Ѳ. II. 70.
Гал..... II. 123.
Галлеро и К°. I. 16.
Гальшинъ, А. II. 281.
Гаррахъ. II. 78.
Гаррисъ. I. 4, 5.
Гастингсъ. I. 179.
Гасфельдъ. I. 66, 69, 89, 90.
Гебель, Анаст. Сем. II. 94.
Гебель, Францъ Ив. II. 94, 95.
Гейдатель, И. I. 165.
Геленъ. I. 104.
Гель (Gail). II. 140, 165.
Гельбигъ. I. 3, 4.
Гельтманъ, Викт. I. 140, 142—144, 166.
Гельтманъ, Осипъ. I. 107, 140.
Герак... II. 121.
Герасимовъ, Иванъ, II. 251, 272, 284, 293.
Герасимовъ, Петръ, II. 265, 266, 288, 290, 293.
Германъ, полковн. II. 120, 156.
Гиршовичъ, Ш. I. 27.
Гладковъ. II. 274, 248.
Глазуновъ, И. II. 161.
Глинка, домовл. I. 96.
Глинка, Мих. Ив. I. 77, 78.
Гловацкій. I. 167.
Глухова, Анна. II. 277.
Гобольскій. I. 111.
Голенковичъ. I. 162, 166.
Голицына, княг., Анна Ег. I. 9.
Голицынъ, кн. I. 2.
Голицынъ, кн. II. 13.
Голицынъ, кн. Д. М. II. 20, 22.
Голицынъ, кн. Алекс. Бор. I. 9.
Головановъ, И. II. 293.
Головкинъ, гр. Гавр. Ив. II. 209, 236. 238.
Головкинъ, гр. Мих. Гавр. II. 235, 238, 242.
Голубевъ, И. Н. II. 78.
Голубовичъ. I. 149.
Голуновъ, П. II. 252.
Голуховскій. I. 105, 164, 172.
Голянскій. I. 135, 136.
Гордѣевъ, М. II. 293.
Горецкая. I. 172.
Гормайеръ. II. 52.
Горновъ, И. II. 251.
Гороховъ, В. II. 289, 290, 293.
Гортъ, гр. II. 8.
Горчаковъ, кн. Мих. Дм. II. 191, 193.
Горшковъ, Михаилъ. II. 252.
Горшковъ, Семенъ. II. 252.
Горячкинъ, Иванъ. II. 272, 289, 293.
Горячкинъ, Матв. II. 31.
Гофманъ. I. 119, 153, 154.
Гофш... II. 121.
Грефе, профессоръ. II. 108.
Гречи. I. 64.
Гречь, Ал-дра Ник. I. 65.
Гречь, Алексѣй Ник. I. 65, 79, 80.
Гречь, Екат. Ив. I. 66, 67.
Гречь, Никол. Ив. I. 60—77, 79—93, 95—99, 101, 102. II. 108.
Гречь, Никол. Ник. I. 61, 65, 80, 102.
Гречь, Софья Ник. I. 63.
Гречь, Сусанна Никол. I. 65.
Гривасъ, Ѳ. I. 181, 182.
Григорій Дмитріевичъ, кн. II. 232.
Гриневецкій, А. I. 153.
Гриневичъ. I. 166.
Грузинская, княжна. I. 9.
Грузинскій, царевичъ. I. 9.
Гувальдъ. I. 166.
Гударъ. I. 24.
Гужевъ, М. II. 31.
Гуммель. I. 44.
Гурчинъ. I. 149, 150.
Гурьевъ, гр. II. 152, 161, 183, 187.
Гутаревъ, Г. II. 281.
Гюго, В. I. 67.

Давыдовъ, II. 271. 286, 292.
Дажъ, I. 6.
Даль, В. И. I. 61.
Данасъ, бар. I. 180.
Даннекеръ, II. 170.
Даниловичъ, I. 105, 164, 172.
Дашковъ, архіерей Ростовскій. II. 241.
Дейбаль, I. 134.

204, 205, 207—209, 211, 213, 215, 216, 218, 219, 222, 223, 225, 227, 228, 231—233, 235—238, 243—249.
Волынскій. I. 6.
Волынскій, Ив. Мих. II. 208, 209, 218.
Волынскій, Петръ Арт. II. 243, 245, 246.
Вольтеръ, I. 9, 84, 85, 52, 100. II. 82, 97, 157.
Воронинъ. II. 200.
Воронцовъ, кн. С. Р. I, 98.
Востоковъ, А. Х. II. I, 108.
Вощиловичъ, Г. I. 143.
Вронскій, Л. I. 153, 160, 161.
Выровщиковъ, М. II. 262, 272, 279, 280, 292, 293.
Высоцкій, Ив. I. 153, 161, 161.
Высоцкій, М. II. II. 304—310.
Вяземскій, кн. Александръ Алексѣевичъ. I. 32. II. 310.

Г. А. С. II. 160.
Г. Г. II. 158.
Гавріилъ, архим. II. 69, 71.
Гавріилъ, митроп. С.-Петерб. II. 75, 81, 87, 89, 94, 126.
Гагноцк. II. 52.
Гаевскій, С. Ѳ. II. 70.
Гал..... II. 123.
Галлеро и К°. I. 16.
Гальшинъ, А. II. 281.
Гаррахъ. II. 78.
Гаррисъ. I. 4, 5.
Гастингсъ. I. 179.
Гасфельдъ. I. 66, 69, 89, 90.
Гебель, Анаст. Сем. II. 94.
Гебель, Францъ Ив. II. 94, 95.
Гейдатель, И. I. 165.
Геленъ. I. 104.
Гель (Gail). II. 140, 165.
Гельбигъ. I. 3, 4.
Гельтманъ, Викт. I. 140, 142—144, 166.
Гельтманъ, Осипъ. I. 107, 140.
Герак... II. 121.
Герасимовъ, Иванъ, II. 251, 272, 284, 293.
Герасимовъ, Петръ, II. 265, 266, 288, 290, 293.
Германъ, полковн. II. 120, 156.
Гиршовичъ, Ш. I. 27.
Гладковъ. II. 274, 248.
Глазуновъ, И. II. 161.
Глинка, домовл. I. 96.
Глинка, Мих. Ив. I. 77, 78.
Гловацкій. I. 167.
Глухова, Анна. II. 277.
Гобольскій. I. 111.
Голенковичъ. I. 162, 166.
Голицына, княг., Анна Ег. I. 9.
Голицынъ, кн. I. 2.
Голицынъ, кн. II. 13.
Голицынъ, кн. Д. М. II. 20, 22.
Голицынъ, кн. Алекс. Бор. I. 9.
Головановъ, И. II. 293.
Головкинъ, гр. Гавр. Ив. II. 209, 236. 238.
Головкинъ, гр. Мих. Гавр. II. 235, 238, 242.
Голубевъ, И. Н. II. 78.
Голубовичъ. I. 149.
Голуновъ, П. II. 252.
Голуховскій. I. 105, 164, 172.
Голянскій. I. 135, 136.
Гордѣевъ, М. II. 293.
Горецкая. I. 172.
Гормайеръ. II. 52.
Горновъ, И. II. 251.
Гороховъ, В. II. 289, 290, 293.
Гортъ, гр. II. 8.
Горчаковъ, кн. Мих. Дм. II. 191, 193.
Горшковъ, Михаилъ. II. 252.
Горшковъ, Семенъ. II. 252.
Горячкинъ, Иванъ. II. 272, 289, 293.
Горячкинъ, Матв. II. 31.
Гофманъ. I. 119, 153, 154.
Гофш... II. 121.
Грефе, профессоръ. II. 108.
Гречи. I. 64.
Гречь, Ал-дра Ник. I. 65.
Гречь, Алексѣй Ник. I. 65, 79, 80.
Гречь, Екат. Ив. I. 66, 67.
Гречь, Никол. Ив. I. 60—77, 79—93, 95—99, 101, 102. II. 108.
Гречь, Никол. Ник. I. 61, 65, 80, 102.
Гречь, Софья Ник. I. 63.
Гречь, Сусанна Никол. I. 65.
Гривасъ, Ѳ. I. 181, 182.
Григорій Дмитріевичъ, кн. II. 232.
Гриневецкій, А. I. 153.
Гриневичъ. I. 166.
Грузинская, княжна. I. 9.
Грузинскій, царевичъ. I. 9.
Гувальдъ. I. 166.
Гударъ. I. 24.
Гужевъ, М. II. 31.
Гуммель. I. 44.
Гурчинъ. I. 149, 150.
Гурьевъ, гр. II. 152, 161, 183, 187.
Гутаревъ, Г. II. 281.
Гюго, В. I. 67.

Давыдовъ, II. 271. 286, 292.
Дажъ, I. 6.
Даль, В. И. I. 61.
Данасъ, бар. I. 180.
Даннекеръ, II. 170.
Даниловичъ, I. 105, 164, 172.
Дашковъ, архіерей Ростовскій. II. 241.
Дейбаль, I. 134.

Деліани, I. 183, 185.
Деліль, II. 168.
Де-Медемъ. II. 289, 290, 291, 293.
Демидова, Адра Ег. I. 9.
Демидовъ, Акинф. II. 236.
Демидовъ, Пав. Гр., д. с. с. II. 102.
Демидычъ, Бронницкій станц. смотритель. II. 316, 317.
Де-Моннеронъ, I. 66—69, 72, 85, 88—90, 99.
Де-Салморанъ, г-жа. I. 11, 12, 17.
Де-Салморанъ, Т. А. Г. I. 9—12. 14—20, 22, 24—26, 28—32.
Де-Салморанъ (сынъ), I. 17.
Дю-Пати, II. 97.
Державинъ, Гавр. Ром. I. 2. II. 48, 49. 95.
Державинъ, Ив. Сем., свящ. II. 78.
Держковъ, I. 176.
Джульяни, И. I. 100.
Джульяни, Ю. И. I. 99—102.
Дзялынскій, I. 104.
Дибичъ, бар. I. 173.
Димитрій Ростовскій. II. 1, 2.
Димитрій, царевичъ. II. 1.
Димопуло, Д. I. 188, 192, 193.
Діонисій, архіерей Навплійскій, I. 181.
Дмитревскій. II. 75.
Дмитріевъ, II. 209.
Добель, I. 73, 74, 101.
Добель, г-жа. I. 73.
Довинсъ. I. 189.
Долгорукова, княгиня Варв. Александр. I. 9.
Долгорукова, княжна, Екат. Ив. II. 207, 208.
Долгоруковъ, кн. II. 233.
Долгоруковъ, кн. I. 20.
Долгоруковъ, кн. Алекс. Гр. II. 207, 217.
Долгоруковъ, кн. Вас. Влад. I. 9. II. 235.
Долгоруковъ, кн. Вас. Лук. II. 319, 320.
Долгоруковъ, кн. Вас. Мих. II. 25, 304, 305, 308, 309.
Долгоруковъ, кн. Ив. Алекс. II. 208, 217.
Долгоруковъ, кн. Мих. Владим. II. 243.
Долгоруковъ, кн. Петръ В. I. 9.
Долгоруковъ, кн. Юрій. II. 318.
Долгоруковы, князья. II. 319.
Домейко, И. I. 121.
Донсковъ, Д. II. 257, 275, 278.
Дорве. I. 153. 159.
Дороховъ. II. 187.
Дошкевичъ, К. I. 165.
Дризенъ. II. 186.
Дубровицкій, И. II. 75.
Дузъ. II. 93.
Дурновъ, С. Д. II. 270—280, 286, 292.
Дыдниковъ, И. II. 251.
Дюма. I. 83.
Ежовскій, О. I. 118, 121, 129, 165.
Екатерина I, импер. II. 197, 204.
Екатерина II Великая, импер. I. 2—5, 8, 9, 26, 31, 32, 105. II. 24—28, 32—34, 36, 47, 76, 88, 97, 167, 179, 180, 285, 309.
Екатерина Ивановна, царевна. II. 242.
Елена Павловна, вел. княгиня. II. 180.
Елисавета, имп. Австрійская. II. 55, 57.
Елисавета Алексѣевна, импер. II. 158. II. 181.
Елисавета Петровна, имп. II. 19, 318.
Ерингъ, И. II. 281, 288.
Ермоловъ, А. II. I. 94, 98.
Есиньякъ, I. 27.
Жадимировскій, I. 68. II. 94.
Желѣзнякъ, II. 305.
Жираръ, I. 191, 194.
Жобаръ, II. 106.
Жуковкинъ, М. II. 281.
Жуковскій, В. А. I. 77. II. 180.
Жуковъ, табачный фабрикантъ. I. 82.
Жуковъ, учит. II. 76, 80.
Журавлевъ, В. II. 252, 283.
Жюсье. II. 107, 120.
Завадовскій, гр. Петръ Вас. I. 2—4. II. 90, 99, 101, 102, 150, 177.
Забриднъ, А. II. 252.
Загрязскій, II. 233.
Загурскій, I. 167.
Займсъ, I. 183, 185.
Заколюшновъ, П. II. 251, 252, 257.
Залѣсскій, I. 167.
Замысловскій, Е. Е. II. 24.
Замѣшаевъ, П. II. 272.
Зановичи, графы. I. 13—16, 19, 21, 28—32.
Зановичъ, гр. Аннив. I. 13—28, 30, 31.
Зановичъ, гр. Антонъ. I. 13.
Зановичъ, гр. Маркъ. I. 13, 14, 20—22, 24, 27—31.
Зановичъ, гр. Предиславъ (псевдонимъ). I. 13.
Зановичъ, гр. Стефанъ (псевд.). I. 13.
Зейлиндъ, Б. II. 124.
Зеленевичъ, I. 166.
Зелинскій, I. 146, 166.
Зиновьева, Екат. Ник. I. 10.
Зиновьевъ, Вас. Петр. I. 36, 47, 48, 50.
Зиновьевъ. II. 98.
Знаменскій, Н. И. II. 78.
Зонъ, Т. I. 109, 116, 118, 121—124, 126, 128, 129, 132—138, 165.
Зубаревъ. II. 83.
Зубовъ, кн. II. 101.

Деліани, I. 183, 185.
Делиль, II. 168.
Де-Медемъ. II. 289, 290, 291, 293.
Демидова, Адра Ег. I. 9.
Демидовъ, Акинф. II. 236.
Демидовъ, Пав. Гр., д. с. с. II. 102.
Демидычъ, Бровницкій станц. смотритель. II. 316, 317.
Де-Моннеронъ, I. 66—69, 72, 85, 88—90, 99.
Де-Салморанъ, г-жа. I. 11, 12, 17.
Де-Салморанъ, Т. А. Г. I. 9—12. 14—20, 22, 24—26, 28—32.
Де-Салморанъ (сынъ), I. 17.
Дю-Пати, II. 97.
Державинъ, Гавр. Ром. I. 2. II. 48, 49. 95.
Державинъ, Ив. Сем., свящ. II. 78.
Держковъ, I. 176.
Джульяни, И. I. 100.
Джульяни, Ю. И. I. 99—102.
Дзялынскій, I. 104.
Дибичъ, бар. I. 173.
Димитрій Ростовскій. II. 1, 2.
Димитрій, царевичъ. II. 1.
Димопуло, Д. I. 188, 192, 193.
Діонисій, архіерей Навплійскій, I. 181.
Дмитревскій. II. 75.
Дмитріевъ, II. 209.
Добель, I. 73, 74, 101.
Добель, г-жа. I. 73.
Довинсъ. I. 189.
Долгорукова, княгиня Варв. Александр. I. 9.
Долгорукова, княжна, Екат. Ив. II. 207, 208.
Долгоруковъ, кн. II. 233.
Долгоруковъ, кн. I. 20.
Долгоруковъ, кн. Алекс. Гр. II. 207, 217.
Долгоруковъ, кн. Вас. Влад. I. 9. II. 235.
Долгоруковъ, кн. Вас. Лук. II. 319, 320.
Долгоруковъ, кн. Вас. Мих. II. 25, 304, 305, 308, 309.
Долгоруковъ, кн. Ив. Алекс. II. 208, 217.
Долгоруковъ, кн. Мих. Владим. II. 243.
Долгоруковъ, кн. Петръ В. I. 9.
Долгоруковъ, кн. Юрій. II. 318.
Долгоруковы, князья. II. 319.
Домейко, И. I. 121.
Донсковъ, Д. II. 257, 275, 278.
Дорве. I. 153. 159.
Дороховъ. II. 187.
Дошкевичъ, К. I. 165.
Дризенъ. II. 186.
Дубровицкій, И. II. 75.
Дузъ. II. 93.
Дурновъ, С. Д. II. 270—280, 286, 292.
Дыниковъ, И. II. 251.
Дюма. I. 83.
Ежовскій, О. I. 118, 121, 129, 165.
Екатерина I, импер. II. 197, 204.
Екатерина II Великая, импер. I. 2—5, 8, 9, 26, 31, 32, 105. II. 24—28, 32—34, 36, 47, 76, 88, 97, 167, 179, 180, 285, 309.
Екатерина Ивановна, царевна. II. 242.
Елена Павловна, вел. княгиня. II. 180.
Елисавета, имп. Австрійская. II. 55, 57.
Елисавета Алексѣевна, импер. II. 158. II. 181.
Елисавета Петровна, имп. II. 19, 316.
Ерингъ, И. II. 281, 288.
Ермоловъ, А. II. I. 94, 98.
Есиньякъ, I. 27.

Жадимировскій, I. 68. II. 94.
Желѣзнякъ, II. 305.
Жираръ, I. 191, 194.
Жобаръ, II. 106.
Жуковкинъ, М. II. 281.
Жуковскій, В. А. I. 77. II. 180.
Жуковъ, табачный фабрикантъ. I. 82.
Жуковъ, учит. II. 76, 80.
Журавлевъ, В. II. 252, 283.
Жюсье. II. 107, 120.

Завадовскій, гр. Петръ Вас. I. 2—4. II. 90, 99, 101, 102, 150, 177.
Забриднъ, А. II. 252.
Загрязскій, II. 233.
Загурскій, I. 167.
Займисъ, I. 183, 185.
Заколюшновъ, П. II. 251, 252, 257.
Залѣсскій, I. 167.
Замысловскій, Е. Е. II. 24.
Замѣшаевъ, П. II. 272.
Зановичи, графы. I. 13—16, 19, 21, 28—32.
Зановичъ, гр. Аннив. I. 13—28, 30, 31.
Зановичъ, гр. Антонъ. I. 13.
Зановичъ, гр. Маркъ. I. 13, 14, 20—22, 24, 27—31.
Зановичъ, гр. Предиславъ (псевдонимъ). I. 13.
Зановичъ, гр. Стефанъ (псевд.). I. 13.
Зейлиндъ, Б. II. 124.
Зеленевичъ, I. 166.
Зелинскій, I. 146, 166.
Зиновьева, Екат. Ник. I. 10.
Зиновьевъ, Вас. Петр. I. 36, 47, 48, 50.
Зиновьевъ. II. 98.
Знаменскій, Н. И. II. 78.
Зонъ, Т. I. 109, 116, 118, 121—124, 126, 128, 129, 132—138, 165.
Зубаревъ. II. 83.
Зубовъ, кн. II. 101.

Ибрагимъ-паша, I. 181, 185.
Иванова, Акулина. II. 31.
Ивановъ, Ал-дръ, крестьян. II. 30—36.
Ивановъ, дѣйств. ст. сов. II. 126.
Ивановъ, Николай Алексѣевичъ, писат., I. 92.
Ивановъ, свящ. II. 32.
Ивановъ, секр. колл. ин. д. II. 92.
Ивановъ, чиновн. II. 126.
Ивашкевичъ, I. 166.
Игельстромъ, I. 152, 153.
Иголкинъ, Б. II. 252.
Измайловъ. II. 159.
Измайловы, II. 209.
Изюмниковъ, М. II. 272. 289, 290. 293.
Илличевскій, лицеистъ, II. 175.
Илличевскій, Демьянъ Вас. II. 71, 86.
Ильинъ, К. I. 22,
Ильманъ, I. 120.
Имсенъ, I. 155.
Иннокентій, ректъ. С.-Петерб. семинаріи. II. 79.
Иринеи, архіеп. Псковскій, II. 75, 82.
Исаевъ, А. II. 198.
Истоминъ, Ѳ. II. 262.

Іаковъ, Ростовскій чудотв. II. 2.
Іоаннъ IV Вас., царь. II. 77.
Іогансонъ, А. И. I. 71, 89.
Іона, архіеп. Тверской. II. 77.
Іосифъ II, имп. Австрійскій. I. 7—9.
Іосифъ, эрцгерц. и пал. Венгріи. II. 47, 53, 57, 59, 65.
Іосифъ, ростриг. II. 219, 221, 223.
Іотросъ, М. I. 181.

Кавали, I. 13, 14.
Казанова, I. 13.
Казаркинъ, Д. II. 289, 290, 293.
Казиміръ, кор. Польскій, I. 146.
Каймашниковъ, Г. II. 252.
Кайрисъ, Ѳ. I. 182.
Кайсаровъ, II. 185, 186.
Каламогдарти, I. 191.
Калачевъ, Н. В. II. 295.
Калерги, Д. I. 188.
Калининъ, Никол. Иг. II. 91, 92.
Калининъ, Петръ, II. 252.
Кампанъ, (Campan). II. 187.
Кандалинцевъ, С. II. 252, 262.
Канкринъ, Е. Ф, II. 316.
Каподистріа, гр. Августъ. I. 189—192, 195, 196, 198, 200.
Каподистріа, гр. Ив. Ант. I. 178, 179, 182, 183, 185—187, 191, 199, 200.
Карабино. I. 190.
Караджа, кн. I. 191.
Каракціоли. II. 74.
Карамзинъ, Н. М. I. 98.
Каратыгинъ, В. А. I. 98.
Каріонъ, II. 1.
Карлгофъ, I. 79.
Каролина, королева Неаполитанская. II. 51.
Карлъ X, кор. Франц. I. 180, 185.
Карлъ, эрцгерц. II, 51.
Карповичъ, епископъ. I. 106.
Карповичъ, ученикъ, I. 111.
Карповъ, У. II. 252.
Касимати, Г. I. 187, 188.
Катерина Ивановна, II. 244.
Катифоръ, II. 81.
Кизеветтеръ, И. II. 293.
Кикинъ, II. А. II. 147.
Кирпичниковъ, И. II. 270—272, 275, 278—282, 290—292.
Кирѣевъ, Петръ. II. 244, 247.
Кишенскій, II. 188.
Кладъ, И. II. 289.
Клейнмихель, гр. Петръ Андр. I. 38, 48—52, 54, 55. II. 313, 314.
Климова, Дарья. I. 31.
Клодъ-фонъ-Юргенсбурги, бароны. I. 72.
Клодъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ. I. 64.
Клонгевичъ, I. 115.
Клопштокъ, I. 77.
Клушинъ, А. И. II. 87, 88.
Книперъ, Х. II. II. 88, 89.
Ковалевскій, О. I. 121, 165.
Ковалевъ, II. 90.
Кожевниковъ, М. II. 251, 252, 279, 284.
Кожинъ, А. А. II. 218, 219.
Кожминъ. I. 104.
Козодавлева, Анна Петр. I. 59.
Козодавлевъ, Ос. Петр. I. 55—59. II. 127, 183, 317.
Козловскій, II. I. 165.
Козловъ, Ив. II. 211, 213.
Козони, Г. I. 189, 190, 192, 195.
Козьминъ. С. М. II. 288.
Кокори, I. 190.
Колбасинъ, Е. Я. II. 68.
Колетисъ, I. 183, 186, 192.
Колоковскій, Ф. I. 165.
Колокотрони, Ѳ. I. 196—198.
Коллоредо, гр. II. 51.
Колонтай, Г. I. 105, 106.
Колпаковъ, Вас., II. 257.
Колпаковъ, Яковъ, II. 276, 277, 279.
Колумбъ, I. 86.
Кондорсе, II. 97.
Кондуріоти, Г. I. 183, 185, 186.
Конисскій, Георгій. I. 8.
Коновницынъ, гр. II. 106.
Кононовъ, А. К. II. 78,
Константинъ Павловичъ, вел. кн. I. 84, 108, 117, 118, 122, 124, 137, 146, 152,

Ибрагимъ-паша, I. 181, 185.
Иванова, Акулина. II. 31.
Ивановъ, Ал-дръ, крестьян. II. 30—36.
Ивановъ, дѣйств. ст. сов. II. 126.
Ивановъ, Николай Алексѣевичъ, писат., I. 92.
Ивановъ, свящ. II. 32.
Ивановъ, секр. колл. ин. д. II. 92.
Ивановъ, чиновн. II. 126.
Ивашкевичъ, I. 166.
Игельстромъ, I. 152, 153.
Иголкинъ, Б. II. 252.
Измайловъ. II. 159.
Измайловы, II. 209.
Изюмниковъ, М. II. 272. 289, 290. 293.
Илличевскій, лицеистъ, II. 175.
Илличевскій, Демьянъ Вас. II. 71, 86.
Ильинъ, К. I. 22,
Ильманъ, I. 120.
Имсенъ, I. 155.
Иннокентій, ректъ. С.-Петерб. семинаріи. II. 79.
Иринеи, архіеп. Псковскій, II. 75, 82.
Исаевъ, А. II. 198.
Истоминъ, Ѳ. II. 262.

Іаковъ, Ростовскій чудотв. II. 2.
Іоаннъ IV Вас., царь. II. 77.
Іогансонъ, А. И. I. 71, 89.
Іона, архіеп. Тверской. II. 77.
Іосифъ II, имп. Австрійскій. I. 7—9.
Іосифъ, эрцгерц. и пал. Венгріи. II. 47, 53, 57, 59, 65.
Іосифъ, ростріга. II. 219, 221, 223.
Іотросъ, М. I. 181.

Кавали, I. 13, 14.
Казанова, I. 13.
Казаркинъ, Д. II. 289, 290, 293.
Казиміръ, кор. Польскій, I. 146.
Каймашниковъ, Г. II. 252.
Кайрисъ, Ѳ. I. 182.
Кайсаровъ, II. 185, 186.
Каламогдарти, I. 191.
Калачевъ, Н. В. II. 295.
Калерги, Д. I. 188.
Калининъ, Никол. Иг. II. 91, 92.
Калининъ, Петръ, II. 252.
Кампанъ, (Campan). II. 187.
Кандалинцевъ, С. II. 252, 262.
Канкринъ, Е. Ф, II. 316.
Каподистріа, гр. Августъ. I. 189—192, 195, 196, 198, 200.
Каподистріа, гр. Ив. Ант. I. 178, 179, 182, 183, 185—187, 191, 199, 200.
Карабино. I. 190.
Караджа, кн. I. 191.
Каракціоли. II. 74.
Карамзинъ, Н. М. I. 98.
Каратыгинъ, В. А. I. 98.
Каріонъ, II. 1.
Карлгофъ, I. 79.
Каролина, королева Неаполитанская. II. 51.
Карлъ X, кор. Франц. I. 180, 185.
Карлъ, эрцгерц. II, 51.
Карповичъ, епископъ. I. 106.
Карповичъ, ученикъ, I. 111.
Карповъ, У. II. 252.
Касимати, Г. I. 187, 188.
Катерина Ивановна, II. 244.
Катифоръ, II. 81.
Кизекѣевъ, И. II. 293.
Кикинъ, II. А. II. 147.
Кирпичниковъ, И. II. 270—272, 275, 278—282, 290—292.
Кирѣевъ, Петръ. II. 244, 247.
Кишенскій, II. 188.
Кладъ, И. II. 289.
Клейнмихель, гр. Петръ Андр. I. 38, 48—52, 54, 55. II. 313, 314.
Климова, Дарья. I. 31.
Клодъ-фонъ-Юргенсбурги, бароны. I. 72.
Клодъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ. I. 64.
Клонгевичъ, I. 115.
Клопштокъ, I. 77.
Клушинъ, А. И. II. 87, 88.
Книпперъ, Х. II. II. 88, 89.
Ковалевскій, О. I. 121, 165.
Ковалевъ, II. 90.
Кожевниковъ, М. II. 251, 252, 279, 284.
Кожинъ, А. А. II. 218, 219.
Кожминъ. I. 104.
Козодавлева, Анна Петр. I. 59.
Козодавлевъ, Ос. Петр. I. 55—59. II. 127, 183, 317.
Козловскій, II. I. 165.
Козловъ, Ив. II. 211, 213.
Козони, Г. I. 189, 190, 192, 195.
Козьминъ. С. М. II. 288.
Кокори, I. 190.
Колбасинъ, Е. Я. II. 68.
Колетисъ, I. 183, 186, 192.
Колоковскій, Ф. I. 165.
Колокотрони, Ѳ. I. 196—198.
Коллоредо, гр. II. 51.
Колонтай, Г. I. 105, 106.
Колпаковъ, Вас., II. 257.
Колпаковъ, Яковъ, II. 276, 277, 279.
Колумбъ, I. 86.
Кондорсе, II. 97.
Кондуріоти, Г. I. 183, 185, 186.
Конисскій, Георгій. I. 8.
Коновинскій, II. 186.
Коновницынъ, гр. II. 106.
Кононовъ, А. К. II. 78,
Константинъ Павловичъ, вел. кн. I. 84, 108, 117, 118, 122, 124, 137, 146, 152,

153, 164. II. 47, 101, 161, 173, 181.
Константинъ, кн. Ярославскій, II. 2.
Контримъ, I. 105, 108, 109, 173—175.
Конневъ, А. II. 272, 273.
Конѣчкинъ, II. 260, 261, 272, 273.
Корансъ, А. I. 186.
Коргановичъ, I. 146.
Кореницкій, I. 166.
Корниловъ, II. 190.
Короваевъ, Д. II. 251, 252, 277.
Короянн, I. 194, 195, 197, 198.
Корфъ, бар. II. 175.
Косичкинъ (псевдонимъ) I, 76.
Косовскій, I. 166.
Кострогоровъ, М. Д. II, 105.
Косточ..., II. 122.
Костялковская, I. 172.
Косцюшко, Ѳ. I, 105, 146.
Котельниковъ, С. К. II, 79.
Котятовъ, Р. II, 272.
Котларевскій, И. П. II, 71, 72.
Коховскій, I. 6.
Кохренъ, I. 179.
Коцебу, I. 99.
Кочальскій, И. I. 145—147.
Кочемасовъ, Е. II. 281, 284.
Кочерешкинъ, Д. II. 281.
Кошанскій, II. 174.
Кошичкинъ, С. II. 293.
Краденовъ, Ив. II. 272.
Краденовъ, Петръ. II. 272, 289, 290, 293.
Красицкій, I. 104.
Красковскій, Ѳ. I. 137.
Крестовскій, В. М. II. 124, 125.
Кречетниковъ, Никита. II. 238.
Кривковскій, I. 106.
Кривцовъ, гвард. адъют. I. 64.
Кривцовъ, Ал-дръ Ив., генер.-маіоръ. II, 149.
Кривцовъ, Тим., солдатъ. II. 221.
Крицицкій, II. I. 165.
Кропотовъ. И. II. 196, 198, 199.
Крузе. I. 92, 93.
Круликовскій. I. 139.
Круспнскій, I. 147, 148.
Крыжановская, Марья Алекс. I. 62, 96.
Крыжановская, Марья Павл. I. 62, 64.
Крыжановскіе, I 65.
Крыжановскій, Конст. Конст. I 62.
Крыжановскій, Макс. Конст. I. 62.
Крыловъ, Ив. Андр. I. 72, II. 87, 88, 129.
Ксенисъ, I. 182.
Ксенія, II. 137, 138.
Кубасовъ, II. 237.
Кудашевъ, II. 185, 186.
Кудрявцовъ, II. 203.
Кудрявцевъ, Неф. II. 228, 230, 236, 238 243.
Кузминскій, I. 160, 161, 166, 167.
Кузнецовъ, Ив. II. 293.
Кукольникъ, Н. В. I. 75, 76, 79, 82, 87—89.
Куницынъ, II. 174.
Купаховичъ, I. 167.
Куракинъ, кн. А. Б. II. 127, 141, 150.
Курбетовъ, А. II. 282.
Курочкинъ, Андр., II. 217, 230, 244, 247, 248.
Курочкинъ, Сергѣй. II. 281.
Курута, Д. Д. II. 149.
Кутузовъ-Смоленскій, князь. М. И. I. II. 100. 183—186.
Кямиль-бей, I. 188.

Лабзеневъ, А. II. 281.
Лаваль, гр. I. 36.
Лаваль, гр-ня. I. 39.
Лаврентій, архимандритъ Нижегородскій. II. 222.
Лаврентій Лаврентьевичъ. II, 245.
Лавриновичъ, I. 118.
Ладвоха, I. 83.
Лазичъ, I. 6.
Ламанскій, В. И. II. 53.
Ламартинъ, I. 2. 100.
Ламеховъ, II. 201.
Ланкастерскій, герц. I. 17.
Ланеръ, I. 22, 24, 25.
Ларшинъ, А. II. 289, 293.
Лафонтенъ, II. 97.
Лацковичъ, II. 52.
Лебедевъ, II. 155.
Левашовъ, II. 233.
Левендъ, I. 190.
Левенштернъ, II. 186.
Левоневскій, I. 166.
Левшинъ, А. И. II. 250.
Легошинъ. И. II. 272.
Лежеръ (Leger). II. 104.
Лелеваль, I. 105, 164, 172.
Леманъ, А. II. 143.
Леонидъ, изъ Триполи. I. 188.
Леопольдъ, пр. Сакс.-Кобург. I. 187.
Лепехинъ, Е. II. 281.
Лефранкъ, I. 22, 24, 25.
Лещинскій, I. 166.
Линней, II. 107, 119, 120, 162.
Липранди, II. 188.
Литтлетонъ, II. 82.
Лобановъ, II. 185.
Лобойко, I. 115, 136.
Лобунскій, I. 161, 166.
Логиновъ, Ив. II. 254, 257—261, 267, 279, 281, 283, 284, 286.
Логиновъ, Ѳед. II. 293.
Лонгиновъ, I. 13.
Лонгинъ, II. 74, 97, 107, 116.

153, 164. II. 47, 101, 161, 173, 181.
Константинъ, кн. Ярославскій, II. 2.
Контримъ, I. 105, 108, 109, 173—175.
Конневъ, А. II. 272, 273.
Конѣчкинъ, II. 260, 261, 272, 273.
Корансъ, А. I. 186.
Коргановичъ, I. 146.
Кореницкій, I. 166.
Корниловъ, II. 190.
Короваевъ, Д. II. 251, 252, 277.
Короянн, I. 194, 195, 197, 198.
Корфъ, бар. II. 175.
Косичкинъ (псевдонимъ) I, 76.
Косовскій, I. 166.
Кострогоровъ, М. Д. II, 105.
Косточ..., II. 122.
Костялковская, I. 172.
Косцюшко, Ѳ. I, 105, 146.
Котельниковъ, С. К. II, 79.
Котятовъ, Р. II, 272.
Котларевскій, И. П. II, 71, 72.
Коховскій, I. 6.
Кохренъ, I. 179.
Коцебу, I. 99.
Кочальскій, И. I. 145—147.
Кочемасовъ, Е. II. 281, 284.
Кочерешкинъ, Д. II. 281.
Кошанскій, II. 174.
Кошичкинъ, С. II. 293.
Краденовъ, Ив. II. 272.
Краденовъ, Петръ. II. 272, 289, 290, 293.
Красицкій, I. 104.
Красковскій, Ѳ. I. 137.
Крестовскій, В. М. II. 124, 125.
Кречетниковъ, Никита. II. 238.
Кривковскій, I. 106.
Кривцовъ, гвард. адъют. I. 64.
Кривцовъ, Ал-дръ Ив., генер.-маіоръ. II, 149.
Кривцовъ, Тим., солдатъ. II. 221.
Крицицкій, II. I. 165.
Кропотовъ. И. II. 196, 198, 199.
Крузе. I. 92, 93.
Круликовскій. I. 139.
Круспнскій, I. 147, 148.
Крыжановская, Марья Алекс. I. 62, 96.
Крыжановская, Марья Павл. I. 62, 64.
Крыжановскіе, I 65.
Крыжановскій, Конст. Конст. I 62.
Крыжановскій, Макс. Конст. I. 62.
Крыловъ, Ив. Андр. I. 72, II. 87, 88, 129.
Ксенисъ, I. 182.
Ксенія, II. 137, 138.
Кубасовъ, II. 237.
Кудашевъ, II. 185, 186.
Кудрявцовъ, II. 203.
Кудрявцевъ, Неф. II. 228, 230, 236, 238 243.
Кузминскій, I. 160, 161, 166, 167.
Кузнецовъ, Ив. II. 293.
Кукольникъ, Н. В. I. 75, 76, 79, 82, 87—89.
Куницынъ, II. 174.
Купаховичъ, I. 167.
Куракинъ, кн. А. Б. II. 127, 141, 150.
Курбетовъ, А. II. 282.
Курочкинъ, Андр., II. 217, 230, 244, 247, 248.
Курочкинъ, Сергѣй. II. 281.
Курута, Д. Д. II. 149.
Кутузовъ-Смоленскій, князь. М. И. I. II. 100. 183—186.
Кямиль-бей, I. 188.

Лабзеневъ, А. II. 281.
Лаваль, гр. I. 36.
Лаваль, гр-ня. I. 39.
Лаврентій, архимандритъ Нижегородскій. II. 222.
Лаврентій Лаврентьевичъ. II, 245.
Лавриновичъ, I. 118.
Ладвоха, I. 83.
Лазичъ, I. 6.
Ламанскій, В. И. II. 53.
Ламартинъ, I. 2. 100.
Ламеховъ, II. 201.
Ланкастерскій, герц. I. 17.
Ланеръ, I. 22, 24, 25.
Ларшинъ, А. II. 289, 293.
Лафонтенъ, II. 97.
Лацковичъ, II. 52.
Лебедевъ, II. 155.
Левашовъ, II. 233.
Левендъ, I. 190.
Левенштернъ, II. 186.
Левоневскій, I. 166.
Левшинъ, А. И. II. 250.
Легошинъ. И. II. 272.
Лежеръ (Leger). II. 104.
Лелевель, I. 105, 164, 172.
Леманъ, А. II. 143.
Леонидъ, изъ Триполи. I. 188.
Леопольдъ, пр. Сакс.-Кобург. I. 187.
Лепехинъ, Е. II. 281.
Лефранкъ, I. 22, 24, 25.
Лещинскій, I. 166.
Линней, II. 107, 119, 120, 162.
Липранди, II. 188.
Литтлетонъ, II. 82.
Лобановъ, II. 185.
Лобойко, I. 115, 136.
Лобунскій, I. 161, 166.
Логиновъ, Ив. II. 254, 257—261, 267, 279, 281, 283, 284, 286.
Логиновъ, Ѳед. II. 293.
Лонгиновъ, I. 13.
Лонгинъ, II. 74, 97, 107, 116.

Лозовскій, Ѳ. I. 116, 121, 127, 130, 135, 138, 165.
Ломоносовъ, лицеистъ. II. 175.
Лондо. I. 183, 185, 186.
Лукашевичъ, И. I. 165.
Лукинъ, К. II. 272.
Лысенковъ, I. 76.
Львова, кн-ня. II. 216.
Львовичъ, К. I. 165.
Львовъ, Ѳед. Петр. II. 95, 149.
Львовъ, Никол. Ал. II. 95.
Любовецкій, кн. I. 175.
Любовниковъ, II. 226.
Любовъ, Т. II. 293.
Любинъ, Н. II. 282.
Любомировъ, II. 247.
Любомірскій, кн. I. 19.
Людисъ, II. 9.
Ляховичъ, I. 160—162, 166.

Мавринъ, инженеръ-прапорщ. II. 18.
Мавринъ, Савва, капит.-поруч. II. 251, 284.
Маврокордато, господарь Молдавіи. II. 59.
Маврокордато, А. I. 183, 185, 186.
Мавромати, Георгій. I. 192.
Мавромихали. I. 188, 197.
Мавромихали, Георг. I. 182, 183, 186—188, 192—194, 196—199.
Мавромихали, Конст. I. 186—188, 190, 192, 193, 197.
Мавромихали, Петръ. I. 183—186, 188, 198.
Маевскій, II. 307.
Майеръ, I 68.
Маковецкій, Ст. II, 124, 127, 129.
Максимовъ, Н. Д. II. 78.
Макъ-Магонъ. II. 194.
Маламо. I. 190.
Малевскій. II. 115, 122, 123, 135—138, 140.
Малевскій, Францъ. II. 121 — 124, 130, 135.
Малиновскій. II, 175.
Малиновскій, В. II. 172, 173, 175.
Мальтъ-Брюннъ. II. 165.
Малѣевъ, I. 19—21, 26.
Менгошскій, А. II. 87.
Менделѣевъ, I. 10.
Мансвѣтовъ, Г. II. 87, 94.
Меньшиковъ, кн. Ал-дръ Серг. II. 188—190.
Марданинъ, А. II. 252.
Марія Михайловна, вел. кн-ня. II. 163.
Марія Ѳеодоровна, имп. I 55, 56. II. 55, 95, 98, 102, 103, 177, 178, 181.
Марковцевъ, Ф. II. 281, 289, 290, 293.
Марковъ. II. 183.
Марковъ, Ив. Никиф. II. 218.
Мартиновичъ, I. И. II. 52.
Мартыновъ, И. И. II. 68, 75, 101, 103, 105, 127, 146, 160, 161, 178.
Марцинковскій, I. 106.
Масловъ, лицеистъ. II. 175.
Масловъ, Никол. Ив. II. 31.
Массонъ, I. 196, 198
Массальскій, I. I. 130, 131.
Матасовъ, Алексѣй. II. 272, 281.
Матасовъ, Кирилло II. 251.
Матросовъ, С. II. 272, 281, 289, 293.
Матюшкинъ, II. 196, 198.
Матюшкины, II. 209.
Маханинъ, Г. II. 258.
Махмутъ, султанъ. I. 98.
Медвѣдовскій (псевдонимъ), I. 71.
Мезонъ, I. 185.
Мекленбургскій, герц. II. 13.
Мекленбургъ, капит. II. 13.
Мелиссино, I. 8.
Мельгуновъ, II. 261.
Мерси, гр. II. 4, 21, 22.
Метакса, А. I. 183, 185, 192.
Метельскій, I. 106.
Мечниковъ, Е. II. I. 51, 53, 55.
Мизиновъ, А. II. 252.
Микулинъ, II. 319.
Милайта, I. I. 182.
Миллеръ, книгопрод. II. 82.
Миллеръ, Христ. II. 104.
Милорадовичъ, гр. Мих. А. II. 148, 152, 153—183.
Милославскій, II. 9.
Милютинъ, Дм. Ал. II. 52.
Минихъ, фонъ, гр. II. 318, 319.
Мирковичъ, I. 121.
Мироновъ, А. II. 254.
Мирошкинъ, А. II. 262, 267, 287.
Митрясовъ, Алексѣй, II. 260, 261, 263, 266, 270, 271.
Митрясовъ, Ив. II. 251.
Митрясовъ, Ѳед. II. 276, 279.
Михалевичъ, И. I. 160, 165.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн. II. 173.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, II. 252, 253.
Мицкевичъ, Адамъ, I. 116, 121, 133, 158, 165.
Маули, I. 185, 187.
Мовшовичъ, Д. I. 18.
Музовскій, Н. II. 49, 64.
Моисеевъ, И. II. 70.
Мольдуано, I. 67.
Моравскій, I. 166.
Мордвиновъ, II. 9.
Мостовщиковъ, А. II. 257, 258.
Мошинскій, I. 148.
Мрочковскій, I. 112.
Муравьевъ-Апостолъ, II. 63.
Муравьевъ, Мих. Никит. II. 97, 99.

Лозовскій, Ѳ. I. 116, 121, 127, 130, 135, 138, 165.
Ломоносовъ, лицеистъ. II. 175.
Лондо. I. 183, 185, 186.
Лукашевичъ, И. I. 165.
Лукинъ, К. II. 272.
Лысенковъ, I. 76.
Львова, кн-ня. II. 216.
Львовичъ, К. I. 165.
Львовъ, Ѳед. Петр. II. 95, 149.
Львовъ, Никол. Ал. II. 95.
Любовецкій, кн. I. 175.
Любовниковъ, II. 226.
Любовъ, Т. II. 293.
Любинъ, Н. II. 282.
Любомировъ, II. 247.
Любомірскій, кн. I. 19.
Людисъ, II. 9.
Ляховичъ, I. 160—162, 166.

Мавринъ, инженеръ-прапорщ. II. 18.
Мавринъ, Савва, капит.-поруч. II. 251, 284.
Маврокордато, господарь Молдавіи. II. 59.
Маврокордато, А. I. 183, 185, 186.
Мавромати, Георгій. I. 192.
Мавромихали. I. 188, 197.
Мавромихали, Георг. I. 182, 183, 186—188, 192—194, 196—199.
Мавромихали, Конст. I. 186—188, 190, 192, 193, 197.
Мавромихали, Петръ. I. 183—186, 188, 198.
Маевскій, II. 307.
Майеръ, I 68.
Маковецкій, Ст. II, 124, 127, 129.
Максимовъ, Н. Д. II. 78.
Макъ-Магонъ. II. 194.
Маламо. I. 190.
Малевскій. II. 115, 122, 123, 135—138, 140.
Малевскій, Францъ. II. 121 — 124, 130, 135.
Малиновскій. II, 175.
Малиновскій, В. II. 172, 173, 175.
Мальтъ-Брюннъ. II. 165.
Малѣевъ, I. 19—21, 26.
Менгошскій, А. II. 87.
Менделѣевъ, I. 10.
Мансвѣтовъ, Г. II. 87, 94.
Меньшиковъ, кн. Ал-дръ Серг. II. 188—190.
Марданинъ, А. II. 252.
Марія Михайловна, вел. кн-ня. II. 163.
Марія Ѳеодоровна, имп. I 55, 56. II. 55, 95, 98, 102, 103, 177, 178, 181.
Марковцевъ, Ф. II. 281, 289, 290, 293.
Марковъ. II. 183.
Марковъ, Ив. Никиф. II. 218.
Мартиновичъ, I. И. II. 52.
Мартыновъ, И. И. II. 68, 75, 101, 103, 105, 127, 146, 160, 161, 178.
Марцинковскій, I. 106.
Масловъ, лицеистъ. II. 175.
Масловъ, Никол. Ив. II. 31.
Массонъ, I. 196, 198
Массальскій, I. I. 130, 131.
Матасовъ, Алексѣй. II. 272, 281.
Матасовъ, Кирилло II. 251.
Матросовъ, С. II. 272, 281, 289, 293.
Матюшкинъ, II. 196, 198.
Матюшкины, II. 209.
Маханинъ, Г. II. 258.
Махмутъ, султанъ. I. 98.
Медвѣдовскій (псевдонимъ), I. 71.
Мезонъ, I. 185.
Мекленбургскій, герц. II. 13.
Мекленбургъ, капит. II. 13.
Мелиссино, I. 8.
Мельгуновъ, II. 261.
Мерси, гр. II. 4, 21, 22.
Метакса, А. I. 183, 185, 192.
Метельскій, I. 106.
Мечниковъ, Е. II. I. 51, 53, 55.
Мизиновъ, А. II. 252.
Микулинъ, II. 319.
Милайта, I. I. 182.
Миллеръ, книгопрод. II. 82.
Миллеръ, Христ. II. 104.
Милорадовичъ, гр. Мих. А. II. 148, 152, 153—183.
Милославскій, II. 9.
Милютинъ, Дм. Ал. II. 52.
Минихъ, фонъ, гр. II. 318, 319.
Мирковичъ, I. 121.
Мироновъ, А. II. 254.
Мирошкинъ, А. II. 262, 267, 287.
Митрясовъ, Алексѣй, II. 260, 261, 263, 266, 270, 271.
Митрясовъ, Ив. II. 251.
Митрясовъ, Ѳед. II. 276, 279.
Михалевичъ, И. I. 160, 165.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн. II. 173.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, II. 252, 253.
Мицкевичъ, Адамъ, I, 116, 121, 133, 158, 165.
Маули, I. 185, 187.
Мовшовичъ, Д. I. 18.
Музовскій, Н. II. 49, 64.
Моисеевъ, И. II. 70.
Мольдуано, I. 67.
Моравскій, I. 166.
Мордвиновъ, II. 9.
Мостовщиковъ, А. II. 257, 258.
Мошинскій, I. 148.
Мрочковскій, I. 112.
Муравьевъ-Апостолъ, II. 63.
Муравьевъ, Мих. Никит. II. 97, 99.

Муравьевъ, Никол. Назар. II. 145, 150.
Мурзинъ, П. П. 281.
Мусатовъ, Ф. II. 258.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алекс. Ив. II. 84.
Моцартъ, I. 44.
Мѣшковъ, П. 282, 283.
Мюратъ, II. 185.
Мюссаръ, Варв. Дан. I. 65, 66.
Мясниковъ, Т. II. 251, 252, 277.
Мячковъ, II. 198.

Нагаевъ, II. 9.
Надеждинъ, Н. И. II. 29.
Найденовъ, II. 272.
Нако, I. I. 182.
Наполеонъ I, имп. I. 33, 34, 54, 56, 90, 106, 108, 131, 134, 135, 146, 147, 173. II. 104, 187.
Нартовъ, II. 140.
Нарышкина, Алдр. Льв. II. 218.
Нарышкина, Марья Ант. I. 37, 38.
Нарышкинъ, Дмитр. Льв. I. 36, 37.
Настасья, II. 314.
Наумовъ, II. 209.
Нахимовъ, II. 190.
Нащокинъ, П. Ѳ. I. 10. 11.
Непокойчицкій, I. 140.
Неранчичъ, Гавр. Дав. I. 13, 14, 16.
Неулыбинъ, Я. П. 281, 283.
Нечаевъ, Петръ. II. 252.
Нечаевъ, дворовый. II. 245.
Никифоръ, архіеп. Полтавскій, II. 69.
Николай, архимандр. II. 77.
Николай I, имп. I. 64, 94, 98, 152, 180, 185. II. 173.
Ник. Селив. II. 183.
Никольсъ, I. 68.
Новоженинъ, М. II. 281.
Новокрещеновъ, Р. II. 261, 265, 267.
Новосильцевъ, Никол. Никол. II. 97, 100, 133.
Новосильцевъ, I. 105, 108, 109, 118—122, 124, 127, 129, 130, 135—140, 142, 144, 146—151, 153, 163, 164, 167—177.
Норденъ, I. 44—47, 51—53, 55.
Носовъ, К. II. 272, 293.
Нотаръ, I. 183.
Нотка, I. 17.

Оаксъ, I. 3.
Овечкинъ, Т. II. 264.
Овчинниковъ, И. II. 272.
Озеровскій, Н. Я., II. 79, 137.
Окенчицъ, I. 160, 166.
Оленинъ, А. П. I. 72, 75. II. 128.
Ольшевскій, I. 166.
Орда, I. 167.
Ордынскій, Кардъ, I. 153.
Ордынскій, Феликсъ, I. 153, 159, 167.
Орлова, гр-ня Анна Алекс. II. 316.
Орлова, кн-ня, Екат. Ник. I. 10, 11.
Орловъ, кн. Григ. Григ. I. 10. II. 280, 289.
Орловъ, гр. Ив. Григ. II. 272.
Орловы, графы, I. 2.
Осинскій, Л. I. 129.
Останковъ, Б. II. 216.
Остерманъ, гр. Ив. Андр. II. 90.
Оттонъ, пр. Баварскій, I. 187.
Очкинъ, А. Н. I. 71, 79.

Павелъ, іеромон. II. 78.
Павелъ I, имп. I. 26, 105. II. 47, 54, 60, 63, 177, 179, 180.
Павинскій, И. Д. II. 77.
Павловъ, С. II. 281, 293.
Пагадаевъ, П. II. 272, 279, 280, 293.
Палкина, Авд. II. 247.
Пальминъ, II. 106.
Панинъ, гр. Никита Ив. II. 309, 310.
Панинъ, гр. Петръ Ив. I. 14. II. 5. 7, 17.
Панины, графы, I. 2.
Пановъ, А. II. 258.
Паписперъ, II. 106.
Папаригопуло, С. I. 190.
Паркеръ, I. 181.
Пассекъ, П. Б. I. 26, 28.
Паскевичи, II. 95.
Паскевичъ, гр. Ив. Ѳ. I. 94. II. 94.
Пастровичи, I. 13.
Патрино, I. 194, 195, 197, 198.
Пашкевичъ, I. 151, 166.
Пеликанъ, В. I. 153, 164, 171, 172.
Песлякъ, I. 150, 166.
Перовская, М. А. I. 62.
Персонъ, II. 107.
Перука, Дм. I. 183, 187.
Перфильевъ, А. II. 282.
Петрашкевичъ, О. I. 121, 165.
Петровскій, I. 152—154.
Петровъ, Алдръ Осип., I. 45.
Петровъ, Вас. Влад. II. 79.
Петръ I, Великій, имп. II. 11, 19. 196, 240, 253, 268, 286, 288
Петръ II, имп. II. 207, 241.
Петръ III, имп II. 3, 5—8, 12, 15—19, 23.
Петръ Самойловичъ, II. 239.
Пиза, I. 179, 194, 195.
Пизарръ, I. 86.
Пискуповъ, О. II. 252.
Питиримъ, архіеп. Нижегор. II. 225.
Питиримъ, архимандр. Спасскаго мон. въ Казани, II. 226, 228, 240.
Плавильщиковъ, В. А. II. 88.
Платонъ, митроп. Московскій, I. 1. II. 74, 75.

Муравьевъ, Никол. Назар. II. 145, 150.
Мурзинъ, П. II. 281.
Мусатовъ, Ф. II. 258.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алекс. Ив. II. 84.
Моцартъ, I. 44.
Мѣшковъ, П. 282, 283.
Мюратъ, II. 185.
Мюссаръ, Варв. Дан. I. 65, 66.
Мясниковъ, Т. II. 251, 252, 277.
Мячковъ, II. 198.

Нагаевъ, II. 9.
Надеждинъ, Н. И. II. 29.
Найденовъ, II. 272.
Нако, I. I. 182.
Наполеонъ I, имп. I. 33, 34, 54, 56, 90, 106, 108, 131, 134, 135, 146, 147, 173. II. 104, 187.
Нартовъ, II. 140.
Нарышкина, Алдр. Льв. II. 218.
Нарышкина, Марья Ант. I. 37, 38.
Нарышкинъ, Дмитр. Льв. I. 36, 37.
Настасья, II. 314.
Наумовъ, II. 209.
Нахимовъ, II. 190.
Нащокинъ, П. Ѳ. I. 10. 11.
Непокойчицкій, I. 140.
Неранчичъ, Гавр. Дав. I. 13, 14, 16.
Неулыбинъ, Я. II. 281, 283.
Нечаевъ, Петръ. II. 252.
Нечаевъ, дворовый. II. 245.
Никифоръ, архіеп. Полтавскій, II. 69.
Николай, архимандр. II. 77.
Николай I, имп. I. 64, 94, 98, 152, 180, 185. II. 173.
Ник. Селив. II. 183.
Никольсъ, I. 68.
Новоженинъ, М. II. 281.
Новокрещеновъ, Р. II. 261, 265, 267.
Новосильцевъ, Никол. Никол. II. 97, 100, 133.
Новосильцевъ, I. 105, 108, 109, 118—122, 124, 127, 129, 130, 135—140, 142, 144, 146—151, 153, 163, 164, 167—177.
Норденъ, I. 44—47, 51—53, 55.
Носовъ, К. II. 272, 293.
Нотаръ, I. 183.
Нотка, I. 17.

Оаксъ, I. 3.
Овечкинъ, Т. II. 264.
Овчинниковъ, И. II. 272.
Озероцковскій, Н. Я., II. 79, 137.
Окенчицъ, I. 160, 166.
Оленинъ, А. II. I. 72, 75. II. 128.
Ольшевскій, I. 166.
Орда, I. 167.
Ордынскій, Кардъ, I. 153.
Ордынскій, Феликсъ, I. 153, 159, 167.
Орлова, гр-ня Анна Алекс. II. 316.
Орлова, кн-ня, Екат. Ник. I. 10, 11.
Орловъ, кн. Григ. Григ. I. 10. II. 280, 289.
Орловъ, гр. Ив. Григ. II. 272.
Орловы, графы, I. 2.
Осинскій, Л. I. 129.
Останковъ, Б. II. 216.
Остерманъ, гр. Ив. Андр. II. 90.
Оттонъ, пр. Баварскій, I. 187.
Очкинъ, А. Н. I. 71, 79.

Павелъ, іеромон. II. 78.
Павелъ I, имп. I. 26, 105. II. 47, 54, 60, 63, 177, 179, 180.
Павинскій, И. Д. II. 77.
Павловъ, С. II. 281, 293.
Пагадаевъ, П. II. 272, 279, 280, 293.
Палкина, Авд. II. 247.
Пальминъ, II. 106.
Панинъ, гр. Никита Ив. II. 309, 310.
Панинъ, гр. Петръ Ив. I. 14. II. 5. 7, 17.
Панины, графы, I. 2.
Пановъ, А. II. 258.
Паисперъ, II. 106.
Папаригопуло, С. I. 190.
Паркеръ, I. 181.
Пассекъ, П. Б. I. 26, 28.
Паскевичи, II. 95.
Паскевичъ, гр. Ив. Ѳ. I. 94. II. 94.
Пастровичи, I. 13.
Патрино, I. 194, 195, 197, 198.
Пашкевичъ, I. 151, 166.
Пеликанъ, В. I. 153, 164, 171, 172.
Песлякъ, I. 150, 166.
Перовская, М. А. I. 62.
Персонъ, II. 107.
Перука, Дм. I. 183, 187.
Перфильевъ, А. II. 282.
Петрашкевичъ, О. I. 121, 165.
Петровскій, I. 152—154.
Петровъ, Алдръ Осип., I. 45.
Петровъ, Вас. Влад. II. 79.
Петръ I, Великій, имп. II. 11, 19. 196, 240, 253, 268, 286, 288
Петръ II, имп. II. 207, 241.
Петръ III, имп II. 3, 5—8, 12, 15—19, 23.
Петръ Самойловичъ, II. 239.
Пиза, I. 179, 194, 195.
Пизарръ, I. 86.
Пискуповъ, О. II. 252.
Питиримъ, архіеп. Нижегор. II. 225.
Питиримъ, архимандр. Спасскаго мон. въ Казани, II. 226, 228, 240.
Плавильщиковъ, В. А. II. 88.
Платонъ, митроп. Московскій, I. 1. II. 74, 75.

Племянниковъ, II. 218.
Пленкъ, II. 70.
Плетневъ, Петръ Алекс. I. 87.
Плещеевъ, А. II. 233.
Плинке, I. 68.
Плишковъ, Б. II. 252, 262, 272.
Плотниковъ, Вас. II. 252.
Плотниковъ, Григ. II. 293.
Плютаръ, А. А. I. 72, 73, 99—101.
Пѣшивовъ, М. II. 279.
Подкоряшевъ, С. II. 272.
Подкоряшновъ, К. II. 252.
Пожарскій, кн. II. 77, 134.
Познякъ, Д. II. II. 148.
Позье, I. 194.
Полевой, Никол. Алекс. I. 82.
Поликарповъ, М. II. 252.
Полозовъ, II. 262.
Полоновъ, И. II. 264.
Поляновъ, М. II. 252.
Понговская, I. 172.
Пономаревъ, М. II. 266, 270, 271.
Понятовскій, кн. I. I. 106—108, 129, 131, 146, 147.
Поне, II. 88.
Поповъ, Г. П. II. 70.
Поповъ, В. С., I. 63.
Портновъ, Андр. II. 288, 289, 293.
Портновъ, Ив. II. 272, 289, 290, 293.
Потаповъ, И. II. 260, 262, 271.
Потемкинъ, гр. Пав. Серг. II. 251.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Ал. I. 2, 4, 5, 18—20, 26, 28, 63.
Потоцкій, I. 106.
Потоцкій, II. 304.
Потоцкій, Иванъ, II. 140.
Потоцкій, Стеф. I. 104, 162.
Почиталинъ, Я. II. 252, 284.
Пугачевъ, Е. II. 251, 252, 260.
Пушкаржевичъ, I. 147.
Пушкинъ, I. 30.
Пушкинъ, Ал.Серг. I. 61, 76, 80. II. 175, 250.
Пущинъ, II. 175.
Пуфъ, Ф. I. 195.
Пржибора, I. 112.
Пржибыльскій, О. I. 143.
Приваловъ, М. II. 29, 30, 32.
Прокоповичъ, Ѳ. II. 79.
Просоповичъ, И. I. 22.
Прушинскій, II. 304, 307.
Пьяненко (псевдонимъ) I. 75.
Пясецкій, К. I. 121.
Пясты. I. 147.

Раевскій, II. 231.
Разумовскій, гр. II. 64.
Разумовскій, гр. Алексѣй Кир. II. 172.
Ранневъ, II. 281.
Райко, А. Н. I. 178, 191, 195.
Райнальцъ, I. 167.
Ратчъ, В. Ѳ. I. 104.
Ремаре, I. 22.
Рейфъ, Ф. И. I. 66, 69.
Ржевскій, II. 10, 24.
Ржевскій, Юрій. II. 238.
Ржевусскій, I. 106.
Рибопьеръ, I. 182.
Ригана, Г. I. 78, 200.
Ридигеръ, I. 31.
Рикманъ, бар. I. 190, 191.
Римскій-Корсаковъ, I. 116, 117.
Робертсонъ, I. 69.
Родофиникинъ, I. 63.
Розенъ, ген.-маіоръ, I. 153.
Розенъ, бар. Ѳ. Ѳ. I. 77—80, 91.
Россини, II. 154.
Россини, I. 98.
Ростопчинъ, гр. Ѳ. В. II. 183—185.
Руанъ, бар. I. 189, 193, 194 197.
Рукевичъ, Ф. I. 119, 153, 154, 159.
Румянцевъ, Андр, II. 233.
Румянцевъ, гр. Ник. Петр. II. 140, 165.
Румянцевъ, гр. Серг. Петр. I. 2.
Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алекс. I. 3, 4, 6, 16, 17.
Рупичъ, Д. II. II. 132—134, 152.
Русаковъ, II. II. 281.
Русановъ, Ѳед. Ив. II. 7.
Русановъ, пажъ, II. 95.
Руссо, Ж. Ж. II. 97.
Руцкій, II. 305, 307.
Рѣпинъ, I. 35.
Рѣчкинъ, С. II. 293.
Рябининъ, А. II. 250.

С..., II. 117.
С.....вн, II. 118.
Савва, конфед. барскій, I. 129.
Савельевъ, В. II. 221.
Садовскій, И. I. 112.
Сажъ, (актриса, мать), I. 10.
Сажъ, (дочь) I. 10.
Сазановъ, II. II. II. 88.
Сайгаковъ, В. II. 252.
Салникевичъ, Іона, архим. II. 219, 221, 223, 239.
Салникѣевъ, Іосифъ, II. 195, 219, 221, 222, 225, 229, 231, 240.
Салтыковъ, Вас. Ѳед., кравчій. II. 206, 217.
Салтыковъ, Никол. Ив. II. 29, 32.
Салтыковъ, гр. Петръ Сем. II. 6, 13, 16, 17.
Салтыковъ, гр. Сем. Андр. II. 209, 211—213, 215, 217, 219, 223—225, 227, 229—233, 237, 239, 242, 311.
Салтыковы, княжны, II. 242.

Племянниковъ, II. 218.
Пленкъ, II. 70.
Плетневъ, Петръ Алекс. I. 87.
Плещеевъ, А. II. 233.
Плинке, I. 68.
Плишковъ, Б. II. 252, 262, 272.
Плотниковъ, Вас. II. 252.
Плотниковъ, Григ. II. 293.
Плютаръ, А. А. I. 72, 73, 99—101.
Плѣшивовъ, М. II. 279.
Подкоряшевъ, С. II. 272.
Подкоряшновъ, К. II. 252.
Пожарскій, кн. II. 77, 134.
Познякъ, Д. II. II. 148.
Позье, I. 194.
Полевой, Никол. Алекс. I. 82.
Поликарповъ, М. II. 252.
Полозовъ, II. 262.
Полоновъ, И. II. 264.
Поляновъ, М. II. 252.
Понговская, I. 172.
Пономаревъ, М. II. 266, 270, 271.
Понятовскій, кн. I. I. 106—108, 129, 131, 146, 147.
Попе, II. 88.
Поповъ, Г. П. II. 70.
Поповъ, В. С., I. 63.
Портновъ, Андр. II. 288, 289, 293.
Портновъ, Ив. II. 272, 289, 290, 293.
Потаповъ, И. II. 260, 262, 271.
Потемкинъ, гр. Пав. Серг. II. 251.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Ал. I. 2, 4, 5, 18—20, 26, 28, 63.
Потоцкій, I. 106.
Потоцкій, II. 304.
Потоцкій, Иванъ, II. 140.
Потоцкій, Стеф. I. 104, 162.
Почиталинъ, Я. II. 252, 284.
Пугачевъ, Е. II. 251, 252, 260.
Пушкаржевичъ, I. 147.
Пушкинъ, I. 30.
Пушкинъ, Ал.Серг. I. 61, 76, 80. II. 175, 250.
Пущинъ, II. 175.
Пуфъ, Ф. I. 195.
Пржибора, I. 112.
Пржибыльскій, О. I. 143.
Приваловъ, М. II. 29, 30, 32.
Прокоповичъ, Ѳ. II. 79.
Просоповичъ, И. I. 22.
Прушинскій, II. 304, 307.
Пьяненко (псевдонимъ) I. 75.
Пясецкій, К. I. 121.
Пясты. I. 147.

Раевскій, II. 231.
Разумовскій, гр. II. 64.
Разумовскій, гр. Алексѣй Кир. II. 172.
Ранневъ, II. 281.
Райко, А. Н. I. 178, 191, 195.
Райнальцъ, I. 167.
Ратчъ, В. Ѳ. I. 104.
Ремаре, I. 22.
Рейфъ, Ф. И. I. 66, 69.
Ржевскій, II. 10, 24.
Ржевскій, Юрій. II. 238.
Ржевусскій, I. 106.
Рибопьеръ, I. 182.
Ригана, Г. I. 78, 200.
Ридигеръ, I. 31.
Рикманъ, бар. I. 190, 191.
Римскій-Корсаковъ, I. 116, 117.
Робертсонъ, I. 69.
Родофиникинъ, I. 63.
Розенъ, ген.-маіоръ, I. 153.
Розенъ, бар. Ѳ. Ѳ. I. 77—80, 91.
Россини, II. 154.
Россини, I. 98.
Ростопчинъ, гр. Ѳ. В. II. 183—185.
Руанъ, бар. I. 189, 193, 194 197.
Рукевичъ, Ф. I. 119, 153, 154, 159.
Румянцевъ, Андр, II. 233.
Румянцевъ, гр. Ник. Петр. II. 140, 165.
Румянцевъ, гр. Серг. Петр. I. 2.
Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алекс. I. 3, 4, 6, 16, 17.
Рупичъ, Д. II. II. 132—134, 152.
Русаковъ, II. II. 281.
Русановъ, Ѳед. Ив. II. 7.
Русановъ, пажъ, II. 95.
Руссо, Ж. Ж. II. 97.
Руцкій, II. 305, 307.
Рѣпинъ, I. 35.
Рѣчкинъ, С. II. 293.
Рябининъ, А. II. 250.

С..., II. 117.
С.....вн, II. 118.
Савва, конфед. барскій, I. 129.
Савельевъ, В. II. 221.
Садовскій, И. I. 112.
Сажъ, (актриса, мать), I. 10.
Сажъ, (дочь) I. 10.
Сазановъ, II. II. II. 88.
Сайгаковъ, В. II. 252.
Салникевичъ, Іона, архим. II. 219, 221, 223, 239.
Салникѣевъ, Іосифъ, II. 195, 219, 221, 222, 225, 229, 231, 240.
Салтыковъ, Вас. Ѳед., кравчій. II. 206, 217.
Салтыковъ, Никол. Ив. II. 29, 32.
Салтыковъ, гр. Петръ Сем. II. 6, 13, 16, 17.
Салтыковъ, гр. Сем. Андр. II. 209, 211—213, 215, 217, 219, 223—225, 227, 229—233, 237, 239, 242, 311.
Салтыковы, княжны, II. 242.

Салтыковы, князья, II. 212.
Самборскій, А. А. II. 47, 48, 50, 52, 53.
Самодуровъ, Ив. II. 282.
Самойловъ, Ѳ. II. 231.
Самороковъ, Макс. II. 219, 222, 223, 225.
Санайловъ, И. II. 272.
Сансе, гр. I. 65.
Сапуновъ, Т. II. 252.
Сапѣга, гр. I. 19.
Сара, I. 64.
Саурау, гр. II. 52.
Сафопуло, А. I. 188.
Сахаровъ, М. С. II. 77, 86.
Свіягинъ, Ѳ. II. 289, 293.
Свѣшниковъ, И. II. 252, 253.
Севергинъ, В. I. 7.
Севрюгинъ, Т. II. 281, 290, 292, 293.
Семенова, I. 47.
Семеновъ, В. Н. I. 83.
Семьянистовъ, Ѳ. II. 251.
Сенгилеицевъ, Т. II. 281, 282.
Сенковскій, О. И. I. 73, 75, 76, 78—80, 82, 97, 99—102, 109.
Сентъ-Арно, II. 190.
Сентъ-Иллеръ, К. А. II. 315, 317.
Сенявинъ, Дм. Никол. I. 54, 55.
Сепмаріай, II. 52.
Серафимъ, митроп. II. 155.
Серебряковъ, II. II. 252.
Сестренцевичъ, митроп. II. 155, 156.
Сигизмундъ Августъ, кор. Польскій, I. 129, 130, 146.
Сиграй, II. 52.
Сидоровичъ, I. 119, 139, 149.
Силкинъ, Г. II. 293.
Сильвестръ, митроп. Казанскій, II. 219 222, 223, 225.
Симолинъ, I. 5.
Симоніани, I. 24, 27.
Симоновъ, II. 284.
Сиронваль, I. 24, 25.
Сисиніо, Г. I. 183, 192.
Ситасъ, Ф. I. 191.
Скавронская, гр-ня Марья Никол. II. 29—32, 34.
Скарвели, I. 191.
Скачковскій, К. I. 111.
Скачковъ, С. II. 262.
Скобелевъ, И. Н. I. 86—90.
Скоттъ, II. 170.
Скульскій, I. 166.
Словцовъ, П. А. II. 77, 95, 109, 136, 161, 164.
Смирдинъ, А. Ф. I. 73, 80.
Смирновъ, Гавр., II. 74.
Смирновъ, Дм. Ѳед., II. 86, 89.
Смирновъ, Меѳодій, II. 74.
Снядецкій, Андрей, I. 105.
Снядецкій, Янъ, I. 104, 105.
Собакинъ, II. 126.
Соболевскій, И. I. 121, 165.
Соболевскій, учитель. I. 150.
Соймоновъ, I. 7, 13.
Соколовскій, I. 166.
Соколовъ, Никита Петр. II. 79.
Соколовъ, Петръ Ив. II. 128, 129.
Соловцовъ, II. Г. II. 218.
Соловьевъ, II. 133.
Солтыкъ, I. 64.
Солодовниковъ, С. II. 252.
Соломко, А. Д. I. 84.
Сомовъ, О. М. I. 81, 82.
Сосновскій, I. 137.
Сохоцкій, I. 151, 166.
Сперскій, I. 160, 166.
Сперанскій, гр. Мих. Мих. II. 77, 80, 86, 95, 98, 99, 140, 141, 146—150, 152, 153, 156, 184.
Спиліотаки, I. 195.
Старниковъ, II. II. 252.
Стефановскій, Д. С. II. 71, 86, 88.
Столыпинъ, II. 184.
Стрекаловъ, II. 280.
Стровинскій, I. 167.
Строгоновъ, Григ. Дм. II. 2.
Строгоновъ, Пав. Андр. II. 97.
Строевъ, В. М. I. 71, 78, 79, 90, 101.
Стурдза, А. С. I. 189.
Струмилло, I. II. 163.
Стюартъ, II. 97.
Суворовъ-Рымникскій, кн. А. В. I. 105. II. 48.
Судовниковъ, II. 241.
Сунтинъ, М. II. 257—263 268, 270—272, 275, 276, 279.
Сузинъ, Адамъ, I. 123, 165.
Сутерландъ, I. 16.
Суходольскій, I. 159.
Суходольскіе, I. 167.
Сѣровъ, Никол. Ив. II. 315, 317.
Сѣтчиковъ, И. II. 272, 289, 290, 292, 293.

Таликовъ, Ѳ. II. 251.
Талызинъ, II. 174.
Талызинъ, Александръ Ѳед. I. 10.
Тамбовцевъ, Ив. II. 279.
Тамбовцевъ, Петръ. II. 263, 266—268, 270, 286, 288, 292.
Таракановъ, А. II. 233.
Твердовскій, I. 113, 116, 136, 149.
Тереза, имп. Австрійская, II. 51, 55.
Тереховскій, М. М. II. 79.
Теряевъ, А. проф., II. 133.
Теряевъ, И. I. 133.
Тиммъ, I. 65.
Тирша, I. 187.
Тихоновъ, Г. II., 29.

Салтыковы, князья, II. 212.
Самборскій, А. А. II. 47, 48, 50, 52, 53.
Самодуровъ, Ив. II. 282.
Самойловъ, Ѳ. II. 231.
Самороковъ, Макс. II. 219, 222, 223, 225.
Санайловъ, И. II. 272.
Сансе, гр. I. 65.
Сапуновъ, Т. II. 252.
Сапѣга, гр. I. 19.
Сара, I. 64.
Саурау, гр. II. 52.
Сафопуло, А. I. 188.
Сахаровъ, М. С. II. 77, 86.
Свіягинъ, Ѳ. II. 289, 293.
Свѣшниковъ, И. II. 252, 253.
Севергинъ, В. I. 7.
Севрюгинъ, Т. II. 281, 290, 292, 293.
Семенова, I. 47.
Семеновъ, В. Н. I. 83.
Семьянистовъ, Ѳ. II. 251.
Сенгилеицевъ, Т. II. 281, 282.
Сенковскій, О. И. I. 73, 75, 76, 78—80, 82, 97, 99—102, 109.
Сентъ-Арно, II. 190.
Сентъ-Иллеръ, К. А. II. 315, 317.
Сенявинъ, Дм. Никол. I. 54, 55.
Сепмаріай, II. 52.
Серафимъ, митроп. II. 155.
Серебряковъ, II. II. 252.
Сестренцевичъ, митроп. II. 155, 156.
Сигизмундъ Августъ, кор. Польскій, I. 129, 130, 146.
Сиграй, II. 52.
Сидоровичъ, I. 119, 139, 149.
Силкинъ, Г. II. 293.
Сильвестръ, митроп. Казанскій, II. 219 222, 223, 225.
Симолинъ, I. 5.
Симоніани, I. 24, 27.
Симоновъ, II. 284.
Сиронваль, I. 24, 25.
Сисиніо, Г. I. 183, 192.
Ситасъ, Ф. I. 191.
Скавронская, гр-ня Марья Никол. II. 29—32, 34.
Скарвели, I. 191.
Скачковскій, К. I. 111.
Скачковъ, С. II. 262.
Скобелевъ, И. Н. I. 86—90.
Скоттъ, II. 170.
Скульскій, I. 166.
Словцовъ, П. А. II. 77, 95, 109, 136, 161, 164.
Смирдинъ, А. Ф. I. 73, 80.
Смирновъ, Гавр., II. 74.
Смирновъ, Дм. Ѳед., II. 86, 89.
Смирновъ, Меѳодій, II. 74.
Снядецкій, Андрей, I. 105.
Снядецкій, Янъ, I. 104, 105.
Собакинъ, II. 126.
Соболевскій, И. I. 121, 165.
Соболевскій, учитель. I. 150.
Соймоновъ, I. 7, 13.
Соколовскій, I. 166.
Соколовъ, Никита Петр. II. 79.
Соколовъ, Петръ Ив. II. 128, 129.
Соловцовъ, II. Г. II. 218.
Соловьевъ, II. 133.
Солтыкъ, I. 64.
Солодовниковъ, С. II. 252.
Соломко, А. Д. I. 84.
Сомовъ, О. М. I. 81, 82.
Сосновскій, I. 137.
Соховскій, I. 151, 166.
Сперскій, I. 160, 166.
Сперанскій, гр. Мих. Мих. II. 77, 80, 86, 95, 98, 99, 140, 141, 146—150, 152, 153, 156, 184.
Спиліотаки, I. 195.
Старниковъ, II. II. 252.
Стефановскій, Д. С. II. 71, 86, 88.
Столыпинъ, II. 184.
Стрекаловъ, II. 280.
Строгановъ, Григ. Дм. II. 2.
Строгановъ, Пав. Андр. II. 97.
Строевъ, В. М. I. 71, 78, 79, 90, 101.
Стурдза, А. С. I. 189.
Струмилло, I. II. 163.
Стюартъ, II. 97.
Суворовъ-Рымникскій, кн. А. В. I. 105. II. 48.
Судовниковъ, II. 241.
Сунгинъ, М. II. 257—263 268, 270—272, 275, 276, 279.
Сузинъ, Адамъ, I. 123, 165.
Сутерландъ, I. 16.
Суходольскій, I. 159.
Суходольскіе, I. 167.
Сѣровъ, Никол. Ив. II. 315, 317.
Сѣтчиковъ, И. II. 272, 289, 290, 292, 293.

Таликовъ, Ѳ. II. 251.
Талызинъ, II. 174.
Талызинъ, Александръ Ѳед. I. 10.
Тамбовцевъ, Ив. II. 279.
Тамбовцевъ, Петръ. II. 263, 266—268, 270, 286, 288, 292.
Таракановъ, А. II. 233.
Твердовскій, I. 113, 116, 136, 149.
Тереза, имп. Австрійская, II. 51, 55.
Тереховскій, М. М. II. 79.
Теряевъ, А. проф., II. 133.
Теряевъ, И. I. 133.
Тиммъ, I. 65.
Тирша, I. 187.
Тихоновъ, Г. II., 29.

Тихонъ, митроп. Казанскій, II. 239, 240.
Тишинъ, В. II. 222.
Толкачевъ, С. II. 272, 274, 275, 289, 293.
Толкачевы, II. 273.
Толстой, гр. Петръ Андр., II. 183, 186.
Томбази, I. 185.
Тормасовъ, II. 183.
Траубенбергъ, фонъ, II. 271, 272, 274—277, 279, 281, 284.
Трикупи, I. 186, 193.
Трифановъ, В. II. 281, 282, 293.
Трофимовичъ, I. 111.
Трубецкой, кн. Вас. Никит., I. 10.
Трубецкой, кн. Ник. Юр., II. 12.
Тугутъ, II. 51, 52.
Тумскій, II. 79.
Тургеневъ, А. И. II. 104, 105.
Турретинъ, II. 79.
Турнефортъ, II. 107, 120.
Турчениновъ, II. 235.
Тутикъ, I. 25.
Тутолминъ, I. 32.

Уваровъ, гр. С. С. II. 127.
Угличкій, А. II. 260, 281.
Угричъ-Трембинскій. I. 153, 154, 160.
Удино, II. 183.
Ульяновъ, М. II, 289.
Успенскій, М. II. 252.
Урсинъ-Нѣмцевичъ, I. 105, 127.
Урусовъ, кн. Григ. Ав. II. 226, 227, 232, 233, 237, 238, 243.
Уцміевъ, кн., I. 99.

Фалерій, Дм. II. 87.
Фарони, Зала и К°, I. 27.
Ферморъ, гр., II. 16.
Фигляринъ, (псевдонимъ), I. 76.
Фитингофъ, бар., II. 106.
Фовье, I. 179.
Фомичихинъ, С. II. 293.
Фонъ-Визинъ, Д. И. I. 14.
Фофановъ, II. II. 293.
Францъ II, имп. Австр., II. 51, 55.
Фрейманъ, II. 281—284.
Фридрихъ II, Прусскій кор., I. 13. II. 6—8, 20, 22.
Фризе, I. 166.
Фроловъ, Ив. II. 30, 31, 33, 35.
Фроловъ, Яковъ, II. 31.
Фотій, II. 316.
Фусъ, Ник. Ив. II. 102.

Ханъ-Гирей, I. 94—99.
Харчевъ, Никита, II. 272.
Харчевъ, Петръ, II. 252.
Хатовъ, А. И. I. 33.
Хвостовъ, Григ. II. 236, 238.
Хованскій, кн., I. 112, 169, 170.
Ходанй, I. 160, 161.
Ходинъ, Ермолай, II. 293.
Ходинъ, Яковъ, II. 281, 284, 293.
Ходзько, I. 109, 133, 176.
Хомутовъ, II. 237.
Хопчинскій, I. 134.
Хормовити, I. 190.
Хоткевичи, I. 5.
Хохловъ, II. 235.
Храмовъ, К. II. 293.
Храповицкій, А. В. I. 32.
Храповицкій, домовл. I. 150.
Хребтовичъ, I. 104.
Хржоновскій, I. 106, 130, 132.
Хрулевъ, Степ. А. II. 192—194.

Цахарій, II. 88.
Циммерманъ, II. 77.
Цѣхоновскій, I. 166.

Чайковскій, I. 160, 166.
Чалусовъ, М. II. 252.
Чапроцкій, I. 111.
Чарторыйскій, кн. Ад. Г. I. 3, 103, 105, 106, 109, 113—116, 118, 169, 177.
Чарторыйскіе, князья, I. 5, 103.
Чацкій, Ѳ. I. 104, 127.
Чеботаревъ, М. II. 272, 290, 293.
Черкасская, княгиня Марья Юрьевна, II. 217, 288.
Черкасскій, кн. Алекс. Мих. II. 209, 211, 221, 238.
Чемевъ, Е. II. 272, 293.
Чемодуровъ, II. 231.
Череповъ, II. 263—266, 277.
Черноморсковъ, Б. II. 252.
Черновъ, С. И. II. 244—247.
Чернышевъ, кн. I. 78.
Чернышевъ, Вас. II. 252.
Чернышевъ, гр. Зах. Гр. I. 7, 8, 22, 25, 26, 78. II. 3, 4, 6, 7, 23—27, 280, 286, 287.
Чернышевъ-Кругликовъ, гр. Н. И. II. 24.
Чернышевы, графы, II. 24.
Чебышевъ, II. 266, 267, 273.
Чертихинъ, О. II. 252.
Чеховскій, I. 166.
Чечотъ, Я. I. 121, 124, 129, 130, 136, 165.
Чигапахаевъ, С. II. 273.
Чагановъ, С. II. 272.
Чичаговъ, II. 183.
Чигнаховъ, А. II. 251.
Чорчь, I. 179.
Чрепатовъ, II. 276.
Чудовскій, II. 83, 84.

Тихонъ, митроп. Казанскій, II. 239, 240.
Тишинъ, В. II. 222.
Толкачевъ, С. II. 272, 274, 275, 289, 293.
Толкачевы, II. 273.
Толстой, гр. Петръ Андр., II. 183, 186.
Томбази, I. 185.
Тормасовъ, II. 183.
Траубенбергъ, фонъ, II. 271, 272, 274—277, 279, 281, 284.
Трикупи, I. 186, 193.
Трифановъ, В. II. 281, 282, 293.
Трофимовичъ, I. 111.
Трубецкой, кн. Вас. Никит., I. 10.
Трубецкой, кн. Ник. Юр., II. 12.
Тугутъ, II. 51, 52.
Тумскій, II. 79.
Тургеневъ, А. И. II. 104, 105.
Турретинъ, II. 79.
Турнефортъ, II. 107, 120.
Турчениновъ, II. 235.
Тутикъ, I. 25.
Тутолминъ, I. 32.

Уваровъ, гр. С. С. II. 127.
Угличкій, А. II. 260, 281.
Угричъ-Трембинскій. I. 153, 154, 160.
Удино, II. 183.
Ульяновъ, М. II, 289.
Успенскій, М. II. 252.
Урсинъ-Нѣмцевичъ, I. 105, 127.
Урусовъ, кн. Григ. Ав. II. 226, 227, 232, 233, 237, 238, 243.
Уцміевъ, кн., I. 99.

Фалерій, Дм. II. 87.
Фарони, Зала и К°, I. 27.
Ферморъ, гр., II. 16.
Фигляринъ, (псевдонимъ), I. 76.
Фитингофъ, бар., II. 106.
Фовье, I. 179.
Фомичихинъ, С. II. 293.
Фонъ-Визинъ, Д. И. I. 14.
Фофановъ, II. II. 293.
Францъ II, имп. Австр., II. 51, 55.
Фрейманъ, II. 281—284.
Фридрихъ II, Прусскій кор., I. 13. II. 6—8, 20, 22.
Фризе, I. 166.
Фроловъ, Ив. II. 30, 31, 33, 35.
Фроловъ, Яковъ, II. 31.
Фотій, II. 316.
Фусъ, Ник. Ив. II. 102.

Ханъ-Гирей, I. 94—99.
Харчевъ, Никита, II. 272.
Харчевъ, Петръ, II. 252.
Хатовъ, А. И. I. 33.
Хвостовъ, Григ. II. 236, 238.
Хованскій, кн., I. 112, 169, 170.
Ходанй, I. 160, 161.
Ходинъ, Ермолай, II. 293.
Ходинъ, Яковъ, II. 281, 284, 293.
Ходзько, I. 109, 133, 176.
Хомутовъ, II. 237.
Хопчинскій, I. 134.
Хормовити, I. 190.
Хоткевичи, I. 5.
Хохловъ, II. 235.
Храмовъ, К. II. 293.
Храповицкій, А. В. I. 32.
Храповицкій, домовл. I. 150.
Хребтовичъ, I. 104.
Хржоновскій, I. 106, 130, 132.
Хрулевъ, Степ. А. II. 192—194.

Цахарій, II. 88.
Циммерманъ, II. 77.
Цѣхоновскій, I. 166.

Чайковскій, I. 160, 166.
Чалусовъ, М. II. 252.
Чапроцкій, I. 111.
Чарторыйскій, кн. Ад. Г. I. 3, 103, 105, 106, 109, 113—116, 118, 169, 177.
Чарторыйскіе, князья, I. 5, 103.
Чацкій, Ѳ. I. 104, 127.
Чеботаревъ, М. II. 272, 290, 293.
Черкасская, княгиня Марья Юрьевна, II. 217, 288.
Черкасскій, кн. Алекс. Мих. II. 209, 211, 221, 238.
Чемевъ, Е. II. 272, 293.
Чемодуровъ, II. 231.
Череповъ, II. 263—266, 277.
Черноморсковъ, Б. II. 252.
Черновъ, С. И. II. 244—247.
Чернышевъ, кн. I. 78.
Чернышевъ, Вас. II. 252.
Чернышевъ, гр. Зах. Гр. I. 7, 8, 22, 25, 26, 78. II. 3, 4, 6, 7, 23—27, 280, 286, 287.
Чернышевъ-Кругликовъ, гр. Н. И. II. 24.
Чернышевы, графы, II. 24.
Чебышевъ, II. 266, 267, 273.
Чертихинъ, О. II. 252.
Чеховскій, I. 166.
Чечотъ, Я. I. 121, 124, 129, 130, 136, 165.
Чигапахаевъ, С. II. 273.
Чагановъ, С. II. 272.
Чичаговъ, II. 183.
Чигнаховъ, А. II. 251.
Чорчь, I. 179.
Чрепатовъ, II. 276.
Чудовскій, II. 83, 84.

Шабо, бар. II. 315. 317.
Шапошниковъ, Л. II. 272, 293.
Шаршановскій, II. 17.
Шатобріанъ, II. 97.
Шафарикъ, I. 91.
Шафировъ, бар. II. 233.
Шаховской, кн. Алексѣй Ив. II. 233.
Шварцъ, II. 191.
Швейгейзеръ, II. 140.
Шекспиръ, В. I. 69.
Шепелевъ, II. 193, 194.
Шереметьевъ, гр. Бор. Петр. II. 288.
Шешковскій, II. 29, 35.
Шигаевъ М. II. 251, 252, 275—281, 284.
Шиловъ, А. И. II. 29, 37.
Шиловъ, Ив. П. II. 29—33.
Шиллеръ, I. 77.
Шишкинъ, I. II. II. 195.
Шишковъ, Ал-дръ Сем. II. 127, 161, 163.
Шкультецкій, I. 139.
Шлегевскій, Д. I. 143, 145, 166.
Шлегель, I. 166.
Шлыковъ, I. 118, 139, 172.
Шолковичъ, С. I. 177.
Штейбенъ, II. 8.
Штейнгель, гр. I. 35, 36.
Штейнъ, II. 158.
Штиглицъ, бар. I. 68.
Шторхъ, II. 100.
Шубинъ, Алексѣй, II. 318, 319.
Шуваловъ, II. 209.
Шукевичъ, I. 173, 174.
Шульгинъ, И. П. I. 87—89. II. 29.
Шумахъ, I. 29.
Шумовичъ, I. 166.
Щербатовъ, кн. II. 91.
Щукинъ, Е. II. 252.

Эбелингъ, II. 56.
Эйсмонтъ, I. 167.
Эйхлеръ, I. 143—145.
Экономидъ, К. II. 108.
Эльвингъ, I. 14.
Энг...., II. 118.
Энгельгардтъ, дѣвица, I. 15.
Энгельгардтъ, Левъ Никол. I. 6, 8, 13, 14, 16, 18—20, 28, 32.
Энгельгардтъ, Ник. Богд. I. 19.
Энтцъ, I. 129.
Эссенъ, гр. II. 106.

Ю — чъ, П. И. I. 71, 79.
Юндзилъ, I. 136.
Юсуповъ, кн. I. 70.

Яблонскій, II. В. II. 92, 93.
Ягужинскій, Пав. Ив. II. 207, 238.
Яковлевъ, трагикъ, I. 47, 79. II. 80.
Яковлевъ, ученикъ, I. 111.
Ялововъ, И. II. 252.
Ямановъ, II. 252.
Яневичъ, А. I. 153, 166.
Яненко, I. 76, 77, 79.
Янковскій, I. 143.
Янковскій, Иванъ, I. 107, 118, 120, 130, 140, 143—145, 165.
Яновскій, I. II. 69.
Янчевскій, I. 150, 151, 156.
Яцко, I. 167.

Ѳедоровъ, О. П. 260, 261.
Ѳедоръ Поликарповичъ, II. 1.
Ѳедосѣевъ, Иванъ, II. 252.
Ѳедосѣевъ, Тимофей, II. 252.
Ѳедотовъ, А. II. 252.
Ѳеофанъ, митрополитъ и экзархъ Грузіи, II. 77.

Шабо, бар. II. 315. 317.
Шапошниковъ, Л. II. 272, 293.
Шаршановскій, II. 17.
Шатобріанъ, II. 97.
Шафарикъ, I. 91.
Шафировъ, бар. II. 233.
Шаховской, кн. Алексѣй Ив. II. 233.
Шварцъ, II. 191.
Швейгейзеръ, II. 140.
Шекспиръ, В. I. 69.
Шепелевъ, II. 193, 194.
Шереметьевъ, гр. Бор. Петр. II. 288.
Шешковскій, II. 29, 35.
Шигаевъ М. II. 251, 252, 275—281, 284.
Шиловъ, А. И. II. 29, 37.
Шиловъ, Ив. П. II. 29—33.
Шиллеръ, I. 77.
Шишкинъ, I. II. II. 195.
Шишковъ, Ал-дръ Сем. II. 127, 161, 163.
Шкультецкій, I. 139.
Шлегевскій, Д. I. 143, 145, 166.
Шлегель, I. 166.
Шлыковъ, I. 118, 139, 172.
Шолковичъ, С. I. 177.
Штейбенъ, II. 8.
Штейнгель, гр. I. 35, 36.
Штейнъ, II. 158.
Штиглицъ, бар. I. 68.
Шторхъ, II. 100.
Шубинъ, Алексѣй, II. 318, 319.
Шуваловъ, II. 209.
Шукевичъ, I. 173, 174.
Шульгинъ, И. П. I. 87—89. II. 29.
Шумахъ, I. 29.
Шумовичъ, I. 166.
Щербатовъ, кн. II. 91.
Щукинъ, Е. II. 252.

Эбелингъ, II. 56.
Эйсмонтъ, I. 167.
Эйхлеръ, I. 143—145.
Экономидъ, К. II. 108.
Эльвингъ, I. 14.
Энг...., II. 118.
Энгельгардтъ, дѣвица, I. 15.
Энгельгардтъ, Левъ Никол. I. 6, 8, 13, 14, 16, 18—20, 28, 32.
Энгельгардтъ, Ник. Богд. I. 19.
Энтцъ, I. 129.
Эссенъ, гр. II. 106.

Ю — чъ, П. И. I. 71, 79.
Юндзилъ, I. 136.
Юсуповъ, кн. I. 70.

Яблонскій, II. В. II. 92, 93.
Ягужинскій, Пав. Ив. II. 207, 238.
Яковлевъ, трагикъ, I. 47, 79. II. 80.
Яковлевъ, ученикъ, I. 111.
Ялововъ, И. II. 252.
Ямановъ, II. 252.
Яневичъ, А. I. 153, 166.
Яненко, I. 76, 77, 79.
Янковскій, I. 143.
Янковскій, Иванъ, I. 107, 118, 120, 130, 140, 143—145, 165.
Яновскій, I. II. 69.
Янчевскій, I. 150, 151, 156.
Яцко, I. 167.

Ѳедоровъ, О. II. 260, 261.
Ѳедоръ Поликарповичъ, II. 1.
Ѳедосѣевъ, Иванъ, II. 252.
Ѳедосѣевъ, Тимофей, II. 252.
Ѳедотовъ, А. II. 252.
Ѳеофанъ, митрополитъ и экзархъ Грузіи, II. 77.

2007053574

2007053574